3 1761 08821006 7

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso08mami

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

# Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

## ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

163cv

**ТОМЪ ВОСЬМОЙ**

(V 8)

494383

7. 7. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

# ОБЩІЙ ЛЮБИМЕЦЪ ПУБЛИКИ.

Романъ.

## I.

Горничная Дуня выскочила въ переднюю на звонокъ и, придерживая ручку двери, только слегка ее пріотворила.

— Николай Сергѣичъ здѣсь?— спрашивалъ пожилой господинъ, одѣтый по-купечески. — Матовъ, Николай Сергѣичъ...

— Никакого тутъ Николая Сергѣевича нѣтъ,— довольно грубо отвѣтила горничная, не выпуская дверной ручки. — Да вы отъ кого?

— Я-то? А я, значитъ, самъ отъ себя...

— Здѣсь живетъ Иванъ Григорьевичъ Войводъ, а не Матовъ.

— Ахъ, ты, стрекоза трухмальная... А ежели Николай Сергѣичъ за мной присылали? Да и Иванъ Григорьевичъ будутъ весьма рады... Понимаешь: гость. Да отвори же дверь-то!..

Онъ воспользовался нерѣшительностью горничной и плечомъ протиснулся въ дверь. Горничная съ испугомъ уперлась ему руками въ грудь, напрасно стараясь вытолкнуть назадъ.

— Да куда вы лѣзете, въ самомъ дѣлѣ! Дайте хоть доложить...

— И доложить успѣешь... Артемій Асафычъ Гущинъ. Понимаешь?

Снимая пальто, онъ подмигнулъ горничной и прибавилъ:

— Это другихъ протчихъ не велѣно пущать, а я, понимаешь, вездѣ дорогой гость... И всѣ меня превосходно любятъ, потому какъ я есть добрый человѣкъ.

Болтая съ горничной, гость бережно положилъ свой картузъ на окно, пригладилъ рукой прилизанные волосы, скрывавшіе начинавшуюся лысину, поправилъ черную шелковую косынку, которой туго была замотана шея, и направился прямо въ гостиную.

— Ну, ужъ извините: туда нельзя... Дайте барину доложить.

Но гость уже вошелъ въ гостиную, оглядѣлъ внимательно всю обстановку и дѣловымъ тономъ проговорилъ:

— А сколько за квартиру-то платите, стрекоза?

— Отстаньте, пожалуйста... Ну, семьсотъ рублей.

— Семьсо-отъ? Дорогонько, красавица. Денегъ, видно, у васъ много лишнихъ. Бываютъ такія деньги, которыя, значитъ, у господъ пѣтухами поютъ... Ну, а небиль, тово, получше бы надо, потому какъ видимость первое дѣло.

— Послушайте, вамъ-то какое дѣло? Вотъ еще человѣкъ навязался!

— Сказано тебѣ: гость.

Гущинъ присѣлъ на стулъ у самой двери, вытеръ лицо бумажнымъ синимъ платкомъ и опять подмигнулъ, любуясь хорошенькой дѣвушкой, которая рѣшительно не знала, что̀ ей съ нимъ дѣлать.

— А вотъ я назвать-то тебя и не умѣю,—добродушно проговорилъ онъ.

— Прежде Дуней звали...

— А я думалъ — Машей... хе-хе!.. Дуни бываютъ тонкія да высокія, а ты какъ огурчикъ. Эта дверь-то въ столовую?

— И не въ столовую, а къ барынѣ...

— Значитъ, эта, направо которая, въ столовую?

— Опять не въ столовую, а въ кабинетъ къ барину...

— Такъ, такъ, умница... А ты посмотри на меня, Дунюшка, да хорошенько посмотри, — прямо на лицѣ написано, что добрый я человѣкъ. Я-то добренькій старичокъ, а ты дѣвушка молоденькая, зубки у тебя востренькія. А вотъ тебѣ и на орѣшки.

Горничная, когда онъ досталъ изъ кармана деньги, спрятала руки назадъ и не безъ достоинства проговорила:

— Покорно благодарю, у насъ своихъ достаточно...

Эта сцена была прервана появившимся въ дверяхъ кабинета старикомъ-лакеемъ. Онъ посмотрѣлъ своими подслѣповатыми глазами на гостя и прямо подошелъ къ нему.

— Пожалуйте лучше мнѣ, Артемій Асафычъ... А она совсѣмъ еще глупая и ничего не понимаетъ въ деликатномъ обращеніи.

— А ты что̀ есть за человѣкъ?— спрашивалъ гость, пряча деньги въ жилетный карманъ.

— Артемій Асафычъ, неужели не узнали? Маркъ... значитъ, человѣкомъ состою при Иванѣ Григорьевичѣ.

— Ахъ, ты, кошка тебя залягай... Какъ же, знаю.

Горничная отодвинулась и, шелестя крахмальной юбкой, ушла въ столовую. Гущинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, покачалъ головой и проговорилъ, суживая глаза:

— Вотъ такъ игрушка... хе-хе! А ты за ней тово, Маркъ... старый конь борозды не портитъ.

— Весьма даже ухаживаю, Артемій Асафычъ, потому какъ есть моя собственная дочь. Въ самую точку, значитъ...

— Такъ-съ, случается...

— Вы давайте мнѣ деньги-то, Артемій Асафычъ, а я ужъ, значитъ, ей и предоставлю ихъ.

— Погоди... Ишь какъ ускорился! Твоя рѣчь еще впереди, старче, въ нѣкоторое время ты мнѣ еще пригодишься.

Въ пріотворенную дверь кабинета доносились отрывистые голоса: „Дама... бита“. „Уголъ... моя“. „Продолжать, господа?“. „Мечите до конца талію...“. Гущинъ, прислушиваясь, шопотомъ замѣтилъ:

— Второй день жарятъ?

Маркъ оглянулся на дверь кабинета и отвѣтилъ тоже шопотомъ:

— Бережецкаго, Игнатія Борисыча, разыгрываютъ.

— Но-о?

— Вѣрно-съ... Только вотъ Николай Сергѣичъ весьма мѣшаютъ нашему барину, а то давно бы крышка. Просты Николай-то Сергѣичъ и прямо въ огонь головой лѣзутъ...

— Охъ, какъ простъ!.. За мной присылалъ своего кучера, а Ольга Ивановна, значитъ, жена, удавить меня хочетъ...

Изъ кабинета уже нѣсколько разъ слышался хозяйскій голосъ: „Маркъ, Маркъ!“, но старый, вѣрный слуга только встряхивалъ головой и говорилъ: „Ничего, подождутъ... Не на пожаръ бѣжать!“. Въ видѣ оправданія, онъ нѣсколько разъ порывался итти и оставался.

— Такъ вотъ что̀, милъ-сердечный другъ,— говорилъ Гущинъ, вынимая изъ бумажника рублевую бумажку. — Видишь это?

— Оченно превосходно, Артемій Асафычъ... Бѣдный я человѣкъ...

— Подожди, твоя рѣчь впереди. Вотъ это рупь.

— Такъ точно-съ...

— А рупь все одно, что̀ и тыща — да. Потому самому, что не рука къ деньгамъ, а деньги къ рукамъ. Понялъ? Другого непривычнаго человѣка можно просто ушибить рублемъ-то... Такъ вотъ на̀, получай, а въ нѣкоторое время пригодишься.

— Ужъ вотъ какъ буду стараться, Артемій Асафычъ,—бормоталъ Маркъ, торопливо засовывая бумажку въ карманъ. — Извините, сударь, мнѣ сейчасъ некогда... Вамъ прикажете Николая Сергѣича вызвать?

— Ничего, я подожду. Наше дѣло не къ спѣху...

Маркъ разбитой, старческой походкой торопливо убѣжалъ въ столовую, а Гущинъ принялся разсматривать обстановку, шевеля губами и что-то прикидывая въ умѣ. Онъ опять покачалъ головой. Что̀ же, мебель хоть и крыта шелковой матеріей, а, навѣрно, взята на прокатъ. И вся остальная треньбрень: какія-то вазы, мраморный идолишко въ углу, альбомы на каждомъ столикѣ,— ну, въ чему все это нагорожено, ежели разобрать? Такъ, одна модель... А стань продавать, такъ и половины цѣны не выручишь.

„Шальныя деньги-то, вотъ и мудрятъ, — уже вслухъ думалъ Гущинъ, поправляя свою косынку.—А ужъ кто картамъ подверженъ, такъ тутъ никакихъ денегъ не хватитъ... Вонъ давеча какъ Ольга-то Ивановна накинулась. „Ты и такой, ты и сякой, ты и деньги травишь Николаю Сергѣичу...“ Ну, какой это фасонъ? Какой это человѣкъ будетъ деньги травить? Конечно, случается, что и выручишь Николая Сергѣича, такъ вѣдь только единственно по добротѣ души...“

Мысль объ Ольгѣ Ивановнѣ замѣтно удручала Гущина, и онъ даже фукалъ носомъ, какъ котъ, на котораго брызнули холодной водой. „Охъ, деньги, деньги... Взять хоть того же человѣка Марка—за рупь отца роднаго продастъ“.

— А мы ему затравку на всякій случай сдѣлали... хе-хе! Какъ онъ за рупь-то уцѣпился... Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

Во время этихъ размышленій человѣкъ Маркъ нѣсколько разъ проходилъ черезъ гостиную, то съ сельтерской водой, то съ сигарнымъ ящикомъ, то съ бутылкой краснаго вина. Онъ покровительственно улыбался гостю и шопотомъ сообщалъ:

— Сейчасъ Галстунина разыгрываемъ... Только перья летятъ! Иванъ Григорьичъ мечутъ-съ, а Галстунинъ рѣжется... Прикажете Николая Сергѣича вызвать?

— Нѣтъ, нѣтъ... — торопливо отвѣтилъ Гущинъ, отмахиваясь обѣими руками. — Ежели они позабудутъ меня, такъ и лучше того. Ничего, я и здѣсь посижу...

## II.

Было уже часовъ пять вечера. Начинало темнѣть. Короткій зимній день кончался тускло и сѣро, какъ, измучившись, засыпаетъ больной человѣкъ.

Горничная Дуня зажгла стѣнныя лампы, оправила сбившуюся на столѣ скатерть, переложила альбомы и больше не обращала на гостя никакого вниманія, какъ на стоявшаго въ углу мраморнаго амура. Гущинъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно и нѣсколько разъ чуть-чуть не заснулъ. Изъ дремоты его выводило только приглашающее звяканье тарелокъ въ столовой. Очевидно, Дуня приготовляла все къ обѣду.

„А хорошо бы перекусить...—думалъ старикъ, зѣвая и крестя ротъ.— Господа хорошо кушаютъ, а у Ивана Григорьича собственный поваръ изъ Расеи вывезенъ... Балычку... икорки... разварную стерлядку...“

На этихъ грѣшныхъ мысляхъ онъ точно былъ пойманъ Маркомъ. Старый господскій слуга подкрался къ нему своей шмыгающей походкой и шепнулъ:

— А вы тово, Артемій Асафычъ... Баринъ, какъ выйдутъ, непремѣнно будутъ приглашать васъ къ столу... у нихъ ужъ такая повадка... А вы не соглашайтесь. Да... Это по-господски называется простая вѣжливость...

— Вотъ тебѣ фунтъ!.. А я-то тово.. гм...

— Вамъ же добра желаю... У нихъ своя компанія, а вамъ не рука-съ. Потомъ васъ же осудятъ.

— Покорно благодаримъ на добромъ словѣ... Что же, я могу по тротувару походить, пока они обѣдаютъ. Я дома перекусилъ.

— Вотъ, вотъ... А то на куфнѣ можно перехватить. У насъ на этотъ счетъ даже очень свободно и никакого стѣсненія въ провизіи...

— Ну, въ кухню-то я, братъ, не пойду... Тоже купецъ третьей гильдіи называюсь... Низко мнѣ это... Я ужъ лучше по тротувару, будто для воздуху.

Изъ этого неловкаго положенія гость былъ выведенъ появившимся въ дверяхъ кабинета хозяиномъ. Это былъ высокій, представительный старикъ барской складки. Окладистая, холеная сѣдая борода съ какимъ-то щегольствомъ выдѣлялась на черномъ фонѣ чернаго бархатнаго пиджака.

— А, это вы, Артемій Асафычъ...—заговорилъ онъ красивымъ груднымъ голосомъ, протягивая холеную, барскую руку съ солитеромъ на мизинцѣ.— Что же это вы здѣсь сидите?

— Да такъ-съ, Иванъ Григорьичъ... потому какъ Николай Сергѣичъ изволили прислать за мной. Ничего-съ, время терпитъ... Не на свадьбу торопиться.

— Такъ, такъ...— улыбаясь одними глазами и хлопая по плечу гостя, говорилъ Войводъ. — Николаю Сергѣичу сегодня везетъ, и, кажется, онъ обойдется безъ васъ.

— И отлично-съ... А то я ужъ отъ Ольги Ивановны впередъ всяческую мораль получилъ. Можно сказать, одно звѣрство.

— Отъ женщинъ нужно принимать все, Артемій Асафычъ, какъ принимаемъ погоду: сегодня дождь, а завтра и солнышко можетъ выглянуть.

— Это точно-съ, Иванъ Григорьичъ. Слабый сосудъ-съ...

— А гдѣ же дамы? — обратился Войводъ къ Марку.— Ступай, скажи, что мы кончили. А вы, Артемій Асафычъ, надѣюсь, пообѣдаете съ нами?

— Нѣтъ, ужъ увольте, Иванъ Григорьичъ. Я, тово, дома закусилъ.

— А если я не отпущу? Палка на палку нехорошо, а обѣдъ на обѣдъ ничего...

— Знаете, Иванъ Григорьичъ, необычно мнѣ съ господами...

— Пустяки! И слышать ничего не хочу... Знаете поговорку: въ гостяхъ воля хозяйская. Да вонъ и жена идетъ. Вѣрочка, пожалуйста, не отпускай этого благочестиваго старца. Онъ останется у насъ обѣдать. Рекомендую: Артемій Асафычъ Гущинъ, купецъ третьей гильдіи.

— Купеческій братъ-съ, Иванъ Григорьичъ, — поправилъ Гущинъ, застегивая свой длиннополый сюртукъ.

Вѣра Николаевна, высокая, молодая и красивая женщина съ большими сѣрыми глазами, равнодушно протянула гостю свою маленькую ручку и еще болѣе равнодушно проговорила:

— Очень рада, очень...

За ней шла полная и румяная дѣвушка съ вздернутымъ носикомъ и смѣшливыми черными глазами. Она фамильярно поздоровалась съ Гущинымъ и бойко заговорила:

— А, богатенькій, добренькій старичокъ, здравствуйте!.. Вѣра Васильевна, онъ замѣчательный человѣкъ въ трехъ отношеніяхъ: во первыхъ, дядя жены Матова, во-вторыхъ, даетъ деньги подъ большіе проценты, и въ-третьихъ, когда у него будетъ милліонъ, женится на мнѣ.

— Шутить изволите, сударыня...— отвѣтилъ Гущинъ, осклабляясь. — Конечно, я добрый человѣкъ, Вѣра Васильевна, и образованные люди меня не обѣгаютъ, а что касается Ольги Ивановны, такъ она, дѣйствительно, родной племянницей мнѣ приходится... да-съ!

— Очень рада,— проговорила Вѣра Васильевна, точно стараясь что-то припомнить. — Да, вотъ что... Я все собираюсь пріѣхать къ Ольгѣ Ивановнѣ съ визитомъ, но все какъ-то не удается.

— Не стоитъ и ѣздить, сударыня, — неожиданно отрѣзалъ гость. — Конечно, она моя племянница, а женщина безъ всякой полировки, вислѣ сѣрая, можно сказать...

— Вотъ я ужо скажу ей! — перебила его дѣвушка. — Какъ вы смѣете такъ говорить объ Ольгѣ Ивановнѣ? Она вотъ задастъ вамъ...

Изъ кабинета гурьбой показались всѣ игроки. Впереди шелъ, весь подтянутый и точно покрытый лакомъ, товарищъ прокурора Бережецкій, съ такимъ усталымъ лицомъ и слегка презрительной улыбкой на тонкихъ губахъ. Завидѣвъ дамъ, онъ, по привычкѣ, принялъ еще болѣе вытянутый видъ, а лицу придалъ скучающее выраженіе. За нимъ сѣменилъ на короткихъ ножкахъ толстенькій, улыбающійся докторъ Окуневъ, отецъ краснощекой дѣвушки. У него всегда галстукъ сидѣлъ криво. Въ разговорѣ докторъ любилъ постоянно перебивать своего собесѣдника. Вообще, онъ вѣчно торопился, что-нибудь забывалъ и удивлялся самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Матовъ и Галстунинъ шли подъ руку, продолжая какой-то карточный споръ. Матову было за тридцать, но онъ казался старше своихъ лѣтъ благодаря неосторожному обращенію съ жидкостями. Типичное русское лицо, съ мягкимъ носомъ и умными карими глазами, было точно подернуто жирнымъ налетомъ. Это лицо портилъ только широкій чувственный ротъ. Одѣтъ онъ былъ съ барской небрежностью и имѣлъ привычку отбрасывать рукой лѣзшіе на лобъ русые шелковистые кудри. Галстунинъ былъ бѣлобрысый купчикъ изъ полированныхъ. Онъ весь былъ какой-то сѣрый и одѣвался во все сѣрое. Шествіе замыкалъ Поль Щепетильниковъ, высокій и тонкій молодой человѣкъ, копировавшій то Матова, то Бережецкаго, то Войвода. Въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, онъ старался держать себя развязнѣе, чѣмъ это слѣдовало, и больше всего на свѣтѣ любилъ анекдоты.

— Боже мой, наконецъ-то кончили!—проговорила m-lle Окунева, дѣлая совершенно ненужный жестъ руками.—Кто выдумалъ карты, тому не будетъ прощенія... Гдѣ играютъ въ карты, дамы остаются одни и скучаютъ.

Щепетильниковъ напрасно старался вспомнить какой-то остроумный анекдотъ относительно картъ и сказалъ совсѣмъ другое:

— Люди узнаются, Анна Евграфовна, только въ дорогѣ и въ игрѣ...

— А такъ какъ вы играете всегда очень серьезно, то?..—бойко отвѣтила m-lle Окунева.—Это опасная мѣрка.

Докторъ, напряженно слѣдившій за каждымъ шагомъ дочери, облегченно вздохнулъ. Да, ничего, отвѣтъ удачный. Онъ любовно посмотрѣлъ на нее и что-то шепнулъ на ухо Гущину, который наблюдалъ все время за Бережецкимъ. Старикъ уже раскаивался, что не послушался давеча Марка. Онъ испытывалъ священный трепетъ въ присутствіи всякой предержащей власти и какую-то предательскую оторопь.

— Господа, прошу закусить,—предлагалъ хозяинъ.—Артемій Асафычъ, пожалуйте.

— Я-съ, Иванъ Григорьичъ... помилуйте-съ...

Войводъ взялъ его подъ руку и повелъ въ столовую. Бережецкій предложилъ руку хозяйкѣ, а Матовъ—m-lle Окуневой. Столовая была убрана для провинціальнаго города почти роскошно, а дубовый буфетъ походилъ на органъ изъ какого-нибудь католическаго костела. Сервировка отличалась особенной изысканностью. Закуски стояли рядами, какъ на именинномъ обѣдѣ, такъ что Гущинъ, какъ ни прикидывалъ въ умѣ, никакъ не могъ сообразить, чего могло стоить все это великолѣпіе.

— Что̀ бы такое закусить, барышня?—говорилъ Матовъ.

— Вы должны сейчасъ заботиться обо мнѣ, Никъ.

— Ахъ, да, виноватъ. Вы очищенную или англійскую горькую?

— Замѣчательно остроумно... Можно подумать, что не Щепетильниковъ у васъ помощникомъ, а вы поступили къ нему въ помощники.

— Послушайте, у васъ сегодня тоже, кажется, припадокъ остроумія, а я голоденъ и не могу изображать благодарную публику... Какой вонъ тамъ рыбецъ, барышня?..

Пока закусывали, разговоръ шелъ бѣглымъ огнемъ. Гущинъ попробовалъ лимбургскаго сыра и выплюнулъ. Онъ все время старался держаться подальше отъ Бережецкаго и подобострастно хихикалъ, когда кто-нибудь говорилъ что-нибудь смѣшное. Выпитыя для храбрости двѣ рюмки водки производили [illegible] дѣйствіе. Гущинъ замѣтилъ пока только то, что Щепетильниковъ [illegible] не замѣчаетъ его и точно стѣсняется, что знакомъ съ нимъ.

— „Вотъ человѣкъ... А давно ли красный билетъ прибѣгалъ занимать [illegible] — думалъ съ огорченіемъ старый ростовщикъ.—Погоди, вахлястый...“

И Матовъ тоже какъ будто не замѣчаетъ его совсѣмъ, а когда увидалъ, то проговорилъ: „А... Мы съ тобой еще будемъ имѣть нѣкоторый разговоръ“. У Гущина захолонуло на душѣ отъ одной этой фразы. Матовскіе-то разговоры извѣстны... А еще Иванъ Григорьичъ говорилъ давеча, что онъ выигрываетъ. Мысль объ этомъ разговорѣ отнимала у него теперь всякій аппетитъ. Ахъ, напрасно остался, совсѣмъ даже напрасно. А тамъ еще Ольга Ивановна отчитаетъ такую глухую исповѣдь, что не поздоровится. Зато хозяинъ—молодецъ. За всѣми такъ и слѣдитъ. Никому не даетъ задуматься. Баринъ—такъ баринъ и есть. И барыня—красавица писаная, только какъ будто маленько молода. А впрочемъ, ихнее барское дѣло. Можетъ, такъ и надо.

## III.

Докторъ Окуневъ продолжалъ слѣдить за дочерью и совершенно прозѣвалъ, какъ за столомъ съ ней очутился этотъ долговязый Щепетильниковъ. Послѣднее его возмутило до глубины души. Что̀ могутъ наговорить про Анненьку въ Сосногорскѣ? О, городъ хотя и провинціальный, а злыхъ языковъ

сколько угодно. Чадолюбивый папаша послалъ дочери нѣсколько умоляющихъ взглядовъ, такъ что она спросила:

— Папа, тебѣ опять кто-нибудь наступилъ на любимую мозоль?

На домашнемъ языкѣ Анненька называла любимою мозолью себя, и отецъ только покачалъ головой. Сегодня вообще Анненька была въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и могла выкинуть какую-нибудь штуку, что̀ съ ней случалось нерѣдко. Потомъ докторъ удивился, зачѣмъ его Анненька попала въ эту компанію игроковъ и въ довольно сомнительное общество этой сомнительной Вѣры Васильевны, которая въ концѣ концовъ все-таки жена игрока. Въ Сосногорскѣ ее хотя и принимали, но съ неуловимымъ оттѣнкомъ самой изысканной холодности, и только онъ одинъ отпускалъ свою единственную дочь въ этотъ сомнительный домъ. Впрочемъ, въ Сосногорскѣ онъ считалъ себя единственнымъ „натуралистомъ“ и, въ качествѣ таковаго, не находилъ нужнымъ подчиняться укоренившимся предразсудкамъ. Что̀ такое жена игрока? Кто знаетъ, на какія средства живетъ Войводъ, и кому какое до этого дѣло? Однимъ словомъ, провинціальныя сплетни, тѣмъ болѣе, что Вѣра Васильевна такая красавица, что дамы не могутъ ей этого простить, а самъ Войводъ подавляетъ своимъ природнымъ джентльменствомъ. Но эти уравновѣшивающія соображенія летѣли въ головѣ доктора кувыркомъ, когда онъ вспоминалъ, что у Анненьки нѣтъ матери, и что единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за все ея будущее является онъ одинъ.

За столомъ, по мѣрѣ того, какъ пустѣли бутылки, бесѣда дѣлалась все оживленнѣе. Галстунинъ и Матовъ подливали другъ другу и хлопали рюмку за рюмкой съ особеннымъ шикомъ. У Матова лицо уже покраснѣло, а глаза покрылись влагой. Онъ чувствовалъ, что Вѣра Васильевна наблюдаетъ за нимъ и [illegible]ваетъ рюмки, что̀ его забавляло и тянуло выпить еще лишнюю рюмку. [illegible]нинъ начиналъ совѣть и глупо улыбался, стараясь дѣлать видъ, [illegible] какъ Бережецкій разсказываетъ хозяину подробности дѣла о [illegible]селяхъ. Онъ обладалъ секретомъ разсказывать необыкновенно [illegible]

— [illegible]вода, кто же изъ насъ въ жизни не дѣлалъ подлоговъ?—вступ[illegible] Матовъ, отодвигая остатки какой-то рыбы.

— Какъ на это смотрѣть, конечно...—сухо отозвался Бережецкій, принимая это замѣчаніе на свой счетъ: вѣдь рѣшительно все, что̀ дѣлалось на свѣтѣ, такъ или иначе относилось именно къ нему, Бережецкому, тѣмъ болѣе, что и самъ грѣшный міръ существовалъ тоже только для него, для Бережецкаго.

— Законъ преслѣдуетъ только формальную правду,—спокойно продолжалъ Матовъ, откидывая свои кудри.—Да... Вѣрнѣе: бумажную правду, какъ въ данномъ случаѣ. А я говорю о подлогѣ по существу... Напримѣръ, барышня улыбается—это самый утонченный подлогъ, я дѣлаю умное лицо—тоже, Артемій Асафычъ выдаетъ себя добрымъ человѣкомъ—тоже.

— Увольте вы меня, Николай Сергѣичъ...—взмолился Гущинъ.—И что̀ я вамъ дался?

— И меня тоже...—отозвалась Анненька.

— Мы дѣлаемъ подлогъ самымъ актомъ своего рожденія,—продолжалъ невозмутимо Матовъ.—Каждый нашъ день—цѣлый рядъ мелкихъ подлоговъ, и поэтому каждый человѣкъ умираетъ злостнымъ банкротомъ.

— Ну, это ужъ область философіи,—замѣтилъ Бережецкій.

— Нѣтъ, будемъ говорить серьезно, Игнатій Борисовичъ. Я, напримѣръ, стою за святую инквизицію. Это, по крайней мѣрѣ, логично... Ты мнѣ душу свою подавай, а не бумажную правду.

— Абсурдъ... У васъ, Николай Сергѣевичъ, страсть къ абсурдамъ. Мы говоримъ о самой простой вещи, какъ подлогъ векселей, сдѣланный купцомъ Парѣеновымъ, кстати, вы же его и защищали.

— Маленькихъ и простыхъ вещей не существуетъ, Игнатій Борисовичъ, а если признать ихъ таковыми, то мы должны признать, съ одной стороны, какую-то особенную, маленькую и простую логику, а съ другой, считаться съ тѣмъ фактомъ, что эта физическая мелюзга отличается подавляющимъ множествомъ, самой упорной живучестью, необыкновенной способностью къ размноженію и самой трогательной приспособляемостью къ какой угодно средѣ. Перевѣсъ въ концѣ концовъ и очутится именно на сторонѣ этихъ мелочей и простыхъ фактовъ, а потому я и защищалъ купца Парѣенова, который тоже имѣлъ нѣсколько логикъ, до парадной и показной логики включительно.

Гущинъ даже закрылъ глаза отъ умиленія. Боже, какъ умѣлъ говорить Матовъ—такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ. Хоть кого можетъ оконфузить. Щепетильниковъ слушалъ съ завистью, напрасно стараясь запомнить нѣкоторые обороты и козыряющую адвокатскую логику. Вѣра Васильевна сидѣла, опустивъ глаза. Она любила самый тембръ грудного голоса Матова. Именно такъ долженъ говорить настоящій мужчина. Ораторскій талантъ Матова гипнотизировалъ ее, какъ чарующая музыка. Ей казалось, что всѣ другіе даже не могутъ понять и оцѣнить его во всей полнотѣ, а только она одна. Это чувство, по особой, *женской* логикѣ, вызывало въ ней нарастающую ненависть къ Бережецкому, про котораго Матовъ сострилъ, что онъ и родился съ накрахмаленной душонкой. Именно не душа, а душонка, и именно накрахмаленная...

Къ концу обѣда какъ-то всѣ начали спорить, и потребовалось дипломатическое вмѣшательство хозяйки, чтобы эта застольная горячность убѣжденій не перешла извѣстныхъ границъ. Когда дѣло дошло до кофе и ликеровъ, Вѣра Васильевна замѣтила, подавая Матову чашку:

— Надѣюсь, вы не будете портить моего кофе?

— Значитъ, окончаніе всѣмъ ликернымъ дѣламъ.

— Какъ знаете, но мнѣ жаль своего кофе...

— Пусть будетъ по-вашему!..

— Вотъ наивнька, Никъ,—замѣтила Анненька, у которой начинала разбаливаться голова отъ застольнаго шума.

Вѣра Васильевна взглянула на нее какъ-то особенно пристально, наклонилась и шепнула:

— Annette, вы не обидитесь? Вы слишкомъ фамильярно называете Николая Сергѣевича.

— Да вѣдь его всѣ такъ зовутъ? Онъ у насъ общій любимецъ публики и составляетъ нѣкоторымъ образомъ общественную собственность...

— И все-таки не нужно, моя хорошая...

Анненька посмотрѣла на Вѣру Васильевну и какъ-то по-дѣтски просто отвѣтила:

— Хорошо, я не буду...

Войводъ обратилъ уже вниманіе, что жена волнуется, но не могъ понять причины. Въ то же время онъ не забывалъ подливать ликера все болѣе и болѣе хмелѣвшему Галстунину, но дѣлалъ это такъ, чтобы не замѣчалъ Бережецкій. Самъ онъ могъ пить сколько угодно, несмотря на то, что былъ гораздо старше всѣхъ присутствовавшихъ.

Наконецъ обѣдъ кончился. Мужчины закурили сигары, а дамы перешли въ гостиную. За ними поплелся и Гущинъ, у котораго порядочно шумѣло въ головѣ. Онъ ухмылялся и встряхивалъ головой, какъ взнузданная лошадь.

— Слышали-съ, Вѣра Васильевна,—обратился онъ къ хозяйкѣ,—какъ Николай-то Сергѣичъ козой обдѣлывалъ господина прокурора? Такъ и рѣжетъ-съ, какъ ножомъ... Дастъ же Господь столько ума одному человѣку, и при этомъ словесность-съ. Даже игуменья удивилась, когда Николай Сергѣичъ пріѣхалъ къ ней по одному дѣлу. „Златоустъ сладкогласый", говоритъ. Господинъ Бережецкій, конечно, уменъ, нечего сказать, и, конечно, весьма сосредоточенно себя держитъ, а только Николай Сергѣичъ много попревосходнѣе себя оказываютъ.

Эта трогательная похвала разсмѣшила Вѣру Васильевну. Она посмотрѣла теперь на стараго ростовщика совсѣмъ другими глазами, чѣмъ раньше, и это придало ему смѣлости.

— Матовъ нравится вамъ?—спросила она.

— Мнѣ-съ? Ахъ, Вѣра Васильевна!.. Это такой человѣкъ, такой человѣкъ, что другого такого и не сыскать. Ума палата, форцъ, вообще, развязка вполнѣ... Этакимъ людямъ и на свѣтѣ жить, а не то что другимъ протчимъ обормотамъ, съ позволенія сказать-съ.

Аннепька хохотала надъ этими объясненіями до слезъ, какъ сумасшедшая, такъ что Вѣра Васильевна даже посмотрѣла на нее строгими глазами. Но Гущинъ разошелся.

— Да вы садитесь, Артемій Асафычъ,—предлагала хозяйка.

— Это вы правильно, сударыня, потому какъ въ ногахъ правды нѣтъ.

Старикъ подошелъ къ хозяйкѣ немного колеблющейся походкой, неожиданно потрепалъ ее по плечу и проговорилъ:

— Вотъ что̀, сударыня: нравитесь вы мнѣ... Ей-Богу!.. Прямой я человѣкъ, ужъ извините на простотѣ.

— Благодарю.

— Артемій Асафычъ, такъ нельзя съ дамами обращаться,—вступилась Аннепька.—Сейчасъ подошелъ и лапу на плечо.

— Да вѣдь я по сущей простотѣ, барышня... Ужъ не взыщите на старикѣ. У насъ все попросту, а простой-то человѣкъ можетъ пригодиться. Вы [illegible] вспомните, Вѣра Васильевна: „Артемій Асафычъ, подавай мнѣ [illegible]а!", а я ужъ его несу. Хе-хе!..

Въ этотъ моментъ къ Гущину подошелъ Маркъ и шепнулъ:

— Васъ Николай Сергѣичъ спрашиваютъ... Они въ кабинетѣ.

— Вотъ тебѣ и фунтъ... Эхъ, надо было давеча уйти! Маркъ, а ты скажи, что я ушелъ домой.

— Никакъ невозможно-съ. Они васъ сейчасъ видѣли, то-есть Николай Сергѣичъ, и велѣли позвать въ кабинетъ-съ...

— Охъ, снялъ ты съ меня голову, Маркъ!

## IV.

Но въ кабинетѣ Матова не было. Горничная Дуня возстановляла порядокъ, нарушенный игроками. Гущинъ посмотрѣлъ на нее, досталъ изъ кармана жилета двугривенный и проговорилъ:

— Цыпъ... Цыпъ... Цыпъ...

— Что̀ вамъ угодно?—съ дѣланой суровостью отвѣтила Дуня.

— Понимаешь, я—гость. И ты, значитъ, должна во всемъ мнѣ подражать... Цыпъ-цыпъ! Да ну же, а то вѣдь я самъ подойду...

— Я ужъ не знаю, право... Какой вы смѣшной и на гостя совсѣмъ не походите... Покорно благодарю.

— То-то, недотрога-царевна. Добрый я человѣкъ...

Онъ хотѣлъ поймать ее за подбородокъ, но дѣвушка ловко уклонилась.

— Нѣтъ, ужъ извините... Пожалуйста, безъ комплиментовъ. И всего-то двугривенный дали...

— Ахъ, какая ты... Двугривенный—пустяки, а главное дѣло—добрый я человѣкъ. Понимаешь? А у добраго человѣка всегда и другой двугривенный найдется... Вотъ тебѣ на орѣшки, нà, получай.

Подавая деньги, онъ сдѣлалъ рукой такое движеніе, какъ будто хотѣлъ обнять, но она съ кокетствомъ отступила въ уголъ.

— Ахъ, вы, безстыдники... А еще гостемъ назвались... Ахъ!..

Въ дверяхъ стоялъ Матовъ и улыбался. Дуня шмыгнула мимо него, какъ ящерица.

— Отлично... прекрасно...—заговорилъ Матовъ, покачивая головой.— Отличный примѣръ подаешь. А знаешь, что̀ по закону полагается за соблазнительное поведеніе?

— Что̀ же законъ? Законъ, Николай Сергѣичъ, какъ палка,—о двухъ концахъ. А ежели она сама бросилась на меня? Ну, и пошутилъ съ дѣвушкой стариковскимъ дѣломъ...

— Хорошо, хорошо. Не будемъ о пустякахъ разговаривать. Давай деньги...

— Николай Сергѣичъ, голубчикъ, да въ умѣ ли вы? Изъ дому близко тысячу рублей унесли... Какъ я къ Ольгѣ-то Ивановнѣ на глаза покажусь? Она и то на меня звѣремъ смотритъ. Сюда даже хотѣла ѣхать... Насилу ее уговорилъ. Вотъ она какая, Ольга-то Ивановна. Прямо сказать, огненный характеръ имѣютъ. „Я, говоритъ, всѣ глаза выцарапаю этой дворянкѣ оголтѣлой...“

— А ты не повторяй чужихъ глупостей, ибо для каждаго достаточно своей собственной. Ну, деньги... Сейчасъ ѣдемъ къ Бережецкому, и я буду отыгрываться.

Гущинъ вынулъ изъ бокового кармана засаленный бумажникъ и началъ отсчитывать деньги.

— Эхъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ... двѣсти... триста... золотая вѣдь у васъ голова... Ровно четыре сотни.

— Э, нѣтъ, подавай всѣ.

— Николай Сергѣичъ...

— Понимаешь: нужно отыграться. У меня своихъ восемьсотъ осталось, да ты дашь семьсотъ,—ровно полторы тысячи и будетъ. Это духъ возвышаетъ, понимаешь, когда чувствуешь, что въ карманѣ не восемьсотъ, а полторы тысячи.

Гущинъ отсчиталъ еще три сотни, съ молчаливымъ отчаяніемъ, и, подавая, даже отвернулся.

— Давно бы такъ, а то любишь кислыя слова разговаривать,—замѣтилъ Матовъ, засовывая деньги въ карманъ, не считая.

— А документикъ, Николай Сергѣичъ?

— Жирно будетъ. Получишь потомъ. За нами и не это не пропадало.

Когда Матовъ вернулся въ гостиную, Анненька, со свойственной ей наивностью, спросила:

— Никъ... Виновата: Николай Сергѣичъ, вы, навѣрно, занимали опять деньги у добренькаго старичка?

— Да, какъ всегда. Вы угадали, барышня.

— И много?

Матовъ грузно опустился на кресло, посмотрѣлъ сбоку на молчавшую Вѣру Васильевну и лѣниво отвѣтилъ:

— Угадайте еще разъ: столько, полстолько и четверть столько, да ваша новая шляпка въ придачу.

— Не остроумно.

Вѣра Васильевна продолжала смотрѣть въ сторону, прислушиваясь къ доносившемуся изъ столовой шуму голосовъ. Боже мой, какъ все это ей надоѣло, вотъ такіе пьяные обѣды... Люди превращались въ какихъ-то животныхъ, какъ сейчасъ Матовъ. Видимо, онъ успѣлъ еще „пройтись по коньякамъ“ и теперь сидѣлъ совсѣмъ красный, потный и вообще такой отвратительный. Она боялась заговорить съ нимъ и надѣялась только на Анненьку, въ присутствіи которой Матовъ не посмѣетъ быть развязнымъ, какъ позволяютъ себѣ пьяные мужчины. А онъ точно чувствовалъ ходъ этихъ тайныхъ мыслей и заговорилъ, растягивая слова:

— Вѣра Васильевна, бываютъ такіе сны, когда видишь себя и молодымъ, и красивымъ, и... и счастливымъ. Хорошіе сны, которые проходятъ вмѣстѣ съ молодостью.

— Да, вамъ, кажется, не мѣшало бы выспаться: три дня и три ночи трудились за картами,—сухо отвѣтила Вѣра Васильевна, оглядываясь на ничего не понимавшую Анненьку.

— Что̀ такое сонъ?—продолжалъ Матовъ, не обращая вниманія на сухость тона хозяйки.—Поэтъ сказалъ, что сонъ—хладное изображеніе смерти. Да, такъ я видѣлъ сонъ, Вѣра Васильевна, и видѣлъ во снѣ васъ, какой вы были *тогда*, то-есть дѣвушкой. Я что-то хотѣлъ вамъ сказать, очень много сказать, а вы все убѣгали отъ меня... А вотъ сейчасъ я смотрю на васъ и никакъ не могу привыкнуть къ мысли, что вы madame Войводъ.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, ребячиться... Надѣюсь, вы не удивляетесь, что вы мужъ своей жены? Все это въ порядкѣ вещей... Мы *тогда* были большими дѣтьми—и только.

— Дорого бы я далъ, чтобы вернуться къ этому дѣтству.

Онъ посмотрѣлъ на Анненьку и прибавилъ другимъ тономъ:

— Барышня, вы шли бы къ своему папа...

— Вотъ это мило!—обидѣлась Анненька.—А если я не желаю? Наконецъ, это просто невѣжество...

— Да и я васъ, Annette, не отпущу,—заявила Вѣра Васильевна.— Тѣмъ болѣе, что въ нашихъ воспоминаніяхъ найдется кое-что поучительное и для васъ.

— Ужасно интересно, ужасно! — болтала обрадованная Анненька.— Встрѣча двухъ влюбленныхъ послѣ долгой разлуки... Вѣдь Никъ былъ влюбленъ въ васъ, Вѣра Васильевна? Господа, я не буду вамъ мѣшать... Вотъ сяду сюда на диванъ, въ уголокъ, и даже возьму книжку въ руки, какъ дѣлаютъ благовоспитанныя барышни въ дѣтскихъ книжкахъ съ картинками... Вотъ такъ...

Она усѣлась на диванъ и закрыла лицо раскрытой книгой.

— Милостивые государи и милостивыя государыни! Меня нѣтъ... я умерла...—говорила Анненька глухимъ голосомъ тѣни отца Гамлета.

Вѣра Васильевна обняла расшалившуюся дѣвушку и горячо ее поцѣловала. Матовъ точно ничего не замѣчалъ, погрузившись въ свои воспоминанія, а когда наступила пауза, онъ очнулся и проговорилъ:

— Вѣра Васильевна, неужели и молодость прошла, и ничего больше не вернется... Ничего?!..

— Какъ вамъ сказать, Николай Сергѣичъ,—заговорила Вѣра Васильевна уже смягченнымъ тономъ.—Каждый въ этомъ случаѣ думаетъ по-

своему... А кстати, вы не забыли, какъ мы *тогда* разстались? Не прояви вы тогда чисто-мужской энергіи, страшно даже подумать, что̀ могло бы быть...

— Будемте, Вѣра Васильевна, называть вещи ихъ настоящими именами. *Тогда* я просто бѣжалъ, и бѣжалъ очень некрасиво.

Вѣра Васильевна засмѣялась, а изнывавшая отъ любопытства Анненька шепнула ей на ухо:

— Ужасно интересно!.. *Онъ бѣжалъ*—это, по крайней мѣрѣ, начало романа.

— Герои романовъ убѣгаютъ изъ послѣднихъ главъ, а не изъ первыхъ,—пошутила Вѣра Васильевна.

— Господа, пожалуйста, продолжайте!—умоляла Анненька.—Меня нѣтъ, я похоронена...

— Да, я бѣжалъ...—повторялъ Матовъ, точно заколачивалъ гвоздь.

— Это было съ вашей стороны актомъ благоразумія,—объяснила Вѣра Васильевна.—Вы только подумайте, что̀ могло бы быть. У васъ, кромѣ головы на плечахъ, ничего не было... Я была дѣвушкой изъ разоренной дворянской семьи и могла бы испортить вамъ всю жизнь въ роли вашей жены. Вы меня проклинали бы, а теперь у васъ есть все—прекрасное общественное положеніе, популярность и наконецъ общая любовь.

— Вы смѣетесь надо мной, Вѣра Васильевна? Такъ знайте же, что мнѣ все это давно надоѣло и опротивѣло. Я завидую бѣднымъ людамъ, которые не знаютъ, чѣмъ будутъ сыты завтра. Есть вещи и положенія, которыя не мѣряются успѣхомъ, а тѣмъ болѣе деньгами. Я понимаю, что вы шутите и зло шутите...

— Я? Меньше всего... Теперь вы видите совершенно другую женщину, и, надѣюсь, мы будемъ друзьями,—сказала она, протягивая руку.—Прошлое миновало, слѣдовательно нужно жить настоящимъ, ловить моментъ...

— О, да... Тысячу разъ да!..—горячо подхватилъ Матовъ.

Анненька горячо протестовала противъ такого конца сцены.

— Господа, это невозможно... Вѣра Васильевна, вы должны мстить. Вѣдь онъ ухаживалъ за вами, а потомъ бѣжалъ,—каждая женщина должна мстить.

— Я и буду мстить,—отвѣтила Вѣра Васильевна.

— Побѣжденному врагу не мстятъ,—засмѣялся Матовъ, проводя рукой по своимъ волосамъ.

## V.

Не спавшіе всю ночь гости, подкрѣпившись за обѣдомъ, почти дремали за столомъ, а Галстушинъ даже откровенно клевалъ носомъ. Хозяинъ тоже подумывалъ о томъ, что недурно было бы выспаться. Онъ зѣвалъ въ руку и ждалъ, когда поднимется Бережецкій,—онъ всегда торопился куда-нибудь. Вертѣвшійся около стола докторъ начиналъ раздражать его. И что̀ человѣкъ толчется, подумаешь? А докторъ въ это время подсѣлъ къ Бережецкому и разсказывалъ удивительный случай изъ своей практики.

— Представьте, простой брюшной тификъ... да... И вдругъ оказывается, что это даже не тификъ...

Въ разговорѣ по своей медицинской части докторъ любилъ употреблять уменьшительныя словечки: тификъ, лихорадочка, чахоточка, компрессикъ, горчичничекъ,—его на этомъ основаніи мѣстные остряки называли докторомъ Лихорадочкой.

Замѣтивъ, что Щепетильниковъ пробирается въ гостиную, докторъ ри-

нулся за нимъ. Щепетильниковъ, дѣйствительно, подошелъ прямо къ Анненькѣ, сѣлъ рядомъ такъ близко, что Анненька отодвинулась, и, пренахально вытянувъ свои длинныя ноги, принялся разсказывать какой-то анекдотъ. Извѣстно, какіе анекдоты разсказываются помощниками присяжныхъ повѣренныхъ наивнымъ провинціальнымъ барышнямъ, и докторъ съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ:

— Павелъ Антонычъ, васъ зовутъ въ столовую...

Щепетильниковъ даже не спросилъ, кто зоветъ, и покорно отправился по докторскому адресу. Когда его длинная фигура скрылась въ дверяхъ, между докторомъ и дочерью разыгралась преуморительная сцена.

— Вѣра Васильевна, голубчикъ, что̀ же это такое?—обратилась возмущенная Анненька къ хозяйкѣ.—Вы видѣли, что̀ сейчасъ устроилъ мой милый папаша? И это постоянно такъ... всегда и всегда... Онъ стережетъ меня, какъ котъ крысу. Мнѣ нельзя сказать двухъ словъ съ молодымъ человѣкомъ...

— Анненька...—умоляюще взывалъ докторъ.—Если бы у тебя была мать, развѣ ты смѣла бы говорить подобныя вещи? Вѣра Васильевна, надѣюсь, вы ее извините и войдете въ мое положеніе...

— Нѣтъ, Вѣра Васильевна, вы войдите въ мое положеніе!—волновалась Анненька.—Каждая молодая дѣвушка должна же выйти когда-нибудь замужъ, а мнѣ, слава Богу, двадцать три годика стукнуло... Пожалуйста, папа, не перебивай! Да, каждая дѣвушка... У меня тоже устраивалась не одна партія: молодой докторъ Жуковъ, потомъ желѣзнодорожный инженеръ Морозинскій, потомъ два механика, аптекарь, сынъ полицеймейстера,—папочка, ради Бога, не перебивай!—и въ самый интересный моментъ, когда они хотѣли сдѣлать предложеніе, являлся милый папаша и все разстраивалъ. Да, да, да... Вѣдь я не нѣмая, чтобы объясняться пальцами, а папа меня доведетъ до того, что я выйду замужъ за трубочиста...

— Позвольте мнѣ слово,—перебилъ наконецъ дочь докторъ.—Докторъ Жуковъ уже спился, инженеръ Морозинскій построилъ гдѣ-то такой мостъ, что его отдали подъ судъ, оба механика—дрянь, аптекарь—тоже, сынъ полицеймейстера—отъявленный негодяй, котораго выгнали еще изъ пятаго класса гимназіи... Да, да, да! Если бы у тебя была мать...

Матовъ, бывшій невольнымъ свидѣтелемъ этой сцены, замѣтилъ:

— А я былъ увѣренъ до сихъ поръ, что у Анны Евграфовны была мать... Да, очень и очень рѣдкій случай. Анна Евграфовна, позвольте мнѣ быть вашей свахой...

— Оставьте ее,—остановила его Вѣра Васильевна:—она такая милая... Анненька, мы устранимъ какъ-нибудь папу, когда это будетъ нужно.

Но Анненька вдругъ раскапризничалась, какъ капризничаютъ избалованныя дѣти, и повторяла по-дѣтски одно слово:

— Домой, домой... Я хочу домой.

— А что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, не сходить ли на минутку домой?—подхватилъ эту счастливую мысль Матовъ, поднимаясь.—По-настоящему, Вѣра Васильевна, вамъ давно слѣдовало бы просто-напросто прогнать насъ.

Войводъ стоялъ въ дверяхъ, разговаривая съ Бережецкимъ, и былъ радъ, что Анненька подала сигналъ къ отступленію. Докторъ въ это время успѣлъ отвести Матова и шепнулъ ему:

— Знаете, Николай Сергѣевичъ, эти Войводы очень подозрительные люди, то-есть собственно онъ.

— Именно?

— Да какъ же: зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда къ намъ? Нигдѣ не служитъ, живетъ на неизвѣстныя средства, вообще—темная личность.

— Э, батенька, хватили!—засмѣялся Матовъ, хлопая доктора своей тяжелой рукой по плечу.—Всѣ мы тутъ темные... Одинъ другого лучше.

— Какъ знаете, а только я счелъ долгомъ предупредить...

— Мы бы кого не обманули, Евграфъ Матвѣичъ!.. Тоже вѣдь не любимъ, гдѣ плохо лежитъ.

Труднѣе всего оказалось выжить изъ столовой остальныхъ гостей, завязавшихъ безконечный разговоръ о золотопромышленности. Особенно горячился Гущинъ, доказывавшій, что нѣтъ легче дѣла, какъ искать золото.

— Насмотрѣлись мы достаточно на это самое дѣло,—говорилъ онъ, размахивая руками, и прибавилъ, обращаясь къ Войводу:—вотъ бы вамъ, Иванъ Григорьичъ, въ самый бы то-есть разъ золотишкомъ заняться...

— Почему же именно мнѣ?

— А оно на новаго человѣка всегда лучше идетъ. Есть такая примѣта... И повадка у васъ вся богатая. Ну, оно ужъ деньги къ деньгамъ и тянутся.

— Рискованно, Артемій Асафычъ. Какъ разъ прогоришь...

— Рискованно? Это вотъ хлѣбъ сѣять, дѣйствительно, рискъ. Тутъ и засухи, и ненастье, и червь всякій тебя точитъ, досыта Богу намолишься, пока зернышко-то оправдается.

— А вы сами занимались золотопромышленностью?

Гущинъ даже замахалъ руками, точно его спросили, не занимался ли онъ воровствомъ.

— Что̀ вы, что̀ вы, Иванъ Григорьичъ!.. Куда же мнѣ съ суконнымъ рыломъ... Не таковское это дѣло. Не тотъ фасонъ у насъ... Мы всю жисть по пальцамъ считали, съ этимъ и помремъ, а тутъ надобна другая повадка и форцъ.

Этотъ разговоръ опять задержалъ гостей, несмотря на уговоры доктора расходиться.

— Господа, дадимте хозяину отдохнуть!—взывалъ онъ.—Право, пора домой. Сегодня вечеромъ соберемся въ клубѣ.

— Да вы-то о чемъ хлопочете, докторъ? Вѣдь вы не играете...

— А я люблю наблюдать борьбу страстей... Интересно съ психологической точки зрѣнія.

Когда гости уже готовы были расходиться, черезъ столовую разбитой, старческой походкой пробѣжалъ Маркъ. Въ передней уже слышались голоса.

— Батюшки, никакъ самъ Евтихій Парфенычъ,—ахнулъ Гущинъ, начиная торопливо застегивать свой длиннополый сюртукъ.—Они самые и есть... Никакъ всю артель за собой привели.

Дѣйствительно, въ гостиную уже ввалилась цѣлая гурьба съ знаменитымъ золотопромышленникомъ Самгинымъ во главѣ. Это былъ приземистый, толстый старикъ, походившій на обознаго ямщика. Сыромятное, корявое лицо всегда было покрыто какимъ-то жирнымъ налетомъ, а козлиная, сѣдѣвшая бородка точно была подбита молью. Онъ и одѣвался по-ямщичьи—въ поддевку, русскую рубашку-косоворотку и сапоги бутылкой. Несмотря на такой костюмъ, Евтихій Парфенычъ вездѣ былъ дорогимъ гостемъ, и всѣ за нимъ ухаживали, какъ за кладомъ. Онъ держалъ себя съ грубоватой откровенностью, сорилъ деньгами направо и налѣво и время отъ времени выкидывалъ разныя мудреныя штуки. За нимъ неотступно слѣдовалъ высокій чахоточный мрачный субъектъ, бывшая знаменитость,—сибирскій исправникъ Чагинъ, извѣстный сейчасъ подъ кличкой „третьяго пункта“, потому что былъ уволенъ со службы по третьему пункту.

— Здравствуй, отецъ,—здоровался Самгинъ съ хозяиномъ,—онъ всѣмъ говорилъ „ты“.—А у тебя тутъ цѣлая обѣдня и со всенощнымъ бдѣніемъ.

— Да, немножко засидѣлись, Евтихій Парфенычъ.

— Такъ, такъ... Что же, доброе дѣло, когда перекладываютъ деньги изъ кармана въ карманъ. Даже весьма занятно... А какого я тебѣ человѣка привелъ: отдай все—и мало. Рекомендую: Барминъ, Максимъ Максимычъ. Тоже изъ нашихъ золотопромышленниковъ, т.-е. любитъ изъ чужихъ кармановъ перекладывать чужое золото въ свой. По части картъ, можно сказать, собаку съѣлъ вмѣстѣ съ шерстью.

— Ужъ вы и скажете, Евтихій Парфенычъ,—вѣжливо обижался, картавя по-барски, неопредѣленныхъ лѣтъ изысканно одѣтый господинъ.—Очень радъ познакомиться... Много слышалъ...

Барминъ, вѣроятно, въ молодости былъ очень красивъ и сохранилъ привычку молодиться. Онъ былъ изъ простыхъ мужиковъ, попалъ мальчикомъ въ лавку и отполировался за прилавкомъ.

## VI.

Еще изъ передней донесся знакомый всѣмъ неудержимый хохотъ, а потомъ уже появился низенькій, толстенькій, розовый, беззубый и лысый, какъ бильярдный шаръ, старичокъ. Это былъ послѣдній отпрыскъ гремѣвшихъ когда-то на всю Сибирь богачей Рудометовыхъ, нажившихъ десятки милліоновъ на первыхъ таежныхъ золотыхъ промыслахъ. Милліонеры-родоначальники давно умерли, а ихъ наслѣдникъ, Нилъ Васильичъ, проживалъ остатки. Какъ всѣ богачи - сибиряки, а особенно наслѣдники этихъ богачей, послѣдній изъ Рудометовыхъ отличался большими странностями,—не носилъ шубы, избѣгалъ женщинъ, жилъ въ своемъ громадномъ домѣ отшельникомъ и постоянно хохоталъ.

— А вотъ и я... да, я... х-хе,—заявлялъ онъ, появляясь въ гостиной.—Куда другіе, туда и я... Х-хе... Незваный гость, говорятъ, хуже татарина.

— Милости просимъ, я очень радъ, Нилъ Васильичъ,—съ особенной ласковостью говорилъ Войводъ, осторожно поддерживая гостя подъ локоть, точно онъ былъ наполненъ какой-то драгоцѣнной жидкостью, готовой пролиться каждый моментъ.—Давненько мы не видались...

— Вотъ, вотъ, именно... Х-хе!

Съ дамами онъ раскланялся издали и постарался улизнуть въ столовую, откуда доносились голоса. Самгинъ разговаривалъ съ хозяйкой и даже хлопнулъ ее по колѣнкѣ своей затекшей рукой, точно съ обрубленными, короткими пальцами.

— Матушка, Вѣра Васильевна, уважьте насчетъ кваску,—умолялъ онъ хриплымъ баскомъ.—Вотъ какъ изморился... Легко сказать, третью недѣлю съ образованными господами канитель развожу.

Когда горничная Дуня подала стаканъ квасу, Самгинъ выпилъ его залпомъ и бросилъ на подносъ десятирублевую ассигнацію. Вѣра Васильевна вся вспыхнула и довольно строго замѣтила:

— Такъ нельзя, Евтихій Парфенычъ. Вы портите прислугу.

— Я самъ весь испорченный, голубушка. Мѣста живого нѣтъ.

Маркъ вытянулся у дверей и не спускалъ глазъ съ Самгина. Вотъ это такъ человѣкъ—озолотитъ. Не то, что другіе прочіе, какъ Бережецкій, изъ которыхъ двугривеннаго не выколотишь. Когда Самгинъ отошелъ отъ дамъ и направился въ столовую развалистой, тяжелой походкой, Маркъ бросился къ нему съ такой поспѣшностью, что чуть не сбилъ его съ ногъ отъ усердія.

— Да ты бѣлены объѣлся, деревянный чортъ!—обругалъ его Самгинъ.

— Не прикажете ли кваску, Евтихій Парфенычъ?

Къ дамамъ подошелъ Барминъ и началъ какой-то салонный разговоръ, но Анненька его перебила:

— Вы опять будете играть, Максимъ Максимычъ?

— Я нынче совсѣмъ не играю...—сухо отвѣтилъ Барминъ, закручивая пильцемъ усы.—Давно бросилъ...

— Знаю я васъ...

Вѣра Васильевна отнеслась къ этому гостю довольно сухо и непривѣтливо.

— Мнѣ кажется, что я гдѣ-то васъ встрѣчалъ,—говорилъ онъ, въ упоръ глядя ей въ лицо.

— Очень можетъ быть. Анненька, вы займите мосье Бармина, а мнѣ нужно распорядиться по хозяйству.

Барминъ проводилъ улыбавшимися глазами сердитую хозяйку и, какъ ни въ чемъ не бывало, проговорилъ:

— Анна Евграфовна, васъ папа ищетъ.

— А васъ жена дома ждетъ,—отрѣзала Анненька.

Барминъ былъ женатъ на богатой старухѣ, и это было его больнымъ мѣстомъ. Онъ круто повернулся на каблукахъ и уже на ходу отвѣтилъ грубіянкѣ:

— Я вамъ это припомню, сударыня...

— Ахъ, страшно! Сейчасъ упаду въ обморокъ...

Появленіе новыхъ гостей вызвало продолженіе обѣда на сибирскій манеръ, т.-е. подавали разныя импровизированныя блюда, закуски, чай, кофе; Бережецкій уѣхалъ, сославшись на какое-то распорядительное засѣданіе въ своемъ судѣ. А новые гости, по всѣмъ признакамъ, засѣли плотно. Проигравшійся давеча въ кабинетѣ Галстунинъ металъ банкъ на обѣденномъ столѣ, что придавало игрѣ видъ случайной послѣобѣденной забавы. Первымъ понтеромъ оказался хохотавшій Рудометовъ, сначала ставившій по двугривенному, а потомъ спрятавшій подъ салфетку сторублевую ассигнацію.

— Бита!..—радостно крикнулъ Щепетильниковъ, слѣдившій за игрой съ замирающимъ сердцемъ.

„Послѣдній изъ Рудометовыхъ“ въ мірѣ карточныхъ игроковъ служилъ своего рода запаснымъ фондомъ, къ которому обращались всѣ проигравшіеся, чтобы поправиться и „перемѣнить руку“. Старикъ всегда проигрывалъ и, какъ увѣряли картежные статистики, такимъ образомъ прохохоталъ тысячъ триста. Онъ игралъ такъ, совершенно зря, чтобы не портить компаніи.

— Ну, пошла пильня въ ходъ,—хрипѣлъ Самгинъ, махнувъ рукой на игроковъ.

Войводъ дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія на игроковъ, и, въ качествѣ любезнаго хозяина, занималъ новаго знакомаго, т.-е. Бармина. Разговоръ шелъ вполголоса и для посторонняго человѣка могъ показаться страннымъ.

— Ну-съ, какъ дѣла?—спрашивалъ Войводъ, улыбаясь.

— Получилъ вчера телеграмму... Лихонинъ выѣхалъ изъ Томска...

— Это вѣрно?

— Какъ въ аптекѣ...

— Отлично... Мы должны продолжать комедію новыхъ знакомыхъ. Да... Кстати, будь остороженъ съ Вѣрочкой... Ты ее давеча чѣмъ-то разсердилъ. Знаешь, съ женщинами необходима осторожность. Ахъ, если бы Лихонинъ пріѣхалъ... Нужно соорудить обстановочку.

— Распоповъ выѣхалъ въ Тобольскъ, чтобы случайно встрѣтиться съ нимъ на пароходѣ... А здѣсь намъ поможетъ Бухвостовъ, помните,—кабацкій милліонеръ?

— Гм... да... Распоповъ...—думалъ вслухъ Войводъ.—Какъ бы онъ не зарвался съ своимъ характеромъ.

— Ничего... Онъ у насъ сейчасъ въ рукахъ. У него нѣтъ ни гроша, и я выдалъ ему позъ будущій выигрышъ нѣкоторую сумму.

Замѣтивъ подходившаго осторожно доктора, они заговорили о какихъ-то пустякахъ, какъ говорятъ въ первый разъ встрѣтившіеся люди. Потомъ Войводъ подсѣлъ къ Самгину и началъ разсказывать какой-то смѣшной анекдотъ,—это была его спеціальность, и въ ней онъ не зналъ соперниковъ.

Матовъ давно поджидалъ Вѣру Васильевну, но она долго не показывалась. Онъ перешелъ изъ гостиной въ маленькій будуаръ, присѣлъ на диванчикъ и задумался. На столикѣ лежала желтенькая книжечка какого-то французскаго романа. Очевидно, Вѣра Васильевна отдыхала въ этомъ уютномъ уголкѣ. Да, о чемъ она думала, вотъ сидя здѣсь?.. А какъ она бываетъ хороша, когда задумается и чуть-чуть сдвинетъ брови.

„Гдѣ у меня были глаза? — думалъ онъ съ тоской. — Просмотрѣлъ такую женщину... Дуракъ, дуракъ и еще разъ дуракъ!..“

Онъ даже какъ-то испугался, когда поднялъ голову и увидѣлъ, что Вѣра Васильевна стоитъ въ дверяхъ и наблюдаетъ его.

— Вѣра Васильевна...

— Я, кажется, помѣшала вамъ отдыхать?

— Нѣтъ, ради Бога, не уходите... Присядьте на минутку, мнѣ такъ много нужно сказать вамъ...

— Да? А я кстати очень устала.

Она сѣла на диванъ, откинувшись на спинку. Онъ стоялъ передъ нею, не зная, съ чего начать.

— Продолжайте, Николай Сергѣичъ. Я слушаю.

Онъ провелъ рукою по волосамъ, присѣлъ на кресло и заговорилъ сдавленнымъ голосомъ, подбирая слова.

— Мнѣ давно хочется поговорить съ вами по душѣ, а вы точно избѣгаете меня... да... Вамъ, вѣроятно, знакомо, Вѣра Васильевна, это странное состояніе, когда мысленно слѣдишь за человѣкомъ, за каждымъ его шагомъ, и уже въ воображеніи продолжаешь рѣдкія встрѣчи, непочатые разговоры, недоконченныя общія мысли. Васъ это преслѣдуетъ, это наполняетъ васъ, мучитъ, радуетъ и опять мучитъ. Съ любимой женщиной входитъ и уходитъ счастье...

— Мнѣ только остается позавидовать вашей женѣ, Николай Сергѣичъ.

— Зачѣмъ вы такъ отвѣчаете? Вѣдь вы отлично понимаете, что я говорю о васъ... Да, о васъ. Когда я остаюсь одинъ въ своей рабочей комнатѣ, ваша тѣнь ее наполняетъ, когда я работаю—вы стоите около меня, я тысячи разъ повторяю про себя каждое ваше слово.

— Какъ жаль, что вамъ приходится имѣть дѣло съ тѣнями! Вашъ идеалъ, къ сожалѣнію, неумолимо прикованъ вотъ здѣсь. Цвѣты вашего краснорѣчія падаютъ на холодный камень, и вы напрасно только тратите время.

— Опять не то... Это не вы говорите, это говоритъ другой человѣкъ. О, какъ отлично я васъ знаю и понимаю малѣйшее ваше движеніе... Да и я совсѣмъ не тотъ, какимъ вы меня представляете, и этотъ другой теперь передъ вами.

Она съ больной улыбкой посмотрѣла на него и, покачивая головою, проговорила:

— Никъ, Никъ...

Онъ бросился къ ней, схватилъ руку и покрылъ поцѣлуями. Она оставалась равнодушна и не старалась освободить руку.

— Вѣрочка...

— Тс!.. Тише... Вѣрочки больше нѣтъ, Вѣрочка умерла. Да, давно и мучительно умерла. Зачѣмъ же вызывать агонію? Вы не пощадили даже слова, которое когда-то дала вамъ сама любовь, и васъ теперь величаетъ Никомъ каждый пьяный забулдыга. Поймите,—это мое имя, я такъ называла васъ когда-то... Есть извѣстное уваженіе даже къ могильнымъ плитамъ, а вѣдь это живое слово.

Матовъ сидѣлъ, опустивъ голову.

— Я не обманываю себя,—продолжала Вѣра Васильевна, волнуясь все сильнѣе.—Я вошла въ свою роль... жены игрока... Эту тайну вы, конечно, знаете, или, по меньшей мѣрѣ, догадываетесь о ней. А есть вещи, о существованіи которыхъ вы не догадываетесь...

Она сама подвинулась къ нему и заговорила совсѣмъ тихо:

— Да, есть... Я васъ любила и... и люблю сейчасъ... Ни одного движенія, а то я уйду. Да, я васъ люблю, но я говорю о другомъ человѣкѣ... тотъ Никъ всегда со мной, какъ созданіе моего воображенія.

— Казните до конца...

— Если бы вы понимали меня, то не сидѣли бы здѣсь.

— Я ухожу...

Онъ поднялся, но она заставила его сѣсть

— Еще одно слово... Для другихъ обманутыхъ женщинъ остается призракъ утѣшенія въ томъ чувствѣ ненависти, которое питаютъ къ счастливымъ соперницамъ, а у меня даже этого нѣтъ. Моя соперница—ея величество публика... Она вырвала васъ и унесла на другой берегъ. Вы взяли отъ жизни все и теперь, какъ пресытившійся человѣкъ, захотѣли невозможнаго: вернуть старое.

Наступила неловкая пауза. Онъ не двигался. Она точно проснулась и проговорила:

— Что же вы сидите здѣсь? Зачѣмъ?

Въ слѣдующій моментъ она обняла его, притянула его голову къ себѣ и шептала въ какомъ-то полуснѣ:

— Вотъ эту голову я любила... Да, и волосы и глаза... Я не подозрѣвала, что этими глазами на меня смотритъ несчастье.

Она быстро поцѣловала его въ лобъ и исчезла, какъ тѣнь. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, остановился и, схватившись за голову, проговорилъ:

— Это какая-то бѣшеная комедія... Милая, милая, милая!..

Онъ вышелъ изъ будуара, пошатываясь. Его уже разыскивалъ докторъ.

— Куда это вы пропали, Никъ?

Матовъ взялъ доктора за пуговицу сюртука и проговорилъ:

— Милый докторъ, вы знаете, какъ я васъ люблю, а поэтому не называйте меня Никомъ...

— Вы считаете это амикошонствомъ?

— Нѣтъ... Такъ, фантазія...

— Хорошо, хорошо... А знаете послѣднюю новость: Войводъ сейчасъ купилъ у Самгина пріискъ и выдалъ задатокъ. Да, безъ всякихъ документовъ, прямо на честное слово.

— Да?—удивлялся Матовъ, ничего не понимая.

— Знаете, я даже начинаю перемѣнять о немъ свое мнѣніе. Значитъ, у него есть деньги, если онъ можетъ ихъ бросать, а если есть деньги, то человѣкъ легко можетъ прожить и безъ обмана... Не правда ли?

— Да, да... А гдѣ Анненька, докторъ?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ она?

И чудакъ полетѣлъ въ столовую, гдѣ Анненька сидѣла за самоварчикомъ и помогала хозяйкѣ разливать чай. Когда вошелъ Матовъ, дѣвушка посмотрѣла испытующе на него и шепнула поблѣднѣвшей Вѣрѣ Васильевнѣ:

— Вы, кажется, забыли, что должны мстить?

— Нѣтъ, я уже начала...

## VII.

Гости, по провинціальному обычаю, засидѣлись долго, чѣмъ особенно возмущался Маркъ.

— Легко сказать, вторую дюжину шампанскаго обихаживаютъ,—жаловался старикъ Гущину.—Какъ квасъ, такъ и хлещутъ. Конечно, нашъ баринъ великатный, ему и теленка приведи, такъ онъ, ежели для компаніи, и теленка шампанскимъ накатитъ, пока въ кожѣ мѣста хватитъ. Другому бы гостю въ пору бы и не пить... Ей-Богу! Другой и скусу въ немъ не понимаетъ, а такъ сосетъ, зря...

— Это ты на мой счетъ?—догадался Гущинъ.—А ежели Иванъ Григорьичъ самъ подливаетъ? Давеча присталъ ко мнѣ, какъ съ ножомъ къ горлу.

— А вы бы приняли стаканчикъ, пригубили да въ сторонку его и отставили,—онъ бы и полонъ былъ. Вѣдь по шести рубликовъ бутылочка, а у васъ, Артемій Асафычъ, съ непривычки отъ него будетъ только одна кислая отрыжка и больше ничего... По себѣ знаю, когда приходится послѣ господъ допивать бутылки.

— Ничего ты не понимаешь! — озлился Гущинъ.—Мнѣ ваше-то шампанское вотъ гдѣ сидитъ...

Онъ указалъ на затылокъ и даже прищелкнулъ языкомъ.

— Можетъ, я за каждый стаканчикъ по сотельному билету заплатилъ... да... А ты: отрыжка. Вотъ это такъ отрыжка вышла...

— А послушали бы меня давеча, ушли въ кухню,—оно бы и вышло наоборотъ.

— А ежели я добрый человѣкъ? Карахтеръ такой проклятый... Никакъ не могу отказать: на, вырѣзай изъ спины ремень.

Войводъ продолжалъ разыгрывать роль гостепріимнаго хозяина и не прикоснулся къ картамъ. Матовъ поставилъ три раза на одну карту и, противъ обыкновенія, выигралъ.

— Скверная примѣта,—пошутила Анненька.

— А я не буду играть,—вотъ и будетъ хорошо.

Хохотавшій все время Рудометовъ успѣлъ проиграть Галступину рублей двѣсти, и Войводъ поморщился. Онъ не выносилъ, чтобы въ его домѣ кто-нибудь проигрывалъ большія суммы.

Гости разошлись вдругъ, потому что Самгинъ заснулъ, сидя за столомъ. Войводъ осторожно его разбудилъ.

— А?.. Что?—бормоталъ старикъ спросонья.—Давай счетъ... Сколько съ меня слѣдуетъ?

Самгинъ такъ привыкъ платить за всѣхъ, что вообразилъ себя гдѣ-то въ трактирѣ, а хозяина принялъ за услужающаго.

— Ахъ, волкъ те заѣшь!—бормоталъ онъ, почесывая затылокъ.—Надо домой, братцы...

Провожавшій его Чагинъ просидѣлъ молча все время и все время только пилъ, точно вливалъ рюмку за рюмкой водку, коньякъ и ликеры въ какое-то подполье. Спиртъ уже не дѣйствовалъ на него, и онъ оставался такимъ же блѣднымъ, какъ и пришелъ.

Всѣ разомъ поднялись и гурьбой повалили въ переднюю. Остались только докторъ съ Анненькой. Докторъ боялся, что Щепетильниковъ будетъ провожать, и хотѣлъ выиграть время. Вѣра Васильевна выглядѣла такой усталой и съ трудомъ поддерживала разговоръ.

— Скоро Матовъ устроитъ намъ фестиваль,—разсказывалъ докторъ,—такъ вы, Вѣра Васильевна, непремѣнно должны быть.

— Папа, какой ты странный,—перебила его Анненька.—Приглашаешь гостей въ чужой домъ...

— Да вѣдь мы живемъ здѣсь, Вѣра Васильевна, одной семьей,—объяснялъ докторъ.—Случается и такъ, что прямо завернешь вечеромъ куда-нибудь на огонекъ. Увидишь въ окнахъ огонь, значитъ, хозяева дома, ну, и завернешь.

— Я давно собираюсь сдѣлать Ольгѣ Ивановнѣ визитъ,—успокоила его Вѣра Васильевна.

Когда гости ушли, Войводъ отправился къ себѣ въ кабинетъ и позвонилъ. На звонокъ явился Маркъ.

— Чего изволите, Иванъ Григорьичъ?—нѣсколько заплетавшимся языкомъ спрашивалъ старикъ, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе.

— Сначала я изволю переодѣться, а потомъ... Ты зачѣмъ взялъ давеча деньги у Гущина?

— Я-съ... ей-Богу-съ, Иванъ Григорьичъ...

— Ну, такъ замѣть это: я не люблю...

Маркъ, помогая барину раздѣваться, все встряхивалъ головой.

— Оставь меня и убирайся!—строго замѣтилъ баринъ.—Отъ тебя водкой на три версты разитъ.

Накинувъ халатъ изъ бухарскаго шелка, Войводъ присѣлъ къ письменному столу, чтобы подвести дневной итогъ. Это было его неизмѣнной привычкой. Онъ развернулъ бумажникъ, положилъ записную книжку рядомъ и въ умѣ принялся дѣлать какія-то хозяйственныя вычисленія.

— Бармину выдано триста рублей да проиграно восемьдесятъ... сорокъ... сто двадцать три рубля... гм...

Эти расчеты были прерваны появившейся въ дверяхъ Вѣрой Васильевной. Она тоже успѣла переодѣться въ утренній сѣрый капотъ, отдѣланный синимъ шелкомъ.

— Я тебѣ не мѣшаю, папа?

— О, нѣтъ, моя дорогая... Я сейчасъ...

Вѣра Васильевна уютно помѣстилась въ глубокомъ креслѣ и терпѣливо ждала, когда мужъ кончитъ свои итоги.

— Папа, у меня къ тебѣ есть просьба.

— Просьба?—машинально повторилъ Войводъ, пряча бумажникъ и книжку въ письменный столъ.—Я къ твоимъ услугамъ, крошка.

Онъ подошелъ къ ней, обнялъ, поцѣловалъ въ лобъ и проговорилъ:

— Какой у насъ сегодня усталый видъ... Ты могла бы уйти спать раньше, если бы не эта дурочка Анненька. Знаешь, она мнѣ начинаетъ даже нравиться... Въ ней есть что-то такое непосредственное, нетронутое.

— Папа, я тебя никогда ни о чемъ не просила,—перебила его Вѣра Васильевна, не слушая.

— Ну, въ чемъ же дѣло? Ты ужъ очень торжественно начинаешь. Впередъ могу сказать: все будетъ исполнено.

— Вотъ и отлично,—обрадовалась она.—Какой ты милый... Знаешь, что̀? Уѣдемъ отсюда...

— Непремѣнно уѣдемъ,—согласился Войводъ, никогда не споривѣшій съ женой.—Да, да...

— Папа, миленькій... Завтра же уѣзжаемъ? Да?

Она бросилась къ нему на шею и принялась цѣловать. Онъ гладилъ ея волоса, любуясь порывомъ.

— Знаешь, крошка, я начинаю догадываться, въ чемъ дѣло...—ласково проговорилъ онъ, разнимая охватившія его шею теплыя руки.—Кстати, я позабылъ тебѣ показать одинъ документъ, который, кажется, относится именно къ этому дѣлу.

Онъ досталъ изъ стола бумажникъ, порылся въ бумагахъ и подалъ женѣ небрежно смятое письмо. Она обратила прежде всего вниманіе на подпись, гдѣ стояло одно слово: „Другъ“.

— Анонимное письмо?—непріятно изумилась она.

— Что̀ дѣлать: провинція. Царство сплетенъ... Прочти!

Письмо было коротко: „Вамъ пишетъ человѣкъ, который желаетъ искренно добра какъ вамъ, такъ особенно вашей женѣ. Она еще слишкомъ молода и стоитъ на порогѣ... Какъ мужъ, вы должны предупредить несчастье. Матовъ, конечно, прекрасный адвокатъ и общій любимецъ публики, но вамъ слѣдуетъ его удалить. Пока еще ничего серьезнаго нѣтъ, но за будущее никто не можетъ поручиться. Другъ“.

У Вѣры Васильевны передъ глазами пошли темные круги, когда она пробѣжала письмо. Это былъ формальный доносъ, значитъ, за ней кто-то слѣдитъ, значитъ, у нея есть какой-то неизвѣстный врагъ... Что̀ же это такое? За что? Она покраснѣла и со слезами на глазахъ проговорила:

— И вы вѣрите этой... этой гадости?

— Ахъ, какая ты глупая, Вѣрочка! Я даже забылъ о письмѣ, если бы ты не заговорила объ отъѣздѣ. Затѣмъ, ты совершенно напрасно такъ волнуешься... Я, конечно, уничтожилъ бы это дурацкое письмо, чтобы не тревожить тебя пустяками, но дѣло въ томъ, что его писалъ... Ну, догадайся, кто?

— И не желаю догадываться... Завтра же уѣзжаемъ, папа!

— Представь себѣ, что это упражняется нашъ милый докторъ... Я въ этомъ убѣжденъ. А развѣ можно сердиться на такого чудака? По-своему, онъ желаетъ намъ добра—и только.

Вѣра Васильевна молчала, кусая губы, а потомъ проговорила:

Существуетъ поговорка, что нѣтъ дыма безъ огня... А если этотъ неизвѣстный „Другъ“ окажется правымъ?

— Вѣрочка, что̀ ты говоришь?

— Въ каждомъ дѣлѣ нужно прежде всего предусматривать его дурную сторону, какъ ты любишь говорить.

Войводъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету, стараясь подавить охватившее его волненіе. Вѣра Васильевна слѣдила за нимъ глазами и вздрогнула, когда онъ вдругъ остановился передъ ней.

— Знаешь что̀, моя дорогая,—заговорилъ онъ убѣжденно:—я вѣрю тебѣ безусловно... да... И если бы я увидѣлъ собственными глазами, что ты мнѣ измѣняешь, я не повѣрилъ бы собственнымъ глазамъ. Да это и невоз-

можно, моя хорошая... Вѣдь ты знаешь, что въ случаѣ чего я сумѣю устранить самого себя, какъ бы это ни было мнѣ больно, но только была бы счастлива ты. А тамъ счастья не можетъ быть, гдѣ кроется обманъ, новѣрь мнѣ... Да, я тебя не стѣсняю и только прошу объ одномъ: не ставь меня въ глупое положеніе обманутаго мужа, а своевременно предупреди: „Папа, разойдемся...“

Она опять обняла его и радостнымъ шопотомъ повторяла, точно старалась увѣрить самоё себя:

— Милый папочка, никогда этого не будетъ... Одного тебя люблю, потому что ты одинъ на свѣтѣ понимаешь меня, понимаешь каждое мое движеніе, и я чувствую себя точно въ плѣну... Вѣдь въ рабствѣ есть своя прелесть... Я желаю быть твоей рабой!..

Она и плакала и смѣялась сквозь слезы, и опять повторяла:

— А все-таки мы уѣдемъ изъ этого противнаго города... завтра же уѣдемъ...

— Завтра уѣхать неудобно, крошка,—говорилъ Войводъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ переставшими капризничать дѣтьми, только по инерціи повторяющими какую-нибудь одну фразу.—У меня здѣсь есть одно дѣло...

— Ахъ, я не хочу, не хочу знать твоихъ дѣлъ, то-есть картъ! Вѣдь всѣ думаютъ, что ты живешь картами, и я могу подумать то же самое...

— Не слѣдуетъ мѣшаться въ наши мужскія дѣла. Впрочемъ, могу сказать тебѣ новость: я хочу попытать счастья въ золотомъ дѣлѣ и сегодня купилъ у Самгина пріискъ за четыре тысячи.

Вѣра Васильевна отнеслась къ этой покупкѣ совершенно равнодушно и только проговорила:

— Знаешь, папа, давеча этотъ Барминъ такъ нахально смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо... Я его почему-то ненавижу до глубины души.

— Нашла на кого сердиться,—равнодушно отвѣтилъ мужъ, сдерживая зѣвоту.—Это совершенно безцвѣтный человѣкъ...

— Зачѣмъ же ты знаешься съ такими людьми?

Войводъ только пожалъ плечами и поднялъ брови.

## VIII.

Уѣздный городъ Сосногорскъ, залегшій на самой границѣ Сибири, являлся типичнымъ представителемъ нерусскаго города. Не было ни кремля, ни старинныхъ церквей, ни историческихъ воспоминаній о врагахъ и вражескихъ одолѣніяхъ—все новенькое, почти съ иголочки. Сосногорску не было и двухсотъ лѣтъ, что, по городской хронологіи, является почти младенчествомъ. Съ самаго начала Сосногорскъ сдѣлался центромъ горнозаводской дѣятельности, а потомъ центромъ уральской золотопромышленности, и такимъ остался до послѣднихъ дней.

Самъ по себѣ городъ былъ не великъ, но онъ являлся центральнымъ пунктомъ, къ которому тянули всѣ горные заводы, промыслы и торговля. Благодаря этому жизнь складывалась бойкая, почти на столичную руку, чѣмъ сосногорцы немало гордились. Крупные заводчики, конечно, не жили въ Сосногорскѣ, потому что не бывали и на своихъ заводахъ, предпочитая имъ веселую жизнь за границей и въ Петербургѣ; но зато ихъ управляющіе, повѣренные и довѣренные не оставляли Сосногорска, гдѣ вили крѣпкія гнѣзда и на всякій случай обзаводились своими собственными дѣлами. Купечество въ Сосногорскѣ носило уже сибирскій характеръ, не имѣвшій ничего общаго съ сыромятнымъ россійскимъ купечествомъ. Обиліе денегъ, рискъ предпріятій и масса путей для быстрой наживы клали на всѣхъ особый отпечатокъ. Сего-

дняшній бѣднякъ завтра дѣлался богачомъ. Конечно, это не была Калифорнія, но и отъ русскихъ городовъ жизнь здѣсь ушла далеко впередъ, и сосногорскіе купцы превратились въ промышленниковъ и коммерсантовъ.

Типъ купца-промышленника являлся основнымъ тономъ всей жизни въ Сосногорскѣ. Прежде, въ „казенное время", когда на первомъ планѣ стояло казенное горное дѣло, а золотопромышленность являлась привилегіей казны, на первомъ планѣ стояли казенные горные инженеры, но съ разрѣшеніемъ частной промышленности все это сдѣлалось достояніемъ исторіи. Восторжествовалъ въ концѣ концовъ промышленникъ, а съ нимъ вмѣстѣ рискъ во всѣхъ формахъ. Богатство возрастало, какъ дождевой грибъ, и лопалось, какъ мыльный пузырь. Оставались нерушимыми только двѣ-три фамиліи, какъ Рудометовы, доживавшіе нажитые дѣдами въ сибирской тайгѣ капиталы. Но этихъ наслѣдниковъ давно уже обогнала хищная стая предпринимателей новѣйшей формаціи. Люди выбивались изъ безвѣстнаго ничтожества, и ихъ примѣръ служилъ путеводной звѣздой для аппетитовъ и вожделѣній алчныхъ послѣдователей. Деньги переливались, какъ вода, и никого это не удивляло. Вообще, въ городѣ бился повышенный пульсъ.

Своего расцвѣта жизнь Сосногорска достигла въ эпоху введенія реформъ, особенно новаго суда. Выплыли на Божій свѣтъ всѣ сибирскія кляузы, старые счеты и всевозможныя криминальныя недоразумѣнія. Первые адвокаты, какъ Матовъ, сдѣлались какими-то божками и повысили еще сильнѣе тонъ бойкой промысловой жизни. Подняты были изъ праха забвенія дѣла, давно покрытыя иломъ сибирской дореформенной судебной волокиты, и сводились счеты чуть не за сто лѣтъ. Сосногорскъ сдѣлался окончательно центромъ и стянулъ къ себѣ интересы громаднаго благодатнаго края.

Лѣтомъ Сосногорскъ пустѣлъ, какъ пустѣютъ столицы, съ той разницей, что изъ Сосногорска уѣзжали не на дачи и курорты, а „на промысла". Жизнь закипала только осенью, сосредоточиваясь въ двухъ клубахъ — въ Дворянскомъ и Общественномъ. Въ первомъ, впрочемъ, было сравнительно тихо. Здѣсь доживали свои дни бывшіе горные дѣльцы и аристократы, какъ Бережецкій. А все сосредоточивалось въ Общественномъ клубѣ, гдѣ шла игра во всѣхъ видахъ напропалую. Случались проигрыши въ десятки тысячъ, и это никого не удивляло. Особенно жестоко проигрывались адвокаты и Матовъ по преимуществу. Онъ изъ суда, выигравъ дѣло и получивъ деньги, ѣхалъ прямо въ Общественный клубъ. Къ числу особенностей Сосногорска принадлежало и то, что въ немъ жили люди безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, и жили совсѣмъ на широкую ногу, какъ Барминъ. Положимъ, денегъ у нихъ никогда не было, но ихъ можно было встрѣтить и на гуляньяхъ, и на благотворительныхъ базарахъ, и въ театрахъ, и вездѣ они держали себя джентльменами. Секретъ ихъ существованія заключался въ тайнахъ существованія Общественнаго клуба, въ такъ называемой „дѣтской", гдѣ рѣзались въ штоссъ. Всегда находился какой-нибудь заѣзжій шалый человѣкъ, который непремѣнно желалъ испытать счастья на зеленомъ полѣ и платился за это удовольствіе сотнями и тысячами рублей. Картежная игра сдѣлалась профессіей, и организовалась цѣлая шайка спеціалистовъ. Играли даже дамы, хотя и предпочитали коммерческія игры.

Какъ всегда, клубный сезонъ открылся въ сентябрѣ. Въ нижнемъ этажѣ играли въ коммерческія игры, а во второмъ устраивались концерты, семейные вечера и любительскіе спектакли. Вѣра Васильевна показывалась въ клубѣ неохотно и то для того только, чтобы проводить Анненьку, изнывавшую отъ жажды веселья. Въ танцовальной залѣ царила польская колонія, а

затѣмъ нѣмцы: ни тѣ ни другіе въ карты не играли. Въ общемъ было довольно скучно, тѣмъ болѣе, что Вѣра Васильевна совсѣмъ не желала веселиться. Матовъ заглядывалъ сюда изъ игорныхъ залъ, отыскивалъ глазами Вѣру Васильевну и кланялся издали. Онъ точно боялся подойти, что̀ забавляло Анненьку.

— Николай Сергѣичъ, что̀ съ вами? — приставала она. — У васъ такой видъ, точно вы забыли дома носовой платокъ...

— Побаиваюсь васъ, Анна Евграфовна...

Въ послѣднее время Матовъ пилъ значительно меньше, и его лицо утратило пьяную опухлость. Собутыльники махали на него руками, какъ на зачумленнаго.

— Не къ добру, Николай Сергѣичъ, — увѣряли всѣ. — Да и трезвая добродѣтель какъ будто тебѣ не къ лицу... Пожалуй, ты скоро затанцуешь у насъ польку-трамблянъ.

При встрѣчахъ съ Вѣрой Васильевной Матовъ какъ-то терялся и не зналъ, о чемъ ему съ ней говорить. Онъ предпочиталъ наблюдать ее издали и молча любовался. Она чувствовала эти наблюдающіе глаза, но дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Ей было и жутко, и хорошо, и какъ-то обидно. Возмущалась гордость замужней женщины, ревниво оберегавшей свое имя отъ провинціальныхъ сплетенъ. Только разъ она замѣтила, когда Матовъ особенно упорно преслѣдовалъ ее своими взглядами:

— Николай Сергѣичъ, не нужно дѣлаться смѣшнымъ... Всему свое время, а въ нашемъ возрастѣ нѣкоторыя вещи именно смѣшны.

Въ клубѣ, между прочимъ, Вѣра Васильевна познакомилась и съ m-me Матовой. Это была красивая молодая дама, одѣвавшаяся по послѣдней модѣ, но никакъ не могшая сбросить съ себя „купеческій образъ“, какъ говорилъ про нее старикъ Гущинъ. Она и говорила на „о“, по-сибирски, срѣзывая глагольныя окончанія и умягчая нѣкоторыя согласныя.

— Я совсѣмъ простой щеловѣкъ, — говорила она Вѣрѣ Васильевнѣ, безъ всякихъ предисловій.— Кто знатъ, такъ не осудитъ... Родители-то пеньками молились. Щево ужъ тутъ говорить-то. Ужо, загляните какъ-нибудь къ намъ. Не погордитесь надъ нашей простотой.

— Я давно собираюсь, Ольга Ивановна.

Въ сущности, эта простая, хотя, по-своему, и хитрая русская баба понравилась Вѣрѣ Васильевнѣ. Только не слѣдовало бы ей быть женой Матова, что̀ она и сознавала.

— Какая ужъ я адвокатова жена, — шутила она надъ самой собой.— Такъ, баба деревенская, помеломъ написанная.

Заочно Ольга Ивановна ненавидѣла оголтѣлую дворянку, какъ называла въ сердцахъ Вѣру Васильевну, подозрѣвая ее въ шашняхъ и дворянскомъ коварствѣ, а при личномъ знакомствѣ это чувство совершенно исчезло, и Ольга Ивановна какъ-то такъ просто сказала ей, покачивая головой:

— А вѣдь мнѣ жаль васъ, Вѣра Васильевна... Ей-Богу, жаль.

— За что?

— А какъ же... Сама такая молодая да великатная и красавица писаная, а мужъ старикъ. Ужъ извините на глупомъ словѣ, а только я по душамъ, значитъ, говорю...

— Ничего, ничего,—смѣялась Вѣра Васильевна.—А я вотъ очень люблю своего стараго мужа.

— Богатъ, значитъ?

— Не знаю...

— Ну значитъ, обошелъ чѣмъ ни на есть другимъ. Съ нашей сестрой, бабой, это случается... Другой подсыплется такимъ мелкимъ бѣсомъ, что и сама точно не своя. Мой-то благовѣрный вотъ такъ и обманулъ меня. И то и се, и пятое и десятое, а я, конечно, при своемъ собственномъ капиталѣ была, и все-таки обманулъ. Теперь-то даже смѣшно и вспомнить... Глупая я была, какъ всѣ дѣвки...

Войводъ въ клубѣ появлялся довольно рѣдко и держалъ себя постороннимъ человѣкомъ, который немного удивляется, зачѣмъ люди собираются сюда и теряютъ время за карточными столами. Онъ примкнулъ къ польской партіи, брезгливо сторонившейся отъ мѣстной публики. За карточнымъ столомъ его видѣли всего раза два, и то внизу, гдѣ винтили разные учителя и судейскіе. Игралъ онъ хорошо, но, видимо, старался выигрывать, хотя самый большой выигрышъ здѣсь не превышалъ десяти-пятнадцати рублей. Изъ всѣхъ клубныхъ завсегдатаевъ только одинъ Барминъ зналъ, какая птица залетѣла въ ихъ Общественный клубъ, и смѣялся про себя. Съ Войводомъ при постороннихъ онъ раскланивался только издали и даже ворчалъ:

— Это еще что̀ за незнакомецъ? Скоро нельзя будетъ въ клубъ ходить...

Все дѣло сводилось на ожиданіе Лихонина, который засѣлъ въ Томскѣ. Отъ Распопова было уже четыре телеграммы: „Товаръ отправленъ по накладной“, „Товаръ въ пути“, „Товаръ задержанъ въ Томскѣ“, „Товаръ не двигается“. Барминъ получалъ эти телеграммы и передавалъ Войводу.

— Что̀ же, приходится ждать,—отвѣчалъ послѣдній.

Лихонинъ пріѣхалъ совершенно неожиданно. Какъ оказалось, Распоповъ его прокараулилъ. Сибирскій магнатъ остановился въ лучшей—Европейской гостиницѣ, гдѣ для него спеціально были отдѣланы три самыхъ лучшихъ номера. Но и тутъ не повезло нашимъ знакомымъ. Гдѣ-то по дорогѣ, у какого-то знакомаго сибирскаго попа, Лихонинъ наѣлся сибирскаго пирога съ малосольной нельмой и заболѣлъ разстройствомъ желудка. Барминъ съ отчаянія рвалъ на себѣ волосы. Нужно же было такъ случиться! Не подсунься этотъ попъ со своимъ пирогомъ, все вышло бы какъ по-писаному.

— Что̀ же, подождемъ,—спокойно замѣтилъ Войводъ.—Сейчасъ Лихонинъ ѣдетъ въ Москву, а по первопутку вернется. Мы его и накроемъ тогда.

— Можно бы его на дорогѣ перехватить, если выѣхать впередъ. Случайная встрѣча, дорожное знакомство и такъ далѣе.

— Э, нѣтъ... Старая штука, мой милый... Это еще при царѣ Горохѣ продѣлывалось, а нынче это и смѣшно и напыщенно. Медвѣдя бьютъ, когда онъ выходитъ изъ берлоги, а не вдогонку. Ничего, наше не уйдетъ... Конечно, обидно, что всѣ наши планы рушились отъ какого-нибудь разстройства желудка, но нужно умѣть ждать.

## IX.

Матовъ жилъ въ собственномъ домѣ, который получилъ въ приданое за женой. Онъ стоялъ на главной Московской улицѣ и такъ сыто смотрѣлъ своими семью большими окнами. Домъ былъ деревянный, штукатуренный снаружи, но это не помѣшало въ описи приданаго назвать его каменнымъ. Внутри все было отдѣлано по послѣднимъ требованіямъ провинціальной купеческой роскоши, и отъ старины оставалось только крыльцо, по-старинному выходившее на дворъ и передѣланное въ подъѣздъ. Благодаря ему ворота цѣлый день были открыты настежь, чтобы не заставлять кліентовъ, какъ собакъ, лазать черезъ калитку.

Гости въ матовскомъ домѣ не переводились, и здѣсь стояло разливанное море, но незадолго до Рождества Матовъ предупредилъ тетку жены, Парасковью Асафовну, что у него будутъ вечеромъ особенные гости и чтобы все было приготовлено по-особенному.

— На отличку, значитъ?—соображала старуха.

— Да, да... Гостей будетъ немного, но они привыкли жить хорошо, по-барски.

Тетка, старуха древняго, купеческаго склада, ходившая въ темныхъ платьяхъ и шаляхъ, приняла это порученіе особенно близко къ сердцу и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, постаралась все устроить въ лучшемъ видѣ. Она только была огорчена тѣмъ, что эти гости будутъ Войводы и Бережецкій. Старуха даже отплюнулась.

— Тоже, нашелъ гостей нашъ Николай Сергѣичъ... Все поляки какіе-то. Не стоило и хлопотать-то...

Ольга Ивановна тоже волновалась и вечеромъ, въ ожиданіи гостей, успѣла перемѣнить три платья.

Вечеромъ, когда пробило девять часовъ, напряженное ожиданіе дошло до послѣднихъ границъ. Парасковья Асафовна перебѣгала изъ гостиной въ кабинетъ и глядѣла въ окна. Самого Матова не было дома, а въ кабинетѣ что-то писалъ Щепетильниковъ, состоявшій при Матовѣ въ качествѣ помощника.

— И что̀ это все гостей нѣтъ?—ворчала старуха.—Десятый часъ на дворѣ...

— Въ порядочныхъ домахъ не принято пріѣзжать раньше девяти,— объяснилъ Щепетильниковъ авторитетнымъ тономъ.—Это вѣдь не по-нашему, по-купечески, когда гости заберутся въ домъ чуть не съ утра...

— Охъ, ужъ ты-то молчалъ бы, Павелъ Антонычъ... И ничего-то ты не понимаешь. Модны ужъ очень сдѣлались... Добрые люди спать ложатся, къ заутренѣ начнутъ благовѣстить, а они все трень да брень. Полуночники, одно слово...

— Оставь, пожалуйста, старушка Божья, если сама ничего не понимаешь...

— Я-то не понимаю? Ну, съ твое-то смыслю, а можетъ, и побольше...

— Смыслишь, а какъ со мной сейчасъ разговариваешь?

— А такъ и разговариваю... Не генералъ, слава Богу.

— Погоди, вотъ дай срокъ опериться, такъ тогда не то запоешь: „Павелъ Антонычъ, голубчикъ, напиши духовную...“

— Тьфу! тьфу!.. Типунъ тебѣ на языкъ!.. Тоже и скажетъ. Мнѣ Николай Сергѣичъ получше твоего-то напишетъ...

— Николай Сергѣичъ? Черезъ два года я буду такой же присяжный повѣренный... да. Найму себѣ вотъ такую же квартиру, сдѣлаю приличную обстановочку.

— Охъ, квартиру-то не долго нанять, да вотъ только чужого-то ума къ своей кожѣ не пришьешь. Молоденекъ еще ты, голубчикъ, и умокъ у тебя еще совсѣмъ легонькій...

— Ну, это ты мелешь вздоръ: умъ у всѣхъ адвокатовъ одинъ, а вся разница въ обстановкѣ. Въ театрѣ буду сидѣть въ первомъ ряду креселъ, заведу коляску, содержанку—все это для шика. Сейчасъ, напримѣръ, почему у меня нѣтъ практики? Во-первыхъ, всѣ дѣла у меня отбиваетъ Николай Сергѣичъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, Божья старушка, я влюбленъ!..

— Н-но-о?

— Да... Влюбленъ въ Вѣру Васильевну.

— Вотъ и вышелъ глупенькій!.. Тебѣ ли за этакой женщиной гоняться? Она тебя и близко-то не подпуститъ. Вонъ нашъ Николай Сергѣичъ ужъ, кажется, какъ около нея обихаживаетъ, какъ ученый медвѣдь за деревянной козой, а толку все нѣтъ. Кажется, и птица неважная, оголтѣлая дворянка, да, видно, у бабочки ноготокъ востеръ. И Бережецкій, Игнатій Борисычъ, хотя онъ и изъ поляковъ, а тоже сильно, сказываютъ, припадаетъ къ ней-то... Нѣтъ, ужъ ты, горькій, лучше женись на докторской Анпушкѣ. Приданаго за ней нѣтъ, тебѣ жена будетъ въ самую пору...

— Ну, это ужъ я знаю, кто мнѣ въ пору...

Щепетильниковъ развалился въ креслѣ, закурилъ сигару, вытянулъ ноги и сказалъ;

— Вотъ, посмотри на меня, чѣмъ я хуже Николая Сергѣича? Да... Вотъ такъ сижу, входитъ кліентъ, а я дѣлаю видъ, что совсѣмъ его не замѣчаю.

Въ дверяхъ кабинета стоялъ Гущинъ и наблюдалъ всю сцену.

— Господинъ абвокатъ, а я къ вамъ,—заговорилъ онъ, выступая.— Значитъ, какъ у меня есть должокъ близко шести тыщъ, а должникъ-то изволитъ прятаться...

Щепетильниковъ даже вскочилъ и въ то же время успѣлъ высчитать:

— Шесть тысячъ... законныхъ адвокату десять процентовъ... итого шестьсотъ рублей...

— Такъ, такъ, именно, Павелъ Антонычъ,—смѣялся Гущинъ, подходя къ столу.

— Вотъ тоже гостенекъ пожаловалъ,—довольно сурово встрѣтила брата Парасковья Асафовна.—Зачѣмъ пришелъ-то?

— Какъ зачѣмъ, сестрица?—обидѣлся старикъ.—Первымъ дѣломъ, въ гости. У васъ сегодня балъ налаживается, ну, и я пришелъ, чтобы составить компанію. Въ простое-то время то-есть никакъ не могу поймать Николая Сергѣича: то его дома нѣтъ, то спитъ, то занятъ... Хожу, какъ за молодымъ мѣсяцемъ.

— Знаю я тебя, сахара,—ворчала старуха.—Никто тебя не просилъ выдавать деньги Николаю Сергѣичу. Разъ тебѣ Ольга Ивановна заплатила, и будь доволенъ. А ты во второй разъ лапу протягиваешь...

— Не безпокойтесь, любезнюющая сестрица... Отъ Ольги Ивановны я ужъ получилъ резолюцію, а вы по тому же самому мѣсту.

— Гнать тебя, братецъ, надо... да. А не разговаривать съ тобой... Николай-то Сергѣичъ проигрывается, а ты деньги ему суешь!.. Охъ, кажется, растерзала бы я тебя на самыя мелкія части... А туда же: „я добрый человѣкъ!“ Тьфу...

Взволнованная старушка даже выбѣжала изъ комнаты, точно ее выдуло вѣтромъ. Гущинъ имѣлъ печальный видъ и, проводивъ сестру глазами, проговорилъ со вздохомъ:

— Необразованная женщина-съ, никакого поведенія. А еще родная сестра называется... Охъ, никакъ Ольга Ивановна сюда катитъ. Ну, сейчасъ мнѣ будетъ вторая резолюція...

Парасковья Асафовна вернулась, наговаривая что-то по дорогѣ Ольгѣ Ивановнѣ, которая шла съ воинственнымъ видомъ.

— Ты еще не ушелъ?—строго обратилась она къ дядѣ.

— Помилуйте, племянница, какая это съ вашей стороны прокламація? Человѣкъ, можно сказать, пришелъ въ гости, а у васъ вонъ какой политичный разговоръ...

— Уходи, змѣй,—какъ-то зашипѣла на него сестра.—Ты первый разстройщикъ въ дому.

— Я-съ? То-есть въ какихъ-то это смыслахъ, позвольте узнать?

Ольга Ивановна вдругъ покраснѣла и накинулась на дядю чуть не съ кулаками:

— Знаю, все знаю. Не заговаривай зубовъ! Мало того, что деньги даешь Николаю Сергѣичу, да еще его же и подводишь къ той, къ дворянкѣ-то. Присосался тамъ... Вонъ онъ сегодня съ утра самъ не свой. Какъ же, вонъ какая радость: гостья дорогая будетъ. А все ты, все ты... Уходи, пока цѣлъ. Знаешь, мой карахтеръ какой? И ступай къ ней, къ своей дворянкѣ.

Гущинъ вдругъ разсердился и поблѣднѣлъ. У него даже затряслась нижняя челюсть.

— Вы меня, значитъ, въ шею, любезная племянница?—заговорилъ онъ задыхающимся голосомъ.—Очень даже хорошо... вполнѣ по-родственному... Что же-съ, я могу и уйти, и даже весьма просто. А только вы меня помянете, Ольга Ивановна. Охъ, еще какъ помянете! Въ ногахъ будете валяться...

— Убьетъ! убьетъ!—закричала Парасковья Асафовна, прибѣгая къ улыбавшемуся Щепетильникову.—Прямо разбойникъ!

— Чѣмъ пугаешь-то?—спрашивала Ольга Ивановна.—Мужнины векселя предъявишь ко взысканію? Сдѣлай милость, предъявляй, а у меня свой капиталъ, и я вашихъ дѣловъ не знаю. Какъ давалъ, такъ и получай...

— Шесть-то тысячъ денежки называются,—объяснялъ Гущинъ уже со слезами въ голосѣ.—По двугривенному скоплены были... Конечно, я добрый человѣкъ и на совѣсть вѣрилъ хорошему человѣку, а теперь Николай Сергѣичъ второй мѣсяцъ отъ меня скрываются, вы меня гоните...

— Видно, документа-то не получилъ отъ Николая Сергѣича?—смѣялась Ольга Ивановна.—Ну, пиши въ трубѣ углемъ...

Щепетильниковъ попробовалъ-было вступиться, чтобы нѣсколько умѣрить этотъ родственный споръ, но это ни къ чему не повело, а даже подлило масла въ огонь.

— Буду на тротуарѣ сидѣть,—кричалъ Гущинъ,—а Николай Сергѣича поймаю. Ужъ тогда извините... Подъ окнами буду ходить, какъ нищій, а вы поглядывайте да любуйтесь.

— Въ свое время, Артемій Асафычъ, все получишь,—успокаивалъ Щепетильниковъ.—А если есть векселя... гм... Вообще, дѣло вѣрное, и ты напрасно только волнуешься.

— Ну, будетъ бобы-то разводить,—заговорила Ольга Ивановна.—Вѣдь я сюда по дѣлу шла... Хоть бы ты, Павелъ Антонычъ, помогъ мнѣ, а то умаялась я, да и не знаю, что и къ чему. Бѣлое-то вино подогрѣвать, что ли, будемъ?

— Наоборотъ, Ольга Ивановна, красное нужно слегка подогрѣть, а бѣлое подается холоднымъ.

— А шутъ васъ разберетъ... Пойдемъ-ка въ столовую, можетъ, я тамъ и накуролесила невѣсть что.

Гущинъ пошелъ за ними и, остановившись въ дверяхъ, проговорилъ:

— Такъ, значитъ, Ольга Ивановна, отъ васъ мнѣ одна резолюція: крышка?

— Да ты съ чего это взялъ-то, что я буду за Николая Сергѣича платить? Разъ по глупости заплатила, такъ ты и во второй разъ лапу протягиваешь? Покорно мерси вамъ...

Когда она ушла, Парасковья Асафовна повернула брата за плечо и принялась полушутя подталкивать въ спину.

— Ступай, ступай, безстыдникъ...

Гущинъ двигался по инерціи и говорилъ:

— И наградилъ же Господь человѣка такой родней!.. Одна любезная сестрица-чертовка чего стòитъ...

— Ступай ужъ, горькій... Вотъ ужъ звонокъ... Ай, батюшки, никакъ гости... уходи скорѣе!

## X.

Первыми пріѣхали Окуневы, чѣмъ Анненька была очень огорчена и, раздѣваясь въ передней, ворчала на отца:

— Папа, вѣчно мы первыми заявимся...

— Не всѣмъ же поздно приходить,—утѣшала ее Ольга Ивановна и, цѣлуя, прибавила:—Павелъ-то Антонычъ забрался пораньше тебя и будто дѣломъ занимается, а самъ тебя ждетъ... Ужо я родителя-то попридержу, пока у васъ тары да бары. Евграфъ Матвѣичъ, голубчикъ, помогите мнѣ насчетъ закуски... посовѣтуйте...

— Чтò же, я съ удовольствіемъ,—суетливо согласился докторъ, оглядываясь на дочь, которая шла въ гостиную. — Анненька!..

Щепетильниковъ и Гущинъ стояли у окна и разговаривали вполголоса. Появленіе Анненьки заставило ихъ замолчать. Поздоровавшись, дѣвушка заговорила:

— Чтò же вы, Павелъ Антонычъ, не бѣжите? Вѣдь вы нынче усиленно меня избѣгаете...

— Я, Анна Евграфовна... Вы, Анна Евграфовна, ошибаетесь...

— А вы забыли, какъ танцовали со мной двѣ кадрили сряду въ клубѣ? Вамъ извѣстно, чтò это значитъ... Впрочемъ, не бойтесь: я шучу.

— А мнѣ такъ кажется совершенно наоборотъ, Анна Евграфовна,— вступился Гущинъ.—У Павла Антоныча нѣтъ еще настоящей развязки съ женскимъ поломъ... А мысль есть, я ужъ знаю. Вотъ какая преотличная мысль...

Щепетильниковъ толкнулъ стараго болтуна въ бокъ. Вотъ тоже человѣкъ—удружитъ по-медвѣжьи... И чортъ принесъ эту Анненьку!.. Гущинъ только махнулъ рукой и хотѣлъ уйти въ другую комнату, какъ въ передней послышался крупный разговоръ: визгливый голосъ самой хозяйки и голосъ Матова.

— Ну, пошла пильня въ ходъ,—проговорилъ Гущинъ, застегивая свой длиннополый сюртукъ на всѣ пуговицы.—А тутъ еще Николаю Сергѣичу отъ меня полная резолюція... Вдвойнѣ, голубчикъ, попался!..

Матовъ вошелъ въ гостиную спиной, пятясь отъ наступавшей на него съ азартомъ жены. Онъ былъ во фракѣ, потому что только-что вернулся изъ суда и не успѣлъ еще снять перчатокъ. Ольга Ивановна задыхающимся голосомъ повторяла, размахивая руками:

— Вы хотите изъ меня какую-то дуру строить, Николай Сергѣичъ? Да... да!.. А я не посмотрю, что она дворянка... да...

— Ольга, выпей холодной воды. Это помогаетъ... Стыдно такъ кричать, точно торговка изъ обжорнаго ряда.

— При своемъ-то капиталѣ чего же мнѣ стыдиться? Тоже и скажетъ человѣкъ...

Анненька подошла къ ней, обняла и старалась успокоить, но это было довольно трудно сдѣлать. Ольга Ивановна вырывалась, и въ ея голосѣ слышались уже слезы, чтò пугало Матова больше всего. Войводы должны быть съ минуты на минуту, и вдругъ эта дура разревется или устроитъ скандалъ.

— Голубчикъ, успокойтесь,—уговаривала Анненька.—Право, вы совершенно напрасно волнуетесь, Ольга Ивановна.

— А ты, Анненька, дѣвушка и нашихъ бабьихъ дѣлъ даже понимать не можешь,—отрѣзала Ольга Ивановна.—Легко мнѣ смотрѣть, когда мужеекъ вотъ уже третій день самъ не свой. Радость-то какая: сама принцесса пріѣдетъ... Выведешь ты меня изъ послѣдняго терпѣнія, Николай Сергѣичъ, а какъ я развернусь, такъ не обрадуешься.

— Это какое-то сумасшествіе!—въ отчаяніи заговорилъ Матовъ и прибавилъ, обращаясь къ прибѣжавшему изъ столовой доктору:—Евграфъ Матвѣичъ, хотя бы вы дали ей слабительнаго...

— Ничего, это нервы...—бормоталъ докторъ.

— Никакихъ у меня нервовъ нѣтъ!—напустилась уже на него Ольга Ивановна.—Всѣ вы меня обманываете, какъ писаную дуру. Это только у модныхъ барынь-вертушекъ нервы бываютъ, чтобы имъ легче притворяться да мужей обманывать, а я простая, вся тутъ. Пусть только глаза покажетъ эта оголтѣлая дворянка...

— Ты хочешь устроить мнѣ скандалъ?—строго заговорилъ Матовъ, мѣняя тонъ.—Хорошо... Мнѣ ничего не остается, какъ только бѣжать изъ этого ада семейнаго счастья.

Въ передней послышался звонокъ. У Матова отлегло отъ сердца, когда онъ узналъ голосъ Бережецкаго. Вотъ человѣкъ, который умѣетъ прійти всегда во-время. Ольга Ивановна растерялась и молча, показавъ мужу кулакъ, убѣжала въ столовую.

Бережецкій вошелъ со своимъ обычнымъ замороженнымъ видомъ и съ изысканной вѣжливостью поздоровался съ Анненькой, а потомъ уже съ остальными.

— Вотъ у кого вы учитесь, какъ слѣдуетъ себя держать въ обществѣ,—шепнула Анненька Щепетильникову.

Гущинъ все выбиралъ моментъ, когда подойти къ Матову и переговорить съ нимъ окончательно, но давеча помѣшала Ольга Ивановна, а теперь Бережецкій началъ разсказывать какое-то безконечное дѣло, поступившее сегодня въ судъ. Матовъ не слушалъ его, а только повторялъ:

— Да? Удивительно!..

Когда Бережецкій взялъ его за бортъ сюртука и обратился къ подробностямъ, Гущинъ окончательно упалъ духомъ. Сейчасъ Бережецкій, потомъ пріѣдутъ Войводы,—вотъ и изволь тутъ ловить. Щепетильниковъ тоже надулся. Онъ постоянно обижался на кого-нибудь, потому что страдалъ подозрительностью. Почему, напримѣръ, сейчасъ Бережецкій не обращаетъ на него никакого вниманія? Очень просто: онъ презираетъ какого-то несчастнаго помощника присяжнаго повѣреннаго. На этомъ основаніи онъ счелъ себя въ правѣ затаить мстительное чувство къ Бережецкому. Да, погодите, господа, недалеко уже то время, когда всѣ вы узнаете Павла Антоныча Щепетильникова и будете пресмыкаться передъ нимъ, какъ сейчасъ пресмыкается Бережецкій передъ Матовымъ.

— Представь себѣ, какой оборотъ можетъ принять дѣло,—не унимался Бережецкій.—Двѣ малолѣтнихъ наслѣдницы, а мать пьетъ запоемъ... Да. Опекунъ—отъявленный мошенникъ и уже попался въ составленіи подложнаго отчета...

— Да?—удивился Матовъ.

— Вопіющее дѣло вообще, и я обращу на него особенное вниманіе... Понимаешь?

Наконецъ послышался давно ожидаемый въ передней звонокъ. Изъ столовой выбѣжала Ольга Ивановна и, не здороваясь съ Бережецкимъ, азартно заявила:

— А не пойду встрѣчать... Твои гости, ты и встрѣчай, а я сяду на диванъ и буду сидѣть. У меня свой капиталъ...

— Ольга Ивановна, мы еще не здоровались,—перебилъ ее Бережецкій, дѣлая Матову глазами знакъ итти въ переднюю.—Какъ ваше здоровье?

— Охъ, ужъ лучше и не спрашивайте, Игнатій Борисычъ... Просто дура дурой—и больше ничего.

— Вѣдь вы отплатили Вѣрѣ Васильевнѣ визитъ?—продолжалъ Бережецкій, когда Матовъ ушелъ въ переднюю.—Значитъ, не стòитъ объ этомъ и говорить. Самая обыкновенная вѣжливость—и только.

— Визитъ—это особь статья. Пріѣхала, повернулась, какъ сорока на колу,—и вся тутъ музыка...

Она прислушивалась къ смутно доносившемуся говору изъ передней и, схвативъ Бережецкаго за руку, проговорила:

— Какимъ голосомъ-то *онъ* съ *ней* разговариваетъ... а? Такъ сахаромъ и обернулся... Охъ, смертынька моя!.. Тошнехонько...

На выручку подоспѣла Анненька, которая взяла Ольгу Ивановну подъ руку и повела къ дверямъ въ переднюю.

— Голубчикъ, Ольга Ивановна, вѣдь вы добрая, а капризничать нехорошо... Въ обществѣ приходится соблюдать извѣстныя приличія, хотя это и не всегда пріятно.

Гущинъ отвернулся къ окну и, закрывъ ротъ ладонью, шепталъ Щепетильникову:

— Вотъ такъ камуфлетъ Ольга Ивановна устроила Николаю-то Сергѣичу! Отдай все—и мало. Охъ, горе душамъ нашимъ! За посмотръ надо деньги платить. Ну, и племянницу Богъ далъ... А Вѣра Васильевна вотъ какъ въ гости разлетѣлась... ха-ха-ха!

— Ты у меня о Вѣрѣ Васильевнѣ не смѣй говорить,—шопотомъ же отвѣчалъ Щепетильниковъ.—На мѣстѣ убью...

— Меня?! Это еще чтò за фасонъ?

— А вотъ тебѣ и фасонъ... Я влюбленъ.

Тутъ ужъ Гущинъ не утерпѣлъ и фыркнулъ.

Ольга Ивановна была уже у дверей, но не утерпѣла, вернулась и строго проговорила:

— Ты еще здѣсь, дядя? Чтò тебѣ было сказано?

Но Гущинъ ничего не могъ отвѣтить и только махалъ рукой, какъ испорченная дѣтская кукла.

— Онъ боленъ,—объяснялъ Щепетильниковъ.—Вы не обращайте на него вниманія.

— Вѣдь я гость... о-хо-хо!—заливался Гущинъ, поджимая животъ.—Понимаешь, дорогой гость!

— Ольга Ивановна, развѣ вы не видите, что онъ мертвецки пьянъ,—шептала Анненька.—Оставьте его...

## XI.

Матовъ встрѣтилъ гостей въ передней съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что Вѣра Васильевна сразу догадалась, въ чемъ дѣло. Въ ея тревожномъ взглядѣ онъ понялъ нѣмой вопросъ: „Вѣдь мнѣ не слѣдовало пріѣзжать... да?“ О, какъ дрогнуло его сердце отъ этой изумительной чуткости пониманія,

и онъ проговорилъ, стараясь овладѣть собой и отвѣчая этимъ чуднымъ глазамъ:

— Нѣтъ, ничего... Такъ, маленькая вспышка большого семейнаго счастья. Вообще, пустяки...

Она съ тревожной ласковостью пожала его руку и засмѣялась.

— Вы умѣете отвѣчать даже на нѣмые вопросы, Николай Сергѣичъ. Знаете, это даже немного страшно... Вотъ и повѣрьте народной мудрости, которая говоритъ, что любовь слѣпа.

Оправивъ немного прическу, Вѣра Васильевна вошла въ залу съ такой непринужденностью, точно ее здѣсь ждало само счастье. Ольга Ивановна показалась изъ дверей гостиной, сдѣлала нѣсколько шаговъ и, несмотря на подталкиваніе Анненьки, остановилась въ нерѣшительности. Гостья сама подошла къ ней близко и рѣшительно и поцѣловала.

— Это вы, а я думала...—бормотала хозяйка, теряясь.—Ужъ вы насъ извините на простотѣ, Вѣра Васильевна. Вотъ и выйти-то къ гостямъ не умѣю по-настоящему.

— Ну, вотъ какіе пустяки,—засмѣялась гостья, снимая перчатку и улыбаясь Анненькѣ.—Я вѣдь тоже простая и не понимаю, почему вы подчеркиваете свое неумѣнье. Какой у васъ миленькій домикъ, Ольга Ивановна!

Войводъ разговаривалъ съ Бережецкимъ и въ то же время слѣдилъ за женой, подавленная нервность которой начинала его тревожить. Онъ только одинъ зналъ, что̀ значатъ всплывавшая надъ лѣвой бровью морщинка и эта напускная веселость. А впереди еще цѣлый обѣдъ... Онъ отговаривалъ жену ѣхать на этотъ обѣдъ, но она, по какому-то непонятному упрямству, не согласилась. Ольга Ивановна тоже нервничала. Одна надежда оставалась на Анненьку, которая, кажется, все уже понимаетъ и постарается предупредить возможность столкновенія. Каково было удивленіе Войвода, когда онъ услышалъ такія слова Анненьки, сказанныя довольно громко:

— Вѣра Васильевна, а мы, то-есть я и Ольга Ивановна, составляемъ противъ васъ заговоръ...

— Да?

— Только это величайшій секретъ: у Ольги Ивановны вы отбиваете мужа, а у меня жениха. Посмотрите, какъ ѣстъ васъ глазами Щепетильниковъ!..

Эта выходка вдругъ разсмѣшила Ольгу Ивановну.

— Ахъ, Анненька, и скажетъ только...—смѣялась она.—Вотъ этимъ-то смѣшкомъ можно вотъ какую правду отрубить.

— Хорошо вамъ смѣяться,—продолжала Анненька въ томъ же тонѣ:—вы получили въ жизни свое... да...

— Охъ, все получила, голубушка!..

— А я-то должна терять не чужое и не свое...

— Ну, этого добра на твой вѣкъ хватитъ...

— Посадила бы я васъ въ свою кожу, Ольга Ивановна, да дала бы вамъ въ придачу моего милаго папашу, который глазъ съ меня не спускаетъ. У меня уже три жениха было, а онъ каждый разъ все и разстроитъ...

— И то сказать, обидно. Сама была въ дѣвушкахъ и могу вполнѣ понимать... Только ужъ очень ты все это смѣшно говоришь, Анненька. Родитель-то у тебя въ родѣ судороги... Ужъ ты извини меня: что̀ на умѣ, то и на языкѣ.

— Какая у васъ отличная обстановка, Ольга Ивановна,—говорила Вѣра Васильевна, прерывая этотъ откровенный разговоръ.

— Такъ себѣ, Вѣра Васильевна, середка на половинѣ. Вѣдь это другіе такъ-то живутъ, что сегодня здѣсь, а завтра и невѣсть гдѣ, а мы-то съ Николай Сергѣичемъ вѣкъ вѣковать собрались. Вонъ за мебель въ гостиной девятьсотъ рублей заплачено, отдѣлка столовой тысячи въ полторы въѣхала,— все мои приданыя денежки плакали.

— Почему же плакали?—не понимала Вѣра Васильевна.

— Да ужъ такъ... Вѣдь это прежніе люди такъ-то жили, что поженятся и до гробовой доски вмѣстѣ, а по нынѣшнимъ временамъ только и слышишь, что то она, то онъ сбѣжали. Мода ужъ такая. Ну, и я такъ-то смотрю. Недаромъ старая пословица молвится: не загадывай впередъ, какъ Богъ приведетъ.

Мужчины размѣстились въ кабинетѣ, за исключеніемъ Бережецкаго, который остался въ гостиной и старался занимать дамъ. Щепетильниковъ опять оставался въ тѣни и опять злился, придумывая про себя самые остроумные діалоги, находчивые отвѣты и уничтожающіе сарказмы. А дамы болтали съ Бережецкимъ, не желая ничего замѣчать.

Анненька успѣла шепнуть Матову, когда онъ проходилъ въ столовую:

— Никъ, берегитесь... Ольга сегодня не въ своей тарелкѣ.

— А если и я желаю, можетъ-быть, тоже вылѣзть изъ своей тарелки? Впрочемъ, вы—милая барышня, и я васъ очень люблю...

— Благодарю за милостивое вниманіе... Я совершенно счастлива.

Въ столовой хлопотала Парасковья Асафовна, ревниво оберегавшая свое добро. Свой человѣкъ, одѣтый для торжественнаго случая во фракъ, еще ничего, а вотъ двое другихъ шалыгановъ, которыхъ Николай Сергѣичъ пригласилъ изъ клуба,—тѣ изводили старушку каждымъ движеніемъ. Ну что стоитъ такому прохожему человѣку стащить серебряную ложку? Анненька поспѣла и тутъ.

— Ну, какъ дѣла, старушка?

— Охъ, и не говори. Головушка кругомъ. Покойничекъ-мужъ терпѣть ненавидѣлъ, ежели что зря. А тутъ гдѣ углядишь: ихъ-то трое, вонъ какіе лбы, а я-то одна.

Чтобы отвлечь скорбное вниманіе старушки отъ больного пункта, Анненька съ женской ловкостью перевела разговоръ.

— Бабушка, у тебя платье новое? Какая веселенькая матерія!

— Матерія-то веселенькая, а я-то старая. Николай Сергѣичъ подарилъ, когда еще женихомъ былъ. Улещалъ онъ меня тогда, чтобы я не разстроила дѣла. Вотъ какой хитрый мужчинка!

— А ты его любишь, бабушка?

— А какъ его не любить-то? Навяжется такой человѣкъ, какъ приворотная гривенка...

Анненька безъ всякой побудительной причины обняла старушку и принялась цѣловать.

— Охъ, задушишь, мать! —напрасно отбивалась отъ нея Парасковья Асафовна.—Замужъ тебя пора, Анпушка. Вонъ какъ кровь-то въ тебѣ играетъ. А у меня и женишокъ есть для тебя на примѣтѣ...

— Не люблю я твоего жениха, бабушка. Вихлястый какой-то да противный...

— Ну, мать, всѣмъ деревни не выберешь, а будешь хаять жениховъ, такъ и въ дѣвкахъ досыта насидишься...

— Бабушка, у меня такой секретъ есть, что не насижусь...

— У всѣхъ у васъ, дѣвушекъ, одинъ секретъ-то...

Ужинъ предполагался очень небольшой, но къ десяти часамъ неожиданно пріѣхалъ Самгинъ, конечно, въ сопровожденіи всей своей свиты. Парасковья Асафовна пришла въ отчаяніе, сѣла на стулъ и готова была расплакаться.

— Охъ, погубитель, погубитель...— стонала она, хватаясь за голову.— Это онъ на огонекъ пріѣхалъ. Такая ужъ повадка проклятая: увидитъ огонекъ въ окнѣ и ввалится со всей ордой. Ну, пріѣхалъ бы одинъ, честь-честью, а тутъ орда цѣлая... Хуже всякой солдатчины!

— Ничего, бабушка, управимся,—успокаивала ее Анненька, принимаясь за работу.—Всего-то только раздвинуть столъ, прибавить шесть приборовъ... Главное, чтобы вина какъ можно больше.

— Знаю, знаю... Прорву этого винища они вылакаютъ, а Самгинъ-то все шампанское пьетъ.

По особому затишью, которое наступило въ залѣ послѣ первыхъ шумныхъ привѣтствій, Анненька поняла, что тамъ случилось что-то необыкновенное.

„Ужъ не пріѣхалъ ли самъ Лихонинъ?"—мелькнуло у нея въ головѣ,— его ждали съ часу на часъ.

Она волновалась по сочувствію къ другимъ. Вѣдь этотъ Лихонинъ— „страшный милліонеръ", какъ говорилъ Гущинъ.

Предположеніе Анненьки сбылось. Лихонинъ стоялъ въ залѣ и что-то говорилъ съ Матовымъ, улыбаясь и показывая свои гнилые зубы. Это былъ почти молодой человѣкъ, худенькій, сгорбленный, тонконогій, съ сморщеннымъ улыбающимся лицомъ и близорукими, безцвѣтными глазами. Онъ носилъ большіе рыжіе усы и окладистую бороду; русые жиденькіе волосы прилипли на лбу и вискахъ плоскими прядками, точно онъ сейчасъ только вышелъ изъ бани.

— Вотъ какого я осетра на огонекъ-то къ тебѣ привелъ, — повторялъ Самгинъ, хлопая Матова по плечу.—Люблю удружить... А осетръ-то икряный.

На Самгина теперь никто уже не обращалъ вниманія, которое, какъ въ фокусѣ увеличительнаго стекла, сосредоточивалось на плюгавой фигурѣ „страшнаго" сибирскаго милліонера. Кто въ Сибири не зналъ Иннокентія Егорыча Лихонина? Это было магическое имя, синонимъ возможнаго на землѣ благополучія и счастья. Хорошо знали это имя, притягивавшее къ себѣ, какъ магнитъ, и въ Нижнемъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Монако, — за границей Лихонинъ превращался въ „знаменитаго сибирскаго князя", которому принадлежали всѣ сибирскіе золотые „рудники", всѣ копи драгоцѣнныхъ сибирскихъ камней, вся сибирская рыба, всѣ соболи и вся сибирская водка.

— Мнѣ ваша фамилія знакома... — говорилъ Лихонинъ, здороваясь съ Войводомъ.—Можетъ-быть, мы даже гдѣ-нибудь встрѣчались съ вами?

— Не припомню,—довольно сухо отвѣтилъ Войводъ.

— Можетъ-быть, у васъ есть братъ, или наконецъ однофамилецъ? Нѣтъ? Странно, очень странно... А между тѣмъ, положительно, я васъ знаю.

Щепетильниковъ опять завидовалъ и шопотомъ сообщалъ Гущину, который замеръ при видѣ страшнаго милліонера и не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни:

— Вѣдь повезетъ же человѣку... а? Съ перваго раза и уже фамилія знакома... а? Господи, если бы онъ запомнилъ мою фамилію... а? Вѣдь ужъ это одно будетъ цѣлымъ состояніемъ.

При Лихонинѣ, какъ и при Самгинѣ, состоялъ въ качествѣ свиты „собинный другъ", почти точная копія Чагина,—такой же мрачный, молчаливый

и таинственный субъектъ, по фамиліи Ожиговъ. Вѣроятно, и этотъ „другъ“ когда-нибудь, гдѣ-нибудь и за что-нибудь тоже былъ уволенъ по третьему пункту, какъ и Чагинъ.

## XII.

Ужинъ вышелъ гораздо оживленнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Присутствіе Лихонина все-таки до извѣстной степени вносило нѣкоторую неловкость, и всѣ поневолѣ дѣлались неестественными, за исключеніемъ Матова и Войвода. Лихонинъ снисходительно скучалъ, ничего не ѣлъ и пилъ содовую воду, подкрашенную краснымъ виномъ. Все его вниманіе сосредоточивалось на „другѣ“, и магнатъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Мнѣ кажется, что ты сегодня не совсѣмъ здоровъ, Андрей? Вообще, ты мнѣ не нравишься...

„Другъ“ едва удостаивалъ своего принципала какимъ-то короткимъ отвѣтомъ сквозь зубы и ѣлъ за двоихъ, за что Ольга Ивановна готова была его расцѣловать. Вотъ это настоящій гость, который не срамитъ хозяйку. Тоже вотъ и Чагинъ хорошо ѣстъ, а пьетъ даже лишнее.

— Вотъ бы моего третьяго пункта стравить съ лихонинскимъ Андрюшкой? — шепталъ Самгинъ не слушавшему его Войводу.— Два сапога пара... Мой-то почище будетъ: вонъ какъ водку хлещетъ. Ужо накажу ему вызвать Андрюшку на дуэль... Онъ у меня на это дѣло мастеръ...

— Не дѣлай этого...—совѣтовалъ Войводъ. — Въ чужомъ домѣ какъ-то неудобно...

— Не-у-доб-но?—удивился Самгинъ.—А ежели я желаю удивить почтеннѣйшую публику? И даже очень просто...

— Вы забываете, что здѣсь дамы...

— Ну, онѣ извинятъ старика.

Въ серединѣ ужина Парасковья Асафовна подошла къ Ольгѣ Ивановнѣ и встревоженно шепнула:

— Змѣй-то нашъ...

— Здѣсь?!—вспылила Ольга Ивановна.

— А вонъ онъ сидитъ... За Чагина прячется. Я его давеча таки-выпроводила, а онъ черезъ кухню забрался... Ну, не змѣй ли?!

Гущинъ смотрѣлъ Ольгѣ Ивановнѣ прямо въ глаза и даже улыбался, точно хотѣлъ сказать, что теперь изъ-за стола его уже нельзя выгнать и что онъ очень радъ поужинать вмѣстѣ съ „страшнымъ“ сибирскимъ милліонеромъ. Парасковья Асафовна не утерпѣла и, проходя мимо, ткнула его кулакомъ въ бокъ.

— Ахъ, это вы-съ, любезнѣйшая сестрица?—нимало не смутился Гущинъ и прибавилъ, обращаясь къ Чагину: — ужъ какъ я подверженъ родственникамъ—даже разсказать невозможно. И они жить безъ меня не могутъ, потому какъ я есть добрый человѣкъ...

Анненька сидѣла рядомъ съ Вѣрой Васильевной и возмущалась, что Лихонинъ не обращаетъ никакого вниманія на дамъ, точно за столомъ сидятъ кошки. Впрочемъ, онъ раза два посмотрѣлъ на Вѣру Васильевну своими усталыми, прищуренными глазами и даже, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, но ограничился тѣмъ, что только пожевалъ своими безкровными, сухими губами. Бережецкій какъ-то весь надулся, когда появился этотъ сибирскій мѣшокъ съ золотомъ, и принялъ обиженный видъ. Сейчасъ онъ занималъ дамъ, намѣренно не замѣчая присутствія Лихонина и не вмѣшиваясь въ общій застольный разговоръ. Онъ дошелъ до того, что даже заговорилъ о женскомъ

вопросѣ и началъ доказывать, что въ будущемъ то больное чувство, которое мы называемъ любовью, смѣнится простой дружбой и взаимнымъ уваженіемъ.

— Вы, кажется, заглядываете въ слишкомъ уже далекое будущее,—замѣтила Вѣра Васильевна.

— Это мое глубокое убѣжденіе, — настаивалъ Бережецкій, закручивая усы.—Прежде всего уваженіе. Да... Мы насильно взвинчиваемъ себя и гипнотизируемъ собственную волю. Отчего, напримѣръ, я, считающій себя нормальнымъ и правоспособнымъ человѣкомъ, долженъ сдѣлаться безумцемъ? А наша любовь именно безуміе и служитъ подкладкой цѣлаго ряда специфическихъ преступленій...

— Когда вы говорите, мнѣ кажется, что я ѣду по желѣзной дорогѣ, — шутила Вѣра Васильевна.—Такъ все просто, удобно и приспособлено...

— Прибавьте: и клонитъ ко сну, — вмѣшался Матовъ, подходя къ разговаривавшимъ.

— Никъ страдаетъ маніей остроумія, — съ достоинствомъ объяснилъ Бережецкій.—Это неизлѣчимая форма утраченнаго мозгового равновѣсія.

— А вы большіе друзья?—спросила Вѣра Васильевна.—Я могу [illegible] позавидовать... Женщинамъ это чувство недоступно. Мы неспособны [illegible] носить чужое превосходство...

— Вы клевещете на себя, Вѣра Васильевна,—сказалъ Бережецкій.

Ольга Ивановна все время слѣдила за мужемъ и, когда онъ подошелъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ, не вытерпѣла и вызвала его въ гостиную, гдѣ и произошелъ семейный разговоръ.

— Ты бы хоть при чужихъ-то людяхъ постыдился меня срамить! — накинулась Ольга Ивановна, задыхаясь отъ волненія.—Назвалъ гостей полонъ домъ, я изъ кожи лѣзу, чтобы угодить всѣмъ, а онъ ухаживаетъ за этой мерзавкой...

— Ольга, не смѣй такъ говорить!

— А вотъ и смѣю... Я у себя, въ собственномъ домѣ, и могу всѣхъ твоихъ гостей выгнать сейчасъ же на улицу. Такъ и знай... Только подойди къ этой мерзавкѣ. У ней стыда-то ни капельки нѣтъ... Вонъ какъ она на Бережецкаго глаза безстыжіе выворачиваетъ. Холостому это, можетъ, и на руку, а ты женатый...

— Хорошо, хорошо... Мы поговоримъ объ этомъ потомъ, когда гости уйдутъ.

Вернувшись въ столовую, Матовъ отвѣтилъ на нѣмой вопросъ Вѣры Васильевны:

— Ольга Ивановна по секрету доказывала мнѣ, что я плохой хозяинъ, и доказывала очень трогательно.

Бережецкій брезгливо пожалъ плечами. Онъ „не переваривалъ“ Ольги Ивановны, которая возмущала его своимъ неумѣньемъ держать себя. Для Бережецкаго все заключалось именно въ приличіяхъ, а Ольга Ивановна нѣтъ-нѣтъ и скажетъ что-нибудь такое, что̀ покоробитъ воспитаннаго въ строгихъ приличіяхъ человѣка.

Къ концу ужина начались шумные разговоры. Самгинъ хохоталъ, какъ дикарь, запрокидывая голову. Около него сидѣлъ Щепетильниковъ и разсказывалъ анекдоты.

— Ахъ, ты, кошки тебя залягай!—повторялъ пенстовый старикъ.—Этакъ ты и уморишь меня, ежовая голова.

У Щепетильникова была заведена особая книжечка, въ которой онъ

аккуратно записывалъ каждый новый анекдотъ. Отправляясь куда-нибудь въ гости, онъ перечитывалъ свою запись и выбиралъ подходящіе къ случаю анекдоты, начинавшіеся стереотипной фразой: „А вотъ какой случай вышелъ, господа...“. Барминъ все время за ужиномъ молчалъ, вопросительно поглядывая на Войвода. Но получался одинъ отвѣтъ: „Нужно подождать“. Чего же было еще ждать? Лихонинъ возьметъ и уѣдетъ—вотъ и дождешься. Если бы еще онъ пилъ,—тогда другое дѣло. Потомъ Барминъ сердился на Вѣру Васильевну, которая рѣшительно не умѣла заинтриговать сибирскаго магната. А еще красивая женщина... Единственная надежда оставалась на кофе и ликеры, потому что Лихонинъ чувствовалъ къ нимъ слабость, хотя вино дѣлало его еще болѣе зеленымъ и безжизненнымъ. На бѣду, къ Лихонину точно прилипъ докторъ Окуневъ и одолѣвалъ его какими-то медицинскими разговорами самаго мрачнаго свойства,—о модной неврастеніи, прогрессивномъ параличѣ, о разныхъ типахъ душевнаго разстройства.

— Да? — устало спрашивалъ Лихонинъ.—Это очень интересно... И въ концѣ концовъ ваши паціенты умираютъ, докторъ?

— Не всегда, но бываютъ случаи.

Впрочемъ, докторъ неожиданно всѣхъ выручилъ, когда заявилъ, что онъ игрокъ по натурѣ и что онъ только воздерживается отъ крупной игры изъ принципа.

— Это очень интересно...—засмѣялся Лихонинъ.—Произведемте опытъ. А что̀ касается принципа, то вѣдь это вещь слишкомъ условная. Хотите, докторъ, я буду играть на ваше счастье?

Это смутило почтеннаго эскулапа, вызвавъ общій смѣхъ.

— Со мной такъ мало денегъ...—смущенно объяснялъ онъ.

— Ничего, мы повѣримъ вамъ на слово! — отозвалось нѣсколько голосомъ, а Самгинъ прибавилъ:

— Ставлю за дохтура сотельный билетъ. Гдѣ наше не пропадало!..

— Тогда, господа, лучше перейдемте въ кабинетъ... — предложилъ Матовъ.—Здѣсь неудобно.

Анненька была глубоко возмущена и открыто протестовала:

— Что̀ же это такое: опять карты? Какъ вамъ не стыдно, господа?.. Кто же будетъ занимать дамъ?

Ее уже никто не слушалъ, даже Бережецкій, который хотѣлъ показать Лихонину за карточнымъ столомъ, какой онъ умный человѣкъ.

„Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ“,—

продекламировалъ кто-то, когда гости сразу поднялись со своихъ мѣстъ.

## XIII.

Докторъ порядочно струсилъ, когда Лихонинъ повелъ его подъ руку въ кабинетъ, — вотъ попался-то, какъ разъ заставятъ проиграть рублей сто. И отказаться нельзя, когда самъ Лихонинъ проситъ.

— Докторъ, вы скажите, что играете только въ штоссъ, — шепнулъ ему Матовъ.—Онъ играетъ только въ преферансъ.

Это было неожиданное спасеніе, и докторъ повеселѣлъ.

Дамы, дѣйствительно, остались въ самомъ неловкомъ положеніи, лишившись въ лицѣ Бережецкаго послѣдняго кавалера.

— Я, кажется, скоро начну кусаться съ тоски,—ворчала Анненька, негодуя на противныхъ мужчинъ.—Даже этотъ несчастный Щепетильниковъ, и

тотъ утянулся въ кабинетъ... Ему-то какое горе, что другіе будутъ играть? Впрочемъ, я его успѣла огорчить. Да... Я ему сказала, что у него борода скрипкой, и онъ обидѣлся.

Ольгѣ Ивановнѣ съ теткой опять пришлось хлопотать по хозяйству, чтобы поставить для гостей свѣжую закуску и новую партію винъ. Будутъ безъ конца пить и ѣсть, какъ всегда на этихъ проклятыхъ карточныхъ вечерахъ. Да и для Лихонина можно постараться. Такіе гости не часто бываютъ... Вѣра Васильевна и Анненька оставались въ гостиной однѣ.

— Это просто кошачья скука,—жаловалась Анненька, забавно надувая щеки.

— Ничего, поскучаемъ, — утѣшала Вѣра Васильевна. — Въ жизни немного веселаго...

— Нѣтъ, мой папенька-то хорошъ... Ахъ, какъ я желала бы, чтобы онъ проигрался! Не болтай впередъ, не смущай другихъ...

Изъ кабинета раза два выходилъ Войводъ и вопросительно смотрѣлъ на жену.

— Я подожду...—отвѣчала она съ покорной улыбкой.—Пожалуйста, позабудь о моемъ существованіи. Мы займемся здѣсь съ Анненькой.

Потомъ вышелъ Матовъ, который въ качествѣ хозяина не садился играть. Онъ усталъ опустился на стулъ и проговорилъ:

— Лихонина усадили наконецъ. Онъ, Бережецкій и Бармин[illegible] Григорьичъ составляетъ резервъ... Анненька, вы пошли бы въ кабинет[illegible] и посмотрѣли за папашей. Онъ, кажется, серьезно собирается рѣзаться въ и[illegible].

— Понимаю: вы меня выживаете, — обидѣлась дѣвушка, поднимаясь, чтобы уйти. — Хорошо, я не буду вамъ мѣшать. Вѣра Васильевна, помните: вы должны мстить...

Когда она ушла, Матовъ заговорилъ усталымъ голосомъ, не глядя на Вѣру Васильевну:

— Вамъ хотѣлось посмотрѣть, какъ я живу,—вотъ вся моя обстановка. Сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня... Странно, что въ послѣднее время я себя чувствую у себя дома какимъ-то незнакомцемъ. Я — чужой въ этихъ стѣнахъ, и я даже удивляюсь, зачѣмъ я здѣсь.

— Какая трогательная заботливость о собственной особѣ... Мнѣ это даже нравится, то-есть вѣчная забота только о самомъ себѣ. Сегодня я заставила себя прійти сюда, чтобы посмотрѣть васъ въ вашей домашней обстановкѣ, и не раскаиваюсь. Вѣдь изъ мелочей складывается вся жизнь... Я вижу вашу обстановку и, говоря откровенно, ревную васъ къ каждому стулу.

Она принужденно засмѣялась. Онъ смотрѣлъ на нее такими грустными глазами и молчалъ.

— Да, я не должна была сюда приходить, — продолжала она немного сдавленнымъ голосомъ.—Но меня тянула неудержимая сила. Женщины любопытны, у нихъ своя логика... Я знаю, что вы счастливы, и одно ужъ это дѣлаетъ меня несчастной... Пожалуйста, не прерывайте меня. Вѣдь вы любите говорить о себѣ, и я хочу говорить о себѣ. Вы говорите мнѣ о своихъ чувствахъ, даете мнѣ это понять всѣмъ своимъ поведеніемъ и не хотите знать только одного, именно, какъ мнѣ живется. Мужчины объ этомъ меньше всего думаютъ... Напримѣръ, сейчасъ: я на своемъ посту и дежурю, какъ дежурятъ всѣ жены игроковъ. Можетъ-быть, Лихонинъ осчастливитъ меня своимъ вниманіемъ... Вы довольны?

— Молчите, молчите... Ради Бога, молчите!..

Она поднялась и прибавила уже задыхающимся шопотомъ:

— Знаете, недавно я говорила вамъ, что люблю васъ... Нѣтъ, я не лгала, какъ сейчасъ не солгу, если скажу, что ненавижу васъ. О, какое это ужасное чувство!.. Мнѣ иногда дѣлается даже страшно за самоё себя. Какія дикія мысли являются въ головѣ. Да, я пришла сюда и принесла съ собой весь свой душевный адъ. Довольны вы?

— Вѣра Васильевна...

Онъ поднялся и докончилъ:

— Вы правы... да. Мы такъ легко смотримъ на нѣкоторыя отношенія, на жизнь, на человѣческую душу... да, вы правы. И ваша правота убиваетъ меня.

Эти объясненія были прерваны появившейся въ дверяхъ Ольгой Ивановной, которая, утирая потъ съ лица, проговорила:

— Охъ, уморилась... Смертынька... Чтой-то, Николай Сергѣичъ, я изъ силъ выбилась, а ты тутъ за чужой женой обихаживаешь! Какая это модель?

— Вѣра Васильевна сидѣла одна, Ольга, и я, какъ хозяинъ, долженъ занимать ее,—оправдывался Матовъ.

— Хорошъ хозяинъ... Вѣра Васильевна не маленькая и сама себя могла бы занять. Вы ужъ меня извините, Вѣра Васильевна, я попросту, все начистоту говорю.

— Николай Сергѣичъ, вы можете насъ оставить,—спокойно и рѣшительно проговорила Вѣра Васильевна.—Намъ необходимо объясниться съ Ольгой Ивановной начистоту, какъ она говоритъ.

Матовъ пожалъ плечами, посмотрѣлъ на возбужденное лицо жены и пошелъ въ кабинетъ, откуда доносился жирный хохотъ Самгина. Ольга Ивановна присѣла на диванъ и обмахивала лицо расшитымъ платочкомъ.

— Ольга Ивановна, мнѣ кажется, что между нами установились какія-то неловкія, натянутыя отношенія, — заговорила первой Вѣра Васильевна, спокойная и увѣренная въ себѣ.

— Какія у насъ отношенія, Вѣра Васильевна?—довольно грубо отвѣтила Ольга Ивановна.—Ежели говорить правду, такъ намъ и разговаривать-то не о чемъ... Вы—образованная, красивая, а я купеческая дочь, помеломъ писаная. Вотъ и весь разговоръ. Дѣло даже самое простое, и строить изъ себя дуру я не желаю. Вся тутъ, какая есть.

— Послушайте, Ольга Ивановна, не будемъ играть словами... Какая вы простая женщина? Вотъ я у васъ въ гостяхъ. Можетъ-быть, этого не слѣдовало дѣлать, но это еще не даетъ вамъ права оскорблять меня на каждомъ шагу, какъ сейчасъ. Такъ простые люди не дѣлаютъ, да я и не заслужила, чтобы такъ относиться ко мнѣ. Вы только представьте себѣ, что я гораздо лучше, чѣмъ вы думаете, и допустите мысль, что вы можете ошибаться...

— Конь о четырехъ ногахъ, а спотыкается... Мало ли какое слово молвится: слово не воробей,—вылетѣло и не поймаешь.

Вѣра Васильевна видимо волновалась и сдерживала себя. Лицо у нея сдѣлалось такое блѣдное, а глаза казались больше и темнѣе. Ольга Ивановна смотрѣла на нее и любовалась.

„Уродится же этакая хорошенькая бабочка,—думала она про себя.—Ужъ именно всѣмъ взяла... А говоритъ-то какъ, пожалуй, и моего Николая Сергѣича за поясъ заткнетъ. Меня-то, дуру, вотъ какъ заговоритъ... Кругомъ пальца обернетъ“.

Ольга Ивановна больше всего на свѣтѣ боялась именно своей предательской доброты. Давеча вонъ дядюшку Артемія Асафыча готова была пополамъ перекусить, а теперь какъ будто и жаль стараго плута. Вотъ и эту

заблудящую дворяночку какъ разъ пожалѣешь, хоть она и вредная. Ахъ, хороша бабочка, особенно, ежели бы ее по купечеству пустить, а то измотается со своими тоже игрочишками! Ольгѣ Ивановнѣ сдѣлалось даже неловко, когда Вѣра Васильевна затянула паузу, собираясь съ духомъ, и посмотрѣла на нее такими хорошими глазами, точно вотъ читала ее, какъ читаютъ книгу.

— Знаете, о чемъ мы сейчасъ говорили съ вашимъ мужемъ?—продолжала Вѣра Васильевна, набирая воздухъ всей грудью.—Я просила его забыть меня... Васъ это удивляетъ? Спросите у него. Больше: я сказала ему, что ненавижу его. Да... Не скрою, что я, когда была дѣвушкой, очень любила его... Я тогда была такая бѣдная дѣвушка, и у него тоже ничего не было...

— Ну, ужъ извините меня, Вѣра Васильевна,—перебила ее Ольга Ивановна:—извините, а я не вѣрю. И богатыя и бѣдныя дѣвушки—всѣ одинаковы. Въ другой разъ и забыла бы, да вотъ силы нашей бабьей не хватаетъ.

— Вы правы, что всѣ дѣвушки одинаковы, только у богатой сто дорогъ, а у бѣдной одна, да и тутъ еще ее обманутъ... А потомъ она же и встрѣтится со своимъ обманщикомъ. Сладко это ей-то?

— Доведись до меня, такъ я бы ему, этому самому обманщику, показала. Ужъ это послѣднее дѣло, когда мужчина дѣвушекъ обманываетъ. И замужъ-то выйдешь и деньги съ собой въ приданое принесешь, а и то иной разъ вотъ какъ ожигаешься.

— Видите ли: вы обманъ, кажется, понимаете по-своему. До этого дѣло не доходило, а обманъ былъ на душѣ... обѣщалъ человѣкъ... Знаете, какъ въ церкви спрашиваетъ священникъ: „не обѣщался ли кому?“. Да... Васъ удивляетъ, зачѣмъ я въ такомъ случаѣ пришла сюда?..

Искренній тонъ, которымъ все это говорилось, разстроилъ Ольгу Ивановну, и она, не владѣя больше собой, такъ просто замѣтила:

— А вѣдь вотъ этакъ-то вы, Вѣра Васильевна, пожалуй, и разговорите меня... Ей-Богу! Да садитесь рядомъ, красавица. Я хоть полюбуюсь вами. Этакая красота уродится...

— Вамъ опять становится меня жаль? — засмѣялась Вѣра Васильевна.

— А что̀ вы думаете: слово въ слово. Ей-Богу, даже вотъ какъ жаль. Только ужъ говорить-то всего не приходится. Вы думаете, я не понимаю, что вамъ и хотѣлось и не хотѣлось сегодня ѣхать сюда? А я бы, доведись до меня, ни въ жисть не поѣхала бы. Ольга-то Ивановна скора на руку и невѣсть что̀ наговоритъ.

Вѣра Васильевна сѣла рядомъ съ ней на диванъ и заговорила, точно вспоминая какой-то сонъ:

— А вотъ я и пріѣхала... да... Вѣдь я сколько лѣтъ думала о немъ: гдѣ онъ, какъ живетъ, какую женщину любитъ? Я старалась представить себѣ домъ, въ которомъ онъ живетъ... обстановку... комнату, въ которой онъ работаетъ... тѣхъ людей, которые у него бываютъ въ домѣ...

— Вотъ, вотъ. Охъ, и проста же наша сестра, баба!.. Мужчинѣ-то и горюшка мало, а баба-то думаетъ, думаетъ...

— Да... И когда я увидѣла вашъ домъ и обстановку, мнѣ показалось, что я точно когда-то бывала здѣсь, нѣтъ—жила. Вотъ я знаю это окно, мебель, лампу... Вѣроятно, покойникъ, если бы онъ могъ вернуться въ собственный домъ, испытывалъ бы то же самое.

Слово „покойникъ“ заставило Ольгу Ивановну вскочить и замахать руками.

— Что̀ вы, что̀ вы, Вѣра Васильевна? Да развѣ можно такія слова вы-

говаривать, да еще ночью? Еще что̀ попритчится... Нѣтъ, ужъ вы покойниковъ-то оставьте, голубушка. Вдругъ еще во снѣ увижу. Страсть я боюсь покойниковъ...

— Да вѣдь я про себя говорю, Ольга Ивановна!.. Есть люди, которые завидуютъ мнѣ: молодая, красивая, мужъ любитъ, кругомъ поклонники... А между тѣмъ нѣтъ главнаго, именно постояннаго гнѣзда, которое вьетъ каждая женщина. Что̀ можетъ быть несчастнѣе такой бродячей женщины, какъ актриса, жена какого-нибудь артиста или человѣка безъ опредѣленной профессіи, какъ мой мужъ! Мой мужъ старикъ, но я его очень люблю, да и нельзя его не любить... Онъ такъ ухаживаетъ за мной, предупреждаетъ малѣйшее желаніе, переноситъ мои капризы... Да, и когда я встрѣтила Николая Сергѣича, устроившагося, счастливаго, у меня явилось чувство, которое меня испугало,— я его возненавидѣла... Можетъ-быть, вы мнѣ не вѣрите?

— Какъ вамъ сказать: и вѣрю и не вѣрю... Можетъ, и отвѣтила бы [illegible]тъ словъ во мнѣ настоящихъ никакихъ нѣтъ.

[illegible]ъ ужъ вы лучше повѣрьте... У меня даже является желаніе [illegible]лать что-нибудь непріятное... просто заставить испытать физи[illegible]..

[illegible]мо въ мой характеръ! — обрадовалась Ольга Ивановна, обнимая гостью.—А я-то, глупая, приревновала васъ...

## XIV.

Матовъ сильно опасался за результаты бесѣды Ольги Ивановны съ гостьей, и можно себѣ представить его удивленіе, когда онъ, выглянувъ изъ дверей кабинета, собственными глазами увидѣлъ, какъ Ольга Ивановна цѣловала Вѣру Васильевну. Это было такъ неожиданно, что онъ даже протеръ глаза, чтобы убѣдиться, что это не сонъ. Потомъ онъ незамѣтно скрылся, чтобы не помѣшать проявленію нѣжныхъ женскихъ чувствъ.

„Вотъ и пойди, пойми что-нибудь“,—думалъ онъ про себя, отходя къ игрокамъ.

Бережецкій проигрывалъ и сердился. Онъ былъ увѣренъ, что ему мѣшаетъ Анненька, которая сидѣла около него и заглядывала къ нему въ карты. Суевѣріе, конечно, нелѣпость, но, если вамъ не везетъ и если кто-нибудь заглядываетъ къ вамъ въ карты,—это можетъ взорвать самаго хладнокровнаго человѣка. А тутъ еще заглядывала женщина, которая была, конечно, влюблена въ него, какъ и всѣ другія женщины. Прогнать не понимавшую ничего Анненьку, конечно, было неудобно, и Бережецкій, по логикѣ всѣхъ огорченныхъ людей, перенесъ свое недовольство на Бармина, который сегодня, точно на зло, игралъ какъ сапожникъ. Лихонинъ считался непобѣдимымъ преферансистомъ и съ усталымъ видомъ выигрывалъ одну игру за другой. Ему удавались самыя нелѣпыя комбинаціи, и онъ точно угадывалъ всѣ карты, какія были у этого осла Бармина. Бережецкій наконецъ вспылилъ.

— Вамъ нужно играть въ чехарду, а не въ преферансъ!—рѣзко замѣтилъ онъ своему партнеру.

Барминъ поблѣднѣлъ и поднялся, отыскивая глазами подходящій предметъ, которымъ можно было бы пустить прямо въ физіономію Бережецкаго, но на выручку поспѣлъ Матовъ, слѣдившій за нервничавшимъ другомъ.

— Господа, самое лучшее, если составить новую комбинацію, — предлагалъ онъ:—вмѣсто Бармина будетъ играть Иванъ Григорьичъ.

Войводъ металъ штоссъ и дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ. Ему понтировали оба „друга“ милліонеровъ, докторъ и Щепетильниковъ. Ставки

считались копейками, и только Самгинъ, желая поддержать коммерцію, поставилъ на „семитку пиковъ“ триста рублей, каковая и была убита самымъ вѣжливымъ образомъ. Слѣдившій за игрой Гущинъ даже застоналъ отъ огорченія. Вѣдь за триста-то рублей чиновникъ съ кокардой на фуражкѣ служитъ цѣлый годъ, а тутъ Самгинъ точно плюнулъ тремя сотельными билетами.

— Позвольте, я домечу талію за Ивана Григорьича,—предлагалъ Матовъ.

Всѣ охотно согласились, и даже Гущинъ „примазалъ“ двугривенный къ „третьему пункту“.

Подсчитывая въ умѣ проигрышъ, Бережецкій сдѣлалъ пріятное открытіе, что онъ, въ теченіе какого-нибудь часа, спустилъ около шестисотъ рублей. Онъ отличался большой чувствительностью ко всякимъ денежнымъ ударамъ, хотя и старался этого не показывать. Конечно, виноватъ былъ во всемъ этотъ идіотъ Барминъ, и, конечно, Войводъ не будетъ плести лаптей.

Матовъ, откладывая карты направо и налѣво, совсѣмъ не замѣтилъ, какъ въ числѣ понтеровъ очутилась Вѣра Васильевна. Она поставила десять рублей и выиграла.

— Вотъ люблю,—хрипѣлъ Самгинъ.—Удалая барыня, люблю за обычай... Позвольте примазаться... Идетъ четвертной билетъ...

Игра неожиданно оживилась. Барминъ повышалъ куши и быстро сорвалъ банкъ. Матовъ началъ метать новую талію, не глядя на Вѣру Васильевну. Самгинъ хохоталъ и вытаскивалъ изъ разныхъ кармановъ скомканныя кредитки. Даже Анненька увлеклась и непремѣнно желала выиграть. Обратившись къ Бармину, она съ трогательной наивностью спрашивала:

— Максимъ Максимычъ, ну что̀ вамъ сто̀итъ сказать, какая карта не будетъ бита? Я хочу непремѣнно сегодня выиграть... на счастье...

Барминъ улыбнулся и шепнулъ:

— Валетъ червъ будетъ битъ, а дама червъ выиграетъ.

— Вы не шутите?

— Нисколько.

Анненька принялась играть, и дѣйствительно дама червей выиграла три раза. Вѣра Васильевна, ставившая на семерку пикъ, начала проигрывать, что̀ ее волновало и увлекало продолжать дальше. Барминъ угадывалъ какимъ-то чутьемъ счастливыя карты и опять сорвалъ банкъ.

— Закладываю еще триста рублей,—заявлялъ Матовъ.—Вѣра Васильевна, пользуйтесь случаемъ обыграть меня...

Лихонинъ съ улыбкой наблюдалъ Вѣру Васильевну и что-то шепнулъ своему другу Ожигову, который отправился къ столу и началъ ставить тѣ же карты, какъ и Вѣра Васильевна. На этотъ разъ счастье повезло Матову, и онъ началъ отбирать проигранныя раньше деньги. Барминъ забастовалъ.

— Нѣтъ, ты играй!—приставалъ къ нему Самгинъ.—Это тоже не модель: два банка сорвалъ—и въ кусты. Вѣра Васильевна, валяйте въ хвостъ и въ гриву, голубушка...

Ожиговъ, получившій отъ патрона сторублевую ассигнацію, проигрался очень скоро и сообщилъ объ этомъ Лихонину:

— Готовъ, Иннокентій Егорычъ...

— Ну и будетъ съ тебя. Ты глупъ, Андрей...

Войводъ игралъ молча и сосредоточенно. Ему не везло, чему онъ былъ даже радъ. Бережецкій впалъ въ уныніе и продолжалъ игру механически, не желая больше рисковать. А Лихонину везло, какъ утопленнику, и онъ успѣлъ выиграть уже больше тысячи. Бросать игру Бережецкій не хотѣлъ изъ самолюбія. Войводъ игралъ безукоризненно, и нельзя было сорвать на

немъ сердце, какъ давеча съ Барминымъ. Лихонинъ игралъ спустя рукава и занятъ былъ, кажется, больше тѣмъ, какъ играетъ Вѣра Васильевна. Онъ только сейчасъ разсмотрѣлъ, что она и красива, и молода, и пикантна. Каждый проигрышъ дѣлалъ ее еще красивѣе, и онъ любовался ею. Благодаря своимъ наблюденіямъ Лихонинъ сдѣлалъ двѣ ошибки, изъ которыхъ одна принадлежала къ числу непростительныхъ, что̀ оживило Бережецкаго.

„Друзья“ милліонеровъ давно уже прислушивались къ призывному звяканью тарелокъ въ столовой, гдѣ Ольга Ивановна устраивала вторую закуску, и незамѣтно убрались туда. За ними уплелся и Гущинъ, котораго начиналъ одолѣвать сонъ. Старикъ такъ и не могъ улучить свободной минуты для переговоровъ съ Матовымъ.

— Ты все еще здѣсь?—удивилась Ольга Ивановна, столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ столовой, и прибавила уже другимъ тономъ:—А впрочемъ, Богъ съ тобой... Ступай, угощай этихъ прохвостовъ. Лѣзутъ, безстыжіе, первыми къ закускѣ, точно для нихъ все приготовлено. Да смотри, чтобы не лакали дорогого вина... Ладно имъ и водку пить, въ самую пору.

— Ахъ, племянница, развѣ я не понимаю порядка въ дому? Ужъ вотъ какъ постараюсь... Вотъ только бы любезная сестрица Парасковья Асафовна не помѣшала...

— У ней голова разболѣлась... Ну, иди скорѣе.

„Третій пунктъ“ и Ожиговъ не дожидались приглашенія и сами приступили къ закускѣ, вспоминая лучшіе дни, когда сами кормили и поили разныхъ проходимцевъ. Гущинъ напрасно старался подсовывать имъ закуску подешевле, какъ сосиски, грибы и сыръ,—прохвосты знали толкъ въ закускахъ лучше его и выбирали самое лучшее, какъ омары, сыръ бри, страсбургскій пирогъ и т. д.

— Ты намъ не мѣшай, пожалуйста,—вѣжливо устраняли они услуги Гущина.—Ты и во снѣ не видалъ, что̀ мы ѣдали. Да, отваливай!..

Выпивъ рюмокъ по пяти и закусивъ, прохвосты сочли нужнымъ облегчить душу откровенными разговорами, причемъ Лихонинъ и Самгинъ оказались порядочными дураками и негодяями.

— Ну, еще твой Самгинъ хоть самъ наворовалъ денегъ,—объяснялъ Ожиговъ,—а мой-то родительскимъ денежкамъ глаза протираетъ. Родитель-то сколько народу по міру пустилъ, и воръ былъ настоящій, двухъорловый. Да, было времечко, когда онъ приходилъ ко мнѣ и въ ногахъ валялся: „Андрей Ильичъ, голубчикъ, заставь вѣчно Бога молить...“ Ну, и спасалъ. Конечно, по человѣчеству, пожалѣешь... Да... А сейчасъ Иннокентій Егорычъ рыло воротитъ и за приживальца считаетъ.

— И со мной точно такая же штука,—признавался „третій пунктъ“.— Только я своему Ироду спуска не даю... Нѣтъ, братъ, шалишь, не на таковскаго напалъ.

Дальше Гущинъ узналъ, что и Чагинъ и Ожиговъ живутъ у своихъ „друзей“ только пока, и что впереди ихъ ожидаетъ самая блестящая будущность, только переждать ненастье. Когда были выпиты еще пять рюмокъ, началась разборка всей подноготной патроновъ, причемъ они еще разъ оказались дураками и негодяями, а по пути досталось и ихъ добрымъ знакомымъ, не исключая дамъ. Роль Вѣры Васильевны была опредѣлена однимъ словомъ:

— Приманка!

— Много ли нашимъ дуракамъ нужно: увидали юбку и раскисли,— пояснялъ „третій пунктъ“, оказавшійся спеціалистомъ по женскому вопросу.

## XV.

За второй ужинъ сѣли уже въ три часа ночи. Барминъ устроилъ такъ, что Лихонинъ очутился за столомъ рядомъ съ Вѣрой Васильевной.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—вздыхалъ Самгинъ, выпивая первую рюмку.—Однимъ словомъ, жисть. Иннокентій Егорычъ, знаете, чѣмъ отличается человѣкъ отъ скотины?

— Скажите...

— Скотина, ежели сыта, ѣсть не будетъ, а нашъ братъ, человѣкъ, и сытый ѣстъ... За второй ужинъ садимся.

— Да... Но вѣдь палку на палку нехорошо, а ужинъ на ужинъ еще можно терпѣть,—въ тонъ отшутился Лихонинъ.

Онъ старался занимать сосѣдку и нѣсколько разъ повторилъ, что ея лицо ему знакомо и что, кажется, онъ гдѣ-то ее встрѣчалъ.

— Послушайте, такъ знакомятся только на пароходахъ и въ плохихъ водевиляхъ,—засмѣялась Вѣра Васильевна, глядя на него улыбавшимися глазами.—Я думаю, вы столько встрѣчали на своемъ вѣку всевозможныхъ женщинъ, что вамъ такъ же трудно ихъ отличить, какъ булавки въ коробкѣ. У женщинъ одинъ неисправимый недостатокъ: онѣ похожи другъ на друга именно какъ булавки.

— Такъ что вы находите положеніе мужчины довольно труднымъ?

— Да, не могу позавидовать... Мужчины гораздо интереснѣе, начиная съ того, что они отличаются другъ отъ друга даже пороками. Женщины счастливы уже тѣмъ, что могутъ исправлять мужчинъ, а главное—постоянно прощать.

Этотъ отвѣтъ понравился магнату, и его глаза оживились. Сосѣдка была съ пониткомъ и отвѣчала такъ просто и свободно, точно они были вѣкъ знакомы. Бережецкій ревниво наблюдалъ за Вѣрой Васильевной и брезгливо удивлялся тому, какъ она можетъ разговаривать съ этимъ золотымъ выродкомъ. Матовъ нѣсколько разъ подходилъ къ другу и спрашивалъ:

— Что съ тобой, Игнатій?

— Со мной? Рѣшительно ничего особеннаго... Просто наслаждаюсь обществомъ. Небольшая, но милая компанія...

Анненька ужасно хотѣла спать и даже не слушала, что говорилъ ей Щепетильниковъ, который сидѣлъ съ ней рядомъ и разсказывалъ, вѣроятно, что-то очень остроумное, потому что самъ первый смѣялся. Ольга Ивановна напрасно показывала ей глазами на кавалера. Анненька не желала ничего замѣчать и едва сдерживала зѣвоту. Докторъ Окуневъ былъ доволенъ поведеніемъ дочери и смѣялся про себя надъ Щепетильниковымъ. Да, молодой человѣкъ былъ глупъ и ничего не смыслилъ въ физіологіи: когда женщина хочетъ спать, безполезно истощать свое остроуміе.

— Папа, отправимся на минутку домой, какъ дѣлаютъ китайцы,—просила его Анненька.

— Еще одну минуточку подождемъ... Знаешь, какъ-то неудобно уходить первыми, потому что это всегда служитъ сигналомъ для другихъ гостей. Я не желаю огорчать Ольгу Ивановну. Она всегда такъ внимательна къ тебѣ...

— Папочка, у меня челюсти сводитъ отъ зѣвоты.

Анненька потомъ была счастлива, что послушалась отца и осталась, потому что сдѣлалась свидѣтельницей цѣлаго событія, вѣрнѣе, начала событія, игравшаго роль и въ ея жизни.

Вѣра Васильевна чувствовала себя какъ-то лучше обыкновеннаго; ей

было даже весело, она шутила и смѣялась. Анненька не видала ее такой и подошла спросить, что̀ съ ней случилось.

— Ахъ, не знаю...—шопотомъ отвѣтила Вѣра Васильевна.—Мнѣ хочется дурачиться и сдѣлать что-нибудь такое... Меня, напримѣръ, забавляетъ мосье Бережецкій. Да... Посмотрите, какой онъ сегодня надутый.

— А мнѣ его жаль,—вступилась Анненька.—Я буду за нимъ ухаживать. Щепетильниковъ мнѣ ужасно надоѣлъ своими глупостями, а Бережецкій умница. Это всѣмъ извѣстно...

Анненька сѣла рядомъ съ Бережецкимъ и начала его занимать.

— Мы только-что говорили о васъ съ Вѣрой Васильевной.

— Да?—устало отвѣтилъ Бережецкій.—Мнѣ остается только благодарить за вниманіе... Но мнѣ кажется, что Вѣра Васильевна занята чѣмъ-то другимъ.

— Вѣра Васильевна, онъ намъ не вѣритъ,—жаловалась Анненька черезъ столъ.

— На мѣстѣ Игнатія Борисовича я бы очень повѣрила,—замѣтила Вѣра Васильевна.

— А я ему могу только позавидовать,—прибавилъ Лихонинъ.—Самое дорогое въ нашей жизни—это вниманіе женщинъ.

— Игнатій Борисовичъ усталъ,—защищала Анненька.—Сюда онъ пріѣхалъ прямо со службы. А вѣдь ихъ судейская служба, я знаю, очень тяжелая... Не правда ли, Игнатій Борисовичъ?

— Какъ всякая служба; особеннаго удовольствія не представляетъ,—капризнымъ тономъ отвѣтилъ Бережецкій, польщенный общимъ вниманіемъ.

— Я рѣшительно васъ не понимаю, Игнатій Борисовичъ,—не унималась Анненька.—Вы, насколько мнѣ извѣстно, человѣкъ со средствами, и я на вашемъ мѣстѣ ни за что не стала бы служить.

— У каждаго свой вкусъ, во-первыхъ,—прокурорскимъ тономъ объяснялъ Бережецкій:—во-вторыхъ, я не смотрю на службу, какъ на доходную статью, которая должна доставлять извѣстный заработокъ, и въ-третьихъ, каждый добивается того, чего ему недостаетъ...

Матовъ, слышавшій только вопросъ Анненьки, прибавилъ отъ себя:

— Игнатій Борисычъ, Анненька, служитъ изъ-за чести...

— Вотъ это мило,—подхватила Вѣра Васильевна и захохотала.—Игнатій Борисовичъ только-что сказалъ, что каждый добивается того, чего недостаетъ.

Послышался общій смѣхъ. Бережецкій вскочилъ, блѣдный, какъ полотно, и проговорилъ, обращаясь къ Матову:

— Николай Сергѣевичъ, вы позволяете себѣ слишкомъ много... да... чтобы не сказать больше, и я... да, я нахожу ваше дешевое остроуміе неумѣстнымъ... да, неумѣстнымъ!

— Игнатій, да ты съ ума сошелъ!—удивился Матовъ.—Какая тебя муха укусила? Я и не думалъ оскорблять тебя...

— Такъ дѣлаютъ только трусы!—визгливо закричалъ Бережецкій.—Вы отлично все слышали, а сейчасъ лжете, какъ трусъ...

— Я—трусъ?!—вспылилъ Матовъ.—Такъ могутъ говорить только пустоголовые негодяи... Да, негодяи!

Бережецкій оглядѣлся кругомъ и проговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Негодяй? Я не буду дожидаться, чтобы меня отсюда выгнали въ шею.

Онъ повернулся и, не прощаясь ни съ кѣмъ, пошелъ къ двери.

Вся эта сцена произошла такъ быстро, что дамы не успѣли вступиться и предупредить ссору. Опомнилась первой Ольга Ивановна и бросилась догонять уходившаго Бережецкаго. За ней выскочили Анненька и Гущинъ.

— Игнатій Борисычъ... Игнатій Борисычъ, голубчикъ...—умоляла Ольга Ивановна, хватая разгнѣваннаго гостя за рукавъ.—Куда вы? Николай Сергѣичъ извинится... Онъ, право, не желалъ васъ оскорблять...

Бережецкій остановился въ дверяхъ передней и засмѣялся.

— Представьте себѣ, Ольга Ивановна, у меня есть свои уши, и свои глаза, и свой умъ... Право, я могу немного понимать...

Выйди въ этотъ моментъ Матовъ, и, вѣроятно, ссора кончилась бы примиреніемъ, но Матовъ не вышелъ.

— Это я виновата во всемъ, Игнатій Борисычъ,—со слезами въ голосѣ увѣряла Анненька.—Вы лучше разсердитесь на меня, а Никъ не виноватъ... Если вы уйдете, я буду плакать...

— Вы, кажется, принимаете меня за гороховаго шута?—сухо отвѣтилъ Бережецкій.

Гущинъ забѣжалъ въ переднюю и старался вѣжливо загородить дорогу, но Бережецкій оттолкнулъ его.

— Убирайтесь вонъ, дуракъ!

Это происшествіе, послѣ минутной паузы, заставило всѣхъ гостей подняться изъ-за стола. Вѣра Васильевна чувствовала, что мужъ ею недоволенъ, но это ее только забавляло. Когда Анненька вернулась въ столовую, она ей шепнула:

— Анненька, я начинаю мстить...

Матовъ считалъ долгомъ оправдаться передъ гостями и доказывалъ, что онъ даже не могъ слышать отвѣта Бережецкаго, потому что въ это время говорилъ съ Войводомъ. Гости пожимали плечами, высказывали сочувствіе и стремились къ выходу.

Только Ожиговъ и „третій пунктъ“ остались очень довольны случившимся скандаломъ. Въ нихъ проснулась профессіональная жажда происшествій на уголовной подкладкѣ.

— Матовъ правъ, и я на его мѣстѣ залѣпилъ бы прокурору прямо въ ухо,—говорилъ Ожиговъ тономъ спеціалиста.—Со мной былъ точно такой случай... Ко мнѣ въ Томскѣ подходитъ одинъ субъектъ и говоритъ: „Вы—негодяй!“. И еще будь бы знакомый человѣкъ... Ну, я ему отвѣчаю: „Милостивый государь, мы не настолько близко знакомы, чтобы позволять себѣ такія слова“. Тррахъ!.. Однимъ словомъ, укомплектовалъ.

## XVI.

Ссора Бережецкаго и Матова сдѣлалась въ Сосногорскѣ своего рода злобой дня. Нашлись злые языки, которые объясняли ее соперничествомъ изъ-за Вѣры Васильевны, что̀, въ качествѣ очевидца, подтверждалось и милѣйшимъ докторомъ Окуневымъ.

— Cherchez la femme,—повторялъ онъ, подмигивая.

Наступили праздники, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія событія.

Другимъ событіемъ, волновавшимъ весь Сосногорскъ, было то, что Лихонинъ остался на праздники, и въ клубѣ велась ожесточенная игра. Противъ магната изъ клубныхъ игроковъ составилась настоящая коалиція. Играли на паяхъ, какъ въ промышленномъ предпріятіи или на биржѣ. Лихонинъ это зналъ и спокойно шелъ противъ всѣхъ, застрахованный своими капиталами. Онъ бралъ перевѣсъ въ томъ рискѣ, который безконечно могъ позволять себѣ, и компанія проигрывала день за днемъ. Войводъ скоро убѣдился, что съ Лихонинымъ ничего не подѣлаешь, и махнулъ на него рукой. Въ общемъ онъ

для притравы милліонера проигралъ тысячи три и теперь старался только отыграться, чтобы свести свои счеты на нѣтъ. Зато другіе игроки лѣзли на стѣну и ставили послѣдніе гроши ребромъ.

Игра велась въ клубѣ, гдѣ всѣ игорныя комнаты были биткомъ набиты. Играли врачи, учителя, инженеры, золотопромышленники, чиновники и тѣ особенные люди, которые встрѣчались только въ Сосногорскѣ и про которыхъ говорили, что они живутъ своими средствами. Это были темныя личности, промышлявшія скупкой краденаго золота.

Клубная жизнь вообще получила небывалое оживленіе. Такъ называемые семейные вечера недавно еще представляли собой необитаемую пустыню, и два-три танцующихъ кавалера, завидѣвъ жаждущую танцовать дѣвицу, удирали въ игорныя комнаты самымъ малодушнымъ образомъ. Теперь семейные вечера были полны и всѣ веселились до упаду, а на маскарадахъ происходила настоящая давка.

Вѣра Васильевна почти никуда не показывалась, даже въ театры, гдѣ давались пьесы спеціально для праздничной публики. Она сидѣла дома, усталая, скучающая и недовольная. Изъ дамъ бывала одна Анненька, которая одна своей наивной болтовней умѣла разсѣять тяжелую хандру. Дѣвушка являлась обыкновенно съ жалобой на отца.

— Нѣтъ, это ужасно, Вѣра Васильевна! Онъ преслѣдуетъ меня по пятамъ, какъ тѣнь... Я наконецъ желаю быть самой несчастной вдовой, только бы освободиться отъ этой родительской инквизиціи. „Анненька, гдѣ ты была?“, „Анненька, съ кѣмъ ты вчера разговаривала въ клубѣ?“, „Анненька, ты слишкомъ много себѣ позволяешь, когда разговариваешь съ мужчинами“. Однимъ словомъ, Анненькѣ пошевелиться нельзя.

— Бѣдняжка...——жалѣла ее искренно Вѣра Васильевна.

— А главное, папа портитъ мнѣ характеръ. Вѣдь каждая дѣвушка должна выйти замужъ, всѣ мои подруги по гимназіи уже замужемъ, мнѣ двадцать три года, а я все еще нахожусь въ пріятномъ ожиданіи.

— Бережецкій, кажется, ухаживаетъ за вами, Анненька?

— Бережецкій?! Да я его ненавижу... Это какая-то несчастная машинка, мусьякъ, вообще—идіотъ.

— Ну, вотъ видите, какъ трудно угодить на васъ...

— Слѣ бываетъ у васъ?

— Да...

— И Матовъ тоже? А если они встрѣтятся? Это будетъ ужасно...

— Они никогда не могутъ встрѣтиться, потому что, если у подъѣзда стоитъ лошадь Матова—Бережецкій проѣзжаетъ мимо, и наоборотъ.

— Ахъ, какіе хитрые! — удивлялась Анненька. — А я дорого бы дала, чтобы посмотрѣть на ихъ встрѣчу. Мужчины такъ смѣшно сердятся...

Анненька, между прочимъ, сообщила послѣднія сосногорскія новости и ходившія по городу сплетни, отъ чего Вѣра Васильевна никакъ не могла ее отучить.

— Представьте себѣ, Вѣра Васильевна, что все это я сама отлично понимаю,—увѣряла Анненька:—понимаю, что дѣлаю нехорошо, а удержаться никакъ не могу... Должно-быть, это у меня въ крови, по наслѣдству отъ милаго папаши. Потомъ, у насъ всѣ дамы только этимъ и занимаются...

— Мало ли что дѣлаютъ другія, Анненька...

Бережецкій бывалъ чаще Матова и почему-то началъ замѣтно ухаживать за Вѣрой Васильевной, что сначала ее смѣшило, а потомъ начало злить. Впрочемъ, онъ старался не надоѣдать своимъ вниманіемъ, не переносилъ

сплетней и ни однимъ словомъ не упоминалъ о Матовѣ, какъ будто его не существовало на свѣтѣ. Какъ всѣ ограниченные люди, Бережецкій былъ влюбленъ въ себя и носился съ каждой своей мыслью, какъ съ сокровищемъ. Сейчасъ онъ почему-то впалъ въ специально-дворянское настроеніе, и Вѣра Васильевна узнала очень много интересныхъ вещей.

— Вѣра Васильевна, вы знаете, что я человѣкъ безъ предразсудковъ,— начиналъ обыкновенно Бережецкій.—Да, совершенно безъ предразсудковъ, но есть вещи, которыя я никакъ не могу переварить.

— Именно?

— Да недалеко ходить... Вотъ мы живемъ въ бойкомъ, хотя и уѣздномъ городѣ, а какая здѣсь публика — промышленники, купцы, чиновники. Нѣтъ центра, нѣтъ руководящей силы, которая задавала бы тонъ... Я говорю о дворянствѣ, какъ о сословіи. Тѣ дворяне, которые встрѣчаются здѣсь, — совершенно безпочвенный народъ, и на нихъ, говоря откровенно, жалко смотрѣть. Они дискредитируютъ самую идею дворянства, которая должна лежать въ основѣ нашего общественнаго строя. Дѣлается просто жаль самого себя, когда подумаешь, что убиваешь, можетъ-быть, лучшіе годы среди какихъ-то дикарей, ошеломляющей жажды скорой наживы, неутоляемыхъ ничѣмъ аппетитовъ и, вообще, варварства и невѣжества. Я, напримѣръ, чувствую, какъ начинаю опускаться самъ... Да, я не хочу обманывать себя. Къ чему эти ночи, проведенныя за карточнымъ столомъ? Къ чему эти нелѣпыя знакомства, которыя завтра разрѣшаются какимъ-нибудь скандаломъ? Некультурность вѣдь—тоже сила, которая засасываетъ васъ и порабощаетъ...

„Къ чему онъ все это говоритъ?“—думала Вѣра Васильевна, напрасно стараясь проникнуть въ смыслъ этихъ рѣчей.

У Бережецкаго являлся даже меланхолическій видъ, и онъ разыгрывалъ непонятую натуру. Вѣра Васильевна ему нравилась, и онъ точно хотѣлъ ее разжалобить.

Разъ, когда Бережецкій сидѣлъ и томилъ своими разглагольствованіями, произошла довольно комическая сцена. Какими-то путями, вѣроятно, подкупивъ Марка, ворвался Гущинъ. На старикѣ лица не было.

— Вамъ, вѣроятно, нужно видѣть Ивана Григорьича? — предупредила его Вѣра Васильевна.

— Никакъ нѣтъ-съ...

Гущинъ покосился на Бережецкаго и замялся.

— Мнѣ, собственно говоря-съ, нужно видѣть васъ... — прибавилъ онъ, набираясь храбрости.

— Меня?—удивилась Вѣра Васильевна.—Можете говорить все... Секретовъ, кажется, у насъ нѣтъ.

— Помилуйте, какіе тутъ секреты! Очень даже просто могу все вотъ при Игнатіи Борисычѣ объяснить-съ... вполнѣ-съ... Даже, можно сказать, лучше-съ.

— Если я мѣшаю...—заявилъ Бережецкій, поднимаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь...—удержала его Вѣра Васильевна.

— Всѣмъ даже весьма извѣстно, Вѣра Васильевна... Пришелъ васъ слезно просить... да... послѣдняя моя надежда...

— Именно?

— Видите ли-съ, сударыня... Николай Сергѣичъ бываютъ у васъ, и ежели бы вы ему замолвили одно словечко, они для васъ все на свѣтѣ сдѣлаютъ... Вѣдь шесть тысячъ у меня пропадаютъ за ними... Недавно въ клубѣ они проиграли три тысячи, а мнѣ платить не желаютъ-съ, и никакъ ихъ не могу поймать.

— Ну, это не мое дѣло,—сухо отвѣтила Вѣра Васильевна.—Я въ чужія дѣла вообще не люблю вмѣшиваться. Это мое правило.

— Вѣра Васильевна, заставьте вѣчно Бога молить, — приставалъ Гущинъ.—На колѣнкахъ буду просить...

— Нѣтъ, нѣтъ... У меня совсѣмъ не такія отношенія съ Николаемъ Сергѣичемъ, чтобы просить его о чемъ-нибудь.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Гущина, и онъ долго ждалъ въ каморкѣ Марка, когда уѣдетъ Бережецкій.

— Говорилъ я тебѣ, процентъ, что ничего не выйдетъ, — бормоталъ Маркъ, напившійся съ утра.—Оно и вышло по-моему.

— Бережецкій помѣшалъ, чтобы ему пусто было...

Маркъ называлъ Гущина „процентомъ“ и безъ зазрѣнія совѣсти требовалъ съ него каждый разъ двугривенный на поправку. Гущинъ вообще не выносилъ хамовъ, но „въ нѣкоторое время“ и хамъ могъ пригодиться, какъ было сейчасъ.

Попытка проникнуть къ Вѣрѣ Васильевнѣ, когда уѣхалъ Бережецкій, оказалась тоже неудачной. Горничная Дуня была неумолима и повторяла одно:

— Барыня устали и никого не велѣли принимать...

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это другихъ нельзя, а меня можно, — напрасно увѣрялъ Гущинъ.

— И про васъ было сказано, чтобы особенно не допускать...

— Эхъ, плохо твое дѣло, процентъ!—отъ души жалѣлъ Маркъ.

## XVII.

Вѣра Васильевна давно привыкла къ одиночеству, особенно по вечерамъ, когда мужъ уѣзжалъ куда-нибудь въ клубъ, и это одиночество ее не тяготило. Нужно замѣтить, что они постоянно ѣздили по Россіи, и эти путешествія не давали времени скучать. Но въ Сосногорскѣ они зажились дольше обыкновеннаго, и кромѣ того Иванъ Григорьичъ, повидимому, предполагалъ остаться здѣсь надолго. Купленный у Самгина пріискъ поневолѣ прикрѣплялъ къ мѣсту.

Говоря откровенно, Вѣра Васильевна совсѣмъ не знала средствъ мужа и источниковъ этихъ средствъ. У него было имѣніе гдѣ-то въ Малороссіи, потомъ онъ гдѣ-то служилъ и вообще не нуждался. Что̀ касается игры, то и тутъ она не могла бы сказать, что онъ профессіональный картежникъ, а просто игралъ, какъ играютъ всѣ другіе... Завѣтной мечтой и его и ея было купить маленькій клочокъ земли гдѣ-нибудь въ Крыму, на самомъ берегу моря.

— Вотъ только продамъ имѣніе въ Малороссіи, и тогда у насъ все будетъ,—повторялъ Иванъ Григорьичъ, когда Вѣра Васильевна начинала мечтать о тихомъ южномъ уголкѣ.—Только необходимо выждать время, чтобы не продешевить...

Такъ время и шло годъ за годомъ, а выгодный покупатель все не являлся. Вѣра Васильевна рѣшительно не понимала, зачѣмъ мужу понадобился золотой пріискъ,—эта нелѣпая затѣя точно отодвигала ихъ завѣтную мечту поселиться въ Крыму. Но она не вмѣшивалась въ дѣла мужа и не спрашивала. Она не понимала, что Войводъ именно за этимъ и пріѣхалъ на Уралъ, чтобъ превратиться въ золотопромышленника, что̀ не составляло никакого труда, а давало извѣстное положеніе. Этотъ счастливый планъ былъ предложенъ Войводу на ярмаркѣ въ Нижнемъ Барминымъ, какъ своего рода громоотводъ. Да, настоящій золотопромышленникъ, и никто не можетъ заподозрѣть въ шуллерствѣ. Кстати, въ семьѣ уральскихъ коренныхъ золотопро-

мышленниковъ встрѣчалось немало пришлыхъ, совершенно случайныхъ людей, прижившихся на Уралѣ. Дѣло было „за обычай“ и никого не могло удивлять. Затѣмъ, въ средѣ игроковъ Сосногорскъ пользовался большой извѣстностью, какъ настоящее золотое дно, гдѣ проигрывались въ карты цѣлыя состоянія. Много было дикихъ денегъ, и велась изъ года въ годъ крупная игра. Присмотрѣвшись къ дѣлу, Войводъ рѣшилъ, что въ Сосногорскѣ можно серьезно поработать, особенно, если не торопиться. Въ самомъ воздухѣ здѣсь царилъ духъ легкой наживы.

Въ Сосногорскѣ Вѣра Васильевна въ первый разъ испытала, что̀ такое настоящая тоска. Она никакъ не могла устроиться, какъ устраивалась раньше, и свободное время являлось неотступнымъ врагомъ. Она даже не могла читать, какъ это бывало раньше, и все думала, думала и думала. На первомъ планѣ, конечно, стояла эта глупая встрѣча съ Матовымъ, вызвавшая цѣлый рядъ молодыхъ воспоминаній. И любовь, и ненависть, и женская обида—все перемѣшалось, вызывая жажду чего-то неиспытаннаго, отнятаго, какъ тѣ чудные сны, которые проснувшійся человѣкъ никакъ не можетъ припомнить.

Глухая тоска охватывала Вѣру Васильевну главнымъ образомъ по вечерамъ, когда дневной шумъ смѣнялся гнетущей тишиной. Дуня въ эти часы что-нибудь работала у себя въ комнатѣ, и швейная машинка трещала у ней въ проворныхъ молодыхъ рукахъ, какъ стальной кузнечикъ. Вѣра Васильевна по цѣлымъ часамъ прислушивалась къ этой безконечной женской работѣ и подъ монотонное постукиваніе все думала и думала, точно ея мысли бѣжали по невидимымъ ступенькамъ, отбивая тактъ. Эти ступеньки неизмѣнно уводили ее въ далекое прошлое, и она опять переживала все съ начала, что̀ казалось забытымъ и похороненнымъ навѣки. Настоящее рисовалось, наоборотъ, какъ-то смутно, и Вѣра Васильевна старалась даже не думать о немъ, отдаваясь теченію. Если бы Матовъ только подозрѣвалъ, какъ она его любила въ такія минуты... Это была даже не любовь, а что-то ужасное. Она точно умирала и смотрѣла на самоё себя откуда-то изъ другого міра. Странно, что, когда Матовъ бывалъ у нихъ—это чувство быстро исчезало, какъ бѣгутъ отъ солнца ночныя тѣни. Онъ казался ей совершенно не тѣмъ Матовымъ, о какомъ она привыкла думать, и этотъ ненастоящій Матовъ раздражалъ ее, какъ живое зло.

Иногда на нее нападалъ безотчетный страхъ, и ей начинало казаться, что она сходитъ съ ума. Это было ужаснѣе всего. Мужъ замѣчалъ это настроеніе и дѣлался съ ней по-отечески строгимъ. Въ такія минуты онъ приказывалъ и распоряжался, и она была довольна, что можетъ обходиться безъ собственной воли, и повиновалась, какъ сонамбула. Потомъ все разрѣшалось слезами, какъ грозовая туча дождемъ, и Вѣра Васильевна дѣлалась опять сама собой, до слѣдующаго приступа молчаливаго отчаянія.

Именно въ одну изъ такихъ сумасшедшихъ минутъ Анненька овладѣла Вѣрой Васильевной и потащила ее въ клубный маскарадъ.

— Голубчикъ, Вѣра Васильевна, вамъ это совсѣмъ не интересно,—наговаривала Анненька, помогая Вѣрѣ Васильевнѣ одѣваться, — но вы сдѣлаете это для меня... Вы только представьте себѣ мое счастье... Я хоть на нѣсколько часовъ избавлюсь отъ родительской опеки и буду сама собой. Душечка, я вамъ привезла и домино и маску.

— Что̀ же я тамъ буду дѣлать, Анненька?

— Ахъ, Боже мой... Будемъ веселиться и дѣлать маленькія глупости, которыя позволяются только въ маскарадахъ. Женщина подъ маской совершенно другое существо, и вы не узнаете самой себя.

— Да?

— Будемъ кого-нибудь интриговать. Папа тоже будетъ въ клубѣ, и я его буду интриговать. Не правда ли, какъ это смѣшно? Потомъ есть еще одинъ человѣкъ... Мы пріѣдемъ попозже, послѣ двѣнадцати, когда маскарадъ будетъ въ полномъ разгарѣ.

Клубъ былъ полонъ, когда онѣ пріѣхали. Танцовальная зала была освѣщена электричествомъ, которое придавало лицамъ рѣзкія очертанія. Нетанцующіе мужчины столпились въ дверяхъ и нагло осматривали проходившихъ мимо масокъ, отпуская по ихъ адресу шутки и каламбуры. Однимъ словомъ, всѣхъ охватило спеціально-маскарадное настроеніе, которое заразительно подѣйствовало даже на Вѣру Васильевну, особенно, когда въ толпѣ мужчинъ она узнала своего мужа. Ей вдругъ сдѣлалось весело, захотѣлось болтать, смѣяться, слушать маскарадныя глупости и самой повторять ихъ.

— Вотъ Бережецкій, — шепнула Анненька, подталкивая Вѣру Васильевну.—Заинтригуйте эту машинку. Ахъ, какой у него побѣдоносный видъ... Одурачьте его.

Вѣра Васильевна съ маскарадной храбростью подошла къ Бережецкому, взяла его подъ руку и повела въ угловую залу, гдѣ стояли мягкіе диванчики и были устроены уютные уголки. Она чувствовала, какъ онъ взвѣшивающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на ея перчатки, на кусочекъ шеи, выставлявшійся изъ-подъ домино, на брильянтовую булавку и, видимо, остался доволенъ произведеннымъ экзаменомъ.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить серьезно, — говорила Вѣра Васильевна, мѣняя голосъ.—Я желаю тебя предостеречь отъ большой опасности... Ты часто бываешь въ домѣ, гдѣ мужъ старикъ, а жена молодая. Ты ухаживаешь за женой, а она, какъ кошка, влюблена въ Матова.

— Знаю... Но что же изъ этого?

— Старикъ—извѣстный шуллеръ, а жена — приманка для такихъ глупыхъ людей, какъ ты. Да, мнѣ жаль тебя, потому что ты плохо кончишь.

— Именно?

— Или проиграешься, или будешь играть роль болвана. Недаромъ Матовъ говоритъ, что не встрѣчалъ человѣка глупѣе...

— Вѣдь это легко сказать про кого угодно, особенно за глаза. Для этого не нужно особенной храбрости...

— Ты умно отвѣтилъ...

— Иногда случается...

— Знаешь, я тебѣ дамъ одинъ совѣтъ.

— Я слушаю...

— Тебѣ хочется досадить Матову? Да? Вообще, сдѣлать крупную непріятность... да?

— Какъ сказать... пожалуй.

— Но ты не умѣешь этого сдѣлать, и я тебя научу. Вѣроятно, у Матова достаточно разныхъ грѣшковъ?

— Даже слишкомъ достаточно... Если бы я хотѣлъ, то могъ бы сжить его со свѣта. Ты слыхала когда-нибудь о наслѣдствѣ Парфенова?

— О, да... Слѣпой мужъ, котораго отравила жена, чтобъ получить наслѣдство? Знаю... Но вотъ этого именно и не слѣдуетъ дѣлать, то-есть поднимать большое дѣло. А нужно взять самое маленькое, какіе-нибудь пустяки... Громкіе процессы создаютъ героевъ, а маленькія преступленія убиваютъ человѣка.

— Маска, ты права...

— Я повторяю только то, что̀ раньше слышала отъ тебя же.

— Развѣ я говорилъ что-нибудь подобное?

— Да...

— Тѣмъ лучше... Мнѣ пріятно думать, что я не глупый человѣкъ и что Матовъ ошибается на мой счетъ.

## XVIII.

Они помѣстились въ углу уютной комнаты и весело болтали, какъ встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки старые знакомые.

— Ты молода и красива,—говорилъ Бережецкій.—Я это чувствую. Но я тебя не знаю.

— А ты любишь красивыхъ женщинъ?

— Изрѣдка...

— Какъ это вѣжливо... Ты не чувствуешь даже того, что я влюблена въ тебя.

— Сними маску—тогда я и почувствую.

— Любопытство губитъ и мужчинъ такъ же, какъ женщинъ. Довольно съ тебя и того, что̀ ты знаешь... Да, я молода и красива. У меня много поклонниковъ...

— Тебѣ кто-нибудь нравится?

— Одинъ ты...

— Благодарю. Ты повторяешься...

— Любовь кричитъ, когда ее не хотятъ понять. Мужчины не понимаютъ, какъ счастлива женщина, когда чувствуетъ, что ее любятъ... Это своего рода опьяненіе счастливаго побѣдителя. Вѣдь мы покупаемъ свое маленькое женское счастье слишкомъ дорогою цѣной... Вотъ сейчасъ мы сидимъ и болтаемъ разный маскарадный вздоръ, а когда я вернусь домой и останусь одна...

— Ты замужемъ?

— Сказать правду не рѣшаюсь, а обманывать не умѣю. Я не дѣвушка...

Она придвинулась къ нему совсѣмъ близко, взяла его за руку и наклонилась къ плечу такъ, что онъ чувствовалъ ея дыханіе. Эта близость молоденькой, красивой женщины начинала его волновать. Особенно его раздражалъ ея шопотъ, ласковый и вызывающій, какъ мурлыканье разыгравшагося котенка.

— Милый... милый...

— Послушай, маска, я давеча охотно повѣрилъ тебѣ, что я умный человѣкъ, а сейчасъ ты, кажется, хочешь меня лишить этого маленькаго преимущества...

— Ш-ш-ш...

Она однимъ движеніемъ отскочила отъ него, точно ее что̀ обожгло. Въ дверяхъ показался Матовъ, на рукѣ у котораго Анненька висѣла, какъ дѣтская кукла. Матовъ что-то говорилъ ей съ своей лѣнивой небрежностью. Анненька увидала Вѣру Васильевну и потащила своего кавалера къ ней, позабывъ о томъ, что Матовъ и Бережецкій не кланяются.

— Я счастлива... о, какъ я счастлива! — повторяла она, обнимая Вѣру Васильевну и стараясь измѣнить голосъ.

— Это кто съ тобой? — спрашивала Вѣра Васильевна, продолжая маленькую комедію.

— Ты не знаешь Матова? Ха-ха... Нашъ общій любимецъ публики... Посмотри, какое у него умное лицо!

— А я именно послѣдняго и не замѣтила... Впрочемъ, я страдаю близорукостью.

Враги смѣшно смотрѣли въ разныя стороны. Бережецкій точно весь окостянѣлъ, что̀ выходило уже совсѣмъ смѣшно. Анненька наклонилась къ Вѣрѣ Васильевнѣ и шепнула:

— Я влю-бле-на...

— Въ кого?

— Это мой маленькій секретъ. Ахъ, какъ я счастлива!.. Мнѣ кажется, что всѣ, рѣшительно всѣ завидуютъ мнѣ.

Она взяла Матова подъ руку и потащила его въ танцовальную залу. Онъ усталъ и, когда проходили мимо дверей въ буфетную комнату, остановился и сдѣлалъ напрасную попытку освободить свою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! — протестовала Анненька. — Я тебѣ не позволю пить... Тебѣ это вредно. Посмотри на себя въ зеркало, какое у тебя лицо: носъ красный, глаза воспаленные... Притомъ у меня деспотическій характеръ.

— Очень жаль...

— Кого?

— Конечно, самого себя... Быть въ рабствѣ у женщины — самое позорное занятіе.

— Мужчина созданъ быть рабомъ, особенно ты. У тебя рабство въ крови...

— Послушай, маска, а если бы мы поужинали?

— Ты хитришь, мой милый... Это только предлогъ, чтобы напиться. Все равно, я маски не сниму...

— А если я хочу страдать, вспоминая наше знакомство? Маска рѣшительно ничего не говоритъ сердцу...

Вѣра Васильевна, болтая съ Бережецкимъ, почувствовала какъ-то вдругъ страшную усталость. Этотъ замороженный кавалеръ надоѣлъ ей до тошноты. Она бросила его, даже не простившись. Какъ хорошо было бы поскорѣе уѣхать домой. Клубное помѣщеніе было не велико, и дѣлалось душно. Вѣра Васильевна отправилась разыскивать Анненьку, храбро продиралась сквозь двигавшуюся одной живой стѣной толпу. Анненьки нигдѣ не было. Въ двери буфета Вѣра Васильевна видѣла только широкую спину Матова, — онъ закусывалъ стоя. У Вѣры Васильевны начинала кружиться голова отъ жары и духоты. Анненьку она наконецъ нашла и не узнала въ первое мгновеніе. Дѣвушка забралась въ самую дальнюю комнату и сидѣла неподвижно на диванѣ совершенно одна.

— Анненька, я васъ не узнаю! — удивлялась Вѣра Васильевна, подсаживаясь къ ней. — Анненька — и сидитъ вдругъ одна!..

— Что̀ же тутъ удивительнаго? — сухо отвѣтила Анненька, отодвигаясь, когда Вѣра Васильевна сѣла рядомъ съ ней.

Этотъ тонъ смутилъ Вѣру Васильевну. Ей такъ хотѣлось разсказать Анненькѣ содержаніе своего разговора съ Бережецкимъ. На что могла она разсердиться?

— Васъ огорчилъ чѣмъ-нибудь Матовъ? — спросила Вѣра Васильевна, подбирая слова.

— Нисколько... Онъ, слава Богу, умѣетъ себя держать.

— Однако вы какая-то странная... Впрочемъ, я не имѣю права и не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Анненька молчала.

Вѣра Васильевна очень рѣдко сердилась, но въ данномъ случаѣ не могла себя сдержать. Ей было обидно за собственное настроеніе, за желаніе быть откровенной, любящей и хорошей. Анненька рѣшительно не желала ничего понимать.

— Неужели она меня ревнуетъ къ Матову?—мелькнуло въ головѣ Вѣры Васильевны.

Наступила неловкая и тяжелая пауза. Вѣра Васильевна старалась подавить въ себѣ тяжелое чувство незаслуженнаго ничѣмъ оскорбленія. Она такъ хорошо и просто любила вотъ эту самую Анненьку...

— Анненька, я васъ рѣшительно не узнаю.

— Ахъ, оставьте меня, ради Бога!

Изъ-подъ маски на Вѣру Васильевну посмотрѣли такіе злые и нехорошіе глаза. Вѣра Васильевна хотѣла уже подняться и уйти, какъ ей пришла одна мысль въ голову, которая освѣтила все: въ Анненькѣ просыпалась женщина... Вотъ эта странная дѣвушка, которая сидѣла съ ней рядомъ, изнемогала подъ наплывомъ перваго чувства. Анненька полюбила... Случилось именно то, чего она такъ страстно домогалась... Слѣдующею мыслью Вѣры Васильевны было то, что Анненька влюбилась именно въ Матова и на этомъ основаніи ревнуетъ ее. Ей сдѣлалось и обидно, и больно, и какъ-то страшно. Между двумя женщинами легла цѣлая пропасть...

Анненька продолжала молчать, стараясь не смотрѣть на Вѣру Васильевну. Ее душили безпричинныя слезы. Ей хотѣлось куда-то убѣжать, спрятаться, исчезнуть. Вѣра Васильевна поднялась и сдѣлала движеніе уйти. Анненькѣ хотѣлось ее удержать, сказать что-то такое хорошее, приласкаться, но она сидѣла, какъ очарованная, и не могла шевельнуться.

— Анненька, прощайте!..

Анненька не шевелилась. Вѣра Васильевна молча пожала ей руку и быстро пошла къ дверямъ. Издали доносились звуки бальной музыки; по диванчикамъ ютились счастливыя парочки; кто-то громко смѣялся... Вѣрѣ Васильевнѣ вдругъ сдѣлалось страшно. Тамъ, за этими стѣнами, холодная, зимняя ночь, темнота и холодное одиночество... Она быстрыми шагами вернулась къ Анненькѣ, крѣпко ее обняла и прошептала:

— Мнѣ хочется разсказать все, все... исповѣдаться... Вы правы, Анненька: я дурная и нехорошая женщина.

## XIX.

Вѣру Васильевну охватила страстная жажда исповѣди. Вертѣвшіяся въ ея головѣ мысли точно душили ее. Она тяжело дышала и чувствовала, какъ вся холодѣетъ. Именно теперь она должна разсказать все, когда вотъ эта самая Анненька относится къ ней почему-то враждебно.

— Говорите, я слушаю, — холодно отвѣтила Анненька, не мѣняя позы.

Вѣра Васильевна быстро принялась разсказывать, какъ она въ своемъ одиночествѣ вынашивала мстительное чувство къ Матову и какъ сегодня научила Бережецкаго нанести ему рѣшительный ударъ.

— Вѣдь это могъ придумать только женскій умъ!.. — объясняла она. — Только наша женская безсильная злоба можетъ создать подобныя комбинаціи...

— По-вашему, Матовъ погибъ? — иронически замѣтила Анненька.

— Да...

— Бережецкій глупъ...

— На это у него хватитъ ума.

— Я не понимаю, почему вы такъ сильно волнуетесь... Все это такіе пустяки, о которыхъ рѣшительно не стоитъ даже говорить.

— Да?.. Мы, голубчикъ, говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ. Впрочемъ, все это ни къ чему... Меня мучитъ собственное ничтожество.

Анненька вдругъ засмѣялась. Нашли чѣмъ испугать Матова! И кто

явится мстителемъ? Идіотъ Бережецкій!.. А эта Вѣра Васильевна просто сошла съ ума, потому что влюблена въ Бережецкаго, какъ кошка.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Анненькѣ пришлось разочароваться въ своей увѣренности. Разъ отецъ пріѣхалъ раньше обыкновеннаго къ обѣду: онъ дѣлалъ это, когда нужно было сообщить какую-нибудь самую свѣжую городскую новость.

— Представь себѣ, Матовъ-то...—говорилъ онъ еще въ передней, снимая шубу: — то-есть не Матовъ, а Бережецкій... Нѣтъ, не Бережецкій, а этотъ старый дуракъ Гущинъ... Весь городъ уже знаетъ. Для Матова все кончено!

— Да говори, папа, толкомъ. Я рѣшительно ничего не понимаю...

— Я заѣзжалъ къ двумъ присяжнымъ повѣреннымъ... Положимъ, они большіе негодяи и враги Матова, но отъ этого ему не легче. Представь себѣ, Гущинъ предъявляетъ въ окружный судъ подложный матовскій вексель...

— Не можетъ быть!—возмутилась Анненька. — Все это лгутъ!..

— И на самую ничтожную сумму... что-то на двѣсти рублей. Дѣло въ томъ, что этотъ вексель составленъ отъ имени одного купца, который ослѣпъ... Тутъ и нотаріусъ попалъ... Да, да... Общій переполохъ. Такого скандала у насъ еще не случалось...

— А что же самъ Матовъ?

— Онъ играетъ въ клубѣ... Ему говорили, а онъ только смѣется.

— Значитъ, все пустяки,—рѣшила Анненька.

Это извѣстіе ее сильно встревожило, какъ она ни старалась себя сдержать. Съ ней вообще творилось что-то странное, именно послѣ встрѣчи съ Матовымъ въ маскарадѣ. Раньше для нея Матовъ былъ просто хорошій знакомый, съ которымъ было всегда весело, а тутъ ей сдѣлалось какъ-то его жаль, — такой большой и сильный мужчина, а ей безотчетно было его жаль. Она только тутъ поняла, что онъ пропадаетъ и быстро катится по наклонной плоскости. Эти вѣчные кутежи, азартная игра въ карты, домашній адъ—все это были только отдѣльныя стороны матовской погибели. Анненькѣ казалось, что, если бы нашлась женщина, которая полюбила бы его всей душой (ужъ совсѣмъ не такъ, какъ Вѣра Васильевна), онъ могъ бы сдѣлаться совершенно другимъ человѣкомъ. Вѣдь любящая женщина всесильна, и если бы Матовъ... Дальше мысли Анненьки запутывались въ непроходимомъ лабиринтѣ, пока она не пришла къ убѣжденію, что эта спасающая женщина — именно она, Анненька. О, какъ хорошо было у нея на душѣ, когда вопросъ былъ рѣшенъ. Теперь рѣшительно все на свѣтѣ казалось ей другимъ, а люди — такими маленькими и ничтожными. Въ дѣвушкѣ просыпалась женщина...

У Вѣры Васильевны Анненька не была со времени маскарада и отправилась къ Ольгѣ Ивановнѣ, чтобы собрать справки на мѣстѣ. Но, какъ оказалось, Ольга Ивановна ничего не знала. Анненька повернулась одну минутку и отправилась къ Вѣрѣ Васильевнѣ. У Войводовъ обѣдъ былъ поздній, и она попала какъ разъ къ обѣду. Ея появленіе заставило Войвода прекратить какой-то разсказъ, хотя онъ встрѣтилъ гостью съ обычною любезностью и проговорилъ:

— А вы насъ совсѣмъ забыли, Анна Евграфовна... Старыхъ друзей забывать вообще не принято.

— Я была не совсѣмъ здорова...—солгала Анненька, краснѣя.—У меня болѣли зубы...

Вѣра Васильевна сидѣла, опустивъ глаза. Появленіе Анненьки было ей непріятно, какъ живая иллюстрація къ разсказу мужа о скандальномъ процессѣ Матова.

— Вы, конечно, уже слышали послѣднюю новость? — спрашивалъ Войводъ.—Мы только сейчасъ говорили съ Вѣрой о ней...

— Нѣтъ, я все время сидѣла дома и ничего не знаю...—еще разъ соврала Анненька.

— Да-а...—тянулъ Войводъ, прожевывая кусокъ ростбифа.—Нашъ общій любимецъ публики попался въ скверную исторію... Я не говорю, что онъ виноватъ, но у него бываютъ моменты какого-то удивительнаго легкомыслія. Въ данномъ случаѣ онъ едва ли отдѣлается дешево, хотя я и не желаю дѣлать дурныхъ предсказаній.

Войводъ, не торопясь, разсказалъ, въ чемъ дѣло и гдѣ грозитъ Матову главная опасность. Анненька вся замерла, точно въ нее заколачивали гвозди. Угнеталъ ее больше всего спокойный и ровный тонъ, которымъ говорилъ Войводъ.

— Чѣмъ же это можетъ кончиться?—спросила она упавшимъ голосомъ:— то-есть въ худшемъ случаѣ...

— Гм... Конечно, все зависитъ отъ присяжныхъ засѣдателей. Да... Въ случаѣ обвиненія, будетъ лишеніе особенныхъ правъ и ссылка не въ столь отдаленныя мѣста. Въ положеніи Матова это равносильно гражданской смерти...

Анненька вскочила и со слезами въ голосѣ заговорила:

— Это несправедливо!.. Это гнусно!.. Этого не можетъ быть!.. Присяжные засѣдатели должны его оправдать... Развѣ Никъ можетъ сдѣлать подлогъ? Я этому никогда, никогда не повѣрю...

Войводъ вопросительно посмотрѣлъ на жену и только пожалъ плечами.

— Я тоже увѣренъ, что присяжные его оправдаютъ,—прибавилъ онъ.— И дѣло по существу самое пустое...

„Ты такъ говоришь потому, что ревнуешь Матова къ женѣ, — думала Анненька.—Да, ты радуешься, скверный старичишка!.. А я поѣду къ Гущину и буду его умолять на колѣняхъ взять обратно этотъ проклятый вексель. Наконецъ я сама заплачу ему, сколько слѣдуетъ... У меня есть золотые часы, браслеты, брошки,—все продамъ, чтобы выкупить негодную бумажонку!“

Кончивъ обѣдъ, Войводъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы выкурить послѣобѣденную сигару. Въ столовой водворилось самое неловкое молчаніе.

— Вы довольны?—проговорила наконецъ Анненька.

Вѣра Васильевна посмотрѣла на нее спокойными глазами и отвѣтила однимъ словомъ:

— Да!..

Анненька поднялась и, не прощаясь, выбѣжала въ переднюю. Отъ Войводовъ она отправилась разыскивать Гущина, который жилъ гдѣ-то на самомъ краю города. Старикъ былъ крайне удивленъ, когда въ его комнату вошла Анненька, взволнованная, раскраснѣвшаяся отъ мороза и такая красивая, какою онъ ее еще не видалъ. Она присѣла на стулъ, чтобы перевести духъ, и только потомъ проговорила:

— Я пріѣхала къ вамъ выкупить тотъ вексель, который вы предъявили къ судъ...

Гущинъ только развелъ руками.

— Онъ у господина прокурора, а я тутъ ни при чемъ...

— Какъ ни при чемъ? Вѣдь вы могли не предъявлять его въ судъ? Разъ вы предъявили—вы можете и взять его обратно.

— Никакъ нѣтъ-съ!.. Дѣло уголовное-съ, и ему данъ законный ходъ-съ.

— Вы... вы — негодяй!..

— А это ужъ какъ вамъ будетъ угодно-съ...

## XX.

Весь городъ былъ занятъ толками о дѣлѣ Матова, которое обсуждалось на всѣ лады. Какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, общественное мнѣніе раздвоилось: одни были на сторонѣ Матова, другіе — противъ него. Проявленіе общественнаго мнѣнія принимало бурный характеръ, особенно въ клубѣ. Нужно замѣтить, что большинство было не на сторонѣ Матова. Люди, которые еще недавно заискивали предъ нимъ и считали его своимъ лучшимъ другомъ, сейчасъ нападали на него съ особеннымъ азартомъ, точно старались выкупить напрасно затраченную энергію. Старикъ Войводъ достаточно видѣлъ на своемъ вѣку всевозможныхъ метаморфозъ, по этотъ случай его прямо возмущалъ, какъ проявленіе самыхъ темныхъ инстинктовъ толпы. Вѣдь судъ будетъ, присяжные скажутъ свое слово,—зачѣмъ же торжествовать и радоваться прежде времени?

Это дѣло вообще доставляло Войводу немало непріятностей, начиная съ того, что Вѣра Васильевна страшно волновалась. Самое скверное было то, что она волновалась молча и ничего не говорила мужу, какъ дѣлала обыкновенно. Потомъ самъ герой дня—Матовъ—началъ ѣздить ужъ очень часто, и Вѣра Васильевна послѣ каждаго его визита теряла послѣднія силы и бродила, какъ въ воду опущенная. Такъ нельзя было оставить дальше, и Войводъ рѣшилъ объясниться съ Матовымъ начистоту. Этотъ безумецъ долженъ же понять наконецъ собственное безуміе...

Во всемъ городѣ меньше всѣхъ волновался самъ Матовъ. Онъ бывалъ въ клубѣ каждый вечеръ и держалъ себя такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Правда, онъ постоянно подкрѣплялъ себя за буфетомъ и уѣзжалъ домой каждый разъ сильно навеселѣ. Войводъ часто встрѣчался съ нимъ вечерами и рѣшился привести въ исполненіе свой планъ именно въ клубѣ, какъ на нейтральной почвѣ. Подходящаго случая не пришлось ждать долго. Разъ Войводъ былъ въ хорошемъ выигрышѣ и отправился въ буфетъ поужинать. Матовъ былъ тамъ и подсѣлъ къ нему.

— Вамъ чертовски везетъ...—заговорилъ Матовъ первымъ.

— Вы находите?

— Общій голосъ... Конечно, нехорошо радоваться чужому несчастью, но я съ удовольствіемъ наблюдаю, какъ мой бывшій другъ Бережецкій все проигрываетъ. Кажется, онъ уже просадилъ тысячъ десять...

— Право, не знаю... Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ; къ тому же меня чужія денежныя дѣла никогда не интересовали.

Матовъ засмѣялся. Всѣ игроки не любили говорить о деньгахъ и картахъ.

— Виноватъ, я болтаю пустяки,—сознался Матовъ, закуривая сигару.— Я тоже не охотникъ до чужихъ дѣлъ, а такъ, сорвалось съ языка...

Войводъ, не торопясь, пилъ красное вино и какъ-то вопросительно смотрѣлъ на Матова. Этотъ взглядъ заставлялъ послѣдняго немного сжаться, какъ не выучившаго урокъ школьника, на котораго смотритъ строгій учитель.

— Вы, кажется, Николай Сергѣичъ, хотѣли намекнуть,—тянулъ Войводъ,—да, намекнуть, что лучшая половина денегъ Бережецкаго перешла въ мой карманъ.. Очень можетъ быть, что и такъ. Не спорю... Вѣдь если разобрать серьезно, такъ въ жизни всѣ мы игроки... Разница только въ томъ, что одни играютъ за своею личною отвѣтственностью, другіе—за чужой счетъ...

— Вы не договариваете...

Войводъ еще разъ посмотрѣлъ на Матова, оглянулся кругомъ—въ столовой никого не было, и, разглаживая бороду, спокойно заговорилъ:

— Вы угадали, Николай Сергѣевичъ... Скажу больше: вы отлично понимаете, о чемъ я хочу поговорить съ вами. Да... Но не будемъ ставить надъ „і“ точку. Я не сталъ бы говорить, если бы не уважалъ васъ, какъ умнаго и очень даровитаго человѣка. Мнѣ просто обидно за васъ...

— Представьте себѣ, что я рѣшительно ничего не понимаю...—смущенно проговорилъ Матовъ.—Если вы хотите говорить о моемъ несчастномъ дѣлѣ, о которомъ въ городѣ звонятъ во всѣ колокола, то...

— Нѣтъ, нѣтъ... Это ваше дѣло, а я хочу поговорить съ вами о томъ, что̀ немного касается и меня.

— А... теперь я понимаю... Я къ вашимъ услугамъ. Я даже могу предупредить вашъ вопросъ и облегчить наше объясненіе: да, я люблю Вѣру Васильевну... О такихъ вещахъ какъ-то не принято говорить мужьямъ, но вы сами пожелали поставить вопросъ ребромъ... Скажу откровенно: я уже давно потерялъ голову.

Войводъ сдѣлалъ глотокъ вина, подвинулся совсѣмъ близко къ Матову и заговорилъ такимъ тономъ, какъ говорятъ очень хорошіе знакомые.

— Что вы потеряли голову—я не буду спорить, а что вы любите Вѣру Васильевну—позвольте мнѣ не согласиться. Да, не любите... Вѣдь вы думаете только о себѣ, а любящій человѣкъ именно о себѣ-то и забываетъ. Скажу проще: зачѣмъ вы мучите Вѣру Васильевну? Вѣдь вы и раньше никогда ее не любили... Вы не знаете, какая это чистая и свѣтлая натура. Вѣдь это ребенокъ, довѣрчивый и любящій, но за каждый шагъ котораго приходится отвѣчать... Замѣтьте, что я ничего не говорю о себѣ, хотя на это и имѣю нѣкоторое право. Могу васъ увѣрить, что именно о себѣ я меньше всего думаю... Да, вы ее не любите.

Матовъ хотѣлъ что-то возражать, но Войводъ его остановилъ движеніемъ руки.

— Позвольте кончить... Вы видите, что я нисколько не волнуюсь, и мы можемъ обсуждать вопросъ съ необходимымъ для него спокойствіемъ. Итакъ, повторяю, вы не любите Вѣры Васильевны, потому что ставите ее въ фальшивое положеніе. Вѣдь такія натуры не гнутся, а ломаются, какъ сталь. Вѣдь, если бы я замѣтилъ, что я лишній и что я именно мѣшаю ей жить, повѣрьте, я нашелъ бы въ себѣ достаточно силы, чтобы устранить себя. Такъ было бы и теперь, если бы... Да, если бы вы сумѣли сдѣлать ее счастливой.

Матовъ вскочилъ и, ероша свои кудри, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Вотъ такъ объясненіе!.. Этотъ старикъ—настоящій крупный звѣрь, который давитъ съ расчетомъ.

— Мое положеніе въ данномъ случаѣ почти комично...—заговорилъ онъ, принимая небрежный тонъ.—Мнѣ трудно оспаривать вашу основную мысль, потому что каждый любитъ по-своему и ненавидитъ по-своему. Общей мѣрки нѣтъ и не можетъ быть... Я могу только повторить то, съ чего началъ: я люблю Вѣру Васильевну, хотя и не разсчитываю на взаимность... Можетъ-быть, это тоже область эгоизма. Но вѣдь весь вопросъ въ томъ, что вы, какъ мнѣ кажется, желаете предъявить ко мнѣ какія-то требованія. Я готовъ ихъ выслушать...

— Требованіе самое простое: вы должны оставить въ покоѣ Вѣру Васильевну, какъ это долженъ сдѣлать каждый порядочный человѣкъ. Это не требованіе, а единственный логическій выводъ... Какъ мужъ, я имѣлъ бы

право высказать это въ нѣсколько иной формѣ, но вѣдь здѣсь дѣло идетъ не обо мнѣ, и я говорю сейчасъ, какъ посторонній человѣкъ. Наконецъ поставьте себя въ мое положеніе и поймите только одно, что я меньше всего имѣю въ виду свои личные интересы...

— Иванъ Григорьичъ, вѣдь это единственное объясненіе въ своемъ родѣ...

Въ столовую вошелъ Галстунинъ, и объясненіе кончилось. Матовъ чувствовалъ только одно: если бы Войводъ избилъ его, ему было бы легче. Войводъ разсчитался за свой ужинъ, спокойно раскурилъ сигару и пошелъ наверхъ, въ „дѣтскую", гдѣ шла неустанная игра. Матовъ догналъ его на лѣстницѣ и, схвативъ за руку, проговорилъ:

– Иванъ Григорьичъ, я не желаю вашего великодушія... Что̀ женщины принимаютъ, какъ должное,—обидно для мужчины.

Войводъ остановился и, не вынимая изо рта сигары, отвѣтилъ:

— Еще разъ вы говорите о себѣ, Николай Сергѣевичъ, причемъ забываете, что обиженная сторона—я... Единственное, что̀ я могу вамъ предложить,—объяснитесь откровенно съ Вѣрой Васильевной сами. Могу васъ увѣрить, что я до сихъ поръ не далъ ей ни малѣйшаго повода, что замѣчаю или подозрѣваю что-нибудь.

Онъ пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, легко и свободно ступая со ступеньки на ступеньку, а Матовъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, чувствуя, какъ все у него кружится въ головѣ.

## XXI.

Въ домѣ Матова происходило нѣчто необыкновенное, чего раньше не было: хозяинъ все чаще и чаще оставался по вечерамъ дома. Парасковья Асафовна только разводила руками и качала головой.

— Ужъ къ добру ли?—сомнѣвалась она.—Когда собака со двора въ избу просится,—примѣта нехорошая.

Ольга Ивановна, напротивъ, была очень довольна и почти счастлива. Въ первое время послѣ свадьбы Николай Сергѣичъ тоже не убѣгалъ изъ дому. Она точно дѣлалась во второй разъ „молодой" и втайнѣ торжествовала надъ оголтѣлою дворяночкой, которая, видно, не сумѣла сманить чужого муженька. Такъ ей и надо! Довольно Ольга Ивановна посидѣла вечерами одна, всего надумалась и досыта наплакалась, а теперь пусть Вѣра Васильевна кулакомъ слезки вытираетъ да со старымъ мужемъ милуется.

— Чтой-то это нашъ-то сахаръ запалъ, любезнѣйшій братецъ Артемій Асафычъ?—удивлялась старая тетка.—Ужъ не померъ ли, грѣшнымъ дѣломъ?.. Тоже вотъ и Щепетильниковъ глазъ не кажетъ. Ну, да этотъ молодой, по своимъ дѣламъ ухлестываетъ...

Матова, дѣйствительно, какъ-то потянуло домой, въ свой уголокъ. Онъ даже бросилъ пить, какъ пилъ раньше. Давно ужъ онъ не занимался серьезно и поотсталъ даже въ своей спеціальности, сравнительно съ другими. Раза два его на судѣ срѣзали неизвѣстными ему кассаціонными рѣшеніями. А тутъ еще нотаріусъ Семибратовъ одолѣваетъ. Перетрусилъ человѣкъ до послѣдней степени. Это былъ бѣлокурый чахоточный молодой человѣкъ съ близорукими глазами и шмыгающею походкой. Онъ пріѣзжалъ къ Матову чуть не каждый день и нылъ безъ конца.

— Весь городъ кричитъ о вашемъ дѣлѣ,—сообщалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— И пусть кричитъ,—равнодушно отвѣчалъ Матовъ.—Покричатъ и перестанутъ, когда надоѣстъ.

— Ахъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ!.. А прокуроръ? Дѣло поступило уже къ нему...

— Мало ли поступаетъ дѣлъ къ прокурору,—не всѣмъ дается ходъ.

— А вотъ нашему и дадутъ ходъ. Чувствую, что пропаду ни за грошъ... Отдадутъ подъ судъ—и кончено, прикрывай лавочку.

— Перестаньте малодушничать. Дѣло у Бережецкаго, а Бережецкій глупъ... Если васъ отдадутъ подъ судъ, и меня вмѣстѣ тоже отдадутъ, а вѣдь я не плачу. Вообще пустяки, о которыхъ не стоитъ даже говорить...

— Вотъ въ этомъ-то и вся суть, что пустяки...

Нытье нотаріуса изводило Матова. Этотъ молодецъ продастъ кого угодно, чтобы только выгородить собственную драгоцѣнную особу. Никогда не слѣдуетъ связываться съ подобными идіотами, чортъ бы ихъ побралъ всѣхъ! Только добрыхъ людей смѣшатъ.

Но малодушіе товарища по несчастью нагоняло и на Матова хандру, особенно по вечерамъ. Ему какъ-то дѣлалось жаль и своего угла, отъ котораго вѣяло всегда нежилымъ, и было совѣстно передъ женой, которую онъ не любилъ. Вѣдь жизнь, право, могла бы сложиться нѣсколько иначе... Есть такіе маленькіе уютные домики, гдѣ живутъ какъ-то особенно по-хорошему и гдѣ доносятъ до старости такія теплыя и хорошія чувства. Невольно перебирая свое прошлое, Матовъ испытывалъ какое-то жуткое чувство. Вѣдь никто не подозрѣвалъ, что онъ совсѣмъ не такой, какимъ казался всѣмъ: адвокатъ-рвачъ, клубный завсегдатай, картежникъ и вообще кутила-мученикъ. Да, характеристика довольно милая!.. Эти мысли неизбѣжно приводили къ самому больному пункту, именно къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Послѣднее объясненіе съ Войводомъ точно обезсилило его, и Матовъ какъ-то не рѣшался ѣхать къ Вѣрѣ Васильевнѣ для рокового объясненія. Его такъ и тянуло туда, и чѣмъ больше тянуло, тѣмъ сильнѣе росла нерѣшимость, какъ у человѣка, который заблудился въ дремучемъ лѣсу и толчется на одномъ мѣстѣ, когда нужно итти прямо. У Матова являлись совсѣмъ малодушныя мысли, на которыхъ онъ себя и ловилъ. Напримѣръ, какъ хорошо, что Ольга Ивановна до сихъ поръ ничего не подозрѣваетъ. Конечно, въ свое время ей все будетъ извѣстно, но когда и что будетъ, а сегодня день прошелъ спокойно.

— Только развяжусь съ этимъ дурацкимъ дѣломъ,—рѣшилъ Матовъ,— и брошу все старое... Довольно!

Ольга Ивановна узнала все скорѣе, чѣмъ предполагалъ Матовъ, и узнала гораздо больше, чѣмъ зналъ онъ самъ. Именно, въ одно прекрасное утро неожиданно явился докторъ Окуневъ, на которомъ буквально лица не было.

— Чтой-то, отецъ, ты совсѣмъ забылъ насъ?—пеняла ему Парасковья Асафовна.

— Николай Сергѣичъ дома?—спрашивалъ старикъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Когда онъ по утрамъ дома сидитъ? Волка ноги кормятъ... Извѣстное ихъ аблакатское положеніе: сколько побѣгалъ, столько и съѣлъ.

— А Ольга Ивановна? Мнѣ необходимо ее видѣть по самому серьезному дѣлу... да...

Когда Ольга Ивановна вышла, докторъ прежде всего попросилъ стаканъ воды, а потомъ уже разсказалъ всю исторію съ подложнымъ векселемъ и то, что не сегодня—завтра Николая Сергѣича отдадутъ подъ судъ. Ольга Ивановна выслушала все внимательно и отвѣтила довольно спокойно:

— Что же, Евграфъ Матвѣичъ, кто что надѣлаетъ, то и получитъ. А

у меня свой капиталъ, и меня это не касаемо... Конечно, по-человѣчеству жаль, а жалостью развѣ поможешь?.. Мнѣ бы это и слушать-то не надобно.

— Да, да...—бормоталъ смущенный докторъ, потирая лобъ рукой.—Вы говорите, что слушать не надобно... да... А я вотъ пришелъ переговорить именно съ вами, Ольга Ивановна, объ одномъ дѣлѣ, которое связано именно съ вашимъ дѣломъ, то-есть съ дѣломъ Николая Сергѣича. Ради Бога, только это между нами, Ольга Ивановна... Представьте себѣ, какой вышелъ казусъ!.. Я совершенно потерялъ голову...

Докторъ, задыхаясь и перебивая самого себя, разсказалъ эпизодъ, какъ Анненька ѣздила къ Артемію Асафычу и предлагала ему выкупить матовскій вексель. Этотъ разсказъ больше всего возмутилъ Парасковью Асафовну.

— Да не змѣй ли? а?!..—негодовала старушка, всплеснувъ руками.—Это все его дѣло... Все онъ подстроилъ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ мое положеніе!—горячился докторъ, отчаянно жестикулируя.—Анненька—дѣвушка... да? И вдругъ ея имя будетъ фигурировать въ этомъ процессѣ... Войдите въ положеніе отца! Ее могутъ вызвать свидѣтельницей въ судъ... Весь городъ теперь только о ней и говоритъ. Мнѣ никуда глазъ нельзя показать... Самое скверное, что могутъ подумать, что она ѣздила подкупать Артемія Асафыча... а? Какъ это вамъ нравится, Ольга Ивановна?

— Я-то при чемъ тутъ?—довольно грубо отвѣтила Ольга Ивановна.—Вотъ ужъ именно, что въ чужомъ пиру похмелье...

— Какъ въ чужомъ пиру? Вы—жена, значитъ, вы должны знать все... Можетъ-быть, вы и подсылали Анненьку. Конечно, она дѣвушка и, конечно, ничего не понимаетъ...

— Да вы бѣлены объѣлись, Евграфъ Матвѣичъ?—возмутилась Ольга Ивановна.—Мнѣ своего-то горя не расхлебать, а тутъ еще вы пристаете со своей Анненькой... Въ первый разъ и о дѣлѣ-то этомъ слышу.

— Ну, ужъ извините, сударыня: никогда не повѣрю! Весь городъ во всѣ колокола звонитъ...

— Значитъ, по-вашему, я врунья?—начала горячиться Ольга Ивановна, наступая на доктора.—Да какъ вы смѣете мнѣ такія слова говорить?!..

— Вѣдь это вы сами сказали: „лгунья", а я ничего подобнаго и не думалъ говорить.

Въ этотъ критическій моментъ послышался звонокъ. Это былъ Матовъ. Когда онъ вошелъ и взглянулъ на живую картину, которую составляли докторъ, жена и тетушка, то безъ словъ понялъ, что все кончено.

— Что̀ вы со мной сдѣлали, Николай Сергѣичъ? Ахъ, что̀ сдѣлали!..—кинулся къ нему докторъ.

— Идемте въ кабинетъ и тамъ поговоримъ,—предложилъ Матовъ, уводя старика подъ руку.—Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ...

— Я сейчасъ поѣду къ змѣю и выцарапаю ему глаза,—рѣшительно заявила Парасковья Асафовна.—Это все его дѣло. Ему ничего не стоитъ всѣхъ насъ погубить.

Усадивъ доктора въ кресло, Матовъ прошелся по кабинету, взъерошилъ привычнымъ движеніемъ свои шелковые кудри и заговорилъ:

— Евграфъ Матвѣичъ, я радуюсь за васъ, что у васъ такая чудная дочь...

## XXII.

Работа общественнаго мнѣнія продолжалась. Матовъ, не обращавшій на него вниманія раньше, теперь не могъ не чувствовать происходившей на его

глазахъ перемѣны теченія. И раньше недостатка во врагахъ у него не было, но это были все люди, такъ или иначе задѣтые имъ, а сейчасъ ему приходилось считаться съ людьми совершенно посторонними, которымъ, повидимому, до него не было никакого дѣла. Онъ это чувствовалъ при встрѣчѣ со знакомыми, которыхъ онъ встрѣчалъ разъ или два въ годъ гдѣ-нибудь на именинахъ или въ клубѣ, причемъ эти шапочные знакомые оказывались особенно строгими и неумолимыми.

Одинъ случай какъ-то ошеломилъ Матова, ошеломилъ именно потому, что онъ не имѣлъ никакихъ уважительныхъ причинъ. Дѣло было въ клубѣ, за ужиномъ. Въ столовой набралось человѣкъ пятнадцать. Были тутъ большею частью все знакомые люди: Самгинъ, винокуренный заводчикъ Бухвостовъ,—однимъ словомъ, все свой народъ. Въ эту компанію попалъ мало знакомый Матову горный инженеръ Ерохинъ, очень почтенный сѣдовласый старецъ, съ такимъ добродушнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ напротивъ Матова и все время улыбался. Старецъ былъ замѣтно навеселѣ и что-то нашептывалъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Бармину, который дѣлалъ серьезное лицо.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ!—сказалъ старецъ съ настойчивостью подгулявшаго человѣка, хотя Барминъ и не думалъ ему возражать.—Да-съ!.. Есть корпоративная честь, общественное мнѣніе. Такъ нельзя-съ... Помилуйте, этакъ всякій будетъ дѣлать, что̀ ему угодно, а я долженъ ему кланяться и благодарить. Въ концѣ концовъ носу-съ некуда будетъ показать...

Матовъ сначала не обращалъ никакого вниманія на горячившагося старца и только по выраженію лица Войвода понялъ, что дѣло идетъ о немъ, Матовѣ.

— Ну, говори, говори, дуй тебя горой!—поощрялъ Самгинъ, радовавшійся каждому скандалу, какъ празднику.

— Что̀ же, я могу и сказать... даже долженъ сказать...—не смущаясь, продолжалъ старецъ и, обращаясь ко всѣмъ, прибавилъ:—господа, среди насъ находится лицо, которое, строго говоря, не должно здѣсь находиться. Да-съ!.. Каждое общественное учрежденіе должно относиться особенно строго къ своей чести.

У Матова захватило дыханіе, и онъ чувстовалъ, какъ вся комната заходила у него предъ глазами. Поднявшись, по адвокатской привычкѣ, онъ проговорилъ:

— Если я не ошибаюсь, вы хотите назвать мою фамилію?

— Вы не ошиблись...—отвѣтилъ старецъ, продолжая улыбаться.—Я нахожу ваше присутствіе здѣсь неумѣстнымъ, какъ лица, скомпрометированнаго въ общественномъ мнѣніи. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но я такъ думаю...

Это былъ ударъ прямо въ лицо, и Матовъ даже не нашелся въ первый моментъ, что̀ ему отвѣтить. Остальные тоже молчали. Довольный произведеннымъ эффектомъ, Ерохинъ добавилъ:

— Я предлагаю, господа, исключить господина Матова изъ членовъ нашего клуба, чтобы этимъ оградить до извѣстной степени свою собственную репутацію. Да-съ!..

Всѣ опять молчали. Неожиданнымъ защитникомъ явился Войводъ, который отчетливо и спокойно отвѣтилъ за всѣхъ:

— Господинъ Ерохинъ, по своему возрасту и настроенію, забылъ одно, что мы пока имѣемъ дѣло съ одними слухами, и самое дѣло еще не принято судомъ... Затѣмъ, если бы оно поступило и подверглось разсмотрѣнію, то вѣдь присяжные могутъ вынести оправдательный вердиктъ, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь.

Старецъ вскочилъ и съ пѣной у рта принялся доказывать, что оправ-

даніе на судѣ еще ничего не доказываетъ, и что члены клуба корпоративно имѣютъ право извергнуть изъ своей среды компрометирующее имя.

— Да-съ, я буду настаивать и внесу въ совѣтъ старшинъ свое заявленіе объ исключеніи господина Матова...

— Послушайте...—заговорилъ Матовъ.—Если бы вы были человѣкомъ не предѣльнаго возраста, я отвѣтилъ бы вамъ иначе, но ваши сѣдины обезпечиваютъ вашу неприкосновенность... Мнѣ лично въ вашей выходкѣ обидно одно, именно, что меня незаслуженно оскорбляетъ почтенный человѣкъ, уважаемый всѣми. Могу только пожалѣть о послѣднемъ...

Этотъ отвѣтъ вызвалъ общее галдѣнье, причемъ большинство было на сторонѣ Матова, но послѣдній уже не вѣрилъ ничему, убѣжденный, что стòитъ ему выйти, какъ разговоръ можетъ принять и другой оборотъ. Онъ поднялся и началъ прощаться. Въ шинельной его догналъ Войводъ и проговорилъ:

— Ѣдемте вмѣстѣ, Николай Сергѣичъ. Я васъ подвезу...

Матовъ былъ страшно взволнованъ и только сейчасъ начиналъ понимать всю силу полученнаго оскорбленія. Собственно говоря, этотъ захмелѣвшій старичокъ, на котораго онъ разсердился, былъ тутъ ни при чемъ, какъ выразитель общественнаго мнѣнія.

Зимняя ночь была свѣтлая. Полозья саней такъ и рѣзали сухой снѣгъ, искрившійся синими переливами. У Войвода были уже свои лошади, какъ и слѣдуетъ золотопромышленнику. Матовъ опомнился только тогда, когда сани остановились у подъѣзда квартиры Войвода. Онъ сдѣлалъ нерѣшительное движеніе, но Войводъ взялъ его подъ руку и повелъ къ двери.

— Вѣрочка ждетъ...—объяснилъ онъ.—Она взяла съ меня слово, что я буду къ ужину.

— Да?—машинально спрашивалъ Матовъ.

— Мы поужинаемъ по-настоящему. Я терпѣть не могу этихъ клубныхъ меню...

На звонокъ выскочила Дуня и съ удивленіемъ смотрѣла, какъ баринъ подъ руку ведетъ своего соперника. Еще больше удивился старый Маркъ, а Вѣра Васильевна, когда къ ней въ столовую явилась съ докладомъ Дуня, испугалась и поблѣднѣла. Она не убѣжала только изъ воспитаннаго въ ней мужемъ повиновенія. Матовъ поздоровался съ ней какъ-то смущенно, и Вѣра Васильевна поняла, что случилось что-то особенное.

— Вы меня извините, Николай Сергѣичъ, что я совсѣмъ по-домашнему,—говорила она, оглядывая свой нарядный капотъ изъ персидской шелковой матеріи.—Вы сами виноваты, что нападаете ночью на беззащитную молодую женщину... Впрочемъ, виноватъ мой мужъ, который силой притащилъ васъ сюда,—я въ этомъ увѣрена. Вы такъ давно не были у насъ, что я должна была подумать, какъ васъ зовутъ...

Матовъ чувствовалъ себя не по себѣ и проклиналъ про себя хитраго стараго мужа, который поставилъ его въ самое дурацкое положеніе. Легкій ужинъ, состоявшій изъ холодной дичи и консервовъ, прошелъ какъ-то неловко, и Матовъ никакъ не могъ попасть въ свой обычный шутливый тонъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Войводъ ни слова не скажетъ женѣ о случившемся сегодня въ клубѣ инцидентѣ, и все-таки чувствовалъ себя, какъ, вѣроятно, чувствовалъ бы себя человѣкъ, которому выдернули здоровый зубъ. Онъ только разъ нашелся, когда Вѣра Васильевна заговорила о дѣлахъ, которыя отнимаютъ время лучшихъ друзей, и проговорилъ съ улыбкой:

— Не дѣла, Вѣра Васильевна, а всего одно дѣло...

Ужинъ вообще прошелъ какъ-то натянуто, и Матовъ былъ радъ, когда очутился на свѣжемъ воздухѣ.

— Зачѣмъ онъ меня затащилъ?—соображалъ онъ, закутываясь въ шубу.—Вообще глупо.

Когда Матовъ ушелъ и супруги остались одни, Вѣра Васильевна, глядя въ лицо мужу, проговорила съ особеннымъ удареніемъ:

— Какъ это мило!.. Не правда ли?

— Я не понимаю, что̀ ты хочешь сказать...

— Вы не понимаете? Ха-ха... Онъ не понимаетъ!..

— Даю тебѣ слово, что не понимаю, что̀ ты хочешь сказать... Я могу обидѣться наконецъ, Вѣрочка.

— Боже мой, сколько великодушія!..

Она поднялась и съ гнѣвнымъ выраженіемъ, отчеканивая слова, проговорила:

— Не будемте играть въ прятки... Вы хотѣли поставить въ глупое положеніе и его и меня. И все это подъ видомъ дружескаго участія... А этотъ несчастный вѣритъ вамъ...

— Вѣрочка!..

— Довольно! Не нужно глупыхъ словъ, то-есть глупыхъ для меня. Вы сегодня торжествуете...

Она, не простившись, ушла въ свою комнату, и старый Маркъ слышалъ, какъ старый баринъ подходилъ къ запертой на ключъ двери въ комнату барыни и говорилъ:

— Вѣрочка... Мнѣ нужно что-то сказать тебѣ.

Отвѣта не было.

## XXIII.

Анненька находилась подъ самымъ строгимъ надзоромъ огорченнаго родителя и все-таки, какъ ящерица, находила свободную минутку, чтобы завернуть къ Матовымъ. Ее неотступно преслѣдовала мысль о Николаѣ Сергѣичѣ, судьба котораго точно была ея судьбой. Ольга Ивановна относилась къ этимъ визитамъ довольно подозрительно и встрѣчала дѣвушку одной и той же фразой:

— Николая Сергѣича нѣтъ дома...

Въ другое время Анненька не перешагнула бы порога матовскаго дома, а сейчасъ она даже не чувствовала обиды. Развѣ ее можно было обидѣть? Да и что̀ такое эта Ольга Ивановна, если разобрать?.. Какое она имѣетъ право такъ относиться къ ней, Анненькѣ? Единственное, что̀ она сдѣлала,—это съѣздила тогда къ Артемію Асафычу, чтобы выручить проклятый вексель. Развѣ Матовъ подозрѣваетъ, какъ она его любитъ,—онъ и не думаетъ о ней. Анненька такъ была полна собственнымъ чувствомъ, что даже и не мечтала о взаимности. О, она такъ мучительно была счастлива...

Къ Матовымъ ее тянуло главнымъ образомъ то, что можно было отвести душу хоть съ Парасковьей Асафовной. Старуха любила зятя и жалѣла его какъ-то особенно хорошо, какъ умѣютъ жалѣть добрыя ворчливыя старушки. Ольга Ивановна только пожимала плечами, когда тетка и Анненька по цѣлымъ часамъ вели между собой тихіе, задушевные разговоры.

— Старуха-то совсѣмъ выжила изъ ума,—рѣшила Ольга Ивановна,—а у докторской Аннушки ума-то и отродясь не бывало...

И Парасковью Асафовну и Анненьку мучила больше всего неизвѣстность, и онѣ по-своему старались „вызнать“ все дѣло. Конечно, виновникомъ всего являлся Артемій Асафычъ.

— Обманулъ онъ тогда тебя, змѣй!—увѣряла Парасковья Асафовна.— Въ глаза обманулъ...

— Нельзя, бабушка. Такой законъ...

— Зако-онъ? Ну, милая, законъ-то, какъ палка, о двухъ концахъ...

Парасковья Асафовна дѣлала уже засылку къ змѣю, чтобы онъ явился для разговора, но змѣй оказался хитрымъ и не желалъ итти.

— Ну, мы къ нему сами нагрянемъ!—рѣшила Парасковья Асафовна.— Да я ему всѣ зѣнки выцарапаю!.. Нѣ-ѣтъ, меня-то онъ не проведетъ, змѣй!..

Онѣ уговорились такъ, что будто старушка пойдетъ ко всенощной, а Анненька ее подождетъ у церкви, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Артемію Асафычу. Такъ онѣ и сдѣлали. Можно себѣ представить пріятное изумленіе старика, когда къ нему заявились гостьи. Онъ совершенно растерялся и виновато бормоталъ:

— Ахъ, любезнюющая сестрица... Въ кои-то вѣки собралась ко мнѣ!.. Анна Евграфовна, голубушка!.. Да какъ я васъ и принимать буду...

— Ну, ну, наговаривай, змѣй подколодный!—сурово начала свой допросъ Парасковья Асафовна.—Говори, а мы тебя послушаемъ...

— Я-съ... Что̀ же я могу вамъ сказать, сестрица?

Анненька присѣла къ столу и молча наблюдала происходившую у нея на глазахъ сцену. Артемій Асафычъ, разговаривая съ сестрой, все поглядывалъ на приперту̀ю дверь въ сосѣднюю комнату.

— Стыдъ-то у тебя есть?—наступала Парасковья Асафовна.

— У каждаго человѣка есть свой стыдъ, сестрица...

— А вотъ у тебя его и не бывало. Вѣдь растерзать тебя мало, змѣя!.. Что̀ ты придумалъ-то? Видно, по поговоркѣ: у кого ѣмъ и пью, съ того и голову рву. Безстыдникъ ты!

— Сестрица, а ежели мои шесть тыщъ пропадаютъ за Николаемъ Сергѣичемъ,—это какъ, по вашему, понимать? Ужъ я-то ходилъ, ходилъ за ними, какъ за кладомъ... да-съ!

— Никто тебя не неволилъ давать деньги, а коли далъ, такъ терпи... Зачѣмъ губить-то человѣка? Да что̀ я съ тобой разговариваю! Поѣзжай сейчасъ же къ прокурору, Игнатію Борисычу, и возьми свой поганый вексель, а добромъ не поѣдешь, такъ я тебя въ окружной-то судъ самого въ мѣшкѣ, какъ поросенка, привезу!

— Ахъ, сестрица, сестрица!—стоналъ Гущинъ.—Развѣ можно разговаривать съ вами при такомъ неистовствѣ словъ съ вашей стороны?

— Убить тебя надо, а не разговоры разговаривать!

— Сестрица, удержите свой собственный языкъ... Вотъ вы выговариваете разныя кусательныя слова, а того и не понимаете, что̀ у меня есть на душѣ. Да-съ!..

— Да что̀ понимать-то? Обмануть кого-нибудь еще хочешь,—вотъ и весь разговоръ!

— А вотъ и не весь... Очень ужъ вы скоры на словахъ, сестрица, а того не понимаете, что, можетъ, я и самъ своей жисти даже совсѣмъ не радъ. Подвели меня, однимъ словомъ, какъ пить дали!.. Конечно, я весьма питалъ злобу къ Николаю Сергѣичу и даже до звѣрства, а только я не зналъ, что̀ и къ чему. Думалъ такъ: устрою имъ непріятность, чтобы они чувствовали, что, хотя я и весьма маленькій человѣкъ, а свой характеръ имѣю и весьма даже его уважаю. Просто хотѣлъ попугать, а тутъ вонъ оно что̀ вышло!.. Можетъ, я-то теперь, какъ осиновый листъ, день и ночь трясусь. Меня же и прижали судейскіе: какъ, да что̀, да почему... Вѣдь и дѣло

самое пустяковое, ежели разобрать. Вчера жена нотаріуса Семибратова пріѣзжала и слезами плакала предо мной, а я, какъ Иродъ, стою предъ ней и ничего не могу подѣлать...

Взглянувъ на запертую дверь, Артемій Асафычъ зажалъ рукой ротъ и закрылъ глаза.

— Тамъ у тебя кто спрятанъ?—спрашивала Парасковья Асафовна и, не дожидаясь отвѣта, отворила дверь.—А, два сапога—пара!..

Въ слѣдующей комнатѣ у окна стоялъ Щепетильниковъ и, заложивъ руки за спину, прислушивался къ горячему спору родственниковъ.

— Ну-ка, иди сюда, сахаръ!—приглашала его Парасковья Асафовна.—Нечего прятаться... Милости просимъ, Павелъ Антонычъ! Аннушка, а ты поговори съ нимъ хорошенько...

Щепетильниковъ былъ очень смущенъ и поздоровался съ Анненькой издали. Дѣвушка смотрѣла на него злыми глазами и въ упоръ спросила:

— Правда ли, Павелъ Антонычъ, что вы ведете дѣло противъ Матова?

— Я... то-есть я... Видите ли, я перешелъ отъ Николая Сергѣича въ помощники къ присяжному повѣренному Колокольцову и долженъ вести тѣ дѣла, которыя онъ мнѣ даетъ. Мнѣ совершенно безразлично, противъ кого приходится выступать въ судѣ.

— Аннушка, а ты хорошенько его, шалыгана!—поощряла Парасковья Асафовна.—А я-то его сколько еще чаемъ поила. Ну, хорошъ мальчикъ, нечего сказать!

— Вы не понимаете, Парасковья Асафовна, о чемъ говорите,—постарался обрѣзать старуху Щепетильниковъ.—А что̀ касается чая, то я его пилъ и до васъ и сейчасъ пью... Къ существу дѣла это не относится нимало.

— Безстыдникъ, безстыдникъ!..—корила Парасковья Асафовна.

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами серьезно,—перебила ее Анненька.

— Къ вашимъ услугамъ...

— Мы уйдемъ съ братцемъ въ другую комнату,—предлагала Парасковья Асафовна.—У насъ свои дѣла, а вы тутъ лучше сговоритесь.

— Мнѣ все равно,—рѣшительно заявляла Анненька.—А лучше будетъ, если вы останетесь. Секретовъ нѣтъ. Павелъ Антонычъ, и вамъ не совѣстно? Смотрите мнѣ въ глаза: вамъ не совѣстно?.. Вы получили высшее образованіе, вы по службѣ въ свое время добьетесь извѣстнаго положенія,—неужели все это только для того, чтобы начать съ предательскаго дѣла?

— Съ женщинами трудно спорить, а особенно что-нибудь имъ доказывать,—отвѣтилъ Щепетильниковъ, принимая дѣловой видъ.—Видите ли, настоящее дѣло можетъ составить начинающему юристу имя, а имя для юриста—все. При чемъ тутъ имена: Николай Сергѣичъ, Иванъ Петровичъ, Григорій Иванычъ?.. Я, дѣйствительно, заинтересованъ въ дѣлѣ господина Матова...

— Парасковья Асафовна, слышите: *господина Матова?* — вспыхнула Анненька, поднимаясь.—Намъ здѣсь нечего дѣлать...

— И то нечего,—согласилась старушка.—Поѣдемъ-ка, Аннушка, домой не солоно хлебавши. Павелъ Антонычъ, благодарствуйте! Недаромъ, видно, я тебя матовскимъ-то чаемъ отпаивала.

На крыльцѣ ихъ догналъ Артемій Асафычъ и, оглядываясь на дверь, проговорилъ:

— Сестрица любезнюющая, ей-Богу, не виноватъ и заслуживаю снисхожденія... Въ лучшемъ видѣ меня заглотали господа адвокаты, какъ щука заглатываетъ ерша. А вся причина идетъ все-таки отъ Вѣры Васильевны... да-съ!

## XXIV.

Вернувшись въ комнату, Артемій Асафычъ въ изнеможеніи опустился на стулъ, на которомъ только-что сидѣла Анненька. Щепетильниковъ шагалъ по комнатѣ, покручивая усики.

— Что̀, доволенъ, Павелъ Антонычъ? — какъ-то простоналъ старикъ.— Да, можно сказать, что сняли вы съ меня голову съ Игнатіемъ-то Борисычемъ... Какъ пить дали! Теперь мараль идетъ по всему городу, и всѣ пальцами на меня тычутъ. Конечно, сестрица Парасковья Асафовна говорила въ неистовствѣ словъ, а ежели разобрать, такъ все сущая правда выходитъ. И Анна Евграфовна тоже правду тебѣ отчитывала... Да!.. Вы-то сухи изъ воды выйдете, потому какъ у васъ все по закону, а я-то и засѣлъ, какъ журавль въ болотѣ. Ни взадъ ни впередъ... А кто меня затянулъ? Большой грѣхъ тебѣ, Павелъ Антонычъ... Это ты меня тогда подбилъ предъявить вексель, а я и обрадовался сдуру.

Щепетильниковъ продолжалъ ходить и улыбался.

— Да что̀ ты молчишь-то, какъ китайскій идолъ изъ чайнаго магазина?!.. — накинулся на него Артемій Асафычъ, — Пейте мою кровь, рвите живымъ мясомъ!.. Добрый я человѣкъ, вотъ вы и надѣли мнѣ петлю на шею.

— Пустяки, Артемій Асафычъ... Пренебреги. Ты только представь себѣ: одно дѣло—и я знаменитость. Ха-ха... Теперь всѣ будутъ знать Щепетильникова. Раньше-то другіе нагрѣвали руки, а теперь наша очередь. Будетъ, поцарствовалъ Николай Сергѣичъ, пора и честь знать.

— Что̀ же ему будетъ?—въ тысячу первый разъ спрашивалъ Гущинъ.

— Лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и легкая прогулка въ мѣста не столь отдаленныя. Мы за бо̀льшимъ, голубчикъ, не гонимся... Зачѣмъ человѣка губить?

— А это не погибель? Похуже всякой погибели... Ахъ, идолы, идолы безстыдные! Да ежели бы я зналъ... Ахъ, Боже мой!..

Положеніе Артемія Асафыча, дѣйствительно, было не изъ красивыхъ. Ему доставалось со всѣхъ сторонъ. Каждое утро онъ, обыкновенно, отправлялся въ Гостиный дворъ и бродилъ изъ лавки въ лавку: тутъ поговоритъ, тамъ узна̀етъ какую-нибудь послѣднюю городскую новость или сыграетъ въ шашки, а теперь, какъ купцы только завидятъ, еще издали кричатъ:

— Иди-ка, иди-ка, процентъ!.. А совѣсть у тебя гдѣ? Изъ-за полуторыхъ сотенныхъ билетовъ какого человѣка-то губишь!

— Это ужъ какъ окружный судъ, а моей тутъ причины нѣтъ,—оправдывался Артемій Асафычъ.

— Дурака ты свалялъ и больше ничего. Плакали твои шесть тысячъ... да. Какъ лишатъ правъ Матова да пошлютъ въ ссылку, съ кого-то будешь получать свои шесть тысячъ? Эхъ, малиновая голова!.. Потерпѣлъ бы, ну, по время Николай-то Сергѣичъ и разсчитался бы съ тобой. Экая невидаль—шесть тысячъ. Не такія денежки онъ проигрывалъ въ клубѣ, а ты, какъ осенняя муха, полѣзъ съ векселемъ...

— И то дурака свалялъ...—уныло соглашался старикъ.—Кругомъ меня обошли. Конечно, ежели человѣкъ сдѣлается въ отсутствіи ума, такъ съ нимъ дѣлай, что̀ хочешь...

— А мы-то куда дѣнемся безъ Николая Сергѣича? Первѣющій былъ адвокатъ... Такой словесности и не сыскать.

И безъ этихъ разговоровъ Артемій Асафычъ уже давно раскаялся въ своемъ поступкѣ. Онъ искренно любилъ Матова и вдругъ сдѣлался его по-

губителемъ. Послѣдняя мысль просто убивала старика и не давала ему покоя. И любезнюющая сестрица, и докторская Аннушка, и купцы — всѣ были правы...

Чтобы на комъ-нибудь сорвать сердце, Артемій Асафычъ каждое утро, какъ на службу, отправлялся къ Бережецкому.

— Что вамъ наконецъ нужно отъ меня?—сухо спрашивалъ Бережецкій неотступнаго кліента.—Дѣло въ судѣ, и оно не отъ меня теперь зависитъ...

— Игнатій Борисычъ, отпустите душу на покаянье! — молилъ Артемій Асафычъ.—На колѣнкахъ буду просить...

— Я ничего не могу, милѣйшій!.. Понимаете?

— Игнатій Борисычъ, а ежели у меня тоже совѣсть есть?

— Ну, это ужъ ваше личное дѣло.

— Я и присягу приму... А то возьму и скажу, что я самъ поддѣлалъ вексель. Мнѣ-то все одно пропадать... Не дорогой товаръ.

Кончилось тѣмъ, что Бережецкій не велѣлъ принимать назойливаго старика. Тогда Гущинъ началъ ловить его на улицѣ, когда Бережецкій выходилъ изъ суда. Сниметъ шапку и кланяется.

— Игнатій Борисычъ, заставьте...

— Ничего не могу,—коротко отвѣчалъ Бережецкій.

Артемія Асафыча охватило настоящее отчаяніе. Да, вотъ они всѣ радуются, а каково ему, старому грѣховоднику. Попался, какъ куръ во щи, и теперь расхлебывай кашу, которую заварили другіе.

Бережецкій торжествовалъ. Лучшаго случая нельзя было придумать. Его правою рукою былъ Щепетильниковъ, который первымъ увидалъ у Гущина роковой вексель. Когда разнесся слухъ объ этомъ дѣлѣ, то къ прокурору поступило нѣсколько заявленій относительно Матова, которыя тоже можно было пустить въ ходъ. Тутъ дѣло шло уже о крупныхъ суммахъ, но Бережецкій отлично понималъ совѣтъ маски на клубномъ маскарадѣ и откладывалъ большія дѣла, чтобы преподнести ихъ, какъ десертъ. Кто была эта таинственная маска, — онъ до сихъ поръ не зналъ. Вѣрно было одно, что это была очень умная женщина, хорошо знавшая судейскій міръ.

— Да, умно было сказано!—восхищался Бережецкій.—А остальное ужъ я самъ придумалъ... Пусть ведетъ дѣло самый глупый начинающій адвокатъ, какъ Щепетильниковъ. Превосходная картина получится... Дѣло безусловно вѣрное, и присяжнымъ ничего не останется, какъ сказать: „да, виновенъ". Прекрасно!

Одно время Бережецкій пересталъ ѣздить въ клубъ, гдѣ Лихонинъ велъ крупную игру. Какъ прокурора, это его шокировало, а затѣмъ онъ лично не выносилъ этого сомнительнаго сибирскаго милліонера. Теперь же Бережецкій на алъ бывать въ клубѣ, хотя и не поднимался наверхъ, въ „дѣтскую". Онъ принималъ таинственно-меланхолическій видъ и на всѣ разспросы отдѣлывался стереотипною фразой:

— Господа, всякое дѣло — профессіональная тайна. Какъ священникъ или докторъ, я не имѣю права разглашать того, что мнѣ извѣстно только какъ прокурору. Въ свое время все узнаете...

Мысль о таинственной незнакомкѣ не оставляла Бережецкаго, и онъ нарочно бывалъ на семейныхъ вечерахъ, чтобы узнать ее по росту, по голосу и по рукамъ. Но эти наблюденія ни къ чему не приводили. Всѣ дамы казались Бережецкому такими глупыми. Мысль о Вѣрѣ Васильевнѣ у него являлась нѣсколько разъ, но она какъ-то не вязалась съ обстановкой дѣла. Бережецкій зналъ, что она была влюблена въ Матова, а молва прибавляла,

что она и сейчасъ влюблена въ него, какъ кошка. Много сбивало его поведеніе самого Войвода, который сохранялъ съ Матовымъ лучшія отношенія. Потомъ, Матовъ бывалъ въ домѣ Войводовъ, значитъ... Однимъ словомъ, получалась какая-то чепуха.

Время отъ времени Бережецкій завертывалъ къ Войводамъ, но Вѣра Васильевна принимала его какъ-то сухо, ссылаясь на головную боль и общее недомоганье. О дѣлѣ Матова она не заикалась ни единымъ словомъ, какъ и самъ Войводъ. Бережецкій начиналъ чувствовать себя обиженнымъ и рѣшалъ, что Вѣра Васильевна просто глупа, какъ и другія дамы.

— Куда ей придумать такую штуку... Семерка какая-то!..

Каждый визитъ Бережецкаго для Вѣры Васильевны являлся настоящею пыткой, и она дѣйствительно дѣлалась больна. Его торжествующая таинственность возмущала ее до глубины души. И такого человѣка она научила, какъ погубить Матова... Обыкновенно съ мужемъ Вѣра Васильевна была откровенна, но о своемъ разговорѣ въ клубѣ не говорила ни слова. Это было выше ея силъ. Мужъ могъ ей простить даже измѣну, но не такое мелкое предательство изъ-за угла.

Объ ея позорномъ поступкѣ знала одна Анненька, но она вполнѣ была убѣждена въ ея скромности, хотя въ послѣднее время Анненька совсѣмъ измѣнилась и рѣдко бывала у нея. Съ Анненькой что-то случилось, а что— она не говорила.

Послѣ своего визита къ Артемію Асафычу съ Парасковьей Асафовной Анненька явилась къ Вѣрѣ Васильевнѣ очень взволнованная и безъ всякихъ вступительныхъ словъ заявила:

— Представьте себѣ, Вѣра Васильевна, этотъ Гущинъ знаетъ все, то-есть что вы научили Бережецкаго, какъ повести дѣло.

— Не можетъ быть!—возмутилась Вѣра Васильевна.

Анненька разсказала подробно, какъ онѣ ѣздили къ Гущину и какъ онъ на крыльцѣ объяснилъ имъ свои подозрѣнія.

— Даю вамъ самое честное слово, что я рѣшительно никому не говорила ни одного слова! — клялась Анненька. — Какъ онъ могъ догадаться?—рѣшительно не понимаю. Я его какъ-нибудь разспрошу...

Вѣра Васильевна была очень смущена, хотя и вѣрила Анненькѣ до послѣдняго слова.

Увлеченная своею мыслью, Анненька добилась того, что Артемій Асафычъ объяснилъ ей весь секретъ.

— Дѣло самое простое, барышня... Ужъ я и такъ и этакъ раскидывалъ умомъ, потому какъ Бережецкому не обмозговать такого дѣла. А тутъ мнѣ и пало на мысль: кто разссорилъ тогда Бережецкаго съ Матовымъ? Помните, какъ дѣло вышло за ужиномъ тогда?.. Все Вѣра Васильевна устроила, а потому некому другому было окончательно-то научить Бережецкаго. Ужъ это вѣрно-съ и даже весьма просто-съ... Такія дамы особенныя бываютъ-съ...

## XXV.

Первое извѣстіе о преданіи Матова суду было получено въ „дѣтской“ клуба вечеромъ. Городъ еще ничего не зналъ, а клубные завсегдатаи уже обсуждали событіе на разные лады. Войводъ металъ банкъ, когда услышалъ эти переговоры. По его мнѣнію, судьба Матова была рѣшена. Онъ сохранилъ свой вѣжливо-неприступный видъ, продолжая игру. Въ душѣ онъ очень жалѣлъ Матова, погибавшаго исключительно благодаря своему легкомыслію.

— Бережецкій — молодецъ, — одобряли враги Матова.—Такъ обставить

дѣло—это не шутка. Главное, рѣжетъ человѣка пустяками... И Семибратовъ влопался.

Другіе жалѣли Матова и доказывали, что присяжные не могутъ его не оправдать. Въ числѣ послѣднихъ былъ и старичокъ Окуневъ, раньше говорившій совершенно другое. Поднимался вопросъ и о томъ, будетъ Матовъ бывать въ клубѣ попрежнему или благоразумно будетъ сидѣть дома.

— Пока дѣло у слѣдователя, онъ такой же человѣкъ, какъ и мы всѣ,— говорили клубные юристы. — Еще вопросъ, какъ разыграется дѣло... Все будетъ зависѣть отъ присяжныхъ.

— Но все-таки есть уже подозрѣніе, которое признано прокуратурой... Одинъ этотъ фактъ достаточно говоритъ за себя. Значитъ, судъ находитъ, что Матовъ могъ совершить подлогъ...

— Позвольте, это нужно доказать.

— Ну, это другое дѣло. Оправдываютъ завѣдомыхъ убійцъ... Это оправданіе не есть доказательство для общественнаго мнѣнія.

— Все это формализмъ... Если бы разобрать дѣла каждаго, нашлись бы и не такія правонарушенія. Мы ихъ всѣ знаемъ и молчимъ, потому что это не наше дѣло. Кто Богу не грѣшенъ...

Самыми строгими оказались именно тѣ, за кѣмъ были именно такіе нераскрытые грѣшки, а подлоги — это такая простая вещь, которая практиковалась чуть не каждый день.

Всѣхъ интересовало, какъ отнесется къ этому инциденту Лихонинъ, который тоже былъ не безъ грѣха и тоже состоялъ подъ судомъ. Сибирскій магнатъ только пожалъ плечами и улыбнулся.

— Я удивляюсь, какіе пустяки васъ интересуютъ, — замѣтилъ онъ съ лѣнивою улыбкой. — Если бы Матова обвинили и если бы его отправили въ мѣста не столь отдаленныя, то-есть къ намъ, я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему мѣсто на своихъ заводахъ. Такихъ людей нужно умѣть цѣнить. У меня половина служащихъ изъ ссыльныхъ, и я не имѣю права быть ими недовольнымъ.

— Вотъ если бы сибирскимъ судомъ его судить,—прибавилъ кто-то,— лѣтъ бы на двадцать можно было затянуть дѣло... А тамъ, за смертью обвиняемаго, все было бы предано волѣ Божіей.

— Да, сибиряки еще пожалѣютъ о своихъ старыхъ судахъ, когда отвѣдаютъ суда скораго.

Сибирскіе старые суды—притча во языцѣхъ, и всѣмъ сдѣлалось весело. Сибирскія судебныя дѣла переходили изъ одной инстанціи въ другую, по вѣсу, считая пудами, и достигали иногда почтеннаго объема пудовъ въ двадцать. Посыпались анекдоты, и всякій считалъ долгомъ разсказать какой-нибудь рѣдкій случай...

Возвращаясь домой, Войводъ рѣшилъ, что ничего не скажетъ женѣ. Дѣло Матова ее вообще волновало, и онъ не желалъ портить настроенія. Все равно черезъ нѣсколько дней она узнаетъ все, и онъ избѣгнетъ неловкаго объясненія. Подъѣзжая къ своей квартирѣ, онъ увидѣлъ въ столовой свѣтъ,—значитъ, Вѣра Васильевна еще не спала.

— У нихъ гости,—объяснилъ въ передней Маркъ.

— Кто?

— Анна Евграфовна и Николай Сергѣичъ...

Получалось что-то невѣроятное. Недоставало только, чтобы явился Гущинъ.

— А, это ты, папа!..—встрѣтила мужа Вѣра Васильевна.

По ея лицу Войводъ замѣтилъ, что она, хотя и была нѣсколько воз-

буждена, но вообще въ хорошемъ настроеніи. Матовъ пилъ кофе, то-есть, вѣрнѣе, какой-то ликеръ. Онъ имѣлъ довольный видъ человѣка, у котораго хорошо на душѣ.

— Поздравьте меня, Иванъ Григорьевичъ,—проговорилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.—Вѣроятно, вы уже все знаете.

— Да, кое-что слышалъ...

— Самое скверное—неизвѣстность, а сейчасъ я—величина совершенно опредѣленная. Долженъ отдать честь Игнатію Борисовичу: онъ обставилъ дѣло дьявольски ловко!

Анненька, опустивъ глаза, ощупывала бахромку чайной салфетки. Дѣвушка сегодня была какъ-то особенно мила, и Войводъ удивился, что у нея руки совершенно холодныя, какъ „ледяшки".

„Какая милая дѣвушка", — невольно подумалъ Войводъ, невольно удерживая въ своей рукѣ холодненькую ручку Анненьки.

И Матовъ тоже былъ сегодня какъ-то особенно милъ. Онъ былъ именно самимъ собой. Войводъ засталъ уже конецъ ужина, и Маркъ предоставилъ въ его распоряженіе только остатки—холодную дичь и ростбифъ.

— Сейчасъ я, до нѣкоторой степени, знаменитость,—говорилъ Матовъ, прихлебывая изъ рюмки ликеръ.—Что̀ подѣлаете, если ужъ такъ складывается судьба!

— Не судьба, а жизнь такъ складывается,—замѣтила Вѣра Васильевна.—Въ своей судьбѣ мы сами виноваты...

— Я и не думаю кого-нибудь обвинять,—отвѣтилъ Матовъ.—Напротивъ, мнѣ даже жаль этого бѣднаго Семибратова, которому придется расплачиваться за чужую неосторожность. Впрочемъ, объ этомъ не сто̀итъ говорить, какъ не говорятъ о семейныхъ дѣлахъ.

Анненька все время молчала, а потомъ поднялась и начала торопливо прощаться.

— Куда вы торопитесь, Анненька?—удивилась Вѣра Васильевна.

— Ахъ, мнѣ нельзя. Да и папа ждетъ...

— Я могу васъ проводить,—заявилъ Матовъ.

Когда они вышли въ переднюю, Войводъ замѣтилъ, что жена слѣдитъ за Анненькой ревнивыми глазами. Вотъ извольте понять женщину, когда она мѣняется каждыя пять минутъ. Матовъ что-то сострилъ, надѣвая шубу, и, кажется, не хотѣлъ замѣчать, что̀ дѣлается кругомъ.

— Ахъ, какъ я его ненавижу!—проговорила Вѣра Васильевна, когда за гостями затворилась дверь.

— За что?—машинально спросилъ Войводъ.

Вѣра Васильевна посмотрѣла на него непонимающими глазами и только улыбнулась. Что̀ онъ такое сказалъ? Неужели онъ, мужъ, не понимаетъ, какъ она любитъ этого человѣка?..

Ночь была темная и вѣтреная. Сухой снѣгъ переносило съ одной стороны улицы на другую, какъ песокъ. Кое-гдѣ жалко мигали керосиновые фонари, нагоняя тоску. Сани были узкія, и Матовъ поддерживалъ правою рукой прижавшуюся къ нему Анненьку.

— Что̀ вы молчите, барышня?—спросилъ онъ.

— А васъ это интересуетъ?—тихо отвѣтила она.—Да?

— Какъ всегда...

— Не лгите... Для васъ я—несуществующее лицо, Николай Сергѣичъ. Бываютъ домашнія собачки, любимыя кошечки, къ которымъ мы привыкаемъ,—такъ и я для васъ.

— Вы не совсѣмъ правы, Анна Евграфовна...

Ночной извозчикъ плелся съ мучительною медленностью, точно задался спеціальною цѣлью исчерпать до дна терпѣніе своихъ сѣдоковъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ хотѣлъ сдѣлать поворотъ, но Анненька его остановила:

— Налѣво, извозчикъ!

Матовъ хотѣлъ спать и не понималъ, что̀ за фантазія пришла въ голову Анненькѣ возить его по пустымъ улицамъ спавшаго города. А впрочемъ, не все ли равно... Онъ покрѣпче закутался въ свою шубу и въ одномъ ухабѣ, чтобы удержать Анненьку, прижалъ ее къ себѣ совсѣмъ близко, такъ что ея лицо очутилось совсѣмъ близко къ его лицу. Она молча смотрѣла на него такими большими и покорными глазами. Онъ хотѣлъ немного отодвинуться отъ нея, но дѣвушка схватила его за руку и прошептала:

— Нѣтъ, сегодня ты мой...

Много разъ въ жизни Матову приходилось разыгрывать маленькіе романы, но сейчасъ онъ какъ-то испугался. Для него Анненька была ребенокъ, съ которымъ самое большее можно было пошутить. А она заговорила съ нимъ, какъ женщина. Онъ даже не нашелся сразу, что̀ ей отвѣтить.

— Мой, мой...—шептала Анненька, пряча свою головку у него на груди.

— Анна Евграфовна...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно... Не убивайте меня. Я знаю, что ты меня не любишь... Но я счастлива... Я буду ходить за тобой, какъ твоя тѣнь... Бѣдная, глупенькая Анненька, вѣдь ее нельзя не любить!.. Она такая хорошая... Ее нужно пожалѣть, приласкать, приголубить, утѣшить...

Она обхватила его шею руками и покрыла лицо безумными поцѣлуями. Никакой воръ, вѣроятно, не чувствовалъ себя такимъ воромъ, какъ сейчасъ чувствовалъ себя Матовъ. Недоставало только этого...

— Анненька...

— Милый, милый...—шептала она въ изнеможеніи.—Только одно слово... Всего одно слово... Вѣдь я ничего не требую, мнѣ ничего не нужно... Пожалѣй бѣдную, глупенькую Анненьку, которая сейчасъ счастлива. Ради Бога, молчи!.. Не нужно словъ. О, какъ я безумно счастлива...

## XXVI.

Бурное поведеніе Анненьки настолько смутило Матова, что онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать съ ней. Обезумѣвшая дѣвушка и плакала, и смѣялась, и повторяла свои безумныя признанія.

— Никъ, мой милый Никъ, вѣдь это не сонъ? Да? Я сейчасъ хотѣла бы умереть, умереть именно такой, какая я есть: чистая, любящая, счастливая... Никъ, вѣдь тебѣ немножко жаль меня?.. Такая глупенькая барышня и такія слова говоритъ...

— Анненька, если бы немножко благоразумія...

— А, ты испугался?!.. Ха-ха... Такой большой, такой умный и вдругъ испугался бѣдной, сумасшедшей дѣвушки. Никъ, вѣдь любовь—страшное несчастье... да? А мнѣ нисколько не жаль себя...

Было уже поздно, и Анненьку необходимо было доставить домой. Вѣроятно, докторъ уже ждалъ ея возвращенія со свойственнымъ ему нетерпѣніемъ. Но Анненька не позволяла повернуть извозчика.

— Анненька, послушайте, вѣдь онъ все слышалъ...—шепнулъ Матовъ, показывая глазами на извозчика.—Такъ невозможно. Мы сейчасъ остановимся и пойдемъ пѣшкомъ.

Анненька сразу присмирѣла. Когда разсчитанный извозчикъ уѣхалъ и они остались вдвоемъ на тротуарѣ глухой улицы, Анненька присмирѣвшимъ голосомъ заявила:

— Я не хочу домой, Никъ... У меня нѣтъ дома. Дайте мнѣ умереть на улицѣ...

Матовъ имѣлъ неосторожность засмѣяться. Анненька отскочила отъ него, какъ ужаленная, и быстро зашагала по тротуару впередъ, такъ что Матову пришлось ее догонять.

— Анненька, вы разсердились на меня?

Она не отвѣчала. Такъ они дошли до самой квартиры доктора. Анненька остановилась на углу улицы, перевела съ трудомъ духъ и проговорила:

— Теперь вы свободны...

— Анненька, простимтесь по-хорошему,—заговорилъ Матовъ.—Если хотите, я, право, васъ люблю, насколько могу любить...

Она засмѣялась, посмотрѣла на него такими грустными глазами и отвѣтила:

— Все, что угодно, кромѣ милостыни... Боже мой, что вы надѣлали?!.. Для васъ я ребенокъ, дурочка, игрушка...

Не протянувъ руки, Анненька побѣжала къ своему дому, и Матовъ слышалъ, какъ она глухо рыдала. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ она подбѣжала къ своему подъѣзду, торопливо дернула за звонокъ и сейчасъ же скрылась въ дверяхъ, какъ ночная тѣнь. Очевидно, докторъ ее ждалъ. Матовъ зашагалъ къ себѣ, повторяя:

„Бываютъ сны, а наяву чуднѣй... А все-таки какая она милая!.. Нѣтъ, рѣшительно, кажется, всѣ несчастія сговорились, чтобы преслѣдовать меня... Недоставало только этого милаго безумія“.

На звонокъ Матову долго не отворяли. Потомъ за дверью послышался осторожный шопотъ:

— Кто тамъ?

— Какъ кто?—началъ сердиться Матовъ.—Отворяйте же...

— Барыня не приказали...

— Что-о?..

Взбѣшенный Матовъ началъ стучать въ дверь кулаками. На шумъ изъ-за двери послышался голосъ уже самой Ольги Ивановны:

— Ваши вещи я отправила въ гостиницу „Перепутье“ и заплатила за номеръ за цѣлый мѣсяцъ...

— Ольга, да ты съ ума сошла?!.. Я сейчасъ потребую полицію, если ты не отворишь...

Опять шопотъ. Матовъ узналъ уговаривавшій голосъ Парасковьи Асафовны. Старушка отворила ему и дверь, а Ольга Ивановна скрылась.

— Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли!—ругался Матовъ, раздѣваясь въ передней.

— Охъ, и не говори, голубчикъ,—стонала старушка.—Послѣдняго ума рѣшилась... Письмо какое-то у тебя на столѣ, а Ольга Ивановна его прочитала. Ну, потомъ и пошла куролесить... и пошла, и пошла...

— Какое письмо?

— А я почемъ знаю... Неграмотная я, такъ для меня всѣ письма одинаковы, какъ перо на курицѣ. Охъ, горе душамъ нашимъ!..

Письмо было адресовано на имя Матова, но конвертъ оказался разорваннымъ, и на самомъ письмѣ стояла приписка карандашомъ, сдѣланная рукой Ольги Ивановны: „Все вѣрно, а Николай Сергѣичъ обманщикъ и него-

дяй". Письмо было анонимное и писано неизвѣстнымъ Матову почеркомъ, очевидно, измѣненнымъ.

„Никъ, вы попались въ ловушку,—писалъ анонимный авторъ,—и попались очень некрасиво. У васъ много враговъ, но есть и друзья, которые васъ жалѣютъ и желаютъ открыть вамъ глаза. Вы должны знать, по крайней мѣрѣ, имя человѣка, который васъ погубилъ. Это—Вѣра Васильевна... Сначала она поссорила васъ съ Бережецкимъ, а потомъ научила его поднять именно *маленькое* и ничтожное дѣло. Изъ большого процесса вы еще могли вывернуться, и даже вывернуться съ нѣкоторою помпой, а грязненькаго маленькаго дѣла присяжные вамъ не простятъ... Въ этомъ вся суть. Общественное мнѣніе противъ васъ тоже на этомъ основаніи... Бережецкій продолжаетъ бывать у Войводовъ и, вѣроятно, получаетъ надлежащія инструкціи, какъ поступать дальше. Еще разъ: берегитесь Вѣры Васильевны, какъ огня. Вашъ доброжелатель".

— Да, недурно!..—пробормоталъ Матовъ, обращаясь къ стоявшей въ дверяхъ Парасковьѣ Асафовнѣ.—Вотъ что̀, старушенція, дайте-ка мнѣ изъ буфета графинъ водки...

— Голубчикъ, Николай Сергѣичъ...

— Не разговаривать!..

Въ буфетѣ произошла настоящая борьба между теткой и племянницей. Ольга Ивановна старалась вырвать изъ рукъ старухи графинъ и кричала:

— Не позволю у себя въ домѣ скандалы строить!.. Я при собственномъ капиталѣ и ничего знать не хочу! Онъ напьется и зарѣжетъ меня...

— Оля, вѣдь онъ твой мужъ. Какъ ты смѣешь препятствовать!..

— Какой онъ мужъ! У него женой теперь подсудимая скамья. Отлились, видно, мои слезы...

— Оля, побойся Бога!..

На шумъ голосовъ вышелъ Матовъ, молча вырвалъ графинъ изъ рукъ жены и ушелъ съ нимъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Я тебя завтра же прогоню!—шипѣла Ольга Ивановна.

— Меня? Ну, это ужъ невозможно... Кромѣ паперти, мнѣ и итти некуда... Тоже скажетъ!

Матовъ ходилъ въ кабинетѣ изъ угла въ уголъ и пилъ водку рюмка за рюмкой, ничѣмъ не закусывая. Онъ сбросилъ сюртукъ, сорвалъ душившій его галстукъ и разстегнулъ жилетъ.

— Да, недурно!..—повторялъ онъ одну и ту же фразу, повторяя въ умѣ анонимное письмо.—Доброжелатель... Ха-ха!.. Очень недурно!.. Кругомъ все доброжелатели. О, милые люди, какъ вы всѣ ошибаетесь!.. Нѣтъ, Матова не такъ-то легко похоронить!

Когда Матовъ выпилъ полъ-графина, у него явилась мысль: а что̀, если этотъ „доброжелатель" правъ? Вѣдь все возможно...

Водка сегодня не пьянила Матова, какъ онъ ни старался напиться.

— Вѣрочка, ужели и ты?—думалъ онъ вслухъ.—Другіе, по-своему, можетъ-быть, и правы... Но всѣ эти „другіе" не сто̀ятъ твоего мизинца. Ахъ, Вѣрочка, Вѣрочка!..

Потомъ Матовъ вспомнилъ о сегодняшнемъ объясненіи Анненьки, и ему стало жаль бѣдную дѣвушку, помѣщавшую свой капиталъ совсѣмъ не въ томъ банкѣ. А вѣдь какая она хорошая, сколько въ ней нетронутыхъ силъ и такой хорошей жажды жизни!.. Какъ она мило разсердилась, когда онъ такъ глупо засмѣялся. Въ такіе моменты женщины не выносятъ смѣха...

Поведеніе жены, анонимное письмо, поцѣлуи Анненьки, любовь къ Вѣрѣ Васильевнѣ—все перепуталось въ головѣ Матова, по мѣрѣ того, какъ гра-

финъ пустѣлъ все больше и больше. Кончилось тѣмъ, что онъ взялъ ручное зеркало и долго разсматривалъ свою красную физіономію съ помутившимися отъ водки глазами.

— Бѣдный, погибшій „общій любимецъ публики"!..—проговорилъ онъ наконецъ.—Даже оправданіе тебя не спасетъ, несчастный!..

Онъ заснулъ, не раздѣваясь, и во снѣ опять ѣхалъ съ Анненькой, которая опять цѣловала его и шептала свои признанія, какъ сумасшедшая, причемъ ея лицо постоянно мѣнялось.

## XXVII.

Ольга Ивановна остановилась на мысли о „своемъ капиталѣ" и больше ничего не хотѣла знать. Съ Парасковьей Асафовной у нея по этому поводу велась самая ожесточенная война. Старуха упорно держала сторону Николая Сергѣича и доказывала съ наивною увѣренностью, что онъ даже и не можетъ быть виновнымъ.

— А вотъ на судѣ-то все и разберутъ,—повторяла Ольга Ивановна:—кто чего стòитъ, тотъ тò и получитъ.

— Ну, про судъ-то еще старуха на-двое сказала,—спорила Парасковья Асафовна.—Какъ они смѣютъ, безстыдники, этакого человѣка судить? Николай Сергѣичъ вокругъ пальца ихъ обернетъ... А тебѣ, Ольга, какъ будто и непригоже такія слова говорить: не чужой онъ тебѣ, Николай-то Сергѣичъ.

— Былъ мужъ, а теперь никто. Можетъ, его на каторгу сошлютъ, такъ я-то при чемъ тутъ?

— Отъ тюрьмы да отъ сумы, милая, не отказываются...

— У меня свой капиталъ: мужъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ.

— Какъ же ты будешь жить?

— А такъ, на соломенномъ положеніи.

— Ну, и будешь ни два ни полтора..,

— И буду ни два ни полтора. Не одна я такая-то...

— Охъ, слабое женское дѣло, Ольга... Сегодня одна, завтра одна, а потомъ и пожалѣешь совсѣмъ чужого мужчину, да еще какого-нибудь брандахлыста, въ родѣ Щепетильникова. Вѣдь чаемъ его поила года съ два, одного сахару сколько извела, а онъ вонъ чтò придумалъ... Правду старинные люди сказывали, что, не поя, не кормя, ворога не наживешь...

— У васъ, тетенька, всѣ виноваты. Очень ужъ сладокъ вамъ Николай-то Сергѣичъ, ну, и живите съ нимъ сами, да еще дядюшку Артемія Асафыча прихватите. Полная акварель и выйдетъ.

— Ахъ, Ольга, Ольга...

— Чтò же, по-вашему, я должна кормить мужа, какъ убогаго? Теперь отдали его подъ судъ, практики не будетъ, а денегъ у него не бывало; ну, и пусть идетъ къ дядюшкѣ Артемію Асафычу, который ему деньги на игру давалъ. Заодно ужъ имъ расчетъ имѣть... А у меня, слава Богу, свой капиталъ!

Артемій Асафычъ точно подслушивалъ эти переговоры и въ одно прекрасное утро заявился собственною персоной, пробравшись черезъ кухню чернымъ ходомъ. Онъ имѣлъ какой-то умиленный видъ, какъ человѣкъ, который пришелъ на исповѣдь. Парасковья Асафовна такъ и ахнула, а Ольга Ивановна встрѣтила гостя безъ всякаго движенія чувствъ, точно такъ и должно было быть.

— Вотъ я пришелъ-съ,—виновато повторялъ Артемій Асафычъ, приглаживая волосы на головѣ и поправляя косынку на шеѣ.—Да-съ, пришелъ-съ...

Потому какъ и мы имѣемъ совѣсть, и при этомъ добрый я человѣкъ. Можно сказать, единственно отъ своей собственной доброты страдаю... Уѣли меня приказные люди!

— Такъ, такъ, — поощряла Парасковья Асафовна. — Совѣтъ добрый, только твоя доброта вышла хуже воровства... Есть у тебя стыдъ-то, змѣй?

— Любезнующая сестрица, даже весьма вы ошибаетесь, потому какъ я повѣрилъ злымъ людямъ—и только-съ. Обидно мнѣ показалось, что Николай Сергѣичъ обобрали у меня всѣ деньги и сами же начали меня избѣгать, даже въ томъ родѣ, какъ будто гнушались...

— Что̀ же ты теперь думаешь дѣлать, добрый человѣкъ?—спрашивала Ольга Ивановна.

— А ужъ какъ Богъ-съ!

— Придется, видно, тебѣ кормить Николая Сергѣича. Будетъ, я его покормила, а теперь твоя очередь.

— Что̀ же, могу соотвѣтствовать, племянница. Мой грѣхъ—мой и отвѣтъ. Я, можно сказать, въ остервенѣніе звѣрства пришелъ и готовъ-съ...

— На словахъ-то ты, какъ гусь на водѣ,—язвила Парасковья Асафовна, хотя ей и нравилось все, что̀ говорилъ „змѣй“.

— Бери всего, какой есть мой муженекъ,—предлагала Ольга Ивановна, продолжая сохранять спокойствіе.—У меня свой капиталъ, какъ-нибудь обернусь и безъ мужа...

— Что̀ же-съ, могу-съ,—смиренно соглашался Артемій Асафычъ.

— Вещей-то у него своихъ не очень много,—продолжала Ольга Ивановна,—такъ я тебѣ ихъ пришлю... Тятенька не для того мнѣ капиталъ оставлялъ, чтобы подсудимаго мужа прокармливать.

— Даже съ удовольствіемъ всегда приму Николая Сергѣича, ежели они пожелаютъ-съ,—соглашался Артемій Асафычъ.—Что̀ есть и чего нѣтъ, значитъ, все пополамъ...

„Да не змѣй ли!—изумлялась про себя Парасковья Асафовна. —Вѣдь улеститъ и меня, старуху... Вотъ человѣкъ тоже навязался!“

Матовъ почти не выходилъ изъ кабинета, и Ольга Ивановна злорадствовала по этому случаю, что̀ и высказала дядѣ.

— Ступай, утѣшай Николая-то Сергѣича! Запали у него всѣ пути-дороженьки. Раньше-то отбоя отъ гостей не было, а сейчасъ вышелъ отъ воротъ—поворотъ. Дружкамъ-то-пріятелямъ, видно, до себя, а онъ сиди да посиди со своей одной головой... Прежде-то съ женой было скучно, а теперь и женѣ бы радъ, а жена не рада...

— Не имѣю смѣлости, Ольга Ивановна, чтобы къ Николаю Сергѣичу глаза показать,—объяснялъ Гущинъ.—Совѣсть мучаетъ, и даже весьма-съ...

Артемію Асафычу, дѣйствительно, жилось тошно, и онъ началъ бывать у Матовыхъ чуть не каждый день. Парасковья Асафовна почти примирилась съ нимъ, хотя и сердилась на свою женскую слабость. Ольга Ивановна, дѣйствительно, рѣшила выгнать мужа и сдѣлала бы это, если бы неожиданно не пріѣхалъ самъ Лихонинъ. Сибирскій магнатъ былъ необыкновенно вѣжливъ и обворожилъ Ольгу Ивановну своимъ обращеніемъ.

— Заѣхалъ навѣстить Николая Сергѣича, — объяснялъ онъ, играя пенснэ.—Слышалъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ.

— Нѣтъ, кажется, ничего особеннаго...

Лихонинъ просидѣлъ въ кабинетѣ Матова битый часъ, и Ольга Ивановна, подслушивавшая у дверей, только удивлялась, что они все время проговорили о самыхъ пустякахъ. Стоило за этимъ пріѣзжать!

Изъ другихъ знакомыхъ бывалъ старикъ Войводъ, котораго Ольга Ивановна уже окончательно не понимала. Ему-то какая печаль? Сидѣлъ бы дома да караулилъ жену, дѣло-то лучше бы было, а то еще какъ разъ сбѣжитъ съ тѣмъ же Николаемъ Сергѣичемъ. Парасковья Асафовна тоже ничего не понимала, хотя ей и нравилось, что Войводъ никакого вида не показываетъ ни относительно жены ни относительно Николая Сергѣича.

— По городу-то во всѣ колокола про Вѣру Васильевну звонили,— объясняла она племянницѣ.—а мужъ-то будто и слыхомъ не слыхалъ, не такъ, какъ ты. Домашнюю-то бѣду не въ люди тащить.

Войвода возмущало то озлобленіе, съ которымъ сосногорское общество отнеслось къ бывшему общему любимцу. Всѣ, точно наперерывъ, старались выместить на немъ затраченныя напрасно увлеченія. Онъ защищалъ Матова въ клубѣ и убѣдился, что неистовствовали главнымъ образомъ добрые люди, какъ старикъ Ерохинъ. Получалась одна изъ наглядныхъ несообразностей общественной психологіи. Вѣра Васильевна ничего не знала объ этихъ визитахъ мужа къ Матову.

Прямымъ слѣдствіемъ появленія въ матовскомъ домѣ Лихонина было то, что появился и докторъ Окуневъ.

— Забылъ ты насъ совсѣмъ, отецъ,—корила его Парасковья Асафовна.— Такъ бы и померли безъ тебя...

Докторъ имѣлъ немного виноватый видъ, хотя и старался держать себя непринужденно. Онъ посидѣлъ въ столовой, поговорилъ о погодѣ и все посматривалъ, не войдетъ ли Матовъ.

— Куда Аннушка-то запропала?—поддерживала разговоръ Парасковья Асафовна.—Слыхомъ не слыхать и видомъ не видать...

— Что-то ей нездоровится,—уклончиво отвѣтилъ докторъ.

— Чего бы, кажется, по дѣвичьему дѣлу нездоровиться...

— Случается...

Ольга Ивановна угрюмо молчала

„Прискочилъ все вывѣдать, чтобы потомъ разнести по всему городу,— соображала она.—Вотъ какъ лебезитъ... Охъ, ужъ эти друзья да пріятели!“

Матовъ, наоборотъ, очень обрадовался доктору и долго жалъ его руку.

— Ну, что новенькаго въ городѣ?—спрашивалъ онъ.—Я вѣдь нигдѣ не бываю... Знаете, какъ-то неловко.

— Пустяки! У васъ есть старые друзья, Николай Сергѣичъ, которые и останутся друзьями.

— Благодарю. Признаться, мнѣ и самому какъ-то не хочется никуда показываться, пока не кончится это дѣло.

Докторъ вынесъ изъ этого визита одно: именно, что Матовъ пьетъ фельдфебельскимъ запоемъ и, вѣроятно, напивается на ночь каждый день.

## XXVIII.

Первыя испытанія для Матова начались съ повѣстки отъ слѣдователя. Слѣдователь былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ иногда въ клубѣ и въ театрѣ. Появленіе Матова въ камерѣ вызвало нѣмую, очень неловкую сцену. Молодой человѣкъ очень смутился главнымъ образомъ тѣмъ, какъ ему не подать руки знаменитому адвокату. Матовъ постарался самъ вывести его изъ этого неловкаго положенія и, въ качествѣ опытнаго юриста, помогъ вести слѣдствіе. Подъ конецъ допроса слѣдователь вошелъ въ свою роль и даже могъ смотрѣть Матову прямо въ глаза.

Но самый скверный моментъ наступилъ, когда появился для пере-

крестнаго допроса нотаріусъ Семибратовъ, потерявшій всякое самообладаніе. Онъ былъ блѣденъ и плохо понималъ вопросы слѣдователя. Вмѣстѣ съ трусостью, у него явилось скромное желаніе выгородить себя за счетъ Матова, очевидно, по заранѣе составленному плану. Вообще получалась нелѣпая и глупая сцена. Чтобы не затягивать дѣла, Матовъ давалъ показанія отъ чистаго сердца и ничего не утаивалъ. Да, вексель былъ составленъ отъ имени слѣпого и подписанъ не имъ, слѣпымъ, а постороннимъ лицомъ. Ошибка нотаріуса заключалась въ томъ, что онъ заочно подтвердилъ этотъ документъ, потому что изъ-за какихъ-то несчастныхъ полуторыхъ сотъ рублей не стоило ѣхать куда-то на край города.

— Моя вся вина въ томъ, что слѣпо вѣрилъ господину Матову,—повторялъ нотаріусъ.—Я даже не имѣлъ права не вѣрить ему, какъ присяжному повѣренному...

Семибратовъ былъ отпущенъ первымъ и дождался, когда кончился допросъ Матова.

— Все погибло!..—повторялъ онъ съ отчаяніемъ.—Вы меня погубили, Николай Сергѣичъ.

— Это еще будетъ видно, кто и кого погубитъ. По моему мнѣнію, намъ рѣшительно не слѣдуетъ ничего скрывать, потому что вѣдь будетъ продолженіе слѣдствія на судѣ.—Думаю, что васъ обвинятъ въ небрежности—и только.

Все-таки Матовъ почувствовалъ себя скверно, когда вернулся домой. Онъ сердился на самого себя, что начинаетъ волноваться. Сколько черезъ его руки прошло всякой уголовщины, и онъ удивлялся, какъ его кліенты, умѣвшіе дѣлать большія преступленія, запутывались въ какихъ-нибудь пустякахъ, именно благодаря только потерѣ душевнаго равновѣсія. Ему лично совсѣмъ не хотѣлось повторять ошибокъ другихъ. Но странно, что его мысли начали дѣлать непонятные скачки. Сначала онъ былъ убѣжденъ, что дѣло не будетъ принято судомъ, и все ограничится однимъ скандаломъ; потомъ онъ началъ сомнѣваться, а когда дѣло поступило въ судъ,—явилось сомнѣніе, что его могутъ обвинить и даже очень просто. Самое скверное было то, что всѣ эти мысли безъ конца повторялись и получали мучительный характеръ. А тутъ еще вынужденное одиночество, когда самые ничтожные пустяки принимали особенную яркость и освѣщались неожиданно съ новыхъ сторонъ. Получались совершенно нелѣпыя и даже обидныя комбинаціи.

Особенно тяжело было по вечерамъ, когда стихалъ дневной шумъ. Матовъ по цѣлымъ часамъ шагалъ по своему кабинету или старался убить время за чтеніемъ какого-нибудь романа. Между прочимъ, онъ быстро усвоилъ себѣ привычку къ вечеру напиваться, то-есть напиваться относительно, какъ пьютъ всѣ приличные люди. Голова дѣлалась какъ-то свѣжѣе и настроеніе лучше. Въ одну изъ такихъ подбодренныхъ виномъ минутъ Матовъ рѣшилъ ѣхать къ Вѣрѣ Васильевнѣ и объясниться. Кстати, предлогомъ служило и полученное имъ анонимное письмо.

Къ счастью, и Войвода не было дома. Онъ уѣхалъ на свои промыслы, и Вѣра Васильевна скучала одна.

— Вы хорошо сдѣлали, что заѣхали,—говорила она немного усталымъ голосомъ, очевидно, думая совсѣмъ о другомъ.—Кажется, мы не видались цѣлую вѣчность...

— Недѣли двѣ, не больше...

— Да, да, когда вы уѣхали съ Анпенькой... Скажите, пожалуйста, что съ ней сдѣлалось?

— Вотъ уже не умѣю сказать, Вѣра Васильевна. Какъ-то пріѣзжалъ Евграфъ Матвѣичъ, а я не догадался его спросить.

— Какой вы безсовѣстный...

— Я?!

— Да, вы... Бѣдняжка совершенно измучилась, и мнѣ ее отъ души жаль.

Матовъ только теперь вспомнилъ про ночную сцену съ Анненькой,—она какъ-то совсѣмъ выпала у него изъ головы. Да, совершенно забылъ... Это было просто возмутительно. Конечно, серьезнаго значенія въ разыгранной Анненькой сценѣ не было и не могло быть, какъ былъ увѣренъ Матовъ, но все-таки ему слѣдовало что-то такое предпринять, просто наконецъ быть вѣжливымъ.

— Вы не договариваете, Вѣра Васильевна...—замѣтилъ онъ.

— Могу и договорить, если желаете... Какъ вы думаете, осудятъ васъ или нѣтъ?

— Осудятъ...

— Вотъ видите, я то же думаю. Да... Ольга Ивановна...

— Я понимаю: развестись съ Ольгой Ивановной и жениться на Анненькѣ, которая изъ любви охотно пойдетъ за мужемъ и въ мѣста не столь отдаленныя? Кажется, я такъ понялъ васъ, если не ошибаюсь?

— Да, вы угадали...

Разговоръ происходилъ въ гостиной, освѣщенной матовымъ фонаремъ. Вѣра Васильевна сидѣла въ глубокомъ креслѣ, и Матову трудно было разсмотрѣть выраженіе ея лица. Какъ онъ хорошо изучилъ вотъ эту гостиную, до послѣдней мелочи, и какъ хорошо чувствовалъ себя именно здѣсь. Она, въ свою очередь, тоже наблюдала за Матовымъ и сердилась, что не находитъ въ немъ и слѣдовъ унынія, а даже какую-то особенную бодрость. Что̀ это за человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Неужели онъ опустился настолько, что даже не сознаётъ собственнаго безвыходнаго положенія, а главное, не чувствуетъ позора?

— Что̀ же вы думаете дѣлать въ случаѣ осужденія?—спросила Вѣра Васильевна послѣ длинной паузы.

— Пока, конечно, трудно сказать, но въ общихъ чертахъ у меня составляется нѣкоторый планъ...

— Именно?

— Меня лишатъ, прежде всего, моего профессіональнаго куска хлѣба, и придется устраиваться по-новому...

Матовъ подвинулся совсѣмъ близко къ Вѣрѣ Васильевнѣ, взялъ ее за руку и заговорилъ съ одушевленіемъ:

— Знаете, Вѣра Васильевна, я не солгу, если скажу, что я даже радъ буду своему осужденію. Да... Русскій человѣкъ—существо безхарактерное, и обстоятельства дѣлаютъ изъ него, что̀ угодно. Мнѣ не нужно объяснять вамъ, что я здѣсь дошелъ до... до... какъ выразиться повѣжливѣе?.. до свинства. Извините за выраженіе... Да, такъ я начинаю думать даже съ удовольствіемъ, когда волею судебъ долженъ буду оставить Сосногорскъ. Мнѣ рисуется новая обстановка, новые люди, новая жизнь...

— И собственное исправленіе?

— Да...—увѣренно отвѣтилъ Матовъ.—Вѣдь образованія у меня не можетъ отнять никакой судъ. Поступлю на службу куда-нибудь въ самую глушь, на золотые промыслы...

Онъ поднялся и заходилъ по комнатѣ.

— Жизнь отшельника...—засмѣялась Вѣра Васильевна.—Да, чуть не поэзія! Право, можно позавидовать...

— У человѣка всегда остается надежда...

— Надежда—женщина...

— И очень недурная женщина.

— Которая всегда обманываетъ?

— И все-таки остается при васъ...

— Есть еще счастливая звѣзда,—задумчиво проговорила Вѣра Васильевна.—У меня есть нѣкоторое суевѣріе, и я, напримѣръ, вѣрю въ счастливую звѣзду. У однихъ она есть, какъ у васъ, а другіе имѣли несчастье родиться подъ какимъ-нибудь неудачнымъ созвѣздіемъ, какъ я.

Объ анонимномъ письмѣ Матовъ вспомнилъ только въ передней и передалъ его Вѣрѣ Васильевнѣ. Она взяла письмо, взглянула на подпись и на почеркъ и сказала:

— Я могу безошибочно назвать автора, а также и приблизительное содержаніе. У этого анонимнаго посланія были уже предшественники... Однимъ словомъ, упражненіе милѣйшаго Евграфа Матвѣича, который предостерегаетъ васъ относительно моей особы, какъ виновницы вашего процесса. Да?

Матовъ только развелъ руками, а она вернула ему письмо, не читая.

— Всякое повтореніе скучно и обличаетъ недостатокъ таланта,—съ большой улыбкой замѣтила она.—Мнѣ жаль милаго старика, который затрачиваетъ энергію совершенно непроизводительно...

## XXIX.

Дѣло Матова затянулось. Весь Сосногорскъ слѣдилъ за нимъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, а судъ, какъ на зло, все тянулъ да тянулъ. Прошли рождественскіе праздники, прошелъ мясоѣдъ и наступала масленица. Войводъ началъ собираться на промыслы, чтобы открыть работы съ первою вешнею водой. Клубная зима прошла для него безъ особенныхъ результатовъ. Онъ много выигрывалъ и много проигрывалъ, такъ что трудно было подвести общій балансъ, что волновало больше всѣхъ доктора Окунева.

— А можетъ-быть, онъ и порядочный человѣкъ?— говорилъ докторъ по секрету близкимъ людямъ.— Вѣдь нынче не сразу отличишь негодяя отъ порядочнаго человѣка. Напримѣръ, Лихонинъ — милліонеръ, а опять всѣхъ обыгралъ.

— Лихонинъ, кажется, и не обязанъ проигрывать, — замѣчали доктору клубные спеціалисты,— онъ играетъ для собственнаго удовольствія, а не такъ, какъ другіе.

— Все-таки, знаете...

— Нечего тутъ и знать, докторъ: имущему дастся, а отъ неимущаго отнимется и то, что онъ имѣетъ.

Когда Войводъ заявилъ женѣ, что долженъ уѣхать почти на цѣлый мѣсяцъ, она, безъ всякаго колебанія, отвѣтила ему:

— Папочка, возьми меня съ собой, я не буду мѣшать...

— А не будетъ тебѣ скучно на промыслахъ? Придется жить въ избушкѣ, удобствъ никакихъ...

Войводъ помолчалъ, а потомъ прибавилъ:

— А процессъ Матова? Неужели онъ тебя не интересуетъ?

— Интересуетъ и не интересуетъ... По-моему, ему придаютъ слишкомъ много значенія.

— Однако человѣкъ можетъ погибнуть...

— Нисколько. Матовъ вездѣ найдетъ себѣ работу... Я думаю, что для него это дѣло даже принесетъ пользу, потому что заставитъ одуматься. Лично мнѣ, конечно, его очень жаль...

— Впрочемъ, вѣдь ты всегда можешь вернуться, если захочешь,— прибавилъ Войводъ. — Я — врагъ всякихъ жертвъ.

Несмотря на наступавшую весну, пришлось обзаводиться настоящими зимними костюмами, какъ оленьи дохи. Дѣло въ томъ, что промыслы Самгина были разбросаны на „сѣверѣ", т.-е. по сѣверному Уралу. Вѣру Васильевну, кажется, больше всего интересовали оленья доха и оленья шапка съ длинными наушниками. Ей почему-то непремѣнно хотѣлось походить на самоѣдку, и Войводъ по всему городу долженъ былъ разыскивать самоѣдскія „юнты" изъ оленьихъ шкурокъ, съ прошивками изъ краснаго и синяго сукна.

— Папочка, милый, мы будемъ настоящими дикарями, — восхищалась Вѣра Васильевна, примѣряя новый костюмъ.

— Я думаю, что мы и безъ костюма порядочные дикари, — уклончиво отвѣтилъ Войводъ. — А впрочемъ, я ничего не имѣю противъ твоего самоѣдства... На сѣверѣ страшна не зима, а такъ называемое „отзимье", когда приходится носить на себѣ всю квартиру, то-есть мѣховую одежду.

Но уѣхать Войводу не удалось, потому что Вѣра Васильевна передъ самымъ отъѣздомъ расхворалась. Изъ легонькой инфлуэнцы развилась самая тяжелая форма воспаленія легкихъ. Лѣчилъ старичокъ Окуневъ, которому самъ Войводъ довѣрялъ плохо, но Вѣра Васильевна не соглашалась пригласить другого врача.

— Не все ли равно, при помощи какого врача умирать?—шутила она.— А Евграфъ Матвѣичъ, по крайней мѣрѣ, знакомый человѣкъ...

Войводъ соглашался, взявъ съ доктора слово, что онъ предупредитъ объ опасности и созоветъ консиліумъ.

— Такъ, воспаленьице... — объяснялъ Окуневъ, потирая свои всегда холодныя руки.— Главное то, что сердце здорово, а въ этомъ все...

Кажется, одной изъ причинъ такого довѣрія Вѣры Васильевны къ Окуневу было желаніе почаще видѣть Анненьку. Дѣвушка похудѣла, какъ-то вся вытянулась и вообще измѣнилась до неузнаваемости. Вѣра Васильевна, несмотря на свою болѣзнь, невольно ею любовалась. Анненька ухаживала за больной съ молчаливою серьезностью настоящей сестры милосердія, какъ Вѣра Васильевна ее и называла.

— Да я и уйду въ милосердныя сестры,—заявляла Анненька съ серьезнымъ видомъ. — Не стоитъ жить на свѣтѣ...

— Ужъ и не стоитъ?!

— Конечно, не стоитъ... Всѣ лгутъ, всѣ обманываютъ другъ друга.

Нѣкоторое охлажденіе, существовавшее раньше, смѣнилось прежними, хорошими отношеніями, хотя прежней, беззаботной Анненьки больше и не существовало, точно она вся перегорѣла. Раньше она относилась къ Вѣрѣ Васильевнѣ, какъ къ старшей сестрѣ, а сейчасъ чувствовала себя равной и, какъ къ больной, относилась даже покровительственно.

— Вѣра Васильевна, вамъ запрещено много говорить...

Самъ Войводъ не зналъ, какъ и благодарить великодушную дѣвушку, просиживавшую надъ больной цѣлыя ночи. А послѣднія дѣлались все труднѣе. Больная быстро слабѣла, теряя силы. По ночамъ она металась въ бреду и никого не узнавала. Больше всего ее мучилъ какой-то безпричинный страхъ. Она хватала Анненьку за руки и умоляла ее не уходить.

— Я и не думаю уходить,—строго отвѣчала Анненька.—Нужно лежать спокойно.

Такъ продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли, пока не миновалъ кризисъ. Войводъ, казавшійся все время спокойнымъ, сразу какъ-то осунулся, похудѣлъ и пожелтѣлъ.

— Батенька, да васъ тоже нужно лѣчить, — говорилъ докторъ, счастливый исходомъ болѣзни Вѣры Васильевны.

Войводъ только улыбнулся и махнулъ рукой. Теперь онъ самъ дежурилъ около жены, потому что измученная безсонными ночами Анненька „отсыпалась“ дома у себя. Вѣра Васильевна была настолько слаба, что съ трудомъ могла произнести самую простую фразу. Она какъ-то особенно внимательно смотрѣла теперь на мужа, точно старалась что-то припомнить, — и не могла. Такъ же она смотрѣла и на доктора Окунева, который каждый день завертывалъ ее навѣстить.

— Мы быстро идемъ къ улучшенію, — повторялъ докторъ, потирая руки. — А все-таки нужно быть паинькой и лежать спокойно...

Докторъ всегда имѣлъ какой-то торопливый видъ, а теперь въ особенности. Когда Войводъ уходилъ его провожать, старикъ успѣвалъ на пути до передней разсказать всѣ городскія новости и, между прочимъ, сообщилъ, что дѣло Матова наконецъ назначено къ слушанію на второй недѣлѣ поста.

— Вѣроятно, пройдетъ оно дня три, — догадывался докторъ.

— Только, пожалуйста, ничего не говорите женѣ...

— О, помилуйте! Мы тоже понимаемъ свои обязанности...

По лицамъ окружавшихъ ея постель людей Вѣра Васильевна догадывалась, что случилось что-то и что именно это скрываютъ отъ нея, даже Анненька. Потомъ Анненька исчезла на цѣлыхъ три дня, а когда она вернулась, Вѣра Васильевна посмотрѣла ей въ лицо и спокойно проговорила:

— *Его* осудили... да!

Анненька отвернулась къ окну, чтобы скрыть слезы, а Вѣра Васильевна прошептала:

„Оленя ранили стрѣлой,
А лань здоровая смѣется!“

Когда Анненька обернулась, Вѣра Васильевна лежала безъ чувствъ.

Дѣло Матова продолжалось цѣлыхъ три дня, какъ предсказалъ докторъ. Публика допускалась въ судъ только по билетамъ. Нотаріусъ Семибратовъ былъ оправданъ, а Матовъ осужденъ, и присяжные отнеслись къ нему съ какою-то особенною жестокостью, хотя и дали снисхожденіе. Судъ, съ своей стороны, позволилъ ему остаться на свободѣ до приведенія приговора въ исполненіе. Изъ суда Матовъ не поѣхалъ домой, а отправился на извозчикѣ вмѣстѣ съ Гущинымъ къ нему на квартиру.

— Господи, что̀ же это такое?! — взывалъ Артемій Асафычъ, убитый и уничтоженный.

— Ничего особеннаго, — смѣялся Матовъ. — Все это пустяки, Артемій Асафычъ! Это еще первая инстанція, а есть еще двѣ.

— Такъ-то оно такъ... да-съ...

Когда они пріѣхали на квартиру Гущина, тамъ уже стояли чемоданы, которые Ольга Ивановна послала съ вещами мужа. Артемій Асафычъ вознегодовалъ, но Матовъ обнялъ его и проговорилъ:

— Знаешь ли ты, кто самый нашъ вѣрный другъ, который никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ насъ не забываетъ?

— Родители есть, которые...

— Нѣтъ, не то... Не забываетъ насъ кре-ди-торъ!

## XXX.

Наступила весна. Въ городѣ почти уже не было снѣга. Артемій Асафычъ съ дѣтскимъ настроеніемъ ждалъ, когда прилетятъ скворцы въ устроенную имъ скворечницу.

— Дорогіе гости прилетятъ, — повторялъ онъ, объясняя Матову значеніе великаго событія. — Радость... Птичка по-божьему живетъ, а не какъ мы, грѣшные.

— Да, она не знаетъ, что̀ такое вексельная бумага, — соглашался Матовъ, — хотя я ей и не особенно завидую.

— Охъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ... Не поминайте вы мнѣ про эту проклятую бумагу. Я такъ полагаю про себя, что не иначе это самое дѣло, что придумалъ ее самъ чортъ. Онъ-то придумалъ, а мы съ ней тонемъ и другихъ вмѣстѣ съ собой топимъ. Лукавый-то вотъ какъ силенъ.

Матовъ сидѣлъ въ избушкѣ и никуда не хотѣлъ выходить, что̀ начинало безпокоить Артемія Асафыча.

— Помилуйте, этакій мужчина, можно сказать, изъ всего дерева выкроенъ, и будетъ сидѣть, какъ схимникъ, въ затворѣ. Сидитъ, сидитъ, да еще, пожалуй, что-нибудь неподобное и придумаетъ... Долго ли до грѣха!

— Вы по улицѣ бы прошлись, — совѣтовалъ ему Гущинъ. — Воздухъ теперь самый легкій, вездѣ воспареніе идетъ... Это вѣдь только архіереямъ запрещено по улицамъ-то ходить, а при вашей комплекціи весьма необходимо.

— Ты думаешь, старче?

— Хоть кого угодно спросите...

Единственное развлеченіе Матова теперь заключалось въ чтеніи. Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на диванѣ и читалъ бульварные романы, которые Гущинъ разыскивалъ ему по всему городу. Эго былъ какой-то запой.

— И что̀ это вамъ дались эти самые романы, Николай Сергѣичъ? — приставалъ Гущинъ. — И день читаете и ночь читаете,—какъ разъ еще что̀ попритчится... Неровенъ часъ.

— Про меня это все написано, старче, вотъ и любопытно почитать...

— Какъ же это такъ, то-есть про васъ-то выходитъ?

— Да ужъ такіе люди есть, которые возьмутъ да и опишутъ тебя издали...

Съ Матовымъ у Гущина хлопотъ было достаточно. Прежде всего выступалъ денежный вопросъ. У Матова оставались еще кой-какія полученія съ мелкихъ кліентовъ, и Гущинъ долженъ былъ обходить ихъ, напоминая ихъ обязанности. Но такое обхожденіе почти ничего не приносило, кромѣ самыхъ пустыхъ обѣщаній.

— Ну и народецъ! — возмущался старикъ.—А я-то хожу изъ дому въ домъ, какъ попъ по своему приходу... Никакой совѣсти не стало въ народѣ. Еще надо мной же смѣются...

Это была одна бѣда — маленькая, а была и побольше. У Матова были долги, и кредиторы обратили на него теперь свое благосклонное вниманіе съ особенной настойчивостью. Раза два пріѣзжалъ даже судебный приставъ, чтобы сдѣлать опись имущества, но по старому знакомству не вручалъ повѣстку, за отсутствіемъ адресата.

Матовскіе долги безпокоили Гущина больше всего, тѣмъ болѣе, что заработать что-нибудь онъ не имѣлъ возможности, благодаря лежавшему на немъ запрещенію. Потомъ оставалась совершенно неизвѣстной общая сумма всѣхъ долговъ, такъ что трудно было что-нибудь сообразить.

— Ты-то о чемъ безпокоишься? — уговаривалъ Матовъ суетившагося старика. — Не было еще случая, чтобы какой-нибудь долгъ потерялся. Въ свое время все будетъ.

— Такъ-то оно такъ, а оно все-таки тово, Николай Сергѣичъ...

У Гущина оставалось отъ собственнаго капитала еще тысячи три, но этой суммы не хватило бы и на пятую часть матовскихъ долговъ.

— Эхъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ... — повторялъ Артемій Асафычъ, покачивая головой. — Ежели бы собрать въ одно мѣсто всѣ денежки, которыя вы заработали...

— Ну, и что̀ бы было?

— А жили бы мы припѣваючи, вотъ что̀ и было бы... Съ деньгами-то всякую бѣду можно лѣвою рукой развести.

— Все это суета сустъ, старче... Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Матовъ оставался равнодушнымъ и къ своимъ дѣламъ и къ самому себѣ, что̀ особенно огорчало Гущина. Этакими-то люди дѣлаются только предъ смертью, когда ужъ все равно и терять нечего. Потомъ, развѣ Николай Сергѣичъ походитъ на другихъ протчихъ? Орелъ былъ, золотая голова. Вотъ ужъ истинно, что отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся.

Изъ знакомыхъ пріѣзжали навѣстить Матова кое-кто изъ своихъ судейскихъ, но эти визиты, видимо, его тяготили, и Артемій Асафычъ началъ отказывать гостямъ, ссылаясь на то, что Николай Сергѣичъ ушелъ гулять. Исключеніе дѣлалось только для Войвода, который пріѣзжалъ раза три и которому Матовъ всегда былъ радъ, оживляясь въ его присутствіи. Они подолгу толковали о промысловыхъ дѣлахъ, и Войводъ совѣтовался относительно нѣкоторыхъ юридическихъ вопросовъ.

— Вотъ ужъ это настоящій баринъ...—восхищался Артемій Асафычъ.— Каждое словечко къ мѣсту выговоритъ.

Бѣгая по городу, Гущинъ забѣгалъ къ разнымъ знакомымъ, чтобы отвести душу, и, между прочимъ, завертывалъ и къ Ольгѣ Ивановнѣ. Въ матовской квартирѣ оставалось все по-старому, съ той разницей, что появился опять Щепетильниковъ, съ которымъ Ольга Ивановна совѣтовалась по цѣлымъ часамъ.

— Опять подкинулъ хвостъ... — ворчала Парасковья Асафовна, жалуясь на Щепетильникова. — Ужо научитъ онъ добру нашу Ольгу Ивановну. Охъ, не смотрѣли бы глазыньки!..

Старуха очень жалѣла Николая Сергѣича и подробно разспрашивала, какъ онъ живетъ, и въ тактъ разсказа только качала головой.

— А я ужо отчитаю Ольгу Ивановну, — храбрился Гущинъ.—Раньше-то я ея побаивался, это точно, а теперь во мнѣ звѣрства накопилось столько, хоть отбавляй... Возьму и все въ глаза ей скажу, за кого я ее считаю. Да... Былъ я добрый человѣкъ, а теперь озвѣрѣлъ и только вотъ не кусаюсь.

Бѣгавшаго по всему городу съ порученіями Матова Гущина больше всего возмущало то, что публика точно забыла даже о существованіи Матова. Поговорили, посудачили, посплетничали — и забыли, точно Николая Сергѣича и на свѣтѣ никогда не бывало. А давно ли это было, какъ всѣ ухаживали за нимъ, точно за именинникомъ... Такъ всѣ въ глаза и смотрятъ.

— Не безстыдники ли! — возмущался старикъ. — А что̀ будетъ чрезъ годъ, чрезъ два?..

Понятно, что всякое вниманіе къ Матову Артемій Асафычъ цѣнилъ на вѣсъ золота и на этомъ основаніи чаще всего завертывалъ къ доктору Окуневу, выбирая время, когда самого старика не было дома.

— Вотъ докторская Аннушка такъ дѣвушка, — нахваливалъ онъ ее Парасковьѣ Асафовнѣ. — Можно сказать прямо, что всему міру на украшеніе дѣвица... Ужъ столько она великатна, столько добра... Какъ приду, такъ не знаетъ, куда и посадить и чѣмъ угостить.

Анненька, дѣйствительно, была рада каждому посѣщенію старика и принимала его, какъ дорогого гостя. А сама сядетъ напротивъ, подопретъ щеку рукой и такъ хорошо да ласково слушаетъ старческую болтовню.

— Смотрю я на васъ, барышня, и только дивлюсь,— говорилъ Артемій Асафычъ. — Давно ли вы были такъ, ну, обыкновенная дѣвушка, у которой и на умѣ-то однѣ веселыя мысли, какъ оно полагается настоящей дѣвушкѣ.

— А теперь?

— А теперь даже совершенно напротивъ... да. Въ томъ родѣ, какъ будто вы и не дѣвушка... Сурьезная такая и протчее.

Анненька улыбалась какъ-то особенно хорошо и ничего не отвѣчала.

— Я бы пріѣхала къ вамъ,—замѣтила она разъ,—да какъ-то неудобно одной...

Она очень подробно разспрашивала обо всемъ, что̀ касалось Матова, и сама сообщала Артемію Асафычу послѣднія городскія новости, касающіяся его. Новости все были невеселыя, и начинали поговаривать о какомъ-то новомъ процессѣ.

— А мы ужъ кассацію написали,— сообщилъ Гущинъ по секрету, — и отправили... Я и въ судъ посылъ. Не таковскій человѣкъ Николай Сергѣичъ, чтобы живому отдаваться. „Погоди, говоритъ, старче, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ“. Вотъ онъ какой, Николай-то Сергѣичъ...

Когда Артемій Асафычъ говорилъ о Матовѣ съ другими, то и самъ начиналъ вѣрить въ него, хотя эта вѣра и подвергалась большому искушенію, когда старикъ оставался съ Матовымъ съ глазу на глазъ.

Между прочимъ, Артемій Асафычъ завертывалъ раза два и къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Самъ Войводъ жилъ сейчасъ на промыслахъ, а она безвыходно сидѣла дома, слабая, исхудалая, какъ тѣнь. Разговоръ какъ-то не вязался, и Артемій Асафычъ уходилъ ни съ чѣмъ.

## XXXI

Что̀ думалъ самъ Матовъ, вынужденный оставаться съ глазу на глазъ съ самимъ собой? Времени для размышленій было достаточно.

— Это еще цвѣточки, старче, — предупреждалъ Матовъ Артемія Асафыча. — А въ свое время будутъ и ягодки.

„Ягодки“ не замедлили себя ждать. Сначала вызвали Матова въ судъ и взяли подписку о невыѣздѣ, а потомъ, недѣли черезъ двѣ, явилось продолженіе: Матову грозила уже тюрьма, пока разрѣшатся его другія дѣла.

— Я этого ожидалъ, — замѣтилъ Матовъ съ улыбкой. — Да, ожидалъ... Но Бережецкій напрасно старается: я представлю залогъ.

Гущинъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Вѣдь нужно было достать тысячъ пять, чтобы внести залогъ, а гдѣ ихъ взять, когда скоро и ѣсть будетъ нечего?.. Какъ на бѣду, и Войвода не было въ городѣ, а на него оставалась послѣдняя надежда.

Началось новое хожденіе по „богатымъ мужикамъ“ съ письками Матова. Гущинъ уже не вѣрилъ въ ихъ силу, а шелъ только потому, чтобы не огорчать своего „воспитанника“, какъ онъ называлъ теперь про себя Матова. Результаты этого хожденія получались самые плачевные: Гущину отказывали

самымъ безцеремоннымъ образомъ, поднимали на-смѣхъ и просто указывали на дверь. Особенно огорчилъ его одинъ степенный старичокъ-купецъ, котораго Матовъ освободилъ отъ большой непріятности за любовь къ слишкомъ молоденькимъ дѣвушкамъ.

— Пришелъ собирать на погорѣлое мѣсто? — язвилъ благочестивый старецъ. — Ты ужъ заведи лучше книжку или кружку...

Матовъ началъ теперь сердиться, когда Гущинъ возвращался изъ своего похода ни съ чѣмъ.

— Ты просто глупъ, старче, и не умѣешь брать деньги... Деньги — женщины, и если онѣ не даются сами, то нужно умѣть ихъ взять силой. Понялъ?

— Какъ не понять, Николай Сергѣичъ... Всего легче, ежели выйти на большую дорогу и орудовать. Очень даже просто...

Въ головѣ Гущина являлась мысль обратиться за помощью къ Ольгѣ Ивановнѣ, но Матовъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ.

— А ежели толкнуться къ Лихонину?

— Ну, у тебя окончательно ума нѣтъ, старче. Лихонинъ дрожитъ надъ каждой копейкой и задавится изъ-за рубля. Только у такихъ людей и могутъ быть деньги... Если бы я въ свое время откладывалъ хоть десятую часть заработка... ну, да объ этомъ не стоитъ говорить, какъ о щукѣ, которую утопили въ водѣ.

Помощь явилась сама собой. Залогъ за Матова внесъ Войводъ, о чемъ его и извѣстилъ коротенькой записочкой.

— Вотъ, вотъ, именно это я и думалъ!..— обрадовался Гущинъ.

— И совершенно напрасно думалъ... Это похуже, чѣмъ принимать милостыню.

Гущинъ въ первый разъ видѣлъ, какъ Матовъ волновался и бѣгалъ по комнатѣ.

Матовъ какъ-то потерялся, уничтоженный, жалкій, несчастный. Что такое былъ этотъ Войводъ? — онъ никакъ не могъ понять. Или онъ поступилъ подъ вліяніемъ сердечной доброты, или мстилъ ему самымъ тяжелымъ образомъ. Если достать денегъ и возвратить ихъ Войводу, — это могло его оскорбить.

Въ одно прекрасное весеннее утро Матовъ одѣлся и вышелъ изъ дому, послѣ долгаго сидѣнья. Онъ рѣшилъ достать денегъ во что бы то ни стало и возвратить ихъ Войводу. Неужели онъ въ цѣломъ Сосногорскѣ не найдетъ пяти тысячъ? Давно ли было время, когда онъ проигрывалъ въ одинъ вечеръ не такія суммы. Прежде всего, онъ отправился къ Бармину, который недавно овдовѣлъ и грустилъ по женѣ самымъ искреннимъ образомъ. Клубный знакомый принялъ Матова очень вѣжливо, хотя Матовъ и понялъ, что здѣсь ему нечего ждать: у Бармина никогда не было денегъ.

— Какъ поживаете, Николай Сергѣевичъ? — суетливо спрашивалъ Барминъ, предлагая хорошаго, настоящаго вина и дорогихъ сигаръ.

— Странный вопросъ, Максимъ Максимычъ... Изъ моихъ дѣлъ выхода нѣтъ. Я зашелъ узнать, гдѣ Самгинъ... Вѣроятно, на промыслахъ?

— Да, да... Теперь самая горячая пора на пріискахъ, потому что вмѣстѣ съ вешней водой начинаются работы.

— А Галстунинъ?

— Ну, этотъ всегда дома. Только толку отъ него все равно не добьетесь... Знаете купеческую складку: угощенья сколько угодно, а денегъ не дадутъ ни копейки.

— И другіе не дадутъ?

— Думаю, что нѣтъ, хотя и можно сдѣлать попытку.

Если бы попасть къ Самгину въ хорошую минуту, — старикъ, навѣрное, выручилъ бы, но раньше это какъ-то не пришло въ голову Матову. Конечно, было бы легче написать Самгину, но этотъ самодуръ питалъ какое-то органическое отвращеніе ко всякой писаной бумагѣ и прямо боялся писемъ. Еще было бы лучше съѣздить къ Самгину самому, до промысловъ было всего верстъ триста, но Матовъ сейчасъ былъ связанъ подпиской о невыѣздѣ. Все шло одно къ одному, какъ затягиваетъ попавшую въ неводъ рыбу.

— Э, все равно!..— рѣшилъ Матовъ, выходя отъ Бармина.

На него возбуждающе подѣйствовало выпитое вино, а потомъ явилась совсѣмъ блажная мысль: вѣдь живетъ же вотъ этотъ самый Барминъ, когда у человѣка не было ни гроша за душой. Больше — Матову захотѣлось лично видѣть, какъ ему будутъ отказывать тѣ люди, которые ему были чѣмъ-нибудь обязаны, а такихъ людей въ Сосногорскѣ найдется достаточно.

— Глупо было посылать этого стараго дурака съ письмами, — соображалъ Матовъ, проявляя черную неблагодарность по отношенію къ Артемію Асафычу. — Онъ, навѣрно, являлся съ такимъ видомъ, какъ протягиваютъ руку на паперти. Да, глупо, и даже весьма...

Проходя по нѣкоторымъ улицамъ, гдѣ крѣпко сидѣли купеческія хоромины, Матовъ только улыбался про себя. Можетъ-быть, никто не зналъ всю подноготную такого бойкаго провинціальнаго города, какъ онъ. Да, тутъ велась отчаянная погоня за наживой, и для наживы дѣлалось все. До суда достигала только сотая часть настоящей уголовщины, и Матову приходилось постоянно обѣлять кого-нибудь изъ излюбленныхъ горожанъ. Вотъ теперь самое время обратиться къ кому-нибудь изъ недавнихъ кліентовъ.

— Э, все равно!..— рѣшилъ Матовъ.—Нужно испытать все...

По дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, которые съ удивленіемъ смотрѣли на него, какъ на выпущеннаго изъ клѣтки звѣря. Одни его узнавали и раскланивались, а другіе дѣлали видъ, что не узнаютъ, и даже отворачивались. Послѣднее коробило Матова, какъ онъ ни выдерживалъ характеръ.

Первый визитъ Матовъ сдѣлалъ къ наслѣдникамъ Чернецовымъ, которыхъ буквально спасъ отъ душившаго ихъ конкурснаго управленія. Дѣлами фирмы заправлялъ теперь второй братъ, который и встрѣтилъ Матова довольно сухо. Разговоръ происшелъ довольно короткій.

— Сейчасъ никакъ не можемъ-съ, Николай Сергѣичъ...

— А какъ же я могъ спасти вамъ все состояніе?

— Вы-съ? Вѣдь у насъ есть и другіе адвокаты-съ, Николай Сергѣичъ... И даже очень просто. Конечно, вы тогда получили за хлопоты, и даже очень получили, а сейчасъ не можемъ-съ... Балансъ не позволяетъ-съ.

Такіе же отвѣты получались и у другихъ кліентовъ, причемъ дѣло не обошлось безъ оскорбленій.

— Видишь, Николай Сергѣичъ, съ тобой и разговаривать-то — самое нестоящее дѣло, — грубо объяснилъ одинъ мучникъ, котораго Матовъ обѣлилъ по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія.— Какой ты такой сейчасъ человѣкъ, ежели разобрать: ни два ни полтора...

Матовъ убѣдился, что дальнѣйшее хожденіе по этимъ мошенникамъ совершенно безполезно. А онъ еще защищалъ ихъ, вытаскивалъ изъ грязи, расточалъ перлы знанія и цвѣты адвокатскаго краснорѣчія... Боже мой, какая жалкая и унизительная комедія!..

Чтобы передохнуть, онъ завернулъ кое къ кому изъ своихъ судейскихъ. Его встрѣчали очень мило, особенно дамы, но онъ вездѣ чувствовалъ себя чужимъ, какъ, вѣроятно, чувствовалъ бы себя выдернутый зубъ, если бы могъ чувствовать. О деньгахъ тутъ не могло быть и рѣчи: тѣ, у кого ихъ не было, дали бы съ удовольствіемъ, а тѣ, которые ихъ имѣли, были скупѣе самыхъ скупыхъ ростовщиковъ. Одинъ изъ такихъ господъ на прощаньи далъ Матову пріятельскій совѣтъ:

— Знаешь что̀, Николай Сергѣичъ... Я знаю, что тебѣ нужны деньги... да... и съ удовольствіемъ бы самъ... да... А ты сдѣлай вотъ что̀: обратись къ клубному швейцару. Онъ даетъ подъ проценты...

## XXXII.

О своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ Матовъ старался совсѣмъ не думать, хотя его и томило постоянное желаніе итти къ Войводамъ. Его удерживало что-то неопредѣленное, чего онъ самъ не могъ понять. Съ внѣшней стороны первымъ препятствіемъ служило то, что самого Войвода почти все время не было дома, и его визиты могли подать поводъ къ совершенно ненужнымъ пересудамъ и сплетнямъ. Зачѣмъ было подвергать этому испытанію репутацію замужней женщины, когда она и безъ того перенесла достаточно?

Провѣряя себя, Матовъ даже не могъ сейчасъ сказать, любитъ онъ Вѣру Васильевну или нѣтъ. Ему начинало казаться, что его отношенія къ ней за послѣднее время были результатомъ самогипноза. Развѣ такъ любятъ? Войводъ тогда былъ правъ, когда объяснялся съ нимъ въ клубѣ. Но, съ другой стороны, Матовъ только теперь понялъ, что̀ значитъ любить, — да, искренне, просто и хорошо любить. Въ сущности, онъ еще не испыталъ этого чувства, принимая за любовь нѣчто совершенно другое. Онъ, въ качествѣ избалованнаго человѣка, привыкъ смотрѣть на всѣхъ женщинъ ужъ слишкомъ просто, какъ на предметъ развлеченія и любовныхъ утѣхъ. И не онъ одинъ такъ смотрѣлъ, а и всѣ другіе.

— Свинство—и больше ничего! — повторялъ самому себѣ Матовъ, невольно перебирая въ умѣ весь синодикъ женскихъ именъ, съ которыми были связаны для него любовныя воспоминанія.—И даже великое свинство...

Да, тутъ было достаточно именъ... Популярность Матова вознаграждалась женщинами по-своему. Но эти мимолетныя связи разрушались съ еще большей быстротой, чѣмъ начинались. Отъ нихъ не оставалось ни малѣйшаго слѣда. И сейчасъ Матовъ не могъ бы безошибочно перечислить своихъ успѣховъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ этихъ женщинъ въ судѣ, когда онѣ терпѣливо отсиживали всѣ три дня, дожидаясь вердикта присяжныхъ. Да, онъ видѣлъ ихъ и, кромѣ женскаго любопытства, ничего не находилъ. Вѣдь и отдавались онѣ тоже только изъ любопытства и отъ провинціальной скуки. Если бы онъ умеръ, онѣ пришли бы на его похороны и даже уронили бы денеженькую слезу, какъ и полагается памяти друга.

— Ахъ, все это не то и не то!.. — съ тоской думалъ Матовъ, не находя ни одного женскаго имени, на которомъ можно было бы остановиться. — А какую гнусную роль заставляли онѣ играть меня!

По пути онъ припомнилъ нѣсколькихъ обманутыхъ мужей, которые сами обманывали своихъ женъ, такъ что матовскія побѣды принимали характеръ какой-то кары судьбы. Всѣ кругомъ лгали и обманывали, а онъ обманывалъ больше другихъ. Вѣроятно, и его подъемъ чувствъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ своимъ основаніемъ имѣлъ только ея недоступность. Если бы она отдалась ему, развѣ онъ думалъ бы о ней такъ хорошо, какъ думалъ сейчасъ?

— Милая, милая... — повторялъ Матовъ, припоминая собственное безумство.

Разъ вечеромъ его охватила такая гнетущая тоска, что онъ едва удержался, чтобы не пойти къ Войводамъ,—именно туда, а не въ другое мѣсто. Ему страстно захотѣлось увидѣть Вѣру Васильевну, услышать ея голосъ, просто чувствовать ея присутствіе и что-то сказать ей, много, много сказать. Старикъ Гущинъ замѣчалъ, какъ Матовъ начиналъ тосковать, и по-своему старался его развлекать. Происходили довольно оригинальные діалоги.

— Артемій Асафычъ, а вѣдь ты попадешь прямо въ адъ, — говорилъ Матовъ, лежа на диванѣ.—Всѣмъ ростовщикамъ тамъ мѣсто приготовлено...

— Какой же я ростовщикъ, Николай Сергѣичъ? Просто — добрый человѣкъ... Вотъ и вся вина.

— Добрый для себя. Давалъ мнѣ деньги, а самъ думалъ... содрать хорошій процентъ.

— Дастъ Богъ, поправитесь и въ лучшемъ видѣ заплатите...

— Конечно, поправлюсь. Уѣду въ Сибирь, поступлю на службу на промысла; вообще, не желаю пропадать.

— Зачѣмъ пропадать, помилуйте-съ!.. Да васъ, Николай Сергѣичъ, вездѣ наразрывъ возьмутъ.

Матову нравились эти разговоры о дальней Сибири, точно онъ хотѣлъ уйти отъ самого себя. Да, тамъ будетъ все другое... Тамъ можно будетъ начать другую жизнь. Урокъ былъ слишкомъ тяжелъ...

— Поѣдемъ вмѣстѣ, старче?—предлагалъ Матовъ.

— Что же, я съ удовольствіемъ... — согласился Гущинъ.

Разъ вечеромъ, когда они предавались такимъ сибирскимъ разговорамъ, въ дверь кто-то осторожно постучалъ. Это была Анненька, которую Матовъ въ первую минуту не узналъ. Дѣвушка замѣтно похудѣла и точно сдѣлалась выше.

— Я за вами, Николай Сергѣичъ... — проговорила она съ какою-то особенною, мягкою настойчивостью, какъ говорятъ любящія женщины.—Не хорошо забывать старыхъ друзей.

Матовъ замѣтно смутился. Онъ теперь уже не могъ говорить съ Анненькой въ прежнемъ шутливомъ тонѣ.

— Куда же вы меня поведете, Анна Евграфовна?

— Куда поведу, туда и пойдете...

„Это ее Вѣра Васильевна подослала...—соображалъ Артемій Асафычъ.— Ахъ, женщины, женщины!.. Еще недавно въ соборѣ протопопъ вотъ какую проповѣдь отчиталъ про нихъ: „Аще кто воззритъ на жену съ вожделѣніемъ...“

Анненька женскими глазами осмотрѣла царившій кругомъ безпорядокъ и, пока Матовъ переодѣвался въ сосѣдней комнатѣ, постаралась привести въ порядокъ его книги и даже вытерла пыль съ мебели.

— Не правда ли, Артемій Асафычъ, я была бы хорошею женщиной?— весело замѣтила она.

— Ну, ужъ извините... — обидѣлся Гущинъ.—Другой и настоящей барынѣ нужно еще поучиться у васъ досыта, да и то ничего не выйдетъ.

Весенній, мягкій вечеръ покрывалъ все какимъ-то ласковымъ сумракомъ. На небѣ не было видно ни одной звѣзды. Снѣгъ уже стаялъ; улицы просохли, но деревья въ садахъ стояли голыми и имѣли какой-то особенно жалкій, оголенный видъ. Матовъ молча шагалъ по тротуару, подавленный какою-то одной мыслью. Потомъ Анненька взяла его подъ руку и, показывая на деревья, проговорила:

— Это — я... Обратите вниманіе, какой у этихъ деревьевъ безнадежный видъ, а вѣдь у каждаго дерева есть своя физіономія.

— Они скоро покроются зелеными листьями...

— Къ сожалѣнію, не всѣ... Здѣсь совершаются свои молчаливыя трагедіи. Вѣдь это ужасно: молчать, молчать и молчать. Другіе кричатъ отъ боли, а они должны погибать молча.

— Къ чему вы это говорите?

— Женщины—эгоистки и всегда думаютъ только о себѣ. Я—тоже женщина...

Потомъ Анненька засмѣялась и прибавила:

— Знаете, въ страданіяхъ есть своя поэзія... Я, напримѣръ, такъ хорошо жалѣю себя. Понимаю, что это нелѣпо, и все-таки жалѣю... Вы видали, какъ глупыя бабочки налетаютъ на огонь и обжигаютъ свои радужныя крылышки? Такъ было и со мной... Я не жалуюсь, не ропщу, никого не обвиняю, а все-таки какъ-то жаль. У каждаго своя судьба... Даже письма, и тѣ не всѣ доходятъ по своему адресу. Вотъ такое письмо и я... да.

Этотъ разговоръ принималъ слишкомъ интимный характеръ, и Матовъ боялся, что Анненька пойдетъ дальше, но получился совершенно неожиданный оборотъ.

— Вы на меня не сердитесь, Никъ?—спросила Анненька, задерживая шаги и налегая на руку Матова.

— За что же я буду сердиться?

— А тогда... зимой?

— О такихъ вещахъ не говорятъ...

— Когда не любятъ... Не сердитесь, голубчикъ, я не буду приставать. А мнѣ немножко стыдно... Да, я много думала, провѣряла себя и пришла къ убѣжденію, что даже и не стою того, чтобы меня любили... Просто взбалмошная дѣвчонка, которая вѣшается на шею, какъ кукла.

— Положимъ, что съ послѣднимъ я не могу согласиться. Вся ошибка въ томъ, что вы помѣщали свой капиталъ не въ тотъ банкъ... Самая обыкновенная ошибка.

— А вы?

— И я тоже...

Анненька замолчала, а потомъ спросила другимъ тономъ:

— Скажите мнѣ только одно... Я спрашиваю васъ совершенно серьезно... да... Вы любите Вѣру Васильевну?

— Я?.. Сейчасъ не знаю...

Анненька облегченно вздохнула.

## XXXIII.

Матовъ догадывался, куда они идутъ, и не рѣшался спросить, знаетъ ли объ этомъ Вѣра Васильевна и, вообще, желаетъ ли она его видѣть? Если ему неудобно было итти къ ней, то она могла бы написать ему о своемъ желаніи. Матовъ успокоился, когда отворявшій имъ двери Маркъ сказалъ:

— Вѣра Васильевна ждутъ въ столовой-съ...

— А Ивана Григорьевича нѣтъ?—спросилъ Матовъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Они на промыслахъ.

Вѣра Васильевна сидѣла за самоваромъ и радостно вышла навстрѣчу. Она очень поправилась, и болѣзнь сдѣлала ее какъ-то изящнѣе. Матовъ невольно залюбовался.

— Это я послала за вами Анненьку, Николай Сергѣичъ... Она спрашивала васъ, желаете ли вы поддерживать наше знакомство?

— Нѣтъ, то-есть да... Я такъ давно васъ не видѣлъ, Вѣра Васильевна, и вы такъ измѣнились за это время...

— Да, да, къ лучшему,—перебила его Вѣра Васильевна.—А знаете, что̀ я думала передъ самымъ вашимъ приходомъ? Сижу и думаю: а вѣдь мое время прошло... да. Сегодня какъ разъ день моего рожденія, и на этомъ основаніи мнѣ сдѣлалось грустно. Въ моемъ возрастѣ женщины начинаютъ переживать обыкновенно острый кризисъ... Еще немножко—и въ результатѣ получится женщина почтеннаго возраста, къ которой относятся только съ почтеніемъ. Такое почтеніе для женщины—своего рода смертный приговоръ... Да, я сидѣла и думала, и даже пошла посмотрѣть на себя въ зеркало.

— Вѣра Васильевна, зачѣмъ предупреждать событія?—взмолилась Анненька.—Будемъ сегодня говорить о чемъ-нибудь веселомъ... Знаете, я пришла къ убѣжденію, что не сто̀итъ горевать вообще.

— А въ частности?—спросила Вѣра Васильевна.

— Въ частности можно, но только немножко,—съ неподражаемою наивностью отвѣтила Анненька, такъ что Матовъ захохоталъ.

Всѣмъ вдругъ сдѣлалось какъ-то весело. Матовъ, съ присущимъ ему остроуміемъ, разсказывалъ о своемъ затворничествѣ и не безъ юмора перешелъ къ „сибирскимъ идеаламъ". Что̀ же, и въ Сибири люди живутъ, особенно, если человѣкъ сумѣетъ взять себя въ руки.

— Я тоже уѣду въ Сибирь...—заявила Анненька и хотѣла что-то прибавить въ общемъ тонѣ разговора, но такъ и осталась съ раскрытымъ ртомъ.

Въ дверяхъ столовой стоялъ Бережецкій. Пьяный Маркъ пропустилъ его, забывъ доложить барынѣ, а Дуня, по разсѣянности, свойственной горничнымъ весной, повела его прямо въ столовую. Молчаніе продолжалось всего нѣсколько секундъ, но оно показалось всѣмъ вѣчностью. Первою опомнилась Вѣра Васильевна и встала навстрѣчу гостю.

— Я, кажется, попалъ немного не во̀-время,—говорилъ Бережецкій, здороваясь съ дамами за руку и кланяясь Матову издали.

— О, нѣтъ...—спокойно отвѣтила Вѣра Васильевна.—Вы никому здѣсь не помѣшаете и даже можете быть полезнымъ. Мы сейчасъ обсуждали интересный вопросъ о томъ, какъ Николай Сергѣичъ будетъ жить въ сибирской своей ссылкѣ.

— Меня лично, говоря откровенно, это мало интересуетъ,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Бережецкій и еще съ бо̀льшимъ достоинствомъ прибавилъ:—Я позволяю, Вѣра Васильевна, только отвѣтить на вашу реплику...

Отвѣтъ былъ сдѣланъ находчиво. Враги очутились въ самомъ неловкомъ положеніи: ни тому ни другому неловко было уйти первымъ. Вѣра Васильевна постаралась перевести разговоръ на общую тему, а Матовъ молчалъ, прихлебывая чай. Анненька чувствовала себя виноватѣе всѣхъ. Она понимала, какъ трудно Вѣрѣ Васильевнѣ занимать нежданнаго гостя, но никакъ не могла ничего придумать, чтобы вмѣшаться въ разговоръ,—мысли у нея точно прилипли къ мозгу. Вывелъ всѣхъ изъ затрудненія самъ Матовъ.

— Игнатій Борисычъ, мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами по душѣ...—началъ онъ со своей подкупающею добротой и задушевностью.—Да... Вѣдь мы столько лѣтъ были хорошими друзьями...

Бережецкій весь вытянулся и даже посмотрѣлъ на дверь, точно приготовляясь бѣжать.

— Наша ссора произошла изъ-за пустяковъ,—продолжалъ Матовъ,—и я могу повторить то же самое, что̀ говорилъ тогда: у меня не было ни малѣйшаго намѣренія оскорблять васъ. Но это дѣло прошлое...

— Я полагаю, что намъ при настоящей обстановкѣ не совсѣмъ удобно разговаривать, господинъ Матовъ... — перебилъ его Бережецкій, дѣлая безпокойное движеніе.

— А я думаю, что всего удобнѣе переговорить просто и спокойно именно здѣсь... Вѣра Васильевна, вы позволяете?

— Я очень рада...

— Я не понимаю, что̀ вамъ отъ меня нужно?—спрашивалъ Бережецкій, обращаясь уже ко всѣмъ, точно попалъ на сходку заговорщиковъ.

— Очень немного: чтобы вы только имѣли терпѣніе меня выслушать,— отвѣтилъ Матовъ.—Я не буду касаться ни нашей ссоры ни моего дѣла въ судѣ...

Бережецкій принялъ джентльменскій видъ и кивнулъ головой. Матовъ перевелъ духъ и, глядя на Вѣру Васильевну, продолжалъ, сохраняя спокойный тонъ:

— Мнѣ хотѣлось сказать, Игнатій Борисовичъ, что я до нѣкоторой степени даже благодаренъ вамъ... Пожалуйста, не принимайте это за иронію. Да... Видите ли, мое дѣло заставило меня прійти въ себя и одуматься, благо времени для этого у меня совершенно достаточно. Сидя на скамьѣ подсудимыхъ, я чувствовалъ себя все-таки правымъ и, со свойственнымъ виноватымъ людямъ легкомысліемъ, поддерживалъ эту мысль. Когда присяжные вынесли мнѣ обвинительный вердиктъ, я, по закону противорѣчія, обвинилъ ихъ въ несправедливости, допущенной именно по отношенію лично ко мнѣ. Съ этимъ чувствомъ я вышелъ и изъ суда... Дальше я обвинялъ своихъ друзей, которые сразу какъ-то забыли о моемъ существованіи; потомъ я началъ обвинять уже все общество. Вѣдь раньше всѣ ухаживали за мной, искали моего общества, а тутъ точно обрадовались моему паденію.

Вѣра Васильевна слушала, опустивъ глаза; она чувствовала, что Матовъ время отъ времени смотритъ на нее, и смущалась еще больше. Анненька рѣшительно не понимала, къ чему Матовъ все это говоритъ, — ей сдѣлалось страшно съ самаго начала.

— Да, такъ я обвинялъ рѣшительно всѣхъ, — продолжалъ Матовъ, закуривая папиросу,—обвинялъ, пока не пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ виноватъ только я одинъ... Виноватъ не по частному случаю, какъ это дѣло, а виноватъ всей своею жизнью. Я подробно разобралъ всю свою жизнь и жизнь другихъ, и чѣмъ больше думалъ на эту тему, тѣмъ мнѣ дѣлалось легче. Вѣдь за каждымъ изъ насъ найдутся свои грѣшки, та домашняя уголовщина, которая въ большинствѣ случаевъ не доходитъ до суда, и мы умѣемъ не только вѣжливо себѣ все прощать, но продолжаемъ сохранять уваженіе къ собственной особѣ.

— Повторяю свой вопросъ: при чемъ же я тутъ? — сухо отвѣтилъ Бережецкій, когда Матовъ кончилъ.

Матовъ что-то хотѣлъ отвѣтить, но Вѣра Васильевна перебила его. Она поднялась, блѣдная, съ округлившимися глазами, и проговорила:

— Очень даже „при чемъ", Игнатій Борисычъ... Я напомню вамъ одинъ клубный маскарадъ въ ноябрѣ прошлаго года и одну маску, которую вы не узнали до сихъ поръ.

— Очень можетъ быть, Вѣра Васильевна... — отвѣтилъ Бережецкій, начиная опять волноваться.—Маска въ черномъ домино?

— Да, та самая, которая дала вамъ маленькій юридическій совѣтъ...

Бережецкій вскочилъ, какъ ужаленный, и захохоталъ.

— О, я теперь понимаю все!.. — проговорилъ онъ. — Да, даже, можетъ, больше, чѣмъ мнѣ это слѣдуетъ...

— Позвольте мнѣ досказать, Игнатій Борисычъ,—остановила его Вѣра Васильевна, едва сдерживая волненіе. —Эта маска была — я... Я дала вамъ совѣтъ погубить Николая Сергѣича именно ничтожнымъ дѣломъ, и вы приняли его. Меня этотъ поступокъ давилъ камнемъ все время, и я счастлива, что могу въ немъ признаться сейчасъ, въ присутствіи Николая Сергѣича. Да, это было гадко и непростительно...

Бережецкій молча раскланялся съ дамами и вышелъ изъ столовой съ улыбавшимся лицомъ. Вѣра Васильевна опустилась на свой стулъ и закрыла лицо руками.

— Вѣра Васильевна, вы придаете слишкомъ много значенія всякимъ пустякамъ...—проговорилъ Матовъ.—Мало ли что̀ болтаютъ въ маскарадахъ...

— Нѣтъ... я—гадкая... злая...—шептала Вѣра Васильевна, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Анненька сдѣлала Матову знакъ глазами, чтобы онъ уходилъ. Когда онъ на цыпочкахъ выходилъ изъ дверей, до него донеслись первые звуки истеричнаго смѣха.

## XXXIV.

Лѣто для Матова прошло, какъ мучительная пытка. Больше всего его мучило отсутствіе всякой работы. Одинъ день походилъ на другой. Единственнымъ развлеченіемъ были вызовы къ слѣдователю по новымъ дѣламъ. Молодой слѣдователь больше уже не стѣснялся Матова и разъ, когда онъ машинально закурилъ папиросу, обрѣзалъ его:

— Прошу васъ не забывать, господинъ Матовъ, что вы — въ камерѣ слѣдователя.

— Виноватъ, господинъ слѣдователь,—отвѣтилъ Матовъ, бросая папиросу.

— Вы сожжете мою камеру...

Вновь возбужденныя противъ Матова дѣла не особенно его пугали, потому что всѣ сводились, въ концѣ концовъ, къ „банкротству фирмы“, какъ онъ выражался про себя. Все равно, платежи были прекращены давно, и кредиторы напрасно старались упрятать его въ тюрьму, какъ злостнаго банкрота, тогда какъ изъ него самое большое можно было выкроить „неосторожнаго“. Болѣе этихъ дѣлъ Матова интересовала поданная имъ кассація по первому дѣлу, но тутъ приходилось ждать и ждать.

Лѣто въ Сосногорскѣ всегда было самымъ скучнымъ временемъ, и публика разъѣзжалась на мѣстныя воды. Оставались только чиновники и разные служащіе люди, которыхъ привязывала къ мѣсту служба. Войводы тоже уѣхали къ себѣ на промысла. Матовъ видѣлъ Вѣру Васильевну незадолго до отъѣзда, и она опять показалась ему такой худой и несчастной. Она, вообще, быстро мѣнялась, а послѣ болѣзни въ особенности. Войводъ тоже что-то хмурился и имѣлъ задумчивый видъ.

Артемій Асафычъ придумалъ для Матова новое развлеченіе. Они раннимъ лѣтнимъ утромъ уходили за городъ, въ сосновый боръ, гдѣ протекала довольно бойкая рѣка Сосновка, образуя маленькіе островки, затянутые ивнякомъ и ольхой. Здѣсь „раскидывался станъ“, т.-е. зажигался костеръ и дѣлались всѣ приготовленія къ раннему завтраку. Артемій Асафычъ захватывалъ съ собой удочку и съ большимъ терпѣніемъ таскалъ ершей, окуньковъ и плотву. Добыча была небольшая, но для двоихъ въ результатѣ получалась отличная уха.

— Нѣтъ того лучше, какъ рыбки поудить,—говорилъ Артемій Асафычъ, устанавливая надъ огнемъ походный котелокъ.—Точно мы съ вами непомнящіе

родства бродяги, Николай Сергѣичъ... Они вотъ съ такими-то котелками идутъ изъ Сибири въ Россію.

— А ты хочешь въ Сибирь?—спрашивалъ его Матовъ.

— Что̀ вы, Николай Сергѣичъ... Сохрани, Господи!..

— Да не по суду, а по своей волѣ. Вотъ меня пошлютъ, вмѣстѣ и поѣдемъ...

Артемій Асафычъ только угнетенно вздыхалъ.

Матовъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у горѣвшаго костра съ особеннымъ удовольствіемъ. Огонь наводилъ на него какое-то мечтательное настроеніе, и онъ чувствовалъ себя бодро и хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, много ли человѣку нужно, если смотрѣть съ философской точки зрѣнія? Иногда они проводили на островкѣ цѣлый день и возвращались въ городъ только вечеромъ.

— Вотъ, слава Богу, день-то и убили, — говорилъ Артемій Асафычъ, вышагивая какою-то развалистою, утиною походкой.

Когда наступилъ конецъ августа и листья начали желтѣть, старикъ проговорилъ:

— Вотъ, слава Богу, и лѣто прошло...

Матовъ никакъ не могъ понять этого апоѳеоза проходящаго времени, но, со своей стороны, тоже былъ какъ будто радъ, что скучное время пережито. Каждый новый день точно подвигалъ его къ надеждѣ. Вотъ только бы принята была и уважена кассаціонная жалоба, потомъ смотать дурацкія дѣла съ кредиторами и т. д.

Наступали дождливые и холодные осенніе дни. Мелкій, назойливый дождь начинался съ утра, и о походахъ на Сосновку нечего было и думать, а приходилось сидѣть дома. Матовъ или читалъ, лежа на диванѣ, или ходилъ изъ угла въ уголъ по цѣлымъ часамъ. Въ одно изъ такихъ утръ явился и вызовъ въ судъ. Матовъ даже обрадовался этому, потому что, такъ или иначе, все должно было кончиться. Артемій Асафычъ просто трепеталъ отъ страха, точно хотѣли судить его.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... — шепталъ добрый старикъ, провожая Матова въ судъ.—Вотъ до чего дожили: ни взадъ ни впередъ. Охъ-хо-хо...

Судъ продолжался опять три дня, но на этотъ разъ присяжные вынесли Матову оправдательный вердиктъ. Артемій Асафычъ отъ волненія чуть не упалъ въ обморокъ и только молча крестился.

— Слава Богу!.. — повторялъ Артемій Асафычъ, когда возвращался съ Матовымъ изъ суда.

Матовъ молчалъ. Онъ былъ и утомленъ, и получилъ непріятныя свѣдѣнія о ходѣ своей кассаціи. Дѣло могло получить плохой оборотъ. На дорогѣ его перехватилъ Маркъ, съ приглашеніемъ сегодня обѣдать у Войводовъ.

— Только-что господа съ промысловъ воротились, — объяснялъ онъ, подавая записку.—Слава Богу, дѣла у насъ идутъ по части золота хорошо... Не маленькую копеечку заработалъ Иванъ-то Григорьичъ.

Артемій Асафычъ уѣхалъ домой одинъ, а Матовъ отправился къ Войводамъ. Иванъ Григорьичъ встрѣтилъ его, какъ родного человѣка. Старикъ замѣтно опустился за одно лѣто, какъ-то сгорбился и потерялъ свой обычный цвѣтущій видъ.

— Поздравляю... очень радъ... — разсѣянно роняль онъ слова, думая о чемъ-то другомъ.—Заѣзжалъ милѣйшій докторъ и сообщилъ о вашемъ оправданіи... Я былъ въ этомъ увѣренъ.

— Какъ здоровье Вѣры Васильевны?

— Она сейчасъ выйдетъ...

Несмотря на видимое радушіе, Войводъ держался какъ-то странно и нѣсколько разъ потиралъ лобъ. Они говорили о промыслахъ, о разныхъ пріисковыхъ новостяхъ и перебирали цѣлый рядъ знакомыхъ именъ. Больше всѣхъ повезло старому Самгину, который открылъ новую богатѣйшую розсыпь. Неистовому старику везло замѣчательное счастье, и онъ наживалъ иногда деньги на пріискахъ, на которыхъ до него другіе разорялись.

Вѣра Васильевна вышла усталая и тоже какая-то разсѣянная. Она точно удивилась, встрѣтивъ Матова, и устало проговорила:

— Мы не видались съ вами цѣлую вѣчность...

Обѣдъ прошелъ какъ-то вяло, и Матовъ тоже чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ. Было что-то такое тяжелое въ самомъ воздухѣ, смѣнившее прежнюю милую непринужденность, которую вездѣ вносила съ собой Вѣра Васильевна. Говорили о разныхъ постороннихъ вещахъ и неинтересныхъ людяхъ. Матовъ разсказывалъ, какъ онъ проводилъ свое лѣто, и Вѣра Васильевна улыбнулась, кажется, въ первый разъ.

— А вѣдь это очень весело, — замѣтила она. — Какой милый старикъ этотъ Артемій Асафычъ...

— Да, ничего... Людей узнаёшь въ бѣдѣ и въ нуждѣ, какъ говоритъ русская пословица.

Послѣ обѣда Войводъ пригласилъ Матова къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы—любитель хорошихъ сигаръ,—объяснилъ онъ.—А Маркъ подастъ намъ туда бутылочку краснаго вина...

Сигары у Войвода, дѣйствительно, были великолѣпныя, и Матовъ охотно согласился. Вѣра Васильевна незамѣтно ушла изъ столовой еще раньше и больше не показывалась.

— Мы не совсѣмъ здоровы...—объяснилъ Войводъ вполголоса, показывая глазами на дверь, въ которую вышла жена.

Когда они пришли въ кабинетъ, Войводъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, насасывая сигару.

— Собственно, у меня къ вамъ есть три дѣла, Николай Сергѣевичъ,— заговорилъ онъ, когда Маркъ подалъ кофе и ликеры. — Во-первыхъ, я имѣю точныя свѣдѣнія, что ваша кассація оставлена безъ послѣдствій...

— Я тоже сегодня слышалъ объ этомъ въ судѣ, то-есть меня предупреждали, чтобы я могъ догадаться уже самъ...

— Затѣмъ, Лихонинъ предъ своимъ отъѣздомъ просилъ меня передать вамъ, что онъ, въ случаѣ вашей ссылки въ Сибирь, охотно возьметъ васъ къ себѣ на службу...

— Что̀ же, это не лишнее... Я могу только благодарить...

— А третье...

Голосъ Войвода вдругъ дрогнулъ, и онъ отвернулся къ окну. Матовъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ вытираетъ глаза платкомъ.

— Иванъ Григорьичъ, что̀ съ вами?

— Ахъ, это такъ... пройдетъ...

Войводъ повернулся къ Матову и проговорилъ рѣшительно и просто:

— Видите ли, мы расходимся съ Вѣрой Васильевной... да... Это рѣшено и кончено... Я знаю, что она давно любитъ васъ, и что вы, съ своей стороны... Нѣтъ, я не могу больше... Пріѣзжайте безъ меня и сами переговорите съ ней... Вы уѣдете въ Сибирь, и, можетъ-быть, она будетъ счастлива съ вами...

Старикъ не могъ продолжать, а только отвернулся и, закрывъ лицо платкомъ, глухо зарыдалъ.

## XXXV.

Положеніе Матова получалось самое невозможное. Возвратившись домой, онъ нѣсколько дней медлилъ отправиться за рѣшительнымъ объясненіемъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ, и Войводъ пріѣхалъ за нимъ самъ.

— Сейчасъ я могу говорить спокойно, — объяснялъ онъ дорогой, укладывая коробку спичекъ въ портсигаръ.—Да... Ольга Ивановна, насколько мнѣ это кажется, охотно согласится на разводъ, а я, съ своей стороны, устрою все, чтобы Вѣра Васильевна могла выйти замужъ... да...

— Послушайте, Иванъ Григорьичъ, разговоръ немного неловкій...

— Ахъ, это все равно!.. Если бы вы знали, какъ я ее любилъ... И сейчасъ я хлопочу, конечно, только объ ея счастьѣ... Она не способна обманывать и итти на компромиссы... Моя роль въ этомъ дѣлѣ можетъ показаться смѣшной, но мнѣ все равно. Если бы вы сотую долю того, что̀ я чувствую сейчасъ, могли и желали понять, Николай Сергѣичъ... Я своими руками отдаю вамъ свое счастье... свое безуміе... Не думайте, что я хочу показаться великодушнымъ,—нѣтъ, кто истинно любитъ, для того счастье любимаго человѣка дороже всего.

Матовъ молчалъ, уничтоженный и подавленный. Онъ мысленно повѣрялъ самого себя, дѣйствительно ли любитъ Вѣру Васильевну такъ, какъ должно любить. Матовъ даже закрылъ глаза, рисуя въ воображеніи картины будущаго счастья тамъ, въ Сибири, гдѣ начнется его новая жизнь. Да, все будетъ новое, и онъ будетъ другимъ человѣкомъ...

Вѣра Васильевна, очевидно, дожидалась дорогого гостя и торопливо вышла въ переднюю.

— Какъ вы долго...—жаловалась она, крѣпко пожимая руку Матову.— Я думала, что... Позвольте, о чемъ я думала?

Она вдругъ засмѣялась и, прижимаясь всѣмъ тѣломъ къ Матову, проговорила:

— Папа все знаетъ... Онъ такой добрый и такъ любитъ меня...

Матовъ совершенно растерялся и не находилъ словъ для отвѣта. Да и что̀ было отвѣчать? Войводъ быстро раздѣлся и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Вѣра Васильевна порывисто бросилась къ Матову на шею и шептала задыхавшимся голосомъ:

— Милый... милый... Наконецъ-то мы вдвоемъ... да... О, какъ я измучилась!..

Она схватила его за руку и потащила къ себѣ въ комнату.

— Вѣра Васильевна, это неудобно... — пробовалъ сопротивляться Матовъ.—Не слѣдуетъ злоупотреблять чужой добротой...

Вѣра Васильевна вдругъ расхохоталась. Чужою добротой? Да вѣдь папа ее любитъ... Ахъ, какіе всѣ смѣшные, а этотъ Никъ смѣшнѣе всѣхъ, потому что ничего не понимаетъ. Ну, рѣшительно ничего, какъ ничего не поняла Аннинька, когда она разсказала ей все.

— Нѣтъ, я въ вашу комнату не пойду, — заявилъ Матовъ, останавливаясь въ дверяхъ.—Мы можемъ переговорить и здѣсь...

— Да? Ты не хочешь видѣть мою комнату?—упавшимъ голосомъ спрашивала Вѣра Васильевна.

— Я удивляюсь, какъ вы этого не можете понять...

— Я все понимаю...

Она, пошатываясь, подошла къ дивану и опустилась въ него, какъ подкошенная. Потомъ она закрыла лицо руками. Матовъ стоялъ посрединѣ

комнаты и не зналъ, что̀ ему дѣлать и что̀ говорить. Дверь въ кабинетъ была открыта, и онъ видѣлъ спину стоявшаго у окна Войвода.

— Вѣра Васильевна...—заговорилъ вполголоса Матовъ, подходя къ ней.

Она отняла руки, и онъ увидѣлъ счастливое, улыбавшееся лицо, выраженіе котораго заставило его отшатнуться: это лицо смотрѣло на него совершенно безумными глазами...

Матовъ вбѣжалъ въ кабинетъ и молча указалъ Войводу на гостиную.

— Что̀... что̀ случилось?—перепугался старикъ.

— Тамъ... она... она сошла съ ума... Боже мой, за что?

Войводъ спокойно вышелъ въ гостиную и убѣдился своими глазами, что Матовъ былъ правъ. Вѣра Васильевна продолжала сидѣть на диванѣ и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, повторяла:

— Папа, ты все знаешь... Папа, ты все знаешь...

---

Докторъ Окуневъ былъ въ страшныхъ хлопотахъ, потому что Матовъ уѣзжалъ и нужно было его проводить.

— Понимаешь, Анненька, ссылка, — повторялъ онъ, поднимая палецъ кверху.—Вотъ наша судьба: сегодня — общій любимецъ публики, а завтра— ссылка въ мѣста не столь отдаленныя... Это, вообще, да...

Анненька ничего не отвѣчала отцу и отвертывалась къ окну. Установилась крѣпкая зимняя погода, и она любила по цѣлымъ часамъ наблюдать, какъ падаетъ мягкій, пушистый снѣгъ. Что-то было такое грустное въ этой картинѣ, точно на землю опускался бѣлый саванъ.

— И представь себѣ, Анненька, хоть бы одинъ человѣкъ отнесся съ сочувствіемъ, — не унимался докторъ. — Я говорю о настоящемъ сочувствіи... Конечно, жалѣютъ многіе, но все это такъ, для формы.

— А ты жалѣешь изъ любопытства... Тебѣ хочется посмотрѣть, какъ будетъ уѣзжать изъ города опальный Матовъ.

— Анненька... Какъ ты разговариваешь съ отцомъ? И это родная дочь...

— Ты лучше разскажи, что̀ дѣлается у Войводовъ...

— Что̀ дѣлается? Старикъ убитъ, а у нея тихая форма помѣшательства... Забьется куда-нибудь въ уголъ и сидитъ по цѣлымъ днямъ, а какъ звонокъ— сейчасъ бѣжитъ въ переднюю. Она все ждетъ, бѣдняжка...

Анненька была у Войводовъ всего одинъ разъ и боялась теперь Вѣры Васильевны.

Каждый день къ Анненькѣ являлся Артемій Асафычъ съ разными сомнѣніями и вопросами. Онъ тоже собрался ѣхать вмѣстѣ съ Матовымъ, и нужно было все обдумать.

— Не на двѣ недѣли ѣдемъ, Анна Евграфовна, — повторялъ старикъ, угнетенно вздыхая.—А впрочемъ, воля Божья...

Потихоньку отъ отца Анненька раза два ѣздила къ Артемію Асафычу, когда Матова не было дома, и укладывала сама дорожные чемоданы, причемъ проявляла удивительную сообразительность, такъ что Артемій Асафычъ только разводилъ руками. Старикъ пришелъ просто въ умиленіе, когда Анненька привезла цѣлый фунтъ персидскаго порошка.

— Голубушка, да вѣдь это первое дѣло, потому неизвѣстно, гдѣ придется жить... А мнѣ, старому дураку, и невдомекъ. Ахъ, Ты, Господи, вотъ какъ выживетъ человѣкъ изъ ума!..

Наконецъ сборы были кончены, и даже назначенъ день отъѣзда,—Матову дали льготу уѣхать самому, а не по этапу, хотя это и было не совсѣмъ по закону. Онъ сдѣлалъ послѣдніе визиты и, между прочимъ, заѣхалъ къ

Ольгѣ Ивановнѣ, чтобы проститься, но она не сказалась дома, и Матовъ только въ окно видѣлъ, какъ изъ-за косяка за нимъ наблюдалъ Щепетильниковъ.

„Sic transit gloria mundi!..“—невольно подумалъ Матовъ, безъ всякой злобы уступая свое мѣсто своему бывшему помощнику.

Отъѣздъ совершился утромъ. Падалъ мягкій снѣжокъ. У воротъ избушки Артемія Асафыча стояли двѣ парныя кошовки. Въ одной ѣхали Матовъ и Гущинъ, а въ другой—ихъ провожали до первой станціи Окуневы. Анненька пріѣхала вмѣстѣ съ отцомъ и производила настоящую ревизію сдѣланныхъ приготовленій къ далекому путешествію. Матовъ переживалъ самое угнетенное состояніе и отвѣчалъ доктору невпопадъ. Артемій Асафычъ старался заглушить смятеніе своего духа усиленною суетой и все повторялъ:

— Да, вотъ мы и поѣхали, барышня...

Когда вещи были вынесены и уложены въ кошовку, всѣ, по русскому обычаю, присѣли. Въ этотъ моментъ у воротъ остановился рысакъ Войвода.

Иванъ Григорьичъ вошелъ и, не снимая шубы, молча передалъ Матову небольшой свертокъ. Анненька не утерпѣла и развернула его: въ маленькой коробочкѣ лежала фарфоровая куколка, которая постоянно стояла у Вѣры Васильевны на туалетѣ. Войводъ присѣлъ вмѣстѣ съ другими, не нарушая ни однимъ словомъ торжественности момента. Потомъ всѣ помолились и начали прощаться. Матовъ, со слезами на глазахъ, обнялъ, расцѣловалъ Анненьку и проговорилъ:

— Ѣду въ истинное отечество всѣхъ общихъ любимцевъ публики, которое называется Сибирью...

---

# ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА.

Очерки и разсказы.

## НА „ШЕСТОМЪ НОМЕРѢ“.

### I.

„Старикъ“ сидѣлъ на обрубкѣ дерева передъ костромъ, смотрѣлъ на огонь и молча посасывалъ коротенькую англійскую трубочку, начиненную злѣйшей россійской махоркой. Онъ сидѣлъ такъ каждый вечеръ, охваченный какой-то блаженной дремотой, и это почему-то всѣхъ раздражало, хотя вечеръ полагался на отдыхъ, и каждый могъ распоряжаться имъ по собственному усмотрѣнію.

— „Старикъ“, ты ужасно походишь на сыча, когда такъ сидишь передъ огнемъ,—раздраженнымъ тономъ говорила ему Парасковья Ивановна.

— Вы находите?—удивлялся „Старикъ“.

— Нѣтъ, онъ походитъ на Будду, — увѣрялъ братъ Парасковьи Ивановны, Ефимъ Ивановичъ.

„Старикъ“ не отвѣчалъ, что̀ еще сильнѣе раздражало всѣхъ, и Парасковья Ивановна поставила вопросъ:

— Интересно было бы знать, о чемъ это чучело думаетъ?..

Въ выраженіяхъ, какъ видите, не стѣснялись, и только одинъ „Старикъ“ оставался неизмѣнно вѣжливымъ. Онъ какъ будто считалъ себя немного виноватымъ, особенно, когда Парасковья Ивановна раздражалась, а послѣднее случалось слишкомъ часто. Она даже плакала въ такіе моменты, что̀ уже совсѣмъ не шло къ ея рослой фигурѣ и грубому, почти мужскому голосу. У Парасковьи Ивановны, какъ оказалось, были нервы, чего раньше какъ-то никто не подозрѣвалъ. Открылось это совершенно случайно, ровно черезъ день, какъ она пріѣхала на пріискъ. Дѣло въ томъ, что въ лѣсу постоянно насвистывала такъ называемая птичка „горюнъ“. Она издавала всего одну ноту, протяжную и унылую, и эта музыка продолжалась цѣлые дни. Парасковья Ивановна приходила въ отчаяніе и умоляла убить горюна.

— Зачѣмъ это убивать ни въ чемъ неповинную птицу? — слабо протестовалъ „Старикъ“.—Она вѣдь никому не мѣшаетъ...

— А если я не могу слышать этихъ стоновъ? Она не поетъ, а стонетъ, какъ умирающая... Не могу, не могу!.. „Старикъ“, ты ее непремѣнно убей...

„Старикъ“ покорно бралъ ружье и отправлялся выслѣживать несчастнаго горюна. Но птичка была хитрая, забивалась въ самую вершину какой-нибудь мохнатой ели, и невозможно было ее разсмотрѣть. „Старикъ“ пробовалъ стрѣлять по вершинѣ наудачу, но изъ этого ничего не выходило, — горюнъ замолкалъ на нѣсколько минутъ, а потомъ его стоны начинали раздаваться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Это была какая-то птица-невидимка. Особенно надоѣдала она по вечерамъ, когда въ лѣсу водворялась мертвая тишина. Ка-

залось, что горюнъ стонетъ прямо въ ухѣ. Впрочемъ, волновалась не одна Парасковья Ивановна, и, если проклятая птица замолкала, всѣ начинали ждать, когда она опять застонетъ. Въ концѣ концовъ выходило какъ-то такъ, что какъ будто виноватъ „Старикъ". Какъ это выходило, по какой логикѣ—никто объ этомъ не думалъ.

— Я убѣждена, что этому идіоту доставляетъ удовольствіе слушать горюна,—увѣряла Парасковья Ивановна.

— Навѣрно — поддакивалъ Ефимъ Ивановичъ, во всемъ и всегда соглашавшійся съ сестрой. — Вѣроятно, раньше „Старикъ" прикармливалъ горюна...

Послѣднее предположеніе являлось совершенной нелѣпостью и поэтому, вѣроятно, производило особенно сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, „Старикъ" самъ подалъ поводъ къ такому обвиненію. Разъ, когда Парасковья Ивановна особенно къ нему приставала, онъ замѣтилъ:

— Ну что же, пусть нравится... У каждаго свой вкусъ.

Въ описываемый мной вечеръ „Старикъ" былъ особенно задумчивъ. Горюнъ такъ и надрывался гдѣ-то надъ самой головой. „Старику" сегодня нравились эти стоны, потому что они отвѣчали его грустному настроенію. Онъ не замѣчалъ, какая чудная ночь спускалась надъ горами, какъ обступившій пріисковую контору лѣсъ тонулъ въ мягкомъ сумракѣ, какъ красиво всполохи краснаго пламени изъ сгущавшейся, ароматной лѣсной мглы выхватывали какія-то причудливыя тѣни, какъ землю постепенно охватывалъ торжественный покой, какъ на днѣ горной рѣчки Полуденки, гдѣ были поставлены пріисковыя работы, поднимался волокнистый туманъ, точно паръ отъ дыханія какого-то сказочнаго чудовища. Все кругомъ было торжественно-хорошо, хорошо строгой, молитвенной красотой, какая царитъ въ дремучемъ лѣсу по ночамъ и которой отвѣчаетъ здѣсь каждая линія. Какъ, напримѣръ, хороши вотъ эти великолѣпные папоротники, придававшіе всему какой-то таинственный, сказочный характеръ. Они убирали землю сквознымъ зеленымъ кружевомъ, точно въ лѣсной гущѣ происходилъ таинственный праздникъ невидимыхъ духовъ. Послѣднихъ видѣли только молчаливыя строгія ели, рвавшіяся въ небо своими прорѣзными вершинами-стрѣлками, да пестрые дятлы, неумолчно долбившіе гнилое дерево.

И вся эта красота дремучаго сѣвернаго лѣса сейчасъ не существовала для „Старика". Онъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, свѣсивъ руки, и смотрѣлъ на огонь, гдѣ прыгали красныя змѣйки. Его худощавое лицо, изборожденное преждевременными морщинами, сегодня казалось особенно некрасивымъ. Длинный носъ, узенькіе сѣрые глазки, впалыя щеки, жиденькая бородка песочнаго цвѣта,—все было некрасиво. Всѣ называли его „Старикомъ", хотя ему было всего подъ сорокъ. Эта кличка установилась за нимъ еще въ школѣ, да такъ и осталась на всю жизнь. Онъ, впрочемъ, не протестовалъ, да и не интересовался собственной наружностью. И костюмъ сидѣлъ на немъ по-стариковски—болотные сапоги, шведская кожаная куртка, поповская шляпа. Сейчасъ въ головѣ „Старика" бродила одна фраза, которую онъ услышалъ еще утромъ. Парасковья Ивановна, когда еще пила чай, разсчитанно-громко сказала:

— А *онъ* выѣзжаетъ...

„Старикъ" чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него, и сталъ внимательно наблюдать чаинки, плававшія въ его стаканѣ. Ему было какъ-то неловко и немного совѣстно. Онъ зналъ, о комъ говорила Парасковья Ивановна, и не понималъ, почему она говоритъ такимъ вызывающимъ тономъ. И сейчасъ онъ

повторялъ про себя эту фразу, повторялъ безъ конца, точно въ головѣ у него ходилъ часовой маятникъ.

Въ разговорѣ не принималъ участія только чахоточный черноволосый мужчина, одѣтый въ синюю суконную блузу и широкополую соломенную шляпу. Онъ тоже сосредоточенно посасывалъ коротенькую англійскую трубочку и время отъ времени съ какимъ-то ожесточеніемъ сплевывалъ на огонь. Парасковья Ивановна наблюдала за каждымъ его движеніемъ и убѣждалась все больше и больше, что онъ положительно красивъ, особенно, если смотрѣть въ профиль. Ей хотѣлось заговорить съ нимъ, но она не рѣшалась нарушить его поэтической задумчивости. Вдругъ скажетъ что-нибудь такое бабье, а у него въ головѣ, можетъ-быть, происходитъ что-нибудь необыкновенно серьезное. Звали чахоточнаго господина Егоромъ Егорычемъ, и онъ почему-то всегда обижался, когда его такъ называли. Отчего не Георгій Георгіевичъ? Парасковья Ивановна чувствовала, когда онъ сердится, и смущалась.

Около огня нѣкоторое время царило молчаніе. Ефиму Ивановичу это надоѣло, и онъ проговорилъ вызывающимъ тономъ:

— На Англійскую набережную кули таскать... да!.. Сдѣлайте милость, сколько угодно... Изъ меня отличный крючникъ будетъ.

Въ доказательство послѣдней мысли Ефимъ Ивановичъ даже засучилъ рукава, чтобы показать свои могучія руки. Сложенъ онъ былъ, дѣйствительно, богатыремъ, и только нѣжная, бѣлая барская кожа нѣсколько портила впечатлѣніе. Произнесенная тирада очень хорошо была извѣстна всѣмъ присутствующимъ, потому что повторялась слишкомъ часто. Въ переводѣ она означала, что Ефимъ Ивановичъ недоволенъ чѣмъ-то. Не получивъ отвѣта на свой вызовъ, Ефимъ Ивановичъ дополнилъ свою мысль:

— Мы чернодѣлы, мужики... Что̀ мнѣ нужно? Русскую самую простую горошницу, потому что въ ней много фосфора, потомъ кусокъ вяленой рыбы съ душкомъ, потому что въ ней много іода,—и сытъ, слѣдовательно независимъ, слѣдовательно моя нравственная личность ничѣмъ не подавлена.

Опять молчаніе. Ефимъ Ивановичъ посмотрѣлъ кругомъ своими добрыми сѣрыми глазами, разгладилъ окладистую русскую бороду и, повидимому, остался доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Кажется, пора спать...—нерѣшительно заявила Парасковья Ивановна, вынимая золотые дамскіе часики.

— Совершенно пора...—подтвердилъ Ефимъ Ивановичъ, поднимаясь съ мѣста.—Мы не господа, чтобы сидѣть до вторыхъ пѣтуховъ.

Егоръ Егорычъ тоже поднялся и утомленной походкой направился къ конторѣ. Парасковья Ивановна посмотрѣла уничтожающимъ взглядомъ на „Старика“, который былъ всегда и во всемъ виноватъ, хотѣла что-то сказать, но круто повернулась и ушла молча. Ефимъ Ивановичъ нѣкоторое время оставался, чтобы хлопнуть „Старика“ по плечу и проговорить:

— Такъ-то, старина...

— А... что̀?

— Да такъ... *Онъ*, братъ, выѣхалъ, то-есть выѣзжаетъ.

— Я это знаю...

— Мнѣ, собственно говоря, плевать, „Старикъ“. Ты знаешь — я человѣкъ прямой... да. Говорю откровенно... А чай ты пойдешь пить?

— Нѣтъ...

На „Старика“ напало совершенно непонятное упрямство. Не спроси его Ефимъ Ивановичъ—онъ пошелъ бы, а тутъ точно на пень наѣхалъ. Не пойду— и конецъ.

## II.

„Старикъ“ нѣсколько времени оставался у костра, не мѣняя позы. Онъ видѣлъ, какъ въ конторѣ освѣтились окна, какъ задвигались тѣни, какъ растворялась и затворялась дверь, выходившая на широкое русское крыльцо, почему-то названное Парасковьей Ивановной верандой. Тамъ готовили чай и легкій холодный ужинъ. „Старику“ хотѣлось и закусить и напиться горячаго чаю, но онъ съ ожесточеніемъ повторялъ про себя, какъ раскапризничавшійся ребенокъ:—„А вотъ и не пойду... да. Возьму и не пойду, а вы ѣшьте и пейте“. По пути онъ припомнилъ, что еще годъ тому назадъ на мѣстѣ нынѣшней пріисковой конторы стоялъ дремучій ельникъ, и какъ онъ мечталъ именно о такой конторѣ, гдѣ и свѣтло, и просторно, и дождь не мочитъ. Но вотъ явилась и контора, а онъ почему-то не рѣшается перебраться въ нее изъ своей землянки.

На верандѣ слышался громкій говоръ Ефима Ивановича, потомъ чему-то смѣялась Парасковья Ивановна, а Егоръ Егорычъ шагалъ изъ угла въ уголъ съ мрачнымъ видомъ человѣка, приговореннаго къ смерти.

— Эй, „Старикъ“, иди же чай пить! — громко крикнулъ Ефимъ Ивановичъ, свѣшиваясь черезъ перила веранды. — Парасковья Ивановна разсердится, если будешь капризничать...

— Я иду спать... — отвѣтилъ „Старикъ“.

Парасковья Ивановна нашла этотъ отвѣтъ почему-то смѣшнымъ и залилась неестественнымъ смѣхомъ. Это окончательно обидѣло „Старика“, и онъ поднялся. Дѣйствительно, пора спать... Не торопясь, онъ зашагалъ разбитой походкой, какъ опоенная лошадь, къ своей землянкѣ, до которой было рукой подать—стоило только спуститься подъ гору, гдѣ надъ Полуденкой живой пеленой сгущался туманъ.

Отъ землянки падала разбѣгавшаяся полоса свѣта, — это старый штейгеръ Лука натапливалъ очагъ, чтобы ночью было теплѣе. Трубы въ землянкѣ не полагалось, и клубы дыма валили въ открытую дверь. Старикъ сидѣлъ у очага, сложеннаго кое-какъ изъ камня-дикаря, и что-то помѣшивалъ деревянной ложкой въ котелкѣ, приставленномъ къ огню. Надъ очагомъ висѣлъ мѣдный походный чайникъ, замѣнявшій самоваръ. Вода уже закипала и падала изъ носка чайника пѣнившимися каплями. Появленіе „Старика“, очевидно, произвело на Луку неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ сурово посмотрѣлъ на хозяина своими покраснѣвшими отъ дыма глазами и проворчалъ:

— Охота вамъ, баринъ, опять дымъ глотать...

„Старикъ“ ничего не отвѣтилъ и молча присѣлъ на корточки къ очагу. Онъ, вообще, любилъ огонь и могъ просиживать въ такомъ положеніи цѣлые часы. Избушка, вросшая въ землю, была полна дыма, и только привычный человѣкъ могъ усидѣть передъ очагомъ, не задохнувшись отъ кашля. Лука молча отодвинулъ свой котелокъ отъ огня, еще разъ помѣшалъ ложкой приготовленное варево, посолилъ на глазомѣръ и поставилъ на обрубокъ дерева, замѣнявшій столъ. Это была вкусная похлебка изъ пшена, приправленная сухой сибирской поземиной. „Старикъ“ съ величайшимъ удовольствіемъ отвѣдалъ варева и принялся ѣсть. Правда, хлѣбъ, лежавшій на полкѣ, припахивалъ дымомъ, но голодные люди не разбираютъ. Лука ѣлъ молча и сосредоточенно, стараясь не крошить хлѣба и старательно облизывая ложку. Его худенькое, морщинистое лицо, съ всклоченными волосами и жиденькой бородкой, походило на болотную кочку, если бы кочка могла принимать постоянно недовольное выраженіе. И сейчасъ Лука черпалъ варево съ такимъ видомъ, точно въ каждой ложкѣ была новая обида.

— Ну, слава Богу, Богъ напиталъ — никто не видалъ, — проговорилъ Лука, облизывая въ послѣдній разъ свою ложку. — А теперь чай будемъ пить, баринъ.

Чаемъ Лука называлъ горный шалфей, который онъ собиралъ въ періодъ цвѣтѣнія и засушивалъ какимъ-то особеннымъ образомъ. Заваренный въ чайникѣ шалфей давалъ приторно-пахучій настой желтоватаго цвѣта. „Старикъ", во время своихъ скитаній по уральскимъ золотымъ промысламъ, поневолѣ привыкъ къ этому оригинальному напитку и не безъ удовольствія выпилъ двѣ чашки.

Пока происходили эти церемоніи, дрова въ очагѣ прогорѣли, и землянка очистилась отъ дыма настолько, что можно было ложиться спать. Лука слазалъ на крышу и закуталъ свѣжей травой дымовое отверстіе, замѣнявшее трубу.

— Ну, теперь, баринъ, и на боковую пора, — наставительно говорилъ Лука, плотно припирая расщелявшуюся дверь. — Свѣчку не будемъ зажигать? Не надо? Ну, и отлично... Тоже деньги плачены. Охъ-хо-хо!.. Господи, прости меня, грѣшнаго...

„Старикъ" очень скоро уложился на просторныхъ нарахъ, занимавшихъ всю заднюю половину землянки. Онъ ощупью нашелъ все необходимое. Въ землянкѣ было жарко, какъ въ банѣ, но Лука страстно любилъ тепло и не признавалъ никакой вентиляціи. Все равно къ утру вотъ какъ выдуетъ, и цыганскій потъ еще проберетъ. „Старикъ" долженъ былъ примириться и съ этимъ, чтобы не обижать Луку. Онъ и не то видалъ, когда по недѣлямъ приходилось жить въ полузатопленной водой землянкѣ, какъ было при началѣ работъ. Сейчасъ въ землянкѣ было „царство", какъ говорилъ Лука, сравнивая настоящее съ прошлымъ. Тогда здѣсь всѣхъ-то десять человѣкъ спало, тѣснота, вонь, грязь.

„Старикъ" не могъ уснуть и ворочался съ боку на бокъ. Лука угнетенно вздыхалъ, припоминая какіе-то тайные грѣхи. „О, Господи милостивый; прости Ты меня, раба недостойнаго. Микола угодникъ, моли Бога о насъ!" Въ землянкѣ было темно, какъ въ трубѣ.

— Баринъ, а баринъ?

— Ну?

Лука широко зѣвнулъ и проговорилъ соннымъ голосомъ:

— Ну, и просты вы, баринъ, какъ я на васъ погляжу... Даже черезъ число просты, а другимъ-то это и на руку, значитъ, ваша простота.

— Тебѣ-то какое дѣло до другихъ, Лука?

— А вѣдь я все вижу... Не ослѣпъ еще, слава Богу. Давѣ вонъ стряпка Маланья какое слово выразила: „васъ, гритъ, съ бариномъ-то давно на подтопку пора отдать"... Ахъ, курва!..

— А ты не слушай, что̀ болтаетъ глупая баба.

— Да вѣдь, баринъ, маленькая собачка лаетъ—отъ большой слышитъ. Тоже можемъ своимъ умомъ понимать... Тошно глядѣть.

Лука сѣлъ и нѣсколько времени съ ожесточеніемъ чесалъ голову пятерней.

„Старикъ" молчалъ. Онъ предчувствовалъ непріятный разговоръ.

— Баринъ, вы спите?

— Нѣтъ...

— Давно я хочу вамъ одно словечко сказать...

— Говори, только не болтай глупостей, пожалуйста. Ты знаешь, что я не люблю глупостей...

— Какія глупости, баринъ... Что̀ ни есть самое настоящее дѣло. Взяли бы вы эту самую Парасковью Ивановну — такъ, напримѣрно, говорю — да, какъ кошку, за хвостъ да объ стѣну.

— Лука...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, баринъ... Долго я терпѣлъ... все терпѣлъ, а сейчасъ не могу. Къ самому горлу подошло...

— Лука!

— Нѣтъ, ужъ позвольте!.. Вѣдь они всѣ на готовое пришли? Такъ я говорю? Мы-то тутъ достаточно и пыли наглотались и грязи нахлебались, пока обыскали золото, а они, сдѣлай милость, совсѣмъ на готовое слетѣлись. На готовое-то и я первый воевода.

— Да вѣдь они не сами пришли сюда, а я ихъ созвалъ, Лука.

— А для чего позвали? Мы тоже очень это понимаемъ... да. Конечно, дѣло было вѣрное, а одному не подъ силу — вотъ вы и набрали пріятелевъ. И у насъ, мужиковъ, то же самое бываетъ, только не такъ кончается. Конечно, не кормя не поя, ворога не наживешь, а все-таки ты чувствуй, ежели тебя рыломъ въ молоко, какъ слѣпого щенка, ткнули. Правильно я говорю, баринъ... Ну, а какіе ихніе поступки касаемо васъ? Тошнехонько глядѣть. И всему заводчицей эта самая халудра Парасковья Ивановна, чтобы ей ни дна ни покрышки!..

— Она?

— Извѣстно, она... Все отъ нея и пошло. Пряменько сказать: совсѣмъ васъ въ уголъ загнали, какъ послѣдняго раба. Для кого контора-то строилась? А какъ выстроили, она и пошла свои бабьи слова поговаривать: „эта вотъ комната моя... эта братцу Ефиму Иванычу... эта Егору Егорычу, а эта, слышь, чай пить“. А вамъ-то ничего не осталось. Хорошо это?..

Въ темнотѣ раздался тихій смѣхъ „Старика“, и Лука только развелъ руками. Рехнулся, видно, баринъ окончательно... Потомъ Лука разсердился, а баринъ продолжалъ хохотать, уткнувшись головой въ подушку. Лука даже плюнулъ.

— Ну, Лука, еще скажи-ка что-нибудь про Парасковью Ивановну?

— А что̀ мнѣ про нее говорить: хоша и барыня, а все баба—одна у нихъ вѣра. Вонъ и чаю вамъ не дала напиться... Сама, небось, цѣлый самоваръ вылопала. Люта она чай пить... Одного сахару сколько стравитъ. То же и насчетъ ужины.

— Тебѣ обидно, что они ужинаютъ, Лука?

— Не завидно, а просты вы... Только вотъ палкой васъ не гонятъ. Прямешенько надо говорить. А я достаточно наглядѣлся. Форцу настоящаго у васъ нѣтъ, баринъ. По-настоящему-то какъ вамъ слѣдовало разговаривать съ ними: „Пошолте вонъ, дармоѣды!“.

## III.

Пріискъ назывался довольно оригинально: № 6-й. По системѣ глухой рѣчонки Полуденки, сбѣгавшей по восточному склону Урала, было разбросано очень много пріисковъ, такъ что первому владѣльцу № 6-го было лѣнь подбирать новое названіе. Мѣсто кругомъ было самое глухое, какъ вся сѣверная часть казенной Гороблагодатской дачи. Даже проходившая черезъ нее желѣзная дорога не внесла никакого оживленія, и промысловые пути сообщенія находились въ самомъ первобытномъ состояніи, а на № 6-й едва можно было пробраться только верхомъ. Въ лѣтнее время горныя болота почти прекращали возможность всякаго передвиженія, и только опытные таежные люди

могли ѣхать верхомъ, по горнымъ тропамъ и болотнымъ „сланямъ“. Парасковью Ивановну, принимая во вниманіе ея женскую слабость, а также кухарку Маланью, перетаскивали въ двухъ мѣстахъ черезъ болота на широкихъ лубкахъ. Это послѣднее постоянно ставилось „Старику“ въ счетъ, какъ самое яркое проявленіе женскаго героизма. Старый Лука, впрочемъ, объяснялъ иначе.

— Чего же тутъ мудренаго? Волокли черезъ болота, какъ двѣ рѣдьки. Извѣстно: бабы. У ней, у бабы, ужъ такой законъ—всего боится... Ежели бы она не боялась, такъ съ ней и сладу бы не было.

„Шестой номеръ“ на непривычнаго человѣка производилъ самое угнетающее впечатлѣніе, впечатлѣніе какой-то подавляющей тѣсноты, обидной уже потому, что на сорокъ верстъ кругомъ не было никакого жилья. Рѣка Полуденка пробиралась между лѣсистыми, непривѣтливыми горами какими-то закоулками, и ея теченіе постоянно преграждалось разными естественными препятствіями—то загородитъ дорогу обочина горы, то каменный утесъ, то цѣлая гора. Рѣчная вода преодолѣвала всѣ эти препятствія и достигала цѣли обходными путями, конечно, теряя много во времени. „Шестой номеръ“ получилъ свое существованіе благодаря горѣ Чуманъ, которая точно сознательно загородила дорогу лѣсистымъ плечомъ живой горной водѣ. По расчету перваго золотопромышленника, дѣлавшаго здѣсь заявку, золото именно должно было „подбиться“ къ этой горѣ, благодаря задержанному теченію. Образовался крутой, узкій и длинный логъ, напоминавшій брешь, сдѣланную какимъ-то непріятелемъ въ основномъ горномъ массивѣ. Когда „Старикъ“ въ первый разъ явился сюда, онъ не могъ не согласиться съ этимъ предположеніемъ и купилъ пріискъ съ казенныхъ торговъ. Кто былъ этотъ первый предприниматель, гдѣ онъ пропадалъ сейчасъ — разорился, умеръ, или разувѣрился въ дѣлѣ—оставалось неизвѣстнымъ, но идея продолжала существовать. „Старикъ“ вѣрилъ въ нее и, послѣ цѣлаго года тяжелыхъ испытаній и всяческихъ неудачъ, добился своего. „Шестой номеръ“ оправдалъ себя, какъ говорятъ на промыслахъ. Долго не дававшееся въ руки золото, какъ заклятый кладъ, было найдено именно имъ, „Старикомъ“.

Сейчасъ „Шестой номеръ“ имѣлъ самый оживленный видъ, благодаря именно этой увѣренности въ открытой надежной розсыпи. Какъ по щучьему велѣнію выросла и новая контора, и новая казарма на пятьдесятъ рабочихъ, и всѣ признаки живой работы, а главное, точно въ самомъ воздухѣ висѣло бодрое настроеніе и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Въ „Шестой номеръ“ теперь вѣрили всѣ. Это отражалось на всемъ, а главнымъ образомъ на настроеніи рабочихъ.

Когда „Старикъ“ раннимъ утромъ выходилъ изъ своей землянки, его ухо пріятно поражалъ трудовой шумъ, висѣвшій надъ весело работавшимъ пріискомъ. Въ его душѣ невольно просыпалось горделивое чувство, что главнымъ виновникомъ всего является именно онъ и только онъ одинъ. Теперь „Старикъ“ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ то недавнее время, когда онъ бѣдствовалъ въ своей землянкѣ и приходилъ въ отчаяніе отъ преслѣдовавшихъ его неудачъ. Благодаря этимъ воспоминаніямъ, ему особенно дорогой дѣлалась вотъ эта самая землянка, въ которой онъ столько пережилъ. Парасковья Ивановна никакъ не могла этого понять, захвативъ въ конторѣ лучшія комнаты. Да, онъ будетъ жить въ своей землянкѣ, какъ живутъ другіе рабочіе. Только часть рабочихъ помѣщалась въ новомъ корпусѣ, выстроенномъ на пятьдесятъ человѣкъ. Это были такъ называемые „кондрашные“, работавшіе по годовымъ контрактамъ. А большая часть рабочихъ помѣщалась

по ту сторону Полуденки, въ землянкахъ или кое-какъ слаженныхъ на скорую руку балаганахъ, прилѣпившихся къ обочинѣ горнаго увала, какъ гнѣзда стрижей. Тутъ жили старатели, работавшіе съ золотника намытаго золота. По вечерамъ около этихъ балагановъ такъ весело курились старательскіе огоньки и слышались несмолкаемыя пѣсни. Безъ пѣсни русскій человѣкъ не умѣетъ работать, а отдыхать тѣмъ больше.

Собственно пріискъ, гдѣ залегала золотоносная розсыпь, дѣлился на двѣ неравныхъ половины. На лучшей половинѣ, гдѣ работали кондрашные, были поставлены хозяйскія работы, что̀ можно было издали замѣтить по зимней вскрышѣ турфовъ (верхній слой земли, прикрывающій розсыпь), по только-что устроенному пруду и особенно по большой золотопромывальной машинѣ сибирскаго типа, которая называется „бутарой". Старатели работали вразбродъ, и каждый отыскивалъ счастье въ свою голову. Промывка производилась ими на ручныхъ станкахъ, безъ всякихъ другихъ приспособленій.

„Старикъ" съ наслажденіемъ обходилъ всѣ работы, разговаривалъ съ рабочими и чувствовалъ, что всѣ эти простые люди уважаютъ и любятъ его, за исключеніемъ, можетъ-быть, одного Луки, склоннаго ко всякому предательству по натурѣ. Вѣрить коварному человѣку было нельзя ни въ чемъ, но „Старикъ" такъ сжился съ нимъ, что отказать ему не могъ.

— Слава Богу, всѣ хлѣбъ ѣдимъ отъ васъ, баринъ, — повторялъ Лука, обходя со „Старикомъ" работы.—На что старателишки, и тѣ мало-мало кормятся, которые ежели съ умомъ...

Лука немилосердно грабилъ этихъ старателишекъ и всячески вымогалъ изъ нихъ взятки, особенно, когда дѣло доходило до отвода новыхъ дѣлянокъ или пріема намытаго золота. До „Старика" доходили жалобы на этого стараго негодяя, котораго слѣдовало давно прогнать, но „Старику" дѣлалось какъ-то совѣстно за него же, и онъ, вмѣсто того, чтобы обругать его по крайней мѣрѣ, какъ-то заискивающе говорилъ:

— Лука, ты бы того, братецъ... гм...

— Я? Да я, баринъ... Ахъ, Божже мой!—начиналъ клясться старый пріисковый воръ. — Да я для вашего интересу изъ своей кожи готовъ вылѣзти семьдесятъ семь разовъ съ разомъ.

Въ доказательство послѣдней метафоры Лука съ ожесточеніемъ бросалъ свою шапку о̀земь и начиналъ креститься.

— Да я... Вотъ не сойти съ этого самаго мѣста. Можно пряменько сказать: стараюсь, какъ неумытый песъ.

— Все-таки, Лука, ты бы того... вообще, не очень... — еще болѣе смущенно бормоталъ „Старикъ":—старатели жалуются...

— Старатели? жалятся? А того они не сказали вамъ, баринъ, что они есть первые воры?.. За ними какой глазъ-то нужно имѣть. Не доглядѣлъ, а они сейчасъ, напримѣрно, наше родное золото на сторону и потащатъ... Модель извѣстная. Плачетъ объ нихъ острогъ, обо всѣхъ...

„Старикъ" всячески старался смягчить суровый режимъ стараго хапуги и вора, но всѣ его мѣры какъ-то не имѣли дѣйствія, и Лука имѣлъ полное основаніе смѣяться надъ простоватымъ бариномъ.

Въ конторѣ, гдѣ засѣдалъ Ефимъ Иванычъ, тоже дѣло было какъ будто не совсѣмъ чисто, и недѣльные отчеты сплошь и рядомъ не сходились, причемъ Ефимъ Иванычъ имѣлъ нахальство оправдываться близорукостью, благодаря которой постоянно смѣшивалъ цифры 3 и 5.

— Можетъ-быть, ты меня подозрѣваешь въ воровствѣ?—обижался Ефимъ Иванычъ, въ концѣ концовъ, переходя въ наступленіе.

— Нѣтъ, я этого не говорю,—оправдывался „Старикъ“, проклиная свое желаніе просмотрѣть отчетъ за недѣлю.—А только, вообще...

— Пожалуйста, не отпирайся!—гремѣлъ Ефимъ Иванычъ.

— Да, ей-Богу же, я ничего... я такъ...

— Нѣтъ, говори прямо!..

„Старику“ приходилось извиняться, и онъ даже краснѣлъ, какъ напроказившій школьникъ.

— Я, братъ, на Англійскую набережную кули таскать, — заканчивалъ Ефимъ Иванычъ: — у меня разговоры короткіе. А затѣмъ въ этомъ проклятомъ лѣсу я окончательно потеряю здоровье...

Заботы о здоровьѣ составляли, кажется, главную задачу всей жизни Ефима Иваныча, и это настроеніе поддерживалось Парасковьей Ивановной съ какой-то ожесточенной энергіей. Каждое утро, когда Ефимъ Иванычъ выходилъ къ чаю, она пытливо осматривала его и зловѣщимъ тономъ говорила:

— Ефимъ, покажи языкъ... Мнѣ кажется, что у тебя сегодня нехорошій цвѣтъ лица. Тебѣ необходимо принимать желѣзо...

Ефимъ Иванычъ повиновался и даже ложился въ постель, когда этого требовала Парасковья Ивановна. Вообще, это былъ неисправимый дармоѣдъ, который могъ въ свое оправданіе сказать только то, что Егоръ Егорычъ еще большій дармоѣдъ, дармоѣдъ озлобленный, считающій себя вѣчно обиженнымъ кѣмъ-нибудь. Судьба преслѣдовала Егора Егорыча съ замѣчательнымъ постоянствомъ и загнала его въ концѣ концовъ въ такую трущобу, какъ „Шестой номеръ“. Предъ всѣми остальными онъ гордился тѣмъ, что былъ въ Петербургѣ и насмотрѣлся тамъ всяческихъ чудесъ, а главное, видѣлъ, какъ живутъ настоящіе люди. Ефимъ Иванычъ съ завистью слушалъ его разсказы, изъ которыхъ почему-то усвоилъ только одну фразу о тасканіи какихъ-то кулей на Англійской набережной.

## IV.

Черезъ три дня Парасковья Ивановна за утреннимъ чаемъ съ таинственнымъ видомъ проговорила:

— Онъ выѣхалъ...

Егоръ Егорычъ и Ефимъ Иванычъ, какъ по командѣ, посмотрѣли на „Старика“, который молча пилъ чай одинъ стаканъ за другимъ. Это была одна изъ его дурныхъ привычекъ, возмущавшая Парасковью Ивановну до глубины души. „Старикъ“ имѣлъ обыкновеніе выпивать цѣлыхъ пять стакановъ чаю, тогда какъ Егоръ Егорычъ пилъ всего два. Егоръ Егорычъ сейчасъ служилъ для Парасковьи Ивановны мѣрой всѣмъ вещей, той нормой, уклоненіе отъ которой въ ту или другую сторону приводило ее въ негодованіе.

Въ контору „Старикъ“ приходилъ только пить чай и обѣдать, что̀ его сейчасъ очень смущало. Онъ предпочелъ бы тысячу разъ питаться у себя въ землянкѣ, но это было бы нѣкоторой демонстраціей. Приходилось покоряться установившемуся режиму, хотя это и составляло для него настоящую пытку. Когда онъ приходилъ въ контору, всѣ умолкали и таинственно переглядывались между собой, точно въ комнату вошелъ шпіонъ. Положеніе получалось невыносимое, тѣмъ болѣе, что присутствовавшіе начинали обмѣниваться какими-то шифрованными фразами, о смыслѣ которыхъ онъ могъ только догадываться. Особенно донимала „Старика“ Парасковья Ивановна, принимавшая видъ неумолимой судьбы. Если бы они всѣ знали, какъ мучился и страдалъ „Старикъ“ и вмѣстѣ какъ было ему совѣстно вотъ за нихъ же, за ихъ несправедливое отношеніе къ нему. Онъ даже краснѣлъ.

На „Шестомъ номерѣ“ собралась самая удивительная компанія, какую только возможно себѣ представить. Пріисковая жизнь, полная приключеній, непріятныхъ неожиданностей и поджигающаго риска, создала цѣлый контингентъ совершенно особенныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить только на золотыхъ промыслахъ и которые никуда больше не годятся и нигдѣ больше жить не могутъ. Въ большинствѣ случаевъ это самые неисправимые мечтатели и фантазеры, которые, не глядя ни на что, хотятъ силой вырвать у несправедливой судьбы свое счастье. Мысль о какомъ-то дикомъ успѣхѣ служитъ главной основой этой промысловой психологіи. Сегодня бѣденъ, какъ церковная крыса, а завтра богатъ. Для иллюстраціи всегда имѣются цѣлые десятки самыхъ яркихъ примѣровъ самаго безшабашнаго обогащенія, когда изъ ничтожества возникаютъ милліонеры. Эти баловни судьбы у всѣхъ на глазахъ, и происхожденіе ихъ богатства окружено цѣлыми легендами. Ихъ имена превращаются во что-то въ родѣ обиходной монеты, дѣлаются нарицательными настолько, что ими думаютъ. Кто не знаетъ Парфенова, Егорова, Мокрякова, Большакова? Всѣ они начали ни съ чего, терпѣли всевозможныя превратности судьбы и закончили милліонами.

Можетъ-быть, самымъ неисправимѣйшимъ изъ этихъ мечтателей былъ Николай Сергѣичъ Крутиковъ, онъ же „Старикъ“. Это былъ человѣкъ, который могъ существовать только на фонѣ пріисковой обстановки и совершенно не существовавшій внѣ ея. Онъ убилъ всю жизнь на промысловое дѣло. Началъ онъ, какъ большинство, съ небольшого капитала, доставшагося въ наслѣдство. Капиталъ былъ зарытъ въ одно лѣто, и „Старикъ“ оказался выброшеннымъ на пріисковую улицу безъ гроша въ карманѣ. Много лѣтъ онъ перебивался мелкой пріисковой службой, по грошамъ скапливалъ небольшія суммы, чтобы зарыть ихъ и опять мыкать горе, утѣшая себя несбыточными мечтами. Всегда оказывалось какъ-то такъ, что для счастья недоставало какихъ-нибудь пустяковъ, иногда нѣсколькихъ десятковъ рублей, и другіе обогащались тамъ, гдѣ „Старикъ“ разорялся. Послѣ каждаго неудачнаго опыта онъ строго провѣрялъ себя и находилъ истинныя причины краха. Это была настоящая школа неудачъ. Прибавьте къ этому замѣчательное упорство и вѣру въ себя, граничившую съ помѣшательствомъ. Знакомые считали „Старика“ немного повихнувшимся и говорили:

— А чортъ его знаетъ, дуракамъ счастье...

Послѣднее, кажется, служило главнымъ основаніемъ всей удивительной карьеры „Старика“, такъ что въ него даже начали вѣрить, какъ въ лунатика, который пройдетъ тамъ, гдѣ нормальный человѣкъ свалится десять разъ отъ страха.

Ближайшій другъ „Старика“ (онъ питалъ всегда большое влеченіе къ деликатнымъ чувствамъ), Андрей Ильичъ Лизуновъ, тоже пріисковое перекати-поле, особенно изощрялъ свое остроуміе по поводу пріятеля. Лизуновъ страдалъ остроуміемъ, какъ другіе золотухой или чесоткой. Другъ Лизуновъ говорилъ такъ:

— „Старику“ недостаетъ только денегъ, чтобы сдѣлаться богачомъ, а глупости для этого у него достаточно вполнѣ.

Уколы дружбы „Старикъ“ переносилъ стоически, какъ законное возмездіе за скрытую слабость своей души, и сообщилъ первому Лизунову объ открытомъ золотѣ на „Шестомъ номерѣ“. Это открытіе было совершенно неожиданно и взволновало весь промысловый міръ, какъ новое доказательство дикаго счастья. Лизуновъ, получившій приглашеніе войти въ компанію къ вѣрному дѣлу, говорилъ:

— Да-да... Дуракамъ счастье. Этакому оболтусу, и вдругъ богатство.

Пріисковая жадная голь была убѣждена въ глубокой несправедливости судьбы и злословила по адресу „Старика". Во всей этой исторіи было что-то таинственное. „Старикъ" забрался съ маленькими средствами въ самую глухую трущобу, гдѣ и пропадалъ цѣлое лѣто, питаясь одними сухарями и пшенной кашей. Осенью онъ вернулся пѣшкомъ, оборванный, голодный, обросшій волосами, какъ настоящій дикарь. Золото было найдено вѣрное, но нужно было его взять, а для этого требовались средства. Тутъ выручилъ Лизуновъ.

— Мы составимъ компанію на паяхъ,—объяснялъ онъ.—Ты будешь главнымъ пайщикомъ, а другіе дадутъ средства. Понимаешь?

„Старикъ" вѣрилъ Лизунову, потому что любилъ его. На сцену сразу явились и капиталисты—Ефимъ Иванычъ и Парасковья Ивановна Артюховы (они съ часа на часъ ожидали наслѣдства послѣ умиравшей третій годъ двоюродной тетки), а потомъ Егоръ Егорычъ Ивановъ (у него былъ домъ, принадлежащій женѣ, съ которой онъ не жилъ пятнадцать лѣтъ). Составлено было формальное условіе новой компаніи, и всѣ отправились на „Шестой номеръ". Правда, что при отъѣздѣ у компаньоновъ не оказалось ни гроша за душой—тетка Артюховыхъ продолжала еще умирать, а жена Иванова продала домъ и бѣжала, но это были пустяки. Молва уже разнесла вѣсть о золотѣ на „Шестомъ номерѣ", и „Старикъ" безъ особенныхъ затрудненій нашелъ кредитъ. Компаньоны нисколько не были смущены этимъ обстоятельствомъ и быстро вошли въ роль настоящихъ владѣльцевъ. Въ успѣхахъ „Старика" они видѣли какъ бы косвенное оскорбленіе ихъ и съ негодованіемъ говорили:

— Что̀ же тутъ удивительнаго, если этому дураку даютъ деньги? Дайте намъ, и мы бы тоже взяли...

Контора и казарма для рабочихъ были выстроены еще зимой. На „Шестомъ номерѣ" жилъ въ своей землянкѣ всю зиму одинъ „Старикъ", и компаньоны явились только весной, когда все уже было готово. Лизуновъ страшно раскритиковалъ все, что̀ было сдѣлано, и даже кричалъ на „Старика":

— Такъ можетъ дѣлать только сумасшедшій! Развѣ это контора? Конюшня какая-то...

Извѣстно, что на Лизунова нельзя было сердиться: онъ всегда волновался и кричалъ, а на другихъ тѣмъ меньше. Въ глубинѣ души „Старикъ" даже былъ ему благодаренъ, потому что только Лизуновъ могъ завезти Парасковью Ивановну въ такую трущобу. На промыслахъ женщина представляетъ предметъ роскоши, даже самая простая баба, а Лизуновъ приспособилъ настоящую даму. Парасковьѣ Ивановнѣ было за тридцать лѣтъ и особенной привлекательностью она не отличалась, а мужской голосъ, рѣзкія манеры и красное лицо дѣлали ее „полумужичьемъ", какъ говорилъ Лука. Но „Старикъ" всю жизнь провелъ бобылемъ и видѣлъ женщину такъ близко въ первый разъ. Онъ проникся какимъ-то благоговѣніемъ къ Парасковьѣ Ивановнѣ, въ которой, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались всѣ женскія прелести. Въ довершеніе всего, Парасковья Ивановна была дѣвица, т.-е. существо, затаившее въ себѣ какое-то особенно таинственное счастье, которымъ имѣлъ быть награжденъ еще болѣе таинственный избранникъ ея сердца. На „Старика" точно пахнуло никогда еще неиспытаннымъ тепломъ, и онъ часто смотрѣлъ на Парасковью Ивановну такими глазами, точно она могла вспорхнуть или разбиться.

— Этотъ дуракъ, кажется, влюбился въ тебя,—замѣтилъ довольно грубо Ефимъ Иванычъ сестрѣ.—Я ему всѣ ребра переломаю...

— Оставь его,—со вздохомъ проговорила Парасковья Ивановна:—пока онъ ничего еще такого не дѣлаетъ... Мало ли кто кого любитъ,—прибавила она таинственно:—сердцу не прикажешь...

Въ спеціальномъ вѣдѣніи Парасковьи Ивановны оказалась вся область любовной психологіи и жизни сердца вообще. На промыслахъ на каждую женщину смотрѣли очень ужъ просто, безъ всякихъ иллюзій и даже, больше того—какъ на печальную необходимость, что̀ Егоръ Егорычъ могъ подтвердить собственнымъ примѣромъ.

Молчаливое обожаніе „Старика“ сдѣлалось неистощимой темой, особенно для Лизунова, который говорилъ:

— Дураки отличаются отъ умныхъ людей тѣмъ, что каждый по-своему съ ума сходитъ.

Про себя Лизуновъ называлъ Парасковью Ивановну пріисковой кувалдой и чортовой куклой.

## V.

— Онъ пріѣхалъ!..

Это случилось ночью, когда весь пріискъ спалъ. Штейгеръ Лука, страдавшій старческой безсонницей, первый услыхалъ лошадиный топотъ и сразу опредѣлилъ опытнымъ ухомъ:

— Три конника ѣдутъ, баринъ...

— Какъ три?—испугался „Старикъ“:—Лизуновъ уѣхалъ только съ однимъ обережнымъ...

Уѣхалъ вдвоемъ, а воротился втроемъ. Кто могъ быть этотъ третій? Въ душу „Старика“ закралось тайное предчувствіе чего-то нехорошаго, но въ контору онъ не пошелъ. Утромъ все объяснится. Однако всю ночь онъ спалъ очень плохо и видѣлъ во снѣ какую-то невообразимую чепуху.

Утромъ Лука замѣтилъ:

— Коней-то было три, а голосовъ четыре... Четвертый-то какъ будто не по-нашему лопочетъ. Прахъ его разберетъ...

„Старикъ“ умылся, одѣлся и отправился въ контору съ тайнымъ предчувствіемъ чего-то дурного... На „верандѣ“ вся компанія уже расположилась вокругъ чайнаго стола. Когда онъ подходилъ, раздался громкій крикъ:

— Дурракъ!.. Дурракъ!..

Всѣ разомъ захохотали, особенно Парасковья Ивановна. „Старикъ“ остановился въ смущеніи и только теперь замѣтилъ большую мѣдную клѣтку съ попугаемъ. Это былъ сюрпризъ Лизунова Парасковьѣ Ивановнѣ, которая всю жизнь мечтала о говорящемъ попугаѣ. Парасковья Ивановна сіяла.

Лизуновъ, плотный мужчина съ окладистой русой бородкой и веселыми голубыми глазами, привѣтствовалъ „Старика“ съ снисходительной фамильярностью:

— Ну, здравствуй, старина. На попку ты не сердись... Птица все-таки умная. А вотъ я еще компаньона привезъ: прошу любить и жаловать... Ѳедоръ Матвѣичъ Пржчъ.

Раздался опять общій хохотъ. Парасковью Ивановну начали душить слезы. Изъ-за стола поднялся господинъ съ лихо закрученными усами, стриженый подъ гребенку и одѣтый въ канаусовую шелковую рубашку и бархатную поддевку.

— Это я,—коротко объяснилъ онъ, протягивая руку.—Моя фамилія, дѣйствительно, немного странная для непривычнаго русскаго уха, но я—сербъ и ничего не могу подѣлать. Можно произносить такъ: Пржичъ. Это все равно...

„Старикъ“ въ это время сосчиталъ присутствующихъ и окончательно смутился: получалась роковая для него цифра шесть. Эта цифра положительно преслѣдовала его.

— Я съ нимъ случайно познакомился,—объяснялъ Лизуновъ, прихлебывая чай изъ своего стакана,—и просто ахнулъ, когда узналъ фамилію. Да вѣдь такого человѣка до самой Москвы не сыщешь, а намъ въ самый разъ... Онъ, братъ, дока по части двойной итальянской бухгалтеріи. Ты вотъ все на Ефима Иваныча нападалъ за счета, ну, теперь мы все дѣло поведемъ начистоту. Вообще надо сосчитаться. Короче счеты—дальше дружба...

— Что̀ же я... я ничего не имѣю противъ,—виновато бормоталъ „Старикъ“.— Я очень радъ.

„Старикъ“ понялъ только одно, что этотъ Пржчъ и былъ тотъ самый таинственный *онъ*, о которомъ говорила Парасковья Ивановна. Она была предупреждена Лизуновымъ съ какой-то „оказіей“. Затѣмъ „Старикъ“ понялъ, что Егору Егорычу дана была уже чистая отставка и дѣвичье сердце Парасковьи Ивановны билось теперь для этого сомнительнаго сербскаго человѣка. Очевидно, Лизуновъ для этой цѣли его и привезъ. Онъ не могъ жить, чтобы не выкинуть какой-нибудь замысловатой штуки. Егоръ Егорычъ сидѣлъ темнѣе тучи,—еще разъ онъ долженъ былъ пострадать отъ женщины. О, несправедливая судьба! О, неумолимый жребій!..

Чай прошелъ очень весело. Лизуновъ привезъ два новыхъ анекдота, которые разсказалъ еще разъ для „Старика“. Всѣ опять смѣялись, а Пржчъ игралъ золотой цѣпочкой и внимательно наблюдалъ. „Старикъ“ смотрѣлъ въ свой стаканъ, какъ приговоренный къ какому-то наказанію.

— Да, чуть не забылъ...—спохватился Лизуновъ:—золото я сдалъ, получилъ за него ассигновки, а за нихъ деньги. Пришлось немного потерять на комиссіи, ну, да ничего не подѣлаешь. Вотъ Пржчъ все разберетъ... Онъ въ этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ. Ты ничего не имѣешь, конечно, что я купилъ попугая на компанейскій счетъ?

— Рѣшительно ничего...

— И еще привезъ два олеандра и банку варенья. Ты согласенъ?

— Очень...

— Ну, вотъ... я былъ увѣренъ. Вѣдь Парасковья Ивановна у насъ одна, а наша обязанность услаждать ея жизнь въ этой трущобѣ.

— Я васъ совсѣмъ не просила дѣлать сюрпризы...—жеманно отвѣтила Парасковья Ивановна.

За завтракомъ „Старикъ“ былъ свидѣтелемъ очень интересной сцены, которую понялъ только потомъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была Парасковья Ивановна. Она, очевидно, старалась показать себя съ самой лучшей стороны передъ новымъ человѣкомъ и завела горячій споръ.

— Я раздѣляю людей на двѣ половины,— ораторствовала она:—одни эксплоатируютъ, а другіе, которыхъ эксплоатируютъ. Такъ было всегда и, вѣроятно, будетъ.

— Вы ужъ очень мрачно смотрите на жизнь,—сказалъ Пржчъ съ мягкостью большого человѣка, который говоритъ съ ребенкомъ.—Да... Наконецъ эксплоататора всегда можно ограничить.

— По-моему, все надо начистоту! — вступился Ефимъ Иванычъ.—А иначе на Англійскую набережную кули таскать.

— Я говорю вообще о человѣческой природѣ, господа, — объясняла свою мысль Парасковья Ивановна:—отдѣльные факты рѣшительно ничего не доказываютъ... Вы встрѣтили на улицѣ хромого,—что̀ это доказываетъ? Это не

значитъ, конечно, что всѣ должны быть хромыми, а только то, что существуютъ уроды.

Весь споръ сводился на эксплоатаціи кѣмъ-то и кого-то. Егоръ Егорычъ мрачно смотрѣлъ на „Старика“ и съ ожесточеніемъ жегъ одну папиросу за другой. Время отъ времени и другіе тоже поглядывали на „Старика“, но онъ ничего не понималъ, больше, онъ рѣшительно не желалъ ничего понимать. Его безсовѣстность начинала возмущать Парасковью Ивановну въ окончательной формѣ.

— По-моему, просто есть нравственные уроды, какъ и физическіе,— подчеркивая слова, замѣтила она:—они утрачиваютъ даже способность стыдиться...

За обѣдомъ обсуждалась та же тема объ эксплоатаціи, эксплоататорахъ и эксплоатируемыхъ, и „Старикъ“ опять притворился ничего не понимающимъ. Это было возмутительно до послѣдней степени.

Вечеромъ, впрочемъ, все разъяснилось.

Послѣ ужина Лизуновъ отправился провожать „Старика“ до его землянки. Ночь была великолѣпная, и впечатлѣніе портилось только стонами неугомоннаго горюна, который нынче насвистывалъ даже ночью. Лизуновъ взялъ „Старика“ подъ руку и, шагая рядомъ, говорилъ самымъ задушевнымъ тономъ:

— Ты знаешь, „Старикъ“, какъ я тебя люблю? Никто не желаетъ тебѣ добра столько, какъ я... Согласенъ?

— Да...

— Тебѣ повезло дикое счастье... да? Такъ... но это еще не значитъ, что ты долженъ эксплоатировать своихъ друзей.

— Я?! Эксплоатировать?!..

— Да, эксплоатировать. Ты знаешь, что я человѣкъ откровенный и говорю прямо. Всѣ возмущены противъ тебя, а всѣхъ больше Парасковья Ивановна. Мнѣ большого труда стоило уговорить ее остаться здѣсь, то-есть на „Шестомъ номерѣ“.

— И она противъ меня?!

— Она-то и есть главная... ну, какъ это сказать? Главный твой врагъ... то-есть не врагъ, а недовольная. Я тебѣ говорю все это только по дружбѣ... Понимаешь? Между нами, какъ говорятъ французы. А потомъ, какое мое положеніе? Я ихъ всѣхъ пригласилъ въ компанію, и вдругъ... Вообще ты меня поставилъ въ самое невозможное положеніе.

— Что же мнѣ дѣлать?—взмолился „Старикъ“:—вѣдь я никому не дѣлалъ зла... я не хотѣлъ... а Парасковья Ивановна просто несправедлива ко мнѣ.

— Ну, ты совсѣмъ не знаешь женщинъ, а всѣ женщины, братецъ, одинаковы. Онѣ созданы несправедливыми... Вообще, не стоитъ говорить. Да... Такъ вотъ я—ты знаешь, какъ я люблю тебя—и привезъ этого Пржча. Пусть онъ всѣхъ насъ разсудитъ.

— Позволь, почему же именно онъ, а не кто-нибудь другой? Вѣдь онъ совсѣмъ чужой человѣкъ...

— Вотъ это-то и важно, что онъ совсѣмъ чужой, а это значитъ, что онъ будетъ совершенно безпристрастенъ. Понялъ?

— Что же, вы хотите судить меня?

— Не судить, а только разобрать всѣ дѣла. Путаница, понятно, выходитъ, а для компаніи это смерть... понимаешь? У него только фамилія сербская, а самъ онъ настоящій русакъ. Водку такъ и хлещетъ... Даже закуски

никакой не признаётъ. Вотъ какой, братъ, человѣкъ... Слабоватъ насчетъ бабъ, ну, да это насъ не касается. Пусть за Парасковьей Ивановной ухаживаетъ... Ха-ха!.. Она давеча за обѣдомъ чуть шею себѣ не вывихнула— все заглядывала на него.

„Старикъ“ нахмурился. Его охватило въ первый разъ нехорошее ревнивое чувство. Положимъ, Егоръ Егорычъ пользовался всегда нѣкоторыми преимуществами, но къ этому „Старикъ“ уже привыкъ и примирился до извѣстной степени, а тутъ совсѣмъ другое. „Старикъ“ возненавидѣлъ проклятаго сербскаго человѣка...

## VI.

Съ появленіемъ Пржча положеніе „Старика“ сдѣлалось совершенно невыносимымъ. То, о чемъ онъ раньше могъ только догадываться, теперь сдѣлалось фактомъ. Если бы фальшивая монета могла чувствовать свое фальшивое положеніе, вѣроятно, она испытывала бы то же самое, съ той разницей, что она не могла бы любить Парасковьи Ивановны и ревновать ее къ проклятому сербскому человѣку.

А компаньоны продолжали что-то замышлять противъ „Старика“ и посвящали Пржча во всѣ компанейскія тайны. Когда появлялся „Старикъ“, они демонстративно умолкали и переглядывались между собой. Парасковья Ивановна непремѣнно кончала разговоръ темой объ эксплоатаціи, и „Старикъ“ начиналъ краснѣть, что̀ было явнымъ доказательствомъ его виновности. А между тѣмъ, „Старикъ“ краснѣлъ за нихъ же, за ихъ слишкомъ откровенное нахальство. Если бы Парасковья Ивановна могла видѣть то, что̀ дѣлалось въ душѣ „Старика“, она никогда не говорила бы объ эксплоатаціи. Къ заговору былъ пріобщенъ и штейгеръ Лука, который былъ радъ показать все, что̀ было нужно компаньонамъ. Онъ теперь сталъ держать себя съ „барономъ“ свысока, какъ настоящій предатель.

„Ужо барину-то канпаньёны подвяжутъ хвостъ куфтой,—размышлялъ про себя Лука:— Лизуновъ-то вотъ какъ достигаетъ...“

Участь „Старика“ была рѣшена впередъ, и Лука, въ качествѣ опытнаго пріисковаго дипломата, старался предупреждать событія, выгораживая себя. Будетъ, послужилъ „барину“, пора и честь знать. Лука тоже началъ считать „барина“ виноватымъ во всемъ и быстро убѣждался, что это именно такъ.

Въ сущности говоря, „Старикъ“ ждалъ разрѣшенія собиравшейся надъ его головой грозы съ спокойнымъ сердцемъ потому, что чувствовалъ себя кругомъ правымъ, и ему было даже жаль неблагодарныхъ компаньоновъ, ослѣпленныхъ жадностью. Да, богатство было вотъ тутъ, въ двухъ шагахъ, и блескъ золота вызывалъ алчность, затемняя всѣ проявленія совѣсти. Въ этой азартной игрѣ онъ оказывался теперь лишнимъ, и онъ ушелъ бы съ пріиска, предоставивъ все компаньонамъ, если бы не Парасковья Ивановна. Ему хотѣлось отъ кого-то защищать ее, просто сказать ей наконецъ, какой онъ простой и хорошій человѣкъ и какъ онъ любитъ ее. Про себя „Старикъ“ говорилъ необыкновенно убѣдительные монологи, какъ не умѣлъ говорить даже Егоръ Егорычъ, былъ находчивъ и остроуменъ больше Лизунова, даже смѣлъ и нахаленъ, какъ Пржчъ. Вѣдь женщины любятъ немножко нахальства, того нахальства, которое дѣйствуетъ на нихъ неотразимо. О, какъ „Старикъ“ понималъ отлично все, рѣшительно все, и, когда Парасковья Ивановна была бы его, онъ объяснилъ бы ей, что по натурѣ онъ совсѣмъ не нахальный человѣкъ и что сдѣлался остроумнымъ по необходимости. Раздумавшись на эту

тему, „Старикъ“ удивился, какъ это Парасковья Ивановна не видитъ всего того, что̀ было скрыто въ немъ? Вѣдь онъ рѣшительно всѣхъ умнѣе, храбрѣе, остроумнѣе, и если говорить правду, то и красивѣе... Съ этой точки зрѣнія и Егоръ Егорычъ, и Лизуновъ, и Пржчъ казались „Старику“ такими маленькими, чѣмъ-то въ родѣ очень смѣшныхъ насѣкомыхъ, о которыхъ не принято даже говорить изъ вѣжливости. А они еще мечтаютъ что-то такое устроить ему...

— Ты, братъ, того... не обижайся... — нѣсколько разъ успокаивалъ Лизуновъ, принимая дружескій тонъ:—твое дѣло вѣрное, и для тебя же лучше. Чтобы не было личностей, мы пустимъ вопросъ на баллотировку. Однимъ словомъ, парламентскій способъ.

— Да я и не безпокоюсь... Дѣлайте, что̀ хотите.

— Ну, вотъ отлично. Я тебя всегда уважалъ, какъ порядочнаго человѣка... Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

— О, да...

Лизуновъ даже обидѣлся, когда на его слова „Старикъ“ скептически улыбнулся. Это было еще первое проявленіе какой-то совершенно непонятной самостоятельности. Ему говорятъ серьезно, а онъ смѣется... Это хоть кого можетъ взорвать. А „Старикъ“ стоялъ и улыбался. О чемъ они такъ хлопочутъ? Если бы они знали, какъ ему рѣшительно все равно. Давно ли онъ самъ мечталъ о богатствѣ, и вотъ оно почти въ рукахъ, но сколько непріятностей оно принесло ему сразу! Давно ли онъ такъ любилъ вотъ хоть этого Лизунова и вѣрилъ ему во всемъ, а сейчасъ онъ не можетъ не видѣть, какъ Лизуновъ хитритъ съ нимъ и продаетъ его не хуже предателя Луки. Если бы не Парасковья Ивановна, съ какимъ удовольствіемъ онъ бросилъ бы все, чтобы снова сдѣлаться перекати-полемъ. Вѣдь это счастье — вѣрить всѣмъ и жить такъ, какъ хочется.

Въ конторѣ, когда „Старикъ“ уходилъ послѣ вечерняго чая въ свою землянку, шли самыя оживленныя совѣщанія.

— Онъ это нарочно дѣлаетъ, чтобы досадить намъ,—объясняла Парасковья Ивановна поведеніе „Старика“:—я ему предлагала взять мои двѣ комнаты, но онъ упрямъ... По моему мнѣнію, у него на чердакѣ не совсѣмъ того...

Парасковья Ивановна въ подтвержденіе своихъ словъ вертѣла пальцемъ около своего лба, и всѣ находили это остроумнымъ.

— Меня удивляетъ одно, какъ такой человѣкъ могъ найти золото? — говорилъ Пржчъ:— положимъ, дуракамъ счастье, но все-таки...

— А вы забыли упрямство? Только изъ одного упрямства... Какой разумный человѣкъ въ состояніи былъ бы прожить здѣсь одинъ цѣлое лѣто? Это, знаете, прямо сумасшествіе...

— Очень милое сумасшествіе, за которое теперь приходится расплачиваться другимъ.

— Мы его будемъ судить судомъ Линча,—предлагалъ Ефимъ Иванычъ, припоминая какой-то романъ Эмара: — кажется, всѣ достаточно натерпѣлись отъ него...

Молчалъ, по обыкновенію, одинъ Егоръ Егорычъ, считавшій себя обиженнымъ больше другихъ. Утративъ благосклонное вниманіе Парасковьи Ивановны, онъ теперь ко всѣмъ относился съ презрѣніемъ. Развѣ это люди? Если бы они знали, чѣмъ могъ быть и чѣмъ долженъ былъ быть Егоръ Егорычъ... Несчастные, они даже и представленія не имѣютъ, какіе бываютъ люди. А всѣхъ отвратительнѣе была Парасковья Ивановна, проявившая способность быть только бабой.

— Что̀ же, господа, потребуемте отъ него отчетъ по предварительнымъ расходамъ,— предлагалъ Лизуновъ: — тогда все будетъ ясно...

Это предложеніе было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, потому что всѣ надѣялись на неаккуратность „Старика“, и Лука тоже увѣрялъ, что никакихъ счетовъ не писалось.

Нѣкоторое замѣшательство произошло только по вопросу о томъ, какъ потребовать у „Старика“ этотъ отчетъ. Ефимъ Иванычъ заявилъ откровенно:

— Что̀ касается меня, господа, то я ни за какія коврижки къ „Старику“ за отчетомъ не пойду... Мнѣ еще жизнь дорога, а неизвѣстно, что̀ у него на умѣ. Возьметъ да прямо въ упоръ и выстрѣлитъ... Лука видѣлъ у него револьверъ.

Это было уже смѣшно, и Лизуновъ вызвался все устроить. Онъ отправился въ землянку къ „Старику“ днемъ, вскорѣ послѣ обѣда, когда онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть съ трубочкой у огня.

— Я къ тебѣ по дѣлу, „Старикъ“, — началъ Лизуновъ, подсаживаясь напротивъ:— предупреждаю впередъ: не обижайся.

„Старикъ“ только посмотрѣлъ на него своими усталыми глазами и пустилъ густой клубъ табачнаго дыма.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... Однимъ словомъ, ты знаешь, что у меня нѣтъ ничего завѣтнаго, когда дѣло коснется тебя. Я это такъ, къ слову...

— Ну?

— Мы, то-есть компаньоны, рѣшили, то-есть не я, а другіе... да, рѣшили потребовать отъ тебя отчета предварительныхъ расходовъ по развѣдкамъ на „Шестомъ номерѣ“. Вѣдь эти расходы должны быть разложены на всѣхъ поровну... Понимаешь?

— Что̀ же, я ничего противъ этого не имѣю. У меня все записано...

— Вотъ и отлично...—забормоталъ Лизуновъ, не ожидавшій такого исхода своей дипломатической миссіи:—да, отлично; ты знаешь, вообще, какъ я...

„Старикъ“ ушелъ къ себѣ въ землянку, долго гдѣ-то рылся, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и наконецъ вынесъ толстую приходо-расходную книгу въ очень подержаномъ переплетѣ.

— Вотъ,— коротко объяснилъ онъ: — тутъ все есть. Всѣ мои оправдательные документы...

— Прекрасно. Я всегда былъ въ тебѣ увѣренъ, то-есть въ твоей аккуратности. Позволь-ка, я посмотрю...

„Старикъ“ передалъ книгу, а потомъ схватилъ ее и потянулъ назадъ.

— Видишь ли... гм...— бормоталъ онъ смущенно: — эту книгу я никому не могу дать...

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Да ужъ такъ... кромѣ расходовъ, у меня тутъ занесены кое-какія замѣтки совершенно личнаго характера. Я могу только самъ прочитать, то-есть запись расходовъ.

— Гм... Знаешь, это немного странный способъ отчитываться. Вѣдь эта книга — офиціальный документъ, слѣдовательно она принадлежитъ уже не тебѣ одному, а всей компаніи.

## VII.

„Старикъ“ проявилъ невѣроятное упорство по поводу расходной книги, и потребовалось дѣятельное вмѣшательство самой Парасковьи Ивановны, чтобы ее отнять. Парасковья Ивановна именно отняла — пришла въ землянку и от-

нала, несмотря на общественное мнѣніе, относившееся къ такимъ визитамъ неопытной дѣвушки въ берлогу стараго холостяка не совсѣмъ одобрительно. Все дѣло, конечно, заключалось въ ненасытномъ женскомъ любопытствѣ. Что такое могъ написать „Старикъ“ въ этой таинственной книгѣ?

— Сдѣлайте это для меня, „Старикъ“,—съ предательской ласковостью уговаривала Парасковья Ивановна, — она въ послѣднее время для большей язвительности говорила „Старику“ „вы“.— Понимаете, для меня?

— Я не знаю... право...—замялся растерявшійся „Старикъ“.— Это я для себя писалъ...

— Тѣмъ интереснѣе... Ну, не упрямьтесь, голубчикъ!.. Вѣдь это вамъ рѣшительно ничего не стоитъ...

Парасковья Ивановна заискивающе улыбнулась, а эта улыбка окончательно погубила „Старика“, какъ отравленная смертельнымъ ядомъ стрѣла.

Такимъ образомъ таинственная книга очутилась въ конторѣ. Составилось что-то въ родѣ военнаго совѣта. Лизуновъ перелистывалъ книгу и пожималъ плечами.

— Это какой-то романъ, господа...—заявилъ онъ наконецъ съ недоумѣніемъ.—То-есть дневникъ... Кто будетъ читать, да и читать ли? Говоря между нами, тутъ, вѣроятно, напорота страшная чушь.

— Читать! читать!.. Это лучшій документъ для нашихъ цѣлей...

По-писаному всѣ читали съ трудомъ, и дѣло было предоставлено Егору Егорычу на томъ основаніи, что онъ когда-то былъ актеромъ и даже игралъ на гитарѣ.

Всѣ приготовились слушать. Егоръ Егорычъ развернулъ книгу, разгладилъ измятый листъ ладонью, откашлялся и спросилъ:

— Такъ читать, господа?

— Читать, читать...

Водворилось молчаніе. Егоръ Егорычъ еще разъ откашлялся и началъ:

„16-го іюня 1892 года, вершина рѣки Полуденки. Бываютъ, положительно, роковыя цифры, какой для меня является шесть. Судите сами. Родился я въ 1856 году (самая непоправимая ошибка въ моей жизни), сейчасъ я имѣю отъ роду ровно 36 лѣтъ, выгнанъ я изъ шестого класса гимназіи, ровно шесть разъ поступалъ на службу и ровно шесть разъ ее бросалъ, и наконецъ сегодня, 16 іюня, я пишу эти строки въ землянкѣ, на собственномъ золотомъ пріискѣ, который носитъ роковое для меня названіе „Шестой номеръ“ и за который я заплатилъ 616 рублей на казенныхъ торгахъ“...

— Позвольте... — остановилъ Пржчъ, вооружаясь карандашомъ: — 616 рублей? Такъ и запишемъ. Продолжайте.

„Да, я началъ свой дневникъ, потому что испытываю непреодолимую потребность излить свои мысли и чувства... Какое ужасное слово: нѣтъ людей! Я сейчасъ пишу на крышкѣ своего походнаго чемодана, при свѣтѣ сальнаго огарка, вставленнаго въ горлышко бутылки изъ-подъ водки,—и это послѣдніе признаки покинутой мной цивилизаціи. Мои мысли немного путаются, и я не могу изложить ихъ вполнѣ послѣдовательно. Дѣло въ томъ, что нельзя требовать отъ человѣка душевнаго равновѣсія, когда, вотъ уже третью недѣлю, безостановочно льетъ дождь, упорный, безпощадный, нахальный, уничтожающій, безконечный, проклятый дождь!.. Я чувствую, какъ понемногу превращаюсь въ слизняка, въ улитку, въ устрицу, а моя землянка только раковина, и очень скверная раковина. Я начинаю думать, что господинъ дождь идетъ спеціально для меня, чтобы размыть до основанія всѣ мои расчеты, соображенія, смѣты и надежды (Въ публикѣ движеніе: „Кажется, онъ хочетъ поставить

намъ въ счетъ этотъ дождь?"—шепчетъ кто-то). Но и это еще не все. Когда моя партія только-что привалила на „Шестой номеръ" и едва мы успѣли развести первый огонекъ, какъ послышался свистъ, однообразный, методичный, какъ капли-падающей воды. Что это такое?

„— А это птица, Николай Сергѣичъ, — объяснилъ мнѣ мой штейгеръ Лука—кстати, преестественный плутъ. — Такъ она и прозывается: горюнъ. Какъ зарядитъ насвистывать—конца не будетъ.

„И теперь эта адская пытка продолжается уже цѣлый мѣсяцъ. Свистъ начинается съ ранняго утра и продолжается даже послѣ заката солнца. Можно сойти съ ума отъ этой проклятой птицы... Сколько разъ я за ней ходилъ съ ружьемъ, чтобы застрѣлить, и ничего не могъ подѣлать. Обѣщалъ рабочимъ три рубля, если ее убьютъ, и это не помогло. Потеряно только нѣсколько рабочихъ дней, а горюнъ продолжаетъ посвистывать. Какое нужно имѣть проклятое горло, чтобы свистать цѣлый мѣсяцъ безъ передышки! Даже мои рабочіе приходятъ въ ярость и начинаютъ продѣлывать цѣлый рядъ совершенно безцѣльныхъ штукъ—бросаютъ камнями въ то дерево, съ котораго раздается свистъ, бьютъ обухомъ по древеснымъ стволамъ, стрѣляютъ изъ моего ружья и т. д."

— Господа, на полѣ отмѣтка: куплено два фунта пороха.

— Такъ и запишемъ: на горюна потрачено два фунта пороха и нѣсколько рабочихъ дней, — считалъ Пржчъ. — Вѣдь за все мы должны расплачиваться...

„26. Дождь переставалъ дней на пять, но въ это время рабочимъ приходилось отливать воду изъ старыхъ шурфовъ. Вода вообще одолѣваетъ меня и подступала къ самой землянкѣ, такъ что я даже подозрѣвалъ, не начало ли это второго потопа. Кстати, о рабочихъ... Ихъ шестеро, т.-е. восемь, но двое получили задатокъ и бѣжали. Одного изъ этихъ каналій пришлось одѣть съ ногъ до головы. Что дѣлать, люди отличаются неблагодарностью. Изъ оставшихся налицо на первомъ планѣ стоитъ Лука, большой плутъ, затѣмъ какой-то дьячокъ-бродяга, башкиръ Ахметъ, отставной фотографъ и еще двое очень подозрительныхъ субъектовъ.

„Сегодня утромъ меня будитъ Лука и говоритъ виноватымъ тономъ:

„— Николай Сергѣичъ, а вѣдь у насъ солонина-то того...

„— Что: того?

„— Значитъ, мы ее въ яму закопали въ лѣсу, чтобы не портилась. Ну, сегодня пошелъ пленорцію взять на варево, а яма разрыта... Значитъ, медвѣдь всю ее и слопалъ, нашу солонину.

„— Пять пудовъ?!

„— Всѣ дочиста слопалъ... Какъ его только не разорвало!

„Это былъ жестокій ударъ для моего хозяйства. Нужно было посылать рабочаго за шестьдесятъ верстъ, а онъ проѣздилъ цѣлую недѣлю. Но одна бѣда не приходитъ. Исчезло цѣлое ведро водки. Конечно, свалить эту пропажу на медвѣдя было неудобно, и рабочіе чистосердечно признались, что не утерпѣли и со скуки потихоньку выпили все ведро.

„— Себѣ же хуже сдѣлали,—говорю я, стараясь сохранить спокойствіе.— Водка вѣдь для васъ была куплена, но выпили бы ее въ свое время, а теперь все равно, что за окно ее вылили...

„— Это вы правильно, Николай Сергѣичъ... А только и то сказать— тоска на этомъ „Шестомъ номерѣ". Смертынька... Одинъ горюнъ всю душеньку вымоталъ.

„Рабочіе ожидали, что я буду ругаться, топать ногами и вообще не-

истовствовать, поэтому нѣсколько смущались, а когда ничего подобнаго не случилось, они отнеслись къ факту совершенно равнодушно. Я не замѣтилъ даже тѣни раскаянія или мученій совѣсти. Мало этого, я въ ихъ глазахъ уронилъ свой хозяйскій авторитетъ процентовъ на двадцать... Вообще, я теперь поневолѣ занимаюсь самыми тонкими наблюденіями надъ пріисковыми рабочими и прихожу къ очень печальнымъ заключеніямъ. Пріисковые рабочіе, положимъ, даже по контракту не обязаны быть праведниками („Какая счастливая мысль!"—замѣтилъ Ефимъ Иванычъ), но ихъ нравственный уровень нисколько не выше, чѣмъ у медвѣдя, съѣвшаго мою солонину. Какъ мнѣ казалось, совѣстнѣе другихъ былъ Лука, бывшій севастопольскій ратникъ, и я постепенно пробовалъ приводить его къ сознанію, что пить чужую водку вообще нехорошо, а выпить ее въ такомъ количествѣ даже вредно для здоровья.

„— Да вѣдь мы ее росчали еще дорогой, Николай Сергѣичъ,—отвѣтилъ Лука въ свое оправданіе:—дьячокъ укладывался, онъ ее первый и унюхалъ.

„— И никто изъ васъ не подумалъ, что это нехорошо?—продолжалъ я.—Если бы я, напримѣръ, укралъ у тебя сапоги и пропилъ ихъ...

„Понятіе воровства и выпивка чужой водки никакъ не укладываются въ головѣ Луки вмѣстѣ. До этого рокового пункта онъ понимаетъ все отлично, а тутъ дѣлаетъ глупое лицо и какъ-то особенно безнадежно моргаетъ глазами. Единственное и самое лучшее, что можно и слѣдовало сдѣлать—это прогнать всѣхъ съ пріиска въ шею и нанять другихъ рабочихъ, но, во-первыхъ, подобная резолюція стоила бы недѣли три дорогого лѣтняго рабочаго времени, а во-вторыхъ—всѣ пріисковые рабочіе, какъ откровенно объяснилъ Лука, „всѣ на одну колодку, перо въ перо". Положеніе довольно безнадежное"...

— Господа, необходимо подвести счетъ,—предлагаетъ Пржчъ, дѣлая отмѣтки карандашомъ.—Во-первыхъ, черная неблагодарность двухъ убѣжавшихъ рабочихъ... легкій завтракъ медвѣдя, съѣвшаго пять пудовъ нашей солонины... ведро водки, росчатое любопытнымъ дьячкомъ... Вообще, получаются спеціальныя графы, по которымъ придется разносить эти предварительные расходы.

Всѣ хохотали до слезъ, и каждый изощрялъ остроуміе въ свою долю.

— Нужно прибавить еще безнравственность Луки, господа...

Собственно запись расходовъ была занесена на поляхъ, и приходилось дѣлать выборки по датамъ дневника. Это была самая оригинальная приходо-расходная книга, когда-либо существовавшая.

## VIII.

Чтеніе дневника продолжалось и на слѣдующій день. Это было лучшимъ развлеченіемъ среди пріисковой скуки. Читалъ опять Егоръ Егоровичъ. Даже онъ на время потерялъ свой обиженный видъ.

— Господа, вниманіе...

„Августа 6. Странно, что, когда я бралъ пріискъ въ аренду, не было даже мысли о самомъ ближайшемъ, т.-е. о помѣщеніи. Воображеніе рисовало картину во вкусѣ Майнъ-Рида, и себя самого я представлялъ чѣмъ-то въ родѣ Робинзона. Говорили, что на „Шестомъ номерѣ" есть что-то, и это „что-то" оказалось полуразвалившейся землянкой. Но какъ-нибудь можно перебиться до осени, а развѣдки сдѣлать необходимо. Въ двухъ шурфахъ оказались порядочные „знаки золота". Бѣда въ томъ, что рядомъ было совершенно пусто. Это меня серьезно огорчаетъ.

„— Въ горахъ завсегда такъ, Николай Сергѣичъ,—успокаиваетъ меня Лука въ качествѣ спеціалиста:—рѣчонка крутая, ну, золото и подбилось гнѣздами...

„— Этакъ и правильныя работы нельзя будетъ поставить.

„— А отчего нельзя? Можно натакаться на огромное гнѣздо, вотъ все и окупится сразу.

„— Гм... да... Конечно, бываютъ случаи.

„— Все отъ того, Николай Сергѣичъ, у кого какое счастье... На одномъ мѣстѣ могутъ пять человѣкъ разориться, а шестой разбогатѣть.

„— Шестой?

„— Кому, говорится, счастье...

„А если я именно этотъ *шестой?* У меня даже является что-то въ родѣ надежды. Впрочемъ, молчаніе... Настоящіе игроки никогда не смотрятъ своихъ картъ, пока не сдана вся колода. Будемъ ждать и терпѣть. Вчера нашу землянку чуть не залило водой, которая просочилась гдѣ-то въ стѣнѣ. Положеніе становится проклятымъ. Рабочіе ропщутъ, и я начинаю ждать открытаго возстанія моихъ вѣрныхъ подданныхъ. Въ общемъ скверно. Впрочемъ, погода, повидимому, желаетъ исправиться. Было уже два солнечныхъ дня!

„12 августа. Ура! Солнце... Запоздавшее солнце, но все-таки солнце. Вѣдь все лѣто было отчаянно-дождливое, а тутъ и свѣтъ и тепло. Рабочіе замѣтно пріободрились. Но въ самый разгаръ работы неожиданный сюрпризъ. Сегодня утромъ приходитъ Лука, по обыкновенію нѣсколько времени мнется, а потомъ говоритъ залпомъ:

„— Николай Сергѣичъ, а вѣдь хлѣба-то у насъ нѣтъ.

„— Какъ нѣтъ?

„— Да ужъ такъ: весь съѣли.

„— Что̀ же ты раньше ничего не говорилъ, Лука?

„— А что̀ говорить, когда онъ былъ. На завтра еще хватитъ. Надо будетъ дьячка послать, потому какъ у него лошадь. Она живой рукой обернется. Ужъ дьячокъ обыщетъ... Тутъ гдѣ-то есть деревнюшка, верстахъ въ пятидесяти.

„— А что̀ мы будемъ дѣлать, пока онъ ѣздитъ?

„— Поголодаемъ малость. У воды безъ хлѣба пока еще не сиживали.

„Дьячокъ получилъ пять рублей на хлѣбъ и отправился въ экспедицію. Мы его провожали самыми трогательными совѣтами.

„— Ужъ я постараюсь,—говорилъ онъ съ какимъ-то самодовольствомъ.— Ужъ будьте спокойны. Изъ земли добуду.

„— Водки, главное, не касайся,—совѣтовалъ Лука.

„Августа 10. Увы! мы голодаемъ уже третьи сутки. Настоящій форменный голодъ. Чтобы обмануть желудокъ, пьемъ горячій настой изъ шалфея и ѣдимъ грибы. Лука добываетъ въ лѣсу луковицы горной саранки, и мы дѣлаемъ изъ нея поклебку. Положеніе становится безвыходнымъ. Ходилъ на охоту, но ничего не убилъ. Голодные рабочіе мрачно отмалчиваются. Заставлять работать голодныхъ людей несправедливо, и они ровно ничего не дѣлаютъ. Конечно, во всемъ виноватъ Лука, не предупредившій во̀-время. Сегодня онъ, впрочемъ, понесъ достойное наказаніе. У насъ было двѣ лошади. Дьячокъ уѣхалъ на своей (есть подозрѣніе, что онъ совсѣмъ не вернется), оставалась лошадь Луки. И вдругъ—представьте ужасъ нашего положенія: эту вторую лошадь, представлявшую для насъ и желѣзную дорогу и пароходъ, сегодня задралъ медвѣдь. Мы отрѣзаны отъ всего остального міра. Лука въ полномъ отчаяньи.

„— Ежели бы двѣ лошади ходили вмѣстѣ, такъ медвѣдю не скрасть бы ни въ жисть,—увѣряетъ онъ.—Которая-нибудь да учуяла бы. А все изъ-за васъ, Николай Сергѣичъ!

„— Вотъ тебѣ разъ!

„— А ужъ такъ. Вѣдь вы послали дьячка за хлѣбомъ.

„Это меня взорвало, какъ верхъ всякой несправедливости. Я виноватъ! Можетъ-быть, я же виноватъ, что рабочіе выпили мою водку, что шелъ цѣлое лѣто дождь, что стопалъ горюнъ? Нѣтъ, это невозможно! Я начинаю терять терпѣніе. А голодъ начинаетъ всѣхъ донимать, и я приписываю несправедливость Луки именно голоду. Голодный человѣкъ не можетъ быть справедливымъ („Какая вѣрная мысль!"—замѣчаетъ Ефимъ Иванычъ, любившій покушать). Я впадаю въ философію и начинаю понимать, что именно только голодные люди могли дойти до философскихъ обобщеній. Больше ничего не остается дѣлать голодному человѣку, какъ только обобщать, анализировать, размышлять и углубляться въ корень вещей. Есть даже цѣлыя націи-философы, какъ мой башкиръ Ахметъ. Этотъ милый субъектъ лежитъ совершенно неподвижно по цѣлымъ днямъ, очевидно, стараясь не расходовать послѣдняго запаса энергіи, и я какъ-то поставилъ это на видъ упавшему духомъ Лукѣ. Но оказалось, что подкладка этой башкирской философіи совсѣмъ другая.

„— Хорошо ему лежать, идолу!—выругался Лука.—Онъ вотъ лежитъ такимъ манеромъ, а потомъ пойдетъ потихоньку, отрѣжетъ кусище отъ моей задранной лошади, поджаритъ на уголькахъ и слопаетъ. Ну, вотъ и лежитъ... Тьфу!

„Но на четвертый день Ахметъ не вытерпѣлъ и заявилъ мнѣ въ самой категорической формѣ:

„— Твой дьячка купчалъ... Ахметъ домой гулялъ... расчетъ.

„Получилъ расчетъ и ушелъ. Это очень скверный примѣръ для другихъ. Остающіеся двое рабочихъ смотрятъ на меня такими голодными глазами, и я начинаю серьезно ихъ побаиваться. Ложусь спать съ заряженнымъ ружьемъ, хотя и сознаю полную безполезность такой предосторожности.

„Августа 14. День отчаянія... день позорнаго отступленія. Бываютъ же такіе проклятые дни! Сегодня ночью мои мрачные сотрудники бѣжали, захвативъ на память мое ружье и чемоданчикъ. У меня отъ голода дѣлаются спазмы въ желудкѣ и голова начинаетъ кружиться. Лука сохраняетъ удивительную ясность духа и для нравственнаго ободренія вспоминаетъ разные случаи изъ своей севастопольской жизни. Утромъ, когда убѣжали рабочіе, Лука долго молчалъ и только встряхивалъ головой, точно отгонялъ муху. Наконецъ онъ проговорилъ:

„— А знаете, Николай Сергѣичъ, отчего вся наша причина вышла?

„— Отчего?

„— И даже весьма все это дѣло просто, ежели разобрать. Бабы у насъ на пріискѣ не было—вотъ и вся причина. Она, эта самая баба, развѣ бы стравила медвѣдю солонину? Ни Боже мой, ни въ жисть... Тоже и касаемо водки, ухранила бы въ лучшемъ видѣ. Никому бы понюхать не дала... А ужъ ежели насчетъ хлѣба, такъ мы бы еще двѣ недѣли сыты были. Однимъ словомъ, все отъ бабы вышло...

„Вопросъ о бабѣ поднимался еще при наймѣ рабочихъ, но ни одна „стряпка" не пожелала забираться съ незнакомой артелью въ такую трущобу, какъ „Шестой номеръ". На промыслахъ вообще баба знаетъ себѣ цѣну и давно разрѣшила свой женскій вопросъ. Какъ мнѣ кажется, Лука былъ правъ... Отсутствіе женщины даже въ такой примитивной формѣ, какъ промысловая стряпка, чувствуется на каждомъ шагу. Но теперь было уже все кончено, и женскій вопросъ для „Шестого номера" остался открытымъ.

„Итакъ, день позорнаго отступленія... Золото было найдено и хорошее

золото, судя по знакамъ, и оставалось только его реализировать, что̀ составляетъ вопросъ будущаго. Когда мы съ Лукой уходили съ пріиска, сопровождаемые насвистываньемъ горюна, мнѣ показалось, что въ сторонѣ мелькнула неуклюжая медвѣжья тѣнь. Можетъ-быть, онъ провожалъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ и облизывался, вспоминая съѣденную солонину".

Этимъ заканчивался дневникъ „Старика". Слушатели нѣсколько времени молчали, не зная, что̀ говорить. Но изъ этого затрудненія вывелъ всѣхъ Пржчъ.

— Что̀ же, господа, къ предыдущему добавимъ бѣжавшаго съ пятью рублями дьячка...

— Задранную медвѣдемъ лошадь Луки...

— А тѣнь неудавшейся пріисковой бабы? Куда мы ее помѣстимъ? Такой и графы не придумаешь... Ахъ, „Старикъ", „Старикъ"!.. Кого угодно насмѣшитъ...

— Однимъ словомъ, комикъ!.. И вѣдь какъ гладко пишетъ...

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совсѣмъ трогательно,—прибавила отъ себя Парасковья Ивановна, дѣлая томные глаза.—У него положительно есть сердце...

— Сердце при немъ и останется, а намъ вотъ нужно будетъ серьезно все подсчитать, господа.

— Да, да, подсчитать. Намъ его не нужно, и своего мы не желаемъ отдавать...

## IX.

„Старикъ" относился почти безучастно ко всему, что̀ сейчасъ дѣлалось на пріискѣ. Онъ зналъ о замыслахъ своихъ компаньоновъ и оставался спокойнымъ. Правда, у него по временамъ являлась такая мысль: а что̀, если въ одно прекрасное утро взять и выгнать всѣхъ этихъ негодяевъ? Вѣдь пріискъ его, и они не внесли рѣшительно ничего въ общее дѣло. Ему рисовалась даже самая картина того эффекта, который произвело бы всего одно его слово:

— Вонъ, господа негодяи!..

Письменнаго договора не существовало, слѣдовательно всѣ права были на его сторонѣ. О, съ какимъ бы позоромъ они ушли съ „Шестого номера", призывая на его голову всевозможныя проклятія! Это было бы только заслуженной карой за ихъ коварство... Но, съ другой стороны, ему рисовалась картина иного характера: вмѣстѣ съ компаньонами съ пріиска уйдетъ и Парасковья Ивановна. Воображеніе „Старика" отказывалось работать дальше, за этой роковой гранью. Онъ теперь уже не могъ представить собственнаго существованія безъ Парасковьи Ивановны. Положимъ, что она оказывала до сихъ поръ явное предпочтеніе другимъ—сначала Егору Егорычу, а потомъ Пржчу, но кто не знаетъ, какъ сердце женщины измѣнчиво, слѣдовательно могъ быть и третій счастливецъ. La donna e mobile, какъ говоритъ Лизуновъ. Вѣдь все могло быть... У „Старика" оставалась еще надежда, что Парасковья Ивановна когда-нибудь оцѣнитъ его и пойметъ. А если бы онъ выгналъ ее съ пріиска, то все было бы кончено, и впереди не оставалось бы никакой надежды. Женщины не умѣютъ прощать подобныхъ оскорбленій, а у Парасковьи Ивановны былъ такой рѣшительный характеръ.

Вопросъ о соперникахъ серьезно занималъ „Старика", и онъ даже не спалъ по ночамъ, раздумывая на эту тему. Ему рисовался цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ картинъ. Центромъ являлся вездѣ онъ. Напримѣръ, такая

комбинація. Онъ намѣренно говоритъ Пржчу дерзости и вызываетъ его на дуэль. Все равно одинъ долженъ исчезнуть, потому что двоимъ оставаться нельзя. Вотъ онъ, „Старикъ“, уже стоитъ на своемъ пунктѣ, а въ двадцати шагахъ Пржчъ... Онъ цѣлится прямо ему въ грудь, а Пржчъ наводитъ дуло своего револьвера прямо ему въ лобъ. Лизуновъ, въ качествѣ секунданта, отдаетъ команду: разъ... два... три... Разомъ грянули два выстрѣла, а въ результатѣ Пржчъ, смертельно раненый, падаетъ на траву. „Старикъ“ видитъ, какъ онъ хватается за простреленную грудь, видитъ это мертвенно-блѣдное лицо, остановившіеся отъ испуга глаза, и не чувствуетъ даже жалости. Или другой примѣръ: Пржчъ не принимаетъ вызова и, мало этого, оскорбляетъ „Старика“ въ присутствіи Парасковьи Ивановны. Тогда онъ выхватываетъ револьверъ, Парасковья Ивановна падаетъ въ обморокъ... на одно мгновеніе все застилается дымомъ выстрѣла... кто-то бѣжитъ... Слышится испуганный голосъ Лизунова:

— „Старикъ“, что̀ ты надѣлалъ? Ты знаешь, какъ я тебя люблю...

— Нѣтъ, вы не знали, господа, какой я человѣкъ. Вы думали, что я умѣю только молчать... О, вы совсѣмъ меня не понимали! Довольно, господа... Я слишкомъ много терпѣлъ отъ васъ.

Всѣ подавлены, всѣ перепуганы; Парасковья Ивановна успѣваетъ оправиться отъ своего обморока и смотритъ на „Старика“ испуганными глазами. Да, женщины любятъ только того мужчину, котораго боятся. Страхъ и уваженіе для нихъ синонимы.

Общія размышленія о компаньонахъ тоже были невеселаго характера. Прежде всего, вѣдь онъ, „Старикъ“, желалъ имъ всѣмъ только добра и охотно дѣлился свалившимся съ неба богатствомъ, а они ведутъ дѣло къ тому, чтобы окончательно вышвырнуть его изъ дѣла и, мало этого, открыто обвиняютъ его въ эксплоататорствѣ. Откуда могло явиться это злобное отношеніе именно къ нему, къ человѣку, который никогда и никого не желалъ обижать? Все поведеніе компаньоновъ представляло собой одну сплошную несправедливость. А между тѣмъ они считали себя правыми и во всемъ обвиняли его. Неужели блескъ золота до такой степени можетъ ослѣплять людей? „Старикъ“ напрасно подыскивалъ другіе мотивы для объясненія и не находилъ ихъ... По пути онъ припомнилъ цѣлый рядъ другихъ компаній, кончавшихъ тоже взаимными обвиненіями и распадавшихся изъ-за пустяковъ. Отчего самый простой мужикъ всегда работаетъ артелью лучше, чѣмъ въ одиночку, а интеллигентные люди не могутъ? Вопросъ оказывался неразрѣшимымъ. Въ глубинѣ души „Старикъ“ продолжалъ любить своихъ коварныхъ компаньоновъ и жалѣлъ только объ одномъ, что не умѣлъ этого высказать. Про себя онъ часто говорилъ пламенныя рѣчи:

— Господа, что̀ я вамъ сдѣлалъ? Опомнитесь, пока еще есть время. Да... Вѣдь вы всѣ хорошіе люди, я въ этомъ убѣжденъ,—зачѣмъ же намъ ссориться? У насъ есть общее дѣло, общіе интересы, общее наконецъ будущее... Пойдемте же впередъ рука объ руку и покажемъ другимъ, какъ слѣдуетъ жить и работать. Я даже не сержусь на васъ, хотя и пережилъ нѣсколько грустныхъ минутъ. Не подумайте, что я хочу показаться великодушнымъ,—на вашемъ мѣстѣ я, быть-можетъ, былъ бы еще хуже. И т. д., и т. д.

Но центромъ всѣхъ мыслей „Старика“ была все-таки Парасковья Ивановна. Онъ любилъ о ней думать, и она представлялась ему въ тысячѣ видовъ, какъ перевоплощеніе всего женскаго рода. „Старику“ казалось, что онъ дѣлается и лучше и чище, когда думаетъ о Парасковьѣ Ивановнѣ. Онъ припоминалъ выраженіе ея лица въ разные моменты, походку,

голосъ, улыбку, манеру садиться и тѣ чисто-женскія слабости, какія она себѣ позволяла. По утрамъ она любила пить чай просто въ утренней кофточкѣ, повязавъ голову по-бабьи бумажнымъ платкомъ. Къ ней все шло, даже когда она бранилась. „Старикъ“ дошелъ въ своемъ увлеченіи до той роковой грани, когда люди уже теряютъ способность опредѣлить, красивъ или некрасивъ предметъ ихъ страсти, добръ или золъ, хорошъ вообще или дуренъ. Про себя онъ называлъ ее всевозможными нѣжными именами и повторялъ ихъ про себя даже въ ея присутствіи. Наконецъ ему хотѣлось спасти ее отъ какой-то опасности, утѣшить въ какомъ-то неизвѣстномъ горѣ и вообще проявить цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, лучшая награда которыхъ—одинъ благодарный взглядъ, одно пожатіе руки, одна улыбка.

Компаньоны, пока „Старикъ“ предавался своимъ любовнымъ мечтамъ, не дремали. Подсчетъ предварительныхъ расходовъ былъ сдѣланъ съ замѣчательной точностью, причемъ бухгалтерскіе таланты Пржча проявились во всемъ своемъ блескѣ. При встрѣчахъ компаньоны держали себя со „Старикомъ“ какъ-то особенно вѣжливо, какъ съ человѣкомъ, которому хотятъ произвести очень мучительную операцію. Наконецъ Лизуновъ отъ имени всѣхъ заявилъ:

— Ну, „Старикъ“, намъ пора сосчитаться и выяснить все.

— Что̀ же, я очень радъ, — отвѣтилъ „Старикъ“ какъ - то равнодушно.

На „верандѣ“ было устроено что-то въ родѣ засѣданія полевого суда. Предсѣдательствовалъ Лизуновъ, за секретаря былъ Пржчъ, вооруженный карандашомъ и бумагой, Парасковья Ивановна изображала собой публику. „Старикъ“ занялъ мѣсто подсудимаго и держалъ себя спокойно, что̀ подѣйствовало на всѣхъ неблагопріятно.

— Видишь ли, другъ мой,—началъ Лизуновъ, глотая слюну: — ты знаешь, какъ я тебя люблю, и поймешь, какъ мнѣ непріятно брать на себя роль главнаго обвинителя. Да... вообще... Но я считаю себя отвѣтственнымъ предъ остальными компаньонами, которые собственно довѣряли мнѣ. Да... Дѣло прежде всего въ томъ, что всѣ мы собрались здѣсь на честное слово, и ты можешь даже насъ выгнать.

Въ публикѣ произошло нѣкоторое движеніе.

— Я повторяю: ты можешь даже насъ выгнать,—продолжалъ Лизуновъ, дѣлая удареніе,—потому что все велось на честномъ словѣ...

— Позволь... я...—вступился „Старикъ“, начиная краснѣть за оратора.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ позволь досказать все до конца, а тамъ уже можешь говорить... То, что̀ я высказалъ такъ откровенно, чувствовалось всѣми. Прибавь къ этому еще весь рискъ предпріятія, который тоже ложится на всѣхъ. Мы подсчитали твои расходы и приняли ихъ въ полномъ размѣрѣ. Кажется, мы поступили по-товарищески?

Лизуновъ сдѣлалъ драматическую паузу и обвелъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ. „Старикъ“ виновато опустилъ глаза и ждалъ продолженія.

— Если бы ты, — ты знаешь, какъ я тебя люблю?—если бы ты былъ хорошимъ товарищемъ,— извини, я привыкъ говорить правду! — то не поставилъ бы всѣхъ въ самое фальшивое положеніе. Развѣ мнѣ пріятно все это говорить? А кто меня заставляетъ это говорить?

Рѣчь Лизунова продолжалась довольно долго, и онъ даже прослезился, что̀ вышло особенно эффектно. Голова „Старика“ опускалась все ниже. Лизуновъ закончилъ довольно вычурной тирадой:

— По-моему, прежде всего въ человѣкѣ важна совѣсть... Вы отлично

понимаете, что̀ я хочу сказать. Безъ совѣсти нельзя жить... Теперь ты, „Старикъ“, можешь говорить.

„Старикъ“ поднялъ голову, обвелъ глазами присутствующихъ и спокойно заявилъ:

— Вы, господа, совершенно правы... Я ничего не имѣю противъ совѣсти. Именно совѣсть... это главное...

— Теперь позвольте мнѣ, господа,—перебилъ его Пржчъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія представить свой отчетъ.—Цифры иногда бываютъ краснорѣчивѣе людей, и мы перейдемъ къ нимъ.

Цифры, иллюстрированныя остроумными комментаріями изъ дневника „Старика“, дѣйствительно оказались вполнѣ краснорѣчивыми, такъ что даже улыбался самъ авторъ дневника. Это было уже возмутительно. Закончивъ отчетъ, Пржчъ прибавилъ:

— Мы рѣшили принять этотъ отчетъ въ полномъ его составѣ и такимъ образомъ являемся полноправными членами. Не будемъ ничего говорить о томъ, на что тратились деньги и какъ тратились, не будемъ называть автора этихъ затратъ нашимъ эксплоататоромъ, на что имѣемъ полное право, а просто помиримся съ фактомъ. Но, разъ мы все это принимаемъ, мы требуемъ и соотвѣтствующихъ правъ. Теперь каждое лицо является отвѣтственнымъ передъ нашимъ обществомъ, и каждый его поступокъ подлежитъ общему обсужденію. Я предлагаю, господа, баллотировать теперь вопросъ о самомъ правѣ нѣкоторыхъ членовъ компаніи быть таковыми и первый съ особенной охотой подвергаюсь такой баллотировкѣ.

„Старикъ“ понялъ устроенную ловушку и заявилъ:

— Господа, я понимаю, что̀ все это значитъ... все понимаю и... и ухожу самъ.

— Нѣтъ, баллотировать!—сразу заявило нѣсколько голосовъ.— Намъ не нужно великодушія. Теперь дѣло общее...

„Старику“ пришлось повиноваться. Баллотировочной урной служила полоскательная чашка, прикрытая носовымъ платкомъ, а вмѣсто баллотировочныхъ шаровъ служили казанскіе орѣхи, безъ которыхъ Парасковья Ивановна не могла жить. Первымъ баллотировался Пржчъ и получилъ всѣ шары избирательные, за нимъ то же продѣлали остальные и съ тѣмъ же результатомъ. Послѣдняя очередь принадлежала „Старику“, и онъ не получилъ ни одного избирательнаго шара. Это была полная гражданская смерть.

— Я ухожу...—немного дрогнувшимъ голосомъ заявилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

— То-есть вамъ приходится уходить,—поправила его Парасковья Ивановна не безъ ехидства.—Вы уходите по общему рѣшенію.

„Старикъ“ ничего не сказалъ и медленно вышелъ изъ „веранды“, не простившись ни съ кѣмъ. У него были слезы на глазахъ.

— Какой нахалъ!— замѣтила Парасковья Ивановна, провожая его глазами.—Вотъ чего я не ожидала.

А „нахалъ“ шелъ къ своей землянкѣ, дѣлая какіе-то таинственные знаки лѣвой рукой. Его голова повторяла эти движенія. Это былъ цѣлый діалогъ, котораго, къ сожалѣнію, никто не слышалъ. Можно было предположить, что онъ былъ не менѣе интересенъ, чѣмъ дневникъ.

Когда Лука узналъ, что „баринъ“ уходитъ съ „Шестого номера“ совсѣмъ, то счелъ своимъ долгомъ „ужаснуться“.

— Ахъ, баринъ, какъ же это самое дѣло?.. Ахъ, Боже мой...

— Очень просто...

„Старикъ“ былъ спокоенъ и смотрѣлъ на вѣрнаго слугу улыбавшимися глазами. Но Лука въ данномъ случаѣ проявилъ вполнѣ искреннія чувства. Положимъ, онъ продавалъ барина компаньонамъ и многое прибавилъ отъ себя, но совсѣмъ не ожидалъ, что баринъ возьметъ да и уйдетъ. У Луки вмѣстѣ съ предательствомъ уживалась мистическая вѣра въ барина— рука у него легкая на золото.

— Ахъ, баринъ, баринъ,—причиталъ Лука,—что же я, напримѣрно, буду дѣлать здѣсь?

— Если хочешь, пойдемъ со мной. Будемъ искать новое золото...

Лука подумалъ, бросилъ шапку оземь и рѣшительно заявилъ:

— Гдѣ наше не пропадало, баринъ. Значитъ, пойдемте опять обыскивать счастье...

## X.

Стояло крѣпкое осеннее утро, когда „Старикъ“ уходилъ съ „Шестого номера“. Онъ нарочно выбралъ раннее утро, чтобы никто не видалъ этого позорнаго отступленія. Полуденка еще была закрыта туманомъ, но горюнъ уже насвистывалъ. Пара осѣдланныхъ лошадей жалась отъ холода и била копытами землю. „Старикъ“ долго смотрѣлъ на пріискъ, и его сердце сжималось тоской. Онъ не жалѣлъ собственнаго золота, которое оставлялъ,—Богъ съ нимъ,—но здѣсь было похоронено его сердце.

— Все готово, баринъ,— докладывалъ Лука, одѣтый по-дорожному.

— Я сейчасъ...

„Старикъ“ побѣжалъ подъ гору и скрылся въ туманѣ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ большимъ букетомъ изъ горнаго шалфея и желтыхъ болотныхъ цвѣтовъ. Черезъ пять минутъ этотъ букетъ красовался на столѣ веранды.

Они выѣхали молча, и „Старикъ“ ни разу не оглянулся, какъ уходятъ съ кладбища. Онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, согнувшись и распустивъ поводья. Лука про себя ругалъ компаньоновъ.

---

Съ отъѣздомъ „Старика“ золото точно обрѣзало на „Шестомъ номерѣ“. Поиски и новыя развѣдки унесли все, что было заработано раньше, и компанія распалась сама собой. По слухамъ, „Старикъ“ гдѣ-то далеко, на сѣверномъ Уралѣ, нашелъ новую золотоносную розсыпь.

---

# ЗОЛОТАЯ НОЧЬ.

## I.

— Ну, а я за вами...—говорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, тяжело вваливаясь въ мою комнату.—Одѣвайтесь и ѣдемъ.

— Куда?

— Говорю: одѣвайтесь... У меня и лошадь у воротъ стоитъ.

Флегонтъ Флегонтовичъ былъ одѣтъ совсѣмъ по-дорожному: въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ кожаной шведской курткѣ, съ сумкой черезъ плечо и даже съ револьверомъ за поясомъ. Впрочемъ, онъ почти всегда щеголялъ въ такомъ костюмѣ, потому что въ качествѣ золотопромышленника постоянно разъѣзжалъ по Уралу изъ конца въ конецъ. Его приземистая широкоплечая фигура точно на заказъ была скроена и сшита именно для такой безпокойной жизни, а широкое лицо съ бронзовымъ загаромъ и лупившейся обвѣтрѣлой кожей свидѣтельствовало о вѣчныхъ странствованіяхъ по лѣсамъ и болотамъ, несмотря ни на какую погоду. Окладистая, подстриженная русая бородка, широкій русскій носъ, густыя сросшіяся брови и улыбающіеся сѣрые глаза придавали лицу Флегонта Флегонтовича типичный русскій складъ, хотя и съ замѣтнымъ оттѣнкомъ той хитрости и „себѣ на умѣ“, чѣмъ особенно отличаются всѣ коренные сибиряки-промышленники. Говорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ часто и отрывисто, точно горохъ сыпалъ, и постоянно размахивалъ своими короткими, жирными руками.

— Ну, что̀ же вы еще стоите? Говорю русскимъ языкомъ: лошадь за воротами стоитъ...

— Куда же ѣхать-то?

— А какое у насъ сегодня число? Двадцать седьмое апрѣля... Такъ? А черезъ три дня что̀ у насъ будетъ? Не догадываетесь?

— Первое мая будетъ... но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ.

— Ахъ, Боже мой, да гдѣ же это вы живете? На лунѣ, вѣроятно... Весь городъ ждетъ этого перваго мая, какъ Христова дня, а вы вотъ тутъ сидите да мухъ ловите. Говорю: одѣвайтесь, а потомъ на лошадь и въ дорогу...

— На заявку?

— Наконецъ-то догадались... Говорите спасибо, что заѣхалъ. Другого такого случая и не дождаться.

— А далеко ѣхать?

— Ну, верстъ сто съ хвостикомъ будетъ... на Причинку покатимъ, да!.. Небось, слышали ужъ о такой рѣчкѣ? Да, золото руками бери... Турфовъ всего колъ-аршина вскрывать. Говорю: богачество!..

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Флегонтъ Флегонтовичъ сдѣлалъ своей короткой рукой такой жестъ, какимъ капельмейстеръ заканчиваетъ пьесу. Косвенной причиной энергичной жестикуляціи Флегонта Флегонтовича было и то, что онъ носилъ на обѣихъ рукахъ нѣсколько хорошихъ перстней. Мнѣ давно хотѣлось побыть на пріисковой заявкѣ, а настоящій случай являлся тѣмъ интереснѣе, что заявка должна была совершиться въ только-что отведенной казенной Пятачковой дачѣ, о золотомъ днѣ. Въ частности, о рѣчкѣ Причинкѣ шла громкая молва, и туда стремились десятки добычливыхъ промышленниковъ, какъ въ своего рода Эльдорадо.

— Кстати, захватите съ собой ружье: отличная тяга,—предупреждалъ меня Флегонтъ Флегонтовичъ, раскуривая дешевенькую сигарку. — Сплошной лѣсъ на шестьдесятъ верстъ. Лосей видимо-невидимо... Однимъ словомъ, прокатимся въ свое удовольствіе, а лично мнѣ вы можете пригодиться въ качествѣ свидѣтеля на случай спора по заявкѣ.

Мои сборы были непродолжительны, благо лошадь стояла у воротъ, а относительно провизіи Флегонтъ Флегонтовичъ озаботился заранѣе. Оставалось захватить кожанъ, на случай дождя, да ружье.

— А какъ погода, Флегонтъ Флегонтовичъ?—спросилъ я, набивая походную сумку папиросами.

— Въ лучшемъ видѣ: тихо и ясно по барометру... Можетъ, утренничекъ прихватитъ, ну, да это пустяки. А какія теперь ночи въ лѣсу — роскошь! Намъ вѣдь придется ночевать тамъ, на Причинкѣ-то... Пожалуй, шубу возьмите, если боитесь простудиться, а наше дѣло привычное. Совсѣмъ въ лѣсу-то одичаешь, и какъ-то даже тошно дѣлается, когда съ недѣлю приходится проболтаться въ городѣ. Ужъ этотъ мнѣ вашъ городъ!..

У воротъ насъ дожидалась пара гнѣдыхъ „киргизовъ“, заложенныхъ въ коробокъ. Кучеръ Вахромей сидѣлъ на козлахъ въ широкомъ татарскомъ азямѣ и въ триповомъ картузѣ. Это былъ старый слуга Флегонта Флегонтовича и его неизмѣнный спутникъ. На видъ Вахромею можно было дать лѣтъ пятьдесятъ: сгорбленный, худой, съ черной, какъ у жука, головой. Лицо было желто-бронзовое, косо поставленные глаза, волоса — воронова крыла; словомъ, онъ являлся выродкомъ въ славянской семьѣ. Про такихъ черныхъ выродковъ говорятъ, что ихъ „цыгане потеряли“. По характеру Вахромей принадлежалъ къ самымъ молчаливымъ, сосредоточеннымъ натурамъ, которыя цѣлый вѣкъ Богъ знаетъ что̀ думаютъ себѣ подъ носъ.

— Эхъ, лихо прокатимся,—проговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, грузно влѣзая въ коробокъ.—Вонъ погодье-то какое стоитъ...

Дѣйствительно, день былъ свѣтлый и солнечный, съ весеннимъ холодкомъ въ воздухѣ. Нашъ коробокъ бойко покатился по широкой городской улицѣ къ Шарташскому озеру. Мелькали новыя постройки на каждомъ шагу, и все на купеческую руку.

— Вонъ какъ у насъ золото-то подымаетъ людей,—проговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ съ грустной ноткой въ голосѣ.—Изъ грязи да прямо въ князи такъ и лѣземъ... Поторапливай, Вахромей, намъ еще засвѣтло нужно поспѣть въ Сосунки.

Вахромей не шевельнулъ даже бровью въ отвѣтъ, но лошади сами собой прибавили рыси и дружно подхватывали нашъ легкій экипажъ, покачивавшійся на ходу, какъ люлька.

## II.

Екатеринбургъ — бойкій промышленный городъ уже сибирскаго склада. Здѣсь нѣтъ чиновничества, какъ въ другихъ городахъ, дворянство не играетъ

никакой роли, зато всѣмъ ворочаютъ промышленники. Послѣднее особенно замѣтно по характеру построекъ: на каждомъ шагу такъ и лѣзутъ въ глаза хоромины екатеринбургскаго „обстоятельнаго“ купечества и цѣлые дворцы разныхъ воротилъ по части спирта, хлѣбной торговли, сала и разной другой благодати. Тамъ и сямъ подымаются новыя постройки и все въ томъ же неизмѣнно-купеческомъ духѣ. Барина совсѣмъ не видно, за исключеніемъ двухъ-трехъ адвокатовъ да банковскихъ дѣльцовъ, но и тѣ начинаютъ жить на купеческую руку, плотно и съ расчетомъ. Сибирь не знала крѣпостного права, и настоящіе „господа“ попадаютъ туда только въ качествѣ администраторовъ, на особыхъ основаніяхъ или по независящимъ обстоятельствамъ. Во всякомъ случаѣ, вся Сибирь—промышленная, купеческая сторона, и Екатеринбургъ является ея первымъ аванпостомъ.

Нашъ коробокъ катился мимо богатыхъ церквей, потомъ обогнулъ старый гостиный дворъ и по широкой плотинѣ, съ которой открывается почти швейцарскій видъ на загородныя дачи, перебрался на другой берегъ довольно широкой рѣки Исети. Съ горки, отъ зданія окружнаго суда, видъ на городъ почти необыкновенный, въ смыслѣ „настоящей“ Европы: широкій прудъ окаймленъ гранитной набережной, въ глубинѣ его тонутъ въ густой зелени дачи; прямо—красивый соборъ, направо—массивное зданіе классической гимназіи, налѣво цѣлый рядъ зданій съ колоннадами, — это помѣщеніе горнаго правленія. Сейчасъ же подъ плотиной пустующіе корпуса упраздненнаго монетнаго двора и гранильной фабрики. Зданіе окружнаго суда въ вычурномъ мавританско-готическомъ стилѣ. Впереди довольно порядочный бульваръ, зданіе городского театра, магазины и т. д. Словомъ, бойкій и веселый городъ, въ которомъ жизнь бьетъ ключомъ. Было часа два пополудни, и намъ навстрѣчу попадались то и дѣло городскіе экипажи, извозчичьи дрожки, простыя телѣги и роспуски; по тротуарамъ сновалъ бойкій городской людъ, спѣшившій по своимъ дѣламъ. Флегонтъ Флегонтовичъ нѣсколько разъ раскланялся направо и налѣво и непремѣнно комментировалъ каждую встрѣчу.

— Видѣли на сѣрой въ яблокахъ?—шопотомъ спрашивалъ онъ.—Тоже на Причинку мѣтитъ, да шалишь, не надуешь... Ха-ха! Это Агашковъ, Глѣбъ Клементьичъ, проѣхалъ. А давно ли былъ яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего... Много ихъ тутъ зубы точатъ на Причинку, только ужъ извините, господа, вамъ Флегонта Собакина не провести. Да!.. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... Такъ вѣдь?

— Конечно...

— Знаете, я вѣрю въ звѣзду,—заговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, глубже натягивая на голову круглую ратиновую шапочку.—Всѣ игроки суевѣрны, а наша золотопромышленность самая азартная игра.

— Позвольте съ вами не согласиться въ этомъ случаѣ...

— Но вѣдь я говорю о настоящихъ золотопромышленникахъ, понимаете, о настоящихъ... Да. Мало ли нашего брата плутовъ и мошенниковъ, которые только прикрываются пріисками. Я, дескать, золотопромышленникъ, а самъ чортъ знаетъ какими дѣлами занимается. Э, да что тутъ толковать!.. Надѣюсь, мы хорошо понимаемъ другъ друга.

Мы выѣхали за городъ. Кругомъ было голо и желто. Трава еще не думала пробиваться, а березы стояли голыми метелками. Нашъ коробокъ мягко катился по укатанной глинистой дорогѣ, забирая въ гору. Въ сторонѣ зеленѣлъ сосновый мелкій лѣсокъ.

— Стой!—крикнулъ Флегонтъ Флегонтовичъ и, какъ мячикъ, выскочилъ изъ коробка на дорогу.

Спустившись въ канаву, онъ набралъ нѣсколько каменковъ и вернулся съ ними въ экипажъ.

— Вотъ не угодно ли вамъ полюбоваться,—торопливо говорилъ онъ, разсматривая нѣсколько кусковъ ноздреватаго кварца. — Это что̀ такое, по-вашему? Кварцъ... Какой кварцъ? Настоящій золотой кварцъ... Увѣряю васъ, что правда. Ужъ эту музыку мы отлично знаемъ... Можете быть увѣрены, что мы сейчасъ ѣдемъ по чистому золоту. Ей-Богу! Бываетъ бѣлый кварцъ, плотный, ну, тотъ намъ не рука, хотя въ немъ попадаются самородки, а вотъ такой кварцъ съ ноздринками да со ржавыми натеками — навѣрнякъ золото. Да вѣдь здѣсь кругомъ золото, куда ни повернись. Вонъ въ Невьянскѣ или въ Верхнейвинскѣ прямо въ огородахъ золото копаютъ.

Флегонтъ Флегонтовичъ былъ замѣчательный человѣкъ въ томъ отношеніи, что являлся представителемъ чистаго искусства; онъ былъ тѣмъ настоящимъ золотопромышленникомъ, который, кромѣ своего золота, ничего не хочетъ знать. Такими „настоящими“ бываютъ только картежники да пьяницы. Это качество Флегонтъ Флегонтовичъ цѣнилъ въ себѣ и въ другихъ выше всего на свѣтѣ и съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на цѣлый міръ. Записные охотники такъ же разбираютъ породистыхъ кровныхъ собакъ, выражаясь технически: „есть кровь“ или „нѣтъ крови“ въ данной единицѣ. Изъ купеческой семьи по происхожденію, Флегонтъ Флегонтовичъ выступилъ на широкое поле золотопромышленности съ довольно кругленькимъ капитальцемъ, который и закапывалъ нѣсколько разъ и нѣсколько разъ возвращалъ. Образованія онъ никакого не получилъ, но сильно поошлифовался въ пестрой средѣ золотопромышленниковъ, гдѣ немалый процентъ составляютъ настоящіе образованные люди или просто люди, видавшіе всякіе виды.

Превращенія, которымъ подвергался Собакинъ, были самыя удивительныя, и онъ то не имѣлъ гроша за душой, то катался на парѣ наотлетъ, что̀ у насъ служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ „дикой“ копейки. Какъ умѣлъ онъ вывертываться въ крайнихъ случаяхъ—одинъ Богъ знаетъ, но Флегонтъ Флегонтовичъ продолжалъ вѣрить въ свою счастливую звѣзду и, въ случаѣ возникавшихъ сомнѣній, постоянно указывалъ на примѣры разбогатѣвшихъ золотопромышленниковъ, которыхъ на Уралѣ не занимать стать. Эта вѣра въ свои силы являлась самой надежной опорой въ тревожной жизни Собакина, который на свое настоящее всегда смотрѣлъ какъ-то сверху, какъ только на переходное состояніе, за которымъ уже должно послѣдовать настоящее житье. Мало ли людей на всевозможныхъ поприщахъ утѣшаются подобными иллюзіями и совершенно несбыточными мечтами, но они уже счастливы преисполняющей ихъ энергіей. Какъ за всѣми опытными игроками, за Собакинымъ водились особенности: чѣмъ дѣла его были хуже, тѣмъ по наружному виду онъ казался спокойнѣе и веселѣе и просто сыпалъ самыми смѣлыми проектами и грандіозными надеждами. Въ настоящемъ случаѣ, слушая разсказы Флегонта Флегонтовича о неистощимыхъ сокровищахъ рѣки Причинки, я былъ увѣренъ, что у него не было ни гроша за душой и онъ ставилъ ребромъ послѣднюю копейку. Это предположеніе совершенно оправдалось, когда мы разговорились о прошломъ годѣ.

— Прошлое лѣто я на сѣверѣ работалъ, — разсказывалъ Собакинъ такимъ тономъ, точно онъ заговорилъ о постороннемъ лицѣ.—Далеко, за Богословскими заводами... Вотъ сторонка, скажу я вамъ! Особенно одолѣвали комары—житья отъ нихъ нѣтъ, отъ проклятыхъ. Если бы кто посмотрѣлъ на насъ на работѣ — смѣхъ, точно маскарадъ какой... Ей-Богу! У рабочихъ котелки съ куревомъ за поясомъ, на рожахъ просмоленныя сѣтки, а мы щеголяли въ

такой штукѣ, что и сказать смѣшно: сдѣлаешь изъ картону круглую коробку, проковыряешь въ ней двѣ дырочки, на голову надѣнешь, да такъ чучеломъ гороховымъ и бродишь по пріиску. Ха-ха!.. Чисто какъ въ театрѣ! Только ужъ и тварь же этотъ комаръ, ей-Богу, въ тысячу разъ хуже волка или медвѣдя... Ну, работа у насъ хорошо пошла, только шахту пришлось глубокую пробивать, а пробили—вода одолѣла. Откачивать руками воду—сила не беретъ, а за паровой машиной надо къ чертямъ на кулички ѣхать, да еще тащить ее по болотамъ да по топямъ чуть не на своей спинѣ. Побился-побился и бросилъ. Признаться сказать, дорогонько мнѣ обошлось это удовольствіе — комаровъ-то кормить, ну, да вотъ, слава Богу, эта самая Причинка подвернулась — все наверстаемъ. Главное, вотъ что забавно: хлопочемъ, бьемся, ищемъ золота чортъ знаетъ гдѣ, за четыреста, за пятьсотъ верстъ, а оно подъ носомъ... Вотъ и поди ты съ нашимъ братомъ, толкуй!.. Въ четвертомъ годѣ я опять въ киргизской степи работалъ, верстъ за восемьсотъ унесло отсюда; ну, золото нашлось, и хорошіе знаки, а какъ лѣто-то подошло — воды ни капли... Тутъ ужъ сжатымъ воздухомъ, говорятъ, нужно работать, а гдѣ я его возьму, этотъ самый сжатый воздухъ? Такъ и пришлось бросить... То вода долитъ, то безъ воды сидишь.

Относительно Причинки Флегонтъ Флегонтовичъ питалъ самыя розовыя надежды и строилъ очень широкіе планы, причемъ ссылался на имена очень вѣскихъ лицъ въ купеческомъ мірѣ, обѣщающихъ ему свое содѣйствіе, помощь, кредитъ и т. д. Изъ его словъ получался такой выводъ, что всѣ предшествовавшія работы были только сплошнымъ рядомъ всевозможныхъ ошибокъ, но зато теперь онъ, Флегонтъ Собакинъ, достаточно умудренный тяжелымъ опытомъ, будетъ бить навѣрняка и ужъ маху не дастъ ни въ какомъ случаѣ.

— Одно меня удивляетъ,—философствовалъ онъ, пуская струйки табачнаго дыма: — какъ только деньги завелись у тебя, пошли дѣла на ладъ, откуда народъ берется: тотъ пріятель, другой другъ, третій еще лучше того... Нѣкоторые пеняютъ, зачѣмъ къ нимъ за деньгами не обратился, когда нужно было. Одинъ лучше другого... А какъ пошатнулись дѣлишки, всѣ и отвалятъ, какъ отъ покойника. Ей-Богу! Меня лишь то удивляетъ, какъ это все успѣютъ люди пронюхать да разузнать: сидишь въ лѣсу, въ трущобѣ, а явишься въ городъ — тутъ ужъ все извѣстно, точно они по духу знаютъ. Я не осуждаю, потому всѣ мы люди—человѣки, а только очень мнѣ это удивительно кажется. И съ другими то же самое.

## III.

По широкой заводской дорогѣ мы проѣхали всего верстъ пять и затѣмъ свернули влѣво, на какую-то лѣсную глухую тропу съ едва замѣтнымъ колеснымъ слѣдомъ.

— Мы напрямки прокатимъ въ деревню Сосунки,—объяснялъ Флегонтъ Флегонтовичъ,—а тамъ меня ужъ дожидается довѣренный съ партіей, а другой довѣренный тоже съ партіей ждетъ въ Причинкѣ. Настоящей дорогою ѣхать—крюкъ будетъ верстъ въ десять, а лѣсомъ—рукой подать.

Наша „прямоѣзжая“ дорога бойко вилась по лѣсистой равнинѣ, постепенно понижавшейся къ сѣверу. По сторонамъ дороги вставалъ рѣдкій болотный соснякъ, изрѣдка попадались островки березняковъ и смѣшанный лѣсъ; слѣды хищнической работы человѣка попадались на каждомъ шагу, и на мѣстѣ когда-то вѣковыхъ вогульскихъ лѣсовъ теперь едва сохранились жалкіе остатки, точно арьергардъ разбитой арміи. Кое-гдѣ и этотъ жалкій лѣсъ со-

всѣмъ рѣдѣлъ, образуя широкія лысины—это были свѣжія поруби, гдѣ среди кучъ не успѣвшаго еще покраснѣть хвороста торчали безъ всякаго плана сложенныя полѣнницы веснодѣльныхъ дровъ. Близость города съ тридцатитысячнымъ населеніемъ сказывалась въ этой печальной картинѣ разрушенія, а тамъ новыя поруби и десятки свѣжихъ пней и безсильно лежащія на землѣ вершины сосенъ, точно отрубленныя головы.

Лѣсъ еще стоялъ на зимнемъ положеніи, несмотря на объявленную календарями весну. Ни сосна ни ель еще не дали свѣжихъ побѣговъ, а земля была покрыта прошлогодней высохшей бурой травой, изъ-подъ которой только кое-гдѣ сочилась вода, да изрѣдка пробивались красивые блѣдно-желтые цвѣты съ зелеными мохнатыми ножками и усиками. Въ этомъ мертвомъ лѣсѣ, пожалуй, была своя поэзія, но непривычному человѣку какъ-то становится въ немъ грустно и тяжело, какъ въ пустомъ домѣ, изъ котораго только-что вынесли покойника. Даже говорливый и всегда веселый Флегонтъ Флегонтовичъ замѣтно притихъ и, кажется, вздремнулъ подъ мѣрное покачиваніе нашего гибкаго экипажа. Впрочемъ, онъ скоро оживился, когда лошади начали спускаться въ какой-то логъ, по дну котораго бурлила мутная рѣчонка. Въ глинистомъ берегу было вырыто нѣсколько ямъ правильной формы, въ родѣ могилъ; гдѣ были совсѣмъ свѣжія, и вырытый песокъ еще не успѣлъ просохнуть, а другія были завалены хворостомъ.

— Ишь, старатели какъ землю роютъ, — любовно замѣтилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, опытнымъ глазомъ разсматривая работу. — Точно свиньи ходили... Все золото ищутъ. Только и отпѣтый, скажу я вамъ, народъ и дѣло свое ухъ какъ знаютъ: продадутъ и выкупятъ. По всему Уралу такихъ вотъ шурфовъ сколько они въ годъ сдѣлаютъ—милліоны. И найдутъ золото, ужъ повѣрьте мнѣ! Гдѣ, кажется, и подумать нельзя, чтобы золоту быть, а старатель выкопалъ ямочку—глядишь, оно и полѣзло. Здѣсь по всѣмъ деревнямъ ужъ такой народъ живетъ, съ измальства около золота ходитъ. Взять хоть Сосунки, Причину, всѣ деревнюшки по Ключевой и Сулатамъ, да вообще восточный склонъ Урала до самыхъ степей. И плуты при этомъ страшные, надо имъ честь отдать, ну, да мудрено нашего брата и судить—и мы имъ не пирогами откладываемъ.

На солнозакатѣ мы выбрались на берегъ рѣки Ключевой, которая здѣсь была очень неширока — саженъ пять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лѣтомъ ее въ бродъ переѣзжаютъ. Теперь на ней еще стоялъ ледъ, хотя на немъ чернѣли широкія полыньи и отъ береговъ во многихъ мѣстахъ шли полосы живой текучей воды. Мѣсто было порядочно дикое и глухое, хотя начали попадаться росчисти и покосы; тропа наконецъ вывела на деревенскую дорогу, по которой мы и въѣхали въ Сосунки, когда все кругомъ начало тонуть въ мутныхъ вечернихъ сумеркахъ.

— Заворачивай прямо къ Гаврилѣ Иванычу, — приказывалъ Флегонтъ Флегонтовичъ.—Мы у него заночуемъ.

Сосунки, деревушка дворовъ въ двадцать, не поражала своей внѣшностью. Покосившіяся избы, дырявыя крыши и развалившіеся огороды плохо рекомендовали ея обитателей, извѣстныхъ въ городѣ и окрестностяхъ подъ сокращеннымъ названіемъ „сосунятъ“. Все отпѣтый былъ народъ, промышлявшій изо дня въ день и никогда не знавшій, чѣмъ будетъ сытъ завтра. Кривая старинная улица, вдоль которой избы разсажались, какъ гнилые зубы, вывела насъ въ центръ деревни, гдѣ коробокъ и остановился у высокой избы съ новыми воротами. На лай собакъ показались въ окнѣ двѣ головы; ворота отворились, и мы въѣхали во дворъ, грязный и маленькій, съ какими-то тру-

хлявыми развалинами вмѣсто службъ. Отворившій намъ ворота мужикъ и былъ самъ Гаврила Ивановичъ, плѣшивый, сгорбленный старикъ въ заношенной ситцевой рубахѣ, въ пестрядиныхъ портахъ и босикомъ.

— Ну, голова съ мозгомъ, какъ дѣла?—спрашивалъ Флегонтъ Флегонтовичъ, вылѣзая изъ коробка.—Гдѣ наши?

— Куда имъ дѣваться-то...—какъ-то нехотя отвѣчалъ Гаврила Ивановичъ, моргая подслѣповатыми крошечными глазками.

— Небось, пьянствуютъ? Охъ, чуетъ мое сердечко, что всѣ они лыка не вяжутъ, а завтра въ походъ надо... Утромъ рано надо, чтобы къ обѣду поспѣть въ Причину.

— Ничего, продыбаются дорогой, — коротко отвѣтилъ Гаврила Ивановичъ, поправляя ослабнувшій на животѣ поясъ.—Балованный народъ нонѣ пошелъ, вотъ и пируютъ... Чай пить будешь, Флегонтъ Флегонтычъ?

— Конечно, будемъ чаевать. Пока лошади выстаиваются да пока ѣсть будутъ, мы еще и выспаться успѣемъ... А гдѣ Метелкинъ?

— Да ужъ не знаю, какъ тебѣ и сказать... пожалуй, серчать будешь. Солдатка тутъ есть у насъ, ну, у ней и хороводится съ нашими сосунками...

— Такъ и есть, такъ и есть!.. Вѣдь я же говорилъ русскимъ языкомъ, что буду сегодня непремѣнно и чтобы ждали меня... Ахъ, ты, Господи, согрѣшилъ я съ ними!

— Какъ же ждать, до самыхъ вечерень ждали... Ничего, Флегонтъ Флегонтычъ, не сумлѣвайтесь, продыбаются. Дорога тоже не малая, продуетъ...

Лицо у Гаврилы Ивановича было сморщенное и почти коричневое отъ работы на солнцекѣ; жиденькая бородка съ пробившейся сѣдиной украшала нижнюю часть лица какими-то клочьями, точно была усажена болотными кочками. Тонкій носъ и свѣжіе ровные зубы являлись на этомъ старческомъ лицѣ рѣзкой особенностью и совсѣмъ не гармонировали съ опустившейся, точно расшатанной фигурой. Когда Гаврила Ивановичъ начиналъ говорить, густыя черныя брови у него поднимались и лобъ покрывался тонкими морщинками. На первый разъ старикъ не внушалъ къ себѣ особеннаго довѣрія; видно было сразу, что этотъ мужикъ себѣ на умѣ.

— Золотая голова,—коротко отрекомендовалъ Собакинъ старика, когда тотъ отправился собирать гулявшую въ деревнѣ партію. — Конечно, пальца въ ротъ не клади, зато и дѣло знаетъ такъ, что комаръ носу не подточитъ... Лѣтъ пятьдесятъ золото роетъ и раза три ужъ въ острогѣ отсидѣлъ за него.

По своему положенію, Сосунки были глухою лѣсною деревней, и можно было бы ожидать, что здѣсь всѣ постройки будутъ изъ новаго крѣпкаго лѣса, но не тутъ-то было—всѣ избы, какъ на подборъ, глядѣли какими-то старыми грибами, и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ желтѣли новыя крыши и то изъ драницъ, а не изъ тесу. Гаврила Ивановичъ придерживался общаго распорядка и проживалъ въ очень старой избѣ, въ которой по зимамъ, навѣрно, было страшно холодно. О надворныхъ пристройкахъ я уже говорилъ. Въ одномъ углу лежала худая корова и, закрывъ глаза, сосредоточенно прожевывала жвачку; у какой-то вросшей по уши въ землю амбарушки рвалась на короткой цѣпи пестрая собачонка. Посрединѣ двора стояла пріисковая таратайка—двухколесная телѣжка съ откиднымъ дномъ. Гдѣ перебивалась скотина зимой—я не могъ отыскать подходящаго мѣста. Передъ окномъ избы лежало два сухихъ бревна, точно обгрызенныхъ съ обоихъ концовъ, — такія бревна изъ сухарника лежали и у трехъ избъ и замѣняли „сосунятамъ“ полѣнницы

дровъ. Въ лѣсныхъ глухихъ деревняхъ, гдѣ лѣсъ подъ бокомъ и гдѣ, кажется, можно было бы запасти дровъ во-время, всѣ существуютъ „отъ бревна“, т.-е. ребятишки или бабы отгрызутъ отъ бревна аршинъ, расколютъ — вотъ и цѣлое топливо, а на завтра та же исторія. Между тѣмъ эти же „сосунята“ поставляютъ въ городъ ежегодно сотни саженъ дровъ.

Внутренность избы Гаврилы Ивановича являлась какъ бы продолженіемъ того, что было на дворѣ, — ужъ очень было въ ней и пусто и голо, точно сюда семья переѣхала только на время. Для „золотой головы“ такая странная обстановка была плохой рекомендаціей. Насъ встрѣтили за порогомъ два бѣлоголовыхъ мальчика, которые сейчасъ же и забрались на полати. У печки возилась съ самоваромъ, вѣроятно, сноха Гаврилы Ивановича, молодая, но очень худая женщина съ землистымъ цвѣтомъ лица; у окна съ прялкой сидѣла какая-то старуха въ синемъ изгребномъ дубасѣ и, не торопясь, тянула безконечную нитку.

— Здравствуй, бабушка,—поздоровался Флегонтъ Флегонтовичъ.—За вашимъ золотомъ вотъ пріѣхалъ...

— Въ добрый часъ, Флегонтъ Флегонтычъ... Наше золото никому не заказано, милый человѣкъ. Только вотъ сосуны-то наши третій день пируютъ безъ тебя, и Степка нашъ тоже.

— Слышалъ, бабушка.

— Вечоръ жену принялся - было полѣномъ охаживать, едва отняли бабенку... Это ваше золото самое, Флегонтъ Флегонтычъ, нашей сестрѣ больно дорого приходится: скружились съ нимъ наши-то мужики, совсѣмъ скружились.

Когда поспѣлъ самоваръ, въ избу вошелъ Гаврила Ивановичъ; онъ что-то ворчалъ про себя и сердито плюнулъ въ сторону.

— Ну что?—коротко спросилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, ставя на столъ налитое чаемъ блюдечко.

— Не спрашивай... Какъ тараканы, всѣ по деревнѣ расползлись, способу никакого нѣтъ. Ну, и народъ... Степушка-то мой увязался за твоимъ Метелкинымъ, ну, я ему немножко тово, въ затылокъ насыпалъ, чтобы помнилъ отца-то. А онъ одно мелетъ: „тятенька, я рупь за каждый день получаю и могу себя уважить“... Помѣшался парень на рублѣ, да и другіе тоже. Оно точно, что любопытно рубли-то получать, на боку лежа, вотъ и спятили всѣ съ ума.

— Охъ, ужъ мнѣ эти ваши сосунки!—стоналъ Флегонтъ Флегонтовичъ, патетически хватаясь за голову.—Платишь имъ поденщины по рублю, а они только пьянствуютъ...

— А по другимъ мѣстамъ разѣ лучше насъ?—заступился Гаврила Ивановичъ, подсаживаясь къ самовару.—Взять хоть ту же Причину, да эти причинные мужики съ кругу спились, потому ужъ такая рука имъ подошла: народъ такъ и валитъ на Причинку, а всѣмъ надо партію набирать; ну, цѣну, слышь, и набавили до двухъ цѣлковыхъ. У тебя въ Причинѣ тоже вѣдь партія ждетъ?

— Партія, Гаврила Иванычъ... Тамъ мой компаньонъ Пластуновъ всѣмъ орудуетъ. Не знаю ужъ, какъ онъ тамъ съ причинными мужиками поправляется.

— Богъ не безъ милости, Флегонтъ Флегонтычъ...

Все время за чаемъ разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ, причемъ Флегонтъ Флегонтовичъ сильно волновался, размахивалъ руками и нѣсколько разъ принимался ругаться на чемъ свѣтъ стоитъ—ругаться въ пространство,

чтобы только душу отвести. На дворѣ давно стояла весенняя голубая ночь съ высокимъ молодымъ мѣсяцемъ; гдѣ-то лаяла собака и слышался смѣшанный гулъ пьяныхъ голосовъ. Въ нашей избѣ горѣлъ сальный огарокъ, тускло освѣщая неприглядную внутренность избы Гаврилы Ивановича: передній уголъ, оклеенный остатками обоевъ, съ образомъ суздальской работы, расписной синій столъ съ самоваромъ, около котораго сидѣла наша компанія; дремавшихъ около печки бабъ, бѣлѣвшія на полатяхъ головы ребятишекъ, закопченный черный потолокъ, тульское ружье на стѣнкѣ съ развѣшаннымъ около охотничьимъ приборомъ и т. д.

— Ты бы прилегъ, касатикъ, на лавочку да соснулъ малость...—проговорила старуха, обращаясь ко мнѣ.—Утре рано подымутся.

Мнѣ оставалось только воспользоваться хорошимъ совѣтомъ, потому что сонъ, дѣйствительно, начиналъ сильно одолѣвать. Я примостился на лавочку, положивъ подъ голову пальто, и скорехонько заснулъ тяжелымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спится только въ дорогѣ. Пахло чѣмъ-то кислымъ и смазанной дегтемъ кожей; въ дверь постоянно входили и выходили; по стѣнамъ и потолку мигали широкія тѣни; гдѣ-то далеко-далеко, точно подъ землей, пропѣлъ пѣтухъ... Дальше уже все смѣшалось: Флегонтъ Флегонтовичъ кого-то опять ругалъ и нѣсколько разъ выскакивалъ на улицу, кто-то и въ чемъ-то оправдывался слезливымъ голосомъ, потомъ былъ какой-то шумъ, точно въ избу Гаврилы Ивановича вносили тяжелый рояль.

## IV.

Рано утромъ на другой день, еще „на брезгу", мы оставили Сосунки. Весеннее холодное утро заставляло непріятно вздрагивать, и я напрасно кутался въ свое осеннее пальто—чисто-весенняя изморозь такъ и пронизывала насквозь, заставляя зубы выдѣлывать дробь. Переходъ изъ теплой избы на морозъ, когда хотѣлось спать мертвымъ сномъ, дѣлалъ наше путешествіе очень непріятнымъ.

— Мы теперь на Причину поѣдемъ прямыми дорогами, — объяснялъ Собакинъ, отчаянно зѣвая.—И во времени расчетъ, да и рабочимъ меньше соблазна въ лѣсу.

— А далеко будетъ?

— Да верстъ сорокъ съ хвостикомъ...

Ѣздить прямыми дорогами было слабостью Флегонта Флегонтовича, привыкшаго шататься по всевозможнымъ лѣснымъ трущобамъ, и другимъ оставалось только покориться этой слабости, хотя Гаврила Ивановичъ, кажется, предпочиталъ сдѣлать объѣздъ.

Сосунки скоро остались назади со своими гнилыми избушками, и мы поѣхали внизъ по теченію Ключевой, по довольно торной дорогѣ, съ которой свернули въ лѣсъ. На облучкѣ нашего коробка, рядомъ съ молчаливымъ, какъ пень, Вахромеемъ, помѣстился Гаврила Ивановичъ, надѣвшій толстый чекмень и заношенную баранью шапку. За нами ползъ маленькій обозъ съ партіею, т.-е. двѣ телѣги, изъ которыхъ на одной везли провіантъ и инструменты, а на другой рабочихъ. Послѣдняя телѣга представляла самую живописную картину, точно нагружена была телятами: не проспавшіеся со вчерашняго хмеля „сосунята" сидѣли въ самомъ тяжеломъ молчаніи и только въ тактъ попадавшимся выбоинамъ и кочкамъ болтали смѣшенными изъ-за телѣги ногами. Метелкинъ, неопредѣленныхъ лѣтъ человѣкъ, въ одномъ плисовомъ пиджакѣ и въ ярко-красномъ шарфѣ на шеѣ, шагалъ за телѣгой по сторонѣ, стараясь согрѣться ходьбой. Издали я могъ прежде всего разсмот-

рѣть нетвердую разбитую походку; черная поярковая шляпа открывала блѣдное чахоточное лицо съ черными большими глазами, большимъ носомъ и рѣдкой козлиной бородой. Флегонтъ Флегонтовичъ по временамъ оглядывался на своего провинившагося повѣреннаго и улыбался.

— Продыбаются, Флегонтъ Флегонтычъ,—отвѣтилъ на эту улыбку Гаврила Ивановичъ, тоже наблюдавшій нашъ обозъ. — Оно по холодку-то даже вотъ какъ преотлично... Вонъ какъ Метелкинъ-то нашъ задуваетъ.

— Вѣдь вотъ какой народецъ, — заговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ:— на маковую росинку ничего нельзя повѣрить, хоть того же Метелкина взять... Который годъ я съ нимъ маюсь, а безъ него не могу—и привыкъ, да и дѣло свое онъ отлично знаетъ.

— Простудится онъ въ одномъ пиджакѣ.

— Метелкинъ-то? Да онъ въ этомъ пиджакѣ зимой верстъ по сорока уходитъ, а теперь ему—это шутка... Ничего его не беретъ, такой ужъ человѣкъ. А сосунята-то, нечего сказать, хороши, только головами мотаютъ...

Съ каждымъ шагомъ впередъ мы забирались въ настоящую лѣсную пустыню, гдѣ не встрѣтишь жилья на разстояніи шестидесяти, даже восьмидесяти верстъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ лѣсныхъ кордоновъ. Лѣсъ дѣлался выше, наша дорога превратилась въ едва замѣтную тропу съ заросшей колеей. Изъ лѣсныхъ породъ господствовала сосна, лишь изрѣдка попадались березовыя да осиновыя гривки. Меня особенно поражало необыкновенное количество попадавшагося въ лѣсу валежника и стоявшихъ лиственныхъ сухаринъ. Ель совсѣмъ не попадалась, хотя на Уралѣ въ такихъ болотистыхъ низменностяхъ обыкновенно растетъ самый дремучій ельникъ. Гаврила Ивановичъ объяснилъ, что въ допрежнія времена здѣсь все росъ сплошной ельникъ, а потомъ былъ пожаръ, и послѣ пожара пошла вотъ сосна да березняки. Громадное количество валежника объяснялось тоже старымъ лѣснымъ пожаромъ.

— Дикая сторона была совсѣмъ,—пояснилъ Гаврила Ивановичъ, точно теперь стояла не та же лѣсная глушь, едва тронутая человѣческимъ жильемъ.

Пятачковая казенная дача занимаетъ широкую и болотистую низменность въ двѣсти тысячъ десятинъ, широкимъ краемъ она уперлась въ рѣчку Ключевую, а къ сѣверу вышла неправильнымъ угломъ. На всемъ пространствѣ этой дачи встрѣчается только одна небольшая возвышенность—гора Липовая, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ главною массой Уральскаго кряжа является очень страннымъ. Обыкновенно всѣ подгорья, особенно восточный склонъ Урала, усѣяны отрогами и гористыми возвышенностями. Пятачковая дача являлась какимъ-то исключеніемъ. Десятки болотистыхъ озеръ и „озеринокъ“ попадаются на каждомъ шагу, давая начало десяткамъ болотистыхъ рѣчонокъ, которыя постепенно сливаются въ три главныхъ рѣки— рѣку Ключевую, Малый и Большой Сулатъ. Надѣлавшая шуму рѣчка Причинка была притокомъ Большого Сулата въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлалъ широкую петлю на сѣверъ, а потомъ круто поворачивалъ къ юго-востоку; на стрѣлкѣ, гдѣ сливались эти рѣки, стояла деревушка Причина, куда мы теперь ѣхали. Населеніе Пятачковой дачи, за исключеніемъ двухъ-трехъ лѣсныхъ кордоновъ, жалось по краямъ, и только нѣсколько починковъ и деревушекъ разсажалось по теченію Ключевой и обоихъ Сулатовъ. До сихъ поръ Пятачковая дача служила только запасомъ горючаго и строевого матеріала, спеціально для казенныхъ горныхъ заводовъ, а теперь, съ постепеннымъ упраздненіемъ казеннаго производства, она пустовала лѣтъ десять, пока золотопро-

мышленники не выхлопотали доступа въ нее. Сложилось что-то въ родѣ басни о скрытыхъ сокровищахъ Пятачковой дачи, и сюда теперь устремились сотни предпринимателей съ желаніемъ выхватить лучшіе куски.

Мы проѣхали верстъ пятнадцать; совсѣмъ разсвѣтало, но солнце не показывалось—день наступилъ сѣрый и съ легкимъ вѣтеркомъ, игравшимъ по вершинамъ сосенъ. Нашъ обозъ растянулся на полверсты, и мы часто теряли изъ виду слѣдовавшія за нами подводы. Обогнули заросшій кустарникомъ низкій берегъ какого-то озера, переѣхали выбѣгавшую изъ него безыменную рѣчонку, причемъ лопнулъ тажъ у нашего экипажа. Произошла небольшая остановка. Кучеръ Вахромей угрюмо выругался и безъ всякой причины полоснулъ хлыстомъ щеголевато перебивавшую ногами пристяжную. Гаврила Ивановичъ помогъ наладить случившуюся поруху и, когда мы тронулись въ путь, не сѣлъ на облучокъ, а зашагалъ мѣрными мужицкими шагами по сторонѣ. По дорогѣ онъ сорвалъ вѣточку рябины и принялся ее жевать, сплевывая накоплявшуюся во рту горечь тоненькой струйкой сквозь зубы, какъ плюютъ цивилизованные кучера и лакеи.

— Здѣсь не ускочишь, Флегонтъ Флегонтычъ, — говорилъ онъ, догоняя насъ тяжелой рысцой.—Мочежинки все пойдутъ, а лѣтомъ въ ненастье здѣсь такіе пачки да зыбуны стоятъ—не приведи Господи.

Пачками и зыбунами называютъ на прямоѣзжихъ дорогахъ такія мѣста, гдѣ экипажъ и лошадей вязкая почва совсѣмъ засасываетъ, такъ что ихъ приходится добывать бастрыгами. Теперь земля еще не совсѣмъ растаяла, и въ „сумлительныхъ“ мѣстахъ только подозрительно покачивало, точно экипажъ ѣхалъ по какому-то подземному нарыву, который вотъ-вотъ лопнетъ. Въ одномъ мѣстѣ шумно сорвался матерый глухарь и низко и тяжело полетѣлъ въ самую чащу, точно брошенный сильной рукой тяжелый камень; затѣмъ спугнули нѣсколько рябчиковъ и до десятка дупелей. По сторонамъ безъ конца вставали все тѣ же сосны, попадался тотъ же валежникъ; гдѣ-то далеко куковала кукушка. Сосновая хвоя глухо шумѣла, когда набѣгалъ вѣтерокъ, а потомъ опять наступала мертвая, тяжелая тишина.

— Сказываютъ, Дружковъ проѣхалъ на Причину, — неожиданно проговорилъ Вахромей, нарушая царствовавшую тишину.

— Кто сказываетъ-то?—вскипѣлъ Флегонтъ Флегонтовичъ, выпуская изъ зубовъ дымившуюся сигару.

— Да люди сказываютъ... Ночью прямыми дорогами проѣхалъ Дружковъ, а съ часъ мѣста и Кривополовъ.

— Что же ты, идолъ, молчалъ до сихъ поръ... а? Гдѣ ты раньше-то былъ... а?.. „Сказываютъ... сказываютъ...“ Тьфу!.. Съ партіей проѣхали?..

— Сосунята видѣли...

— Господи, а мы-то полземъ... Гаврила Ивановичъ, слышалъ?.. И ты, поди, тоже слышалъ про Кривополова и молчишь?..

— Оно, точно, болтали промежду себя, Флегонтъ Флегонтычъ...—уклончиво отвѣтилъ Гаврила Ивановичъ, стараясь шагать въ сторонѣ отъ нашего экипажа.—На четырехъ подводахъ, болтаютъ, Дружковъ проѣхалъ, а потомъ ужъ Кривополовъ.

— О, Господи... За чьи только грѣхи я мучусь съ вами?!..—яростно возопилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, поднимая руку кверху, какъ трагическій актеръ.—Ну, Вахромей молчитъ—у него ужъ такой характеръ, всегда пень инемъ, а ты-то, Гаврила Иванычъ?!.. Вѣдь я на тебя, какъ на каменную стѣну, надѣюсь! Что мы теперь будемъ дѣлать, если они опередятъ насъ?.. Ну, говори?.. Кто ихъ проведетъ прямой-то дорогой?

Гаврила Ивановичъ только жевалъ губами и нѣсколько разъ поправилъ свою баранью шапку: дескать, „вотъ вышла же этакая оказія, въ самъ-дѣлѣ“...

— Можетъ, заплутаются еще по лѣсу-то, Флегонтъ Флегонтычъ,—проговорилъ наконецъ старикъ въ свое оправданіе. — Тоже дивно мѣста надо проѣхать, а дорога вонъ какая... не ускочишь. Ей-Богу, Флегонтъ Флегонтычъ, не сумлѣвайтесь.

— Идолы вы, вотъ что! „Не сумлѣвайтесь!“ — кричалъ Флегонтъ Флегонтовичъ, размахивая руками.—Это мы дурака-то валяемъ, а, небось, Кривополовъ съ Дружковымъ опередили насъ... Ахъ, Господи, вотъ еще наказанье-то!..

Чтобы сорвать на комъ-нибудь свое расходившееся сердце, Флегонтъ Флегонтовичъ накинулся на Метелкина, причемъ съ логикой разсердившагося человѣка всю вину взвалилъ на него, потому что, если бы онъ, Метелкинъ, держалъ партію въ порядкѣ и самъ не пьянствовалъ, тогда мы вчера бы еще въ ночь отправились въ Причину. Метелкинъ отмалчивался съ виноватымъ видомъ, что̀ еще болѣе сердило Флегонта Флегонтовича.

— Вѣдь вотъ нар-родецъ...—проговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ, устало откидываясь на спинку экипажа.—Слышали? Всѣ хороши... А между тѣмъ... Ужъ я не такъ бы расвекъ Гаврилу Иваныча, да теперь нельзя — отъ него все зависитъ. Пожалуй, еще разсердится да броситъ въ лѣсу, тогда хоть назадъ ворочайся. Признаться сказать, мѣстечко-то у насъ на Причинѣ ужъ давненько присмотрѣно, теперь только его взять остается.... Есть въ Причинѣ одинъ мужикъ, такъ онъ совсѣмъ бросовой—Спирька Косой. Ну, черезъ этого Спирьку мы на мѣсто натакались... собственно, Гаврила Иванычъ. Конечно, и Спирькѣ и Гаврилѣ Иванычу благодарность извѣстная, ну, ужъ это у насъ такой порядокъ, въ родѣ награды выдаемъ за хорошее мѣсто. Вотъ я и того, боюсь ссориться съ Гаврилой-то Иванычемъ, потому — нужный человѣкъ. А все-таки, согласитесь, какой народъ: всѣ слышали и молчатъ... Ужъ сумѣютъ напакостить. Да... Какую цѣну дерутъ съ насъ за эту ночь вотъ простые этакіе мужики, вонъ головами-то болтаютъ, которые на задней телѣгѣ, потому—чувствуютъ, что безъ нихъ нельзя...

У Собакина, какъ и у многихъ другихъ, была слабость сдѣлать дѣло не какъ другіе дѣлаютъ, а на особицу, при помощи какого-нибудь нужнаго человѣка. У него всегда былъ на примѣтѣ такой человѣкъ, и онъ надѣялся именно на него. Это было своего рода суевѣріе, но золотопромышленники не отличаются отсутствіемъ предразсудковъ и всегда разсчитываютъ всѣ примѣты: тяжелые и легкіе дни, встрѣчи, сны и т. д. Къ числу такихъ предразсудковъ можно отнести и слѣпую вѣру въ разныхъ особенныхъ человѣчковъ, черезъ посредство которыхъ можно сразу ухватить настоящій кусъ. Конечно, въ подтвержденіе приводится масса соотвѣтствующихъ примѣровъ: такому-то указалъ мѣсто башкиръ, а такому-то пьяница-старатель, ну, отчего же и Спирька Косой не могъ облагодѣтельствовать?.. Можетъ-быть, это опоэтизированная точка зрѣнія на жизнь вообще, и, вѣроятнѣе всего, такая вѣра выработалась самой жизнью, когда завтрашній день вѣчно стоитъ вопросительнымъ знакомъ.

— Вамъ-то все это смѣшно, а мы даже очень хорошо знаемъ всѣ эти примѣты... да-съ! — говорилъ Собакинъ съ увѣренностью испытавшаго человѣка.—Я даже записывалъ эти примѣты, и все выходило по нимъ.

— Отчего же въ Америкѣ, напримѣръ, золотопромышленники обходятся безъ примѣтъ, а надѣются только на свои знанія и на энергію?

— О, батенька... славны бубны за горами. Навѣрно, и у нихъ свои

примѣты есть... Ужъ извините, чтобы такъ, просто... ну, нѣтъ, что-нибудь да есть... Конечно, оно глупо немножко вѣрить, что вотъ заяцъ перебѣжитъ дорогу—и кончено, а если оно такъ выходитъ...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Собакинъ разсказалъ нѣсколько самыхъ убѣдительныхъ случаевъ, когда стоило перейти дорогу попу, бабѣ или перебѣжать зайцу—и самое вѣрное дѣло проваливалось.

Въ одномъ мѣстѣ нашу дорогу пересѣкла свѣжая колея. По внимательномъ изслѣдованіи было рѣшено, что это проѣхала какая-то пріисковая партія на четырехъ подводахъ: слѣдъ велъ отъ Причины, что̀ много успокоило Флегонта Флегонтовича—все-таки однимъ конкурентомъ меньше.

— Можетъ, это Кривополовъ по лѣсу блудилъ?—спрашивалъ онъ Гаврилу Ивановича.

— Навѣрно, онъ...

Мѣстность кругомъ мало измѣнялась — все тотъ же болотный сосникъ, изрѣдка рыжія полянки, потомъ болотныя кочки, валежникъ. Переправились черезъ нѣсколько мелкихъ рѣчонокъ, потомъ обогнули какое-то широкое озеро съ полыньями посрединѣ; небо начало проясняться, и все кругомъ дѣлалось свѣтлѣе. Попало еще нѣсколько слѣдовъ, оставленныхъ проѣхавшими партіями, но теперь они уже не обратили на себя такого вниманія, какъ раньше—деревушка Причина была близка, и всѣ были заняты мыслью, что-то теперь тамъ дѣлается: что̀ Пластуновъ, что̀ Спирька Косой, что̀ другіе золотопромышленники.

— Мы въ Причинѣ только самую малость опнемся, а потомъ опять въ лѣсъ, — говорилъ Собакинъ. — Мнѣ нужно не упустить Спирьку, а то какъ разъ кто-нибудь другой перехватитъ его... Тьфу!.. Ахъ, проклятый!.. Тьфу, тьфу!..

Со стороны выкатилъ русакъ, присѣлъ, поднялъ уши и мягкими прыжками, точно онъ былъ въ валенкахъ, перекосилъ намъ дорогу. Флегонтъ Флегонтовичъ даже поблѣднѣлъ отъ проклятой неожиданности...

## V.

Причина, какъ и Сосунки, представляла собой глухую лѣсную деревушку дворовъ въ тридцать; она стояла совсѣмъ въ лѣсу, и трудно было сказать, что̀ заставило ея обитателей выбрать такую страшную глушь. Постройки были старыя и разбрелись по берегу рѣчонки Причинки безъ всякаго порядка, точно эти избы были разметаны вѣтромъ. Какъ и въ Сосункахъ, народъ здѣсь тоже жилъ „отъ бревна“, промышляя охотой, рыбой и золотомъ. Около избъ кое-гдѣ стояли городскіе экипажи и простыя телѣги—это все были наши конкуренты. Гаврила Иванычъ сразу насчиталъ больше десятка партій.

— Вотъ и извольте тутъ...—въ отчаяніи проговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ.—Ужъ чуяло мое сердце...

Мы остановились у крайней, очень плохой избушки, въ которой жилъ Спирька Косой. Нашъ пріѣздъ взбудоражилъ всю деревню—поднялись собаки, въ окнахъ мелькнули наблюдавшія за нами физіономіи, за ворота выскочили посмотрѣть на пріѣхавшихъ какіе-то молодые люди въ охотничьихъ сапогахъ и кожаныхъ курткахъ. Какая-то толстая голова кланялась изъ окна Флегонту Флегонтовичу и старалась что-то выкрикнуть, приставивъ руку ко рту трубкой.

— А, чтобы тебя чортъ взялъ...—ругался непріятно пораженный Собакинъ.—Это Кривополовъ... вотъ тебѣ и заплутался!

Насъ встрѣтилъ довѣренный Флегонта Флегонтовича—Пластуновъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ съ рыжеватыми усиками; характерное и сердитое лицо, умные холодные глаза и свободная манера держать себя производили на первый разъ довольно выгодное впечатлѣніе; очевидно, молодой человѣкъ пойдетъ далеко и, вѣроятно, недаромъ пользовался такимъ довѣріемъ Флегонта Флегонтовича. Около избы, на завалинкѣ, сидѣло человѣкъ пять рабочихъ—это была вторая партія. Изъ избы доносились какіе-то хриплые крики и крупная ругань.

— Ну что̀?—спрашивалъ Собакинъ своего довѣреннаго.

— Пока ничего особеннаго...—уклончиво отвѣтилъ Пластуновъ.—Третьи сутки вытрезвляемъ Спирьку. Пьянствовалъ цѣлыхъ двѣ недѣли...

— Гдѣ же онъ деньги бралъ? Вѣдь я ему обѣщалъ послѣ заявки четвертную... странно.

— Должно-быть, обманулъ кого-нибудь изъ золотопромышленниковъ,—объяснялъ Пластуновъ.—Теперь у нихъ это вездѣ идетъ: одно и то же мѣсто въ три руки продаютъ. Заберутъ задатки и пьянствуютъ...

Это извѣстіе сильно встревожило Собакина, потому что подъ пьяную руку Спирька могъ сплавить завѣтное мѣстечко кому-нибудь другому... Во всякомъ случаѣ, получалась самая скверная штука.

— Да вотъ сами посмотрите на него, въ какомъ онъ видѣ,—предложилъ Пластуновъ, показывая глазами на избу.

Двора у Спирькиной избы не было, а отдѣльно стоялъ завалившійся сѣновалъ. Даже сѣней и крыльца не полагалось, а просто съ улицы бревно съ зарубинами было приставлено къ входной двери—и вся недолга. Изба была высокая, какъ всѣ старинныя постройки, съ подклѣтью, гдѣ у Спирьки металась на цѣпи голодная собака. Мы по бревну кое-какъ поднялись въ избу, которая даже не имѣла трубы, а дымъ изъ печи шелъ прямо въ широкую дыру въ потолкѣ. Стѣны и потолокъ были покрыты настоящимъ ковромъ сажи.

— Ужъ я предоставлю... вѣрно!..—оралъ кто-то, лежа на лавкѣ.—Предоставлю... на̀, пользуйся. А кто руководствовалъ? Спирька Косой... вѣр-рно...

— Перестань ты грезить-то,—попробовалъ усовѣстить Гаврила Ивановичъ.—Ишь, до чего допировался!

— Родимый, Гаврила Иванычъ, руководствуй, а я предоставлю... вѣрно!—оралъ Спирька, съ трудомъ поднимая съ лавки свою взлохмаченную черную голову.

— Хорошъ, нечего сказать...—брезгливо замѣтилъ Собакинъ, разглядывая своего вѣрнаго человѣка.

Приземистая широкая фигура Спирьки, поставленная на кривыя ноги, придавала ему видъ настоящаго медвѣдя. Взлохмаченная кудрявая голова, загорѣлое, почти бронзовое лицо, широкій сплюснутый носъ, узкіе, какъ щели, глаза, какая-то шерстистая черная бородка—все въ Спирькѣ обличало лѣсного человѣка, который по мѣсяцамъ могъ пропадать по лѣснымъ трущобамъ.

— Сконфузилъ ты насъ, Спирька,—заговорилъ Гаврила Ивановичъ, придерживая валившагося на одинъ бокъ Спирьку.—Вотъ и Флегонтъ Флегонтычъ очень даже сумлѣвается.

— Флегонъ Флегонычъ... родимый мой... ахъ, Господи милосливый... я? Предоставлю, все предоставлю...

— А на какія ты деньги пировалъ?—допрашивалъ Собакинъ.—Вѣдь я все знаю... Ну, сказывай: обѣщалъ еще кому-нибудь мѣстечко-то?

Спирька долго смотрѣлъ куда-то въ уголъ и скребъ у себя въ затылкѣ, напрасно стараясь что-нибудь припомнить; двѣ послѣднихъ недѣли въ его воспаленномъ мозгу слились въ какой-то одинъ безобразный сплошной сонъ, отъ котораго онъ не могъ проснуться. Онъ нѣсколько разъ вопросительно взглянулъ на насъ, а потомъ неожиданно бросился въ ноги Собакину.

— Флегонъ Флегонычъ... ради Христа, прости ты меня... омманулъ... охъ, всѣхъ омманулъ!—каялся Спирька, растянувшись на полу. У—всѣхъ деньги бралъ... Я прошу, а они даютъ. Омманулъ всѣхъ, Флегонъ Флегонычъ... а тебѣ одному все предоставлю... владай... твои счастки...

Собакинъ выругался очень крупно и вышелъ изъ избы. О самоварѣ и другихъ удобствахъ нечего было и думать, потому что у Спирьки, кромѣ ружья да голодной собаки, рѣшительно ничего не было.

— Карауль его, какъ свой глазъ, а я его ужо вытрезвлю,—говорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ Пластунову.—Надо скорѣе отсюда выбираться, пока до грѣха... Ну, Спирька, подвелъ!

— Ничего. Флегонтъ Флегонтычъ,—успокаивалъ Гаврила Ивановичъ:—развѣ одинъ нашъ Спирька такой-то, всѣ они на одну колодку теперь. А что насчетъ мѣстечка, такъ Спирька тоже себѣ на умѣ: на ногахъ не держится, а изъ него правды-то топоромъ не вырубишь...

Это было плохое утѣшеніе, но, за неимѣніемъ лучшаго, приходилось довольствоваться имъ. Расчетъ Флегонта Флегонтовича выѣхать сегодня же изъ Причины тоже не оправдался за разными хлопотами и недосугами, а главное, потому, что партіи все прибывали и всѣ упорно слѣдили другъ за другомъ. Нужно было переждать и вывѣдать стороной, кто и куда ѣдетъ, сколько партій, какіе вожаки и т. д.

— Заварилась каша,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ Флегонтъ Флегонтовичъ:—еще двое сутокъ ждать, а ужъ теперь семнадцать партій набралось... Къ первому-то числу что же это будетъ... И зачѣмъ претъ народъ, просто ошалѣли... Ну, да и мы тоже не лыкомъ шиты, можетъ, и перехитримъ другихъ, прочихъ-то.

Вмѣсто того, чтобы только „опнуться“ въ Причинѣ, какъ предполагалъ Флегонтъ Флегонтовичъ, намъ пришлось „промаячить“ въ этой трущобѣ цѣлыхъ двое сутокъ, вплоть до самой ночи на первое мая, когда должна была рѣшиться участь всѣхъ. Отъ-нечего-дѣлать я ходилъ на охоту и присматривался къ окружавшей меня пестрой картинѣ. Деревня теперь превратилась въ какой-то таборъ или въ стоянку какого-то необыкновеннаго полка. За неимѣніемъ мѣста въ самой деревнѣ, выросли отдѣльные таборы въ окрестностяхъ, что дѣлалось очень просто: поставятъ нѣсколько телѣгъ рядомъ, подымутъ оглобли, накроютъ ихъ пологами—вотъ и жилье. На землѣ горитъ огонекъ, бродятъ спутанныя лошади, на телѣгахъ и подъ телѣгами самыя живописныя группы—вообще жизнь кипѣла. Всѣ эти городскіе, невьянскіе, тагильскіе, каменскіе и многіе другіе „ищущіе златого бисера“ перемѣшались въ одну пеструю кучу. Набралось около двухсотъ человѣкъ, и даже явилась полиція для охраненія порядка и для предупрежденія могущихъ возникнуть недоразумѣній. Но пока все было тихо и мирно, даже больше чѣмъ мирно—всѣ успѣли перезнакомиться и, подъ видомъ доброжелательной простоты, старались вывѣдать другъ у друга кое-что о планахъ и намѣреніяхъ на первое мая.

Флегонтъ Флегонтовичъ, при помощи разныхъ нужныхъ человѣчковъ, успѣлъ разузнать всю подноготную, по крайней мѣрѣ, старался увѣрить въ этомъ и держалъ себя съ самымъ беззаботнымъ видомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно спокойна и которому нечего терять.

— Еще веселѣе будетъ въ компаніи-то, Нилъ Ефремычъ,—добродушно говорилъ онъ своему благопріятелю Кривополову, который постоянно ходилъ по гостямъ изъ одной избы въ другую.—Это кто не съ добромъ пріѣхалъ, а намъ что̀—милости просимъ...

— На людяхъ-то и смерть красна, Флегонтъ Флегонтычъ...—отвѣчалъ Кривополовъ, жмуря свои и безъ того узкіе глаза.

Этотъ Кривополовъ былъ очень интересный типъ, какъ переходъ отъ русскаго къ монголу; пріятели называли Кривополова „киргизской богородицей“ за его скуластую сплюснутую рожу съ узкимъ, скошеннымъ назадъ лбомъ и широкимъ носомъ. Волосы онъ стригъ подъ гребенку и носилъ маленькую кругленькую шапочку, точно всегда былъ въ ермолкѣ. У Кривополова гдѣ-то были довольно богатые пріиски, поэтому онъ совершенно безнаказанно могъ кутить и безобразничать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Другъ и пріятель Кривополова, сѣдой, толстый старикъ Дружковъ, являлся точно его половиной—они вездѣ попадали какъ-то вмѣстѣ и вмѣстѣ „травили напропалую“. Къ этимъ неразлучнымъ друзьямъ присосѣдился высокій рыжій хохолъ Середа, Богъ знаетъ какими вѣтрами занесенный на Уралъ; онъ молча ходилъ за Кривополовымъ и Дружковымъ, пилъ, если приглашали, и подъ носъ себѣ мурлыкалъ какую-то хохлацкую пѣсенку. Говорили, что Середа только еще разнюхиваетъ дѣло въ качествѣ агента отъ какой-то очень сильной иностранной компаніи. Когда къ нему приставали съ допросами, онъ только отмахивался и говорилъ пріятнымъ груднымъ теноромъ:

— Та я жъ ничего не знаю, что̀ говорятъ... А никакой компаніи нѣтъ. Якая тамъ бісова компанія? Пранцеватое ваше золото... нэхай ему лишечко буде.

Впрочемъ, пилъ Середа мастерски и не прочь былъ въ картишки „повинтить“, почему и сошелся на короткую ногу съ Кривополовымъ и Дружковымъ, которые могли играть безъ просыпу хоть недѣлю.

Изъ числа другихъ золотопромышленниковъ выдавались Агашковъ, Глѣбъ Клементьевичъ, и курляндскій нѣмецъ Кунъ. Они и держались на особицу отъ другихъ, какъ настоящіе аристократы. Агашковъ славился, какъ скупщикъ краденаго золота; у него были свои пріиски, но только такіе, которые служили для отвода глазъ, т.-е. воровское золото записывалось въ пріисковыя книги, какъ свое, и только. Такіе дутые пріиски на Уралѣ почему-то называются бездушными. Фигура у Агашкова была самая подкупающая: благообразный „низменный“ старичокъ съ самой апостольской физіономіей—окладистая бородка съ просѣдью, кроткіе сѣрые глаза, тихій симпатичный голосъ и вообще что-то такое благочестивое и хорошее во всей фигурѣ, кромѣ длинныхъ рукъ, которыми Агашковъ гнулъ подковы и вколотилъ въ гробъ уже двухъ женъ. Особенныхъ художествъ за Агашковымъ не водилось, а жилъ онъ, какъ праведникъ, неукоснительно блюлъ не только посты, но даже среды и пятницы, былъ богомоленъ свыше всякой мѣры, иногда по двунадесятымъ праздникамъ становился на лѣвый клиросъ и подпѣвалъ самымъ пріятнымъ стариковскимъ теноркомъ, и больше всего любилъ побесѣдовать о божественномъ, особенно что-нибудь позабористѣе. Кунъ былъ лицо новое на Уралѣ, но уже крѣпко основался и пустилъ корни. Представительный, всегда прилично одѣтый, онъ держался джентльменомъ; подстриженные усы и эспаньолка дѣлали его моложе своихъ лѣтъ. Какъ настоящій нѣмецъ, онъ никогда не разставался со своей сигарой, съ которой точно родился. Кунъ и Агашковъ, кажется, сошлись между собой и все держались вмѣстѣ.

— Спарились, идолы,—коротко объяснилъ Флегонтъ Флегонтовичъ.— Только кто кого у нихъ надуетъ: тонокъ нѣмецъ, а и Глѣбъ Клементичу тоже пальца въ ротъ не клади.

Изъ другихъ золотопромышленниковъ, заблагоразсудившихъ лично заявиться на мѣсто дѣйствія, никто особенно не выдавался, кромѣ „бывшихъ“: и бывшій мировой посредникъ, и бывшій дореформенный засѣдатель, и бывшій становой, и бывшій судебный приставъ, и бывшій педагогъ, и бывшій музыкантъ, и еще бывшіе Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ чѣмъ, но непремѣнно бывшіе, что̀ и было видно сразу по остаткамъ барскихъ замашекъ въ костюмахъ, въ манерѣ держать себя, въ произношеніи съ оттяжкой и шепелявеньемъ. Эти бывшіе—въ большинствѣ неудачники, которымъ не повезло и которые явились сюда еще разъ испытать лишнюю неудачу. Они такъ ужъ и держались вмѣстѣ, поглядывая на остальныхъ свысока: дескать, если бы вы, господа, видѣли насъ въ прежнія-то времена, когда... гм!. чор-ртъ поберр-и!

Отдѣльной артелькой сбилось нѣсколько раскольниковъ изъ Невьянска и изъ Ревды,—угрюмый и непривѣтливый народъ, глядѣвшій на всѣхъ остальныхъ никоніанъ исподлобья. По костюму—купечество средней руки, можетъ-быть, какіе-нибудь прасолы и скотогоны, или гуртовщики. Крѣпкій народъ и держитъ себя оригинально, хотя сильно смущается табачнымъ дымомъ. Особенно хорошъ былъ одинъ сѣдой, сердитый старикъ, точно весь высеребренный.

— Ужъ этакимъ старикамъ на печкѣ бы сидѣть да грѣхи свои замаливать,—ворчалъ Собакинъ нѣсколько разъ.—А тоже золота захотѣлъ.

— Нэхай покопае—лишніе гроши и прокопае,—равнодушно цѣдилъ Середа, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Только мѣшаться подъ ногами будетъ, старый чортъ... Еще гдѣ-нибудь задавятъ въ суматохѣ-то, а то самъ завалится куда-нибудь въ ямку и подохнетъ,—не унимался Флегонтъ Флегонтовичъ.

Изъ „бывшихъ“ на нѣкоторое время привлекали общее вниманіе двое отставныхъ военныхъ—ташкентскій майоръ и какой-то сомнительный кавказецъ. Очень подержаные, очень нахальные и очень жалкіе въ своемъ гражданскомъ видѣ, они держали себя съ видомъ людей, которымъ ужъ и терять ничего не осталось. Вотъ у этихъ сомнительныхъ воиновъ и возникло какое-то недоразумѣніе спеціальнаго характера, что-то въ родѣ вопроса о чести мундира; можетъ-быть, это были старые счеты, но недоразумѣніе перешло въ крупный разговоръ, потомъ въ ссору и наконецъ заключилось вызовомъ на дуэль. Дуэль въ деревнѣ Причинѣ—это одно ужъ чего-нибудь стоило... Но вся буря кончилась ничѣмъ, потому что не оказалось соотвѣтствующаго оружія: собранные со всего стана револьверы оказались разныхъ мастеровъ и разныхъ калибровъ.

Остальная „публика“ состояла изъ разныхъ довѣренныхъ и просто приказчиковъ, посланныхъ сдѣлать заявки непремѣнно на Причинкѣ. Это былъ все народъ подневольный, не имѣвшій самостоятельнаго значенія, хотя и представлялъ собой громкія имена уральскихъ богачей.

— Удивляюсь, что это отъ Могильниковой никого нѣтъ!—нѣсколько разъ повторялъ Флегонтъ Флегонтовичъ, наводя справки о прибывшихъ партіяхъ.— А они должны быть здѣсь... То-есть, натурально, сама она не поѣдетъ, а довѣреннаго пошлетъ. Ужъ тутъ не даромъ, не такая баба, чтобы маху дала. Пробойная баба, однимъ словомъ... Только что̀ у насъ будетъ—одному Богу извѣстно. Слышали: Агашковъ заводныхъ лошадей выставилъ до самаго Екатеринбурга, чтобы опередить всѣхъ съ заявкой. И Кунъ тоже, и Кривополовъ...

— А вы какъ?

— Мы?.. Мы малыми дорогами ихъ обгонимъ всѣхъ... Хе-хе!.. Тутъ вѣдь дороги каждыя десять минутъ... да. Я Пластунова пошлю верхомъ, о дву-конь, по-киргизски... Эхъ, жаль, у меня воронка не стало! Вотъ была лошадь, скажу я вамъ—золото, кладъ... На ней я самъ по сту верстъ верхомъ дѣлалъ на проходъ. Если бы жива была, самъ на ней поѣхалъ бы съ заявкой... А мужичье-то, причинные-то мужики, что̀ выдѣлываютъ—слышали?

— Пьянствуютъ?

— Съ кругу спились, совсѣмъ одурѣли. Да и какъ не одурѣть: въ сутки по три цѣлковыхъ теперь получаютъ, да еще сколько обманутъ... Вѣдь нашъ братъ другой разъ даже до смѣшного бываетъ глупъ и довѣрчивъ!.. Ей-Богу! Въ глаза мужики всѣхъ обманываютъ, а имъ за это еще деньги платятъ. Одно мѣсто въ четверо рукъ продаютъ... Ха-ха!

— Да вѣдь и Спирька, можетъ-быть, тоже надуваетъ васъ?

— Ну, ужъ извините. Спирька другихъ надулъ, а не меня... Онъ у меня къ развѣдкѣ какъ стеклышко будетъ. Вотъ сами увидите... всю дурь изъ него вытрясемъ.

Причинные мужики, дѣйствительно, совсѣмъ потерялись въ вихрѣ событій: запросъ на рабочія руки оказался громадный, а кромѣ того всякій золотопромышленникъ, конечно, потихоньку отъ другихъ, старался непремѣнно заручиться вѣрнымъ человѣкомъ, который знаетъ вѣрное мѣстечко. Въ результатѣ получалась прекурьезная игра въ темную, причемъ каждый былъ увѣренъ, что именно онъ проведетъ всѣхъ остальныхъ. Флегонтъ Флегонтовичъ окончательно успокоился, познакомившись съ наличнымъ составомъ своихъ конкурентовъ, и только подшучивалъ надъ вылѣзавшими наружу плутнями другихъ.

— Видѣли, какъ Кунъ вчера якобы на охоту съ ружьемъ ходилъ?—разсказывалъ Собакинъ.—Думаетъ, что такъ ему и повѣрили... а еще нѣмецъ! Агашковъ прошлой ночью самъ ѣздилъ потихоньку посмотрѣть мѣсто... Да и другіе тоже. И всѣ, главное, думаютъ, что никто и ничего не знаетъ, точно всѣ оглохли и ослѣпли.

Сбившіеся съ панталыку причинные мужики бродили по селу, какъ чумные телята, и все промышляли, гдѣ бы еще выпить. Слова: „произведу“, „предоставлю“, „руководствуй“—такъ и висѣли въ воздухѣ, повторялись на всѣ лады. Напротивъ насъ стояла гнилая избушка, въ которой жилъ рыжій мужикъ Парфенъ, обладавшій громаднымъ носомъ; этотъ Парфенъ успѣвалъ аккуратно два раза въ день напиться и каждый разъ производилъ въ своей избенкѣ настоящій геологическій переворотъ — какъ-то разомъ все начинало летѣть изъ избушки прямо на улицу: горшки, ребятишки, ухваты; и жена Парфена вылетала послѣ всего въ самомъ отчаянномъ видѣ, съ растрепанными волосами, босая, въ растерзанномъ сарафанишкѣ.

— Ловко...—поощрялъ Спирька сосѣда, поглядывая изъ окошка. — Дай ей хорошаго раза, Матренѣ-то... руководствуй...

И Парфенъ, дѣйствительно, руководствовалъ на всю улицу, потѣшая скучавшихъ золотопромышленниковъ. Онъ приходилъ даже въ какой-то экстазъ и все старался придумать что-нибудь почуднѣе, чтобы удивить всѣхъ. Другой мужикъ Силантій, жившій черезъ два двора, смирный и забитый въ нормальномъ состояніи, какъ выпивалъ двѣ - три рюмки, тоже начиналъ руководствовать и лѣзъ непремѣнно драться къ первому встрѣчному. Его обыкновенно связывали вожжами и укладывали успокоиться куда-нибудь на холодкѣ. На другомъ краю деревни бушевалъ какой-то сѣдой старикъ Емельянычъ,

который колотилъ трехъ своихъ сыновей полѣньями. Пріѣхавшіе рабочіе изъ другихъ деревень, въ большинствѣ самый отпѣтый народъ, набравшійся по пріискамъ вольнаго духу, дополняли картину своимъ пьянствомъ, драками и постоянно приставали къ причиннымъ бабамъ и дѣвкамъ. Женскій курсъ вдругъ поднялся, и бабы къ общему соблазну принялись щеголять по улицѣ въ самыхъ яркихъ сарафанахъ и въ кумачныхъ платкахъ, за что имъ прописывалась сугубая трепка.

Словомъ, происходила невообразимая кутерьма, и благочестивыя причинныя старушки только молили Бога, чтобы скорѣе наступило это растреклятое первое мая.

— Я теперь совсѣмъ обумился, Флегонъ Флегонычъ,—увѣрялъ Спирька, все еще находившійся подъ домашнимъ арестомъ. — Пусти хоть дохнуть разикъ съ нашими причинными... Ей-Богу, ни въ одномъ глазу.

— Врешь, все врешь... — упрямо отказывалъ Собакинъ.— Знаю я тебя, гусь лапчатый. Тебя только на улицу выпусти, такъ ты сейчасъ безъ заднихъ ногъ, да еще, пожалуй, съ вина сгоришь... Немного ужъ ждать осталось, а тамъ хоть лопни отъ водки.

Спирька чесалъ свою гриву, вздыхалъ и потомъ соглашался съ неумолимымъ патрономъ, что оно точно, пожалуй, опять сорветъ съ ума-то. Къ довершенію общей суматохи случилось два происшествія: сгорѣлъ съ вина какой-то старикъ, и потомъ нашли избитую до полусмерти дѣвку Анисью, которая пострадала за свое коварство — взяла съ трехъ претендентовъ на ея вниманіе приличные подарки. Обманутые сговорились и поучили.

— Нѣтъ, ужъ что̀ же это такое?— спросилъ Агашковъ, благочестиво поднимая плечи.—Настоящіе Содомъ и Гоморръ... уголовство.

## VI.

Наконецъ наступилъ и канунъ перваго мая. Съ ранняго утра въ Причинѣ все поднялось на ноги, даже не было видно пьяныхъ. Партіи рабочихъ уже были въ полномъ сборѣ и толпились кучками около избъ, гдѣ жили хозяева, или около обозовъ. Приготовляли лошадей, мазали телѣги, бѣгали, суетились, какъ передъ настоящимъ походомъ. Только хозяева старались казаться спокойными, но въ то же время зорко сторожили другъ друга—кто первый не утерпитъ и тронется въ путь. Свои лазутчики и соглядатаи зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ.

— Мы изъ деревни выѣдемъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда нужно,— шопотомъ сообщилъ мнѣ Флегонтъ Флегонтовичъ, тревожно потирая руки.—А вы слышали, что Спирька сегодня ночью чуть не убѣжалъ у насъ? Да, да.. Ну, я съ нимъ распорядился по-своему и пообѣщалъ посадить на цѣпь, какъ собаку, если онъ вздумаетъ еще морочить меня. А все-таки сердце у меня не на мѣстѣ... Всю ночь сегодня грезился проклятый заяцъ, который намъ тогда перебѣжалъ дорогу—такъ и прыгаетъ, бестія, подъ самымъ носомъ.

— А далеко намъ ѣхать?

— Да верстъ пятнадцать будетъ... По крайней мѣрѣ, Спирька такъ говоритъ, и Гаврила Иванычъ тоже.

Въ общей суматохѣ не принимали участія только Кривополовъ, Дружковъ, Середа и еще какой-то инженеръ въ отставкѣ, которые винтили уже третьи сутки. Агашковъ молился съ утра Богу, Кунъ, заложивъ руки въ карманы своей кожаной куртки, особенно сосредоточенно курилъ сигару съ ранняго утра. Въ избѣ Спирьки Флегонтъ Флегонтовичъ возился съ какимъ-то футляромъ, который никакъ не уходилъ у него въ боковой карманъ.

— Что это у васъ такое?—спросилъ я.—Револьверы?

Собакинъ осторожно оглянулся кругомъ и растегнулъ застежки футляра: въ немъ лежала разобранная флейта.

— Это для чего у васъ?—спросилъ я.

— А нужно... вотъ увидите. Я немножко, знаете, играю. Скучно въ лѣсу иногда бываетъ, особенно осенью, когда ненастье зарядитъ недѣли на три. Двѣ партіи уже отправились,—перескочилъ онъ къ злобѣ дня:—это довѣренные отъ Охлестышевыхъ. Ну, да эти не опасны, пусть поѣздятъ по лѣсу. Я, признаться сказать, больше всего опасаюсь Агашкова и Куна... Чортъ ихъ знаетъ, что у нихъ на умѣ.

— Да что же они могутъ сдѣлать?

— Э, да мало ли что... Будутъ караулить, куда поѣдемъ, и, пожалуй, помѣшаютъ.

Напились чаю, потомъ пообѣдали, но никому кусокъ въ ротъ не шелъ. Метелкинъ выглядывалъ съ почтительной грустью. Спирька сидѣлъ, какъ приговоренный; самъ Флегонтъ Флегонтовичъ постоянно подбѣгалъ къ окошку на малѣйшій стукъ и осторожно выглядывалъ изъ-за косяка. Одинъ Гаврила Ивановичъ не испытывалъ, кажется, никакого волненія и сосредоточенно ѣлъ за четверыхъ, облизывая свою крашеную деревянную ложку.

День былъ ясный, настоящій весенній, съ легкимъ холодкомъ въ воздухѣ: по небу съ утра бродили бѣлыя волнистыя облачка, обѣщая долгое ведро. Но кругомъ не было еще зелени, и только на пригоркахъ кое-гдѣ пробивалась свѣжая травка зелеными щетками. Рѣка Причинка уже очистилась ото льда и начала разливаться въ своихъ низкихъ болотистыхъ берегахъ, затопляя луга и низины. Пролетѣло нѣсколько косяковъ дикихъ утокъ; гдѣ-то печально кричали журавли.

Часовъ въ семь вечера наша первая партія выступила изъ Причины, потому что къ завѣтному мѣсту нужно было подойти обходнымъ путемъ, чтобы запутать всѣ слѣды и обмануть охотниковъ открыть нашъ секретъ. Теперь насъ было двѣ партіи—одна подъ предводительствомъ Флегонта Флегонтовича, а другая во главѣ съ Пластуновымъ. У насъ вожакомъ служилъ Спирька, а у Пластунова Гаврила Ивановичъ. Сговорились встрѣтиться на какомъ-то урочищѣ Сухой-Палъ, прежде чѣмъ захватить окончательно мѣсточко. Чтобы рѣшительно сбить съ толку всѣхъ, мы ѣхали въ одну сторону, а Пластуновъ въ другую. Собственно, наша партія должна была выступить часъ спустя.

— Охъ, не разъѣхаться бы...—стоналъ Собакинъ, провожая партію Пластунова впередъ.—Ты, Гаврила Ивановичъ, смотри,—не ударь въ грязь лицомъ.

— Ужъ не сумлѣвайтесь... все оборудуемъ, Флегонтъ Флегонтычъ,—отвѣчалъ старикъ, залѣзая въ коробокъ Пластунова.—Въ лучшемъ видѣ.

Другія партіи тоже зашевелились, и двѣ партіи изъ нихъ отправились вслѣдъ за нашей партіей, хотя это были „бывшіе", значитъ, особенной опасности не предвидѣлось.

— Что вы такъ хлопочете, чтобы не разъѣхаться,—говорилъ я:—все равно: Пластуновъ займетъ другой участокъ—и только.

— Э, батенька, въ томъ весь и секретъ, чтобы занять два участка рядомъ, потому что у меня въ участкѣ розсыпь, ну, а какъ она уйдетъ къ другому? Вотъ это-то и дорого... Всѣ изъ-за этого хлопочутъ. По закону, каждая партія имѣетъ право занять только одинъ участокъ—пять верстъ въ длину и сто саженей въ ширину, то-есть по теченію какой-нибудь рѣчки.

Было восемь часовъ, и мы выступили тоже въ походъ. Спирька помѣстился у насъ на козлахъ, и Собакинъ категорически объявилъ ему:

— Ну, ты, идолъ, смотри въ оба, а ежели надуешь, такъ я изъ тебя и крупы надеру и муки намелю въ лѣсу-то...

— Предоставлю, Флегонъ Флегонычъ,—угрюмо отвѣчалъ Спирька, нахлобучивая какую-то совершенно невозможную шапку на свою взлохмаченную голову.—Ужъ мы съ Гаврилой Иванычемъ вотъ какъ руководствуемъ... важное мѣстечко.

Флегонтъ Флегонтовичъ все оглядывался, точно ожидая погони; но погони не было, и только въ сторонѣ дороги раза два повторялся какой-то подозрительный шумъ, точно кто шелъ за нами, прячась за деревьями и въ кустахъ.

— Ишь, подлецы, какъ провожаютъ...—ругался Собакинъ.—Навѣрно, Агашковъ подослалъ или этотъ нѣмецъ съ сигарой...

Небо было совершенно ясное, солнце только-что закатилось, изъ лѣсу тянуло свѣжей ночной сыростью. Съ большой дороги мы свернули по указанію Спирьки куда-то направо и поѣхали въ цѣло, т.-е. безъ всякой дороги, по какому-то покосу. Меня удивило то, что мы ѣхали отъ рѣки Причинки, тогда какъ должны были держаться около нея. Впрочемъ, она текла крайне извилисто, и мы, вѣроятно, просто выгадывали пространство. Всѣ молчали и какъ-то старались не смотрѣть другъ на друга, точно премированные заговорщики. Въ одномъ мѣстѣ, когда мы ѣхали около сосноваго подсѣда, надъ нашими головами пролетѣло нѣсколько тянувшихъ вальдшнеповъ съ тѣмъ особеннымъ кряхтѣньемъ, которое настоящаго охотника заставляетъ замирать на мѣстѣ. Но теперь было не до охотничьихъ восторговъ, и мы пропустили тягу совершенно равнодушно. Но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше начинало попадаться намъ подозрительныхъ признаковъ—перепутанныя колеи, слѣды лошадиныхъ ногъ, какой-то отдаленный глухой шумъ или неожиданный трескъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ.

— Это все партіи гуляютъ по лѣсу,—объяснилъ Флегонтъ Флегонтовичъ; онъ нѣсколько разъ выскакивалъ изъ экипажа и припадалъ ухомъ къ землѣ, чтобы лучше разслышать лошадиный топотъ.—Далеко до Сухого-Пала осталось, Спирька?

— Да еще верстъ семь надо класть, Флегонъ Флегонычъ... а можетъ, и побольше. Кто его знаетъ: здѣсь вѣдь мѣсто-то баба мѣрила клюкой... махнула рукой...

Въ одномъ мѣстѣ мы спугнули нѣсколько паръ журавлей, которые съ печальнымъ крикомъ полетѣли дальше. Мѣсто было болотистое, съ низкими кустами ольхи, черемухи и болотной ивы; нашъ экипажъ прыгалъ по кочкамъ и постоянно грозилъ опасностью перевернуться вверхъ дномъ. Откуда-то повѣяло холодной сыростью,—это была вода, можетъ-быть, одно изъ безчисленныхъ озеръ. Въ другомъ мѣстѣ, въ лѣсу, слабо замигала красная точка и потянуло дымкомъ; нашъ обозъ остановился, и впередъ посланы были лазутчики. Оказалось, что стояла станомъ какая-то партія, ожидавшая наступленія двѣнадцати часовъ; рабочіе были не здѣшніе, а хозяинъ „изъ господъ", какъ объяснили вернувшіеся лазутчики.

— Должно-быть, заблудились, сердечные...—посмѣялся Флегонтъ Флегонтовичъ, однако велѣлъ объѣхать партію подальше стороной, „чтобы не навести на сумлѣніе".

Взошелъ молодой мѣсяцъ, и все кругомъ потонуло въ фантастическомъ, колебавшемся свѣтѣ. Собственно говоря, сравнительно съ душистой и туманной лѣтнею ночью, эта холодная и, такъ сказать, сухая весенняя ночь была просто жалка, но что было хорошо въ ней и что придавало ей какую-то осо-

бенную поэзію—это неумолкавшая жизнь пернатаго царства. Какихъ-какихъ звуковъ только ни было!.. Кромѣ журавлинаго и лебединаго крика и кряхтѣнія вальдшнеповъ, слышалось неумолкаемое пѣніе со всѣхъ сторонъ. Какія птицы пѣли—не умѣю сказать, за исключеніемъ иволги, которая рѣзко выдѣлялась среди другихъ пѣвцовъ. Гдѣ-то точно разговариваютъ и кричатъ двѣ голосистыя бабы, потомъ глухо забормоталъ на листвени тетеревъ, потомъ, точно изъ-подъ земли, донеслось неистовое фырканье и кудахтанье игравшихъ на току косачей. Ночь была тихая, и можно было разслышать игру на нѣсколькихъ токахъ. Но всего удивительнѣе былъ какой-то страшный крикъ, точно во всю глотку ревѣлъ пьяный мужикъ; я даже вздрогнулъ въ первую минуту.

— Что̀, испугались?—смѣялся Флегонтъ Флегонтовичъ:—угадайте-ка, что̀ за звѣрь это отличается? Не угадать... Это куропатка.

— Не можетъ быть!..

— Увѣряю васъ; я самъ сначала не вѣрилъ, пока не убѣдился своими глазами. Реветъ, точно оглашенная...

Въ сторонкѣ тихо и нерѣшительно слышалось осторожное заячье бобоканье: зайцы кричатъ иногда пресмѣшно въ лѣсу—сядетъ на заднія лапки, насторожитъ уши, вытянетъ мордочку и начнетъ какъ-то по-дѣтски наговаривать: „бо-бо-бо-бо“...

— Гли-ко, гли *), Флегонъ Флегонычъ,—зашепталъ Спирька, показывая косовой въ сторону небольшой сосновой гривки, у которой стояли двѣ темныхъ фигуры.—Вишь, какъ зо̀рятъ **) за намъ...

— Ну, пусть ихъ зо̀рятъ.

— А въ лѣсу лошадь привязана—вонъ одна голова торчитъ...

— Ахъ, подлецы! Чьи бы это?

— Темно, не признать сыздали. Быдто изъ сосунятъ кто по обличью-то... можетъ, и наши причинные.

Кромѣ этихъ отрывочныхъ эпизодовъ, наше путешествіе совершалось въ мертвомъ молчаніи; слышался только лошадиный топотъ и стукъ колесъ, когда они попадали на древесный корень. Вахромей сидѣлъ на козлахъ въ обычномъ молчаніи и только изрѣдка, въ видѣ особенной милости, благоволилъ всыпать вертлявой пристяжной нѣсколько хлесткихъ ударовъ.

— Вотъ тебѣ и Сухой-Палъ...—проговорилъ наконецъ Спирька, когда впереди сѣрымъ, неяснымъ пятномъ выступила между рѣдкими соснами узкая лѣсная прогалина.—И Гаврила Иванычъ тамоди ***) съ людямъ дожидаетъ насъ... въ самую точку попали.

Сухой-Палъ выдѣлялся какой-то суровой красотой и рѣзко отличался отъ другихъ мѣстъ, по которымъ ѣхали до сихъ поръ. Кругомъ росли вѣковыя сосны въ обхватъ толщиной; почва дѣлала мягкій уклонъ къ небольшому круглому озерку и кончалась крутымъ обрывомъ, на которомъ росла корона изъ громадныхъ липъ.

— Старцы здѣсь жили въ допрежнія времена,—объяснилъ Спирька,—вонъ и липнякъ насадили для пчелы... Только ихъ начальство выжило, потому какъ они, старцы-то, къ старой вѣрѣ были прилежны... строго было. Весь скитокъ разорили.

Партія Пластунова дожидалась насъ уже съ часъ. Посыпались разсказы съ обѣихъ сторонъ о встрѣчныхъ партіяхъ. Весь лѣсъ на десятки верстъ по теченію Причинки былъ переполненъ людьми, ждавшими наступленія полуночи.

---

*) Гляди, гляди.
**) Зорятъ—смотрятъ.
***) Тамоди—тамъ.

— Страсть сколь народичку понаперло,—удивлялся Гаврила Иванычъ, поправляя свою баранью шапку.—Нѣмца видѣли... ну, еще съ сигарой ходилъ. Въ двухъ верстахъ отсюдова будетъ...

— А Агашкова не видалъ?

— Нѣтъ, какъ будто не запримѣтилъ. Тутъ все какія-то новыя партіи, Флегонтъ Флегонтычъ. И Господь ихъ знаетъ, откуда онѣ набрались... Въ Причинкѣ какъ будто ихъ не видать было, всѣ наперечетъ. Это все пришлые... Надо полагать, режевскіе али невьянскіе.

— Все равно... одинъ чортъ,—ворчалъ Собакинъ.—Столбы развѣдочные приготовили?

— Два столбика сорудовали... и слова написали.

— Хорошо. Ужъ десять часовъ скоро,—говорилъ Собакинъ, со спичкой разглядывая циферблатъ своихъ часовъ.—Далеко отсюда?

— Версты три, надо полагать, будетъ; въ часъ доѣдемъ.

— Часикъ подождемъ.

Ѣхать прямо на завѣтное мѣстечко прежде времени мы не могли, потому что на насъ могли набѣжать другія партіи и начать споръ по заявкѣ. Но, съ другой стороны, полная неизвѣстность являлась тяжелымъ кошмаромъ для всѣхъ. Время тянулось убійственно-медленно, какъ при всякомъ ожиданіи, и Флегонтъ Флегонтовичъ безпрестанно жегъ спички, чтобы посмотрѣть, сколько осталось.

Ровно въ одиннадцать часовъ мы трогаемся въ путь въ мертвомъ молчаніи, но лѣсъ кругомъ гудитъ отъ конскаго топота и торопливо шмыгающихъ людей. Мимо насъ проскакала партія верхомъ на лошадяхъ; гдѣ-то далеко рубятъ дерево, и каждый ударъ топора звонко разносится въ ночной тиши. Вѣроятно, это готовятъ развѣдочный столбъ. Вотъ гдѣ-то совсѣмъ близко несыпались тоже удары топора, кто-то рубитъ лихорадочной, неумѣлой рукой. Опять встрѣча, ѣдутъ на двухъ телѣгахъ. Разъѣзжаемся молча—ни слова. Торопливо бѣгутъ какіе-то мужики съ лопатами и топорами. Ужъ близко совсѣмъ, вотъ и небольшой пологій ложокъ, который спускается корытомъ къ Причинкѣ.

— Здѣсь...—шепчетъ Спирька.

Флегонтъ Флегонтовичъ отряжаетъ Пластунова съ Гаврилой Ивановичемъ вверхъ по Причинкѣ, къ какому-то Семенову-Бугру, гдѣ онъ долженъ ждать сигнала и сейчасъ же ставить развѣдочный столбъ.

— Какъ я заиграю, значитъ, мѣсто свободно, ты сейчасъ и катай столбы и шурфи,—наставительно шепчетъ онъ своему довѣренному.—Черезъ полчаса, чтобы все было готово... Слышишь?.. Я какъ заиграю, ты сейчасъ и дѣйствуй.

Партія Пластунова исчезаетъ въ густой сосновой заросли, а мы остаемся на ложкѣ, въ ожиданіи двѣнадцати часовъ. Завѣтное мѣстечко на полверсты ниже, но занимать его теперь рано, можно только привлечь вниманіе проходящихъ мимо партій. А народъ такъ валитъ и валитъ, все дальше, вверхъ по Причинкѣ; каждая новая партія заставляетъ переживать скверное чувство: а какъ она да наше мѣсто и захватитъ? Но пока все благополучно—всѣ проходятъ мимо.

— Начинай, благословясь,—командуетъ Флегонтъ Флегонтовичъ, откладывая нѣсколько широкихъ крестовъ.—Ну, восемь минутъ осталось... пора.

Мы отправляемся внизъ по Причинкѣ, которая здѣсь шириной всего нѣсколько аршинъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее просто даже можно перескочить съ разбѣгу. Лошади остались на мѣстѣ, а мы идемъ пѣшкомъ.

— Скорѣе, скорѣе...—торопитъ Флегонтъ Флегонтовичъ, задыхаясь на ходу.—Спирька, гдѣ мѣсто-то?

— Да вонъ береза-то развилашкой стоитъ, тутъ и мѣсто,—объясняетъ Спирька, едва поспѣвая за Собакинымъ на своихъ кривыхъ ногахъ.

За нами нѣсколько рабочихъ несутъ развѣдочный столбъ.

— Стой!—командуетъ Флегонтъ Флегонтовичъ, когда мы поровнялись съ указанной березой.—Ровно двѣнадцать часовъ... ставь столбъ!

Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ показываетъ намъ свои часы; Спирька съ двумя рабочими копаютъ яму, а Флегонтъ Флегонтовичъ вынулъ изъ кармана футляръ съ флейтой, собралъ инструментъ, и по лѣсу далеко покатился вальсъ изъ „Корневильскихъ колоколовъ“:

„Ходилъ три раза кругомъ свѣта
И научился храбрымъ быть...“

Въ отвѣтъ на вальсъ послышался глухой выстрѣлъ изъ револьвера.

— Слава Богу, мѣсто свободно,—объяснилъ Собакинъ.—У насъ такой уговоръ былъ: если свободно—одинъ выстрѣлъ, если нѣтъ—три. Ставьте скорѣе столбъ. Ну, теперь валяй шурфы.

Развѣдочный столбъ былъ уже поставленъ, и рабочіе ставили пониже другой. Метелкинъ со Спирькой, изъ срубленной березы, устраивали живой мостикъ черезъ Причинку. Флегонтъ Флегонтовичъ самъ отмѣрялъ на землѣ квадратъ шурфа и принялся обрубать топоромъ дернъ; онъ взмахивалъ топоромъ со всего плеча и не могъ вывести прямой линіи.

Въ самый разгаръ работы, на противоположномъ берегу Причинки, въ лѣсу послышался глухой трескъ, точно шла цѣлая рота солдатъ, и затѣмъ выскочило нѣсколько рабочихъ съ лопатами и кирками. Намѣренія неожиданныхъ пришельцевъ были очевидны, и Флегонтъ Флегонтовичъ закричалъ не своимъ голосомъ:

— Стой! Мѣсто занято... Кто первый пошевелится, на мѣстѣ убью!

На этотъ вызовъ изъ приближавшейся толпы рабочихъ отдѣлился высокаго роста мужчина въ кожаной курткѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ модной шляпѣ съ двумя козырьками. Онъ подошелъ къ переходу черезъ рѣчку и, снявъ шляпу, спокойно отрекомендовался.

— Стрѣляйте... Къ вашимъ услугамъ: Серапіонъ Чесноковъ. Обращаю особенное вниманіе ваше, милостивый государь, на то, что вы, въ глухомъ лѣсу, производите угрозу съ оружіемъ въ рукахъ, что предусмотрѣно уложеніемъ о наказаніяхъ. Притомъ вы начали работу цѣлымъ получасомъ раньше, чѣмъ это назначено, за что тоже будете отвѣчать, а теперь я займу эту площадь на основаніи общихъ правилъ.

Бѣдный Флегонтъ Флегонтовичъ побѣлѣлъ отъ злости и только смотрѣлъ на оратора съ открытымъ ртомъ, какъ помѣшанный.

— Да вы... вы отъ кого?—проговорилъ онъ наконецъ, опуская безсильно руки.

— Я? Я отъ Анфусы Полихроновны Могильниковой...

— А! Такъ вы вотъ какъ... О, я знаю васъ!.. Я... я...—закричалъ Флегонтъ Флегонтовичъ какимъ-то крикливымъ голосомъ и бросился грудью защищать переходъ черезъ Причинку.—Я знаю тебя, подлеца!.. Алеутъ!.. Ребята, не пущай!.. Спирька, Метелкинъ! Братцы, это разбойникъ... это грабежъ!.. Будьте всѣ свидѣтелями...

— Эй, вы, послушайте,—спокойно продолжалъ „алеутъ“, отдавая какія-то

приказанія своимъ рабочимъ.—Кромѣ вооруженнаго нападенія, вы еще дѣлаете подлогъ: часы у васъ переведены... Притомъ вы меня оскорбили съ перваго слова. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы отвѣтите въ законномъ порядкѣ.

— Врешь, алеутъ... Это у тебя часы переведены!—оралъ Флегонтъ Флегонтовичъ, напирая грудью на незнакомца, но при послѣднихъ словахъ внезапно покатился по землѣ, точно подъ нимъ земля пошатнулась.

— Ребята, руби столбъ!..—крикнулъ алеутъ, перескакивая на нашу сторону.

За этимъ возгласомъ произошла уже настоящая свалка: наши рабочіе отчаянно защищали свой столбъ, а сподвижники алеута старались ихъ сбить съ позиціи, что̀ скоро и было исполнено, благодаря ихъ численному превосходству, да и народъ все былъ рослый, заводскій, молодецъ къ молодцу.

— Катай ихъ... валяй!—ревѣлъ Собакинъ, бросаясь на алеута въ рукопашную:—Спирька, Метелкинъ, бери его!.. дѣйствуй!..

Но взять алеута было не такъ-то просто: онъ однимъ ударомъ опрокинулъ Метелкина, а потомъ схватилъ Спирьку за горло и бросилъ прямо на землю, какъ дохлую кошку. Но Флегонтъ Флегонтовичъ было довольно искусенъ въ рукопашной и какъ-то кубаремъ бросился прямо въ ноги алеуту, свалилъ его и съ нимъ вмѣстѣ покатился по землѣ однимъ живымъ комомъ; Метелкинъ и Спирька, очувствовавшись отъ перваго афронта, схватились разомъ за барахтавшагося на землѣ алеута, который старался непремѣнно встать на колѣни.

— Что̀ же вы-то смотрите... а?!—кричалъ мнѣ Флегонтъ Флегонтовичъ, вмостившись на алеута верхомъ.—Ахъ, подлецъ... ахъ, разбойникъ! Спирька, не давай ему на четыре кости вставать... не дав...

Чесноковъ, утвердившись „на четырехъ костяхъ“, быстро поднялся на ноги и разомъ стряхнулъ съ себя всѣхъ троихъ, такъ что Флегонтъ Флегонтовичъ первымъ обратился въ бѣгство, а за нимъ побѣжалъ Метелкинъ. Я оставался попрежнему безучастнымъ зрителемъ этой немного горячей сцены, въ которой не желалъ принимать активнаго участія. Чесноковъ торжественно осмотрѣлъ поле сраженія и какъ-то добродушно проговорилъ:

— Хороши...

Затѣмъ онъ засмѣялся, досталъ изъ кармана серебряный портсигаръ и, какъ ни въ чемъ не бывало, закурилъ дешевенькую папиросу.

— Пожалуйста, будьте свидѣтелемъ всего здѣсь случившагося,—вѣжливо проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, ужъ избавьте, пожалуйста, отъ этой чести...

— Вы не имѣете права отказываться, какъ порядочный человѣкъ. Впрочемъ, эти дѣла до суда у насъ не доходятъ. Устроимъ полюбовную. А, да, кажется, еще новый конкурентъ. Да вѣдь это наипочтеннѣйшій Глѣбъ Клементьевичъ Агашковъ... Вотъ это мило!..

Дѣйствительно, пока происходила борьба Чеснокова съ Флегонтомъ Флегонтовичемъ, Агашковъ, подъ шумокъ, успѣлъ не только поставить свой развѣдочный столбъ, но уже дорабатывалъ второй, обязательный для заявки шурфъ, причемъ уже промывали въ пріисковомъ ковшѣ пробу.

— Ну, это дудки,—хладнокровно проговорилъ Чесноковъ, направляясь прямо къ благочестивому старцу.—Эй, вы, чортъ васъ возьми совсѣмъ! Это что̀ же вы дѣлаете?

— Какъ что̀ дѣлаю?—удивился, въ свою очередь, Агашковъ, немного отступая отъ прижавшагося алеута.—Вы, милостивый государь, пожалуйста, подальше, а то у васъ руки-то...

— Что руки?..

— Скоры вы на руку-то, сударь, даже оченно скоры... Вонъ какъ Флегонта Флегонтовича изувѣчили.

— Убирайтесь отсюда... сейчасъ же!.. Слышите?—грозно приказалъ Чесноковъ, принимая угрожающую позу.

— И уйду... даже сейчасъ уйду-съ, вотъ только заявочный столбикъ приспособлю.

— А я вашъ столбъ срублю!

— И рубите... потому какъ здѣсь лѣсъ, а въ городу это все разберутъ.

— Вы хотите, кажется, меня перехитрить? Ну, извините, Глѣбъ Клементьевичъ, я васъ отсюда не выпущу... Ребята, окружайте его и не выпускайте. Вотъ такъ.

Около Агашкова образовался живой кругъ, и онъ очутился какъ въ мышеловкѣ. Произошла преуморительная сцена, которая закончилась тѣмъ, что Глѣбъ Клементьевичъ, потерявъ всякую надежду пробиться сквозь окружавшую его цѣпь, смиренно усѣлся на камешекъ, а Чесноковъ въ это время собственноручно доканчивалъ развѣдку и самъ доводилъ золото въ Причинкѣ. Когда все было кончено, этотъ страшный повѣренный купчихи Могильниковой сѣлъ на верховую лошадь, попрощался со всѣми и исчезъ въ лѣсу.

— Разбойникъ... подлецъ!..—ругались въ двѣ руки Собакинъ и Агашковъ, проклиная отчаянную алеутскую башку; къ довершенію несчастья, Флегонтъ Флегонтовичъ повернулъ неловко ногу во время борьбы и теперь охалъ и стоналъ при каждомъ движеніи.

## VII.

— Надо первымъ дѣломъ въ Причинку воротиться, чтобы составить актъ и всякое прочее,—рѣшили въ голосъ Собакинъ и Агашковъ, когда немного пришли въ себя.—Мы допекемъ алеута... къ исправнику... къ губернатору пойдемъ. Разбой на большой дорогѣ... въ лѣсу... да мы всѣхъ екатеринбургскихъ адвокатовъ натравимъ на алеута.

Потерпѣвшіе ругались, какъ умѣли, и старались изобрѣсти тысячи самыхъ ядовитыхъ способовъ извести алеута. Какъ всѣ очень разсерженные люди, они не только сами вѣрили своимъ жестокимъ намѣреніямъ, но требовали непремѣнно, чтобы и всѣ другіе раздѣляли ихъ чувства. Мы съ Гаврилой Ивановичемъ сдѣлались невольными жертвами этого озлобленія и принуждены были выражать свое полное согласіе.

— Я къ губернатору, Гаврила Иванычъ...—приставалъ Собакинъ къ нашему „вожу“, который почесывалъ затылокъ и нѣсколько разъ повторялъ одну и ту же безсмысленную фразу: „ахъ, чтобъ тебя разстрѣлило!.“

— Нѣтъ, ты скажи, вѣдь мы его узломъ завяжемъ?—приставалъ Собакинъ, размахивая своими короткими руками.—У меня есть одинъ знакомый въ канцеляріи губернатора изъ поповичей и такая дока, такая дока... Вѣдь мы пропишемъ, Гаврила Иванычъ, алеуту горячаго до слезъ... а?!. Вотъ и Глѣбъ Клементьевичъ тоже...

— Обыкновенно, оборудуемъ,—благочестиво соглашался Агашковъ, разглаживая свою сѣдую бородку.—У меня тоже есть одинъ знакомый въ духовной консисторіи...

— Въ свѣтлѣющій синодъ надо бумагу подать, совѣтовалъ Гаврила Ивановичъ, дергая плечами.—Ахъ, чтобы тебя умещило... Ну, и разбойникъ!..

— А я еще раньше это предугадывалъ...—припоминалъ Флегонтъ Флегонтовичъ.—Помните? Я нѣсколько разъ говорилъ: „что это отъ Могильниковой никого нѣтъ?“ А вотъ она и объявилась... И нашла же кого послать!

— Да кто онъ такой, этотъ Чесноковъ?—спрашивалъ я, воспользовавшись маленькимъ перерывомъ, когда Флегонтъ Флегонтовичъ переводилъ духъ.

— Алеутъ-то? А чортъ его знаетъ, кто онъ такой... Всего года два какъ объявился въ нашихъ мѣстахъ. Я съ нимъ въ Верхотурьѣ въ первый разъ встрѣтился, даже разъ въ карты игралъ. Онъ тогда адвокатомъ былъ и все судился съ кѣмъ-то. Ну, парень ничего, и на разговоръ какъ по-писаному рѣжетъ. Сначала-то всѣмъ даже очень понравился, и въ хорошіе дома вездѣ принимали. Нѣкоторыя верхотурскія дамы даже очень уважали этого самаго алеута, потому, сами посудите,—дѣтина десяти вершковъ росту, любо смотрѣть. Ну, обыкновенно, мѣсто глухое, дамочкамъ это даже очень любопытно казалось этакого звѣря прикармливать, а потомъ онъ себя и оказалъ, такъ таки сразу и оказалъ—весь какъ на ладонкѣ. Именины были, и Чесноковъ тутъ же. Ну, какъ попало ему хорошенько за галстукъ, онъ и произвелъ—четверыхъ отколотилъ... Силища, какъ у медвѣдя. Двоихъ схватилъ за бороды да головами и давай другъ о дружку стучать, чуть живыхъ отняли. Чистый дьяволъ... и на руку скоръ, страсть! Какъ-то въ театрѣ въ Перми идетъ въ антрактѣ въ буфетъ, а навстрѣчу купецъ и не сворачиваетъ—алеутъ въ ухо, а купецъ, какъ яблоко, и покатился. Ужъ теперь всѣ этого алеута знаютъ и чуть что—сейчасъ подальше. А какъ онъ попалъ къ Могильниковой—ума не приложу... Такая степенная дама и вдругъ этакого молодца подсылаетъ. Вѣдь это что же такое: ножъ ему въ руки да на больную дерзу.

— Зачѣмъ же его называютъ алеутомъ?

— Всѣ такъ зовутъ, потому что въ Америкѣ, сказываютъ, жилъ гдѣ-то тамъ, у алеутовъ... Навѣрно все вретъ, только будто языкомъ про Америку, а самъ, навѣрно, изъ каторги ушелъ.

— Изъ каторги не изъ каторги, а около того,—глубокомысленно замѣтилъ Агашковъ.—Очень замашистый человѣкъ и даже, можно сказать, весьма непріятный... А ужъ откуда его добыла Могильникова—ума не приложу. Я, кажется, лучше съ медвѣдемъ въ берлогѣ переночую, чѣмъ съ этимъ алеутомъ...

Увлеченный неудержимымъ потокомъ своего гнѣва, Собакинъ совсѣмъ позабылъ, что Агашковъ чуть-чуть не отнялъ у него завѣтное мѣстечко. Объ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ онъ вспомнилъ только при нашемъ вступленіи въ Причину.

— Ну, и вы, Глѣбъ Клементьевичъ, тоже хороши, ежели разобрать...—корилъ онъ благочестиваго старца.—Я мѣстечко-то караулилъ два мѣсяца, сколько о ной водки выпилъ Спирькѣ, а вы...

— Я?.. Да вѣдь я хотѣлъ вамъ помочь, Флегонтъ Флегонтовичъ... Слышу, битва идетъ, ну, я бросился ослобонять васъ.

— А шурфы-то зачѣмъ били... а?.. Нѣтъ, ужъ не отпирайтесь лучше... Ну, да теперь все равно: дѣло пропащее. По крайней мѣрѣ, не доставайся мѣстечко Могильниковой...

— Вотъ-вотъ, это самое и есть...—вторилъ Агашковъ.—Послушайте, это что же такое... а?.. Вотъ те и разъ!

Заслонивъ рукой свои старые глаза, Агашковъ смотрѣлъ вдоль по причинской улицѣ, гдѣ у квартиры Кривоплова стояли осѣдланныя лошади и

толпились какіе-то мужики. Издали можно было узнать только нескладную фигуру долгоносаго пьяницы Парфена, который отчаянно взмахивалъ руками и разслабленно присѣдалъ. Когда мы поровнялись съ квартирой Кривополова, за ворота занимаемой имъ избы, пошатываясь, вышелъ захмелѣвшій хохолъ Середа; онъ посмотрѣлъ на насъ какимъ-то блаженнымъ взглядомъ и, покрутивъ головой, на нѣмой вопросъ Агашкова пролепеталъ: „Ой, лишечко“...

— Къ намъ, къ намъ, милостивые господа!..—выкрикивалъ косноѣзычнымъ языкомъ Парфенъ.—Тамъ Марѳа Ивановна... ихъ душа... вотъ помереть... люблю.

Мы остановились. Рожа Кривополова показалась въ окнѣ, и онъ Христомъ Богомъ умолялъ всѣхъ зайти въ избушку.

— Да что̀ вы, окаянные, тутъ дѣлаете!—журилъ Агашковъ, не рѣшаясь спуститься съ экипажа.—Добрые люди на развѣдкахъ бьются, а они вонъ гдѣ проклажаются... ахъ, вы, грѣховодники этакіе, ей-Богу, грѣховодники!..

— У насъ тутъ... ха-ха!.. Голубчикъ, Глѣбъ Клементичъ, и ты, Флегонтъ Флегонтычъ... ради Христа заходите. Я вѣдь все знаю про васъ, какъ вы тамъ съ алеутомъ воевали... ха-ха!..

Въ этотъ моментъ за ворота выкатился, какъ шаръ, толстый сѣдой Дружковъ и безъ всякихъ разговоровъ принялся стаскивать Агашкова съ экипажа за ноги. Мы всей гурьбой отправились въ избу, гдѣ слышался чей-то женскій смѣхъ и неистовый хохотъ Кривополова. Въ переднемъ углу, около стола, заставленнаго бутылками и разной походной посудой, сидѣла молодая, красивая женщина въ темномъ платочкѣ съ глазками. Ей было на видъ лѣтъ двадцать. Высокая, полная, бѣлая, съ продолговатымъ лицомъ, она дышала тѣмъ завиднымъ здоровьемъ, какое еще сохраняется только въ старинныхъ купеческихъ семьяхъ. Всего замѣчательнѣе въ этомъ красивомъ женскомъ лицѣ были сѣрые, опушенные длинными рѣсницами глаза съ поволокой и сочныя свѣжія губы, складывавшіяся сами собою въ такую хорошую улыбку, какъ умѣютъ смѣяться только настоящія красавицы.

— Вотъ кого намъ Богъ послалъ...—хрипѣлъ Кривополовъ, указывая толстыми пальцами прямо на свою гостью.—Ну-ка, Глѣбъ Клементичъ, угадай, кто такая будетъ... а?.. И не думай лучше, все равно не угадаешь... Вотъ такъ красота—сейчасъ въ рамку да подъ стекло.

— Ужъ вы, Пилъ Ефремычъ, и скажете...—немножко кокетливо проговорила красавица и сейчасъ же вся застыдилась.—А я васъ, Глѣбъ Клементичъ, даже очень хорошо помню, вотъ и Флегонта Флегонтовича тоже.

— Матушка ты наша... ягодка...—говорилъ сѣдой Дружковъ, припадая своей одутловатой сыромятной рожей къ ручкѣ Марѳы Ивановны.

Агашковъ и Флегонтъ Флегонтовичъ переглянулись, не зная, какъ себя держать съ Марѳой Ивановной. Лицо Агашкова такъ и просвѣтлѣло—старичокъ любилъ красивыхъ женщинъ, но, съ другой стороны, можетъ, какая-нибудь переряженная арфистка...

— Ну, ну! Чего вы медвѣдями-то стоите!..—кричалъ Кривополовъ.—Небось, Ивана-то Семеныча Семиквасова помните? Еще гурты въ степь гонялъ... Ну, онъ-то, Иванъ-то Семенычъ, значитъ, померъ, водочкой зашибалъ покойникъ, крѣпко зашибалъ напослѣдяхъ, а это, значитъ, его дочь, Марѳа Ивановна...

— Да какъ вы къ намъ въ лѣсъ-то, въ этакую трущобу попали, Марѳа Ивановна?—спросилъ Агашковъ, долго удерживая въ своихъ рукахъ мягкую, полную ручку Марѳы Ивановны.—Да, гдѣ тутъ узнать... Я васъ видѣлъ еще такой махонькой, по десятому годку. Еще пряниковъ привозилъ... Можетъ, помните?

— Какъ же, я васъ сразу узнала,—пѣвуче отвѣтила Марѳа Ивановна и съ ласковой улыбкой смотрѣла прямо въ глаза таявшему старичку.

— Вотъ и отлично, что помните... Ну, а теперь-то гдѣ же мнѣ узнать васъ, вонъ какая раскрасавица выросла... хе-хе! Только все-таки какъ же это вы къ намъ-то въ лѣсъ-то попали... а?.

— Я съ Серапіеномъ Михалычемъ...—отвѣтила Марѳа Ивановна, замѣтно смутившись.—Онъ насчетъ развѣдки, отъ Могильниковой, а я съ нимъ вездѣ ѣзжу, потому однихъ Серапіена Михалыча никакъ невозможно отпускать, при ихъ неукротимомъ характерѣ.

Марѳа Ивановна такъ и говорила: „характеръ", „Серапіенъ Михалычъ", но у нея и этотъ недостатокъ превращался въ достоинство, потому что какъ нельзя больше подходилъ къ платочку съ глазками и простенькому шерстяному платью купеческаго покроя.

— Вы тоже по золоту?—ласково спрашивала меня Марѳа Ивановна, когда первый взрывъ восторговъ прошелъ.

— Нѣтъ, я такъ... на охоту пріѣхалъ.

Марѳа Ивановна отнеслась недовѣрчиво къ моей охотѣ и только едва замѣтно вздохнула. Мнѣ казалось, что я гдѣ-то ее встрѣчалъ—лицо было такое знакомое, и голосъ, и глаза, но гдѣ? Да и сама Марѳа Ивановна отнеслась ко мнѣ, какъ къ старому знакомому.

— А вѣдь Марѳа Ивановна у насъ гоститъ на отлетѣ,—объяснялъ Кривополовъ, утирая свою калмыцкую образину фуляровымъ платкомъ.—Угадай-ка, Глѣбъ Клементьичъ, куда она собралась!

— Какъ, уѣзжаетъ?—удивился благочестивый старецъ, но, взглянувъ на гостью, онъ только улыбнулся и, потирая руки, своимъ ласковымъ голосомъ проговорилъ:—А мы не пустимъ Марѳу Ивановну... ей-Богу, не пустимъ. Такой веревочкой привяжемъ, что и сама не поѣдетъ... хе-хе!..

— Нѣтъ, я скоро уѣду... далеко уѣду,—съ легкимъ вздохомъ проговорила Марѳа Ивановна, ласково улыбаясь.—Такъ далеко, что думать-то страшно... я вѣдь съ Серапіеномъ Михалычемъ; куда они, туда и я...

— Въ Америку ѣдетъ Марѳа-то Ивановна наша,—объяснилъ Кривополовъ и какъ-то особенно глупо захохоталъ:—Чесноковъ въ Калифорнію собирается золото искать...

Всѣ недовѣрчиво переглянулись.

— Я и выговорить-то это слово не умѣю, куда Серапіенъ Михалычъ собираются уѣзжать,—объясняла Марѳа Ивановна, въ свою очередь.—А только непремѣнно уѣдемъ... Вы чему это смѣетесь, Глѣбъ Клементичъ? Вѣдь Серапіенъ Михалычъ такой человѣкъ: что̀ захотятъ, то и сдѣлаютъ. Они ужъ такіе... особенные совсѣмъ. Вы не смѣйтесь, Глѣбъ Клементичъ.

— Я-съ? Помилуйте, Марѳа Ивановна... ужъ на что особеннѣе Серапіона Михалыча. Вотъ хоть Флегонта Флегонтовича спросите, хе-хе! А что̀ касательно Америки тамъ, такъ что̀ же—сторона хорошая, и даже въ газетахъ я какъ-то про нее читалъ. Хорошая сторона, прямо сказать, только далеконько маленько будетъ, ну, да Серапіону-то Михалычу это сущій пустякъ-съ... Я только такъ про себя думаю, какъ же вы, Марѳа Ивановна, насчетъ своихъ сродственниковъ? Тоже вѣдь жаль бросить своихъ-то, свою-то кровь, а тамъ, на чужой-то сторонѣ, еще что̀ Богъ подастъ.

— Нѣтъ, я ужъ рѣшила,—ласково и упрямо повторяла Марѳа Ивановна, опуская глаза:—куда Серапіенъ Михалычъ—и я съ ними... А сродственники... тетка есть да дядя, ну, они отъ меня отказались, какъ я съ Серапіеномъ Михалычемъ познакомилась, потому что я... я вѣдь и теперь невѣнчанная.

Послѣднее слово Марѳа Ивановна произнесла съ замѣтнымъ трудомъ и даже поблѣднѣла.

— Охъ, не намъ судить, старикамъ...—ласковымъ шопотомъ заговорилъ Агашковъ, дѣлая благочестивое лицо.—Всѣ грѣшны да Божьи, и дѣвать насъ некуда... А вы, голубушка, еще молоды: замолите грѣхъ. Да оно по нонѣшнимъ временамъ это даже сплошь и рядомъ пошло, что невѣнчанные живутъ, да еще какъ живутъ—лучше вѣнчанныхъ. Это прежде строгость была большая насчетъ браку, а по нонѣшнимъ слабымъ временамъ и разобрать-то не можешь, гдѣ грѣхъ, гдѣ спасеніе. Другая и вѣнчанная жена, а даже назвать ее не знаешь какъ... Нѣтъ, не судите, да не судимы будете. Такъ вѣдь, Нилъ Ефимычъ?—обратился въ заключеніе своей назидательной рѣчи Глѣбъ Клементьевичъ къ Кривополову.

Появленіе женщины какъ-то сразу измѣнило картину жизни въ Причинѣ, точно ворвавшійся въ комнату лучъ свѣта. Не говоря уже о Кривополовѣ и Дружковѣ, которые забыли даже о развѣдкѣ изъ-за Марѳы Ивановны, всѣ остальные обыватели почувствовали, что случилось что-то такое, что̀ прекратило разомъ прежнее пьяное безобразіе. Вмѣсто составленія протокола и прочихъ громовъ, долженствовавшихъ обрушиться на отпѣтую башку Ческокова, Собакинъ и Агашковъ бесѣдовали въ квартирѣ Кривополова самымъ благочестивымъ образомъ. Особенно хорошъ былъ Глѣбъ Клементьевичъ, точно просіявшій всѣмъ своимъ старческимъ благообразіемъ; присутствіе свѣжей молоденькой женщины наполнило его до самыхъ краевъ самыми благочестивыми и душеполезными помыслами, которыми онъ спѣшилъ подѣлиться съ Марѳой Ивановной. Эти медоточивыя рѣчи заставили расчувствоваться даже такого безповоротно испорченнаго грѣшника, какъ старый Дружковъ, безобразничавшій напропалую по всѣмъ градамъ и весямъ.

— Подлецы мы всѣ... это ты правильно, Глѣбъ Клементичъ!—рѣшилъ Дружковъ, чувствуя себя совсѣмъ „на точкѣ“.—Ужъ какая наша пріисковая жизнь... Охъ-хо-хо!.. Марѳа Ивановна, искушали бы съ нами хоть хереску или мадерцы... а?..

Этотъ непростительный переходъ отъ раскаянія къ мадерцѣ шокировалъ всѣхъ, и Кривополовъ тихонько дернулъ Дружкова за рукавъ, такъ что сконфуженный старикъ неловко замолчалъ на полусловѣ.

Пока мы пили чай, который разливала Марѳа Ивановна, подъ окнами нашей избы нѣсколько разъ мелькали усатыя, забубенныя головы „отставныхъ“ и „бывшихъ“, вернувшихся съ развѣдки въ Причину неизвѣстно зачѣмъ. И этихъ людей, выкинутыхъ за бортъ жизнью, тоже интересовало таинственное появленіе въ глуши причинскихъ лѣсовъ таинственной женщины. Прохаживаясь подъ окнами квартиры Кривополова, они, вѣроятно, припоминали свои лучшіе дни, когда и имъ улыбались красивыя и молодыя женщины.

Не дождавшись, когда кончится затянувшая бесѣда, я вернулся на квартиру, въ избу Спирьки, одинъ. Послѣ безсонной тревожной ночи долилъ мертвый сонъ. Но въ Спирькиной избѣ мнѣ не удалось отдохнуть, потому что тамъ стоялъ дымъ коромысломъ—очевидно, тамъ „руководствовали“ вернувшіеся съ работы „вожи“ и проводники; по крайней мѣрѣ, можно было отлично различить голоса самого Спирьки, долгоносаго Парфена, Силантія и другихъ. Я пробрался прямо въ сарай, выбралъ уголокъ съ остатками сѣна и трухи и, завернувшись въ пледъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спится только послѣ долгаго шатанья по лѣсу.

Когда я проснулся, день уже былъ на исходѣ. Солнце висѣло подъ самымъ горизонтомъ, и красноватые лучи заката врывались сквозь щели ды-

рявой крыши пыльными полосами. Свѣжесть весенняго вечера давала себя чувствовать, но послѣ долгаго, крѣпкаго сна не хотѣлось шевельнуть пальцемъ, а такъ лежалъ бы безъ конца съ открытыми глазами и думалъ безъ конца пеструю полосу плывшихъ въ головѣ мыслей. Это чисто-созерцательное настроеніе испытывается только въ полномъ одиночествѣ, когда знаешь, что никто тебя не потревожитъ, и наслаждаешься даже этимъ сознаніемъ. Лежа на сѣнѣ, я долго наблюдалъ игру свѣта и тѣни на покосившейся стѣнѣ сарая, по стрѣхамъ и прогнившимъ драницамъ, точно солнечные лучи дѣлали самую тщательную ревизію недвижимой собственности Спирьки.

— Ладно она ихъ приклеила...—слышался голосъ Гаврилы Ивановича.— Диво бы еще Кривополовъ или Дружковъ, а то и Глѣбъ Клементичъ туда же... Да и нашъ-то хорошъ тоже, нечего сказать. Хотѣли суды судить съ тѣмъ, съ дьяволомъ, а замѣсто того цѣльный день проклажаются, и полицейскіе тамъ же прилипли.

— А Глѣба-то Клементича видѣлъ?—сдержаннымъ полушопотомъ спрашивалъ другой незнакомый голосъ съ легкой хрипотой.—Глазки-то такъ и бѣгаютъ, какъ по маслу, а самъ все насчетъ души... прокуратитъ старичонка, ужъ это вѣрно. Ужъ такой онъ охотникъ до гладкихъ бабъ, такой охотникъ... Очень даже я его знаю: ни одной не пропуститъ.

— Молитвенный старичокъ, а грѣхъ-то за плечами,—глубокомысленно замѣтилъ Гаврила Ивановичъ, аппетитно зѣвая.—Откедова она взялась-то, эта самая Мароа Ивановна?..

Наступила длинная пауза. Слышно было только, какъ кто-то осторожно зѣвалъ въ руку и что-то бормоталъ.

— А я вѣдь ее, Мароу-то Ивановну, даже весьма хорошо знаю... да-а!..— протянулъ незнакомый голосъ.—Вѣрно говорю... Даже случай былъ со мной, то-есть касательно этой самой Мароы Ивановны. Можетъ, я, Гаврила Иванычъ, и пью-то съ этого самаго случая... да-а... вотъ те Христосъ! Какъ даве услышалъ, что она въ Причинѣ—у меня инда руки и ноги затряслись со страху. Очень испугался даже...

— Да чего тебѣ бояться-то, чучело гороховое?

— Себя боюсь, Гаврила Иванычъ, сердце дрожитъ... это тоже понять надо. А самъ думаю: „не пойду я къ ней на глаза—и конецъ тому дѣлу"... Ей-Богу!.. Потому какъ эта самая Мароа Ивановна хуже мнѣ погибели... Смерть она мнѣ, вотъ что!

Этотъ разговоръ меня заинтересовалъ. Добравшись до стѣны, въ широкую щель между осѣвшими бревнами я увидѣлъ на дворѣ Спирьки такую картину: Гаврила Ивановичъ лежалъ въ нашемъ коробкѣ, закинувъ ноги на облучокъ, а на облучкѣ, скорчившись, сидѣлъ Метелкинъ. Онъ былъ въ своемъ порыжѣвшемъ плисовомъ пиджакѣ и въ красномъ шарфѣ; блѣдное чахоточное лицо было покрыто розовыми пятнами, и черные большіе глаза сегодня казались еще больше. Кажется, Метелкинъ былъ сильно съ похмелья и онъ съ особеннымъ ожесточеніемъ курилъ крючокъ махорки, постоянно сплевывая на сторону.

— Вѣдь я у родителя-то Мароы Ивановны еще въ мальчикахъ выросъ. Тогда Иванъ Семенычъ гурты гоняли изъ-подъ Семипалатинска... Ну, а я былъ круглымъ сиротой, вотъ онъ и взялъ меня къ себѣ. При его-то дѣлѣ съ мальчикомъ способнѣе, послать, прибрать, записку написать и всякое прочее. Благодѣтелемъ моимъ былъ, и пожаловаться на него не могу, разѣ подъ пьяную руку неукротимъ на руку былъ, потому мужчина изъ себя цѣлая сажень, рука, какъ пудовая гиря, ну, кровь-то въ немъ какъ заходитъ, тогда

ужъ никто не попадайся на глаза—разнесетъ въ щепы. Эти гуртовщики какъ-то всѣ на одну колодку—чистые лѣшіе... Зиму жили мы въ городѣ и съ весны въ степь уѣзжали, такъ я въ степи и выросъ. Ну, какъ я выросъ, большой сталъ совсѣмъ, Иванъ Семенычъ даже женить меня собирался, а это вина я въ тѣ поры въ ротъ ни капли... Хорошо. Только у Ивана-то Семеныча и умри ихняя супруга; ну, онъ съ горя-то и принялся чертить, а на рукахъ дочь маленькая. Онъ ее любилъ до смерти и съ собой вездѣ возилъ. Тогда Мареа Ивановна была такъ годку по девятому, а мнѣ шестнадцать. Я съ ней и водился, когда Иванъ Семенычъ чертилъ... Сильно онъ закладывалъ, недѣли по двѣ не въ своемъ видѣ бывалъ, ну, скучно въ другой разъ въ степи-то, одурь возьметъ, вотъ съ дѣвчонкой и возишься. Ну, а тутъ и случай подошелъ... Въ отца вся вышла Мареа Ивановна—рослая, полная, какъ холмогорская телка, а въ четырнадцать лѣтъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ, кровь съ молокомъ дѣвка, однимъ словомъ... Хорошо. И ко мнѣ она привыкла, какъ къ брату... Хорошо. Веселая была... Ну, однажды ночью Иванъ Семенычъ спитъ у себя въ палаткѣ пьяный, а мы съ Мареенькой у огонька сидимъ да глупости разныя болтаемъ... А надо тебѣ сказать, что я еще раньше замѣтилъ, что стала Мареенька немножко какъ будто задумываться, даже изъ себя вся потемнѣетъ. Ну, думаю, нездоровится дѣвкѣ, мало ли что̀ бываетъ женскимъ дѣломъ... Хорошо. А тутъ вдругъ такъ разыгралась, и глазенки потемнѣли, а сама, какъ котенокъ, такъ и играетъ... Ну, болтали мы, болтали, а Мареенька какъ схватитъ меня за шею, обняла, да какъ поцѣлуетъ прямо въ губы, крѣпко такъ... Меня какъ обухомъ по головѣ, точно обожгло по сердцу, и свѣтъ изъ глазъ выкатился... Сижу это дуракомъ и смотрю на нее, а самъ ничего не понимаю... А она смотритъ на меня и смѣется... „Что̀ вы, Мареа Ивановна, дѣлаете со мной? — говорю я — тятенька проснется—бѣда... А она мнѣ:“ „Никого я не боюсь, Вася, потому что люблю тебя... а тятеньки не боюсь“.

— Вотъ такъ дѣвка...—изумился Гаврила Иванычъ.—Четырнадцати лѣтъ, говоришь, была? Экая охаверница...

— Нѣтъ, ты это напрасно,—вступился Метелкинъ, бросая окурокъ.— Эта Мареа Ивановна совсѣмъ особенная женщина... Вонъ какая она изъ себя-то, дерево деревомъ, вся въ тятеньку родимаго. Кровь въ ней, значитъ, поднялась... А какъ это она тогда сказала мнѣ: „Вася“... Ну, да что̀ ужъ тутъ говорить.

— Обнаковенно... Только я думаю такъ, что не чисто тутъ дѣло, не безъ дьявольскаго навожденія. Христіанской душѣ прямая погибель черезъ этихъ самыхъ бабъ...

— И я то же самое думаю, Гаврила Иванычъ, то-есть послѣ-то, когда очувствовался, въ разумъ пришелъ, потому эта сама Мареенька совсѣмъ вѣдь еще дитей была и разныхъ предметовъ не могла даже понимать. И смѣлость въ ней эта самая—чистый бѣсъ, а не дѣвка.

— Чѣмъ же это у васъ кончилось?

— Да оно, пожалуй, и теперь не кончилось... Видѣлъ вѣдь я сегодня Мареу-то Ивановну... узнала меня... улыбнулась по-своему, а у меня мурашки по спинѣ, захолонуло на душѣ... и опять: „Вася, такой-сякой... зачѣмъ пьешь?“... Ну, разное говорила. Смѣется надъ стариками, которые увязались за ней. И про своего орла сказывала... обошелъ ее, несъ, кругомъ обошелъ; какъ собачка, бѣгаетъ за нимъ. Понимаешь: себя совсѣмъ потеряла.

— Да и парень: чистякъ... Ну, такъ она чего тебѣ-то говорила?

— Говорила, что уѣдетъ въ Америку, только это пустое... Ужъ это вѣрно. Агашковъ увязался за Мареой Ивановной и не пуститъ. Крѣпкій ста-

ричокъ... я его даже очень хорошо знаю. Характеръ тоже у него... Марѳа-то Ивановна теперь, конечно, смѣется, а только она по своему женскому разуму совсѣмъ даже не понимаетъ людей. Думаетъ, что лучше нѣтъ ея-то Серапіена Михалыча, а еще бабушка надвое сказала...

— Послушай-ка, Вася,—остановилъ Гаврила Иванычъ:—а вѣдь ты мнѣ не обсказалъ еще своего-то случая, чѣмъ у васъ дѣло тогда кончилось.

Метелкинъ долго не отвѣчалъ, дѣлая новый крючокъ.

— Да чѣмъ кончилось—обнаковенно... тоже и я живой человѣкъ, совсѣмъ ума рѣшился. Какъ ночь, отецъ пьяный спитъ, а Марѳа Ивановна ко мнѣ... Жаль мнѣ было ее загубить, ну, какіе еще ея годы—четырнадцать лѣтъ, а она пристаетъ, покою нѣтъ. Ну, и слюбились... Думаю я, что женюсь на Марѳенькѣ, потому какъ на отчаянность пошелъ... Обнаковенно, въ ноги родителю, а тамъ что̀ будетъ. Ежели, думаю про себя, Иванъ Семенычъ меня по шеѣ, такъ я или Марѳеньку выкраду у него, или себя порѣшу. И сдѣлалъ бы, все сдѣлалъ бы... отчаянность тогда во мнѣ одна была, да и Марѳенька все подучивала, какъ и отцу объявиться и всякое прочее. Ну, а вышло совсѣмъ не по-нашему... Выбрали мы денекъ, когда Иванъ-то Семенычъ совсѣмъ трезвый былъ; пріодѣлся я, помолился Богу и пошелъ въ палатку, а сердце такъ и бьется, какъ птица. Вхожу. Иванъ Семенычъ на счетахъ прокладываетъ, посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ: „Ну, что̀, Вася? Чего ты изъ лица-то ровно выступилъ, ужъ здоровъ ли?“ Добрый онъ былъ, ежели въ своемъ видѣ, ну, а тутъ этой своей добротой точно онъ придавилъ меня, какъ плитой придавилъ. Ужъ я и тутъ почуялъ, что не ладно дѣло... Ну, сотворилъ я про себя молитву, да прямо въ ноги Ивану Семенычу и объявилъ начисто: все, какъ на ладонкѣ, выложилъ. Думаю, разнесетъ онъ меня, раздавитъ, какъ щепку, а Иванъ-то Семенычъ сидитъ да только вздыхаетъ... „Ну, говоритъ, Вася, заплатилъ ты мнѣ за мое добро, что я тебя, какъ родного сына, воспиталъ... Не къ тому, говоритъ, молвлю, чтобы коритъ тебя кускомъ хлѣба, а къ тому, что безъ всякой совѣсти ко мнѣ пришелъ. Бога ты забылъ, Вася... Я на тебя, говоритъ, и сердиться не могу, потому совсѣмъ ты меня раздавилъ своей превеликой подлостью, а только, говоритъ, скажу тебѣ одно: Марѳа Ивановна—такъ и назвалъ ее Марѳой Ивановной—сама свою женскую глупость износитъ, а только я тебѣ живую ее не отдамъ—прокляну. Вотъ тебѣ, говоритъ, мой первый и послѣдній сказъ, и даже, говоритъ, весьма мнѣ за тебя совѣстно, что ты еще со своей подлостью смѣлъ явиться ко мнѣ на глаза“. Ну, какъ онъ это выговорилъ, а самъ помутнѣлъ весь и слезы у него на глазахъ, такъ я и утонулъ... зарѣзалъ онъ меня своей кротостью.

Метелкинъ перевелъ духъ и покачалъ головой, точно она была налита свинцомъ.

— Съ Марѳой-то Ивановной онъ все-таки по-свойски раздѣлался—и за косу и всякое прочее, потому, какъ я, говоритъ, за свою кровь отвѣтъ долженъ Богу дать. А Марѳа Ивановна свое... Бились мы, бились, а черезъ родительское проклятіе не посмѣли переступить, да и женихъ подвернулся къ Марѳѣ Ивановнѣ. Потомъ вышла она замужъ, только, какъ слухи пошли, нехорошо жила съ нимъ, то-есть онъ-то ее обижалъ за ея провинность. А я по пріискамъ пустился, пировалъ, безобразничалъ... Видалъ ее издалека, только подойти боялся. Ну, а теперь вотъ она съ Серапіеномъ Михалычемъ ушла отъ мужа... Все мнѣ разсказала, а сама плачетъ. „Сняли, говоритъ, Серапіенъ Михалычъ съ меня мою волю...“

— Шш... хозяинъ идетъ,—предупредилъ Гаврила Иванычъ и зашипѣлъ опять, какъ сторожевой гусь.

Флегонтъ Флегонтовичъ возвращался на свою квартиру нетвердыми ногами, что-то бормоталъ про себя, улыбался и размахивалъ руками. Пробравшись въ избу, онъ сунулся на лавку и сейчасъ же заснулъ. Теперь я отлично припомнилъ мельчайшія подробности своей встрѣчи съ Марѳой Ивановной. Это было на большомъ сибирскомъ трактѣ, гдѣ на станціи мнѣ пришлось ждать лошадей чуть не цѣлый день. На эту же станцію привезли и Ивана Семеновича, который былъ не въ своемъ видѣ; его сопровождала Марѳенька. Въ этой дѣвочкѣ, развитой физически не по лѣтамъ, меня поразило совершенно особенное выраженіе глазъ, которое уже говорило о „пониманіи разныхъ предметовъ“.

---

Осенью встрѣчаю Флегонта Флегонтовича въ Екатеринбургѣ.

— Какъ ваше дѣльце?—спрашиваю.

— Какое?

— А съ Причиной?

— Ахъ, да... Знаете, тутъ вышло маленькое недоразумѣніе. Наше мѣстечко и теперь спорнымъ считается, такъ никому и не досталось... Помните алеута-то? Вѣдь его тогда Спирька Косой подвелъ... а Спирьку подкупилъ Агашковъ, а Агашковъ... Марѳа-то Ивановна теперь у Агашкова живетъ. Да-съ... И лучше: старичокъ-то не надышится на ее, ну, бабенка молоденькая, по крайней мѣрѣ, отдохнетъ, а то алеутъ-то ее чуть-чуть до смерти не изуродовалъ. И какъ ловко алеута поддѣлъ Глѣбъ-то Клементичъ... хе-хе!.. Угожденьемъ донялъ молодца, въ лоскъ его споилъ, а потомъ и Марѳу Ивановну перетянулъ за себя... Славная бабочка. Какъ-нибудь поѣдемте къ ней чай пить... Не хотите? Ну, какъ знаете, про себя вамъ лучше знать!

— А гдѣ вашъ приказчикъ Метелкинъ?

— Метелкинъ? Бѣдняга, приказалъ вамъ долго жить... И чортъ его знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось послѣ этой самой золотой ночи—совсѣмъ задурилъ парень: началъ пить, безобразія всѣмъ строилъ... И представьте себѣ, на чемъ человѣкъ можетъ помѣшаться: увязался за Марѳой Ивановной. Ей-Богу!.. Положимъ, что онъ ее зналъ еще дитей, ну, а все-таки, согласитесь сами, даже смѣшно: Марѳа Ивановна и Метелкинъ. Конечно, она его жалѣла по своей добротѣ и прощала разныя глупости, а когда онъ хворалъ—даже сама навѣщала его, но вѣдь это совсѣмъ не то-съ. Скоротечная чахотка у Метелкина открылась и въ двѣ недѣли его скрутила.

— А гдѣ теперь алеутъ?

— А кто его знаетъ: исчезъ и только. Много у насъ такихъ-то.

Результаты „золотой ночи“ окончательно выяснились только осенью, когда были утверждены произведенныя заявки. Собственно, по рѣкѣ Причинкѣ самые лучшіе куски остались спорными, а остальное было разобрано Агашковымъ, Кривополовымъ, Куномъ и прочей прожорливой и добычливой братіей... Флегонтъ Флегонтовичъ остался на бобахъ и теперь мечтаетъ о какомъ-то завѣтномъ мѣстечкѣ на рѣкѣ Чусовой, которое ему обѣщалъ предоставить самый наивѣрнѣйшій человѣчекъ.

---

# ХИЩНАЯ ПТИЦА.

Разсказъ.

## I.

Погоня висѣла уже на хвостѣ. Слышенъ былъ топотъ приближавшейся бѣшеной скачки. По ходу догонявшей лошади старикъ догадался, что кучеромъ у ревизора сидитъ Исайка,—такъ никто не проѣдетъ на сто верстъ.

— Охъ, смертынька!—причитала толстая, закутанная въ платки женщина, со страхомъ оборачиваясь назадъ.—Охъ, у смерти конецъ!

— Молчи!—крикнулъ на нее старикъ, посылая лошадь однимъ движеніемъ вожжей.—Поменьше бы ѣла пироговъ, такъ въ жисть не догнать бы Исайкѣ...

Женщина покорно замолчала. Висѣвшая надъ головой опасность совершенно сгладила всякую разницу между хозяйкой и кучеромъ. Моментъ былъ рѣшительный, и каждая минута могла погубить.

Спасеніе появилось неожиданно, т.-е. неожиданно для нея, а не для него. Топотъ по мерзлой дорогѣ былъ уже совсѣмъ близко, лошадь начинала сдавать, но именно въ этотъ моментъ попалась „розстань", т.-е. дорога раздѣлилась, какъ въ сказкѣ, на три и, какъ въ сказкѣ, старикъ направилъ свою кошовку по средней, на которой путнику „не видать ни коня ни головы". Проѣхавъ саженъ двѣсти, старикъ остановилъ лошадь.

— Ну, Марья Митревна, за родительскія молитвы ты ущитилась,—проговорилъ старикъ, слѣзая съ облучка.

— И то, Акинтичъ, душенька вонъ...

Акинтичъ, худенькій старичокъ съ козлиной бородкой и глубоко посаженными темными глазками, снялъ шапку, чтобы удобнѣе прислушаться, пожевалъ губами и засмѣялся.

— Эхъ, Исайка, Исайка, далъ маху!—точно съ сожалѣніемъ проговорилъ онъ, надѣвая шапку.—Ужъ онъ ли, песъ, не знаетъ дорогъ въ лѣсу, а ударилъ налѣво—думаетъ, мы на Колчеганъ махнемъ, къ Елисѣю Иванычу... Хе-хе!

Марья Митревна, охваченная страхомъ погони, съ ужасомъ оглядывалась все назадъ, и ей было непріятно, что Акинтичъ смѣется. Нашелъ тоже время... Старикъ переподсасался, поправилъ чересѣдельникъ, вытеръ полой шубы покрытыя куражкомъ ноздри тяжело дышавшей лошади и заворчалъ на нее:

— Ишь, какъ жиръ-то тебя донимаетъ, купчиху. На восьми верстахъ задохлась, толстомордая. Ужо вотъ я тебя выучу...

Несмотря на пятнадцатиградусный холодъ, лошадь вся дымилась, точно

выскочила изъ бани. Она, дѣйствительно, была закормлена и едва дышала, раздувая крутые бока и мотая головой. Акинтичъ потрепалъ ее по крутой шеѣ, еще разъ оправилъ сѣделку и началъ поворачивать.

— Ты это куда, Акинтичъ?—воскликнула Марья Митревна.

— А домой...—спокойно отвѣтилъ старикъ.—Пусть теперь ревизоръ насъ по всѣмъ дорогамъ ищетъ, а мы домой потихоньку поѣдемъ. Какъ разъ къ самому чаю выворотимся... Савва Ермилычъ, поди, заждался.

Старикъ опять засмѣялся и прибавилъ:

— Недаромъ, видно, сказано, что у погони сто дорогъ, а у вора одна дорога... Хе-хе!..

— Перестань молоть,—хозяйскимъ топомъ обрѣзала его Марья Митревна.—Охъ, только бы Господь пронесъ... Кажется, ужъ ничего бы не пожалѣла...

„Какъ же, не пожалѣешь... Разговаривай!—думалъ Акинтичъ, взмащиваясь на облучокъ.—Топулъ—топоръ сулилъ, вытащили—топорища жаль".

Теперь опасность миновала, и старикъ нарочно ѣхалъ тише, чтобы позлить хозяйку. Домой-то пріѣдетъ гроза грозой, а теперь—вся въ его рукахъ. Вотъ ужъ обрадуетъ Савву Ермилыча, какъ воротится живехенька.

Дорога шла ельничкомъ. Деревья были точно обложены ватой,—зима была снѣжная, какой старики не запомнили. Начинало уже смеркаться. На случай встрѣчи съ кѣмъ—совсѣмъ хорошо. Развѣ лошадь только признаетъ... Потомъ мягкими хлопьями повалилъ снѣгъ—еще того лучше.

Марья Митревна пріободрилась и даже ткнула Акинтича кулакомъ въ спину.

— Ты это что̀ дремлешь-то, разиня?!

Акинтичъ сразу почувствовалъ себя старымъ вѣрнымъ рабомъ и точно сдѣлался меньше. А какъ онъ давеча-то зыкнулъ на нее, на Марью Митревну. Охъ, что̀ только и будетъ!..

Когда кошовка подъѣзжала къ Октайскому заводу, было уже совсѣмъ темно. Издали дома̀ рисовались совсѣмъ неясно, и только яркими всполохами свѣтилась фабрика.

— Слава тебѣ, истинному Христу!—вслухъ молилась Марья Митревна, когда кошовка быстро полетѣла по широкой заводской улицѣ.

Въ избахъ уже зажигались огни. Навстрѣчу попалась управительская пара, но кучеръ, видимо, не узналъ Акинтича, который, на случай, отвернулся. Переѣхали плотину, которой перехвачена была рѣка Октай, поднялись немного въ гору, гдѣ стояли дома заводскихъ служащихъ, и повернули направо. Лошадь сама повернула къ большому полукаменному двухъэтажному дому и остановилась у деревянныхъ воротъ, выкрашенныхъ въ сѣрую краску. Акинтичъ соскочилъ горошкомъ, постучался у калитки и крикнулъ:

— Эй, ты, старый глухарь, шевелись!

Послышались торопливые шаги, сопровождаемые старческимъ кряхтѣньемъ, грянулъ желѣзный запоръ, ворота распахнулись, открывая широкій дворъ, обставленный со всѣхъ сторонъ службами и домовыми пристройками. Огонь былъ только въ кухнѣ да на верху, въ кабинетѣ. Съ улицы въ домъ хода не было, и онъ походилъ на крѣпость.

— Ну, слава Христу...—какъ-то вся охнула Марья Митревна, вылѣзая изъ кошовки съ большимъ трудомъ.

Она оглядѣлась кругомъ и только потомъ достала изъ кошовки зарытый въ сѣнѣ кожаный мѣшокъ и съ трудомъ дотащила его къ заднему кухонному крыльцу. Акинтичъ проводилъ ее глазами до дверей и сердито отплюнулся.

„Эхъ, надо бы ее было поучить!—думалъ онъ, укоризненно качая головой.— Кабы левизоръ-то накрылъ даве, такъ и по судамъ бы натаскалась и въ острогѣ бы насидѣлась. Жадна больно...“

Марья Митревна прошла въ кухню, гдѣ ее уже ждала стряпка съ заспаннымъ лицомъ. Она не успѣла выскочить навстрѣчу хозяйкѣ и смущенно ухватилась за кожаный мѣшокъ.

— Оставь, дура!..—обругала ее Марья Митревна, не давая мѣшка.

Собственно, жили только въ нижнемъ этажѣ, въ маленькихъ, заставленныхъ мебелью комнатахъ, а верхъ служилъ только для парадныхъ случаевъ и стоялъ пустой. Марья Митревна прошла къ себѣ въ спальню, сунула свой мѣшокъ въ уголъ, раздѣлась при помощи стряпки и приказала:

— Позови сюда Акинтича.

Марья Митревна была еще не стара, но ее портила купеческая брюзглость. Лицо совсѣмъ заплыло, хотя еще и сохранились слѣды недавней красоты въ русскомъ стилѣ. Одѣвалась она по-купечески, а на головѣ носила черную шелковую „головку“. Въ манерѣ говорить и держать себя чувствовалась привычка быть деспотомъ. Это чисто-сибирская черта, потому что въ Сибири громадныя торговыя фирмы очень нерѣдко управляются женщиной, особенно въ раскольничьихъ промышленныхъ семьяхъ, а въ купечествѣ наособицу, если у жены свой собственный капиталъ.

Акинтичъ торопливо раздѣлся въ кухнѣ и, потряхивая своей маленькой головкой, пошелъ въ спальню къ „самой“. Старикъ былъ такой худенькій и жалкій, когда остался въ одномъ полукафтанѣ.

— Ну, что̀ скажешь, старый чортъ?—встрѣтила его Марья Митревна на порогѣ.—Я ужъ думала, ты меня ударишь...

— Дѣло-то такое, Марья Митревна... Виноватъ,—бормоталъ Акинтичъ, поводя костлявыми плечами.—Значитъ, надо тоже понимать, а твоя женская часть...

— Ладно, я съ тобой еще поговорю...

Она ушла въ спальню и вернулась со стаканомъ водки.

— Вотъ на̀, выпей... Тоже, поди, напужался. Да... Выпей да помни, ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

— Охъ, матушка, Марья Митревна, да руби меня топоромъ—не пикну. Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Марья Митревна сунула ему за труды гривенникъ и велѣла убираться. Не такъ бы она разсчиталась съ нимъ, ежели бы не нужный человѣкъ... Акинтичъ жилъ при домѣ съ испоконъ вѣку и давно сдѣлался своимъ человѣкомъ, отъ котораго не было тайнъ. Очень ей хотѣлось сорвать на немъ сердце, но ужъ дѣло такое подошло. Собственно, испугалась по-настоящему Марья Митревна только сейчасъ, и ей живо нарисовалась картина, какъ ревизоръ накрываетъ ее съ поличнымъ,—въ кожаномъ мѣшкѣ она везла ровно полпуда краденой платины,—какъ потомъ ее потащили бы къ слѣдователю, въ судъ, а тамъ и въ острогъ. У нея пошелъ морозъ по кожѣ отъ этихъ мыслей. Марья Митревна присѣла на кровать и заплакала безсильными бабьими слезами.

## II.

Марьѣ Митревнѣ сдѣлалось обидно до боли. Что̀ она такое, въ самомъ-то дѣлѣ? Другія мужнія жены „спомъ дѣла“ не знаютъ. Живутъ себѣ, какъ курицы, а она-то какого страху напринималась... А все отчего? Если бы мужъ былъ у нея настоящій, правильный человѣкъ, такъ развѣ бы то было... Ей

вдругъ захотѣлось кому-то пожаловаться, поплакать, слушать утѣшительныя слова, чувствовать сильную мужскую ласку, а вмѣсто этого глотай слезы въ одиночку. Въ слѣдующій моментъ Марью Митревну охватило тяжелое чувство ненависти къ мужу, который безъ всякаго дѣла забрался наверхъ и безъ толку палитъ стеариновыя свѣчи.

„Радъ, что жена уѣхала,—вотъ и забрался въ горницы!—думала она, вытирая слезы и поправляя передъ зеркаломъ выбившіеся изъ-подъ косынки волосы.—Мадеру проклятую, поди, лакаетъ... да. А самъ, поди, еще думаетъ, что вотъ влопается жена съ платиной, посадятъ ее въ острогъ,—такъ тогда, молъ, полная моя волюшка...“

Взвинтивъ себя этими мыслями, Марья Митревна, не торопясь, направилась наверхъ, въ горницы. Изъ низу вела узенькая деревянная лѣсенка со скрипучими ступеньками. Въ парадной передней было темно и въ большой залѣ тоже. Итти въ кабинетъ приходилось черезъ гостиную, и Марья Митревна издали услышала бормотанье и хриплый смѣхъ *самого*.

„Такъ и есть, успѣлъ налакаться!..—съ ожесточеніемъ подумала Марья Митревна, сжимая кулаки.—Растерзать его, идола, мало... Охъ, погубитель мой!..“

Дверь въ кабинетъ была полуотворена, и изъ нея падала въ гостиную золотая полоса свѣта. Марья Митревна быстро схватилась за ручку, распахнула дверь настежь и остановилась на порогѣ, какъ вкопанная. Она удивилась бы меньше, если бы въ нее выстрѣлили въ упоръ. Въ кабинетѣ у письменнаго стола сидѣлъ Савва Ермилычъ, небольшого роста худенькій мужчина, съ краснымъ носомъ. Савва Ермилычъ былъ пьянъ, предъ нимъ стояли двѣ пустыхъ бутылки изъ-подъ мадеры,—все это было въ порядкѣ вещей... Но Марью Митревну поразило то, что напротивъ, на кушеткѣ развалился самъ горный ревизоръ Степанъ Иванычъ Кульковъ, отъ котораго она спасалась какой-нибудь часъ назадъ.

Неожиданное появленіе жены смутило хозяина, и онъ сдѣлалъ попытку спрятать пустыя бутылки, но Степанъ Иванычъ, тоже худенькій, длинноносый и черноволосый господинъ, не смутился, а поднялся самымъ развязнымъ образомъ съ кушетки (справедливость заставляетъ замѣтить, что онъ при этомъ замѣтно покачнулся, но это не можетъ быть поставлено ему въ вину, потому что онъ былъ пьянъ вотъ уже ровно пятнадцать лѣтъ) и проговорилъ:

— А, дорогая хозяйка... гм... Очень пріятно... очень... да.

Марья Митревна не двигалась.

— Ручку-съ, сударыня... Хе-хе!..

Онъ, покачиваясь, подошелъ къ ней, взялъ за ручку и расцѣловалъ прямо въ губы.

— По-родственному...—объяснилъ онъ, подмигивая слезившимися глазами.—Ибо, мадамъ, Петръ Великій сказалъ прямо... да... прямо... что предъ Господомъ мы всѣ подлецы и мерзавцы... Значитъ, и выходимъ всѣ родственники... Хе-хе!..

Марья Митревна только теперь опомнилась и отплюнулась.

— Тьфу ты, окаянная душа... Развѣ полагается мужнихъ женъ зря цѣловать? Ежели бы у меня былъ настоящій мужъ, такъ онъ бы показалъ тебѣ... А ты, пьяница, чего смотришь!—накинулась она съ дѣланымъ азартомъ на мужа.—Какой ты мужъ, когда всякій у тебя на глазахъ можетъ дѣлать съ женой, что̀ хочетъ...

Савва Ермилычъ только замахалъ руками, но на всякій случай выста-

вилъ кресло впереди себя, какъ баррикаду: Марья Митревна въ гнѣвѣ отличалась большой скоростью на руку. Въ періоды запоя она сильно колотила мужа чѣмъ попало, причемъ имѣла дурную привычку орать на весь домъ благимъ матомъ, такъ что незнакомый человѣкъ могъ подумать совершенно наоборотъ, т.-е. что пьяный Савва Ермилычъ бьетъ ее, а не она его. Впрочемъ, сейчасъ его спасъ Степанъ Иванычъ, который дрожащими руками налилъ рюмку мадеры и, расплескивая вино, поднесъ ее Марьѣ Митревнѣ.

— Ангелъ, прикушайте...

— Отстань ты, грѣховодникъ!—уже смягченно проговорила Марья Митревна, принимая рюмку.—Пьете тутъ, какъ дудки...

— Натура такая, Марья Митревна... И непріятно, а пьешь.

Эта короткая сцена сразу успокоила Марью Митревну. Значитъ, давешняя погоня была пустяки: просто кто-то ѣхалъ позади, а ей съ Акинтичемъ показался ревизоръ. Хорошъ ревизоръ, когда его хоть выжми—вонъ какъ насосались съ благовѣрнымъ муженькомъ!.. Она даже улыбнулась и подсѣла къ столу.

— Хоть пригубьте, ангелочекъ,—упрашивалъ Кульковъ.—Хотите, на колѣняхъ буду просить?..

Марья Митревна сама любила выпить, но дѣлала это потихоньку отъ всѣхъ, такъ что объ этомъ не подозрѣвалъ даже мужъ. А сейчасъ она сдѣлала видъ, что пьетъ изъ вѣжливости, чтобы не обидѣть дорогого гостя.

— Ну, ужъ такъ и быть...—жеманилась она, прихлебывая вино маленькими глотками.—Ужъ только для тебя, Степанъ Иванычъ...

— Охъ, мать честная, вотъ уважила! Еще рюмочку, ангелушка...

Марья Митревна выпила вторую рюмку и раскраснѣлась. Ей сдѣлалось вдругъ такъ легко-легко, и она смотрѣла немного осовѣлыми глазами на топтавшагося на одномъ мѣстѣ ревизора. И чего въ немъ страшнаго, подумаешь?.. Она его боится, а онъ къ ней цѣловаться лѣзетъ... Ужъ истинно, что одна бабья глупость. Но эти легкія мысли скоро были нарушены пьяной болтовней ревизора. Положимъ, онъ и всегда плелъ не вѣсть что̀ подъ пьяную руку, а трезвымъ не бывалъ, но Марью Митревну взяло большое сомнѣніе.

— Э, всѣ меня считаютъ пьянымъ дуракомъ...—бормоталъ онъ, причмокивая и подмигивая.—А вдругъ я окажусь умнымъ? Хе-хе... Худо будетъ. Можетъ-быть, и я сегодня хотѣлъ быть умнымъ? Ха-ха... Вѣдь хорошо быть умнымъ, Марья Митревна? Вѣдь вы, душенька моя, приторговываете крадеными золотишкомъ...

— Перестань ты молоть, Степанъ Иванычъ... Что̀ только и скажешь!

— Нѣтъ, я къ слову... А вдругъ я умный: сейчасъ понятыхъ... этакъ почеркомъ... обыскъ... хе-хе!.. А гдѣ-нибудь въ уголочкѣ и запрятанъ кожаный мѣшочекъ, да не съ золотомъ, а съ платиной... Все бываетъ, душа моя. На людяхъ и смерть красна... Люблю я васъ, а ежели говорить правду, такъ всѣ вы воры... хе-хе! А ты не обижайся, ангелушка. Любя говорится...

Смущеніе Марьи Митревны увеличивалось еще больше тѣмъ, что Савва Ермилычъ, вмѣсто того, чтобы обидѣться, хихикалъ, какъ дурачокъ, закрывая ротъ рукой. Самые строгіе взгляды жены только сильнѣе разжигали эту веселость.

— Охъ, матушка, уморила!—бормоталъ онъ, отмахиваясь рукой.—Такъ всѣ воры, Степанъ Иванычъ? Веселенькая компанія, нечего сказать... А тебѣ выходитъ семейная радость вполнѣ: получай родственниковъ.

Марья Митревна наконецъ обозлилась. Передъ ней были не мужъ и не

ревизоръ, а два пропойца. Она отвѣтила въ томъ же шутливомъ тонѣ, какъ говорилъ Кульковъ:

— А ты около себя поближе поищи вора-то, Степанъ Иванычъ... Не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто вора покрываетъ.

— Правильно. Беру, только беру, душа моя ангельская, натурой: вотъ сигарокъ хорошенькихъ пришлешь—возьму, винца хорошаго—тоже, балычка донского, икорки астраханской—все возьму да еще тебѣ же спасибо скажу. А вотъ денегъ, мать моя, не случалось брать... Не случалось, родная. Ни Богу ни чорту не грѣшенъ... Хе-хе!.. Пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Такъ-то, Марья Митревна...

— Чужая душа потемки, Степанъ Иванычъ. Ежели кто и беретъ, такъ руки-ноги не оставляетъ...

— Пустое, мать... А я такъ буду говорить: ѣздилъ я вотъ сейчасъ по дорогѣ на Колчеданъ... такъ... прокатиться... Кабы снѣгъ не пошелъ, такъ до Елисѣя Иваныча бы вплоть доѣхалъ. Хорошіе у него пельмени жена дѣлаетъ... Ѣду я, а впереди кошовка... хе-хе! Я за ней, а она отъ меня... хе-хе!.. Изъ глазъ такъ и ушла... Кабы я злой человѣкъ былъ, такъ развѣ бы выпустилъ добычу изъ рукъ? Начальство къ празднику бы награду дало за поимку хищника...

— А можетъ, такъ кто ѣхалъ?

— У меня нюхъ, сударыня, есть...

— Просто поблазнило тебѣ, Степанъ Иванычъ...

— Я и самъ то же думаю... Ну, да не въ этомъ дѣло. Люблю я пошутить... хе-хе!.. А въ другой разъ и пожалѣешь...

Кульковъ хлопнулъ Марью Митревну по плечу и, наклонившись къ уху, шепнулъ:

— А настоящій, хорошій пѣтухъ никогда курицы не обидитъ... Вотъ ты и мотай себѣ на усъ, мать. Хе-хе!

Кульковъ, дѣйствительно, взятокъ не бралъ, что̀ было хорошо извѣстно всѣмъ, но подъ пьяную руку любилъ поломаться. Марья Митревна поняла одно, что онъ ее узналъ давеча, но хотѣлъ только попугать на всякій случай. А впрочемъ, кто знаетъ, что̀ у него было на умѣ...

Скоро Кульковъ совсѣмъ напился и, обнимая Савву Ермилыча, говорилъ заплетавшимся языкомъ:

— Э, ангелъ мой, я все понимаю и все вижу... Вы другъ у друга съ промысловъ золото да платину воруете, ну, и воруйте. Мое дѣло сторона. Много будетъ вамъ чести, ежели я еще себя буду безпокоить изъ-за вашего воровства.

## III.

Среди другихъ уральскихъ горныхъ заводовъ Октайскій занималъ видное положеніе—не по своей спеціальности, какъ чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, а какъ центръ золотопромышленности и платинопромышленности. Золотое дѣло началось здѣсь еще „при казнѣ“, какъ говорили сторожилы,—въ то доброе старое время, когда вся горнозаводская промышленность находилась на военномъ положеніи. Но уже въ это жестокое время успѣла проявиться характерная черта всей русской золотопромышленности, каравшаяся „зеленой улицей“ и каторгой, это—отчаянное воровство. Проявились и намѣтились типы будущихъ золотопромышленниковъ, которые выростали подъ давленіемъ мысли о дикомъ счастьѣ и легкомъ обогащеніи. Въ числѣ этихъ первыхъ золотопромышленниковъ. ярко выдѣлился отецъ Марьи

Митревны, старикъ Мокрушинъ, который три раза наживалъ большое состояніе, три раза его проживалъ и кончилъ самой обидной нищетой разорившагося золотопромышленника.

Марья Митревна выросла именно въ этой обидной нищетѣ. Отецъ лежалъ разбитый параличомъ, приходилось воспитывать маленькихъ сестеръ и братьевъ въ самой ужасной обстановкѣ. Отъ прежняго великолѣпія единственнымъ воспоминаніемъ оставался старикъ Акинтичъ, не измѣнившій Мокрушину и въ дни его паденія. Это былъ типичный вѣрный слуга, составлявшій органическую часть „самого“ Дмитрія Поликарпыча Мокрушина. Онъ носилъ еще на рукахъ маленькую Маню, а потомъ служилъ ей, когда она убивалась надъ разоренной семьей, какъ птица надъ прошлогоднимъ гнѣздомъ.

— Охъ, Машенька, только бы намъ чуточку дохнуть...—повторялъ Акинтичъ, жалѣя убивавшуюся надъ работой дѣвушку.

Вѣроятно, въ человѣческой природѣ лежитъ неискоренимая ничѣмъ привычка непремѣнно олицетворять причины своихъ неудачъ и бѣдствій. Старикъ Мокрушинъ умеръ съ мыслью, что его разорилъ лучшій другъ Елисѣй Иванычъ Шухвостовъ, съ которымъ онъ дѣлилъ и горе и радость, и удачи и неудачи. Даже полное разореніе Шухвостова не оправдало его въ глазахъ стараго пріятеля. Эта мысль перешла по наслѣдству въ семью, и Марья Митревна, находясь въ самой отчаянной нуждѣ, никогда даже не подумала обратиться за помощью къ этому старому другу, даже когда отца уже не было въ живыхъ. Гордая дѣвушка не хотѣла слышать самой фамиліи Шухвостова и женскимъ чутьемъ отвергала всѣ его попытки помощи какимъ-нибудь окольнымъ путемъ. Акинтичъ, умудренный житейскимъ тяжелымъ опытомъ, пробовалъ привести къ соглашенію эту родовую ненависть, но все было безполезно.

— Я тебя прогоню,—рѣшительно заявила ему Марья Митревна.—Только посмѣй заикнуться о Шухвостовѣ. Я умру надъ иголкой, пойду по міру, но отъ Шухвостова не возьму расколотаго гроша.

— Марья Митревна, всѣ люди—всѣ человѣки...—уныло повторялъ Акинтичъ, покачивая своей птичьей головкой.—Одинъ Богъ безъ грѣха...

Марья Митревна, несмотря на нужду и горе, выросла красивой, здоровой дѣвушкой. Въ свое время у нея явились и женихи, но все люди небогатые, которые не могли обезпечить родного гнѣзда. Одинъ ей даже нравился. Но приходилось выбирать между личнымъ счастьемъ и отвѣтственностью предъ сиротами,—Марья Митревна выбрала послѣднее. Она вышла за богатаго старика Хлюстина, который передъ свадьбой заявилъ ей:

— Скоро я помру... Все твое останется.

Тяжело пришлось Марьѣ Митревнѣ. Хлюстинъ былъ не злой человѣкъ, даже по-своему добрый, но страшный самодуръ. Въ его домѣ стояло вѣчное пьянство и кормилась цѣлая толпа всевозможныхъ проходимцевъ. Переходъ отъ отчаянной бѣдности къ этому пьяному богатству какъ-то ошеломилъ Марью Митревну. Между прочимъ, она разыграла тутъ и свой первый романъ съ красавцемъ-приказчикомъ. Мужу донесли, онъ жестоко ее избилъ и прогналъ. Она опять вернулась къ своей родной нищетѣ, но на этотъ разъ озлобленной и съ отчаянной рѣшимостью устроиться во что бы то ни стало. Теперь у нея была уже опытность. Въ числѣ вѣчныхъ гостей Хлюстина бывалъ и Савва Ермилычъ, богатый сынокъ изъ раскольничьей семьи. Онъ сильно пилъ и робко засматривался на развернувшуюся красоту Марьи Митревны. Онъ же первый пришелъ къ ней, когда разыгралась драма, пришелъ сконфуженный, робкій не смѣвшій поднять глазъ.

— Надо какъ-нибудь устроиться...—говорилъ онъ виновато.—Такъ нельзя.

— Устроюсь, Савва Ермилычъ. Только вотъ выбрать прорубь получше... А вы ко мнѣ не ходите—наговорятъ, не знаю что.

Однако онъ не послушался и сталъ бывать. Марьѣ Митревнѣ нравились его покорность и молчаливая любовь. Ей уже хотѣлось и мужской ласки, и покровительства, и сознанія, что она не одна. Кончилось тѣмъ, что Савва Ермилычъ сдѣлался своимъ человѣкомъ.

— Когда-нибудь старикъ умретъ,—уговаривалъ онъ Марью Митревну, стѣснявшуюся своимъ нелегальнымъ положеніемъ.—Тогда поженимся, и никто ничего не посмѣетъ сказать...

Но старикъ Хлюстинъ не желалъ умирать и подъ пьяную руку вспоминалъ молодую жену. Разъ онъ послалъ за ней и велѣлъ явиться непремѣнно. Марья Митревна бѣжала, но ее поймали на дорогѣ и силой заставили вернуться къ грозному старому мужу. Она опять была жестоко избита и посажена въ темный чуланъ подъ домашній арестъ.

— Наложу на себя руки,—заявила она мужу рѣшительно.

По всей вѣроятности, она привела бы въ исполненіе свою угрозу, но избавленіе пришло само собой. Хлюстинъ былъ найденъ убитымъ, когда онъ ѣхалъ на пріискъ. Кучеръ могъ показать только одно, что кто-то выстрѣлилъ „изъ стороны“.

Этимъ дѣло и кончилось, а Марья Митревна получила полную свободу и свою седьмую вдовью часть, Выждавъ законныя шесть недѣль, она вышла замужъ за Савву Ермилыча,—вышла не любя, а такъ, для порядка.

Убійство Хлюстина такъ и осталось загадкой. Ближе всего могли заподозрѣть Савву Ермилыча, но онъ въ этотъ день былъ дома, а затѣмъ никто не могъ бы повѣрить, что онъ рѣшится на такое дѣло. Поговорили, посудили и помаленьку все забыли.

Умудренная первымъ опытомъ своего замужества, Марья Митревна вошла въ домъ второго мужа уже полной хозяйкой и съ первыхъ же шаговъ дала почувствовать свою тяжелую руку. Савва Ермилычъ не смѣлъ пикнуть и въ угоду женѣ отдѣлился отъ семьи.

— Что же, ему такую бабу и нужно,—рѣшили всѣ,—Марья Митревна дохнуть не дастъ.

Устроившись по-новому, Марья Митревна нѣсколько лѣтъ точно отдыхала. Она подняла на ноги и пристроила сестеръ и братьевъ и только тогда вздохнула свободнѣе.

Въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ Савва Ермилычъ приведенъ былъ въ состояніе полнаго рабства. Въ собственномъ домѣ онъ казался приживальщикомъ, а всѣ дѣла по промысламъ забрала въ свои руки Марья Митревна и съ первыхъ же шаговъ показала себя жохомъ-бабой. Впрочемъ, всѣмъ она говорила такъ:

— Мое дѣло женское... Я ничего не знаю. Какъ хочетъ Савва Ермилычъ...

Что удивляло всѣхъ, такъ это то, что Марья Митревна по дѣламъ очень близко сошлась съ Шухвостовымъ. Старая семейная вражда была забыта. Шухвостовъ пользовался довольно темной репутаціей, какъ старый пріисковый волкъ. У него всегда было по горло дѣла, и какъ-то всегда онъ не успѣвалъ. Говорили, что онъ виситъ на волоскѣ, но годъ шелъ за годомъ, а Шухвостовъ все висѣлъ. Въ Октайскомъ заводѣ его называли цѣловальникомъ, потому что въ молодости онъ сидѣлъ въ кабакѣ.

О настоящемъ значеніи этого страннаго сближенія зналъ только одинъ

старикъ Акинтичъ и только качалъ своей старой головой. Съ Марьей Митревной дѣлалось что-то неладное. Ее охватила какая-то болѣзненная жадность. Кажется, и свою вдовью часть получила и мужнины капиталы всѣ забрала, и все мало. Подъ рукой она повела крупную скупку краденой платины, которая быстро повышалась въ цѣнѣ. Шухвостовъ былъ ея правой рукой. У него не было такихъ денегъ, чтобы вести дѣло широко, да и старъ сталъ, началъ побаиваться. Одна Марья Митревна ничего не боялась и не обращала никакого вниманія, что всѣ на нее чуть пальцами не показываютъ.

— Поговорятъ да перестанутъ,—успокаивала она Елисѣя Иваныча, когда тотъ начиналъ волноваться.—И я про всякаго могу сказать...

Интересно, что не боявшаяся никого и ничего Марья Митревна иногда трусила предъ Акинтичемъ. На старика что-то находило. Онъ оставлялъ свой робкій видъ и дѣлался грубымъ.

— Куды деньги-то хапаешь, несытая душа?—сказалъ онъ ей однажды прямо въ глаза.—Съ жиру бѣсишься.

Марья Митревна не нашлась, что̀ ему отвѣтить. Всю прислугу въ домѣ она держала въ ежовыхъ рукавицахъ, и Акинтичу доставалось отъ нея вмѣстѣ съ другими, но въ послѣднее время старикъ сдѣлался раздражительнымъ и грубилъ безъ всякаго повода. Онъ приходилъ къ Марьѣ Митревнѣ и заявлялъ:

— За жалованьемъ пришелъ...

— За какимъ это жалованьемъ?

— А вотъ за такимъ... При покойничкѣ Дмитріи Васильевичѣ, когда онъ лежалъ больной—за три года, послѣ него до Хлюстина—тоже три года, при Хлюстинѣ за три года, да послѣ Хлюстина за семь годовъ. Вотъ и считай: всѣ шашнадцать годовъ.

— Да ты въ умѣ ли, Акинтичъ?

— Даже очень въ умѣ...

— Сытъ, одѣтъ, въ теплѣ—чего же тебѣ надо еще? Намедни гривенникъ дала тебѣ, да Савва Ермилычъ гривенникъ, да самъ на овсѣ сколько украдешь.

— Жалованье пожалуйте...

— Ну, хорошо. Сейчасъ мнѣ некогда, приходи завтра...

Это былъ обычный способъ отдѣлаться отъ сумасшедшаго старика. Марья Митревна была скупа до того, что не стыдилась утягивать у прислуги гроши.

## IV.

Послѣ роковаго разговора съ пьянымъ ревизоромъ, Марья Митревна точно взбѣсилась. Досталось прежде всего, конечно, Саввѣ Ермилычу. Когда Кульковъ ушелъ домой, она сразу набросилась на мужа.

— Откуда этотъ пропоецъ могъ все вызнать, а?

— А я-то... я почемъ знаю?

— Нѣтъ, ты говори!.. Вмѣстѣ душу пропиваете... Ты же вотъ и проболтался обо всемъ подъ пьяную руку.

— Ничего не знаю, Маша. Пить, дѣйствительно, пили, а больше никакого разговора не было.

— Растерзать тебя мало, пьяницу!..

— Маша...

— Молчать! Убью и отвѣчать не буду... Небось, Степанъ-то Ива-

нычъ пьянъ, а самъ все знаетъ и говоритъ, какъ по-писаному. Откуда же ему знать, окромя тебя?

— Про Шухвостова онъ, дѣйствительно, говорилъ... Хвастался, что поймаетъ его съ платиной и что давно выслѣживаетъ его. Да я ему не вѣрю... А тебя онъ любитъ.

— Ха-ха!.. Охъ, смерть моя... Любитъ, говоришь? И тебя тоже любитъ? Ха-ха... А что̀ касаемо Елисѣя Иваныча, такъ у него еще руки коротки... Фасономъ не вышелъ... Пусть лакаетъ свою мадеру, а Елисѣй Иванычъ продастъ его и купитъ на десяти словахъ.

Обругавъ еще пьяницу-мужа, Марья Митревна спустилась къ себѣ въ спальню. Она долго ходила по комнатѣ, стараясь разгадать, какими способами Кульковъ могъ дознаться до всего. Вѣдь этакъ могла быть и крышка... Да еще онъ же, пропоецъ, и издѣвается надъ ней!..

Она достала изъ потайного шкапика бутылку восьмирублевой мадеры, какъ дѣлала каждый вечеръ потихоньку ото всѣхъ, и стала пить одну рюмку за другой, чтобы успокоиться. Но спокойствія не было. Она бродила по спальнѣ, какъ тѣнь. Вино не дѣйствовало...

— Надо мной захотѣлъ, Степанъ Иванычъ, посмѣяться,—думала она вслухъ.—Нѣтъ, погоди... Слышалъ звонъ, да не знаешь, откуда онъ. Руки коротки... А что̀ касаемо Елисѣя Иваныча, такъ онъ самъ еще поучитъ васъ.

Но кто же доноситъ обо всемъ Кулькову? Откуда-нибудь онъ все знаетъ.., Кажется, кромѣ стѣнъ, никто и ничего не видитъ, комаръ носу не подточитъ. а тутъ вдругъ все извѣстно. Мысль о тайномъ предателѣ засѣла въ головѣ Марьи Митревны гвоздемъ. Да, онъ гдѣ-то тутъ витаетъ невидимкой надъ самой душой и надъ ней же смѣется.

— Савва Ермилычъ, конечно, пропащій человѣкъ, только на такую штуку не пойдетъ,—продолжала она думать слухъ.—Не таковскій человѣкъ...

Потомъ она сообразила, что онъ не могъ проболтаться и въ пьяномъ видѣ, потому что ничего не зналъ. Кто же наконецъ? Гдѣ эта таинственная рука, которая готова была погубить ее каждую минуту?

Вдругъ Марьѣ Митревнѣ сдѣлалось все ясно...

Она накинула на плечи шаль и отправилась въ кухню, гдѣ на полатяхъ спалъ Акинтичъ.

— Эй, ты, змѣй, вставай!—крикнула она.

Акинтичъ спалъ чуткимъ стариковскимъ сномъ и сейчасъ же проснулся.

— А... что̀? Ѣхать?—бормоталъ онъ спросонья.

— Оболокайся поскорѣе да приходи ко мнѣ... Надо мнѣ тебѣ одно словечко сказать.

Акинтичъ слѣзъ съ полатей, разыскалъ свой кафтанишко, поворчалъ въ пространство и, почесывая натруженную поясницу, побрелъ въ спальню къ самой.

— Экъ ее ущемило...—ворчалъ онъ, шаркая ногами.—Не стало дня-то. Помереть спокойно не дастъ.

Марья Митревна сурово встрѣтила его въ дверяхъ...

— Я тебѣ давеча дала гривенникъ?

— Было дѣло...

— Давай назадъ!

— Ну, это не модель...

— Сказано: давай!..

Такое начало застало Акинтича врасплохъ, и онъ смотрѣлъ на хозяйку ничего не понимавшими глазами. Но она повернула его за плечо и вытолкала въ кухню:

— Неси сюда деньги, змѣй!..

Акинтичъ повиновался. Онъ полѣзъ на полати, гдѣ-то шарилъ долго руками, потомъ гремѣлъ деревяннымъ сундучкомъ и наконецъ вернулся.

— На̀, змѣя подколодная!—проговорилъ онъ, швыряя два пятака на столъ.—На̀, давись.

Марья Митревна взяла деньги, спрятала ихъ въ карманъ и сказала:

— Ну, теперь поговоримъ, змѣй!.. А какъ ты думаешь, откуда все вызналъ Степанъ Иванычъ?.. А?!.. Мы-то отъ него дураками гонимъ, а онъ впередъ насъ воротился и надо мной въ глаза смѣется. Все обсказалъ: и куда мы поѣхали и съ чѣмъ поѣхали. Пряменько сказать: засрамилъ меня. Откуда бы ему все это вызнать?

— Не могу знать, Марья Митревна...

— А я тебѣ скажу: *отъ тебя*...

Акинтичъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, а потомъ отступилъ и замахалъ руками.

— Да, да, да!..—наступала на него Марья Митревна—Это ты, ты, ты... Ты продалъ меня, Іуда!.. Вонъ сейчасъ же изъ моего дома, и чтобы духу твоего не было...

— Куда же я пойду?

— Твое дѣло... Ступай къ своему Степану Иванычу.

Она вытолкала его въ шею. Акинтичъ вернулся въ кухню, присѣлъ къ столу и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Очень ужъ обидѣло его хозяйское слово... Цѣлый вѣкъ прослужилъ, а теперь ступай на улицу, какъ слѣпая собака. Да и куда было итти? Акинтичъ остался и бобылемъ-то все изъ-за семьи Мокрушина,—не до женитьбы было, когда Дмитрія Васильича кругомъ бѣда обступила. А какъ онъ маленькую Машу любилъ...

— Ты все еще сидишь тутъ, змѣй?!—крикнула Марья Митревна, появляясь въ дверяхъ кухни.—Вонъ, сейчасъ же...

---

Что̀ происходило дальше,—осталось неизвѣстнымъ. Утромъ Марью Митревну нашли въ кухнѣ съ раскроеннымъ черепомъ. Акинтичъ даже не сдѣлалъ попытки къ бѣгству и точно сторожилъ покойницу.

— Что̀ ты надѣлалъ, старикъ?—спросилъ слѣдователь.

Акинтичъ точно проснулся и отвѣтилъ:

— Любилъ я ее, Машу... съ измальства за родную.

---

# ЗЛОЙ ДУХЪ.

Разсказъ.

## I.

Это случилось еще глубокой зимой, когда къ отцу Петру пришелъ дьяконъ Африканъ и сказалъ:

— Отецъ Петръ, благословите...

О. Петръ поднялъ свои сѣдыя брови, смѣрилъ дьякона строгимъ взглядомъ съ ногъ до головы и строго заявилъ:

— Въ какомъ смыслѣ тебя благословить?

— Такъ, вообще... какъ и другихъ...

— Вотъ и врешь!.. А посему нѣтъ тебѣ моего благословенія... такъ и знай.

— Не будетъ?—уныло переспросилъ дьяконъ, переминаясь съ ноги на ногу, какъ только-что подкованная лошадь.

— Ни - ни... Ты что на умѣ-то держишь, а? Ты еще не подумалъ, а я ужъ знаю.

О. Петръ былъ худенькій, сѣденькій, сгорбленный старичокъ, а дьяконъ Африканъ—молодой и коренастый мужчина, съ могучей грудью и кудрявыми темными волосами. Онъ стоялъ, смотрѣлъ въ уголъ, перебиралъ въ рукахъ шапку и еще разъ переспросилъ:

— Такъ не будетъ благословенья, отецъ Петръ?..

— Ничего не будетъ...

Старичокъ-священникъ взволнованно заходилъ по комнатѣ маленькими, торопливыми шагами, шлепая туфлями-шлепанцами. Упрямство дьякона Африкана его возмущало.

— Знаю, все знаю, рабъ лукавый!—повторялъ онъ скороговоркой, точно сыпалъ словами.—И не самъ ты пришелъ ко мнѣ, а тебя подослалъ злой духъ... Ну! говори: гдѣ Демьянычъ?

Волосатая рука дьякона полѣзла въ затылокъ, дьяконскія ноги продолжали переступать, а уста безмолвствовали.

— Вотъ видишь, вотъ видишь!..—обрадовался о. Петръ.—Онъ тебя и подослалъ, лукавецъ. И, навѣрно, самъ гдѣ-нибудь поджидаетъ тебя за воротами...

О. Петръ подбѣжалъ къ окну и, вытянувъ шею, изъ-за косяка старался разсмотрѣть, кто сидитъ на скамеечкѣ у воротъ,—онъ видѣлъ только приподнятые носки пимовъ (валенки) сидѣвшаго человѣка.

— Онъ и есть!—еще больше возмутился старичокъ.—Не тебя перваго онъ подсылаетъ такъ-то... да... А я знаю, чья это работа. Такъ и скажи ему...

Дьяконъ Африканъ продолжалъ стоять, и только шапка въ его рукахъ начинала дѣлать движенія все быстрѣе и быстрѣе.

У воротъ на приворотной скамеечкѣ, дѣйствительно, сидѣлъ самъ Демьянычъ—пожилой человѣкъ, одѣтый въ рваный полушубокъ. Онъ равнодушно глядѣлъ на засыпанную глубокимъ снѣгомъ станичную улицу, на громадные сугробы снѣга у воротъ каждой избушки, изъ-за которыхъ едва выставлялись соломенныя крыши станичныхъ избушекъ, на почернѣвшую отъ времени старую деревянную церковь, которая стояла посрединѣ площади, на подымавшійся кое-гдѣ изъ трубъ дымъ, на ѣхавшаго мимо въ розвальняхъ казака, и думалъ:

„А вѣдь старикъ-то, пожалуй, и не благословитъ Африкана... И чего ему стоитъ, старому?“

Демьянычъ, когда думалъ, всегда немного сердился, какъ человѣкъ, котораго заставляютъ поднимать непосильную тяжесть. Онъ сердился сейчасъ и на о. Петра, и на простеца дьякона Африкана, и на самого себя. Чего онъ тутъ дурака-то валяетъ? Онъ же хочетъ облагодѣтельствовать всю Проваленную станицу, а старый попъ фыркаетъ и артачится. Своего счастья люди не понимаютъ... Демьянычъ свернулъ изъ газетной бумаги крючокъ, набилъ его злѣйшими корешками мѣстнаго производства и только чиркнулъ спичку, чтобы раскурить, какъ растворилась калитка и показался дьяконъ Африканъ.

— Ну?

Дьяконъ сердито нахлобучилъ шапку до самыхъ глазъ и безмолвно зашагалъ вдоль плетня по пробитой пѣшеходами тропинкѣ. Демьянычъ поплелся за нимъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ упрямаго попа.

— А мы ему все-таки покажемъ... Да - а! И еще вотъ какъ покажемъ... Будетъ онъ помнить Луку Демьяныча... Ты ему говорилъ, что мы подъ Темиромъ хотимъ ширпъ ударить?

Дьяконская рука сдѣлала отрицательный жесть.

— А вотъ и напрасно,—огорчился Демьянычъ.—Даже совсѣмъ напрасно... Надо было сказать, чтобы онъ чувствовалъ. Золото вѣрное, какъ въ аптекѣ, а онъ артачится. Жаль стало чужого-то золота... Небось, другихъ благословляетъ. Козырева благословилъ, Горкина, Безпалова—и всѣ обыскали, вотъ какое золото.

Излить свое негодованіе до конца Демьянычу не удалось, потому что отъ попонскаго домика въ пять оконъ до дьяконской избушки въ три окна было всего саженъ тридцать. Демьянычъ разсердился кстати и на это обстоятельство. Вотъ бы какъ слѣдовало обругать попа за его упрямство, а тутъ иди въ избу, а въ избѣ дьяконица, при которой держи языкъ за зубами, если хочешь цѣлъ быть.

Остановившись у калитки, дьяконъ Африканъ проговорилъ:

— Ты, Демьянычъ, того...

— Понимаю.

— Ни гу-гу...

— Сдѣлай милость.

— Маша добрая, а только какой стихъ на нее накатится. Въ другой разъ вотъ какую пыль напуститъ...

Демьянычъ отлично зналъ доброту молоденькой красавицы-дьяконицы и только покрутилъ головой.

## II.

Дьяконица Марья Антоновна, какъ всегда, была дома и съ ухватомъ въ рукахъ возилась у топившейся печи. Демьянычъ и дьяконъ подумали вмѣстѣ,

что было бы, пожалуй, лучше, если бы дьяконица на этотъ разъ ушла куда-нибудь въ сосѣди. Другія станичныя хозяйки ужъ отстряпались, а Марья Антоновна только еще начинала стряпню, потому что вставала по-городски — поздно. Она была изъ самаго Оренбурга, чѣмъ постоянно корила своего мужа,—изъ-за него должна пропадать пропадомъ въ Проваленной станицѣ. Марьѣ Антоновнѣ было всего двадцать пять лѣтъ, и она только-что расцвѣла. Высокая, съ высокой грудью, съ красивымъ лицомъ, она хоть гдѣ была бы завидной бабой, несмотря на выдавшіяся немного скулы и чуть-чуть косившіе темные большіе глаза. Одѣвалась она тоже по-городски и стряпала въ бѣломъ передникѣ.

На поклонъ гостя она едва отвѣтила и поморщилась. Переступивъ порогъ своей избушки, дьяконъ Африканъ сразу принялъ какой-то виноватый видъ,—онъ точно стыдился и своей избушки, раздѣленной дощатой перегородкой на двѣ половины—чистую, выходившую окнами на улицу, и кухню, гдѣ стояла русская печь. Кухня же замѣняла и переднюю. На чистой половинѣ все было прибрано на городскую руку—кисейныя занавѣски на окнахъ, комодъ краснаго дерева, обитый пестрымъ кретономъ диванъ, двуспальная кровать подъ ситцевымъ пологомъ, горка съ чайной посудой. Все это было приданымъ Марьи Антоновны и стѣсняло простеца-дьякона, какъ живой укоръ его собственной станичной бѣдности.

— Мы, Маша, того...—виновато бормоталъ домовладыка.

— Чего: того?—довольно грубо спросила Марья Антоновна, ставя ухватъ подъ казацкую пику.

— Мы въ кухнѣ посидимъ... Такъ, Демьянычъ?

— Въ кухнѣ теплѣе,—отозвался Демьянычъ, нюхая воздухъ, аппетитно пахнувшій щами съ бараниной.

Дьяконица съ презрѣніемъ посмотрѣла на рваный полушубокъ гостя, на его разношенные пимы, и молча отвернулась. Когда она вышла на чистую половину, дьяконъ на цыпочкахъ пошелъ за ней, и Демьянычъ имѣлъ удовольствіе слышать такой діалогъ.

— Вотъ тоже навязался—гостенекъ...—шопотомъ басилъ дьяконъ.

— А тебя хлѣбомъ не корми, только бы рвань коричневую въ домъ привести...—шипѣла дьяконица настолько громко, чтобы гость могъ слышать.— Мало ли по станицамъ шляется проходимцевъ—вотъ и собирай всѣхъ. Еще обокрадетъ...

— Ну, это ты, Маша, ужъ напрасно. Просто, бѣдный человѣкъ...

Демьянычъ безучастно смотрѣлъ въ окно, точно рѣчь шла совсѣмъ о постороннемъ человѣкѣ. О, онъ такъ привыкъ ко всевозможнымъ оскорбленіямъ, что однимъ больше, однимъ меньше—не составляло расчета. Несмотря на свою простоту, дьяконъ воспользовался излишней горячностью жены, ни за что ни про что обругавшей гостя.

— Богатый былъ человѣкъ... всѣ кланялись, когда деньги были. А надъ бѣднымъ человѣкомъ легко смѣяться... Можетъ, онъ и опять будетъ богатымъ.

Результатомъ этой военной хитрости было то, что домовладыка вернулся въ кухню съ бутылкой водки и весело подмигнулъ Демьянычу. Гость раздѣлся и остался въ одной старенькой кумачной рубахѣ. Дьяконица вышла уже съ другимъ лицомъ и подала домашнюю закуску—вчерашней вареной говядины и капусты. Демьянычъ выпилъ двѣ первыя рюмки молча и сидѣлъ нѣкоторое время, закрывъ глаза. Онъ не ѣлъ уже два дня и теперь переживалъ блаженное состояніе. Дьяконъ продолжалъ свою политику и старался завести разговоръ о прошломъ.

— Что̀ же, было дѣло...—нехотя отвѣчалъ гость.

Онъ выпилъ еще третью рюмку.

— Да, все было,—продолжалъ онъ, уже не дожидаясь разспросовъ.— Домъ въ Верхнеуральскѣ, тройка лошадей... Однимъ словомъ, полная чаша. Тогда у меня Кумышакъ работалъ... Тысячъ тридцать въ одно лѣто оправдалъ пріискъ-то.

— Тридцать тысячъ?!—ахнула дьяконица.—Куда же вы ихъ дѣвали?

— А откуда пришли—туда и ушли.

— Въ карты проиграли или прокутили?

— Ну, этимъ грѣхомъ не виновать... Меня подвела шахта на Гарчикѣ. Прямо сказать: съѣла.

— Тридцать тысячъ...—думала вслухъ дьяконица, подсаживаясь къ столу.—На пять тысячъ можно было бы какой домъ въ Оренбургѣ купить, ну, тысячи на три обзаведеніе, а на остальныя живите да поживайте.

— До смерти хватило бы, и не ходилъ бы вотъ такой рванью коричневой,—поддакнулъ гость, улыбаясь.—Только скажу я вамъ, Марья Антоновна, что все это сущіе пустяки, то-есть Кумышакъ. Такія ли мы дѣла дѣлали...

— То-есть какъ пустяки?—удивлялась дьяконица.

— Да такъ. Что̀ такое тридцать тысячъ? Плевать, и только. Да... Ежели бы я не зарывался да не форсилъ, такъ у меня всѣ бы двѣсти тысячъ были. Какъ есть голенькія денежки, хоть не считай... А вотъ повадка проклятая: все мало. Можетъ-быть, вы думаете, что я хвастаю, такъ спросите кого угодно, всякій вамъ разскажетъ про Луку Демьяныча Шматова, какъ онъ свѣтленько поживалъ. И еще скажу вамъ, Марья Антоновна, что все это сущіе пустяки: что̀ было—сплыло. А мы еще вотъ какъ поживемъ... Вамъ вотъ, можетъ, и жаль меня сейчасъ, потому какъ я въ самомъ ничтожномъ видѣ и всѣ меня обѣгаютъ, а я вамъ скажу... Ну, да что̀ тутъ говорить! Вотъ что̀, Марья Антоновна, давайте мнѣ ручку на счастье...

Дьяконица неохотно протянула свою руку, Демьянычъ ласково ее погладилъ своей широкой плоской ладонью и проговорилъ:

— Вотъ что̀, Марья Антоновна, какъ у меня оправдается дѣло подъ Темиромъ, изъ первой же ассигновки ваши триста рубликовъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...—сконфузилась дьяконица и покраснѣла.

— А счастье? У меня свои примѣты...

## III.

Гость былъ оставленъ обѣдать, и дьяконица даже извинилась:

— Ужъ вы не обезсудьте насъ, Лука Демьянычъ. Чѣмъ богаты... Видите, какъ живемъ.

— Что̀ же, Маша... ничего живемъ... — бормоталъ дьяконъ, начинавшій хмелѣть.—Каждый по своимъ достаткамъ живетъ... А въ нашихъ казачьихъ станицахъ не разживешься... Казачишки-то голь перекатная... Съ нихъ доходы-то получать, какъ съ камня лыко драть.

— Ничего, дьяконъ, устроится, — говорилъ Демьянычъ, хлопая его по плечу.—Все въ лучшемъ видѣ. Надѣйся на меня...

Выпивши, дьяконъ впадалъ въ какое-то дѣтское настроеніе и даже начиналъ хихикать, какъ маленькія дѣти. Онъ былъ счастливъ, что жена утихомирилась и принимаетъ гостя честь честью. Демьянычъ молча поѣлъ горячихъ щей съ бараниной и повеселѣлъ. Онъ сидѣлъ и разсказывалъ разные случаи изъ своей бурной пріисковой жизни, а по пути и о другихъ.

— Все были дружки да пріятели, — говорилъ онъ. — И Безпаловъ, и

Горкинъ, и Козыревъ... Горкинъ-то, пряменько сказать, чрезъ меня и жить пошелъ. Изъ ничтожества я его вывелъ... Онъ у меня штегеремъ на Кумышакѣ ходилъ.

— Горкинъ, Павелъ Васильевичъ?!—изумилась дьяконица.

— Онъ самый, сударыня... Какъ-то прошлымъ лѣтомъ иду я по степи пѣшечкомъ, а онъ меня догоняетъ. Катитъ на тройкѣ, коренникъ — звѣрь, пристяжки—змѣями вьются... И что бы вы думали: не узналъ меня. Я только пыли наглотался... Вотъ они, старые дружки-пріятели. А кто Безпалова выручалъ, когда у него шахту на Бродахъ залило? Спросите-ка его... И Козыревъ тоже не брезговалъ Лукой Демьянычемъ... Бывало, придетъ и сидитъ у воротъ на скамейкѣ, ждетъ, когда я выѣду. Вотъ какъ случалось, Марья Антоновна... А сейчасъ: сиръ, нагъ, гладенъ и хладенъ. Козыревъ-то, когда судился съ племянниками, тоже нахлебался горя досыта...

Гость перебиралъ такъ просто самыя завѣтныя имена тѣхъ счастливцевъ, которыя гремѣли по всему Уралу. Дьяконица затаила дыханіе, слушая разсказы страннаго гостя. Онъ говорилъ такъ просто, точно дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ людяхъ, а ей они представлялись чѣмъ-то сказочнымъ и невѣроятнымъ. Она видѣла только въ окно, какъ по улицѣ мимо летѣли щегольскіе тарантасы съ этими счастливцами и какъ казаки снимали свои фуражки. Потомъ она внимательно всматривалась въ гостя, и онъ ей казался совсѣмъ другимъ, чѣмъ давеча. Широкое худощавое лицо съ окладистой жесткой бородой песочнаго цвѣта, глубоко посаженные въ орбитахъ небольшіе, упрямые сѣрые глаза, высокій лобъ, покрытый морщинами, подстриженные рыжеватые усы—все въ немъ теперь ей казалось особеннымъ. Въ этомъ энергичномъ мужскомъ лицѣ лучше всего была добродушная улыбка, открывавшая два ряда бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ.

„Да, этотъ все можетъ сдѣлать, — думала дьяконица, сравнивая гостя съ раскисшимъ и глупо улыбавшимся дьякономъ.—И какъ у него все просто выходитъ... опять разбогатѣетъ, навѣрно, разбогатѣетъ“.

Послѣ обѣда поставили самоваръ и долго сидѣли за чаемъ, пока не стало смеркаться. Гость о чемъ ни говорилъ, а все свертывалъ на свой Темиръ, который засѣлъ у него въ головѣ гвоздемъ.

— Только бы Господь привелъ первыя работы поставить,—повторилъ онъ.— Весна-то ужъ скоро... А мѣстечко прямо кладъ. Дьяконъ, хочешь итти въ пай?

Дьяконица испугалась этого предложенія и отвѣтила за мужа:

— Какой ему пай... Гдѣ у насъ деньги-то?...

— Дѣло не въ деньгахъ, сударыня. Да...

Покрутивъ головой, Демьянычъ неожиданно прибавилъ:

— А отецъ Петръ попомнитъ Луку Демьяныча... Вотъ какъ попомнитъ!

Дьяконъ Африканъ напрасно дѣлалъ гостю предупредительные знаки— онъ ничего не желалъ замѣчать. Дьяконица сразу навострила уши и вопросительно смотрѣла на мужа.

— А мы и безъ него обойдемся!—продолжалъ гость, ударивъ кулакомъ по столу.—Такъ, Африканъ?

— Да вы это о чемъ?—спросила дьяконица.

— Такъ, наше дѣло... — уклончиво отвѣтилъ Демьянычъ, приходя въ себя.—Видите ли, тутъ дѣло совсѣмъ особенное...

Начинавшаяся болтливость гостя отрезвила дьякона, онъ поднялся изъ-за стола и грузно заходилъ по комнатѣ.

— Ну, ну, говорите, — настаивала дьяконица. — Вы что-то скрываете отъ меня.

— Ахъ, какая ты, Маша,—взмолился дьяконъ.

— Миленькій, голубчикъ, скажите, — приставала дьяконица къ Демьянычу.—Ну, что̀ вамъ сто̀итъ? Голубчикъ, миленькій...

Она была необыкновенно хороша въ эту минуту и ластилась, какъ русалка. Демьянычъ посмотрѣлъ на нее своими глубокими глазами, крякнулъ и разсказалъ все, т.-е. что они съ дьякономъ будутъ вмѣстѣ работать на Темирѣ. Что̀ будетъ, то и будь.

— У меня все по душѣ... — закончилъ гость, поднимаясь. — А между прочимъ, мнѣ пора.

— Куда же вы, на ночь глядя?—довольно сухо спросила дьяконица.

— А пойду... У меня тутъ у васъ въ станицѣ есть одинъ старикъ казакъ знакомый, Петрованъ, такъ къ нему.

Гостя не удерживали. Онъ надѣлъ свой полушубокъ, закурилъ цыгарку изъ махорки и ушелъ.

Дьяконъ ожидалъ бури и трепеталъ впередъ, но дьяконица, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась мыть посуду и даже замурлыкала себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку.

## IV.

Наступила весна. Вскорѣ послѣ Святой, когда отходили съ иконами, дьяконъ Африканъ исчезъ изъ своей Проваленной станицы. Онъ выпросилъ у о. Петра отпускъ на двѣ недѣли съѣздить куда-то къ роднымъ. Дьяконица оставалась дома одна.

Разъ вечеромъ она сидѣла у окна съ какой-то своей бабьей работой, какъ подъ окномъ мелькнула широкополая поповская шляпа, а потомъ стукнула калитка. Это былъ самъ о. Петръ. Старикъ былъ встревоженъ и, торопливо поздоровавшись, заговорилъ еще въ кухнѣ:

— Обманулъ меня, обманулъ меня дьяконъ... Ахъ, какъ обманулъ!..

Марья Антоновна густо покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— Ну, а ты что̀ молчишь, раба лукавая?—уже грозно спросилъ о. Петръ.— Вѣдь ты все знала... Ну, говори?!

Разгнѣванный старичокъ грозно стукнулъ своимъ пастырскимъ посохомъ, а дьяконица все молчала.

— И еще вмѣстѣ служили напутственный молебенъ, — продолжалъ о. Петръ.—И я напутствовалъ благословеніемъ... да. Только *они* ошибаются: благословеніе дано не *на это*. Понимаешь? О, легковѣрный дьяконъ, погибающій въ сѣтяхъ золотого тельца... Поддался прельщенію и бысть искушенъ. Горе, горе... Ты уже слышала, что подъ Темиромъ злой духъ нашелъ свое проклятое золото, и дьяконъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Я ничего не знаю...—тихо отвѣтила дьяконица, опуская глаза.

— А, такъ ты вотъ какъ... Посмотри мнѣ въ глаза, лукавая раба! О, я все знаю... все, все!..

— Что̀ же знать-то, отецъ Петръ?—тихо спросила дьяконица.

— А то, что всѣ вы меня обманываете... Вотъ и знаю. Злой-то духъ вотъ какъ вами качаетъ... Знаю, кто и денегъ ему далъ на первыхъ порахъ.

Красивое лицо дьяконицы точно потемнѣло, и она смѣло посмотрѣла прямо въ глаза о. Петру.

— А что̀ же, отецъ Петръ, пропадать, что ли, у васъ въ Проваленной станицѣ? Да, я дала деньги Лукѣ Демьянычу... Мои приданыя деньги. Всего-то и было шестьдесятъ рублей...

— Такъ, такъ... Злому духу и это на руку. На улицѣ и шести копеекъ

не найдешь. То-то онъ зимой тутъ горошкомъ подкатывался... А я-то все видѣлъ и не далъ благословенія.

— Лука Демьянычъ хорошій человѣкъ...—проговорила дьяконица, продолжая какую-то тайную мысль.

О. Петръ поднялся и, не простившись, ушелъ домой. Когда его шляпа опять мелькнула подъ окномъ, дьяконица только улыбнулась. И что̀ ему нужно, этому о. Петру? А Лука Демьянычъ еще на церковь хотѣлъ пожертвовать... Злится старичонка, совсѣмъ изъ ума выжилъ. Обидно показалось, что другимъ счастье—вотъ и прибѣжалъ. У самого денегъ полонъ сундукъ, дѣвать некуда.

Чѣмъ дальше думала дьяконица, тѣмъ сильнѣе начинала сердиться на о. Петра. Давеча она чуть-чуть удержалась и не сказала ему, что не только получила отъ Луки Демьяныча обратно свои приданыя деньги, а въ придачу еще обѣщаемые тогда зимой триста.

Исторія съ Темиромъ повторила сотни такихъ же случайныхъ открытій. Обыкновенно почему-то думаютъ, что счастье не около насъ и не въ насъ самихъ, а гдѣ-то далеко, и люди рвутся въ эту загадочную даль. Приблизительно то же самое повторяется и съ открытіемъ новыхъ золотоносныхъ мѣсторожденій. Въ земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска золото открыто уже больше пятидесяти лѣтъ, и составилось убѣжденіе, что всѣ залежи исчерпаны, и что новаго здѣсь ничего нельзя найти. Только одинъ „злой духъ", Лука Демьянычъ Шматовъ продолжалъ вѣрить, что золото близко и не зачѣмъ искать его за тридевять земель. Онъ уже открылъ нѣсколько мѣсторожденій, которыми, правда, воспользовались другіе, болѣе счастливые люди. О. Петръ потому и называлъ его злымъ духомъ, что именно благодаря ему тихія, полумертвыя степныя казачьи станицы превращались въ настоящій адъ. Являлись кабаки, пріисковый разгулъ, и жизнь тихаго степного уголка переворачивалась вверхъ дномъ. До Темира отъ Проваленной было всего верстъ семнадцать, и центромъ новаго мѣсторожденія должна была сдѣлаться именно Проваленная, что̀ и волновало о. Петра. Тихая полумертвая станица, въ теченіе какого-нибудь года, должна была превратиться въ адъ.

Слухи о Темирѣ ходили давно, были и попытки найти тамъ золото, но все кончалось почему-то неудачей. По-татарски темиръ — желѣзо, и такое названіе глухому степному урочищу было дано благодаря желѣзному колчедану, который попадался на берегахъ гнилой безыменной степной рѣчонки. Названіе урочища и присутствіе колчедана, какъ спутника золотоносныхъ горныхъ породъ, и привело Шматова къ убѣжденію, что именно здѣсь кроется неизвѣстное еще мѣсторожденіе драгоцѣннаго металла. Еще зимой, тайно отъ всѣхъ, Шматовъ съ дьякономъ ѣздили на Темиръ.

— Есть золото...—повторялъ Шматовъ, на глазъ изучая мѣстность.

Дьяконъ обыкновенно молчалъ и вѣрилъ и не вѣрилъ „злому духу". Съ одной стороны, конечно, Шматовъ на два аршина подъ землей видитъ, а съ другой—что-то ужъ очень близко отъ Проваленной. Мало ли „дошлыхъ" людей на золото и безъ Шматова пробовали „искаться" на Темирѣ и ничего не нашли.

— Дураки, вотъ и не нашли,—коротко объяснилъ Шматовъ.

Чтобы доказать дьякону свои слова, Шматовъ еще по снѣгу выбилъ первый пробный шурфъ. Работали они вдвоемъ съ дьякономъ, приходилось желѣзнымъ ломомъ долбить смерзшуюся, какъ камень, землю. Пески оказались на глубинѣ четырехъ аршинъ. Шматовъ взялъ пробу и промылъ ее въ желѣзномъ тазу у дьякона въ избѣ. Въ результатѣ получилось нѣсколько бле-

стящихъ крупинокъ, которыя Шматовъ долго и внимательно разсматривалъ у себя на ладони.

— Вотъ наше богатство, — проговорилъ онъ, показывая пробу дьяконицѣ.—Тутъ дѣло не тридцатью тысячами пахнетъ...

Дьяконица ничего не понимала и только недовѣрчиво покачала головой. По ея расчету, за недѣлю упорной работы двухъ мужиковъ, золота получилось буквально на расколотый грошъ.

## V.

Слухъ о найденномъ подъ Темиромъ богатомъ золотѣ распространился еще до начала работъ. Особенно волновалась Проваленная станица, которой это открытіе сулило радужное будущее. Слухи пришли откуда-то издали, вмѣстѣ съ пріисковыми рабочими, осаждавшими дьяконскую избу еще въ концѣ зимы,—Шматовъ основалъ свою главную квартиру у дьякона.

— Подождите, вотъ вода тронется,—отвѣчалъ всѣмъ повеселѣвшій Шматовъ.—Работа будетъ.

— Да ужъ у Луки Демьяныча изъ земли золото само полѣзетъ,—говорили рабочіе.—Извѣстный человѣкъ.

На золотыхъ промыслахъ оренбургской системы давно образовался бездомный пріисковый пролетаріатъ, который жилъ только лѣтомъ, когда шли работы, а по зимамъ исчезалъ неизвѣстно куда, какъ исчезаютъ лѣтнія насѣкомыя. Это былъ типичный сбродъ отбившихся отъ своего дома рабочихъ. Шесть дней въ недѣлю они работали, а по воскресеньямъ пропивали весь заработокъ гдѣ-нибудь въ ближайшей станицѣ. О. Петръ, конечно, видѣлъ собравшихся у дьяконской избы „пріискателей", но до поры до времени крѣпился и молчалъ. Охъ, пропадетъ вся его „проваленная" паства отъ прикачнувшагося злого духа... Вотъ по другимъ-то станицамъ, гдѣ золото объявилось, стономъ стоитъ, и казачишки ходятъ, какъ очумѣлые степные быки. А тутъ еще ввязался дьяконъ, и другимъ будетъ вящшій соблазнъ.

„Нехорошо... не подобаетъ клиру такимъ студнымъ дѣломъ заниматься",—думалъ огорченный о. Петръ, качая сѣдой головой.

При встрѣчахъ въ церкви о. Петръ тоже ничего не говорилъ дьякону, какъ будто ничего и не подозрѣвалъ. Впрочемъ, возревновавшій старикъ сказалъ цѣлую проповѣдь на текстъ: „Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же отщетитъ". Дьяконъ внимательно выслушалъ ее съ клироса, очень внимательно, и все-таки не оставилъ своего знакомства со злымъ духомъ. Конечно, о. Петръ вполнѣ ясно и неопровержимо доказалъ всю тщету скоропреходящихъ земныхъ благъ и даже въ самыхъ рѣшительныхъ мѣстахъ прямо смотрѣлъ стоявшему у праваго клироса Демьянычу въ лицо, но ничего не помогло. Какъ на грѣхъ, Демьянычъ отличался набожностью и не пропускалъ ни одной воскресной службы.

„Волкъ, являющій себя въ овечьей шкурѣ", — негодовалъ про себя отецъ Петръ, когда Демьянычъ послѣ обѣдни подходилъ къ нему подъ благословеніе и благочинно лобызалъ пастырскую десницу.

Шматовъ вообще отличался странностями. Такъ, онъ чувствовалъ какое-то непреодолимое влеченіе къ дьякону Африкану, безъ котораго буквально не могъ жить. Ему казалось, что дьяконъ умнѣе всѣхъ, хотя доказательствъ этому и не было, и даже краснорѣчивѣе, хотя дьяконъ постоянно молчалъ, и красивѣе, хотя дьяконица подъ сердитую руку называла его кудластымъ. Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ Шматовъ непремѣнно совѣтовался съ дьякономъ, который ничего не понималъ въ пріисковомъ дѣлѣ и только бормоталъ ни-

чего не значащія слова, казавшіяся Шматову проявленіемъ величайшей мудрости.

— Гм... да... конечно... Отчего и не попробовать, хотя и не стòитъ пробовать. Однимъ словомъ, вообще...

Особенно любовался Шматовъ дьякономъ, когда зимой они вмѣстѣ работали на Темирѣ. Дьяконъ Африканъ, дѣйствительно, отличался медвѣжьей силой, и изъ-подъ его лома летѣли искры.

— Ай-да дьяконъ,—хвалилъ Шматовъ, присаживаясь отдохнуть. — Ты бы далъ лому-то отдохнуть...

— Ну его... Дома отдохнемъ.

Шматовъ смотрѣлъ на дьяконскую работу и говорилъ:

— Эхъ, цѣны бы тебѣ не было, Африканъ, ежели бы...

— Чтò ежели?..

— Ну, снять бы съ тебя подрясникъ да волосы въ скобку подрѣзать— лихой бы работникъ вышелъ. Въ головкѣ бы шелъ у всѣхъ... А въ шахту полѣзешь?

— Въ шахтѣ-то еще способнѣе... Никто подъ землей-то не видитъ, что дьяконъ работаетъ.

— Вотъ именно... И въ Писаніи сказано, что Богъ труды любитъ, а дьякону на ряду съ другими рабочими работать какъ будто и зазорно, то-есть промысловую нашу работу.

— Ежели отецъ Петръ дастъ свое благословеніе, такъ отчего же и пріисковую работу не работать.

— Дожидайся, такъ онъ и далъ тебѣ благословеніе. И за что только онъ меня ненавидитъ? Никакого я ему, кажется, зла не сдѣлалъ, а онъ ненавидитъ. Я для него же стараюсь, ежели разобрать. Вотъ, какъ поставимъ работы на Темирѣ, сойдется народъ со всѣхъ концовъ—огребай отецъ Петръ доходы. Другой бы радовался и даже поощрялъ. Такъ я говорю?

— Оно конечно.

Чтò думала дьяконица — никто не зналъ. Къ Шматову она относилась такъ, точно его и на свѣтѣ не было. Она не заводила наводящихъ разговоровъ, не разспрашивала и вообще не проявляла никакого любопытства, чтò Шматову особенно нравилось. Къ женщинамъ онъ относился презрительно, какъ къ болтушкамъ и тряпичницамъ по самому существу, а дьяконица выдалась наоборотъ, невпримѣръ другимъ бабамъ.

— Ну, и баба у тебя,—говорилъ Шматовъ дьякону.—Кремень.

— Ничего.

— Цѣны ей нѣтъ, а ты: ничего.

Дьяконъ смотрѣлъ на Шматова удивленными глазами и глупо улыбался. Въ его глазахъ всѣ бабы были одинаковы, какъ орѣхи, всѣ одинаково ругаютъ мужей.

А дьяконица думала да думала про себя. Она съ замирающимъ сердцемъ слѣдила за Шматовымъ, который открывалъ ей новую жизнь. Она чувствовала, что будетъ именно что-то новое и необыкновенное. Въ Проваленной она страшно скучала и любила вспоминать про свой Оренбургъ. Особенно по зимамъ бывало скучно, скучно до тошноты. Пробовала она водить знакомство, но и изъ этого ничего не выходило. Въ станицѣ только и было подходящихъ женщинъ, что писариха, пившая запоемъ, старостиха, совсѣмъ простая баба, да вдова попадья, дальняя родственница о. Петра, жившая у него въ экономкахъ. Попадья была ближе другихъ, но она какъ-то сразу возненавидѣла горожанку-дьяконицу и подозрѣвала ее въ гордости.

## VI.

Шматовъ началъ работу на Темирѣ буквально ни съ чѣмъ. Какъ опытный человѣкъ, онъ зналъ, что деньги будутъ, только бы было вѣрное дѣло. И деньги нашлись. Первая предложила свои послѣдніе гроши дьяконица.

— А ежели я ихъ закопаю?—замѣтилъ Шматовъ, перебирая въ рукахъ пачку заношенныхъ ассигнацій.—Въ нашемъ дѣлѣ все бываетъ. Или панъ, или пропалъ...

— Что же, и закапывайте,—спокойно отвѣтила дьяконица, не глядя на злого духа.—Не съ деньгами жить...

Эта простота привела Шматова въ восторгъ, и онъ даже поцѣловалъ приданыя деньги.

— Люблю молодца за обычай,—говорилъ онъ.—Это по-нашему, по промысловому... Сѣна клокъ или вилы въ бокъ.

Дьяконица взглянула на него исподлобья своими темными глазами и чуть-чуть усмѣхнулась. Хорошо умѣлъ заговорить зубы злой духъ...

— Теперь все наше, Марья Антоновна,—говорилъ Шматовъ, пряча деньги за пазуху.—Раньше я и самъ немного какъ будто сомнѣвался, а теперь кончено. Конечно, дьяконъ выручитъ въ случаѣ чего, онъ у меня неизмѣнное конье, а вотъ ваши денежки у насъ пѣтухами запоютъ... Позвольте ручку, Марья Антоновна, на счастье.

На этотъ разъ дьяконица руки не дала, а только покраснѣла и убѣжала къ себѣ на чистую половину. Шматовъ только махнулъ рукой ей вслѣдъ.

Когда дѣлали послѣ Святой пробную шурфовку, случайно заѣхалъ козыревскій повѣренный Мурузовъ, разбитной красавецъ малый.

— Опять богатое золото нашли, Лука Демьянычъ?—здоровался онъ.

— Какое золото,—скромничалъ Шматовъ.—Такъ, кошачьи слезы...

Мурузовъ посидѣлъ на кучкѣ пустой породы, вынутой изъ шурфа, выкурилъ папиросу, дождался „доводки", когда дѣлали пробу, и на прощанье проговорилъ:

— А Иванъ Платоновичъ наказали кланяться... Ежели что, Лука Демьянычъ, такъ старая хлѣбъ-соль не забывается.

— Какъ же, помнимъ вашу-то соль,—не безъ ядовитости отвѣтилъ Шматовъ.—Хлѣба не видали, а соль у васъ соленая. Между прочимъ, поклончикъ Ивану Платонычу. Да скажи ему, что старикъ Шматовъ говоритъ, молъ, такъ: честь завсегда лучше безчестья.

Когда повѣренный уѣхалъ, Шматовъ засмѣялся и объяснилъ дьякону, въ чемъ дѣло.

— Понюхать пріѣзжалъ, не пахнетъ ли жаренымъ. Разъ ужъ обулъ меня Козыревъ на обѣ ноги... Ну, и будетъ. Вотъ такъ же дѣло было. И такой и сякой, да мы, да вы, да ахъ, Боже мой!.. Однимъ словомъ, садись верхомъ и поѣзжай. Я въ тѣ поры подъ двойные векселя денегъ набралъ у него, ну, а потомъ и оказалось, что пріискъ-то его, а я отставной козы барабанщикъ.

Мурузовъ почему-то съ перваго раза не вздюбился дьякону, и онъ проворчалъ:

— Ноги переломать надо бы этому шалыгану.

Шестьдесятъ рублей дьяконицы ушли незамѣтно, и пришлось обратиться къ новому займу. Дьяконъ рѣшительно не понималъ, откуда злой духъ возьметъ денегъ. А Шматовъ только улыбался и, посмѣиваясь, приговаривалъ:

— Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, какъ сказывали старые люди. Деньги сами придутъ...

Еще больше удивился дьяконъ Африканъ, когда злой духъ ему объяснилъ, что сдѣлаетъ заемъ у о. Петра.

— Вотъ увидишь...—увѣрялъ Шматовъ.—Еще мнѣ же спасибо скажетъ отецъ-то Петръ.

Этотъ разговоръ происходилъ послѣ визита о. Петра къ дьяконицѣ, и Шматовъ зналъ объ этомъ событіи изъ первыхъ рукъ. Дьяконъ только руками махалъ, точно Шматовъ намѣревался провалиться сквозь землю.

— А вотъ увидишь,—повторялъ Шматовъ.—Всѣ люди, всѣ человѣки. Мало ли что̀ въ сердцахъ говорится, такъ и отецъ Петръ болталъ разное. Старичку можно и извинить.

Дьякону все-таки казалось, что злой духъ просто шутитъ, и только ахнулъ, когда Шматовъ въ тотъ же вечеръ отправился къ о. Петру.

Старикъ встрѣтилъ его очень недружелюбно и, поджавъ губы, проговорилъ:

— Вы насчетъ какой-нибудь требы, Лука Демьянычъ?

— Около того, отецъ Петръ. Настоящая треба...

— Мнѣ кажется, что вы выражаетесь весьма иносказательно, а сіе не соотвѣтствуетъ уже моему возрасту.

— Помилуйте, отецъ Петръ, все дѣло очень просто. Ежели бы у меня совѣсть была не чиста, такъ я бы обошелъ васъ на три версты, а не то, что итти къ вамъ на домъ. Вотъ весь тутъ...

— Однако чѣмъ могу служить вамъ?—продолжалъ о. Петръ не менѣе сурово.—Предположительно, что вы пришли съ нѣкоторымъ намѣреніемъ...

Что̀ происходило между ними и какими путями злой духъ выманилъ у о. Петра деньги—осталось неизвѣстнымъ.

Когда Шматовъ ушелъ, о. Петръ подбѣжалъ къ выходной двери, заперъ на крючокъ и долго прислушивался, точно боялся, что гость вернется. Потомъ онъ подошелъ къ окну и долго высматривалъ изъ-за косяка. Убѣдившись, что злой духъ исчезъ, о. Петръ вызвалъ изъ кухни экономку и строго заявилъ:

— Ты видѣла, Таисья Мироновна, человѣка, который сейчасъ ушелъ отъ меня?

— Какъ будто видѣла...—сердито отвѣтила толстая попадья.—Какъ его не видѣть-то: извѣстный шалыганъ.

— Такъ не пускай его... Какъ только увидишь, сейчасъ и двери на запоръ. Охъ, искушеніе...

Вернувшись домой, Шматовъ показалъ только одному дьякону полученные отъ о. Петра триста рублей.

— А впередъ не ругай порядочнаго человѣка,—объяснилъ онъ. — Помнишь, какую онъ проповѣдь залѣпилъ? Это онъ прямо въ меня мѣтилъ.

## VII.

Несмотря на самый крѣпкій наказъ, старая попадья, Таисья Мироновна, все-таки прокараулила. Какъ-то о. Петръ возвращался въ субботу отъ обѣдни къ себѣ, мечтая дорогой о приготовленной для него банѣ. Онъ уже подошелъ къ своимъ воротамъ, какъ замѣтилъ привязанную къ версѣ верховую лошадь.

— Вотъ такъ конь, — полюбовался о. Петръ, знавшій толкъ въ лошадяхъ, какъ всѣ станичники.—Рубликовъ триста стоитъ, а то и всѣ четыреста. И уздечка съ серебрянымъ наборомъ и седѣльце... Это Мурузовъ балуется.

Каково было изумленіе почтеннаго старичка, когда въ гостиной онъ увидѣлъ сидѣвшаго на диванѣ Шматова. О. Петръ даже остановился въ дверяхъ, а злой духъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ подъ благословеніе и по обыкновенію облобызалъ руку.

— Должокъ привезъ, отецъ Петръ,—говорилъ онъ, вынимая изъ бокового кармана бумажникъ.—Вотъ ваши триста рубликовъ, а двадцать пять рублей—благодарность.

— Не нужно мнѣ вашей благодарности, — довольно сухо отвѣтилъ о. Петръ, принимая одной рукой триста рублей и отстраняя другой благодарность.

— Позвольте, это ужъ наше дѣло. Не вамъ, такъ другому бы заплатили. Мое дѣло заплатить, а вы хоть въ печку бросайте. Денегъ даромъ, отецъ Петръ, не даютъ, а вы меня выручили въ самую трудную минуту.

Потомъ Шматовъ отсчиталъ цѣлую сотенную на благоустроеніе храма и просилъ записать это пожертвованіе на неизвѣстнаго.

— Церковь-то надо бы новую, каменную, отецъ Петръ, а эта ужъ разваливается.

— Нужно церковь... да... — согласился о. Петръ. — Вы это правильно изволите разсуждать.

Это пожертвованіе „отъ неизвѣстнаго“ растрогало о. Петра, и онъ побѣжалъ въ кухню заказать самоваръ. Хотя и злой духъ, надо дорожнаго человѣка чайкомъ угостить.

— Чего это вы, на ночь-то глядя, гостей называете?—ворчала попадья.

— Я?! Это вы его впустили, Таисья Мироновна!

Старуха только замахала руками. Рехнулся попъ.

— Никого я не впущала... Сами привели гостя, а потомъ на меня и сваливаете. Грѣшно это, отецъ Петръ, а завтра вамъ заутреню служить и правило сегодня вечеромъ читать.

Здѣсь ужъ махнулъ рукой о. Петръ. Рехнулась старуха.

За чаемъ о. Петръ все посматривалъ на гостя, жевалъ губами и угнетенно вздыхалъ. Шматовъ разсказывалъ о своемъ пріискѣ, а потомъ спросилъ:

— Вы что-то меня хотите спросить, отецъ Петръ?

— Именно, именно... Да, хочу. Скажите, Лука Демьянычъ, какъ это вышло, что я тогда выдалъ вамъ деньги? Я что-то запамятовалъ.

— Очень просто... Я вотъ сидѣлъ здѣсь, а вы ходили по комнатѣ. Ну, я говорю, что мнѣ нужны деньги, триста рублей. Вы этакъ посмотрѣли на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а потомъ пошли вонъ въ ту дверь и вынесли полностью.

— Неужели?—удивлялся о. Петръ, начиная, по привычкѣ, торопливо ходить по комнатѣ.—Съ перваго слова и выдалъ?

— Съ перваго слова... Я расписку вамъ предлагаю, а вы мнѣ этакъ рукой машете и говорите: „Какая ужъ тутъ расписка!“.

— И рукой машу? Это, знаете, весьма удивительно, Лука Демьянычъ, и весьма необычно. Я знаю свой характеръ и не могу ничего понять.

О. Петръ еще разъ попросилъ разсказать, какъ все происходило, и смѣялся, что̀ рѣдко съ нимъ случалось.

— А знаете, когда вы тогда пришли,—объяснялъ онъ,—такъ я сразу подумалъ: „Навѣрно пришелъ за деньгами, а я не дамъ! Ни за что не дамъ!“ Такъ и подумалъ. А вышло даже совсѣмъ наоборотъ... Даже это грѣшно, что на такое дѣло я далъ деньги. Вѣдь я не любостяжателенъ, нѣтъ... А вышло все какъ-то само собой... И я, каюсь, еще недолюбливалъ васъ и порицалъ,

потому какъ вы столько ужъ пріисковъ открыли и вездѣ явилась смута и, извините, развратъ.

— Тутъ ужъ я не виноватъ, отецъ Петръ. Мое дѣло открыть и дать людямъ работу... Черезъ годъ вы свою Проваленную и не узнаете.

— Охъ, не узнаю!.. Ужъ и теперь начинаю не узнавать... Нѣтъ, все-таки на вашей душѣ грѣхъ, Лука Демьянычъ. Лучше и не говорите... Знаю, все знаю!..

Теперь уже засмѣялся Шматовъ, тоже рѣдко смѣявшійся.

Странно, что послѣ этого душевнаго разговора о. Петръ еще сильнѣе возревновалъ и на слѣдующій же день сказалъ за обѣдней проповѣдь на тему о зломъ духѣ, проникающемъ въ сердце человѣка, яко тать въ нощи. Шматовъ стоялъ у праваго клироса, слушалъ и смотрѣлъ упорно на стоявшую у лѣваго клироса дьяконицу, разодѣтую по-праздничному. Она сегодня была красива какой-то строгой красотой и чувствовала на себѣ тяжелый взглядъ злого духа, что̀ ее волновало и сердило

Изъ церкви они возвращались вмѣстѣ.

Доро̀гой Шматовъ замѣтилъ ей:

— А отецъ-то Петръ опять меня отволотилъ...

— Онъ правильныя слова говорилъ,—отвѣтила она, спокойно поднимая на него свои темные глаза.—Вы и есть самый злой духъ...

Съ дьяконицей дѣлалось что-то странное, въ чемъ она и сама не могла дать отчета.

И какая-то сладкая тоска, и плакать хочется, и какъ-то вдругъ сдѣлается жаль самоё себя. Раньше она просто скучала, а теперь было совсѣмъ другое. Иногда на нее нападало какое-то озлобленіе противъ Шматова, и она начинала прятаться отъ него.

— Видѣть его не могу,—жаловалась она мужу. — Прогони его... Проклятый онъ человѣкъ.

— Гм... Какъ же я его прогоню? — удивлялся дьяконъ. — Ничего онъ худого не сдѣлалъ... Пусть пока поживетъ. Скоро поставимъ на Темирѣ контору, ну, тамъ будетъ жить.

— Охъ, скорѣе бы...—стонала дьяконица.

Шматовъ сдержалъ свое слово и подарилъ дьяконицѣ обѣщанные триста рублей. Сначала она обрадовалась, а потомъ испугалась. Ей казалось, что и деньги у злого духа какія-то проклятыя.

Когда контора была готова и Шматовъ переѣхалъ на пріискъ, дьяконицу охватила еще бо̀льшая тоска.

— Это все ты, все ты! — накидывалась она на дьякона. — Ты его прогналъ, а мнѣ скучно... Все же живой человѣкъ, поговорить было съ кѣмъ.

Дьяконъ только развводилъ руками. Вотъ и поди, потолкуй съ баблом— и такъ не ладно и этакъ не ладно. А дьяконица совсѣмъ сбѣсилась и молчала по цѣлымъ днямъ. Ужъ лучше было, когда прежде она ругалась съ нимъ и лѣзла на стѣну.

## VIII.

Новая контора была освящена самымъ торжественнымъ образомъ. Пріѣхали гости съ другихъ промысловъ, все старые пріятели, вспомнившіе Шматова, какъ это иногда случается. Всѣ поздравляли, осматривали работы и хвалили хозяина. Отмалчивался одинъ о. Петръ. Онъ даже чуть не уѣхалъ отъ заказного обѣда, который готовила дьяконица.

— У насъ Лука Демьянычъ, какъ неразмѣнный рубль, — говорилъ за

закуской Мурузовъ, выросшій въ средѣ пріисковыхъ льстецовъ.—Точно его и не было, а онъ вонъ какую штуку устроилъ.

— И весьма даже устроилъ, — задумчиво согласился о. Петръ.

Самъ хозяинъ занятъ былъ больше всего обѣдомъ и бѣгалъ постоянно въ кухню, гдѣ управлялась дьяконица. Въ бѣломъ передникѣ, вся зарумянившаяся, она была необыкновенно хороша.

— Ужъ не знаю, какъ васъ и благодарить, Марья Антоновна,—бормоталъ онъ.

— Послѣ поблагодарите, а сейчасъ не мѣшайте.

Шматовъ, какъ всѣ игроки, отличался суевѣріемъ и сейчасъ боялся за пирогъ съ соленой осетриной, который составлялъ гвоздь заказного обѣда. А вдругъ пирогъ не удастся? Дьяконица это понимала и, когда начала садить пирогъ въ печь, выгнала хозяина прочь, точно происходили роды.

— Потомъ позову, а теперь и глазъ не показывайте!

— Слушаю. Слушаю...

И пирогъ вышелъ на славу, когда дьяконица сама вынесла его, покрытый салфеткой, какъ новорожденнаго, и поставила на столъ. Сибиряки любятъ пироги, и парадный обѣдъ безъ пирога немыслимъ. Качество пирога служитъ мѣрой искусства хозяйки.

— Ну-ка, Марья Антоновна, какимъ пирожкомъ вы насъ уважите, — галдѣли гости.

Пирогъ оказался, по сибирскому вкусу, превосходнымъ. Жирная осетрина плавала въ собственномъ соку, что считается верхомъ пирожнаго искусства.

— Вотъ такъ Марья Антоновна!—нахваливалъ Мурузовъ.—По пирожницѣ и пирогъ...

Мурузовъ ухаживалъ за дьяконицей и съ каждой рюмкой водки дѣлался все смѣлѣе. Дьяконъ мрачно караулилъ каждое его движеніе и только кряхтѣлъ, какъ приперый къ стѣнѣ быкъ. Это даже не была ревность въ собственномъ смыслѣ слова, а какая-то органическая ненависть къ человѣку. Хозяинъ, замѣтивъ это, шепнулъ Мурузову:

— А ты, Миша, того, полегче... Смотри, дьяконъ-то какъ разъ облопастъ. Какъ какое дерево.

— Мы и сами не простоваты насчетъ затылка. Сейчасъ и за жабры...

Контора дѣлилась на три комнаты, — въ одной собственно контора, въ другой кабинетъ и спальня хозяина, а третья на всякій случай, т.-е. для дьякона. Пахло свѣжей смолой, коробившіяся половицы скрипѣли, окна плохо затворялись, печки дымили, однимъ словомъ — все, какъ тому полагается въ новомъ домѣ. Изъ оконъ открывался видъ съ одной стороны на пріискъ, а съ другой на степь, уходившую изъ глазъ зеленымъ шелковымъ ковромъ. У конторы прямо на зеленой полянкѣ поставлены были столы для рабочихъ, гдѣ уже поднимались шумъ и пьяное галдѣнье.

Обѣдъ неожиданно закончился скандаломъ. Пьяный Мурузовъ началъ приставать къ хозяину и съ пьяной настойчивостью повторялъ:

— А мы тебя женимъ... Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Какой же домъ безъ хозяйки? Шабашъ... хе-хе! Мы такую тебѣ пирожницу найдемъ...

Слово „пирожница“ точно обожгло дьякона. Ему и давеча не понравилось, когда Мурузовъ называлъ его жену пирожницей, а сейчасъ онъ бросился на Мурузова безъ всякихъ предисловій.

— А-а-а... пирожница!? Я тебѣ покажу пирожницу...

Гости повскакали съ мѣстъ, хозяинъ бросился разнимать дравшихся. Въ свалкѣ приняли участіе и другіе гости, причемъ спьяна колотили по комъ

попало. Нѣсколько увѣсистыхъ ударовъ пришлось и на долю хозяина, что его взбѣсило уже за свой личный счетъ. Онъ былъ выпивши и плохо помнилъ, что говоритъ и дѣлаетъ.

— Всѣ вонъ!—кричалъ онъ.—Всѣ вы негодяи и дармоѣды!.. Раньше, небось, и не узнавали Луку Демьяныча, а теперь... Да я васъ знать не хочу!..

Пьяные гости даже не обратили вниманія на такую выходку хозяина, но обидѣлся о. Петръ.

— Это не подобаетъ... да, не подобаетъ,—повторялъ онъ, отыскивая свою шляпу.—Этакъ можно позабыть и свой санъ...

— Я тоже съ вами,—уцѣпилась за него дьяконица.—Я боюсь... Они всѣ пьяные.

— Вотъ и отлично. Я довезу тебя... Нѣтъ, не подобаетъ!..

Поповская лошадка стояла подъ навѣсомъ, и они незамѣтно уѣхали. Оглянувшись назадъ, о. Петръ съ улыбкой замѣтилъ:

— Злой-то духъ какъ расходился... Охъ, искушеніе!..

Оставшіеся гости дрались до изнеможенія и кончили тѣмъ, что уже послѣ драки начали разбирать, кто виноватъ.

Долго судили и рядили, спорили, ругались, пока Мурузовъ не объявилъ:

— Вотъ что, господа. Я на дьякона не сержусь... Ну, давай, дьяконъ, поцѣлуемся.

Враги расцѣловались, причемъ дьяконъ даже прослезился. Потомъ принялись всѣ цѣловать хозяина.

— А ты-то за что насъ обругалъ, а?—корили его.—Ну, да Богъ съ тобой. Хлѣбъ-соль обиды не помнитъ...

Пиръ затянулся до самаго бѣлаго утра, когда дьяконъ хватился жены и ушелъ домой пѣшкомъ.

## IX.

Пріискъ на Темирѣ былъ названъ Любезнымъ, но въ народѣ онъ получилъ названіе—Дьяконскій. Любезныхъ было нѣсколько, а Дьяконскій одинъ.

Народу къ срединѣ лѣта на Дьяконскомъ набралось до четырехсотъ человѣкъ. На хозяйскихъ работахъ было около сотни, а остальные работали отъ себя и назывались золотничниками, потому что обязаны были сдавать въ пріисковую контору все намытое золото за извѣстную плату за золотникъ. Золотничники работали артелями, вѣрнѣе—своими семьями. Для всѣхъ ихъ у Шматова условіе было одно: онъ платилъ за золотникъ три рубля. Сдавалось золото въ казну свыше четырехъ рублей золотникъ, разница оставалась въ пользу хозяина. Каждому золотничнику отводилась дѣлянка отъ десяти до тридцати саженъ, и онъ дѣлался на ней полнымъ хозяиномъ. На уральскихъ промыслахъ плата, въ среднемъ, золотничнымъ рабочимъ значительно ниже и доходитъ до полуторыхъ рублей золотникъ.

Ближайшимъ населеннымъ пунктомъ являлась Проваленная станица, откуда шли и харчи и всякій другой товаръ. По воскресеньямъ образовался самъ собой торжокъ, какъ и на другихъ промысловыхъ станицахъ. Явились сначала торговцы съ краснымъ товаромъ на возахъ; потомъ выстроены были балаганы, а къ зимѣ уже готовились цѣлыхъ два магазина. Пріискъ требовалъ всего: и сѣна, и хлѣба, и ситцевъ, и посуды, и готоваго платья, и конской сбруи, и водки, и бакалеи. Торгаши наѣхали изъ Міасскаго завода и торговали бойко, нахваливая Луку Демьяныча Шматова.

Станичники тоже не знали, какъ и благодарить злого духа. Они выигрывали на всемъ: и на постоѣ, и на поставкѣ сѣна, а главное—на перевозкѣ.

Казачки промышляли молокомъ, печенымъ хлѣбомъ, огороднымъ овощемъ, всякимъ домашнимъ тканьемъ,—однимъ словомъ, всѣмъ работы оказалось по горло, и въ Проваленной чувствовался усиленный приливъ денегъ. Высыпая по воскресеньямъ деньги изъ церковной кружки, о. Петръ только качалъ головой и вздыхалъ.

— Разовъ съ пять побольше прежняго-то будетъ,—говорилъ церковный староста Ѳомичъ, старикъ изъ заслуженныхъ казаковъ.—Тоже вотъ и свѣчныя суммы...

— Да, да, умноженіе во всемъ,—соглашался о. Петръ.—Только на долго ли?

— А ужъ это, какъ Господь пошлетъ счастья Лукѣ Демьянычу... Все у насъ отъ него. Золотничники, вонъ, которые пріѣхали голешеньки, а сейчасъ, слава Богу, всѣ оперяются. Сказываютъ, по субботамъ въ конторѣ сдаютъ золото фунтовъ по двѣнадцать...

— Ну, это сливки снимаютъ,— спорилъ о. Петръ. — Посмотримъ, какъ дальше будетъ выворачиваться вашъ-то Лука Демьянычъ.

Ни о. Петръ ни староста ни одного слова не говорили о дьяконѣ, который живмя жилъ на пріискѣ, гдѣ „отвѣчалъ за конторщика". Вся бѣда заключалась въ томъ, что дьякону нужно было оставаться всю субботу на пріискѣ, когда шла сдача золотничниками намытаго за недѣлю золота, и онъ являлся въ Проваленную только къ заутренѣ. Это возмущало о. Петра больше всего, потому что служило соблазномъ для другихъ. Если ужъ дьяконъ пропадомъ пропадаетъ на промыслахъ, такъ о другихъ и говорить нечего.

Дьяконъ по цѣлымъ недѣлямъ жилъ на пріискѣ, гдѣ велъ пріисковыя книги. Были и другіе служащіе, но Шматовъ какъ-то имъ не довѣрялъ. Извѣстно, какой пріисковый народъ: съ бору да съ сосенки. Потомъ у Шматова было какое-то суевѣрное чувство, именно вѣра въ дьякона. Недаромъ простой народъ окрестилъ пріискъ Дьяконскимъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда дьяконъ становился втупикъ, именно, когда дѣло касалось дробей. Половины онъ еще съ грѣхомъ пополамъ высчитывалъ, а когда дѣло доходило до третей и четвертей, то дѣлался мрачнымъ и говорилъ:

— Не иначе, какъ посылать за дьяконицей...

Дьяконица поучилась въ епархіальномъ училищѣ и съ грѣхомъ пополамъ мараковала дроби. На пріискъ она ѣхала каждый разъ неохотно, ее приходилось уговаривать.

— Что̀ я тамъ позабыла?—упрямилась она.

— Поѣдемъ, говорятъ тебѣ! — настаивалъ дьяконъ. — Лука Демьянычъ обидится. Онъ мнѣ двадцать цѣлковыхъ жалованья платитъ...

— Отстань ты со своимъ Лукой Демьянычемъ. Нашелъ важное кушанье... Жили и безъ его жалованья.

Какъ казалось дьякону, и Шматовъ какъ будто недолюбливалъ дьяконицу. Какъ только она на пріискъ, онъ сейчасъ же велитъ засѣдлать своего любимаго рыжаго иноходца и уѣдетъ куда-то.

— Ну, и отлично, что унесла нелегкая,—говорила вслѣдъ дьяконица.— Поѣзжайте почаще мимо-то, безъ васъ веселѣе...

— Экъ васъ взяло!—удивлялся дьяконъ.—Чего вы дѣлите?

— Отстань!..—сердилась дьяконица.—Далась я вамъ, дура, вотъ и помыкаете мной, какъ козой.

Обыкновенно Шматовъ уѣзжалъ верстъ за пять въ степь, пускалъ иноходца пастись, а самъ лежалъ на травѣ и часами глядѣлъ въ небо. Хорошо въ степи лѣтнимъ днемъ, когда тяжело дышать отъ застоявшаго аромата степныхъ цвѣтовъ. По небу рѣдко-рѣдко торопливо пробѣжитъ куда-нибудь

высокое бѣлое облачко. Надъ травой живымъ столбомъ толчется степная мошкара и безъ конца поетъ тонкими голосами о счастьѣ существованія, о счастьѣ одного дня, одного солнца. Шматовъ закрывалъ глаза и такъ оставался по часамъ, точно прислушиваясь къ тому, что̀ дѣлалось у него на душѣ. Иногда на него нападало какое-то нѣмое ожесточеніе, и онъ рвалъ степную траву и готовъ былъ грызть сырую землю.

Разъ, когда онъ вышелъ на крыльцо, чтобы сѣсть на иноходца, за нимъ вышла и дьяконица. Онъ вдругъ остановился и точно позабылъ о ждавшей его лошади. Дьяконица съ мудреной улыбкой посмотрѣла на него и сказала:

— Ну, что̀ же вы не бѣжите отъ меня, Лука Демьянычъ? Пора...

Онъ весь вздрогнулъ, точно его кто ударилъ, и посмотрѣлъ на нее злыми глазами.

— И уѣду... — какъ-то по-ребячьи отвѣтилъ онъ и сказалъ совсѣмъ не то, что̀ хотѣлъ.

— А вотъ и не уѣхать, — смѣялась дьяконица.—Я слово такое знаю...

Она засмѣялась и убѣжала въ контору, гдѣ дьяконъ погибалъ надъ дробями.

Иноходецъ напрасно ждалъ хозяина у крыльца и сердито рылъ копытомъ землю.

## X.

То, о чемъ Шматовъ боялся и подумать, разгласила народная молва, вѣрнѣе—поповская экономка Таисья Мироновна.

Старуха сама завернула вечеркомъ къ гордячкѣ-дьяконицѣ, чего раньше не дѣлала. Марья Антоновна даже какъ будто испугалась этого визита старой попадьи.

— Горденька ты у насъ, дьяконица, — говорила хитрая старуха. — Заставила-таки меня приползти на старости лѣтъ... Ну, какъ поживаете съ дьякономъ-то?

— Ничего, помаленьку живемъ...

— Такъ, такъ... Куда торопиться, матка-свѣтъ! Не на пожаръ... Дьяконъ-то, сказываютъ, вотъ какія денежки огребаетъ у злого-то духа.

— Не мое это дѣло, Таисья Мироновна.

— Извѣстно, не женское. Это ужъ что̀ говорить... А получаетъ дьяконъ, получаетъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь... Да и ты частишь *) на пріискъ-то.

— Случается иногда съ дьякономъ...

— Такъ, такъ... Злому-то духу и пріятно, что молоденькая дьяконица завернетъ къ нему. Охъ, люди-то разное болтаютъ... И такія глупости наговорятъ, такія глупости,—не слушай темная хоромина.

— Что̀ говорить-то?—вспыхнула дьяконица.

— А разное, голубушка. Не охотница я переносить вѣсти... А болтаютъ, разное болтаютъ. Даже удивляются дьякону-то, значитъ, что онъ терпѣливый такой дьяконъ. Другой бы мужъ такъ изукрасилъ жену, а онъ терпитъ, голубчикъ, и будто видомъ не видитъ и слыхомъ не слышитъ.

Укрѣпилась дьяконица и все время дѣлала видъ, что не понимаетъ, куда гнетъ дорогая гостья. А когда она ушла—наплакалась досыта. Вотъ до чего дошло, а скоро пальцами будутъ на улицѣ указывать. Изъ-за чего? Хорошо, что еще не знаютъ о деньгахъ, которыя Шматовъ ей тогда подарилъ сгоряча. Эти триста рублей показались ей сейчасъ ненавистными. И

---

*) Частить—часто бывать.

съ какой стати она тогда взяла ихъ? Вотъ-то была глупая! Развѣ такія деньги даромъ дарятъ? Онъ можетъ и невѣсть что подумать о ней...

Дьяконица забрала проклятыя деньги и отправилась на пріискъ. Улучивъ минуту, она передала ихъ Шматову.

— Возьмите ихъ, Лука Демьянычъ... Надоѣло мнѣ беречь чужое добро.

— Да вѣдь это по уговору, Марья Антоновна...—смутился Шматовъ, не принимая денегъ.—Помните, какъ я обѣщалъ?

— Мало ли что говорится шутя. Не всякое лыко въ строку...

— А я не возьму.

— Ну, тогда я въ церковную кружку ихъ спущу.

— Дѣло ваше.

Дѣйствительно, о. Петръ осенью, когда высыпали деньги изъ кружки, нашелъ въ ней три сторублевыя ассигнаціи, перевязанныя розовою ленточкой. Эта ленточка ужасно смутила старика, и онъ даже усомнился, подобаетъ ли брать такія деньги? Староста смотрѣлъ на дѣло проще.

— А мы бросимъ ленточку-то, о. Петръ. Ну ее!

— Это какая-нибудь баба подсунула, а даромъ такія деньги не даютъ. Можетъ, грѣхъ какой-нибудь на нихъ...

— Грѣхъ, да не нашъ, а чей грѣхъ, тому за него и отвѣчать.

Шматову ужасно понравилась дьяконицына гордость, и онъ про себя похвалилъ ее.

— Ай да Марья Антоновна! Эту не купишь...

Дѣла на пріискѣ шли отлично. Въ два мѣсяца Шматовъ сдалъ уже полтора пуда золота и строилъ зимнюю казарму. Зимой золотничники не будутъ работать, а сидѣть безъ дѣла скучно. Вотъ, если бы поставить паровую машину,—совсѣмъ бы другое дѣло, а то руками немного намоешь. Но пока не хватало денегъ, т.-е. тысячъ десять у Шматова оставалось, но онъ ихъ берегъ на всякій случай и не желалъ зарываться, какъ случалось прежде.

— Молодъ былъ, глупъ...—читалъ наставленіе Шматовъ самому себѣ.— А теперь мы учены и выучены на оба бока.

Странно, что, когда отпала гнетущая забота о завтрашнемъ днѣ, Шматовъ началъ скучать. Ну, есть деньги, жить можно, а скажите, пожалуйста, для чего жить? На эту тему разговоры велись въ конторѣ почти каждый вечеръ, когда пили чай.

— Какъ ты думаешь, для чего человѣкъ живетъ?—допрашивалъ Шматовъ дьякона.

— Всякій по-своему живетъ...—уклончиво отвѣчалъ дьяконъ.

— Эхъ, не то... Ничего ты не понимаешь!

Дьяконъ только улыбался. Онъ-то не понимаетъ!

— Ну, чему ты смѣешься?—начиналъ сердиться Шматовъ.—Вотъ ты дробей не понимаешь...

— А для чего мнѣ дроби, когда ихъ Маша знаетъ.

„Задастъ она тебѣ, долговолосому, когда-нибудь такія дроби, что небо съ овчинку покажется!“—злился про себя Шматовъ.

Въ послѣднее время Шматовъ начиналъ злобиться на дьякона, точно онъ ему мѣшалъ. Потомъ ему казалось, что прежняго дьякона точно не бывало, а настоящій реальный дьяконъ его возмущалъ уже однимъ своимъ присутствіемъ. И вахлакъ онъ, и носомъ сопитъ, когда ѣстъ, и сапожищами стучитъ, и ногти всегда въ траурѣ,—однимъ словомъ, совсѣмъ глупый дьяконъ.

— И зачѣмъ только я этакого обормота навязалъ себѣ на шею?—

удивлялся Шматовъ.—Вонъ какое сокровище!.. Знакомому чорту подаритъ, такъ обратно отдастъ.

Даже мысль о красавицѣ-дьяконицѣ не мирила, а еще больше подливала масла въ огонь. Вѣдь достанется же этакому вахлаку такая краля... При одной мысли о дьяконицѣ крѣпкая голова Шматова туманилась отъ сладкаго безумія. Господи, если бы Марья Антоновна хоть одно словечко ласковое сказала, да, кажется, живой и мертвой воды досталъ бы для нея.

Воображеніе Шматова перестраивало всю контору, и онъ видѣлъ Марью Антоновну, цвѣтущую, ласковую и улыбающуюся, какъ она наполняла своимъ присутствіемъ все и всему давала жизнь и счастье. Комната, гдѣ жилъ сейчасъ дьяконъ, могла быть устроена, какъ соловьиное гнѣздышко: всѣ стѣны и потолокъ обить розовымъ кретономъ, поставить бархатную мебель, рабочій дамскій столикъ, полъ устлать сплошнымъ ковромъ, повѣсить драпировки, съ потолка спустить нарядный фонарикъ,—на̀, краля, ходи своими ножками, гляди своими глазками и радуйся.

„Эхъ, старость, старость!—въ отчаяніи думалъ Шматовъ, хватаясь за голову,—Глупости, все глупости!“

## XI.

Наступила осень. Начались дождливые дни. Зеленая шелковая степь сдѣлалась бурою, какъ бурѣетъ старое, выношенное платье. А тутъ еще холодный осенній вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и мечется, точно ищетъ и не можетъ найти прокатившагося лѣта.

Непріятно стало и на Дьяконскомъ пріискѣ. Рабочимъ приходилось цѣлые дни стоять въ водѣ и мокнуть на дождѣ. Мало-по-малу народъ началъ съ пріиска расходиться, кто куда. Только самые оголтѣлые золотничники, которымъ ужъ некуда было итти, оставались ждать заморозковъ. Въ ледяной водѣ немного наработаешь.

Станица Провалешная совсѣмъ потонула въ грязи, какъ всегда. По улицѣ нельзя была проѣхать, особенно съ возомъ. И прежде было грязно, а нынче, когда установился торопокъ, совсѣмъ ужъ проѣзда не было. Липкій, жидкій черноземъ обвертывалъ колеса точно чернымъ войлокомъ, а лошадиныя ноги уходили въ грязь по колѣно. Оживившаяся за лѣто станица сразу точно замерла, а по воскресеньямъ базаръ наполовину пустовалъ. Въ самомъ воздухѣ точно висѣла какая-то мертвая тоска. Даже о. Петръ и тотъ пріунылъ и дома ходилъ въ стеганомъ подрясникѣ.

— Ну, и погодка!—удивлялся онъ, точно не пережилъ шестидесяти такихъ осеней.

Таисья Мироновна тоже охала и жаловалась то на голову, то на поясницу, то на ноги.

— Отъ старости нѣтъ лѣкарства,—утѣшалъ ее о. Петръ.

— Какая же я старуха? И шестидесяти лѣтъ нѣтъ... Вонъ казачка Устинья, такъ она до девяноста лѣтъ дожила.

Подъ вліяніемъ осенней хандры о. Петръ все чаще и чаще началъ задумываться о суетѣ міра сего, о бренности человѣческаго существованія, о тщетѣ нашихъ помысловъ и тому подобныхъ поучительныхъ и важныхъ матеріяхъ. Въ одно особенно скверное осеннее утро, когда дождь барабанилъ въ маленькія окна поповскаго домика съ настойчивостью кредитора, о. Петръ послалъ церковнаго коморника за дьякономъ.

— Не подобаетъ...—повторялъ онъ, шагая по комнатѣ.—Санъ не позволяетъ. А я дѣлаю послабленія... Нѣтъ, не подобаетъ.

Дьяконъ Африканъ явился и сумрачно остановился въ дверяхъ.

— Ты не на пріискѣ?—удивился о. Петръ.

Ноги дьякона переступали, точно его хотѣли подковывать.

О. Петръ остановился противъ него и внушительно проговорилъ:

— Вотъ что̀, другъ мой, поговоримъ серьезно... Если преосвященный узна̀етъ, что ты служишь на пріискѣ, какъ свѣтскій человѣкъ, то можетъ лишить и сана. Да... Я долженъ предупредить тебя, потому что, когда поѣду въ консисторію предъ Рождествомъ съ отчетами, то меня прежде всего спросятъ о твоемъ поведеніи... Что̀ я могу сказать?

Дьяконъ потоптался и отвѣтилъ:

— Пусть разстригаютъ... Мнѣ все равно.

— Значитъ, ты хочешь окончательно поступить на службу къ злому духу?

— Нѣтъ... Я на пріискъ больше ни-ни!

Отецъ Петръ удивился. Зачѣмъ же тогда разстригаться? Было что-то непонятное въ поведеніи дьякона.

— Да ты въ умѣ ли?—спросилъ о. Петръ, щупая дьякона за руку.— Ты и такъ-то былъ немного древоголовъ, а сейчасъ говоришь ужъ совсѣмъ неподобное...

Дьяконъ Африканъ опять замолчалъ.

— Ну, ну, говори!—приставалъ о. Петръ.

— Чего говорить-то? Теперь дьяконица на пріискѣ живетъ... Вчера совсѣмъ уѣхала, т.-е. третьяго-дня.

— Какъ уѣхала?!

— А такъ... Забрала свое приданое и уѣхала.

— Ну, а ты какъ же?

— Не знаю...

Дьяконъ только развелъ руками и посмотрѣлъ на допрашивавшаго о. Петра какимъ-то дѣтскимъ взглядомъ. О. Петръ забѣгалъ по комнатѣ. Этотъ поступокъ злого духа превысилъ мѣру всяческаго терпѣнія. Свести съ ума живого человѣка,—нѣтъ, этого нельзя. И на злого духа управа найдется. Конечно, судиться гражданскимъ судомъ и высуживать дьяконицу обратно къ мужу какъ-то необычайно и даже зазорно для духовнаго дьяконскаго сана, но можетъ въ семъ судномъ дѣлѣ принять участіе самъ владыка. Да, самъ владыка... Дьяконъ Африканъ, несмотря на свою несомнѣнную древоголовость, проникъ въ тайную мысль о. Петра и сказалъ:

— Тутъ ужъ ничего не подѣлать, отецъ Петръ... да. Я даже хотѣлъ убить злого духа...

— Ну, и?..

Волосатая дьяконская рука сдѣлала жестъ ненужности уничтоженія злого духа.

— Я разсудилъ такъ, отецъ Петръ... Да, разсудилъ... Ежели я убью злого духа, все равно—Марьи Антоновны не воротить. Она мнѣ сама это въ глаза сказала...

— Постой, постой, мы это дѣло сейчасъ живою рукой разберемъ,—заговорилъ о. Петръ, направляясь къ двери въ кухню.

Онъ вернулся въ сопровожденіи Таисьи Мироновны, которой по пути успѣлъ сообщить новость. Старая экономка представляла своей особой какой-то жирный испугъ и нѣсколько разъ всплеснула короткими руками, точно фарфоровая кукла. Дьяконъ Африканъ повторилъ свой несложный разсказъ, глядя въ уголъ.

— А вѣдь я это впередъ знала!—заговорила попадья, качая головой.— И даже заходила поговорить съ самой-то. Еще лѣтомъ дѣло было... Она, значитъ, сидитъ у окошечка, а я сижу на диванѣ, ну...

— Какъ дѣлу-то быть, мать, вотъ о чемъ нужно говорить,—перебилъ ее о. Петръ.—Вѣдь нужно что-нибудь дѣлать... Сегодня злой духъ одну жену увелъ, завтра уведетъ другую,—какой примѣръ другимъ? Этакъ и я бы, то-есть это я къ примѣру...

Судили, рядили и ничего не могли придумать.

— Я самъ поѣду на пріискъ, вотъ и все,—рѣшилъ о. Петръ.—Я покажу злому духу, какъ чужихъ женъ воровать!

— А ежели она сама пошла къ нему?—замѣтила попадья.—Ужъ ты извини, дьяконъ, дѣло прошлое, а жена у тебя—гордячка. Вотъ за гордость Богъ и наказалъ...

Губы дьякона искривились, но это была не улыбка, а проявленіе душевной боли. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и прошепталъ:

— Я... ничего... не... знаю...

## XII.

О. Петръ сдержалъ свое слово. Онъ на другой день поднялся чуть свѣтъ, напился чаю и послалъ коморника за лошадью. Старикъ былъ встревоженъ и все поглядывалъ въ окно. На улицѣ моросилъ самый назойливый, мелкій осенній дождь.

— Пожалуй, и не ѣхать, такъ въ ту же пору,—замѣтила Таисья Мироновна, убирая чайную посуду.—Не съ требой...

— И это треба. Живая душа погибаетъ...

— А ежели она сама хочетъ? Съ бабой развѣ сговоришь, ежели она дурь въ голову забрала...

— Всѣ погибшія души одинаковы. А не все ли равно, кто чѣмъ ушибся? Вотъ мнѣ злого духа надо достать... да.

Между прочимъ, о. Петръ подумалъ-было, не захватить ли съ собой, на всякій случай, дьякона, но потомъ рѣшилъ, что это будетъ излишне. Дьяконъ только все напортитъ.

Проѣзжая мимо дьяконскаго дома, показавшагося ему сиротой, о. Петръ угнетенно вздохнулъ. Да, было гнѣздо—и разорено. Хорошо, что еще не было въ немъ птенцовъ. О, суета суетъ и прелести міра сего! На что польстилась дьяконица? Недаромъ великіе подвижники и праведники такъ краснорѣчиво говорили о скудельномъ сосудѣ, который и есть женщина.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—вслухъ повторялъ о. Петръ, понукая сытую лошадку, вязнувшую въ грязи.

Онъ нарочно поѣхалъ одинъ, чтобы не подать повода для излишнихъ пересудовъ и разговоровъ. Не такое дѣло, чтобы чужимъ людямъ его показывать.

Проѣхать глубокою осенью по степной черноземной дорогѣ, превращенной дождями въ черную кашу,—цѣлый подвигъ, и о. Петръ ѣхалъ цѣлыхъ четыре часа, какъ ѣздятъ съ тяжелыми возами. Хорошо, что еще лошадка попалась могутная, и въ трудныхъ мѣстахъ у нея только гужи трещали, когда она всей грудью влегала въ хомутъ.

Пріискъ представлялъ собой настоящую картину мерзости запустѣнія, такъ что едва можно было пробраться до конторы, минуя глубокія ямы, изъ которыхъ добывались золотоносные пески, и сейчасъ наполненныя дождевою водой, канавы и цѣлые валы не заросшихъ еще травой отваловъ и свалокъ, нагроможденныхъ изъ верхнихъ пустыхъ породъ и перемытыхъ песковъ.

Лошадь вся дымилась отъ пара, когда остановилась у пріисковой конторы. О. Петръ не торопясь вылѣзъ изъ дорожнаго плетенаго коробка, не торопясь поднялся на крыльцо и вошелъ въ контору. Онъ такъ и остановился у порога, пораженный представившимся зрѣлищемъ: посрединѣ комнаты столъ, на столѣ стоялъ кипѣвшій самоваръ, а кругомъ сидѣли: злой духъ, дьяконица и дьяконъ. Они, очевидно, не ожидали визита о. Петра, и дьяконица тихо вскрикнула, а потомъ убѣжала въ сосѣднюю комнату.

Навстрѣчу гостю поднялся Шматовъ и, протягивая руку, проговорилъ:

— Отцу Петру наше глубокое почтеніе...

О. Петръ не подалъ своей руки и отвѣтилъ:

— Не за твоимъ почтеніемъ я сюда пріѣхалъ, злой и кровожадный духъ. Да... Гдѣ Марья Антоновна? Мнѣ нужно ее видѣть...

— Она въ своей комнатѣ,—отвѣтилъ Шматовъ, загораживая дверь.

Дьяконъ видѣлъ, какъ о. Петръ съ достоинствомъ отвелъ злого духа отъ двери—и скрылся. Шматовъ стоялъ блѣдный, съ блуждающими глазами, и щупалъ лобъ, точно хотѣлъ что-то припомнить.

О. Петръ вошелъ въ комнату Марьи Антоновны и остановился, оглядывая невиданную имъ обстановку: обитыя матеріей стѣны, мраморные столики, бархатную мебель. Она стояла у окна въ утреннемъ шелковомъ капотѣ и смотрѣла на него злыми глазами.

— Ну, художница, пора домой,—спокойно заявилъ о. Петръ.—Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

— Нѣтъ у меня дома...

— А можетъ, найдемъ... Да сними съ себя шелки-то. Не подобаетъ...

Марья Антоновна покорно ушла за драпировку, гдѣ стояла кровать, и о. Петръ слышалъ, какъ шуршалъ шелкъ и шумѣли накрахмаленныя юбки. Онъ стоялъ посреди комнаты и укоризненно качалъ головой.

— Ахъ, злой духъ, злой духъ, какую мышеловку устроилъ!

Потомъ о. Петръ вывелъ дьяконицу, одѣтую уже въ свое обыкновенное платье, и проговорилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— Ну, прощайте да не поминайте лихомъ.

Шматовъ сдѣлалъ шагъ къ дьяконицѣ и прошепталъ сдавленнымъ голосомъ всего одно слово:

— Маша...

Она даже не взглянула на него, точно загипнотизированная. О. Петръ вывелъ ее, усадилъ въ коробокъ, залѣзъ, покрякивая, самъ и сказалъ, обращаясь къ стоявшему на крыльцѣ Шматову:

— А тебѣ, злому духу, все-таки нѣтъ моего благословенія. Такъ и знай!..

Шматовъ стоялъ точно окаменѣлый и все ждалъ, не оглянется ли Марья Антоновна хоть разочекъ. Но она не оглянулась. Ее душили глухія рыданія.

— Плачь, Маша, горче плачь,—ласково говорилъ о. Петръ, понукая уставшую лошадь.

Черезъ недѣлю Шматовъ застрѣлился.

---

# НАТА.

## Изъ лѣтнихъ разсказовъ.

### I.

— Чортъ мою душу возьми, это совсѣмъ не *старатели*, нянька!—громко проговорилъ Борисъ Борисычъ, оставляя дымившуюся сигару.—Посмотри, пожалуйста, кто это... а?.. Странно!..

— А кому быть-то, Борисъ Борисычъ?..—своимъ убитымъ голосомъ отвѣтила старая Кузьмовна и только изъ вѣжливости, заслонивъ глаза рукой, принялась разсматривать дорогу, спускавшуюся желтой лентой съ Лысой горы прямо къ Мурмаровскому болоту.—Никакъ на парѣ ѣдутъ... въ повозкѣ. Такъ и есть... Поглядѣли бы вы, Борисъ Борисычъ, въ свою трубочку, а я-то слѣпа стала.

Борисъ Борисычъ поднялся съ кресла и большими шагами отправился въ контору, откуда сейчасъ же вернулся съ пароходнымъ биноклемъ въ рукахъ. Онъ подошелъ къ самой рѣшеткѣ широкой террасы, на которой пилъ чай съ нянькой, и, разставивъ свои длинныя ноги, принялся разсматривать приближавшійся къ пріисковой конторѣ экипажъ. Изъ-подъ чайнаго стола выползла великолѣпная черная собака, сеттеръ-гордонъ, поднялась передними лапами на рѣшетку, понюхала воздухъ, вильнула пушистымъ хвостомъ и глупо принялась смотрѣть прищуренными глазами тоже на двигавшуюся по дорогѣ черную точку.

— Мало ли кто ѣдетъ...—ворчала Кузьмовна, прибирая чайную посуду.—Можетъ, кто-нибудь изъ золотопромышленниковъ, а можетъ, и такъ кто... Въ третьемъ годѣ какъ-то охотники пріѣзжали оленей стрѣлять, съ собаками. Кому теперь ѣхать въ этакую жарынь!?..

Пріисковая контора была выстроена широкой русской избой на скатѣ горы, у самаго болота; съ террасы открывался отличный видъ на все Мурмаровское болото, на окружавшія его невысокія горы и на дорогу, которая вела въ деревню Косогоръ. Теперь все кругомъ было залито ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ, какъ это бываетъ только въ полдень, когда все замретъ и не шелохнется, точно придавленное. Отъ березъ и кустовъ смородины падала густая тѣнь; такая же тѣнь рисовала на пескѣ столбики террасы, длинную фигуру Бориса Борисыча и голову собаки. Старая Кузьмовна успѣла прибрать всю чайную посуду, а Борисъ Борисовичъ все еще смотрѣлъ въ свою трубу и нѣсколько разъ повторялъ про себя: „Странно... очень странно!“. Собака зѣвала, заглядывала сбоку на хозяина и сердито морщила брови; она наконецъ глухо заворчала и бросилась на дорогу.

— Ильза, назадъ!..—окрикнулъ ее хозяинъ и торопливо застегнулъ свою кожаную шведскую куртку на всѣ пуговицы.

Собака вернулась на террасу и съ подавленнымъ ворчаніемъ улеглась у самаго входа, а Борисъ Борисычъ отошелъ въ сторонку и спрятался за опущенную пеньковую драпировку. По пути онъ взглянулъ на свои охотничьи сапоги и сомнительной бѣлизны рукавъ сорочки.

А по пыльной, изрытой дождями дорогѣ медленно приближалась большая повозка съ поднятымъ кожанымъ болкомъ. Пара измученныхъ лошадей едва ее тащила, отмахиваясь хвостами отъ жужжавшаго надъ нею овода. Въ глубинѣ повозки можно было разсмотрѣть лѣтнюю соломенную женскую шляпку съ широкими полями—и только. „Женщина въ Мурмаровскомъ болотѣ...“—повторялъ про себя Борисъ Борисычъ и невольно поднималъ плечи и густыя брови. Его красивое, правильное лицо, тронутое первыми тѣнями приближавшейся старости, выражало тревогу, а голубые блестящіе глаза хмурились.

Когда повозка поровнялась съ конторой, изъ болка показалась маленькая женская рука въ желтой шелковой перчаткѣ и остановила кучера.

— Нужно спросить, куда ѣхать...—послышался недовольный женскій голосъ съ капризными, по-дѣтски картавившими нотками.—Агапъ Терентьичъ, вставайте! Дальше некуда ѣхать... Мы совсѣмъ заблудились въ этомъ проклятомъ болотѣ.

Борисъ Борисычъ легкой походкой сбѣжалъ съ террасы, подошелъ къ экипажу и, вѣжливо раскланявшись съ красивой дамой въ соломенной шляпкѣ, проговорилъ:

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ, сударыня?

Изъ-подъ соломенной шляпки на непрошеннаго кавалера сердито глянули большіе темные глаза и послышался сдержанный отвѣтъ:

— Очень вамъ благодарна, monsieur...

На этотъ короткій разговоръ въ экипажѣ поднялась тяжелая и жирная голова съ узкими темными глазками; она посмотрѣла нѣсколько мгновеній на Бориса Борисыча тупымъ недовѣрчивымъ взглядомъ и пробормотала:

— Ната, это что̀ за господинъ?

— А вотъ насчетъ дороги, баринъ...—заговорилъ кучеръ, равнодушно перебирая вожжи въ рукахъ.—Барыня, значитъ, сумлѣвались и приказали спросить...

— Дуракъ!..—выругалась толстая голова, безъ сомнѣнія, принадлежавшая Агапу Терентьичу.—Сказано, нужно спуститься съ горы, а потомъ кругомъ болота ѣхать—тутъ тебѣ и будутъ Талые Ключи. Пошелъ, болванъ!..

Повозка опять тронулась впередъ, а Борисъ Борисычъ остался посреди дороги и долго провожалъ глазами удалявшійся экипажъ, повторяя одно слово: „Ната“.

Дорога отъ конторы шла по самому берегу болота и потомъ терялась въ ольховой заросли. Экипажъ оставилъ за собой таявшую въ воздухѣ мутную ленту желтоватой пыли и скоро исчезъ въ зелени. Солнце свѣтило попрежнему горячо, и попрежнему отъ каждой былинки тянулась тѣнь. Борисъ Борисычъ улыбнулся, приподнялъ свою шляпу и машинально повторилъ свой вопросъ:

— Сударыня, чѣмъ могу служить вамъ?

Онъ видѣлъ незнакомую даму только мелькомъ, но успѣлъ разсмотрѣть, что она была хороша, даже очень хороша, хотя и не первой молодости; притомъ эта таинственная Ната по всѣмъ признакамъ принадлежала къ хорошему семейству... Въ ушахъ Бориса Борисыча долго стоялъ этотъ кокетливо картавившій женскій голосъ и какое-то необыкновенно выразительное, блѣдное лицо, которое рядомъ съ круглой рожей Агапа Терентьича особенно рѣзко выдѣлялось своей артистической тонкостью линій.

— Красивая барышня проѣхала!—замѣтила Кузьмовна, когда баринъ шагалъ по террасѣ съ сигарой въ зубахъ.—Видно, съ тятенькой проѣзжаетъ... И образина только, Христосъ съ нимъ!..

Надъ горами, надъ болотомъ и надъ лѣсомъ быстро спускался короткій лѣтній вечеръ, а баринъ все ходилъ по террасѣ съ сигарой въ зубахъ и время отъ времени задумчиво крутилъ свой сѣдой усъ. Кузьмовна давно унесла потухшій самоваръ и посуду, потомъ подала обѣдъ, но Борисъ Борисычъ едва попробовалъ ея стряпню и опять принялся сосать сигару. Приходилъ кучеръ Захаръ съ докладомъ о томъ, что гнѣдой „виноходецъ" расхлябился на лѣвую переднюю ногу и надо бы его перековать въ Косогорахъ.

— Завтра съѣздишь и перекуешь...—отвѣтилъ баринъ какъ-то нехотя, чѣмъ Захаръ былъ очень обиженъ.

Послѣ Захара явился помощникъ Бориса Борисыча, молодой человѣкъ, по фамиліи Бѣлоусовъ, и почтительно доложилъ, что новая шахта подъ горой Медвѣдкой быстро подвигается впередъ.

— Очень быстро?—разсѣянно спросилъ Борисъ Борисычъ.

— Такъ точно-съ... На двадцать восьмую сажень перевалили.

— Странно... то-есть я хотѣлъ сказать: превосходно...

Бѣлоусовъ, рябой и вихлястый малый, обладалъ замѣчательнымъ малодушіемъ и постоянно смущался въ присутствіи Бориса Борисыча, какъ самая застѣнчивая дѣвушка. Это всегда забавляло Бориса Борисыча, и онъ старался приручить къ себѣ этого малодушнаго человѣка разными способами, главнымъ образомъ разговорами съ нимъ,—послѣднее составляло для Бѣлоусова истинную пытку. Кончивъ докладъ, Бѣлоусовъ совсѣмъ направился-было къ выходу, счастливый тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался на этотъ разъ, но съ полдороги Борисъ Борисычъ вернулъ его вопросомъ:

— Бѣлоусовъ, позвольте, куда же вы бѣжите отъ меня?

— Я ничего-съ...—пролепеталъ несчастный молодой человѣкъ и вернулся.

— Что̀ я тебя хотѣлъ спросить... позволь...—думалъ вслухъ Борисъ Борисычъ, ероша волосы на головѣ.

— Не могу знать-съ!..—отвѣтилъ Бѣлоусовъ и сейчасъ же закраснѣлся отъ стыда за неспрошенную глупость.

— Да, да... Ахъ, вотъ что̀: до Талыхъ Ключей отсюда сколько будетъ верстъ?

— Лѣтомъ верстъ десять будетъ... а зимой рукой подать, ежели черезъ болото-съ.

— Такъ... А тамъ чей пріискъ былъ?

— Пріискъ-съ?.. Кажется, купца Бабкина-съ. Незабвенный-съ называется. Да онъ, сказывали, съ торговъ пошелъ, потому какъ самъ Бабкинъ умеръ, а наслѣдникамъ это неспособно.

— Такъ, такъ... Что̀ же тамъ, на этомъ Незабвенномъ, контора есть, ну, однимъ словомъ, есть гдѣ жить?

— Есть и контора-съ... только очень ветхое зданіе-съ. Будто какъ одно названіе, что контора. Двѣ шахты заложены были, а теперь онѣ водой залиты-съ.

Борисъ Борисычъ нѣсколько времени молчалъ, а потомъ со своей обычной улыбкой прибавилъ:

— Бѣлоусовъ, вы очень неглупый человѣкъ...

Эта шутка заставила Бѣлоусова вспыхнуть вмѣстѣ съ ушами, и онъ торопливо скрылся, какъ пойманный на мѣстѣ преступленія.

## II.

Солнце быстро клонилось къ западу и точно куталось въ золотую парчу пурпуроваго заката. Отъ болота потянуло сыростью, птицы смолкли, и только одни неугомонные дятлы продолжали долбить сухую старую ель, стоявшую въ двухъ шагахъ отъ конторы, какъ привидѣніе. Пріискъ Валежный никакихъ особенныхъ красотъ собою не представлялъ: контора, какъ мы уже сказали, стояла на самомъ берегу Мурмаровскаго болота; за ней зеленой стѣной подымался безконечный ельникъ; впереди высилась Лысая гора; рядомъ съ ней крутая гора Медвѣдка, а на горизонтѣ, на другомъ берегу Мурмаровскаго болота, неправильной синеватой полоской тянулись три горы, извѣстныя подъ общимъ именемъ Талыхъ Ключей. Эта однообразная и по-своему печальная картина оживлялась только пріисковой дорогой, двумя шахтами подъ Медвѣдкой, заброшенной шахтой на Валежномъ и пріисковыми постройками.

На Валежномъ, кромѣ конторы, были выстроены казарма для рабочихъ, конюшни для лошадей и еще два амбара спеціально для храненія разнаго пріисковаго скарба. Вечеромъ около конторы въ живописномъ безпорядкѣ около горѣвшихъ огней располагались пестрыя кучки рабочихъ, слышался веселый говоръ, тренканье балалайки и постоянно вставала длинная-длинная, какъ этотъ лѣсъ, проголосная пѣсня, надрывавшая душу. Борисъ Борисычъ любилъ по вечерамъ сидѣть на своей террасѣ и безъ конца дымить сигарой, но сегодня онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и весь вечеръ пролежалъ на походной кровати: ему хотѣлось остаться одному, чтобы съ головой погрузиться въ то созерцательное настроеніе, какое переживаютъ по вечерамъ всѣ старые холостяки. Въ самомъ дѣлѣ, хорошій лѣтній вечеръ всегда напоминаетъ намъ картины тихаго семейнаго счастья—самоваръ на столѣ, розовыя лица дѣтей, присутствіе женщины-матери, маленькія семейныя радости и большія заботы. Сегодня Борису Борисычу показалось особенно тяжелымъ его холостое одиночество, и его подъ-пятьдесятъ лѣтъ давили, какъ пятьдесятъ кирпичей. Съ одной стороны, у самаго неисправимаго холостяка есть теплыя дѣтскія воспоминанія, съ другой—въ воображеніи рисуется безконечный рядъ картинъ чужого семейнаго счастья, освѣщеннаго и скрѣпленнаго трудомъ для семьи и дѣтскими улыбками.

Когда Борису Борисычу дѣлалось скучно, онъ открывалъ свой книжный шкапъ, выбиралъ какую-нибудь умную книжку и убивалъ время чтеніемъ. Этимъ способомъ наполнялась сосавшая его пустота, но сегодня и это патентованное средство не помогло—книга полетѣла въ уголъ, гдѣ стоялъ желѣзный ящикъ съ деньгами.

— Однако это свинство...—ворчалъ Борисъ Борисычъ, раскуривая третью сигару.

Онъ подошелъ къ раскрытому окну и долго смотрѣлъ на дымившееся туманомъ болото, на мерцавшія въ небѣ звѣзды, на потухавшіе около казармы огни. Тянувшая въ окно струя ночного воздуха нѣсколько освѣжила его, но ему сдѣлалось еще скучнѣе, точно онъ сегодня потерялъ что-то такое дорогое. Контора освѣтилась зеленой лампочкой, и со всѣхъ сторонъ выглянули такіе знакомые и давно надоѣвшіе предметы походной пріисковой обстановки: желѣзная касса, складная кровать, полки съ книгами, карта на стѣнѣ, письменный столъ, вѣчно покрытый слоемъ пыли, дремавшая на коврѣ Ильза, англійская двухстволка на стѣнѣ. Борису Борисычу было обидно главнымъ образомъ то, что его взволновало и выбило изъ колеи совершенно ничтожное обстоятельство: увидѣлъ какую-то сомнительную женскую шляпу и затоско-

валъ. О чемъ, спрашивается? Развѣ порядочная согласится ѣхать въ эту медвѣжью глушь въ сопровожденіи такого урода? Это, навѣрно, какая-нибудь куртизанка или просто потерянная женщина.

— Нѣтъ, она не куртизанка... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—протестовалъ внутренній голосъ.

Таинственная Ната заинтересовала Бориса Борисыча просто потому, что онъ уже цѣлыхъ три мѣсяца, кромѣ деревенскихъ бабъ, не видалъ ни одной женщины, а тутъ точно съ неба свалилась настоящая цивилизованная дама въ желтыхъ перчаткахъ и въ соломенной шляпѣ. Нужно замѣтить, что Борисъ Борисычъ питалъ большую слабость къ женщинамъ и, въ качествѣ стараго холостяка, не стыдился признаваться въ этомъ откровенно. Промелькнувшее, какъ въ туманѣ, красивое и характерное женское лицо расшевелило въ немъ ту артистическую жилку, которая для людей этого сорта составляетъ истинное несчастіе. Интересъ увеличивался даже такими ничтожными обстоятельствами, какъ артистическое полуимя „Ната“ и какая-то таинственная обстановка появленія въ обществѣ этого урода Агапа Терентьича.

— Странно, да, очень странно...—повторялъ Борисъ Борисычъ, усаживаясь къ столу провѣрять какой-то мудреный чертежъ прінсковой машины.

Ему пришлось съ полчаса усиленно сосредоточивать свое вниманіе, пока встревоженная мысль не вошла въ свою колею и на бумагу посыпались обычнымъ чередомъ цѣлые столбцы всевозможныхъ вычисленій и формулъ. Короткая лѣтняя ночь смѣнилась сѣрымъ и туманнымъ утромъ, а Борисъ Борисычъ все сидѣлъ за работой, пока не почувствовалъ той пріятной усталости, которая даетъ мертвый сонъ. Онъ, не раздѣваясь, бросился въ свою постель и проспалъ богатырскимъ сномъ до самаго полудня, когда солнце начало сильно жечь ему свѣсившуюся съ кровати руку. Борисъ Борисычъ быстро вскочилъ на ноги, какъ это дѣлаютъ всѣ старые военные, и долго не могъ сообразить, что̀ съ нимъ случилось вчера, что̀ заставило уснуть, не раздѣваясь?

— Ужъ не напился ли я пьянъ?—соображалъ онъ, ощупывая свою голову.—Нѣтъ, не то... Чортъ знаетъ, что̀ такое!..

Вспомнивъ про Нату, онъ самъ засмѣялся своей сумасшедшей глупости и позвонилъ. Явилась Кузьмовна съ умывальникомъ и полотенцемъ.

— Ну, нянька, давай самой холодной воды!..—весело заговорилъ Борисъ Борисычъ, предвкушая удовольствіе умыванья.

— Ключевая вода, какъ ледъ!

— Отлично, нянюшка!

Борисъ Борисычъ снялъ съ себя куртку, разстегнулъ воротъ рубашки, засучилъ рукава выше локтей и только хотѣлъ приступить къ операціи умыванья, какъ Кузьмовна проговорила:

— А васъ давно ждутъ...

— Кто ждетъ?..

— А вчерашній господинъ, который ѣхалъ съ барышней... На терраскѣ сидятъ вотъ ужъ второй часъ. Очень, говорятъ, нужно!..

— Что̀ же ты меня не разбудила? Отчего не сказала сейчасъ же, какъ вошла?.. Ахъ, какая ты странная, нянька!..

## III.

Борисъ Борисычъ бросилъ умываться, быстро натянулъ на себя куртку и вышелъ на террасу, гдѣ его, дѣйствительно, ждалъ Агапъ Терентьичъ, имѣвшій сегодня такой убитый видъ, что въ первый моментъ Борисъ Борисычъ даже не узналъ его.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—проговорилъ онъ стереотипную фразу съ вѣжливостью свѣтскаго человѣка.

Агапъ Терентьичъ какъ-то смѣшно заморгалъ своими свиными глазками, схватилъ обѣими руками руку Бориса Борисыча и заговорилъ встревоженнымъ, немного хриплымъ голосомъ:

— Спасите, спасите меня... т.-е. спасите ее, Борисъ Борисычъ! Я совсѣмъ не знаю, что̀ дѣлать... Вѣроятно, это случилось съ дороги. Ната не привыкла къ дальнимъ дорогамъ... да. Все было ничего, все была спокойна, даже радовалась, а какъ пріѣхали на мѣсто... Тамъ есть изба,—ничего, жить можно! Ну, съ ней сейчасъ припадокъ...

— Какого сорта припадокъ?

— Ей-Богу, не умѣю вамъ сказать... Раньше этого не бывало съ ней, а тутъ вдругъ! Сначала плакала и капризничала...

Агапъ Терентьичъ оглядѣлся кругомъ и съ выразительной улыбкой, лукаво подмигнувъ глазомъ, прибавилъ:

— Да-съ, мы немножко бываемъ капризны... хе-хе!.. Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало бы говорить это совсѣмъ незнакомому человѣку, но войдите въ мое положеніе... Ужасный припадокъ: конвульсіи, рыданія, столбнякъ. Я совсѣмъ потерялъ голову, доктора взять негдѣ, и вотъ я бросился къ вамъ...

Эта глупая болтовня непріятно подѣйствовала на Бориса Борисыча, и онъ недовѣрчиво разсматривалъ мѣшковатую фигуру своего собесѣдника, его парусинный балахонъ, круглую шапочку на головѣ, охотничьи сапоги, покрытые пылью, глупое жирное лицо съ какими-то рыжеватыми, по-солдатски подстриженными усами и необыкновенно развитую нижнюю челюсть. Мѣшки подъ глазами, подозрительный цвѣтъ мясистаго носа и жирныя складки отвислыхъ щекъ и трехъ-тажнаго подбородка придавали Агапу Терентьичу очень непривлекательный видъ.

— Извините, я ничего не понимаю, а меньше всего—чѣмъ я могу быть полезнымъ вамъ?—довольно сухо отвѣтилъ Борисъ Борисычъ, когда Агапъ Терентьичъ принялся неистово вытирать свое круглое лицо носовымъ платкомъ сомнительной бѣлизны.

— А что̀ же я буду съ ней дѣлать въ лѣсу?.. Я обратился къ вамъ, какъ къ образованному человѣку... Можетъ-быть, у васъ есть какія-нибудь капли или порошки. Это иногда очень помогаетъ женщинамъ...

— Вы какъ сюда пріѣхали?

— Верхомъ пріѣхалъ... вотъ изволите видѣть, какая пыль по дорогѣ. Сломя голову мчался... Я не смѣю, конечно, васъ утруждать, но если бы вы согласились лично навѣстить больную... Да, въ этихъ случаяхъ одно присутствіе посторонняго человѣка иногда помогаетъ. Увѣряю васъ...

Борисъ Борисычъ поднялъ плечи въ знакъ удивленія и только что-то промычалъ. У него была своя походная аптечка, но возиться съ какимъ-то нервнымъ припадкомъ капризничавшей женщины... Въ смущеніи Борисъ Борисычъ досталъ машинально сигару, раскурилъ ее и предложилъ такую же своему гостю.

— Благодарю, — отвѣтилъ гость и сейчасъ же взялъ сигару съ той особенной развязностью, съ какой берутъ ихъ подозрительныя личности, привыкшія курить чужой табакъ.—А вѣдь Ната умираетъ... Можетъ-быть, она уже умерла... Ради всего святого, спасите ее, Борисъ Борисычъ!.. Вѣдь это какая женщина, если бы вы знали... Ѣдемте, ради Бога!.. Это совсѣмъ недалеко...

Агапъ Терентьичъ опять схватилъ Бориса Борисыча за руку и по пути трагическимъ жестомъ смахнулъ навернувшіяся на глаза слезы.

— Хорошо, хорошо...—соглашался Борисъ Борисычъ и велѣлъ Захару сѣдлать своего гнѣдого иноходца.

Черезъ полчаса съ Валежнаго по дорогѣ къ Талымъ Ключамъ помчались два всадника. Борисъ Борисычъ держался въ сѣдлѣ молодцомъ и только сдерживалъ свою горячившуюся лошадь; Агапъ Терентьичъ галопировалъ рядомъ съ нимъ на какой-то отчаянной клячѣ, подогнувъ колѣнки и смѣшно болтая локтями въ воздухѣ. По сторонамъ широкимъ махомъ неслась Ильза, обнюхивая по пути всѣ кусты и кочки. Дорога шла по берегу болота, минуя большой лѣсъ; попадались гривки молодыхъ березняковъ, одиноко торчавшія сосны, кусты жимолости и купы рябины. Во многихъ мѣстахъ дорога шла по голому камню, и лошади выбивали подковами синія искорки. Солнце палило нещадно, но Борисъ Борисычъ, увлеченный этой импровизированной поѣздкой, ничего не замѣчалъ,—черезъ полчаса, самое большее, они должны были быть на мѣстѣ, и онъ нѣсколько разъ хватался за свою дорожную сумку, въ которой лежала аптечка.

— Я вѣдь купилъ Незабвенный съ аукціона...—задыхаясь и распустивъ поводья, нѣсколько разъ повторялъ Агапъ Терентьичъ.—Ухъ, какая проклятая дорога! Если бы зналъ, ни за какія деньги не поѣхалъ бы въ такую трущобу... Нужно работать, а тутъ припадокъ!

— Извините нескромный вопросъ: эта дама какъ вамъ будетъ?—спрашивалъ Борисъ Борисычъ, занятый своимъ рядомъ мыслей.

— Это вы про Нату?

— Да...

— Гм... какъ вамъ сказать...—замялся Агапъ Терентьичъ и сдѣлалъ сердитое лицо.—Она мнѣ и жена и не жена... совсѣмъ особенный случай. Но какая женщина, если бы вы могли только себѣ представить!.. Это ангелъ, да. Все было ничего, а тутъ вдругъ рыданія, истерика, столбнякъ.

— Вы сюда-то откуда пріѣхали?.. Впрочемъ, я не имѣю права на такіе вопросы.

— Отчего же-съ... Мы дальніе будемъ... Изъ Петербурга съ первымъ пароходомъ пріѣхали, ну, а тутъ подвернулся удобный случай... Отчего же и не попытать счастья! На имя Наты и пріискъ купилъ... Счастье тоже вѣдь самая капризная изъ женщинъ.

— Странно... А раньше вамъ не случалось заниматься золотопромышленностью?

— Нѣтъ... я служилъ.

— Да?.. Въ такомъ случаѣ я долженъ васъ предупредить, что вы очень рискуете своими средствами. Наше дѣло самое невѣрное... Главное, нужна громадная практика. Я вотъ около десяти лѣтъ безвыѣздно всякое лѣто живу на пріискѣ и все-таки не могу поручиться за свои знанія.

— Все отъ счастья зависитъ...

„Онъ глупъ, какъ баранъ“,—подумалъ Борисъ Борисычъ и далъ полный ходъ своему расходившемуся иноходцу, такъ что оставилъ своего спутника далеко назади и пріѣхалъ на пріискъ первымъ.

Пріискъ „Незабвенный“ представлялъ собой очень грустную картину какъ издали, такъ и вблизи: у подножья лѣсистой горки стояла вросшая въ землю, совсѣмъ сказочная избушка съ гнилой крышей, безъ оконъ и безъ дверей, затѣмъ торчали однѣ стѣны развалившейся казармы, нѣсколько столбовъ отъ навѣса, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ построекъ шла желтая насыпь отъ двухъ шахтъ, заложенныхъ въ полугорѣ. Передъ пріискомъ разстилалось тоже Мурмаровское болото, а на горизонтѣ вставали голубой лен-

той невысокія лѣсистыя горки. Теперь картина оживлялась экипажемъ Агапа Терентьича, стоявшимъ между конторой и развалинами казармы, да щипавшей траву лошадью; кучеръ спалъ въ повозкѣ, вытянувъ голыя ноги на свое кучерское сидѣнье. Еще издали Борисъ Борисычъ успѣлъ замѣтить бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ и спущенную драпировку, закрывавшую дверь. Привязавъ лошадь къ столбу, Борисъ Борисычъ только-что хотѣлъ вбѣжать на покосившееся крылечко, какъ въ дверяхъ показалась сама Ната. Она была въ бѣломъ пеньюарѣ и, очевидно, не успѣла еще привести своей головы въ порядокъ, потому что великолѣпные каштановые волосы были свернуты просто узломъ. Она оглянула незнакомца съ ногъ до головы и совершенно серьезно спросила:

— Вамъ что̀ угодно, милостивый государь?..

— Позвольте сначала отрекомендоваться: Борисъ Борисычъ Локотниковъ, вашъ сосѣдъ по пріиску.

— Очень пріятно...—протянула заспаннымъ голосомъ Ната и чуть замѣтно улыбнулась углами своего красиво очерченнаго рта.

— Васъ удивляетъ мое неожиданное появленіе, но я спѣшилъ сюда, какъ на пожаръ, потому что вашъ... вашъ...

Конецъ фразы совсѣмъ застрялъ въ горлѣ Бориса Борисыча, потому что онъ никакъ не могъ назвать Агапа Терентьича мужемъ этой элегантной красавицы. Это смущеніе заставило Нату расхохотаться, что̀ еще больше обезкураживало Бориса Борисыча, улыбнувшагося самымъ глупымъ образомъ, какъ можетъ улыбаться человѣкъ, попавшій въ чертовски-неловкое положеніе.

— Это все Агапъ Терентьичъ напуталъ...—проговорила наконецъ Ната, когда парокизмъ смѣха миновалъ.—Теперь ужъ мнѣ приходится извиняться передъ вами за совершенно напрасное безпокойство: какъ видите, я совершенно здорова. Ха-ха!.. Извините меня, но, право, это походитъ на какой-то плохой водевиль съ переодѣваньями, провалами и превращеніями. Агапъ Терентьичъ просто глупъ и только напрасно побезпокоилъ васъ...

Ната проговорила все это очень кокетливо и, называя своего спутника по имени, каждый разъ дѣлала очень смѣшную гримасу, какъ это дѣлаютъ избалованныя дѣти. Безъ сомнѣнія, она была записная кокетка, какъ всѣ хорошенькія женщины, и кокетка не изъ особенно хитрыхъ, хотя эта маленькая глупость показалась очень извинительной въ глазахъ Бориса Борисыча, и онъ проговорилъ:

— Еще разъ извините, madame, за мое водевильное участіе и позвольте мнѣ проститься съ вами...

Борисъ Борисычъ не безъ ловкости поднялъ свою шляпу, но Ната остановила его вопросомъ:

— Куда же это вы собрались?.. Ахъ, какой странный человѣкъ... Да вотъ и Агапъ Терентьичъ ползетъ на своей клячѣ. Не забывайте, ради Бога, что я очень больна...

Агапъ Терентьичъ, дѣйствительно, въ этотъ моментъ подъѣзжалъ на своей измученной лошади и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ сначала на Нату, потомъ на Бориса Борисыча.

— Ната, ты, кажется, съ ума сошла...—строго проговорилъ онъ и сдѣлалъ совсѣмъ сердитое лицо.—Не угодно ли тебѣ отправиться на свое мѣсто, а мы здѣсь посовѣтуемся...

Ната подняла вопросительно плечи, опустила глаза и, придерживаясь за косякъ, скрылась за драпировкой. Агапъ Терентьичъ ревниво посмотрѣлъ ей вслѣдъ и глухо проговорилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— У насъ всегда такъ... это просто сумасшедшая женщина!.. Изволили видѣть?.. Впередъ знаю, что она говорила здѣсь вамъ: и что она совсѣмъ здорова, и что я по своей глупости напрасно только потревожилъ васъ... да?.. Нѣтъ, рѣшительно у ней голова не въ порядкѣ... Вы какъ думаете?..

— Очень мудреный вопросъ для перваго раза, тѣмъ болѣе, что я видѣлъ больную какихъ-нибудь пять минутъ...

— И достаточно, совершенно достаточно!.. Сумасшедшаго человѣка видно съ перваго взгляда... Обождите одну минуточку, я сейчасъ!

Оставивъ гостя у крылечка, Агапъ Терентьичъ на цыпочкахъ прокрался въ контору и плотно прикрылъ за собою занавѣсочку. Борисъ Борисычъ присѣлъ на обрубокъ дерева, валявшійся у крыльца, и машинально пощупалъ свою голову, чтобы убѣдиться въ своемъ бодрствованіи,—все происходившее съ нимъ такъ походило на какой-то безсвязный и порядочно глупый сонъ. Но нѣтъ, онъ совсѣмъ не спалъ: утреннее солнце свѣтило такъ весело, кругомъ зеленѣла трава, въ двухъ шагахъ въ кустахъ калинника заливались какія-то крошечныя сѣрыя птички, два комара больно присосались къ его рукѣ; наконецъ этотъ экипажъ съ дрыхнувшимъ кучеромъ, стреноженная лошадь, собственная усталость отъ скорой верховой ѣзды. Было еще довольно рано, въ тѣни на травѣ блестѣла роса, а болото не успѣло раздѣться отъ ночного тумана, начинавшаго волноваться бѣлыми полосами.

— Она заснула...—шопотомъ заявилъ неожиданно появившійся Агапъ Терентьичъ, наклонившись къ самому уху гостя.—Боюсь, чтобы это не кончилось летаргіей. Извините, пожалуйста: я, можетъ-быть, говорю глупости и преувеличиваю, но вѣдь это свойственно въ нѣкоторыхъ случаяхъ... А мы пока напьемся чайку,—неожиданно прибавилъ онъ уже совершенно другимъ тономъ.

Агапъ Терентьичъ грубо растолкалъ спавшаго кучера, вытащилъ откуда-то самоваръ и походный поставецъ съ чайной посудой.

— Мою жену зовутъ Натальей Игнатьевной... — болталъ онъ, располагаясь съ поставцомъ на травѣ:—она очень нѣжнаго воспитанія... это была большая ошибка со стороны родителей. Да... Но, съ другой стороны, кто могъ бы ожидать, что Натѣ приведется вести цыганскую жизнь? Большая ошибка, очень большая... Я вѣдь Нату носилъ еще на рукахъ, когда она была маленькой.

Эта болтовня наконецъ взорвала Бориса Борисыча, и онъ съ грубой откровенностью заявилъ, что не имѣетъ никакого желанія выслушивать семейныя дрязги и что сейчасъ же вернется обратно.

— Вы меня поставили чортъ знаетъ въ какое дурацкое положеніе! — горячился онъ, прислушиваясь къ собственнымъ словамъ.—Я ничего не понимаю здѣсь и не желаю понимать...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—затопалъ Агапъ Терентьичъ и схватился за свою круглую голову. — Борисъ Борисычъ, поставьте, ради всего святого, себя на мое мѣсто!.. Войдите въ мое положеніе!..

## IV.

Борисъ Борисычъ имѣлъ самое твердое намѣреніе плюнуть на все и уѣхать сейчасъ же, а между тѣмъ вышло какъ-то такъ, что онъ остался. Какъ это случилось—трудно объяснить... По крайней мѣрѣ, такъ думалъ Борисъ Борисычъ, возвращаясь къ себѣ на Валежный, хотя въ душѣ и не раскаивался за свое поведеніе. Но мы опережаемъ событія и поэтому вернемтесь къ тому моменту, когда кучеръ ставилъ самоваръ, Агапъ Терентьевичъ

суетился около чайной посуды, а Борисъ Борисычъ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, на травѣ. Ната спала, и разговоръ шелъ сдержанно, вполголоса.

— Она скоро проснется...—повторялъ десять разъ Агапъ Терентьевичъ съ умоляющимъ жестомъ. — У Наты удивительный сонъ: какими-то припадками. Сидитъ, разговариваетъ и вдругъ засыпаетъ, какъ убитая. Будить ее очень опасно въ это время...

— Послушайте, вы что̀ же будете теперь дѣлать на пріискѣ?—перебилъ его Борисъ Борисычъ.

— Какъ что̀: работать...

— Именно?

— Во-первыхъ, необходимо откачать воду изъ старыхъ шахтъ, потомъ произведемъ подробную развѣдку...

— Да вѣдь нужно знать, какъ это дѣлается?

— Человѣкъ такой есть... есть человѣкъ.

Самоваръ поспѣлъ; Агапъ Терентьевичъ торжественно заварилъ чай и съ улыбкой подалъ дымившійся стаканъ своему „доктору поневолѣ". Выпивъ стаканъ, Локотниковъ взглянулъ на свои часы, — было ровно девять часовъ: значитъ, онъ имѣлъ удовольствіе проболтать съ этимъ болваномъ битыхъ полтора часа. Нѣтъ, рѣшительно нужно было убираться отсюда.

— У васъ на Валежномъ работаетъ компанія? — освѣдомлялся Агапъ Терентьевичъ.—„Локотниковъ и К° ..“ Еще въ Петербургѣ слышалъ, но никакъ не предполагалъ, что судьба приведетъ встрѣтиться. Да-съ... Очень сильная компанія, и работы производятся въ широкихъ размѣрахъ.

— Ну, мнѣ рѣшительно некогда оставаться здѣсь дольше... — заявилъ Локотниковъ, поднимаясь съ земли.

Агапъ Терентьичъ не протестовалъ, а только указалъ глазами на крылечко конторы, гдѣ стояла, закутавшись въ оренбургскій платокъ изъ козьей шерсти, сама Ната.

Она спустилась съ крылечка усталой поступью и молча протянула свою маленькую, холодную, какъ ледъ, руку; лицо у ней было блѣдно, и только горѣли одни глаза влажнымъ лихорадочнымъ блескомъ. Это была совсѣмъ другая женщина, и Локотниковъ въ первую минуту совсѣмъ не узналъ ея. Да и держалась она какъ-то совсѣмъ странно, точно боялась этого урода Агапа Терентьича.

— Здѣсь разыгрывается очень глупая трагикомедія, m-r Локотниковъ,— на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ проговорила Ната, кутаясь въ свой платокъ,—но это не мѣшаетъ мнѣ быть дѣйствительно больной...

Агапъ Терентьичъ покраснѣлъ, сморщился и, не давая возможности отвѣтить, съ сдержанной грубостью замѣтилъ:

— Наталья Игнатьевна! Я, кажется, уже не разъ предупреждалъ васъ, что говорить по-французски въ присутствіи человѣка, который не знаетъ ни слова, больше чѣмъ невѣжливо.

— Виновата... я забыла...—виноватымъ голосомъ отвѣтила Ната и въ смущеніи опустила свои чудные глаза.—M-r Локотниковъ! Я хотѣла сказать вамъ, какъ у меня ужасно болѣла голова... Это отъ дороги, конечно, потому что мы ѣхали по такой ужасной, адской дорогѣ.

— У тебя разболѣлась сначала лѣвая половина головы, — объяснялъ Агапъ Терентьичъ съ самымъ суровымъ видомъ, — потомъ боль перешла въ затылокъ... потомъ начались конвульсіи...

— Если не ошибаюсь, у васъ невралгія?—перебилъ Локотниковъ, сильно возмущенный грубымъ поведеніемъ Агапа Терентьича.

— Да, да... Невралгія, усложненная порокомъ сердца,—пояснила Ната, стараясь смотрѣть въ сторону.

— Именно порокъ сердца...—согласился Агапъ Терентьичъ и подозрительно посмотрѣлъ на Локотникова, который полѣзъ въ карманъ за аптечкой.

— Все, что я могу сдѣлать для васъ, это предоставить въ полное ваше распоряженіе мою аптечку,—торопливо проговорилъ Борисъ Борисычъ, дѣлая большое усиліе надъ собой, чтобы не сказать какой-нибудь дерзости этому невозможному супругу.—Во всякомъ случаѣ, необходимо обратиться за совѣтомъ къ врачу, а я не могу поручиться за счастливый исходъ...

— Нѣтъ, ничего, все пройдетъ,—замѣтила Ната, внимательно разсматривая пузырьки съ лѣкарствами.

Объяснивъ наскоро дѣйствіе привезенныхъ средствъ, Борисъ Борисычъ началъ прощаться—онъ рѣшительно не въ состояніи былъ оставаться здѣсь ни одной минуты. Вся эта фальшивая обстановка рѣзала ему глаза своей нелѣпостью, да и вмѣшиваться въ чужія дѣла онъ былъ не охотникъ, предпочитая всему на свѣтѣ свой собственный покой, какъ всѣ неисправимые эгоисты. Онъ видѣлъ, что этотъ Агапъ Терентьичъ ревнуетъ его, а Ната боится и обманываетъ Агапа Терентьича; оставалось одно—отступить. Какъ извѣстно, послѣднее средство есть самый вѣрный секретъ всѣхъ побѣдителей. На прощанье Ната подарила своего невольнаго доктора такимъ долгимъ и говорящимъ взглядомъ, что для одного такого взгляда можно было проскакать верхомъ цѣлую сотню верстъ.

— Странно, чортъ мою душу возьми... — повторялъ Локотниковъ нѣсколько разъ, возвращаясь къ себѣ на Валежный.

Гдѣ-то далеко въ сторонѣ глухо погромыхивала набѣжавшая тучка; воздухъ стоялъ неподвижно, какъ расплавленный свинецъ; надъ болотомъ столбами крутились цѣлыя тучи комаровъ; пахло осокой и шалфеемъ. Передъ грозой въ лѣсу бываетъ всегда такъ хорошо, точно все кругомъ начинаетъ куриться благовонными испареніями. Ѣхать верхомъ въ это время настоящее наслажденіе, и Борисъ Борисычъ съ особеннымъ удовольствіемъ всей грудью набиралъ воздухъ, перебирая въ умѣ нелѣпыя подробности своей глупой поѣздки. Французская фраза Наты сталкивалась съ подозрительнымъ взглядомъ Агапа Терентьича: кокетство женщины, привыкшей быть красивой,—съ грубостью какого-то бурбона или лавочника; потомъ эта странная болѣзнь, подозрительная обстановка, и надъ всѣмъ этимъ, какъ солнечный лучъ, этотъ ласковый, чудный взглядъ, который заставлялъ Бориса Борисыча еще и теперь чувствовать приливъ какой-то странной теплоты.

— Да, чортъ возьми... исторія! А эта Ната, кажется, видала виды...

Центромъ всѣхъ размышленій нашего героя оставалась все-таки эта таинственная женщина съ порокомъ сердца, какъ она сама объяснила свою сложную болѣзнь. Параллельно съ мыслями о ней въ душѣ Бориса Борисыча вставала цѣлая вереница непрошенныхъ воспоминаній, гдѣ въ разныхъ видахъ являлась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ все она же, т.-е. женщина. Да, Борисъ Борисычъ любилъ женщинъ и не могъ, съ своей стороны, пожаловаться на недостатокъ вниманія противной стороны: онъ пожилъ въ свою долю и широко пожилъ, такъ что теперь не безъ основанія могъ смотрѣть на міръ и людей съ нѣкоторой философской точки зрѣнія. Изъ тумана воспоминаній и грезъ счастливой беззаботной юности на него глядѣли русыя, бѣлокурыя и черноволосыя головки съ дрожавшей на губахъ улыбкой, съ ласковымъ шопотомъ, котораго не знаетъ одинокая и угрюмая старость... Гдѣ все это? Все исчезло, какъ утренній туманъ, растаяло какъ прошлогодній снѣгъ,

оставивъ въ душѣ неопредѣленное чувство философской грусти и не научивъ ничему; даже хуже—эти ошибки служили только основаніемъ громоздившихся на нихъ новыхъ ошибокъ. Ната являлась въ этой роковой цѣпи послѣднимъ звеномъ, и Борисъ Борисычъ боялся новаго чувства, потому что именно оно могло доконать его, какъ непосильная ноша: старость сказывалась, смѣшная и жалкая въ своихъ непосильныхъ увлеченіяхъ.

Нужно сказать, что Локотниковъ былъ когда-то женатъ, но разошелся съ женой и теперь жилъ старымъ холостякомъ, увѣривъ себя, что все кончено, пережито и сдано въ архивъ. Новыхъ увлеченій, конечно, не могло и быть, такъ что Борисъ Борисычъ часто сравнивалъ себя съ застрахованнымъ отъ огня домомъ. Женился онъ не первой молодости, но не сошелся съ женой; къ другимъ женщинамъ относился скептически, хотя и не отказывался отъ женскаго общества.

— Вострый еще у тебя глазъ-отъ...—говорила иногда Кузьмовна, поглядывая на барина.—Скучно одному-то вѣкъ коротать.

— Старъ я, нянька...

— Старые-то еще похуже будутъ молодыхъ, ежели азарится... да.

На пріиски Локотниковъ уѣхалъ отчасти для того, чтобы избавиться отъ надоѣвшей ему городской суеты. Средства у него были, и онъ рѣшился посвятить остатокъ энергіи на новое дѣло—пріисковая жизнь тянула его своей пестрой бродячей складкой. Между прочимъ, у Локотникова созрѣла одна счастливая идея объ эксплоатаціи жильныхъ мѣсторожденій золота на Уралѣ, что въ результатѣ должно было дать колоссальное богатство.

Раздумавшись, Борисъ Борисычъ совершенно не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до своего пріиска, который показался ему сегодня настоящимъ медвѣжьимъ угломъ: глухо, непріятно, уныло было все кругомъ,—настоящій медвѣжій уголъ, и онъ, приподнявшись въ стременахъ, невольно посмотрѣлъ черезъ болото въ ту сторону, гдѣ синѣли Талые Ключи. Туча прошла бокомъ, пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, и синѣвшая даль рисовалась въ какомъ-то радужномъ сіяньи.

## V.

Благодаря этой странной встрѣчѣ, знакомство между двумя пріисками завязалось, хотя на Незабвенномъ многое очень шокировало Бориса Борисыча,—больше всего, конечно, присутствіе этого грубаго животнаго, какъ онъ называлъ Агапа Терентьича. Впрочемъ, тамъ явилось еще третье лицо, которое служило только одной нотой въ общемъ концертѣ, — это былъ именно тотъ самый „человѣкъ“, на скромной обязанности котораго лежало знать, кажется, все на свѣтѣ, начиная съ золотопромышленности. Его всѣ называли просто Anatole. Это былъ безукоризненный молодой человѣкъ безъ всякаго возраста, молчаливый, сосредоточенный, съ вставными зубами и всегда одѣтый по картинкѣ. Для Бориса Борисыча навсегда осталось тайной — кто и откуда этотъ Anatole, какая его профессія, чѣмъ онъ связанъ съ оригинальной четой, поселившейся на Незабвенномъ. Ясно было одно, что, несмотря ни на свой изысканный костюмъ ни на безукоризненныя манеры, Anatole какъ-то весь, всей своей фигурой, производилъ самое фальшивое впечатлѣніе, точно и блестящіе черные глаза были у него чужіе, и завинченные шильцемъ черные усики, и матовый лоскъ смуглой кожи, и даже подобранная волосъ къ волосу головная прическа. Агапъ Терентьичъ фамильярно хлопалъ Anatol'я по плечу, Ната распоряжалась имъ, какъ слугой, и только брезгливо щурилась, когда Anatole сквозь свои фальшивые зубы шепеляво процѣживалъ какой-нибудь мертвый анекдотъ или чужую остроту.

По временамъ Anatole исчезалъ съ пріиска на нѣсколько дней и появлялся съ такимъ жалкимъ, изжитымъ лицомъ и какими-то мутными, стеклянными глазами. У этого подозрительнаго молодого человѣка хороши были только однѣ руки—бѣлыя и мягкія, какъ у женщины, съ длинными пальцами и розовыми, тщательно обточенными ногтями.

— Anatole можетъ сдѣлать что угодно! — восхищался имъ Агапъ Терентьичъ въ глаза и за глаза.—Удивительно способный молодой человѣкъ... Онъ у насъ въ числѣ компаньоновъ,—и посмотрите, какъ онъ отлично поведетъ дѣло на пріискѣ!

Дѣйствительно, всѣми работами на пріискѣ завѣдывалъ Anatole, хотя для перваго раза и не проявилъ никакихъ особенно геніальныхъ способностей. Изъ старыхъ шахтъ откачивалась вода, заложена была новая шахта—и только. Человѣкъ двадцать рабочихъ жили въ землянкахъ или въ балаганахъ, покрытыхъ берестой и еловой корой. Пока о золотѣ нечего было и думать, потому что, видимо, дѣло затѣвалось въ широкихъ размѣрахъ.

— Вамъ не нравится Anatole?—спросила Ната однажды, когда они бродили по пріиску вдвоемъ съ Борисомъ Борисычемъ.

— Почему вы такъ думаете?..

— Да я ужъ вижу по вашему лицу...

Она тихо засмѣялась и очень крѣпко оперлась на руку своего кавалера, потому что предстояло перейти какую-то канавку по двумъ жердочкамъ.

— Онъ имѣетъ за собой одно неоспоримое достоинство,—задумчиво прибавила Ната, освобождая свою руку.

— Какое?

— Самое лучшее въ нашихъ женскихъ глазахъ: смѣлость... А вы и не подозрѣвали?.. Виновата, я веду себя непростительно: превосходство не для однѣхъ женщинъ совершенно непосильное бремя: мужчины тоже не умѣютъ прощать, если въ ихъ присутствіи хвалятъ другихъ мужчинъ. Такъ?

Шутка вышла довольно натянутая, и Борисъ Борисычъ только пожалъ плечами. Ната иногда поражала его нѣкоторыми неумѣстными выходками, совсѣмъ уже не гармонировавшими съ общимъ выдержаннымъ тономъ. Впрочемъ, она всегда первая замѣчала свою ошибку и спѣшила ее загладить одной изъ тѣхъ милыхъ глупостей, какія прощаются хорошенькимъ женщинамъ. Въ результатѣ получались очень смѣшныя сцены, содержаніе которыхъ не передалъ бы ни одинъ философъ. Однимъ словомъ, Ната начинала нравиться Борису Борисычу, и, повидимому, онъ такъ думалъ, принимая во вниманіе отдѣльныя фразы, крѣпкія рукопожатія, смущенные взгляды, лукавыя улыбки и подавленные вздохи. Борисъ Борисычъ, нужно отдать ему справедливость, умѣлъ держать себя съ женщинами, т.-е. умѣлъ показать свое вниманіе какъ разъ настолько, чтобы не надоѣсть, разгадывалъ съ чуткостью воспитателя всѣ капризы, улыбался милымъ глупостямъ, а главное — владѣлъ секретомъ поставить себя на извѣстной высотѣ, что служитъ непремѣннымъ условіемъ успѣха у женщинъ и что не принимается во вниманіе влюбленными новичками. Ната чувствовала присутствіе любящей и сильной мужской руки въ тысячѣ совсѣмъ незамѣтныхъ для посторонняго глаза мелочей и улыбалась счастливой улыбкой, точно она попала въ новое воздушное теченіе, гдѣ самый воздухъ берегъ и лелѣялъ каждый ея шагъ. Неизвѣстная рука доставляла на Незабвенный южные плоды, лакомства, книги, цвѣты и даже игрушки.

Любимымъ удовольствіемъ Бориса Борисыча были прогулки верхомъ, когда онъ ѣздилъ рядомъ съ Натой; обыкновенно такія прогулки совершались подъ надзоромъ сонпаго Anatol'я, который ѣхалъ за ними въ при-

личномъ отдаленіи, а часто совсѣмъ отставалъ, хотя никогда не терялъ ихъ изъ вида.

— Это нашъ грумъ! — смѣялась Ната, всегда розовая и сіяющая отъ верховой ѣзды. — Агапъ Терентьичъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ нашихъ экскурсій, чтобы Anatole вѣчно торчалъ у насъ на глазахъ... Конечно, это глупо, но въ жизни приходится пользоваться тѣмъ, что подъ руками.

Разъ, когда они заѣхали въ какую-то лѣсную глушь и Ната расшалилась, какъ школьникъ, она первая завела разговоръ на тему, которая неотступно мучила и терзала Бориса Борисыча съ первой ихъ встрѣчи.

— Послушайте, Борисъ Борисычъ: я въ долгу передъ вами...—заговорила Ната съ серьезнымъ лицомъ. — Вы просто балуете меня, но повѣрьте, что я все умѣю понимать и цѣнить... Другой на вашемъ мѣстѣ давно принялся бы развѣдывать о моемъ прошломъ, о моихъ отношеніяхъ къ этому... уроду, и тысячу разъ поставилъ бы меня въ неловкое положеніе. Я цѣню вашу деликатность, Борисъ Борисычъ... такъ поступаютъ только истинные друзья... Скажу больше: я вижу, какъ васъ мучитъ моя обстановка, собственно таинственность этой обстановки, потому что вы многаго не понимаете. Случается такъ, что вы и на меня смотрите такимъ подозрительнымъ взглядомъ... не правда ли?.. О, я отлично вижу все и все понимаю...

Они ѣхали по широкой рѣчной долинѣ, гдѣ когда-то былъ казенный пріискъ. Теперь можно было разсмотрѣть только глубокія ямы отъ выработокъ, заваленныя шахты, поросшія молодымъ соснякомъ, отвалы и перемывки; небольшая рѣчка была совсѣмъ запущена лознякомъ, смородиной, ольхой и кустами малины. Направо высилась каменистая горка, налѣво старый еловый лѣсъ, дремавшій въ глубокой логовинѣ. Вообще мѣсто было оригинально своей суровой красотой и наводило тоску слѣдами брошенной человѣческой работы; заросшая травой и мохомъ пріисковая дорога ползла между ямами и отвалами, какъ зеленая змѣя. Чтобы итти рядомъ, лошади должны были жаться очень близко другъ къ другу. Борисъ Борисычъ опустилъ поводья и молча выслушивалъ признанія своей спутницы; онъ отвѣчалъ на ея вопросы только наклоненіемъ головы, потому что самъ сильно волновался, со страхомъ ожидая какого-то удара.

— Я вамъ все разскажу, какъ брату...—повторила Ната, — а потомъ казните меня... Я не оправдываюсь, не напрашиваюсь на сочувствіе, не ищу выхода. Начну съ дѣтства... По происхожденію я дочь князя Корчевскаго, изъ литовскихъ выходцевъ. Отецъ разорился на какихъ-то спекуляціяхъ и существовалъ только жалованьемъ въ качествѣ военнаго генерала. Воспитаніе я получила въ институтѣ... Когда я была маленькой, отецъ жилъ еще богато, и я какъ теперь вижу, какъ Агапъ Терентьичъ по цѣлымъ часамъ торчалъ въ нашей передней вмѣстѣ съ денщикомъ и курьеромъ. Онъ былъ военнымъ фельдшеромъ въ полку. Такой некрасивый, приниженный всегда! Мы всегда смѣялись надъ нимъ... Да, какъ это было давно!.. Матери у меня не было, а всѣмъ домомъ управляла нѣмка-экономка, самая подозрительная особа, пользовавшаяся въ нашемъ домѣ всѣми привилегіями маленькой жены. Когда я вернулась изъ института къ отцу, наступили тяжелые дни: отецъ былъ боленъ, у насъ никого не бывало, я проводила время въ совершенномъ одиночествѣ. Конечно, молодость брала свое: я мечтала объ удовольствіяхъ, о побѣдахъ хорошенькой дѣвушки, въ первый разъ вывезенной въ свѣтъ, о молодыхъ людяхъ... А между тѣмъ время шло, шло годъ за годомъ, мучительно и тяжело, какъ въ тюрьмѣ, а вмѣстѣ съ временемъ уходила молодость, красота и быстро блекли радужныя мечты. Все это походило на ужасный и тяжелый

сонъ, который давилъ, какъ чугунная плита. Мнѣ было 23 года, когда отецъ умеръ отъ паралича. Послѣ отца, кромѣ долговъ, ничего не осталось, и я буквально очутилась на улицѣ. Пришлось существовать своимъ трудомъ... Это была тяжелая и неблагодарная школа, которую знаемъ только мы, гувернантки. Я мѣняла одно семейство на другое, стараясь найти самостоятельныя занятія, но съ моимъ глупымъ воспитаніемъ, неумѣніемъ жить и глупымъ характеромъ ничего не находила, кромѣ неудачъ и разочарованій. Насъ, такихъ дѣвушекъ изъ богатыхъ семей, очень много бьется въ столицахъ...

Ната тяжело вздохнула и опустила глаза.

— Вамъ тяжело, не продолжайте,— тихо проговорилъ Борисъ Борисычъ, протягивая руку:—я понимаю конецъ...

— Нѣтъ, позвольте, я докончу... свой романъ...—настаивала Ната, довѣрчиво оставляя свою руку въ рукѣ Бориса Борисыча. — Мнѣ нѣсколько разъ приходило на мысль покончить съ собой, какъ это дѣлаютъ другія дѣвушки... Я нарочно отыскивала извѣстія въ газетахъ, гдѣ говорилось о самоубійцахъ. Ахъ, сколько гибнетъ напрасно молодыхъ силъ! И я теперь никогда не прикасаюсь къ газетамъ... страшно! Нужно было выбрать родъ смерти. Вотъ въ этотъ критическій моментъ меня отыскалъ Агапъ Терентьичъ. Онъ пристроился экономомъ въ одной большой больницѣ и очень разбогатѣлъ. Послѣ умершей жены у него осталась маленькая дѣвочка: вотъ онъ къ ней и пригласилъ меня гувернанткой. Послѣ всѣхъ неудачъ и скитаній я была рада теплому углу и дорого цѣнила каждое слово участія. Агапъ Терентьичъ, конечно, уродъ, но онъ не глупый человѣкъ и всегда былъ такъ добръ ко мнѣ, больше, чѣмъ добръ. Онъ ухаживалъ за мной, какъ мать за своимъ больнымъ ребенкомъ... А конецъ вы знаете: я отдалась ему, потому что ни впереди ни назади у меня ничего не было, никакого исхода. Вы сами видите, какъ я ошиблась въ выборѣ: онъ теперь давитъ меня каждымъ своимъ словомъ, стоитъ, какъ тѣнь, надъ каждой моей мыслью, вообще овладѣлъ моей волей. Другая женщина сумѣла бы себя поставить, а я плыву по теченію, какъ вырванное съ корнемъ и брошенное въ воду растеніе. Въ Петербургѣ Агапъ Терентьичъ держалъ меня въ четырехъ стѣнахъ, какъ преступницу, но все-таки боялся за свою безопасность и вотъ придумалъ увезти меня въ лѣсъ. Теперь все... Обыкновенная и очень скучная исторія, не правда ли?..

— Нѣтъ, не совсѣмъ обыкновенная... гм... Я многое, признаться, не могу понять—именно вопросъ о волѣ. Это добровольное рабство...

— Тише, *онъ* слѣдитъ за нами...—прошептала Ната по-французски, оглядываясь назадъ, гдѣ изъ-за кустовъ выглядывала голова лошади Anatol'я.

Они рысью проѣхали впередъ съ четверть версты, но Ната все еще не могла успокоиться и тревожно оглядывалась назадъ.

— Я удивляюсь, чего вы такъ боитесь? — замѣтилъ Локотниковъ, обиженный такимъ финаломъ чувствительной сцены.—Предоставьте мнѣ имѣть дѣло съ этимъ господиномъ...

— Ахъ, ради Бога, Борисъ... вы не знаете этого человѣка. Онъ слѣдитъ за мной какъ тѣнь, потому что этого хочетъ Агапъ Терентьичъ.

— Да кто онъ такой, этотъ вашъ Anatole?..

— Право, я и сама не знаю, кто онъ... Я только боюсь его и каждый разъ вздрагиваю, когда онъ выростаетъ около насъ, какъ изъ земли. Пожалуйста, будьте съ нимъ любезны, если... если желаете видѣть меня время отъ времени, хотя мнѣ ваши визиты и обходятся очень дорогой цѣной.

— Ната, позвольте мнѣ имѣть дѣло съ этими мерзавцами!..—горячо проговорилъ Локотниковъ и быстро поцѣловалъ у ней руку въ томъ мѣстѣ, ко-

терое оставалось между перчаткой и манжетой. — Такъ не можетъ продолжаться... довѣрьтесь мнѣ, Ната!

Этотъ поцѣлуй испугалъ Нату, и она безмолвно посмотрѣла на своего кавалера испуганными большими глазами.

— Простите меня, Ната...

— Я, кажется, ничѣмъ не дала вамъ повода, m-r Локотниковъ... Нѣтъ, не то, Борисъ: тебя убьютъ эти подлецы, если заподозрятъ въ чемъ-нибудь!.. Я этого не хочу. Нѣтъ, я не хочу чужой крови...

Вмѣсто отвѣта, Локотниковъ тихо привлекъ ее къ себѣ и съ ласковой нѣжностью поцѣловалъ ее отеческимъ поцѣлуемъ въ лобъ. Когда Anatole догналъ ихъ, Борисъ Борисычъ былъ необыкновенно любезенъ съ нимъ и старался улыбаться принужденной улыбкой.

## VI.

Случилось именно то, чего такъ боялся Борисъ Борисычъ: онъ попалъ, благодаря своему увлеченію, въ самое фальшивое и нелѣпое положеніе. О прежнемъ покоѣ нечего было и думать,—онъ смѣнился сладкими муками въ послѣдній разъ вспыхнувшаго чувства, которыя нарастали и увеличивались съ каждымъ шагомъ впередъ, какъ сорвавшійся съ вершины горы снѣжный комъ. Любовь старика — это настоящая трагедія съ комическими фарсами. Какъ умный человѣкъ, Борисъ Борисычъ не обманывался относительно своей роли и тысячу разъ обдумывалъ свое положеніе со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Результатъ получался одинъ и тотъ же: Борисъ Локотниковъ еще никогда *такъ* не любилъ, да ему и не приходилось еще встрѣчаться съ такой женщиной раньше. Если бы онъ встрѣтился съ Натой двадцать лѣтъ назадъ... Это нелѣпое предположеніе уносило нашего героя въ міръ неосуществимыхъ грезъ, точно для того только, чтобы эти грезы разбились самымъ безжалостнымъ образомъ о безпощадную дѣйствительность. Ната не можетъ любить его, несмотря ни на какія достоинства, и промѣняетъ на перваго здороваго выкормка. Природа возьметъ свое, и единственнымъ осадкомъ всей этой исторіи будутъ безсильныя и смѣшныя муки пріисковаго Фауста.

— Нѣтъ, это невозможно!.. тысячу разъ повторялъ Борисъ Борисычъ вслухъ для собственнаго назиданія.

— Но вѣдь Ната терпитъ же около себя присутствіе чортъ знаетъ кого... Чѣмъ я хуже какого-нибудь Агапа Терентьича?.. Я просто задушу этого дурака!..

Собственно пріисковыя занятія пошли кое-какъ, спустя рукава; Локотниковъ ѣздилъ раза два въ день осмотрѣть шахты, назначалъ и принималъ работы, а затѣмъ все остальное поручалось Бѣлоусову. У себя дома въ конторѣ Борисъ Борисычъ сильно скучалъ и не находилъ, какъ говорится, мѣста, потому что его такъ и тянуло къ Талымъ Ключамъ. Конечно, ѣздить туда каждый день онъ не могъ, не желая компрометировать ни себя ни Нату, но зато ежедневно онъ нѣсколько разъ верхомъ отправлялся на Лысую гору и съ нея въ „подозрительную“ трубу разсматривалъ Незабвенный. По прямой линіи черезъ болото до пріиска было не больше 3 верстъ, и Локотниковъ съ жаднымъ вниманіемъ по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за жизнью этого потерявшагося въ горахъ желтаго пріисковаго пятна. Человѣческія фигуры походили на дѣтскія куклы, но это не мѣшало Борису Борисычу сердцемъ угадывать — которая изъ нихъ Ната. Она любила свѣтлые цвѣта, и это отчасти помогало находить то, къ чему рвалась душа. Иногда Борису Борисычу, послѣ утомительнаго наблюденія, начинало казаться, что онъ смотритъ

въ микроскопъ на каплю разведенной зеленой жидкости, въ которой, какъ инфузоріи, безцѣльно двигаются окрашенныя живыя точки. А между тѣмъ одна изъ этихъ точекъ сосредоточивала въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ мысли и желанія Бориса Борисыча.

Разъ, когда онъ предавался этому скромному занятію, въ сосѣднихъ кустахъ черемухи послышался шорохъ, а потомъ показался Бѣлоусовъ, шагавшій съ ружьемъ за плечами. Произошла выразительная нѣмая сцена, причемъ смутился не Бѣлоусовъ, какъ обыкновенно, а самъ Борисъ Борисычъ. Онъ какъ-то вдругъ растерялся и не могъ придумать ничего, чтобы выпутаться.

— Жарко-съ...— скромно замѣтилъ Бѣлоусовъ, останавливаясь въ почтительномъ отдаленіи.

— Да, ничего... А ты куда это?

— Насчетъ рябчиковъ, Борисъ Борисычъ... Меня этотъ просилъ... ну, Зуевъ, значитъ... насчетъ рябчиковъ-то... У него тоже ружьишко есть, чтобы вмѣстѣ на охоту ходить.

— Какой Зуевъ?

— Да этотъ... Агапъ Терентьичъ. Очень деликатный человѣкъ... я съ нимъ познакомился. Какъ-то самъ на Медвѣдку къ намъ пришелъ... ну, папиросами угощалъ, а потомъ бутылочка съ нимъ такая была... Весьма любопытный человѣкъ!..

Это извѣстіе во мгновеніе ока создало въ головѣ Бориса Борисыча великолѣпный планъ: когда Anatole отправится въ свое обычное путешествіе, подослать къ Агапу Терентьичу Бѣлоусова, и въ результатѣ—нѣсколько часовъ свободы для Наты...

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ напрасно добивался хотя одной свободной минуты, чтобы переговорить съ ней, но вѣчно кто-нибудь мѣшалъ, и Ната только морщила свой мраморный лобъ. Бѣдная, какъ она должна страдать въ этой ужасной обстановкѣ!.. Нѣтъ, рѣшительно этотъ планъ свиданій съ Натой былъ великолѣпенъ: можно было проводить съ ней по нѣсколько часовъ съ глазу на глазъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ первую же отлучку Anatol'я Борисъ Борисычъ послалъ Бѣлоусова съ ружьемъ выманивать Агапа Терентьича изъ его засады, а вслѣдъ за нимъ явился самъ на Незабвенный, какъ снѣгъ на голову. Его неожиданное появленіе испугало Нату, такъ что она, видимо, была даже не особенно рада ему и капризно раздувала свои пухлыя губки.

— Ты сегодня такая странная...—замѣтилъ наконецъ Борисъ Борисычъ, чувствуя, какъ почва начинаетъ уходить у него изъ-подъ ногъ. — Ты сердишься на меня?

— Я?.. Нѣтъ... Я рада, очень рада...—шептала Ната, силясь улыбнуться привѣтливой улыбкой.

„Бѣдняжка, какъ она запугана этимъ извергомъ!..“—подумалъ про себя Борисъ Борисычъ и успокоился.

До настоящаго свиданія онъ былъ счастливъ пожатіемъ руки, ласковымъ взглядомъ, улыбкой, словомъ — тѣмъ, что дастъ всю прелесть тайному счастью, а теперь все какъ-то не клеилось, и Борисъ Борисычъ чувствовалъ себя очень глупо. Они говорили о совершенно постороннихъ предметахъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, и забывали — о чемъ имъ такъ много нужно было переговорить. Такъ было много въ головѣ мыслей, а въ душѣ желаній, что они душили другъ друга... Ната постоянно оглядывалась

и прислушивалась ухомъ къ каждому звуку, едва отвѣчая на ласки Бориса Борисыча скромно опущеннымъ взглядомъ или разсѣянной улыбкой. Между прочимъ, Локотниковъ такъ забавно разсказалъ всю исторію сегодняшняго свиданія и этимъ наконецъ развеселилъ Нату.

— Это очень остроумно...—смѣялась она, наклоняя свою русую головку къ его плечу.—Борисъ, я такъ люблю тебя... такъ страдаю, что даже это счастье пугаетъ меня!..

По голубому небу гордо плыли вереницы серебристыхъ облаковъ, кругомъ зеленѣлъ лѣсъ, въ лѣсу перекликались счастливыя солнечнымъ днемъ птицы.—Борисъ Борисычъ цѣловалъ маленькія бѣлыя руки, шутилъ, смѣялся и былъ счастливъ собственнымъ безуміемъ. Глаза у него блестѣли, какъ у молодого человѣка, лицо горѣло румянцемъ, и онъ чувствовалъ на себѣ ласковый, любящій взглядъ.

— Ната, я пріѣхалъ къ тебѣ съ рѣшительнымъ предложеніемъ,—заговорилъ наконецъ онъ дѣловымъ тономъ:—необходимо всю эту исторію покончить...

— То-есть какъ покончить?—испуганно спросила Ната и даже попятилась отъ своего собесѣдника...

— Очень просто: выбирай между мной и Агапомъ Терентьичемъ... Иначе я не могу!.. И даже не позволю!..

— Ахъ, какой ты смѣшной!.. настоящій Отелло!..—засмѣялась Ната неестественнымъ смѣхомъ. — Ты забылъ, Борисъ, только одно маленькое обстоятельство, именно спросить меня,—захочу ли я этого?..

— Ты, ты, Ната... Ты шутишь, конечно?..

— Нѣтъ, говорю серьезно... Да перестань, пожалуйста, геройствовать! Нужно смотрѣть на вещи прямо.

Эта сцена была прервана въ самомъ интересномъ мѣстѣ неожиданнымъ появленіемъ Агапа Терентьича: весь красный, потный, съ блуждавшими, налитыми кровью глазами, онъ едва держался на ногахъ. Обвѣшенный какими-то лядунками, онъ былъ очень смѣшонъ. Поставивъ ружье, Агапъ Терентьичъ колеблющейся походкой подошелъ къ Натѣ, грубо схватилъ ее за руку и проговорилъ:

— Ссударрыня! Не угодно ли вамъ убираться въ свою комнату?.. Алемаршъ!.. А я буду имѣть честь побесѣдовать здѣсь съ господиномъ Локотниковымъ... да-съ!

Ната закрыла лицо руками и скрылась въ конторѣ. Локотниковъ стоялъ передъ Агапомъ Терентьичемъ блѣдный, съ дрожавшими губами и твердой рѣшимостью задушить эту пьяную скотину.

— Что вамъ угодно отъ меня?—спрашивалъ Борисъ Борисычъ, принимая вызывающую осанку.

— Мнѣ-съ? Хе-хе!.. Пожалуйста, не съ такой гордостью, сеньеръ! А разговоръ короткій... да! Съ вами говоритъ мужъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ... Я давно все вижу и не позволю придѣлывать мнѣ извѣстное украшеніе всѣхъ обманутыхъ мужей!

— Милостивый государь, вы забываетесь! Какъ вы смѣете!?.. Я... я сейчасъ задушу васъ!..

— Убирайтесь вонъ отсюда... Я все знаю!.. Слышали?..

Локотниковъ хотѣлъ броситься и задушить эту галину, но ангеломъ примиренія явилась Ната, и у него опустились руки. Она бросилась между приготовившимися къ дракѣ мужчинами и залила весь огонь двумя фразами:

— Борисъ Борисычъ! Какъ вамъ не совѣстно вступать въ драку съ

пьянымъ человѣкомъ?.. Не человѣкомъ, а фельдшеромъ! Потомъ вы забыли, что вы у *меня*...

— Да, я фельдшеръ... вѣрно...—повторилъ Агапъ Терентьичъ съ азартомъ и колотилъ себя въ грудь.—Да, фельдшеръ... а все-таки обманывать себя не позволю! Ната, але-маршъ!

Локотникову ничего не осталось, какъ только вернуться домой въ самомъ отчаянномъ настроеніи духа. Его возмущалъ этотъ случай не потому, что его, Бориса Локотникова, выгналъ въ шею пьяный фельдшеръ, нѣтъ!—его уничтожало поведеніе Наты... Онъ теперь ненавидѣлъ ее, ненавидѣлъ себя и готовъ былъ повѣситься со злости.

## VII.

Послѣ этого происшествія, конечно, всякія отношенія между Валежнымъ и Незабвеннымъ были прерваны. Борисъ Борисычъ сказался больнымъ и цѣлыхъ три дня не показывался изъ конторы. Кузьмовна на цыпочкахъ подходила къ дверямъ и подолгу прислушивалась, что̀ дѣлаетъ баринъ: „Шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ, и дѣлу конецъ!.. Тоже вотъ воды страсть сколько выпилъ...“ Своимъ старымъ умомъ Кузьмовна очень хорошо смекала, откуда на барина навело сухоту, и про себя постоянно ругала „желтолапую Наташку“.

„И чего польстился: изъ себя спичка спичкой, никакой настоящей женской красоты... тьфу!..—раздумывала Кузьмовна, стараясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ очернить Нату хоть въ своихъ глазахъ: и то легче.—Удивительное это дѣло!.. Точно не стало этого добра, нашей-то сестры, бабъ... только выбирай! Баринъ заправскій! въ годахъ... ну, да еще за молодого постоитъ...“

Иногда, увлекшись теченіемъ своихъ мыслей, Кузьмовна принималась думать вслухъ, причемъ, конечно, больше всего доставалось Незабвенному пріиску.

— Еще человѣкъ женатый называется...—ораторствовала Кузьмовна, съ сердцемъ тыкая какой-то горшокъ въ печь: дѣло происходило въ кухнѣ.—Ну, и глядѣлъ бы за женешкой-то—на то ты и мужъ называешься... обязанность такая мужецкая, да! Жена задурила, долженъ взнуздать... а еще мужъ... тьфу!..

— Кто мужъ-то, нянька?—спрашивалъ Бѣлоусовъ, любившій заглянуть въ кухню, когда тамъ топилась печь,—можетъ, и перепадетъ что̀ изъ съѣстного.—Какого ты мужа нашла?

— Кто... извѣстно кто!.. Распустилъ требушину-то свою и думаетъ—хорошо.

— Это ты насчетъ Агапа Терентьича?..

Бѣлоусовъ подмигнулъ лѣвымъ глазомъ въ сторону барской комнаты,—дескать, знаемъ!—и не безъ важности прибавилъ:

— Ты это совсѣмъ напрасно, нянька... *Она* совсѣмъ не жена Агапу Терентьичу. Вѣрно говорю...

— Но-о?.. Ахъ, она...

— А ты думала, Борисъ-то Борисычъ глупѣе насъ съ тобой?.. Небось, дѣло свое тонко знаетъ... только вотъ теперь маленькая заминка вышла. Ну, да ничего: барышня Наталья Игнатьевна добрѣющая...

— Ужъ молчалъ бы! Туда же... добрѣющая...

Бѣлоусовъ только ухмыльнулся и вышелъ поскорѣе изъ кухни, опасаясь проболтаться Кузьмовнѣ. Какъ всѣ люди „робкаго характера“, этотъ молодой

человѣкъ былъ ужасно болтливъ, и каждая новость его мучила, какъ попавшая въ глазъ соринка, а теперь ему было полное основаніе опасаться за свой языкъ: на душѣ лежала настоящая тайна—именно нужно было передать Борису Борисычу маленькую записочку отъ самой Натальи Игнатьевны. Она такъ ласково просила его, Бѣлоусова, сохранить тайну и разспрашивала про барина, что̀ онъ и какъ? Бѣлоусовъ могъ засвидѣтельствовать, что барышня была такая скучная и два раза вытерла глаза платкомъ.

— Такъ передашь своему барину въ руки?—спрашивала барышня нѣсколько разъ.

— Непремѣнно-съ... Прикажете насчетъ отвѣту-съ?..

— Да... нѣтъ, ничего не говори, а только не попадайся съ запиской на глаза Агапу Терентьичу—онъ и тебя убьетъ!

Послѣ необходимыхъ предосторожностей и всякой таинственности записка Наты очутилась наконецъ въ рукахъ барина, который прочиталъ слѣдующее:

„Я чувствую, что послѣ всего случившагося не должна вамъ писать... Есть такіе люди, которые всегда и во всемъ виноваты, хуже того—они вѣчно виноваты предъ самими собой, предъ своей совѣстью. Лежу теперь больная, совершенно одна... Прощайте, прощайте!

„Еще такъ недавно ваша Ната“.

Борисъ Борисычъ внимательно перечиталъ эту записку нѣсколько разъ и горько улыбнулся—онъ не вѣрилъ ни одной буквѣ этой записки, которая являлась въ этой глупой исторіи только лишней каплей общей лжи.

— Нѣтъ, совершенно достаточное количество глупости на мою долю!—проговорилъ онъ вслухъ.—Довольно... довольно...

Собственно говоря, Борисъ Борисычъ сильно колебался—желаніе видѣть Нату, говорить съ ней казалось ему недосягаемымъ счастьемъ, но благоразуміе превозмогло, и онъ остался. Записка осталась безъ отвѣта, и только одна Ильза, все время лежавшая подъ письменнымъ столомъ, могла бы разсказать удивительныя вещи—какъ Борисъ Борисычъ плакалъ, какъ онъ обнималъ ее, Ильзу, и цѣловалъ въ лоснившійся шелковый лобъ. Собака оставалась единственнымъ вѣрнымъ другомъ...

Такъ отношенія между Валежнымъ и Незабвеннымъ закончились навсегда. Борисъ Борисычъ съ особенной энергіей погрузился въ свои пріисковыя дѣла и совсѣмъ не интересовался, что̀ происходитъ на Незабвенномъ, хотя и не могъ застраховать себя отъ болтовни Кузьмовны. Такъ дѣло тянулось до самой осени, когда по цѣлымъ недѣлямъ шелъ дождь и наступили безконечныя темныя ночи. Пріисковыя дороги превратились въ сплошную грязь, и ѣздить по нимъ можно было только верхомъ. Въ пасмурные короткіе дни можно было слышать только печальный крикъ отлетающихъ въ теплые края журавлей,—все, что̀ жило и веселилось въ лѣсу, теперь смолкло. Скука, особенно по вечерамъ, наваливалась страшная, и Борисъ Борисычъ по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ угла въ уголъ. Иногда онъ заставлялъ что-нибудь разсказывать Кузьмовну, иногда дрессировалъ Ильзу, иногда насвистывалъ какую-то мудреную арію изъ старинной оперы.

Однажды осеннимъ темнымъ вечеромъ, когда Борисъ Борисычъ чувствовалъ себя особенно скверно, къ нему вошла Кузьмовна, потопталась на одномъ мѣстѣ, повздыхала и только послѣ этихъ предварительныхъ манипуляцій проговорила:

— Пріѣхалъ... ну, тотъ...

— Кто?

— А съ Незабвеннаго... толстый такой. Выпимши сильно.

— Кого ему нужно?

— Васъ спрашиваетъ... „безпремѣнно, говоритъ, нужно“.

— Ты перепутала что-нибудь, нянька... Толстый ко мнѣ не поѣдетъ, потому что я его въ шею выгоню!

— А вотъ пріѣхалъ... пьяненькій такой и все плачетъ.

— Ну, такъ скажи, чтобы убирался къ чорту!

Кузьмовна ушла и вернулась, вытирая передникомъ глаза.

— Это еще что̀ такое?.. Ты, кажется, съ ума сошла, нянька?

— Жаль барышню... помираетъ она, сказываетъ.

— А, опять ложь!.. вскипѣлъ Борисъ Борисычъ, и у него въ головѣ вихремъ закружились тысячи мыслей, но слово „смерть“ какъ-то подавляло собой все остальное. — „Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь случилось,—думалъ онъ: прежде всего человѣкъ, а потомъ ужъ нашъ врагъ или другъ...“—Ну, пусти этого мерзавца!..—громко проговорилъ онъ, рѣшившись на что-то.

Аганъ Терентьичъ вошелъ въ контору, придерживаясь за косякъ, и униженно раскланялся; отъ него такъ и пахнуло перегорѣлымъ спиртомъ, какъ отъ старой винной бочки.

Борисъ Борисычъ не могъ скрыть своего отвращенія къ этой гадинѣ и брезгливо отступилъ къ столу.

— Она умираетъ... — заплетающимся языкомъ проговорилъ наконецъ Аганъ Терентьичъ и сильно пошатнулся.—А я не виноватъ... нисколько не виноватъ, Борисъ Борисычъ!

— Что̀ вамъ угодно отъ меня?—обрѣзалъ его Локотниковъ, едва сдерживаясь отъ желанія вытолкать въ шею этого пьянаго мошенника.

— Борисъ Борисычъ, ей-Богу, не виноватъ!.. Тогда меня заставили выгнать васъ, и раньше... ахъ, Господи, Господи!.. Убить меня мало за мое плутовство, Борисъ Борисычъ... а Наталья Игнатьевна совсѣмъ до меня не касались, то-есть я даже близко къ нимъ подойти не смѣлъ, а не то, чтобы въ родѣ какъ содержанкой ихъ имѣть... Все вралъ!..

— Какъ и теперь?

— Нѣтъ, теперь не вру!.. Видитъ Богъ—не вру! Борисъ Борисычъ, голубчикъ, она вѣдь умираетъ!.. Одна осталась... тяжело ей, бѣдняжкѣ! Ну, и придумала: хочу, говоритъ, во всемъ покаяться человѣку, передъ которымъ во всемъ виновата... Ахъ, какая женщина, какая женщина! Ради Бога, Борисъ Борисычъ, поѣдемте... до утра не доживутъ...

— Ничего не понимаю...

Аганъ Терентьичъ повалился въ ноги и въ какомъ-то изступленіи началъ стучать о полъ своей круглой толстой головой. Эта выходка окончательно убѣдила Локотникова въ необходимости ѣхать, чтобы разрѣшить эту неразрѣшимую загадку на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Захвативъ съ собой аптечку и бутылку вина, онъ отправился въ обществѣ Агапа Терентьича на Незабвенный и на всякій случай сунулъ въ карманъ револьверъ.

— Это вы для чего-съ?—почтительно освѣдомился Аганъ Терентьичъ.

— Это? А это лѣкарство для васъ, если вы меня еще разъ обманете... Поняли?..

## VIII.

Осенняя ночь была темна, хоть глазъ выколи,—вдобавокъ сѣялъ назойливый осенній дождь, мелкій, какъ водяная пыль. Ѣхать по пріисковой до-

рогѣ въ такую пору было чистымъ безуміемъ, но Бориса Борисыча поддерживали въ непремѣнномъ желаніи добиться цѣли три обстоятельства: во-первыхъ, онъ самъ зналъ эту дорогу, какъ свои пять пальцевъ, во-вторыхъ, этотъ пьяный Зуевъ пріѣхалъ же, и наконецъ—Ната умирала... Опустивъ поводья и положившись на своего испытаннаго коня, Борисъ Борисычъ ѣхалъ битыхъ два часа въ мертвомъ молчаніи, а Агапъ Терентьичъ не смѣлъ говорить, потому что ему было запрещено врать, какъ только выѣхали съ Валежнаго.

Было около часа ночи, когда вдали, какъ волчій глазъ, мигнулъ красной колебавшейся точкой слабый огонекъ. Борисъ Борисычъ плохо помнилъ, какъ онъ подъѣхалъ къ конторѣ на Незабвенномъ, какъ вбѣжалъ на крыльцо и очутился наконецъ у постели умирающей. Ната лежала на кучѣ какого-то очень подозрительнаго хлама, прикрытаго очень сомнительной бѣлизны простыней. Въ первую минуту Борисъ Борисычъ не узналъ ея—такъ она измѣнилась: блѣдное, осунувшееся, постарѣвшее лицо, глубоко ввалившіеся глаза, высохшія тонкія губы и обострившійся носъ дѣлали ее живымъ покойникомъ. Чувство удручающей жалости сдавило сердце Бориса Борисыча отъ мысли о неизбѣжной смерти вотъ здѣсь, въ полномъ одиночествѣ, въ глухомъ лѣсу, при свѣтѣ нищенской лампочки. Нельзя ли ее спасти, увезти куда-нибудь?..

— Она спитъ—прошепталъ Агапъ Терентьичъ.—Вонъ какъ дышитъ-то...

— Нѣтъ, я не сплю...—слабымъ голосомъ отвѣтила Ната и съ трудомъ открыла свои округлившіеся, какъ у смертельно раненой птицы, глаза.—Это ты, Агапъ!.. А другой?.. Ахъ, да...

— Вамъ не нужно говорить теперь... вредно...—ласково замѣтилъ Борисъ Борисычъ, усаживаясь у постели больной.—Мы вамъ здоровья привезли.

Ната протянула исхудавшую горячую руку и безсильно закрыла глаза, точно надъ ея головой занесенъ былъ роковой ударъ.

— Смерть... да, я умру...—шептала она съ закрытыми глазами.—Мнѣ хотѣлось проститься съ вами... виновата...

Горькое и обидное чувство закипѣло въ груди Бориса Борисыча, и онъ едва сдержалъ навернувшіяся на глаза слезы: она, дѣйствительно, умирала, а онъ былъ безсиленъ... Вотъ это лицо когда-то улыбалось ему, онъ цѣловалъ эту горячую, сухую руку... Нѣтъ, она не должна умирать!.. Борису Борисычу показалось, что онъ въ чемъ-то очень виноватъ передъ Натой: можетъ-быть, она и умирала изъ-за него? Вѣдь онъ тогда оттолкнулъ слабыя руки, тянувшіяся къ нему съ такимъ довѣріемъ и нѣмой мольбой о помощи! Конечно, у нея были недостатки, но гдѣ тотъ праведникъ, который бросилъ бы въ нее первый камень?.. Мысли кружились въ головѣ Бориса Борисыча вихремъ, а Ната опять погрузилась въ предсмертную дремоту, гдѣ дѣйствительность тонула въ мучительныхъ грезахъ, какъ щепка, попавшая въ водоворотъ.

Эта страшная агонія продолжалась два дня и двѣ ночи; забытье смѣнялось минутами сознанія, потомъ все перепутывалось, и больная бредила съ открытыми глазами. Иногда она узнавала дежурившаго у ея постели Бориса Борисыча, иногда называла его другимъ именемъ и начинала смѣяться такимъ нехорошимъ смѣхомъ. Агапъ Терентьичъ отправился за докторомъ въ ближайшій городъ и точно въ воду канулъ. На третій день больной сдѣлалось лучше, и въ душѣ Бориса Борисыча проснулась слабая надежда на возможность лучшаго исхода.

— Ната, ты спасена! Это—кризисъ...—шепталъ онъ, цѣлуя ея маленькія худыя руки. По лицу у него бѣжали счастливыя слезы.

— Нѣтъ, я умру... я это чувствую...—повторяла больная и старалась

улыбнуться.—Все равно жить больше не зачѣмъ!.. Меня давитъ теперь мысль о томъ, какъ я обманывала тебя, Борисъ...

— Не нужно, ничего не нужно, Ната... Тебѣ вредно волноваться!.. Я давно все пережилъ и простилъ тебя...

— Нѣтъ, я должна очистить совѣсть...

Какъ ни умолялъ, какъ ни упрашивалъ Борисъ Борисычъ,—больная настояла на своемъ съ тѣмъ упрямствомъ, какое бываетъ только у больныхъ.

— Тогда я тебя обманула о всемъ...—начала свою скорбную исповѣдь Ната и опять закрыла глаза.—Правда одно, что̀ я разсказала до встрѣчи съ Агапомъ Терентьичемъ... я встрѣтила не его, а Anatol'я. Это было истиннымъ несчастіемъ и гибелью для меня... За нимъ я ушла изъ дому, бросила отца и въ концѣ концовъ попала на скамью подсудимыхъ по очень некрасивому дѣлу. Anatol'я присудили на поселенье, меня оправдали... Онъ бѣжалъ изъ заключенія,—я пошла за нимъ. Такъ мы скитались по всей Россіи подъ вымышленными именами, пока не попали сюда на Уралъ. Anatole по профессіи былъ карточный шуллеръ и, чтобы прикрыть свою профессію, занялся золотопромышленностью. Вездѣ былъ обманъ и ложь... Агапъ Терентьичъ—простой трактирный маклеръ—служилъ помощникомъ Anatol'я въ его работѣ, а на пріискахъ долженъ былъ разыгрывать роль моего мужа. Это—спившійся и пропавшій, но очень добрый человѣкъ.

— Ната, довольно... я догадываюсь объ остальномъ...

— Позволь, что̀ было дальше?.. Ахъ, да—Anatole узналъ, что ты богатъ, любишь женщинъ, и хотѣлъ всѣмъ этимъ воспользоваться.., Это была тяжелая пытка для меня... Anatole нѣсколько разъ хотѣлъ убить тебя и меня... Агапъ Терентьичъ долженъ былъ разыгрывать ревниваго мужа... о, это была цѣлая пьеса!.. Если бы ты явился на мою записку, тебѣ не уѣхать бы отсюда живымъ... А потомъ Anatole нашелъ себѣ другую женщину и скрылся... Теперь все кончено... Борисъ! Зачѣмъ такъ бываетъ... что люди, которыхъ мы любимъ, не любятъ насъ, и наоборотъ? Ахъ, какъ мнѣ хорошо теперь, Борисъ!.. Дай твою руку, держи меня крѣпче!..

Отъ слишкомъ большого усилія больной сдѣлалось дурно, а затѣмъ она заснула. Эта исповѣдь произвела на Бориса Борисыча самое гнетущее впечатлѣніе, такъ что ему самому вдругъ захотѣлось умереть здѣсь, рядомъ вотъ съ этой изстрадавшейся женщиной, безжалостно измятой жизнью.

Утомленный двухсуточнымъ дежурствомъ и еще больше своимъ собственнымъ нравственнымъ состояніемъ, Борисъ Борисычъ на третью ночь заснулъ крѣпкимъ и тяжелымъ сномъ, какъ спятъ только сидѣлки у кровати больныхъ. Онъ былъ разбуженъ какой-то рукой, которая трясла его не особенно деликатно.

— Вставайте... эй, вставайте!..—грубо повторялъ охрипшій голосъ.—Она умерла!.. Слышите?..

Борисъ Борисычъ долго не могъ понять, гдѣ онъ находится и что̀ съ нимъ случилось, пока круглое лицо Агапа Терентьича не вернуло его къ печальной дѣйствительности. Господинъ съ хриплымъ голосомъ оказался докторомъ. Ната лежала съ открытыми глазами и точно съ удивленіемъ смотрѣла на собравшуюся около нея оригинальную компанію. Она, дѣйствительно, умерла...

---

# ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

## ЗОЛОТАЯ МУХА.

### Разсказъ.

### I.

„Эльдорадо“ переживало лихорадочное утро, т.-е. утро относительное, потому что оно начиналось здѣсь послѣ двѣнадцати часовъ дня, когда просыпалась вся садовая челядь. Больше всѣхъ волновался самъ хозяинъ сада, Евграфъ Гаврилычъ. Онъ трусцой перебѣгалъ съ афишей въ рукахъ отъ одного къ другому и на ходу бормоталъ:

— Нѣтъ, мы теперь утремъ носъ Стрѣльскимъ! Ой... нѣтъ, братъ, шалишь!.. Будутъ они помнить Евграфа Гаврилыча... да! Закрывай лавочку хоть сейчасъ. Даже жаль милашекъ... ха-ха!..

Старикъ говорилъ быстро, точно сыпалъ словами, причемъ его добродушно-лукавые сѣрые глаза жмурились и подмигивали. Онъ даже прищелкивалъ языкомъ, чтобы сильнѣе выразить свою мысль.

— Вотъ этакая пташка прилетитъ въ „Пале-Хрусталь“, такъ не обрадуются... хи-хи!.. —вскрикивалъ старикъ, поднимая кверху афишу, отпечатанную на трехцвѣтной бумагѣ, напоминавшей флагъ.—Тутъ, братъ, игрушки плохія... Нагонимъ мы имъ холоду, братьямъ-разбойникамъ!.. Будетъ намъ терпѣть отъ нихъ...

Вся садовая челядь принимала самое живое участіе въ этомъ шумномъ торжествѣ своего патрона, выражая его восклицаніями на разныхъ языкахъ, смѣхомъ и разными артистическими кунштюками. Тутъ были и балетмейстеръ Бульони, черненькій, сухой и подвижный господинъ небольшого роста, и шпагоглотатель—шестифутовый негръ Самъ, и русскій канатоходецъ Галкинъ, изъ отставныхъ матросовъ, и „музыкальные эксцентрики“ братья Жолчинскіе, и главный комикъ-куплетистъ Буровъ-Шершевскій, и „гуттаперчевая дѣвочка“ миссъ Эллiэтъ, и „американское семейство изумительныхъ клоуновъ Пингъ“, и отставной укротитель звѣрей Чипетти, и содержательница цыганскаго хора толстая еврейка Рахиль—словомъ, весь тотъ невообразимый сбродъ, который кормится около такихъ учрежденій, какъ загородный садъ „Эльдорадо“. Да и какъ могли они не радоваться, когда вотъ съ этой афишей былъ связанъ кровный вопросъ о собственномъ существованіи. Впрочемъ, былъ одинъ скептикъ, не раздѣлявшій общаго настроенія—это буфетчикъ Спиридонъ, извѣстный въ средѣ артистовъ подъ кличкой „мрачнаго мерзавца“. Онъ вѣчно имѣлъ какой-то обиженный видъ и вѣчно на что-нибудь жаловался. Можетъ-быть, поэтому Евграфъ Гаврилычъ и направился къ нему съ афишей.

— Ну, на̀, смотри... нюхай...—бормоталъ онъ, поднося афишу къ самому носу буфетчика.—Безъ ножа зарѣжемъ „Пале-Хрусталь“...

— Чѣмъ зарѣжешь-то, Евграфъ Гаврилычъ?

— А вотъ этой самой бумагой зарѣжемъ... Какъ пить дадимъ.

Спиридонъ мрачно улыбнулся и точно отцѣдилъ:

— Цыплятъ по осени считаютъ, Евграфъ Гаврилычъ...

— По осени? А ты читай. „Первое представленіе извѣстной любимицы публики, пѣвицы Греминой-Стальской“... а? И это тебѣ, идолу, ни почемъ? Мало?.. Публика-то валомъ повалитъ... Вѣдь ты за ведро водки дерешь больше сорока рублей, за бутылку коньяку восемнадцать, за фунтъ чаю пятнадцать— сосчитай-ка, сколько наживешь въ одинъ вечеръ. Вотъ то-то и оно-то... А всему голова Настасья Петровна. Да я ее, матушку, на рукахъ буду носить, въ лебяжьемъ пуху буду держать, вѣтру не дамъ пахнуть.

Мрачный буфетчикъ хотѣлъ сказать что-то относительно патента, но въ этотъ моментъ сопровождавшая Евграфа Гаврилыча челядь шумно разступилась, давая дорогу средняго роста женщинѣ въ громадной шляпѣ и лѣтнемъ широкомъ манто

— Голубушка, Настасья Петровна... вотъ легка на поминѣ!—какимъ-то плачущимъ голосомъ забормоталъ старикъ.—Ручку, матушка... милая... родная!..

— А, здравствуйте...—равнодушно отвѣтила она, смѣривъ его съ головы до ногъ удивленнымъ взглядомъ.—Извините, вы кто же такой здѣсь будете?..

— Я-то? хе-хе!.. Хозяиномъ прежде считали... Да...

Она оглянулась на своего спутника, точно хотѣла убѣдиться, что это не мистификація. Провожавшій ее лысый, брюзгдый господинъ съ крашеными усами вытиралъ свое вспотѣвшее лицо платкомъ и отвѣтилъ утвердительнымъ взглядомъ.

— Очень пріятно...—протянула она низкимъ, немного надтреснутымъ голосомъ и подала руку.

— Да, очень...

Затѣмъ она повернулась, окинула быстрымъ взглядомъ своихъ прозрачныхъ, неопредѣленнаго цвѣта глазъ окружавшую ее толпу, чуть замѣтно сморщила маленькій прямой носъ и, взявъ у хозяина афишу, рѣшительнымъ шагомъ направилась на садовую открытую террасу, уставленную бѣлыми столиками. За ней шагалъ лысый спутникъ, размахивая снятой шляпой. Евграфъ Гаврилычъ догналъ его и шепнулъ на ухо заискивающимъ голоскомъ, скашивая глаза на дорогую гостью:

— Ну, что, голубчикъ Алексисъ?

— Да ничего... Все отлично.

— Постарайся, Алексисъ, а ужъ я, братъ, не забуду... Знаешь мой характеръ.

Кучка артистовъ такъ и осталась у буфета. Всѣ жадно глядѣли на знаменитую Настасью Петровну, производившую еще такъ недавно громадный фуроръ. Одно ея имя на афишѣ ручалось за успѣхъ любого представленія. Публика рвалась, какъ сумасшедшая, чтобы послушать первоклассную звѣзду. Кто же не слыхалъ Гремину-Стальскую? Такого человѣка, кажется, и не сыскать. Репутація этой артистки настолько была велика, что даже не возбуждала артистической зависти: вѣдь Гремина-Стальская одна, и другой Греминой-Стальской не будетъ.

— Довольно она измѣнилась... замѣтила содержательница цыганскаго хора.— У ней въ горлѣ былъ милліонъ... да. Ахъ, ежели бы къ этому горлу другую голову приставить... фе-фе-фе!..

Старуха подняла жирныя плечи и зажмурилась въ какомъ-то ужасѣ. Артисты отлично ее поняли и тоже съежились отъ одной мысли о тѣхъ сот-

пяхъ тысячъ, которыя были разбросаны вотъ этими маленькими ручками въ длинныхъ шелковыхъ перчаткахъ. Да, Настасья Петровна пожила въ свою волю...

Она чувствовала на себѣ этотъ общій взглядъ жаднаго любопытства, а чуткое артистическое ухо ловило сдержанный шопотъ, поднимавшійся, точно волна прилива. „Господи, въ какую помойную яму я попала!“—съ тоской подумала она, закрываясь афишей.

— Кто составлялъ афишу?—строго спросила она, не обращаясь ни къ кому.

— Это вотъ они-съ...—отвѣтилъ Евграфъ Гаврилычъ, указывая на лысаго Алексиса.—Они у насъ завсегда афиши мастерятъ. Ловко подпущено?

— Да, недурно... Вы меня рекламируете, какъ опоенную пожарную лошадь,—сердито замѣтила она, пробѣгая глазами афишу.

Алексисъ покраснѣлъ и въ смущеніи поправилъ галстукъ.

— У насъ всякаго жита по лопатѣ, Настасья Петровна,—не унимался Евграфъ Гаврилычъ.—Вотъ изволите видѣть: національный балетъ „Скороспѣлка“—прекрасный номеръ, потомъ гуттаперчевая дѣвочка—публика весьма одобряетъ... русскій канатоходецъ—ну, этотъ такъ, на затычку идетъ. Онъ съ дрессированнымъ котомъ выходитъ... А дальше-съ музыкальные эксцентрики... американское семейство... шпагоглотатель. Вашъ номеръ послѣднимъ стоитъ, какъ главная приманка для публики. Вы ужъ извините, а мы тоже понимаемъ, съ кѣмъ дѣло имѣемъ. Алексисъ въ грязь лицомъ не ударитъ... Обратите вниманіе: сбоку напечатано—„Изумительно!“, „Непостижимо!“. Это все о васъ... да. У меня вѣдь такой характеръ: кого полюбилъ—ничего не жаль. И все у меня по-семейному... Дѣтками я зову своихъ артистовъ. И кормлю, и пою, и одѣваю, и призрѣваю всѣхъ, какъ родныхъ дѣтей. У насъ все попросту... Другіе антрепренеры пыль любятъ пущать, а у насъ все попросту.

— Я слышала, что вы жалованья никому не платите?

— Я? Напраслина-съ, Настасья Петровна... Денегъ, дѣйствительно, не люблю давать въ руки, потому что знаю, что̀ такое настоящій артистъ. Это я для ихъ же пользы. А только имъ всѣмъ у меня не житье, а масленица: ни о чемъ не думай, ни о чемъ не заботься. Они у меня пѣсенки распѣваютъ, шпаги глотаютъ, по канатамъ ходятъ, госпожѣ публикѣ всякое удовольствіе доставляютъ, а я ихъ питаю... хе-хе!.. Голодные ко мнѣ-то приходятъ, холодные... Ну, только это все другіе, а вы—особь статья, Настасья Петровна. У насъ съ вами особый разговоръ.

Но „она“ не слушала его, погрузившись въ раздумье. Алексисъ исподлобья разсматривалъ это чудное лицо, которое нельзя было даже назвать особенно красивымъ, но сколько въ немъ было огня, задорнаго веселья, затаеннаго смѣха. Большіе, суженные глаза смотрѣли изъ-подъ устало опущенныхъ вѣкъ такимъ кошачьимъ взглядомъ. А этотъ немножко удлиненный, восточный овалъ лица, эти соболиныя брови, эти русые волнистые волосы, этотъ пухлый ротикъ съ дѣтски-капризнымъ разрѣзомъ—все въ ней было вызывающе-хорошо. Даже сейчасъ она была больше, чѣмъ красавица, хотя ея время уже прошло.

— Послушайте, я никакъ не могу васъ припомнить...—заговорила она, медленно поднимая на него свои удивительные глаза.—Гдѣ мы встрѣчались?

— Даже не одинъ разъ...—смущенно пробормоталъ Алексисъ.—Въ отдѣльныхъ кабинетахъ... Помните: Вадовскій, Борзикъ, Гусевъ?..

— Да, что-то такое какъ будто помню...—отвѣтила она, сморщивъ брови.—А ваше лицо выпало у меня изъ памяти... Впрочемъ, и не мудрено: у меня такая масса знакомыхъ.

— Алексисъ тогда еще городскимъ головой состоялъ,—вмѣшался Евграфъ Гаврилычъ совсѣмъ не къ мѣсту.

Она сдѣлала видъ, что не разслышала, а бѣдный Алексисъ весь съежился, точно его облили холодной водой.

## II.

Смыслъ случившагося событія заключался въ томъ, что всего какихъ-нибудь два года назадъ Настасья Петровна составляла главную приманку „Пале-де-Кристаль", антрепренерами котораго состояли знаменитые братья Стрѣльскіе, а затѣмъ въ томъ, что между „Эльдорадо" и „Пале-де-Кристаль" шла самая ожесточенная конкуренція. Появленіе Настасьи Петровны въ „Эльдорадо" являлось той перчаткой, которую рыцари бросали, вызывая на поединокъ. Выпущенная Евграфомъ Гаврилычемъ широковѣщательная афиша, анонсировавшая дебютъ знаменитой садовой пѣвицы, взволновала оба учрежденія до самаго дна, поднявъ всѣ счеты, дрязги и застарѣлую вражду. „Эльдорадо" торжествовало впередъ побѣду надъ соперникомъ. Вѣдь Настасья Петровна стояла внѣ конкуренціи, и другой Настасьи Петровны невозможно было придумать.

— Мы имъ покажемъ!—повторяла хоромъ вся челядь, ютившаяся около „Эльдорадо":—Настасья Петровна вывезетъ...

Въ день перваго представленія волненіе въ „Эльдорадо" достигло своего апогея, точно всѣ готовились къ какому-то кровопролитному сраженію, и больше всѣхъ, конечно, волновался самъ Евграфъ Гаврилычъ. Отдѣльные „номера" тоже должны были показать себя передъ большой публикой съ самой лучшей стороны. Вообще, предстоялъ рѣшительный день, которымъ заканчивались наболѣвшіе счеты и старыя распри.

— Дѣтушки, постарайтесь!—повторялъ Евграфъ Гаврилычъ, встрѣчая своихъ артистовъ.—Зарѣжемъ мы Стрѣльскихъ единымъ духомъ, только бы одинъ разъ заманить къ намъ публику... Чѣмъ мы ихъ хуже? Все у насъ есть... А главное—костюмы свои соблюдайте, чтобы ни дыръ ни пятенъ не было замѣтно. На отличку надо дѣльце сдѣлать...

Старикъ съ утра доставалъ свои часы и смотрѣлъ, сколько оставалось до рѣшительнаго момента. Время шло и убійственно тихо и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно быстро. Въ буфетѣ недостаточно было заготовлено провизіи, главный канатъ въ саду необходимо было перетянуть, у четырехъ балеринъ недоставало новыхъ ботинокъ, главный комикъ могъ напиться прежде времени, и т. д. Вездѣ нуженъ былъ строгій хозяйскій глазъ, и Евграфъ Гаврилычъ рвалъ и металъ, сгорая отъ преисполнявшей его энергіи.

— Пронеси, Господи, только въ первый разъ!..—повторялъ онъ.—Публики подвалитъ видимо-невидимо... Товаръ надо лицомъ показывать.

Въ пылу усердія старикъ нѣсколько разъ выскакивалъ на подъѣздъ, разукрашенный въ трактирно-русскомъ стилѣ съ убогой вычурностью. Отсюда открывался великолѣпный видъ на громадную рѣку, по которой точками чертили лодки. На противоположномъ гористомъ берегу, на выдававшемся въ рѣку мысу, расположился „Пале-де-Кристаль". Издали можно было разсмотрѣть только громадное деревянное зданіе лѣтняго театра и пристань, а остальныя зданія прятались въ зелени. Вечеромъ „Пале-де-Кристаль" освѣщался электричествомъ, и у Евграфа Гаврилыча щемило на душѣ отъ этого нахальства. И оркестръ тамъ былъ лучше, и тоже было обидно, когда черезъ рѣку доносились торжествующіе звуки. Вообще, дѣла въ „Пале-де-Кристаль" шли отлично, а въ „Эльдорадо" совсѣмъ плохо, и Евграфъ Гаврилычъ приплачивалъ уже за второй сезонъ изъ собственнаго кармана довольно крупную сумму.

— Теперь посмотримъ, чья возьметъ!—вслухъ торжествовалъ Евграфъ Гаврилычъ и даже грозилъ ненавистному сопернику кулакомъ. —Не все коту масленица... Бываетъ и свиньѣ праздникъ. Посмотримъ, какъ вы сегодня запоете матушку-рѣпку!

Начало садоваго гулянья было въ восемь часовъ, но настоящая публика должна была собраться только къ десяти часамъ вечера, т.-е. та публика, которая кутитъ по отдѣльнымъ кабинетамъ, занимаетъ ложи и первые ряды креселъ и которая уже однимъ своимъ присутствіемъ составляетъ живую рекламу для заведенія. Ахъ, какъ отлично понималъ все это старый садовый антрепренеръ и какъ давно онъ не видалъ у себя въ „Эльдорадо“ вотъ именно этой, настоящей публики. Это вѣдь не то, что набредутъ чиновники и чиновницы, нѣсколько очертѣвшихъ купчиковъ, которымъ попала вожжа подъ хвостъ, да заблудящая садовая мамзель третьестепеннаго разбора. То ли дѣло, какъ подкатитъ на резинѣ настоящій баринъ, да одинъ онъ не поѣдетъ, а съ благопріятелями, да еще прихватитъ съ собой пару-другую француженокъ. Тутъ веселья до бѣлаго свѣту хватитъ... Мудреная эта публика: не все ли ей равно, а нѣтъ—прутъ всѣ въ „Пале-де-Кристаль“, какъ угорѣлые.

— Песочку побольше у подъѣзда!—командовалъ Евграфъ Гаврилычъ передъ самымъ открытіемъ.—Да иллюминацію по-настоящему закатить... Керосину не жалѣй!..

Публика начала собираться около восьми часовъ, и всѣ почувствовали, что это по-настоящему, хоть бы и „Пале-де-Кристаль“ впору. Какъ будто и тѣ же чиновники да швеи, а совсѣмъ даже не похоже. Въ девять часовъ зажгли иллюминацію, и садъ былъ уже полонъ наполовину, чего давно не бывало. Евграфъ Гаврилычъ выбѣгалъ на подъѣздъ и съ замираніемъ прислушивался къ веселому гулу прибывавшей толпы. У кассы происходила почти давка. Только наголодавшіеся антрепренеры знаютъ, что̀ такое публика, когда она пойдетъ валомъ. Такъ бы, кажется, и расцѣловалъ каждаго мерзавца... А вотъ и резина зашуршала по мостовой, и тяжело залязгали подковами кровные рысаки. Старикъ наслаждался этими звуками, какъ самой рѣдкой музыкой. Попалось нѣсколько старыхъ знакомыхъ изъ настоящихъ господъ, которыхъ Евграфъ Гаврилычъ знавалъ еще въ былыя времена, когда содержалъ буфетъ въ „Пале-де-Кристаль“, называвшемся тогда „Монрепо“.

— Ну, каково поживаешь, старина?

— Ничего, прыгаемъ понемножку, пока мыши головы не отъѣли... Милости просимъ! Давненько не бывали... хе-хе! Забыли старика...

— А вотъ и вспомнили.

„Эльдорадо“ сдѣлался неузнаваемымъ. Всѣ мѣста были заняты, но хватало столиковъ для желавшихъ закусить, прислуга сбилась съ ногъ. А публика все прибывала. Это было какое-то наводненіе. Даже самъ мрачный буфетчикъ Спиридонъ улыбнулся.

Представленіе шло по особой программѣ, и артисты, дѣйствительно, лѣзли изъ кожи, чтобы угодить публикѣ. Самыхъ лѣнивыхъ захватило общее волненіе. И всѣ чувствовали, что всѣ они, взятые вмѣстѣ, ничего не стоятъ предъ однимъ именемъ, которое магической силой привело сюда трехтысячную толпу. Вѣдь эта публика ждала ее и только ее одну, а остальныхъ смотрѣла и слушала только изъ вѣжливости добродушнаго гостя. „Она“ пріѣхала только къ одиннадцати часамъ. Евграфъ Гаврилычъ разъ пять гонялъ къ ней на дачу своего друга Алексиса и кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ самъ и привезъ диву. „Она“ прошла прямо въ уборную, гдѣ ее уже ждало нѣсколько букетовъ.

— Когда прикажете поднимать занавѣсъ, Настасья Петровна?—спрашивалъ выбившійся изъ силъ режиссеръ.

— Когда я скажу.

— Слушаю-съ.

„Она“ пріѣхала усталая и чѣмъ-то раздраженная. За кулисами ей попался Алексисъ, и она сдѣлала знакъ, чтобы онъ шелъ за ней въ уборную.

— Вы мнѣ поможете одѣться...—объяснила она, когда они остались въ уборной съ глазу на глазъ.—У меня нѣтъ камеристки, а я капризна; наконецъ я чувствую себя не въ своей тарелкѣ.

Онъ наклонилъ свою лысую голову, польщенный такими чрезвычайными полномочіями. Да, она выбрала его сама, выбрала изъ тысячи своихъ поклонниковъ—счастье, которое покупалось тысячами. Въ лысой головѣ закружились такія мысли, которыя были впору любой кудрявой молодой башкѣ.

— Что идетъ?—устало спрашивала Настасья Петровна, снимая манто.

— Гуттаперчевая дѣвочка...

— Я хочу ее видѣть.

— Когда же успѣете вы переодѣться?

— Ничего, публика подождетъ... Наконецъ я разсчитываю на вашу великодушную помощь.

Она улыбну ась какой-то больной улыбкой и прибавила:

— Рѣшительно, я не помню васъ, мой другъ... Что-то такое вертится въ головѣ, какъ будто начинаю припоминать, а потомъ—туманъ, туманъ...

Они вышли за кулисы. Пиликала плохенькая музыка. Плохенькая рампа освѣщала сцену. На авансценѣ, лицомъ къ нимъ, стояла неопредѣленныхъ лѣтъ дама во фракѣ, длинномъ жилетѣ, черныхъ атласныхъ штанахъ, черныхъ чулкахъ и черныхъ башмакахъ. У нея былъ такой рѣшительный видъ. Тонкія губы были плотно сжаты, а орлиный носъ придавалъ ей еще болѣе характерный отпечатокъ. Тонкая, жилистая, состоявшая изъ однихъ костей и нервовъ, она походила на одинъ изъ тѣхъ силуэтовъ, какіе появляются на экранахъ разныхъ престидижитаторовъ. Передъ ней стояли два стула. Между ними что-то такое блестѣло, ползло, извивалось. Женщина во фракѣ внимательно слѣдила за каждымъ движеніемъ этого покрытаго мишурной чешуей дѣтскаго тѣла и еще плотнѣе сжимала тонкія губы.

— Это ужасно...—шептала Настасья Петровна, хватая Алексиса за руку.—Посмотрите на эту несчастную дѣвочку! Она загибаетъ головку къ спинѣ... Опрокидывается всѣмъ тѣльцемъ назадъ... Несчастный ребенокъ!

Публика неистово аплодировала. И это та простая русская публика, которая не въ состояніи быть даже злой. Настасья Петровна изъ-за кулисы видѣла полныя напряженія лица, приподнятыя брови, жадные глаза и чувствовала, какъ у нея по спинѣ сбѣгаетъ холодная струйка, точно кто приложилъ къ теплому, живому тѣлу лезвее ножа. О, какъ она ненавидѣла вотъ это чудовище, которое называется публикой! Ей страшно захотѣлось крикнуть имъ: „Чему вы аплодируете, несчастные,—вы, которые имѣете матерей, женъ, сестеръ и собственныхъ дѣтей? Неужели вамъ не жаль этого и ломаннаго ребенка, въ которомъ нѣтъ жилочки нетянутой, косточки цѣлой? Вы—изверги, палачи, негодяи, потому что ребенка истязаютъ для васъ. Даже вотъ эта черная тѣнь женщины виновата въ тысячу разъ меньше. Она зарабатываетъ свой хлѣбъ тяжелымъ трудомъ и рискуетъ уже однимъ тѣмъ, что можетъ въ одну минуту потерять въ лицѣ своей гуттаперчевой дѣвочки весь свой капиталъ—вѣдь это границы всему!“

Публика увлеклась талантливымъ ребенкомъ и три раза вызывала его

на „bis“. Послѣдній „номеръ“ вызвалъ самый дикій восторъ. И было отъ чего. Гуттаперчевая дѣвочка поднялась на стулья, спиной къ публикѣ. „Madame“ во фракѣ немного раздвинула ихъ и затѣмъ бросила на полъ платокъ. Началось что-то невиданное, невозможное, невѣроятное... Ребенокъ опрокинулъ сначала голову назадъ, потомъ все это дѣтское тѣльце перегнулось пополамъ, дѣтскія ручки схватились за ноги, и полное напряженной муки, но продолжавшее улыбаться дѣтское личико начало опускаться все ниже и ниже, пока не коснулось пола, чтобы схватить лежавшій платокъ зубами. Нужны были нечеловѣческія силы, чтобы подняться на стулья, но гуттаперчевая англійская дѣвочка исполнила и это при неистовыхъ аплодисментахъ. Только въ послѣдній моментъ силы ей измѣнили, и ребенокъ упалъ прямо на лицо. Она испуганно вскочила на ножки и хотѣла сейчасъ же повторить испорченный номеръ, не замѣчая струившейся по лицу крови.

— Довольно! Довольно!

Настасья Петровна поймала окровавленную мученицу за кулисами, подхватила на руки, какъ перышко, и унесла къ себѣ въ уборную.

— Что̀ вы дѣлаете?—шепталъ ей Алексисъ, успѣвшій переодѣться цыганомъ.

— Ахъ, оставьте... Всѣ вы звѣри! Бѣдный ребенокъ... дѣвочка моя...

— Вѣдь сейчасъ нашъ хоръ, а потомъ вашъ номеръ, Настасья Петровна.

— Убирайтесь вы всѣ отъ меня къ чорту!..

Прибѣжалъ встревоженный Евграфъ Гаврилычъ.

Скандалъ съ гуттаперчевой дѣвочкой испортилъ настроеніе даже садовой публики.

— Матушка, Настасья Петровна, бросьте проклятую дѣвчонку,—упрашивалъ онъ, стараясь отнять дѣвочку.—Вамъ сейчасъ выходить...

— Не приставайте, а то и совсѣмъ не выйду...

— Какъ же это такъ... а? Вѣдь публику...

— А мнѣ наплевать на вашу публику...

Она унесла дѣвочку къ себѣ въ уборную, положила на кушетку и, ставъ на колѣни, начала ее раздѣвать. Ребенокъ былъ такъ напуганъ всѣмъ случившимся, что не сопротивлялся, а только округлившимися глазами искалъ черный призракъ своей мучительницы.

— Мученица ты моя... родная...—шептала Настасья Петровна, цѣлуя окровавленное дѣтское личико, изломанныя ручки и ножки.—Я тебя не отдамъ никому... слышишь?.. Ребеночекъ мой...

Знаменитая любимица публики обливала слезами измученнаго ребенка, а на сценѣ гремѣлъ цыганскій хоръ. Изъ пестрой волны звуковъ рѣзче другихъ выдѣлялся голосъ Алексиса,—бывшій городской голова, тренькая на гитарѣ, выдѣлывалъ цыганскія solo, гикалъ, свисталъ и фальцетомъ бралъ невозможныя цыганскія верхнія ноты. Нужно было разогрѣть публику... На bis Алексисъ плясалъ съ Рахилью русскую, а потомъ исполнилъ еще одинъ номеръ. И въ то же время этотъ пропащій человѣкъ думалъ о томъ, что̀ дѣлается тамъ, въ уборной Настасьи Петровны.

## III.

— Настасья Петровна... а Настасья Петровна!—взывалъ жалобнымъ голосомъ Евграфъ Гаврилычъ, стоя у запертыхъ дверей уборной.—Что̀ же это такое?.. Сейчасъ вашъ номеръ... ахъ, Боже мой!.. Вонъ и хоръ кончилъ... Настасья Петровна, родная!..

Подошелъ вспотѣвшій, задохшійся Алексисъ.

Старикъ обратился къ нему съ умоляющимъ жестомъ. Ихъ толкали ходившіе изъ уборной въ уборную артисты, гдѣ-то слышался сдержанный шопотъ.

— Настасья Петровна...

Наконецъ дверь уборной распахнулась, и Настасья Петровна сдѣлала Алексису знакъ войти.

Вмѣстѣ съ нимъ ворвался и Евграфъ Гаврилычъ. Онъ былъ въ ужасѣ: она еще и не думала одѣваться, а глаза были красны отъ слезъ.

— Милая, родная... ножки буду цѣловать...—бормоталъ растерявшійся старикъ, чувствуя, что у него отъ страха начинаютъ шевелиться волосы на головѣ.

— Что же, я при васъ одѣваться буду?—сердито накинулась на него избалованная примадонна.—А впрочемъ, мнѣ все равно... Алексисъ, я сяду къ зеркалу, и вы будете меня гримировать, а этотъ старикашка надѣнетъ мнѣ чулки и башмаки.

Работа закипѣла. Евграфъ Гаврилычъ дрожащими руками снималъ съ примадонны домашніе сапоги и чулки и неумѣло старался надѣть новые, Алексисъ накладывалъ кисточкой бѣлила и съ ловкостью парикмахера орудовалъ пуховкой. Брови и рѣсницы Настасья Петровна подрисовала сама. Затѣмъ слѣдовали въ порядкѣ корсетъ, коротенькая шелковая юбочка, яркій корсажъ, серьги изъ поддѣльныхъ брильянтовъ, такія же кольца, браслеты и цѣлое колье. Сама Настасья Патровна привычной и быстрой рукой помогала суетившимся около нея приспѣшникамъ, занятая мыслью о лежавшей на кушеткѣ раздѣтой гуттаперчевой дѣвочкѣ.

— Я ее не отдамъ...—упрямо повторяла она, споря съ какимъ-то невидимымъ врагомъ.—Да, не отдамъ... Я ее куплю у англичанки.

— Вѣрно... купимъ и дѣвочку!—поддакивалъ Евграфъ Гаврилычъ, выигрывая время.—Все купимъ, только вотъ корсажъ надо приправить сзади. Алексисъ, орудуй. Вотъ тутъ отдувается... Ты булавкой сошпиль.

А публика уже начинала волноваться. Доносился сдержанный ропотъ тысячной толпы, отдѣльные нетерпѣливые возгласы, стукъ палками и топотъ ногъ. Всѣ были возбуждены и требовали ту, для которой сбѣжалась сюда эта тысячная толпа. Евграфъ Гаврилычъ, конечно, слышалъ это шумное нетерпѣніе и еще сильнѣе волновался.

— Готово...—рѣшила наконецъ Настасья Петровна, оглядывая себя въ послѣдній разъ въ зеркало. Но она еще не вышла изъ уборной, а наклонилась къ гуттаперчевой дѣвочкѣ, прикрытой ея манто, и опять принялась ее цѣловать.

— Я сейчасъ приду, моя капелька... да? Сейчасъ... Я тебя не отдамъ...

Евграфъ Гаврилычъ осторожно вытащилъ ее изъ уборной, но въ дверяхъ она еще разъ остановилась и проговорила:

— Заприте уборную и ключъ отдайте мнѣ, а то дѣвочку украдутъ.

— Дверь безъ замка-съ...—испуганно отвѣтилъ Евграфъ Гаврилычъ.—Да вы не безпокойтесь, Настасья Петровна. Все будетъ въ сохранности... Мы тутъ одной семьей живемъ.

— Нѣтъ, я вамъ не вѣрю! Алексисъ, идите въ уборную и не смѣйте сдѣлать оттуда ни одного шагу. Вы мнѣ отвѣчаете за дѣвочку своей головой.

— Ты смотри, Алексисъ!—строго подтверждалъ Евграфъ Гаврилычъ, грозя пальцемъ.—Знаешь мой характеръ? Я, братъ, шутить не люблю... Матушка, Настасья Петровна, публика-то скоро стулья будетъ ломать.

— Сейчасъ, сейчасъ...

Она быстрыми шагами пошла на сцену, но какъ на грѣхъ встрѣтилась у послѣдней кулисы съ черной англичанкой.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить...—начала Настасья Петровна.— Мы сойдемся... я куплю у васъ дѣвочку. Сколько?..

Дама въ черномъ фракѣ сдѣлала отрицательное движеніе головой и улыбнулась. Это взорвало Настасью Петровну.

— Такъ я вамъ просто не отдамъ дѣвочки!—азартно заговорила она.— Это не ваша дочь... нѣтъ. Развѣ найдется такой извергъ-мать, чтобы стала такъ истязать своего собственнаго ребенка? Никогда!..

Англичанка что-то быстро заговорила, а лицо оставалось все такое же спокойное, увѣренное, и это подняло въ Настасьѣ Петровнѣ всю кровь. Женщины говорили на разныхъ языкахъ, но это не мѣшало имъ отлично понимать другъ друга. А тамъ, гдѣ пестрѣла тысячеголовая человѣческая масса, уже раздавались шиканье, свистки и неистовый топотъ.

— Матушка, родная, не погуби!..—взмолился Евграфъ Гаврилычъ, падая на колѣни.—Вѣдь скандалъ... Разнесутъ все заведеніе.

У старика были слезы на глазахъ. Настасья Петровна съ отвращеніемъ вырвала изъ его рукъ свою руку и увѣренной граціозной походкой выпорхнула на сцену, сіяющая, улыбающаяся, задорно-красивая. Тысячи глазъ жадно впились въ нее, и прошла нѣкоторая пауза, прежде чѣмъ раздались оглушительные аплодисменты. Голодный тысячеголовый звѣрь уже наслаждался своей улыбавшейся добычей. Слышалось даже то легкое ворчанье, когда звѣрь рветъ еще теплое мясо. Сказывался общественный темпераментъ съ его плотоядными инстинктами... Она обвела притихшую толпу своими усталыми глазами и подала знакъ капельмейстеру, смотрѣвшему на нее такъ, точно онъ сейчасъ хотѣлъ вылѣзть изъ собственной кожи.

Дрогнули скрипки, взвыли мѣдныя трубы, зарокоталъ барабанъ, а черная дирижерская палочка поднимала все новые звуки. Оркестръ былъ плохенькій, музыканты отчаянно врали, но это еще усилило эффектъ свѣжаго женскаго голоса, вплетавшаго бравурную мелодію въ этотъ муравейникъ звуковъ. На сценѣ Настасья Петровна дѣлалась совершенно другой женщиной—у ней былъ настоящій шикъ каскадной пѣвицы. Благодарная публика взвыла, когда она съ отчаяннымъ жестомъ кончила первый куплетъ безсмысленной шансонетки.

— Браво-о-о-о-о!.. Гремина-Стальская, бррраво-о-о!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ около рампы, улыбаясь и раскланиваясь. Оркестръ зудилъ маленькій антрактъ. Второй куплетъ вызвалъ настоящую бурю... Да, это была она, общая любимица, и всѣ радовались, что нашли ее такой же, какой знали два года назадъ. Даже лучше, потому что въ голосѣ чувствовалась такая захватывающая нервность... Когда наконецъ она кончила свой номеръ, публика повскакала съ мѣстъ, выла, гикала, стучала ногами. Стоявшій за кулисами Евграфъ Гаврилычъ даже перекрестился: трудненько достался ему этотъ выигрышный номеръ... Охъ, ужъ только эти примадонны! Жилы всѣ вытянутъ... Ну, да чортъ съ ней—дѣло сдѣлано.

Со сцены Настасья Петровна бросилась прямо въ уборную: гуттаперчевая дѣвочка была тамъ, а около нея сидѣлъ Алексисъ. Онъ даже увлекся своей ролью сидѣлки и не затѣтилъ, какъ пролетѣло время.

Правда, онъ слышалъ восторженную бурю, обрывки музыки, отдѣльныя знакомыя ноты—и только. Миссъ Эллiэтъ тоже вслушивалась и продолжала лежать. Только время отъ времени ея глаза принимали испуганное выраженіе, именно когда у дверей уборной слышались легкіе осторожные шаги,—это

была она, страшная тѣнь черной женщины. Ребенокъ освоился со своимъ положеніемъ и лежалъ спокойно, чувствуя, что за него заступится чья-то рука и что сегодняшняя неудача можетъ сойти.

— Ахъ, моя крошка... тебѣ хорошо?—спрашивала Настасья Петровна, цѣлуя ребенка.—Ничего не бойся... Я тебя не отдамъ.

— О, yes...

Ребенокъ улыбнулся въ первый разъ, и двѣ дѣтскихъ голенькихъ ручки протянулись къ Настасьѣ Петровнѣ, обхватили ея шею, и дѣтское личико припало къ ея груди. А тамъ неистово ревѣла толпа, требовавшая Гремину-Стальскую,—она должна была пропѣть свои лучшіе номера. Эта толпа отрывала ее отъ ребенка, беззащитнаго и слабаго.

— Я сейчасъ...—проговорила она, поднимаясь.—Алексисъ, я надѣюсь на васъ.

Въ дверяхъ уже появился Евграфъ Гаврилычъ, вся фигура котораго представляла собой одну мольбу. Онъ уже не могъ ничего говорить, а только прижималъ обѣ руки къ сердцу. Настасья Петровна прошла мимо него, не удостоивъ даже кивкомъ.

Опять взвылъ оркестръ. Алексисъ чувствовалъ, какъ замерла вся публика, и самъ превратился въ одинъ слухъ. Вотъ первыя слова избитой модной шансонетки... А затѣмъ что-то случилось. Что-то упало, послышался какой-то крикъ, и опять мертвая тишина—даже оркестръ остановился. Потомъ торопливый топотъ десятка ногъ, и въ уборную внесли Настасью Петровну—она была блѣдна, какъ полотно, глаза закрыты, а на шелковой юбочкѣ широкой полосой темнѣла свѣжая кровь.

— Обморокъ...—шепталъ какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ, оглядываясь, куда уложить больную.—Ничего, это пройдетъ.

Алексисъ завернулъ миссъ Эллiэтъ въ манто и вынесъ ее изъ уборной, а на ея мѣсто уложили больную. Господинъ въ золотыхъ очкахъ разорвалъ корсажъ и мочилъ голову холодной водой. Это былъ докторъ, случайно бывшій на представленіи. Когда Алексисъ вернулся, больная уже открыла глаза и съ удивленіемъ смотрѣла кругомъ, очевидно, не давая себѣ отчета, гдѣ она и что съ ней.

— А дѣвочка?—обратилась она къ Алексису.

— Успокойтесь...—уговаривалъ докторъ. — Сейчасъ вамъ вредно волноваться.

Она быстро взглянула прямо въ лицо доктору и только улыбнулась.

Черезъ пять минутъ на авансценѣ появился Алексисъ и почтительнѣйше доложилъ ожидавшей публикѣ, что г-жа Гремина-Стальская по болѣзни не можетъ больше выйти на сцену. Это заявленіе вызвало замѣтное неудовольствіе, и публика начала расходиться съ обиженнымъ видомъ людей, у которыхъ выхватили лакомый кусокъ прямо изо рта.

## IV.

Неожиданная болѣзнь Греминой-Стальской разрушила все будущее „Эльдорадо“,— на слѣдующій день садъ былъ пустъ. Артисты опустили головы, а Евграфъ Гаврилычъ просто рвалъ на себѣ волосы.

— Подвела она меня совсѣмъ,—уныло повторялъ онъ, бродя по своему, сразу опустѣвшему заведенію.—Раньше хоть какая-нибудь публика собиралась, а теперь никто не пойдетъ... Всѣ будутъ ждать, когда поправится Настасья Петровна.

Старикъ нѣсколько разъ ѣздилъ на дачу къ Греминой и съ большимъ трудомъ добился аудіенціи. Она его приняла, сидя въ креслѣ.

— Что̀ вамъ угодно, старикашка?

— Ахъ, голубушка... Вѣдь это невозможно: я вонъ какую ораву людей кормлю. Проѣдятъ они меня...

— Я тутъ ни при чемъ... Все зависитъ отъ доктора.

Гремина занимала дешевенькую дачу на противоположномъ берегу, въ двухъ шагахъ отъ „Пале-де-Кристаль“. Обстановка была дрянная, сборная— вообще не казисто. Евграфъ Гаврилычъ соображалъ, что все это ему на руку, потому что у Настасьи Петровны ничего сейчасъ нѣтъ, значитъ, она могла быть ему полезна. Испортила все проклятая болѣзнь... Онъ подкараулилъ у подъѣзда лѣчившаго пѣвицу доктора и умолялъ поскорѣе выправить его лучшій „номеръ“. Знакомый докторъ только улыбнулся.

— Голубчикъ, да только скажите: живой воды достанемъ. Ничего не пожалѣю... Вѣдь это мнѣ безъ смерти смерть.

— Если такъ, то скажу вамъ одно: не надѣйтесь ни на что. Дѣло очень скверно... Сердце не въ порядкѣ, а съ нимъ нельзя шутить. Понимаете?.. Мнѣ не нравится сердце Настасьи Петровны и даже очень не нравится... Смотрите, не проболтайтесь: я это только вамъ говорю.

— Значитъ, крышка?

— Около того...

Старикъ упалъ духомъ окончательно. Вотъ когда подошла бѣда неминучая... А тутъ еще Алексисъ обнадеживалъ, чтобы сорвать ей жалованье за полмѣсяца впередъ. Говоритъ, что сама его посылала.

— Ахъ, народецъ!—ворчалъ старикъ.—Хорошо, что не далъ, а то плакали бы мои денежки. Ловко!..

Вечеромъ въ саду его поймалъ Алексисъ и отвелъ въ сторону.

— Мнѣ съ вами нужно серьезно поговорить, — предупреждалъ цыганскій запѣвала.

— Ну, ну, начинай... Знаю я, какой-такой вашъ разговоръ бываетъ. Нѣтъ, братъ, дудки... Настасья Петровна — ау, а у меня не монетный дворъ.

— Вотъ я объ этомъ и хочу поговорить съ вами, только уговоръ дороже денегъ: молчокъ. Она умретъ — это вѣрно, но объ этомъ никто не долженъ знать... Понимаете?

— Ладно, обманывай дальше.

— Дѣло въ томъ, что это и для васъ важно. „Эльдорадо“ вамъ идетъ въ убытокъ третій годъ, а я его продамъ вамъ на очень выгодныхъ условіяхъ.

— Ты?..

— Да, я... Только уговоръ, что о Настасьѣ Петровнѣ никому ни гу-гу. Даже за хлопоты ничего не возьму. Все равно пропью. Не такія деньги тратилъ въ свое время... По рукамъ?

— По рукамъ!..

Алексисъ сегодня имѣлъ необычайно дѣловой и серьезный видъ, такъ что даже Евграфъ Гаврилычъ не заподозрѣлъ его въ обманѣ: человѣкъ бывалый, а у каждаго плута свой расчетъ. Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла... Тронутый безкорыстіемъ бывшаго городского головы, Евграфъ Гаврилычъ прибавилъ:

— А я тебѣ вотъ что̀ скажу, Алексисъ: сухая ложка ротъ деретъ, да и молоко, говорятъ, у коровы на языкѣ. Пока что̀, я могу тебѣ выдавать на булавки... ну, трешницу въ сутки. Нельзя же дѣла обдѣлывать на сухую.

— Хорошо, потомъ сочтемся...

Алексисъ цѣлыхъ три дня ходилъ, какъ въ воду опущенный, когда узналъ, что Настасья Петровна безнадежна. Ему первому докторъ сказалъ это, и впопыхахъ онъ не успѣлъ его даже предупредить, чтобы всецѣло держать въ секретѣ. Докторъ, какъ на грѣхъ, разболтался съ Евграфомъ Гаврилычемъ и отрѣзалъ съ этой стороны возможность всякой помощи.

— Понимаете, у нея ничего нѣтъ, — взволнованно объяснилъ Алексисъ ничего не понимавшему доктору.—А если бы вы не проболтались, Евграфъ Гаврилычъ выдавалъ бы какую-нибудь субсидію... да. Что же остается?.. Въ больницу...

— Да... Гм... А чортъ его зналъ!.. Не сообразилъ...

— А я вамъ скажу, что вы теперь должны дѣлать... Говорите всѣмъ, что Настасья Петровна поправится. Это даже не будетъ ложью съ вашей стороны, потому что болѣзнь самаго неопредѣленнаго характера. А я, съ своей стороны, не дамъ ей умереть въ больницѣ... У меня есть свой планъ.

Дѣйствительно, у Алексиса былъ планъ, созданный въ теченіе нѣсколькихъ безсонныхъ ночей. Теперь онъ зналъ, что нужно было дѣлать, и смѣло смотрѣлъ впередъ. У него была и рѣшимость, и твердая увѣренность, и находчивость, точно онъ переродился за эти нѣсколько дней. Его поднимало одно чувство, могучее и захватывающее, одно изъ тѣхъ, которыя испытываются только разъ въ жизни: Алексисъ полюбилъ умирающую примадонну, какъ мальчикъ. Алексисъ боялся, что Настасья Петровна можетъ замѣтить его настроеніе. Вѣдь это стыдно, когда голова лысая и когда вся жизнь назади, а главное—это была любовь къ умирающей женщинѣ...

Сама Настасья Петровна еще не отдавала отчета въ своемъ положеніи и надѣялась, что все скоро пройдетъ. Она всегда была такая здоровая, а тутъ какой-нибудь глупый обморокъ... Правда, она съ трудомъ могла ходить по комнатѣ, задыхалась, испытывала какую-то изнурительную слабость и по ночамъ не могла спать—нужно было садиться въ кресло, и только въ этомъ положеніи наступало забытье, полное мучительныхъ грезъ и галлюцинацій. Аппетита тоже не было.

— Э, пустяки, все пройдетъ,—успокаивалъ Алексисъ. — Помните, какъ вы тройку останавливали, Настасья Петровна?

— Да, да... Я была очень сильная, а теперь не могу пальцемъ шевелить. Да... И какъ все это быстро, не правда ли?.. Докторъ говоритъ: нервы... А у меня такое ощущеніе, точно тамъ—и въ сердцѣ и въ груди совершенно пусто, какъ, вѣроятно, чувствовала бы себя пустая бутылка изъ-подъ дорогого вина, если бы она только была въ состояніи что-нибудь чувствовать. Потомъ тоска.. А главное, грезы, грезы, грезы... Нѣтъ, это послѣднее всего ужаснѣе.

Больная часто впадала въ какую-то страшную задумчивость и по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижно въ своемъ креслѣ. Алексисъ наблюдалъ ее издали, и ему дѣлалось страшно за эти открытые глаза, которые ничего не видѣли: это была смерть... Это было то особенное чувство, когда человѣкъ ждетъ смертельнаго удара и не видитъ руки, наносящей его. Иногда Настасья Петровна съ удивленіемъ разсматривала Алексиса, точно видѣла его въ первый разъ.

— О чемъ вы думаете сейчасъ, Настасья Петровна?

— Я?.. Я стараюсь припомнить, гдѣ я васъ видѣла... Вы увѣрены, что это было?

— О, совершенно увѣренъ... Мы провели цѣлый вечеръ вмѣстѣ и даже очень недурно. Вы были въ ударѣ и...

— И?

— И по ошибкѣ даже поцѣловали меня... Это было очень смѣшно, потому что вы приняли меня за сосѣда. Потомъ вы разсердились...

— Это, дѣйствительно, смѣшно, если бы не такъ грустно. Все-таки я не помню ничего, хоть убейте... Да и гдѣ припомнить!..

Каждая мысль о прошломъ волновала больную, и Алексисъ всѣми силами старался сосредоточить ея вниманіе на настоящемъ, хотя для этого было такъ мало средствъ въ его распоряженіи. Занять Настасью Петровну, такъ много видѣвшую, слышавшую и испытавшую, являлось дѣломъ не легкимъ. Впрочемъ, она оживлялась, когда Алексисъ приводилъ съ собой гуттаперчевую дѣвочку—миссъ Эллізъ. У Настасьи Петровны проснулось какое-то материнское чувство къ несчастному ребенку, и она могла по цѣлымъ днямъ проводить съ ней въ той безсвязной болтовнѣ, на какую способны для дѣтей однѣ женщины. Алексисъ являлся нѣмымъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ сценъ и чувствовалъ, какъ билъ въ ней ключомъ неизжитый запасъ силъ,—въ умирающей примадоннѣ на его глазахъ родилась женщина - мать. Въ немъ самомъ просыпалась какая-то предательская теплота... А что, если бы онъ встрѣтился съ Настасьей Петровной лѣтъ десять назадъ, когда она еще не закружилась въ вихрѣ своихъ сценическихъ успѣховъ и когда онъ самъ могъ быть порядочнымъ человѣкомъ? Гм... да. Есть много вещей, о которыхъ лучше не думать, потому что онѣ приходятъ слишкомъ поздно... Но и тутъ было одно обстоятельство, которое доводило больную каждый разъ до слезъ: гуттаперчевая дѣвочка не говорила по-русски, а Настасья Петровна не знала по-англійски. Приходилось ограничиваться одной пантомимой.

— Да вѣдь я тебя люблю, моя крошка!.. — съ отчаяніемъ повторяла Настасья Петровна, лаская миссъ Эллізъ.— Никогда и никого такъ не любила... Вѣдь ты слышишь, да?.. Ты меня тоже полюбишь? Такъ, немножко... капельку... Мнѣ очень немного нужно.

Эти сцены доводили Алексиса до слезъ, и онъ отвертывался къ окну, чтобы не выдать своего преступнаго настроенія. Боже, какъ она была хороша, какъ хороша!..

Хлопоты о выкупѣ дѣвочки немного затянулись, потому что, разъ, англичанка-антрепренеръ не соглашалась, а второе — у Настасьи Петровны не было ни гроша за душой. Впрочемъ, Алексисъ уговорилъ англичанку на притворное согласіе и самъ назначилъ сумму выкупа. Это оживило Настасью Петровну, и она въ тотъ же день написала цѣлый рядъ писемъ къ своимъ вліятельнымъ поклонникамъ, бросавшимъ на кутежи съ ней и на подарки ей тысячи.

— Ну что имъ стоитъ выбросить десять тысячъ?—повторяла Настасья Петровна.

— Конечно, пустяки,—соглашался Алексисъ. — Я прокутилъ состояніе въ сто тысячъ и понимаю эту психологію. Да... Подвернись мнѣ тогда такой особенный случай... гм...

Настасья Петровна съ загоравшимися глазами начинала перечислять своихъ пріятелей и соображала, кто и сколько могъ дать.

— Напримѣръ, Вадовскій? Ну что ему стоитъ бросить двѣ-три тысячи? Онъ въ одинъ вечеръ уплачивалъ по моимъ счетамъ больше и считалъ за счастье, что я позволяла ему это удовольствіе. Да мало ли ихъ... Помните стараго барона съ подвязанной рукой?.. Знаете, мнѣ кажется, что среди публики въ послѣдній разъ я видѣла Вадовскаго... Отчего онъ не пришелъ въ уборную?

Алексисъ пожималъ плечами, — Вадовскій за поддѣльные векселя былъ сосланъ въ Западную Сибирь, а старый баронъ лежалъ въ могилѣ.

Каждое утро Настасья Петровна проводила въ страстномъ ожиданіи отвѣтовъ на свои письма. Она заглядывала постоянно въ окна, нейдетъ ли почтальонъ,—но онъ не шелъ... Каждый проѣзжавшій мимо дачи экипажъ заставлялъ ее вздрагивать. На десять писемъ отвѣтъ получился только одинъ. Настасья Петровна дрожавшими руками разорвала длинный конвертъ съ княжескими вензелями, пробѣжала лаконическую записку и швырнула ее.

— Мерзавцы! — прошептала она, заламывая руки. Съ ней повторился припадокъ, хлынула горломъ кровь, и наступилъ обморокъ. Хорошо, что все случилось при Алексисѣ, который заручился необходимыми инструкціями отъ доктора. Онъ снесъ на рукахъ Настасью Петровну въ постель, раздѣлъ ее и уложилъ, а потомъ уже привелъ въ чувство. Теперь не было женщины, а былъ только больной человѣкъ.

— Гдѣ моя дѣвочка?—спрашивала Настасья Петровна, съ трудомъ открывая глаза.— Слышите, я ее не отдамъ... никому не отдамъ...

Алексисъ припряталъ княжеское письмо и прочиталъ его потомъ уже въ „Эльдорадо“: „Милый котенокъ! Для тебя у меня нѣтъ отказа, но для этого нужно пріѣхать по извѣстному тебѣ адресу“.

## V.

У маленькихъ людей и горе, и радость, и счастье въ концѣ концовъ сводятся въ самые прозаическіе денежные расчеты. Алексисъ былъ влюбленъ, Настасья Петровна умирала, а въ результатѣ нужны были деньги и деньги. На Алексиса находило отчаяніе, и онъ скрежеталъ зубами въ безсильной ярости.

— Не дамъ я ей умереть въ больницѣ! — повторялъ онъ самъ себѣ.— Да, не дамъ... Слышите ли вы всѣ, которые ухаживали за ней, которымъ она улыбалась и которыхъ дарила своимъ вниманіемъ, — я одинъ не дамъ ей умереть, какъ нищей.

Планъ явился вдругъ, какъ-то самъ собой. Алексисъ дня черезъ три послѣ рокового дебюта Настасьи Петровны въ „Эльдорадо“ отправился днемъ въ „Пале-де-Кристаль“, гдѣ у него были свои знакомые среди мелкой актерской челяди. Садъ днемъ былъ, конечно, пустъ, и только въ буфетѣ происходило нѣкоторое движеніе. Два гимнаста пили чай, старшій братъ Стрѣлинскій провѣрялъ какіе-то счеты, буфетчикъ разговаривалъ со старшимъ официантомъ Никитой Павлычемъ. Его-то и нужно было Алексису. Рослый, высокій старикъ, выбритый и подстриженный „подъ англичанина“, былъ извѣстенъ, какъ ростовщикъ, и господа артисты часто прибѣгали къ его отеческой помощи. Алексису тоже случалось имѣть съ нимъ дѣло. У старика, по слухамъ, было тысячъ тридцать голенькихъ. Алексисъ выпилъ рюмку водки, пожевалъ какой-то бутербродъ, поздоровался съ гимнастами и потомъ уже подошелъ къ Никитѣ Павлычу.

— Никитѣ Павлычу...

— А, пѣвунъ... Ну, что новенькаго скажешь? Каково съ Евграфомъ Гаврилычемъ прыгаете?

— Да ничего, слава Богу. У всѣхъ одно положенье: четыре недѣли на мѣсяцъ жалованье платишь, а пятую спать.

— По-нашему, деревенскому, это называется въ два краса жить: одинъ— какъ вода, а другой пожиже воды... Ахъ, ты, балагуръ!.. Балетъ у васъ, сказываютъ, весьма превосходный... Набрали дѣвчонокъ съ улицы, обрядили ма-

лость и пустили прыгать. Главной-то балеринѣ, поди, рубля три въ мѣсяцъ платите? Не вдругъ и выговоришь сумму-то... Самъ бы Евграфъ Гаврилычъ потанцовалъ, оно еще выгоднѣе.

Устроенный въ „Эльдорадо“ домашними средствами балетъ служилъ неистощимой темой для всевозможныхъ разговоровъ, шуточекъ и остротъ. Такъ было и теперь. Весь буфетъ задыхался отъ хохота — и буфетчикъ, и гимнасты, и даже самъ Стрѣльскій, суровый, чахоточный господинъ, — всѣ хохотали. Алексисъ даже смутился. Когда пароксизмъ смѣха прошелъ, онъ замѣтилъ:

— А ежели разобрать, такъ это и не смѣшно совсѣмъ...

— По-твоему, умственно? — презрительно спросилъ Никита Павлычъ, хлопая Алексиса по плечу.

— Ничего, недурно... Вотъ что̀, Никита Павлычъ, угостилъ бы ты меня лучше чайкомъ, чѣмъ лясы точить. Жарко...

Этотъ неожиданный оборотъ удивилъ стараго официанта, — очень ужъ свободно разговариваетъ Алексисъ, точно и не онъ.

— А то я тебя угощу,—вызвался Алексисъ. — Вотъ пойдемъ туда, въ бесѣдку. Будто настоящая публика.

„Занимать денегъ пришелъ, не иначе“, — рѣшилъ Никита Павлычъ, шагая за Алексисомъ по главной аллеѣ, и тутъ же прибавилъ: — Ну, нѣтъ, братъ, шалишь... Попроси у своего Евграфа, а я не обязанъ кормить его-то богадѣльщиковъ.

„Пале-де-Кристаль“ отличался отъ „Эльдорадо“, во-первыхъ, тѣмъ, что стоялъ на самомъ берегу, у воды, а во-вторыхъ, всѣ постройки были новыя, приспособленныя для потребностей спеціальной садовой публики. На первомъ планѣ здѣсь стоялъ громадный деревянный театръ, составлявшій гордость и главную доходную статью антрепренеровъ. Затѣмъ самый садъ былъ устроенъ лучше. Деревья подстригались, цвѣты подсаживались по сезону, газоны содержались въ образцовомъ порядкѣ. Алексисъ все это не могъ не оцѣнить и опытнымъ глазомъ окинулъ все новое, что̀ было сдѣлано для нынѣшняго лѣта. Стрѣльскіе денегъ не жалѣли и ставили послѣднюю копейку ребромъ. Они заняли бесѣдку, задрапированную акаціями. Здѣсь было и прохладно, и открывался отличный видъ на рѣку. Алексисъ снялъ шляпу и вытеръ лицо платкомъ.

— Что̀ у васъ Викторъ-то Васильевичъ? — спросилъ онъ. — Опять закурилъ?

— Великій у насъ человѣкъ Викторъ Васильевичъ, кабы не эта его слабость... да. Изъ ничего дѣлаетъ... Романъ-то Васильевичъ бьется-бьется, а то да не то. Викторъ Васильевичъ у насъ орелъ...

Братья Стрѣльскіе въ антрепризѣ сада раздѣлили обязанности: старшій, Романъ, завѣдывалъ хозяйственной частью, а младшій, Викторъ,—артистами. Голову дѣла составлялъ именно Викторъ, знаменитый красавецъ и широкая натура. Онъ нѣсколько разъ прогоралъ въ разныхъ предпріятіяхъ и опять выплывалъ благодаря какой-нибудь новой штукѣ. Между прочимъ, Настасья Петровна была создана именно Викторомъ.

— Да, Викторъ Васильевичъ ловкій человѣкъ,—согласился Алексисъ со вздохомъ.—Однихъ долговъ за сто тысячъ...

— Есть и этотъ грѣхъ... Только вѣдь надо-то умѣть взять чужія-то деньги. Сегодня дали, завтра дали, а послѣзавтра и не дадутъ. Вотъ хоть тебя взять, тебѣ я не дамъ.

— А Виктору Васильевичу?

Старикъ подумалъ и отвѣтилъ рѣшительно.

— Тоже не дамъ... Моими-то грошами его не удивишь, а пользы ни ему ни мнѣ. Да онъ и безъ меня найдетъ... Аховый мужикъ. Ежели бы да собрать въ одну кучу всѣ деньги, какія онъ прожилъ, такъ, кажется, и на возу не увезти. Особенный человѣкъ, однимъ словомъ, карахтерный. Вѣдь вотъ взять хоть этотъ садъ: онъ вѣдь нашему Евграфу принадлежалъ...

— Знаю.

— Знаешь, да не совсѣмъ. Мы съ Евграфомъ-то съ двадцати лѣтъ вотъ знакомы, какъ онъ сначала при буфетѣ въ мальчикахъ состоялъ, а потомъ за стойку угодилъ. Нечего сказать, не глупый человѣкъ. Умѣлъ деньгу нажить... Какъ-то смѣялся мнѣ: отъ пѣны пивной жить пошелъ. Это онъ кружки съ пивомъ наливалъ и въ немъ капиталъ наживалъ. Ну, потомъ, натурально, буфетъ снялъ и въ настоящую силу вошелъ. Былъ тогда антрепренеромъ Булыгинъ, прогорѣлъ и за долги садъ сдалъ Евграфу. Счастье-то прямо въ ротъ лѣзло, а Евграфъ не осмѣлился и продалъ садъ Стрѣльскимъ. Ну, Викторъ Васильевичъ сразу и развернулся... Помнишь, поди, какъ Настасья Петровна крутила здѣсь? Что̀ только было здѣсь... А кстати, что̀ съ ней? Она вѣдь у васъ выступала.

— Не совсѣмъ здорова... Такъ, по своей женской части.

— Такъ, такъ... Народу, сказываютъ, у васъ нетолченая труба была? Слышали... Только, значитъ, обрадовались, она и свихнулась.

— Поправится...

— Конечно, поправится... Вѣдь это какая женщина?.. Въ отдѣльномъ кабинетѣ какъ-то кутила съ офицерами, ну—купчикъ въ ихнюю компанію приклеился. Ну, и скажи этотъ самый купчикъ противное слово этой самой Настасьѣ Петровнѣ, такъ она его, какъ котенка, въ окошко вышвырнула. Много тогда денегъ нажилъ Викторъ Васильевичъ... А потомъ, ну, это извѣстно, ихняя одна женская глупость.

Старикъ сурово замолчалъ, припавъ къ блюдечку съ чаемъ. Алексисъ весь какъ-то съежился и даже закрылъ глаза. Онъ зналъ все, что̀ было потомъ, но ему было все-таки больно одно напоминаніе о прошломъ. Настасья Петровна сошлась съ Викторомъ, и нажитыя деньги полетѣли въ трубу. Она развернулась во всю ширь не хуже Виктора. Кончилось все это чуть не трагедіей, именно, когда старшій братъ Романъ влюбился въ нее и чуть не зарѣзалъ Виктора. Скандалъ разыгрался полный, и Настасьѣ Петровнѣ пришлось исчезнуть съ горизонта. Все это отлично зналъ Алексисъ и все-таки не могъ преодолѣть тяжелаго ревниваго чувства къ этому прошлому. Никита Павловичъ тоже хмурился, потому что вмѣстѣ съ Настасьей Петровной закончилось и его собственное благополучіе. Развѣ нынѣшніе господа умѣютъ кутить? А эти дамы—тьфу! Пальца не стоятъ Настасьи Петровны.

— А вы напрасно смѣетесь надъ Евграфомъ-то,—замѣтилъ Алексисъ, перемѣняя разговоръ.—Да... Онъ третій годъ приплачиваетъ за „Эльдорадо"-то, такъ тутъ будешь на обухѣ рожь молотить.

— А чортъ ему велѣлъ путаться съ садомъ. Изъ гордости тянется: „не поддамся Стрѣльскимъ", а у самого давно печенка трещитъ. На грошъ пятаковъ мѣняетъ... Развѣ у него есть хоть одинъ хорошій номеръ?

— А миссъ Элліетъ?

— Ну, эта такъ, зря попала... Опоздала къ намъ и застряла у Евграфа. А другіе?.. Рвань коричневая, а не артисты... Такъ нельзя, голубь сизокрылый.

— Все-таки онъ свою линію ведетъ и могъ бы капиталъ нажить, кабы понималъ...

— А ты понимаешь, небось?

— Я-то отлично понимаю, Никита Павлычъ, и ежели бы у меня было тысченокъ тридцать, такъ я все ваше заведеніе въ трубу пустилъ бы. Вотъ какъ...

— Н-но?.. Вотъ и научи Евграфа, а онъ тебѣ спасибо скажетъ.

— Самому дороже стоитъ...

Алексисъ политично замолчалъ, чувствуя на себѣ пытливый взглядъ Никиты Павлыча. Старикъ, видимо, заинтересовался. Они молча допили стаканы, а потомъ Алексисъ налилъ новые. Онъ вообще имѣлъ сегодня такой увѣренный видъ и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

— Лѣто-то и не увидишь, какъ пройдетъ,—заговорилъ Алексисъ послѣ длинной паузы.—Ну, мнѣ пора домой, Никита Павлычъ...

Они простились.

— Заглядывай къ намъ-то,—приглашалъ Алексисъ.

— И то надо завернуть: вмѣстѣ служили съ Евграфомъ-то... Кланяйся ему. Ужо приду вашъ балетъ посмотрѣть... Ахъ, грѣховодники!

Они оба хитрили, и окончательный разговоръ произошелъ только черезъ нѣсколько дней, когда Никита Павлычъ зашелъ въ „Эльдорадо". Расположившись въ укромномъ уголкѣ за парой чая, друзья завели тихую душевную бесѣду.

— Я удивляюсь тебѣ, Никита Павлычъ,—говорилъ Алексисъ:—при твоемъ капиталѣ что можно было бы сдѣлать... Теперь самый разъ, и другого не будетъ. Ужъ вѣрно тебѣ говорю... Евграфу-то Гаврилычу надоѣло платить, упрямство только свое тѣшитъ, ну, и купи у него всю музыку. Для порядка поломается, а самъ съ радостью отдастъ.

— Раньше онъ, значитъ, платилъ, а теперь я долженъ буду отдуваться за него?

— Ахъ, какой ты... Отъ ума ежели дѣло поставить, такъ дѣльце вѣрненькое будетъ. Стрѣльскимъ-то утремъ носъ.

— Трудненько.

— Я тебѣ говорю... Ужъ какъ я эту публику знаю насквозь. За рога прямо ее возьмемъ... Взвоетъ она у насъ не своимъ голосомъ.

— Ну, публику-то ничѣмъ не удивишь...

— А вотъ и удивимъ... Ты только слушай.

Алексисъ оглядѣлся, подсѣлъ ближе и змѣинымъ шипомъ проговорилъ, откладывая одинъ палецъ лѣвой руки:

— Настасья-то Петровна на что?.. Вотъ тебѣ разъ... Второе (Алексисъ отогнулъ второй палецъ)—дамскій шведскій оркестръ... Такъ? Женщины вездѣ: акробатки, пѣвицы, жонглерки, танцовщицы, фокусницы, гуттаперчевые гимнасты, клоуны—однѣ женщины. Цыганскій женскій хоръ, женскій русскій хоръ... Понялъ теперь?.. Чтобы ни одного мужского номера... И духу мужского не будетъ. Понялъ? Да это, братъ, такая штука, что публика на стѣну полѣзетъ.

Никита Павлычъ посмотрѣлъ на змѣя-искусителя какими-то осовѣлыми глазами и почесалъ затылокъ. Вѣдь вотъ, поди жъ ты, совсѣмъ пропащій человѣкъ, а какую штуку удумалъ.

— Правильно!—тихо отвѣтилъ старикъ.

— То-то правильно,—обидчиво заговорилъ Алексисъ.—Тебѣ дѣло говоритъ. Умственная штука. Весь женскій садъ будетъ, а ежели бы еще всю женскую прислугу поставить—го-го-го!..

— Начальство не позволитъ. Къ буфету можно, а тамъ невозможно.

— Ну, нельзя—наплевать. А остальное все—бабы. Главное, не надо выпускать изъ рукъ Настасью Петровну: она всему голова.

— Это ужъ, конечно. Когда она у насъ въ „Пале-Хрусталь“ орудовала, такъ настоящее свѣтопредставленіе было.

— А тамъ пару француженокъ, англичанку, испанокъ-танцовщицъ, итальянокъ съ бубнами. Нѣмокъ не надо. Еврейки попадаютъ не вредныя. Американку можно приспособить. Ты только подумай, голова.

Этотъ планъ поразилъ Никиту Павлыча; онъ увлекся до того, что даже спросилъ графинчикъ водки.

Разошлись они друзьями. Старикъ возвращался домой въ совершенно особенномъ настроеніи, встряхивалъ головой и улыбался.

## VI.

Настасья Петровна въ первый разъ почувствовала опасность своего положенія недѣли черезъ двѣ послѣ дебюта въ „Эльдорадо“.

Это случилось ночью. Она засыпала въ креслѣ, когда почувствовала, что умираетъ... Съ величайшимъ трудомъ она открыла глаза, хотѣла подняться, но ее приковывало къ постели мертвое безсиліе. Ее охватилъ страхъ—безпредметный, неопредѣленный страхъ, отъ котораго, кажется, застыла вся кровь.

„Неужели смерть? Неужели конецъ всему?—пронеслось у нея въ головѣ съ быстротой молніи. Господи, но вѣдь я еще такая молодая...“

Ее охватила лихорадка. Зубы стучали. Руки были холодны, какъ ледъ, а тамъ, въ груди, что-то тѣснило и мѣшало дышать.

Это состояніе продолжалось нѣсколько минутъ, безконечныхъ мучительныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ она успѣла пережить снова всю свою жизнь и снова пришла еще въ большій ужасъ: смерть, конечно, страшна, но это прошлое было еще страшнѣе. Она вся дрожала, охваченная этимъ сознаніемъ. Вѣдь умирающій человѣкъ надѣется до послѣдняго момента, а тутъ даже и этого не было. Прошлое пронеслось грозною тѣнью, и Настасья Петровна даже закрыла глаза отъ ужаса. Ей только сейчасъ это прошлое представилось въ настоящемъ освѣщеніи. Раньше она какъ-то старалась не думать о немъ, или вспоминала урывками, отдѣльными эпизодами, а теперь оно встало передъ ней въ полномъ объемѣ.

Нѣчто подобное бываетъ, когда въ темную ночь блеснетъ ослѣпительно-яркая молнія и на мгновеніе выхватитъ изъ окружающей мглы съ поразительною рельефностью цѣлую громадную картину—на одно мгновеніе выступятъ мельчайшія подробности всего, что при дневномъ освѣщеніи даже не замѣчалось. Именно такой эффектъ произвело на Настасью Петровну первое предчувствіе неизбѣжной смерти... Да, она увидѣла все, увидѣла то, что, кажется, было забыто и похоронено и что знала только она одна, О, если бы можно было забыть...

— Какая я гадкая... грязная... проклятая...—шептали побѣлѣвшія отъ страха губы. Я всѣхъ хуже... Даже и молиться не смѣю, потому что каждое мое слово, каждая мысль осквернены, покрыты грязью и позоромъ. Я вся одинъ позоръ!..

Конечно, Богъ прощаетъ и великихъ грѣшниковъ, но вѣдь есть границы и Его милосердію. Наконецъ нужно искупить свой грѣхъ покаяніемъ и подвигомъ, а она не смѣетъ произнести молитвы... Она не могла даже плакать, подавленная и уничтоженная собственнымъ сознаніемъ. Отчего она не умерла, когда была чистой, невинной дѣвушкой? Ее схоронили бы въ бѣломъ платьѣ,

какъ невѣсту, и она лежала бы въ могилѣ такая чистая, спокойная и счастливая своей невинностью. А теперь вотъ сейчасъ со всѣхъ сторонъ обступали тяжелые призраки, слышался чей-то презрительный хохотъ, а она ненавидѣла себя, какъ могла бы ненавидѣть только ядовитую гадину. Она ненавидѣла себя всю—каждый взглядъ, каждую улыбку, каждую мысль, движеніе, потому что все это было загрязнено и опозорено. Мало того, она распространяла кругомъ себя настоящую заразу и отравляла дыханіемъ даже воздухъ.

„Я схожу съ ума...—мелькнуло у нея въ головѣ.—О, нѣтъ, все это было... Я — проклятая... и нѣтъ мнѣ прощенія, нѣтъ молитвы, нѣтъ успокоенія“.

Потомъ въ ней со страшной силой наступила реакція.

— Нѣтъ, я не хочу умирать!—шептала она.—Не хочу! Не хочу!.. Я еще такъ молода... Еще хоть пять лѣтъ... даже одинъ годъ... О, я буду совсѣмъ другая... Да... только бы жить... да... еще немного...

Смерть—вѣдь это не видѣть солнца, не видѣть зеленой травы, не слышать ни одного звука и ничего, ничего не чувствовать, и это тогда, когда всѣ другіе будутъ наслаждаться жизнью, радоваться и плакать, видѣть другъ друга и чувствовать, что они существуютъ. Вотъ именно это ей никогда не приходило въ голову, и жизнь не имѣла для нея никакой цѣны.

Она, придерживаясь за стѣну, едва добралась до окна и распахнула его. Ей было душно, и въ то же время лихорадка заставляла выбивать дробь послѣдняго похороннаго марша.

Она присѣла къ окну. Тощія акаціи заслоняли видъ на рѣку, озаренную переливавшимся и дрожащимъ луннымъ свѣтомъ. Ночь была лѣтняя и, вѣроятно, очень теплая. Именно въ такія ночи и хочется жить особенно... Что это такое?

По рѣкѣ пѣвучимъ вздохомъ пронесся музыкальный аккордъ и точно растаялъ въ сонномъ воздухѣ.

Да, это въ „Пале-де-Кристаль“ играетъ оркестръ.

Представленіе кончилось, и публика гуляетъ въ саду. Еще аккордъ, еще и еще... Глухо рокочетъ барабанъ, точно подъ землей стонутъ мѣдныя трубы, насвистываютъ флейты... Господи, какъ все это близко и, вмѣстѣ, какъ все это далеко, тамъ, въ прошломъ. Давно ли она, Настасья Петровна, гуляла вмѣстѣ съ другими, такая беззаботная и веселая, а теперь чужое веселье отзывалось въ ея душѣ похоронными звуками. По лицу ея катились крупныя слезы, но она ихъ не чувствовала, охваченная ужасомъ неизбѣжной смерти—вѣдь она здѣсь, близко, совсѣмъ близко. О, если бы она могла хотя бы выйти изъ комнаты, но нѣтъ...

А музыка продолжала играть. Рѣка точно подхватывала звуки и проносила ихъ, поднимая въ душѣ цѣлые рои тяжелыхъ грезъ. Вотъ залитая свѣтомъ эстрада... вотъ дрогнулъ пьяный безшабашный мотивъ... вотъ она выпархиваетъ на сцену почти голая, опьяненная собственной красотой, счастливая своимъ позоромъ... И чѣмъ она неприличнѣе, тѣмъ сильнѣе восторгъ публики. Тысяча жадныхъ глазъ смотрятъ на нее... возбужденныя лица, плотоядныя улыбки... Вызовы, повторенія на bis, новые восторги, и все заканчивается оргіей гдѣ-нибудь въ отдѣльномъ кабинетѣ или привилегированномъ кабакѣ. Льется шампанское, швыряются тысячи. Ахъ, какія отвратительныя пьяныя лица, какія дикія слова—ни стыда, ни совѣсти, ни уваженія. И она превосходитъ всѣхъ, и это дѣлаетъ ее лакомой приманкой.

— Неужели все это было?—съ тоской спрашиваетъ она.—Неужели это была я?.. И никто, ни одинъ человѣкъ не удержалъ меня, не сказалъ, что это дурно, что я гадкая... ни одинъ!..

И такъ шелъ одинъ день за другимъ въ какомъ-то чаду, въ дикомъ похмельѣ. Домой она возвращалась утромъ, цѣлый день спала и вставала только вечеромъ, чтобы повторить вчерашнее безобразіе. Рѣдкіе моменты сознанія, что все это нехорошо, тонули въ порокѣ сплошного безобразія. Вѣдь ее такъ всѣ любили, льстили ей, ухаживали, потворствовали каждой прихоти, предупреждали малѣйшее желаніе, такъ что она скоро потеряла всякую цѣну и деньгамъ, и людямъ, и самой себѣ. Это была бурная волна, уносившая ее въ открытое безбрежное море, и она была счастлива собственнымъ позоромъ, потому что ей завидовали даже честныя женщины.

Любила ли она кого-нибудь? Ахъ, ихъ было такъ много... Вотъ бѣлокурый офицеръ съ тонкимъ аристократическимъ профилемъ и сонными сѣрыми глазами. Онъ таскалъ свою громкую историческую фамилію по кабакамъ и на наслѣдственныя деньги покупалъ продажныя ласки продажныхъ женщинъ. Она въ его репертуарѣ явилась однимъ изъ послѣднихъ номеровъ и довершила разореніе. Съ какимъ наслажденіемъ она каталась въ коляскѣ съ фамильными гербами, обѣдала за столомъ, сервированнымъ фамильнымъ серебромъ,—это была ядовитая муха, которая въ сумерки жалила разлагавшееся тѣло. Онъ кончилъ плохо, тамъ, гдѣ-то въ Монако... А этотъ черноволосый смуглый дѣлецъ, обокравшій два банка и сосланный въ Сибирь? Онъ былъ такой остроумный и веселый... А этотъ вялый и рыхлый московскій русоволосый купчикъ? Онъ подарилъ ей домъ, всю обстановку, и самъ кончилъ сумасшествіемъ. Да, много ихъ было и еще больше осталось. Гдѣ они теперь?

„Гдѣ же они, въ какой новой богинѣ
Ищутъ теперь идеаловъ своихъ?“

Вѣдь были тутъ и хорошіе люди, т.-е. не злые. Эта жажда все новыхъ наслажденій, притупленные нервы, тяжелое безумство закружившагося въ вихрѣ человѣка и потеря всякаго чувства мѣры дѣлала ихъ всѣхъ одинаковыми. Въ разгулѣ, въ винѣ, въ нездоровыхъ увлеченіяхъ топились таланты, умъ, живыя силы,—все, что только есть хорошаго въ человѣкѣ. И всѣ они прошли передъ ней, оставивъ тяжелый рой воспоминаній. И потомъ все это разлетѣлось, какъ дымъ, когда она сошлась съ красавцемъ Стрѣльскимъ. Собственно они не любили никогда другъ друга, а поддались массовому настроенію—въ ней онъ желалъ обладать тѣмъ, чѣмъ восторгалась толпа, а она гордилась, что овладѣла красавцемъ-мужчиной, который имѣлъ какую-то роковую власть надъ женщинами. О любви не могло быть здѣсь и рѣчи, а онъ просто схватилъ ее, какъ волкъ хватаетъ овцу... И какая была жизнь, страшно вспомнить! Не было такого оскорбленія, которое они не нанесли бы другъ другу, и все-таки жили вмѣстѣ. Сколько разъ онъ билъ ее, билъ, какъ пьяный мужикъ, и она терпѣла, потому что потеряла всякое уваженіе къ самой себѣ, могла подчиняться только физическому превосходству.

„Вкрадчивымъ шопотомъ вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные,—
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя...“

Въ самый разгаръ этого безобразія старшій братъ Романъ влюбился въ Настасью Петровну и чуть не зарѣзалъ Виктора,—она сама выхватила изъ его руки финскій ножъ. Тутъ она опомнилась немного и уѣхала совсѣмъ.

Скитанье продолжалось года два. Она объѣздила почти всю Россію и убѣдилась только въ одномъ, что вездѣ одно и то же и она та же. Были и неудачи, но у нея было громкое, хотя и скандальное имя, и вездѣ она являлась желанной гостьей.

Наконецъ ее охватила тоска... Все было прожито, промотано, и ей захотѣлось вернуться назадъ. У Стрѣльскихъ служить она не желала и поэтому она выступила въ „Эльдорадо". И опять успѣхъ, безумный, бѣшеный...

— Нѣтъ, я не умру!—шептала она.—Я жить хочу... дышать... О, все это пройдетъ! Я такая сильная, молодая... Жить, жить!.. Вѣдь живутъ же другіе?

Это минутное возбужденіе, вызванное волной воспоминаній, смѣнилось новымъ упадкомъ силъ. Не хватало воздуха и тамъ, гдѣ катилась рѣка, а въ глазахъ ходили темные круги... Пошатываясь и хватаясь за стѣну, Настасья Петровна едва дошла до кухни, гдѣ спала кухарка, она же и горничная.

— Что̀ съ вами, барышня?—спрашивала сонная баба.—Лица на васъ нѣтъ...

— Страшно мнѣ, Авдотья... Говори что-нибудь.

— Да что̀ я буду говорить-то, барышня?

— Да что̀ хочешь... Ради Бога, говори. Если нѣтъ, вотъ что̀, бѣги сейчасъ туда же, въ „Эльдорадо", отыщи тамъ Алексиса. Знаешь, такой лысый?

— Да вѣдь теперь всѣ спятъ, барышня?

— Разбуди... Скажи, что я умираю, чтобы сейчасъ же шелъ сюда. Ради Бога... Такъ и скажи: барышня умираетъ.

Съ ней, дѣйствительно, сдѣлалось дурно, и Авдотья отпаивала ее холодной водой.

Пока Авдотья ѣздила за Алексисомъ, Настасья Петровна опять сидѣла у раскрытаго окна и жадно вслушивалась въ звуки, плывшіе по рѣкѣ.

Какъ она ждала этого Алексиса, какъ никогда и никого еще не ждала. А вдругъ Авдотья его не найдетъ? Но Авдотья исполнила порученіе въ точности, поругалась съ двумя ночными сторожами, едва не попала въ участокъ и вернулась съ Алексисомъ, бывшимъ замѣтно навеселѣ.

— Богиня, что̀ съ вами?—спрашивалъ онъ, цѣлуя у нея руки.—Вижу и чувствую нервы...

Она расплакалась и безсильно опустила къ нему на грудь свою горѣвшую голову. Онъ утѣшалъ ее тѣми безсмысленными словами, какими утѣшаютъ плачущихъ дѣтей.

— Я васъ не отпущу... вы ночуете здѣсь, вотъ въ этой комнатѣ,— повторяла она, дѣлая капризное лицо.—Мнѣ страшно... Вы думали когда-нибудь о смерти, Алексисъ? Она была здѣсь... Я это чувствовала.

Онъ бережно усадилъ ее въ кресло, помѣстился у ея ногъ и, немного раскачиваясь изъ стороны въ сторону, принялся разсказывать о планѣ новаго „женскаго сада". Она слушала его внимательно, положивъ свою руку къ нему на плечо, и въ тактъ разсказа кивала головой.

— Вы будете царицей, Настасья Петровна, а я вашимъ рабомъ...— повторялъ Алексисъ.—Первымъ номеромъ будете, богиня.

— Да? Я знаю, что вы меня любите, Алексисъ, и мнѣ легко съ вами... Дайте мнѣ вашу руку и держите меня крѣпче: мнѣ кажется, что я не умру, если вы будете меня держать... И садъ будетъ и все будетъ,—только не выпускай те моей руки.

Онъ опять разсказывалъ, увлекаясь своей идеей, а она склонила свою голову къ нему на плечо и въ такой позѣ заснула. Алексисъ не смѣлъ шевельнуться, не смѣлъ дохнуть: на его плечѣ спало его счастіе, его послѣднее безуміе...

По лицу Алексиса катились рѣдкія пьяныя слезинки...

## VII.

Въ этотъ роковой вечеръ Настасья Петровна отнеслась къ плану Алексиса совершенно равнодушно, что̀ его сильно огорчило. Зато на другой день она ухватилась за него съ какой-то болѣзненной страстностью.

— О, я буду жить!—повторяла она съ дѣтскою радостью.—*Они* теперь мнѣ не отвѣчаютъ, они меня забыли... да. А тогда... О, я не буду такой глупой, какъ раньше. У меня опять будетъ много денегъ...

— Все будетъ, моя богиня...

Взглянувъ на Алексиса, Настасья Петровна нахмурилась. Въ его лицѣ она поймала знакомое выраженіе: и этотъ любилъ ее... О, всѣ мужчины одинаковы!.. Даже болѣзнь не могла ее застраховать. Докторъ, приговорившій ее къ смерти, тоже смотрѣлъ не совсѣмъ чисто. Ну, да Богъ съ ними... У нея теперь цѣль въ жизни. Только немножко бы оправиться. Оживленіе Настасьи Петровны и приливъ силъ обманули Алексиса. Онъ подумалъ, что докторъ могъ ошибиться, а человѣческая природа живуча.

— Будьте добрѣе, когда придетъ старикъ...—совѣтовалъ Алексисъ, раскрывая свои карты...—Я его подвихрилъ.

— О, будь покоенъ, Алексисъ... Развѣ я такія дѣла обдѣлывала?..

— Онъ придетъ на-дняхъ къ вамъ. Соглашайтесь только послѣ усиленныхъ просьбъ... Равнодушіе на себя накиньте.

И старикъ-лакей пришелъ. Настасья Петровна приняла его довольно сухо, хотя и посадила. Онъ опытнымъ глазомъ оглядѣлъ бѣдную обстановку и многозначительно пожевалъ губами. Алексисъ даже съежился отъ этого движенія.

— Мнѣ Алексисъ уже говорилъ...—предупредила его вопросъ Настасья Петровна, покровительственно улыбаясь.—Что̀ же, дѣло вѣрное. Только едва ли вы можете разсчитывать на меня, Никита Павлычъ... Я думаю уѣзжать отсюда. Развѣ я когда-нибудь жила въ такой обстановкѣ?

— Помилуйте-съ, сударыня, очень даже превосходно понимаемъ и весьма понимъ вашъ фуроръ... Обождать надо малость, и все обернется въ лучшемъ видѣ. Только не уѣзжайте...

— Право, не знаю... Мнѣ здѣсь не повезло нынче.

Вмѣшался Алексисъ, и разговоръ перешелъ на главное. Офиціантъ подвинулся къ Настасьѣ Петровнѣ совсѣмъ близко, оглядѣлся, точно боялся, что его могутъ подслушать самыя стѣны, и заговорилъ почти шопотомъ:

— Вѣдь дѣло-то какое, голубушка... Вѣдь ежели такимъ манеромъ ахнуть на публику, да ежели вы въ первую голову у насъ пойдете,—что̀ же это такое будетъ? Страшно подумать... Вотъ Алексисъ обмозговалъ все даже очень превосходно.

— Онъ знаетъ дѣло...—пошутила Настасья Петровна, по привычкѣ играя глазами.—Недаромъ цѣлое состояніе прокутилъ.

Бывшій городской голова только вздохнулъ, подавленный своими грѣшными воспоминаніями.

— Ну что̀ же, бываетъ-съ...—заступился за него Никита Павлычъ.—Быль молодцу не укоръ. Остепенится у насъ. Капиталъ можетъ нажить, ежели съ умомъ.

— Первое дѣло: мой буфетъ...—храбро заявлялъ Алексисъ.

— Ну, это, пожалуй, жирно будетъ...

— Денегъ мнѣ не нужно, а буфетъ мой. Изъ-за чего же я хлопочу-то?..

Настасья Петровна едва дождалась, когда старикъ уйдетъ. Она такъ устала, такъ устала... Когда онъ наконецъ ушелъ, она расплакалась.

— Зачѣмъ вы меня такъ мучите, Алексисъ... Это безчеловѣчно...

— Богиня, терпѣніе...

Ему стоило большихъ хлопотъ успокоить ее. Она и смѣялась, и плакала, и опять смѣялась. Чтобы утѣшить ее, онъ привезъ миссъ Эллiэтъ, и Настасья Петровна была счастлива. Она каждый разъ сама переодѣвала дѣвочку, кормила ее и ухаживала за ней, какъ нянька. Благодарные дѣтскіе глаза такъ ласково смотрѣли на нее. Господи, вотъ единственное счастье, которое она знала. О, она будетъ другая, будетъ хорошая, добрая, любящая, кроткая...

— Милая, милая, милая!..—шептали побѣлѣвшія губы.

Въ слѣдующій разъ, по совѣту Алексиса, Настасья Петровна не приняла Никиту Павлыча,—изъ принципа необходимо было выдержать стараго чорта, который такъ быстро пошелъ на приманку изъ золотой мухи.

— Я съ нимъ самъ перевѣдаюсь...—рѣшилъ Алексисъ увѣреннымъ тономъ.—Изъ нашихъ рукъ онъ не уйдетъ.

И дѣйствительно, старикъ не ушелъ. Его охватила мучительная старческая жадность... Даже по ночамъ Никита Павлычъ не спалъ, а лежалъ съ открытыми глазами и высчитывалъ будущіе барыши. Алексисъ повелъ дѣло съ большою ловкостью: не лѣзъ къ нему на глаза, не выпрашивалъ денегъ, не приставалъ. Никита Павлычъ, подъ разными предлогами, нѣсколько разъ заходилъ въ „Эльдорадо“, но Алексисъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ: пусть старикъ разожжется хорошенько. Это была самая вѣрная политика.

Наступилъ наконецъ, день, когда Никита Павлычъ понялъ, какъ нужно было дѣйствовать. Онъ поймалъ Алексиса и сунулъ ему пачку ассигнацій.

— Сколько?—равнодушно спросилъ Алексисъ, не считая денегъ.

— Триста...

— Дешево покупаешь—домой не носишь. Мнѣ вѣдь ничего отъ тебя не нужно...

— Это Настасьѣ Петровнѣ для перваго разу.

— Поводокъ?

— По-нашему, по-мужицки, оно такъ называется...

— Хорошо, поговорю съ Настасьей Петровной... Знаешь, какая она гордая: еще обидится... А денегъ она видала достаточно...

— Ахъ, сколько видала... Ужъ ты постарайся, Алексисъ. Ничего не пожалѣю... Съ Евграфомъ-то я самъ переговорю.

— Только испортишь дѣло... На грошъ да пошире хочешь все устроить, а оно и порвется. Да еще проболтаешься...

— Я? Да сейчасъ провалиться... А то ужъ ты перетолкуй со старымъ дуракомъ.

— Это, пожалуй, лучше будетъ... Я уже стороной заводилъ рѣчь; ломитъ несообразную цѣну. Меньше двадцати тысячъ не отдамъ, гритъ... По-моему, и за восемь отдастъ, если не приставать. Выжилъ онъ изъ ума и гордость свою тѣшитъ...

Алексису нужно было сохранить за собой положеніе главы дѣла, и онъ нарочно ломался, чтобы набить себѣ цѣну. Никита Павлычъ, пожираемый своими жадными мыслями, поддавался его вліянію и не замѣчалъ опутывавшей его тонкой плутни.

[illegible] алъ полную побѣду, которой, конечно, и воспользовался полной мѣрой. Покойная смерть, у себя дома, была обезпечена... Не нужно было увозить Настасью Петровну въ больницу, и деньги были даже на прихоти. У Алексиса оказался настоящій хозяйственный талантъ,—онъ все умѣлъ сдѣлать дешево, все предусмотрѣть и все разсчитать. Если бы онъ для самого себя затратилъ хоть часть этого таланта, то не служилъ бы въ цыганскомъ хорѣ. Теперь по вечерамъ на дачѣ Настасьи Петровны собиралась преоригинальная компанія: миссъ Эллiэтъ, Алексисъ и Никита Павлычъ. Сама хозяйка обыкновенно лежала на кушеткѣ, старый офиціантъ помѣщался гдѣ-нибудь поблизости, а гуттаперчевая дѣвочка и Алексисъ занимали публику разными дѣтскими играми. На время гуттаперчевая дѣвочка превращалась въ ребенка и хохотала съ такой заразительною веселостью надъ разными фокусами Алексиса, изображавшаго цѣлый звѣринецъ, клоунскіе номера и жонглерскія штуки. Ахъ, какъ все это было забавно... Настасья Петровна смѣялась иногда до слезъ и жалѣла только объ одномъ, что сама не можетъ принять участія въ даровомъ представленіи.

— Алексисъ, покажите, какъ пчела играетъ со львомъ?..

Алексисъ лежился на полъ и изображалъ спящаго льва. Потомъ слышалось легкое жужжаніе, вотъ оно ближе, ближе, царь звѣрей открываетъ глаза, зѣваетъ и прислушивается. Въ заключеніе происходила смѣшная сцена борьбы льва съ пчелой, причемъ Алексисъ рычалъ и катался по полу. Не менѣе успѣшно онъ представлялъ весь фейерверкъ, отходъ желѣзнодорожнаго поѣзда и т. д.

Увлеченная соперничествомъ, миссъ Эллiэтъ иногда желала показать какую-нибудь гимнастическую штуку, но Настасья Петровна ей не позволяла.

— Пусть играетъ, какъ ребенокъ...—говорила она.

Дѣвочка уже говорила нѣсколько русскихъ словъ, но вполнѣ могла объясняться только съ Алексисомъ, который выучилъ десятка два англійскихъ фразъ.

Вообще вечера проходили недурно, если бы не Никита Павлычъ, который сидѣлъ надъ душой, какъ паукъ.

Онъ [illegible] о вздыхалъ и про себя продолжалъ ткать свою лакейскую [illegible] ссъ Эллiэтъ будетъ у него номеромъ—она отлично дѣ[illegible] [illegible]ки живой. Настасья Петровна однажды поймала его [illegible] и отвѣтила на нее съ обычной рѣзкостью:

[illegible] ть ребенокъ не будетъ у васъ!

Старикъ даже смутился,—она подслушала его тайную мысль.

— А ежели, напримѣръ, публика требуетъ, Настасья Петровна?—виновато оправдывался онъ.—Ну, не эта дѣвочка, такъ другая, а номеръ долженъ быть. Теперь гуттаперчевые люди въ большой модѣ.

— Я про большихъ не говорю, а ребенка не дамъ!.. Слышите, не дамъ! Это звѣрство... Какъ вамъ не стыдно!..

Споръ закончился по обыкновенію слезами, такъ что Никита Павлычъ готовъ былъ отказаться отъ всего, только бы Настасья Петровна не плакала. Эта чуткость у Настасьи Петровны принимала совершенно болѣзненныя формы, доходя чуть не до чтенія чужихъ мыслей и чувствъ. Алексисъ испытывалъ жуткое чувство, когда она останавливала на немъ свой долгій, безпредметный взглядъ. Собственно, его личное настроеніе переживало новый фазисъ, перейдя отъ восторженнаго поклоненія къ ревнивымъ мукамъ. Да, это была настоящая ревность, ревность ко всему прошлому, ко всѣмъ тяжелымъ призракамъ, встававшимъ изъ этого прошлаго. Ахъ, если бы это были только

призраки!.. Ревность въ такой формѣ была просто безсмысленна, но Ал... тѣмъ сильнѣе страдалъ, пожираемый внутреннимъ огнемъ. Онъ даже не могъ высказать умиравшей примадоннѣ всего, что̀ накипѣло у него на душѣ: какое право онъ имѣлъ отравлять ей своимъ безумнымъ бредомъ послѣдніе часы?

Но она уже поняла его настроеніе и разъ замѣтила строго и серьезно:

— Вамъ не стыдно, Алексисъ?..

Онъ вздрогнулъ и покраснѣлъ.

— Вамъ не стыдно?

— Стыдно... очень стыдно.

— Нѣтъ, не то. Что вы имѣете несчастье любить меня—съ этимъ еще можно помириться, но вы поднимаете то, что̀ умерло... Вѣдь я умираю, и вы отравляете мнѣ послѣдніе дни. Вотъ это нехорошо... У васъ злыя, нехорошія мысли.

Онъ упалъ на колѣни, схватилъ ея руку и горько заплакалъ. Она отнимала своей руки и смотрѣла на него съ тихой грустью.

— Ахъ, Алексисъ... Алексисъ...—шептали безкровныя губы...—Я умира... можетъ-быть, оттого, что меня слишкомъ много любили, а вы... вы... нѣ... это наконецъ несправедливо! Да... Мы оба погибшіе люди... И, можетъ-бы... если бы встрѣтились раньше, лѣтъ десять тому назадъ... О, все равно, ни... изъ этого не вышло бы. Вы не могли полюбить простую дѣвушку, какой тогда была. Развѣ честныя, порядочныя женщины имѣютъ какую-нибу... цѣну? Всѣмъ вамъ нужно что-нибудь испорченное, но съ громкимъ именем... Ахъ, какъ мнѣ было больно, когда въ дни моего позора вотъ эти скроми... честныя женщины завидовали мнѣ, то-есть моей обстановкѣ, моимъ ко... мамъ, моему успѣху... Оставьте... забудьте все... Теперь нужно думат... другомъ. Смерть близка... она уже стучитъ въ дверь...

А безумецъ рыдалъ, припавъ своей лысой головой къ ея холоднымъ колѣнямъ.

— Хоть одно ласковое слово...—молилъ онъ.—Вѣдь я хорошо люблю васъ, а не такъ, какъ другіе.

Она притянула его за голову совсѣмъ близко къ себѣ, долго смотрѣла въ глаза, потомъ обняла и поцѣловала долгимъ поцѣлуемъ.

— Да, я тебя люблю... А теперь уйди, Алексисъ. Я больше не могу.

Онъ, пошатываясь, побрелъ къ дверямъ, но она вернула его слабымъ жестомъ и уже шопотомъ проговорила:

— Любовь творитъ чудеса, Алексисъ... Когда... да, когда меня не будетъ, ты будешь отцомъ для миссъ Эллїэтъ. Я много объ этомъ думала и рѣшила, что ты долженъ жениться на этой англичанкѣ во фракѣ. Это будетъ лучшей памятью о моей любви къ тебѣ...

Онъ хотѣлъ возражать, но она повелительно указала ему на дверь и закрыла глаза.

## VIII.

Переговоры о покупкѣ „Эльдорадо“ были въ полномъ ходу. Какъ ни старался Алексисъ повести дѣло политично, старики все-таки сцѣпились. Каждый день повторялось одно и то же. Никита Павлычъ приходилъ въ „Эльдорадо“ и засаживался пить чай съ Евграфомъ Гаврилычемъ. А потомъ начинался разговоръ:

— Ну, такъ какъ же, Евграфъ?

— А все такъ же, Никита. Двадцать тысячъ на столъ, а тамъ все обзаведенье получай. Ничего не пожалѣю...

— Перестань дурака валять... получай пять, и тому дѣлу конецъ.

— Ишь ты, какой мягкій! Да я каждый годъ пять тысячъ приплачиваю за свое удовольствіе...

— Ну, а теперь не будешь приплачивать, да еще пять тысячъ въ карманъ положишь — сосчитай-ка, сколько выйдетъ? И не выговорить натощакъ!..

Такой же политичный разговоръ шелъ и въ это дождливое лѣтнее утро. Ночью была гроза, и теперь проносились послѣднія тучки, кропившія землю рѣдкими каплями. Старики сегодня какъ-то особенно разгорячились и наговорили другъ другу непріятныхъ вещей. Лица у обоихъ были красны. Глаза смотрѣли злобно.

— Вотъ навязался человѣкъ...—ворчалъ Евграфъ, вытирая лицо пестрымъ шелковымъ платкомъ.—Дѣло нужно говорить, а не капитель тянуть.

— Ты капитель-то тянешь, потому какъ не понимаешь своей пользы... Правду надо говорить-то.

— Получше твоего понимаемъ... Не безпокойся.

Въ моментъ, когда старики готовы были поссориться, показался Алексисъ. Онъ шелъ разсѣянно, ничего не видя предъ собой.

Съ нимъ рядомъ торопливо сѣмонила ножками миссъ Эллізъ. Дѣтское личико было мокро отъ слезъ.

— Алексисъ, голубчикъ! — крикнули разомъ старики, обрадовавшись третьему лицу.

Алексисъ посмотрѣлъ на нихъ непонимающимъ взглядомъ и подошелъ къ столу. Старики заговорили разомъ, обвиняя одинъ другого. Евграфъ Гаврилычъ даже схватилъ Алексиса за бортъ лѣтней куртки, а Никита Павлычъ тянулъ его за рукавъ. Миссъ Эллізъ испуганно прижалась къ Алексису всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ.

— Что же ты молчишь-то, какъ идолъ?—накинулся на него Евграфъ Гаврилычъ.—Вѣдь ты заварилъ кашу...

— Какую кашу?

— А касательно заведенія?

— Ахъ, да.

Алексисъ пожевалъ губами, горько улыбнулся и спокойно проговорилъ:

— Настасья Петровна приказала вамъ обоимъ долго жить...

Взявъ дѣвочку за руку, Алексисъ повернулся и зашагалъ въ садъ. Никита Павлычъ догналъ его уже недалеко отъ низенькаго флигеля, въ которомъ гнѣздились артисты—это былъ настоящій артистическій клоповникъ.

— Алексисъ... постой,—бормоталъ старикъ.— А какъ же, напримѣръ, деньги? Вѣдь безъ малаго дадено тысячи съ полторы Настасьѣ-то Петровнѣ.

— Я тебѣ вексель дамъ... А впрочемъ, какъ знаешь. Сади меня въ тюрьму хоть сейчасъ: я тебя все время надувалъ.

— Алексисъ, да крестъ-то на тебѣ есть?

— А по-твоему, ей умирать въ больницѣ было?.. Скажи еще мнѣ спасибо, что я тебѣ помогъ хоть одно доброе дѣло сдѣлать. Все равно твои деньги прахомъ пройдутъ... Сколько нажилъ отъ Настасьи Петровны?

— А какъ же теперь садъ?

— Пустое... Ничего не выйдетъ... Я тебя обманывалъ. Прощай.

Алексисъ скрылся въ своемъ клоповникѣ, бережно уводя дѣвочку, а Никита Павлычъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и почесывалъ затылокъ. Да, ловко, нечего сказать..

„Золотая мука“ умерла въ восемь часовъ утра. Она еще съ вечера

упросила Алексиса привести гуттаперчевую дѣвочку, съ тѣмъ, чтобы она ночевала у нея.

— Я завтра, въ восемь часовъ, умру...—проговорила она.

Въ послѣдніе дни она вообще чувствовала себя очень хорошо и совсѣмъ не плакала. Единственной заботой для нея являлась миссъ Элліэтъ.

Алексисъ привелъ дѣвочку послѣ представленія, накормилъ ее ужиномъ и уложилъ спать въ той же комнатѣ, гдѣ лежала Настасья Петровна. Она уже цѣлую недѣлю не поднималась съ постели, и Алексисъ дежурилъ у нея почти всѣ ночи. Онъ, не раздѣваясь, сидѣлъ у окна и прислушивался къ ея тяжелому дыханію. Нынѣшнее ночное дежурство не отличалось ничѣмъ отъ предшествовавшихъ ночей. До полуночи больная очень металась. Алексисъ перекладывалъ ей подушки, поправлялъ постель и помогалъ больной перемѣнить положеніе. Въ полночь Настасья Петровна почувствовала облегченіе, успокоилась и лежала съ открытыми глазами. Ахъ, какія это длинныя ночи, точно самое время останавливалось!..

Разсвѣтало, когда больная проснулась отъ своего забытья.

— Дѣвочку разбудите...—прошептала она, не открывая глазъ.

Алексисъ разбудилъ миссъ Элліэтъ, помогъ ей одѣться и все время наблюдалъ лежавшую спокойно больную. Когда онъ подвелъ дѣвочку къ кровати, она съ трудомъ открыла глаза и поблагодарила его.

У Алексиса задрожали колѣни отъ какого-то необъяснимаго страха.

— Сними...—прошептала она, показывая на тоненькое золотое колечко на своей рукѣ.

Онъ дрожавшими руками исполнилъ ея желаніе. Она взглядомъ велѣла протянуть ему правую руку и надѣла кольцо. Это усиліе ослабило ее окончательно, и она прошептала уже съ раскрытыми глазами:

— Помни... я сейчасъ...

Точно спохватившись, она холодѣвшей рукой отыскала дѣвочку. Алексисъ понялъ это движеніе и шепнулъ миссъ Элліэтъ, чтобы она взяла эту руку. У больной по лицу медленно прошла счастливая улыбка...

Потомъ явился священникъ... Алексисъ ушелъ въ кухню и рыдалъ, припавъ къ холодной печкѣ.

Тамъ его нашла испуганная миссъ Элліэтъ.

— Мистрисъ умираетъ!—шептала она.

— Да, крошка... Все умираетъ, крошка.

Потомъ они вернулись къ больной. Миссъ Элліэтъ стала у кровати и взяла своими дѣтскими ручками холодную руку умиравшей мистрисъ. Умиравшая уже не чувствовала теплоты этихъ дѣтскихъ рукъ и только взглядомъ убѣдилась, что дѣвочка съ ней тутъ, совсѣмъ близко, и что она держитъ ее за руку. Сдѣлавъ послѣднее страшное усиліе, она благословила ребенка, и эта теплая дѣтская ручка точно увела ее въ тотъ міръ, изъ котораго нѣтъ возврата.

Когда Алексисъ взглянулъ на часы, было ровно восемь...

---

Ровно черезъ три недѣли Алексисъ привелъ гуттаперчевую дѣвочку на могилу Настасьи Петровны и, рыдая, проговорилъ:

— Твое желаніе исполнено...

Миссъ Элліэтъ тоже плакала, больше потому, что плакалъ Алексисъ, а потомъ пргоговорила:

— Папа, мы сейчасъ домой?..

— Да... да...

1892.

---

# БѢДНЫЙ ЧОРТЪ.

## Разсказы дня.

### I.

Всѣ пріѣхали, и онъ пріѣхалъ... Какъ хотите, а это было удивительно, и прежде всего пріятно былъ изумленъ самъ Никаноръ Иванычъ Гречихинъ, по сценѣ Бояриновъ-Завитаевъ, а въ пріятельскомъ своемъ кругу просто Кошачій Глазъ. Да, пріѣхалъ... Положимъ, поѣздъ принесъ съ собой цѣлыя сотни пассажировъ, но вѣдь тѣ ѣхали зауряднымъ образомъ—купилъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ и весь тутъ, а Кошачій Глазъ употребилъ на эту простую вещь нечеловѣческія усилья. Гдѣ и у кого онъ ни занималъ денегъ, чтобы добраться до Москвы, какихъ непріятныхъ отказовъ ни выслушалъ отъ сытыхъ людей и вотъ все-таки доѣхалъ. Открыть Америку, навѣрное, было легче, чѣмъ сдѣлать одинъ такой bon voyage.

Итакъ, Москва! Кошачій Глазъ всегда тяготѣлъ къ этому сердцу Россіи и впередъ испытывалъ пріятную теплоту: онъ почти дома, у желанной цѣли. Нужно было видѣть, съ какимъ серьезно-озабоченнымъ видомъ онъ вышелъ на платформу, какъ равнодушно оглядѣлъ суетившуюся публику и съ какимъ достоинствомъ обратился къ носильщику.

— Мнѣ нужно получить багажъ, любезный... дорожный сундукъ.

Пока происходила процедура добыванія багажа, Кошачій Глазъ замѣтилъ въ толпѣ нѣсколько бритыхъ актерскихъ лицъ и презрительно поднялъ лѣвую бровь. *Эти* куда приползли? И что за народъ, просто стыдно за искусство—голь перекатная, на лицѣ написано. Проходя мимо зеркала, Кошачій Глазъ по привычкѣ заглянулъ въ него—лицо было измятое, заспанное, напоминавшее захватанныя трактирныя двери. Э, ничего, въ постъ поправится все. Скверно только то, что противъ ожиданія въ Москвѣ оказался снѣгъ, тогда какъ онъ заложилъ свою зимнюю шинель и пріѣхалъ совсѣмъ по-лѣтнему. Страшенъ былъ не холодъ, а то, какъ на него будутъ смотрѣть посыльные, извозчики, швейцаръ меблированныхъ комнатъ „Лукоморье“ и своя братія, гг. артисты. Необходимо было сохранить шинель, чортъ возьми...

— Пожалуйте...—почтительно доложилъ носильщикъ, вытаскивая легонькій дорожный сундукъ.—Прикажете извозчика нанимать?

— Ахъ, да... меблированныя комнаты „Лукоморье“.

Кошачій Глазъ машинально пошелъ-было за посыльнымъ, но съ полдороги вернулся и какъ-то даже замычалъ. Въ слѣдующую минуту онъ разыскалъ свой вагонъ третьяго класса и въ окно помахалъ молодую женщину, которая оставалась одна.

— Анюта, иди...

На его лицѣ выразилась снисходительная досада, пока Анюта вылѣзала изъ вагона, что̀ сдѣлать ей было не легко, потому что приходилось одной рукой нести грудного ребенка, а другой разные узелки и корзинку. Ей было всего восемнадцать лѣтъ, но блѣдное лицо глядѣло такими покорными, убитыми глазами, какъ у человѣка, испытавшаго больше того, чѣмъ это слѣдуетъ по расписанію строгой судьбы. Кошачій Глазъ презрительно оглядѣлъ ея скромный дорожный костюмъ и еще разъ что-то промычалъ. Этотъ неопредѣленный звукъ заставилъ ее вздрогнуть, и она посмотрѣла на своего повелителя оторопѣлыми, совсѣмъ еще дѣтскими глазами, точно боялась, что онъ ее ударитъ.

— Ахъ, Боже мой...—прошипѣлъ онъ, глядя на нее своими холодными, широко раскрытыми глазами безъ вѣкъ, какъ у амфибіи.—Измучился я...

— Никаноръ Иванычъ, я...

— Молчать!..

Чета направилась къ выходу, причемъ Кошачій Глазъ принялъ равнодушно-убійственный видъ. У подъѣзда ожидалъ извозчикъ съ багажомъ. Носильщикъ усадилъ господъ и раскланялся, получивъ приличную мзду. Стояли непріятныя весеннія сумерки. Снѣгъ падалъ мокрыми хлопьями. Линія фонарей мигала желтыми точками. Анюта старалась занять въ саняхъ какъ можно меньше мѣста и пугливо смотрѣла впередъ, на выраставшіе многоэтажные дома. Она попала въ столицу еще въ первый разъ и чувствовала себя такой маленькой и безпомощной, точно попавшій въ ловушку мышенокъ. Она страшно боялась, что вотъ-вотъ ребенокъ закричитъ, а Никаноръ Иванычъ не вынесетъ дѣтскаго крика. Къ тому же онъ сегодня такъ нервно настроенъ...

Сани плелись по мокрому снѣгу очень тихо. Ихъ обгоняли кареты, щегольскія пролетки на резинѣ и собственные экипажи на собственныхъ лошадяхъ. Дома поднимались все выше и глядѣли на улицу сотнями своихъ освѣщенныхъ оконъ, точно глаза какого-то каменнаго чудовища. На перекресткахъ происходила такая давка, что у Анюты кружилась голова. Она боялась даже бояться и только крѣпче прижимала къ себѣ ребенка. Вотъ и центръ, какая-то модная улица, масса магазиновъ, а затѣмъ сани повернули въ переулокъ. За первымъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, и наконецъ сани остановились у низенькаго подъѣзда „Лукоморья“.

— Есть свободные номера?— спрашивалъ сурово Кошачій Глазъ, не вылѣзая изъ саней.

— Пожалуйте...—коротко отвѣтилъ швейцаръ въ засаленной фуражкѣ, однимъ взглядомъ опредѣливъ пріѣхавшую птицу.

Анюта осталась на извозчикѣ, а Кошачій Глазъ отправился осматривать номера. Въ передней онъ заглянулъ на громадную черную доску съ фамиліями жильцовъ, пробѣжалъ номера по порядку, и даже отступилъ, когда прочелъ: Скольская-Крутихина. Она здѣсь... Вотъ это такъ сюрпризъ!.. Но возвращаться было поздно: съ одной стороны, Кошачій Глазъ очень усталъ, чтобы искать другіе номера, съ другой—онъ не желалъ пасовать передъ мелькнувшей на доскѣ ненавистной для него фамиліей и, съ третьей, въ немъ заговорила чисто-мужская гордость, вѣрнѣе сказать—самолюбіе мужа. Чтобы замаскировать свое невольное движеніе передъ швейцаромъ, онъ еще разъ перечиталъ всю доску, повторяя про себя знакомыя актерскія фамиліи: Званцевъ... Кульчицкая... Махотинъ... Лушниковъ... Гавриленко... Чортъ ихъ знаетъ, когда они успѣли набраться сюда всей ордой.

Номеръ былъ занятъ въ третьемъ этажѣ, въ какомъ-то полутемномъ коридорѣ. Анюта вздохнула свободно, когда очутилась наконецъ въ этой маленькой комнатѣ съ ободранными обоями, просиженной мебелью и спеціально

трактирной грязью. Она также устала, устала до того, что не могла говорить. Ребенокъ проснулся и тихо заплакалъ. Кошачій Глазъ ходилъ по комнатѣ большими шагами и сердито ерошилъ рѣдѣвшіе волосы. Онъ былъ окончательно взволнованъ. Вѣдь надо же было случиться такой встрѣчѣ?.. Ну, да ничего, онъ ей покажетъ.

Сейчасъ послѣ чая онъ отправился въ коридоръ, гдѣ торопливо сновали мужскія и женскія фигуры. На площадкѣ у лѣстницы сидѣли двое.

— Ба! Бояриновъ...—окликнулъ его хриплый голосъ.— Давно ли?..

— А, Любецкій...

Короткое рукопожатіе, взаимное бѣглое оглядываніе и дружеская бесѣда, точно вчера разстались.

— Ну, что̀, братъ, дѣла хуже губернаторскаго? Вездѣ одно и то же... Публика—подлецъ стала, артисту нѣтъ житья, а живорѣзы-антрепренеры сбѣсились поголовно. Сорокинъ не заплатилъ своей труппѣ за полтора мѣсяца, Черняковъ бѣжалъ, захвативъ кассу, а остальные все свиньи. Вездѣ одно и то же. Вотъ, что̀ скажетъ Москва... Теперь актерская ярмарка, и составляются новыя труппы въ Сибирь, на Кавказъ, въ Поволжье.

Къ нимъ подошли другіе.

— А, Махотинъ, ну что̀, старина? Живъ еще,—отлично. А ты, Званцевъ, опять по образу пѣшаго хожденія объявился въ Москву? Этимъ, братъ, нынче никого не удивишь: Аркашки Счастливцевы надоѣли.

Поднялся громкій говоръ, послышался смѣхъ и давно всѣмъ надоѣвшія закулисныя остроты. О своихъ дѣлахъ никто старался не говорить: какъ разъ мѣсто изъ-подъ носу уведутъ, да еще напакостятъ. Тоже товарищи называются... Взять хоть того же Любецкаго... Два сезона вмѣстѣ служили, а продастъ за понюшку табаку.

— А ты видѣлъ?—таинственно говорилъ Любецкій, отводя Боярнова въ сторону.

— Да...

— Гм... Она, братъ, въ гору пошла.

— Богатаго покровителя нашла?

— Нѣтъ, не то... Публика ее любитъ. Антрепренеры приглашаютъ нарасхватъ. Дикое счастье, однимъ словомъ. Да ты ее лично-то не видалъ? А, такъ посмотри... Пальчики оближешь, братику: belle femme.

Любецкій былъ очень счастливъ, что первымъ сообщилъ такое пріятное извѣстіе Кошачьему Глазу, и даже полюбовался, когда у того отъ бѣшенства перекосило все лицо. Что̀, братъ, не любишь?.. Раньше-то ты ее колотилъ, чѣмъ попало, а теперь и рукой не достанешь. Вотъ она какая, любезная супруга... У Любецкаго жена тоже бѣжала, и онъ вымѣщалъ теперь свое семейное положеніе на пріятелѣ.

Кошачій Глазъ вернулся въ свой номеръ темнѣе ночи. На Анюту онъ даже не взглянулъ. Его грызла теперь мысль о женѣ, объ ея успѣхахъ и о собственномъ положеніи. Это было ужасно... Кажется, еще никогда онъ такъ не ненавидѣлъ эту женщину. Анюта пробовала приласкаться къ нему, но получила пинокъ и грустно замолчала. Бѣдная женщина настолько привыкла къ своему безправному положенію, что даже не мечтала о чемъ-нибудь другомъ. Вѣдь Никаноръ Иванычъ настоящій артистъ, комикъ, котораго расхваливаютъ въ газетахъ, а что̀ же она такое? Несчастная хористка и больше ничего. Много ихъ, такихъ-то, а Никаноръ-то Иванычъ одинъ. Его всѣ знаютъ, онъ вездѣ бывалъ и тоже всѣхъ знаетъ. Подавленная величіемъ сезоннаго мужа, Анюта свернулась клубочкомъ на диванѣ, а Кошачій Глазъ громко храпѣлъ на кровати.

„Ему необходимо успокоиться и отдохнуть послѣ дороги“,— думала Анюта, баюкая ребенка.

II.

На другой день Любецкій поднялся раньше обыкновеннаго, выбрился, одѣлся и вышелъ въ коридоръ, гдѣ уже слонялись и Махотинъ, и Званцевъ, и Лушниковъ. Всѣмъ имъ рѣшительно нечего было дѣлать, а въ коридорѣ хоть афиши почитаешь, потомъ въ конторѣ можно словечкомъ перекинуться съ управляющимъ и наконецъ своихъ встрѣтишь. Встрѣчая пріятелей, Любецкій подмигивалъ, потиралъ руки и повторялъ:

— А какъ вчера *онъ* былъ пріятно пораженъ... хе, хе!.. Какъ я про *нее* сказалъ, у него даже рожу перекосило. Пріятная семейная встрѣча...

— Что же ему особенно волноваться, вѣдь онъ пріѣхалъ опять семейнымъ человѣкомъ... И даже младенецъ есть. Однимъ словомъ, все по штату... Какую-то забвенную хористочку обманулъ и, навѣрно, тиранитъ, какъ раньше Ирину Павловну тиранилъ. Вѣдь вотъ, поди жъ ты, женщины именно такихъ и любятъ, которые ихъ бьютъ...

— Да... Это ужъ законъ природы. Мужчина—активное начало въ природѣ, а женщина—пассивное.

Кошачій Глазъ и его жена Ирина Павловна, по сценѣ Смольская-Крутихина, сдѣлались героями дня, и весь коридоръ только о нихъ и говорилъ. Интересно, какъ-то они встрѣтятся... Нечего сказать, семейная радость въ полной формѣ. Всѣ старались припомнить разные анекдоты о Кошачьемъ Глазѣ,—вѣдь онъ вывезъ Ирину Павловну неизвѣстно откуда, опредѣлилъ на сцену и далъ первую шлифовку будущему алмазу. Человѣкъ серьезно потрудился надъ ея воспитаніемъ, когда хлесталъ ее прямо по лицу за кулисами, а дома продѣлывалъ вещи и похуже. Она два раза отравлялась, десять разъ хотѣла застрѣлить его, пока не сдѣлала самую простую вещь—взяла и ушла отъ мужа, какъ дѣлаетъ большинство театральныхъ женъ.

— Интересно бы знать, кто сейчасъ у Ирины Павловны занимаетъ амплуа супруга?—спрашивалъ Любецкій, подмигивая еще веселѣе.—Вотъ стравить бы съ Кошачьимъ Глазомъ... Вѣдь онъ-то все-таки настоящій мужъ, у него всѣ права, и она не смѣетъ третировать его открыто. Да, чортъ возьми, если бы моя собственная жена, да я...

Въ самомъ дѣлѣ, долженъ же быть какой-нибудь другъ у Ирины Павловны? Женщина молодая, въ полномъ соку... Но здѣсь мнѣнія раздѣлились: одни указывали на провинціальнаго перваго любовника, другіе на какого-то вліятельнаго рецензента, третьи на богатаго купеческаго сынка. Вѣрно было одно, что Ирина Павловна вела свои дѣла ловко, все шито и крыто, комаръ носу не подточитъ. Однимъ словомъ, женщина образованная...

Пробило двѣнадцать часовъ. Актеры перестали галдѣть и ждали, какъ Любецкій отправится въ номеръ къ Иринѣ Павловнѣ и сообщитъ ей пріятную семейную новость. Онъ отправился съ этой миссіей въ качествѣ делегата, чтобы потомъ сообщить пріятелямъ о произведенномъ эффектѣ.

— Войдите!..—послышался голосъ самой Ирины Павловны, когда Любецкій осторожно постучалъ въ дверь тринадцатаго номера, самаго лучшаго въ „Лукоморьѣ“.

Она была въ утреннемъ капотѣ и сидѣла у письменнаго столика. Появленіе бритой физіономіи Любецкаго вызвало на ея красивомъ молодомъ лицѣ легкую гримасу,—она ненавидѣла эти актерскія бритыя лица. Актеры это знали, и Любецкому теперь особенно хотѣлось уколоть гордячку въ самое

больное мѣсто, а для этого онъ нарочно тянулъ, разговаривая о разныхъ пустякахъ.

— Трудно, Ирина Павловна, нынче нашему брату, артисту,—повторялъ Любецкій.—Ахъ, какъ трудно... Женщинѣ еще лучше, потому что она... вообще ей го аздо легче устроиться. Я говорю о молодыхъ женщинахъ, Ирина Павловна, какъ вы. Кто и что̀ можетъ устоять противъ красоты?

— Послушайте, Любецкій, если вамъ что-нибудь нужно... Я должна извиниться: я тороплюсь по дѣламъ.

— Вы торопитесь? Какъ жаль... гм... да...

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?

— Ничего, Ирина Павловна... Никаноръ Иванычъ вчера пріѣхалъ и остановился въ восемьдесятъ шестомъ номерѣ. Пожалуй, вамъ будетъ непріятно съ нимъ встрѣтиться, такъ я пришелъ предупредить васъ на всякій случай. Знаете, у него такой характеръ...

Она вся вспыхнула, опустила красивые глаза и проговорила съ разсчитаннымъ спокойствіемъ:

— М-г Любецкій, я очень вамъ благодарна за вниманіе, но разъ и навсегда прошу оставить мои личныя дѣла въ покоѣ... Полагаю, что они для васъ не должны представлять никакого интереса.

— Виноватъ, Ирина Павловна, но я, повѣрьте, только изъ уваженія къ вамъ... да... Вы напрасно такъ принимаете мои слова, потому что войти въ положеніе одинокой женщины—это прямая обязанность порядочнаго мужчины. Говоря проще, вы рисковали нарваться на большой скандалъ вотъ гдѣ-нибудь здѣсь же, въ коридорѣ...

— Еще разъ благодарю васъ, но я, право, не нуждаюсь ни въ чьемъ участіи.

Послѣднія слова она произнесла съ невольной дрожью въ голосѣ,—она поняла, что друзья-артисты травили ее. Ея фальшивое положеніе доставляло имъ удовольствіе, потому что этой монетой она расплачивалась за свои сценическіе успѣхи, хотя до нѣкоторой степени. Когда Любецкій вышелъ, сухо раскланявшись съ ней, Ирина Павловна не вытерпѣла и расплакалась. Мужъ для нея являлся какимъ-то проклятіемъ... Она никогда не могла чувствовать себя спокойной, потому что рѣшительно ничѣмъ не была застрахована отъ самаго грубаго скандала и даже насилія. Вотъ и теперь, что̀ ей дѣлать: бѣжать, оставаться? Положивъ свою бѣлокурую головку на руки, Ирина Павловна долго и горько рыдала. Ахъ, какъ ей было тяжело, гадко и отвратительно,—она начинала ненавидѣть самоё себя, ту женщину, которая когда-то могла быть женой Никанора Ивановича... Ею овладѣло брезгливое чувство, заставившее вздрогнуть, точно въ воздухѣ уже протянулись къ ней тѣ руки, которыя ее били. Какъ дорого стоилъ ей каждый шагъ впередъ на этомъ тернистомъ театральномъ пути...

Номерная горничная своимъ появленіемъ заставила Ирину Павловну подобраться,—посторонніе люди не должны видѣть ея горя. Но горничная уже знала все и, улучивъ минуту, дополнила сообщеніе Любецкаго, именно, что Никаноръ Ивановичъ не одинъ, а съ супругой и съ ребенкомъ, что, замѣтно, денегъ у нихъ нѣтъ и она сегодня утромъ плакала.

— Оставьте, Аннушка, мнѣ, право, не интересно,—остановила ее Ирина Павловна.—Въ чужія дѣла не слѣдуетъ соваться...

— Да вѣдь это изъ жалости къ ней, къ женѣ Никанора Ивановича: молоденькая такая... блѣдная... И боится она его, какъ огня. Вѣрно говорю, сударыня, такъ какъ, состоямши при номерахъ, всякаго народу насмотришься

и сразу понимаешь, какъ и что. Актеры-то всѣ одинаковы... Ужъ вы меня извините, а тоже жаль со стороны глядѣть, какъ молоденькая бабенка убивается. И что въ немъ-то нашла?

Эта непрошенная болтовня горничной заставила Ирину Павловну задуматься о судьбѣ той несчастной женщины, которая занимала сейчасъ ея мѣсто. Ей вдругъ сдѣлалось такъ жаль ея, какъ никогда не было жаль самой себя: свое горе уже пережито... Вѣрнѣе сказать, Ирина Павловна сейчасъ переживала вторично счастье быть женой Никанора Иваныча, этой гадины, для которой трудно было бы подыскать соотвѣтствующее имя. Вѣдь и она была такая же молодая и неопытная, какъ та, и также переносила всѣ гадости отъ него... По временамъ Ирина Павловна прислушивалась къ шагамъ въ коридорѣ, и ей начинало казаться, что это его шаги, которыхъ она когда-то боялась. Неужели все это было, неужели все это могло быть? Она для безопасности заперла дверь на ключъ и сейчасъ сама же устыдилась за свой бабій страхъ... Кого она испугалась? Вѣдь такихъ людей, какъ *онъ*, бьютъ, а не боятся. Въ слѣдующій моментъ Ирина Павловна достала маленькій никелированный револьверъ и положила его къ себѣ на письменный столъ: о, она убьетъ эту гадину, только пусть она покажется!..

Кошачій Глазъ, дѣйствительно, ходилъ по коридору, задумчиво заложивъ руки за спину. Онъ имѣлъ таинственный видъ и нѣсколько разъ поглядывалъ на двери тринадцатаго номера. Нужно прежде всего поддержать свое достоинство передъ товарищами, которые, навѣрно, улыбаются ему вдогонку. Что дѣлать—Никаноръ Иванычъ пока еще не рѣшилъ, но чувствовалъ, что долженъ что-то сдѣлать. Выждать *ее* здѣсь въ коридорѣ или войти въ номеръ—также оставалось не рѣшеннымъ. Но вѣрно одно, что онъ увидитъ ее. Любецкій наблюдалъ друга все время и нѣсколько разъ пытался заговорить съ нимъ, хотя и безъ особеннаго успѣха: Кошачій Глазъ замкнулся въ самомъ себѣ.

Онъ увидѣлъ ее въ тотъ же день, вечеромъ, когда сидѣлъ на площадкѣ лѣстницы вмѣстѣ съ Любецкимъ. Въ первый моментъ онъ ее не узналъ и догадался только тогда, когда Любецкій ткнулъ его локтемъ. Да, это была она, чортъ возьми, но какая она красавица!.. Проходя мимо, Ирина Павловна ни на кого не взглянула, а только плотнѣе закуталась въ свою песцовую ротонду. Она чувствовала, въ свою очередь, что *онъ* тутъ, и прошла нарочно ближе, повинуясь безотчетному чувству, какое заставляетъ человѣка заглядывать въ пропасть. Съ другой стороны, ей хотѣлось показать, что она ничего и никого не боится. Да, рѣшительно никого...

— Какова штучка?—фамильярно проговорилъ Любецкій, провожая глазами спускавшуюся по лѣстницѣ Ирину Павловну.—Эхъ, братъ, и далъ же ты маху: отпустить такую женщину... Настоящая курица, которая въ рукахъ умнаго человѣка несла бы золотыя яйца.

Съ Кошачьимъ Глазомъ сдѣлалось что-то необыкновенное. Онъ быстро вскочилъ съ мѣста, посмотрѣлъ на Любецкаго остановившимися дикими глазами и крикнулъ:

— Молчать, мерзавецъ!... Всѣ вы подлецы и всѣ вы ничего не понимаете...

— А ты потише, Кошачій Глазъ...

— Убью, мерзавецъ!..

Любецкій едва спасся самымъ позорнымъ бѣгствомъ.

## III.

Все „Лукоморье“ было заинтриговано поведеніемъ Кошачьяго Глаза. Съ другой стороны, и сама Ирина Павловна держалась крайне странно, чтобы не

сказать больше. Махотинъ и Любецкій видѣли собственными глазами, какъ она, Ирина Павловна, сама первая подошла въ коридорѣ къ Кошачьему Глазу и проговорила:

— Вы, кажется, не узнаёте меня, Никаноръ Иванычъ?

Кошачій Глазъ совсѣмъ растерялся и пробормоталъ, вѣроятно, что-нибудь очень глупое, потому что Ирина Павловна весело разсмѣялась. Да, Любецкій и Махотинъ видѣли все это собственными глазами и еще разъ убѣдились въ той простой шекспировской истинѣ, что „о, женщины! ничтожество вамъ имя". Дальнѣйшимъ предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Во-первыхъ, всѣмъ было очевидно, что Ирина Павловна „подыгрываетъ" себѣ мужа—можетъ-быть, проснулось въ ней старое чувство къ Кошачьему Глазу; во-вторыхъ—она, навѣрно, приревновала его къ этой несчастной Анютѣ (вѣдь женщины капризны), и въ-третьихъ, что̀ всего вѣроятнѣе, Ирина Павловна просто давно не была бита, а это иногда имѣетъ большое значеніе. Есть даже такія женщины, которыя требуютъ, чтобы ихъ били,—Махотинъ и Любецкій готовы были поклясться въ этомъ, а въ „женскомъ вопросѣ" они кое-что смыслили.

Квартировавшія въ „Лукоморье" театральныя дамы относительно этого послѣдняго держались другихъ воззрѣній, но это было одно женское притворство, а можетъ-быть, вполнѣ естественная женская скромность. Вѣрно было то, что онѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ и совершенно открыто порицали поведеніе Ирины Павловны. Она компрометировала все театральное „женское сословіе". Если бы она мѣняла любовниковъ, какъ перчатки, то это было бы только понятно, особенно когда дѣлается подъ сурдинку и не слишкомъ афишируется; но заигрывать съ брошеннымъ мужемъ, какъ Кошачій Глазъ,—нѣтъ, это даже и названія не имѣетъ. Такія глупости могутъ дѣлать только набитыя дуры...

— Я своими глазами видѣла, какъ вчера вечеромъ *онъ* тихонько вошелъ къ ней въ номеръ,—увѣряла Кульчицкая.—Да, и представьте: крадется, какъ воръ или, по меньшей мѣрѣ, любовникъ-новичокъ.

— Ромео и Джульетта... ха-ха!—заливалась Махотина.

— Что̀ всего смѣшнѣе, такъ это то, что Кошачій Глазъ крался къ собственной женѣ... Будемъ, душечка, называть вещи ихъ настоящими именами. Рожу сдѣлалъ умоляюще-смиренную, какъ всѣ мужчины, когда имъ что-нибудь нужно... Даже противно было смотрѣть.

— Ну, это забавно: готовый водевиль.

— Женское любопытство разыгралось до послѣдней степени. Помилуйте, мужъ, который ухаживаетъ за своей женой, какъ любовникъ—это не часто встрѣчается. По вечерамъ театральныя дамы устроили даже наблюдательный пунктъ за тринадцатымъ номеромъ, чтобы слѣдить за похожденіями Кошачьяго Глаза и убѣдиться окончательно въ его намѣреніяхъ. Разъ, когда онъ крался около стѣнки, Махотина, будто случайно, столкнулась съ нимъ.

— Ахъ, виновата, Никаноръ Иванычъ... Вы куда это?

— Я... то-есть я... Въ номерѣ, знаете, ужасно душно, потомъ ребенокъ кричитъ, а здѣсь все-таки можно передохнуть.

— Да? Скажите... А у васъ такой видъ, точно вы шли на свиданіе съ какой-нибудь незнакомкой. Не отпирайтесь, вѣдь вы неисправимый плутишка, Никаноръ Иванычъ...

Кошачій Глазъ ужасно сконфузился, пробормоталъ что-то безсвязное и бѣжалъ... Да, бѣжалъ, какъ послѣдній трусъ. Результатомъ этой импровизированной сцены остался смятый клочокъ бумажки. Когда Махотина подняла его и прочитала при свѣтѣ газоваго рожка, ее охватило безумное веселье, такъ что она едва добѣжала до номера Кульчицкой.

— Милочка, родная, прочитай...—шептала она, изнемогая отъ душившаго ее хохота.—Что же это такое?.. Онъ влюбленъ... Кошачій Глазъ пишетъ стихи! Ха-ха-хxха...

Кульчицкая, не торопясь, расправила смятую бумажку и прочла съ приличной аффектаціей:

„Ирина Павловна, я могу показаться въ вашихъ глазахъ смѣшнымъ, можетъ-быть, вы посмѣетесь надо мной, но я люблю васъ... Да, люблю! И всегда любилъ... Каждый любитъ по-своему, а внѣшнія рѣзкія формы еще не говорятъ о внутренней грубости. Поэтъ сказалъ:

Гроза умчалась вдаль, минувшее забыто,
И голосъ внутренній мнѣ говоритъ порой:
Да ужъ не сонъ ли все, что было пережито
И передумано тобой?

„Ваше собственное сердце подскажетъ вамъ то, чего не въ состояніи передать мой слабый языкъ... Твой Никаноръ, всегда и вездѣ твой“.

— Не правда ли, мило?

— Да, недурно...

— Это готовый сюжетъ для юмористическаго журнала. Махотинъ, кажется, что-то пописываетъ, такъ вотъ ему готовый матеріалъ.

Пріятельницы нѣсколько разъ принимались перечитывать любовное посланіе Кошачьяго Глаза и хохотали до слезъ.

Виновникъ этого дамскаго веселья, дѣйствительно, переживалъ критическій моментъ. Кошачій Глазъ съ перваго взгляда влюбился въ жену и забылъ о своей ненависти къ ней. Какая тутъ ненависть, когда сердце хотѣло выскочить отъ переполнявшихъ душу чувствъ. Но это было совсѣмъ не то, что раньше, когда онъ любилъ жену только физически. Да, это была ошибка и грубая ошибка, а нѣтъ такой ошибки, которой нельзя было бы поправить. Кошачьему Глазу рисовался обольстительный женскій образъ въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Сколько здѣсь линій, красокъ и внутренней красоты, о существованіи которой онъ даже и не подозрѣвалъ. Онъ чувствовалъ себя такимъ виноватымъ, маленькимъ и скромнымъ. Когда Ирина Павловна проходила мимо, сердце Кошачьяго Глаза замирало, какъ попавшая въ западню птица. Онъ ничего не желалъ и не добивался, кромѣ позволенія видѣть ее время отъ времени.

— Вы забудьте, что я вашъ мужъ,—говорилъ Кошачій Глазъ, дѣлая сладкое лицо.—Все, что было,—грустный и тяжелый сонъ... Теперь вы видите передъ собой другого человѣка, да и вы сами другая женщина. Говоря правду, можетъ-быть, въ расцвѣтѣ вашей красоты отразилось и мое вліяніе... Въ сущности, зла я никогда вамъ не желалъ.

— Не будемъ говорить о прошломъ,—уклончиво отвѣчала Ирина Павловна и такъ мило краснѣла, точно вчера вышла замужъ.

У Кошачьяго Глаза захватывало духъ отъ звука ея голоса, и онъ скромно опускалъ глаза. Да, онъ былъ влюбленъ, какъ никогда. Это было его первое чувство, его первая любовь... Онъ пьянѣлъ при одной мысли объ Иринѣ Павловнѣ. Ему хотѣлось раскрыть ей всю свою душу, разсказать все—вѣдь не такой же ужъ онъ дурной человѣкъ, котораго нельзя было бы полюбить, а главное—котораго нужно понять. Да, онъ чувствовалъ, что дѣлается лучше и что съ его души спадаетъ точно какая-то кора. Какими маленькими и жалкими казались теперь ему всѣ эти недавніе пріятели и собутыльники, и онъ проходилъ мимо нихъ съ гордымъ видомъ. Развѣ они что-нибудь могли пони-

мать, эти безнадежные циники и матеріалисты? Есть святыя чувства и благородныя движенія души. Да... Любецкаго онъ старательно избѣгалъ, какъ отъявленнаго негодяя и сплетника.

Все „Лукоморье“ потѣшалось надъ любовью Кошачьяго Глаза. Шуткамъ, остротамъ и смѣшнымъ предположеніямъ не было конца. Всѣ хохотали до слезъ, когда онъ проходилъ по коридору съ такимъ таинственнымъ видомъ, точно боялся что-то пролить.

— Интересно, какъ они теперь избавятся отъ этой экъ-супруги № 2?— спрашивали дамы.

— Если бы она была одна, то Кошачій Глазъ попросту вытолкалъ бы ее изъ своего номера въ шею, но вѣдь она съ ребенкомъ...

— Очень просто: Кошачій Глазъ уѣдетъ съ Ириной Павловной, а экъ-супруга останется при собственномъ никовомъ интересѣ...

Судьба Анюты интересовала больше всего дамъ. Что-то придумаетъ теперь Ирина Павловна, чтобы благороднымъ образомъ устранить соперницу? Впрочемъ, что̀ тутъ много толковать: просто купитъ бѣдную дѣвченку, чтобы убиралась съ глазъ долой. Кстати, сейчасъ и деньги у Ирины Павловны есть, а если не достанетъ, то гоняющіеся за ней антрепренеры дадутъ. Театральныя дамы завидовали успѣхамъ Ирины Павловны и поэтому злословили теперь на ея счетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Самыя вѣрныя извѣстія добывались черезъ номерную горничную, которая умѣла услужить всѣмъ. Было извѣстно такимъ образомъ, что Ирина Павловна готовится къ отъѣзду, и что у ней по вечерамъ идутъ какія-то таинственныя бесѣды съ Кошачьимъ Глазомъ. Но что̀ было всего удивительнѣе, такъ это то, что Ирина Павловна, воспользовавшись отсутствіемъ Кошачьяго Глаза, отправилась къ нему въ номеръ и пробыла тамъ цѣлый часъ. Горничная видѣла своими глазами, какъ она ласкала ребенка, а бѣдная Анюта смотрѣла на нее и горько плакала. Очевидно, Ирина Павловна хотѣла познакомиться со своей соперницей, чтобы знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло. Дѣвочка изъ деповенькихъ и совсѣмъ глупая, такъ что даже обманывать ее совѣстно.

— Однако кто бы могъ подумать про Ирину Павловну, что она способна на такое двоедушіе!—возмущались театральныя дамы.—На сценѣ притворяется такой нѣжной, любящей, честной натурой, а тутъ... Во всякомъ случаѣ, интересно, чѣмъ все это окончится!..

— Дастъ три рубля этой оголтѣлой Анютѣ—и вся недолга.

Незадолго до окончательной развязки Кошачій Глазъ выкинулъ дикую штуку. Встрѣтилъ Любецкаго въ коридорѣ и придрался.

— Послушай, ты чему смѣешься, когда меня встрѣчаешь?—допрашивалъ Кошачій Глазъ, ухвативъ Любецкаго за бортъ сюртука.—Мнѣ это не нравится, понимаешь?.. Да, не нравится!..

— Послушай, милашка, да ты того... спятилъ?!..

— Пожалуйста, безъ амикошонства, а то я...

Кошачій Глазъ внушительно потрясъ Любецкаго и закончилъ фразу угрожающимъ мычаніемъ. Любецкій даже струсилъ и едва нашелся проговорить вдогонку стереотипную фразу:

— Никаноръ Иванычъ, я не виноватъ, что въ дѣтствѣ васъ часто били по головѣ палкой...

Кошачій Глазъ вернулся и, схвативъ Любецкаго за плечо, проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— Всѣ вы подлецы... слышите? Да... Мерзавцы, и я былъ первымъ въ вашей средѣ. Такъ и скажи всѣмъ, что я ихъ презираю... да. Еще актрисы

бываютъ порядочныя женщины, а среди актеровъ я не знаю ни одного такого. Понимаешь? Это человѣческій соръ... грязь...

Для Любецкаго ясно было, какъ день, только одно, что Кошачій Глазъ окончательно спятилъ.

---

Развязка всей этой исторіи произошла черезъ два дня, когда Кошачій Глазъ ворвался въ номеръ Любецкаго, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ и блуждающими глазами.

— Что̀ съ тобой, Никаноръ Иванычъ?

— Что̀ со мной? Ты спрашиваешь, что̀ со мной?.. Она уѣхала и увезла съ собой Анюту... Вотъ что̀ со мной! Теперь понимаешь?.. Это была месть съ ея стороны... И ребенка увезли. Да...

— Успокойся, голубчикъ: мало ли что̀ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Кошачій Глазъ не слышалъ этихъ дружескихъ утѣшеній и рыдалъ самымъ малодушнымъ образомъ, повторяя одну фразу:

— А я любилъ ее... да... любилъ...

1891.

---

# ДРУГЪ АРТИСТОВЪ.

## Очеркъ.

### I.

Ровно въ шесть часовъ самоваръ уже былъ на столѣ,—никакого замедленія въ такомъ важномъ дѣлѣ не могло и быть, потому что Семенъ Ѳедорычъ ставилъ самоваръ самъ. И прислуга дрянная, и денегъ у Семена Ѳедорыча не было лишнихъ, а много ли старому холостяку нужно? Онъ даже посмотрѣлъ на дешевенькіе стѣнные часы: ровно шесть часовъ... Отлично!..

— Э, братъ, я люблю, чтобы все было аккуратно,—проговорилъ вслухъ Семенъ Ѳедорычъ, обращаясь къ клѣткѣ съ дремавшимъ чижикомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пріятно напиться чаю, когда на дворѣ и холодъ, и вьюга, и такая непогодь, что добрый человѣкъ злѣйшаго врага не выгонитъ на улицу. Положимъ, квартирка у Семена Ѳедорыча была слишкомъ ужъ скромная—всего одна комната и темная кухня. Притомъ въ подвалѣ самая лучшая квартирка не будетъ выглядѣть красиво. Но это все равно, и Семену Ѳедорычу было хорошо въ своемъ подвалѣ. Въ самомъ-то дѣлѣ, какъ-никакъ, а все-таки свой уголъ, а въ своемъ углу каждый „самъ большой—самъ маленькій". Вотъ дверь немножко промерзла и съ полу страшно дуло, но стоило надѣть валенки и осеннее пальто, чтобы возстановить необходимое равновѣсіе въ температурѣ.

Итакъ—шесть часовъ; самоваръ на столѣ, и Семенъ Ѳедорычъ аккуратно завариваетъ чай. Отъ вчерашней булки остался большой кусокъ; сахару хватитъ вмѣстѣ съ чижикомъ еще дня на два—чего же больше?.. У Семена Ѳедорыча есть даже привычка къ извѣстной роскоши: непремѣнно сядетъ въ кресло, вытянетъ ноги и закуритъ трубку съ настоящимъ черешневымъ чубукомъ, какъ настоящій помѣщикъ. Въ этотъ моментъ вечерняго кейфа такъ хорошо почитать свѣженькую газетку или перевернуть двѣ-три странички какого-нибудь забористаго романа—это, чортъ возьми, называется жизнь!.. Никого знать не хочу и никто не смѣетъ меня тронуть, хоть и сижу въ подвалѣ, а въ большихъ-то домахъ много напрасныхъ слезъ льется, да еще отъ тоски хорошіе люди вѣшаются.

Чай заваренъ. Самоваръ дружелюбно ворчитъ на столѣ, точно онъ хочетъ сказать: „Отличный ты человѣкъ, Семенъ Ѳедорычъ... Право, отличный!" Кажется, простая вещь заварить чай, а если не выполоскать чайникъ горячей водой да продержать чайникъ на конфоркѣ лишнюю минуту—и выйдетъ дрянь, пареный вѣникъ, а не чай. Наливъ стаканъ, Семенъ Ѳедорычъ невольно посмотрѣлъ на стѣну, гдѣ висѣло зеркало—„эхъ, давно надо убрать его отсюда, а то горячимъ паромъ какъ разъ всю амальгаму расплавитъ".

Каждый день думаетъ объ этомъ Семенъ Ѳедорычъ, и какъ-то всегда случится такъ, что мысль о зеркалѣ всегда приходитъ за самоваромъ, а вставать изъ-за стола, чтобы снимать его и приколачивать на другое мѣсто, именно теперь ему не хотѣлось. Такъ было и сейчасъ. Семенъ Ѳедорычъ ограничился только тѣмъ, что взялъ полотенце и вытеръ имъ отпотѣвшее зеркальное стекло—„нѣтъ, слава Богу, все цѣло!". Одно, впрочемъ, было скверно: изъ зеркала выглянуло на него такое постарѣвшее лицо съ небритой сѣдѣвшей щетиной на подбородкѣ и глубокими морщинами около глазъ.

— Эхъ, Семенъ, Семенъ!—вслухъ подумалъ онъ.—Постарѣлъ ты, братецъ мой...

Да, постарѣлъ,—но какъ это незамѣтно дѣлается! А когда-то это лицо было и молодо и по-своему красиво, т.-е. это находили двѣ-три глупыхъ женщины. Полинявшую красоту смѣнила лысина, морщины, сѣдая щетина и какая-то усталость въ выраженіи глазъ—„э, не стоитъ думать о такихъ пустякахъ, а то какъ разъ и стаканъ простынетъ". Семенъ Ѳедорычъ уже поднесъ стаканъ ко рту и даже вдохнулъ ароматъ артистически заваренного чая, какъ въ этотъ самый моментъ распахнулась дверь, и въ облакѣ ворвавшагося пара показалась какая-то дѣтская фигура.

— Кто тамъ?—сердито спросилъ Семенъ Ѳедорычъ, разставаясь со стаканомъ.

— Это я, Семенъ Ѳедорычъ... — отвѣтилъ дѣтски-звенѣвшій женскій голосъ.

— Да кто ты-то?..

Онъ даже поднялъ абажуръ на лампѣ, чтобы посмотрѣть на нежданную гостью, и сейчасъ же добродушно улыбнулся.

— А, это ты, Параша-Сибирячка,—заговорилъ онъ.—Ну, чего стоишь? Снимай шубу—гостья будешь...

— Я... я, Семенъ Ѳед...

Тоненькій голосокъ вдругъ оборвался, и послышались глухія рыданія съ дѣтскимъ всхлипываніемъ. Гостья безсильно опустилась на какой-то сундукъ, стоявшій у двери, и, схватившись за голову руками, точно застыла.

— Вотъ тебѣ и напился чайку...—вслухъ думалъ Семенъ Ѳедорычъ, сторченный этой неожиданностью.—Вотъ тебѣ и шестъ часовъ... Впрочемъ, вотъ что̀, голубчикъ: давай-ка выпьемъ сначала чайку, а потомъ вмѣстѣ и поплачемъ... Знакомое мнѣ дѣло эти ваши театральныя слезы.

Онъ подошелъ къ ней и дотронулся до плеча, но гостья не шевельнулась,—она показалась ему опять такой маленькой, какъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка.

— Да что̀ такое случилось?..—торопливо заговорилъ Семенъ Ѳедорычъ, стараясь придать своему голосу нѣжное выраженіе.—Да ну же, перестань, дурочка. Давай, снимемъ шубу сначала...

— Я отравлюсь... я утоплюсь...—шептала дурочка, не позволяя ему снимать съ себя худенькую шубу на облѣзломъ заячьемъ мѣху.—Я дрянная, Семенъ Ѳедорычъ... я сама не знаю, зачѣмъ прибѣжала къ вамъ... Гоните меня!..

— Вотъ что̀, милая,—уже строго заговорилъ старикъ:—перестань лопать комедію... У всѣхъ у васъ одна привычка: нервы,—ахъ да охъ. Привыкнете на сценѣ нѣжность изображать, да потомъ и пойдете взаправду то же самое выкидывать. Сказалъ... будетъ...

Этотъ суровый тонъ сразу отрезвилъ дѣвушку, и она покорно, какъ послушная ученица, сняла свою шубку, поправила сбившіеся на лобъ волосы

и присѣла къ самовару. Семенъ Ѳедорычъ все время строго смотрѣлъ на нее и удивлялся про себя, какая маленькая эта Параша-Сибирячка... Вѣдь вотъ, поди ты, каждый день видалъ ее въ театрѣ, и къ нему она завертывала съ какимъ-то задѣльемъ раза два, а ничего онъ раньше не замѣчалъ. Или, можетъ-быть, горе ее сдѣлало такой маленькой,—охъ, ужъ это бабье горе, у всѣхъ-то оно одно!.. Омытое слезами личико выглядѣло теперь такимъ свѣтлымъ, а большіе дѣтскіе глаза смущенно смотрѣли куда-то въ уголъ. Тщедушная фигурка была особенно изящна въ простомъ холстинковомъ платьѣ.

— Эхъ, ты, птаха!..—вслухъ подумалъ Семенъ Ѳедорычъ и покачалъ своей облысѣвшей головой.—И на женщину-то, на настоящую то-есть женщину, совсѣмъ не походишь, а плачешь по-настоящему.

Ему вдругъ захотѣлось приласкать этого ребенка, поцѣловать эти заплаканные глаза, успокоить, пригрѣть, но чувство какого-то ложнаго стыда заставило его только съежиться. Онъ, не торопясь, досталъ чайную чашку съ комода, налилъ ее и молча поставилъ передъ гостьей...

— Я не хочу...—капризно отвѣтила она, точно чувствуя окружавшую старика теплоту.

— А отравляться сейчасъ кто хотѣлъ? Отравляться можешь, а чаю чашку выпить не можешь?.. И тутъ нужно поломаться...

Когда Семенъ Ѳедорычъ начиналъ кричать, Параша-Сибирячка вздрагивала и сейчасъ же дѣлала все, что̀ онъ требовалъ. Въ этомъ повиновеніи чувствовалось что-то механическое и тупое, какъ въ обидной покорности дрессированныхъ животныхъ.

— Ну-съ, такъ въ чемъ дѣло?—спрашивалъ Семенъ Ѳедорычъ съ дѣланной строгостью въ голосѣ.—Собственно говоря, что̀ вамъ отъ меня-то нужно, сударыня?.. Прошу говорить серьезно, безъ этихъ театральныхъ вашихъ слезъ. Да-съ...

— Вы знаете запаснаго комика Кочетова?—торопливо заговорила она, опуская глаза.

— Какъ же мнѣ-то не знать: всякую собаку въ театрѣ знаю... Да, гм... гм... Вотъ они откуда, слезы-то!.. И нашла о комъ убиваться... да еще меня безпокоить... тьфу!..

— Ахъ, совсѣмъ не то, Семенъ Ѳедорычъ... Прежде, дѣйствительно, Кочетовъ мнѣ нравился больше другихъ.

— Прежде... ха-ха!.. А сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать... Что̀ же, это бываетъ, Семенъ Ѳедорычъ, что одинъ человѣкъ нравится-нравится, а потомъ другой... Съ Кочетовымъ мы цѣлый сезонъ вмѣстѣ играли: онъ лакеевъ, а я горничныхъ... и я скажу откровенно, что я очень его любила...

— Ну-съ, дальше, сударыня...

— Онъ меня хочетъ убить...—прошептала дѣвушка и закрыла лицо руками.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Теперь понимаю... ха-ха!.. Трагедія...

— Самъ-то Кочетовъ ничего еще, но его подбиваетъ Анна Петровна... Знаете, есть рубашечный любовникъ Миловзоровъ, такъ его жена.

— Постой... а ей какое дѣло?..

— Да просто ревнуетъ меня къ мужу...

— Кочетовъ... Анна Петровна... Миловзоровъ... Если ужъ театральная жена ревнуетъ театральнаго мужа, то есть какое-нибудь серьезное основаніе. Это разъ... А второе: говори все откровенно, какъ попу на духу... Можетъ-быть, у тебя и третій есть кто-нибудь, кромѣ Кочетова и Миловзорова?

— Ужъ я вамъ сказала, что Кочетова я прежде любила, а сейчасъ...

— Миловзорова?.. Превосходно... и, главное, просто...

— Онъ меня тоже хочетъ убить...

— Миловзоровъ? Его кто же этому научилъ?..

— Нѣтъ, онъ самъ... онъ ревнуетъ меня къ Кочетову. Я сидѣла дома, когда послѣ обѣда пришелъ Кочетовъ... а потомъ Миловзоровъ явился... они такъ и бросились другъ на друга, а я убѣжала сюда. Они такіе большіе и такіе злые.

## II.

Дѣвушка откровенно разсказала всѣ свои горести' а Семенъ Ѳедорычъ слушалъ эту исповѣдь и качалъ головой. Конечно, и она не права, это вѣрно, но хороши и тѣ болваны—вѣдь она ребенокъ, какой еще у нея умъ, и такого человѣка обижать поднимается рука. Разсказывая о своихъ приключеніяхъ, дѣвушка и смѣялась, и плакала, и снова смѣялась.

— Мнѣ теперь даже итти некуда,—закончила она со вздохомъ.—Или тотъ или другой убьютъ, а если не убьютъ, такъ все равно квартирная хозяйка на улицу выгонитъ... Совсѣмъ некуда.

— Да, положеніе красивое... Вотъ что̀, Парасковья Васильевна, оставайтесь вы у меня здѣсь. Здѣсь никто не посмѣетъ васъ тронуть, а я самъ куда-нибудь уйду ночевать...

— Зачѣмъ же уходить?—удивилась дѣвушка.—Я могу въ кухнѣ на сундукѣ уснуть, а вы здѣсь...

— Нѣтъ, не годится, милая ты моя. Да, не годится... Я старъ, чтобы потомъ шуточки да намеки выслушивать, а вы, Парасковья Васильевна, дѣвушка, и вамъ нехорошо ночевать у холостого мужчины...

Сначала она не поняла смысла этихъ словъ, а потомъ громко расхохоталась: Семенъ Ѳедорычъ холостой мужчина... Этотъ смѣхъ обидѣлъ его, а съ другой стороны ему и самому хотѣлось смѣяться, глядя на эти дѣтскіе глаза, на пухлый ротикъ и пробивавшійся на щекахъ румянецъ.

— А съ тѣми, съ подлецами, я разсчитаюсь,—прибавилъ онъ, принимая строгій видъ.—Что̀ нынче за народъ пошелъ!.. И съ квартирной хозяйкой переговорю. Однимъ словомъ, все устрою, а ты пока отдохни здѣсь.

— Да я одна боюсь, Семенъ Ѳедорычъ.

— Фу!.. Что̀ же я съ тобой буду дѣлать, Парасковья Васильевна: какъ козьи рога—ни изъ короба ни въ коробъ.

Семенъ Ѳедорычъ Головнинъ принадлежалъ къ тому разряду странныхъ русскихъ людей, которымъ можно только удивляться, какъ, чѣмъ и для чего они живутъ. Изъ богатой купеческой семьи по происхожденію, онъ остался послѣ отца безъ всякой опредѣленной профессіи. Къ торговлѣ питалъ какое-то органическое отвращеніе и поэтому всю жизнь прожилъ какъ-то такъ, какъ птица небесная. Сначала были свои деньги, а потомъ такъ: дастъ Богъ день—дастъ и хлѣбъ. Не былъ онъ ни пьяницей, ни мотомъ, ни картежникомъ, но до болѣзни любилъ театръ и постоянно вращался въ компаніи артистовъ, гдѣ быстро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Лѣтомъ, когда сезонная труппа разъѣзжалась въ разныя стороны, Головнинъ страшно скучалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ осени, когда она вернется. Вѣдь нужно пріискать всѣмъ квартиры, устроить, накормить, напоить, а кромѣ того, мало ли хлопотъ съ господами артистами: тутъ ребенка окрестить, тамъ похоронить, здѣсь помирить, вытрезвить, устроить заемъ, заложить какой-нибудь сувениръ и т. д. Въ результатѣ такихъ хлопотъ Головнинъ получалъ какую-нибудь непріят-

ность лично для себя и клялся всѣми святыми, что не будетъ онъ, если еще свяжется когда-нибудь съ этой невѣрной ордой. Но это было легко только говорить, а проходила какая-нибудь недѣля, и Головнина, какъ пьяницу, опять тянуло въ театръ. Помилуйте—и онъ всѣхъ зналъ, и его всѣ знали, и жилъ онъ однимъ театромъ. Кто же первый прочитаетъ новую пьесу, кто будетъ переписывать роли, кто будетъ помогать режиссеру? Однимъ словомъ, въ театрѣ онъ былъ дома, и всѣ привыкли къ нему, хотя никто не обращалъ вниманія на его безкорыстныя хлопоты.

Вращаясь больше тридцати лѣтъ около театра, Головнинъ жилъ и его горемъ и его радостями. На его глазахъ распались старинныя труппы съ семейнымъ складомъ и замѣнились сезонными; потомъ прошла, какъ тяжелое похмелье, оперетка, разорившая остававшихся старыхъ антрепренеровъ, и наконецъ явились артистическія сосьетэ, конкуренція гастролирующихъ столичныхъ знаменитостей и т. д. Театру вообще приходится очень тяжело, особенно въ провинціи, начиная съ того, что модные авторы пишутъ пьесы не только для ансамбля Императорской сцены, а просто для какого-нибудь одного артиста. Послѣднія пьесы точно всѣ на заказъ для той или другой знаменитости и притомъ съ одной женской ролью, а мужчинамъ-актерамъ остаются однѣ выходныя реплики.

Указанныя выше неурядицы въ театральномъ дѣлѣ породили массу побочнаго зла: прежде главныя силы труппы не получали такихъ бѣшеныхъ гонораровъ, какъ нынѣшнія примадонны, но зато не было и такихъ микроскопическихъ окладовъ, какими задавлена сейчасъ театральная мелюзга. Особенно трудно достается женщинѣ, и пока она молода и красива, ей еще со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность погибнуть нравственно. Прежде этого не было, потому что антрепренеры держали всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Головнину все чаще и чаще приходилось имѣть дѣло со спеціальными несчастіями хористокъ, статистокъ и вообще женской мелочи. Не проходило сезона, чтобы кто-нибудь не сдѣлалъ попытки покончить съ собой тѣмъ или другимъ образомъ,—„некуда итти“, какъ говорила Парасковья Васильевна.

Кое-какъ уговорилъ Головнинъ свою гостью остаться одну въ его квартирѣ и заперъ ее снаружи на ключъ—иначе она не соглашалась. Самъ онъ побрелъ ночевать къ театральному декоратору. Это было уже часовъ въ десять вечера, и Головнинъ съ трудомъ добрался до своей цѣли. Боже, какъ неистово бушевала снѣжная вьюга и какъ холодно всѣмъ тѣмъ, у кого нѣтъ теплыхъ квартиръ, ни дорогихъ шубъ ни дровъ. Онъ теперь еще разъ припомнилъ подбитую вѣтромъ шубейку Парасковьи Васильевны, ея красныя отъ холоду маленькія ручки, испуганное и заплаканное личико,—о, онъ доберется до этихъ подлецовъ!..

Декораторъ обругалъ Головнина полунощникомъ, но не выгналъ. Пусть его ночуетъ, не гнать же живого человѣка на морозъ? Всю ночь провертѣлся старикъ на полу и все думать про свою гостью: опять, поди, убивается сердечная, или, можетъ-быть, спитъ дѣтски-крѣпкимъ сномъ. Только бы утро пришло, а тамъ онъ ужъ знаетъ, что̀ дѣлать. Долго онъ ждалъ этого утра... Но наконецъ мятель утихла, небо сдѣлалось сѣрѣе, и проглянулъ мутный зимній день. Одѣвшись на скорую руку и хлебнувъ гадкаго чая, старикъ побрелъ прямо въ театръ.

— Я имъ покажу, подлецамъ!—ругался онъ вслухъ дорогой, шагая по снѣжнымъ сугробамъ.—Нѣтъ, скажите, гдѣ совѣсть у людей? Два болвана, по десяти вершковъ росту въ каждомъ, и обижаютъ беззащитнаго ребенка... Прежде этого не было. Да, не было...

Въ театрѣ шла утренняя репетиція. Актеры бродили по сценѣ въ шубахъ и калошахъ. Отыскавъ режиссера, Семенъ Ѳедорычъ таинственно отвелъ его въ сторону и сообщилъ все по порядку.

— Охота вамъ такими пустяками безпокоить добрыхъ людей,—ворчалъ режиссеръ. — Мало ли ихъ здѣсь, этихъ дѣвчонокъ... Можетъ-быть она вамъ родственница? Нѣтъ? Извините, мнѣ некогда.

— Да вѣдь она еще совсѣмъ дѣвочка и совсѣмъ беззащитная?..

— Послушайте, вѣдь у насъ не богадѣльня и не монастырь...

Приблизительно то же самое заявилъ и антрепренеръ, хотя и въ болѣе деликатной формѣ.

— Прежде всего, милый мой, каждая порядочная женщина сумѣетъ себя поставить прилично,—резонировалъ онъ, позѣвывая.—Вы слишкомъ сентиментально смотрите на мою роль, какъ представителя товарищества: мое дѣло чисто-коммерческое и только. Я даже хорошенько и не помню этой Парасковьи Васильевны... Виноватъ, можетъ-быть, она ваша родственница? Нѣтъ?.. Я не помню, право, какая она...

— Такая маленькая и худенькая, совсѣмъ еще ребенокъ...

Антрепренеръ пожалъ только плечами и первый протянулъ руку сентиментальному старику: ему было некогда—репетиція прежде всего.

Кочетовъ и Миловзоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пили пиво въ общей мужской уборной, когда вошелъ туда Головнинъ. Когда старикъ увидалъ это благодушіе, у него затряслись губы отъ бѣшенства.

— Это не честно!.. это подло!..—закричалъ онъ, приступая къ нимъ съ кулаками.—Что̀ вы сдѣлали вчера съ несчастной дѣвочкой?.. Я вамъ въ лицо скажу, что вы оба подлецы...

Около нихъ сейчасъ же собралась кучка любопытныхъ, ожидавшихъ финала интересной сцены. Первымъ нашелся Миловзоровъ, — онъ любезно подалъ Головнину стулъ и совершенно спокойно проговорилъ:

— Садитесь, Семенъ Ѳедорычъ... а вотъ и пиво... Позвольте узнать, прежде всего, кто вы такой приходитесь Парасковьѣ Васильевнѣ и что̀ вамъ за дѣло до нея вообще?

Эти слова заставили кого-то хихикнуть въ толпѣ, — симпатіи были на сторонѣ Миловзорова. Кочетовъ только улыбнулся, не желая отвѣчать сумасшедшему старику.

— Что̀ же это такое? — бормоталъ Головнинъ, обращаясь уже къ публикѣ.

Раздавшійся звонокъ режиссера сдѣлалъ уборную пустой, а Головнинъ все стоялъ на своемъ мѣстѣ въ трагической позѣ и только безсильно разводилъ руками.

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ театра и какъ побрелъ машинально домой. Его убивала одна мысль: что̀ онъ скажетъ теперь этой несчастной дѣвочкѣ?... Вѣдь она окончательно погибнетъ, если лишится мѣста въ театрѣ... Это звѣри, а не люди. На мѣсто одной найдется сотня другихъ... Что̀ же дѣлать, и главное, что̀ сказать Парасковьѣ Васильевнѣ?.. Миловзоровъ и Кочетовъ опять сдѣлаютъ ей скандалъ, и ни одна душа не заступится за нее.

— Нѣтъ, нужно же что-нибудь придумать!—говорилъ Головнинъ вслухъ, останавливаясь у своей калитки.—Такъ нельзя.

Результатомъ всѣхъ терзаній и мукъ явилась неожиданная мысль, которая блеснула въ головѣ старика, какъ молнія. Какъ это онъ раньше не догадался... Отлично, впередъ! Онъ дрожащими руками отворилъ дверь и увидѣлъ, что Парасковья Васильевна еще спитъ. „Ахъ, ты, хорошая моя дѣточка...“—

любовно подумалъ онъ, стараясь ступать на цыпочкахъ. Осторожно затопилъ онъ печь, поставилъ самоваръ и долго ждалъ въ кухнѣ, пока дѣвушка проснется.

— Ну, что̀?—спросила она, улыбаясь спросонья.

— Все устроимъ, голубчикъ...—смущенно отвѣтилъ старикъ.—Всѣ подлецы, и вамъ ничего не остается, какъ только выйти замужъ за меня. Я тогда зарѣжу ножомъ всякаго, кто посмѣетъ пальцемъ коснуться... Отцомъ буду... Теперь всѣ говорятъ прямо: а вамъ-то какое дѣло? Да... А тогда...

Это было совершенно неожиданно, но потомъ Парасковья Васильевна вспомнила, что теперь можетъ носить двойную фамилію Марева-Головнина — и согласилась.

Черезъ недѣлю состоялась свадьба. Головнинъ думалъ не о радостяхъ любви, а о томъ, какъ онъ будетъ отцомъ своей жены; это была съ его стороны послѣдняя жертва на алтарь дорогого искусства.

1890.

---

# ОНА ПРИДЕТЪ.

## I.

— Вотъ сидитъ Полтевъ,—равнодушно проговорила Зинаида Петровна, указывая глазами направо.

— Гдѣ? — съ дѣтской торопливостью спросила Ольга Ивановна, точно ужаленная этой фамиліей.— Гдѣ Полтевъ?

— Аллея направо, второй столикъ подъ липами... — еще равнодушнѣе отвѣтила Зинаида Петровна. — Да что̀ ты такъ встрепенулась, Оля? Онъ тебя интересуетъ?

— Нѣтъ, т.-е. да. Всѣ говорятъ о немъ: „Полтевъ, Полтевъ“...

Зинаида Петровна сбоку взглянула на Ольгу Ивановну, сузила подведенные глаза и улыбнулась одними углами губъ. О, какъ отлично она понимала это торопливое любопытство, напомнившее ей то далекое прошлое, когда и она была такой же тоненькой, какъ Ольга Ивановна, такой же неизвѣстной, какъ Ольга Ивановна, и такъ же жаждала увидѣть извѣстнаго уже тогда театральнаго рецензента Полтева, пользовавшагося большой популярностью въ средѣ артистовъ маленькихъ загородныхъ театровъ, благотворительныхъ спектаклей и клубныхъ сценъ.

— Хочешь, я познакомлю тебя съ нимъ? — подчеркивая слова, проговорила Зинаида Петровна.—Онъ не кусается, дурочка...

Ольга Ивановна точно испугалась этого предложенія и даже прижалась ближе къ своей театральной подругѣ. Она такъ ничего и не отвѣтила, а только вся раскраснѣлась.

Въ саду игралъ порядочный военный оркестръ. Электрическіе фонари бросали фантастическое освѣщеніе на переливавшуюся по садовымъ аллеямъ цвѣтную волну публики. Гирлянды изъ горѣвшихъ шкаликовъ, раскрашенныя въ трактирно-русскомъ стилѣ бесѣдки, кіоски и открытая лѣтняя сцена, мачты съ флагами, нѣсколько дрянныхъ статуй въ нишахъ изъ зелени, центральная площадка съ цвѣточной куртиной, въ глубинѣ дрянной лѣтній театръ, грубо размазанный въ томъ же трактирно-русскомъ стилѣ, ярко освѣщенный буфетъ, отдѣльные столики по укромнымъ уголкамъ — однимъ словомъ, лѣтнее загородное гулянье по общему шаблону. Не хуже, не лучше другихъ загородныхъ гуляній и съ тѣмъ же специфическимъ букетомъ ярмарки, средней руки кабака, балагана и сомнительныхъ женщинъ. Ольга Ивановна только еще выступила на театральные подмостки, и ее просто ошеломляла вся эта шаблонная мишура, пестрота и толкотня. Она чувствовала себя въ этой толпѣ такой маленькой-маленькой, такой ничтожной, и сердце охватывало жуткое чувство безпричиннаго молодого страха, какъ у пойманнаго звѣрка.

Зинаида Петровна, напротивъ, была здѣсь своимъ, давно обтерпѣвшимся человѣкомъ: она всѣхъ знала и ее всѣ знали. Швейцаръ у входа раскланивался съ ней на особый манеръ, какъ съ хозяйкой, расторопная прислуга, театральные капельдинеры, продавщицы въ кіоскахъ, акробаты —тоже. Какъ весной открывался садъ, появлялась и Зинаида Петровна; оставляла его послѣдней, какъ корабельная крыса. Какъ всѣ „свои люди", она не была ни хороша ни дурна для этой садовой челяди, а просто Зинаида Петровна, какъ рецензентъ Полтевъ и другіе habitués.

— До репетиціи успѣемъ еще бутылку пива выпить,—говорила Зинаида Петровна, когда они проходили мимо ресторана.

— При публикѣ совѣстно...

— Въ уборную велимъ подать. Да и публика такая, что плевать.

Ольга Ивановна не замѣтила, какъ она подошла къ тому столику, у котораго сидѣлъ Полтевъ, а Зинаида Петровна взяла ее за руку и отрекомендовала на закулисномъ жаргонѣ:

— Садовая штучка Глумова..

— Очень радъ познакомиться... — хриповатымъ баскомъ отвѣтилъ Полтевъ, приподымаясь и бѣглымъ взглядомъ окидывая „садовую штучку". — Очень радъ...

— „У! какой онъ большой..."— подумала Ольга Ивановна подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Полтевъ ѣлъ что-то жирное съ маленькой тарелочки и, прежде чѣмъ подать свою жирную руку дамамъ, по-домашнему вытеръ жирныя губы салфеткой. Лѣтняя сѣрая пара сидѣла на немъ мѣшковато, какъ носятъ дорогіе московскіе бары, и онъ казался въ ней еще массивнѣе. Круглое, заплывшее лицо съ заплывшими глазками неопредѣленнаго цвѣта принадлежало уже къ тому возрасту, когда у мужчины нѣтъ лѣтъ, а офиціальная старость еще не наступала. Онъ крѣпко пожалъ жирной безформенной рукой руку Зинаиды Петровны, придержалъ ее и точно такой же привычный жестъ продѣлалъ и надъ маленькой холодной ручкой Ольги Ивановны.

— Зиночка, вы для меня составляете несчастіе,—улыбаясь и по-барски шепелявя, говорилъ Полтевъ: — мнѣ носъ никуда нельзя высунуть, чтобы не встрѣтить васъ.

— Это вѣрно и наоборотъ, Леонидъ Павловичъ, — подхватила реплику Зинаида Петровна,—съ той разницей, что я о своихъ несчастіяхъ обыкновенно умалчиваю...

— Признакъ сильной натуры и сильнаго несчастія.

Разговоръ продолжался въ этомъ непонятно-шутливомъ тонѣ, такъ что Ольга Ивановна имѣла достаточно времени, чтобы разсмотрѣть Полтева во всѣхъ подробностяхъ. Она понимала, что этотъ разговоръ имѣетъ свой смыслъ между строкъ, понятный только разговаривавшимъ, и поэтому особенно не вслушивалась въ него. Какъ это ни странно, но неожиданнымъ результатомъ этой встрѣча со страшнымъ рецензентомъ для нея было то, что она вдругъ захотѣла ѣсть, ужасно захотѣла, какъ хотятъ только дѣти. У ней сдѣлались даже спазмы въ желудкѣ, и она едва дождалась, когда Зинаида Петровна кончила свою безконечную болтовню.

— Очень радъ... да... — бормоталъ Полтевъ, опять пожимая холодную ручку Ольги Ивановны.—Посмотримъ на васъ, Ольга Ивановна, и оцѣнимъ... вполнѣ безпристрастно оцѣнимъ.

Ольгѣ Ивановнѣ показалось, что при послѣднихъ словахъ между Полтевымъ и Зинаидой Петровной точно что-то пробѣжало, что заставило встрѣ-

титься ихъ глаза и улыбнуться. Это было неуловимо-тонкое ощущеніе, вѣрнѣе—предчувствіе мелькнувшей незримо мысли. Полтевъ точно угадалъ настроеніе дѣвушки и проговорилъ:

— Ольга Ивановна, я смотрю на васъ, какъ на театральную весну...

— А я, въ такомъ случаѣ, что̀ же по-вашему?—вступилась съ непонятнымъ азартомъ Зинаида Петровна.—Театральная зима? Ахъ, вы, грубіянъ...

— Не зима, милая Зиночка, а лѣто, то лѣто, когда созрѣваютъ самые вкусные плоды...

— Нахалъ: плоды поспѣваютъ осенью, слѣдовательно...

— Если вы непремѣнно желаете быть осенью, Зиночка, то я, конечно, не смѣю спорить... Впрочемъ, вѣдь я никогда не спорю, какъ вы знаете...

Этотъ финалъ ужасно разсердилъ Зинаиду Петровну, такъ что у ней на лицѣ выступили даже красныя пятна. Она нѣсколько времени молчала и только смѣшно фукала носомъ, какъ это дѣлаютъ очень старыя кошки. Ольга Ивановна шагала съ ней рядомъ и боялась заговорить первой.

— Подлецъ! — разразилась наконецъ Зинаида Петровна, размахивая зонтикомъ.— Нахалъ... Только ты все равно ничего не поймешь, потому что ты еще совсѣмъ глупая дѣвочка. Это такой... это... однимъ словомъ, мерзавецъ. Мало ли другихъ собакъ рецензентовъ, но тѣхъ можно, по крайней мѣрѣ, купить: на каждаго своя такса есть. А этотъ человѣкъ обезпеченный, плевать ему на деньги, а онъ дѣлаетъ хуже въ тысячу разъ...

— Что̀ же онъ такое дѣлаетъ, Зинаида Петровна?

— Онъ?.. А вотъ что̀... Была у меня одна хорошая знакомая, очень хорошая и такая же молоденькая и глупенькая, какъ вотъ ты сейчасъ. Не обижайся на меня, если выражаюсь слишкомъ откровенно. Хорошо... Пріѣхала она въ Петербургъ съ разными мечтами: святое искусство... трудъ... идеи... ну, однимъ словомъ—весь тотъ репертуаръ молодыхъ глупостей, который мы привозимъ сюда вмѣстѣ съ нашей молодостью. Въ довершеніе несчастія, она была хорошенькая... да. Побилась она тутъ и тамъ, насидѣлась голодомъ и наконецъ добилась своего: вылѣзла на подмостки въ выходной грошовой роли. Хорошо... Первое дѣло, конечно, кусокъ хлѣба, первый кусокъ. И что̀ же? Въ первой же театральной рецензіи ее отмазали... Затѣмъ послѣдовала вторая и третья такого же содержанія. Между тѣмъ другихъ хвалили, хвалили тѣхъ, которыя были хуже ея. И все это была полтевская работа...

— Для чего же онъ это дѣлалъ? Вѣдь это несправедливо?

— Несправедливо? Ха-ха!.. Да развѣ есть справедливость, глупенькая? Ну, побилась и сдѣлала такъ, какъ дѣлали всѣ другія, которыхъ хвалилъ Полтевъ, то-есть отправилась къ нему съ визитомъ.

— Что̀ же тутъ дурного, если она желала объясниться съ нимъ и сказать, что онъ несправедливъ?

Зинаида Петровна громко захохотала и безнадежно махнула на свою слушательницу рукой.

— Что̀ же было потомъ?—тихо спросила Ольга Ивановна.

— Что̀ было потомъ? Ахъ, отстань... Ну, конечно, она стала и талантливая, и красавица, и писаная-немазаная.

## II.

Ольга Ивановна, какъ всѣ знаменитости, начала съ пятаго этажа. Она ютилась гдѣ-то на Гороховой, въ дешевенькихъ меблированныхъ комнатахъ. Питалась она тоже по рецепту будущихъ знаменитостей — въ дешевенькой кухмистерской и то не каждый день. Молодость богата надеждами, а потому

недостатки покрывались радужными мечтами о будущемъ. Нужно же какъ-нибудь жить, съ одной стороны, а съ другой — живутъ же другіе люди. Достаточно сказать одно то, что въ Петербургѣ ежедневно обѣдаетъ восемьсотъ тысячъ, слѣдовательно будетъ день—будетъ и хлѣбъ. Эта молодая философія извѣстна всѣмъ, кто пробивалъ себѣ дорогу собственнымъ лбомъ. Первый заработокъ на частныхъ сценахъ сдѣлалъ Ольгу Ивановну счастливой, хотя онъ выражался въ такихъ микроскопическихъ цифрахъ, о которыхъ изъ приличія обыкновенно умалчиваютъ. Она играла на выходныхъ роляхъ, а разъ случилось сыграть и настоящую роль, когда премьерша была больна. И публика и рецензенты встрѣтили начинающую артистку довольно сочувственно. Заработанныя деньги уходили главнымъ образомъ на костюмы, а затѣмъ наступалъ голодный Великій постъ и такое же лѣто. Устроила Ольгу Ивановну на садовой сценѣ одного изъ загородныхъ гуляній Зинаида Петровна, человѣкъ въ этихъ дѣлахъ опытный. Она вообще приняла участіе въ судьбѣ начинающей безвѣстной артистки.

— Ты всегда меня слушай, Оля,—повторяла Зинаида Петровна тономъ старшей сестры:—если бы я была такая же молоденькая, какъ ты,—такъ что бы я сдѣлала!..

— Что же вы сдѣлали бы, Зинаида Петровна?

— Во-первыхъ, сдѣлала бы то, что не дѣлала бы глупостей... Какіе люди мерзавцы, Оля!.. Ни одному человѣку нельзя вѣрить...

Зинаида Петровна даже вздыхала при воспоминаніи о несовершенствахъ человѣческаго рода. Это былъ спеціально пессимизмъ старившейся женщины, переживавшей свой критическій возрастъ.

Послѣ встрѣчи съ Полтевымъ Ольга Ивановна съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидала его рецензій. Онъ, видимо, отнесся къ ней съ сочувствіемъ, и она не вѣрила въ его рецензентскую жестокость, о которой разсказывала Зинаида Петровна. Но ей пришлось жестоко разочароваться: первая же полтевская рецензія убила ее наповалъ. Ольга Ивановна со слезами на глазахъ ворвалась къ Зинаидѣ Петровнѣ и молча показала роковыя строки.

— Что же я говорила?..—равнодушно замѣтила Зинаида Петровна, пожимая плечами.—Очень просто: онъ начинаетъ травить тебя. Это обыкновенная исторія...

Въ рецензіи, между прочимъ, сама Зинаида Петровна была одобрена и даже очень одобрена, что еще больше возмущало Ольгу Ивановну. Вотъ откуда и равнодушный тонъ, а можетъ-быть, въ душѣ Зинаида Петровна даже подсмѣивается надъ ней. Въ утѣшеніе Зинаида Петровна разсказала еще нѣсколько случаевъ полтевскаго звѣрства „съ одной хорошей знакомой“.

— Что же я теперь буду дѣлать?—шептала Ольга Ивановна, глотая свои дешевыя бабьи слезы.—Онъ меня и во второй разъ обругаетъ, а потомъ глазъ никуда нельзя будетъ показать. Всѣ антрепренеры прочитаютъ эту рецензію, а поправлять репутацію труднѣе, чѣмъ начинать снова. Вѣрно, ужъ я такая несчастная уродилась, что ни въ чемъ нѣтъ удачи.

— Перестань сентиментальничать: твое все впереди. Да и всѣ наши бабьи горести, ежели разобрать, яйца выѣденнаго не стоятъ...

„Хорошо тебѣ, матушка, такъ говорить про другихъ,—со скрытой злостью подумала Ольга Ивановна: — небось, на стѣну лѣзла, когда про самоѣ рецензенты печатали что-нибудь непріятное...“

Когда Ольга Ивановна встрѣтила въ саду Полтева, то хотѣла пройти мимо него незамѣтно и нарочно смотрѣла въ другую сторону, чтобы не раскланиваться. Но онъ самъ первый подошелъ къ ней.

— Мое почтеніе, mademoiselle...—весело проговорилъ Полтевъ своимъ жирнымъ баскомъ, приподнимая шляпу.

Ольга Ивановна поклонилась ему довольно сухо и не знала, куда дѣвать глаза.

О, какъ она ненавидѣла сейчасъ этого откормленнаго и зажирѣвшаго нахала!

— Барышня, вы, кажется, сердитесь на меня?—продолжалъ Полтевъ, стараясь итти съ ней въ шагъ.—Напрасно... Моя обязанность ужъ такая, что приходится иногда говорить непріятныя вещи людямъ, которыхъ всѣхъ меньше всего желаешь обидѣть. Да... У насъ тоже есть совѣсть.

— Совѣсть? у васъ?—переспросила Ольга Ивановна и засмѣялась.

— Ого! Да вы начинаете третировать меня? Это ваше право, какъ мое право говорить только то, что̀ я чувствую и въ чемъ я убѣжденъ.

— Не будемте говорить объ этомъ...—уклончиво замѣтила Ольга Ивановна.—Да и какой интересъ можетъ представлять для убѣжденнаго рецензента какая-нибудь театральная поденка? Сегодня я есть, завтра меня нѣтъ, и міръ не перевернется. Вообще, не интересно.

Полтеву очень понравился этотъ молодой задоръ, и онъ немного прищурился. Въ самомъ дѣлѣ, такая пичуга, а такія ядовитыя слова умѣетъ говорить... И личико у ней такое маленькое, худенькое, и сама она миніатюрная, какъ фарфоровая куколка, и костюмъ сдѣланъ изъ какихъ-то обрѣзковъ, какъ дѣти шьютъ на куколъ,—маленькая шляпа, маленькій зонтикъ, маленькая кофточка. Ольга Ивановна отъ охватившаго ее волненія плохо помнила, что̀ говорила Полтеву, хотя и сознавала, что отвѣчала бойко, и была довольна этой маской своего настроенія. Полтевъ говорилъ что-то объ искусствѣ, объ артистахъ, объ упадкѣ сцены — все это были тѣ шаблонныя, избитыя фразы, какими набиты всѣ театральныя рецензіи. На прощанье онъ пожалъ руку Ольги Ивановны особенно выразительно и точно про себя замѣтилъ:

— У меня есть что-то въ родѣ предчувствія, Ольга Ивановна, что мы съ вами сдѣлаемся друзьями...

— Вы думаете? Едва ли...

— Я вѣрю въ предчувствія.

Слѣдующая рецензія была еще хуже первой, такъ что у Ольги Ивановны даже зарябило въ глазахъ, когда она прочла ее. Что̀ же это такое? Гдѣ же справедливость? Она не была сентиментальной мечтательницей, задававшейся несбыточными фантазіями, жизнь—борьба и т. д., но съ сознательной и упорной несправедливостью ей приходилось встрѣчаться въ первый разъ. Она еще никогда не чувствовала такъ своего одиночества и беззащитности, какъ сейчасъ. Если бы у нея былъ братъ, женихъ, мужъ — о, тогда Полтеву не прошла бы даромъ его травля! Но онъ знаетъ, что она одинока, и будетъ изводить ее по тому же рецепту, какъ „одну хорошую знакомую“ Зинаиды Петровны. Кстати, онъ и въ этой рецензіи опять расхвалилъ эту старую пожарную лошадь... Можетъ-быть, это дѣлается со спеціальной цѣлью еще сильнѣе досадить именно ей, Ольгѣ Ивановнѣ.

Встрѣчаясь въ театрѣ съ Зинаидой Петровной, Ольга Ивановна старалась не замѣчать ея, какъ Полтева. Но старую актрису трудно было провести этой куриной политикой, и она разъ шепнула ей:

— Помните, что̀ я вамъ разсказывала о Полтевѣ...

— Ахъ, оставьте меня! Я не хочу знать о тѣхъ гадостяхъ, которыя продѣлывала ваша хорошая знакомая.

Зинаида Петровна только пожала плечами: она всегда желала добра

вотъ этой самой несчастной, а въ награду получила оскорбленіе. Полтевъ еще деликатничаетъ съ такими вертихвостками и совершенно напрасно деликатничаетъ.

Третья неблагопріятная рецензія уже не произвела на Ольгу Ивановну такого впечатлѣнія, какъ двѣ первыхъ. Она прочитала ее почти равнодушно, потому что впередъ перестрадала ея содержаніе. На нее нашло какое-то апатичное состояніе: не хотѣлось ни о чемъ думать, ничего было не нужно, а пусть все идетъ само собой. Что̀ будетъ — то будетъ. Не она первая, не она послѣдняя.

---

Когда въ Петербургѣ открылся осенній сезонъ, то Ольга Ивановна появилась на одной изъ клубныхъ сценъ. Первая же рецензія Полтева гласила: „На-дняхъ въ первый разъ выступила начинающая артистка О. И. Глумова. Это обѣщающее молодое дарованіе... Конечно, есть кое-какіе недочеты по части техники, но все это зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ избытка молодыхъ силъ, а это такой недостатокъ, который съ годами проходитъ“ и т. д. Когда Зинаида Петровна прочитала эти строки, то позеленѣла отъ злости: Полтевъ добился своего...

1891.

---

# ПО ЖЕЛАНІЮ ПУБЛИКИ...

Очеркъ.

— Это вы, Модестъ Николаичъ?

— Это я, Васса Егоровна...

Она была такъ удивлена, что даже отступила нѣсколько шаговъ, точно предъ ней стояло привидѣніе. Онъ тяжело дышалъ и, чтобы не покачнуться, долженъ былъ опереться рукой о косякъ двери. Въ первую минуту она подумала, что онъ навеселѣ, но, взглянувъ на его покрытое потомъ лицо и лихорадочно горѣвшіе глаза, она устыдилась за собственное подозрѣніе.

— Комната свободна, какъ всегда,—спокойно проговорила она.

Отыскавъ ключъ въ глубокомъ карманѣ, она отворила небольшую захватанную дверь, которая изъ темнаго коридорчика вела въ свѣтлую комнату. Гость пристально оглядѣлъ всю обстановку и молча пожалъ руку Вассы Егоровны,—рука была холодная и потная. „Да онъ, бѣдняжка, совсѣмъ боленъ...“— мелькнуло въ головѣ Вассы Егоровны, пока она растворяла окна и смахивала пыль съ мебели.

— Все-таки странно, — вслухъ думала она, продолжая свою работу. — Вотъ ужъ не ожидала... Да и кто въ такую пору поѣдетъ къ намъ, а до сезона еще далеко.

— У меня есть мысль, Васса Егоровна... да,—весело отвѣтилъ Модестъ Николаевичъ, съ трудомъ втаскивая свой походный чемоданъ.—Вѣрнѣе сказать, цѣлая идея... Вотъ увидите.

Средняго роста, сутулый и обросшій за лѣто щетинистой бородой, Модестъ Николаевичъ производилъ впечатлѣніе человѣка не у дѣлъ, какимъ и былъ въ дѣйствительности. Выразительное лицо съ живыми, темными глазами было когда-то красиво, но сейчасъ поражало свѣжаго человѣка своей болѣзненностью. То же сказывалось и въ костюмѣ: лѣтняя сѣрая пара сидѣла на немъ совсѣмъ не такъ, какъ раньше,—выставлялись лопатки, плечи казались острѣе, а на груди образовались пазухи.

— Вы были больны, Модестъ Николаичъ?

— Да, прихворнулъ-таки, но это пустяки... Остался небольшой кашель на память и общая слабость. Ну, это вздоръ, моя дорогая: главное — нужно было сюда добраться, а это чего-нибудь да стоило... А теперь я спокоенъ, какъ никогда.

— Дай Богъ, дай Богъ...

Женщины не понимаютъ счастія полнаго одиночества, и Васса Егоровна долго мучила своимъ участіемъ нежданнаго гостя, а потомъ уже ушла ставить самоваръ. Наконецъ-то онъ могъ вздохнуть свободно полной грудью, о

чемъ мечталъ цѣлыхъ полгода... Да, онъ на мѣстѣ, у цѣли своихъ желаній, и въ его душѣ поднялось благодарное и хорошее чувство, какое испытываетъ человѣкъ, когда послѣ цѣлаго ряда опасностей, трудовъ и неудачъ взбирается наконецъ на вершину горы. Онъ даже закрылъ глаза отъ удовольствія... Наконецъ-то въ своемъ углу, у себя, дома, а не на улицѣ, какъ бездомная собака. Переведя духъ, Модестъ Николаевичъ подробно осмотрѣлъ комнату, чтобы убѣдиться, не измѣнилось ли здѣсь что-нибудь въ его отсутствіи. Нѣтъ, все на своемъ мѣстѣ: тотъ же диванъ, тотъ же столъ; передъ диваномъ, у стѣны, нѣсколько колченогихъ стульевъ, письменный столъ, за ширмочкой пряталась „полуторная“ желѣзная кровать, у кровати въ ногахъ стоялъ мраморный умывальникъ, въ изголовьѣ ночной столикъ и въ самомъ углу туалетъ. На послѣднемъ осталось все въ томъ же порядкѣ, какъ и въ тотъ роковой день: зеркало задрапировано кружевами, а около него цѣлая батарея изъ разныхъ туалетныхъ принадлежностей и косметикъ—коробка съ пудрой, флаконъ съ духами, баночка съ кольдъ-кремомъ, одеколонъ и т. д. Щетки, гребенки и разныя коробки дополняли картину: коробка для перчатокъ, коробка для шпилекъ, коробка для булавокъ, коробка для лентъ, коробка для разныхъ другихъ мелочей, которымъ трудно придумать даже названіе.

— Все цѣло...—шепталъ онъ, узнавая всѣ эти бездѣлушки.

Изъ-подъ кровати выглядывали маленькія женскія туфли, а на стѣнѣ около умывальника висѣлъ, вытянувшись тощими, мертвыми складками, нарядный утренній капотъ съ кружевными прошивками и массой топорщившихся оборокъ. Модестъ Николаевичъ присѣлъ на кровать и долго смотрѣлъ на этотъ капотъ, уже начавшій желтѣть отъ времени,—въ немъ уже не оставалось той теплоты, которая въ складкахъ матеріи долго сохраняетъ живыя формы. Это была бездушная, мертвая матерія, и только. На ночномъ столикѣ оставалась пустая рамка отъ кабинетнаго портрета — стекло было засижено мухами, металлическій ободокъ потускнѣлъ, а плюшъ самой рамки отъ пыли точно покрылся какой-то ржавчиной. Послѣ долгаго раздумья Модестъ Николаевичъ досталъ изъ бокового кармана большой бумажникъ, вынулъ изъ него фотографическую карточку, тщательно завернутую въ папиросную бумагу, развернулъ ее, долго всматривался въ дорогія черты молодого женскаго лица и быстро его поцѣловалъ. Пока онъ вкладывалъ этотъ портретъ въ рамку, слезы такъ и застилали его глаза, какъ онъ ни старался ихъ подавить.

— Вотъ мы опять пріѣхали *домой*, Нюрочка...—глухо прошепталъ онъ, устанавливая портретъ на ночномъ столикѣ.—Тебѣ необходимо отдохнуть съ дороги, моя крошка... Я вижу, что ты страшно устала, но у меня есть счастливая идея.

Эта сцена съ портретомъ взволновала Модеста Николаевича, и онъ хотѣлъ умыться, чтобы освѣжить голову, но въ умывальникѣ не было воды, и это его огорчило. Какъ онъ просилъ Вассу Егоровну, чтобы все въ его комнатѣ было въ порядкѣ, а тутъ даже воды нѣтъ, а потомъ вездѣ пыль. Онъ тяжело дышалъ, обдумывая тѣ ядовитыя фразы, какими онъ встрѣтитъ теперь Ваксу — такъ звали въ театрѣ Вассу Егоровну. Лучше всего будетъ поблагодарить ее, поцѣловать руку и вообще довести до слезъ.

Когда Васса Егоровна внесла въ комнату кипѣвшій самоваръ, гость неожиданно для самого себя, вмѣсто вертѣвшейся на языкѣ иронической благодарности, проговорилъ спокойнымъ тономъ:

— Анна Васильевна здѣсь, если не ошибаюсь...

Это спокойствіе застало Вассу Егоровну настолько врасплохъ, что она только замычала. Гость засмѣялся и покачалъ головой.

— Я знаю все, и вы напрасно волнуетесь... Анна Васильевна играетъ въ Хмелевскомъ саду, но мнѣ это рѣшительно все равно. Мы разошлись съ ней, какъ порядочные люди, и можемъ встрѣчаться со спокойною совѣстью. Я даже желалъ бы повидаться съ ней...

— Нѣтъ, ужъ это вы напрасно, Чернолѣсовъ, — торопливо заговорила Вакса, точно старалась предупредить какую-нибудь бѣду.—Спокойнѣе и для васъ и для Анны Васильевны...

Онъ что-то хотѣлъ возразить, но сильно закашлялся и, схватившись за грудь, повалился на диванъ.

— Вотъ я вамъ чайку заварю, такъ полегчаетъ, — уговаривала его Вакса, какъ маленькаго.—Съ дороги... отъ пыли кашель усиливается. У меня была тетка чахоточная... т.-е. она не чахоточная, а такъ... бронхитъ... Тоже вотъ былъ одинъ комикъ...

Чернолѣсовъ больше не слушалъ эту болтовню доброй души и лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами. Минутное возбужденіе смѣнилось страшной слабостью и полной апатіей. Когда Вакса поставила передъ нимъ стаканъ чаю и сдѣлала движеніе на выходъ, онъ упавшимъ глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Не уходите... Вѣдь вамъ все равно, а мнѣ сейчасъ тяжело оставаться одному. Что-нибудь разсказывайте мнѣ... вообще говорите...

Въ этой послѣдней фразѣ слышалось что-то такое дѣтски-безпомощное, что у Ваксы защипало въ носу отъ подступавшихъ слезъ, — она только сейчасъ поняла, что Чернолѣсовъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ и бредитъ наяву. У Ваксы билось въ груди доброе сердце, что̀ знали отлично всѣ господа артисты, пріѣзжавшіе въ Луганскъ; эта старая дѣвица высидѣла двадцать лѣтъ въ своей кассирской конуркѣ, какъ крыса, и сохранила неувядавшую доброту.

— Что̀ же вы молчите? — сердился Чернолѣсовъ. — Говорите хоть что-нибудь... Мнѣ все равно... Ахъ, нѣтъ, разскажите про Анну Васильевну, какъ она живетъ... я буду слушать, какъ совершенно посторонній человѣкъ, потому что для меня лично она умерла давно...

Вмѣстѣ съ добротой Вакса получила отъ природы болтливый языкъ, поэтому просить ее въ третій разъ не пришлось. Притомъ, кто же другой, кромѣ нея, могъ лучше знать все, что̀ дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться въ луганскомъ театральномъ мірѣ, особенно его закулисную сторону? Женское любопытство, конечно, главнымъ образомъ сосредоточивалось на интимной жизни и тѣхъ неразрѣшимыхъ семейныхъ комбинаціяхъ, какія создаетъ только бродячая жизнь провинціальныхъ артистовъ. Наконецъ ее подмывало любопытство, какъ отнесется Чернолѣсовъ къ подвигамъ своей „бывшей жены“: вѣдь онъ, бѣдняжка, такъ любилъ ее и даже какъ будто помѣшался на этомъ пунктѣ.

— Собственно и разсказывать нечего,—скромно приступила она, наливая и себѣ чаю.—Достаточно я насмотрѣлась на своихъ театральныхъ, и все то же да потому же...

Выцвѣтшее и обрюзгшее дряблой стародѣвичьей полнотой лицо Ваксы замѣтно оживилось, и даже на немъ появилось что-то въ родѣ румянца. Зиму и лѣто она носила на плечахъ теплую шаль и теперь прятала подъ ней свои длинныя, костлявыя руки, точно хотѣла что̀ удержать въ себѣ. Что̀ ей разсказывать про Анну Васильевну? Во-первыхъ, она, Вакса, ненавидитъ сплетни вообще; во-вторыхъ, про женщину, имѣвшую несчастіе попасть на подмостки, всегда скажутъ что-нибудь лишнее, и наконецъ, въ-третьихъ, Анна Василь-

свна достаточно наказана за свое легкомысліе... Съ антрепренеромъ Гуляевымъ она уже разошлась. Неужели вы этого не знаете? О, давно все кончено, т.-е. по меньшей мѣрѣ съ полгода. Гуляевъ оказался порядочной свиньей, какъ всѣ мужчины,—это мое убѣжденіе, а вы можете имѣть такое же мнѣніе о женщинахъ. Послѣ Гуляева наступилъ небольшой перерывъ, а затѣмъ Анна Васильевна поступила въ артистическое сосьетэ и—можетъ-быть, это ложь—сошлась съ теноромъ Барчъ-Серебровскимъ. И что она нашла въ немъ—это удивительно!.. Женатый человѣкъ, толстый, рябой и притомъ пьетъ запоемъ. Гуляевъ, по крайней мѣрѣ, былъ антрепренеръ, а теноровъ цѣлая тьма. Конечно, публика любитъ Анну Васильевну, и въ ея бенефисъ всегда подносятъ ей цѣнные подарки, но все равно этотъ хламъ уйдетъ въ ссудныя кассы. Анна Васильевна плохо кончитъ, хотя и указываютъ на двухъ покровителей изъ публики. А всему виной проклятая оперетка,—не будь ея, Анна Васильевна, съ ея фигурой и голосомъ, теперь была бы уже первой драматической любовницей.

— Ахъ, театръ совсѣмъ упалъ,—повѣствовала Вакса, качая своей головкой:—я говорю про драму... Во-первыхъ, оперетка развратила публику, а во-вторыхъ, не стало прежнихъ артистовъ, и въ-третьихъ, каждое лѣто наѣзжаютъ изъ столицы эти проклятые гастролеры-знаменитости, которые отбиваютъ послѣдній кусокъ хлѣба у провинціальныхъ актеровъ. Публика не вѣритъ въ своихъ актеровъ и безучастна къ театру, кромѣ оперетки... Да, подавайте неприличное декольте, трико и канканъ, а искусства не нужно.

— А я думаю, что мы сами виноваты во всемъ,—заговорилъ Черноліѣсовъ, дѣлая безпокойное движеніе.—Публика—ребенокъ, ею необходимо руководить, и дѣйствительно великій артистъ тотъ, кто умѣетъ создать свою собственную публику. Пошли какіе-то „рубашечные любовники“, а настоящихъ артистовъ нѣтъ... Помните, какъ публика принимала меня въ „Блуждающихъ огняхъ“, въ „Кинѣ“, наконецъ въ „Гамлетѣ“?..

— Помилуйте, Черноліѣсовъ, какъ же не помнить?! Всѣ ложи заняты, въ партерѣ приставные стулья...

— Да, въ Луганскѣ до 50 тысячъ жителей, и неужели нельзя собрать на спектакль какихъ-нибудь 500 человѣкъ?.. Вздоръ!.. Нужна энергія, нужно просто эту публику взять за рога и заставить ее ходить въ театръ, а оперетка уже набила всѣмъ оскомину. Ея время прошло...

На фонарныхъ столбахъ города Луганска появились пестрыя афиши, извѣщавшія о томъ, что „извѣстный артистъ“ М. Н. Черноліѣсовъ, остановившійся въ городѣ на нѣсколько дней, дастъ „по желанію публики“ нѣсколько драматическихъ спектаклей съ участіемъ гг. любителей. Дальше слѣдовалъ самый репертуаръ: „Блуждающіе огни“, „Кинъ“, „Гамлетъ“.

— Да это сумасшедшій какой-то! — кричалъ въ Хмелевскомъ саду теноръ Барчъ-Серебровскій.—Помилуйте, кто же теперь пойдетъ въ театръ, да еще на драму?.. Каждый предпочтетъ подышать свѣжимъ воздухомъ гдѣ-нибудь въ саду и отдохнуть душой на чемъ-нибудь легонькомъ. Нѣтъ, положительно нужно взбѣситься, чтобы выступить съ такой рекламой...

— Всѣмъ свои домашнія драмы надоѣли, а тутъ еще смотри ихъ на сценѣ,—капризно заявляла лирическое сопрано Черноліѣсова-Черниловская.—У каждаго такихъ драмъ по горло...

— Главное: „по желанію публики“... ха-ха!—заливался веселый теноръ.—Тоже и придумаетъ человѣкъ... Да откуда этотъ сумасшедшій гастролеръ взялся? Позвольте, фамилія, кажется, знакомая... Черноліѣсовъ... гм... да... Извините, Анна Васильевна, это, можетъ-быть, какой-нибудь вашъ родственникъ?

— Нѣтъ, т.-е. почти... однимъ словомъ, мой супругъ.

— Сезонный?

— Нѣтъ, законный...

— Пр'ятное открытіе, чортъ возьми!..

Теноръ опять захохоталъ, а лирическое сопрано болѣзненно съежила свои покатыя плечики, о „скульптурной лѣпкѣ“ которыхъ во вчерашнемъ номерѣ „Луганскихъ Новостей“ была напечатана цѣлая передовая статья. Ей не понравился этотъ смѣхъ: онъ задѣвалъ наболѣвшее мѣсто. Черниловская разсѣянно мѣшала на блюдочкѣ фисташковое мороженое и не замѣчала пристальнаго взгляда своего собесѣдника, который съ особеннымъ вниманіемъ разглядывалъ ея махровую бѣлокурую головку, правильный носъ, опущенныя бархатныя рѣсницы и этотъ свѣжій, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ, ротикъ. Они обѣдали въ Хмелевскомъ саду tête à tête, въ отдѣльномъ павильонѣ, прятавшемся въ тѣнистомъ уголкѣ.

— Вы давно замужемъ?—спросилъ теноръ послѣ длинной паузы.

— Глупый вопросъ!

Теноръ съ видомъ знатока раскурилъ сигару, потянулся, положилъ локти на столъ и уперся глазами на свою даму. Въ полуотворенную дверь такъ и тянуло іюльскимъ зноемъ, ароматомъ левкоевъ и горькимъ запахомъ недалеко стоявшей кухни садоваго ресторана.

— Погрузились въ сладкія воспоминанія, — поддразнивалъ теноръ, пуская длинную синюю струйку дыма.—Нѣтъ, это мнѣ нравится: „по желанію публики“... ха-ха!..

Не получивъ отвѣта, онъ сквозь зубы замурлыкалъ:

Смотрите здѣсь,
Глядите тамъ—
Нравится ли это вамъ...

Раздавшійся звонокъ прервалъ эту тяжелую сцену,—это было приглашеніе на репетицію „Хаджи-Мурата“. Черниловская легкимъ движеніемъ поднялась съ зеленаго садоваго стула и, выпрямившись, вышла изъ бесѣдки. Барчъ-Серебровскій пожалъ жирными плечами, захватилъ оставленную [illegible] стулѣ шелковую лѣтнюю накидку и, раскачиваясь на ходу, побр[illegible] звонокъ. Стройный силуэтъ Черниловской мелкнулъ уже [illegible] аллеи, которая вела къ дощатому вокзалу.

„Всѣ эти бабы на одну колодку,—сердит[illegible] окурокъ сигары своими короткими и толстыми пал[illegible] мужъ... Сейчасъ губу на локоть и... однимъ [illegible] и больше ничего!..“

Въ вокзалѣ было темно, и только сцена, жидко освѣщенная двумя дешевенькими лампочками, выдѣлялась свѣтлымъ пятномъ. Оркестръ замѣнялся роялемъ. Бывшій антрепренеръ, а теперь распорядитель сосьетэ Гуляевъ распекалъ кого-то въ мужской уборной сиплымъ голосомъ. Пахло керосиномъ и чѣмъ-то затхлымъ, чѣмъ пахнетъ въ сараяхъ. Черниловская по лѣсенкѣ поднялась въ свою уборную, сквозившую щелями, какъ транспарантъ, и у самой двери встрѣтилась съ Гуляевымъ, который размахивалъ скомканной афишей. Онъ раскланялся съ ней и коротко спросилъ:

— Читали?..

— Читала...

— Не вредно сказано: „по желанію публики“...

Черниловская едва вскинула на него своими большими сѣрыми глазами

съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ женщины смотрятъ на опостылѣвшаго человѣка, и хлопнула дверью подъ самымъ носомъ Гуляева.

— Ого!..—удивленно процѣдилъ бывшій антрепренеръ.—Намъ не нравится... мы капризничаемъ...

Онъ постучалъ въ дверь, но отвѣта не послѣдовало.

— Анна Васильевна!..

Подошедшій Барчъ-Серебровскій краснорѣчиво повертѣлъ указательнымъ пальцемъ около своего лба, и они подъ ручку отправились на сцену. За кулисами шушукались вертлявыя хористки, — онѣ тоже выпучивали афишу „извѣстнаго артиста“ Чернолѣсова. Второй звонокъ режиссера вызвалъ изъ уборныхъ всѣхъ артистовъ, и репетиція началась. Черниловская вела свою партію разсѣянно и раза два жестоко наврала. Гуляевъ накинулся-было на нее со своимъ обычнымъ нахальствомъ, но она такъ взглянула на него, что онъ проглотилъ какое-то недосказанное ругательство. Вообще онъ не стѣснялся съ актрисами, муштровалъ ихъ, какъ пожарныхъ лошадей. Эта изысканная грубость смѣнялась приторной слащавостью, когда дѣло касалось какой-нибудь изъ сезонныхъ фаворитокъ. Хористки называли его „нашъ papá“.

— Вы сегодня, сударыня, пищите, какъ ободранная кошка, — заявилъ Гуляевъ лирическому сопрано, когда репетиція кончилась.—Хотя вы и жена *извѣстнаго артиста*, но...

— Если ты, грубое животное, позволишь еще одно слово...—задыхаясь, проговорила Черниловская,—я... я...

— Madame, excusez du peu,—бормоталъ Гуляевъ, отступая.—S'il vous plaît, madame, безъ комплиментовъ!

Черниловская находилась въ „моментѣ“, а въ такихъ случаяхъ Гуляевъ оставлялъ женщинъ въ покоѣ и ретировался съ какимъ-то медвѣжьимъ ворчаньемъ. Ему постоянно приходилось имѣть дѣло съ такими женскими „моментами“, потому что рѣдкая изъ его сезонныхъ фаворитокъ не лѣзла на стѣну въ трогательную минуту разлуки.

— Чортъ поѣхалъ на бабѣ верхомъ,—ворчалъ Гуляевъ, оставляя Черниловскую.

Вечеромъ Хмелевскій садъ горѣлъ веселыми огнями, играла военная музыка, и публика пестрой толпой двигалась по главной аллеѣ передъ вокзаломъ. Главной приманкой служила оперетка, свившая себѣ теплое гнѣздышко. Провинціальная публика только-что вошла во вкусъ „настоящихъ“ радостей жизни, оставивъ драму для домашняго обихода. „Хаджи-Муратъ“ въ третій разъ давалъ полный сборъ, а дуэтъ Черниловской и Барчъ-Серебровскаго вызвалъ настоящую бурю. Вызовамъ, аплодисментамъ и вообще знакамъ вниманія восторженной публики не было конца, такъ что весь дощатый вокзалъ ревѣлъ и рычалъ, какъ громадное чудовище. Неистовствовали старички въ первомъ ряду креселъ, поощряли искусство мѣстные луганскіе меценаты, а просто публика топала ногами и вопила благимъ матомъ. Черниловскую вызвали, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать, засыпали цвѣтами и въ заключеніе поднесли золотой браслетъ съ большимъ сапфиромъ. Это развеселило Анну Васильевну, и она, прижимая руки къ груди, такъ мило раскланивалась съ благодарной публикой.

Послѣ спектакля послѣдовалъ въ отдѣльномъ павильонѣ ужинъ en petit comité. Явились тѣ два „покровителя изъ публики“, о которыхъ разсказывала Чернолѣсову словоохотливая Вакса. Одинъ — молодившійся старичокъ изъ мышиныхъ жеребчиковъ, а другой—купеческій саврасъ, мотавшій капи-

талы покойныхъ родителей. Этотъ послѣдній являлся душой общества, хотя и зналъ всего одно слово: „выпьемъ“, или: „ахъ, выпьемъ“ Онъ обыкновенно сидѣлъ молча, уставившись глазами въ Анну Васильевну, хлопалъ рюмку за рюмкой и, точно просыпаясь, повторялъ свое „выпьемъ“. Въ труппѣ саврасъ былъ своимъ человѣкомъ, потому что кормилъ и поилъ всѣхъ. Гуляевъ и Серебровскій ухаживали теперь за Анной Васильевной, какъ ни въ чемъ не бывало. Отъ выпитаго вина у нея сладко кружилась голова и глаза слипались.

— Вы—наша звѣздочка, нашъ кумиръ,—нашептывалъ слащавый старичокъ, старавшійся поймать подъ столомъ руку Анны Васильевны.—Что̀ бы мы стали дѣлать безъ васъ?

— Ахъ, выпьемъ,—разслабленно повторялъ саврасъ, доставая своей ногой ногу лирическаго сопрано.

— Вотъ что̀ называется сліяніемъ искусства и публики, — говорилъ Гуляевъ.—Артисты должны итти рука объ руку съ публикой...

Около павильона бродила цѣлая толпа такихъ же поклонниковъ искусства, ждавшихъ каждый вечеръ появленія Черниловской, чтобы устроить ей овацію. Тутъ были всѣ возрасты, начиная съ убѣленныхъ сѣдиной старцевъ и кончая чуть не младенцами. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, когда появится наконецъ опереточная дива.

— Я спать хочу,—безъ церемоніи объявила Анна Васильевна, раскрывая свои золотые часы.

Барчъ-Серебровскій поднялся съ мѣста, подалъ накидку и сдѣлалъ правую руку кренделемъ. Когда они вышли изъ бесѣдки, публика обступила ихъ, и произошелъ неописуемый гвалтъ. Всѣ кричали, лѣзли къ дивѣ и толкали другъ друга. Сгрудившаяся толпа живымъ комомъ медленно подвигалась къ выходу, вынося своихъ любимцевъ чуть не на рукахъ.

— Благодарю, благодарю,—повторяла Анна Васильевна, ласково кивая на обѣ стороны.

Когда они сѣли въ экипажъ, публика остановила его, выпрягла лошадь и торжественно повезла сама. Кто не могъ пристроиться къ оглоблямъ, бѣжалъ за экипажемъ. Всѣ кричали, толкались, и это вниманіе растрогало Анну Васильевну до слезъ.

— Благодарю, благодарю,—смущенно бормотала она, посылая возд[illegible] поцѣлуи сбѣсившейся толпѣ.

До квартиры Черниловской было недалеко. Она занимала два [illegible] въ гостиницѣ „Якорь“. Процессія съ шумомъ и гвалтомъ двигалась [illegible] улицѣ, въ которой съ незапамятныхъ временъ квартировала Вакса. У нея [illegible] окнѣ свѣтился слабый огонекъ. Чернолѣсовъ тоже не спалъ. Онъ шагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и все кашлялъ. Шумъ, приближавшійся по улицѣ, заставилъ его прислушаться. Онъ даже распахнулъ окно.

— Васса Егоровна, что̀ это такое?—спрашивалъ онъ черезъ стѣну.

— А такъ... Пьяная публика изъ Хмелевскаго сада возвращается. И что̀ это только смотритъ полиція: уснуть не дадутъ.

Когда толпа поровнялась съ квартирой Ваксы, Чернолѣсовъ въ первый разъ разобралъ крики: „Ура, Черниловская! Браво!“. Онъ такъ и остался у окна, точно прикованный. Экипажъ протащили мимо, и всѣ орали. Господи, что̀ это такое? Когда процессія скрылась, онъ все еще оставался въ окнѣ и нѣсколько разъ ощупывалъ свою горѣвшую голову. Нѣтъ, это не сонъ, а дѣйствительность... Какое-то страшное, прожорливое и безсмысленное чудовище проползло мимо него сейчасъ по улицѣ, а она, улыбающаяся и счастливая,

посылала толпѣ свои поцѣлуи. Да, онъ узналъ ее—лѣтняя ночь такъ свѣтла, а она сидѣла въ своемъ экипажѣ выше всѣхъ.

— Будь ты проклята!—крикнулъ Черполѣсовъ, захлопывая окно.—Это хуже, чѣмъ развратъ...

У подъѣзда „Якоря“ послѣдовали новыя оваціи. Чтобы успокоить публику, Черниловская должна была появиться на балконѣ и снова раскланиваться и посылать воздушные поцѣлуи. Въ послѣдній разъ она вышла въ бѣломъ пенюарѣ и, нагнувшись черезъ рѣшетку, проговорила:

— Господа, тысячу разъ благодарю, но я хочу спать...

— Ура, Черниловская! Браво, Черниловская!..

Она чувствовала, что принадлежитъ вотъ именно этой толпѣ, и фамильярность послѣдняго обращенія къ ней никого не шокировала.

То первое смѣшанное чувство сожалѣнія и раскаянія, которое охватило Анну Васильевну, когда въ Хмелевскомъ саду всѣ начали смѣяться надъ затѣей „извѣстнаго артиста“ Черполѣсова, быстро потускнѣло и смѣнилось противоположнымъ настроеніемъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Луганскъ, этотъ Черполѣсовъ? Вѣдь это безуміе выступать въ глухой лѣтній сезонъ съ душетеребительнымъ репертуаромъ, когда всѣ хотятъ отдохнуть и рвутся на свѣжій воздухъ. Путемъ дальнѣйшихъ мозговыхъ выкладокъ Анна Васильевна пришла къ заключенію, ясному, какъ день, именно, что все это дѣлается только для того, чтобы насолить ей, Аннѣ Васильевнѣ... Да, пусть всѣ указываютъ на нее пальцами, пусть потѣшаются въ ея присутствіи надъ его глупой выходкой, какъ Гуляевъ и Серебровскій, а она должна глотать пилюлю за пилюлей. Нечего сказать, веселенькій пейзажикъ, какъ говоритъ Серебровскій. Проѣзжая утромъ на репетицію, Анна Васильевна каждый разъ должна была видѣть эти пестрыя афиши „извѣстнаго артиста“, что̀ ее волновало и бѣсило, точно самыя афиши смотрѣли на нее съ нѣмымъ укоромъ, какъ бѣльма.

Опереточные артисты смолкали, когда Анна Васильевна проходила мимо—очевидно, они жалѣли ее и, щадя ея самолюбіе, хохотали надъ Черполѣсовымъ гдѣ-нибудь за угломъ. Однажды она слышала, какъ въ мужской уборной Гуляевъ говорилъ своимъ хриплымъ и жирнымъ голосомъ:

— Вѣдь онъ насъ зарѣжетъ, этотъ „извѣстный артистъ“!.. Помилуйте, вся публика бросится къ нему, какъ на пожаръ... Да, конкуренть серьезный!..

Отвѣтомъ былъ взрывъ дружнаго хохота, и Анна Васильевна чувствовала, какъ вся кровь бросилась ей въ голову. О, она теперь возненавидѣла этого сумасшедшаго, который донималъ ее своими глупостями.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда она не играла, на нее напало особенно тяжелое и злое настроеніе. „Покровители изъ публики“, конечно, были около нея и ходили по пятамъ, какъ тѣни, что̀ ее злило еще больше. Серебровскій пѣлъ, и ей предстояло цѣлый вечеръ провести въ саду, чтобы вернуться въ номера „по-семейному“ вмѣстѣ.

— Богиня сегодня не въ своей тарелкѣ...—льстиво говорилъ ухаживавшій за нею старецъ.—Богиня задумчива...

Саврасъ упорно смотрѣлъ на Анну Васильевну своими глупыми глазами, точно хотѣлъ ее съѣсть. У нея мелькнула счастливая мысль. Обратившись къ саврасу, она проговорила:

— Ахъ, выпьемъ...

Это такъ озадачило молодого человѣка, что онъ совсѣмъ ошалѣлъ и не могъ ничего отвѣтить.

— Что̀ же вы молчите: кажется, вамъ русскимъ языкомъ сказано? Я хочу сегодня веселиться... мнѣ скучно...

— Выпьемъ!..—проговорилъ наконецъ саврасъ и полетѣлъ съ приказаніями въ буфетъ. Никогда Анна Васильевна не напрашивалась на его угощеніе, а теперь сама предложила.

— Въ отдѣльномъ кабинетѣ,—объясняла Анна Васильевна.—Я хочу быть веселой...

— О, богиня!—шепталъ ласковый старецъ.

— Выпьемъ...—повторялъ саврасъ, оживленный предстоявшимъ удовольствіемъ.

Въ обществѣ своихъ двухъ кавалеровъ Анна Васильевна дѣйствительно развеселилась,—ее охватило какое-то лихорадочное веселье. Она пила какія-то дорогія сладкія вина и съ горячимъ румянцемъ повторяла:

— Выпьемъ!..

Это выходило такъ смѣшно... Пальцы Анны Васильевны, выпачканные въ винѣ, прилипали къ рюмкѣ, но она ничего не чувствовала, а продолжала дурачиться, какъ сумасшедшая. За этимъ припадкомъ веселья на нее вдругъ напало раздумье, а затѣмъ что-то въ родѣ истерики,—она и хохотала и плакала.

— Вы видите, какъ мнѣ весело!..—повторяла она, вытирая платкомъ слезы.—Кстати, веселиться такъ веселиться: ѣдемъ въ театръ...

— Какъ въ театръ? Позвольте...

— Если вы не поѣдете со мной, я поѣду одна...

Конечно, кавалеры согласились. Анна Васильевна поправила спутавшіеся на лбу волосы, надѣла накидку и пошла изъ вокзала. Ласковый старичокъ примостился съ ней на одного извозчика, а саврасъ ѣхалъ за ними на другомъ. Театръ былъ освѣщенъ, но не видно было публики, которая во время представленія толчется на подъѣздѣ, ни своихъ экипажей настоящей публики. Анна Васильевна прошла прямо въ кассу и заявила:

— Три ложи, бель-этажъ...

— Анна Васильевна, голубушка!—взмолилась Вакса, всплеснувъ руками.

— Ахъ, здравствуйте, Васса Егоровна... Развѣ нѣтъ свободныхъ ложъ?

— Помилуйте, любую да лучшую выбирайте...

— А что̀ сегодня идетъ у васъ?..

— Сегодня „Кинъ“... Вчера шли „Блуждающіе огни“, то-есть не вчера, а на той недѣлѣ. На первый спектакль поставленъ былъ „Гамлетъ“.

— А какъ сборъ?

Вакса только махнула рукой и сдѣлала такое слезливое лицо, что объясненій не требовалось. Когда Черниловская пошла отъ кассы, она ее остановила и, оглядѣвшись, предупредила шопотомъ:

— Напрасно вы это, Анна Васильевна...

— Что̀ напрасно?

— А въ театръ пріѣхали... Боленъ *онъ* и послѣ каждаго спектакля едва отдышится. Расходовъ не окупаемъ, а спектакль за спектаклемъ идетъ... Я такъ полагаю, что у него въ головѣ неладно. Если онъ увидитъ васъ, душечка... Знаете, разные мужчины бываютъ!

Но Анна Васильевна уже не слушала ея, а торопливо поднималась по лѣстницѣ въ фойе бель-этажа.

— Вы займете вотъ эту ложу, а вы слѣдующую...—командовала она, раздавая билеты своимъ кавалерамъ.

— А вы? Богиня, это невозможно...

— Пожалуйста, не бунтовать...

Кавалеры пожали плечами и покорно разошлись по своимъ ложамъ, а Анна Васильевна заняла третью. Театръ былъ почти пустъ,—въ бенуарѣ заняты двѣ ложи да въ партерѣ мѣстъ двадцать. Даже раекъ пустовалъ. Анна Васильевна смѣло заняла мѣсто у барьера. Первое дѣйствіе приходило къ концу. Чѣмъ-то такимъ знакомымъ и далекимъ пахнуло на нее съ этой небольшой, ярко освѣщенной сцены, на которой она знала каждую щель, каждую дыру, какъ настоящая театральная крыса. Въ первый моментъ она даже не узнала мужа, который такъ измѣнился; главное—не узнала его голоса. Онъ, видимо, дѣлалъ страшныя усилія, чтобы говорить полнымъ голосомъ. Этого она не ожидала, и недавнее возбужденіе смѣнилось новымъ чувствомъ: она шевелила губами, точно хотѣла помочь ему, Кину, и даже повторяла его движенія. Другихъ никого она не замѣчала, да и пьесу ей самой приходилось играть больше десяти разъ, такъ что въ памяти врѣзалась каждая реплика, каждый выходъ. Они *вмѣстѣ* играли ее, и Чернолѣсовъ особенно любилъ фразу Кина о томъ, какъ онъ будетъ „пахать моего Шекспира". Онъ ее училъ, объяснялъ, какъ это было давно, такъ давно!.. Ей казалось, что она опять играетъ сама; да, это она приходитъ къ Кину, закрытая вуалемъ, чтобы выслушать его горячій монологъ о скользкомъ и страшномъ пути, который называется сценой. Кинъ говоритъ съ ней, какъ съ сестрой,—убѣдительно, просто, ласково, горько... А вотъ и четвертое дѣйствіе, когда Кинъ въ своей уборной, а потомъ монологъ Гамлета и собственное безуміе. Ей казалось, что онъ теперь обличаетъ ее, и его слова жгли ее огнемъ. Да, онъ смотрѣлъ на нее, указывалъ на нее рукой и такъ дико хохоталъ... Но вѣдь въ этомъ взрывѣ негодованія, въ этомъ презрѣніи и ненависти билась его любовь, его погибшее чувство. Пусть онъ бросаетъ грязь прямо въ лицо,—она на виду у всѣхъ, она именно желаетъ этого. Пусть казнитъ, пусть ненавидитъ. Господи, какъ это хорошо, страшно хорошо... Чернолѣсовъ провелъ, какъ всегда, прекрасно всю роль до конца, особенно сцену безумія. У Анны Васильевны катились по лицу слезы, и она не замѣчала ихъ. Когда суфлеръ Кина вышелъ къ рампѣ и сказалъ: „Солнце Англіи закатилось, великій артистъ Кинъ сошелъ съ ума", ей сдѣлалось почти дурно. Она очнулась отъ прикосновенія костлявой руки Ваксы, которая знаками вызывала ее въ коридоръ.

— Что̀ такое случилось? Вѣдь еще должно быть пятое дѣйствіе...

— Съ нимъ нехорошо... кровь горломъ...—шептала Вакса.—Онъ увидѣлъ васъ и...

Анна Васильевна уже не слушала ея и летѣла въ нижній этажъ. Она плохо помнила, какъ попала въ кассирскую, а отсюда темнымъ и узкимъ коридоромъ прошла за кулисы. На сценѣ происходилъ страшный безпорядокъ, и никто не обратилъ вниманія на Анну Васильевну, какъ она пробралась въ уборную Чернолѣсова. Онъ сидѣлъ въ старомъ клеенчатомъ креслѣ и, схватившись рукой за грудь, тяжело дышалъ. Мертвенно-блѣдное лицо рѣзко выдѣлялось на широкой спинкѣ стариннаго кресла, точно оно было высѣчено изъ мрамора. Въ дверяхъ Анна Васильевна встрѣтилась съ капельдинеромъ, который выносилъ тазъ изъ-подъ умывальника, прикрывая его запачканнымъ въ крови грязнымъ полотенцемъ. Чернолѣсовъ какъ будто даже и не удивился, когда Анна Васильевна подошла къ нему совсѣмъ близко, и только движеніемъ глазъ указалъ на отворенную дверь уборной. Она поняла его и заперла дверь на крючокъ.

— Я зналъ... то-есть я чувствовалъ, что ты придешь... да...—шепталъ онъ, закрывая глаза отъ охватившей его слабости.—Видишь: finita la comedia... Но я умираю на своемъ посту, какъ солдатъ... Да, я зналъ, что ты придешь сюда... я ждалъ этого...

Анна Васильевна ничего не говорила, а стояла у стола, закрывъ лицо руками. О, какъ ей сдѣлалось жаль его, и какъ она ненавидѣла себя!.. Если бы она не боялась мелодрамы, то опустилась бы предъ нимъ на колѣни. Но развѣ для нея есть слово прощенія, да и вообще какое-нибудь слово?..

— Садитесь...—предлагалъ онъ послѣ долгой паузы.

Она повиновалась, не отдавая себѣ отчета. Боже мой, какъ ему трудно дышать, и она слышала, нѣтъ, чувствовала, какъ онъ задыхается и какъ холодный потъ покрываетъ это благородное, честное лицо... Ей хотѣлось дохнуть за него своей грудью, а въ головѣ проносилась картина далекаго счастія, когда они шли рука объ руку, полные силъ, надеждъ и хорошаго, молодого чувства... Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея великую артистку, влить въ нее свою душу. Но ее увлекла безумная волна успѣха, общаго поклоненія, женскаго тщеславія и легкихъ побѣдъ.

— Поддержи мнѣ голову... мнѣ будетъ легче...—шепталъ Черполѣсовъ, чувствуя, какъ все у него кружится предъ глазами.

Она наклонилась къ нему, такая цвѣтущая, молодая, полная силы и чисто-женской нѣжности. Маленькая рука поправила спустившіеся и прильнувшіе къ бѣлому лбу волосы.

— Прости меня...—шептала Анна Васильевна, начиная задыхаться отъ душившихъ ее слезъ.—Прости, если можешь, хотя я этого и не заслуживаю... Это нужно для тебя, чтобы примириться съ собственной совѣстью... я слишкомъ низко упала, а такихъ женщинъ не спасетъ никакое прощенье...

— Нѣтъ, не говори!..—съ неожиданной энергіей отвѣтилъ онъ и даже хотѣлъ встать со своего кресла.—Не говори... Я не обвиняю тебя, какъ жертву того ненасытнаго звѣря, которому одинаково служимъ мы всѣ и который называется „публика“. Я тоже умираю „по желанію публики“... Нѣтъ больше высокаго искусства, а нужно какую-нибудь пошлость, гадость... актеровъ замѣнятъ скоро обезьянами, которыя на глазахъ у этой публики будутъ продѣлывать все, что̀ можетъ придумать животное...

Анна Васильевна при помощи Ваксы перевезла Черполѣсова на его квартиру и тамъ просидѣла у его постели всю ночь. Она ухаживала за нимъ, какъ мать, и не имѣла силъ даже плакать, потому что, какъ только закроются эти честные глаза и перестанетъ биться полное любви сердце, она опять уйдетъ къ своему звѣрю публикѣ... Да, она не обманывала себя, и эта мысль давила ея молодую грудь, какъ могильная плита.

Черезъ двѣ недѣли Черполѣсова не стало, а Черниловская опять выступила на подмосткахъ Хмелевскаго сада.

1889.

---

# БУЯНКА.

## Повѣсть.

### I.

Жаркій лѣтній полдень. Солнце печетъ такъ, что всякая живая тварь попряталась по разнымъ тѣнистымъ уголкамъ. Одинъ Иванъ Петровичъ оставался на террасѣ своей дачи и продолжалъ лежать въ креслѣ-качалкѣ на самомъ пеклѣ.

— Дядя, съ тобой сдѣлается солнечный ударъ,—предупреждалъ время отъ времени свѣжій женскій голосъ откуда-то изъ-за спущенной занавѣски.

— Пусть...—хрипло отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, продолжая лежать на солнцѣ.

— Наконецъ ты просто изжаришься въ собственномъ соку, какъ хорошій бифштексъ!

— Бифштексъ вещь недурная...

— Дядюшка, миленькій, нехорошо упрямиться!..

— Отстань!..

Пауза. Гдѣ-то сонно жужжитъ одурѣвшая отъ жара муха. Иванъ Петровичъ жмурится и закрываетъ глаза, но благодѣтельный сонъ не хочетъ осѣнить его своимъ темнымъ крыломъ. Въ сущности говоря, Иванъ Петровичъ невозможный человѣкъ, что̀ онъ и самъ сознаётъ, какъ отлично сознаётъ и то, что онъ не можетъ быть не Иваномъ Петровичемъ. Такъ ужъ жизнь сложилась... Единственное достоинство, которое онъ приписываетъ себѣ—это то, что онъ остался старымъ холостякомъ... Теперь онъ живетъ на дачѣ со своей племянницей Еленой Васильевной, которая случайно заѣхала навѣстить его да какъ-то такъ и осталась у него. Присутствіе молоденькой дѣвушки много скрасило холостое одиночество Ивана Петровича, но онъ изъ упрямства не хочетъ сознаться въ этомъ и постоянно ссорится съ гостьей изъ-за всякихъ пустяковъ, а больше всего изъ-за кушаній. Почему, напримѣръ, сегодня проклятыя зеленыя щи, а не ботвинья? Онъ терпѣть не можетъ вотъ именно этихъ зеленыхъ щей и долженъ ихъ ѣсть, потому что такъ хочетъ Елена Васильевна. А если онъ, Иванъ Петровичъ, хочетъ батвиньи? Вообще глупо и еще разъ глупо... Зачѣмъ, напримѣръ, исчезъ его халатъ? Елена Васильевна не выноситъ халатовъ и потихоньку стащила у него любимую вещь. Что̀ она такое ему: мать, жена?.. Вотъ теперь съ утра и залѣзай въ костюмъ изъ китайскаго шелка и цѣлый день ходи, какъ связанный. Иванъ Петровичъ былъ недоволенъ и собственнымъ подчиненіемъ и капризничалъ, какъ слабонервная женщина, что̀, повидимому, доставляло Еленѣ Васильевнѣ удовольствіе. Да, онъ часто капризничалъ, потому что было на комъ сорвать расходившееся сердце,

а Елена Васильевна умѣла такъ хорошо уговаривать. Въ азартѣ Иванъ Петровичъ начиналъ кричать тонкимъ голосомъ, закатывалъ глаза и отчаянно жестикулировалъ, что̀ выходило со стороны очень смѣшно. Кипятился онъ изъ-за всякихъ пустяковъ, придирался то къ кучеру Андрею, то къ горничной Дуняшѣ, то къ кухаркѣ Матренѣ.

— Дядя, печенка у васъ испортится...—хладнокровно замѣчала Елена Васильевна, когда они были одни.

— Вы меня хотите уморить! — стопалъ Иванъ Петровичъ.—Это какой-то заговоръ...

— А вы до сихъ поръ еще не догадались, что окружены предателями и злодѣями?

Когда Иванъ Петровичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ ласково смотрѣлъ на племянницу и говорилъ:

— Ну, иди, Буянка, я тебя поцѣлую.

Но „Буянка“, въ свою очередь, не выносила нѣжностей вообще и уклонялась отъ родственныхъ поцѣлуевъ, а Иванъ Петровичъ только вздыхалъ и погружался въ мрачное раздумье. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ выглядѣлъ совсѣмъ старикомъ,—толстый, обрюзгшій, сѣдой, съ желтымъ лицомъ и мутными глазами. Когда-то онъ былъ молодцомъ, но безсонныя ночи, красное вино и безпорядочная жизнь превратили его въ развалину. „Неужели жизнь прошла, — часто думалъ онъ въ ужасѣ, чувствуя, какъ холодѣетъ отъ одной мысли о старости, — и впереди ничего, ничего, ничего?“... А Елена Васильевна еще смѣется надъ его капризами и вообще дурнымъ расположеніемъ духа. Посадить бы ее въ его кожу, тогда... э, да что̀ тутъ толковать: каждый дуракъ по-своему съ ума сходитъ. Развѣ Иванъ Петровичъ когда-нибудь жилъ? Это была фикція, миражъ, самообманъ, а не жизнь. Да и всѣ другіе тоже... Прожить цѣлую жизнь въ губернскомъ городѣ Чащиловѣ и умереть въ немъ—развѣ это не трагедія? А между тѣмъ существуетъ голубое южное небо, чудеса цивилизаціи, тѣ завѣтные уголки, гдѣ жизнь кипитъ ключомъ. Всего одинъ разъ попалъ Иванъ Петровичъ въ провинцію да такъ и похоронилъ себя въ ней, точно застрялъ въ болотѣ. Вѣдь это наконецъ обидно тѣмъ болѣе, что онъ никогда не думалъ именно такъ пройти свой жизненный путь. Единственнымъ утѣшеніемъ оставалась газета, служившая отдаленнымъ эхомъ творившейся гдѣ-то жизни. Да, гдѣ-то люди живутъ, волнуются, работаютъ, добиваются успѣха и находятъ свое удовлетвореніе. Эхъ, да что̀ тутъ говорить, когда процессъ жизни сводится на халатъ и ботвинью, какъ въ данномъ случаѣ, когда Иванъ Петровичъ сердился на свою „Буянку“ и хотѣлъ досадить ей хоть тѣмъ, что жарился на солнцѣ: пусть чувствуетъ. Буянка и чувствовала, но тоже выдерживала характеръ. Иванъ Петровичъ слышалъ ея осторожные шаги и сдержанный смѣхъ, и его разбирала злоба. А ей смѣшно, ей это нравится, такъ онъ на зло ей заживо изжаритъ самого себя на солнцѣ.

— Да-съ, и буду жариться на солнцѣ,—упрямо повторялъ уже про себя Иванъ Петровичъ, споря съ невидимымъ противникомъ.

Въ залѣ послышалось глухое бормотанье, щелканье и свистъ, а потомъ неистовый крикъ: „Что̀? какъ? почему?...“. Это Буянка травила стараго попугая Карла Иваныча старой собачонкой Колдунчикомъ, которая сначала взвизгивала, а потомъ залилась азартнымъ лаемъ, захлебываясь старческой собачьей хрипотой. Но и этого было мало: къ Карлу Иванычу и Колдунчику присоединилась обезьяна Форсунка, которая ворчала и дико вскрикивала. Этотъ концертъ покрывался заразительнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и аплодисментами

— Браво, Карлъ Иванычъ!.. Колдунчикъ, пиль... Ха-ха-ха!..

Взбѣшенный этой травлей, Иванъ Петровичъ вскочилъ со своей качалки, скомкалъ газету и ринулся въ залу, какъ разъяренный кабанъ. Остановившись въ дверяхъ, онъ могъ убѣдиться собственными глазами въ произведенномъ Буянкой скандалѣ: въ углу, въ клѣткѣ, неистово оралъ Карлъ Иванычъ, поднимая вылинявшія перья, а на него наступали Колдунчикъ и Форсунка. Сама Буянка въ качествѣ публики громко аплодировала.

— Это... это... — заоралъ Иванъ Петровичъ, принимая угрожающую позу.—Это свинство, чортъ меня возьми!..

— Что̀? какъ? почему?..—оралъ Карлъ Иванычъ.—Карраулъ!..

— Какъ вы сказали, милый дядюшка?— спокойно спросила Буянка. — Свинство? Къ чему такая откровенность... Колдунчикъ, пиль!..

— Послушайте, Елена Васильевна, всему есть извѣстныя границы!.. Да-съ! Вы изъ моей квартиры дѣлаете какой-то разбойничій вертепъ...

— Совершенно неумѣстное выраженіе, то-есть неподходящее къ данному случаю. Вы могли сказать, что я устроила вамъ кошачій концертъ, а то: вертепъ. Что̀ такое вертепъ?

Молодое лицо Буянки оставалось серьезнымъ въ разгаръ всевозможныхъ дурачествъ, какъ было и сейчасъ. Она строго и спокойно смотрѣла на дядю своими темно-сѣрыми глазами, и только въ углахъ серьезно сложенныхъ губъ спряталась неуловимая улыбка. Свѣтло-русые, слегка вившіеся волосы находились въ большомъ безпорядкѣ, придавая обладательницѣ этой головки видъ маленькой колдуньи. Простенькая ситцевая кофточка, широкій кожаный поясъ и темная юбка составляли обычный домашній костюмъ Буянки. Контрастомъ являлись только настоящіе парижскіе ботинки съ узкимъ носкомъ и низкимъ каблукомъ: шикарная обувь была слабостью Буянки. Первое впечатлѣніе, которое производила дѣвушка, скорѣе было не въ ея пользу,—есть такія лица, въ которыя нужно вглядѣться, чтобы понять ихъ скрытую внутреннюю красоту. Именно такое лицо было у Буянки: неправильное, съ мягкимъ носомъ, съ размякшимъ оваломъ нижней части, съ подвижными тонкими бровями. Что̀ было у ней безусловно хорошо, такъ это голосъ — чарующій, ласковый, съ полными бархатными нотами и такими милыми переходами изъ одного тона въ другой.

— Если я нелитературно выражаюсь, то ты еще болѣе нелитературно себя держишь,—ворчалъ Иванъ Петровичъ.— Скажи, пожалуйста, на что это походитъ? Колдунчикъ, тубо!.. Карлъ Иванычъ... Форсунка, мерзавка!..

Вмѣсто отвѣта Буянка подхватила его подъ руку и подвела къ зеркалу.

— А это на что походитъ?—спрашивала она, указывая на глядѣвшую изъ зеркала физіономію.— У, какая бука... Миленькій дядюшка, не хорошо сердиться!.. Посмотри, какія морщины на лбу и около глазъ, а нижняя губа надулась. Не одобряю... Не хорошо дѣлать сердитое лицо! Ну, будетъ дуться... Миленькій, хорошій, улыбнитесь!.. Еще немножко...

— Отстань!..—сердито отмахивался Иванъ Петровичъ, стараясь отвернуться отъ зеркала.

— Когда сердятся, то кажутся еще старѣе, дядюшка, а тебѣ, навѣрно, хочется быть молодымъ... да?..

— Кажется, я еще не настолько... гм... вообще...

— Ага, я попала, кажется, въ слабое мѣсто?..

Буянка только хотѣла расхохотаться, какъ вдругъ остановилась и проговорила совершенно серьезно:

— Послушай, дядя, я часто смотрю на тебя и все хочу спросить...

— Вѣроятно, какую-нибудь глупость?

— Нѣтъ, говорю совершенно серьезно... Я часто смотрю на тебя и думаю: вѣдь женщины любили вотъ это лицо, эти глаза, волосы?

— Сдѣлаемъ такое предположеніе... но что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

— Ахъ, меня это ужасно мучитъ... Да, мучитъ. Мнѣ кажется иногда, что какія-то тѣни проходятъ по нашимъ комнатамъ, такія грустныя женскія тѣни, съ опущенными глазами и недосказанными словами на губахъ. Вѣдь ты, милый дядюшка, самый скверный эгоистъ, а гдѣ же онѣ, которымъ ты клялся въ вѣчной любви, которыхъ ты ждалъ съ замирающимъ сердцемъ, для которыхъ выучивалъ нѣжные стишки и которыхъ наконецъ обманывалъ болѣе или менѣе успѣшно?.. Помнишь ту фотографію, которая виситъ въ кабинетѣ, тамъ ты такой красивый, въ глазахъ увѣренность, въ складѣ рта довольство. Такого мужчину, право, можно полюбить, и я понимаю тѣхъ женщинъ, которыя дѣлали тебѣ глазки, вызывающе смѣялись и шептали тебѣ разныя глупости. Бѣдныя, онѣ сейчасъ уже въ такомъ возрастѣ, когда серьезно раскаиваются въ своихъ собственныхъ грѣхахъ и поэтому, вѣроятно, такъ охотно обвиняютъ въ маленькихъ слабостяхъ всѣхъ остальныхъ смертныхъ.

— Елена Васильевна, скажу вамъ то, съ чего началъ: вы говорите глупости...

— А если мнѣ хочется знать? Мнѣ мало одной моей жизни, и я хочу знать, какъ жили другіе... Я хочу жить десятью жизнями. Наконецъ, что̀ такое женщина: воплощеніе слабости. Развѣ мы узна̀емъ когда-нибудь жизнь? Намъ все запрещено, все неприлично, все запечатано семью печатями, кромѣ кухни, дѣтской и модныхъ магазиновъ.

— И хорошо сдѣлано, а иначе... ну, да объ этомъ не сто̀итъ и говорить. Каждый человѣкъ сумѣетъ надѣлать достаточно глупостей, будь онъ мужчиной или женщиной...

— Это не отвѣтъ...

— Послушай, вѣдь это мальчишество! Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, разсказывать такія вещи... Гм... Однимъ словомъ, ты забываешь, что ты, прежде всего, женщина, а въ частности дѣвушка.

— Я отлично знаю это слово, которое отгораживаетъ все, какъ монастырская стѣна.

— И къ лучшему: не всякое знаніе хорошо. Дѣвичья скромность въ тысячу разъ лучше нашей мужской опытности...

— Договаривайте: женственность, невинность — словомъ, цѣлый арсеналъ жалкихъ словъ!.. Вѣдь узна̀етъ же ваша женственная и невинная голубица когда-нибудь все и узна̀етъ всегда слишкомъ поздно... Тебѣ, дядя, просто стыдно, и ты прячешься вотъ за эти жалкія слова.

— Развѣ съ тобой можно разговаривать? Однимъ словомъ, сорванецъ...

— А вы мнѣ отравляете жизнь!.. Колдунчикъ, пиль!.. Форсунка, Карлъ Иванычъ!..

Притихнувшія животныя только ждали этого сигнала и подняли снова ужасный гвалтъ. Карлъ Иванычъ смѣшно топо̀щился на своей жердочкѣ и отчаянно вскрикивалъ: „Что̀? какъ? почему?“. Форсунка ворчала, оскаливъ зубы, а Колдунчикъ лаялъ съ приступомъ, выкативъ глаза.

— Что̀ же это такое?— взмолился Иванъ Петровичъ, затыкая уши. — Елена Васильевна...

Поднятый гвалтъ опять покрывался дрожью молодого смѣха, — Буянка хохотала заразительно, какъ русалка. Иванъ Петровичъ пробѣжалъ нѣсколько

разъ по комнатѣ и, быстро повернувшись на каблукахъ, остановился, протянулъ впередъ правую руку и трагически произнесъ:

— Вонъ! Сейчасъ же вонъ изъ моего дома, сударыня!..

— Дядя, ты теперь ужасно походишь на памятникъ Барклая-де-Толли! Еще немного отставь лѣвую ногу... ха-ха!..

— Вонъ!..

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ гостиной показался молодой человѣкъ въ пестрой лѣтней парѣ и нерѣшительно остановился. Бритое актерское лицо посмотрѣло на происходившую сцену весело улыбавшимися глазами. Буянка первая замѣтила гостя, а Колдунчикъ съ визгомъ полетѣлъ къ нему въ ноги, точно запущенный кубарь.

— Извините, что я вошелъ безъ доклада... — оправдывался гость, отбиваясь ногой отъ собаки.—Двери отворены...

— Что? какъ? почему?—заоралъ неистово Карлъ Иванычъ...

## II.

— Я, собственно, къ вамъ по порученію Савелія Ѳедоровича Добрецова...—продолжалъ молодой человѣкъ, перебирая въ рукахъ мягкую лѣтнюю шляпу.

Иванъ Петровичъ тяжело дышалъ. Онъ какъ-то кисло взглянулъ на непрошеннаго гостя и хрипло проговорилъ:

— Очень радъ... прошу...

— Садитесь, — ласково пригласила Буянка, точно желая поправить грубый тонъ дяди.

— Позвольте отрекомендоваться: Платонъ Егорычъ Чайкинъ, комикъ.

— Очень пріятно, — уже совсѣмъ весело отвѣтила Буянка, протягивая руку и по-мужски крѣпко здороваясь съ гостемъ. — Садитесь же!.. А гдѣ Савелій Ѳедорычъ?

— Сейчасъ онъ на ярмаркѣ въ Солонцахъ, а оттуда проѣдетъ въ Загорскъ. Осенью будетъ здѣсь...

— Съ труппой?

— Да... Труппа въ полномъ составѣ. Я у него буду служить сезонъ, а пока хочу отдохнуть... Чащиловъ мнѣ нравится.

— Вы наймите избушку въ Лохманкѣ, — совѣтовала Буянка съ участіемъ къ положенію бродячаго комика. — Это всего въ трехъ верстахъ отъ города, отсюда это рукой подать... Можно устроиться очень дешево и почти удобно.

— Это въ которую же сторону, если итти отъ вашей дачи?

— Изъ воротъ налѣво поведетъ дорожка въ гору, а подъ горой и Лохманка... Я даже могу проводить васъ, потому что часто гуляю по этой дорогѣ.

— Очень вамъ благодаренъ... Но мнѣ совѣстно безпокоить васъ.

— Елена, ты дай намъ чаю съ господиномъ комикомъ, а потомъ ужъ пойдешь провожать, — замѣтилъ отдохнувшій Иванъ Петровичъ. — Да и Лохманка прескверная деревнюшка...

— Знаете, я не требовательный человѣкъ, Иванъ Петровичъ,—застѣнчиво объяснялъ Чайкинъ:—привычка...

На звонокъ Буянки показалась горничная Дуняша. Ей приказано было приготовить чай на террасѣ. Въ это время Иванъ Петровичъ разспрашивалъ гостя о Добрецовѣ и хрипло смѣялся. Неисправимый человѣкъ этотъ Савелій Ѳедорычъ, настоящій театральный волкъ... Всѣ старые антрепренеры про-

валились, а онъ одинъ существуетъ. Ему слѣдовало бы поставить памятникъ „за трудолюбіе и искусство“. Помилуйте, цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ ухитриться просуществовать въ кожѣ провинціальнаго антрепренера, — это чего-нибудь стòитъ!.. Чайкинъ улыбался и въ тактъ качалъ своей остриженной подъ гребенку головой. Онъ чувствовалъ, что Буянка разсматриваетъ его, и какъ-то весь съежился. Но его некрасивое и худое лицо просвѣтлялось отъ каждой улыбки, а сѣрые глаза смотрѣли такъ пытливо и какъ-то по-дѣтски довѣрчиво. Большія руки обличали „урожденнаго моветонъ“, какъ говорилъ Иванъ Петровичъ, кичившійся своимъ дворянствомъ ни къ селу ни къ городу.

— Мы съ Савеліемъ Ѳедоровичемъ старые друзья, — объяснялъ Иванъ Петровичъ, переходя въ свой обычный добродушный тонъ. — И я его очень уважаю... Хотя и принято смѣяться надъ стариками, которые хвалятъ все старое, но я все-таки скажу, что такихъ антрепренеровъ больше и не будетъ!..

— Первая половина послѣдней фразы, кажется, направлена по моему адресу?—съ улыбкой замѣтила Буянка.

— А хоть бы и такъ...

— Я хочу сказать только то, чтобы нашъ гость не принялъ на свой счетъ твоей выходки, дядя.

— Ахъ, да... Ну что̀ же, я имѣлъ только тебя въ виду, Буянка,—забормоталъ старикъ и добродушно прибавилъ:—мы съ ней частенько воюемъ, какъ давеча... Она ужасно портитъ мой характеръ.

Это посвященіе въ семейныя тайны заставило Чайкина улыбнуться, и онъ взглянулъ на Буянку благодарными глазами. Затѣмъ они перешли на террасу, куда поданъ былъ Дуняшей кипѣвшій самоваръ. Щегольски одѣтая горничная въ безукоризненно накрахмаленномъ передникѣ презрительно оглядѣла ежившагося гостя и про себя назвала „голоштанникомъ, актеришкой“. Мало ли ихъ каждую зиму околачивается около господъ, а этотъ залетѣлъ пораньше другихъ. Отъ глазъ Буянки не ускользнулъ этотъ презрительный взглядъ, и она принялась угощать артиста съ преувеличенной любезностью, что̀ еще больше смутило Чайкина.

— Не хотите ли вы лимона? Нѣтъ? — приставала къ нему Буянка. — А то есть прекрасныя сливки... Дуняша, принесите клубничное варенье.

— Пожалуйста, не безпокойтесь...—просилъ Чайкинъ.—Мнѣ довольно и одного лимона.

— Пусть посуетится: это ей полезно,—шутилъ Иванъ Петровичъ.

Гость явился въ качествѣ примиряющаго начала, и поэтому за нимъ ухаживалъ даже самъ Иванъ Петровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ давеча сильно разгорячился, и Богъ знаетъ, чѣмъ разыгралась бы послѣдняя стычка съ Буянкой. А сейчасъ она смотрѣла такъ спокойно и просто и такъ же спокойно и просто замѣтила ему:

— Что̀ же вы не извиняетесь, милостивый государь? Платонъ Егорычъ былъ благороднымъ свидѣтелемъ, какъ вы гнали меня давеча вонъ...

— А если ты покушалась на мою жизнь?

Чайкинъ засмѣялся,—онъ нюхомъ скитальца почувствовалъ себя здѣсь своимъ человѣкомъ. Прищуривъ немного глаза, онъ всматривался пристально въ этихъ „друзей артистовъ“, какъ называлъ ихъ Савелій Ѳедорычъ въ своемъ актерскомъ кругу. „Это, братецъ ты мой, перлы и адаманты искусства, — повторялъ старый антрепренеръ своимъ гнусавымъ голосомъ: — безъ нихъ и намъ безъ смерти смерть“. Онъ же объяснилъ Чайкину, что у всѣхъ

такихъ „адамантовъ“ одинъ общій недостатокъ—любительскіе спектакли, которыхъ настоящему актеру слѣдуетъ по возможности избѣгать. Конечно, самъ Иванъ Петровичъ не играетъ, а племянница у него съ театральнымъ огонькомъ. Савелій Ѳедорычъ непрочь былъ подшутить надъ любителями, хотя въ каждомъ городѣ первымъ дѣломъ разыскивалъ какого-нибудь вліятельнаго покровителя, какимъ въ Чащиловѣ былъ Иванъ Петровичъ. „Конечно, онъ прохвостъ въ искусствѣ, — гнусилъ Савелій Ѳедорычъ, — а все-таки страстишка есть... Намъ это на руку!“

— Я забылъ, Елена Васильевна, передать вамъ поклонъ отъ Михаила Евграфыча Бурова,—проговорилъ Чайкинъ, выпивая второй стаканъ.

— Развѣ онъ опять служитъ у Савелія Ѳедорыча?—торопливо спрашивала Буянка.—Вѣдь онъ, кажется, разошелся съ нимъ?

— Да... что-то такое между ними было...—уклончиво отвѣтилъ Чайкинъ, смѣшно вытягивая губы впередъ. — Но сейчасъ все уладилось... Въ нашемъ актерскомъ мірѣ все это дѣлается очень просто: сегодня поссорились, а завтра помирились.

— О, это по моей части! — засмѣялся Иванъ Петровичъ. — Мнѣ постоянно приходится разыгрывать роль добраго генія: то примадонна капризничаетъ, то первый любовникъ на стѣну лѣзетъ, то комики бунтуютъ. Говоря откровенно, господа артисты самый безпокойный народъ. А Бурова я зналъ еще мальчикомъ... да. Способный былъ мальчикъ, а теперь его и рукой не достанешь. Помилуйте, первый любовникъ, дамы на рукахъ носятъ...

— Вѣдь ты, дядя, это говоришь такъ, для краснаго словца.

— Ага!.. Ужъ ты не влюблена ли въ него? Ха-ха...

Опять послѣдовала легкая размолвка, но Буянка на этотъ разъ промолчала. Наступалъ уже вечеръ, и на террасѣ дѣлалось прохладно. Открывавшійся съ террасы видъ на лѣсистую горку и пробиравшуюся въ ивнякахъ безыменную рѣчонку точно просвѣтлѣлъ, освободившись отъ дрожавшихъ переливовъ накаленнаго воздуха. Особенныхъ красотъ по штату не полагалось, какъ говорилъ Иванъ Петровичъ, но мирная сельская картина производила успокаивающее впечатлѣніе. Къ чайному столу подбѣжала Форсунка и смѣшно набивала ротъ сдобными сухарями. По пути она успѣла вытащить платокъ изъ пиджака Чайкина и спрятала его подъ кресло. Обезьянка такъ смѣшно моргала синими глазами, что Буянка, глядя на нее, расхохоталась. Колдунчикъ зналъ приличія и скромно гулялъ въ цвѣтникѣ передъ террасой,— ему давали порцію сливокъ и сухарей уже послѣ чая. Умная собачонка точно нарочно вертѣлась передъ глазами, чтобы показать, какая она умная, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать глупость Форсунки, не умѣвшей себя держать. Среди этихъ маневровъ умной собаки Колдунчикъ вдругъ залаялъ самымъ собачьимъ образомъ и бросился къ садовой рѣшеткѣ, виляя пушистымъ хвостомъ.

— Это, навѣрно, Харламній Яковличъ жалуетъ, — объяснилъ Иванъ Петровичъ, вглядываясь въ извилистую дорожку, уползавшую пыльной змѣйкой въ молодой соснякъ. — Онъ и есть... Колдунчикъ, пиль его! Съѣшь редактора...

По дорожкѣ изъ лѣсу выходилъ низенькаго роста господинъ, размахивавшій соломенной лѣтней шляпой. Онъ шелъ съ какимъ-то дѣтскимъ перевальцемъ и весело мурлыкалъ опереточный мотивъ. Небольшой ростъ и свѣжее лицо какъ-то не гармонировали съ большой сѣдой бородой и блестѣвшей лысиной. Онъ еще издали весело махнулъ своей соломенной шляпой и крикнулъ:

— Бувайте здоровеньки, паны-братья!..

— Вотъ человѣкъ, которому можно позавидовать: всегда веселъ, точно вчера родился, — объяснялъ Иванъ Петровичъ. — Вѣдь это цѣлый капиталъ! Вотъ учитесь, молодые люди, какъ слѣдуетъ жить на бѣломъ свѣтѣ!..

— Про вовка промовка, а вовкъ у хату, — говорилъ Харлампій Яковлевичъ, отворяя садовую калитку, — онъ любилъ говорить по-хохлацки, хотя и не былъ хохломъ.—Примадонна, здравствуйте... А я пѣшкомъ пришелъ изъ города, господа. Отличный моціонъ, если бы не пыль.

Появленіе этого господина разсѣяло послѣднія тучки съ горизонта. Собственно говоря, онъ не давалъ никому рта раскрыть и даже отвѣчалъ за другихъ. Когда Буянка представила ему Чайкина, онъ не безъ хвастовства замѣтилъ:

— Слышалъ-съ и знаю... Редакторъ провинціальной газеты долженъ все знать... Да-съ... А какъ поживаетъ Савелій Ѳедорычъ? Впрочемъ, что же я спрашиваю, когда впередъ можно сказать, что онъ, какъ сказалъ про себя Бисмаркъ, умретъ въ своихъ оглобляхъ, какъ водовозная кляча... И всѣ мы такія же водовозныя клячи, и у каждаго есть свои оглобли.

Страсть къ обобщеніямъ и наивное хвастовство не удивляли близкихъ знакомыхъ Харлампія Яковлевича, но на свѣжаго человѣка эта особенность производила невыгодное впечатлѣніе.

— Ну, пошелъ городить околесную,—смѣялся Иванъ Петровичъ.—Договорится всегда человѣкъ до того, что ни въ какія ворота не пролѣзетъ... Мысли у тебя въ головѣ, Харлуша, прыгаютъ, какъ зайцы.

— А ты знаешь, что заяцъ всегда по одному кругу скачетъ? Вотъ то-то и есть...

Съ редакторомъ близкіе знакомые не церемонились, какъ и онъ самъ, а поэтому Буянка сейчасъ же увела Чайкина прогуляться въ садъ. Дача была поставлена всего два года, и садъ разводился на мѣстѣ тощаго сосноваго лѣска, разрѣзаннаго теперь аллеями и подкрѣпленнаго свѣжими саженцами. Буянка нѣсколько разъ всматривалась въ комика, точно провѣряла свое первое впечатлѣніе. Собственно, она не рѣшалась сдѣлать одного вопроса, который у ней висѣлъ на кончикѣ языка. Такъ они обошли весь садъ, болтая о разныхъ разностяхъ, и только когда Чайкинъ началъ прощаться, онъ съ какимъ-то смущеніемъ проговорилъ:

— А вѣдь я только вполовину исполнилъ порученіе... Михайла Евграфычъ просилъ меня передать вамъ письмо. Куда оно дѣвалось? Позвольте...

Обшаривъ карманы, онъ наконецъ подалъ длинный измятый конвертъ. Буянка вспыхнула и посмотрѣла прямо въ глаза Чайкину, точно хотѣла прочитать въ нихъ, другъ это или врагъ. Впрочемъ, если Буровъ ему довѣряетъ, то почему же она не можетъ довѣрять?.. Спрятавъ письмо, она молча и крѣпко пожала руку комика.

— Надѣюсь, вы не будете насъ забывать?—проговорила она послѣ нѣкоторой паузы.

— Если вы позволите...

## III.

Буянка не могла дождаться, когда наконецъ Чайкинъ уйдетъ,—за него ухватился Харлампій Яковлевичъ, желавшій выяснить комику свою теорію драматическаго искусства. Она незамѣтно ушла въ свою комнату, нетерпеливо разорвала конвертъ и быстро пробѣжала небольшую, небрежно набросанную записку:

„Дорогая моя Буянка, я сдержалъ слово, — писалъ Буровъ размашистымъ почеркомъ: — ты желала, чтобы я еще одинъ сезонъ прослужилъ въ Чащиловѣ, и я исполнилъ твое желаніе, хотя у меня есть болѣе выгодные ангажементы, какъ, напримѣръ, въ южные города. Вообще оставаться на второй сезонъ рискованно: провинціальная публика любитъ новыя лица... Однимъ словомъ, я сдѣлалъ все для тебя, отъ Чайкина узнаешь остальное. Твой Мишель“.

И только... Ни одного ласковаго слова, ни одной любовной ноты — ничего. У Буянки сжалось сердце и на глазахъ невольно выступили слезы. Что же это такое? Такъ пишутъ женамъ мужья изъ разныхъ казенныхъ командировокъ, чтобы отвязаться, а она-то ждала этого письма, какъ праздника. Впрочемъ, развѣ Мишель походитъ на другихъ мужчинъ.

Передъ ея глазами въ радужномъ туманѣ мелькнуло блѣдное лицо, гордые темные глаза, — нѣтъ, для такихъ людей достаточно одного слова: „твой Мишель“. Чего же больше? Мой, мой, мой... Кажется, достаточно. Притомъ Мишель вообще не выноситъ нѣжностей и всегда съ такимъ презрѣніемъ говоритъ о разныхъ нервныхъ дамахъ.

— Мой, мой, мой...—вслухъ повторяла Буянка, точно въ звукахъ собственнаго голоса хотѣла найти недостававшее ей спокойствіе.

— Нѣтъ, мой!.. — крикнула она, бросаясь на постель и пряча лицо въ подушку.—Я хочу быть твоей рабой... ползать у твоихъ ногъ... Ты мой царь, мой орелъ!..

Надъ письменнымъ столомъ Буянки висѣлъ портретъ Бурова въ роли Уріеля Акосты—это все, что осталось отъ него. Комната Буянки находилась на военномъ положеніи, какъ говорилъ Иванъ Петровичъ, потому что никто не смѣлъ входить въ нее, даже горничная Дуняша. Буянка сама убирала ее и не выносила, чтобы кто-нибудь нарушилъ ея порядокъ, исходя изъ принципа, что у каждаго человѣка долженъ быть хотя самый крошечный уголокъ, гдѣ онъ имѣетъ право быть самимъ собой, какъ въ данную минуту. Лежа на постели съ закрытыми глазами, Буянка почти видѣла живымъ обликъ любимаго человѣка, который для нея служилъ сейчасъ центромъ всѣхъ остальныхъ мыслей и чувствъ. Что значатъ другіе люди рядомъ съ Буровымъ, напримѣръ, этотъ жалкій комикъ Чайкинъ, служащій на посылкахъ въ роли театральнаго наперсника. Какой-то онъ жалкій и держать себя въ обществѣ, видимо, не привыкъ. Недаромъ горничная Дуняша съ такимъ презрѣніемъ отнеслась къ нему...

Иванъ Петровичъ и Харлампій Яковлевичъ просидѣли на террасѣ до глубокой ночи, одни поужинали и раза два чуть не подрались, какъ это случалось почти каждый разъ.

— Ваня, ты врешь?—приставалъ редакторъ.—Ну, сознайся, голубчикъ: врешь?.. Я вижу, братику... все вижу...

— Ничего ты не видишь, Харлуша... отстань. Ты просто глупъ до крайности—и больше ничего

— А ты ничего не смыслишь въ искусствѣ!

— Я?.. Это ты ничего-то не смыслишь, а не я. Да-съ...

— Я? Я ничего не смыслю? Отлично... А вотъ посмотри, я сыграю Расплюева, тогда и говори. У насъ вѣдь скоро спектакль готовится, пока Савелій Ѳедорычъ не нагрянулъ. Всѣмъ уже роли расписаны... Эхъ, я телятина: комикъ-то вѣдь здѣсь сидѣлъ, а у насъ именно комика и недостаетъ. И Буянка участвуетъ и я—однимъ словомъ, всѣ.

— Вся богадѣльня?..

— Хорошо, хорошо... По французской поговоркѣ: хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ. Увидимъ...

— Будемъ посмотрѣть!

— Кстати, и репетиціи можно устраивать вотъ здѣсь на дачѣ, подъ сѣнью струй, какъ говорилъ Хлестаковъ.

— Этого еще недоставало! Благодарю, не ожидалъ...

— Да тебя никто и не думалъ спрашивать: у насъ съ Буянкой рѣшено и подписано. А комика мы завербуемъ...

— Онъ, кажется, предугадалъ это приглашеніе и благополучно улизнулъ.

— Ничего: поймаемъ. Я впередъ анонсъ пропечатаю: „при благосклонномъ участіи“... а кстати, какъ его фамилія? Что-то такое: Воробьевъ, Галкинъ... Ну, да это все равно.

Редакторъ мѣстной газеты, Харлампій Яковлевичъ Петлинъ, представлялъ собой характерное явленіе. Онъ когда-то учился агрономіи, потомъ служилъ въ духовной консисторіи и акцизномъ вѣдомствѣ и кончилъ редактурой „мѣстнаго органа“, носившаго громкое названіе „Курьера“. Какъ большинство русскихъ людей, онъ учился совершенно не тому, что̀ ему потомъ было нужно, служилъ тамъ, гдѣ все ему претило, и кончилъ по недоразумѣнію дѣломъ по душѣ, но связанный по рукамъ и ногамъ условіями провинціальной прессы. Сохраниться въ такой обстановкѣ было своего рода чудомъ, а Петлинъ дышалъ вѣчной юностью, волновался и пѣтушкомъ бѣжалъ впередъ. Его находили немножко болтуномъ, немножко сплетникомъ, но всѣ уважали, какъ безусловно честнаго человѣка. Къ числу его коньковъ принадлежала, между прочимъ, сцена, и онъ посвящалъ ей въ своемъ „Курьерѣ“ не мало мѣста, хотя единственнымъ читателемъ этой газеты былъ корректоръ. „А вы читали мою статью о Буровѣ? Я его, шельмеца, пробралъ... Отца родного не пожалѣю!“ Это былъ цѣлый культъ печатной бумаги, дававшій неистощимый матеріалъ злому уму Ивана Петровича. Кстати, что̀ могло быть общаго между этими двумя людьми, а между тѣмъ Иванъ Петровичъ не могъ прожить дня безъ своего друга. Сближающимъ элементомъ являлась сцена. Друзья покровительствовали театру каждый по-своему и достигали извѣстнаго удовлетворенія.

Большой домъ Ивана Петровича въ Чащиловѣ служилъ пристанищемъ для артистовъ, въ немъ же устроена была большая зала для любительскихъ спектаклей, такъ что Петлинъ имѣлъ основаніе называть его „чащиловскимъ домомъ Мольера“. Иванъ Петровичъ въ карты не игралъ и вообще не имѣлъ дорогихъ привычекъ, а потому считалъ себя въ правѣ допустить подобную роскошь. Въ провинціи еще живутъ такіе меценаты, и ихъ хорошо знаютъ не одни провинціальные артисты, а также и всѣ гастролирующія въ провинціи знаменитости. Послѣднія время отъ времени заглядывали и въ Чащиловъ, а Петлинъ открылъ въ своемъ „Курьерѣ“ для нихъ особую рубрику: „наши дорогіе гости“.

— Помните, въ третьемъ годѣ пріѣзжалъ Василій Николаевичъ? — говорилъ редакторъ, захлебываясь отъ восторга. — Вотъ были спектакли!.. Да-съ, всѣ пальчики оближешь... Или Анна Ѳедоровна когда гастролировала— что̀ же это такое было? Именины сердца, какъ говоритъ Гоголь.

Когда не было налицо „дорогихъ гостей“ и самъ Савелій Ѳедоровичъ уѣзжалъ куда-нибудь со своей бродячей труппой, приходилось довольствоваться любителями. Любительство въ Чащиловѣ процвѣтало, хотя и подвергалось всевозможнымъ нападкамъ, на какія особенно падки корреспонденты

столичныхъ газетъ. „Помилуйте, въ какомъ-нибудь Чащиловѣ и вдругъ ставятъ „Грозу“ или „Свадьбу Кречинскаго“... Помилуйте, когда мы видѣли эти пьесы въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ“ и т. д. Петлинъ называлъ такихъ рецензентовъ самоѣдами, и его излюбленной темой было перечисленіе разныхъ театральныхъ знаменитостей, выступившихъ гдѣ-нибудь въ добряхъ провинціальнаго любительства.

— Помилуйте, это настоящая школа для начинающихъ талантовъ, и напрасно господа корреспонденты третируютъ любителей съ кондачка!— спорилъ Петлинъ съ воображаемымъ противникомъ. — Въ спеціальныхъ театральныхъ школахъ учатся сотни, а здѣсь тысячи... Если на каждую тысячу любителей придется всего одинъ талантливый человѣкъ, и то публика въ выигрышѣ. Откуда вербуетъ своихъ артистовъ Савелій Ѳедоровичъ? Изъ любителей. А столичныя сцены обираютъ уже провинціальныхъ антрепренеровъ... Такъ и должно быть, такъ и будетъ всегда. Напримѣръ, Буровъ, — конечно, онъ важничаетъ, но ему вездѣ скатертью дорога, а я сказалъ это, когда онъ былъ еще мальчишкой.

Нужно сказать, что открывать таланты, поощрять ихъ и создавать имя артистамъ было слабостью Харлампія Яковлевича, хотя онъ на этомъ тернистомъ пути и встрѣчался постоянно съ одной черной неблагодарностью оперившихся господъ актеровъ. Впрочемъ, редакторъ былъ незлобивый человѣкъ и скоро примирялся съ обидой.

— А вотъ посмотрите, какую примадонну я сдѣлаю изъ Буянки, — повторялъ Петлинъ, когда оставался съ Иваномъ Петровичемъ съ глазу на глазъ. — У нея есть театральный огонекъ... да. Ты, пожалуйста, не смѣйся!..

## IV.

Буянка провела скверно ночь и, проснувшись поздно утромъ, почувствовала себя очень скверно. Ей сдѣлалось стыдно за свой вчерашній порывъ. При яркомъ дневномъ свѣтѣ мысль работала ясно и спокойно, и дѣвушка смотрѣла на вчерашнюю себя, какъ на чужую. Слезы, глупыя истерическія фразы, волненіе—къ чему все это? Глупо и еще разъ глупо... О Буровѣ она старалась совсѣмъ не думать, а его письмо было для нея оскорбленіемъ. Да она и не любитъ его, если разобрать. Вся эта исторія скорѣе выражала неудовлетворенную потребность любви, а самъ по себѣ Буровъ порядочный нахалъ и вообще грубое животное. Наконецъ онъ просто малограмотный человѣкъ. Остается, слѣдовательно, одна внѣшность, кое-какія манеры и раздутая Харлампіемъ Яковлевичемъ популярность. По странной ассоціаціи идей Буянка всю ненависть сосредоточила теперь именно на несчастномъ редакторѣ. Конечно, онъ виноватъ во всемъ... По пути досталось и комику Чайкину. Вспомнивъ о немъ, Буянка даже покраснѣла: а если Буровъ посвятилъ этого наперсника въ ихъ тайну?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть.

— А чортъ съ ними!.. — вслухъ проговорила Буянка, быстро одѣваясь.

Сегодня она увидитъ Петлина на репетиціи и хоть на немъ сорветъ расходившееся сердце. Да, вѣдь сегодня репетиція, и у Буянки уже нѣсколько дней валялась принесенная Петлинымъ роль, а она еще не прикасалась къ ней. Отказываться сейчасъ было поздно. Эта забота сразу отвлекла вниманіе Буянки отъ вчерашняго. Она позвонила.

— Что дядя?

— Обнаковенно, на галдарѣ...

— Скажи, чтобы лошадь закладывали: я ѣду въ городъ.

Пока Дуняша ходила съ этимъ приказаніемъ, Буянка въ шляпѣ и въ

лѣтней накидкѣ, съ зонтомъ въ рукахъ, вышла на террасу. Остановившись въ дверяхъ, она проговорила:

— Что же вы не извинитесь, милый дядюшка? Вы меня вчера оскорбили.

— Ну что жъ, виноватъ... да и ты тоже хороша.

— Хорошо, я въ искупленіе своей вины заказала сегодня ботвинью... Довольны?...

— А ты это на репетицію собралась? Вчера болталъ Харлуша... Какъ пьеса называется?

Буянка назвала пьесу одного моднаго автора, и Иванъ Петровичъ замахалъ обѣими руками.

— Ахъ, знаю, знаю... Скроена и сшита, какъ платье, для одной женской роли, вѣрнѣе—для одной извѣстной актрисы, а другихъ ролей не полагается. Играли бы лучше Островскаго, а то вѣдь смотрѣть нечего.

— Островскій надоѣлъ, и публика требуетъ новинокъ. Что же дѣлать, если лучше ничего нѣтъ?

— Да, да, модная пьеса, съ припадочной героиней и декораціями изъ остальныхъ ролей. Ничего цѣльнаго, ни одного характера, о дѣйствіи нѣтъ и помину... Ахъ, ужъ эти мнѣ модные авторы!.. Во всемъ репертуарѣ ни одной свѣженькой пьесы, на которой можно было бы отдохнуть. Я бы на твое мѣстѣ ни за что не сталъ участвовать.

— Я обѣщала Петлину.

— Лошадь подана,—доложила Дуняша.

Щегольская лѣтняя пролетка на низкомъ ходу ждала у подъѣзда. Вечеръ Андрей, натянувъ вожжи, выравнивалъ горячившуюся сѣрую въ яблокахъ лошадь,—онъ любилъ ѣздить съ барышней. До города всего версты три, дорога мягкая—катанье, а не ѣзда. Буянка часто сажала кучера рядомъ и правила лошадью сама. Но сейчасъ она сидѣла въ экипажѣ и всю дорогу думала почему-то о комикѣ Чайкинѣ.

Чащиловъ залегъ по теченію рѣки Лохманки неправильнымъ четырехугольникомъ. Это былъ очень бойкій провинціальный городокъ, кругомъ облегченный промышленными заведеніями. Торговля, если и не процвѣтала, все-таки жить было можно. Тонъ задавало чиновничество, нѣсколько богатыхъ купеческихъ фамилій и разорившееся дворянство. Издали лѣтомъ городъ вѣчно былъ покрытъ пыльнымъ облакомъ. Въ воздухѣ тянулись темныя полосы фабричнаго дыма.

Главная улица въ Чащиловѣ называлась Московской. Домъ Ивана Петровича стоялъ на углу, наискось съ губернаторскимъ. Это была старинная и довольно причудливая постройка, съ колоннами и рѣзными фронтонами. Собственно во всемъ домѣ хороша была одна центральная зала человѣкъ на триста, съ приспособленной къ ней домашними средствами сценой. Первое, что поразило Буянку, когда экипажъ остановился у низенькаго подъѣзда, былъ комикъ Чайкинъ, поджидавшій кого-то съ чисто-театральнымъ терпѣніемъ.

— А я уже поступилъ къ вамъ въ труппу, Елена Васильевна,—проговорилъ онъ, протягивая руку.

— Харламній Яковлевичъ уже успѣлъ васъ завербовать? — удивилась Буянка.

— О, да... Сегодня рано утромъ получилъ отъ него записку, и вотъ жду здѣсь: господа любители не торопятся.

— Да, это нашъ общій порокъ: мы вѣчно опаздываемъ.

Въ домѣ оставался лѣтомъ дворникъ да старикъ Сергѣй Иванычъ, извѣстный подъ именемъ дворецкаго. Сергѣй Иванычъ составлялъ въ домѣ все.

Къ Буянкѣ старикъ особенно благоволилъ и только для нея „завѣдывалъ сценой“, какъ онъ говорилъ, то-есть хранилъ декораціи, освѣщалъ сцену и такъ далѣе. Чайкина старикъ почему-то встрѣтилъ очень недружелюбно и просто не пустилъ въ залу. Мало ли кого Харламній Яковлевичъ пошлетъ, не въ своемъ домѣ распоряжается, а барышня пріѣдетъ, такъ какъ сама знаетъ. Пока Буянка разговаривала на подъѣздѣ, пріѣхалъ Петлинъ.

— Никого нѣтъ? — тревожно освѣдомился онъ, машинально подавая руку.—Это наказаніе... Ужъ какъ я просилъ, чтобы не опаздывать. Тьфу...

— А вы не волнуйтесь, Харламній Яковлевичъ, — успокаивала его Буянка.

Когда они вошли въ залу, Петлинъ отвелъ ее въ сторону и съ торжествомъ проговорилъ:

— А какого я водевилятника приспособилъ? Небось, вы сами не догадались его пригласить? То-то... А у насъ именно водевилятника и недоставало!..

Любители начали собираться. Первой пріѣхала земская учительница Агаѳья Петровна Лукина,—она еще только выступала, и ея амплуа не опредѣлилось. Счастливая сценическая наружность и свѣжее хорошенькое личико дѣлали ее замѣтной въ любительскомъ кружкѣ. Ей покровительствовала Любовь Михайловна Моторина, которую Иванъ Петровичъ называлъ „однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ“. Это была полная высокая дама неопредѣленныхъ лѣтъ, съ очень рѣшительнымъ лицомъ и большими темными глазами. Она играла grandes dames, если не было другихъ. Къ Лукиной она относилась съ особенной деспотическою любовью и всюду ее сопровождала, какъ и сейчасъ.

— А гдѣ же у насъ Александръ Иванычъ?—спрашивала Моторина, наступая на Петлина своей рельефной грудью.

— Онъ, вѣроятно, скоро придетъ, Любовь Михайловна, — оправдывался редакторъ, отступая передъ энергичной дамой.—Кстати, позвольте вамъ представить: комикъ Чайкинъ...

— Очень пріятно,—равнодушно протянула Моторина, не подавая руки. — Да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Александръ Иванычъ? Это свинство—заставлять себя ждать...

Лукина была очень застѣнчивая дѣвушка и постоянно пряталась гдѣ-нибудь по уголкамъ, какъ и сейчасъ. Крикливыя ноты въ голосѣ Моторины ничего хорошаго не обѣщали. Но въ самую критическую минуту появился и самъ Александръ Иванычъ—молодой человѣкъ „пріятной наружности“, одѣтый съ претензіей на щегольство. Онъ ходилъ мягко, говорилъ вкрадчивымъ тихимъ голосомъ и, несмотря на то, что служилъ въ земствѣ помощникомъ секретаря, пользовался большимъ успѣхомъ въ дамскомъ обществѣ. Еще въ передней Александръ Иванычъ слышалъ, какъ бушовала Любовь Михайловна, но только улыбнулся и съ улыбкой же подошелъ прямо къ ней.

— А, легокъ на поминѣ... — сразу успокоилась Моторина, разыгрывая свою роль.—И хорошо сдѣлалъ, а то я уже взволновалась.

— Я хотѣлъ уже послать за пожарными, —объяснялъ Петлинъ на ухо улыбающемуся Александру Иванычу.—Настоящій пожаръ...

Александръ Иванычъ прежде всего разыскалъ Буянку, потомъ Лукину, по пути познакомился съ Чайкинымъ, кивнулъ головой хмурившемуся Сергѣю Иванычу и, вытирая лицо платкомъ, усталымъ голосомъ проговорилъ:

— Сегодня очень жарко...

— Можно начинать,—замѣтила Буянка.

Она все время разговаривала съ Чайкинымъ, который начиналъ со

интересовать. Этотъ комикъ держалъ себя съ заразительной простотой, точно хорошій старый знакомый. Онъ слѣдилъ за всѣми своими умными глазами и сразу попалъ въ курсъ дѣла. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько характеристикъ присутствовавшихъ любителей, и Буянка весело засмѣялась. Въ Чайкинѣ былъ огонекъ, какимъ такъ рѣзко отличаются всѣ умные люди отъ природы. Разговаривая съ Буянкой, онъ разсказалъ ей про себя, что онъ южанинъ, учился въ гимназіи, а теперь, вотъ уже около шести лѣтъ, „служитъ“ на сценѣ. Къ самому себѣ Чайкинъ относился тоже съ добродушной ироніей и передалъ по пути нѣсколько смѣшныхъ эпизодовъ, когда начиналъ службу.

„Какой онъ славный“,—невольно думала Буянка.

— А вы давно знаете Бурова? — спросила Буянка неожиданно для самой себя...

— Нѣтъ, всего одинъ сезонъ...

Онъ понялъ недосказанный вопросъ и высказался о Буровѣ съ чисто-актерской осторожностью,—этотъ маневръ не понравился Буянкѣ.

Репетиція началась довольно вяло, особенно два первыхъ дѣйствія. Участвующіе не знали ролей, забывали реплики, путали выходы, и Петлинъ имѣлъ полное право бѣситься. Третій актъ у Буянки былъ свободенъ, и она за кулисами опять встрѣтила Чайкина, которому и разсказывала все время о чащиловскихъ любителяхъ. Въ Чащиловѣ существуетъ свой драматическій кружокъ, но они отдѣлились отъ него — дядя поссорился со старшинами и Любовь Михайловна тоже, хотя они и ненавидятъ взаимно другъ друга. Петлинъ перешелъ на ихъ сторону. Въ кружкѣ есть порядочный первый любовникъ, по фамиліи Косульскій, а имъ приходится довольствоваться сладенькимъ Александромъ Иванычемъ, котораго дядя просто видѣть не можетъ.

— А вы не думаете поступить на сцену? — неожиданно спросилъ Чайкинъ, продолжая какую-то свою мысль.

— Я?—испугалась Буянка, точно Чайкинъ подслушалъ ея задушевную мысль.—У меня не сценическая наружность...

— У васъ хорошій голосъ, и потомъ, когда вы улыбаетесь... По-моему, только улыбка дѣлаетъ лицо дѣйствительно красивымъ.

— А почему вы спросили меня о сценѣ?

— Да такъ... Всѣ мы такъ начинаемъ, то-есть любительствомъ. Вѣдь сцена — роковая вещь... Кто разъ прошелъ по театральнымъ подмосткамъ, тотъ навѣки обреченный человѣкъ.

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ громкой ссорой Моториной съ редакторомъ. Рѣшительная дама закричала какимъ-то пронзительно-тонкимъ голосомъ:

— Вы только всѣхъ насъ путаете, Харлампій Яковлевичъ... Шли бы къ себѣ въ редакцію, а то толчетесь здѣсь, не знаю зачѣмъ.

— Благодарю, не ожидалъ, Любовь Михайловна.

Вмѣшательство Александра Ивановича потушило бурю въ самомъ началѣ, и репетиція кончилась благополучно. Въ водевилѣ выступили Чайкинъ, Лукина и комическая старуха Боброва. Съ первыхъ фразъ новаго комика Буянка почувствовала, что это настоящій талантъ, который играетъ просто, чего именно и недостаетъ любителямъ.

— Каковъ водевилятникъ-то!..—шепталъ ей Петлинъ. — А изъ лѣсу-то кто — все я жъ его пугалъ... Прелесть! Ну, а что касается Любови Михайловны, такъ она чуть-чуть меня не проглотила. Вотъ уродилась ядовитая баба!

Устроившійся спектакль мало интересовалъ Буянку. Она все время возилась съ попугаемъ или съ обезьяной, точно въ этомъ обществѣ хотѣла скрыться отъ спеціально-человѣческихъ мыслей и чувствъ. Дядя Иванъ Петровичъ слѣдилъ за ней и роптал:

— Это скверная привычка: взять дѣло и замотать его.

— А если мнѣ роль не нравится? Да и вообще мнѣ все надоѣло...

— Разочарованная дѣвица... ха-ха!.. Вотъ это мило! А зачѣмъ брала роль, если чувствуешь себя никуда негодной? Вотъ ужъ этотъ новенькій водевилятникъ въ лоскъ васъ всѣхъ положитъ, потому что у него есть выдержка, школа, наконецъ просто привычка работать... Да-съ, великое дѣло школа!.. Поэтому самый плохой актеришка всегда лучше самаго лучшаго любителя, а про вашего брата любительницъ и говорить нечего: сегодня у ней нервы, завтра она не расположена, послѣзавтра капризъ... тьфу!..

— Говоря откровенно, вы боитесь, милый дядюшка, что мы осрамимся предъ драматическимъ кружкомъ? Любовь Михайловна надоѣла мнѣ этими разговорами о кружковцахъ... Ну, и пусть ихъ торжествуютъ. Чужія глупости не дѣлаютъ никого умнѣе...

— Но это еще не даетъ намъ права дѣлать такія глупости!

Комикъ раза два завертывалъ на дачу, и Иванъ Петровичъ встрѣчалъ его съ особенной любезностью, чтобы показать Буянкѣ, какъ онъ цѣнитъ настоящій артистическій трудъ.

— Вы пройдите-ка съ ней роль по-вашему, по-театральному,—подусыкивалъ Иванъ Петровичъ, фамильярно подмигивая комику, — какъ это у васъ на сценѣ дѣлается... На репетиціяхъ Добрецовъ звѣрь-звѣремъ ходитъ. Видали и мы виды... Что же, иначе нельзя, потому что такое ужъ особенное дѣло. А прежде всего: субординація, выправка... Такъ я говорю?

Чайкинъ мягко соглашался съ ворчавшимъ старикомъ и улыбавшимися глазами наблюдалъ Буянку. Ему нравилось бывать здѣсь, на дачѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ-то теплѣе, точно дома. Бываютъ такія семьи, въ которыхъ чужой человѣкъ чувствуетъ себя своимъ. Несмотря на свою относительную молодость, Чайкинъ успѣлъ исколесить почти всю Россію отъ Иркутска до Одессы. Буянка часто разспрашивала его объ этихъ артистическихъ tournées, забывая свою тетрадку съ недоученной ролью. Они вмѣстѣ уходили куда-нибудь подальше въ садъ и болтали о разныхъ разностяхъ.

— Знаете, мнѣ почему-то кажется, что я знаю васъ, Платонъ Егоровичъ, и давно знаю... Вамъ случалось испытывать подобное чувство? Еще тогда, какъ вы вошли къ намъ въ гостиную въ первый разъ, я точно узнала васъ...

— Это бываетъ, Елена Васильевна,—соглашался Чайкинъ.

Онъ какъ-то не рѣшался высказать то, что чувствовалъ самъ, потому что робѣлъ въ присутствіи Буянки: она была такая образованная и съ настоящими манерами, какъ бывшая институтка.

Собственно говоря, это не было тѣмъ вульгарнымъ чувствомъ, когда нравится хорошенькая свѣжая дѣвушка, а что-то другое, чего еще Чайкинъ не испытывалъ. Ему нравилось слушать, какъ говоритъ Буянка, слѣдить за ея походкой и постоянно изучать это удивительное лицо, на которомъ отражалось всякое настроеніе съ особенной рельефностью. Есть такія лица, которыя красивы внутренней красотой. Буянка какъ-то между дѣломъ разсказала о себѣ всю подноготную: какъ она жила со вдовой-матерью, какъ потомъ училась въ институтѣ, какъ наконецъ попала къ дядѣ. Она умѣла разсказывать о самой себѣ, какъ о постороннемъ человѣкѣ, и даже относилась къ разнымъ эпизодамъ своей жизни иронически. Больше всего любилъ Чайкинъ, какъ она

смѣялась: это дѣвичье лицо точно свѣтлѣло, а глаза искрились дѣтскимъ, добрымъ весельемъ.

— Если говорить правду, такъ я совсѣмъ сумасшедшая, — каялась Буянка:—только безнадежно-глупые люди любятъ говорить вѣчно о себѣ, а я сколько набалтала вамъ про свою особу... Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то я удержалась бы и сказала: „Елена Васильевна, довольно!". Да! А вы умѣете слушать, Платонъ Егорычъ, это добродѣтель не изъ послѣднихъ... Такъ и хочется разсказать о себѣ еще что-нибудь.

Главнаго, конечно, не было сказано, т.-е. о Буровѣ. Чайкинъ это чувствовалъ и какъ-то весь точно сжимался, — мысль о первомъ любовникѣ расхолаживала его, какъ струя холодной воды. Это было непріятное и тяжелое чувство, отгораживавшее его отъ Буянки стѣной. Стоило ему только вспомнить о Буровѣ, какъ сама Буянка начинала казаться совершенно другой, и онъ всматривался въ нее прищуренными глазами. Да, это была совсѣмъ другая дѣвушка, далекая отъ него и чужая. По какому-то тайному предчувствію Чайкинъ боялся готовившагося спектакля и радовался, что, благодаря неаккуратности господъ любителей, онъ былъ отложенъ на цѣлыхъ двѣ недѣли. Съ этимъ спектаклемъ заканчивалось и его знакомство съ Буянкой.

Разъ на репетиціи Чайкинъ пропустилъ поданную ему реплику и вызвалъ колкое замѣчаніе Моториной:

— Послушайте, молодой человѣкъ, вы разсѣяны, какъ жестоко влюбленный.

Онъ не нашелся, что отвѣтить, и только покраснѣлъ самымъ глупымъ образомъ, какъ пойманный за ухо мальчишка. Любовь Михайловна презрительно смѣрила его съ ногъ до головы, точно видѣла въ первый разъ, и пробормотала ему что-то, вѣроятно, очень обидное, но, къ счастію, Чайкинъ ничего не разслышалъ.

— Не обращайте на все вниманія,—шепнула ему въ антрактѣ Буянка, видѣвшая эту сцену. — Любовь Михайловна добрѣйшая женщина въ душѣ, какъ и мой дядюшка, но любитъ говорить дерзости...

— Она въ данномъ случаѣ права,— отшучивался комикъ:—я, дѣйствительно, жестоко влюбленъ...

— Ахъ, да?.. Ну, тогда другое дѣло,—спокойно согласилась Буянка и даже легонько вздохнула:—понимаю: Агаѳья Петровна такая хорошенькая на сценѣ.

— Вы угадали...

— Кстати, нескромный вопросъ: вы женаты, Платонъ Егорычъ?

— И да и нѣтъ...

— Значитъ, что навязываюсь со своимъ любопытствомъ. Въ вашемъ актерскомъ кругу свои взгляды на нѣкоторыя вещи... Вѣдь Буровъ можетъ отвѣтить то же самое про себя, какъ и вы?

— Я, право, такъ мало знаю его семейную обстановку... Мы встрѣчаемся только на сценѣ.

На генеральную репетицію пріѣхалъ Иванъ Петровичъ и все раскритиковалъ. Это вызвало настоящую бурю, потому что на него напали Пеплинъ и Моториха съ ожесточеніемъ кровно обиженныхъ людей. Произошла горячая сшатка, едва не разстроившая спектакля.

— Вы забываете одно, что я желаю вамъ же добра, — кричалъ Иванъ Петровичъ, размахивая руками.—Публика безжалостна къ любителямъ и по-своему права... да, Агаѳья Петровна прекрасная дѣвушка и талантливая учительница, но, извините меня, на сценѣ она не знаетъ, куда дѣвать ей руки...

— Неправда, неправда!—кричала Моторина, задыхаясь отъ волненія.— Она только не ломается, а держитъ себя естественно... особенно рядомъ съ изломанностью и кривляньемъ записныхъ актрисъ... Да!

Спорившія стороны кончили тѣмъ, что обратились за разрѣшеніемъ вопроса къ Чайкину, чѣмъ поставили его въ крайне затруднительное положеніе.

— Мнѣ трудно высказать опредѣленное мнѣніе уже потому, что я самъ участвую въ спектаклѣ,—уклончиво объяснялъ онъ.—Но могу сказать одно, что въ общемъ все идетъ порядочно, хотя по репетиціямъ и трудно судить.

— Слышите: по репетиціямъ судить трудно!—кричалъ Петлинъ, накидываясь на Ивана Петровича. — А вы только смущаете насъ, и самое лучшее...

— Убраться мнѣ къ чорту! Понимаю и благодарю, хотя и не ожидалъ...

Буянка отъ души хохотала надъ этой сценой: дядя такъ смѣшно отмахивался руками, когда Моторина наступала на него козыромъ, а Петлинъ забѣгалъ то съ одной стороны, то съ другой, какъ маленькая комнатная собачонка.

— А чортъ съ вами!—ругался Иванъ Петровичъ, отступая.—Вамъ же добра желаю... Право, какіе-то сумасшедшіе собрались!.. И пьеса скверная и исполненіе никуда не годится. Такъ нельзя... Вотъ уже разберутъ васъ кружковцы!.. Да... нарочно придутъ и будутъ наслаждаться вашимъ позоромъ.

— Ты, къ сожалѣнію, ничего не смыслишь въ сценической постановкѣ, Иванъ Петровичъ!—кричалъ вдогонку Петлинъ.

— Я, я ничего не смыслю въ сценической постановкѣ?.. Послѣ этого...

— Баринъ, въ столовой подана закуска,—почтительно и сердито докладывалъ Сергѣй Ивановичъ.

— А... кстати.

Закуска взялась чѣмъ-то священнымъ и сразу потушила бурю. Иванъ Петровичъ былъ всегда большимъ хлѣбосоломъ и сейчасъ точно стряхнулъ съ себя весь артистическій гнѣвъ. Господа артисты явились въ столовую, какъ ни въ чемъ не бывало, а Моторина съѣла цѣлую коробку сардинокъ.

— Въ сущности говоря, спектакль сойдетъ прилично,—говорилъ Иванъ Петровичъ, запивая пережаренную по его вкусу котлетку краснымъ виномъ,— хотя, конечно, и остается желать многаго... Господинъ Чайкинъ, если моя Буянка не будетъ знать роли, отвѣтственнымъ лицомъ являетесь вы; я поручалъ ее вамъ.

— Ничего, все сойдетъ хорошо,—успокаивалъ комикъ. — Елена Васильевна сыграетъ такъ, какъ вы и не ожидаете...

— Я давно это предсказываю!—вступился Петлинъ.—По моему мнѣнію, совершенно спиной система оцѣнки дебютантовъ по коренным ролямъ... Нѣтъ, ты сыграй выходную рольку—вотъ тогда я тебя узнаю. Хорошая роль сама за себя говоритъ, а настоящіе артисты изъ ничего создаютъ роли. Да-съ... Такъ и Елена Васильевна; мы ее опредѣлимъ на маленькой роли и въ скверной пьесѣ.

— Со своей стороны, я только могу удивляться, Харлампій Яковлевичъ, что ты иногда можешь высказывать умныя вещи,—шутилъ Иванъ Петровичъ.

— Господа, я оскорбленъ! Впрочемъ, я сердиться сегодня не въ состояніи и нарочно обижаться кому-нибудь за меня до довѣренности... Вотъ хотя вы, Александръ Ивановичъ... пожалуйста, обидьтесь за меня...

Это вызвало общій смѣхъ, а скромный Александръ Ивановичъ только поджалъ губы—онъ оберегалъ свое достоинство молодого человѣка, подающаго надежды. Есть люди, влюбленные въ самихъ себя, и къ нимъ принадлежалъ Александръ Ивановичъ. Онъ былъ, напримѣръ, увѣренъ, что всѣ молодыя дѣвушки влюблены въ него, а въ данномъ случаѣ Буянка и Агаѳья Петровна.

Эта увѣренность выработала въ немъ особый отеческій тонъ въ обращеніи съ дамами, а Буянка называла его за эту манеру говорить — кислятиной. Она вообще немножко третировала его, а Александръ Ивановичъ обращался съ ней, какъ модный духовникъ. Впрочемъ, сейчасъ ей было не до него, и она почти не слыхала, что̀ происходило за завтракомъ.

— Знаете, я начинаю чего-то бояться, — объясняла она Чайкину, придвигая свой стулъ къ нему.—Вы испытывали это чувство? Совсѣмъ безотчетный, дѣтскій страхъ... Сама чувствую, что глупо, а между тѣмъ даже руки холодѣютъ. Вотъ пощупайте...

Она протянула обѣ руки и посмотрѣла прямо въ глаза. Руки были, дѣйствительно, холодны, какъ ледъ, и Чайкинъ только покачалъ головой. Ему нравилась въ Буянкѣ эта чарующая простота обращенія, когда она смотрѣла прямо въ глаза съ такой дѣтской довѣрчивостью. Положительно, она была настоящей красавицей, и Чайкинъ про себя провѣрялъ первое впечатлѣніе.

— Что̀ же вы молчите, какъ пень? — сердито спрашивала Буянка, убирая руки.

— Я... я... Пожалуйста, не дѣлайте сердитаго лица, Елена Васильевна: вы сейчасъ были такой красавицей.

Это признаніе вырвалось само собой, какъ невольный вздохъ, и Чайкинъ ужасно смутился. Буянка считала себя дурнушкой и строго посмотрѣла на комика, но его смущеніе успокоило ее, и она добродушно улыбнулась.

— Отъ перваго человѣка я слышу такой комплиментъ... — равнодушно замѣтила она.—Жаль только, что другіе этого не находятъ.

## V.

Чайкинъ сильно безпокоился за то, какъ проведетъ свою роль Буянка. Онъ забрался въ день спектакля на сцену раньше всѣхъ и безпокойно шагалъ изъ угла въ уголъ, машинально перечитывая розовую афишку, гласившую, что такого-то числа въ Чащиловѣ, съ дозволенія начальства, гг. любителями, при благосклонномъ участіи артиста П. Е. Чайкина, данъ будетъ спектакль,—комедія „Порванныя струны“, водевиль „Бочка меду и ложка дегтю“, и въ заключеніе исполненъ будетъ дивертисментъ. Билеты заранѣе продавались при Чащиловскомъ Общественномъ клубѣ, извѣстномъ больше подъ названіемъ „Капернаума“, въ колоніальномъ магазинѣ купца Махрова и въ книжномъ магазинѣ (тамъ же продавалась чайная посуда) купца Гусева. Въ день спектакля m-me Моторина собственноручно развезла десятка два билетовъ по короткимъ знакомымъ, а затѣмъ торжественно усѣлась въ кассу, устроенную въ первой комнатѣ дома Ивана Петровича. Она исполняла свой долгъ съ приличной строгостью и въ свободное время доучивала свою роль grande dame. Она даже обѣдать не пошла домой, а велѣла Сергѣю Ивановичу подать коробку сардинокъ къ столовую...

„Чего это водевилятникъ нашъ забрался такую рань? — раздумывала она, посматривая на золотые часики, прицѣпленные къ выпуклости груди.— Ни свѣтъ ни заря...“

Она еще больше изумилась, когда слѣдующимъ номеромъ явилась

Буянка, всегда и вездѣ опаздывавшая. Моторина даже прищурилась и многозначительно промычала: знаемъ, дескать, что̀ знаемъ.

Буянка изъ приличія посидѣла минутъ пять въ кассѣ, а потомъ, воспользовавшись подошедшими покупателями, незамѣтно исчезла.

— Этакая хитрая дѣвчонка!—ворчала вслухъ Любовь Михайловна, повѣряя выручку.—Ого, да билетовъ-то продано порядочно!.. Можно будетъ и шельмецу-водевилятнику заплатить...

Буянка отыскала Чайкина и заявила, что сейчасъ только къ дядѣ пріѣхалъ Добрецовъ, и они вмѣстѣ ѣдутся на спектакль. Это ее такъ взволновало, что даже губы тряслись. Чайкинъ слушалъ, комично приподнявъ одну бровь и вытянувъ впередъ верхнюю бритую губу, и, когда Буянка кончила, проговорилъ:

— Только-то?

— Чего же вамъ нужно?.. Я боюсь этого Савелія Ѳедоровича... Онъ и то поймалъ меня послѣ обѣда, потрепалъ по плечу и проговорилъ: „Ну, что̀, милашка, камедь ломать будете?“ Фу, какой противный!..

Представить Добрецова было дѣломъ одной минуты,—вся фигура знаменитаго антрепренера, его гнусливый голосъ и особенно классическая „милашка“ вышли неподражаемо, такъ что Чайкинъ расхохотался до слезъ. Добрецовъ всѣхъ актеровъ и актрисъ называлъ „милашками“, и никто не умѣлъ передать въ такомъ совершенствѣ этого словечка, какъ сдѣлала сейчасъ Буянка.

— Раненько пожаловалъ,—соображалъ вслухъ Чайкинъ.

— У него примадонна-милашка бѣжала...

— Линевичъ-Винярская?.. Вотъ это мило... Ругается?

— Ужасно: какъ извозчикъ... Дядя чуть не умеръ отъ смѣха.

Остальные участники спектакля собрались какъ-то разомъ. Поднялась та суматоха, которая бываетъ только на любительскихъ спектакляхъ. Парикмахеръ опоздалъ, и его рвали на части. Оказалось, что была еще не готова садовая бесѣдка для третьяго дѣйствія, а Сергѣй Ивановичъ скрылся. Въ довершеніе всего Агаѳья Петровна заявила, что у нея начинаютъ разбаливаться зубы. Петлинъ уже нѣсколько разъ приходилъ въ отчаяніе и рвалъ на себѣ волосы. Публика скоро будетъ собираться, а музыкантовъ еще нѣтъ... Да и этого Добрецова чортъ принесъ ни раньше ни послѣ! Въ дамской уборной происходилъ настоящій адъ: всѣ торопились, мѣшали другъ другу и начинали сердиться. Мужчины были заняты исключительно своими париками и гримировкой. Недоставало только того, чтобы Иванъ Петровичъ провелъ за кулисы Добрецова, что̀ и случилось.

— А, вотъ вы гдѣ, милашки,—добродушно гнусилъ антрепренеръ, пробираясь между декораціями своей шмыгающей, разбитой походкой.—Насущный хлѣбъ отбиваете у настоящихъ артистовъ!.. Ну, да Богъ васъ проститъ.

Завидѣвъ Чайкина, онъ молча погрозилъ ему пальцемъ:

— Милашка, позабылъ условіе? Штрафикъ, милашка...

Отворивъ дверь въ дамскую уборную, Добрецовъ хотѣлъ войти туда, но поднялся такой крикъ, что антрепренеръ долженъ былъ ретироваться.

— Вотъ испугались, милашки, стараго театральнаго волка, который и родился-то въ дамской уборной, да, вѣроятно, тамъ и умретъ. Притомъ, развѣ онъ не видалъ на своемъ вѣку, какъ сотни женщинъ одѣваются? Странныя фантазіи бываютъ у женщинъ вообще!

Одѣвался Добрецовъ всегда грязно, а жилетъ всегда былъ засыпанъ нюхательнымъ табакомъ. Старое, плохо выбритое лицо глядѣло слезившимися

сѣрыми глазками съ усталымъ добродушіемъ. Когда онъ смѣялся, ротъ некрасиво кривился. На ходу Добрецовъ обыкновенно вытиралъ одну руку о полу сюртука, точно она вѣчно была у него чѣмъ-нибудь запачкана. Игралъ онъ всѣ роли, начиная съ короля Лира и кончая Филаткой и Мирошкой, и даже два раза исполнялъ женскія роли, замѣняя больную комическую старуху.

— Здѣсь дамская уборная,—заявляла Буянка, высовывая въ дверь свою русую головку.

— Знаю, милашка...

— Такъ чего же вы толчетесь у дверей? Мы васъ не пустимъ.

— Меня? Мнѣ вездѣ можно, милашка... Всѣмъ остальнымъ нельзя, а Добрецову можно.

Старикъ хихикнулъ, показывая вставные зубы, и зашагалъ къ шумѣвшему Пеплину. Буянка провожала его глазами и думала: неужели этого идіота могли когда-нибудь любить женщины? А между тѣмъ Добрецовъ пользовался большимъ успѣхомъ именно у женщинъ даже сейчасъ. Онъ всегда слылъ театральнымъ султаномъ и мѣнялъ свои привязанности по сезонамъ. Однихъ дѣтей у Добрецова насчитывали десятками, и все это добрецовское сѣмя отчасти уже пристроилось къ сценѣ, а отчасти готовилось къ ней. Старый антрепренеръ понималъ женскую равноправность съ своей мужской точки зрѣнія и не огорчался когда женщины бросали его. Въ послѣднее время его сезонной подругой состояла красавица Линевичъ-Винярская, отъ которой молодежь сходила съ ума.

Буянка знала все это и каждый разъ разсматривала Добрецова съ новымъ изумленіемъ: неужели женщины могли любить? Вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то боялась, когда онъ смотрѣлъ на нее своими прищуренными глазами,—это было естественное чувство отвращенія свѣжаго человѣка при видѣ шевелящейся гадины. Сейчасъ онъ показался ей просто отвратительнымъ, и она не наговорила ему дерзостей только изъ уваженія къ дядѣ. Вообще дѣвушка переживала одну изъ тѣхъ скверныхъ и тяжелыхъ минутъ, изъ какихъ составляется жизнь. Она забыла и о своемъ костюмѣ, и о прическѣ, и о роли, а только смотрѣла вслѣдъ исчезнувшему Добрецову и не могла оторвать глазъ отъ полутьмы неосвѣщенной сцены. Одна мысль ее, впрочемъ, точно уколола: кто такой этотъ комикъ Чайкинъ? Ужъ не одинъ ли изъ тѣхъ несчастныхъ антрепренерскихъ дѣтей, которымъ счетъ потерянъ? О своемъ происхожденіи онъ говорилъ крайне уклончиво, и Буянкѣ вдругъ сдѣлалось и страшно и обидно за этого водевилятника, за его брошенность и скитальчество, за ту несправедливость, какой была и его появленіе на свѣтъ, и дѣтство, и настоящая безпріютность. Вѣдь онъ живой человѣкъ, такой же, какъ всѣ другіе люди... Она сердцемъ поняла тѣ нѣжные взгляды, какими онъ мѣрялъ чужіе семейные углы, и все то, чего онъ не могъ ей высказать. О, навѣрно, онъ сынъ Добрецова, этотъ бѣдный водевилятникъ... Чисто-женская жалость охватила Буянку, и ей захотѣлось броситься вслѣдъ Добрецову и высказать ему прямо въ глаза всѣ эти мысли... Но въ головѣ у нея все завертѣлось и глаза заволокло туманомъ, такъ что она вернулась въ уборную, какъ пьяная.

Публика быстро прибывала. Все это была своя захолустная публика, счастливая возможностью хоть какъ-нибудь убить цѣлый вечеръ. Лѣтомъ въ Чаздилѣ царила мертвящая скука, какъ и зимой, да и какая могла быть жизнь, когда у большинства весь вопросъ сводился на двадцатое число. Въ собственномъ смыслѣ слова *жили* только большіе чиновники, окружавшіе губернатора, инженеры, адвокаты, врачи и десятка два богатыхъ купеческихъ семей, принятыхъ въ

большомъ свѣтѣ. Сейчасъ вся эта публика была налицо, главнымъ образомъ, конечно, потому, что спектакль устраивался антагонистами драматическаго кружка и притомъ въ домѣ Ивана Петровича, очень вліятельнаго человѣка въ губернской администраціи. Въ первыхъ рядахъ запестрѣли лѣтніе наряды чаплиновскихъ grandes dames, чиновничьи форменныя пуговицы, черные сюртуки и разные лѣтніе костюмы *фантази-рябыхъ*. Мужчины въ первомъ ужасно походили на знаки препинанія, особенно когда они раздѣляли цвѣточную дамскую линію. Моторина нѣсколько разъ подбѣгала къ занавѣсу и въ дырочку, просверленную любопытными пальчиками, провѣряла галлерейную публику; два губернаторскихъ чиновника особыхъ порученій, товарищъ прокурора Лихутинъ, губернскій архитекторъ Борщевскій (кружковскій премьеръ) съ женой (у ней косачиныя брови), предсѣдатель земской управы Лукинъ (parvenu изъ волостныхъ писарей), офицерикъ Сѣряковъ (кружковскій комикъ) и т. д. А вонъ и она, Марья Антоновна Ливановская, благодаря интригамъ которой Любовь Михайловна бомбой вылетѣла изъ драматическаго кружка. Ливановская, раскрашенная, какъ вербный херувимъ, кокетливо щуритъ свои бѣлобрысые глаза и довольно безцеремонно разсматриваетъ въ золотой лорнетъ собирающуюся публику.

„У, мерзавка!—откровенно думала Любовь Михайловна и даже сжимала кулаки:—такъ бы, кажется, растерзала тебя...“

— Ну что, какъ наши дѣла? — спрашивалъ Добрецова Иванъ Петровичъ,—они сидѣли въ первомъ ряду.—Первое дѣйствіе сошло недурно...

— Но пословицѣ: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало...

— Это не много, Савелій Ѳедоровичъ!

— Вы требуете, чтобы я изрекалъ хвалу?.. Нѣтъ, милашка, Добрецовъ прежде всего справедливъ...

Послѣ перваго дѣйствія было всего нѣсколько жиденькихъ аплодисментовъ, и тѣмъ дѣло ограничилось. Когда Буянка въ антрактѣ подошла къ занавѣсу, чтобы въ дырочку посмотрѣть на публику, она отскочила въ ужасѣ и слабо вскрикнула, такъ что стоявшій за ней Чайкинъ слегка поддержалъ ее.

— Что съ вами, Елена Васильевна?..

— *Онъ* сидитъ тутъ... въ первомъ ряду, — шептала Буянка, закрывая глаза.—Я его ненавижу... понимаете...

— Волноваться все-таки не слѣдуетъ: мы здѣсь не одни, —спокойно замѣтилъ Чайкинъ.

— Ахъ, мнѣ все равно!.. Я презираю его... Помните это несчастное письмо, которое вы мнѣ тогда передали?.. Да нѣтъ, вы ничего не знаете... Никто ничего не знаетъ!.. Меня удивляетъ только дерзость съ его стороны... я ему писала... У него нѣтъ даже чувства собственнаго достоинства! Всякій другой мужчина на его мѣстѣ никогда не позволилъ бы себѣ...

Чайкину стоило большого труда увести ее подальше за кулисы, усадить на первую табуретку и принять необходимыя мѣры относительно стакана холодной воды и какихъ-то капель. Буянка растерянно глотала воду, обмахивала себѣ платье и сквозь слезы шептала:

— Вы добрый, Платонъ Егорычъ... да.

Онъ молча смотрѣлъ на ея блѣдное лицо, тяжело поднимающуюся грудь, на безпорядочно сбившуюся прическу и ждалъ, когда она успокоится, —сейчасъ долженъ быть второй звонокъ.

— Такой онъ часто бывалъ у насъ,—торопливо разсказывала Буянка, точно боялась умереть вмѣстѣ со своей тайной.—Онъ мнѣ очень нравился

и... и, право, я не знаю, какъ это случилось... Бѣдный дядя ничего не подозрѣвалъ, а если бъ онъ только подозрѣвалъ...

— Успокойтесь, ради Бога... сейчасъ занавѣсъ!..

— Да?.. Я спокойна... Скажу только одно... нѣтъ, лучше идите вы и скажите ему, что онъ... онъ мерзавецъ!

А Буровъ съ небрежностью свѣтскаго льва сидѣлъ рядомъ съ Ливаневской и равнодушно отвѣчалъ на ея вопросы. Это былъ почти красавецъ, если бы его молодое лицо не портили глупые черные глаза и излишняя полнота подбородка. Ливаневская давно ухаживала за нимъ и, какъ говорила молва, не безуспѣшно. Буянка старалась не смотрѣть на нихъ, но весь партеръ для нея слился въ одно это лицо, небрежно глядѣвшее на нее глупыми черными глазами.

## VI.

Есть такіе люди, которыхъ въ критическихъ случаяхъ нагружаютъ самыми щекотливыми порученіями, и къ такимъ людямъ, между прочимъ, принадлежалъ редакторъ Петлинъ.

Сентябрьскій дождь зарядилъ съ утра, и его редакторская конура выглядѣла особенно непривѣтливо. Въ пріотворенную дверь слышался старческій шумъ работавшей типографской машины, — машина была старая и работала скверно. На редакторскомъ столѣ лежало губернаторское письмо, — это была офиціальная головомойка за какую-то статью. Трудно было себѣ представить болѣе скромную провинціальную газету, какъ „Курьеръ", а между тѣмъ замѣчанія мѣстной администраціи сыпались на нее градомъ. Но не это убивало Петлина, вышибая его изъ обычнаго легкомысленнаго настроенія. Онъ былъ серьезно огорченъ и огорченъ тѣмъ, что, просмотрѣвъ свою редакторскую корректуру, долженъ былъ итти къ Ивану Петровичу и огорчить его. Иванъ Петровичъ только-что переѣхалъ съ дачи въ свой городской домъ и, пользуясь лѣтнимъ отпускомъ, еще не ходилъ на службу. Человѣкъ отдыхаетъ, пользуясь покоемъ, и вдругъ приходитъ единственный другъ и огорчаетъ его! Чертовски-скверное положеніе даже для редактора заблудящей провинціальной газеты...

— „Тяжела ты, шапка Мономаха!" — вслухъ проговорилъ Петлинъ, сдавая корректуру фактору.

Выйдя на подъѣздъ, Петлинъ остановился въ нерѣшительности,—этакая подлецъ-погода!.. Вздохнувъ и обругавшись въ пространство, онъ храбро зашагалъ по тротуару. Дождь точно отрезвилъ его. „Ну что жъ такое?—бормоталъ онъ, оспаривая невидимаго противника:—со всякимъ можетъ случиться и даже очень... Все-таки, чортъ возьми, скверная штука!". У подъѣзда дома Ивана Петровича Петлинъ точно запнулся; ему вдругъ захотѣлось убѣжать... Да, убѣжать, какъ дѣлаютъ нашалившіе школьники, — и конецъ тому дѣлу. Можетъ-быть, Петлинъ и ушелъ бы, но дворецкій Сергѣй Ивановичъ замѣтилъ его и гостепріимно распахнулъ подъѣздъ.

— Пожалуйте, Харлампій Яковлевичъ...

— А баринъ дома?

— Дома-съ.

Эхъ, если бъ его не было дома! Ну, да теперь все равно: бѣжать поздно. Да и Сергѣй Ивановичъ улыбается такъ привѣтливо. Петлинъ храбро пошелъ въ подъѣздъ, торопливо снялъ въ передней промокшее пальто и направился прямо въ кабинетъ.

— А, это ты... — равнодушно замѣтилъ Иванъ Петровичъ, не отрывая

глазъ отъ книжки новаго журнала.—Хорошій хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, а ты рыскаешь по городу.

— Волка ноги кормятъ — это во-первыхъ, а во-вторыхъ — у меня есть серьезное дѣло...

— У тебя, серьезное дѣло? — съ обидной разстановкой переспросилъ Иванъ Петровичъ и даже расхохотался.—Комикъ ты, Харлушка... Поступай къ Савелію Ѳедоровичу!..

Пережитое волненіе, скверная погода и этотъ смѣхъ обозлили Петлина окончательно. Онъ застегнулъ свой редакторскій сюртукъ и съ дѣланой холодностью проговорилъ:

— Мнѣ всего нѣсколько словъ сказать...

— Ахъ, пожалуйста, не пугай! Ты говоришь, какъ тѣнь отца Гамлета...

Петлинъ позабылъ придуманное вступленіе и отрѣзалъ:

— Иванъ Петровичъ, а я къ тебѣ по серьезному дѣлу... Видишь ли, я получилъ письмо отъ Елены Васильевны, въ которомъ она проситъ поблагодарить тебя за хлѣбъ-соль, извиняется за тѣ непріятности, которыя дѣлала, и вообще... да...

— Буянка? Да она съ ума сошла, кажется? Такъ пишутъ только о покойникахъ... Позволь, она уѣхала на той недѣлѣ въ среду и сейчасъ гоститъ у матери. Вообще странно: почему она не написала прямо ко мнѣ, а выбрала тебя посредникомъ...

— Имѣй терпѣніе выслушать до конца... Елена Васильевна больше не вернется, и уѣхала она совсѣмъ не къ матери, а... Однимъ словомъ, тутъ цѣлая исторія.

— Ничего не пойму: кто-нибудь изъ насъ двоихъ глупъ...

— Ты помнишь Бурова?

— Ну?..

— И только...

Иванъ Петровичъ весь побагровѣлъ, хотѣлъ встать съ кресла, но сейчасъ же тяжело упалъ. Его точно обухомъ ударили... Что такое Буровъ? Не можетъ быть... Такая умненькая дѣвушка, однимъ словомъ, Буянка, и какой-нибудь Буровъ,—нѣтъ, это невозможно. Наконецъ онъ, Иванъ Петровичъ, не согласенъ, онъ протестуетъ... Старикъ хотѣлъ крикнуть: „Буянка, милая моя Буянка!“, но вмѣсто этого только заплакалъ безсильными старческими слезами. Петлинъ былъ вполнѣ удовлетворенъ произведеннымъ эффектомъ и, позабывъ гнѣвъ, искренно жалѣлъ стараго друга. Будь они прокляты, всѣ эти первые любовники... Да, всѣ, до послѣдняго!.. Вытащивъ изъ кармана смятый номеръ „Чернобыльскаго Листка“, онъ прочиталъ вслухъ не безъ эффекта:

— „Спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ: къ намъ въ Чернобыльскъ на гастроли пріѣхалъ извѣстный драматическій артистъ Буровъ... Вмѣстѣ съ нимъ гастролируетъ новая театральная звѣздочка Лохманова-Голынецъ. На послѣднее обращаемъ особенное вниманіе: наперекоръ пословицѣ, и одна ласточка можетъ сдѣлать весну...“

— Лохманова-Голынецъ? Буянка?

— Она...

— Да, да... Понимаю: маленькая реклама. Все по формѣ...

Иванъ Петровичъ помолчалъ, потеръ себѣ лобъ и накинулся на приятеля съ неожиданной яростью:

— А кто виноватъ? Ты, ты и еще разъ ты... Да! Кто говорилъ: „з

сдѣлаю изъ нея артистку"? Вотъ, радуйся... ха-ха!.. Вырвать дѣвушку изъ семьи бросить ее въ омутъ... Нѣтъ, это вы, писаки, крутите имъ головы и начиваете разной чепухой.. Я знаю сцену, и если бы Буянка спросила меня... Если бы я самъ могъ догадаться вѐ-время...

— Кажется, дѣло было ясно. Еще зимой, когда Буровъ бывалъ у тебя чуть не каждый день...

— Ты молчалъ? Видѣлъ все и молчалъ? Нѣтъ, если кто виноватъ во всемъ, такъ это ты!.. Да, ты, ты...

Петлинъ раскрылъ уже ротъ, чтобы возстановить свое попранное доброе имя, какъ въ кабинетъ ворвался Добрецовъ.

— Это что же такое, милашки?—спрашивалъ онъ, выкачивая глаза.— У меня увели одну милашку, любовницу въ Черноѣмьскѣ, другую милашку московскіе купцы увезли съ ярмарки, но это еще первый случай, чтобъ украсть любовника. Это... это... Войдите въ мое положеніе!

— Савелій Ѳедоровичъ, ты обѣсился, милашка!—заявилъ Петлинъ, загораживая своимъ маленькимъ тѣломъ хозяина.—Понимаешь, обѣсился...

— Нѣтъ, милашки, какъ это назвать: утащить изъ-подъ носа любовника?.. Что же, я самъ, что ли, буду представлять за Бурова? А?.. Разорваться мнѣ?..

— Убирайся къ чорту!—крикнулъ Иванъ Петровичъ.—Всѣ мы трое — старые дураки, и больше ничего.

— Относительно другихъ я не смѣю спорить, а что касается меня, милашки, то я не желаю быть дуракомъ... Велика честь!.. Что же я теперь, однако, дѣлать буду?.. Сезонъ въ разгарѣ, завтра идетъ „Марія Стюартъ", а я остался безъ любовника...

— Господа, говоря серьезно, что же дѣлать? — спрашивалъ Петлинъ, дѣлая трагическій жестъ.—Необходимо что-нибудь предпринять... Наконецъ просто выяснить собственное положеніе. Съ своей стороны, я совѣтовалъ бы послать телеграмму, Иванъ Петровичъ...

— Это кому же телеграмму, милашка? — спросилъ Добрецовъ, но, не дожидаясь отвѣта, скорчилъ комическую рожу и расхохотался. — *Ей* телеграмму, вѣрнѣе *имъ*, чтобы они вмѣстѣ посмѣялись надъ нами? О, милашки, могу сказать, что я знаю женщинъ и знаю еще лучше то, что онѣ не любятъ, когда имъ мѣшаютъ дѣлать глупости.

Иванъ Петровичъ оставался нѣмымъ свидѣтелемъ этой комической сцены, точно дѣло шло о комъ-то постороннемъ. Онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ извѣстіемъ и точно все еще ждалъ, что Петлинъ потреплетъ его по плечу и скажетъ: „ну, старина, извини, я пошутилъ...". Что же другое оставалось? Для чего стоитъ этотъ домъ, для чего существуетъ онъ самъ, если не будетъ Буянки?.. Въ теченіе какого-нибудь года онъ приросъ къ этой оригинальной дѣвушкѣ отцовской привязанностью и теперь мучился отцовскимъ горемъ. Неужели она унесла съ собой все—и беззаботный смѣхъ, и молодое веселье, и ту теплоту, которая согрѣла его одиночество? Но вѣдь это эгоистично думать о себѣ, главный вопросъ теперь въ томъ, что ждетъ ее на новомъ пути? Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на Добрецова какими-то мутными глазами и спросилъ:

— А вы, Савелій Ѳедоровичъ, знаете этого... этого Бурова? Что онъ за человѣкъ такой?..

— Я? Бурова? Могу сказать одно, что милашка Буровъ большой мерзавецъ, если обманулъ меня... Да, меня обманулъ, Добрецова, который тридцать лѣтъ эксплоатируетъ и видалъ всякіе виды.

— Вѣдь онъ у васъ уже служилъ одинъ сезонъ? — повторилъ вопросъ Петлинъ.

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой,—искренно удивился собственному незнанію Добрецовъ и даже развелъ руками.—Много ихъ, милашекъ, у меня перебывало, гдѣ же всякаго знать... Малый ничего, если бы прошелъ у меня всю школу, а все-таки мерзавецъ!.. У меня главное условіе для перваго любовника, чтобы одѣтъ былъ хорошо: брючки новенькія, сюртучокъ чистенькій, жилеточка модная... Нельзя, искусство прежде всего. Это не прежняя пора, когда примадонны въ ситцевыхъ платьяхъ щеголяли...

Черезъ полчаса всѣ трое входили въ столовую и были встрѣчены неистовымъ крикомъ Карла Иваныча: „Что? какъ? почему?". Сюда же явились обезьяна Форсунка и Колдунчикъ. Собака сѣла у ногъ Ивана Петровича и ласково заглядывала въ глаза, помахивая хвостомъ, а обезьяна прыгнула на спинку кресла.

— Нѣтъ у насъ Буянки...—говорилъ имъ Иванъ Петровичъ, не замѣчая катившихся по лицу слезъ.—Нѣтъ, нѣтъ и не будетъ!..

— Перестань, милашка,—успокаивалъ Добрецовъ.—Нужно быть философомъ, потому что настоящее всегда скверно, а будущее всегда неизвѣстно.

— Мнѣ было бы легче, если бы она умерла... Знаю я эти ваши актерскіе браки: ни баба, ни дѣвка, ни мужняя жена.

— Нѣтъ, милашка, у насъ тоже есть женатые по-настоящему. Взять хоть того же Бурова...

— Буровъ женатъ?

— А какъ же? Вѣдь я говорилъ... Жены не видалъ, а паспортъ видѣлъ. Двое дѣтей у него.

— Которыхъ онъ бросилъ вмѣстѣ съ женой, а теперь сманилъ дѣвушку? Савелій Ѳедоричъ, вѣдь тебя мало удавить... Гдѣ же ты былъ раньше? Буянка, навѣрно, и не подозрѣваетъ ничего.

— А она меня развѣ спрашивала?—оправдывался Добрецовъ.—У меня не женскій монастырь и не дѣвичій институтъ...

По общему соглашенію Буянкѣ была отправлена телеграмма такого содержанія: „Буровъ женатъ. У него двое дѣтей. Будьте осторожны". Подписались всѣ трое.

Вечеромъ въ этой же столовой Иванъ Петровичъ сидѣлъ одинъ. Ему было ужасно скучно, точно изъ дома только-что унесли покойника. Хотѣлъ завернуть Петлинъ и не завернулъ: его пригласилъ къ себѣ губернаторъ для новой головомойки. Какая это ужасная вещь жить на бѣломъ свѣтѣ... Дождь назойливо шелъ весь день, и сейчасъ вода журчала по водосточнымъ трубамъ. Осенній холодный вѣтеръ подувалъ гдѣ-то въ трубѣ, точно голодный звѣрь. Передъ Иваномъ Петровичемъ стылъ стаканъ чая. За день онъ какъ-то постарѣлъ и осунулся. И это жизнь: утромъ на службѣ, вечеромъ одиночество. Что-то теперь Буянка?.. Тяжело ей или весело, полюбитъ она дядю или забыла?.. Въ столовой мѣрно тикаютъ часы, гдѣ-то скребетъ мышь... Молчаніе столовой было нарушено ворчаньемъ Колдунчика, потомъ ощетинилась и щелкнула зубами Форсунка, а Карлъ Иванычъ крикнулъ въ просонкахъ: „Что? какъ? почему?". Иванъ Петровичъ очнулся отъ своего забытья и увидѣлъ стоявшаго въ дверяхъ Сергѣя Ивановича.

— Депеша, Иванъ Петровичъ...

Буянка телеграфировала: „Все знаю. Счастлива. Цѣлую васъ всѣхъ троихъ. Ваша всегда Буянка".

## VII.

Прошелъ годъ, т.-е. театральный годъ. Для артистовъ Великій постъ является постомъ вдвойнѣ. Гастролировавшая въ Чернобыльскѣ группа сидѣла въ ожиданіи навигаціи,—до Москвы, сдѣлавшейся для актеровъ своего рода рынкомъ, было далеко, и единственный путь открывался только водой. Дѣла шли такъ себѣ, а Буровъ роптал на неблагодарную публику. Онъ былъ недоволенъ пріемомъ и въ душѣ завидовалъ даже Буянкѣ, которая пользовалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Прямо онъ этого не говорилъ, хотя и не могъ выдержать характера до конца—для мелкой домашней войны было достаточно причинъ. Они жили вмѣстѣ, занимая небольшую квартирку въ чистенькомъ деревянномъ флигелькѣ.

— Эхъ, удрать бы, куда глаза глядятъ!—повторялъ Буровъ, шагая по крошечной гостиной.—Развѣ здѣсь есть публика, которая могла бы оцѣнить человѣка, понять его?

Буянка старалась не раздражать это поднятое на дыбы величіе и молчала. Она привыкла молчать, потому что поняла все ничтожество рокового человѣка, съ которымъ связала ее судьба. Затѣмъ было еще одно обстоятельство, которое измѣнило ея характеръ до основанія: въ серединѣ Великаго поста Буянка сдѣлалась матерью. Родился прехорошенькій мальчикъ. Ребенокъ походилъ на отца, и въ немъ теперь сосредоточивалось все чувство и вся любовь. Отецъ отнесся къ этой радости съ кислой гримасой: это не входило въ его расчеты. Дѣти—роскошь, доступная только очень богатымъ людямъ, а не странствующимъ артистамъ. Материнство усмирило Буянку. На время стихли тѣ недоразумѣнія и семейные счеты, которые вызывали взаимное недовольство и раздоры. Буянка забыла даже ничтожество своего мужа; она хотѣла быть только близко около него и ничего больше не требовала. Впрочемъ, Буровъ обращался съ ней очень рѣзко и пріучилъ къ извѣстному подчиненію. Это была грубая натура, поглощенная самообожаніемъ.

— Куда же мы поѣдемъ? — нѣсколько разъ спрашивала Буянка, когда рѣчь заходила о навигаціи. — Коля такой маленькій, я пока работать не въ состояніи.

— А какъ же другія актрисы работаютъ? Терпѣть не могу слезливыхъ бабъ, которыя раскисаютъ отъ перваго ребенка... Да что же мнѣ, по-твоему, дѣлать: поступить куда-нибудь волостнымъ писаремъ, загубить карьеру?..

— Я ничего не говорю, Мишель...

— Но зато думаешь... Я это вижу по твоей кислой физіономіи. Всѣ бабы одинаковы...

Что было говорить на все это? Буянка начала догадываться, что Буровъ и не любилъ ея, а вся жизнь ея похожа на одну изъ тѣхъ жалкихъ пьесъ, какими наводнена сцена за послѣднее время. Такъ же ни начала, ни конца, ни середины, а что-то безсмысленное и фатальное. Она сама провѣряла себя и находила, что, пожалуй, тоже не любитъ мужа, если вычесть извѣстную привычку и какую-то подлую жалость. И себя жаль и его, а главное — жаль то хорошее, навстрѣчу которому она шла и котораго не видѣла.

---

Наступила Пасха. Средства быстро истощались, и Буровъ дѣлался все мрачнѣе. Для него рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ являлась всего одна фраза: „Вотъ откроется навигація...“. Буянка чувствовала надвигавшуюся со всѣхъ сторонъ нужду и принялась за хозяйство, о которомъ до этого не имѣла не-

нятія. Нужно было какъ-нибудь защищаться отъ напиравшей бѣдности. Она выгадывала на прислугѣ, на провизіи, на бѣльѣ, — словомъ, на всѣхъ тѣхъ мелочахъ, какія размывали ихъ благосостояніе. Первый обѣдъ, приготовленный Буянкой, обрадовалъ ее, какъ открытіе Америки: о, она сумѣетъ быть полезной и будетъ бороться съ обстоятельствами. Вѣдь, въ крайнемъ случаѣ, она можетъ жить безъ всякой прислуги, только бы онъ былъ счастливъ и спокоенъ. Но, къ ея удивленію, онъ ни во что не ставилъ хозяйственные ея успѣхи и встрѣтилъ кислой улыбкой свой домашній обѣдъ.

— Я совсѣмъ не желаю дѣлать изъ тебя кухарку, — замѣтилъ Буровъ, брезгливо переливая приготовленный Буянкой супъ.

— Да вѣдь это на всякій случай... Мало ли что̀ можетъ быть!

— Нужно замѣтить, что я не выношу мѣщанства ни въ чемъ..

Несмотря на такое обидное равнодушіе, Буянка желала, чтобы у нихъ праздникъ былъ настоящимъ праздникомъ, и начала готовиться къ нему ровно за двѣ недѣли. Нужно было приготовить и сыръ, и окорокъ, и куличи, и бабы, и разныя закуски, какъ это дѣлается въ семейныхъ домахъ. Буровъ теперь рѣдко оставался дома, а уходилъ куда-нибудь въ гости или цѣлые дни игралъ на бильярдѣ въ трактирѣ. Буянка была даже рада этому, потому что на свободѣ могла приготовить великолѣпный сюрпризъ. Въ ней проснулась женщина, та женщина, которая, какъ перелетная птица, изъ соломинокъ и разной дряни лѣпитъ свое гнѣздо. У всѣхъ будетъ праздникъ и у нихъ тоже... Между кухней и дѣтской время летѣло съ поразительной быстротой, и, возвращаясь домой, Буровъ, къ удивленію, встрѣчалъ такое довольное и счастливое лицо жены, такъ что разъ даже пожалъ плечами и проговорилъ:

— Да ты у меня молодецъ, Буянка!..

Эта похвала заставила Буянку покраснѣть. Да, она не такая, какъ другія женщины, которыя являются для своихъ мужей чѣмъ-то въ родѣ пластыря. Она никогда не жаловалась, не удерживала мужа дома, не встрѣчала его съ кислымъ лицомъ, если онъ возвращался слишкомъ поздно, и вообще старалась не вносить того бабьяго элемента, какой отравляетъ семейную жизнь. Пусть только онъ чувствуетъ себя свободнымъ и довольнымъ, а о себѣ она какъ-то не думала. Вѣдь она была счастлива своимъ первымъ чувствомъ, хотя это продолжалось очень недолго, всего нѣсколько недѣль, а потомъ погасшую любовь мужа ей замѣнилъ ребенокъ. О будущемъ она старалась не думать, какъ и о самой себѣ: будетъ, что̀ будетъ. Даже совсѣмъ некрасивыя вещи она старалась объяснить чѣмъ-нибудь такимъ, что̀ стушевывало бы ихъ темную сторону. Разъ, напримѣръ, Буровъ намекнулъ ей съ грубой откровенностью, что она могла бы попросить денегъ у дяди, — онъ человѣкъ богатый, и что̀ ему сто̀итъ дать какую-нибудь тысячу рублей. Буянка расхохоталось.

— Мишель, ты совсѣмъ наивный человѣкъ и не понимаешь, что я этого сдѣлать не могу, — объясняла она въ шутливо-серьезномъ тонѣ. — Пойми, что нельзя... Попрошайкой я не буду никогда, и наконецъ это просто неделикатно, безтактно и неприлично.

— Все это глупости!.. Ты просто не хочешь...

— Не не хочу, а не могу. Ты послѣ это самъ поймешь, а сейчасъ ты разсуждаешь, какъ ребенокъ.

Итакъ, наступала Пасха. Буровъ ушелъ съ вечера куда-то къ знакомымъ и предупредилъ, что вернется только утромъ, — отъ знакомыхъ пройдетъ прямо въ церковь. Буянка даже была рада, что останется одна и на свободѣ устроитъ сюрпризъ. Въ хлопотахъ она не замѣчала, какъ летитъ время. По-

ставленные рядомъ два ломберныхъ стола образовали одинъ большой парадный. Бѣлоснѣжная скатерть, симметрически разставленныя бутылки и тарелки съ закусками въ общемъ представляли настоящую праздничную картину. Въ обыкновенное время у нихъ рѣдко кто бывалъ, а на праздникѣ, навѣрно, будутъ всѣ актеры, и Мишель будетъ радъ, что встрѣтитъ ихъ не по-холостому, какъ раньше. Это будетъ очень смѣшно, когда Мишель будетъ разыгрывать роль гостепріимнаго хозяина. Да, онъ привыкъ ходить по чужимъ домамъ, а теперь приходится самому принимать гостей. Сначала это будетъ просто занимать его, какъ ребенка, а потомъ войдетъ уже въ колею, и семейная жизнь покатится своимъ чередомъ.

Къ двѣнадцати часамъ Буянка умаялась до того, что не чувствовала подъ собой ногъ. Когда ударили въ колоколъ къ Христовой заутренѣ, она прилегла отдохнуть. Мишель теперь въ церкви... Ей хотѣлось встрѣтить эту торжественную минуту вмѣстѣ. Благочестіемъ она не отличалась, но годовые торжественные праздники несли съ собою цѣлую струю такихъ хорошихъ дѣтскихъ воспоминаній, когда мать увозила ее въ церковь. Гулъ колоколовъ, огонь пасхальныхъ свѣчъ, праздничное пѣніе, улыбающіяся лица знакомыхъ, собственное бѣлое платье—все это сложилось въ одну ликующую свѣтомъ и радостью картину. Увидитъ ли ея Коля эти дѣтскія радости и свѣтлое дѣтски-праздничное настроеніе?

Буянкѣ захотѣлось даже молиться, не за себя, а вотъ за этого маленькаго Колю, предъ которымъ стояло неизвѣстное будущее. Милый ребенокъ, онъ уже улыбался, когда она подходила къ его кроваткѣ.

Буянка заснула мертвымъ молодымъ сномъ и проснулась очень поздно. Ее разбудилъ чей-то осторожный голосъ въ передней и шопотъ кухарки. Она спала, не раздѣваясь, и сейчасъ же вышла въ переднюю, плохо понимая, что̀ дѣлается кругомъ. Ахъ, сегодня первый день Пасхи... Гдѣ же Мишель? Вѣроятно, онъ вернулся часа въ три и не хотѣлъ ее будить. Она даже почувствовала себя виноватой и любовно посмотрѣла на затворенную дверь въ его комнату.

— Здравствуйте, Елена Васильевна,—проговорилъ въ полутьмѣ передней чей-то знакомый голосъ.—Христосъ воскресе!..

— Боже мой, да это вы, Платонъ Егорычъ!—воскликнула Буянка, радостно цѣлуясь съ комикомъ изъ щеки въ щеку. — Воистину воскресе, голубчикъ... Какими судьбами вы попали сюда? Вотъ Мишель будетъ радъ...

— Дядя вамъ кланяется...—смущенно говорилъ Чайкинъ.

— Милый, какъ я о немъ соскучилась! Представьте себѣ, вѣдь я ужасно люблю его и все время не собралась написать ни одного письма. Онъ здоровъ? А Харлампій Яковлевичъ? А Карлъ Иванычъ? А Форсунка? А Колдунчикъ?

Буянка сдѣлала движеніе въ сторону комнаты Бурова, но Чайкинъ удержалъ ее.

— Мнѣ необходимо серьезно поговорить съ вами...—предупредилъ онъ ее, опуская глаза.

— Что̀ такое случилось? Сначала нужно разговѣться, а потомъ ужъ я къ вашимъ услугамъ... Послушайте, вы меня пугаете! Наконецъ такой серьезный видъ не идетъ комику. Ахъ, какъ я вамъ рада... ужасно рада. Вы мнѣ сегодня сдѣлаете праздникъ, а поэтому давайте еще похристосуемся.

Чайкинъ окончательно растерялся и не зналъ, какъ ему приступить къ дѣлу. Дорого бы онъ далъ, чтобы не быть здѣсь сейчасъ и не видѣть улыбавшагося лица Буянки. Усадивъ ее въ кресло, онъ подалъ заклеенный конвертъ безъ адреса.

— Отъ дяди?—спрашивала Буянка, нетерпѣливо разрывая конвертъ.

Взглянувъ на знакомую руку, она вся обомлѣла и какъ-то инстинктивно схватила Чайкина за руку, точно искала у него защиты и поддержки. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, набросанныхъ второпяхъ дрожавшей рукой, она спокойно проговорила:

— Не можетъ быть: это вы сами написали...

Въ слѣдующую минуту она была уже въ комнатѣ Бурова, которая оставалась пустой. Господи, что̀ же это такое? Онъ бѣжалъ, бѣжалъ самымъ позорнымъ образомъ, бросивъ ее съ ребенкомъ на произволъ судьбы... Отчаянный крикъ Буянки заставилъ Чайкина броситься къ ней на помощь. Она лежала на полу, разбитая, уничтоженная, опозоренная.

Чайкинъ что-то такое говорилъ ей, заставлялъ пить воду, натиралъ виски одеколономъ и опять говорилъ какія-то жалкія слова, которыми успокаиваютъ погибающихъ. А Буянка чувствовала только одно, что страшная и давящая пустота наполнила вотъ эти комнаты, ея голову и сердце, что впереди ничего не осталось. За что же?

— Развѣ я была дурной женой?—спрашивала Буянка, не обращаясь ни къ кому.—Развѣ я была плохой матерью?..

Нѣсколько разъ ей дѣлалось дурно, и Чайкинъ ухаживалъ за ней съ терпѣніемъ сидѣлки.

Письмо Бурова было коротко: „Милая Буянка, наше сожительство было простымъ недоразумѣніемъ, какъ ты, вѣроятно, уже и сама догадываешься... Рано или поздно должно было случиться то, что̀ я дѣлаю сейчасъ. Да, я не созданъ для семейной жизни и тихихъ семейныхъ радостей. Прости и забудь навсегда. Остальное узнаешь отъ Чайкина. Артистъ Буровъ“.

Возлюбленный Буянки не имѣлъ терпѣнія дождаться навигаціи, занялъ гдѣ-то денегъ и уѣхалъ въ Москву на почтовыхъ. Чайкинъ ѣхалъ въ Чернобыльскъ по порученію Ивана Петровича, чтобы провѣдать Буянку, и на почтовой станціи совершенно случайно встрѣтился съ Буровымъ.

— Это письмо пойдетъ въ pendant къ тому, котороe вы передавали ей въ прошломъ году, — объяснилъ Буровъ, заклеивая конвертъ. — Она славная дѣвушка, и мнѣ отъ души ее жаль.

## VIII.

Прошелъ еще годъ.

Иванъ Петровичъ какъ-то сразу постарѣлъ, окончательно обрюзгъ и вообще опустился. На службу онъ ходилъ только по обязанности, дотягивая пенсію,—ему оставалось дослуживать всего нѣсколько мѣсяцевъ. Домомъ управлялъ все тотъ же Сергѣй Иванычъ; въ гостиной все такъ же попка Карлъ Иванычъ неистово выкрикивалъ: „Какъ? что̀? почему?“. Обезьяна Форсунка прихварывала и, какъ больной человѣкъ, жалась къ хозяину: у ней развивалась чахотка. Разъ она сильно напугала Ивана Петровича, заявившись къ нему въ кабинетъ въ бѣлой простынѣ,—больное животное куталось во что-нибудь теплое, но цѣлымъ часамъ лежало на диванѣ и постоянно слѣдило своими пристальными больными глазами за хозяиномъ.

— Что̀, плохо, Форсунка?—разговаривалъ съ ней Иванъ Петровичъ.

Обезьяна закрывала глаза и тяжело вздыхала. Ее очень мучила лихорадка, а по ночамъ являлся бредъ. О лихихъ дракахъ съ Колдунчикомъ не было и помину, потому что и вѣрный старый песъ платилъ дань своему собачьему времени. Онъ имѣлъ какой-то застывшій видъ и жалко переваливался на короткихъ ножкахъ. Спина у Колдунчика не гнулась, шерсть облѣзла, зубы

пожелтѣли,—вообще онъ представлялъ своей особой яркую картину старческаго маразма.

— Что̀, плохо, старина? — спрашивалъ Иванъ Петровичъ, лаская собаку.—Видно, пришла намъ съ тобой пора умирать... Скверно, Колдунчикъ!..

Сергѣй Иванычъ бродилъ по всему дому и ворчалъ что-то такое себѣ подъ носъ, что̀ зналъ только онъ одинъ. Старикъ тоже быстро дряхлѣлъ и боролся съ разными старческими недугами, особенно подъ ненастье, когда ныли ноги, отнималась поясница и развинчивались всѣ суставы. По вечерамъ Сергѣй Иванычъ придетъ къ барину въ кабинетъ, станетъ у двери и стоитъ.

— Чего тебѣ, Сергѣй Иванычъ?

— Да такъ, Иванъ Петровичъ...

Молчаніе. Иванъ Петровичъ старается сдѣлать видъ, что читаетъ первую попавшуюся на глаза книгу, но Сергѣя Иваныча этимъ не обманешь: онъ свое выстоитъ. Иванъ Петровичъ чувствуетъ на себѣ его взглядъ, точно его камнемъ придавили.

— Ну, что̀ скажешь, Сергѣй Иванычъ?

— А все то же, Иванъ Петровичъ... Правду нужно говорить. Конечно, теперь вы на уклонѣ своихъ дней и собственное свое понятіе можете имѣть... Вотъ сидите вы, напримѣрно, одни-одинешеньки, и тошненько глядѣть на васъ.

— И не смотри...

— Дружки-то, которые ваши, пріятели, во̀-время о себѣ позаботились: одинъ человѣкъ и будетъ одинъ: ни впереди у него ни позади ровно ничего. Глаза закрыть некому... Какой это порядокъ!.. Домъ пустой стоитъ... Прежде хоть актеришки, которые заблудящіе, околачивались, а нынче и того не стало.

— Надоѣли они мнѣ, Сергѣй Иванычъ.

— А мнѣ-то и того больше, Иванъ Петровичъ. Сколько одного вина вытрескали, не тѣмъ будь помянуты, не касаемо остального прочаго... Какъ наша барышня тогда ушла, такъ все тѣмъ и кончилось. Главная причина, Иванъ Петровичъ, что безъ барышни намъ никакъ невозможно!..

— Опять за старое! Что̀ же я, по-твоему, жениться долженъ? Ну, подумай, съ чѣмъ это сообразно: молодая за меня не пойдетъ, а старуху мнѣ и самому не нужно.

— Это вы правильно, Иванъ Петровичъ, только я не согласенъ, и все тутъ.

Подобные разговоры неизмѣнно кончались тѣмъ, что Иванъ Петровичъ начиналъ ругаться,—онъ ругается, а Сергѣй Иванычъ въ тактъ покачиваетъ головой; дескать, отлично, баринъ, еще не будетъ ли прибавки отъ вашей милости?.. Когда барину надоѣдало ругаться, Сергѣй Иванычъ выговаривалъ наконецъ то, съ чего, собственно, слѣдовало начать:

— А я къ барышнѣ, Иванъ Петровичъ, съѣзжу. Тоже и провѣдать ихъ надобно.

— Я тебя не удерживаю... Да ты у меня смотри, не болтай тамъ.

Иванъ Петровичъ находился въ полномъ подчиненіи у Сергѣя Иваныча, какъ это случается со старыми холостяками. Онъ часто задавалъ себѣ вопросъ, почему онъ не прогонитъ вотъ этого самаго Сергѣя Иваныча, который жилы изъ него тянетъ, и каждый разъ ему дѣлалось страшно при одной мысли объ этомъ. А что̀, въ самомъ дѣлѣ, если въ одно прекрасное утро Сергѣй Иванычъ возьметъ да уйдетъ отъ него? Нѣтъ, это невозможно... Тогда осталось бы одно: закрыть глаза и умереть. Да, и ничего больше.

Заручившись этимъ позволеніемъ, Сергѣй Иванычъ какой-то молодой походкой выходилъ заднимъ крыльцомъ во дворъ и молодцовато приказывалъ кучеру Андрею:

— Подавай!..

Лошадь была заказана еще до разговора съ бариномъ, и Андрей не спрашивалъ, куда ѣхать. Онъ отлично зналъ дорогу, по которой Сергѣй Иванычъ любилъ ѣздить.

— Ну, Андрюшка, поворачивайся,—ласково говорилъ старикъ, запрятывая въ ноги какой-то таинственный узелъ.—Живой рукой обернемъ: стриженая дѣвка косы не успѣетъ заплести...

Всю дорогу Сергѣй Иванычъ болталъ безъ умолку и все торопилъ. Вечеромъ-то, пожалуй, и опасно ѣздить за городъ, да только Сергѣю Иванычу совсѣмъ не до страха. А какъ завидитъ онъ крышу знакомой дачи или вечеромъ въ лѣсу замигаетъ знакомый огонекъ—на сердцѣ еще веселѣе. Андрей изучилъ всю повадку стараго дворецкаго и подкатывалъ его къ дачѣ „по-губернаторски", осаживая лошадь на всемъ ходу.

Сергѣй Иванычъ исчезалъ въ калиткѣ, а потомъ черезъ кухню пробирался въ комнаты, т.-е. въ столовую. Изъ гостиной его всегда окликалъ знакомый, такой ласковый голосъ:

— Кто тамъ?

— Это я, Елена Васильевна... Дядюшка Иванъ Петровичъ приказали кланяться. Какъ живете-можете, Елена Васильевна?

— Помаленьку, Сергѣй Иванычъ.

— Благодареніе Господу... А здоровьице ваше какъ?

— Ничего, хорошо.

— Слава Богу, слава Богу...

Буянка уже цѣлый годъ жила на дачѣ и никуда не выѣзжала. Она отдыхала здѣсь душой и тѣломъ и „была рада мѣсту", какъ говорилъ про нее Сергѣй Иванычъ. Изъ постороннихъ у ней бывалъ одинъ Петлинъ, иногда Чайкинъ, да изрѣдка самъ Иванъ Петровичъ, выѣзжавшій вообще рѣдко. Съ дядей Буянка, впрочемъ, не ладила, такъ что каждый его визитъ заканчивался новой размолвкой. Онъ требовалъ, чтобы Буянка переѣзжала въ городъ къ нему въ домъ, а она этого не хотѣла. „Что же ее шевелить, барышню, — разсуждалъ про себя Сергѣй Иванычъ: — была ошибочка, ну и достаточно... А выѣдетъ въ городъ, долго ли опять до грѣха, потому женское дѣло слабое". Сергѣй Иванычъ на дачѣ былъ желаннымъ гостемъ, и Буянка любила угощать его чаемъ. Сидятъ вдвоемъ и толкуютъ о разныхъ разностяхъ. Сергѣй Иванычъ попроситъ дозволенія папироску выкурить, а Буянка что-нибудь работаетъ. Она почти постоянно за работой — то шьетъ, то вяжетъ, то вышиваетъ. Извѣстно, свою женскую линію ведетъ. А сама такая спокойная, и ничего похожаго на то, что раньше бывало, когда на головѣ ходила. Укротилась, однимъ словомъ... Даже лицомъ совсѣмъ другая сдѣлалась: полная да бѣлая, какъ слѣдуетъ быть барышнѣ.

Напившись чаю и выкуривъ папироску, Сергѣй Иванычъ дѣлалъ небольшую паузу и какимъ-то не своимъ голосомъ произносилъ роковую фразу:

— А я къ вамъ съ дѣльцемъ съ маленькимъ, Елена Васильевна...

Каждый разъ Буянка вздрагивала, точно Сергѣй Иванычъ выстрѣлитъ по ней.

— Насчетъ Николая Михайловича, — продолжалъ Сергѣй Иванычъ. — Ужъ будьте вполнѣ покойны, Елена Васильевна. Какъ зѣницу ока сохраню...

Начинались переговоры. Буянка спорила, хмурила брови и наконецъ

соглашалась, если самъ Николай Михайловичъ пожелаетъ. Они шли вмѣстѣ въ дѣтскую, гдѣ прежде былъ кабинетъ Ивана Петровича, и Сергѣй Иванычъ улыбался тихой и свѣтлой улыбкой. Маленькій Коля уже давно ходилъ и называлъ Сергѣя Иваныча дядей. Только увидитъ старика и весело засмѣется.

— Коля, хочешь съ дядей ѣхать въ городъ?—спрашиваетъ Буянка.

— Хоху, — по-своему отвѣчаетъ ребенокъ, и этимъ дѣло устраивается окончательно.

Недовольной остается всегда старушка-няня, которая всего боится и не любитъ отпускать ребенка „неизвѣстно куда". Начинаются сборы, Сергѣй Иванычъ ликуетъ и все улыбается. Коля выражаетъ нетерпѣніе, пока его закутываютъ, и тянется ручонками къ Сергѣю Иванычу.

— А я захватилъ съ собой про запасъ, — конфузливо объясняетъ Сергѣй Иванычъ, развертывая привезенный съ собой узелъ, въ которомъ оказывается и теплое одѣяло, и пледъ, и даже какая-то шапка. — На всякій случай...

— Смотри, осторожнѣе, — говоритъ Буянка, провожая гостей на крыльцо.

Андрей подаетъ лошадь осторожно, какъ ѣздитъ съ бариномъ, и городской экипажъ уноситъ съ собой все счастье Буянки. Она долго стоитъ на крыльцѣ, вглядывается въ неопредѣленную даль и тихо возвращается въ свою комнату.

Всю дорогу веселится Сергѣй Иванычъ,—надо утѣшить младенца. Онъ ему и сказки разсказываетъ, и пѣсни поетъ, и по-индюшечьи бормочетъ. Коля смѣется гдѣ-то подъ шалью, двигаетъ ножонками и все старается выпростать руки.

— Милый ты мой человѣкъ, никакъ невозможно, чтобы руки на свѣжій воздухъ,—уговариваетъ старикъ.—Ручки-то и будутъ красныя, какъ гусиныя лапы. Такъ-то, ангельчикъ мой...

Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ ждетъ появленія внучка. Онъ ходитъ отъ окна къ окну и прислушивается къ каждому звуку, вотъ-вотъ задребезжитъ экипажъ... Наконецъ экипажъ подъѣхалъ, въ передней звонокъ, и Иванъ Петровичъ бѣгомъ бѣжитъ навстрѣчу дорогому маленькому гостю, а за нимъ ковыляетъ Колдунчикъ и заливается сиплымъ старческимъ лаемъ. Карлъ Иванычъ, заслышавъ суматоху, оретъ въ темнотѣ: „Что? какъ? почему?". Одна Форсунка остается на своемъ мѣстѣ и печально ждетъ, когда гость самъ придетъ къ ней въ комнату.

— Горошкомъ подкатились,—объясняетъ радостно Сергѣй Иванычъ. — Елена Васильевна здоровы и кланяются.

Виновникъ всего этого торжества постепенно освобождается отъ закутывающихъ его шалей и попадаетъ прямо на руки къ дѣдушкѣ. Домъ точно оживаетъ, и на радостяхъ Сергѣй Иванычъ зажигаетъ огонь даже въ гостиной, которая остается обыкновенно темной. А какъ весело въ столовой, гдѣ уже кипитъ самоваръ и варенье ждетъ маленькаго лакомку.

— Вы его не очень-то мните, Иванъ Петровичъ,—предупреждаетъ Сергѣй Иванычъ, ревниво слѣдя за каждымъ движеніемъ своего барина.—Елена Васильевна какъ наказывали...

— Что ты меня учишь, старый дуралей?—добродушно огрызается Иванъ Петровичъ.—Съ твое-то могу понимать...

Иванъ Петровичъ ревнуетъ внучка къ Сергѣю Иванычу и потихоньку старается выучиться разнымъ штукамъ, которыя занимаютъ ребенка: онъ тоже

кричитъ по-индюшечьи, показываетъ, какъ идетъ дымъ у богатаго мужика и у бѣднаго, и вообще пускается на всѣ штуки. Коля оказывается страшнымъ эгоистомъ и думаетъ только о самомъ себѣ да еще о больной Форсункѣ, которую очень любитъ.

Старики цѣлый вечеръ возятся съ ребенкомъ, а укладываетъ его спать одинъ Сергѣй Иванычъ. Иванъ Петровичъ сознаётъ въ этомъ случаѣ его полное превосходство.

„Усталъ, братъ, — думаетъ Иванъ Петровичъ про гостя, шагая по гостиной и прислушиваясь, что̀ дѣлается въ спальнѣ, — какъ девять часовъ, такъ и голова съ плечъ долой“.

Когда Коля засыпалъ, Сергѣй Иванычъ выходилъ на цыпочкахъ въ гостиную и торжественно поднималъ палецъ вверхъ: „Тсс! Николай Михайлычъ изволятъ почивать...“. Старики поочередно караулили спавшаго гостя всю ночь и каждый разъ удивлялись, какъ онъ хорошо и крѣпко спитъ.

## IX.

Чащиловская публика была неумолима, какъ и всякая другая провинціальная публика. Помилуйте, общественная нравственность была потрясена въ самомъ основаніи, и матери говорили между собой о Буянкѣ съ ужасомъ. Вѣдь теперь невозможно принять ее въ домъ или подать руку, не компрометируя себя. При взрослыхъ дочеряхъ имя Буянки не упоминалось совсѣмъ. Правда, мужчины были снисходительнѣе, но въ такихъ случаяхъ они предпочитали отмалчиваться. Если чащиловскія дамы могли позволять себѣ легкія интрижки, то это совсѣмъ другое дѣло, и даже во всѣхъ опереткахъ объ этомъ подробно говорится. А дѣвичій грѣхъ совсѣмъ особь статья... Кружковцы положительно ликовали, и m-me Моториной пришлось выдержать нѣсколько горячихъ стычекъ. Конечно, главной зачинщицей являлась здѣсь m-me Ливаневская, не умѣвшая простить Буянкѣ ея театральныхъ успѣховъ. Ливаневскую поддерживалъ архитекторъ Борщевскій, служившій въ кружкѣ премьеромъ. Изъ кружка толки и пересуды перешли въ Капернаумъ, но здѣсь не встрѣтили особенно горячаго сочувствія.

— Не наше дѣло, — политично замѣтилъ земскій предсѣдатель Лихудинъ.—Да и Иванъ Петровичъ такой почтенный человѣкъ.

Антрепренеръ Добрецовъ, игравшій на бильярдѣ, подтвердилъ это благоразумное мнѣніе и прибавилъ отъ себя тономъ спеціалиста:

— Попробуйте вы, господа, быть дѣвушкой хоть на мѣсяцъ, тогда и узнаете, каково ей приходится... Нельзя, милашки, все обвинять! Вонъ у меня ихъ сотни перебывали, а каждая милашка по-своему съ ума сходитъ.

Комикъ Чайкинъ не принималъ никакого участія въ этихъ пересудахъ, хотя театральныя дамы и приставали къ нему съ разспросами.

— Ничего я не знаю,—отвѣчалъ онъ обыкновенно.

— Да вѣдь вы, Платонъ Егорычъ, и письмо ей тогда на Пасхѣ передали? Не отпирайтесь... И на дачу къ ней каждую субботу ѣздите. Ну, покайтесь, голубчикъ, вы влюблены?

— Да, влюбленъ,—соглашался комикъ, чтобы отвязаться.—Я во всѣхъ женщинъ влюбленъ.

На дачѣ Чайкинъ, дѣйствительно, бывалъ только по субботамъ, когда не было спектаклей. Буянка встрѣчала его не одинаково: то совсѣмъ равнодушно, то какъ своего человѣка. Для ихъ обычныхъ разговоровъ поставлено было только одно условіе: не говорить ни слова о театрѣ.

— Понимаете я не могу...—объясняла Буянка, опуская глаза.— Настоя-

щій театръ—ужасная вещь! Я говорю не о пьесахъ, а объ общемъ строѣ жизни, о театральныхъ нравахъ.

— Театръ тутъ ни при чемъ, Елена Васильевна,—спорилъ Чайкинъ.— Онъ, какъ всякое другое общественное учрежденіе, ни правъ ни виноватъ... Все зависитъ отъ условій и времени...

— Да вѣдь всегда такъ было?

— Нѣтъ, раньше было лучше, когда труппы изображали собой большія семьи, какъ было въ провинціи. Нынче все перепуталось благодаря новымъ условіямъ... Публика скучаетъ, если актеръ или актриса служитъ роковой третій сезонъ.

— Скверная, значитъ, публика, и все дѣло сводится на то, чтобы угождать ей. Знаете, я боюсь даже думать о театрѣ, какъ пьяница о водкѣ... Это моя погибель. Если бы наступилъ тотъ день, когда я опять поступлю на сцену—это будетъ мой послѣдній день: я умерла бы для самой себя.

Чайкину нравилось слушать, какъ говоритъ Буянка, и онъ все время наблюдалъ ея оживлявшееся лицо, вслушивался въ интонацію голоса и слѣдилъ за всѣми оттѣнками переходовъ отъ одного настроенія къ другому. Онъ чутьемъ артиста чувствовалъ въ ней то, что̀ называется талантомъ. Да, она умѣла сказать однимъ словомъ то, что̀ не выговорится длинной фразой, — говорилъ въ ней не одинъ языкъ, а все лицо, глаза, вся фигура. Прежней Буянки не было съ ея рѣзкими выходками и молодой грубостью, а была совсѣмъ другая женщина, о которой нельзя было даже сказать, красива она или безобразна, но которую хотѣлось слушать безъ конца и смотрѣть на нее. Въ ней, прежде всего, привлекала неудержимо-чарующая простота: она была въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Буянка со своей стороны могла то же сказать про Чайкина, хотя и съ нѣкоторыми поправками: онъ постепенно сдѣлался тѣмъ своимъ человѣкомъ, о которомъ не думаютъ, красивъ онъ или дуренъ, хорошъ или не хорошъ. Просто—Платонъ Егорычъ... Часто Буянка даже забывала о присутствіи своего гостя, особенно, когда онъ уходилъ въ дѣтскую къ Колѣ,

Разговоровъ о театрѣ нельзя было избѣжать только въ присутствіи Петлина, благодаря его неудержимой болтовнѣ. Онъ бывалъ на дачѣ раза два въ недѣлю и часто очень надоѣдалъ Буянкѣ: сядетъ и сидитъ безъ конца, разсказывая городскія новости. Въ послѣднее время Буянка замѣтила, что редакторъ почему-то недолюбливаетъ Чайкина, и откровенно спросила его объ этомъ.

— Я? Я не люблю Чайкина? — изумлялся Петлинъ. — Пощадите, Елена Васильевна... Если говорить правду, такъ мнѣ, право, рѣшительно все равно, существуетъ онъ на бѣломъ свѣтѣ или нѣтъ.

— Однако вы придираетесь къ нему, Харлампій Яковличъ?

— Ахъ, это ужъ извините: отцу родному не спущу, если бы онъ заговорилъ глупости, а Чайкинъ... Извините меня, Елена Васильевна, но Чайкинъ, говоря между нами, глупъ—и глупъ спеціально-театральной глупостью. Замѣтьте, онъ и говоритъ готовыми фразами, надерганными изъ разныхъ пьесъ.

— Къ сожалѣнію, не могу съ вами согласиться, Харлампій Яковличъ... Мнѣ лично не нравится самый тонъ, какимъ вы говорите въ послѣднее время о Платонѣ Егоровичѣ, точно подозрѣваете его въ чемъ-то очень дурномъ.

Къ удивленію Буянки, Петлинъ какъ-то принужденно замолчалъ, а потомъ долго не могъ попасть въ свой обычный легкомысленно-газетный тонъ.

— За что васъ не взлюбилъ Петлинъ? — спрашивала Буянка комика спустя нѣкоторое время.

— Меня? Право, не замѣчалъ...

— Вы не умѣете обманывать... Говорите правду.

Чайкинъ въ свою очередь смутился не меньше Петлина и послѣ неловкой паузы наконецъ признался, что Петлинъ, кажется, ревнуетъ его. Это разсмѣшило Буянку до слезъ.

— Ревнуетъ васъ?—говорила она, задыхаясь отъ смѣха. — Позвольте узнать, къ кому?

— Это тайна,—отшучивался Чайкинъ.

— Я требую, чтобы тайна была открыта, потому что предъ вами любопытная женщина.

— Неужели вы не догадываетесь, Елена Васильевна?

— Хоть убейте, ничего не понимаю! Итакъ?..

— Итакъ, Петлинъ ревнуетъ меня къ вамъ.

Теперь очередь смущаться выпала уже на долю Буянки. Петлинъ влюбленъ въ нее? Петлинъ, отецъ четверыхъ дѣтей и примѣрный мужъ? Петлинъ, которому за сорокъ лѣтъ? Петлинъ, лучшій другъ дяди? Нѣтъ, это что-то невозможное и даже обидное... Она, кажется, не позволяла себѣ никогда и ничего такого, что̀ дало бы кому-нибудь поводъ разыгрывать съ ней романы или вообще смотрѣть на нее, какъ на „даму, пріятную во всѣхъ отношеніяхъ“. Неужели она уже такъ низко упала, что можетъ возбуждать въ мужчинѣ только опредѣленный родъ чувствъ и желаній?

— Скажите, пожалуйста, Платонъ Егорычъ, вы это говорите серьезно?— спрашивала Буянка измѣнившимся голосомъ.

— Да. Вы сами требовали этого... Только вы напрасно такъ встревожились: на артистокъ большинство публики—мужчинъ смотритъ съ извѣстной точки зрѣнія, а вы имѣли несчастіе служить на сценѣ. Это, въ сущности говоря, самая обыкновенная исторія, на которую не сто̀итъ обращать вниманія. Одинокая женщина не застрахована ни отъ чего... Наконецъ въ рукахъ каждой женщины есть тысяча тѣхъ маленькихъ средствъ, какими выпроваживаютъ мужчинъ за дверь.

— Но вѣдь это обидно, поймите вы, ради Бога!.. Да, обидно... Неужели я похожу на тѣхъ женщинъ, съ которыми можно позволить себѣ все?

Чайкинъ истощилъ всѣ извѣстныя ему средства, чтобы успокоить Буянку, но изъ этого ничего не вышло, кромѣ того, что онъ самъ разстроился.

— На стѣну баба лѣзетъ!—ругался Чайкинъ, возвращаясь съ дачи восвояси.—Хоть ей колъ на головѣ теши... Изъ пустяковъ сдѣлать цѣлое Бородинское сраженіе!

Взрывъ благороднаго негодованія Буянки въ сущности очень подѣйствовалъ на Чайкина, показавъ ему эту женщину во весь ростъ. Такія женщины не шутятъ, чортъ возьми!.. Интересно бы знать, какъ она смотритъ на него, Чайкина? Вѣроятно, какъ на безвредную собачку, которой позволяютъ лизать руки. Возмущаясь ревностью Петлина, Буянка совершенно упустила изъ виду, что если она сама не любитъ комика Чайкина, то это не мѣшаетъ комику Чайкину любить ее. Да, комикъ Чайкинъ, и больше ничего. Кувыркайся передъ публикой, смѣши зѣвакъ, а о самомъ себѣ забудь. Природа точно въ насмѣшку дала именно этому гаеру теплое любящее сердце, а случай опуталъ это сердце тысячью невидимыхъ нитей, связывавшихъ его съ другимъ сердцемъ. Какъ мучился комикъ Чайкинъ, возвращаясь съ дачи, по

зналъ никто. Онъ казался ничтожнымъ самому себѣ, и это сознаніе убивало его. Развѣ такихъ людей любятъ женщины? Развѣ о нихъ онѣ плачутъ? Нѣтъ, имъ подавай надутое ничтожество, а тамъ будь, что̀ будетъ...

Въ свою очередь Буянка тоже мучилась. Она почти не спала всю ночь, переживая все старое. Предъ ней стояли живыми слова Чайкина: „одинокая женщина ничѣмъ не застрахована отъ подобныхъ обидъ". Что̀ же ей дѣлать? Да, она сдѣлала громадную ошибку, единственную въ своей жизни и, къ сожалѣнію, непоправимую, но это еще не даетъ никому права оскорблять ее... Вѣдь она ушла отъ всѣхъ и похоронила себя на дачѣ, чего же еще можно требовать отъ нея?

— Одинокая, одинокая...—шепталъ ей чей-то голосъ.

— Кому же я сдѣлала зло?—спрашивала Буянка вслухъ самоё себя.— Ребенку, который не знаетъ отца?.. Но это не моя вина, а вина отца, бросившаго и мать и ребенка. Огорчила мать, дядю? Но я искупаю свою вину всей жизнью.

И впереди ничего, ничего, ничего!.. Въ ея положеніи дѣвушки кончаютъ самоубійствомъ, и, можетъ, она сдѣлала бы такъ же, если бы не ребенокъ, котораго она не въ силахъ бросить на произволъ судьбы. Что̀ же остается? Ничего и ничего... Нѣтъ, остается все та же гибель въ видѣ сцены. Вѣдь это единственное мѣсто, гдѣ женщинѣ прощается все, вотъ почему женщины и рвутся туда — на сценѣ цѣнится человѣкъ, цѣнится талантъ, а до личной жизни никому нѣтъ дѣла. Да, она опять пойдетъ на сцену, и тогда никто не посмѣетъ указывать на нее пальцами, какъ теперь дѣлаетъ какая-нибудь Ливаневская. Она пережила свой позоръ, и сцена ее застрахуетъ отъ новыхъ оскорбленій. На зло всѣмъ этимъ ханжамъ она выступитъ на подмосткахъ, а защитники найдутся...

Утромъ Буянка проснулась съ больной головой и сама удивилась своимъ вчерашнимъ мыслямъ, которыя при дневномъ свѣтѣ попрятались, какъ ночныя птицы. Нѣтъ, она никогда не поступитъ на сцену, какъ уже дала себѣ слово. Спасенье ея не тамъ, а вотъ въ этихъ стѣнахъ, около своего ребенка. Она покажетъ всѣмъ, что дѣйствительно умѣла любить, только одинъ разъ любить, и другого такого раза не будетъ. Да, не будетъ... А потомъ Коля вырастетъ большой, и тогда... что̀ будетъ тогда? Ахъ, зачѣмъ загадывать впередъ, когда жизнь такъ долга и будущее неизвѣстно. О Буровѣ она думала, какъ думаютъ о мертвыхъ людяхъ, и не интересовалась, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ. Зачѣмъ тревожить больное мѣсто?.. Прошлаго не воротишь...

„Однако что̀ же я буду дѣлать съ этимъ глупцомъ Петлинымъ, если Чайкинъ не ошибается?—думала Буянка. — Надо его удалить подъ какимъ-нибудь предлогомъ... Останется одинъ Чайкинъ. А можетъ-быть, и онъ влюбленъ и тоже женатъ, какъ Петлинъ или какъ Буровъ?.. Ахъ, никого мнѣ не нужно, никого..."

Это тяжелое раздумье было неожиданно прервано. Появилась горничная и заявила, что пріѣхалъ какой-то господинъ и желаетъ видѣть барышню.

— Можетъ-быть, не меня?—удивилась Буянка.

— Нѣтъ, они такъ и сказали: „мнѣ нужно Елену Васильевну". Изъ себя будутъ совсѣмъ старички...

## X.

Можно себѣ представить удивленіе Буянки, когда, выйдя въ гостиную, она встрѣтила Добрецова, прохаживавшагося изъ угла въ уголъ съ самымъ дѣловымъ видомъ.

— Догадываюсь, что я для вас явился пріятной неожиданностью,—довольно развязно проговорилъ антрепренеръ своимъ гнусавымъ голосомъ.

— Будьте любезны, садитесь...

Добрецовъ съ полной непринужденностью развалился въ креслѣ, закурилъ сигару, медленно обвелъ глазами комнату и безъ всякихъ вступленій и предисловій проговорилъ:

— Представьте себѣ, милашка-то моя вѣдь сбѣжала... Это со мной третій случай. Да.

— Какая милашка?

— Моя первая любовница, т.-е. театральная любовница. Правда, у насъ было нѣсколько стычекъ, но войдите въ мое положеніе: что̀ я теперь буду дѣлать? Не самому же играть женскія роли, хотя и былъ такой случай...

— Сочувствую вашему горю, но не вижу, чѣмъ могу быть вамъ полезной.

— Считаю не лишнимъ, сударыня, предварительно напомнить нѣкоторыя предыдущія обстоятельства, именно, какъ два года назадъ я остался безъ перваго любовника. Помните? Въ этой исторіи виновата одна особа... но Богъ съ ней, я не злопамятенъ!.. Во всякомъ случаѣ, это на ея совѣсти... Не правда ли?.. Чтобы понять меня, поставьте себя на мое мѣсто и постарайтесь быть безпристрастными. Да, это великая вещь быть безпристрастнымъ, особенно по отношенію къ человѣку, который почему-нибудь намъ нравится... Вы меня понимаете, милашка?

— Послушайте, Савелій Ѳедорычъ, я разъ и навсегда попрошу васъ оставить со мной этотъ игривый тонъ,—строго замѣтила Буянка.—Можетъ-быть, вы и привыкли у себя дома къ такому обращенію съ женщинами, но вы забываете, что сейчасъ вы у меня въ домѣ...

— Такъ и запишемъ, мил..., т.-е. Елена Васильевна. Что̀ же, у всякаго барона своя фантазія.

— А затѣмъ, какъ я догадываюсь, вы хотите предложить мнѣ мѣсто сбѣжавшей примадонны? Да? Къ сожалѣнію, я должна отказаться наотрѣзъ.

— Причина?

— Оставляю за собой право не объяснять причинъ, потому что онѣ касаются только меня одной...

Добрецовъ посмотрѣлъ на Буянку суженными глазами, поднялъ плечи и пробормоталъ:

— Глупости...

У Буянки явилось страстное желаніе выгнать нахальнаго старика вонъ, но она удержалась и только посмотрѣла на него злыми глазами, у ней даже губы тряслись отъ внутренняго бѣшенства.

— Кажется, я не давала вамъ повода оскорблять меня,—проговорила она послѣ длинной паузы.

— Вы это о чемъ, сударыня?

— О глупостяхъ...

— Только-то! Тогда я съ удовольствіемъ беру свое слово назадъ... Привычка проклятая говорить откровенно, безъ цирлихъ-манирлихъ. Ну, виноватъ, ну, еще разъ виноватъ... Что̀ же изъ этого?

Нахальство Добрецова было такъ откровенно, что Буянка противъ собственной воли улыбнулась. Косвенное предложеніе Добрецова отчасти и польстило ей: съ его точки зрѣнія онъ дѣлалъ ей честь. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Добрецовъ подсѣлъ ближе къ хозяйкѣ и заговорилъ своимъ обычнымъ шутливо-серьезнымъ тономъ:

— Поговоримте серьезно, сударыня... Да, серьезно, какъ говорятъ между собою люди умные и понимающіе другъ друга. Забудьте на время, что вы женщина и что съ вами говоритъ провинціальный антрепренеръ-волкъ. Начнемъ съ положенія провинціальной умной дѣвушки... Ну, куда ей дѣваться, этой дѣвушкѣ, кромѣ замужества? А за кого ей выходить? Въ лучшемъ случаѣ, получается жена какого-нибудь лѣкаря, чиновница и вообще самая заурядная и безличная дрянь. Сама по себѣ она имѣетъ значеніе только, какъ тѣнь своего мужа, не больше, и счастлива, если сдѣлается насѣдкой. Молодость проходитъ быстро, жизнь опутывается тысячью бабьихъ мелочей, и отъ человѣка ничего не остается. Въ большинствѣ случаевъ получается вообще сплошная гадость, зашитая въ тряпки... Брр!.. Понимаете вы, что некуда ей дѣваться, вотъ этой самой умной дѣвушкѣ, а такихъ дѣвушекъ десятки и сотни. Всѣ онѣ погибаютъ одинаково, заживо сгнивая на лонѣ такъ называемаго семейнаго счастья. Но, конечно, бываютъ исключенія, энергичныя женскія натуры, которыя протестуютъ и не хотятъ мириться съ этой засасывающей гадостью. Итти куда-нибудь въ учительницы, въ конторщицы, вообще, на службу—тоже вѣдь сладкаго не много... Я знаю, что вы лично и вотъ всѣ эти умныя дѣвушки передумали все это сотню разъ. Такъ?

Буянка молча наклонила голову въ знакъ согласія: Добрецовъ говорилъ совсѣмъ не глупо для начала.

— Единственный выходъ для такой дѣвушки—это сцена,—продолжалъ Добрецовъ.—Но, къ сожалѣнію, на сцену толкаетъ нашихъ женщинъ только какая-нибудь крайность... Въ нихъ нѣтъ необходимой предпріимчивости, желанія бороться съ обстоятельствами, наконецъ итти рука объ руку съ тружениками-артистами по тернистому пути искусства. Если и находятся такія, то имъ подавай столичную сцену, европейскую извѣстность... Но онѣ забываютъ только одно, что и самая маленькая провинціальная сценка даетъ полную самостоятельность и свободу, а это самое дорогое.

— Вы не договариваете только того, что эта театральная свобода покупается слишкомъ дорогой цѣной... Самая талантливая изъ артистокъ успѣетъ состариться десять разъ прежде, чѣмъ добьется какого-нибудь успѣха только однимъ своимъ трудомъ. Надѣюсь, что мы хорошо понимаемъ другъ друга. Женщину на сценѣ эксплоатируютъ, какъ нигдѣ, пока она сама не научится эксплоатировать всѣхъ другихъ, то-есть когда вконецъ озлобится и потеряетъ всякій стыдъ и совѣсть.

— Хорошо, предположимъ, что вы правы. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ жизнь не та же сцена, только самая скверная сцена—съ плохимъ освѣщеніемъ, сквознымъ вѣтромъ и грязью? Всѣ женщины играютъ на этой житейской сценѣ однѣ выходныя роли, а коронныя достаются по заслугамъ мужей или по рожденію. Выхода все равно нѣтъ... Да-съ, жизнь наша—самая скверная сцена! Получается въ результатѣ парадоксъ, что настоящая жизнь только на сценѣ. Тамъ женщина, дѣйствительно, живетъ, любитъ и страдаетъ, радуется и плачетъ, торжествуетъ и высказываетъ всю свою душу... Въ этомъ вся сила великихъ артистокъ, расходующихъ на сценѣ неизжитый запасъ своихъ жизненныхъ силъ. Другой жизни и нѣтъ... А повелѣвать толпой, нѣтъ, больше—заставлять жить вотъ эту самую толпу, развѣ это не счастье, не наслажденіе? Настоящая артистка живетъ тысячью жизней, сосредоточивая въ себѣ, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, мысли и чувства отдѣльныхъ личностей. Я рисую вамъ завидную участь и единственную въ своемъ родѣ...

Про себя Добрецовъ не безъ ядовитости подумалъ: „наговариваю, какъ ярмарочный цыганъ, который торгуетъ лошадь“.

Такіе разговоры дѣйствуютъ на женщинъ гипнотически, какъ сейчасъ было съ Буянкой: она притихла и вся съежилась, точно ей вдругъ сдѣлалось холодно.

— Что же вы мнѣ хоть чаю не предложите, Елена Васильевна?—напомнилъ Добрецовъ самъ.—У меня во рту пересохло... Уфъ, даже въ потъ бросило!..

Дальнѣйшій разговоръ происходилъ въ столовой, за чайнымъ столомъ, т.-е. опять говорилъ одинъ Добрецовъ, а Буянка внимательно слушала. Она время отъ времени вглядывалась въ своего гостя и думала: неужели это тотъ самый Добрецовъ, котораго она еще такъ недавно ненавидѣла? Можетъ-быть, это отецъ Чайкина... У нихъ есть общія черты въ физіономіи: Чайкинъ такъ же смѣшно вытягиваетъ губы, суживаетъ глаза и при разговорѣ наклоняетъ голову набокъ. Сейчасъ Добрецова смущало присутствіе маленькаго Коли и старушки-няньки, и онъ только жевалъ губами, подбирая въ умѣ какую-то ловко скроенную фразу. „Охъ, ужъ эти мнѣ театральные младенцы, чортъ побралъ бы ихъ всѣхъ!“ — думалъ старый антрепренеръ, тяжело вздыхая.

— Мнѣ остается только благодарить васъ, Савелій Ѳедорычъ,—заговорила Буянка, чтобы прервать неловкое молчаніе.—Мы каждый правы по-своему и каждый, вѣроятно, останемся при своемъ особомъ мнѣніи.

Добрецовъ сдѣлалъ умоляющее лицо и скосилъ глаза на няньку. Коля кончилъ свой чай, и Буянка велѣла увести его въ дѣтскую. Когда нянька вышла, Добрецовъ заговорилъ таинственно, вполголоса, точно оперный заговорщикъ:

— Развѣ я прошу у васъ отвѣта, Елена Васильевна? Ничуть... Подумайте, сообразитесь, еще разъ подумайте, и тогда поговоримъ „по душамъ“, а теперь я только желалъ вамъ изложить нѣкоторыя предварительныя соображенія. Нельзя-съ... Нашего брата, провинціальныхъ антрепренеровъ, считаютъ за какихъ-то бѣлыхъ волковъ, а вѣдь мы можемъ кое-что понимать. Скажу больше, если кто и двигаетъ искусство, такъ это мы, провинціальные антрепренеры. Да-съ... Мы—сила, потому что имя намъ—легіонъ. Всѣ смотрятъ на императорскую сцену, а ихъ, этихъ императорскихъ сценъ, разъ, два, да и обчелся. Потомъ, мы дѣйствуемъ на свой рискъ и страхъ и бредемъ точно въ дремучемъ лѣсу. Будетъ время, и насъ, стариковъ, помянутъ добрымъ словомъ. Вѣдь мы новь поднимаемъ, мы создаемъ публику, да если говорить правду, такъ и знаменитости-то столичныя отысканы нами... Петлинъ правду говоритъ, хотя онъ и болтунъ. У насъ есть сознаніе общественнаго дѣла, мы просвѣщаемъ темную массу...

Когда ушелъ Добрецовъ и какъ ушелъ, Буянка плохо понимала, за исключеніемъ того, что онъ опять называлъ ее „милашкой“ и даже цѣловалъ руки. Положимъ, довѣрять ему она не довѣряла, но онъ говорилъ то самое, о чемъ она боялась думать.

— А разбойникъ-то походитъ на отца, какъ двѣ капли воды,—говорилъ на прощаніе Добрецовъ, подмигивая въ сторону дѣтской.—Понимаю ваше положеніе и, повѣрьте, сочувствую, какъ никто другой... Представьте, у меня есть даже предчувствіе, что мы сойдемся и вы поймете меня.

На слѣдующій день Буянка была въ городѣ. Иванъ Петровичъ даже испугался, когда она вошла къ нему въ кабинетъ, одѣтая вся въ черное. Ей очень шелъ этотъ траурный цвѣтъ.

— Что случилось?—спрашивалъ Иванъ Петровичъ, заглядывая въ глаза своей любимицѣ.

— Пока ничего особеннаго,—уклончиво отвѣтила Буянка, улыбаясь.

— А вѣдь я тебя не узналъ въ первую минуту: точно и ростомъ выше и лицо бѣлѣе, и вообще... гм...

— Что̀ вообще?

— Ну, это не мое дѣло...

Послѣ небольшого вступленія Буянка откровенно разсказала дядѣ все, о чемъ былъ разговоръ съ Добрецовымъ. Она не скрыла своего отвращенія къ этому старому театральному развратнику, а также и той невольной симпатіи, съ какой она отнеслась къ нему на этотъ разъ противъ собственной воли.

— Мы всѣ дрянные люди, если разобрать, а Добрецовъ не хуже и не лучше другихъ,—резонировалъ Иванъ Петровичъ.—Свинья онъ преотмѣнная, нужно отдать честь, хоть въ качествѣ антрепренера и единственный человѣкъ... да. А что̀ касается того, что̀ онъ тебѣ говорилъ о сценѣ и объ артистахъ, то я могу только подтвердить его слова.

— Дядя, дядя, что̀ ты говоришь?—умоляюще заговорила Буянка.—Я думала, что ты будешь бранить меня, отговаривать, а ты... Я ѣхала къ тебѣ какъ пьяная. У меня голова кругомъ идетъ... Онъ пользуется моимъ безвыходнымъ положеніемъ. Но я лучше, чѣмъ всѣ они думаютъ... я никому не сдѣлаю зла...

Буянка неожиданно расплакалась, что̀ съ ней еще никогда не случалось въ присутствіи дяди. Иванъ Перовичъ растерянно бормоталъ какія-то безсвязныя жалкія слова и тоже прослезился. Чортъ знаетъ, какъ все это случилось!

— Милая, дорогая моя дѣвочка,—шепталъ онъ, гладя ея русую головку.—Не плачь...

— А что̀ я вынесла, дядя, за этотъ годъ своего затворничества?! И сейчасъ у меня въ душѣ адъ... Но я все-таки чувствую чистой душой и боюсь потеряться на сценѣ, гдѣ такъ много соблазновъ. Меня теперь пугаетъ каждый шагъ впередъ...

## XI.

Чащиловскій театръ переживалъ критическую минуту и напоминалъ своимъ унылымъ видомъ улей, изъ котораго вылетѣла матка. Скрылась Линевичъ-Винярская въ самую горячую пору, незадолго до Рождества. Добрецовъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ вдвойнѣ и какъ антрепренеръ и какъ сезонный мужъ.

— Эхъ, подлая старость!—ругался онъ про себя.—Что̀ же, не родиться же мнѣ для этихъ милашекъ во второй разъ!

Театръ былъ каменный, старый, выстроенный „со всѣми необходимыми неудобствами“, какъ говорилъ Добрецовъ. Сцена была тѣсная и освѣщалась скверно, въ коридорахъ дуло, уборныя походили на плохія стойла, зала—одно огорченіе. Полный сборъ едва давалъ 400 р., и это губило Добрецова, потому что въ праздники можно было разсчитывать на двойную цифру. Лучшимъ помѣщеніемъ въ театрѣ былъ буфетъ, потому что являлся позднѣйшей пристройкой, только вотъ ходъ въ него остался старый. Чтобы попасть въ буфетъ изъ партера, нужно было подняться въ третій ярусъ и опять спуститься. Между тѣмъ этотъ буфетъ являлся для Добрецова важнымъ подспорьемъ, покрывая своей арендой спеціально-театральные дефициты.

— Какой подлецъ строилъ этотъ театръ!—ругался почти каждый день Добрецовъ.—Публикѣ ходить далеко, а на сцену тутъ и есть... Сколько у меня спилось отъ этой роковой близости буфета отличныхъ комиковъ и благород-

пыхъ отцовъ! Я уже не говорю о зрительной залѣ, чортъ съ ней, но будь по-человѣчески устроенъ ходъ въ буфетъ—я каждый годъ получалъ бы чистѣйшій дивидендъ.

Ходъ въ буфетъ положительно отравлялъ существованіе Добрецова, особенно, когда разные пріятели-театралы, какъ Петлинъ, начинали доказывать ему самымъ очевиднымъ образомъ все то, что̀ онъ самъ зналъ лучше ихъ въ тысячу разъ.

— Ахъ, милашка, развѣ я самъ-то слѣпъ?—стоналъ Добрецовъ, хватаясь за голову.—Вижу, все вижу, и безсиленъ... Своими бы руками повѣсилъ архитектора, который строилъ театръ, а если есть у него какая-нибудь заваляща̀я тетка, такъ и тетку вмѣстѣ. Давно умеръ подлецъ, и я все собираюсь осиновый колъ забить ему въ могилу, милашкѣ.

Впрочемъ, зимой буфетъ служилъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ окоченѣвшіе артисты могли согрѣться. Въ уборныхъ гулялъ сквознякъ, какъ въ вентиляторахъ, и ни одинъ артистъ не уѣзжалъ изъ Чащилова, не увезя съ собой на память ревматизма. Чащиловскіе театральные ревматизмы въ кругу бродячихъ артистовъ вошли въ поговорку. Только одинъ Добрецовъ оставался, къ общему изумленію, цѣлъ и невредимъ и въ случаѣ жалобъ указывалъ на себя. Особенно жаловались актрисы, когда имъ приходилось декольтироваться, и онѣ выходили на сцену съ красными отъ холода руками.

И сейчасъ артисты проводили свое время въ буфетѣ, хотя офиціально онъ и считался закрытымъ. Всѣми овладѣло невольное уныніе. Чащиловская публика любила Линевичъ-Винярскую, и теперь прощай сборы. Мужчина никогда не сдѣлаетъ сбора, подавай женщину, а гдѣ ее взять?.. Да и какая пьеса пойдетъ безъ заглавной женской роли, когда и пьесы-то нынче пишутся прямо на какую-нибудь одну женскую роль? Мужчинамъ скоро совсѣмъ некого будетъ играть, кромѣ обстановочныхъ подлецовъ и вообще болвановъ. Когда ушелъ Буровъ, то публика почти этого и не замѣтила, а изволь вывернуться безъ примадонны. Была, конечно, вторая драматическая любовница, Залихватская, она еще въ свое время Елену Прекрасную изображала, но она уже устарѣла и не могла разстаться съ нѣкоторыми опереточными пріемами—упирала руки въ бока, высоко поднимала ноги, встряхивала головой. Комическая старуха шепталась съ grande dame, благородный отецъ что-то разсказывалъ водевильной штучкѣ, комикъ Чайкинъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину. Не было и тѣни обычнаго оживленія.

— Вы точно муху проглотили сегодня,—приставала къ Чайкину сорокалѣтняя ingenue comique.—Скажите, по крайней мѣрѣ, что-нибудь смѣшное, а то здѣсь околѣешь съ тоски.

— Посмотрите на себя въ зеркало—вотъ и увидите смѣшное,—совѣтовалъ Чайкинъ.

— Грубіянъ!.. Вы лучше на себя-то посмотрѣли бы...

Подкравшійся сзади своей шмыгающей походкой Добрецовъ обнялъ комика, отвелъ въ сторону и съ необыкновенной таинственностью сообщилъ:

— Эврика, милашка!.. Чортъ съ ней, съ Винярской... Мы такую птичку подцѣпили, что всѣ пальчики оближешь. Удивляюсь, какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову! Молода, пикантна и находится въ такомъ настроеніи, что сейчасъ же на дыбы... У, милашка моя!.. Викторія, государь мой, и еще разъ викторія...

— А кто она, не секретъ?

— Дѣло вотъ въ чемъ, милашка: все у насъ кончено, даже ударили по рукамъ, только нужно еще немножко ее подготовить... Я два дня и двѣ ночи

ее уговаривалъ и весь изоврался, какъ сивый меринъ. Даже въ зеркало на себя не гляжу, а то совѣстно... Ну, она согласна, только вы ее еще подготовьте немножко. Знаете, бабы такой народъ, что вѣчно мямлютъ: и хочется и колется... Да еще чортъ послалъ младенца! Такъ вы, милашка, отправьтесь къ ней на дачу и окончательно переговорите... Она слово дала и не можетъ отказаться Кстати, вы за ней давненько ухаживаете, и я предоставляю вамъ прекрасный случай.

— Вы это про Елену Васильевну?

— Слава Богу, догадался... Эхъ, молодой человѣхъ, молодой человѣкъ!.. Берите, по крайней мѣрѣ, примѣръ съ меня: никогда не любилъ, гдѣ плохо лежитъ. Уговоръ на берегу, могарычи мои...

— Мнѣ кажется, вы увлекаетесь?

— Я? Милашка, Богъ съ вами: слово дала честное... Сейчасъ отправляйтесь на дачу, и я предоставляю вамъ послѣднее слово. Главное, говорите побольше жалкихъ словъ—женщины любятъ это больше всего. Кстати, не нужно ли мелочи на извозчика?

— Нѣтъ, благодарю...

Добрецовъ хихикалъ, потиралъ руки и весело подмигивалъ. Le roi est mort, vive le roi... Только бы завести въ оглобли милашку, весь городъ побывалъ бы въ театрѣ: вѣдь своя первая любовница будетъ играть—сразу и не выговоришь. Всякій дуракъ полѣзетъ... Винярская хорошо сдѣлала, что во-время ушла, не тѣмъ будь помянута покойница. Когда Чайкинъ вышелъ, Добрецовъ не утерпѣлъ и сообщилъ свою радость ingenue dramatique, а черезъ нее узнала вся остальная публика. Въ результатѣ получились самыя разнообразныя мнѣнія: мужчины вопросительно поднимали брови, дамы переглядывались между собой еще болѣе вопросительно.

— Это та самая Лохманова-Голынецъ, которую бросилъ Буровъ?—спрашивала комическая старуха.—Нечего сказать, находка...

— Такъ, что-то кисленькое...—вторила ей ingenue comique.—Одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ мужчины бросаютъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы...

Въ общемъ мнѣніе господъ артистовъ было не въ пользу Буянки. Торжествовалъ только одинъ Добрецовъ и, закрывъ глаза, по пальцамъ высчитывалъ всѣ выгоды предпріятія: прежде всего, „Курьеръ“ будетъ на его сторонѣ, во-вторыхъ, сбѣгутся въ театръ всѣ мѣстные любители, въ-третьихъ, сама Буянка въ такомъ настроеніи, что драматизма не оберешься. У ней есть огонекъ, чортъ возьми... Конечно, она не замѣнитъ ему красавицы Винярской, но на безрыбьѣ и ракъ рыба. Петлинъ будетъ печатать гнусную лесть, милый дядюшка Иванъ Петровичъ обмундируетъ новую примадонну, однимъ словомъ, викторія... Конечно, для приличія поломается, но всѣ бабы одинаковы. Пользуясь этой оказіей, не попросить ли Ивана Петровича относительно хода въ буфетъ: онъ человѣкъ вліятельный, поговоритъ губернатору, а тамъ Петлинъ напишетъ цѣлую передовую статью, и городское самоуправленіе разступится ассигновочкой. Можно еще утянуть что-нибудь изъ смѣты, если бы постройку затѣять хозяйственнымъ способомъ. Вотъ оно куда пошло!.. Всего и не сообразишь сразу...

Въ самый разгаръ этихъ мыслей вернулся Чайкинъ и молча подалъ Добрецову узкій конвертъ... Антрепренеръ пробѣжалъ коротенькую записку и расхохотался.

— О, это будетъ великая артистка!—повторялъ онъ, размахивая листочкомъ почтовой бумаги.—Все идетъ, какъ по маслу...

— Я не понимаю васъ, Савелій Ѳедорычъ: Елена Васильевна категорически отказывается...

— Вотъ это мнѣ и нравится... Женщины, милашка, чѣмъ больше чего-нибудь желаютъ, тѣмъ сильнѣе отказываются отъ этого самаго. Противорѣчіе у нихъ въ натурѣ. И какъ пишетъ милашка: „Вы меня не поняли, Савелій Ѳедоровичъ... У насъ просто былъ отвлеченный разговоръ, а согласія я не давала“. Посмотримъ, что̀ она заговоритъ, когда я пошлю ей завтра афишу, гдѣ будетъ пропечатано жирнымъ шрифтомъ: *„въ первый разъ участвуетъ провинціальная артистка Лохманова-Голынецъ“*. У меня, милашка, и афиши заказаны...

Чайкину ничего не оставалось, какъ только сдѣлать большіе глаза. Онъ не понималъ главнымъ образомъ того, почему Добрецовъ привязался именно къ Буянкѣ,—что̀ онъ въ ней нашелъ необыкновеннаго, тѣмъ болѣе, что и въ Чернобыльскѣ она играла такъ себѣ, безъ особеннаго успѣха. Минуя свои личныя чувства, Чайкинъ теперь смотрѣлъ на Буянку строгимъ глазомъ артиста и еще разъ не понималъ Добрецова. Да, были у нея недурныя мѣста, когда они устраивали любительскій спектакль, и даже очень недурныя, но вѣдь тамъ любительство, а здѣсь серьезная работа.

На другой день Добрецовъ забралъ три афиши и отправился съ ними въ путь. Первый визитъ онъ нанесъ въ редакцію „Курьера“, гдѣ и засталъ Петлина.

— Вотъ...—сунулъ онъ афишу прямо въ носъ редактору.—Кое-какъ уломалъ.

— Что̀ же, поздравляю!—восторгался Петлинъ.—Я всегда говорилъ, что изъ Буянки выйдетъ хорошая артистка. Да...

— Повѣрьте, что мы ее отшлифуемъ вполнѣ, —самодовольно отвѣчалъ Добрецовъ, дѣлая понюшку.—Однимъ словомъ, будетъ милашка... Впрочемъ, извини, голубчикъ, мнѣ нужно еще по дѣламъ. Ѣду къ Ивану Петровичу...

— И я съ тобой, Савелій Ѳедорычъ... Старикъ всегда любилъ сцену и будетъ радъ. Ѣдемъ.

Именно это и нужно было Добрецову. Иванъ Петровичъ прихварывалъ и сидѣлъ дома. Встревоженная вчерашнимъ визитомъ Чайкина, Буянка пріѣхала навѣстить его раннимъ утромъ. Она съ обиженнымъ видомъ жаловалась на нахальство Добрецова.

— Впрочемъ, я отправила ему категорическій отказъ... Такихъ господъ слѣдуетъ учить. Если бы я только увидала его лично, то...

Въ этотъ моментъ послѣдовало явленіе самого антрепренера, сопутствуемаго Петлинымъ. Онъ торжественно развернулъ афиши и подалъ одну Ивану Петровичу, а другую Буянкѣ. Петлинъ, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, налѣпилъ свою афишу на стѣну и торжествующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на своего стараго друга.

— Каково мы устроились?—заговорилъ онъ.—Я всегда это говорилъ... Елена Васильевна, когда вы будете на верху вашей славы, не забудьте скромнаго редактора провинціальной газеты, который первый открылъ въ васъ артистку. Эй, человѣкъ!.. Сергѣй Иванычъ, шампанскаго!..

Въ восторгѣ Петлинъ облобызалъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣ заговорили разомъ, и никто не хотѣлъ слушать. На шумъ приковылялъ Колдунчикъ, посмотрѣлъ на всѣхъ умными глазами, вильнулъ хвостикомъ и два раза весело тявкнулъ,—надо же чѣмъ-нибудь проявить и ему свое сочувствіе. Одинъ Карлъ Иванычъ не могъ принять участія въ общемъ торжествѣ. Онъ слышалъ голоса и смѣхъ, топорщилъ перья, вертѣлъ головой и кончилъ тѣмъ, что закричалъ благимъ матомъ:—Какъ? что̀? почему?

## XII.

Что такое слава, успѣхъ, которые окрыляютъ артиста? Гдѣ та таинственная связь, которая спаиваетъ его съ публикой, съ этимъ общимъ, что создаетъ человѣку репутацію, имя и громкую извѣстность? Въ общемъ публика судитъ безошибочно, вѣрнѣе всѣхъ критиковъ, рецензентовъ и такъ называемыхъ знатоковъ, хотя, разбитая на единицы, представляетъ собой заурядный нуль. Знаменитости возникаютъ вдругъ, но ихъ рожденіе всего труднѣе въ своемъ отечествѣ, гдѣ сейчасъ же найдутся завистники, ревнивцы и клеветники. Какъ? Онъ или она живутъ среди насъ, ѣдятъ и пьютъ то же самое, что ѣдимъ и пьемъ мы, мы знали ихъ маленькими, знали ихъ родителей и знаемъ всю ихъ біографію—и вдругъ знаменитость?! Нужно что-то таинственное и неизвѣстное, что ореоломъ окружаетъ отмѣченную перстомъ генія голову. И вдругъ въ Чащиловѣ, въ захолустномъ губернскомъ городѣ проявилась знаменитая артистка Лохманова-Голынецъ... Городъ былъ серьезно взволнованъ, такъ что даже не хватало мѣстъ въ театрѣ,—все было разобрано впередъ. Добрецовъ принималъ это, какъ должное, съ видомъ человѣка, который и не въ такихъ передѣлкахъ бывалъ.

Меньше всѣхъ сознавала происшедшую перемѣну Буянка. Она находилась въ какомъ-то туманѣ и не могла сжиться съ собственной славой. Каждый выходъ на сцену для нея являлся цѣлымъ подвигомъ: она появлялась съ холодными руками, робкая и неувѣренная, пока не захватывало ее увлеченіе и она забывала все. Когда она плакала настоящими слезами, публика аплодировала. Да, она принесла съ собой на сцену громадный запасъ неизжитыхъ силъ, такую искренность смѣха и глубокую, сердечную ласковость, что съ ней плакала и смѣялась вся публика. Когда она проходила въ уборную, ее провожали неизвѣстные ей поклонники, точно царицу. За нее раскланивался и принималъ поздравленія Добрецовъ, набравшійся необыкновенной важности. Петлинъ бѣгалъ около ея уборной, какъ погребная крыса. Между нимъ и Добрецовымъ возникло уже нѣсколько пререканій по поводу того, кто открылъ Елену Васильевну, — каждый честь этого открытія приписывалъ себѣ. Разъ они обратились къ третейскому суду Ивана Петровича, который обоихъ выгналъ.

— Развѣ съ сумасшедшими можно говорить?—повторялъ онъ въ азартѣ.— Нашли сокровище!.. Очень ужъ просто открывать геніевъ вздумали, и Буянкѣ надуютъ въ уши Богъ знаетъ что. Нужно работать, учиться, трудъ—единственный геній.

Буянкѣ пришлось оправдываться предъ дядей въ собственномъ успѣхѣ, а она боялась каждаго его слова.

— Ты и не мечтай о себѣ ничего,—кричалъ на нее Иванъ Петровичъ.— Публика глупа!.. Я не скажу, что ты играешь плохо, но и особеннаго ничего не вижу. Нужно учиться... Обыкновенно первый же маленькій успѣхъ навсегда и губитъ самый микроскопическій талантъ. Такіе глупые люди, какъ Харлампій Яковлевичъ, являются чумой въ искусствѣ, потому что, вмѣсто трезвой правды и серьезной критики, только машутъ руками и кричатъ пѣтухомъ.

— Дядя, Харлампія Яковлевича ты оставь,—вступилась Буянка.— Прежде всего, онъ на рѣдкость добрый человѣкъ...

— Значитъ, очень ужъ угодилъ тебѣ? Ха-ха... Какъ немного нужно, подумаешь, человѣку: похвали его, онъ и возмечтаетъ о себѣ. Этакъ и Добрецовъ въ угодники попадетъ!

— Что же, нужно быть справедливымъ и къ Добрецову. Про него, кажется, много лишняго говорятъ...

— Ага, вонъ оно куда пошло! Поздравляю, ты начинаешь, дѣйствительно, подавать блестящія надежды...

Для перваго раза произошла крупная размолвка, какъ бывало на дачѣ. Иванъ Петровичъ опять кричалъ тонкимъ голосомъ и размахивалъ руками, Колдунчикъ лаялъ, Карлъ Иванычъ оралъ въ своей клѣткѣ благимъ матомъ.

— Ты это говоришь изъ зависти!—увѣряла Буянка, раскраснѣвшись отъ спора. — Можетъ-быть, это и смѣшно говорить про себя, но я каждый разъ переживаю на сценѣ свою роль... Талантъ прежде всего въ искренности чувства, въ его силѣ. Ты, напримѣръ, ничего не чувствуешь и по себѣ судишь о другихъ...

— Значитъ, Петлинъ чувствуетъ больше и лучше меня? Благодарю...

Слишкомъ быстрые успѣхи Буянки приводили Ивана Петровича въ искреннее негодованіе, какъ все незаслуженное. Старикъ слишкомъ сильно любилъ племянницу, чтобы увлечься этой мишурой провинціальной славы. Былъ еще другой человѣкъ, который тоже не сочувствовалъ торжеству Буянки,— водевилятникъ Чайкинъ. Открыто онъ ничего не высказывалъ, но его молчаніе было краснорѣчивѣе словъ. Нападки дяди Буянка объясняла себѣ слишкомъ горячимъ участіемъ и желаніемъ добра, а поведеніе Чайкина являлось совершенной загадкой. Сама Буянка не начинала разговоровъ на эту тему. Встрѣчаясь съ Чайкинымъ на сценѣ, она только вопросительно смотрѣла ему прямо въ глаза. Она стала замѣчать, что онъ точно старался ее избѣгать; по крайней мѣрѣ, это ей казалось. Разъ они встрѣтились на репетиціи въ буфетѣ.

— Здравствуйте, Елена Васильевна...

— Здравствуйте, Платонъ Егоровичъ... Давненько мы съ вами не видались.

— Какъ давненько? Слава Богу, каждый день встрѣчаемся.

— Да, по службѣ... На дачѣ я уже не живу, а переѣхала въ городъ.

— Къ Ивану Петровичу?

— Нѣтъ, на свою собственную квартиру. Это гораздо удобнѣе. Кстати, могу сообщить и адресъ, на случай, если вы вспомните про меня. Ахъ, какъ нехорошо забывать старыхъ друзей...

— Вы это серьезно? А я не шелъ потому, чтобы просто не помѣшать вамъ. Я думаю, вы не знаете, какъ избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

— Вы про друзей артистовъ? Можете быть спокойны: для васъ всегда найдется время.

Чайкинъ церемонно поклонился, а Буянка пожалѣла, что сама вызвала этотъ разговоръ. Друзей у нея теперь, дѣйствительно, было достаточно, изъ того исключительнаго мірка, который складывается около каждаго театра изъ поклонниковъ, почитателей, любителей и просто шляющихся людей. Ей „нанесла“ визитъ даже сама m-me Ливаневская, жаждавшая видѣть обстановку новой примадонны и кстати назначившая свиданіе въ квартирѣ Буянки своему новому другу Борщевскому. Само собой разумѣется, что завернула также и Любовь Михайловна Моторина, грозная и торжествующая,—она, въ лицѣ Буянки, праздновала кесевную побѣду надъ кружковцами, какъ и Петлинъ. Она пріѣхала вмѣстѣ съ учительницей Лукиной, необыкновенно скромной и вѣчно конфузившейся особой.

— У васъ была эта дрянь?—спрашивала Моторина, не называя Ливаневской.—Знаю, знаю... И вмѣстѣ съ Борщевскимъ. Они въ жестокихъ аму-

рахъ состоятъ... И что, подумаешь, этой дряни нужно? Любопытство одолѣло.. На вашемъ мѣстѣ, Елена Васильевна, я ея не приняла бы!

— Я лично противъ нея пока ничего не имѣю, Любовь Михайловна,— отвѣтила Буянка уклончиво.—Приходится всѣхъ принимать, потому что... потому что такъ принято.

— Ну, это, матушка, вздоръ! А впрочемъ, все равно... Вотъ Агаѳья Петровна тоже влюблена въ васъ. На стѣну дѣвка лѣзетъ...

Лукина окончательно переконфузилась и протестовала только умоляющими жестами, но воинствующая дама не унималась. Что же, полюбилъ—не укралъ, чего тутъ краснѣть? Буянка тоже чувствовала себя не совсѣмъ удобно. Она припомнила, что еще въ театрѣ замѣтила пару пристальныхъ глазъ, слѣдившихъ за каждымъ ея движеніемъ,—это была Агаѳья Петровна. Робкая учительница, дѣйствительно, влюбилась въ Буянку. Это было странное чувство, какое иногда захватываетъ всецѣло именно такія пассивныя натуры. Ободренная первымъ визитомъ, Лукина стала навѣщать Буянку почти каждый день, поджидала ее въ театральныхъ коридорахъ и даже караулила на подъѣздѣ, какъ влюбленный гимназистъ. Въ этой странной дѣвушкѣ проявилась необыкновенная энергія, какая бываетъ только у сумасшедшихъ. Придетъ на квартиру къ Буянкѣ, сядетъ куда-нибудь въ уголокъ и молчитъ, какъ убитая. Сначала это молчаливое присутствіе стѣсняло Буянку, а потомъ она привыкла, какъ привыкаютъ къ новой мозоли. Впрочемъ, Лукина всячески старалась быть полезной: переписывала роли, возилась съ Колей, слѣдила за гардеробомъ Буянки и вообще оказывала массу чисто-женскихъ услугъ. Смѣшнѣе всего было то, что Агаѳья Петровна ревновала Буянку рѣшительно ко всѣмъ, начиная съ маленькаго Коли и кончая кутившимъ купцомъ Кожуринымъ. Выходили забавныя сцены.

— Вамъ трудно ходить ко мнѣ каждый день,—говорила ей Буянка.— Переѣзжайте ко мнѣ жить... И для васъ и для меня удобнѣе.

— Нѣтъ... Я не могу,—признавалась Лукина, опуская глаза.

Она дошла до того, что подбирала брошенныя Буянкой ленточки и хранила ихъ въ особой коробкѣ, какъ любовные сувениры. Но предложеніе Буянки даже обидѣло ее: развѣ въ божеству можно такъ приближаться? Во время театральныхъ разъѣздовъ, когда Буянку ожидали поклонники за кулисами, въ коридорѣ и на подъѣздѣ, Агаѳьей Петровной овладѣвало ужасное волненіе. Она шла за своимъ идоломъ съ блѣднымъ лицомъ и стиснутыми зубами, какъ звѣрь, готовый броситься. Если устраивали какой-нибудь артистическій ужинъ, пикникъ, или просто гости долго засиживались у Буянки, Агаѳья Петровна мучилась, какъ приговоренная къ смерти. Если она не была участницей такого ужина, то ходила гдѣ-нибудь по тротуару, выжидая, когда уѣдетъ послѣдній гость. Разъ Добрецовъ вздумалъ подшутить надъ ней, но это кончилось для него очень плохо: Агаѳья Петровна наговорила ему крупныхъ дерзостей. Трагикомическая исторія вышла у ней также съ Петлинымъ изъ-за какой-то лишней редакторской фразы.

Оставаясь съ Буянкой съ глазу на глазъ, дѣвушка обыкновенно молчала и старалась не смотрѣть на своего идола.

— Она когда-нибудь зарѣжетъ меня,—шутила Буянка.—У ней даже глаза дѣлаются безумными...

Поклонниковъ у Буянки было столько, что она имъ давно потеряла счетъ. Были тутъ и богатые люди, привыкшіе покупать даже любовь, были бѣдняки, молодые и старые, но сердце Буянки оставалось холоднымъ. Ее возмущала эта шумная толпа, этотъ дешевый успѣхъ и главнымъ образомъ

то, что, когда она сидѣла прежде въ партерѣ, ее никто не замѣчалъ, а для этого нужно было выйти на подмостки. Мало ли и сейчасъ въ партерѣ и въ ложахъ найдется женщинъ красивѣе ея, но ихъ не замѣчаютъ, какъ не замѣчали раньше ея. Дядя Иванъ Петровичъ былъ правъ, хотя Буянка и бранилась съ нимъ.

Разъ публика устроила Буянкѣ шумную овацію. Шли „Блуждающіе огни". Эта талантливая пьеса всегда волновала Буянку, и она испытывала непріятное нервное возбужденіе. Для чего этотъ шумъ, крики, вызовы, когда ей все равно?.. Сознаніе, что она играла хорошо, всегда настраивало ее на грустный ладъ: она именно въ эти моменты чувствовала себя особенно одинокой, потому что не съ кѣмъ было раздѣлить этотъ успѣхъ, эту радость. Раскрывалась старая рана, и по каплямъ сочилась свѣжая кровь... Въ такомъ настроеніи Буянка возвращалась изъ театра домой. Поклонники были оставлены за флагомъ, а провожала ее одна Агаѳья Петровна. Еще дорогой Буянка замѣтила, что ея спутница точно сердится на нее, чего раньше она не замѣчала, и на этотъ разъ не могла найти за собой никакой вины.

— Вы сердитесь на меня, Агаѳья Петровна?—откровенно спросила Буянка, когда онѣ вдвоемъ пили чай въ столовой.

— Да, сержусь...—такъ же откровенно отвѣтила дѣвушка, глядя Буянкѣ прямо въ глаза. — Я знаю, о чемъ вы думали все время, пока мы ѣхали изъ театра.

Буянка вспыхнула: она, дѣйствительно, все время думала о Буровѣ. Агаѳья Петровна подслушивала ея самыя сокровенныя мысли...

— Голубчикъ, вы нездоровы,—въ шутливомъ тонѣ отвѣтила Буянка.— Вонъ и зрачки у васъ расширены...

Лукина осталась ночевать, а Буянка крѣпко притворила дверь своей спальни: она какъ-то инстинктивно начала бояться этой сумасшедшей,

## XIII.

Маленькій Коля оставался какъ-то въ сторонѣ, подъ надзоромъ старой няни. Мать онъ видѣлъ только по утрамъ, т.-е. въ одиннадцать часовъ, когда она еще въ постели пила свой утренній чай. Обыкновенно въ это время Буянка, прихлебывая изъ чашки, перечитывала какую-нибудь роль и машинально ласкала ребенка. Это отчужденіе произошло какъ-то незамѣтно, смѣнивъ первую горячую привязанность почти равнодушіемъ. Однажды дядя Иванъ Петровичъ строго замѣтилъ Буянкѣ:

— Ты забыла о своемъ ребенкѣ. Это нехорошо... Скажу больше: это гнусно.

Буянка какъ-то испуганно посмотрѣла на дядю большими глазами, но ничего не отвѣтила. Ей сдѣлалось совѣстно, и она дня три няньчилась съ ребенкомъ. Но это настроеніе быстро соскочило съ нея, заслоненное театральной поденщиной, хлопотами и дрязгами, а маленькій Коля росъ на рукахъ няни. Если кто скорбѣлъ всѣмъ сердцемъ о судьбѣ покинутаго ребенка, такъ это дворецкій Сергѣй Ивановичъ. Теперь онъ являлся на квартиру Буянки и безъ спросу увозилъ Николая Михайлыча къ дѣдушкѣ. Старикъ сердился на незаботливую мать и, когда Буянка появлялась въ домѣ дяди, обходилъ ее строгимъ молчаніемъ. Замѣчаніе Ивана Петровича было вызвано настояніемъ все того же Сергѣя Ивановича.

— Это не порядокъ, сударь,—ворчалъ старикъ себѣ подъ носъ.—Дитё не виновато... Да. Эхъ, да что тутъ и говорить! Запуталась наша Елена Васильевна, какъ рыба въ вершѣ.

Ребенокъ уже давно привыкъ къ старику и встрѣчалъ его каждый разъ радостной, свѣтлой, дѣтской улыбкой,—это было лучшей наградой для Сергѣя Ивановича.

Собственно говоря, въ теченіе сезона Буянкѣ театръ съ его закулисными дрязгами и все одними и тѣми же разговорами начиналъ уже надоѣдать, первое впечатлѣніе захватывающаго волненія смѣнилось ремесленнымъ чувствомъ. Однѣ бритыя актерскія физіономіи чего стоили. Буянка сама не могла бы дать себѣ отчета, изъ какого угла на нее пахнуло холодомъ, но это было такъ, и она поняла, отчего мужчины-актеры въ большинствѣ случаевъ пьютъ горькую, а театральныя женщины интригуютъ и сплетничаютъ. За стѣнами вотъ этого театра для нихъ не осталось ничего, и они живутъ окружающей ихъ мишурой и своего рода призраками. Въ каждомъ сидѣлъ невидимый обреченный человѣкъ, какъ въ монахѣ. Были свои театральныя крысы, которыя настолько срастались съ театромъ, что для нихъ весь міръ сосредоточивался подъ его крышей. Дойти до такого состоянія Буянка, конечно, не могла, и ее по временамъ начинала глодать угнетающая раздвоенность: она теряла вѣру въ себя, въ театръ, въ искусство. Это было холодное чувство молчаливаго отчаянія, когда человѣкъ остается глухъ къ самому теплому слову утѣшенія или участія.

„Умереть бы...—думала Буянка, закрывая глаза.—Но и тутъ фальшь: цвѣты, вѣнки, некрологъ Петлина въ „Курьерѣ“, вычурная надробная надпись... Ложь, ложь и ложь, отъ колыбели до гробовой доски“.

Свободные вечера, когда не было спектаклей, Буянка проводила теперь у дяди. Тамъ обычную публику составляли редакторъ Петлинъ и Добрецовъ. Обремененный старческими недугами, Иванъ Петровичъ всегда былъ радъ этимъ гостямъ и усаживался сейчасъ же за карты. Если Буянки не было, играли втроемъ въ преферансъ, а съ Буянкой устраивали генеральскій винтъ. Положимъ, она играла скверно, но зато не обижалась, когда на нее накидывались всѣ трое. Особенно неистовствовалъ Петлинъ, игравшій хуже другихъ. Онъ, какъ всѣ плохіе игроки, обвинялъ въ своихъ промахахъ другихъ.

Разъ въ субботу они заигрались особенно долго. Петлинъ проигрался въ пухъ и прахъ, „просандаливъ“ шесть роберовъ. Буянка потихоньку зѣвала въ руку, но Иванъ Петровичъ увлекся и не отпустилъ ея. Въ самый разгаръ игры къ Буянкѣ своей неслышной походкой подошелъ Сергѣй Ивановичъ и шепнулъ ей на ухо:

— Николай Михайловичъ нездоровы...

— Что̀ такое случилось?

— Жаръ-съ...

Маленькій Коля игралъ въ столовой съ разгорѣвшимся личикомъ. Голова была горячая, глаза блестѣли. Буянка сейчасъ же увезла его домой, что̀ очень разсердило Ивана Петровича.

— Съ этими бабами невозможно играть серьезно,—ворчалъ старикъ.— Ну что̀ тамъ такое случилось? Пустяки какіе-то.

— Женское дѣло, Иванъ Петровичъ,—защищалъ Добрецовъ.—Мнѣ эти театральные младенцы костью въ горлѣ сидятъ, а я молчу... Что̀ подѣлаете: законъ-съ природы.

— Да вѣдь мы не кончили робера, Савелій Ѳедоровичъ?

— Ахъ, милашка: женская часть особенная.

— И глупость тоже особенная. Ну что̀ она бросилась, какъ угорѣлая? Развѣ этимъ поможешь... Наконецъ дѣти всегда хворяютъ.

— Законъ-съ природы, милашка...

Коля быстро расхворался, и Буянка не спала надъ нимъ всю ночь. На репетицію она явилась съ тѣми же глазами, съ какими ушла отъ дяди вчера. Какъ на грѣхъ, ею были взяты на три дня сряду отвѣтственныя роли, отказаться отъ которыхъ она не имѣла права. Приходилось играть, когда на душѣ скребли кошки. Буянка какъ-то сразу упала духомъ и мысленно обвиняла себя во всевозможныхъ преступленіяхъ: она бросила ребенка, забыла его... Эта послѣдняя мысль убивала ее. Приглашенный докторъ опредѣленнаго ничего не сказалъ, но въ то же время и не ободрялъ особенно: —„Неизвѣстно, чѣмъ разыграется болѣзнь маленькаго джентльмена... Необходимо подождать, пока выяснится болѣзнь". За больнымъ ухаживали Агаѳья Петровна и Сергѣй Ивановичъ, и Буянкѣ было совѣстно передъ ними. Она даже плакала въ своей уборной.

— Э, милашка, такъ нельзя,—ворчалъ Добрецовъ.—Публика не любитъ, когда примадонны выходятъ на сцену съ красными отъ слезъ глазами.

— А если я не могу?

— Пустяки, милашка!

— Вы звѣрь, а не человѣкъ, Савелій Ѳедорычъ!.. Такъ обращаются только съ пожарными лошадьми.

— Знаю, милашка, все знаю: самъ отецъ многочисленнаго семейства.

— Вы... вы можете, вы смѣете говорить о своихъ дѣтяхъ, которыхъ бросали на произволъ судьбы?

— Что̀ же изъ того? Я не хуже и не лучше другихъ отцовъ, и только... Не нужно волноваться, милашка... Мы должны служить публикѣ, а публика знать ничего не хочетъ о нашихъ семейныхъ радостяхъ. Мы—обреченные люди...

Болѣзнь Коли не выяснялась, хотя ему дѣлалось все хуже, и онъ быстро слабѣлъ. Буянка теряла голову, докторъ пожималъ плечами и поднималъ густыя брови все выше. Много ли нужно этакому клопу? Да и сказать не умѣетъ, что̀ болитъ... Наступила масленица, когда шли двойные спектакли, утромъ и вечеромъ. Буянка могла быть дома только ночью, усталая, разбитая, изнемогающая. Она съ молчаливымъ отчаяніемъ слѣдила за быстрыми шагами болѣзни и ломала руки отъ сознанія собственнаго безсилія. Ахъ, тамъ ждетъ публика, которую нужно развлекать, этотъ звѣрь, не знающій пощады... Бросить все, но вѣдь этимъ можно погубить всю труппу: масленица выручала Добрецова за весь годъ. И безъ того впереди голодный Великій постъ и голодное лѣто, а тутъ еще расчетъ артисты получатъ неполнымъ рублемъ. Добрецовъ отлично понималъ, въ какіе желѣзные тиски попала Буянка, и ни слова не говорилъ ей объ ея обязанностяхъ. Вѣдь и потерпѣть-то всего какую-нибудь одну недѣлю, а младенецъ подождетъ...

— И лучше, если самъ догадается умереть,—разсуждалъ старый театральный волкъ про себя.—Сладкаго-то немного быть незаконнымъ сыномъ театральной дѣвицы. Да и maman освободится отъ семейныхъ радостей.

Придавленная неожиданно налетѣвшимъ горемъ, Буянка не разъ думала объ отцѣ Коли, который выбросилъ ее на улицу и забылъ ребенка. Развѣ это справедливо? Онъ можетъ спокойно спать, можетъ прямо смотрѣть въ глаза другимъ... Она, можетъ-быть, и плохая мать, но дѣлала свое дѣло, какъ умѣла. Эта мысль много ее подкрѣпляла. Только бы поскорѣе кончилась масленица!.. Боже, какія ночи переживала она сейчасъ, сидя у кроватки больного ребенка и прислушиваясь къ праздничному шуму на улицѣ! Всѣ веселились и ликовали. Летѣли бѣшеныя тройки, заливались колокольчики, пьяная пѣсня замирала гдѣ-то въ морозной дали.

Наступилъ и конецъ масленицы. Послѣдній спектакль. Буянка ждала его, какъ своего избавителя. Завтра она опять будетъ свободна, какъ птица. Уйти отъ всѣхъ, спрятаться въ своемъ уголкѣ—вотъ единственное, истинное счастье! Въ театръ Буянка пришла, едва держась на ногахъ. Двойные спектакли и безсонныя ночи доконали ее. Вѣдь живутъ же другія женщины, которыя не знаютъ проклятой службы. Какъ раньше Буянка презирала эту кисленькую, сѣрую жизнь, такъ теперь завидовала ей. Но скоро все кончится, всего нѣсколько часовъ. Добрецовъ только сжалъ плотно губы, когда увидалъ свою примадонну: нечего сказать, хороша будетъ „чародѣйка". Конечно, публика масленичная, полупьяная, но все-таки...

— Эхъ, милашка ты моя!—пожалѣлъ Добрецовъ, качая своей головой.—Ну, нечего дѣлать: терпи казакъ, атаманъ будешь. Завтра на всѣ четыре стороны...

Въ срединѣ второго дѣйствія въ театрѣ появился Сергѣй Ивановичъ, блѣдный и растерянный. Онъ пробрался за кулисы и по дорогѣ къ уборной Буянки встрѣтилъ Чайкина. Комикъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и остановилъ его за рукавъ.

— Что̀ случилось, старина?

Сергѣй Ивановичъ только махнулъ рукой.

— Хорошо, ступай домой, а я устрою остальное... Сейчасъ нельзя останавливать спектакль.

— А ежели, напримѣръ, упокойникъ?

— Да развѣ этимъ мы ему поможемъ?

— Сударь, побойтесь Бога...

— Завтра, завтра... Уходи отсюда, чтобы Елена Васильевна тебя не замѣтила.

На эту сцену набѣжалъ Добрецовъ, зажалъ ротъ Сергѣю Ивановичу и вывелъ его изъ-за кулисъ.

— Милашка, нельзя...—шепталъ Добрецовъ, разводя руками.—Ангелъ мой, невозможно!

Сама Буянка не предчувствовала разразившейся катастрофы. Уходя изъ дому, она была увѣрена, что больному лучше и что наступаетъ благодѣтельный кризисъ. Хотя докторъ и заявилъ въ свое время о грозившей опасности и поднималъ выше обыкновеннаго свои брови, но она уже привыкла къ этимъ пожарнымъ знакамъ. Ребенокъ стихъ, не метался и, когда она прощалась съ нимъ, даже узналъ ее, что̀ она видѣла по выраженію его глазъ и по движенію маленькой руки. Наконецъ развѣ Коля могъ умереть, когда будутъ жить тысячи и милліоны другихъ дѣтей?..

Выйдя изъ театра, Сергѣй Ивановичъ обругалъ и Добрецова и Чайкина театральными собаками, а самъ рѣшилъ попасть съ другого хода. Онъ зашелъ съ подъѣзда артистовъ, а на сцену было еще два хода,—одинъ изъ коридора бенуара и другой черезъ буфетъ.

— Дурака свалялъ я-то,—ругался Сергѣй Ивановичъ,—прямо набѣжалъ на этого стрекулиста...

Попытка проникнуть на сцену остававшимися двумя входами закончилась полной неудачей: дверь въ буфетъ Добрецовъ заперъ на ключъ собственными руками, а къ двумъ другимъ дверямъ поставилъ капельдинеровъ съ строжайшимъ наказомъ не пропускать на сцену „ни одного подлеца".

— Креста на васъ нѣтъ!—взмолился Сергѣй Ивановичъ, когда очутился опять на улицѣ.—Ужо вотъ я Ивану Петровичу скажу, такъ онъ вамъ покажетъ коку съ сокомъ...

## XIV.

Со смертью Коли порвалась послѣдняя ниточка, связывавшая Буянку съ прошлымъ.

На первой недѣлѣ поста она переѣхала на дачу, чтобы скрыться отъ всѣхъ. Пусто было на дачѣ, пусто и на душѣ, а слезъ не было. Буянка не жаловалась, не плакала, не требовала утѣшеній. Иванъ Петровичъ по болѣзни вышелъ въ отставку и тоже переѣхалъ на дачу, такъ что они устроились въ томъ же порядкѣ, какъ жили когда-то вмѣстѣ. Сергѣй Ивановичъ ужасно хлопоталъ, устраивая господъ въ старомъ гнѣздѣ. Попрежнему Карлъ Иванычъ выкрикивалъ изъ своей клѣтки: „какъ? что? почему?“, попрежнему Колдунчикъ лаялъ, и только недоставало обезьяны Форсунки. Она умерла при переѣздѣ изъ города на дачу.

— Николай Михайлычъ очень ужъ любили ее,—объяснилъ по-своему Сергѣй Ивановичъ, — вотъ и околѣла... Пословица такая есть: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ...

Тѣ же гости посѣщали дачу, хотя весной дорога туда была самая убійственная. Попрежнему вечерами составлялся винтъ, причемъ Добрецовъ захватывалъ съ собой Чайкина на случай, если Буянка отказывалась играть.

— Ты у меня въ резервѣ, милашка,—объяснялъ Добрецовъ.—Сначала будешь играть за болвана, а потомъ, можетъ-быть, помаленьку и въ настоящіе люди вылѣзешь.

Иванъ Петровичъ разрушался на глазахъ, и Буянка со страхомъ думала о томъ моментѣ, когда земля безжалостно отниметъ у нея послѣдняго любимаго человѣка. Что тогда останется? Она боялась даже думать о будущемъ и чувствовала только, что съ каждымъ днемъ все больше любитъ старика-дядю. Теперь она понимала въ немъ того неудачника, котораго раньше не замѣчала. Оставаясь вдвоемъ, они подолгу вели тихія, задушевныя бесѣды, какъ хорошіе, старые друзья.

— Каждый день я просыпаюсь съ мыслью: неужели жизнь уже прошла?— любилъ говорить Иванъ Петровичъ.—А вѣдь ежели серьезно разобрать, такъ, право, я и не начиналъ даже жить... И всѣ такъ, Елена Васильевна.

— Просто, дядя, хандрите, и только.

— Нѣтъ, вѣрно... Вѣдь это обидно наконецъ. Поживешь, такъ сама убѣдишься въ этомъ. Я часто думаю о тебѣ... Вотъ я умру, и останешься ты одна-одинешенька. Мужчина еще можетъ перебиться такъ-то по свойственному ему звѣрству, какъ я, напримѣръ, а женщинѣ трудно. Она вся вотъ въ этомъ своемъ уголкѣ, въ домашнемъ теплѣ, въ семейной обстановкѣ,..

— Что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Выходи замужъ...

— Пробовала...

— Ну, то пустое, а ты по-настоящему.

— Я за Чайкина выйду...

— Что же, Чайкинъ хорошій человѣкъ и, кажется, давненько ухаживаетъ за тобой.

— Да бѣда въ томъ, что я-то не люблю его... Не люблю, и все тутъ. Сердце не лежитъ, какъ говоритъ Сергѣй Иванычъ...

Чайкинъ въ послѣднее время какъ-то избѣгалъ Буянки, и она забыла о его существованіи. Онъ точно ревновалъ ее къ сценѣ, какъ и Агаѳья Петровна. По переѣздѣ на дачу Чайкинъ сдѣлался прежнимъ Чайкинымъ и держалъ себя съ обычной простотой, какая такъ нравилась въ немъ Буянкѣ.

Ей даже какъ-то странно было думать, что вотъ этотъ маленькій человѣкъ можетъ любить ее. Агаѳья Петровна бывала на дачѣ рѣдко: она не сошлась характеромъ съ Иваномъ Петровичемъ и опять поступила подъ покровительство m-me Моториной. Да и ревновать Буянку рѣшительно было не къ кому, и Агаѳья Петровна успокоилась. Правда, она очень внимательно осмотрѣла всю дачу, произвела ревизію въ комнатѣ Буянки и могла оставаться спокойной.

Сейчасъ Чайкинъ сообщалъ Буянкѣ всѣ театральныя новости, которыя выкапывалъ изъ газетъ и разными, только ему одному извѣстными путями. Разъ онъ пришелъ и сообщилъ, что въ Чащиловъ ѣдетъ съ первыми пароходами гастролирующая знаменитость—Охотниковъ.

— Вотъ Савелій Ѳедорычъ будетъ бѣситься, — объяснилъ Чайкинъ, между прочимъ.—Ему эти гастролеры ножъ вострый...

— Да вы-то откуда это узнали?

— Сорока на хвостѣ принесла... Да и не все ли вамъ равно — откуда? Важно то, что Охотниковъ ѣдетъ и будетъ у насъ, а это вѣрно.

Добрецовъ поднялъ ужасный крикъ, когда узналъ объ Охотниковѣ. Онъ совсѣмъ сбѣсился и сгоряча чуть не подрался съ Петлинымъ, защищавшимъ гастролеровъ-знаменитостей.

— Небось, на четвереренькахъ передъ нимъ поползешь, — язвилъ Добрецовъ.—„Нашъ городъ осчастливилъ своимъ пріѣздомъ знаменитый драматическій артистъ Охотниковъ...“ Ну, признайся, поползешь? И гнусной лести наплетешь столько, что ни въ какія ворота не пролѣзетъ?

— Я думаю, что каждый по-своему думаетъ, Савелій Ѳедорычъ. Такіе гастролеры необходимы, чтобы познакомить публику, какъ играютъ настоящіе артисты...

— Желалъ бы я видѣть, какъ бы ты запѣлъ благимъ матомъ, если бы сталъ гастролировать со своей собственной газетой какой-нибудь столичный редакторъ... Вѣдь прямо надѣвай суму со своимъ „Курьеромъ“!

— Мнѣ не страшны конкуренты...

— А мнѣ это ножъ... Понимаешь, послѣднія крохи у насъ отнимаютъ эти столичные гуси. Съ жиру бѣсятся, а мы пропадай... Я думалъ нѣсколько спектаклей послѣ Пасхи поставить, чтобы дать кусокъ хлѣба своимъ артистамъ, а тутъ чортъ несетъ гастролера.

— Да вѣдь твоя же прямая выгода: ты ему сдашь театръ за нѣкоторую сумму, артисты твои у него же будутъ получать разовыя... а сколько выручитъ буфетъ?

— А самолюбіе ты забылъ, милашка? Конечно, публика глупа и бѣжитъ на каждое новое имя, а потомъ намъ же въ носъ и будутъ тыкать этимъ Охотниковымъ... Мальчишка онъ и щенокъ, дутая знаменитость!.. Будетъ трепать и „Кина“, и „Гамлета“, и „Уріэля Акосту“, а ты будешь расточать ему гнусную лесть.

Это извѣстіе мало заинтересовало Буянку. Не все ли ей равно, кто ѣдетъ въ Чащиловъ? Театръ оставилъ въ ней ощущеніе тяжелаго похмелья, такъ что она старалась совсѣмъ не думать о немъ. Ее еще наполняло ея молчаливое материнское горе, которымъ она не могла даже ни съ кѣмъ подѣлиться. Мужчины все равно не поймутъ ея, а женщинъ у нея знакомыхъ почти не было, за исключеніемъ все той же Агаѳьи Петровны и суровой m-me Моториной. Въ самомъ горѣ звучала какая-то фальшивая нота: вѣдь ребенокъ былъ незаконный, такъ о чемъ же плакать, — вотъ что скажетъ ей практическая мудрость. Законныя матери имѣютъ право оплакивать своихъ дѣтей и требовать сочувствія, а не она.

Ссоры Петлина съ Добрецовымъ изъ-за ожидаемой знаменитости часто занимали Буянку больше, чѣмъ самъ виновникъ этихъ ссоръ. Дядя Иванъ Петровичъ поддерживалъ Петлина, что̀ еще болѣе злило Добрецова. Чайкинъ отмалчивался и только разъ замѣтилъ Буянкѣ:

— Странно, что васъ, Елена Васильевна, нисколько не интересуетъ Охотниковъ?

— Пріѣдетъ — увидимъ... А пока можно сдѣлать такое предположеніе, что это такой же смертный, какъ и мы съ вами. Мало ли дутыхъ репутацій и фальшивыхъ знаменитостей, какъ есть фальшивыя монеты и ассигнаціи. Кстати, кто онъ такой, этотъ Охотниковъ?

— Зовутъ его Исаемъ Борисовичемъ, а по наружности... Однимъ словомъ, не русскій.

— Вы его видали?

— На улицѣ встрѣчалъ, а на сценѣ не приходилось видѣть. Во всякомъ случаѣ, это большой артистъ, и меня удивляетъ, что вы, актриса, не интересуетесь имъ...

— Да вѣдь вы не признаёте во мнѣ артистку!

— Я?

— Да, вы... Припомните ваше поведеніе во время сезона. Даже больше того: каждый мой промахъ доставлялъ вамъ удовольствіе.

Чайкину нравилось, когда Буянка сердилась, — у ней выходило это такъ красиво-энергично. И теперь она смотрѣла на него такъ вызывающе своими потемнѣвшими сѣрыми глазами. Къ сожалѣнію, въ теченіе сезона она уже пріобрѣла нѣсколько казенныхъ жестовъ, что̀ портило „натуру“. Чайкинъ, залюбовавшись ею, невольно улыбнулся, что̀ окончательно взорвало Буянку.

— Вы—нахалъ! Да...—крикнула она сдавленнымъ голосомъ, напирая на него.—Ну, чему вы смѣетесь? Я говорю правду...

— Елена Васильевна, я... я...—бормоталъ виновато Чайкинъ, невольно отступая. — Вѣдь я всегда любуюсь на васъ, а вы... Съ перваго раза, какъ увидѣлъ васъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ. И я буду смѣяться надъ вами? Женщины не любятъ такихъ невидныхъ людей, какъ я, и я на это не жалуюсь.

— Не продолжайте, ради Бога,—сурово остановила его Буянка.—Въ жизни все такъ: тѣ, кого мы любимъ, не отвѣчаютъ намъ тѣмъ же, а тѣ, кто насъ любитъ, не находятъ отвѣта. Вѣдь я не кокетничала съ вами? не давала вамъ повода мечтать о чемъ-нибудь? Довольно...

Такое откровенное объясненіе повело только къ тому, что Буянка замѣтно начала сторониться комика, а онъ проклиналъ свой языкъ, выдавшій его головой.

На Пасхѣ, когда Иванъ Петровичъ и Буянка завтракали въ столовой, Сергѣй Ивановичъ вошелъ съ недовольнымъ лицомъ и подалъ на серебряномъ подносикѣ визитную карточку Буянкѣ.

— Это, вѣроятно, барину,—посомнѣвалась Буянка.

— Нѣтъ-съ, вамъ-съ... — сурово отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ, переминаясь съ ноги на ногу.

Узкая атласная карточка была лаконически-краснорѣчива: *И. Б. Охотниковъ.* Буянка даже перепугалась и, молча, передала карточку дядѣ.

— Проси въ гостиную, — коротко отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и сейчасъ же поднялся съ мѣста.

Буянка плохо помнила, какъ переодѣлась на скорую руку и какъ вошла въ гостиную, гдѣ расхаживалъ высокій плечистый мужчина съ запущенной

бородкой. Онъ однимъ быстрымъ взглядомъ окинулъ хозяйку и проговорилъ совершенно просто, точно они разстались только вчера вечеромъ:

— Какая у васъ адская дорога, Елена Васильевна.., Я думалъ, что меня затрясетъ до смерти. Но желаніе познакомиться съ вами оказалось сильнѣе всего...

— Садитесь... Мы слышали о вашемъ путешествіи, но ждали васъ немного позже,—отвѣтила смутившаяся Буянка,—она почувствовала себя какой-то дѣвчонкой передъ этимъ солиднымъ мужчиной.

— Я и самъ то же думалъ, но случилось иначе. Впрочемъ, мнѣ это только доставило удовольствіе познакомиться съ вами нѣсколькими недѣлями раньше... то-есть я собственно, если хотите, давно уже знакомъ съ вами по газетнымъ рецензіямъ, наконецъ мнѣ такъ много говорилъ о васъ вашъ мужъ... Однимъ словомъ, мы старые знакомые.

Охотниковъ посидѣлъ съ полчаса и все время говорилъ о разныхъ постороннихъ предметахъ. Буянка неловко молчала, напрасно стараясь сказать что-нибудь въ тактъ ловкому гостю. Больше всего ее смущали его глаза, осматривавшіе ее всю. Она это чувствовала и волновалась. Когда Охотниковъ вышелъ, она разсердилась: такъ осматриваютъ только барышники лошадей.

— Ну что? — спрашивалъ Иванъ Петровичъ, скрывавшійся въ кабинетѣ.—Получила милостивое приглашеніе принять участіе въ гастроляхъ?

— Нѣтъ.

— Странно! Зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ въ такомъ случаѣ?

— Вѣроятно, думаетъ, что ему стоитъ только показать свой палецъ, какъ мы всѣ бросимся въ его объятія...

— Вотъ такъ сахаръ!..

## XV.

Гастроли Охотникова, рекламируемыя громадными афишами и цѣлымъ рядомъ статей въ „Курьерѣ“, привлекли массу публики. Добрецовъ рвалъ на себѣ волосы. Вѣдь вотъ идетъ же публика къ какому-то заблудящему артисту, а у него полгода театръ пустуетъ. Нужно имя, извѣстная помпа, а не искусство... Положимъ, что онъ лично не въ убыткѣ и оставшіеся въ Чащиловѣ артисты заработаютъ малую толику, но тутъ было задѣто самолюбіе стараго антрепренера. Какой-нибудь мальчишка и будетъ учить Добрецова!.. Нѣтъ, извините, молодой человѣкъ! Изъ-за Охотникова Добрецовъ въ лоскъ разругался съ Петлинымъ.

— Это разбойники, а не гастролеры!—оралъ Добрецовъ:—изъ-за нихъ искусство падаетъ...

Буянка и Чайкинъ участвовали въ гастроляхъ Охотникова, который держался съ ними, какъ со школьниками. Этотъ покровительственный тонъ возмущалъ Буянку до глубины души, но она рѣшилась все перенести, чтобы только самой поучиться у настоящаго, патентованнаго артиста.

— Не нужно бить пудомъ тамъ, гдѣ достаточно фунта,—повторялъ Охотниковъ свою любимую фразу.—У васъ, Елена Васильевна, слишкомъ много энергіи въ игрѣ, а истинный артистъ долженъ разсчитывать свои силы. Да, расчетъ—въ этомъ весь артистъ...

— Я буду стараться, Исай Борисовичъ,—съ иронической ноткой по-школьнически отвѣчала Буянка.—Мы вѣдь театральные кустари. Да и поучиться негдѣ... Впрочемъ, и у васъ не безъ промаховъ, какъ, напримѣръ, въ „Кинѣ“. Помните, сцена въ тавернѣ, когда вы выгоняете замаскированнаго лорда? Вы въ самомъ горячемъ мѣстѣ садитесь на стулъ и выкидываете

ногой настоящій крендель... А Кинъ—благородная натура, и въ порывѣ своей возмущаемой гордости онъ не могъ сдѣлать такого водевильнаго жеста. Онъ долженъ выпрямиться и молча указать лорду дверь... Потомъ въ Расплюевѣ вы первую сцену ведете на ногахъ, у самой рампы, тогда какъ избитому старику естественнѣе вести свой монологъ, сидя въ креслѣ. Вѣдь это трагическій типъ, когда Расплюевъ возмущается не тѣмъ, что его столько разъ били, а тѣмъ, что его били боксомъ. У васъ недостаетъ простоты, необходимой въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ трагическихъ роляхъ...

— Ого, да вы съ ноготкомъ, мадамъ! — изумился Охотниковъ, съеживая плечи.—Что же, я согласенъ съ вами и тоже буду стараться, какъ говорите вы мнѣ...

Между Буянкой и Охотниковымъ установились дружескія отношенія. Что онъ такое—она еще не знала. Его игра ей нравилась только вполовину, и она объясняла это себѣ тѣмъ, что не понимаетъ многаго. Съ артистами онъ держался ровно, на дружескую ногу, хотя и не могъ освободиться отъ покровительственнаго тона. Впрочемъ, въ послѣднемъ были отчасти виноваты сами артисты, ловившіе каждое слово Исая Борисыча, какъ откровеніе. Охотникова не было, а былъ Исай Борисычъ. Буянкѣ больше всего нравился у гастролера его голосъ, глубокій и полный, съ такими мягкими нотами, просившимися въ душу. Да, въ немъ было что-то, чего недоставало другимъ, хотя приходить въ телячій восторгъ, какъ m-me Ливаневская, и не стоило.

Оригинально преслѣдовали теперь Буянку ея друзья, на время было-успокоившіеся: они всѣ начали ревновать ее къ Охотникову. И Петлинъ, и Агаѳья Петровна, и Чайкинъ, и даже m-me Моторина—всѣ точно сговорились. Раньше, напримѣръ, Петлинъ старался не замѣчать водевилятника Чайкина, а теперь они сдѣлались друзьями.

Все это доходило до смѣшного, такъ что даже самъ Охотниковъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя странности.

— Васъ стерегутъ, Елена Васильевна,—шутливо объяснилъ онъ, глядя Буянкѣ прямо въ глаза.—Но я-то не изъ тѣхъ, которые увлекаютъ женщинъ, какъ вы и сами можете засвидѣтельствовать.

— Вы не любите женщинъ?

— Какъ вамъ сказать... Каждая женщина въ себѣ самой видитъ героиню, а въ мужчинѣ требуетъ героя. Согласитесь, что это не всегда возможно. Нѣтъ простоты отношеній, потому что нѣтъ нормальныхъ людей... Наше воспитаніе, обстановка, трудъ и даже самыя удовольствія создаютъ такихъ героевъ неизбѣжно. Мнѣ лично приходилось встрѣчать нѣсколько женщинъ, которыя нравились мнѣ... Да. Но я не сдѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага, чтобы понравиться имъ, потому что считаю себя рѣшительно неспособнымъ выносить женское иго. Я никого не обвиняю, но не желаю и обманывать самого себя миражами счастья.

Все это говорилось такъ просто и убѣжденно, что Буянка начала интересоваться Охотниковымъ. Что онъ за человѣкъ, какое воспитаніе получилъ, изъ какой среды вышелъ, кто его друзья, какія у него привычки—вообще, какое прошлое стоитъ за нимъ? Чащиловскія дамы сходили съ ума отъ красавца-гастролера, и Буянкѣ какъ-то было совѣстно вмѣшаться въ эту толпу даже мысленно. Кстати, онъ никогда и ничего не сказалъ ей объ ея сценическихъ достоинствахъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ замѣчаній. Это ее бѣсило, но спрашивать самой ей не хотѣлось.

— Это очень умный господинъ,—замѣтилъ Иванъ Петровичъ, разговаривавшій съ Охотниковымъ всего раза два.—Съ перваго слова замѣтно... Да

и образованіе наконецъ есть, чего недостаетъ прежде всего и послѣ всего нашимъ артистамъ.

Всѣхъ спектаклей было десять. Охотниковъ уѣзжалъ. Передъ отъѣздомъ онъ опять явился съ визитомъ на дачу и остался на цѣлый вечеръ, хотя „его дни въ Чащиловѣ уже были сочтены", какъ острилъ Петлинъ,—гастролера приглашали всюду нарасхватъ, такъ что, дѣйствительно, у него не оставалось ни одного свободнаго часа. Цѣлый вечеръ, отданный поѣздкѣ на дачу, польстилъ Буянкѣ, и она ужасно волновалась, ожидая отъ этого визита чего-то особеннаго. Въ ней опять проснулась неудовлетворенная жажда какой-то иной жизни и позывы въ невѣдомую даль. Вѣдь ее здѣсь рѣшительно ничто не связывало, кромѣ больного старика-дяди, который, во всякомъ случаѣ, не сталъ бы ее удерживать. А Чащиловъ ей совсѣмъ опротивѣлъ: неужели цѣлую жизнь прожить въ этомъ медвѣжьемъ углу и даже не посмотрѣть, какъ живутъ другіе люди? Такъ, какъ она жила,—нельзя жить: это похоронить себя заживо...

Добрецовъ, Петлинъ и Чайкинъ явились раньше Охотникова, и ихъ присутствіе раздражало Буянку. Имъ-то что̀ нужно? Только будутъ мѣшать и, навѣрно, не дадутъ сказать слова. Это возмутительно!.. Петлинъ впередъ говоритъ: „нашъ Исай Борисовичъ",—что̀ за амикошонство? Болтуны провинціальные, и больше ничего. Когда пріѣхалъ Охотниковъ, Буянка чувствовала себя очень скверно—она была раздражена на всѣхъ. За чаемъ Петлинъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— А какъ вы полагаете, Исай Борисовичъ, относительно Елены Васильевны? Это общая наша любимица...

— Я не знаю, будетъ ли интересно самой Еленѣ Васильевнѣ знать мое мнѣніе,—уклончиво отвѣтилъ Охотниковъ, ласково взглянувъ на хозяйку.—Навязываться со своимъ мнѣніемъ какъ-то неудобно...

— Моя роль давно опредѣлена дядей въ двухъ словахъ: чащиловская примадонна,—не безъ горечи отвѣтила Буянка.—Потомъ, я не понимаю подобныхъ разговоровъ вообще, потому что въ глаза говорить правду не принято...

Она была очень хороша въ этотъ моментъ, хороша своей затаенной внутренней энергіей, вибраціей голоса, взглядомъ потемнѣвшихъ глазъ, всей фигурой. Охотниковъ ловко перемѣнилъ тему и заговорилъ вообще о новыхъ вѣяніяхъ въ искусствѣ. Больнымъ мѣстомъ сейчасъ являлась обстановка пьесъ, убивавшая простоту недавняго добраго времени. Публика идетъ смотрѣть декораціи и костюмы актрисъ, а не пьесу. Даже есть обстановочныя пьесы, отъ которыхъ одинъ шагъ до феерiи. Дѣйствующими лицами на сценѣ являются настоящія лошади, настоящіе верблюды и даже слоны, настоящіе паровозы, колбасныя лавки, фонтаны, дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ, настоящій шелкъ и бархатъ, а въ придачу въ этому идутъ уже артисты. Это крайне опасный путь, который грозитъ деморализаціей сцены, той сцены, на которой Шекспиръ ставилъ свои пьесы при сальныхъ огаркахъ.

— Вѣрно, collega, — соглашался Добрецовъ. — Даже настоящихъ собакъ вытаскиваютъ на сцену... А между тѣмъ я, напримѣръ, всегда лаялъ за сценой самъ, когда это требовалось по ходу дѣйствія.

— Вотъ видите...—съ улыбкой отвѣтилъ Охотниковъ.—Я васъ вполнѣ понимаю, Савелій Ѳедоровичъ.

Буянка едва дождалась, когда кончится чай, и она незамѣтно увела Охотникова въ садъ. Весна только начиналась, и дорожки были усыпаны еще прошлогоднимъ сухимъ листомъ. Зеленая мягкая травка пробивалась только

кое-гдѣ, да цвѣли желтоватыя лѣсныя анемоны. Пахло горькимъ ароматомъ настоящаго весенняго лѣса, и Охотниковъ вдыхалъ его полной грудью съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Вотъ что̀, Елена Васильевна,—заговорилъ Охотниковъ первымъ, прерывая неловкое молчаніе.—Вы не спрашивали, а я ничего не говорилъ... Но теперь, передъ отъѣздомъ, могу сказать вамъ откровенно, что вамъ оставаться чащиловской примадонной просто грѣшно. Въ васъ есть искренность, есть правда, а это такое сокровище, которое быстро заигрывается на маленькихъ сценахъ подъ руководствомъ такихъ цѣнителей, какъ Петлинъ или Добрецовъ. Мой совѣтъ: уѣзжайте отсюда...

— Куда?—тихо спросила Буянка.—Я сама много разъ думала объ этомъ и ничего не могла придумать...

— Хотите, я вамъ помогу? Я понимаю, что ваше самолюбіе можетъ оскорбиться этимъ предложеніемъ, но вѣдь не всѣ же люди думаютъ только о себѣ... Себя самого я не желаю выставлять образцомъ добродѣтели, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ я хлопочу болѣе всего о самомъ себѣ: мнѣ доставитъ большое удовольствіе видѣть васъ настоящей артисткой.

Буянка молчала. Онъ взялъ ее за руку и старался заглянуть ей въ глаза. Они, молча, шли все дальше и дальше. „Онъ меня подманиваетъ, какъ комнатную собачку",—думала она съ непонятнымъ для самой себя упрямствомъ. Въ ней вдругъ зародилось страшное недовѣріе къ нему, къ его хорошимъ словамъ, къ безупречнымъ манерамъ, ко всему, чѣмъ онъ ей нравился. Это было темное органическое чувство, охватившее ее съ безотчетной силой. Вѣдь тѣ маленькіе провинціальные артисты, съ ихъ недостатками и пороками, лучше уже по одному тому, что они всѣ на виду.

— О чемъ вы задумались, Елена Васильевна?

— Я боюсь васъ, Исай Борисовичъ...

— Вотъ какъ... Благодарю, не ожидалъ!

Послѣднюю вульгарную фразу онъ сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, прищуривъ глаза и сжавъ губы. Вся „хорошесть" точно слиняла съ него.

— Да, боюсь,—повторила тихо Буянка.—Я отлично представляю себѣ тѣхъ женщинъ, которымъ вы уже говорили то же самое, что̀ сейчасъ высказали мнѣ... „Искренность, правда..."—да? Онѣ вамъ вѣрили и шли за вами, а потомъ вы отыскивали слѣдующій номеръ искренности... Я вижу это по вашимъ глазамъ, по той излишней самоувѣренности, съ какой вы относитесь къ женщинамъ, по вашему самодовольному тону...

„Вотъ такъ влетѣлъ..."—охнулъ про себя Охотниковъ.

— И знаете, Исай Борисовичъ, мнѣ обидно за васъ,—продолжала Буянка уже съ азартомъ:—обидно за вашу талантливость, за ваше исключительное положеніе, за искусство, наконецъ. Въ насъ, маленькихъ людяхъ, живетъ неискоренимая вѣра въ исключительныхъ людей, съ которыми мы связываемъ все лучшее, чистое, святое... До этого разговора я именно такъ вѣрила въ васъ, а сейчасъ вижу, что вы свое имя не носите съ гордостью, а тащите, какъ приманку.

— Довольно, Елена Васильевна: вы правы...—печально согласился Охотниковъ.—Да, вы угадали. Ну что̀ же, легче вамъ отъ этого? Вы довольны?

## XVI.

Буянка уѣхала съ Охотниковымъ. Случилось это какъ-то совсѣмъ вдругъ, такъ что Иванъ Петровичъ только развелъ руками. Сама же нападала на Охотникова, сама отыскивала въ немъ разные недостатки и вдругъ сверну-

лась. Передъ отъѣздомъ у дяди съ племянницей произошла жаркая стычка, причемъ Буянка уже защищала Охотникова.

— А я ему не вѣрю, этому накрахмаленному премьеру!—кричалъ Иванъ Петровичъ.—Нисколько не вѣрю... Онъ весь фальшивый и, что̀ опаснѣе всего, прилично-фальшивый.

— Да вѣдь это только одно предположеніе? Ни вы ни я не знаемъ Исая Борисыча.

— А что̀ ты раньше говорила? а? Одно имя чего стоитъ... Изъ жидовъ не изъ жидовъ, изъ поляковъ не изъ поляковъ, а просто какой-то оборотень.

— Прекрасная логика: если человѣкъ ничего дурного не сдѣлалъ, такъ сдѣлаетъ. Это называется разсуждать по-бабьи! Человѣкъ предлагаетъ мнѣ учиться... Это рѣдкій случай, что я могу воспользоваться совѣтами опытнаго и талантливаго артиста. Наконецъ, возьмемъ самое худшее: что̀ онъ можетъ сдѣлать мнѣ дурного?

— Знаемъ мы этихъ господъ опытныхъ артистовъ!..

Этотъ намекъ на Бурова бросилъ всю кровь въ голову Буянкѣ. Да, она была глупа, какъ пробка, но она дорого заплатила за свою ошибку, и, кажется, это достаточное ручательство за то, что вторая подобная глупость не повторится. Несмотря на частые споры и взаимныя недоразумѣнія, Иванъ Петровичъ еще въ первый разъ позволилъ себѣ подобный намекъ на прошлое. Эта деликатность старика всегда обезоруживала Буянку, а теперь она уже ничѣмъ не сдерживала себя.

— Да, я любила Бурова,—повторяла она съ ожесточеніемъ.—Да, онъ бросилъ меня... Да, у меня нѣтъ того будущаго, на какое въ правѣ разсчитывать другія дѣвушки. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ я кого-нибудь обманула? Развѣ я солгала кому-нибудь? Если нѣтъ мужчинъ, которымъ можно довѣриться, если нѣтъ сердца, которое не обмануло бы васъ... Дядя, милый, вѣдь ты забываешь, что я молода, что я жить хочу!..

— Вотъ это-то я и хотѣлъ тебѣ сказать, что въ молодости главная опасность... Положимъ, что этотъ недостатокъ у женщинъ проходитъ быстро, но мы говоримъ о настоящемъ. Не вѣрю я твоему Исаю Борисычу!..

— Онъ столько же твой, сколько и мой... Я хочу учиться, я хочу видѣть настоящихъ артистовъ, жизнь людей... Что̀ же мнѣ осталось? Ну, скажи! что̀?..

— Развѣ я оракулъ, чтобы отгадывать будущее?

— А я тебѣ скажу, что̀,— отравиться... Да. Теперь понялъ? Развѣ я не понимаю, что такъ жить, какъ я жила, невозможно, что, наконецъ, порвалась послѣдняя нить, которая привязывала меня къ жизни... Я—лишняя. Когда тебя не будетъ, куда я пойду со своимъ одиночествомъ? Ты думаешь, для меня все въ томъ, чтобы сдѣлаться чащиловской примадонной? Жестоко ошибаешься... Мнѣ мои дешевые успѣхи уже надоѣли, и я не хочу жить фальшивой монетой.

— Слова, слова, слова!..—грустно повторялъ Иванъ Петровичъ, покачивая своей сѣдой головой въ тактъ азартной рѣчи Буянки.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Слѣдующимъ номеромъ явился Добрецовъ, который молчалъ до послѣдняго момента.

— Вамъ-то что̀ отъ меня нужно?—довольно рѣзко спросила Буянка, когда Добрецовъ пріѣхалъ къ ней прощаться.

— Напомнить о себѣ заѣхалъ, Елена Васильевна,—съ необычной для него кротостью отвѣтилъ старый театральный волкъ.—Вотъ вы на большую дорогу выходите... да. Что̀ же, большому кораблю большое и плаваніе. Да-съ...

Обо всемъ позаботились впередъ, милашка, и себя не забыли, а только вотъ насъ-то и обошли. Впрочемъ, что же, не вы первая, не вы послѣдняя!.. Всѣхъ туда тянетъ, гдѣ и слава, и деньги и шумъ, а мы будемъ здѣсь дотягивать свою гарнизонную службу.

— Все-таки не понимаю, что вамъ отъ меня нужно, Савелій Ѳедорычъ?

— Ничего-съ, Елена Васильевна... У насъ свой возъ, а у васъ свой. Когда я былъ молодъ, то и меня тянуло *туда*, но я воздержался: мнѣ вотъ здѣшнее-то дорого-съ. Да... Кто безъ меня будетъ гг. артистовъ пропитывать? Плохъ Добрецовъ, и плутъ онъ, и ругатель, а безъ него тоже нельзя. Залетные-то гости не надежны: сегодня здѣсь, завтра тамъ, а Добрецовъ останется. Да-съ...

— И только?

— И только. Добрецовъ останется на своемъ посту и умретъ, какъ водовозная кляча въ своихъ оглобляхъ...

Буянкѣ показалось, что Добрецовъ чего-то не договариваетъ и что въ его тонѣ съ ней чувствовалась какая-то новая нотка. Ей безотчетно сдѣлалось жаль старика-дядю и неугомоннаго редактора Петлина. Послѣдній успѣлъ забыть о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ Буянкѣ, потому что они были заслонены горделивымъ сознаніемъ того, что это онъ предсказалъ ей блестящую артистическую будущность.

— Вотъ посмотрите, какъ мы развернемся *тамъ*...—ораторствовалъ онъ, размахивая руками.—Елена Васильевна, вы припомните провинціальнаго редактора, который всегда гордился вами.

Чайкинъ и Агаѳья Петровна ничего не говорили, но ихъ молчаніе было краснорѣчивѣе всѣхъ словъ. Жаль было и попку Карла Иваныча и собаку Колдунчика, но что подѣлаешь?..

— Дальніе проводы—лишнія слезы,—рѣшилъ Охотниковъ, назначивъ день отъѣзда.

До первой станціи провожалъ Буянку одинъ Сергѣй Ивановичъ, который привезъ отъ нея общій поклонъ. Старикъ хмурился и молчалъ, несмотря на всѣ разспросы. Что же тутъ было говорить, уѣхала и все тутъ.

Первые мѣсяцы о ней не было ни слуху ни духу, точно въ воду канула. Первую вѣсточку о Буянкѣ принесъ на дачу все тотъ же Петлинъ, вырѣзавшій изъ газетъ замѣтку о гастроляхъ Охотникова на югѣ Россіи. Фамилія Лохмановой-Голынецъ упоминалась только между прочимъ, какъ дополненіе къ путешествующей театральной звѣздѣ.

— Это первые опыты, а до сезона еще далеко,—объяснялъ Петлинъ ничего не значившее извѣстіе. — Артисты сбиваются въ кучки осенью, какъ перелетныя птицы, тогда и мы увидимъ, къ какому стаду пристала наша Буянка.

Осенью Петлинъ усиленно разыскивалъ въ театральныхъ анонсахъ имя Буянки и не находилъ. Ошибка заключалась въ томъ, что онъ искалъ его рядомъ съ именемъ Охотникова. Буянка потерялась окончательно. Иванъ Петровичъ сильно встревожился и старался совсѣмъ не заводить о ней рѣчи. Ну, отчего она не написала ему ни одной строки? Неужели это такъ трудно, тѣмъ болѣе, что она знаетъ, какъ ея молчаніе тревожитъ больного и стараго дядю. По ночамъ на Ивана Петровича нападалъ иногда какой-то суевѣрный страхъ; ужъ не сдѣлала бы надъ собой чего-нибудь она, эта эксцентричная и крайне искренняя голова? Но вѣдь тогда можно бы знать черезъ газеты, что и какъ, а пока въ газетахъ о Лохмановой-Голынецъ ни слова.

Насталъ октябрь. Труппа Добрецова открыла свой зимній сезонъ. Изъ прежняго состава оставался одинъ Чайкинъ, да еще поступила на выходныя роли Агаѳья Петровна.

— У этой милашки таланта ни на грошъ,—говорилъ про нее Добрецовъ.—Но намъ нельзя безъ хорошенькихъ рожицъ... Каши масломъ не испортишь. Вонъ и комикъ мой голову повѣсилъ: мрачный, мерзавецъ, сдѣлался.

Въ концѣ октября Чайкинъ заявился къ Ивану Петровичу на дачу,—старикъ жилъ на ней безвыѣздно,—и съ торжествующей таинственностью подалъ письмо.

— Отъ Буянки?—изумился Иванъ Петровичъ, не вѣря собственнымъ глазамъ.—Что̀ же она такое пишетъ?

— Читайте...

Вооружившись очками, Иванъ Петровичъ съ трудомъ разобралъ небрежно написанное письмо, въ которомъ Буянка сообщала, что „служитъ“ на одной изъ частныхъ столичныхъ сценъ подъ новымъ псевдонимомъ Ривольской. Въ припискѣ она спрашивала о здоровьѣ дяди,—это, повидимому, была главная основа всего письма.

— Да, теперь понимаю...—вслухъ думалъ Иванъ Петровичъ, перечитывая письмо.—Она не хотѣла выступить подъ своей фамиліей чащиловской примадонны и захотѣла создать себѣ новое имя. Да, артистическая гордость... А вы, Платонъ Егорычъ, ничего не слыхали о Ривольской?

— Нѣтъ, читалъ въ одной театральной газеткѣ, что это новая артистка, которая пользуется большимъ успѣхомъ. Ей даже предсказывали будущее...

— А Петлинъ-то, Петлинъ-то въ какихъ дуракахъ остался!—отъ души смѣялся Иванъ Петровичъ.—Онъ ищетъ Лохманову-Голынецъ, а отъ нея давно и слѣдъ простылъ... Ха-ха! Ловко...

Старикъ не досказалъ одного, именно, что молчаніе Буянки обозначало и то, что она ошиблась въ Охотниковѣ, но не хотѣла объ этомъ ничего говорить. Обойти этотъ вопросъ молчаніемъ въ письмѣ къ дядѣ было неудобно, вотъ она и пишетъ Чайкину, какъ нейтральному лицу, которому ни до чего дѣла нѣтъ. Что̀ же, этого слѣдовало ожидать, и только нужно удивляться, какъ это ему раньше не пришло въ голову. Буянка иначе и поступить не могла, насколько она еще осталась Буянкой.

Незадолго до Рождества, когда дни начали уже прибывать „на воробьиный скокъ“, Сергѣй Ивановичъ раннимъ утромъ нѣсколько разъ на цыпочкахъ подходилъ къ спальнѣ Ивана Петровича, прислушивался, не проснулся ли баринъ, и опять отходилъ. Было еще темно, и въ столовой горѣла стѣнная лампа. Въ двухъ комнатахъ уже топились печи, какъ велось издавна, чтобы печи были истоплены, когда баринъ проснется. По зимамъ для нихъ это первое удовольствіе, чтобы въ комнатахъ было жарко. Сергѣй Ивановичъ сегодня особенно усердствовалъ и накалилъ печи до невозможности. Время отъ времени онъ на ходу крестился и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Дай Ты, Господи! Охрани, Владычица небесная...

А баринъ какъ на грѣхъ разоспался дольше обыкновеннаго. Старикъ наконецъ не утерпѣлъ, подошелъ къ двери спальни и осторожно кашлянулъ: куда ни шло—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.

— Ты съ ума сошелъ?—послышался недовольный голосъ Ивана Петровича.—Чего сапожищами-то своими стучишь, точно лошадь, которую подковываютъ?

— Сударь...

— Я вотъ тебѣ покажу такого сударя...

Баринъ обругался форменно, а заснуть во второй разъ не могъ. Послышалась зѣвота, старческое кряхтѣнье и опять брань, но уже добродушная, такъ, для фасону. Сергѣй Иванычъ даже улыбнулся въ руку, стоя у двери.

— Эй, Сергѣй Иванычъ...

— Сейчасъ, сударь!

Когда Сергѣй Ивановичъ вошелъ въ спальню, на ночномъ столикѣ уже горѣла свѣча. Ивану Петровичу стоило взглянуть на вѣрнаго слугу всего одинъ разъ, чтобы понять, что случилось что-то необыкновенное: старикъ весь такъ и сіялъ... Сначала это даже немного точно обидѣло Ивана Петровича: чему обрадовался старый дуракъ? Но потомъ онъ самъ почувствовалъ себя тоже весело и, какъ бы между прочимъ, спросилъ:

— Что̀ случилось-то? Ужъ не именинникъ ли ты сегодня?..

— Помилуйте, день ангела моего пятаго іюля справляю, сударь...

Оглядѣвшись, Сергѣй Ивановичъ на цыпочкахъ подошелъ къ самой кровати и прошепталъ:

— Пріѣхали-съ...

— Кто пріѣхалъ?

— Онѣ-съ... Слушаю этакъ около пяти часовъ, будто колокольчикъ въ лѣсу дрогнулъ... Кому бы къ намъ быть въ такую пору? Ну, прислушался... Ближе, ближе... Я вскочилъ, накинулъ живой рукой шубенку, а къ крыльцу ужъ подкатила этакая кибиточка. Выскочилъ я на крыльцо, гляжу и собственнымъ глазамъ не вѣрю: Елена Васильевна собственной персоной. Ей-Богу!.. Васъ не приказали будить и сами сейчасъ спать. И сейчасъ спятъ...

— Тише ты, чего ротъ-то разинулъ!..

Сергѣй Ивановичъ закрылъ ротъ обѣими ладонями и даже затаилъ дыханіе.

## XVII.

Буянка вернулась въ Чащиловъ навсегда. Она ничего не разсказывала, не жаловалась и не дѣлала никакихъ предположеній относительно будущаго. Иванъ Петровичъ, по свойственной ему деликатности, ничего не разспрашивалъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Время отъ времени на дачѣ появлялись старые друзья, сама Буянка не хотѣла никуда носа показывать, счастливая тѣмъ, что у ней есть свой уголъ.

Изъ старыхъ знакомыхъ не пріѣзжалъ пока одинъ Чайкинъ, занятый въ театрѣ утромъ и вечеромъ. Буянка послала ему наконецъ записку. Чайкинъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ m-me Моториной. Эта почтенная женщина была въ ужасномъ волненіи, такъ что нѣсколько времени не могла выговорить ни одного слова, а только махала руками.

— Ужъ вы здоровы ли, Любовь Михайловна?—спросила ее Буянка.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, Елена Васильевна, тихоня-то наша... а?—заговорила Моторина, захлебываясь.—Нѣтъ, я не могу говорить... Вотъ Платонъ Егорычъ скажетъ... А я-то, дура, съ ней нянчилась! Можно ли такъ ошибаться въ людяхъ въ мои годы? Никогда, никогда не прощу себѣ этого случая... Вчера встрѣтила на улицѣ Ливановскую... Она ужъ бросила Борщевскаго и теперь раскатываетъ по всему городу съ Косульскимъ,—это ихъ кружковскій премьеръ. Хорошо... Повстрѣчалась со мной, взглянула, и сейчасъ этакая улыбка... У, мерзавка!.. Думаетъ, что я ничего не вижу и не понимаю...

— Любовь Михайловна, я все-таки ничего не понимаю,—заявила Буянка.

— Ахъ, я не могу...—томно проговорила Моторина, закрывая глаза.— Понимаете, мнѣ просто совѣстно. Платонъ Егорычъ, разскажите вы... Мужчины вѣдь умѣютъ въ формѣ шутки разсказывать всякія гадости. По моему мнѣнію, женщина, посвятившая себя искусству, не должна прикасаться къ мужчинѣ... Да, не должна!.. Она должна высоко держать знамя своей независимости... Въ будущемъ—о, я въ этомъ убѣждена!—артистки организуютъ совершенно замкнутый кружокъ, въ родѣ весталокъ, съ обѣтомъ цѣломудрія. Да, это единственное условіе, при которомъ только возможно отдать себя всю беззавѣтно искусству. Самый лучшій мужчина въ концѣ концовъ все-таки порядочная свинья... Excusez du peu, Платонъ Егорычъ, хотя вы и мужчина. Нѣтъ, скромница-то наша... а?..

— Агаѳья Петровна?—сдѣлала догадку Буянка.

— Ахъ, я не могу слышать этого имени... Говоря между нами, у меня былъ отличный планъ: помните Александра Иваныча Фукина? Ну, такъ вотъ была бы отличная парочка... Я смотрю на мужчинъ, какъ на печальную необходимость. Да... И кто бы могъ подумать?.. Старый развратникъ, о которомъ говорить даже неприлично, насказалъ этой дурочкѣ всякихъ нелѣпостей: „у васъ, милашка, талантъ“, „я васъ выведу въ люди“ и т. д. И она повѣрила, и теперь... Нѣтъ, я не могу!..

— Однимъ словомъ, Агаѳья Петровна сошлась съ Добрецовымъ,—объяснилъ наконецъ Чайкинъ сконфуженно.—Ничего въ этомъ особеннаго нѣтъ, по крайней мѣрѣ, для насъ...

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ,—спорила Моторина,—но эта тихоня... кто бы могъ подумать? Наконецъ какое мое положеніе, и въ какомъ положеніи Александръ Иванычъ? Она—артистка, она, которая не умѣетъ сказать двухъ словъ...

Занятая своими мыслями, Моторина даже не спросила Буянку, надолго ли она пріѣхала, гдѣ была и что думаетъ дѣлать. Этотъ комическій эпизодъ опять сблизилъ Буянку съ Чайкинымъ, и они даже переглянулись.

— И знаете, кто напѣлъ этой дурѣ въ уши: „талантъ! ахъ, какой талантъ!“?—спрашивала Моторина послѣ небольшой передышки. — Нашъ редакторъ, Харлампій Яковлевичъ... Да я ему глаза выцарапаю, только попадись онъ мнѣ!.. Онъ будетъ знать... У меня тоже талантъ!

Любовь Михайловна явилась и исчезла, какъ буря. Она только на одну минутку завернула къ Ивану Петровичу въ кабинетъ, чтобы сказать ему нѣсколько теплыхъ словъ.

— Матушка, да ты сбѣсилась?!..—обругалъ ее старикъ.—Къ Пастёру надо всѣхъ васъ отправить...

Чайкинъ остался обѣдать, а Буянка называла его „печальной необходимостью“, какъ Моторина окрестила всѣхъ мужчинъ. Иванъ Петровичъ хохоталъ надъ этой кличкой до того, что въ дверяхъ столовой показалось встревоженное лицо Сергѣя Ивановича.

— Вы это что же насъ-то забыли, безсовѣстный человѣкъ?—упрекала гостя Буянка.—Сознайтесь, вѣдь вамъ немножко совѣстно, печальная необходимость?

Только послѣ обѣда Чайкинъ вспомнилъ, что сегодня у нихъ назначена репетиція, и что Добрецовъ теперь рветъ и мечетъ. Ѳ, наплевать и на Добрецова: все равно штрафъ платить. Онъ опять чувствовалъ ту предательскую теплоту, съ которой не хотѣлъ разстаться. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на Буянку, которая что-то такое ему разсказывала, а онъ ни слова не понималъ и только растерянно улыбался.

— Вѣдь Любовь Михайловна права,—говорила Буянка,—я съ ней совершенно согласна... Это грустная правда, но тѣмъ не менѣе правда. Я поставила крестъ на свою артистическую карьеру, именно потому, что... Послушайте, да вы не слушаете меня, печальная необходимость?.. Кому же я говорю: въ пространство?.. Вы читали когда-нибудь, какъ монахи прежде образа̀ писали? Наложитъ на себя постъ, молится, исповѣдуется и только потомъ приступитъ къ работѣ... Это и есть искусство. Нужно всю душу въ него вложить и чистую душу... Газетчики смѣялись надъ одной опереточной актрисой, которая молилась въ своей уборной, прежде чѣмъ выйти на сцену Прекрасной Еленой. Но я ее понимаю... Тутъ дѣло не въ окладахъ жалованья, не въ рецензіяхъ, не въ аплодисментахъ, а въ собственномъ сознаніи. Должны быть жрицы въ искусствѣ, а не женщины, которыя продаютъ себя дороже или дешевле. Гдѣ искусство мѣряется деньгами, тамъ его нѣтъ... Нѣтъ, вы сегодня неспособны слушать меня!..

Вечеромъ пріѣхалъ Петлинъ и былъ встрѣченъ общимъ смѣхомъ.

— Вотъ ужо задастъ тебѣ Любовь Михайловна,—травилъ его Иванъ Петровичъ.—Будешь знать, какъ открываютъ новые таланты. Она меня по пути чуть не отдула...

— Что̀ же, я, кажется, ничего не сдѣлалъ, господа? — смѣшно оправдывался редакторъ. А что̀ касается Агаѳьи Петровны, такъ это... гм... какъ это сказать? Однимъ словомъ, я тутъ рѣшительно ни при чемъ...

Съ возвращеніемъ Буянки жизнь на дачѣ приняла самый оживленный характеръ. Даже появилась разъ сама Агаѳья Петровна въ сопровожденіи, конечно, Добрецова. Она отнеслась къ Буянкѣ самымъ строгимъ образомъ и, между прочимъ, спросила, что̀ дѣлаетъ здѣсь Чайкинъ,—онъ совсѣмъ испортился и пропустилъ уже двѣ репетиціи.

— Да, милашка, загулялъ,—подтвердилъ Добрецовъ, ужимаясь и подмигивая.

— Цѣлыхъ двѣ репетиціи, это ужасно!—говорила Буянка, покачивая головой.—Ужъ не сошелъ ли онъ съ ума?.. Вѣдь это нынче принято.

— Онъ дѣлается просто ужаснымъ человѣкомъ,—продолжала Агаѳья Петровна.—Реплики перепутываетъ, какъ-то глупо улыбается, когда начнешь съ нимъ говорить...

— Вообще идолъ,—подтвердилъ Добрецовъ.—А мы его штрафикомъ, милашку, прикроемъ... штрафикомъ. Это иногда образумляетъ... Вотъ что̀, Елена Васильевна, а мы къ вамъ по дѣлу: сейчасъ вы свободны... публика васъ любитъ...

— Ну, я кончила, Савелій Ѳедорычъ,—смущенно отвѣтила Буянка.— И очень устала...

— Ну, это вздоръ, милашка...

— Нѣтъ, не вздоръ...

Отказъ былъ рѣшительный и безповоротный, такъ что Добрецовъ и Агаѳья Петровна имѣли полное основаніе обидѣться.

Такъ искренно обрадовавшійся возвращенію Буянки Сергѣй Ивановичъ ходилъ хмурый и недовольный. Иванъ Петровичъ положительно терпѣлъ отъ него притѣсненія, но молчалъ, покоряясь своей долѣ. Особенно брюзжалъ Сергѣй Ивановичъ, когда на дачу пріѣзжалъ Чайкинъ,—старый дворецкій просто ненавидѣлъ водевилятника, точно тотъ хотѣлъ что-то украсть и только ожидалъ удобнаго момента. Однажды Сергѣй Ивановичъ заявился утромъ въ кабинетъ къ Ивану Петровичу и заявилъ прямо, что онъ больше не слуга.

— Это еще что̀ за глупости?

— А ужъ, видно, такъ, сударь... Старъ я сталъ, самому пора на отдыхъ. Будетъ, послужилъ...

— Глупости!

— Нѣтъ, ужъ увольте. Не согласенъ, и все тутъ...

— Да говори человѣческимъ языкомъ, а не тяни изъ меня жилы.

— Что же тутъ говорить: только слѣпой не видитъ. Не сегодня—завтра, а Елена Васильевна законъ примутъ съ этимъ стрекулистомъ... Да. А я не согласенъ. Претитъ. Не по себѣ дерево выбралъ...

— Да намъ-то какое дѣло до нихъ?

— Вы про себя какъ знаете, а я не согласенъ, сударь...

Иванъ Петровичъ позвалъ Буянку и потребовалъ объясненій. Сергѣй Ивановичъ переминался у дверей, опустивъ стыдливо глаза.

— Правда это?—спрашивалъ Иванъ Петровичъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Да...—тихо отвѣтила Буянка.

---

Ровно черезъ годъ Охотниковъ пріѣхалъ опять на лѣтнія гастроли въ Чапциловъ. На пароходной пристани его встрѣтилъ Буровъ, служившій въ труппѣ Добрецова. Старые знакомые обнялись и расцѣловались. Вечеромъ они сидѣли въ гостиницѣ „Парижъ“ и пили красное крымское вино, какъ и слѣдуетъ премьерамъ.

— Знаешь новость: Ривольская вышла замужъ,—сообщилъ, между прочимъ, Буровъ.

— Ривольская? Позволь, фамилія, кажется, знакомая...

— Еще бы! Она теперь m-me Чайкина... ха-ха!.. А тебѣ стыдно забывать свои маленькія увлеченія... Тогда увезъ ее и... Ну, однимъ словомъ, я не охотникъ до семейныхъ тайнъ, а ты все-таки порядочная свинья.

— Позволь, да вѣдь это Буянка? Она же Лохманова-Голынецъ?

— Прежде всего я скроменъ въ такихъ дѣлахъ, и всякое женское имя для меня священно...

— И для меня тоже. Но это все вздоръ... Я съ ней немножко былъ знакомъ когда-то. Гм!..

Пауза. Бутылка опустѣла и замѣнена новой. Лица раскраснѣлись.

— Вотъ что, Исай Борисычъ, сдѣлаемъ ей завтра визитъ?—предложилъ Буровъ.

— Это еще что за фантазія!..

— Нѣтъ, серьезно... Мы съ тобой люди безъ предразсудковъ и не будемъ ревновать Елену Васильевну, а мнѣ ужасно хочется взглянуть на Чайкина въ роли мужа.

— Зачѣмъ же ставить человѣка въ неловкое положеніе? А впрочемъ, мнѣ все равно, ѣдемъ...

На другой день утромъ они катили за городъ, на дачу. Одряхлѣвшій Сергѣй Ивановичъ не узналъ Бурова и провелъ гостей въ залу.

— Намъ Платона Егорыча нужно видѣть,—повторялъ Буровъ.

Хозяинъ не заставилъ себя ждать. Его появленіе было встрѣчено снисходительными улыбками и переглядываніемъ. Чайкинъ сначала покраснѣлъ, а потомъ побѣлѣлъ.

— Что вамъ угодно?—спрашивалъ онъ, не двигаясь отъ дверей.

— Какъ что: въ гости пріѣхали старые товарищи.

У Чайкина захватило духъ, и онъ молча указалъ на дверь. Но непроспавшимся премьерамъ показалось это такъ смѣшно, что они продолжали сидѣть.

— Насъ, кажется, просятъ удалиться?—замѣтилъ Охотниковъ.—Но прежде я желалъ бы видѣть Елену Васильевну...

— Вонъ!..— крикнулъ на нихъ Чайкинъ, топая ногами.

На этотъ крикъ послышались легкіе шаги, и въ дверяхъ столовой показалась Буянка. Гости поднялись со своихъ мѣстъ, какъ и слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ. Буянка посмотрѣла на нихъ, потомъ на мужа и скрылась.

— Вонъ, мерзавцы!..—оралъ Чайкинъ, не помня себя отъ бѣшенства.

— Молчи, щенокъ!—крикнулъ ему Буровъ и погрозилъ пальцемъ.

Въ этотъ моментъ гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ раздался глухой стукъ.

— Ну, это семейное счастье началось,—замѣтилъ Охотниковъ, шагая въ переднюю.

Когда Чайкинъ вбѣжалъ въ столовую, онъ чуть не запнулся на лежавшую на полу Буянку: она лежала съ прострѣленной головой. Попугай Карлъ Иванычъ неистово выкрикивалъ изъ своей клѣтки: „какъ? что? почему?“.

---

# КУКУ.

## Разсказъ.

### I.

— Ты живъ, Альфонсъ?—спрашивалъ Куку, останавливая телѣжк[illegible] резъ каждыя сто саженъ.

— Сегодня такъ жарко, что даже и умирать неудобно...—отвѣчал[illegible] бый, надтреснутый голосъ.

Этотъ Альфонсъ, чахоточный, черноволосый и маленькій, въ свое[illegible] жаной шведской курточкѣ походилъ на жука. Онъ брелъ за телѣжкой [illegible] той походкой, широко разставляя кривыя ноги и поправляя сбитую на зат[illegible] жокейскую фуражку. Несмотря на томительный, настоящій степной зно[illegible] ленькому Альфонсу было холодно: въ это время его каждый день била [illegible] радка. Какъ это непріятно, когда руки похолодѣютъ и сдѣлаются влаж[illegible], а внутри все точно застынетъ,—и Альфонсъ сравнивалъ себя съ замо[illegible] ной рыбой. Онъ умѣлъ даже шутить въ моменты, когда отъ страшной [illegible] лости у него темнѣло въ глазахъ и онъ готовъ былъ рухнуть въ дорожную пыль своимъ тщедушнымъ, маленькимъ тѣломъ.

— Эй, братику, держись за карету, а мнѣ все равно!—кричалъ Куку, налегая своей лошадиной грудью на перегородку оглоблей.—Можешь даже присѣсть... мнѣ все равно. Анджелика, ты его пусти,—мѣста будетъ двоимъ, а мнѣ все равно...

— Ты просто глупъ, Куку, со своимъ великодушіемъ, — ругался Альфонсъ, стараясь принять бодрый видъ. — Вотъ спроси Пикилло...

Бѣлый пудель Пикилло каждый разъ, когда произносили его имя, слабо взмахивалъ гладко остриженнымъ хвостомъ съ львиной кисточкой на самомъ концѣ и смотрѣлъ на хозяина усталыми, покраснѣвшими отъ пыли глазами. Альфонсъ его ласкалъ тѣмъ особеннымъ свистомъ, какой заставлялъ выпархивать придорожныхъ птичекъ, а самъ съ завистью смотрѣлъ на наклоненную спину Куку и его четырехугольный, красный затылокъ. Нѣтъ, бѣдняга Куку глупъ, но зато какое въ немъ дьявольское здоровье; скоро пятнадцать верстъ, какъ онъ везетъ телѣжку, и хоть бы что. Пикилло, и тотъ давно вы-сунулъ языкъ, болтавшійся такъ смѣшно, точно конецъ платка изъ карман[illegible] Острый умъ Альфонса во всемъ умѣлъ отыскивать комичную струнку.

Эта оригинальная группа, медленно подвигавшаяся по пыльной проселочной дорогѣ, обращала на себя общее вниманіе встрѣчныхъ. Нѣкоторы[illegible] останавливались, съ удивленіемъ провожали медленно катившуюся телѣжку и почесывали затылокъ. „Вотъ такъ штука!..“—бормотали голоса.—„Да, штука!..“ И было чему удивляться.

Представьте себѣ телѣжку на двухъ тонкихъ и высокихъ колесахъ. На оси и частью на оглобляхъ помѣщался длинный ящикъ, аршина въ два, прикрытый сверху чѣмъ-то въ родѣ балдахина. Красныя занавѣски, съ мишурной золотой каймой, болтались на выточенныхъ столбикахъ, а верхъ замѣняла сложенная вчетверо японская ширмочка. На этой послѣдней были привязаны большіе и маленькіе обручи, обернутые цвѣтной бумагой, свернутые въ трубочку флаги и разная другая балаганная дрянь, назначеніе которой трудно опредѣлить; подъ осью раскачивалась на веревкѣ четырехпудовая гиря, заставлявшая Куку въ ныркахъ ворчать: „Ахъ, проклятая, какъ она мотается!..“. Оглобли телѣжки такъ устроены, что для самого Куку оставалось небольшое мѣсто у самой перекладины: на спускахъ, когда приходилось сдерживать телѣжку, кузовомъ толкало его въ спину. Чтобы удобнѣе везти всю „музыку“, у оглоблей была сдѣлана широкая кожаная лямка, которая и ложилась всей тяжестью на могучія плечи Куку. Скверно, когда центръ пятнадцатипудовой тяжести лежитъ у васъ на затылкѣ и каждый камешекъ, каждая ямка отдается прямо въ голову такимъ острымъ толчкомъ, точно невидимая рука била васъ по головѣ съ удивительной мѣткостью. Куку обвинялъ во всемъ мотающуюся проклятую гирю: но что онъ значилъ безъ нея, безъ этой гири?.. Въ концѣ каждой станціи богатырь чувствовалъ, какъ у него отекали руки и ноги, особенно въ такой зной, какъ сегодня. Но мы должны сказать, что Куку былъ очень энергичный человѣкъ и, отдохнувъ съ часъ, чувствовалъ себя совсѣмъ молодцомъ. Если бы не Альфонсъ, тащившійся, какъ опоенная лошадь, телѣжка ушла бы далеко впередъ; но нельзя же бросить товарища на дорогѣ, тѣмъ болѣе, что у нихъ было общее дѣло.

Встрѣчныхъ болѣе всего занимало то, что было спрятано за красными занавѣсками, а потомъ самъ Куку въ его необыкновенномъ костюмѣ: длинный жилетъ съ бронзовыми вызолоченными пуговицами, такая же шапочка, какъ у Альфонса, какіе-то необыкновенно бѣлые штаны въ обтяжку, надувшіеся на икрахъ чулки и тяжелые штиблеты, подкованные гвоздями. Туго выбритое, широкое лицо Куку улыбалось каждому встрѣчному такой доброй-доброй улыбкой, а сѣрые добрые глаза смотрѣли такъ ласково, совсѣмъ по-дѣтски. Остриженные подъ гребенку волосы слипались отъ пота, какъ у Пикилло, а сквозь нихъ просвѣчивала бѣлая кожа. Когда встрѣчались женщины, Куку дѣлалъ необыкновенно смѣшное лицо, закрывалъ глаза и, вытянувъ губы, такъ забавно выкрикивалъ тонкимъ голосомъ всего одно слово:

— Ку-ку!..

Это слово было такъ смѣшно, что занавѣски между передними колонками приподнимались, и между ними показывалось хорошенькое личико пятилѣтней дѣвочки и выкрикивало такимъ же тономъ:

— Ку-ку, папочка!..

— Ку-ку, цыпленокъ!..

— Скоро пріѣдемъ?..

— Лошадь скверная, цыпленокъ, да и Альфонсъ умираетъ...

— Бѣдняжка, онъ едва плетется, папочка!..

— А что мама?..

— Лежитъ...

Этотъ дѣтскій голосокъ придавалъ Куку новыя силы. Но каждая улыбка маленькой дѣвочки давила его хуже четырехпудовой гири: о, она такъ хорошо улыбалась, эта красавица Сафо, и у Куку падало въ его лошадиной груди сердце, точно Сафо наступала на него своими крошечными ножками.

Конечно, телѣжка не легка, и гиря мотается, и плечи одеревянѣли, но всего тяжелѣе былъ смѣхъ маленькой Сафо.

— Мнѣ кажется, что эта проклятая степь приведетъ насъ прямо на дно пекла, — говорилъ Альфонсъ, когда солнце стояло уже надъ головой. — Куку, ты усталъ?

— Мнѣ все равно... А степь, дѣйствительно, проклятое мѣсто!.. Альфонсъ, посмотри, что̀ тамъ впереди?

Телѣжка остановилась на верху поднимавшейся ребромъ зеленой возвышенности. Кругомъ ни деревца ни кустика. Придорожная трава покрыта слоемъ пыли,—дождя не было ровно двѣ недѣли. Съ той точки, гдѣ стояли наши путешественники, можно было разсмотрѣть развертывавшуюся пестрымъ ковромъ настоящую киргизскую степь верстъ на пятнадцать. Издали видъ былъ очень красивый, но вблизи всѣ краски блѣднѣли, точно онѣ расплывались, и глазъ напрасно искалъ хоть одной точки, гдѣ можно было бы отдохнуть. Альфонсъ, прищуривъ свои темные глазки, зорко смотрѣлъ впередъ по извилистой линіи пылившей дороги. Первый холмъ отдѣлялся отъ слѣдующаго широкой лощиной, дно которой было занято высыхающими болотами. По очерку всей мѣстности можно было бы ожидать, что именно здѣсь и прокатится бойкая рѣчонка, но ничего похожаго не было и въ поминѣ. Зато дальше, за второй возвышенностью, какъ остановившаяся въ воздухѣ птица, мелькала какая-то бѣлая точка. Куку и Альфонсъ всматривались именно въ нее.

— Это церковь...—нерѣшительно замѣтилъ Альфонсъ, не довѣрявшій самому себѣ.—Вѣдь похоже на церковь, Куку?..

— Конечно, церковь... — подхватилъ весело Куку.—Это и есть Чумбаши, село, гдѣ у нихъ ярмарка. А тутъ и промысла и кочевники... Мы какъ разъ поспѣли во̀-время: завтра суббота, торговый день. Будетъ работа...

Куку досталъ коротенькую трубочку въ серебряной оправѣ, набилъ ее табакомъ и закурилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ человѣкъ, который заработалъ свой отдыхъ тяжелымъ трудомъ. Чумбаши близко, значитъ, проѣхали четыреста верстъ, а это что-нибудь значитъ... Отдохнувъ у канавки, Куку вытрясъ трубку, запряталъ ее въ жилетный карманъ и осторожно подошелъ къ телѣжкѣ. Раскрывъ драпировку, онъ просунулъ голову внутрь и застылъ: въ телѣжкѣ, свернувшись на походномъ коврѣ, какъ собачонка, спала Сафо, а рядомъ съ ней Анджелика, похудѣвшая и утомленная. На Куку посмотрѣли два темныхъ, большихъ глаза и указали на спавшаго ребенка.

— Не хочешь ли пить?—шопотомъ спрашивалъ Куку.

— Нѣтъ, спасибо... Не разбуди ее.

— Скоро конецъ, Анджелика...

Блѣдное, больное лицо улыбнулось печальной улыбкой. Бѣдняжка такъ мучилась и дѣлала видъ, что спитъ. Ей было такъ душно все время, а тутъ еще слышно каждый шагъ выбивавшагося изъ силъ Альфонса. Ахъ, скоро конецъ,—какъ это хорошо! Можно будетъ спрятаться куда-нибудь въ тѣнь—такъ, немножко въ тѣни, чтобы не задыхаться отъ зноя и пыли. Съ другой стороны телѣжки, между красными занавѣсками, просунулась тяжело дышавшая морда Пикилло, весело замотавшаго хвостомъ, когда къ нему на лобъ легла ласковая тонкая рука. „Скоро конецъ, Пикилло!“.

## II.

Киргизская степь лѣтомъ, когда начинаются іюньскія жары, представляетъ однообразную и печальную картину. Голубое степное небо по цѣлымъ днямъ безжалостно-чисто — ни одного облачка, а сверху такъ и льется степ-

ной зной. Горизонтъ застланъ тяжелой, фіолетово-желтой мглой, точно тамъ, за этимъ кругомъ, гдѣ сливается ковыльная степь съ небомъ, вѣчно дымится зарево невидимаго пожара. Весенняя свѣжесть травы и пестрыя краски первыхъ цвѣтовъ быстро смѣняются рыжеватыми тонами выжженной солнцемъ пустыни. Только развѣвается по вѣтру своими султанами одинъ ковыль, да въ небѣ неподвижными точками стоятъ ястреба. Раскаленный воздухъ точно не успѣваетъ остыть за ночь и съ ранняго утра наливается тяжелой истомой. Глазъ напрасно ищетъ тѣнистаго уголка, полоски воды, клочка настоящей сочной зелени—ровно все, гладко и мертво. Подъ этимъ жесткимъ ковылемъ лежитъ сухой песокъ или глина. Съ высокихъ холмистыхъ мѣстъ жизнь точно сбѣгаетъ въ низины, гдѣ еще сохраняется болотная влажность и зеленѣетъ осока. Кое-гдѣ, въ облакѣ пыли, пройдетъ измученное стадо (гуртъ) киргизскихъ барановъ, покажется рѣдкій всадникъ-киргизъ, и опять все мертво и пусто.

Полурусское сельцо-станица Чумбаши залегло на самой границѣ тѣхъ уральскихъ уваловъ, которые переходятъ уже въ настоящую равнину, гладкую и однообразную, какъ разостланный на полу коверъ. Оно спряталось на днѣ вымытаго горной рѣчонкой Сардвой широкаго оврага, и издали можно было разсмотрѣть только бѣлую церковь. Лѣтомъ Сардва совсѣмъ пересыхаетъ, превращаясь въ рядъ гнилыхъ лужъ, которыя время отъ времени наполняются только дождемъ. А между тѣмъ эта ничтожная рѣчонка тянется на сотни верстъ и почти непрерывно усажена разнымъ жильемъ: кошами, деревушками, станицами, промыслами. Открытыя здѣсь лѣтъ сорокъ тому назадъ золотоносныя розсыпи привлекли подвижную массу искателей легкой наживы и бродячій промысловый людъ. Съ послѣдняго пригорка у Чумбашей открывается далекій видъ на промысла: земля изрыта, дымятся высокія трубы, по дорогѣ катятся пріисковыя таратайки и т. д.

Наши путешественники „подъѣзжали“ къ станицѣ уже подъ вечеръ, когда дневной зной началъ спадать. Это была небольшая деревушка, въ которой съ трудомъ можно насчитать дворовъ полтораста; но въ центрѣ, недалеко отъ церкви, были только-что выстроенные каменные дома и такіе же магазины. Послѣднія пять-шесть лѣтъ сардвинское золото пошло въ гору, и Чумбаши сдѣлались временной резиденціей мелкихъ золотопромышленниковъ, офеней и скупщиковъ краденаго золота.

— Я чувствую, что здѣсь будетъ пожива,—говорилъ Куку, съ удовольствіемъ разсматривая станицу.— Ты какъ думаешь, Альфонсъ?..

Альфонсъ ничего не думалъ. Бѣдняга завидовалъ Никилло, который, по крайней мѣрѣ, могъ хоть высунуть языкъ отъ усталости, а человѣкъ лишенъ даже этого маленькаго преимущества. Эти проклятыя Чумбаши занимали Альфонса, какъ мѣсто, гдѣ можно будетъ наконецъ лечь и умереть спокойно. Какъ тяжело пройти пѣшкомъ цѣлыхъ четыреста верстъ, когда сердце въ груди трепетется, какъ подстрѣленная птица, кости начинаютъ срастаться по всѣмъ суставамъ,—послѣднее Альфонсъ положительно чувствовалъ, особенно по утрамъ, когда Куку будилъ его, чтобы „ѣхать“ дальше.

— Эй, старина, что ты молчишь?—не унимался Куку.—Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю: будетъ пожива... Мнѣ все равно, а пожива будетъ.

— Отстань, дуракъ...

— Къ чему излишняя откровенность?

На Альфонса накатился неожиданный припадокъ бѣшенства: онъ схватилъ попавшійся подъ ноги камень и запустилъ имъ прямо въ голову Куку. Послѣдній благоразумно уклонился отъ удара и проговорилъ:

— Ты сбѣсился, Альфонсъ?.. Мнѣ все равно, но такъ можно голову проломить, чортъ меня возьми.

— Особенно такую пустую, какъ у тебя.

Изъ телѣжки показалось блѣдное лицо Анджелики, и Альфонсъ устыдился. Онъ опять сдѣлалъ глупость, какъ дѣлалъ глупости цѣлую жизнь... Въ видѣ извиненія онъ показалъ блѣдной женщинѣ длинный носъ и опять погрузился въ свою апатію. Э, не все ли равно издыхать хорошему человѣку или скотинѣ? Альфонсъ усталъ, Альфонсъ выбился изъ послѣднихъ силъ, Альфонсъ хочетъ умереть...

А Чумбаши ужъ совсѣмъ близко. Даже гдѣ-то блеснула лужица болотной воды и весело заржала лошадь.

— Это дьяволъ, а не человѣкъ!—ворчалъ Куку, осторожно спуская свою телѣжку подъ гору.—У меня пустая башка!.. Нужно еще посмотрѣть, у кого она пустая-то. Мнѣ все равно, а я когда-нибудь доберусь...

— Куку, перестань ворчать...—послышался голосъ Анджелики изъ телѣжки.

Куку только рванулъ телѣжку и ничего не отвѣтилъ.

— Этотъ дьяволъ прикидывается мертвымъ, а какъ швырнулъ камнемъ— дай Богъ здоровому такъ бросить... Мѣткая бестія этотъ Альфонсъ! Да, пустая голова, посмотримъ!

Станица начиналась жалкими лачужками, кое-какъ сгороженными изъ березовыхъ жердей и залѣпленными глиной. Но нашимъ путешественникамъ незачѣмъ было ѣхать въ центръ. Они еще раньше рѣшили остановиться прямо въ полѣ. Можно и огонекъ развести, и лихо выспаться прямо на травѣ, и сдѣлать кое-какія необходимыя приготовленія къ завтрашнему дню. Куку издали замѣтилъ стоявшія въ сторонѣ отъ дороги пустыя телѣги съ поднятыми кверху оглоблями и прямо направился къ нимъ. Э, тутъ и вода недалеко, можно, значитъ, и чаю напиться на свѣжемъ воздухѣ. Красная телѣжка весело подкатила къ телѣгамъ, поднявъ на ноги цѣлую стаю сердитыхъ собакъ.

— Здарастуй, каспада...—ломанымъ языкомъ забормоталъ Куку, раскланиваясь съ двумя чинно сидѣвшими на землѣ халатами.

— Здарастуй, бачка...—отвѣтилъ одинъ халатъ и зорко взглянулъ на Куку своимъ единственнымъ глазомъ: другой, увы, вытекъ.—Куда поѣхала, бачка?..

Куку вылѣзъ изъ оглоблей, сдвинулъ ухарски свою фуражку на затылокъ и, сдѣлавъ глупое лицо, прокричалъ:

— Ку-ку!..

Халаты переглянулись отъ этой неожиданности и съ важностью замолчали. Изъ одной телѣги показалась женская голова, закутанная въ какое-то полотенце, изъ другой выглянулъ лысый старикъ-цыганъ.

— Онъ нѣмецъ и не знаетъ по-русски,—объяснялъ Альфонсъ, выступая въ качествѣ переводчика.—Можно остановиться?.. Да отгоните проклятыхъ собакъ, пока онѣ меня не съѣли...

Цыганская голова что-то пробормотала на своемъ непонятномъ языкѣ, а собаки отошли, скаля свои бѣлые зубы. Халаты еще разъ переглянулись и покачали головами, какъ двѣ фарфоровыхъ куклы.

— Айда, садись, бачка...—проговорилъ кривой киргизъ.

— Амамба *)...—прибавилъ второй.—Базаръ гулялъ?

---

*) По-киргизски: здравствуй.

— Ку-ку!..

Когда красная телѣжка расположилась окончательно, со стороны Чумбашей подошла цѣлая группа ребятишекъ-киргизятъ, двѣ цыганки съ мѣшками за плечами и молодая дѣвушка-киргизка. Куку въ это время успѣлъ высадить Анджелику, едва державшуюся на ногахъ, бережно усадилъ ее на разостланный по травѣ коверъ и вмѣстѣ съ Сафо побѣжалъ съ мѣднымъ чайникомъ за водой. Альфонсъ лежалъ неподвижно на травѣ, какъ раздавленный. Киргизята съ любопытствомъ глазѣли на телѣжку, на „дженьгише" (барыня) и улыбались. Все было такъ необыкновенно и произвело въ двухъ телѣгахъ противоположныя впечатлѣнія. Кривой киргизъ думалъ: „скупщики краденаго золота", лысый цыганъ боялся за своихъ лошадей. Подошла молодая киргизка легкой граціозной походкой; она прошла у самой головы Альфонса и съ сожалѣніемъ посмотрѣла на него.

— Шайтанъ, шайтанъ!—орали киргизята, когда появившійся Куку одной рукой высоко подметнулъ Сафо и, какъ куклу, поставилъ ее на ладонь другой.

Онъ поднесъ ее на ладони старикамъ-киргизамъ, какъ на блюдѣ, и прокричалъ свое „ку-ку". Эффектъ получился поразительный, и старики замотали головами.

— Джигитъ... о, джигитъ *)!—бормотала старуха-киргизка, стараясь еще сильнѣе закутать свою голову.

Одинъ Куку ничего не желалъ замѣчать и уже раскладывалъ огонь изъ сухихъ прутьевъ, захваченныхъ гдѣ-то по пути. Онъ сидѣлъ на корточкахъ и раздувалъ огонь до того, что все лицо побагровѣло отъ натуги. Сафо валялась на травѣ. Смятое короткое платьице не закрывало у ней голыхъ икръ, худенькихъ и жидкихъ, съ синеватыми жилками. Красивое личико улыбалось матери, которая никакъ не могла уложить подъ больной бокъ подушку.

Скоро чайникъ закипѣлъ, и вся компанія помѣстилась у огня пить чай. Альфонсъ настолько успѣлъ отдохнуть, что прокатился по травѣ колесомъ, повернулся на одной ногѣ, какъ волчокъ, и такъ смѣшно сѣлъ, раздвинувъ ноги циркулемъ.

— Фокусники...—шептались между собой двѣ цыганки, вытаскивая изъ глубины своихъ кошелей, вмѣстѣ съ кусками хлѣба, оравшихъ благимъ матомъ, совсѣмъ голыхъ грудныхъ ребятишекъ,—онѣ только-что пришли изъ станицы.—Вотъ проклятые люди, Господи, прости!..

Цыганокъ и киргизокъ больше всего интересовала „дженьгише",—такая блѣдная и худая, но еще сохранившая слѣды недавней молодой красоты. Длинное лицо, съ такимъ же красивымъ носомъ, какъ у Сафо, было окаймлено прекрасными темными волосами; темные большіе глаза едва смотрѣли изъ-подъ загнувшихся бархатныхъ рѣсницъ; но губы были блѣдныя и точно обтянулись около бѣлѣвшихъ плотныхъ зубовъ. Широкая фланелевая блуза съ красными атласными отворотами совсѣмъ скрывала ея маленькую, изящную фигуру, о которой можно было судить по красивымъ рукамъ и маленькимъ щегольскимъ ботинкамъ. На этомъ лицѣ и въ окладѣ всей фигуры лежала такая тоска, точно Анджелика была только-что поднята изъ могилы. Она отрицательно покачала головой, когда Куку предложилъ ей ломтикъ колбасы, и показала глазами на облизывавшую губы Сафо. Бѣдняжка такъ проголодалась дорогой...

По степному этикету, киргизы не приставали къ фокусникамъ, а только

---

*) Джигитъ—молодецъ.

наблюдали ихъ издали, какъ барановъ съ пятью ногами, какихъ показываютъ въ ярмарочныхъ балаганахъ. Да и трудно было разговориться, когда въ обращеніи было всего десять ломаныхъ русскихъ словъ. Одна старуха-цыганка сдѣлала попытку поворожить и съ этой цѣлью подсѣла къ Анджеликѣ.

— Барыня, голубушка, а не хочешь ли, скажу я тебѣ всю правду истинную?..—бормотала она, протягивая сухую, костлявую руку. — И еще скажу тебѣ, моя касаточка, какая въ тебѣ сидитъ злая болѣзнь... корешокъ есть, касаточка, маленькій корешокъ...

Анджелика болѣзненно сморщилась и только посмотрѣла на Альфонса, точно просила защиты. Этотъ послѣдній не заставилъ просить себя въ другой разъ и, схвативъ старуху-цыганку прямо за носъ, показалъ ей, сколько можетъ сидѣть въ цыганскомъ носу очень недурныхъ вещей. Изъ носа ворожеи посыпались мѣдные пятаки, чайная ложечка, коробка шведскихъ спичекъ, штопоръ и т. д.

— О, проклятой человѣкъ!.. Проклятой!..— ругала старуха, отскакивая въ ужасѣ...

— Шайтанъ...—бормотали старики-киргизы, мотая головами.—Проклятый шайтанъ!..

Наступившая ночь успокоила всѣхъ. Анджелика глухо покашливала въ своей телѣжкѣ, прикрывая голыя ноги Сафо своей блузой. Альфонсъ спалъ подъ телѣжкой на коврикѣ; Куку растянулся прямо на травѣ. Гнилую степную рѣчонку затянуло туманомъ, и гдѣ-то долго скрипѣлъ неугомонный коростель. По дорогѣ къ Чумбаши двигались телѣги, и чѣмъ ближе было утро, тѣмъ больше было телѣгъ. А звѣздное небо такъ любовно и кротко свѣтилось своими миріадами звѣздъ, точно оно переливалось фосфорическимъ свѣтомъ. Пахло травой, собаки во снѣ начинали бредить.

— Будетъ работа...—снилось Куку, и онъ чувствовалъ, какъ четырехпудовая гиря свиститъ въ его могучихъ желѣзныхъ рукахъ.

## III.

Небольшая площадь около церкви была залита народомъ. По широкой улицѣ, запруженной возами и телѣгами, не было проѣзда. Происходила бойкая, настоящая ярмарочная торговля. Вездѣ пестрѣли грошовыми товарами походныя лавчонки; приказчики въ большихъ каменныхъ лавкахъ не успѣвали разсчитываться съ покупателями, а на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, шла торговля съ возовъ. Два кабака и портерная работали еще веселѣе. Изъ близкихъ и дальнихъ станицъ съѣхались оренбургскіе казаки въ своихъ студенческихъ фуражкахъ; тутъ же съ важностью разъѣзжали верхомъ киргизы въ войлочныхъ шляпахъ и всевозможныхъ мѣховыхъ малахаяхъ; цыгане-мѣнялы галдѣли около кабачковъ. Главное движеніе всей этой массѣ придавали пріисковые рабочіе, сносившіе сюда свой недѣльный заработокъ, — грязные, оборванные, пьяные, безпаспортные, какъ вездѣ. Эта рвань и голытьба составляла центръ всѣхъ операцій и всѣми путями давала чувствовать свою силу, особенно около кабаковъ, гдѣ съ ранняго утра стоялъ стономъ-стонъ.

Недалеко отъ церкви, на площадкѣ, въ воздухѣ весело полоскался пестрый флагъ, а подъ нимъ на особыхъ шестикахъ висѣли зеленыя, розовыя и желтыя афиши. Центръ составляла уже знакомая намъ красная телѣжка, превращенная въ палатку. Раздвинутая ширмочка закрывала въ нее ходъ, а передъ нимъ былъ разостланъ единственный коврикъ труппы, по которому сейчасъ расхаживалъ одѣтый въ трико „Геркулесъ Куку", какъ значилось въ афишахъ, и время отъ времени обращался къ тѣснившейся со всѣхъ сторонъ толпѣ:

— Каспада... сичасъ будиль начать!.. Рѣдкій преставлень... удивленіе и восторгъ!.. Каспада, слюшай...

Чтобы обратить еще большее вниманіе, Куку трубилъ въ мѣдный охотничій рогъ, издававшій пронзительныя ноты. Въ розовомъ трико, заштопанномъ на колѣнкахъ, въ мягкихъ бѣлыхъ башмакахъ и расшитой блестками короткой курточкѣ, ярмарочный геркулесъ приковывалъ къ себѣ всѣ взгляды. Его голыя до самыхъ плечъ могучія руки, выпуклыя желѣзныя икры, высокая грудь и открытая бычья шея приводили знатоковъ въ восторгъ.

— Ай да нѣмецъ!..—слышались одобрительные возгласы въ толпѣ.

На афишахъ громадными буквами было напечатано: „Блистательное и единственное въ Европѣ представленіе „Дочь воздуха"—Анджелика Перегрина. Одобрено многими коронованными особами. Неподражаемый иллюминаторъ-престидижитаторъ Альфонсъ или удивительное поглощеніе греческаго огня. Заслужилъ высокое вниманіе его величества персидскаго шаха. Онъ же—и необъяснимое явленіе природы: человѣкъ-змѣя или гуттаперчевый человѣкъ. Въ Вѣнѣ произвелъ величайшій фуроръ, а также и въ Константинополѣ. Наконецъ! Обратите вниманіе: маленькое чудо или купидонъ Сафо и геркулесъ Куку, онъ же членъ ордена Левъ и Солнце". На особой бумажной полоскѣ крупнымъ шрифтомъ странная надпись: „Получай на всѣ—сдачи не будетъ", или „вотъ такъ пилюля: что въ ротъ, то спасибо". Рядомъ съ афишами висѣли удивительныя картины. На одной летѣла на воздухѣ женщина съ вывихнутыми ногами и руками, на другой геркулесъ металъ четырехпудовыя гири и маленькую дѣвочку, на третьей кудрявый негръ глоталъ огонь и улыбался.

— Каспада, начинается!..—ревѣлъ Куку, начиная колотить себя по надутымъ щекамъ, какъ по барабану.

Изъ-за ширмочки, какъ заяцъ, выскочилъ въ бѣломъ мѣшкѣ и бѣлой, остроконечной шапкѣ Пьеро. Вмѣсто пуговицъ болтались красные мячики, лицо было набѣлено, а ротъ проведенъ краской до ушей. Публика встрѣтила артиста дружнымъ ревомъ. Представленіе началось обыкновенными штуками всѣхъ клоуновъ: били другъ друга по щекамъ, колотили по головѣ пузырями, падали на землю, кувыркались и т. д. У Пьеро черезъ густой слой бѣлилъ показались крупныя капли пота, но Куку не дохнулъ ни одного лишняго раза. Когда первое дѣйствіе кончилось, Куку опять затрубилъ въ свой рогъ.

— Вниманіе, каспада!.. Вниманіе... Сейчасъ греческій огонь будетъ.

Обступившая толпа улыбалась и галдѣла. Казачьи фуражки, пестрые бабьи платки и непокрытыя пріисковыя головы были рады даровому, невиданному зрѣлищу.

— Греческій огонь... вниманіе!..

Въ толпѣ тамъ и сямъ неподвижно стояли на лошадяхъ киргизы и смотрѣли косыми узкими глазами на ломавшихся людей, изрѣдка перекидываясь гортанными фразами и пожимая плечами. Степняки не могли понять, для чего кувыркаются эти странные люди. Опять загудѣлъ рогъ, и гдѣ-то глухо вякнулъ бубенъ, точно порвалась струна. Толпа затихла. Выскочилъ изъ-за ширмы тотъ же Пьеро и началъ торопливо глотать зажженную вату, а потомъ принялся выматывать изо рта красныя и голубыя ленты. Это всѣмъ понравилось. Посыпались одобрительные возгласы, а Пьеро раскланивался, прижимая руку къ сердцу. Изъ-за ширмочки неслись аплодисменты маленькой Сафо, которая все время смотрѣла на представленіе въ щелочку между половинками ширмъ.

— Мама, ты готова?—спрашивала она нетерпѣливо.

— Сейчасъ буду готова,—отвѣчалъ слабый голосъ.

— Слышишь, рогъ ужъ трубитъ!..

Куку опять трубилъ и съ такимъ стараніемъ, что его добрые сѣрые глаза готовы были выкатиться изъ орбитъ. Пьеро въ это время ловко поставилъ желѣзную распорку съ колескомъ и на нее принялся наматывать конецъ намѣленнаго каната, выползавшаго, какъ бѣлая змѣя, откуда-то изъ-подъ телѣжки.

— Каспада, сейчасъ будетъ дочь воздуха!—оралъ Куку, размахивая своей красной шапочкой съ пѣтушинымъ перомъ.

— Мама, слышишь: опять рогъ...—шептала Сафо, заглядывая въ палатку.

Анджелика Перегрина была уже одѣта въ трико, короткую юбочку и расшитый блестками корсажъ. Оставалось подготовить волосы и выпорхнуть изъ-за ширмъ улыбающейся бабочкой. Рогъ призывно гудѣлъ: пора... Но въ самый критическій моментъ дочерью воздуха овладѣлъ такой пароксизмъ слабости, что она упала прямо на землю.

— Мама, мама, выходи...

— Не могу...—съ отчаяніемъ въ голосѣ послышался слабый отвѣтъ.

Въ палатку заглянула голова Куку и скрылась. Нужно было занять чѣмъ-нибудь натянутый канатъ, а публика не любитъ ждать. Лежавшая на землѣ „дочь воздуха“ тряслась отъ страха: ее ужасала мысль, что она не можетъ работать... Ахъ, какъ больно ее били прежде за это „не могу“, когда она еще только начинала прыгать по канату! Куку, конечно, очень добръ и не будетъ ее бить, но это не мѣшало ей, Анджеликѣ, переживать весь ужасъ данной минуты. А охотничій рогъ выводилъ раздирающіе звуки, бубенъ въ рукахъ Альфонса выдѣлывалъ отчаянныя трели... Черезъ пять минутъ изъ-за ширмочки, какъ птичка, выпорхнула тоненькая Сафо, вся въ блесткахъ и въ короткой кисейной розовой юбочкѣ. Она посмотрѣла на отца взглядомъ дрессированной собаки, сдѣлала публикѣ реверансъ, съ улыбкой приложила обѣ тоненькія ручки къ груди и бойко засѣменила ножками по ковру. Куку одобрительно кивнулъ ей головой, подставилъ руку, и Сафо была на канатѣ, который едва согнулся подъ давленіемъ этого крошечнаго тѣльца. Альфонсъ сдѣлалъ смѣшную гримасу и, упавъ на одно колѣно, подалъ ей балансъ, перевитый цвѣтной бумагой.

— Madame, пожалуйста, не улетайте отъ меня, — выкрикивалъ онъ, повторяя на коврѣ каждый шагъ Сафо по канату.

Опять гудѣлъ бубенъ и пронзительно трубилъ рогъ, а Сафо балансировала на канатѣ съ дѣтской граціей, не переставая улыбаться заученной улыбкой. Она уже нѣсколько разъ перебѣжала весь канатъ, дѣлала легкіе прыжки, поднимала одну ногу и съ замирающимъ сердцемъ чувствовала на себѣ пристальный, упорный взглядъ Куку, пугавшій ее и придававшій ей силы. Оставалось послѣднее и самое трудное—сѣсть на канатъ со всего размаху и, когда его упругостью вскинетъ наверхъ, стать прямо на ноги. Анджелика дѣлала эту фигуру безподобно, улыбаясь и посылая публикѣ воздушные поцѣлуи, но на Сафо напала та мгновенная нерѣшимость, которая могла испортить все. Ребенокъ испуганными глазами взглянулъ на улыбавшееся доброе лицо Куку, на кулакъ, который показывалъ Альфонсъ, и съ отчаянной рѣшимостью сдѣлалъ то, что̀ у него не выходило на домашнихъ репетиціяхъ.

— Ура!.. Браво!..—ревѣли Куку и Альфонсъ, привѣтствуя маленькую канатную плясунью воздушными поцѣлуями.

Публика одобрительно гудѣла, и по этому гулу Анджелика съ радостью догадывалась въ своемъ ящикѣ, что Сафо дѣлаетъ успѣхи. Пикилло тож.

былъ боленъ и лежалъ подъ телѣжкой, какъ вытащенная изъ воды сонная рыба. Дѣвочка обѣщаетъ много... Она уже теперь могла замѣнять ее. Сафо ворвалась въ палатку сіяющая и раскраснѣвшаяся,—ей нужно было сейчасъ переодѣваться въ мужской костюмъ для послѣдней фигуры, т.-е. юбочку и зеленый корсажъ замѣнить чернымъ трико, усыпаннымъ серебрянымъ блескомъ. Дѣвочка справилась съ этой задачей въ пять минутъ, выскочила изъ-за ширмочки клоунскимъ прыжкомъ и съ замѣчательною ловкостью перевернулась въ воздухѣ, какъ разогнувшаяся стальная пружинка. Альфонсъ былъ въ такомъ же костюмѣ. Куку размахивалъ четырехпудовой гирей, являвшейся „пятымъ и самымъ солиднымъ артистомъ“ кочующей труппы.

— Каспада... вниманіе...—ревѣлъ Куку, дѣлая гирей круги надъ головой.—Послѣдній актъ...

Онъ, продолжая играть гирей, разставилъ широко ноги, и по нему, какъ обезьяна, прыгнулъ прямо на плечи Альфонсъ, а за нимъ маленькая Сафо, очутившаяся на плечахъ Альфонса.

— Куку!—запищалъ главный артистъ, шагая по ковру со своей двойной ношей и не оставляя летавшей въ воздухѣ страшной гири.

Публика выказывала знаки одобренія, слышались крики: „ай-да нѣмецъ, молодчина!“. Сафо, уцѣпившись колѣнками за голову Альфонса, улыбалась и посылала воздушные поцѣлуи. Потомъ живая пирамида такъ же легко распалась на свои составныя части, какъ и сложилась, а Куку въ заключительный моментъ перекрестился своей гирей, что̀ привело толпу въ настоящее неистовство.

Однимъ словомъ, все представленіе прошло самымъ блистательнымъ образомъ, а когда Куку пошелъ со своей шапочкой дѣлать сборъ въ пользу господъ артистовъ, на всѣхъ лицахъ изобразилось веселое недоумѣніе.

— Каспада... кто можетъ подѣлиться...—бормоталъ Куку, напрасно обходя кругъ зрителей со своей шапочкой.

— Ловокъ нѣмецъ!..—послышалось въ толпѣ.—Это за что же ему деньги травить?..

Нѣкоторые простецы думали, что еще готовится какая-то ловкая штука, и смотрѣли Куку прямо въ лицо остолбенѣлыми глазами. Первыми незамѣтно уѣхали верховые киргизы, а за ними съ галдѣніемъ повалила и остальная толпа. Оставались одни ребятишки да человѣкъ пять совсѣмъ пьяныхъ прощелыгъ, отъ которыхъ нечего было ждать. Въ шапочкѣ Куку чистаго сбора оказалось семь мѣдныхъ копеекъ, которыми онъ и встряхнулъ подъ носомъ у Альфонса.

— Пожива недурна...—отвѣтилъ тотъ, потирая мозжившія колѣни.

Куку молчалъ: онъ былъ уничтоженъ... Вѣдь они работали самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и такихъ артистовъ въ этихъ краяхъ еще не было, а сборъ семь копеекъ!.. Нѣтъ, это безсовѣстно, это нечестно, это подло!.. Куку возмущала именно несправедливость этихъ дикарей. Сунувъ въ свою шапочку нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ пятаковъ, онъ вошелъ въ палатку и высыпалъ добычу въ колѣни лежавшей неподвижно Анджелики.

— На первый разъ немного, но здѣшняя публика, видимо, не умѣетъ еще цѣнить искусство...—виновато бормоталъ онъ, точно извиняясь за кого-то...—Мы работали, Анджелика...

Анджелика только посмотрѣла на него съ печальной улыбкой; она видѣла его продѣлку, которая повторялась при каждой неудачѣ.

— Ничего, Куку, какъ-нибудь, не умремъ съ голоду...—прошептала она ласково, какъ умѣютъ утѣшать въ неудачахъ однѣ женщины.

— Да, да... Мы еще будемъ работать, а Сафо удивила всѣхъ.

Пока Альфонсъ, при помощи Сафо, приводилъ въ порядокъ свою походную обстановку, Куку черезъ площадь отправился прямо къ кабаку. Его такъ и рвало за самое сердце этой неудачей: осталось въ кассѣ всего три рубля... Нужно было выпить, чтобы возстановить хотя приблизительно душевное равновѣсіе. Но въ кабакѣ ему не пришлось платить своихъ денегъ: его окружила цѣлая ватага пьяницъ, желавшая видѣть, какъ нѣмецъ пьетъ.

— Мнѣ цѣлъ бютилкъ...—распорядился Куку.

— Нѣмецъ, пей!...

Когда телѣжка съ краснымъ балдахиномъ заняла свое старое мѣсто у киргизскихъ телѣгъ, Куку вернулся сильно навеселѣ и со слезами на глазахъ долго и молча цѣловалъ руки у Анджелики. Да, онъ выпилъ, но онъ будетъ работать... Альфонсъ лежалъ пластомъ на травѣ: у бѣднаго клоуна послѣ представленія ныла каждая косточка.

## IV.

Ярмарочный день кончался. По всѣмъ направленіямъ отъ Чумбашей тянулись крестьянскія телѣги, таратайки, ѣхали верховые и шли пѣшіе. Киргизы, около которыхъ пріютилась красная телѣжка, тоже начали понемногу собираться въ путь: вечеромъ по холодку хорошо ѣхать. Мужчины сѣдлали лошадей. Женщины и дѣти ѣхали въ двухъ телѣгахъ. Все дѣлалось не торопясь, съ той особенной, степной, медленной важностью, отъ которой городского человѣка просто мутитъ. Клоуны слѣдили за этими приготовленіями и пробовали разговориться съ мужчинами; но изъ этихъ усилій ничего не вышло: они не понимали другъ друга. Изъ этого затрудненія вывела всѣхъ Сафо. Она все время вертѣлась около телѣги и по-дѣтски быстро сошлась съ „кысъ“ (дочь) кривого киргиза. На какомъ языкѣ разговаривали—трудно сказать, но это не мѣшало имъ понимать другъ друга. Сафо съ дѣтской откровенностью разсказывала, какъ мама больна, какъ они далеко ѣхали, чтобы лѣчить маму кумысомъ, и т. д.

— Кумиза?—спрашивала киргизская кысъ и что-то передавала матери.

— Да, на кумысъ послали доктора... и Альфонса тоже.

Эта „кысъ“ была завидно-красивая дѣвушка крѣпкой степной красотой. Въ своей сѣрой мерлушатой шапкѣ, съ распущеннымъ краснымъ платкомъ на спинѣ, она заставляла всѣхъ проѣзжавшихъ мимо киргизовъ останавливаться и кланяться кривому Аблаю, который только потряхивалъ головой и прищуривалъ глазъ. Кысъ пряталась за телѣгу, краснѣла, и въ ея густо-карихъ глазахъ, опушенныхъ чернымъ бархатомъ рѣсницъ, такъ и загорались искорки дѣвичьей гордости. Что же, пусть смотрятъ, а она никого знать не хочетъ... Поверхъ кумачнаго платья у ней надѣтъ былъ полосатый шелковый бешметъ съ короткими рукавами, а на груди позванивала цѣлая сѣтка изъ крупной и мелкой серебряной монеты. Темные, какъ вороново крыло, волосы, заплетенные въ мелкія косы, выползали изъ-подъ шапки, какъ черныя змѣйки. Носъ былъ немного широкъ, но глаза большіе, чуть приподнятые въ углахъ, что имъ придавало такое милое, точно спрашивающее выраженіе. Смуглый цвѣтъ кожи и горячій степной румянецъ дополняли достоинство киргизской красавицы, которою старый Аблай недаромъ гордился.

— Мама, кысъ зовутъ Майей,—докладывала Сафо, перебѣгая отъ телѣгъ къ своей телѣжкѣ.—Она славная... А маму у ней, вотъ ту, которая въ бѣломъ полотенцѣ, зовутъ Сырну... да. У нихъ много кумыса, мама.

Майя о чемъ-то поговорила съ матерью, а та съ Аблаемъ. Старикъ

глубокомысленно раскачивалъ головой, жевалъ губами и, когда телѣги были готовы въ путь, подошелъ къ Куку.

— Гуляй къ наша... кумиза есть... — заговорилъ онъ, поправляя сѣдые, подстриженные щеткой усы.—Дженьгише кумиза давай... двадцать кобила... коши.

— А далеко?—спрашивалъ Куку.

— Гуляй, видно будешь...

Сырну и Майя очень желали, чтобы красная телѣжка ѣхала къ нимъ,— ихъ одолѣвало чисто-степное любопытство. Аблай говорилъ такъ убѣдительно, что Куку оставалось только согласиться. Изъ словъ старика онъ понялъ, что гдѣ-то недалеко есть „большіе господа", у которыхъ много-много денегъ, значитъ, и кумысъ будетъ и работа. Альфонсъ и Анджелика были согласны на все.

— Гуляй...—закончилъ Аблай свои объясненія и махнулъ рукой на рѣку Сардву вверхъ по теченію.

Въ цыганской телѣгѣ оставался одинъ спавшій лысый цыганъ, да около забытаго огня ползали полуголые цыганята. Когда вернулись цыганки, сгибаясь подъ тяжестью своихъ мѣшковъ, онѣ долго провожали глазами удалявшійся маленькій караванъ. Впереди ѣхали киргизскія телѣги. За ними катилась красная телѣжка, и по бокамъ гарцовали верховые киргизы. Альфонсъ замыкалъ шествіе. Головка Сафо выставлялась изъ телѣги, которой правила Майя.

— О, проклятые люди...—шептала старая цыганка, щупая свой носъ, изъ котораго Альфонсъ выдавилъ вчера цѣлый магазинъ вещей.

Караванъ двигался по узкой дорожкѣ, совсѣмъ терявшейся въ степной густой травѣ. Альфонсъ успѣлъ набрать букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и преподнесъ его дремавшей Анджеликѣ, которая поблагодарила его своей больной улыбкой. Вчерашняя свѣжесть уже чувствовалась въ низкихъ мѣстахъ, когда спускалась дорога къ рѣкѣ. Куку шагалъ очень бодро и весело потряхивалъ головой, въ которой еще стояло ярмарочное похмелье. Въ сторонѣ высыпала русская деревушка, мелькнули распаханныя поля, и опять тянулась та же степь. Пріиски остались далеко позади, и только полоски дыма показывали на горизонтѣ ихъ мѣста. Кое-гдѣ по берегамъ рѣки Сардвы попадались свѣже-раскопанныя ямы и небольшіе желтые холмики разрытой земли—это были новыя развѣдки.

— Гуляй... скоро, бачка...—говорилъ Аблай, когда ему казалось, что Куку начинаетъ уставать.

Майя мурлыкала какую-то грустную пѣсню, подъ звуки которой Сафо заснула, положивъ свою красивую головку на колѣни „кысъ".

Когда стемнѣло и небо засвѣтилось яркими звѣздами, вдали мелькнули, какъ волчьи глаза, два огонька. Потянуло дымкомъ, и, точно изъ-подъ земли, донесся глухой собачій лай. По своимъ плечамъ Куку разсчиталъ, что они прошли битыхъ 20 верстъ. Впереди темнѣла гора не гора, а что-то такое большое... Это было киргизское кладбище, красовавшееся на берегу высыхавшаго степного озерка. Разросшійся березовый лѣсъ скрывалъ могилы. Въ тѣни этого лѣса пріютились и два коша Аблая. Не доѣзжая съ версту, старикъ зорко оглянулъ степь, понюхалъ воздухъ и умчался въ сторону, свѣсившись на сѣдлѣ, по-киргизски, на одинъ бокъ.

— Старая собака отлично ѣздитъ...— замѣтилъ Альфонсъ, у котораго пересохло во рту отъ усталости.

Два коша вырѣзались своими круглыми силуэтами на темномъ фонѣ лѣса какъ-то вдругъ, когда на подходившій караванъ съ веселымъ лаемъ кинулась

цѣлая стая худыхъ и высокихъ киргизскихъ собакъ. Куку и Альфонсу пришлось отбиваться отъ нихъ и руками и ногами. Верховой киргизъ отгонялъ ихъ нагайкой. Сафо проснулась и заплакала. Выглянувшая изъ-за своихъ занавѣсокъ Анджелика съ изумленіемъ разсматривала коши,—они такъ походили на два маленькихъ цирка. И самый воздухъ напоминалъ ей тоже циркъ: пахло лошадьми и землей... Небольшое озеро, затерявшееся въ степи, походило на большое блюдо съ водой, спрятанное въ зелени обступившихъ его камышей. Гдѣ-то крякали утки и чутко гоготали дикіе гуси, а по водѣ дрожавшей полосой падала отъ горѣвшихъ огней яркая зыбь, точно тамъ сейчасъ подъ спокойной поверхностью переливались и горѣли драгоцѣнные камни. Изъ кошей высыпала гурьба полуголыхъ ребятишекъ и съ жаднымъ любопытствомъ обступила красную телѣжку.

— Хорошій гостинецъ привезъ я вамъ съ ярмарки...—смѣялся Аблай, любуясь своимъ потомствомъ.

Киргизское становище ожило и зашевелилось. Огни загорѣли ярче, а около нихъ, нагнувшись надъ котлами съ маханиной (кобылье мясо), виднѣлись спины сидѣвшихъ на корточкахъ женщинъ. Лошади были угнаны въ поле, и только издалека доносилось ихъ веселое ржанье. Но это оживленіе такъ же быстро смѣнилось наступившей сонной тишиной. Сначала у котловъ ѣли мужчины, потомъ женщины, а остатки были брошены дѣтямъ, дожидавшимся своей очереди съ нетерпѣніемъ такихъ же голодныхъ киргизскихъ собакъ. Сафо видѣла этотъ ужинъ и побывала въ обоихъ кошахъ, гдѣ ей не понравилось. Послѣ чая, свареннаго въ мѣдномъ походномъ чайникѣ, она уснула тутъ же на коврикѣ, и ее не стали тревожить: дѣвочка сегодня отлично работала и имѣетъ право на извѣстную долю въ имуществѣ странствующей труппы.

Скоро все угомонилось, и только одно небо свѣтилось попрежнему и сверкала вода. Мужчины утомились и заснули. Дольше всѣхъ не могли успокоиться старуха-киргизка, взбалтывавшая въ турсукѣ (кожаный прокопченый мѣшокъ) свѣжій кумысъ. Куку и Альфонсъ спали прямо на травѣ. Даже собаки и тѣ перестали грызть доставшіяся имъ голыя лошадиныя кости. Не спала одна Анджелика... Она лежала на своемъ ящикѣ и вслушивалась въ дремлющую степную тишину, которую нарушали только далекій лошадиный топотъ да всплески метавшейся въ озерѣ рыбы. Ей было тяжело: руки и ноги точно чужія, а голова кружилась при малѣйшемъ движеніи. Но вмѣстѣ съ этимъ окружавшая обстановка такъ живо напоминала ей то недалекое прошлое, около котораго съ большимъ упорствомъ сосредоточивались всѣ ея мысли. Да, она опять видѣла себя цвѣтущей, молодой, улыбающейся... Тотъ же лошадиный топотъ, тотъ же запахъ земли, а впереди освѣщенная, какъ экранъ волшебнаго фонаря, цирковая арена... Играетъ музыка, хлопаютъ бичи, а по кругу ровнымъ галопомъ скачетъ бѣлая лошадь, закусивъ удила. О, какая была умница эта Бэла! Анджелика ходила къ ней въ „уборную“, какъ называли въ циркѣ стойла лучшихъ лошадей, и каждое утро кормила ее изъ своихъ рукъ хлѣбомъ... Да, хорошее было время. Ложи, амфитеатръ и раекъ всегда переполнены публикой, и всѣ эти сотни и тысячи глазъ впивались въ нее, въ Анджелику, когда она, съ хлыстомъ въ рукѣ, бабочкой выпархивала на сцену. Изъ всѣхъ этихъ глазъ она не замѣчала только глазъ Куку, вертѣвшагося передъ ней, какъ собака.

И теперь Анджеликѣ казалось, что она лежитъ на сценѣ необозримо громаднаго цирка, безсильная и слабая, а невидимая Бэла мѣрнымъ скокомъ описываетъ около нея невидимые круги. Да, вотъ этотъ топотъ, сильный и

твердый. Такъ умѣла скакать одна красавица Бэла. Анджеликѣ кажется, что вотъ-вотъ подскачетъ она къ ней, протянетъ ласково голову и съ веселымъ ржаньемъ унесетъ далеко отъ ея болѣзни. Ахъ, какъ хорошо однимъ прыжкомъ избавиться отъ всего!.. Голова Анджелики начинала кружиться, и обезсиленныя руки тяжело хватались за деревянный край телѣжки. Неужели это сонъ, и неужели она уже такъ больна?..

## V.

Куку шестилѣтнимъ ребенкомъ былъ купленъ странствующимъ циркомъ и попалъ въ выучку къ вѣчно-пьяному клоуну, англичанину Вельсу. Это было ужасное время, и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, онъ не могъ безъ содроганія вспомнить о той школѣ, которую прошелъ. Вельсъ былъ неумолимъ и вспыльчивъ, онъ растягивалъ и выламывалъ ученика, какъ гуттаперчевую куклу, а въ случаѣ неповиновенія или лѣности безпощадно сѣкъ его короткимъ и толстымъ хлыстомъ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Вся спина Куку, безроднаго мѣщанскаго сироты, знавшаго свое православное имя только по метрическому свидѣтельству, была выдублена этимъ хлыстомъ, но наука ему не далась. Въ физическомъ отношеніи онъ дѣлалъ успѣхи, но этого было мало—въ немъ не было ни тѣни граціи, и притомъ Куку отличался безнадежной глупостью. Эта глупость и спасла его. Дальше клоуна онъ не пошелъ и служилъ въ труппѣ возовой лошадью.

— Проклятый медвѣдь...—жаловался на него Вельсъ своему задушевному пріятелю, клоуну Фроскати.

— А я не могу пожаловаться,—хвастался Фроскати, не выпускавшій изо рта коротенькой трубочки.—У меня Альфонсъ дѣлаетъ чудеса.

Итальянецъ Фроскати рядомъ даже съ Вельсомъ былъ звѣремъ чистой крови, и маленькій Альфонсъ, такая же безродная голова, какъ и Куку, подвергался ужаснымъ истязаніямъ. Въ несчастномъ ребенкѣ не было живого мѣста... Всѣ кости, кажется, были вывернуты, и онъ свободно сгибался въ кольцо, какъ стальная пружина. О прыжкахъ и кувырканьяхъ нечего было и говорить,—все это выдѣлывалось въ совершенствѣ, но Фроскати задался „выработать“ изъ него „человѣка-змѣю“ и добился своей цѣли. Въ семнадцать лѣтъ Альфонсъ извивался на аренѣ, какъ настоящая змѣя, и такъ ужасно выворачивалъ спину, руки, ноги и голову, точно ему самой природой было отпущено вдвое больше сочлененій, чѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ. Правда, что онъ задыхался, на шеѣ, какъ веревки, надувались синія жилы, а сердце готово было выскочить изъ груди, но вѣдь онъ долженъ былъ вѣчно улыбаться аплодировавшей публикѣ. Въ дурную погоду и холодъ человѣкъ-змѣя не находилъ себѣ мѣста отъ страшныхъ колющихъ болей по всему тѣлу, точно тамъ ползали иголки. Живой характеръ, гримъ и остроумная находчивость дѣлали его любимцемъ публики въ каждомъ новомъ городѣ, куда перекочевывалъ ихъ циркъ.

Но этотъ, смѣшившій до слезъ публику акробатъ, когда кончалось представленіе, погружался въ самое мрачное настроеніе. Въ немъ рано слишкомъ сказался озлобленный характеръ, вспыльчивость и мстительность. Съ учителемъ благодарный ученикъ разсчитался первымъ дѣломъ. Когда пьяный Фроскати скакалъ въ деревянную бочку, Альфонсъ съ такой дьявольской ловкостью повернулъ ее, что учитель переломилъ обѣ ноги и остался на всю жизнь калѣкой. Но это не избавило Альфонса отъ его профессіи: онъ слишкомъ былъ изломанъ, чтобы бросить циркъ. Да и куда могъ итти этотъ человѣкъ-змѣя, насильно приклеенный къ цирку? Остальной міръ для него не суще-

ствовалъ. Отъ Фроскати онъ получилъ единственное наслѣдство: коротенькую трубочку и привычку руки закладывать въ карманы. Изъ всего персонала труппы Альфонсъ сошелся съ однимъ Куку, сошелся именно потому, что этотъ послѣдній былъ слишкомъ глупъ, добръ и здоровъ, какъ волъ. Богатырь подчинялся изломанному больному человѣку и терпѣливо выносилъ отъ него всевозможныя непріятности, дѣлавшіяся во имя дружбы. Для Альфонса безотвѣтный Куку былъ чѣмъ-то въ родѣ вьючной лошади и слуги. Изъ всѣхъ смѣшныхъ клоунскихъ штукъ, требовавшихъ мозговой работы, онъ едва-едва научился говорить ломанымъ русскимъ языкомъ, и Альфонсъ же придумалъ ему единственное смѣшное слово: ку-ку!..

Когда Альфонсъ былъ боленъ, Куку ухаживалъ за нимъ, какъ нянька, и въ награду получалъ такіе затрещины и пинки, которые вывели бы изъ терпѣнья водовозную лошадь. Но такова сила духа, вѣчно покоряющаго безотвѣтную плоть...

— Я знаю, что я глупъ,—говорилъ иногда Куку съ грустной задумчивостью.—но не всѣмъ же быть умными.

Когда срокъ ученичества кончился, клоуны странствовали по Россіи съ разными цирками и ничего лучшаго не желали. Имъ платили хорошо, да и одной головѣ много ли нужно. На афишахъ они печатались „братьями изъ Португаліи“ и на арену выскакивали рука объ руку, какъ настоящіе братья. Такъ продолжалось до встрѣчи съ Анджеликой, которая явилась въ циркъ со своимъ учителемъ, американцемъ Бруксомъ. Какъ Альфонсъ и Куку, по происхожденію она была русская и такъ же запродана въ раннемъ дѣтствѣ цирку и такъ же выступала на афишахъ подъ иностраннымъ именемъ. Бруксъ въ свое время славился, какъ отчаянный наѣздникъ, но онъ рано вывихнулъ ногу и перебивался около цирковъ въ качествѣ профессора. Изъ Анджелики онъ задался цѣлью выработать замѣчательную наѣздницу и возился съ ней лѣтъ десять. Худой, съ вѣчной табачной жвачкой и эксцентрическими выходками, онъ умѣлъ вездѣ поставить себя особнякомъ. Появившаяся цирковая звѣздочка почему-то не понравилась Альфонсу, и онъ съ истинно-клоунской изобрѣтательностью началъ преслѣдовать ее. Когда Анджелика проходила мимо него, Альфонсъ дѣлалъ презрительныя гримасы, незамѣтно сердилъ лошадь, на которой она скакала, подставлялъ ноги и вообще старался устроить какую-нибудь непріятность. Во всѣхъ труппахъ своихъ закулисныхъ счетовъ и разныхъ интригъ всегда достаточное количество, особенно когда дѣло идетъ о примадоннахъ. Такъ было и здѣсь. Основное ядро труппы обыкновенно складывалось родственнымъ путемъ и оставалось въ сторонѣ отъ этихъ дрязгъ, но тѣмъ тяжелѣе доставалось случайнымъ артистамъ, особенно женщинамъ. Кромѣ всего этого, положеніе новой наѣздницы усложнялось еще тѣмъ, что она была русская по происхожденію и не имѣла никакой кровной защиты въ цирковой иностранщинѣ.

Однажды, когда Куку съ раскрытымъ отъ восхищенія ртомъ слѣдилъ за скакавшей наѣздницей, Альфонсъ подбѣжалъ къ нему и набилъ ротъ пескомъ. Это ужъ выходило изъ всякихъ предѣловъ самыхъ смѣлыхъ клоунскихъ шутокъ.

— Ты сбѣсился, дьяволъ?!—ругался Куку, проглотивши часть песку.— Смотри!

— Я и смотрю, какъ ты смотришь дуракомъ.

Куку смѣрялъ своего пріятеля съ ногъ до головы и быстро отвернулся. Въ немъ произошло что-то такое, чего никогда еще онъ не испытывалъ. Этотъ добродушный геркулесъ, всегда подчинявшійся слѣпо изломанному другу,

теперь чувствовалъ жажду самостоятельности. Набитый пескомъ ротъ меньше всего могъ служить объясненіемъ такой перемѣны, нѣтъ, это было другое, именно то, что̀ заставило въ первый разъ усиленно работать глупую голову цирковаго геркулеса. О, какъ ему теперь хотѣлось быть и умнымъ, и находчивымъ, и смѣлымъ, и красивымъ! Во время антрактовъ, когда Анжелика шагомъ ѣздила по аренѣ, Куку вертѣлся и кувыркался передъ ней, какъ сумасшедшій, посылалъ воздушные поцѣлуи и, прижимая руку къ сердцу, подно́силъ букеты изъ редиски. Онъ былъ очень неловокъ, и публика умирала отъ смѣха: геркулесъ былъ слишкомъ влюбленъ въ наѣздницу... Встрѣчаясь съ Анджеликой внѣ цирка, Куку каждый разъ смущался и только неловко кланялся. Анджелика не обращала на него никакого вниманія, слишкомъ занятая своей славой цирковой поденки. Поклонники и безъ того не давали ей прохода, и, если бы не зоркій взглядъ мистера Брукса, ей не спастись бы отъ общей печальной участи такихъ поденокъ.

Альфонсъ въ свою очередь тоже былъ непріятно изумленъ. Однажды, когда онъ старался незамѣтно разсердить серебряную Бэлу, на которой отдыхала улыбающаяся публикѣ Анджелика, какая-то невидимая сила распростерла его на землѣ. Въ первое мгновеніе онъ не могъ хорошенько понять, что̀ такое съ нимъ случилось, но боль между лопатками и побѣлѣвшее отъ бѣшенства лицо Куку объяснили ему все. Альфонсъ едва поднялся съ земли и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга, который самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ съ нимъ дѣлалось и что̀ онъ дѣлалъ. Когда они встрѣтились глазами, Куку проговорилъ только всего одно слово:

— Убью...

Эту полуживую сцену видѣла только Анджелика и очень удивилась заступничеству геркулеса,—она только теперь обратила на него вниманіе и точно удивилась, что есть на свѣтѣ такіе могучіе люди. Въ большой антрактъ она пригласила Куку въ свою уборную и очень мило поблагодарила его за то, что онъ одинъ во̀-время остановилъ продѣлки Альфонса.

— Я его убью...—могъ только проговорить счастливый геркулесъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте ничего... для меня,—кокетливо упрашивала Анджелика.—Понимаете, я этого не хочу.

— Я мистера Брукса могу убить.. Мнѣ все равно...

Это послѣднее было уже совсѣмъ глупо, и Анджелика съ сожалѣніемъ посмотрѣла на богатыря, стоявшаго передъ ней въ своей клоунской „формѣ". Она не поняла, что Куку о всѣхъ цирковыхъ профессорахъ судилъ по мистеру Вельсу и синьору Фроскати. Этимъ недоразумѣніемъ все дѣло и кончилось. Анджелика опять прыгала и танцовала на спинѣ Бэлы, а Куку и Альфонсъ кувыркались передъ ней, болтали на какомъ-то птичьемъ языкѣ, точно ничего особеннаго не случилось.

Слѣдующимъ подвигомъ Куку было то, что онъ познакомился ближе съ мистеромъ Бруксомъ, страдавшимъ чисто-американской непокладистостью. Въ циркѣ его называли не иначе, какъ хромымъ чортомъ Бруксомъ, который изъ гордости напивался по ночамъ одинъ —такъ называемый фельдфебельскій запой. Куку съ озабоченнымъ видомъ затащилъ мистера Брукса въ цирковый буфетъ и почти насильно напоилъ его до потери сознанія, а потомъ на плечѣ принесъ въ квартиру Анджелики.

— Мы съ нимъ познакомились,—коротко объяснилъ онъ, раскланиваясь съ испуганной Анджеликой.

Мистеръ Бруксъ смотрѣлъ на міръ и людей съ какой-то особенной, лошадиной точки зрѣнія; разъ поддавшись Куку, онъ продолжалъ это знаком-

ство, и по ночамъ они теперь напивались вдвоемъ. Куку былъ совершенно счастливъ отъ одной мысли, что черезъ двѣ комнаты отъ каморки мистера Брукса была спальня Анджелики. У Брукса былъ свой планъ. Онъ берегъ наѣздницу, какъ зѣницу ока, но съ единственнымъ побужденіемъ продать товаръ въ однѣ руки за хорошій кушъ. Однажды, когда они кутили цѣлую ночь, Бруксъ откровенно объяснилъ все своему пріятелю:

— Анджелика спитъ черезъ двѣ комнаты, а револьверъ у меня всегда въ карманѣ... понялъ?.. И ты вообще напрасно дурака валяешь со мной... Вздоръ!.. Нужно все бросить... Бѣднымъ людямъ не слѣдуетъ заниматься глупостями, да и она тебя никогда не полюбитъ.

Куку слушалъ, пилъ и плакалъ, а Бруксъ хохоталъ надъ нимъ: всѣ женщины одинаковыя птицы или лошади.

Но Анджелика не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ и въ одно прекрасное утро скрылась изъ-подъ носа профессора, увезенная какимъ-то красавцемъ-гимнастомъ. Бруксъ бросился въ погоню и, когда убѣдился, что банкъ сорванъ — пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Доживать вѣкъ хромымъ цирковымъ прощелыгой не стоило.

Куку опять вернулся къ своему другу Альфонсу, который встрѣтилъ его, какъ ни въ чемъ не бывало. Развѣ стòитъ сердиться на сумасшедшихъ? Недавняя вражда смѣнилась старыми братскими чувствами, и Куку опять превратился въ обыкновенное вьючное животное.

Черезъ годъ Альфонсъ сказалъ: „Куку, ѣдемъ“. Куку не спрашивалъ, куда они ѣдутъ и зачѣмъ: ему было все равно. Черезъ недѣлю путешествія Куку входилъ въ комнату, гдѣ лежала Анджелика, брошенная своимъ гимнастомъ. Она только-что перенесла неудачные роды и не успѣла еще поправиться. Появленіе двухъ клоуновъ подняло ее на ноги, слабую, разбитую, съ жалкими остатками недавней красоты. Куку ухаживалъ за ней, какъ нянька, и черезъ три мѣсяца въ уѣздномъ городкѣ была обвѣнчана свадьба мѣщанина Осипа Лопатина, женившагося на мѣщанской дѣвицѣ Прасковьѣ Гавриловой. Собственно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ бракѣ явился Альфонсъ, движимый никому неизвѣстными побужденіями. Теперь онъ сопровождалъ вездѣ эту брачную чету въ качествѣ друга дома и такъ же завладѣлъ Анджеликой, какъ владѣлъ Куку.

Но Анджелика не могла поправиться, а второй ребенокъ, Сафо, унесъ остатки здоровья и молодости. На аренѣ она больше не имѣла успѣха, и недавняя слава разсѣялась, какъ дымъ. Но это было еще ничего: Куку зарабатывалъ достаточно для двоихъ, а маленькая Сафо не шла въ счетъ. Женившійся клоунъ сильно измѣнился, затаилъ въ себѣ новое чувство. Онъ съ перваго дня свадьбы не переставалъ ревновать жену къ Альфонсу и вынашивалъ эту тяжесть на душѣ, какъ чугунную гирю. Родившаяся Сафо только усилила его несчастье: маленькая дѣвочка, чѣмъ дальше росла, тѣмъ больше дѣлалась похожей на Альфонса, и это убивало Куку. Иногда онъ чувствовалъ, что когда-нибудь размозжитъ голову этому выродку, и старался не видѣть ее по нѣскольку дней.

Такъ они странствовали изъ цирка въ циркъ, пока Анджелика не расхворалась совсѣмъ и Альфонсъ тоже. Человѣкъ-змѣя задыхался, кашлялъ и страдалъ отъ сердцебіенія. Робочей силой оставался одинъ Куку, пользовавшійся неизмѣннымъ здоровьемъ. Когда доктора посовѣтовали Анджеликѣ кумысъ, Куку рѣшился на отчаянное средство. Распродавъ послѣдній скарбъ, онъ двинулся на свои клоунскіе гроши въ далекій путь.

— А какъ же Альфонсъ?—спрашивала Анджелика.

— Пусть и онъ ѣдетъ... рѣшилъ Куку.—Мнѣ все равно...

Это была новая пытка, и геркулесъ везъ ее на своей телѣжкѣ вмѣстѣ съ четырехпудовой гирей. Путешествіе по желѣзной дорогѣ скоро кончилось, на лошадей денегъ не было, работа въ глухихъ провинціальныхъ городахъ шла плохо, и Куку придумалъ свою телѣжку. Онъ не унывалъ. сосредоточившись на одной мысли: доктора сказали, что Анджеликѣ нуженъ кумысъ, значитъ, не о чемъ толковать. Какой-то эскулапъ посовѣтовалъ именно киргизскій кумысъ, и Куку пошелъ напроломъ къ своей цѣли. Онъ такъ глубоко любилъ свою жену, какъ это могутъ дѣлать только вполнѣ ограниченные люди; это чувство наполняло его всецѣло, а остальное существовало только такъ, между прочимъ.

## VI.

— Что̀ ты умѣешь дѣлать?—спрашивалъ кривой Аблай, когда они вдвоемъ сидѣли съ Куку около огонька.

— Я? Я все умѣю...—съ гордостью отвѣтилъ Куку.—Перевернись на воздухѣ, какъ я? Поработай гирей, какъ я? А еще сколько всякихъ другихъ штукъ знаю.

— А для чего все это?..

— Какъ для чего?.. Деньги платятъ...

— Деньги—это хорошо... И за краденыхъ лошадей тоже деньги платятъ.

Аблай и Куку смотрѣли другъ на друга съ сожалѣніемъ. Первый не могъ понять, какъ это можно унижаться за деньги, а второй—какъ люди живутъ въ своей степи и даже не имѣютъ понятія, что̀ такое циркъ, музыка, газовое освѣщеніе, трактиръ и многія другія чудеса европейской цивилизаціи. Да, они не понимали другъ друга, и взаимныя объясненія вели къ еще большему непониманію. Степнякъ и клоунъ были правы, каждый съ своей точки зрѣнія. У каждаго былъ свой міръ и свои взгляды, а за ними стояло цѣлое міросозерцаніе, какъ за растеніемъ почва.

Анджелика пила кумысъ и чувствовала себя лучше. Она уже могла ходить и гуляла въ березовомъ лѣсу среди киргизскихъ могилъ, вмѣстѣ съ Сафо, которая была совершенно счастлива. Кумысъ имѣлъ благодѣтельное дѣйствіе и на Альфонса, хотя онъ не могъ пить много—у него дѣлалось сердцебіеніе. Онъ тоже бродилъ по кладбищу, заложивъ руки въ карманы, и собиралъ отъ нечего-дѣлать букеты. По утрамъ для собственнаго развлеченія Куку занимался съ Сафо гимнастикой. Около телѣжки разстилался коврикъ, и она въ одномъ трико начинала повторять все, что̀ знала, подвигаясь понемногу впередъ. У Куку было дьявольское терпѣнье, и онъ по тысячѣ разъ повторялъ одно и то же. Конечно, Альфонсъ могъ бы показать лучше, но Сафо боялась его, какъ огня. Человѣкъ-змѣя ужасно ее билъ за каждую ошибку, а Куку только улыбался. Кочевники смотрѣли на эти даровыя представленія съ разинутыми ртами и удивлялись ловкости Сафо, особенно красавица Майя.

— Хочешь, и тебя научу всему,—предлагалъ ей Куку.—Изъ тебя выйдетъ отличная наѣздница.

— Уйди, шайтанъ!—огрызалась Майя и показывала кулаки любезному профессору.

У Аблая былъ цѣлый табунъ лошадей, и онъ съ охотой уступилъ одну старую кобылу подъ упражненія Сафо. Было устроено широкое, мягкое сѣдло, на какомъ ѣздятъ наѣздницы, и Альфонсъ на кордѣ выганивалъ лошадь нѣсколько дней, пока она привыкла его слушаться. Одѣтая въ свою розовую

юбочку, Сафо забралась наконецъ на лошадь и начала первые уроки. Чтобы дѣвочка не свалилась, на ней былъ надѣтъ широкій кожаный поясъ съ веревочкой, и Куку держалъ ее на этомъ поводкѣ. Анджелика лежала на коврѣ и распоряжалась всѣмъ, счастливая хоть въ дочери видѣть то, что̀ не могла дѣлать сама. У Сафо были хорошія способности, и потомъ она отличалась большой смѣлостью. Въ ея темныхъ большихъ глазахъ такъ и свѣтился огонекъ, который бываетъ только у настоящихъ художниковъ. Даже старикъ Аблай восхищался маленькой наѣздницей и разъ совершенно серьезно проговорилъ, обращаясь къ Анджеликѣ:

— Дженьгише, продай свою кысъ старому Аблаю... Калымъ дамъ.

— Для чего тебѣ ее?..—удивилась Анджелика.

— А подрастетъ, катнъ (жена) Аблаю будетъ... Сырну старый катнъ, Сырну тяжело, а у Аблая горячее сердце. Калымъ большой будетъ... хорошъ калымъ.

Старикъ разсчиталъ, что черезъ пять лѣтъ Сафо будетъ десять лѣтъ, а въ эти годы киргизы уже женятся. Сырну пора отдохнуть, а молодая катнъ утѣшила бы старика.

— За молодого отдать—другую катнъ возьметъ, когда старая будетъ,—объяснялъ Аблай.—А у меня дженьгише будетъ...

Это предложеніе разсмѣшило Анджелику до слезъ: какіе глупые эти киргизы... Аблай — мужъ Сафо! Ничего, выгодная партія: свой кошъ, тридцать кобылицъ и старая жена.

Въ двухъ кошахъ собственно жили двѣ семьи. Въ одной Аблай со старухой Сырну, дочерью Майей и маленькими ребятишками, а въ другомъ—дальній родственникъ Аблая, старикъ Ахметъ-бай (бай—господинъ). У Ахмета жены не было, а жили съ нимъ два работника-киргиза и его подростки-дѣти. Между Аблаемъ и Ахметомъ уже пять лѣтъ велись самые упорные переговоры относительно Майи. Аблай соглашался выдать дочь за Ахмета, но все дѣло расходилось изъ-за калыма.

Заплатить за молодую жену двадцать лошадей, сто барановъ и пятьсотъ рублей деньгами Ахметъ не могъ рѣшиться, хотя и могъ это сдѣлать.

— Ближе Акмолинска такой невѣсты не найдешь!..—спорилъ Аблай, напивавшійся кумысомъ каждый день.—Гдѣ нынче киргизскія красавицы? Нѣтъ ихъ... Найдешь дешевую жену у башкиръ или калмыковъ, а киргизки дороги.

— Я не хочу башкирки...

— Плати калымъ.

— Дорого просишь...

— Майя—красавица.

— Все-таки дорого, Аблай. Мы вѣдь старые друзья.. А я бы подарилъ ей монисто изъ бухарскаго настоящаго золота.

— Э, пріятель, побереги это золото для себя, а Майѣ довольно и своего серебра. Майя не нищая...

— Отдавай, пока твоя Майя не состарилась, а то будешь ей кумысъ заквашивать... Двухъ барановъ не дадутъ за старуху.

— Пусть старится... Я подожду.

Старики ссорились между собой почти каждый вечеръ. Беззубый Ахметъ-бай съ гордостью разглаживалъ свою сѣдую окладистую бороду и слезившимися глазами посматривалъ издали на Майю, впередъ предвкушая радости Магометова рая. Аллахъ великъ, а старый Ахметъ-бай еще постоитъ за себя и успѣетъ состарить двухъ такихъ женъ, какъ Майя. Его толстая на-

гайка сдѣлаетъ шелковой кого угодно, только бы старая лисица Аблай уступилъ въ цѣнѣ... Конечно, и Сырну и Майя давно знали объ этихъ переговорахъ, но по степному этикету дѣлали видъ, что у нихъ нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни ума. Развѣ женщина можетъ что-нибудь понимать?.. Все равно, что спрашивать кобылицу, которая пасется въ полѣ... Да имъ и некогда было думать. Вся работа лежала на ихъ плечахъ: и кобылицъ подоить, и кумысъ приготовить, и обѣдъ, и платье, и за кобылицами присмотрѣть. Утромъ и вечеромъ Майя верхомъ, по-мужски, безъ сѣдла, отправлялась съ шестомъ въ рукахъ въ табунъ и пасла скотъ. Молодые жеребята были привязаны къ колышкамъ, чтобы не высасывали матокъ; бараны съ курдюками нагуливали лѣтній жиръ верстъ за двадцать. Аблай дня черезъ три объѣзжалъ верхомъ посмотрѣть на свои богатства, бранилъ Майю, зачѣмъ она не сынъ, и возвращался въ свой кошъ тянуть кумысъ.

Майя весело позванивала своимъ серебрянымъ монистомъ и по вечерамъ пѣла грустныя киргизскія пѣсни. Красавицѣ было о чемъ грустить... Невеселая доля киргизской женщины, которая работаетъ, какъ лошадь, скоро старѣетъ и въ награду должна уступить мѣсто молодой катнъ. Жизнь жены-старухи настоящій адъ, и смерть является счастливой избавительницей. Въ старинныхъ пѣсняхъ говорится о знаменитыхъ богатыряхъ, объ удивительныхъ красавицахъ, о разныхъ приключеніяхъ, но все это только въ пѣсняхъ... Старикъ Аблай любитъ читать книгу о Таргымъ-батырѣ, но и это все сказка. Сдѣлаться женой Ахметъ-бая и нести багровые рубцы его нагайки не велико счастье. Беззубый ротъ и его слезившіеся глаза пугали Майю. О, она не хочетъ за старика, она красавица и на нее всѣ заглядываются. Старая Сырну думала то же, но не пѣла пѣсенъ. Аблай такъ колотилъ ее при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ человѣкъ, который серьезно задумалъ жениться. Она даже не стонала, а только съеживалась всѣмъ своимъ худымъ и костлявымъ тѣломъ.

— Я женюсь на молодой дженьгише, я тебя утоплю,—откровенно объявилъ ей Аблай послѣ одной потасовки, когда онъ на женѣ вымещалъ свое сердце противъ скупого Ахмета.

Сырну иногда потихоньку плакала, но такъ, чтобы даже Майя этого не замѣчала. У дѣвушки будетъ достаточно своихъ слезъ, когда выдадутъ замужъ... Хорошо на свѣтѣ жить однимъ мужчинамъ, которымъ самъ Аллахъ покровительствуетъ.

Когда Аблая не было дома, Сырну приходила къ красной телѣжкѣ, садилась на траву и долго смотрѣла на Анджелику печальными глазами. Если бы Анджелика вернулась съ того свѣта, и тогда едва ли кто-нибудь съ такимъ подавляющимъ изумленіемъ смотрѣлъ бы на нее, какъ старая Сырну, нѣсколько разъ даже ощупывая Анджелику, точно привидѣніе. Переводчицей имъ служила Сафо, которая все понимала.

— Ты счастливая—скоро умрешь,—говорила Сырну, печально кивая головой.— Больнымъ женщинамъ самое лучшее во-время умереть... да. Старухъ плохо кормятъ и бьютъ...

Эта степнячка по цѣлымъ часамъ разспрашивала, какъ живутъ тамъ, далеко, и все удивлялась. Въ ней было что-то такое дѣтское. Жалкія тряпки, въ какія наряжались Анджелика и Сафо, приводили ее въ восторгъ.

— Дженьгише, я тебѣ скажу вотъ что...—заявила однажды Сырну, восхищенная тѣмъ уходомъ, какимъ клоуны окружали Анджелику.—Атай (отецъ) отличный человѣкъ... доброе сердце... Пусть онъ женится на Майѣ...

— У насъ нельзя на двухъ женахъ жениться...

— Ты больная, тебѣ будетъ лучше,—увѣряла Сырну, съ материнскимъ эгоизмомъ, думавшая объ одной Майѣ.—Аблай уступитъ калымъ, а Майя красавица... У Майи много серебра... Майя будетъ жалѣть тебя.

— Нашъ законъ не позволяетъ,—объясняла Анджелика.—Когда я умру, пусть тогда женится...

— Долго ждать, дженьгише. Можетъ-быть, ты и долго проживешь, а Майю продастъ атай беззубому Ахмету.

Старуха никакъ не могла понять другого закона. Аллахъ далъ крѣпость мужчинѣ, ему нужно веселить сердце, а „марьжя“ (женщина) старится скоро... Куку вонъ какой здоровый, ему нужно три марьжи, и всѣ будутъ счастливы. Куку добрый, Куку богатырь, у Куку золотая душа...

Самъ Куку въ это время былъ занятъ разрѣшеніемъ проклятаго вопроса о деньгахъ. Изъ трехъ рублей было заплачено впередъ за кумысъ два рубля, оставалось наличной кассы всего одинъ рубль, да и тотъ былъ размѣненъ въ первые же дни: нуженъ хлѣбъ, нужна говядина, а въ Чумбашахъ все такъ дорого. Костюмы артистовъ требовали серьезнаго вниманія, а Сафо дьявольски быстро вырастала изъ своихъ платьевъ. Къ счастью, старикъ Аблай нищихъ клоуновъ, благодаря фокусамъ Альфонса, считалъ богачами: послѣдняя мелочь въ его рукахъ разрасталась въ десятки рублей, и онъ со своей обычной ловкостью и послѣдніе три двугривенныхъ доставалъ изъ всѣхъ кармановъ, точно самъ былъ начиненъ мелкой серебряной монетой.

— Даже ссудной кассы нѣтъ...—ворчалъ Куку, хотя закладывать было нечего,—оставались телѣжка, гиря да ширмочки.

Повторить попытку работы въ Чумбашахъ клоуны не имѣли никакого желанія: степная публика не была подготовлена къ цивилизованнымъ развлеченіямъ. Въ резервѣ оставались тѣ богатые люди, о которыхъ намекалъ Аблай—эта была единственная и послѣдняя надежда, а за такія вещи люди хватаются только въ крайности. Куку ждалъ самъ не зная чего, откладывая подробныя развѣдки день за днемъ. Его останавливали свои личныя дѣла... Бѣдный геркулесъ опять мучился ревностью. Онъ чувствовалъ, что Анджелика его не любитъ,—чувствовалъ это въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ. Эта проклятая мысль придавляла его и заставляла тяжело вздыхать. Онъ опять подозрѣвалъ Альфонса, который теперь гулялъ вмѣстѣ съ Анджеликой, дарилъ ей букеты, а она благодарила его своими улыбками. Развѣ для этого онъ везъ ее сотни верстъ на собственной спинѣ, заботился и ухаживалъ за ней, какъ не будетъ ухаживать родная мать? Глухое и молчаливое бѣшенство закипѣло въ лошадиной груди Куку, и онъ старался скрыть свое горе отъ всѣхъ глазъ.

— Убью... обоихъ убью!—шепталъ Куку, скрежеща зубами.—Они меня въ глаза дурачатъ...

Куку очень страдалъ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ у огонька совершенно неподвижно. Онъ даже желалъ умереть, но и это послѣднее удовольствіе представлялось ему только въ отдаленномъ будущемъ; здоровья ему отпущено было на десятерыхъ.

## VII.

Душевныя невзгоды маленькихъ бѣдныхъ людей значительно умѣряются самыми прозаическими будничными нуждами, которыми вся маленькая жизнь сколочена, точно желѣзными гвоздями. Нужно ѣсть—вотъ первый и неотступный вопросъ, который, какъ балластъ, ложится на самое дно корабля и придаетъ ему устойчивый ходъ. Такъ было и съ Куку. Нужно было похлопотать

о деньгахъ—въ запасѣ оставался единственный двугривенный, и Аблай, кажется, уже начинаетъ догадываться объ этомъ. По крайней мѣрѣ, такъ не безъ основанія можно было заключить изъ перемѣны его обращенія,—на старикѣ точно чортъ поѣхалъ... косится, молчитъ и все что-то ворчитъ себѣ подъ носъ на своемъ проклятомъ языкѣ.

Взявъ верховую лошадь, Куку отправился на поиски богатыхъ господъ, которые жили на пріискахъ. Отъ киргизскаго стойбища нужно было проѣхать верстъ тридцать. Близость золотыхъ промысловъ скоро сказалась развѣдочными работами по логамъ, которые соединялись съ Сардвой.

— У золотопромышленниковъ денегъ много,—соображалъ Куку своимъ клоунскимъ мозгомъ, подъѣзжая къ взрытой пріисковой площади.

Издали весь берегъ Сардвы точно былъ изрытъ свиньями. Эта полоса тянулась верстъ на пять. Въ трехъ мѣстахъ дымились высокія трубы, и бѣлыми клубами пара попыхивали паровыя машины. Куку отыскалъ глазами спрятавшійся у березовой поросли одноэтажный деревянный домъ съ желѣзной зеленой крышей и какими-то хозяйственными пристройками. Сотни людей копошились въ какихъ-то канавахъ, по ямамъ и около машинъ. Вездѣ кучки свѣжей земли, таратайки съ той же землей и рабочіе, тоже покрытые красноватой пріисковой глиной.

— Гдѣ же у нихъ золото?—изумился Куку, поглядывая кругомъ.

Подъѣхавъ къ дому, Куку слѣзъ съ лошади и прямо пошелъ на крыльцо, сдѣланное на живую руку изъ сырого теса.

— Вамъ Ивана Ивановича?—окликнулъ его стоявшій у воротъ сѣдобородый сторожъ.

— Его самого...

— Онъ завтракаетъ...

— Тѣмъ лучше.

Вышла охотничья собака, обнюхала Куку и дружелюбно вильнула хвостомъ, Въ передней было пусто и прохладно. Маленькій коридорчикъ велъ въ столовую. Куку кашлянулъ.

— Вамъ барина?—спросила выскочившая на кашель горничная.

— Да.

— Вы отъ Спиридона Ефимыча?

— Отъ него.

Куку забавляла эта пріисковая наивность, гдѣ только и людей было, что Иванъ Ивановичъ да Спиридонъ Ефимычъ. Горничная убѣжала съ докладомъ и вернулась:—пожалуйте въ столовую. Куку издали замѣтилъ длинный столъ, у котораго сидѣлъ въ креслѣ широкоплечій старикъ съ длинными волосами. Онъ былъ въ какомъ-то лѣтнемъ балахонѣ и ситцевой рубахѣ-косовороткѣ. Недалеко отъ него сидѣла дородная и красивая женщина съ обрюзглымъ и лѣнивымъ лицомъ. Она въ своей лѣтней блузѣ точно вся расплылась и не обратила на Куку никакого вниманія.

— Артистъ Куку, знаменитый геркулесъ...—рекомендовался Куку, заглядывая черезъ дверь столовой въ садъ.

— Какъ ты сказалъ?—хрипло отвѣтила фигура хозяина, поворачивая къ Куку свое изумленное бородатое лицо съ заплывшими глазками.

Куку отрекомендовался вторично и заявилъ по пути, что онъ пріѣхалъ сюда отъ имени всей труппы, желающей дать представленіе. По клоунской привычкѣ, свои объясненія онъ давалъ на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Да какой тебя чортъ занесъ сюда, нѣмчура?—удивлялся Иванъ Ивановичъ.

Наполовину опорожненный графинъ съ водкой объяснялъ, почему у Ивана Ивановича слипались послѣ завтрака глаза, а лицо было покрыто точно лакомъ. Пока Куку объяснялъ, что онъ пріѣхалъ въ степь по болѣзни жены и что теперь они живутъ у Аблая, женщина въ блузѣ добродушно смотрѣла на его потертый пиджакъ, а Иванъ Ивановичъ качалъ въ тактъ разсказа головой и наконецъ спросилъ:

— А водку пьешь, нѣмецъ?..

Взглянувъ на остатки завтрака, Куку пріятно улыбнулся и замѣтилъ только, что онъ не можетъ много пить,—а впрочемъ, какъ будетъ угодно Ивану Ивановичу.

— Анѳиса, графинъ...—коротко приказалъ старикъ.—А ты, нѣмецъ, садись: въ ногахъ правды нѣтъ. У насъ попросту, похристіански...

Анѳиса лѣниво вышла изъ комнаты, а Куку скромно подсѣлъ къ столу. Клоуну было не до угощенья, и онъ смотрѣлъ на Ивана Ивановича жадными глазами, какъ на мѣшокъ съ деньгами. Если бы можно было занять у него рублей пятнадцать... У Куку даже закружилась голова отъ этой радужной мысли, и онъ затаилъ въ своей могучей груди дыханье.

— Такъ ты и съ бабой вмѣстѣ ломаешься?—какъ сквозь сонъ, лѣниво спрашивалъ Иванъ Иванычъ, въ упоръ разсматривая вытянувшагося передъ нимъ клоуна.

— Она наѣздница...

— Н-но-о?.. Изъ цирка?..

— Настоящая наѣздница и весьма одобрена...

Иванъ Иванычъ внимательно посмотрѣлъ на своего гостя, прищурился и, постукивая кулакомъ по столу, внушительно проговорилъ:

— А ты вотъ что̀ послушай, нѣмецъ... Ты смотришь на меня и думаешь: экій старый чортъ сидитъ... Такъ? Ну, ну, не отпирайся... У меня такая привычка: сижу здѣсь—одинъ человѣкъ, выкатился—другой человѣкъ... Здѣсь мнѣ одно разрѣшеніе: на водку, а вырвался и пошелъ чертить. Ежели утѣшитъ твоя баба—озолочу, потому какъ мнѣ моя привычка всего дороже...

Послышавшіеся шаги Анѳисы заставили Ивана Иваныча торопливо умолкнуть, и онъ, подмигнувъ клоуну, весело прошепталъ:

— Сполюбовница моя... Ножъ, а не баба. Ну, а ты не бойся: не тронетъ зря.

— Ахъ, хрѣнъ ей въ голову!—съ волжскимъ акцентомъ проговорилъ Куку, тоже подмигивая.

— Да ты изъ какихъ будешь, шутъ гороховый?—пріятно изумился Иванъ Иванычъ отъ этой русской помолвки.—Нѣмцемъ прикинулся...

— Какой я нѣмецъ, ваше степенство... Изъ мѣщанъ уѣзднаго города Алатыря.

— Н-но-о?.. И все можешь представить?

— Въ лучшемъ видѣ...

Анѳиса поставила на столъ графинъ съ водкой, горничная принесла двѣ тарелки съ закуской, а Иванъ Иванычъ все удивлялся, хлопая себя рукой по колѣну:

— Вотъ вѣдь до чего можетъ достигнуть вашъ братъ мѣщанинъ... а Не угодно ли, нѣмцемъ притворился... а?

— Это вамъ всякая глупость удивительна...—заговорила Анѳиса, покосившаяся на Куку.

— Ну, ну, не разговаривай!..—закричалъ старикъ и тяжело ударилъ кулакомъ по столу.—Не твоего, бабьяго, ума дѣло... Ступай-ка къ себѣ, покол цѣла, а у насъ съ нѣмцемъ свой разговоръ.

Этотъ крикъ не произвелъ на Анѳису никакого впечатлѣнія, она даже [illegible]ула, а потомъ лѣниво пошла къ садовой двери, переваливаясь на ходу, [illegible] закормленная гусыня.

— Видѣлъ, какъ я ее понуждалъ?—смѣялся старикъ, опять подмигивая [illegible]ну.—Здѣсь въ дому вся моя сила... въ щепы расщеплю, и ничего. А вотъ [illegible] дому мнѣ ходу нѣтъ... Эта самая Анѳиса какъ ножъ въ горлѣ у меня [illegible]тъ. Ужъ вотъ только когда достигну въ настоящій градусъ, тогда не [illegible]ертывайся... Понимаешь мою привычку?

— Вполнѣ, потому какъ вамъ всего дороже вашъ карахтеръ...

— Вѣрно, нѣмецъ!.. Напримѣръ, увидѣлъ я дѣвку у Аблая: выпь да положь мнѣ ее... Вѣдь славная бестія?.. Ну, пока еще на мой градусъ не попала... Постой! А что же мы водку забыли: разговоръ большой, а хлѣбъ-соль маленькая.

Куку выпилъ первую рюмку и вмѣсто закуски изжевалъ ее въ крошки.

— Ну, это стара штука...—говорилъ Иванъ Иванычъ съ видомъ знатока.— Въ Нижнемъ арфистки дюжинами рюмки-то ѣдятъ. А вотъ ты, нѣмецъ, можешь живого ерша съ хвоста заглотать?

— Не пробовалъ, ваше степенство.

— То-то вотъ и есть... Насъ не скоро удивишь. Ну, а что, баба у тебя молодая?

— Да...

— А изъ себя какъ?.. То-есть въ тѣлѣ?.. Ну, да увидимъ потомъ всю музыку... ха-ха!.. Майя славная дѣвка, да Аблай дорожится...

За первой рюмкой послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Куку пилъ и краснѣлъ, а Иванъ Иванычъ смотрѣлъ на него и улыбался: ловко нѣмецъ пьетъ... Для развлеченія хозяина Куку показалъ нѣсколько фокусовъ съ тарелками, потомъ продѣлалъ гимнастическую штуку съ тяжелымъ табуретомъ и вообще [illegible]арался зарекомендовать себя. Вызвана была Анѳиса посмотрѣть на фокусы [illegible]же осталась довольна. Замѣтивъ желаніе Ивана Иваныча опоить гостя, [illegible]притворился пьянымъ и очень ловко растянулся на полу, какъ брошен-[illegible] рукой мѣшокъ съ сѣномъ. Иванъ Иванычъ хохоталъ, поджавъ [illegible]. Анѳиса улыбалась, а Куку, валяясь на полу, обдумывалъ, [illegible]чѣе приступить къ вопросу о деньгахъ.

[illegible] будетъ... утѣшилъ!—остановилъ его Иванъ Иванычъ, [illegible] Пріѣзжай со всей братіей, тогда посмотримъ на [illegible]

[illegible] мнѣ нужно денегъ...—нерѣшительно проговорилъ [illegible] Хоть сколько-нибудь... жена больна...

— [illegible] Ахъ, какъ я не люблю, когда у меня [illegible]!..—гру[illegible]арикъ.—И зачѣмъ ты началъ просить, [illegible] хотѣлъ тебя [illegible] вижу птицу по полету, а теперь не [illegible] ужъ такой к[illegible] дамъ, а попросятъ—ни въ жисть... [illegible] испортилъ, нѣмецк[illegible]!..

— [illegible] Иванычъ, я не зналъ... [illegible] же съ голоду? Мнѣ не-[illegible]ожко... Что вамъ стоитъ...

— Будетъ... Не дамъ... Въ тебѣ понят[illegible] съ бабой, можетъ, [illegible] умнѣе тебя будетъ. Да еще прикинулся пь[illegible] второй графинъ!..

Былъ выпитъ и второй графинъ, а денег[illegible] не далъ. [illegible]у сидѣлъ, низко опустивъ голову: какъ онъ [illegible] пустыми [illegible]ами? Анджелика будетъ заглядывать ему въ глаз[illegible]... А въ [illegible]манѣ распослѣдній двугривенный, да и тотъ нужно [illegible] лошадь.

Наконецъ Куку почувствовалъ, что онъ опьянѣлъ, значитъ, нужно убираться по-добру по-здорову. Дорогой вѣтеркомъ продуетъ, и Куку разсчитывалъ, что домой пріѣдетъ какъ встрепаный.

— Ахъ, нѣмецъ, нѣмецъ, все ты дѣло испортилъ,—говорилъ старикъ, провожая гостя.—Вѣдь хотѣлъ тебѣ десятирублевый билетъ въ задатокъ дать понастоящему: красную бумагу, а ты меня своимъ глупымъ словомъ точно въ посадилъ... Теперь не могу, характеръ у меня не дозволяетъ.

Куку ничего не возражалъ. Пошатываясь, онъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ на лошадь и ни съ чѣмъ поѣхалъ назадъ. Иванъ Иванычъ проводилъ его глазами, покачалъ головой и сказалъ подвернувшемуся на глаза приказчику:

— Видѣлъ нѣмца, который водку сейчасъ со мной пилъ?

— Точно такъ-съ, Иванъ Иванычъ...

— Ну, такъ возьми верховую лошадь, догони его и скажи: „Нѣмецъ, ты глупъ, братецъ“. Такъ и скажи.

— Нѣмецъ, ты глупъ, братецъ...

— Хорошо... А если онъ стерпитъ и ничего тебѣ не скажетъ, ты ему опять: „Иванъ Иванычъ приказали тебѣ сказать, что ты глупъ“... Понялъ? А потомъ вотъ тебѣ десятирублевый билетъ—отдай ему. Пусть чувствуетъ, нѣмецкая душа...

## VIII.

Степная красавица Майя заскучала. Она дѣлала все то же, что̀ и раньше, но прежней Майи не было. Больше всего она любила теперь уѣзжать съ табуномъ въ поле и тамъ проводила все время верхомъ. Ей нравилось скакать на своемъ гнѣдомъ иноходцѣ, который слушался слова. Она разговаривала съ нимъ и распѣвала свои грустныя пѣсни.

— Дѣвка дуритъ... пора ей замужъ!—стонала про себя Сырну, наблюдавшая дочь.

Лѣто было жаркое. Трава въ степи быстро выгорала, а дождя не было. На буграхъ земля даже трескалась отъ зноя; зелень оставалась только около озера, и лошади рвались въ тонкія камышевыя заросли, гдѣ было такъ легко увязнуть въ береговой тинѣ. Разъ, когда Майя отгоняла лошадей отъ опаснаго мѣста, она наѣхала на бродившаго въ камышахъ Куку.

— Здравствуй, джигитъ,—поздоровалась она, осаживая коня.

— Здравствуй, Майя...

Дѣвушка смотрѣла на Куку своими темно-карими глазами такъ пристально и долго, что клоуну даже сдѣлалось неловко. Подъ серебрянымъ монистомъ высокая грудь такъ и ходила волной, а на смуглыхъ щекахъ проступалъ все сильнѣе горячій румянецъ.

— Что̀ потерялъ, джигитъ?—спрашивала Майя, опуская глаза.

— Вчерашній день ищу.

— Онъ прошелъ.

Наступило неловкое молчаніе. Майя повертывала въ рукахъ свой шестикъ съ волосянымъ арканомъ на концѣ и смотрѣла въ сторону.

— Джигитъ, у тебя нехорошее на умѣ,—заговорила она, вскидывая глазами на Куку.—Злой духъ въ тебѣ... Ты хочешь убить человѣка...

— А ты какъ знаешь?..

— Майя все видитъ... у Майи двойные глаза. Майя много-много думала и ей жаль джигита...

Куку выронилъ свою трубочку и нагнулся, чтобы ее поднять, а Майя все смотрѣла на него ласково и упорно, какъ умѣетъ смотрѣть одна любящая

— Дженьгише не любитъ джигита, а Майя думаетъ о немъ...—продолжала дѣвушка.—Ночь коротка для Майи, а иноходецъ не можетъ унести ее отъ ея мыслей... Много хорошихъ мыслей. Джигитъ, ты не трусъ?..

— Не знаю...

— А я знаю, что у джигита храброе сердце... Бери лучшую лошадь изъ табуна и увези Майю.

— Ты шутишь, Майя?..

Этотъ вопросъ точно ударилъ дѣвушку по головѣ,—она широко раскрыла глаза и посмотрѣла на джигита, который стоялъ передъ ней съ такимъ добродушно-удивленнымъ видомъ. Еще никогда женщина не признавалась ему въ любви, а тутъ эта дѣвушка... что̀ она такое говоритъ?.. Въ могучей груди Куку точно что̀ колыхнулось: она о немъ думаетъ, она говорила это вотъ сейчасъ...

— Майя, ты смѣешься надо мной?..

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка сдѣлала движеніе повернуть лошадь и ускакать, но Куку прыгнулъ къ ней, какъ тигръ, и схватилъ лошадь за гриву. Его охватило какое-то безумно-нѣжное чувство вотъ къ этой самой Майѣ, которая такъ мило испугалась его прыжка.

— Куда ты,—говорилъ онъ, протягивая свободно руку къ наѣздницѣ.—Нѣтъ, я тебя не пущу... Кто тебѣ сказалъ, что я хочу убить Альфонса?..

— Я этого не говорила, и никто мнѣ не говорилъ...

— Нѣтъ, ты сказала!. Ну, да это все равно: я ихъ убью обоихъ и тогда... Постой, что̀ я такое говорю...

— Джигитъ, джигитъ, ты нехорошо говоришь!..—печально заговорила Майя, раскачивая головой.—Ты былъ у Ивана Иваныча?..

— Былъ...

— Знаю... Онъ скоро пріѣдетъ къ намъ. Раньше онъ ѣздилъ еще чаще; отецъ его любитъ, а мой женихъ не любитъ... Когда Иванъ Иванычъ пріѣдетъ, ты подумай о себѣ и обо мнѣ... Не забывай, что̀ я сказала сегодня...

— Майя, постой...

Дѣвушка поставила иноходца на дыбы и ловко отъѣхала въ сторону. Этимъ она хотѣла показать, что нисколько не боится джигита. Куку стоялъ съ протянутой рукой, точно онъ просилъ милостыни, а Майя звонко смѣялась, показывая свои бѣлые зубы.

— Майя, я тоже думаю о тебѣ...

— Джигитъ не умѣетъ обманывать, а у Майи острые глаза...

Повинуясь непреодолимому влеченію, она опять подъѣхала къ Куку, взяла его руку и проговорила:

— Вотъ за что любитъ Майя джигита: одной рукой онъ задушитъ беззубаго Ахмета, а другой Ивана Иваныча... У джигита волчье сердце, когда онъ думаетъ о своей дженьгише. Майя будетъ помогать дженьгише. У Майи горячее сердце.

Взглянувъ въ сторону кошей, откуда наблюдалъ Майю беззубый Ахметъ, она быстро ускакала, а Куку остался въ камышахъ. У него стучала въ вискахъ кровь, а сердце замирало... Неиспытанная никогда теплота охватила душу Куку, и онъ долго смотрѣлъ въ степь, по которой неслась Майя на своемъ иноходцѣ. Она дѣлалась все меньше и меньше, пока совсѣмъ не исчезла въ степной мглѣ.

Когда клоунъ вернулся къ кошамъ, онъ не пошелъ къ своей телѣжкѣ, какъ дѣлалъ всегда, а пришелъ къ огню у коша Аблая и все смотрѣлъ на ту руку, которую держала Майя. Солнце жгло немилосердно, но Куку не

чувствовалъ зноя и только вздыхалъ. Къ нему подошелъ больной Пикилло, который обыкновенно лежалъ подъ тѣлежкой, и лизнулъ руку. Куку обнялъ собаку и засмѣялся.

— Папа, что же ты нейдешь?—окликнула его Сафо, вертѣвшаяся около своей телѣжки.

— Иду...

— Мамѣ опять хуже... Она не можетъ встать и все лежитъ.

— Иду...

— Ахъ, ты какой, папочка!..

Дѣвочка подбѣжала къ отцу, схватила его за руку и, наклонившись впередъ всѣмъ тѣломъ, потащила его. Куку поддавался ей и все улыбался.

— Ты чего смѣешься, папа?..—недовольнымъ тономъ спрашивала Сафо.

— Я иду, цыпленокъ, а смѣюсь надъ собой...

— Мама больна...

— А... А гдѣ Альфонсъ?

Сафо быстро взглянула на отца своими умными глазками и молча махнула рукой на кладбище: онъ тамъ.

Анджелика чувствовала себя скверно съ ранняго утра и встрѣтила Куку недовольнымъ спрашивающимъ взглядомъ, но онъ точно не замѣтилъ его и какъ-то равнодушно проговорилъ:

— Ты пила сегодня кумысъ?

— Какъ всегда...

Въ его голосѣ она почувствовала то убійственное равнодушіе, какого раньше не замѣчала, точно это говорилъ другой человѣкъ. Куку машинально поправилъ сбившіяся занавѣски и подушку, а потомъ замолчалъ. Эта маленькая нѣмая сцена отозвалась въ сердцѣ Анджелики острою болью, и она тревожно сдвинула свои темныя брови.

— Мнѣ было такъ скучно лежать здѣсь одной...—тихо проговорила она, закрывая глаза.—Ты забылъ обо мнѣ...

Куку молчалъ, не зная, что ему отвѣчать. Имъ овладѣло вдругъ отчаяніе. Да, онъ виноватъ... Анджелика молчала, точно придавленная какой-то тяжелой мыслью. Въ ней зародилось тревожное, ревнивое чувство къ мужу.

— Когда ты поправишься, нужно ѣхать туда, на промыслы... —заговорилъ Куку дѣловымъ голосомъ.—Я обѣщалъ дать представленіе.

— Этотъ Иванъ Иванычъ, должно-быть, очень добрый человѣкъ... далъ тебѣ денегъ впередъ.

— Да, ничего. Онъ хотѣлъ пріѣхать сюда.

— Я скоро поправлюсь...

Вечеромъ Анджелика опять позвала Куку и крѣпко пожала ему руку. Ея темные глаза еще никогда не смотрѣли съ такой нѣжностью на него, и это точно испугало Куку. Да, она его любитъ...

— Куку, зачѣмъ ты такъ часто сидишь у Аблая?—спрашивала она съ тревогой въ голосѣ.

— Да такъ.

— А Майя тебѣ нравится?..

— Право, я не знаю, какъ сказать. Всѣ находятъ ее красивой.

— А ты?..

— Я?.. Я старъ, Анджелика, чтобы разсматривать дѣвушекъ. Да и къ чему тебѣ все это?

— Я такъ спросила...

Куку долго не спалъ въ эту ночь. Онъ развелъ большой огонь у своей телѣжки и дремалъ, сидя на травѣ. Надъ головой искрилось бездонное небо,—степь вся потонула въ ночной мглѣ,—откуда-то издали доносился только топотъ лошадиныхъ ногъ, да въ камышахъ посвистывала степная безыменная птица. Вечеромъ Майя долго и вызывающе смотрѣла на него, но Куку отвернулся. Ему было не до себя... Вотъ тутъ же на травѣ спитъ Альфонсъ, рядомъ съ нимъ растянулся Пикилло. Человѣкъ-змѣя больше не безпокоилъ Куку, какъ преслѣдовавшая его по пятамъ тѣнь.

Анджелика опять не спала, и опять ей казалось, что бѣлая лошадь дѣлаетъ свои круги, и эти круги дѣлаются все уже и уже,—можно разслышать и тяжелое дыханье, и храпъ, и фырканье. На нее нападалъ какой-то страхъ, и холодный потъ уносилъ послѣднія силы.

## IX.

Иванъ Иванычъ пріѣхалъ въ коши... Это было рано утромъ, когда красная телѣжка еще не подавала признаковъ жизни. Аблай выскочилъ навстрѣчу гостю въ своемъ полосатомъ бешметѣ и второпяхъ даже уронилъ тюбетейку.

— А... узналъ гостя?—шутилъ старикъ, грузно высаживаясь изъ плетеной телѣжки.—Нежданый гость, говорятъ, хуже татарина.

— Узналъ, бачка, узналъ!..—бормоталъ Аблай, униженно кланяясь.—Всякій тебя знаетъ... вездѣ знаютъ...

Ахметъ-бай выскочилъ тоже и помогалъ Ивану Ивановичу итти въ кошъ, поддерживая его за локоть.

— А гдѣ этихъ стрикулистовъ добыли?—спрашивалъ старикъ, дѣлая видъ, что не узналъ Куку.

— Кумысники, Иванъ Иванычъ...

Въ кошѣ Майя постлала старику коверъ, обложила его подушками и поднесла деревянную чашку съ кумысомъ. Она смотрѣла внизъ, строго и непривѣтливо. Старикъ нахмурился.

— Не узнала развѣ?—хрипло спросилъ онъ.—Иди, поцѣлуй... Со старикомъ можно и согрѣшить одинъ разъ.

— Цѣлуйся...—приказывалъ Аблай, толкая дочь въ спину.

Дѣвушка неохотно исполнила это приказаніе и отдала отцу золотую монету, которую ей подарилъ Иванъ Иванычъ. Началась жестокая попойка. Сначала пили кумысъ, потомъ вино, привезенное старикомъ, и кончили водкой. Аблай только моргалъ глазами, а Ахметъ-бай сидѣлъ передъ гостемъ на корточкахъ и превозносилъ его похвалами. Нѣтъ лучше въ свѣтѣ человѣка, какъ Иванъ Иванычъ, нѣтъ его богаче, умнѣе и т. д. Аблай не умѣлъ такъ хорошо говорить и только въ тактъ покачивалъ головой.

— Давай сюда комедіантовъ... пусть представляютъ!—скомандовалъ пьяный старикъ.

Куку и Альфонсъ уже были готовы. Они раскинули свою палатку, загородили входъ ширмочкой и даже выставили афиши, какъ на ярмаркѣ. Ивана Иваныча вытащили изъ -коша на свѣжій воздухъ и обложили подушками, какъ больного. Затрубилъ рогъ, засвистѣла въ воздухѣ четырехпудовая гиря, зажужжалъ бубенъ. Продѣлано было все то, что и на ярмаркѣ. Иванъ Иванычъ остался доволенъ, подозвалъ Сафо, погладилъ ее по головкѣ и велѣлъ раскрыть ротъ, куда и положилъ два полуимперіала.

— Это тебѣ приданое, когда будешь большая,—говорилъ онъ.—А теперь ты еще мала, а я старъ... Ступай съ Богомъ.

Клоуны ничего не получили за свою работу. Старикъ освѣдомился только, „что баба“, и, когда узналъ, что все еще больна, махнулъ рукой.

— Ну, нѣмецъ, теперь водку пить,—говорилъ Иванъ Иванычъ, указывая мѣсто противъ себя.—Знаешь мой характеръ?.. Майя намъ будетъ пѣсни пѣть, а мы пить... Эй, барышня, подходи!..

Старики-киргизы были совсѣмъ пьяны, и только одна Сырну черезъ дырочку въ стѣнкѣ коша зорко наблюдала за всѣмъ, что тамъ происходило.

Она не смѣла увести дочь и была рада, что въ кошѣ сидитъ Куку. Джигитъ крѣпокъ, какъ лошадь, и его не скоро споишь, а Иванъ Иванычъ въ пьяномъ видѣ любилъ безобразничать и каждый разъ что-нибудь устраивалъ неожиданное.

Анджелика была очень встревожена тѣмъ, что дѣлалось въ кошѣ, и все посылала Альфонса спрашивать Сырну. Она боялась и за Майю и за Куку. Пьяный человѣкъ можетъ сдѣлать все, а старикъ, навѣрно, скоро заснетъ. Долетавшіе до ея слуха звуки киргизской пѣсни только еще сильнѣе раздражали ее. Но Куку вышелъ изъ коша самъ и послалъ туда старуху Сырну—неловко было оставлять одну дѣвушку съ пьянымъ самодуромъ.

— Нужно скорѣе уѣзжать отсюда... — шептала Анджелика, когда Куку подошелъ къ ней.—Я боюсь.

— Пустяки,—смѣялся Куку, поглядывая на коши.—Старикъ загулялъ и швыряетъ деньгами...

Онъ досталъ изъ кармана цѣлую горсть серебра и высыпалъ блестѣвшія монеты въ колѣни Анджелики, какъ дѣлалъ всегда. Но это наружное спокойствіе прикрывало только усилившееся безпокойство: Майя сама сѣла на подушку рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ и позволяла ему обнимать себя. Это дѣлалось на зло ему, Куку, и онъ долженъ былъ смотрѣть... Нѣжная заботливость Анджелики теперь раздражала клоуна, и онъ чутко прислушивался къ тому, что дѣлается въ кошѣ, готовый по первому призыву прыгнуть туда. О, онъ задушитъ этого Ивана Иваныча, какъ котенка, если онъ позволитъ себѣ... Присутствіе Сырну не успокаивало его: старуха глупа, а старики спали пьяны, какъ сапожники.

Одинъ Альфонсъ молчалъ,—послѣ представленія у него болѣла каждая косточка. Отлично было бы пропустить рюмочку коньячку, всего одну рюмочку, но Иванъ Иванычъ не пригласилъ его, и Альфонсъ имѣлъ полное основаніе сердиться на Куку: работали вмѣстѣ, а пилъ одинъ Куку. Это было несправедливо, какъ хотите, когда особенно кости начинаютъ срастаться по всѣмъ суставамъ.

— Куку, я скоро поправлюсь, и мы уѣдемъ,—повторяла Анджелика въ десятый разъ.—Если бы ты зналъ, какъ мнѣ надоѣло лежать, точно соленая рыба...

— Да, уѣдемъ...

— Я опять поступлю въ циркъ... Сафо можетъ тоже работать. Мы заживемъ отлично... Куку, ты не слушаешь меня?..

— Что ты говоришь?..

— Ахъ, какой ты...

По особенной нѣжности въ голосѣ Анджелики Альфонсъ понялъ, что онъ лишній здѣсь, и уныло поплелся въ сопровожденіи Пикилло на кладбище. Онъ считалъ Анджелику гораздо умнѣе, а она взяла да раскисла, какъ дура. Скоро будутъ цѣловаться у него на глазахъ.

Отношенія Альфонса къ Анджеликѣ были самыя странныя: онъ то приставалъ къ ней съ изысканной любезностью, то совсѣмъ забывалъ объ ея су-

ществованіи. Она боялась его и была счастлива, когда Альфонсъ былъ въ хорошемъ расположеніи. Но въ послѣднее время она точно не замѣчала его и заглядывала въ глаза мужу, какъ овечка. Это было непростительно. Впрочемъ, по мнѣнію Альфонса, всѣ женщины одинаковы, и вся разница только въ ихъ костюмахъ. Никилло, если бы могъ говорить, вѣроятно, подтвердилъ бы эти мысли, а теперь ограничивался тѣмъ, что помахивалъ своимъ хвостомъ съ львиной кисточкой на концѣ. Суровый въ обращеніи съ людьми, Альфонсъ былъ необыкновенно нѣженъ съ животными.

Вечеромъ, когда Ивана Иваныча увезли замертво домой, Куку все поджидалъ, не покажется ли Майя. Но она не выходила точно на зло. Старая Сырну съ сердитымъ лицомъ возилась около своихъ котловъ и подавленно вздыхала. Старики-киргизы продолжали спать, какъ зарѣзанные. Такъ наступила и ночь, тяжелая и удушливая. Куку все ждалъ чего-то. Но Майи не было. Уже на разсвѣтѣ, когда ночная мгла смѣнялась бѣлесоватымъ предутреннимъ туманомъ, Куку заслышалъ знакомые легкіе шаги. Да, это она была, Майя; но какъ гордо она отвернулась отъ него и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ. Кругомъ все спало мертвымъ сномъ, и даже не слышно было кашля Анджелики.

— Майя, ты сердишься?..—заговорилъ Куку, подходя къ огню, у котораго дѣвушка готовила какое-то кушанье.

Она ничего не отвѣтила, а только съ презрѣніемъ пожала своими плечами. Потомъ она вдругъ весело улыбнулась и заговорила:

— У меня будетъ новый кошъ изъ бѣлой кошмы... вездѣ бухарскіе ковры... два косяка лошадей въ полѣ... Слышалъ, несчастный?..

— Это Иванъ Иванычъ тебѣ говорилъ?

— Догадайся самъ... Вся въ золотѣ буду ходить. Вотъ какая будетъ Майя...

Куку отвернулся. Что же, пусть Аблай торгуетъ дочерью,—ему все равно... Да и съ какой стати онъ, Куку, будетъ безпокоиться за судьбу Майи: она сама по себѣ. Но, несмотря на это и трезвыя мысли, въ глазахъ клоуна такъ и мелькалъ роковой бѣлый кошъ... О, деньги—сила, съ деньгами все можно устроить. Если бы у него, Куку, были деньги, то онъ первымъ дѣломъ уѣхалъ бы отсюда... Онъ вспомнилъ, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣла на него киргизская красавица,—такъ и должно быть. Жалкій клоунъ, который готовъ вылѣзти изъ собственной кожи, чтобы какой-нибудь Иванъ Иванычъ помиралъ со смѣху—что можетъ быть хуже?.. Раньше Куку никогда не думалъ въ этомъ направленіи и ѣлъ свой кусокъ хлѣба со спокойной душой: онъ работалъ, какъ и всѣ другіе. Но вѣдь Майя такъ прямо и сказала: „несчастный“... Вотъ тебѣ и джигитъ!.. А какъ ломается эта скотина Иванъ Иванычъ, ломается потому, что Куку долженъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба кривляньемъ.

Никогда раньше такія мысли не тревожили Куку, а теперь онъ чувствуетъ, что его голова готова лопнуть отъ напряженія.

— Онъ, кажется, считаетъ насъ за нищихъ?—думалъ Куку, припоминая исторію полученія десятирублеваго билета.

Ахъ, какъ было бы хорошо бросить эти проклятыя деньги прямо въ жирную рожу Ивану Иванычу, да еще плюнуть въ нее же. И все это устроить при Майѣ: пусть посмотритъ...

## X.

Въ саду пріисковаго дома Ивана Иваныча, какъ дождевой грибъ, выросъ великолѣпный кошъ изъ бѣлыхъ кошмъ; узорчатая кошма закрывала

входъ, пестрая тесьма служила перевязью, а внутри до половины стѣны были выложены бухарскими коврами. Все это богатство было выписано съ нарочнымъ изъ Троицка, и старикъ самъ наблюдалъ за постройкой.

— Въ киргизы хочешь записаться,—ядовито говорила Анѳиса, подозрѣвавшая истинныя намѣренія своего сожителя.

— Молчи ты, ради истиннаго Христа... молчи!.. — хрипѣлъ Иванъ Иванычъ, отмахиваясь руками.—Знаешь мой характеръ, и молчи.

Анѳиса молчала, потому что лѣтомъ она не находила мѣста отъ жары и по цѣлымъ часамъ лежала гдѣ-нибудь въ темномъ чуланчикѣ, какъ разваренная рыба. Это была очень энергичная особа, у которой слово моментально переходило въ дѣло, но лѣтомъ она теряла всякую энергію, и Иванъ Иванычъ пользовался этими моментами душевнаго и тѣлеснаго разслабленія для своихъ подвиговъ. Бывшая арфистка изъ „проѣзжающихъ номеровъ“, она плѣнила богача-золотопромышленника тѣмъ, что съ перваго слова, показавшагося ему обиднымъ, пустила въ него стуломъ. Онъ увезъ ее къ себѣ на пріиски, и вся ихъ жизнь состояла изъ цѣлаго ряда мелкихъ и крупныхъ битвъ съ рѣдкими перемиріями. Это не мѣшало Анѳисѣ забрать старика крѣпко въ руки, и онъ даже боялся ея, когда та „входила въ ражъ“.

— Еще ножомъ зарѣжетъ...—жаловался онъ своему пріятелю Спиридону Ефимычу, когда вмѣстѣ пили водку.—А мнѣ безъ нея скучно, вотъ ты и веди! Намедни какъ хлестнетъ меня прямо въ ухо соусникомъ...

— А ты ее за ногу, да, какъ кошку, объ стѣну,—совѣтовалъ Спиридонъ Ефимычъ, рыжій и коренастый мужчина, походившій на заплечнаго мастера.—А то дай мнѣ ее поучить... Изъ одной двухъ сдѣлаю.

— Ну, нѣтъ, братъ, у меня тоже и свой характеръ есть...

Когда бѣлый конь совсѣмъ былъ готовъ, Иванъ Иванычъ послалъ нарочнаго за комедіантами. Спиридонъ Ефимычъ былъ приглашенъ раньше. Молва говорила, что у Спиридона Ефимыча съ Анѳисой давно были свои дѣла, и что много денегъ Ивана Иваныча перешло къ нему въ карманъ этимъ путемъ. Говорили даже, что Анѳиса не одинъ разъ задумывала спровадить старика на тотъ свѣтъ, чтобы завладѣть его деньгами и съ этимъ приданымъ выйти замужъ за Спиридона Ефимыча. Но мало ли что говорится—не всякое лыко въ строку.

Пріисковые друзья сидѣли на садовой террасѣ, когда пріѣхали артисты. Имъ отвели помѣщеніе въ конѣ. Красная телѣжка помѣстилась рядомъ.

— Настоящіе нѣмцы,—объяснилъ Иванъ Иванычъ, приходившій уже въ градусъ.—И ловко свою часть поворачиваютъ!..

Спиридонъ Ефимычъ только разглаживалъ свою рыжую бороду и поглядывалъ искоса на Анѳису, сидѣвшую въ креслѣ, которая только закрывала глаза и вздыхала. Время было послѣобѣденное, и всѣхъ сильно клонило ко сну.

— Ну, ну, живѣе поворачивайся, нѣмецъ!—кричалъ Иванъ Иванычъ хлопотавшему у коня Куку.

— Скоро-то только блохъ ловятъ,—огрызнулся Куку, не поворачивая головы.

Этотъ отвѣтъ изумилъ всю труппу, но Куку, какъ ни въ чемъ не бывало, занимался своимъ дѣломъ. Анджелика чувствовала себя настолько хорошо, что сама вышла изъ телѣжки и даже улыбнулась въ сторону сидѣвшихъ принципаловъ. Около нея, какъ бѣсенокъ, вертѣлась Сафо, счастливая новой голубой юбочкой и какой-то особенной ласковостью отца.

Конь, раздѣленный простыней надвое, представлялъ очень хорошую

уборную. По одну сторону одѣвались дамы, по другую мужчины. Куку скоро появился въ своемъ костюмѣ гимнаста передъ конемъ, и рогъ затрубилъ. Представленіе началось обычными ломаньями клоуновъ. Потомъ танцовала на канатѣ Сафо. Анджелика могла прокатиться на большомъ деревянномъ шарѣ— и только. Альфонсъ глоталъ свой греческій огонь и, чтобы заслужить особенное вниманіе публики, продѣлалъ, катаясь на землѣ, всѣ штуки человѣка-змѣи. Этотъ номеръ вызвалъ дружные аплодисменты зрителей, и даже Анѳиса два раза махнула бѣлымъ платочкомъ. Но Куку работалъ какъ-то неохотно, и четырехпудовая гиря въ его рукахъ летала по воздуху, какъ чужая.

— Ахъ, волкъ те заѣшь!..—восхищался Иванъ Иванычъ и даже попробовалъ, настоящая ли гиря.—Ловко орудуетъ нѣмецъ...

Заключеніемъ спектакля явилась опять живая пирамида, въ которой приняла участіе и Анджелика. Она такъ граціозно повисла на плечѣ Куку, который съ торжествомъ носилъ по развернутому ковру всю труппу и громко трубилъ въ охотничій рогъ, а маленькая Сафо била тоненькими ручками въ бубенъ.

— Браво!.. Браво!..—орали голоса.

По окончаніи спектакля Сафо была командирована на террасу за сборомъ. Она порхнула между клумбами цвѣтовъ, какъ мотылекъ, сдѣлала граціозный реверансъ и остановилась въ ожидающей позѣ.

— Ну, ну, иди, цыпушка!—манилъ ее Иванъ Иванычъ, протягивая руки.

Дѣвочка вопросительно посмотрѣла на Анѳису, оглянулась назадъ и, видимо, не знала, что̀ ей дѣлать. На ея тонкомъ личикѣ такъ и отпечаталась смѣсь разнородныхъ чувствъ: желаніе получить деньги, страхъ пьяныхъ людей, опасеніе, что она дѣлаетъ не то, что̀ нужно дѣлать. Иванъ Иванычъ вынулъ уже изъ кармана свой толстый бумажникъ, но, замѣтивъ нерѣшительность Сафо, проговорилъ:

— Ступай къ своему нѣмчурѣ да скажи, чтобы послали кого-нибудь поумнѣе...

Бѣдная Сафо вернулась къ коню со слезами на глазахъ, сконфуженная и обиженная.

— Какая ты глупая,—журила ее мать.—Нужно было подойти...

— Конечно, прямо слѣдовало подойти,—подтверждалъ Альфонсъ.

— Мама, я не знаю... мнѣ тамъ сдѣлалось страшно...

Въ это время подошелъ Куку, поднялъ Сафо въ уровень со своимъ лицомъ и молча поцѣловалъ ее, а потомъ зашагалъ къ террасѣ, сдвинувъ свою шапочку на затылокъ.

— А, нѣмецъ...—встрѣтилъ его еще издали Иванъ Иванычъ.—За расчетомъ пришелъ? А мой характеръ позабылъ?..

— У меня есть свой характеръ...—отвѣтилъ Куку и посмотрѣлъ на старика злобными глазами.

— Какъ ты сказалъ?

— А такъ и сказалъ... Мы не нищіе, чтобы ломаться надъ нами. Я у васъ ничего не прошу.

— Ты за этимъ и пришелъ?

— Да, за этимъ...

— А по затылку не хочешь?.. Спиридонъ Ефимычъ, валяй нѣмца въ мою голову... за все отвѣчаю!..

Анѳиса съ испугомъ схватила Спиридона Ефимыча за рукавъ лѣтняго пальто, а Куку съ улыбкой ждалъ, что̀ будетъ дальше. Онъ испытывалъ такое

наслажденіе отъ одной мысли, что одно слово, и онъ переломаетъ всѣ кости этимъ подлецамъ... О, какъ онъ ненавидѣлъ ихъ сейчасъ!..

— Четырехъ конюховъ послать!..—скомандовалъ Иванъ Иванычъ, бѣгая по террасѣ.—Ахъ, бестія нѣмецъ!..

Вмѣсто отвѣта Куку схватилъ чугунный садовый стулъ и ждалъ нападенія. Спиридонъ Ефимычъ засучилъ рукава. Но въ самый критическій моментъ подбѣжала посланная Анджеликой Сафо и утащила Куку.

— Папа, папочка... пойдемъ...—лепеталъ ребенокъ, повиснувъ на могучей рукѣ отца.

Куку отступалъ, какъ левъ, и нѣсколько разъ оглянулся, сжимая кулаки. Лицо у него было блѣдное, губы тряслись отъ бѣшенства, а глаза сверкали отчаянной рѣшимостью. Анджелика и Альфонсъ едва успѣли вывести богатыря изъ сада.

— Я ихъ убью, подлецовъ...—повторялъ Куку, оглядываясь и поправляя душившій его воротъ рубахи.

Телѣжку теперь везъ Альфонсъ, Куку вела за руку маленькая Сафо и старалась его успокоить своей дѣтской невинной болтовней. Анджелика лежала въ телѣжкѣ, разбитая всѣмъ случившимся,—у нея шла кровь горломъ.

— Мы тоже люди!.. да!..—выкрикивалъ Куку, размахивая руками, какъ мельница.—Мы работаемъ, а тутъ всякая пьяная скотина будетъ издѣваться... Ахъ, какъ я всѣхъ ихъ раздѣлалъ бы тамъ!.. Въ щепы расщепалъ бы...

— Да будетъ тебѣ, дьяволъ!—ворчалъ Альфонсъ, задыхавшійся въ своемъ возу.—Стоитъ говорить...

Впрочемъ, безплодная ругань скоро утѣшила Куку, гораздо скорѣе, чѣмъ работа гирей. Онъ сѣлъ на камень у дороги, схватилъ себя за голову и печально проговорилъ:

— Альфонсъ, какъ ты думаешь, вѣдь проклятая наша работа... подлая?..

— Нашелъ кого спрашивать... У меня всѣ косточки ноютъ... Конечно, проклятая!..

— Но вѣдь мы все-таки работаемъ? Зачѣмъ же издѣваться надъ людьми?.. Да, мы бѣдные люди, но издѣваться... Альфонсъ, вы ступайте своей дорогой, а я ворочусь... Черезъ часъ догоню...

— Ну, братику, это уже труба!

Сафо уцѣпилась ручонками за шею отца и заплакала. Черезъ пять минутъ труппа самымъ мирнымъ образомъ возвращалась во-свояси—въ оглобляхъ телѣжки шелъ Куку и былъ радъ, что эта лошадиная работа хоть отчасти заглушаетъ въ немъ внутреннюю боль.

## XI.

Анджеликѣ сдѣлалось хуже—она таяла не по днямъ, а по часамъ. Но сама она не сознавала приближавшейся опасности и увѣряла всѣхъ, что ей такъ хорошо, какъ еще не было никогда! Маленькая Сафо предчувствовала бѣду и потихоньку плакала. Альфонсъ угрюмо молчалъ. Одинъ Куку ничего не замѣчалъ, слишкомъ занятый своими мыслями.

— Денегъ нѣтъ ни гроша,—говорилъ ему Альфонсъ, намекая на послѣднюю исторію, когда Куку отказался отъ платы на пріискѣ.

— Да, нѣтъ ни гроша,—соглашался Куку.—Значитъ, нужно ихъ доставать. Такъ я говорю?..

— Вѣрно.

— А доставать деньги—значитъ, нужно унижаться передъ этими подлецами, у которыхъ толстые карманы... Знаешь, Альфонсъ, какъ я ихъ ненавижу!..

Въ другой разъ Куку самъ завелъ разговоръ на эту тему и задумчиво проговорилъ:

— А ты слышалъ, что эта Анѳиса обманываетъ своего сожителя съ Спиридономъ Ефимычемъ?

— А намъ какое дѣло?..

— Я такъ... И говорятъ, что они хотятъ убить старика, чтобы завладѣть деньгами. Деньги онъ всегда носитъ съ собой...

— Опять-таки не наше дѣло...

Съ Куку что-то дѣлалось, какъ видно было по всему. Въ его дѣтской душѣ происходило то же, что въ лѣсу, по которому неслась буря, вырывавшая деревья съ корнемъ. Ему иногда хотѣлось плакать отъ того жуткаго и захватывающаго чувства, которое щемило его, Голова клоуна работала, какъ паровая машина въ охваченномъ огнемъ зданіи. Вспыхнувшее сознаніе человѣческаго достоинства направляло мысль въ такія сферы, существованія которыхъ Куку даже не подозрѣвалъ. Онъ любилъ теперь уходить далеко въ степь и подолгу лежалъ въ травѣ, мечтая съ открытыми глазами. О, онъ никому не позволитъ ломаться надъ собой... да. Онъ такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе,—нѣтъ, гораздо лучше, потому что никого и никогда не унижалъ, не заставлялъ пресмыкаться и плакать.

Майя попрежнему гордо не замѣчала джигита и весело позванивала своимъ серебромъ. По вечерамъ ея пѣсни не давали спать Куку, который хватался за голову, точно хотѣлъ ее раздавить. У него теперь накипала злоба вотъ противъ этой самой Майи, которая мечтала о бѣломъ кошѣ. Да, пусть мечтаетъ... Разъ, когда Майя ѣздила по камышамъ, собирая табунъ, чья-то жилистая рука остановила ея лошадь. Это былъ Куку.

— Не тронь!..—храбро защищалась дѣвушка, взмахивая арканомъ.

Куку улыбался и смотрѣлъ на нее жадными, безумными глазами, какъ звѣрь почуявшій добычу.

— Испугалась?..—шепталъ онъ, не двигаясь съ мѣста.—Слушай, Майя... Джигитъ будетъ богатъ... у джигита будетъ и кошъ и золото... все будетъ. Понимаешь?..

Дѣвушка опустила поводья и смотрѣла въ землю.

— Куплю пару лучшихъ иноходцевъ и украду тебя...—продолжалъ Куку, схватывая Майю за руку.—Уѣдемъ далеко...

— Куда?..

— Я самъ не знаю куда, но это все равно...

Майя быстро наклонилась, обвила шею Куку своими руками и горячо припала къ его плечу своей головой. Болтавшіяся на груди Майи монеты звенѣли теперь въ ушахъ Куку, ея черныя косы, какъ змѣи, ползли по его лицу и шеѣ, а глаза, темные большіе глаза такъ и застыли на немъ.

— Помни это...—шептала дѣвушка на прощанье.—Майя не обманываетъ... а то Майя уйдетъ въ бѣлый кошъ къ Ивану Иванычу...

— Майя, молчи!.. Я тебя убью...

Но Майя уже была далеко—она унеслась въ степь, какъ вѣтеръ.

Иванъ Иванычъ пріѣзжалъ два раза и велъ таинственные переговоры съ Аблаемъ. Дѣло, очевидно, шло о покупкѣ Майи, а Иванъ Иванычъ не умѣлъ ждать. Старый Ахметъ-бай напивался съ горя каждый вечеръ кумысомъ, Сырпу вздыхала, а кривой Аблай потиралъ руки отъ удовольствія.

Деньги трупы давно всѣ вышли. Необходимо было разсчитаться за кумысъ и вообще чѣмъ-нибудь жить. Куку отмалчивался или уходилъ. Но разъ онъ подошелъ къ Анджеликѣ и, опустивъ глаза въ землю, заявилъ:

— Поѣду къ Ивану Иванычу просить денегъ...

Онъ не смотрѣлъ ей въ глаза, какъ обыкновенно. Анджелика молчала, припоминая послѣднюю поѣздку на пріискъ.

— Такъ я поѣду....—прибавилъ Куку, и въ его голосѣ послышалось раздраженіе человѣка, который только ждетъ случая, чтобы придраться и на другомъ выместить накипѣвшую въ душѣ злобу.

— Какъ знаешь, Куку...

Этотъ отвѣтъ, покорный и нѣжный, отозвался въ душѣ Куку, какъ ударъ электрическаго тока. Онъ быстро припалъ головой къ рукѣ Анджелики, и она чувствовала, какъ на эту руку посыпались слезы.

Куку проѣздилъ цѣлый день и вернулся ни съ чѣмъ: Ивана Иваныча не было дома. Странно было то, что такая неудача нисколько не огорчила клоуна, и онъ казался такимъ спокойнымъ.

— Не сегодня, такъ завтра добудемъ...—коротко объяснилъ Куку на вопросъ Альфонса.

Все это говорилось съ такой увѣренностью, точно деньги были уже въ карманѣ Куку. Альфонсъ подозрительно посмотрѣлъ на него и промолчалъ. Куку удивлялъ его своимъ поведеніемъ въ послѣднее время—точно это былъ другой человѣкъ.

Вторая поѣздка на пріискъ принесла одинъ всего рубль, который Куку взялъ прямо изъ горла у самодура-золотопромышленника.

— Онъ мнѣ его выбросилъ, какъ бросаютъ собакѣ кость...—объяснилъ Куку съ прежнимъ спокойствіемъ и даже улыбнулся.—Такъ прямо и бросилъ бумажку въ физіономію и еще обругалъ... Тутъ и Анѳиса была и Спиридонъ Ефимычъ... да.

— Нужно уѣзжать отсюда скорѣе...—стонала Анджелика.

— На-дняхъ же уѣдемъ,—успокаивалъ ее Куку.—Э, свѣтъ не клиномъ сошелся!

Человѣкъ-змѣя подтвердилъ эту мысль и, заложивъ руки въ карманы, просвисталъ одинъ изъ тѣхъ галоповъ, какіе духовая музыка дудитъ въ циркахъ. Что̀ же въ самомъ-то дѣлѣ, не умирать же артистамъ съ голода въ этой проклятой степи... Положеніе труппы было настолько отчаянное, что не приходилось даже разсуждать. Люди въ такихъ обстоятельствахъ утѣшаютъ себя самыми несбыточными мечтами, какъ дѣти.

Сборы были коротки. Черезъ три дня телѣжка была совсѣмъ готова въ путь. Когда Куку вошелъ въ кошъ Аблая, чтобы сосчитаться въ окончательной формѣ, онъ тамъ засталъ Ахметъ-бая. Старики сидѣли на корточкахъ и таинственно совѣщались. Когда Ахметъ вышелъ изъ коша, Аблай осторожно осмотрѣлся кругомъ и объявилъ:

— Иванъ Иванычъ кунчалъ башка... ахъ, нехорошо кунчалъ...

— Что̀ такое случилось?—удивился Куку.

Изъ безсвязнаго разговора киргиза Куку понялъ, что сегодня ночью кто-то зарѣзалъ Ивана Иваныча. Старикъ спалъ въ своемъ кошѣ, въ саду, и утромъ его нашли съ перерѣзаннымъ горломъ. Никакихъ слѣдовъ преступленія не осталось, хотя всѣ указываютъ на любовника Анѳисы: Иванъ Иванычъ всегда носилъ деньги при себѣ.

— Нѣтъ, нехорошо кунчалъ...—повторялъ Аблай, пересчитывая принесенныя Куку деньги.—А хорошій былъ человѣкъ... ухъ, какой хорошій!

— Да, хорошій...—замѣтилъ Куку съ улыбкой.—Собакѣ собачья и смерть. Ну, хошъ (прощай), Аблай... Не поминай лихомъ.

Извѣстіе объ убійствѣ подняло на ноги всю окрестность. Убійца зналъ

всѣ порядки въ домѣ Ивана Иваныча и дѣйствовалъ навѣрняка. Слѣдовъ преступленія никакихъ. Старикъ лежалъ въ своемъ бѣломъ кошѣ на подушкахъ—и только. Толстая шея Ивана Иваныча была перерѣзана до самой кости.

Красную телѣжку провожали изъ киргизскаго стойбища съ большимъ почетомъ, особенно женщины. Сырну плакала, закрывая лицо грязнымъ рукавомъ оборваннаго бешмета; Майя цѣловала припавшую отъ радости Сафо. Въ жизни этихъ степняковъ и цивилизованныхъ кочевниковъ было такъ много общаго.

— Хошъ, дженьгише...—орали голые киргизята.

## XII

На площади въ Чумбашахъ опять развѣвались флаги и призывно звучалъ охотничій рогъ. Пріѣхавшая на субботній торгъ публика опять живой стѣной окружала палатку странствующихъ клоуновъ и терпѣливо ждала даровому представленія. Куку въ своемъ костюмѣ гимнаста расхаживалъ передъ палаткой и выкрикивалъ.

— Каспада, пожалуйте... послѣдній представлень...

Толпа гудѣла и смѣялась надъ нѣмцемъ. Слышались разговоры о пойманныхъ убійцахъ Ивана Иваныча—это были Анѳиса съ ея любовникомъ Спиридономъ Ефимычемъ. У послѣдняго въ квартирѣ нашли даже пустой бумажникъ убитаго, въ которомъ тотъ носилъ деньги. Нашлись свидѣтели, которые видѣли, какъ Спиридонъ Ефимычъ поздно вечеромъ пріѣзжалъ къ Ивану Иванычу, а когда уѣхалъ назадъ — неизвѣстно. Анѳиса спала въ своей комнатѣ и ничего не умѣла сказать въ свое оправданіе: старику казалось жарко спать въ комнатѣ, и онъ иногда уходилъ въ кошъ.

— Господа, начинается!..—ревѣлъ Куку, размахивая гирей не въ порядкѣ программы...

Началось обычное представленье съ оплеухами, кувырканіемъ и разными другими веселыми штуками. Совсѣмъ одѣтая для представленія Сафо смотрѣла въ щель между ширмами и палаткой, ожидая своей очереди. Изъ глубины телѣжки, гдѣ неподвижно лежала Анджелика, доносились слабые удары тамбурина, вторившаго охотничьему рогу. Послѣ каждой удачной оплеухи слышались дикіе возгласы: „куку!“, и довольная публика надрывалась отъ смѣха.

— Господа, началось...

Анджелика чувствовала себя сегодня особенно скверно. Смертельная слабость сковывала всякое движеніе, но она собирала послѣднія силы и била въ свой тамбуринъ. Полотно палатки, ширмочки, точеные столбики—все кружилось у нея въ глазахъ, какъ стеклышки калейдоскопа, а гулъ толпы, вскрикиванія клоуновъ и звонъ собственнаго тамбурина сливались въ неопредѣленный шумъ глухо подступавшей воды. Да, это была настоящая вода, и Анджелика чувствовала, какъ у ней холодѣютъ ноги—вода заливала уже ихъ. Она съ испугомъ оглядывалась кругомъ, и галлюцинація разсѣивалась... Тамбуринъ опять гудѣлъ, и ей въ его звукахъ слышался знакомый топотъ Бэлы, которая подходила все ближе и ближе. Желтый кругъ тамбурина превращался въ цирковую арену, и по ней, размахивая своей шелковой гривой, неслась красавица Бэла. Да, она была тутъ, и Анджелика чувствовала могучіе удары лошадинаго сердца... разъ... два... три... четыре...

— Мама, я сейчасъ выйду...—шептала Сафо, расталкивая погружавшуюся въ забытье мать.

— Иди...

Тамбуринъ опять загудѣлъ, и подъ его звуки Сафо выпорхнула птичкой. Куку подхватилъ ее на руки и, поставивъ на ладонь руки, съ торжествомъ показалъ публикѣ. Сафо улыбалась и посылала воздушные поцѣлуи, и подъ звуки тамбурина перешла на канатъ. Она прошла по нему уже два раза, какъ въ палаткѣ тамбуринъ вдругъ замолкъ и колесомъ выкатился на сцену. Представленіе оборвалось въ самомъ интересномъ мѣстѣ, и Куку, предчувствуя что-то недоброе, бросился въ палатку, гдѣ Анджелика лежала на своей телѣжкѣ совершенно неподвижно—она была мертвая...

Въ первую минуту Куку не понялъ случившейся катастрофы, и его испугала главнымъ образомъ безсильно висѣвшая рука Анджелики. Да, это была совсѣмъ мертвая рука...

— Анджелика... милая...—шепталъ Куку, стараясь поднять голову жены, скатывавшуюся изъ его рукъ на подушку.

Только взглянувъ въ полуоткрытые, остановившіеся глаза Анджелики, клоунъ понялъ наконецъ трагическое положеніе: Анджелики больше не было... Онъ опустился тутъ же на землю и глухо зарыдалъ, закрывъ лицо руками. Завернувшій въ палатку Альфонсъ смотрѣлъ на эту сцену блуждавшими глазами.

— Уведи Сафо... приготовь ее...—шепталъ Куку, стараясь скрыть отъ товарища свое заплаканное лицо.

Въ палатку заглядывали уже другія незнакомыя лица, и слышался назойливый шопотъ.

— Нѣмка-то умерла, мамоньки!..—шепталъ голосъ бабы.

Отчаянный крикъ Сафо вывелъ Куку изъ оцѣпенѣлаго состоянія, и онъ бросился къ выходу. Дѣвочка вырвалась изъ рукъ Альфонса съ отчаяніемъ своего безсильнаго возраста. Появленіе отца нѣсколько успокоило ее, но въ этотъ моментъ самъ Куку не выдержалъ и повалился на землю, какъ снопъ. Онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и въ отчаяніи рылъ землю.

— Анджелика!.. Анджелика!..

Сафо уже была въ палаткѣ и прильнула своимъ дѣтскимъ тѣломъ къ холодѣвшей груди матери. Какія-то бабы причитали около и съ любопытствомъ осматривали внутренность палатки. Эти клоуны, выпачканные краской и въ своихъ дурацкихъ костюмахъ, вызывали смѣшанное чувство отвращенія и смѣха, а толпа всегда безжалостна.

— Куда мы теперь?—спрашивалъ Куку, обращаясь куда-то въ пространство.—Ахъ, Анджелика, Анджелика!..

Альфонсъ не плакалъ, не жаловался, а съ стиснутыми зубами безучастно смотрѣлъ кругомъ.

---

Анджелика черезъ три дня была похоронена въ Чумбашахъ. Куку три дня не спалъ, не ѣлъ ничего, а все ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину. Въ головѣ у него засѣла какая-то тяжелая мысль, давившая его хуже гири. Когда они вернулись къ своей телѣжкѣ съ похоронъ, Куку взялъ Альфонса за руку и спокойно заговорилъ:

— Слушай, старина... Дѣло прошлое, а я тебя всегда подозрѣвалъ въ томъ, что ты меня обманываешь...

— Ты глупъ, Куку, какъ всегда.

— Постой, я самъ знаю, что̀ я такое... Я подозрѣвалъ всегда, что Сафо твоя дочь.

— Куку, я тебѣ расколю голову, если ты будешь продолжать!

— Да, я ошибался...

Телѣжка оставалась и на четвертую ночь около Чумбашей. Сафо спала въ ней одна, составляя живую душу всей труппы, которая не могла существовать безъ женщины. Куку все не спалъ и сидѣлъ около огня, какъ истуканъ. Онъ все думалъ, думалъ и думалъ... Эта неожиданная смерть ошеломила его, какъ разразившійся надъ головой ударъ грома. О, онъ всегда любилъ одну Анджелику и никого больше. Ему нечего дѣлать безъ Анджелики и некуда итти, а Сафо еще такъ мала... Потомъ Куку мучила совѣсть именно за послѣднее время, когда онъ обманывалъ больную жену.

Рано утромъ Куку сходилъ къ рѣкѣ, выкупался, перемѣнилъ новое бѣлье, причесалъ голову и вернулся къ телѣжкѣ ждать, когда проснется Сафо. Утро было такое свѣтлое, хотя уже чувствовалась осенняя свѣжесть. Когда дѣвочка проснулась, Куку взялъ ее на руки, горячо поцѣловалъ и, передавая Альфонсу, сказалъ:

— Старина, береги дѣвочку, какъ родную дочь... слышалъ?..

— Ну, ну, будетъ тебѣ...

Сафо заплакала, а Куку уже шагалъ къ деревнѣ, такой спокойный и крѣпкій, какъ дубъ. Онъ отыскалъ избушку, гдѣ помѣщался магистратъ, и заявилъ, что Ивана Иваныча убилъ онъ, а не Спиридонъ Ефимычъ. Это было ночью, когда онъ, при помощи Майи, взялъ лучшую лошадь изъ табуна и успѣлъ сдѣлать все дѣло самымъ ловкимъ образомъ: и старика покончилъ, и деньги взялъ, а пустой бумажникъ подбросилъ Спиридону Ефимычу, и всѣ слѣды скрылъ. Черезъ недѣлю онъ обѣщался увезти Майю, которой передалъ и всѣ деньги.

— Вяжите меня,—упрашивалъ богатырь, подставляя свои желѣзныя руки.—Я больше ничего не знаю...

---

# ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПРОШЛЫМЪ.

Повѣсть.

## I.

Гаврюшка ѣхалъ и улыбался... Происходило это не отъ того, что свѣтило горячее лѣтнее солнце, что кругомъ лѣсной дорожки развертывались чудныя горныя картины, что горный воздухъ былъ напоенъ ароматомъ горныхъ цвѣтовъ, а потому, что Гаврюшка ѣхалъ. Вѣдь онъ, Гаврюшка, всю жизнь ходилъ только пѣшкомъ и даже не ходилъ, а только бѣгалъ и прятался, и вдругъ, вотъ сейчасъ, онъ ѣдетъ на собственной лошади. Это былъ какой-то радужный сонъ, очевидная нелѣпость, вообще сплошное недоразумѣніе.

— Ай да Гаврюшка!—думалъ онъ вслухъ.—Нѣтъ, не Гаврюшка, а цѣлый Гаврила Ермолаичъ... Хуже: Гаврила Ермолаичъ, господинъ Пеньковъ. Ха-ха... „Вы куда это изволите проѣзжать, Гаврила Ермолаичъ?“—„А такъ, для порядку... По своимъ собственнымъ дѣламъ“.—„А промежду прочимъ, ежели разобрать, такъ ты все-таки—Гаврюшка и при этомъ агроматная свинья... да“.—„А какъ вы смѣете такія слова выражать? Въ морду хотите?“... Ха-ха... Идолъ вы, Гаврила Ермолаичъ Пеньковъ!.. Хо-хо...

Эти мысли вслухъ обнаруживали неизлѣчимое легкомысліе Гаврюшки. Впрочемъ, на Чаушскихъ золотыхъ промыслахъ всѣмъ было извѣстно, что у Гаврюшки „заяцъ въ башкѣ прыгаетъ“. Недавній спиртоносъ и промысловый „заворуй“ превратился теперь въ офиціальное лицо, т.-е. сдѣлался объѣздчикомъ для поимки хищниковъ, воровавшихъ и скупавшихъ краденое золото.

— А Евгеній Васильичъ думаетъ, что купилъ меня?—продолжалъ Гаврюшка, раскачиваясь въ сѣдлѣ.—Ха-ха... Сапоги новые выправилъ, кумачную рубаху, азямъ, шляпу,—весь твой Гаврюшка. Какъ бы не такъ... Дешево покупаешь, домой не носишь. А Гаврюшка, братъ, себѣ на умѣ... Его, братъ, на слѣпой свиньѣ, пожалуй, и въ три дня не объѣдешь. Былъ воръ Гаврюшка, а продался и сталъ Гаврилой Ермолаичемъ Пеньковымъ... Хе-хе!.. Нѣтъ, ты погоди, не на таковскаго напалъ. У Гаврюшки своя линія... Сапоги-то онъ надѣлъ, это точно, и шляпу, и кумачную рубаху, да только свою-то кожу не снимешь. Дуракъ вы, Евгеній Васильичъ, хотя и настоящій баринъ... Извините, что мы это пряменько вамъ говоримъ. Неустойка у васъ касаемо умственности... Обмозговали вы дѣльце, только повернулось оно кожей наоборотъ.

Но, за вычетомъ этихъ предательскихъ мыслей, въ душѣ Гаврюшки оставалось предательски-пріятное чувство, и онъ нѣсколько разъ осматривалъ

и даже ощупывалъ свои новые сапоги, новую рубаху, азямъ и всю обмундировку. Всю жизнь проходилъ въ заплаткахъ, а тутъ весь—какъ новенькій пятачокъ... Ловко!.. Да еще револьверъ за пазухой—для обережи далъ Евгеній Васильичъ, значитъ, на всякій случай... Мало ли по промысламъ варнаковъ шатается... При послѣдней мысли Гаврюшка закрылъ свою пасть шершавой ладонью и удушливо расхохотался. Варнаковъ... Да ужъ чище его, Гаврюшки, кажется, не сыскать на сто верстъ. Настоящій, точеный варнакъ былъ, а снялъ заплатки и сталъ объѣздной. Чистое дѣло!.. Занятый своими мыслями, Гаврюшка не замѣтилъ, какъ остановилась лошадь, вытянула морду и принялась пощипывать молоденькую рябинку. Со стороны онъ походилъ на сумасшедшаго, да и былъ имъ сейчасъ на самомъ дѣлѣ. Одна рожа чего стоила: скуластая, загорѣлая, съ узкими темными глазками. Тощая бороденка облѣпила эту красоту, точно мохомъ. А сколько шрамовъ было на щекахъ, на лбу и особенно на затылкѣ... Много били Гаврюшку, били по чему ни попало, и онъ давно потерялъ счетъ всяческому увѣчью своего многогрѣшнаго тѣла.

— Ахъ, ты, идолъ!—обругалъ Гаврюшка лукаваго коня, опомнившись отъ своего веселья.—Кого везешь-то, каналья?.. Вотъ я тебя взвеселю... Не знаешь начальства.

Нѣсколько ударовъ нагайкой отрезвили лошадь, и она галопомъ понеслась въ гору. Гаврюшка по-киргизски свѣсился съ сѣдла на одинъ бокъ, гикнулъ и опять захохоталъ.

А кругомъ разстилалась чудная картина. Горная лѣсная дорожка вилась змѣей среди живыхъ зеленыхъ стѣнъ. Это была только обочина громадной горы Синюхи. Въ самые жаркіе дни здѣсь стояла какая-то смолистая прохлада, особенно, когда прохватывалъ свѣжій горный вѣтерокъ. Поднявшись на вершину, Гаврюшка придержалъ лошадь. Очень ужъ хорошо было... Справа подпирала Синюха сплошной зеленой глыбой, а слѣва уходила изъ глазъ глубокая горная долина, обставленная со всѣхъ сторонъ лѣсистыми горами. Получалось что-то въ родѣ громадной круглой чашки съ обломанными краями. Это и была чаша съ золотымъ дномъ, по которому съ шумомъ летѣла горная рѣчонка Чаушъ. Прищуривъ одинъ глазъ, Гаврюшка пристально разсматривалъ дальній конецъ горной долины, гдѣ грязнымъ пятномъ разлегся пріискъ. Вонъ и машину видать, и контору, и желтѣвшіе отвалы—словомъ, всю пріисковую городьбу.

„Тепленькое мѣстечко издалось,—подумалъ Гаврюшка, подбирая поводья.—Было погуляно, было поворовано...“

Умная киргизская лошадь начала осторожно спускаться по каменистой кручѣ. Ей не нужно было повода, да и дорога къ своей пріисковой конюшнѣ—дѣло знакомое. Къ Чаушу гора Синюха выходила открытымъ каменистымъ бокомъ, и спускъ былъ для непривычной лошади не легкій. Гаврюшка повторялъ всѣмъ тѣломъ осторожные шаги своего коня, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долженъ былъ откидываться совсѣмъ назадъ, чтобы не потерять равновѣсія. Какъ здѣсь все было знакомо Гаврюшкѣ, каждый камень, каждый кустъ... Не мало онъ походилъ вотъ по этой самой дорогѣ, пронося на промысла спиртъ. Дѣло аховое, и приходилось ото всѣхъ прятаться. Не разъ Гаврюшка спасался бѣгствомъ, не разъ его ловили, не разъ стрѣляли по нему вдогонку, а вотъ онъ ѣдетъ бариномъ, на своей собственной лошади.

— Вонъ и Дуванъ...—вслухъ проговорилъ Гаврюшка, приглядывая изъ-подъ руки то мѣсто, гдѣ дорога пересѣкала рѣку.—Было пошито, было погуляно...

Ему вдругъ сдѣлалось скучно, а потомъ какъ будто совѣстно. Да...

другіе спиртоносы теперь вотъ какъ озлобились на него. Конечно, имъ завидно, ну, и злобятся. Еще вздуютъ, пожалуй, при случаѣ: отъ нихъ все станется...

Спустившись съ горы, дорога пошла ржавымъ болотцемъ, едва тронутымъ корявымъ болотнымъ лѣскомъ. Здѣсь съ трудомъ можно было проѣхать на одной лошади, да и то днемъ. Для спиртоносовъ это болотце было отцомъ родимъ: какъ погоня, сейчасъ въ сторону, а тутъ и конецъ—на лошади не угонишься по колеблющейся подъ ногами трясинѣ. Случалось Гаврюшкѣ и тонуть здѣсь, да ничего, оставался цѣлъ и невредимъ. Сегодня отъ болота такъ и парило. Пахло застоявшейся водой, гнилымъ деревомъ, мокрой болотной травой.

Подъѣзжая къ Чаушу, Гаврюшка нѣсколько разъ снималъ шляпу, прислушивался и чесалъ затылокъ. Лошадь тоже насторожилась и прядала ушами.

— Ну, ты, деревянный идолъ...—попукалъ Гаврюшка.—Не храпай!

Дуваномъ называлась небольшая круглая полянка, залегшая въ двадцати шагахъ отъ дороги. Здѣсь „дуванили“ скупленное золото... Издали полянку трудно было разсмотрѣть. Гаврюшка привставалъ въ стременахъ и зорко оглядывался кругомъ. Тутъ держи ухо востро, а то какъ разъ пролетитъ гостинецъ... Въ одномъ мѣстѣ онъ остановилъ лошадь и понюхалъ воздухъ. Дѣло выходило скверное: съ Дувана пахнуло дымкомъ,—значитъ, тамъ кто-то былъ. Лошадь тоже почуяла присутствіе человѣка и осторожно вытягивала шею. Гаврюшка чувствовалъ, что у него мурашки бѣгутъ по спинѣ. А вѣдь всего-то дѣла—переѣхать мостикъ черезъ Чаушъ, а тамъ сейчасъ же начиналась отличная дорога.

— Ну, ну!..—посылалъ Гаврюшка упиравшуюся лошадь.

Его вдругъ охватило малодушное желаніе слѣзть съ лошади и убѣжать, но было уже поздно. На всякій случай Гаврюшка досталъ револьверъ и не спускалъ глазъ съ Дувана. Пропадать, такъ пропадать... До мостика оставалось всего саженъ двадцать, когда послышался сухой трескъ и въ воздухѣ взмыло бѣлое облачко. Гаврюшка припалъ къ лошадиной шеѣ—пуля просвистѣла подъ самымъ ухомъ. Лошадь рванулась и вынесла на берегъ, а сзади раздавался чей-то хохотъ.

— Эй, ты, купленый воръ!..

— Вотъ я васъ, варнаковъ! — ругался Гаврюшка, дѣлая выстрѣлъ по направленію Дувана.—Я васъ!..

— Воръ! воръ! воръ!..

На берегу Чауша показались три фигуры. Гаврюшка сразу узналъ ихъ: это были его недавніе товарищи-спиртоносы.

— Что̀, Гаврюшка, получилъ гостинецъ?.. Погоди, не такъ еще уважимъ...

— Ахъ, вы, варнаки!.. Я вотъ васъ всѣхъ въ одинъ узелъ завяжу... Попомните купленаго вора.

Гаврюшка еще что-то хотѣлъ крикнуть, но только погрозилъ нагайкой, повернулъ лошадь и быстро исчезъ.

## II.

Отъѣхавъ съ версту, Гаврюшка вдругъ разсердился.

„Что̀ же это такое? Хорошо, что мимо пуля пролетѣла, а то вѣдь этакъ-то живого человѣка и убить можно до смерти... И убьютъ, непремѣно убьютъ!.. Вонъ какъ грозятся...“

— Это за двѣнадцать-то рублей жалованья?—вслухъ разсчитывалъ Гаврюшка.—Ловко... И сапоги останутся и вся снасть, а Евгеній Васильичъ другого объѣздного найметъ. Въ лучшемъ видѣ... Тутъ не обрадуешься.

Гаврюшка серьезно разсердился и ругался всю дорогу. Онъ только сейчасъ сообразилъ, зачѣмъ ѣздилъ и изъ-за какихъ пустяковъ его могли убить. Евгеній Васильевичъ посылалъ съ письмомъ на пріискъ Трехсвятскій, къ Марѳѣ Семеновнѣ, и отвѣтъ наказалъ привезти. Тоже, дѣло серьезное... Извѣстно, какія такія дѣла у Марѳы Семеновны. Положимъ, она стаканъ водки подала, а все-таки спиртоносы могли убить за господскую блажь... Гаврюшка перебиралъ эти мысли и ругался.

Чаушскіе промысла раскинулись по теченію Чауша верстъ на десять. Работы велись вверхъ по рѣкѣ, и главная пріисковая контора помѣщалась около старыхъ промывокъ. Это былъ настоящій пріисковый городокъ, сложившійся изъ самыхъ разнообразныхъ построекъ, по мѣрѣ надобности. Амбары, конюшни, магазины, сѣновалы, казармы, квартиры для разныхъ служащихъ— все это сошлось здѣсь безъ всякаго порядка, какъ сбившіеся съ кучу овцы.

Гаврюшка, завидѣвъ всю эту пріисковую городьбу, сразу отмякъ. Что же, въ самомъ-то дѣлѣ, унывать раньше времени, а убьютъ, такъ убьютъ—двухъ смертей не будетъ. Нужно признаться, что немаловажной причиной перемѣны настроенія было совершенно пустое обстоятельство: Гаврюшка издали замѣтилъ кумачный сарафанъ пріисковой стряпки Агаѳьи. Эта проворная баба безъ ума летѣла изъ конторской кухни въ погребъ. Навѣрно, теперь Евгеній Васильичъ обѣдаетъ, вотъ Агаѳья и мечется, какъ угорѣлая. Гаврюшка даже покрутилъ головой и пріосанился въ сѣдлѣ.

Къ конторѣ онъ подъѣхалъ молодцомъ и спѣшился съ ловкостью конокрада. Агаѳья какъ разъ возвращалась изъ погреба съ какими-то тарелками.

— Евгеній Васильичъ обѣдаетъ...—заговорила она, оскаливъ зубы.

— Ладно... Скажи, что, молъ, Гаврюшка того...

Привязавъ лошадь къ столбу, Гаврюшка, не торопясь, отправился на кухню. Пріисковая контора походила бы на длинную казарму, если бы не три крылечка и низенькій палисадникъ, отгораживающій ее отъ дороги. Среднее крылечко вело въ квартиру управляющаго, лѣвое—собственно въ контору, а правое—въ кухню и людскую. Гаврюшка каждый разъ входилъ въ кухню съ устало-довольнымъ видомъ, какъ лошадь въ свою конюшню. Очень ужъ аппетитно здѣсь пахло и жаренымъ и вареным...

— Баринъ зоветъ...—сказала Агаѳья, успѣвшая отнести свои тарелки.

— Ахъ, ты, игрушка!—пошутилъ Гаврюшка, проходя въ маленькую дверь, которая вела изъ кухни въ столовую.

Евгеній Васильевичъ сидѣлъ въ концѣ длиннаго стола, сервированнаго совсѣмъ ужъ не по-пріисковому. Великолѣпный сетеръ-гордонъ сидѣлъ на стулѣ рядомъ. Появленіе въ столовой Гаврюшки заставило Евгенія Васильевича оставить вторую порцію великолѣпнаго борового рябчика.

— Ну что?—коротко спросилъ баринъ, держа ножъ и вилку на вѣсу.

— Ѣздилъ на Трехсвятскій, Евгеній Васильичъ... Видѣлъ Марѳу Семеновну и передалъ имъ письмо въ собственныя руки.

— Ну?

— Вотъ онѣ вамъ записку прислали...

— И только?—равнодушно спросилъ Евгеній Васильевичъ, принимая изъ рукъ Гаврюшки смятый конвертъ.

Гаврюшка переступилъ съ ноги на ногу, почесалъ затылокъ и, тряхнувъ головой, проговорилъ:

— А вѣдь меня чуть-чуть не порѣшили, Евгеній Васильичъ... Только это я поровнялся съ Дуваномъ, а въ меня—какъ запалятъ изъ ружья...

Баринъ посмотрѣлъ на вѣрнаго раба своими усталыми сѣрыми глазами, пожевалъ губами и спокойно замѣтилъ:

— Вѣроятно, холостымъ зарядомъ хотѣли тебя попугать... Знаютъ, что трусъ.

— Я? трусъ?.. Еще бы маленько, такъ и башка долой... Пуля-то чуть по уху не задѣла.

— Это тебѣ со страху показалось, Гаврюшка...

— Грозятся порѣшить, Евгеній Васильичъ... Вамъ-то смѣшно, а мнѣ и полъ-смѣха нѣтъ. Живъ человѣкъ—смерти боится...

Евгеній Васильевичъ улыбнулся, молча налилъ стаканъ водки и молча подалъ вѣрному рабу. Гаврюшка выпилъ залпомъ, вытеръ ротъ полой азяма и почувствовалъ себя кровно обиженнымъ. А баринъ смотрѣлъ на него и продолжалъ улыбаться.

— Они мнѣ что̀ сказали, Евгеній Васильичъ: купленый воръ... Это какъ по-вашему?..

Но баринъ уже хохоталъ, вздрагивая жирными плечами. Его полное, немного брюзглое лицо раскраснѣлось отъ натуги, на глазахъ выступили слезы. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ что-то сказать, но только безсильно взмахивалъ рукой. Свидѣтельницей этой нѣмой сцены была одна Агаѳья, стоявшая въ дверяхъ кухни съ кувшиномъ молока въ рукахъ.

— Такъ... какъ... они... сказали?.. Ку-пле-ный воръ? О-ха-ха...

Агаѳья тоже прыснула отъ смѣха и юркнула обратно въ кухню. Гаврюшка стоялъ блѣдный, какъ смерть. У него губы искривились тоже улыбкой. Потомъ онъ схватилъ свою шляпу, бросилъ ее о полъ и крикнулъ:

— Ежели такъ, Евгеній Васильичъ, такъ я тебѣ не слуга!.. Изъ-за чего я башку-то свою подставлялъ? Тебѣ вотъ смѣшно, а я-то подъ пулей былъ...

Гаврюшка выбѣжалъ въ кухню, и оттуда черезъ минуту полетѣли въ столовую новые сапоги, новая шляпа, новый азямъ, опояска; а баринъ все хохоталъ, откинувъ голову назадъ. Когда онъ успокоился немного, Гаврюшка уже шелъ мимо конторы въ одной рубахѣ и даже безъ пояса, размахивая руками и ругаясь себѣ подъ носъ.

— Эй, Гаврюшка!—крикнулъ Евгеній Васильевичъ въ раскрытое окно.— Иди сюда... Мнѣ съ тобой серьезно нужно поговорить, каналья.

— Не согласенъ!—отвѣтилъ Гаврюшка съ гордостью.—За ваши-то двѣнадцать рублей сраму не расхлебаешь... Да еще башку отвернутъ, какъ пуговицу.

Этотъ эпизодъ скрасилъ для Евгенія Васильевича цѣлый день. Онъ давно уже не чувствовалъ себя въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа. Тутъ все было хорошо: и „купленый воръ“, и летѣвшія изъ кухни обновы, и гордый видъ Гаврюшки, когда онъ проходилъ мимо оконъ конторы въ одной рубахѣ. Да и полученная записка тоже была хороша по-своему. Писала Марѳа Семеновна, какъ курица лапой. „Сердечный мой другъ... Пріѣзжалъ бы ты самъ, а не присылалъ записокъ. Плохо я разбираю по-писаному, а писать и совсѣмъ не умѣю. Въ писаряхъ не служила... А промежду прочимъ, мы вечоръ рѐсчали бутыль съ вишневой наливкой. Ужо пріѣзжай. Ты ее любишь, эту самую наливку. Капочка просила поклончикъ написать“.

— Вотъ такъ посланіе...—смѣялся Евгеній Васильичъ, перечитывая безграмотную записку.—Рѐсчали бутыль... ха-ха!..

Вечеромъ Евгеній Васильевичъ велѣлъ разыскать Гаврюшку и привести къ себѣ на террасу, гдѣ пилъ чай. Розыски Гаврюшки продолжались съ часъ,

пока его не нашли гдѣ-то на пріискѣ. Гаврюшка былъ пьянъ: онъ пропилъ свою новую рубашку—послѣднее, что̀ оставалось отъ недавняго великолѣпія.

— Ну, иди, иди сюда... — заговорилъ Евгеній Васильевичъ, подзывая пошатывавшагося Гаврюшку къ столу.—Гдѣ пропадалъ?..

— А ужъ дѣло мое... Вольный я человѣкъ... наплевать, однимъ словомъ!—бормоталъ Гаврюшка.—Не согласенъ, и дѣлу конецъ...

— Да вѣдь не я тебя обидѣлъ, а твои же пріятели?..

— Нѣтъ, они-то правильно... Попъ разстрижо̀ный, конь лѣчоный да воръ прощоный—одна цѣна. А вотъ ты меня обидѣлъ, Евгеній Васильичъ... ахъ, какъ обидѣлъ!

Гаврюшка присѣлъ на ступеньку и горько заплакалъ. Баринъ только развелъ руками—вотъ ужъ такого конца онъ никакъ не ожидалъ. Гаврюшка, очевидно, сентиментальничалъ, что̀ уже совсѣмъ не шло ни къ его прошлому ни къ настоящему. Евгеній Васильевичъ нѣсколько разъ прошелся по террасѣ, а Гаврюшка продолжалъ плакать, закрывъ лицо руками. Получалась настоящая мелодрама.

— Перестань, Гаврюшка... Водки хочешь?

— Не согласенъ...

— Да о чемъ ты ревешь-то?..

— А объ этомъ самомъ... Ты думаешь, мнѣ легко? Вотъ новую рубаху пропилъ; и сапоги пропью и азямъ... Раньше-то я и холодомъ и голодомъ жилъ, въ заплаткахъ ходилъ, а все-таки не купленый воръ былъ. А теперь ты же вотъ надо мной посмѣялся...

Евгеній Васильевичъ понялъ наконецъ психологію Гаврюшки и даже согласился съ ней до извѣстной степени. Гаврюшка оплакивалъ теперь свою утраченную голодную волю, тѣмъ болѣе, что и возврата ему къ прежнему ремеслу уже не было. У Евгенія Васильевича было какое-то удивительное влеченіе вотъ именно къ этому Гаврюшкѣ, котораго онъ изъ ничтожества возвелъ на недосягаемую высоту. Правда, былъ тутъ и свой расчетъ, именно, что въ борьбѣ со спиртоносами и скупщиками краденаго золота лучшимъ помощникомъ будетъ именно такой завѣдомый воръ, который зналъ всѣ ходы и выходы. Но все это только между прочимъ, а главное — Гаврюшка нравился Евгенію Васильичу цѣльностью своей натуры, тѣмъ, что̀ спортсмены называютъ „кровью“. Все, что̀ дѣлалъ Гаврюшка, до сегодняшнихъ слезъ включительно, выходило и колоритно и своеобразно—словомъ, по-Гаврюшкину.

— Ну, такъ что̀ же мы будемъ дѣлать съ тобой?—спрашивалъ Евгеній Васильичъ, стараясь быть ласковымъ.

— А ничего... Терпѣть я тебя ненавижу!..

— Да какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

Баринъ опомнился во̀-время и дѣланно засмѣялся. Вѣдь пропасть ему въ этой трущобѣ съ тоски, ежели Гаврюшка его броситъ... Лѣто пройдетъ, а тамъ начнутся безконечные осенніе вечера, зимнія ночи, и безъ Гаврюшки будетъ скучно...

## III.

Солнце спускалось за Синюху. Съ горъ потянулись длинныя тѣни. Чаще похолодѣлъ. Наступали лѣтнія сумерки, драматизированный моментъ борьбы свѣта и тьмы. Нѣкоторые недостатки горнаго пейзажа, происхожденіе которыхъ зависѣло отъ неугомонной пытливости пріисковаго духа, именно плѣшины вырубленнаго лѣса, цѣлыя площади разрытой земли, громадные отвалы пустыпокъ и т. д.—всѣ эти недостатки теперь драпировались синевой гор-

ной дали, рѣчнымъ туманомъ и блуждающими вечерними тѣнями, точно какая-то заботливая материнская рука прикрывала грѣхи своихъ блудныхъ дѣтей, искавшихъ золота вездѣ.

Итакъ, солнце спускалось съ какой-то торжественной грустью, точно закрывалось всевидящее око.

Евгеній Васильевичъ шагалъ по своей террасѣ, заложивъ руки за спину. Его немного разстроила сцена съ Гаврюшкой, именно ему непріятно было еще разъ убѣдиться въ черной неблагодарности этого лукаваго раба. Кажется, ужъ онъ все для него дѣлаетъ, даже больше того, на что самъ имѣлъ право, а лукавый рабъ швыряетъ подарки чуть ему не въ лицо.

— Вѣдь какая нервная каналья!—вслухъ думалъ Евгеній Васильевичъ, припоминая Гаврюшкины слезы.

Съ другой стороны, Евгеніемъ Васильевичемъ овладѣло именно вотъ въ такія лѣтнія сумерки какое-то гнетущее тоскливое чувство. Никакой опредѣленной причины не было, а тоска сосала и сосала. Евгеній Васильевичъ по цѣлымъ часамъ ходилъ по террасѣ и разсматривалъ все одну и ту же картину. Вонъ въ глубинѣ синѣла зубчатая стѣна горъ, потомъ тянулась болотистая равнина, на первомъ планѣ—изрытая площадь пріиска. Кое-гдѣ дымились огоньки у старательскихъ балагановъ. Въ сторонѣ отъ дороги попыхивала паровая машина, — изъ-за большой свалки такъ и взлетали кверху клубы бѣлаго пара. Дневная суета теперь смѣнилась отдыхомъ, и работала только машина, откачивая воду отъ разрѣза. Гдѣ-то лаяла собака, устало и сонно, чтобы показать свое собачье усердіе; гдѣ-то слышалась пѣсня, то замиравшая, то поднимавшаяся. Пѣлъ женскій голосъ, вытягивая какую-то унылую мелодію. Вотъ эта пѣсня сейчасъ и нагоняла тоску на Евгенія Васильевича. Зачѣмъ она поетъ, эта неизвѣстная пріисковая дама? О чемъ поетъ?.. Вѣроятно, и у ней свое бабье горе, своя тоска... Ахъ, скучно въ такіе вечера!.. Развѣ это жизнь, въ этой лѣсной трущобѣ... Еще днемъ, пока идетъ промысловая суета, ничего, а вотъ вечеромъ скучно. Главное, впереди все такія же сумерки, безъ конца...

— И это жизнь!.. Тутъ взвоешь, какъ цѣпная собака...

Пріисковая квартира управляющаго состояла изъ двухъ комнатъ: столовой и кабинета. Кабинетъ служилъ и спальней и гостиной. Столовая была обставлена, какъ слѣдуетъ быть настоящей столовой, а въ кабинетѣ проявлялась очевидная привычка хозяина къ роскоши. Постель всегда была убрана съ большими претензіями: бѣлоснѣжныя подушки, бѣлоснѣжное покрывало, на стѣнѣ бухарскій коврикъ, у кровати медвѣжья шкура. Большой письменный столъ былъ заставленъ ненужными бездѣлушками, портретами въ изящныхъ рамахъ и книгами въ изящныхъ переплетахъ. Въ углу стоялъ турецкій диванчикъ, передъ нимъ круглый столикъ съ альбомами. За кроватью, въ углу, помѣщался мраморный умывальникъ, заваленный всевозможными косметиками. На особой полочкѣ на стѣнѣ были разставлены въ трогательномъ порядкѣ флаконы съ духами, одеколономъ и разными туалетными спеціями. Изъ этого бѣглаго описанія обстановки кабинета можно было заключить, что хозяинъ отличался большой чистоплотностью и жаждой комфорта. Служащіе, пріѣзжавшіе съ другихъ промысловъ, могли только удивляться невиданной роскоши. Они, какъ дѣти, разсматривали каждую бездѣлушку и въ большинствѣ случаевъ даже не могли догадаться объ истинномъ ея назначеніи. Особенно ихъ занималъ туалетный столикъ. Самые вѣжливые хихикали въ кулакъ, когда Евгеній Васильевичъ объяснялъ имъ назначеніе пуховки для пудры, цѣлой системы щетокъ и щеточекъ для волосъ, бороды, усовъ и ногтей, щипчи-

ковъ, палочекъ, мудреныхъ специй, придававшихъ кожѣ матовую бѣлизну и блескъ.

— Охъ, уморилъ, Евгеній Васильичъ! — просили пощады пріисковые волки, по недѣлямъ не умывавшіе ни рукъ ни лица.—Вотъ бы показать нашимъ бабамъ... Уморушка!..

Евгеній Васильевичъ только пожималъ плечами, выслушивая эти дикія рѣчи. Настоящіе дикари, не имѣющіе даже приблизительнаго понятія о цивилизованномъ существованіи, и очень жалкіе дикари. Ихъ приводила въ нѣмой восторгъ каждая блестящая бездѣлушка. Но всѣхъ забавнѣе въ этомъ отношеніи былъ Гаврюшка, считавшій барина прямо повихнувшимся. Нужно было видѣть, съ какимъ глупымъ лицомъ онъ каждое утро убиралъ кабинетъ, что̀ было его прямой и главной обязанностью. Гаврюшку ставило въ полное недоумѣніе существованіе такихъ вещей, какъ умывальникъ. Ну, для чего умывальникъ, когда можно было вымыть рожу прямо изъ ключика или въ кухнѣ надъ лоханкой? А ужъ для чего баринъ обсыпаетъ рожу мукой, потомъ третъ ее разными составами, чиститъ зубы пятью порошками, пилитъ ногти пилой — этого Гаврюшка не могъ одолѣть и слѣдилъ за всѣми операціями, какія продѣлывалъ надъ собою баринъ, съ такимъ видомъ, какъ смотрятъ на сумасшедшихъ. Потомъ онъ отводилъ душу уже на кухнѣ, въ обществѣ кухарки. Гаврюшка даже вымазывалъ свою рожу настоящей мукой, показывая нагляднымъ путемъ, что̀ дѣлаетъ баринъ.

Да, солнце заходило, и Евгеній Васильевичъ испытывалъ свое гнетущее тоскливое настроеніе. Вотъ уже оно скрылось за Синюхой, и разомъ вся картина потемнѣла, точно ее задернули флеромъ. Предметы начинали принимать фантастическія очертанія. И какъ быстро мѣнялась картина, съ каждой минутой. И на террасѣ почти уже совсѣмъ темно, но Евгеній Васильевичъ не требовалъ огня. Пусть будетъ темно, какъ у него на душѣ.

— Баринъ... а баринъ...—послышался голосъ гдѣ-то въ темнотѣ.

— Кто тамъ?

— Да я, Гаврюшка...

— Ну, что̀ тебѣ понадобилось?

— А я, значитъ, письмо забылъ... Отъ Марѳы-то Семеновны письмо я въ шапкѣ везъ, а другое за пазуху спряталъ.

— Какое письмо?

— Ну, то самое, значитъ, которое мнѣ Никешка дорогой отдалъ. Онъ изъ городу ѣхалъ, встрѣлъ меня и говоритъ: „вотъ твоему барину письмо". Ну, я его и привезъ, а потомъ и забылъ, потому какъ скинулъ твою-то дареную одежду, а письмо было за пазухой. Стряпка ужъ потомъ въ кухнѣ его на полу нашла...

— Ахъ, ты, мерзавецъ, Гаврюшка!..

— Вотъ теперь ты правильно, Евгеній Васильичъ: вся моя неустойка.

Гаврюшка вышелъ изъ темноты только послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ и подалъ барину узкій конвертъ, смятый и покрытый грязными пятнами. Евгеній Васильевичъ даже вздрогнулъ, по формѣ конверта угадавъ, отъ кого могло быть письмо. Онъ бросился съ письмомъ въ свой кабинетъ, дрожавшими руками зажегъ свѣчу и съ какой-то жадностью принялся перечитывать адресъ. Да, это было то самое письмо, котораго онъ ждалъ цѣлыхъ три года. Вотъ этотъ неровный и тонкій женскій почеркъ... Къ довершенію всего, адресъ былъ написанъ по-французски — à Monsieur E. Luginine, и письмо дошло только какимъ-то чудомъ. Онъ бережно разрѣзалъ конвертъ и съ замирающимъ сердцемъ прочелъ небрежно набросанныя строки:

„Милый Котикъ, настоящее письмо служитъ прекраснымъ доказательствомъ моей аккуратности и того, что я не забыла тебя... Забыть тебя—это могла придумать только твоя пылкая фантазія. Скажу больше: я часто, очень часто вспоминала тебя и скучаю по тебѣ... Ты не улыбайся надъ послѣдней фразой, потому что я разъ даже расплакалась, когда въ нашемъ кружкѣ пили за твое здоровье. Увы! изъ старыхъ знакомыхъ осталось очень немного... два-три человѣка, а остальные куда-то исчезли. Впрочемъ, все это въ порядкѣ вещей... Что ты дѣлаешь, Котикъ? Скоро ли я услышу о твоихъ милліонахъ? Мнѣ много-много нужно тебѣ сказать, но сейчасъ ѣду въ театръ. Цѣлую тебя, моего Котика. Твоя Lea“.

Внизу была приписка: „Мой адресъ тотъ же. Я оставлю свою квартиру только тогда, когда ты увезешь меня къ себѣ на пріиски... Еще и еще разъ твоя Lea“.

Въ теченіе трехъ лѣтъ это было первое письмо, написанное по-французски, и Евгеній Васильевичъ перечиталъ его разъ десять, пока не выучилъ наизусть. Ему все здѣсь было дорого, даже та милая ложь, которой были пропитаны, кажется, самыя буквы. Аккуратность поистинѣ трогательная—она отвѣтила на двадцатое его письмо, отвѣтила ровно черезъ два года; она соскучилась по немъ — о, теперь она, навѣрно, не узнала бы его, если бы встрѣтила на улицѣ; ей много-много нужно сказать ему—не о чемъ имъ говорить, какъ не говорили они ни о чемъ и въ свои лучшіе дни. Понятно было и происхожденіе письма: Lea, вѣроятно, была несчастна и, по логикѣ несчастія, вспомнила о старомъ другѣ. Онъ видѣлъ даже столикъ, на которомъ писалось это письмо, видѣлъ камеристку Barbe, которая относила это письмо, видѣлъ всю обстановку... А въ центрѣ всего стояла она, со своей тонкой граціозной фигурой, удивительнымъ лицомъ и вѣчнымъ красивымъ безпокойствомъ. Красавицей Lea не была, но была больше чѣмъ красавица... Сколько жизни, огня, остроумія и безумнаго веселья! На такихъ женщинъ нельзя сердиться, имъ все прощается, онѣ никого не любятъ, а зато многихъ губятъ съ легкомысленной жестокостью. Да, и первымъ изъ нихъ былъ Евгеній Васильевичъ Лугининъ.

— И все-таки милая, милая, милая... — вслухъ закончилъ онъ эти размышленія.—Другой Lea нѣтъ.

Онъ взялъ письмо, еще разъ перечиталъ и поцѣловалъ.

— Милая... единственная... несправедливая...

На письменномъ столѣ въ модной плюшевой рамѣ стоялъ большой женскій портретъ. Это была капризная женская головка, прикрытая широкополой шляпой à la Рембрандтъ. Евгеній Васильевичъ долго и внимательно разсматривалъ это лицо и, къ своему ужасу, замѣтилъ, что начинаетъ уже позабывать его. Знаете ли вы это страшное ощущеніе, когда измѣняетъ самая память и все покрывается забвеніемъ, какъ траурнымъ флеромъ? Да, благодать забвенія... Простая фотографія, а живого лица уже не было. У Евгенія Васильевича выступали слезы на глазахъ...

## IV.

Девять часовъ. На террасѣ подъ стекляннымъ колпакомъ горятъ двѣ стеариновыхъ свѣчи. На столѣ холодный ужинъ. Евгеній Васильевичъ не могъ ни къ чему притронуться. Полученное письмо подняло въ немъ цѣлую бурю воспоминаній. Онъ никакъ не могъ успокоиться.

— Позвать мнѣ сюда Гаврюшку,—говоритъ онъ кухаркѣ.

Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ одиночество невыносимо. Оно гнететъ, какъ

могильная плита. Является страстная потребность видѣть живое лицо, слышать живой голосъ.

Гаврюшка уже спалъ въ кухнѣ и появляется на террасѣ заспанный, недовольный, готовый нагрубить. Евгеній Васильевичъ наливаетъ стаканъ водки и молча подаетъ лукавому рабу. Гаврюшка нѣсколько времени мнется, чешетъ затылокъ, а потомъ съ какимъ-то ожесточеніемъ хлопаетъ стаканъ залпомъ.

— Садись...

— Ничего, постоимъ.

Спросонокъ Гаврюшка отличается нѣкоторой недовѣрчивостью и смотритъ на барина подозрительно. Баринъ, очевидно, заблажилъ... Это съ нимъ бываетъ.

— Садись.

У Гаврюшки свой кодексъ приличій и свой хорошій тонъ. Онъ колеблющейся походкой проходитъ черезъ террасу и усаживается на ступеньку террасы, точно чувствуетъ себя здѣсь безопаснѣе. Евгеній Васильевичъ ходитъ по террасѣ и слушаетъ, какъ Гаврюшка угнетенно вздыхаетъ, потомъ зѣваетъ и третъ рукой рожу, точно хочетъ снять съ нея какую-то паутину.

— Тебѣ не стыдно, Гаврюшка, заваливаться спать ни свѣтъ ни заря?— говоритъ Евгеній Васильевичъ обиженно.

— Въ самый разъ теперь спать, потому утромъ встаемъ съ пѣтухами... У васъ свои часы, баринъ, а у насъ свои.

Евгенія Васильевича гнететъ окружающая ночная тишина, и онъ никакъ не можетъ привыкнуть къ тому, что все около него засыпаетъ въ девять часовъ. Самъ онъ ложится спать только въ два часа утра. Пробовалъ спать, какъ другіе, но изъ этого ничего не выходитъ. Его и безъ того мучила безсонница. Въ такія минуты онъ поднималъ Гаврюшку и мучилъ его разговорами.

— Гаврюшка, ты глупъ...

— Я-то?.. Нѣтъ, баринъ, ежели всякому другому столько ума, такъ съ нимъ бы и способу не стало. Отъ ума люди и съ ума сходятъ...

— А какъ ты про меня полагаешь: умный я человѣкъ?

Гаврюшка пристально смотритъ на барина, щуритъ свои узкіе глазки, улыбается и крутитъ головой.

— Ни къ чему тебя не примѣнить, Евгеній Васильичъ: какъ будто и есть умъ, и какъ будто и не совсѣмъ...

— Ну, ну, договаривай, каналья. Почему же не совсѣмъ?..

— А вотъ по этому, по самому... Настоящій баринъ какъ должонъ со мной разговаривать: „Гаврюшка, ты опять пьянъ, каналья?“ И сейчасъ въ морду... А ты только обругаешься, а настоящаго ничего и нѣтъ.

— Драться я не могу... фи!..

— Вотъ я и говорю, что у тебя неустойка. По видимости, точно, вся барская повадка, а душа короткая. Баринъ должонъ звѣрь-звѣремъ ходить...

Евгеній Васильевичъ смѣется надъ этимъ опредѣленіемъ и наблюдаетъ Гаврюшку. Настоящій дикарь, дикарь чистой крови, и думетъ по-звѣриному, какъ полагается дикарю!..

Сейчасъ разговоръ начался въ другомъ родѣ. Евгеній Васильевичъ принесъ портретъ Lea и показалъ Гаврюшкѣ.

— Вотъ, посмотри... Нравится?..

Гаврюшка долго и внимательно разсматривалъ портретъ, даже повернулъ рамку и посмотрѣлъ, нѣтъ ли чего сзади, а потомъ равнодушно поставилъ его на столъ.

— Ну что̀?

— А ничего.... И съ рожи тонка, и плечи покатыя. По-нашему, не стоящая бабенка... Двухъ фунтовъ ей не поднять.

— Вотъ и вышелъ ты болванъ... Это знаменитая красавица, которая всѣхъ сводила съ ума. Понимаешь?..

— Красавица, говоришь?

Гаврюшка фыркнулъ и, по привычкѣ, закрылъ свою пасть рукой.

— Да, красавица... ахъ, какая красавица, Гаврюшка!.. Она мнѣ дорого стоитъ... Знаешь, сколько? Тысячъ сорокъ... Если бы были еще сорокъ тысячъ—нѣтъ, все равно, не хватило бы никакихъ денегъ. Понимаешь? Сорокъ тысячъ—это два пуда золота...

— Два пуда? Ловко... Да она и вся-то двухъ пудовъ не свѣситъ. А что̀ же въ ей любопытнаго, баринъ, въ этой самой дѣвкѣ?..

— А все... Какъ она смѣялась, какъ дурачилась! Жизнь... огонь... И никогда, никогда не была скучной, ни на одно мгновеніе.

— Развертная дѣвка, по-нашему. Есть такія... съ разговоромъ.

— Да... И ничего банальнаго! Три раза она богатѣла и три раза разорялась. Скажетъ только одно слово: скучно! И конецъ всему... Пальцемъ не пошевелитъ и все пуститъ прахомъ. Потомъ на время исчезнетъ и снова появится, но уже въ другой обстановкѣ.

— Откеда же она деньги брала?

— Доньги? Деньги сами къ ней шли, Гаврюшка... Считали за счастье, если она ихъ брала. Счета деньгамъ не было.

— Конечно, у денегъ глазъ нѣтъ, да и господская дурь при этомъ самомъ... Другой бабѣ сколько ни дай, все ей мало. Бывало дѣло и у насъ. Травишь-травишь деньги, точно въ яму валишь, а она же тебя въ трубу и выпуститъ. Наши пріисковыя бабы тоже ловкія, и деньгами ихъ не удивишь. Она же еще потомъ надъ тобой и смѣется... Уверливы больно.

— Ничего ты не понимаешь, Гаврюшка... Нужно женщину брать разомъ. Нужно показать ей свое преимущество... Нужно овладѣть ея волей, каждой мыслью, каждымъ желаніемъ. Такой романъ у меня былъ съ Lea... Много было другихъ женщинъ раньше, но тѣ такъ, а эта одна. Въ первый разъ я увидѣлъ ее въ ложѣ Михайловскаго театра. Она сидѣла съ какимъ-то гвардейскимъ офицеромъ... Какъ сейчасъ ее вижу... Сидитъ у барьера и никуда глазомъ не поведетъ. Львица... На ней было какое-то необыкновенное сѣро-розовое платье и такая же шляпа. Въ ушахъ солитеры... Волосы соломеннаго цвѣта, перчатки выше локтя... Онъ ей что-то говорилъ все время, а она отрицательно покачивала вѣеромъ... Потомъ этотъ офицеръ застрѣлился. Онъ растратилъ какія-то казенныя деньги... да. Бываетъ... Я узналъ черезъ знакомыхъ, кто она такая, и меня представили ей въ тотъ же вечеръ. О, это былъ роковой вечеръ... Какъ теперь, вижу эти сѣро-зеленые глаза, полуопущенное верхнее вѣко, длинныя рѣсницы, тонкую шейку, маленькія уши и удивительные зубы—это были не зубы, а двѣ нитки жемчуга. Она рѣдко смѣялась и была особенно хороша, когда на лицѣ у нея появлялось какое-то дѣтское выраженіе. Говоря между нами, Lea была порядочно глупа...

Евгеній Васильевичъ совершенно забылъ, что Гаврюшка не понимаетъ и половины его разсказа. Но ему нужно было высказаться. Если бы не было Гаврюшки, онъ сталъ бы разсказывать стѣнамъ. Это была мучительная потребность. Гаврюшка выслушалъ до конца весь романъ съ Lea и нѣсколько разъ покачалъ головой.

— Растерзать ее мало, вотъ что̀!—заявилъ онъ рѣшительно.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь...—стоналъ Евгеній Васильевичъ.— Развѣ есть такія другія женщины? Да развѣ можно быть такой? Что̀ деньги— наплевать... Были, и нѣтъ ихъ. И вотъ, видишь, она вспомнила меня... Готова хоть сейчасъ пріѣхать сюда. Lea великодушна...

Въ это великодушіе Lea Евгеній Васильевичъ и самъ не вѣрилъ, но ему почему-то нравилось придавать ей несуществовавшія качества.

Свѣчи догорали. На восточной сторонѣ неба уже пошли утреннія отбѣли. Евгеній Васильевичъ нѣсколько разъ зѣвнулъ. Пора было спать.

— Ну, теперь убирайся,—проговорилъ онъ, разстегивая бешметъ.—Я хочу спать.

Гаврюшка молча поднялся, почесалъ затылокъ и отправился къ себѣ въ кухню. Онъ пошелъ не террасой, а садикомъ, и дорогой все встряхивалъ головой, какъ взнузданная лошадь.

— У барина на чердакѣ-то того...—думалъ Гаврюшка вслухъ.—А все-таки онъ, чортъ, подвелъ меня. Былъ заворуй Гаврюшка, а теперь сталъ купленый воръ...

А баринъ, оставшись одинъ, опять ходилъ по террасѣ и думалъ одинокую горькую думу. Зачѣмъ онъ разболтался передъ хамомъ? Вѣдь это послѣдняя ступенька—дальше итти некуда. Онъ потерялъ уваженіе къ самому себѣ... Что̀ бы сказала Lea, если бы увидѣла его амикошонство съ Гаврюшкой? О, презрѣнный, жалкій, несчастный человѣкъ...

„Я схожу съ ума! — въ ужасѣ думалъ Евгеній Васильевичъ, хватаясь за голову.—Пропащій окончательно тотъ человѣкъ, который пересталъ уважать самого себя“.

## V.

Бываютъ такіе дни, когда заново переживается вся жизнь. Именно такой денекъ выдался Евгенію Васильевичу: прошлое было поднято взбалмошнымъ письмомъ Lea. Вотъ и Гаврюшка ушелъ, и за Синюхой занялось лѣтнее быстрое утро, и сдѣлалось совсѣмъ холодно, какъ бываетъ только на ранней зарѣ, а онъ все ходилъ по своей террасѣ и не замѣчалъ, какъ разговариваетъ самъ съ собой.

— А что̀, если выписать, въ самомъ дѣлѣ, Lea сюда?.. Она съ радостью поѣдетъ, особенно, если сказать, что въ Сибирь можно ѣхать только въ мужскомъ костюмѣ... Одинъ такой маскарадъ чего стоитъ!.. Какой-то мудрецъ сказалъ, что если бы придумали эффектный костюмъ для эшафота, то нашлось бы немало охотницъ пожертвовать жизнью, чтобы только хоть разъ показаться передъ публикой въ такой эффектной роли... Костюмъ—все, особенно для Lea. А затѣмъ можно прибавить... гм... Отчего я не могу сказать, что эти промысла мои, и даже показать ей цифру намываемаго ежегодно золота? Двѣнадцать пудовъ—это даже Lea пойметъ... Конечно, потомъ все это разоблачится, Lea подниметъ бурю... гм... вообще сумѣетъ повести дѣло горячо. Но вѣдь женщины любятъ прощать и спасать погибающихъ—это ихъ спеціальность. Вернувшись въ Петербургъ, Lea сочинитъ цѣлую легенду о своемъ путешествіи въ новую Колхиду за золотымъ руномъ... Я даже могу ей помочь придумать соотвѣтствующую обстановочку: тутъ и женскій героизмъ, и страшныя опасности, которымъ онъ подвергался, и черная неблагодарность стараго друга... Вообще мысль... идея!.. Въ самомъ дѣлѣ, я тутъ совсѣмъ засидѣлся и, выражаясь вульгарно, обросъ мохомъ.

Чтобы провѣрить послѣднее, Евгеній Васильевичъ принесъ изъ кабинета зеркало и долго разсматривалъ въ него свою физіономію. Да, восемь лѣтъ из-

гнанія сказались сильно... Вонъ на макушкѣ уже просвѣчиваетъ начинающаяся лысина, глаза какіе-то мутные, щеки обрюзгли, цвѣтъ лица какой-то дряблый—вообще время поработало надъ нимъ съ большимъ стараніемъ. Недавній красавецъ даже вздохнулъ, бросая зеркало. Еще два-три года, и конецъ всему. О, онъ отлично зналъ, какъ кончали такіе красавцы... Въ свое время онъ зналъ такихъ, которые въ два-три года превращались въ развалины. А какъ они тяжело разставались со своими недавними успѣхами, привычкой сосредоточивать на себѣ общее вниманіе—вѣдь это сказывалось въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ. Они выпячивали, по старой привычкѣ, грудь, гордо окидывали публику поблекшими глазами, принимали красивыя позы и не замѣчали, какъ все это смѣшно. Лучшимъ барометромъ служило въ этихъ случаяхъ вниманіе женщинъ: онѣ переходили къ другимъ богамъ. Но отставные красавцы ничего не желали замѣчать, потому что трудно отказаться отъ самого себя. Неужели и онъ будетъ такимъ же?.. Вѣдь это самая мучительная смерть. Боже мой, вѣдь у него уже сѣдые волосы проступаютъ, хотя онъ и старался объяснить это неблагопріятными обстоятельствами. Какая же старость въ тридцать пять лѣтъ! Будь другія обстоятельства, онъ продержался бы еще лѣтъ десять. Конечно, необходимъ нѣкоторый режимъ, просто выдержка характера.

— Да, выдержка...—думалъ онъ вслухъ.—Ахъ, старость, старость!.. Неужели же все кончено?.. Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... Я не хочу! Да, не хочу... Нѣтъ, еще позвольте... Гвардія умираетъ, но не сдается.

Увлекшись этими мыслями, Евгеній Васильевичъ даже погрозилъ кулакомъ невидимому врагу. Да, подождите... Нужно умѣть желать, а воля двигаетъ горами. Если бы раньше онъ подумалъ объ этомъ, теперь не сидѣлъ бы въ этой проклятой трущобѣ, а то скатился по наклонной плоскости самымъ глупымъ образомъ. Да, стыдно, стыдно даже припоминать подробности собственнаго позора, а ихъ было достаточно. Воображеніе работало, какъ по ошибкѣ пущенная въ ходъ машина. Изъ туманной мглы воспоминаній поднялся цѣлый рой тѣней, картинъ и сценъ, и Евгеній Васильевичъ снова ихъ повторялъ, какъ школьникъ, который и во снѣ сдаетъ трудный экзаменъ.

Да, много этихъ воспоминаній...

Вотъ онъ, Женя Лугининъ, балованое дитятко старой дворянской семьи. Тамъ, на Окѣ, громадное барское имѣніе съ великолѣпнымъ барскимъ домомъ, цѣлымъ штабомъ изъ дворни, охотой, собственнымъ оркестромъ,—правда, здѣсь доживались послѣдніе красные дни, но это никого не пугало, не заботило и не печалило. Развѣ Лугинины могли жить иначе?.. Маленькій Женя выросъ въ этой помѣщичьей шири, повитый и вскормленный на широкій ладъ. У него и въ натурѣ съ дѣтства сказалась эта ширь и чисто-русская безшабашная доброта, которой ничего не жаль. Это немного сказочное дѣтство и закончилось совершенно сказочно: вдругъ ничего не стало, точно невидимая рука убрала декораціи. Такъ-таки ровно ничего, какъ это только и можетъ быть на Руси: барская усадьба опустѣла, барскій домъ замолкъ, захирѣлъ, развалился, дворня разошлась, старый барскій садъ заглохъ—ничего и ничего.

Впрочемъ, были другія имѣнія, которыя позволяли Лугининымъ вести широкую жизнь въ столицѣ. Правда, что это былъ только призракъ стараго, но, по крайней мѣрѣ, сохранялась вся старая складка. Женя въ этотъ роковой періодъ успѣлъ пройти черезъ руки боннъ, гувернантокъ, дядекъ, гувернеровъ, учителей, репетиторовъ и просто разныхъ monsieur, а затѣмъ очутился въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, въ которомъ не успѣлъ кончить благодаря той же шири. Осталась одна дорога, по которой шли всѣ

Лугинины: военная служба. Женя отбылъ юнкерское училище и поступилъ въ дорогой полкъ блестящимъ офицеромъ. Всѣ Лугинины были блестящими офицерами, въ полку сохранился цѣлый рядъ воспоминаній о подвигахъ прежнихъ Лугининыхъ, смѣлыхъ, добрыхъ, безпутныхъ и не знавшихъ счета деньгамъ. Вся семья точно ожила, увидавъ Женю въ знакомомъ военномъ мундирѣ, и даже старинные фамильные портреты точно улыбнулись. Если бы они могли говорить, то, навѣрно, сказали бы: „да, это онъ, *нашъ* Лугининъ". Но, вмѣстѣ съ достоинствами, Женя несъ въ себѣ и наслѣдственные недостатки. Онъ слишкомъ рано узналъ толкъ въ женщинахъ, картахъ и томъ образѣ жизни, который присвоенъ былъ всѣмъ Лугининымъ. Это былъ почти обязательный бурный періодъ, который смѣнялся прежде жизнью въ собственной деревнѣ.

— Женя, помни, что ты послѣдній Лугининъ,—говорила мать со слезами на глазахъ.

Отца давно уже не было: онъ умеръ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ порядкомъ. О немъ какъ-то мало вспоминали, точно это такъ и должно было быть. Вѣдь всѣ Лугинины умирали рано, и слѣдующее поколѣніе поднималось женщинами. И какія были всѣ хорошія женщины... Такихъ женщинъ больше не стало, и, можетъ-быть, поэтому фортуна послѣдняго Лугинина закончилась такъ печально. Люди вообще измельчали въ самый короткій періодъ—и не нашлось такой дѣвушки, которая во-время спасла бы послѣдняго Лугинина отъ наслѣдственной болѣзни—долговъ. Пришлось оставить дорогой полкъ и превратиться въ „рябчика". Это былъ настоящій ударъ для всей семьи. Послѣдній Лугининъ узналъ только то, что у нихъ ничего не осталось, кромѣ широкихъ аппетитовъ, привычекъ къ безшабашной роскоши и круглаго нуля впереди.

— Теперь самое время жениться...—рѣшила maman, вѣрившая въ судьбу.

— Гдѣ же она?—спрашивалъ Женя, чувствовавшій себя неловко въ штатскомъ платьѣ.—Гдѣ она, maman?

— Лугинины безъ невѣстъ не оставались, мой другъ...

Начались поиски богатой невѣсты, но— увы! — въ своей дворянской средѣ ея не оказалось. Пришлось поступиться фамильными традиціями и искать просто богатой невѣсты. Такихъ было много: дочери богатыхъ купцовъ, чиновниковъ и просто темныхъ личностей. Женѣ всѣхъ больше понравилась одна еврейка, и онъ женился бы, если бы не воспротивилась мать.

— Когда меня не будетъ, тогда дѣлай, какъ знаешь,—рѣшительно заявила maman.—А при мнѣ *этого* не будетъ...

Всѣ Лугинины были хорошими дѣтьми, и Женя простился со своей послѣдней мечтой. Для него это было поворотнымъ пунктомъ. Готовый проявиться семейный инстинктъ былъ заглушенъ и быстро началъ размѣниваться на мелкую монету. Это уже не было безумнымъ весельемъ юности.

На первомъ планѣ теперь стоялъ „образъ жизни",—нужно было гдѣ-нибудь и какъ-нибудь пристроиться. Начались поиски того завѣтнаго мѣста, которое дало бы и солидное положеніе, и средства, и будущее. Благодаря сохранившимся связямъ, Женя пристраивался раза три и каждый разъ бросалъ службу. Это было все не то, что требовалось. Въ какихъ-нибудь два-три года изъ Жени выработался серьезный молодой человѣкъ съ рѣшительной складкой въ характерѣ. Онъ хотѣлъ вырвать у судьбы силой то, въ чемъ она ему отказала такъ немилосердно. И мечты осуществились... Счастье улыбнулось послѣднему Лугинину. Положимъ, онъ служилъ въ частномъ коммерческомъ предпріятіи, служилъ не изъ чести, но это не мѣшало раскрыться очень широкому горизонту. Блестящая внѣшность, умѣнье себя держать, а главное—

успѣхи у женщинъ сдѣлали гораздо больше, чѣмъ всѣ связи и фамильныя знакомства. Положимъ, что вылѣзать въ люди, благодаря вниманію женъ, дочерей и содержанокъ разныхъ коммерческихъ и дѣлецкихъ тузовъ, немного претило, но приходилось мириться въ виду будущаго. Только бы выйти въ люди, въ тѣ настоящіе люди, которые дѣлали большія, настоящія дѣла. Да, были такіе люди и такія дѣла, и послѣдній Лугининъ хотѣлъ сдѣлаться однимъ изъ первыхъ. Онъ теперь благословлялъ судьбу, что во̀-время разстался съ семейными традиціями. Тотъ міръ умеръ, и его мѣсто занялъ другой—расчетливый, холодный и безжалостный. Иллюзій не полагалось, и даже въ интимныхъ чувствахъ подкладкой являлась приходо-расходная книжка.

Пять лѣтъ упорной работы сдѣлали то, что изъ легкомысленнаго, тароватаго и нерасчетливаго офицера выработался настоящій дѣлецъ послѣдней формаціи. Правда, Евгеній Васильевичъ—Жени уже не было—прошелъ тяжелую школу, но цѣль была достигнута, когда нашему герою было всего двадцать восемь лѣтъ. Онъ стоялъ на виду, его всѣ знали, а главное—всѣ вѣрили въ него. Это сознаніе своей силы было лучше всего. Теперь черезъ руки Евгенія Васильевича проходили такія страшныя суммы, о какихъ не смѣли мечтать самые смѣлые его предшественники, умѣвшіе только проживать. Но за дѣльцомъ стоялъ живой человѣкъ, который пригнулъ себя къ землѣ. Когда все устроилось, этотъ живой человѣкъ и сказался. Евгеній Васильевичъ развернулся такъ, что ему могли только удивляться. Дни проходили за рабочимъ столомъ, а ночи отдавались гомерическимъ кутежамъ. Тутъ все покупалось, начиная отъ устрицы и кончая улыбкой модной женщины. Собственно говоря, оригинальнаго въ этомъ ничего не было—всѣ богатые люди такъ жили, но Евгеній Васильевичъ внесъ бѣшеный размахъ, родовую удаль и какое-то отчаянное веселье.

Всего какихъ-нибудь три года стоили ему страшныхъ денегъ. Главная статья расхода были женщины, тотъ особый міръ, который велъ счетъ на десятки и сотни тысячъ. На карту ставилось все, чтобы удовлетворить самолюбіе. Lea явилась здѣсь послѣдней ставкой. Она даже не нравилась Евгенію Васильевичу, но у нея было позорно-громкое имя. Ее нужно было отнять у другихъ во что бы то ни стало...

## VI.

Наступилъ и роковой день итога... Разыгрался одинъ изъ тѣхъ крахъовъ, которые повторяются время отъ времени съ большой помпой. Процессъ корнета Лугинина въ свое время надѣлалъ шума и занялъ на время все вниманіе публики, благодаря и дѣйствующимъ лицамъ, и средствамъ, и пикантнымъ подробностямъ. Евгеній Васильевичъ помнилъ только роковое утро, когда онъ пріѣхалъ къ Lea, — все кругомъ рушилось, оставалась женщина. Она приняла его довольно сухо, потому что уже знала о случившемся крахѣ.

— Ты посмотри на свой морда! — по-русски сказала она, подавая ему зеркало. — Посмотри...

— А что̀? — удивился Евгеній Васильевичъ, разсматривая свое лицо.

Lea захохотала, грубо и нахально, и проговорила только два слова:

— Жауликъ... мазурикъ...

Послѣдній Лугининъ даже замахнулся, чтобы однимъ ударомъ убить эту гадину, но во̀-время опомнился. Черезъ четверть часа Lea уже плакала, потому что ее вызывали въ судъ свидѣтельницей.

— О чемъ же ты плачешь? — удивлялся Евгеній Васильевичъ.

— У меня есть старый мамаша... Старый мамаша все будетъ узналъ...

— Успокойся, пожалуйста: во-первыхъ, твой старый мамаша не читаетъ русскихъ газетъ, во-вторыхъ, этотъ процессъ дастъ тебѣ еще неслыханную популярность, и, въ-третьихъ, ты должна серьезно обдумать костюмъ, въ которомъ явишься на судѣ. Понимаешь, вся публика будетъ тебя ждать... каждое твое слово будетъ ловить...

Процессъ Лугинина выдѣлялся только бѣшеными цифрами растраченныхъ денегъ и пикантными подробностями. Козломъ отпущенія являлся именно этотъ послѣдній Лугининъ, и на немъ сосредоточилось все вниманіе. Цѣлыхъ двѣ недѣли былъ онъ у позорнаго столба, когда выплывали на свѣтъ Божій всѣ мелочи. Не осталось, кажется, такой мелочи, которую не вытащили бы. Все прошлое корнета Лугинина промелькнуло передъ публикой, упивавшейся его позоромъ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ изящно-спокойный, даже съ легкой улыбкой презрѣнія, и начиналъ терять самообладаніе только въ моменты, когда на сцену выступало какое-нибудь новое женское имя. А ихъ было такъ много, этихъ женскихъ именъ. Евгеній Васильевичъ не понималъ только одного, чему радовалась эта публика? А она радовалась, онъ это чувствовалъ. Больше—ему завидовали, хотя и заднимъ числомъ.

— Всѣ вы такіе же!—хотѣлось ему крикнуть.—Только недостаетъ силенки...

А главное, только сидя на скамьѣ подсудимыхъ, Лугининъ почувствовалъ тотъ стыдъ, отъ котораго человѣкъ не уйдетъ, какъ не уйдетъ отъ собственной тѣни. Ахъ, какъ все глупо... Это сознаніе давило и угнетало его. Если бъ даже присяжные и оправдали его, то этимъ еще не сняли бы съ него душившее его сознаніе. Молодой красавецъ, съ выдающимся общественнымъ положеніемъ, и вдругъ такая позорная жизнь и такой жалкій конецъ. И ничего, что̀ могло бы удержать, остановить, образумить... Лугининъ теперь смотрѣлъ на самого себя издали и презиралъ, хотя не былъ по душѣ хуже другихъ. Такъ, подошла такая несчастная линія... И позоръ, позоръ, который не смоется ничѣмъ. Ему теперь стоило только назвать свою фамилію, чтобы всякій порядочный человѣкъ брезгливо отвернулся отъ него. Вѣдь это тотъ самый Лугининъ, который составлялъ фальшивые отчеты, растрачивалъ чужія деньги, подписывалъ фальшивые векселя и т. д., и т. д. И для чего? Для пьяныхъ оргій, для безобразія... Онъ обманывалъ сотни людей, довѣрявшихъ ему свои послѣдніе гроши, нажитые тяжелымъ трудомъ. Тутъ были и немощные старцы, и безпомощныя вдовы, и опекаемые малолѣтніе, и все это теперь вопіяло и требовало возмездія.

Онъ самъ себя осудилъ и потому встрѣтилъ обвинительный вердиктъ почти равнодушно. Только бы скорѣе кончилась вся эта тяжелая процедура. О будущемъ онъ старался не думать: будетъ, что̀ будетъ.

Наступило и это будущее. Лугининъ былъ сосланъ „въ не столь отдаленныя мѣста Сибири“, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и съ обязательствомъ не выѣзжать изъ мѣста ссылки въ теченіе трехъ лѣтъ. И вотъ онъ въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, за тысячи верстъ отъ Петербурга, въ совершенно незнакомой ему обстановкѣ, среди чужихъ людей, обычаевъ и порядковъ. Это были три тяжелыхъ года... Не разъ Евгенію Васильевичу приходила мысль о самоубійствѣ, до того было невыносимо. Сибиряки привыкли къ ссыльнымъ и относятся къ нимъ равнодушно, хотя подъ этимъ равнодушіемъ и скрыто много чисто-сибирскаго ехидства. Ссыльный все-таки остается чужимъ человѣкомъ и, вдобавокъ, человѣкомъ съ прошлымъ. Это прошлое лежитъ несмываемымъ пятномъ. Повидимому, его и принимаютъ, какъ своего человѣка, и обращаются за панибрата, а при первомъ случаѣ

бросятъ прямо въ лицо позорную кличку. Сознаніе этого органическаго отчужденія отравляетъ всю жизнь. Другимъ тяжелымъ обстоятельствомъ для Лугинина были собратья по ссылкѣ. Ихъ было человѣкъ шесть: два остзейскихъ барона, сосланныхъ за убійство въ запальчивости и раздраженіи своихъ кучеровъ, какой-то подозрительный польскій графъ, старавшійся изобразить изъ себя политическаго преступника, а въ сущности сосланный за контрабанду, бывшій городской голова — русачокъ, обокравшій банкъ, еврей изъ фальшивыхъ монетчиковъ, гусарскій офицеръ, восточный человѣкъ и т. д. Словомъ, компанія приличная. Въ другое время Лугининъ никому изъ нихъ не подалъ бы руки, а тутъ волей-неволей приходилось коротать время вмѣстѣ. Всего тяжелѣе было то, что всѣ презирали другъ друга, интриговали, ссорились, распускали другъ про друга невозможные слухи и вообще держали себя самымъ компрометирующимъ образомъ.

И съ этими подонками приходилось проводить время. Мало того, эти пропащіе люди не могли простить Лугинину его прошлаго, его успѣховъ и отравляли жизнь по каплямъ. Только въ ссылкѣ люди достигаютъ этого искусства, потому что праздной мысли не на чемъ успокоиться. Съ коренными сибиряками Лугининъ изъ гордости долго не рѣшался знакомиться, предчувствуя возможность обидныхъ инцидентовъ. Здѣсь было все возможно. Но время дѣлало свое дѣло, и сами собой образовались нѣкоторыя связи. Все-таки живые люди, живыя лица, интересы, — на время забывалось то прошлое, которое прошло мучительной тѣнью и „въ не столь отдаленныя мѣста". Здѣсь Лугининъ понялъ ту простую истину, почему преступникъ, скрывшій преступленіе съ дьявольской ловкостью, въ концѣ концовъ не выдерживаетъ и, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, отдаетъ себя въ руки правосудія. Это особая психологія, которая совершенно неизвѣстна нормальнымъ людямъ. Лугининъ понялъ это на самомъ себѣ: онъ безъ конца повторялъ про себя свое прошлое... И это который день. Терялась самая граница, отдѣлявшая область воображенія отъ дѣйствительности. Стоило остаться одному, и начиналась эта мучительная работа. Лугининъ по десятку разъ въ день переживалъ свою бурную жизнь и по десятку разъ приходилъ къ своему жгучему позору. Именно это было какое-то жгучее чувство... А потомъ являлась безконечная вереница самыхъ разнообразныхъ комбинацій: вѣдь вотъ что нужно было сдѣлать, сказать, написать и т. д. Это была та внутренняя казнь, отъ которой погибаютъ самыя сильныя натуры. Вынужденное бездѣлье давало достаточно времени для этой казни. Лугининъ ненавидѣлъ свою квартиру, себя самого, времена года, перемѣны дня и ночи, потому что это были только ступеньки, по которымъ тащилось что-то до того мучительное, чему нѣтъ названія.

И все-таки оставалось что-то въ родѣ надежды, вѣрнѣе — призракъ надежды. Вѣдь у него было столько друзей... Они его провожали, обѣщали писать, говорили какія-то жалкія слова. И вдругъ никого... Онъ былъ забытъ, какъ живой покойникъ. А вѣдь въ свое время за нимъ ухаживали, передъ нимъ заискивали, гордились знакомствомъ съ нимъ. Онъ имѣлъ неосторожность напомнить нѣкоторымъ о своемъ существованіи и даже не получилъ отвѣта. *Тамъ* все умерло для него... Боже мой, чего бы онъ ни далъ за то, чтобы отомстить этимъ друзьямъ и показать имъ, чего они стоятъ!.. Но это была недосягаемая мечта, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Даже враги были лучше, потому что были справедливѣе. Лугининъ длиннымъ рядомъ безцвѣтныхъ и пустыхъ дней прошелъ черезъ всю философію отчаянія и къ концу трехлѣтняго срока достигъ того тупого состоянія, которое граничило съ самоубійствомъ. День прошелъ, и слава Богу... И сколько такихъ дней

когда уходили молодость, здоровье, лучшія силы — все. И ни одинъ день не вернется...

Наконецъ кончились и эти три роковыхъ года. Нужно было что-нибудь предпринимать. Тѣ микроскопическія средства, которыя Лугининъ получалъ отъ родныхъ, конечно, не могли его удовлетворять и, кромѣ того, тяготили, какъ вынужденная милостыня. Времени было достаточно, чтобы обдумать во всѣхъ подробностяхъ возможный „проспектъ“ дальнѣйшаго существованія. Лугининъ зналъ только одно, что ни за какія блага въ мірѣ не обратится за совѣтомъ, поддержкой или помощью къ кому-нибудь изъ своихъ бывшихъ друзей, — онъ предпочелъ бы пустить себѣ пулю въ лобъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ написалъ письмо къ своему злѣйшему врагу, создавшему все дѣло. Онъ разсказалъ здѣсь все, что̀ пережилъ и почему рѣшился обратиться именно къ нему. Этотъ маневръ оправдалъ себя. Врагъ откликнулся и доставилъ Лугинину мѣсто управляющаго на золотыхъ пріискахъ по системѣ рѣки Чауша.

Лугинину показалось, что онъ родился во второй разъ, когда его дорожный тарантасъ выѣзжалъ изъ проклятаго сибирскаго городишка, гдѣ онъ столько вынесъ. Впереди была цѣль, нѣчто живое, а главное, работа. Ему теперь нравился и сибирскій просторъ, и эти зеленыя горы, и бойкая промысловая жизнь, и совершенно исключительный міркъ пріисковаго люда, до купленаго вора Гаврюшки включительно. Много времени отняло знакомство съ новымъ дѣломъ, потомъ устройство хоть какой-нибудь обстановки и вообще вся та практическая дѣятельность, которая не оставляла свободнаго времени для наболѣвшихъ думъ о прошломъ. Въ этомъ приспособленіи прошло около года, и Лугининъ точно ожилъ.

Но это продолжалось только въ періодъ приспособленія, а когда онъ закончился — явилась страшная тоска. Вѣдь хотѣлось жить въ тридцать пять лѣтъ... Къ этому критическому періоду относится знакомство Лугинина съ Мароой Семеновной Голыхъ, владѣвшей богатѣйшимъ Трехсвятскимъ пріискомъ. Пріисковая молва гласила, что ловкій петербургскій баринъ такъ или иначе околпачитъ пріисковую сибирскую дуру. Мароа Семеновна состояла на положеніи вдовы уже около пяти лѣтъ и была еще въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, когда мысль о замужествѣ не является преступленіемъ. Правда, что она была почти безобразна, но зато богата. Что̀ думалъ самъ Лугининъ, никому не было извѣстно.

— Оженимъ мы барина... — давно рѣшилъ про себя Гаврюшка. — Ужъ это вѣрно!..

## VII.

Черезъ три дня Евгеній Васильевичъ велѣлъ Гаврюшкѣ засѣдлать своего любимаго иноходца.

— Ты поѣдешь со мной, — коротко замѣтилъ онъ.

— Куды ѣхать-то? — озлобленно спрашивалъ вѣрный рабъ.

— А вотъ увидишь... Знаешь, что я не люблю глупыхъ вопросовъ.

Дѣло было утромъ; значитъ, баринъ собрался не въ ближній путь, и Гаврюшка имѣлъ полное основаніе считать себя обиженнымъ.

Евгеній Васильевичъ позавтракалъ, противъ обыкновенія, очень рано и торжественно облекся въ синюю куртку и такія же рейтузы: это былъ его спеціальный костюмъ для верховой ѣзды. Когда-то онъ ѣздилъ недурно, какъ ѣздятъ въ манежахъ, а теперь опустился и держался въ сѣдлѣ мѣшковато. Впрочемъ, на иноходцѣ можетъ ѣздить всякій, и для этого не нужно никакой науки.

— Куда его чортъ понесъ? — соображалъ Гаврюшка, слѣдуя за бариномъ на горбоносомъ и „раскостномъ“ киргизѣ съ поротымъ ухомъ.

А баринъ ѣхалъ по промысламъ, вверхъ по теченію Чауша. Онъ сдѣлалъ легкую остановку у новыхъ работъ, гдѣ сносили верхній пластъ для новаго „разрѣза“, и вызвалъ десятника. Около сотни пріисковыхъ таратаекъ, какъ мухи, расползлись въ глубокой земляной выемкѣ, спускавшейся уступами. Собственно „постель“, т.-е. золотоносный песчаный слой, начиналась въ третьей сажени. Евгеній Васильевичъ прикинулъ на глазъ сдѣланную за недѣлю выемку и нахмурился. Десятникъ его надувалъ.

— Ты у меня смотри, сахаръ!—пригрозилъ Евгеній Васильевичъ вороватому десятнику, вытянувшемуся передъ нимъ безъ шапки.

— Что̀ вы, Евгеній Васильичъ... Да сейчасъ съ мѣста не сойти, ежели что̀...— бормоталъ десятникъ, встряхивая головой.—Ужъ, кажется, стараемся...

— Хорошо, хорошо, поговоримъ послѣ...

Гаврюшка, стоя за барской спиной, закрылъ свою пасть ладонью, чтобы не расхохотаться. Ловко десятникъ влопался... Подтянетъ ужо̀ его Евгеній Васильевичъ. Узо̀рилъ всю механику... Орлиный глазъ у Евгенія Васильевича: какъ взглянулъ, такъ все плутовство и увидѣлъ.

— Я поговорю съ тобой,—повторилъ баринъ, давая поводья иноходцу.

Когда Евгеній Васильевичъ повернулъ по дорогѣ къ Дувану, для Гаврюшки сдѣлалось ясно, куда они ѣдутъ. Конечно, на Трехсвятскій, за семь верстъ киселя ѣсть. На худой конецъ, верстъ двадцать пять будетъ. Потомъ Гаврюшка ужасно встревожился: опять приходилось ѣхать мимо проклятаго мѣста. Пожалуй, и двухъ заразъ укокошатъ... Конечно, баринъ смѣлъ, да и спиртоносы охулки на руки не положатъ. Сильно трусилъ Гаврюшка, однако проѣхали Дуванъ благополучно. Хоть бы треснуло что̀ въ сторонѣ, а Евгеній Васильевичъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, переѣхавъ Чаушъ, остановилъ лошадь и, не торопясь, закурилъ папиросу.

— Форси, форси, деревянный чортъ!—ругался про себя Гаврюшка, съежившись въ сѣдлѣ, какъ грѣшная душа.—Какъ разъ гостинецъ прилетитъ...

Цѣлый часъ Гаврюшка испытывалъ сильную дрожь въ спинѣ, пока ѣхалъ по болоту къ Синюхѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже припалъ къ лошадиной шеѣ по воровской привычкѣ, когда впереди послышалось быстрое шлепанье ногъ, и затѣмъ звуки замерли. Очевидно, навстрѣчу шли спиртоносы и бросились съ дороги въ сторону, какъ вспугнутый тетеревиный выводокъ.

— Евгеній Васильичъ... слышали?

Баринъ даже не удостоилъ отвѣта, что̀ уже окончательно обозлило Гаврюшку. Теперь „купленый воръ“ уже ничего не боялся и даже желалъ, чтобы спиртоносы хорошенько пугнули хвастливаго барина.

„Поглядѣлъ бы, какъ ты лататы задалъ“,—думалъ Гаврюшка на своемъ воровскомъ пріисковомъ жаргонѣ.

Вотъ и подъемъ на гору Синюху,— опасность осталась позади. Лошади бодро начали подниматься на кручу. Солнце ярко освѣщало все шире и шире развертывавшуюся горную панораму. Гаврюшкѣ какъ-то вдругъ сдѣлалось совѣстно за свою заячью трусость. Вѣдь вотъ баринъ, онъ глазомъ не повелъ... Удалый баринъ, нечего сказать. Вотъ и перевалъ черезъ Синюху. Евгеній Васильевичъ остановился, чтобы дать лошади раздышаться. Гаврюшка изъ вѣжливости отъѣхалъ въ сторонку, чтобы раскурить свою трубочку-носогрѣйку, которую носилъ за голенищемъ.

— Короткая у тебя душонка, Гаврюшка,—замѣтилъ баринъ, подбираясь въ сѣдлѣ.—Ну, признайся, сильно трусилъ, когда по болоту ѣхали?

— Я?.. трусилъ?.. Еще не родился тотъ человѣкъ, котораго Гаврюшка бы струсилъ. Самого добрые люди боятся.

— А зачѣмъ за лошадиную шею давеча спрятался? Ахъ, ты...

Гаврюшка даже покраснѣлъ. Онъ былъ уничтоженъ. И какъ это баринъ могъ видѣть? Вѣдь на спинѣ у него глазъ нѣтъ.

До Трехсвятскаго осталось верстъ пятнадцать. Дорога шла подъ гору, и лошади, привычныя къ горнымъ тропамъ, пошли ходкой рысью. Евгеній Васильевичъ подтянулся въ сѣдлѣ и любовался картинами горной дороги. Хорошо здѣсь лѣтомъ, точно въ паркѣ,—именно этимъ сравненіемъ баринъ и подумалъ и даже вздохнулъ, припоминая далекое прошлое, когда онъ катался на настоящей англійской лошади по настоящему парку, въ обществѣ настоящей амазонки. Въ сущности говоря, природа безъ женщины не имѣетъ даже смысла, какъ красивый цвѣтокъ безъ аромата.

— А Мареа-то Семеновна того...—неожиданно заговорилъ Гаврюшка, болтая локтями въ тактъ скакавшей лошади.

— Чего?

— А вотъ это самое, Евгеній Васильичъ... Можетъ, вы запримѣтили ейную племянницу, Капитолину Михевну. Она, значитъ, Мареа Семеновна, держитъ ее въ черномъ тѣлѣ, а Трехсвятскій-то въ полномъ правѣ у Капитолины Михевны. Конечно, она на дѣвичьемъ положеніи и ничего не понимаетъ...

— Какъ такъ?—изумился баринъ и даже пріостановилъ лошадь.—Какое полное право можетъ быть у Капочки?

— А вотъ такое!.. Я-то это самое дѣло вотъ какъ хорошо знаю. Въ лучшемъ видѣ... Значитъ, еще когда родитель Капитолины Михевны, Михей Зотычъ, были въ живности, такъ при мнѣ и заявку на Трехсвятскій дѣлали. Какъ же, вотъ какъ сейчасъ его вижу... Ихъ было два брата—старшій Абрамъ Зотычъ, а Михей Зотычъ меньшакъ. Ну, Абрамъ-то Зотычъ въ степи гурты гонялъ и золотомъ не любопытничалъ, а Михей Зотычъ даже очень былъ подверженъ золоту. Замашка эта самая у него была... Ну, когда пали слухи, что на рѣчкѣ Каменкѣ старатели обыскали жилу, онъ сейчасъ туда и сейчасъ старателямъ отступного, и заявку на себя сдѣлалъ. Вотъ и вышелъ Трехсвятскій пріискъ... Оченно хорошо все помню, потому какъ тогда одного спирту переносилъ старателямъ и не сосчитать сколько!.. Недѣли съ три пировали...

— Ну, а какъ же пріискъ очутился у Мареы Семеновны?

— Опять-таки все на моихъ глазахъ было, Евгеній Васильевичъ... Значитъ, Михей-то Зотычъ вдовѣлъ уже который годъ, а Капитолина Михевна были еще совсѣмъ махонькой дѣвчонкой. Изъ-за нея онъ и во второй разъ не женился... Ну, а потомъ дѣло это самое обставилъ, Трехсвятскій себя оправдалъ вполнѣ, и Михей Зотычъ вошелъ въ большіе капиталы, а только все какъ будто тосковалъ. Все есть, а милъ-сердечна друга нѣтъ... Ну, сталъ онъ задумываться, а потомъ, того, возьми и помри. Совсѣмъ даже безо времени померъ, пятидесяти годовъ не было, да и дѣвочка эта самая осталась послѣ него годку по восьмому. Все-таки духовная, сказываютъ, сдѣлана была на Капитолину Михевну... Хорошо... Сейчасъ, значитъ, въ дѣло и вступись старшій-то братъ Абрамъ Михеичъ и оборудовался опекуномъ. Смирный былъ человѣкъ, а тутъ не ошибся. Онъ на Мареѣ-то Семеновнѣ на второй былъ женатъ, она-то совсѣмъ молодая была и подбивала его на все. Забрали они Трехсвятскій, забрали Капочку и зачали жить-поживать да добра наживать...

Ну, а тутъ и Абрамъ Зотычъ душу Богу отдали, потому какъ были ужъ старички. Дѣтей у нихъ не осталось, и Марѳа Семеновна все послѣ нихъ заграбастала. Завидущая она на деньги... Только и то сказать, что баба она орелъ. Другому мужчинѣ супротивъ нея не сдѣлать. Вездѣ сама: и въ шахту спустится и верхомъ на лошади гоняетъ,—на всѣ руки баба. И Капитолину Михевну держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ, въ томъ родѣ, какъ круглую сироту.

— Что же ты мнѣ этого раньше не разсказалъ, идіотъ?

— Чего тутъ разсказывать-то: всѣмъ извѣстно. Къ слову не пришлось... Въ прошлый разъ Марѳа Семеновна изъ собственныхъ рукъ мнѣ агроматный стаканъ водки поднесла. Правильная женщина.

— Ужъ на что правильнѣе! Ахъ, ты, идіотъ, идіотъ, Гаврюшка...

— Ужъ каковъ зародился... Хорошіе-то по хорошимъ, а мы вашей милости достались.

Евгеній Васильевичъ не обратилъ никакого вниманія на эту дерзость, потому что былъ совершенно ошеломленъ разсказомъ Гаврюшки. Онъ еще разъ заставилъ его повторить все съ начала и задумчиво произносилъ въ тактъ разсказа:

— Такъ, такъ... гм... да.

У него въ головѣ быстро созрѣлъ цѣлый планъ. Какъ это онъ раньше самъ не могъ догадаться? Гаврюшка, конечно, глупъ, да и онъ не умнѣе. Можно было спросить, навести справки стороной. Евгеній Васильевичъ съ особенной живостью припомнилъ теперь Капочку: средняго роста, свѣтлорусая, съ блѣднымъ лицомъ, одѣта всегда скромненько, говоритъ мало. Признаться сказать, онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, принимая за бѣдную родственницу, которую Марѳа Семеновна воспитываетъ изъ состраданія. Хорошо состраданіе!.. Евгеній Васильевичъ весь какъ-то встрепенулся, какъ охотничья собака, почуявшая дичь. Въ немъ сказался похороненный дѣлецъ. Онъ даже подтянулся въ сѣдлѣ, закрутилъ усы и крякнулъ.

— Вотъ и Трехсвятскій,—заявилъ Гаврюшка, когда они поднялись на лѣсистую горку.—Эвонъ, Евгеній Васильичъ, въ полугорѣ три сосны отшиблись отъ лѣсу—тутъ у меня привалъ былъ. Сколько я этого спирту переносилъ къ этимъ самымъ соснамъ... Цѣлый кабакъ!..

— Повѣсить бы тебя на этихъ соснахъ, каналью!

— Охъ, какъ бы еще слѣдовало повѣсить, Евгеній Васильевичъ! Это вы правильно.

Трехсвятскій пріискъ занялъ обочину горы, спускавшейся крутымъ уваломъ къ горной рѣчонкѣ Каменкѣ. Работы здѣсь не были такъ разбросаны, какъ на Чаушѣ, а сбились въ одномъ мѣстѣ, гдѣ были заложены три главныхъ шахты. Дѣло въ томъ, что на Трехсвятскомъ разрабатывали коренное золото, залегавшее въ кварцевыхъ жилахъ, а не розсыпное, какъ на Чаушѣ. Отъ шахтъ тянулся громадный валъ поднятой изъ земныхъ нѣдръ пустой породы. Вся работа сосредоточивалась въ двухъ деревянныхъ корпусахъ, построенныхъ подъ шахтами: тутъ и руду поднимали изъ шахтъ, и воду откачивали, и дробили золотоносный кварцъ подъ чугунными „бѣгунами“, и улавливали золото на амальгамированныхъ шлюзахъ. Недалеко отъ шахтъ крѣпко засѣлъ деревянный домъ съ зеленой желѣзной крышей—это было жилище Марѳы Семеновны. Остальная пріисковая городьба прижалась въ сторонкѣ, гдѣ горбились крыши конторы, казармъ для рабочихъ и отдѣльныхъ домиковъ, въ которыхъ жили пріисковые служащіе. Пріискъ вообще выглядѣлъ весело, какъ сытый человѣкъ, а двѣ паровыхъ машины дымили день и ночь.

Евгеній Васильевичъ посмотрѣлъ на пріискъ прищуренными глазами и подумалъ:

„И вдругъ все это будетъ мое... Да, комбинація недурна!..“

## VIII.

Марѳа Семеновна была дома... Она сидѣла на террасѣ, выходившей въ маленькій чахлый садикъ, и пила чай. Это была высокая, заплывшая „вдовьимъ жиромъ“ женщина неопредѣленныхъ лѣтъ. Скуластое лицо съ широкимъ носомъ смотрѣло такими хитрыми темными глазами. Широкій ротъ и прямые волосы, цвѣта мочалы, дополняли эту незамысловатую географію сибирской красавицы. Одѣвалась Марѳа Семеновна съ нѣкоторыми претензіями и всему предпочитала лиловый цвѣтъ. На головѣ она носила черную шелковую купеческую „головку“ и не спускала съ плечъ, несмотря ни на какое время года, теплаго оренбургскаго платка.

Появленіе гостей было встрѣчено отчаяннымъ лаемъ вылетѣвшихъ за ворота двухъ высокихъ и тощихъ киргизскихъ псовъ. Входъ въ горницы шелъ со двора, по-старинному. Евгенію Васильевичу нравилась эта тугая сибирская архитектура—и крѣпко, и тепло и уютно. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ входилъ на низенькое деревянное крылечко и уже въ передней чувствовалъ, какъ его охватывала совершенно особая атмосфера довольства. Здѣсь пахло и старыми наливками, стоявшими въ полуведерныхъ бутыляхъ по окнамъ, и какими-то старинными цвѣтами, и роснымъ ладаномъ, и чѣмъ-то еще неопредѣленно-вкуснымъ, чѣмъ пахнетъ только въ такихъ домахъ. Налѣво изъ передней дверь вела въ небольшую пустую комнату, когда-то служившую хозяину кабинетомъ, направо — въ небольшую гостиную, а прямо—въ столовую, выходившую стеклянной дверью на террасу. Изъ столовой одна дверь вела въ комнату Марѳы Семеновны, замѣнявшую ей спальню и кабинетъ, и въ кухню, а деревянная лѣстница поднималась наверхъ, въ мезонинъ, гдѣ жила Капочка. Евгеній Васильевичъ, въ качествѣ своего человѣка, входилъ безъ доклада и зналъ, гдѣ найдетъ хозяйку. Теперь его встрѣтила старуха-нянька Митревна, относившаяся къ нему почему-то недоброжелательно. Она ходила въ косоклинныхъ сарафанахъ, по-старинному.

— Барыня дома?—спросилъ ее Евгеній Васильевичъ.

— Какія у насъ барыни?.. Тебѣ хозяйку, такъ она на галдарѣ чай разводитъ...

Марѳа Семеновна была занята дѣловымъ разговоромъ. Передъ ней на вытяжку стоялъ главный приказчикъ, Спиридонъ Ефимычъ, краснощекій молодецъ съ какимъ-то особенно непріятнымъ, нахальнымъ выраженіемъ лица. Онъ былъ въ пиджакѣ и сапогахъ бутылками. Лѣвая рука, заложенная за спину, усиленно вертѣла суконную фуражку. За чайнымъ столомъ, въ уголкѣ, сидѣла Капочка, показавшаяся Евгенію Васильевичу сегодня такой маленькой, совсѣмъ дѣвочкой-подросткомъ. Онъ замѣтилъ, что она такъ гладко зачесываетъ свои русые волосы и что это такъ идетъ къ ея скромному личику.

— А, бѣлая дворянская косточка...—пѣвуче привѣтствовала Марѳа Семеновна, протягивая гостю свою затекшую руку съ короткими пальцами, унизанными кольцами.—Ну, каково прыгаешь? Получилъ мою записку? Не умѣю я расписывать-то, а только не нуждѣ когда. Вонъ Спиридонъ пишетъ, а то Капочка... Она у меня грамотная.

Приказчикъ недружелюбно скосилъ глаза на гостя, а Капочка такъ мило потупилась. Евгеній Васильевичъ изъ всего, что дѣлалось на террасѣ, по-

чему-то видѣлъ только ея тонкіе бѣлые пальцы, тревожно перебиравшіе кайму чайной скатерти.

— Давно къ вамъ собирался, Марѳа Семеновна,—заговорилъ гость, безъ приглашенія подсаживаясь къ столу,—да все какъ-то было некогда...

— У тебя все некогда,—засмѣялась хозяйка.—Вчерашній день потерялъ... Ну, Спиридонъ, такъ въ новомъ штрекѣ поставьте стойки лиственичныя, потому какъ тамъ вода долитъ.

— Слушаю-съ...

— А съ машинистомъ я сама переговорю. У него всегда котлы портятся... Надо его проучить, а то больно зазнался. Попугать для порядку надо...

— Это ужъ извѣстно, Марѳа Семеновна. Тоже вотъ штегерь, который на второмъ номерѣ стоитъ, совсѣмъ отъ рукъ отбился. Подтянуть и его слѣдовалъ...

— Да себя-то, Спиридонъ, не забывай подтягивать. Чей хлѣбъ-то ѣшь? То-то вотъ... Ну, а теперь ступай.

Спиридонъ еще разъ искоса взглянулъ на гостя, встряхнулъ головой и вышелъ, ступая какъ-то нехотя. Въ дверяхъ онъ еще разъ оглянулся, а фуражка въ лѣвой рукѣ сдѣлала тревожный вольтъ.

— Строго вы всѣхъ держите, Марѳа Семеновна,—замѣтилъ Евгеній Васильевичъ, принимая отъ Капочки стаканъ чаю.—Даже мнѣ немножко страшно сдѣлалось...

— Нельзя, ангелъ ты мой... Женское дѣло слабое. Каждый такъ и норовитъ кругомъ обмануть дуру-бабу, ну, и бережешься.

— А Спиридонъ Ефимычъ развѣ плохо смотритъ?..

— Пока не могу пожаловаться, а все-таки глазъ нуженъ. Охъ, и мудреная наша женская участь... Капочка, ты бы насчетъ закуски тамъ сообразила. Закажи кухаркѣ пирожковъ съ соленой рыбкой, да рябчики гдѣ-то у насъ маринованные были, да ветчинки, да рыжичковъ, да еще паюсной икорки... А наливку, которую мы рѐсчали, подай сейчасъ же. Евгеній Васильичъ уважаетъ наливки...

— Да вѣдь рано, Марѳа Семеновна,—попробовалъ защищаться гость.

— Кому рано, а намъ въ самую пору. Я съ пяти часовъ на ногахъ... Какъ каторжная бьюсь, а сама не знаю, для чего.

Капочка молча вышла,—она все дѣлала молча, и Евгеній Васильевичъ даже не могъ припомнить, какой у нея голосъ.

— Отчего вы ко мнѣ никогда не пріѣдете въ гости, Марѳа Семеновна?..

— Я-то?.. А боюсь, какъ бы ваши спиртоносы не пристрѣлили, какъ въ прошлый разъ твоего Гаврюшку. И слѣдовало бы порѣшить его...

Къ особенностямъ Марѳы Семеновны принадлежало то, что, почти не выѣзжая со своего пріиска, она знала рѣшительно все, что̀ дѣлалось на сто верстъ кругомъ. И теперь она уже слышала про случай съ Гаврюшкой.

— Новый разрѣзъ ведутъ у васъ на Чаушѣ?—продолжала Марѳа Семеновна, отпивая чай съ блюдечка.—Что̀ же, дѣло хорошее... Легкая у васъ работа: все золото наверху, а наше внизу. Теперь на семнадцатой сажени идемъ.

— Давайте мѣняться пріисками, Марѳа Семеновна? Я съ удовольствіемъ уступлю вамъ свое легкое золото...

— Ну, ну, тоже и скажешь, сахаръ!.. Вотъ всѣ такъ-то, какъ ты сейчасъ...

— Какъ?

— А все оммануть ладятъ дуру-бабу. Не корыстное у насъ дѣло на Трехсвятскомъ. Прежде, точно, хорошее золото шло, а нонѣ что-то я его и не вижу совсѣмъ. Воруютъ сильно... Гдѣ углядишь за всѣми!

Марѳа Семеновна отличалась большой, чисто-сибирской подозрительностью и рѣшительно никому не вѣрила. Вообще, это была скрытная натура, съ прижимцемъ. Объ ея пріисковыхъ дѣлахъ тоже никто и ничего не зналъ, даже главный приказчикъ Спиридонъ Ефимычъ. Недовѣріе ко всему и ко всѣмъ было возведено въ цѣлую систему, а для видимости прикрывалось бабьими жалобами и разными жалкими словами. Прихлебывая чай и глядя на хозяйку, Евгеній Васильевичъ невольно подумалъ: „Ну, и кулакъ-баба... Вся какая-то заржавѣлая!“.

За закуской Марѳа Семеновна немножко оттаяла,—ѣда была ея слабостью. У нея даже лицо дѣлалось другимъ, точно оно распускалось отъ удовольствія. Она, угощая гостя, сама прикушивала отъ всего и по-мужски запивала наливкой.

— Угощать-то тебя тошнехонько, Евгеній Васильевичъ... По-барски ѣшь: чуть притронешься. Вотъ и насчетъ наливки тоже слабъ... Меня только конфузишь.

Евгеній Васильевичъ питалъ какое-то органическое отвращеніе къ вину и къ пьяницамъ въ особенности. Въ пьяной компаніи онъ былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Пристрастіе Марѳы Семеновны къ наливкамъ всегда вызывало въ немъ брезгливое чувство, а сейчасъ онъ даже старался не смотрѣть на нее. Затѣмъ, онъ зналъ, что, выпивъ и закусивъ, она сдѣлаетъ сладкіе глаза и начнетъ деликатный разговоръ о женитьбѣ.

— Все еще не женился?—спросила Марѳа Семеновна, точно отвѣчая на его тайную мысль.

— Пока нѣтъ... Вы знаете, что у меня одна невѣста,—кухарка Агаѳья. Но тутъ серьезная конкуренція: за ней ухаживаетъ Гаврюшка. И, знаете, всѣ шансы на его сторонѣ...

— Н-но-о?..

— Да ужъ такъ, Марѳа Семеновна...

— Тоже и скажешь...

Марѳа Семеновна фамильярно хлопнула его по плечу и расхохоталась безъ всякой причины, какъ хохочутъ захмелѣвшіе люди.

— Погоди, бѣлая кость, найдемъ и невѣсту... Только вѣдь тебѣ, пожалуй, и не угодишь: съ музыкой для тебя подавай дѣвицу, а у насъ такой и не сыскать.

— Ничего и безъ музыки...

— Ай врешь... Не туда смотришь...

Какъ разъ въ этотъ моментъ вошла Капочка. Она принесла на тарелкѣ новую партію горячихъ пирожковъ. Отъ Марѳы Семеновны не ускользнуло, какъ гость взглянулъ на дѣвушку и какъ Капочка сдѣлала видъ, что смотритъ въ сторону. Марѳа Семеновна нахмурилась и хлопнула еще рюмку наливки сверхъ абонемента. Тоже порядки въ домѣ, нечего сказать... Капочка инстинктивно почувствовала эту нѣмую сцену и торопливо вышла изъ столовой.

— Вотъ женись на Капочкѣ,—разсчитанно-громко сказала Марѳа Семеновна.—И приданое хорошее: четыре недѣли на мѣсяцъ получитъ. Она у меня тихоня...

— Что же, Капочка дѣвушка хорошая — согласился Евгеній Васильевичъ.—Только ей нужно мужа молодого.

— Гдѣ ихъ, молодыхъ-то, взять? Не принасены они для насъ, да и на грядѣ не растутъ, какъ рѣдька...

— А Спиридонъ Ефимычъ чѣмъ не женихъ?..

Это была отплата за вопросъ о Капочкѣ, и Мароа Семеновна даже подобрала строго губы. Евгеній Васильевичъ ей нравился, и она любила вести съ нимъ вольные разговоры, пользуясь своимъ вдовьимъ положеніемъ. Да и баринъ разбитной, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— Ну, будетъ шутки-то шутить,—серьезно замѣтила Мароа Семеновна.— Не гоже это намъ съ тобой... Вонъ у тебя сѣдой волосъ пробивается. Тоже не къ молодости дѣло идетъ...

Послѣ завтрака отправились осматривать работы. Мароа Семеновна даже предложила спуститься въ шахту, чтобы осмотрѣть новый штрекъ, но Евгеній Васильевичъ отказался. Онъ сегодня не былъ расположенъ къ такимъ подвигамъ.

— Что̀ ты, отецъ, точно муху проглотилъ? — замѣтила Мароа Семеновна.

— И то доро̀гой проглотилъ настоящую муху... Чуть не подавился.

Около нихъ, какъ тѣнь, все время ходилъ Спиридонъ Ефимычъ, и все время его фуражка вертѣлась въ лѣвой рукѣ.

Когда возвращались съ шахты, Евгенію Васильевичу показалось, что въ мезонинѣ изъ-за занавѣски выглянуло блѣдное личико Капочки. Это ничтожное обстоятельство даже взволновало его.

## IX.

Мароа Семеновна все время обѣда находилась въ дурномъ расположеніи духа и кушала меньше обыкновеннаго. Чтобы досадить чопорному барину, она пригласила къ обѣду Спиридона Ефимыча. Чѣмъ онъ хуже другихъ? Гость понялъ этотъ маневръ и все время былъ преувеличенно-вѣжливъ съ приказчикомъ, который отвѣчалъ ему только „да-съ“ и „нѣтъ-съ“. Капочка тоже обѣдала, но сидѣла все время, какъ на иголкахъ. Дѣвушка предчувствовала собиравшуюся грозу.

— Послѣ обѣда кофею попьемъ,—замѣтила Мароа Семеновна такимъ тономъ, какимъ ждутъ отказа.

— Нѣтъ, мнѣ нужно ѣхать домой,—отвѣтилъ Евгеній Васильевичъ.— И то я засидѣлся у васъ... Когда же вы ко мнѣ пріѣдете погостить, Мароа Семеновна?

— А послѣ дождика въ четвергъ... Посмѣяться тебѣ хочется надъ старой бабой, Евгеній Васильевичъ: куда я поѣду верхомъ?.. Комплекція не позволяетъ.

— Да вѣдь вы ѣздите?

— По нуждѣ и на палкѣ поѣдешь...

Обѣдъ наконецъ кончился. Евгеній Васильевичъ былъ радъ поскорѣе убраться изъ этого дома.

— Оставался бы ты ночевать у насъ,—уговаривала Мароа Семеновна.— Вонъ въ кабинетѣ нянька наладила бы тебѣ постель... Тоже не молодое твое дѣло верхомъ трястись двадцать пять верстъ.

— Для моціона это полезно, Мароа Семеновна... Я буду васъ ждать...

Выходя на крыльцо, Евгеній Васильевичъ оглянулся на пустой кабинетъ и гостиную, обставленную съ трактирной роскошью. У него мелькнула мысль: вотъ домъ, который ждетъ настоящаго хозяина, того человѣка, который выгонитъ отсюда эту старую ворону Мароу Семеновну. Съ этой мыслью

онъ легко вскочилъ на своего иноходца и даже улыбнулся. Гаврюшка, подавая стремя, сильно пошатнулся. Каналья опять былъ пьянъ... Выровнявъ поводья, Евгеній Васильевичъ раскланялся съ хозяйкой и быстрымъ аллюромъ выѣхалъ изъ воротъ. Поровнявшись съ шахтой, онъ оглянулся назадъ, и ему показалось, что въ мезонинѣ опять мелькнуло блѣдное личико Капочки.

— Да... комбинація...—вслухъ подумалъ онъ, давая иноходцу поводья.

Въ душѣ у него заныло знакомое чувство. Какъ это онъ раньше не замѣчалъ Капочки, а вѣдь она прехорошенькая. Такая изящная, милая простота и этотъ безотвѣтный дѣтскій взглядъ... Нѣтъ, рѣшительно, милая дѣвушка. Именно такія натуры дарятъ самыми удивительными неожиданностями. Въ его практикѣ было два-три такихъ случая... Старый грѣшникъ даже улыбнулся, представляя себѣ Капочку въ роли... ну, маленькой жены. Какъ мило это полное невѣдѣніе, и какая прелесть, когда это невѣдѣніе въ вашихъ рукахъ пройдетъ всю гамму нетронутаго чувства.

Не успѣли всадники спуститься къ Каменкѣ, какъ въ пріисковомъ домѣ разыгралась настоящая драма. Марѳа Семеновна послала няньку за Капочкой и, когда та спустилась съ мезонина, накинулась на нее съ яростью пьянаго человѣка.

— Ты это что̀, матушка, глаза-то пялишь на чужихъ мужчинъ?!..—орала она, краснѣя и задыхаясь.—А? Ты думаешь, я-то ослѣпла... а?.. Когда съ шахты шли, ты это чего въ окошкѣ у себя вертѣлась?..

Капочка стояла, опустивъ глаза. Въ лицѣ у нея не было кровинки. Она привыкла къ подобнымъ сценамъ, и ее больше всего конфузило присутствіе Спиридона Ефимыча, стоявшаго у дверей въ почтительной позѣ вѣрнаго раба.

— И за чаемъ тоже... и за обѣдомъ! — кричала Марѳа Семеновна, входя въ ражъ. — А онъ теперь ѣдетъ и надъ тобой же смѣется... Засрамила ты меня, змѣя подколодная. Ну, что̀ молчишь-то?.. Думаешь, онъ на тебѣ женится? Таковскій и человѣкъ...

— Имъ нужна невѣста съ богатымъ приданымъ, — политично вставилъ словечко приказчикъ, глядя на Капочку.—Не тотъ коленкоръ.

Марѳа Семеновна всячески обругала несчастную Капочку и кончила тѣмъ, что ударила ее по лицу. Дѣвушка закрыла лицо руками.

— Съ глазъ моихъ вонъ! — орала Марѳа Семеновна, топая ногами. — Видѣть тебя не могу... Изъ милости мой хлѣбъ ѣшь, да меня же срамишь. Я изъ тебя выколочу дурь-то... Онъ-то думаетъ, что у тебя милліоны приданаго, вотъ и льнетъ, а не знаетъ того, что ты нищая и, окромѣ своей дури, ровно ничего не имѣешь.

Капочка наконецъ была отпущена къ себѣ въ мезонинъ. Марѳа Семеновна раздраженно шагала по комнатѣ. Спиридонъ Ефимычъ нѣсколько разъ кашлянулъ, а потомъ проговорилъ почтительнымъ тономъ:

— Напрасно вы себя изволите тревожить, Марѳа Семеновна...

— Что-о?..

— Я говорю-съ, напрасно-съ... потому что этотъ баринъ, прямо сказать, ни съ чѣмъ пирогъ. Такъ, шантрапа на заячьемъ мѣху... Воръ! сосланный!

— Да тутъ не въ баринѣ дѣло, идолъ ты деревянный!.. Ты за нее, за Капитолину, заступаешься... По глазамъ твоимъ воровскимъ вижу!

— И не думалъ-съ, потому какъ это дѣло нисколько меня не касаемо,— еще почтительнѣе оправдывался приказчикъ, играя фуражкой.

— Врешь, подлецъ!.. Всѣ вы подлецы... Ты думаешь, я не вижу, какъ

ты зѣнки-то таращишь на Капитолину?.. Ну, признайся, нравится она тебѣ? Молоденькая... а? То-то поигрываешь глазами-то и мурло свое воротишь... Разстрѣляла бы я васъ всѣхъ, варнаковъ!..

Словомъ, Марѳа Семеновна расходилась вполнѣ, и приказчику досталась здоровая головомойка, хотя онъ и не боялся хозяйскаго гнѣва ни на волосъ. Марѳа Семеновна давно уже ревновала его къ Капочкѣ.

Отъѣхавъ версты три, Евгеній Васильевичъ остановился, раскурилъ папиросу и отчетливо произнесъ всего одно слово:

— Ду-у-ракъ!..

Гаврюшка только тряхнулъ головой, принявъ это замѣчаніе на свой счетъ. Ну что̀ же, пусть ругается... да. И что̀ за бѣда такая, что человѣкъ маленько выпилъ? Не укралъ... Сама Марѳа Семеновна выслала къ обѣду агроматный стаканъ водки, ну, а послѣ обѣда со штегеремъ раздавили полштофа. Опять бѣды нѣтъ: очень ужъ хорошъ штегерь...

— Ду-у-ракъ!.. — повторилъ Евгеній Васильевичъ, подбирая ноги въ стременахъ.

Баринъ бранилъ самого себя, какъ догадался Гаврюшка, и подумалъ про себя, почесывая за ухомъ: „Дуракъ не дуракъ, а съ придурью...“

„Нѣтъ, можно было глупѣе вести себя?—думалъ Евгеній Васильевичъ, продолжая осѣнившую его мысль. — Это называется показать всю игру съ перваго хода... Такъ дѣлаютъ только мальчишки. Стыдно, Евгеній Васильевичъ... Глупо, другъ мой! Непростительно... А она, небось, сразу сообразила, какую я муху проглотилъ, и вся на дыбы. И это я-то не могъ обмануть и провести такой точеной дуры? Я — Евгеній Лугининъ?.. А какихъ она мнѣ дерзостей наговорила относительно старости и сѣдыхъ волосъ... Потомъ, это предложеніе жениться на Капочкѣ... вѣдь это насмѣшка прямо въ глаза. Нѣтъ, она совсѣмъ не такъ глупа, какъ кажется, а я держалъ себя дуракомъ“.

Эти мрачныя мысли, впрочемъ, скоро смѣнились другими, и Евгеній Васильевичъ не безъ удовольствія замѣтилъ уже вслухъ:

— Подождите, уважаемая Марѳа Семеновна, смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній... Еще увидимъ, чья возьметъ. Ха-ха... Воображаю картину, когда она останется въ дуракахъ. То-то взбѣсится чортова баба... Ничего, пусть себѣ бѣсится. Пора и честь знать, матушка.

Да, планъ былъ не дуренъ... Кстати, Евгеній Васильевичъ припомнилъ, какъ онъ прошлой зимой ночевалъ на Трехсвятскомъ. Марѳа Семеновна къ вечеру порядочно накуликалась и смотрѣла на него игриво-масляными глазами. Вспомнивъ про свою домашнюю тоску и одиночество на Чаушѣ, Евгеній Васильевичъ тогда даже подумалъ: „А что̀, если жениться на этомъ монстрѣ? Положимъ, это гадость, но гадость самая обыкновенная, которая постоянно продѣлывается... Бракъ по расчету, и только. Не я первый, не я послѣдній“. А вѣдь могло случиться, что недавній левъ превратился бы въ мужа какой-то кувалды... Эта мысль мелькала у него и потомъ, хотя онъ и открещивался отъ нея. Конечно, его манило обезпеченное положеніе, а Марѳу Семеновну онъ бы устроилъ по-своему... M-me Лугинина! Ха-ха... да. И вдругъ оказалось бы, что у m-me Лугининой ровно столько же денегъ, какъ у m-r Лугинина. Это уже комедія и даже не смѣшная комедія, а чортъ знаетъ что̀ такое. Только въ медвѣжьихъ углахъ могутъ приходить такія звѣриныя мысли...

Гаврюшка ѣхалъ за бариномъ, сильно раскачиваясь въ сѣдлѣ. Время отъ времени онъ ловилъ воздухъ рукой и ухмылялся. На воздухѣ его немного продуло, и онъ крутилъ головой, припоминая угощеніе на Трехсвят-

скомъ. Потомъ Гаврюшкѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно, такъ что онъ принужденъ былъ закрывать ротъ ладонью. Это невинное упражненіе закончилось тѣмъ, что Гаврюшка вдругъ прыснулъ самымъ глупымъ образомъ.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ, каналья?—обратился къ нему Евгеній Васильевичъ.

Гаврюшка, вмѣсто отвѣта, прыснулъ вторично и даже припалъ своей головой къ лошадиной шеѣ.

— О-хо-хо!..—заливался онъ, разразившись неудержимымъ хохотомъ, точно прорвало плотину. — Евгеній Васильичъ, не могу... Моченьки моей не стало. О-хо-хо...

— Да что̀ случилось-то? Говори, болванъ...

— О-хо-хо... Штегерь... мы съ нимъ водку пили... ну, онъ и говоритъ... да... Видѣли этого... ну, приказчика Спирьку?.. Змѣй онъ, а Марѳѣ Семеновнѣ слаще меда пришелся...

— Перестань глупости болтать...

— Какія глупости, когда она ему шелкову жилетку подарила и сапоги со скрипомъ. Всѣ знаютъ на Трехсвятскомъ-то. Она его по ночамъ черезъ галдарею пущаетъ. Капитолина-то Михевна спитъ у себя въ мезонинчикѣ дѣвичьимъ дѣломъ, а Марѳа Семеновна съ милымъ другомъ свое женское удовольствіе получаетъ. Ловко... А Спирька теперь гоголемъ по Трехсвятскому ходитъ: я не я, и чортъ мнѣ не братъ.

Это извѣстіе совсѣмъ не входило въ планы Евгенія Васильевича. Сначала онъ не повѣрилъ пьяной болтовнѣ Гаврюшки, а потомъ, припомнивъ нѣкоторыя мелочи нынѣшняго дня, долженъ былъ согласиться.

„Ахъ, чортъ возьми, съ конкурентомъ придется имѣть дѣло“,—думалъ онъ.

Солнце уже сѣло, когда они спустились съ Синюхи. Ржавое болотце было подернуто холоднымъ туманомъ. Каждый лошадиный шагъ былъ слышенъ, особенно когда жулькала подъ копытомъ вода. Но Гаврюшка теперь ничего не боялся. Э, все равно, двухъ смертей не будетъ... Подъѣзжая къ Дувану, онъ даже загорланилъ какую-то пѣсню: пусть чувствуютъ, что купленый воръ ѣдетъ и никого не боится.

— Перестань, идіотъ,—остановилъ его Евгеній Васильевичъ.

— Никого не боюсь, Евгеній Васильичъ... Ну-ка, вы, выходите сюды: вотъ онъ, Гаврюшка, ѣдетъ. Хо-хо...

## X.

Мысль о Трехсвятскомъ засѣла въ головѣ Евгенія Васильевича гвоздемъ. Вѣдь стоило только жениться на Капочкѣ... Предварительно все-таки нужно было разузнать всѣ подробности черезъ „окольныхъ людей“. Нельзя же полагаться на болтовню какого-нибудь Гаврюшки. Съ другой стороны, эти окольные сибирскіе люди—народъ хитрый, и съ ними приходилось держать ухо востро, чтобы не выдать своего плана. Всякое дѣло требуетъ серьезной подготовки, и Евгеній Васильевичъ не желалъ въ свои сорокъ лѣтъ дѣлать мальчишескихъ ошибокъ. Игра, такъ игра...

Лѣто длинно, свободнаго времени достаточно, и Евгеній Васильевичъ нарочно объѣздилъ сосѣдніе пріиски, чтобы подъ рукой навести необходимыя справки. Изъ этихъ развѣдокъ онъ вынесъ одно убѣжденіе, что о наслѣдствѣ Михея Зотыча ходили самые баснословные слухи. Главная суть заключалась въ скрытомъ духовномъ завѣщаніи, по которому все получала Капочка. Это завѣщаніе существовало, какъ говорили всѣ въ одинъ голосъ, но оно исчезло въ самый критическій моментъ. Что Марѳа Семеновна его не уничтожила,

доказательствомъ служило уже то, что она сама разыскивала его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не успокоилась въ качествѣ опекунши, а потомъ попечительницы.

— Даже представимъ себѣ, что такого завѣщанія и вовсе не существовало,—разсуждалъ Евгеній Васильевичъ.—По закону, Капочкѣ все-таки принадлежитъ извѣстная часть оставшагося движимаго и недвижимаго имущества, а это составитъ кругленькую сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ. Да зачѣмъ часть, когда она единственная наслѣдница и духовнаго завѣщанія нѣтъ... Эхъ, если бъ былъ подъ рукой подходящій человѣкъ! Самому не совсѣмъ удобно производить эти розыски, а черезъ него можно было бы все устроить мито и крыто. А главное, не слѣдуетъ торопиться, и если ужъ ударить—такъ разомъ.

Кстати, Евгеній Васильевичъ припомнилъ нѣкоторыя юридическія подробности собственнаго процесса, послужившаго ему хорошимъ урокомъ. Въ этихъ громкихъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ вся суть въ мелочахъ, и вотъ важно впередъ ихъ предусмотрѣть, какъ въ шахматной игрѣ. Общая ошибка героевъ громкихъ процессовъ заключалась въ томъ, что они видѣли только свою партію и не обращали вниманія на позицію противника, а нужно дѣйствовать какъ разъ наоборотъ. Вѣрнѣе,—слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду всю игру, какъ она складывается, и на случай возможныхъ ошибокъ преувеличивать силы противника. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, лучше всего предположить, что духовное завѣщаніе уничтожено Мареой Семеновной или находится у нея въ рукахъ, а поиски съ ея стороны—только маленькая военная хитрость. Ясно только одно, что оно было составлено не въ ея пользу и даже не могло быть составлено иначе, когда единственная наслѣдница налицо.

— А отчего не предположить, что это духовное завѣщаніе припрятано куда-нибудь самой Капочкой?—развивалъ свою мысль Евгеній Васильевичъ, разсматривая предметъ со всѣхъ сторонъ.—Вѣдь отецъ ее, конечно, любилъ и могъ предвидѣть, что послѣ смерти Капочка поступитъ подъ опеку Мареы Семеновны. Какъ практическій человѣкъ, онъ долженъ былъ знать хорошо, что̀ это за женщина, и что̀ ожидаетъ Капочку подъ ея опекой, и что, наконецъ, старшій братъ, Абрамъ, можетъ скоро умереть. Положимъ, что такіе дѣльцы, какъ Михей Зотычъ, сильны только въ своей спеціальности и внѣ ея дѣлаютъ дѣтскія глупости.

Словомъ, все было неизвѣстно, гадательно, запутано и противорѣчило одно другому, хотя долженъ существовать тотъ роковой кончикъ ниточки, отъ котораго распускается самый большой клубокъ.

Больше всего Евгенія Васильевича смущало то обстоятельство, что послѣ отца Капочка осталась ребенкомъ всего шести-семи лѣтъ, и едва ли покойный могъ что-нибудь ей довѣрить. Хотя отчего бы не предположить такую комбинацію: чувствуя приближеніе смерти и понимая, въ какомъ положеніи остается дочь, Михей Зотычъ могъ передать ей завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы она его спрятала до совершеннолѣтія. Иногда дѣти бываютъ хитрѣе взрослыхъ и, какъ лунатики, проходятъ тамъ, гдѣ большіе люди летятъ внизъ головой. Это явствуетъ тоже изъ нѣкоторыхъ судебныхъ процессовъ, въ которыхъ фигурировали дѣти.

— Во всякомъ случаѣ, осторожность, осторожность и осторожность,—повторялъ Евгеній Васильевичъ и даже грозилъ самому себѣ пальцемъ.

Затѣмъ онъ закрывалъ глаза и видѣлъ себя уже владѣльцемъ Трехсвятскаго, сибирскимъ милліонеромъ... Передъ нимъ раскрывался необъятный горизонтъ. Вотъ когда бы онъ расправилъ крылышки и показалъ всѣмъ, какъ

нужно жить. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, какіе-то сиволапые мужики могутъ быть милліонерами, а онъ, урожденный Лугининъ, долженъ пропадать какимъ-то сомнительнымъ управляющимъ изъ милости?.. Онъ опять начиналъ вѣрить въ свою звѣзду. Можетъ-быть, сама судьба привела его въ ссылку, чтобы сторицей вознаградить за всѣ ошибки бурной юности. Какъ всѣ люди, Евгеній Васильевичъ считалъ себя невинно пострадавшимъ, жертвой судебной ошибки, козломъ отпущенія за чужіе грѣхи. Самый виноватый человѣкъ всегда найдетъ себѣ оправданіе, начиная съ того, что другіе, тѣ другіе, которые не попали на скамью подсудимыхъ, вѣдь рѣшительно ничѣмъ не лучше.

Вотъ только погода не соотвѣтствовала этому взвинченному настроенію нашего героя и наводила невольную грусть. Короткое уральское лѣто промчалось съ поразительной быстротой. Наступила осень съ грязью, дождями и безконечными темными вечерами. Чаушъ разлился, всѣ болота размякли, такъ что теперь на Трехсвятскій можно было пробраться только пѣшкомъ, и то съ опасностью утонуть въ какой-нибудь трясинѣ. Впрочемъ, у самаго невыгоднаго положенія есть своя оборотная сторона. Благодаря осеннему бездорожью, Евгеній Васильевичъ могъ не бывать на Трехсвятскомъ мѣсяца три, и поднятая его послѣднимъ визитомъ подозрительность Мареы Семеновны уляжется сама собой. Недаромъ итальянская пословица говоритъ, что время—самый справедливый человѣкъ. А тамъ выпадетъ первый снѣжокъ, установится первопутокъ, и Евгеній Васильевичъ явится въ Трехсвятскій, какъ снѣгъ на голову.

Вы знаете, что̀ нужно прежде всего сдѣлать? Очень просто. Нужно ухаживать за самой Мареой Семеновной. Да... И такъ ухаживать, чтобы она [illegible] и постепенно привыкла къ мысли превратиться въ m-me Лугинину. [illegible] что это чудовищно, но вѣдь каждая женщина считаетъ себя кра[illegible] [illegible]а хоть сейчасъ сдѣлаться царицей. Это самый слабый пунктъ, [illegible] нужно построить. Даже, если бы это было нужно, можно сдѣ[illegible] предложеніе, чортъ возьми... Когда идутъ къ серьезной цѣли, то не думаютъ о пустякахъ. Только усыпить дракона, а тамъ все уже будетъ само собой въ рукахъ.

— А Спирька?—неожиданно промолвилъ Евгеній Васильевичъ и даже остался нѣкоторое время съ раскрытымъ ртомъ.—Вѣдь это серьезный ривалъ, который тоже ни предъ чѣмъ не остановится... Ахъ, чортъ возьми! А вдругъ онъ женится на Мареѣ Семеновнѣ?.. Вѣдь вотъ какіе пустяки иногда тормозятъ дѣло. Подвернется такой проклятый человѣкъ, черезъ котораго никакъ не перелѣзешь. Да... Я его совсѣмъ забылъ, этого Спирьку.

Но это препятствіе разрѣшилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Разъ, въ осенній вечеръ, когда Евгеній Васильевичъ шагалъ по своему кабинету, въ дверяхъ показалась измятая, ухмылявшаяся рожа Гаврюшки.

— Чего тебѣ, Гаврюшка?

— А ничего, баринъ...

— Дождь идетъ?

— Идетъ, баринъ.

— Чему же ты радуешься?

— Я-то? Спирька-то устроилъ Мареу Семеновну... Вотъ сейчасъ провалиться! Даве видѣлъ штегеря съ Трехсвятскаго. Мы съ нимъ рѐсчали полштофа... Словомъ, Спирька въ лучшемъ видѣ себя обозначилъ.

— Ничего не понимаю...

— И понимать тутъ нечего. Извѣстно, напился пьяный, пришелъ къ воротамъ и давай кричать: „Эй, ты, сухая-немазанная, отворяй ворота добру

молодцу!“... Марѳа Семеновна и туда и сюда, а Спирька пуще того бунтуетъ, потому, какъ почувствовалъ себя въ полномъ правѣ. „Выноси мнѣ, слышь, стаканъ водки за ворота, а въ домъ ужъ я потомъ войду. Будетъ мнѣ по садамъ-то лазить“... Испужалась Марѳа Семеновна, потому — огласка и срамъ, вынесла стаканъ водки, думала утѣшить мила друга, а онъ ее за волосья... Въ лучшемъ видѣ раздѣлалъ. Едва живую ее отняли...

— Можетъ-быть, вретъ твой штейгеръ?

— Евгеній Васильичъ, съ мѣста сейчасъ не сойти...

Это ничтожное обстоятельство было уже въ пользу задуманнаго плана, и Евгеній Васильевичъ испытывалъ не совсѣмъ джентльменское удовольствіе. Однимъ препятствіемъ, во всякомъ случаѣ, было меньше, а каждый человѣкъ прежде всего эгоистъ,—эта теорія эгоизма лежала въ основѣ міросозерцанія Евгенія Васильевича. Самъ онъ не могъ бы ударить женщину, но вѣдь тутъ дѣлалась исторія пещерными людьми, для которыхъ законъ не писанъ. Они своимъ пещернымъ звѣрствомъ только помогали ему.

Да, время шло, медленно, но все-таки шло. Евгеній Васильевичъ почти не показывался изъ своей конторы и отъ скуки подводилъ итоги своему пріисковому году. Вмѣстѣ съ лѣтомъ кончалась и горячая работа на промыслахъ, а затѣмъ начинались сокращенія, пока дѣло не ограничивалось однѣми хозяйскими работами въ теплыхъ зимнихъ промыслахъ. Собственно говоря, это былъ только одинъ призракъ работы, но некуда было дѣвать законтрактованныхъ на годъ рабочихъ. Словомъ, на зиму промысла засыпали, какъ засыпало все кругомъ. Евгеній Васильевичъ по этому случаю не могъ не припомнить Трехсвятскаго, гдѣ работы шли и зимой такъ же, какъ и лѣтомъ. На глубинѣ двадцати саженъ зимняя стужа теряла всякое значеніе, и пріискъ, среди окружавшаго его омертвѣнія, являлся дѣйствительно живымъ дѣломъ.

Въ началѣ сентября Евгеній Васильевичъ получилъ новое посланіе отъ Lea, но на этотъ разъ оно не произвело на него никакого впечатлѣнія. Она писала, что больна и что разочаровалась въ людяхъ. Послѣднее заставило Евгенія Васильевича улыбнуться: за тридцать лѣтъ каждая женщина должна быть готова къ такимъ разочарованіямъ, особенно такая женщина, какъ Lea. Заканчивалось письмо меланхолическимъ желаніемъ видѣть стараго испытаннаго друга.

„Недоставало, чтобы эта старая лошадь сюрпризомъ явилась сюда“,— по-французски подумалъ Евгеній Васильевичъ, брезгливо улыбаясь.

Онъ даже не замѣчалъ, какая громадная перемѣна въ немъ произошла за послѣднее время и какъ недавно онъ еще могъ радоваться письму Lea, а теперь швырнулъ его въ корзинку, что̀ означало въ переводѣ—отвѣта не будетъ.

## XI.

Первый снѣгъ выпалъ въ концѣ октября, а черезъ нѣсколько дней установился и первопутокъ. Хорошо въ это время въ горахъ, точно праздникъ. Всѣ недостатки осени, съ ея грязью и слякотью, прикрыты сверкающей бѣлой пеленой, на фонѣ которой хвойный лѣсъ кажется еще зеленѣе. А какой чудный воздухъ, какое глубокое голубое небо!.. Нашъ герой не былъ глухъ къ красотамъ природы, хотя и пріурочивалъ ихъ къ служебной роли. Напримѣръ, хорошо любоваться и этимъ небомъ, и этимъ лѣсомъ, и горами изъ окна собственнаго дома, какъ на Трехсвятскомъ,—тогда все это полно смысла и имѣетъ свое значеніе, чортъ возьми.

По первопутку Евгеній Васильевичъ отправился въ городъ, въ которомъ не бывалъ со времени поступленія управляющимъ на промысла. Онъ не могъ простить этому сибирскому захолустью того позора, какой пережилъ въ немъ. Старая рана и теперь не зажила, и Евгеній Васильевичъ отправился туда скрѣпя сердце. Необходимо было посовѣтоваться съ опытными людьми относительно юридической стороны наслѣдства Михея Зотыча, причемъ Евгеній Васильевичъ уже впередъ придумалъ, для отвода глазъ, нѣкоторую фантазію о какой-то петербургской кузинѣ, находившейся въ положеніи Капочки. Сопровождалъ барина, конечно, Гаврюшка, никогда не бывавшій „въ городу" и мечтавшій потихоньку о городской водкѣ. Предлогомъ поѣздки были свои пріисковыя дѣла: банковскія ассигновки подъ золото, заказъ новой паровой машины, визитъ къ вліятельному горному ревизору, закупка припасовъ для пріиска и т. д.

Остановился онъ, конечно, въ лучшей гостиницѣ и былъ записанъ на черной доскѣ: „золотопромышленникъ Лугининъ". Гаврюшка очутился гдѣ-то въ кухнѣ. Долго раздумывалъ Евгеній Васильевичъ, на комъ изъ мѣстныхъ юристовъ остановить свой выборъ. Всѣ они были наперечетъ, и, въ сущности, ни одному нельзя было бы довѣриться вполнѣ. Такой ужъ народъ, что не любитъ, гдѣ плохо лежитъ. Еще со времени своего процесса онъ сохранилъ какое-то органическое отвращеніе ко всему юридическому сословію. Послѣ долгаго раздумья онъ выбралъ одного частнаго ходатая изъ ссыльныхъ. Когда-то онъ съ нимъ встрѣчался и даже былъ знакомъ. Неглупый человѣкъ, хотя и не получилъ спеціально-юридическаго образованія. Такіе лучше присяжныхъ юристовъ. Звали его Антономъ Иванычемъ Головинымъ. Совсѣмъ сѣдой человѣкъ, Антонъ Иванычъ носилъ свои шестьдесятъ лѣтъ съ замѣчательной бодростью. Онъ былъ душой провинціальнаго общества и доходилъ до шутовства, особенно когда выпивалъ лишнюю рюмку. Собственно, Антонъ Иванычъ уже давно могъ вернуться на родину, но обжился въ Сибири, а главное—его не пускали собственный домъ и сожительница Татьяна Марковна.

Гостя встрѣтилъ Антонъ Иванычъ съ распростертыми объятіями, какъ родного человѣка.

— Забыли вы насъ, отецъ...—выговорилъ старикъ.—Ахъ, нехорошо! А я частенько вспоминалъ васъ... Вотъ бы думаю, если бы Платонъ Петровичъ здѣсь былъ...

— Меня зовутъ Евгеніемъ Васильевичемъ...

— Виноватъ, я такъ и говорилъ: Евгеній Васильичъ Морковниковъ...

— Не Морковниковъ, а Лугининъ...

— Да, да, именно, Лугининъ... А я какъ сказалъ? Ну, да это все равно: дѣло не въ названіи. Такъ, батенька, забыли вы насъ... Ищете златого бисера? Что же, дѣло хорошее...

Во время разговора Антонъ Иванычъ постоянно встряхивалъ головой, угнетенно вздыхалъ и все оглядывался на дверь своего кабинета.

— Вчера на именинахъ были?—спросилъ Евгеній Васильевичъ.

— Ахъ, не спрашивайте... Вы знаете мой характеръ? Ну и развернулся... да. Была игра, какъ говорилъ мой двоюродный братъ Расплюевъ.

Обстановка „собственнаго дома" была самая скромненькая, какъ у купцовъ средней руки,—кисейныя занавѣски, вѣнская мебель, горка съ посудой, дешевенькіе ковры. Теперь Евгеній Васильевичъ съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ все это убожество,—да, вотъ что ожидаетъ и его въ недалекомъ будущемъ. Вѣдь Антонъ Иванычъ изъ старинной и родовитой семьи, онъ видалъ лучшіе дни, у него есть вкусъ, а вотъ махнулъ человѣкъ на все рукой

и погрязъ по уши въ этомъ мѣщанскомъ счастьѣ. Даже, можетъ-быть, старикъ доволенъ своей судьбой... Нѣтъ, это ужасно: это смерть заживо.

— А что̀, батенька, развѣ мы того?—заискивающе спрашивалъ хозяинъ, вытирая свое красное лицо ладонью.—А?

Очевидно, ему хотѣлось выпить самому, опохмелиться, а гость являлся только предлогомъ. Евгеній Васильевичъ промычалъ что-то неопредѣленное, и хозяинъ засѣменилъ изъ кабинета какой-то виноватой походкой. Черезъ пять минутъ Евгеній Васильевичъ имѣлъ удовольствіе слышать слѣдующій діалогъ:—„Опять?"—ворчливо спрашивалъ женскій голосъ.—„Танюшка, да вѣдь гость... по дѣлу..."—оправдывался домовладыка какимъ-то гнуснымъ полушопотомъ.—„А мнѣ какое дѣло? Опять, говорю, натрескаешься".—„Танюшка, да вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти"... Лугининъ зашагалъ по кабинету, чтобы не слышать продолженія.

— Сейчасъ все будетъ готово....—повеселѣвшимъ тономъ заявилъ Антонъ Иванычъ, возвращаясь въ кабинетъ.—Охъ, главизна такъ и трещитъ послѣ вчерашняго.

Очевидно, съ нимъ нельзя было разговаривать до поправки. И дѣйствительно, только хвативъ залпомъ двѣ большихъ рюмки водки, старикъ принялъ свой нормальный видъ, повеселѣлъ окончательно и, подмигнувъ въ сторону гостиной, проговорилъ:

— Сердится на меня Танюшка... Подлецомъ я вчера себя оказалъ. Да... Ну, это все семейныя дѣла. Теперь мы говоримъ о вашихъ обстоятельствахъ... Вѣдь вы по дѣлу? У меня, знаете, есть нюхъ на кліента... Словомъ, чѣмъ могу вамъ служить?

— Собственно говоря, прямого дѣла у меня нѣтъ...—уклончиво заговорилъ Евгеній Васильевичъ, немного смущаясь.—Я, просто, пришелъ посовѣтоваться съ вами, Антонъ Иванычъ... Видите ли, какой казусъ случился. Есть у меня одна петербургская кузина... Вамъ вѣдь все равно, какъ ея фамилія? Да, кузина... Собственно, она почти-что мнѣ не родственница, а такъ, ребенкомъ я ее называлъ кузиной. Да... А у этой кузины есть тетка...

Антонъ Иванычъ вытянулъ шею, устремилъ глаза на полочку съ юридическими книгами и весь превратился въ слухъ. Время отъ времени онъ потиралъ себѣ лобъ, точно хотѣлъ что-то припомнить. Нужно отдать справедливость, Евгеній Васильевичъ разсказывалъ очень скверно—повторялся, дѣлалъ прибавленія, возвращался назадъ и вообще велъ себя, какъ школьникъ.

— Позвольте...—быстро проговорилъ Антонъ Иванычъ, когда разсказъ кончился.

Старикъ хлопнулъ третью рюмку, закусилъ корочкой чернаго хлѣба, какъ настоящій пьяница, вытеръ ротъ рукой и проговорилъ:

— А вѣдь я слышалъ эту исторію... да.

Евгеній Васильевичъ даже подался съ мѣста, точно по нему выстрѣлили. А вдругъ старикъ догадается и разболтаетъ по всему городу? Вѣдь это же скандалъ...

— Не можетъ быть!—проговорилъ Евгеній Васильевичъ, собравшись съ силами.—Кузина живетъ въ Петербургѣ...

— Да, да... Но бываютъ аналогичные случаи. Кто бы могъ мнѣ разсказывать? А кто-то говорилъ... Ей-Богу, не вру, Евгеній Васильичъ. Да, говорилъ... Ну, да это все равно и къ дѣлу не относится. Знаете что̀, Евгеній Васильичъ: я вамъ все устрою, т.-е. научу, какъ дѣйствовать. И денегъ съ васъ не возьму, а вы мнѣ тоже помогите... У меня тоже есть дѣло... И именно вы его можете устроить, какъ человѣкъ безпристрастный и свѣтскій...

— Съ удовольствіемъ, Антонъ Иванычъ, но...

— Помирите меня съ женой, съ Танюшкой... Вы отлично заговорите ей зубы, а я этого не умѣю, да она, все равно, не повѣритъ мнѣ.

— Послушайте, Антонъ Иванычъ, я заплачу вамъ за совѣтъ... Это мнѣ гораздо удобнѣе...

— Матушка, голубчикъ, буду на колѣняхъ просить!.. Какъ вы давеча вошли, я сразу подумалъ: вотъ кто можетъ меня спасти, единственный человѣкъ. Вѣдь Танюшка гонитъ меня изъ дому... Ну, куда я дѣнусь, подумайте? А все дѣло выѣденнаго яйца не стòитъ... Вы останетесь у насъ обѣдать, а за обѣдомъ все и устроите. Можете меня даже ругать... Прочитайте лекцію о нескверномъ житіи.

Чтò было тутъ дѣлать? Евгеній Васильевичъ, послѣ нѣкотораго раздумья, остался обѣдать. Вѣдь онъ теперь до нѣкоторой степени въ рукахъ вотъ этого самаго Антона Иваныча... Вотъ такъ начало!.. Объ обѣдѣ онъ думалъ съ ужасомъ и даже выпилъ лишнюю рюмку водки. Э, все равно... Правда, его покоробило, когда выкатила къ обѣду *сама*. Это была толстая рябая баба, одѣтая по-купечески.

— Татьяна Марковна...—отрекомендовалъ хозяинъ.

Хозяйка посмотрѣла на гостя довольно подозрительно, а старикъ угнетенно вздыхалъ. Съ чего было начать? Впрочемъ, Татьяна Марковна вывела изъ неловкаго положенія сама, потому что безъ всякихъ предисловій принялась ругать Антона Иваныча и, не стѣсняясь гостя, высчитала его прегрѣшенія.

— Три дня безъ просыпу пьянствовалъ... развѣ это порядокъ?.. А потомъ забрался къ арфисткамъ... Я ужъ тамъ его въ номерахъ разыскала. Спрятался въ номерѣ... прислуга меня не пущаетъ, ну, да я-то не изъ робкаго десятка. Добралась-таки до него, сквернаго, и своими руками вытащила... Вѣдь мнѣ-то обидно это? Страмитъ онъ меня по всему городу.

— Какъ же это вы, въ самомъ дѣлѣ, Антонъ Иванычъ?—строго спрашивалъ Лугининъ, глядя на виноватаго мужа.—Вы уже въ такомъ возрастѣ...

— Пьянъ былъ... Ничего не помню,—серьезно оправдывался старикъ.

— Вретъ! Все вретъ...—увѣряла Татьяна Марковна со слезами.—И опять обманетъ, только прощу. Терпѣнья моего не стало!

Словомъ, разыгралась горячая домашняя сцена, въ которой Евгенію Васильевичу досталась роль добраго генія. И глупо, и смѣшно, и скверно... Татьяна Марковна плакала, Антонъ Иванычъ цѣловалъ у ней руки... чортъ знаетъ, чтò такое! Бываютъ такіе безобразные сны, у которыхъ ни начала ни конца. Обѣдъ закончился все-таки самымъ трогательнымъ примиреніемъ.

— Никогда не забуду...—благодарилъ Антонъ Иванычъ, крѣпко пожимая руку добраго гостя.—Васъ сама судьба послала...

„И я тебя тоже не забуду,—со злостью думалъ Евгеній Васильевичъ, отыскивая свою шапку.—Вотъ такъ положеніе...“

— А дѣльце ваше я обдумаю, Евгеній Васильичъ. Нужно сообразить все... Сенатскія рѣшенія посмотрю... кассаціи... Вы-то не безпокойтесь заѣзжать ко мнѣ, а я самъ лучше къ вамъ заѣду. Вы вѣдь въ „Эльдорадо“ остановились? Ну, такъ я самъ къ вамъ...

Татьяна Марковна тоже вышла провожать благодѣтеля и повторила еще разъ, чтò натворилъ старый грѣшникъ.

— Все-таки не нужно сердиться, Татьяна Марковна,—повторилъ Лугининъ, входя въ роль.—Это наконецъ серьезно дѣйствуетъ на печенку...

— Танюшка...—повторялъ Антонъ Иванычъ, складывая руки на манеръ молящагося младенца.—Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Врешь, врешь, извергъ!..

## XII.

Евгеній Васильевичъ, вернувшись къ себѣ въ номеръ, почувствовалъ себя скверно, какъ наглупившій человѣкъ. Онъ даже плевался, припоминая подробности обѣда. Но что̀ подѣлаешь съ этой милой провинціей? Послѣ обѣда онъ завалился спать и проснулся уже поздно, т.-е. его разбудилъ осторожный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Да это все я же...

— Войдите.

Это былъ Антонъ Иванычъ. Онъ держалъ въ рукахъ портфель, набитый какими-то бумагами. Фамильярно подсѣвъ на кровать, онъ заговорилъ о дѣлѣ. Старикъ дѣйствительно проштудировалъ его добросовѣстно, насколько это позволяли данныя изъ разсказа.

— Во всякомъ случаѣ дѣло вѣрное, особенно, если ваша кузина сумѣетъ выйти замужъ. Тогда эту самую тетку, какъ рѣдьку изъ гряды, можно выдернуть... Такъ и напишите вашей кузинѣ. Кстати, она хорошенькая?

— Ничего... Впрочемъ, я давно ея не видалъ.

Антонъ Иванычъ говорилъ совсѣмъ другимъ тономъ и даже подмигнулъ Евгенію Васильевичу, какъ своему недавнему сообщнику.

— Вотъ мой громоотводъ,—объяснялъ онъ, хлопая по портфелю.—Только и спасенья, а то Танюшка не пускаетъ на шагъ изъ дому. А какъ скажу я ей: дѣла—нужно справку сдѣлать... къ судебному приставу... Хе-хе!.. Превеликіе мы подлецы мужчины...

— Хотите чаю?

— Чаю? Да, то-есть нѣтъ... Вотъ одѣвайтесь да пойдемте лучше внизъ, въ общую залу. Тамъ еще покалякаемъ... Что̀ въ номерѣ зря сидѣть! Ну, одѣвайтесь, отецъ...

Это былъ неисправимый трактирный завсегдатай. Можетъ-быть, и практика пріучила его шататься по трактирамъ. Евгеній Васильевичъ наскоро одѣлся, и они вмѣстѣ спустились внизъ. Было уже часовъ десять вечера, и въ залѣ набралась публика. Осмотрѣвшись, Евгеній Васильевичъ поморщился: онъ замѣтилъ деревянную эстраду для арфистокъ.

— Вѣдь раньше этой гадости здѣсь не было,—брезгливо замѣтилъ онъ и прибавилъ:—Ахъ, вы, старый плутъ... Вотъ я ужо пожалуюсь Татьянѣ Марковнѣ.

— А мы отдѣльный кабинетъ займемъ... хе-хе... Никто и не увидитъ... Да парочку озорницъ пригласимъ.

Евгеній Васильевичъ только покачалъ головой. Хоръ арфистокъ культивировался въ этомъ захолустьѣ сравнительно недавно и быстро пустилъ корни. Это можно было провѣрить по собравшейся публикѣ, среди которой у Антона Иваныча оказалось много знакомыхъ. Арфистки размѣстились въ слѣдующихъ двухъ комнатахъ, выжидая звонка. Евгеній Васильевичъ только пожалъ плечами, оглядѣвъ этихъ „озорницъ“,—накрашенныя, испитыя, какія-то подержаныя. Нужно было потерять всякій вкусъ, чтобы находить какой-нибудь интересъ въ этомъ отребьѣ. А между тѣмъ Антонъ Иванычъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, заигрывая то съ той, то съ другой.

— Пойдемте въ кабинетъ,—уговаривалъ его Евгеній Васильевичъ.

Но и въ отдѣльномъ кабинетѣ не было спасенія. Туда скоро явились двѣ пріятельницы Антона Ивановича: одна—еврейка съ хриплымъ, пропитымъ голосомъ, а другая нѣмка aus Riga. Старикъ заказалъ ужинъ и все повторялъ:

— Я буду вашимъ Вергиліемъ, Евгеній Васильичъ... Засидѣлись вы на своихъ промыслахъ, и необходимо встряхнуться.

— Я спать хочу, Антонъ Иванычъ...

— Вздоръ... Берта, куда ты? Александра Гавриловна... помпончики...

Послышался режиссерскій звонокъ, и дѣвицы исчезли.

— Пойдемте послушать,—всполошился Антонъ Иванычъ.

— Да что слушать-то?

— А Александра Гавриловна какъ запѣваетъ „Березу“? Мурашки по кожѣ... и потомъ подпуститъ эту цыганскую дрожь... Плечики заходятъ, ручки...

Они вышли въ общую залу, гдѣ на эстрадѣ выстроился весь хоръ. Всѣ пѣвицы были въ черныхъ платьяхъ, съ какими-то трехцвѣтными перевязями черезъ плечо. Таперъ ударилъ по разстроенному піанино, и хоръ грянулъ. Что это было!.. Какіе-то отсырѣвшіе голоса, вскрикиванья, надтреснутыя ноты, вообще гадость. Евгеній Васильевичъ смотрѣлъ на аплодировавшую публику и могъ только удивляться, кто тутъ хуже — эти несчастныя арфистки или аплодировавшая публика. А Антонъ Иванычъ стоялъ около него, причмокивалъ, притопывалъ и выкрикивалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Дѣлай! Чисто...

Оживленіе сказалось и въ публикѣ. Какой-то захмелѣвшій купчикъ вышелъ на середину залы и принялся вытанцовывать замысловатые кренделя, взмахивая руками, точно желалъ вспорхнуть. Утомившись, онъ разбитой походкой направился къ буфету. Проходя мимо Евгенія Васильевича, онъ остановился, посмотрѣлъ на него осовѣлыми глазами, осклабился и проговорилъ заплетающимся языкомъ:

— А, баринъ... Ну что же, здравствуйте... да.

Въ первую минуту Евгеній Васильевичъ не узналъ этого пьянаго субъекта и не подалъ руки.

— Не узнаете?.. Хе-хе... А еще обѣдали вмѣстѣ у Марѳы Семеновны...

— Спиридонъ Ефимычъ?—могъ только удивиться Евгеній Васильевичъ.

— Онъ самый-съ...

— Какъ вы измѣнились...

— Горе-то одного рака краситъ. Ну, да это все равно, и я ее достигну... у-у!..

Антонъ Иванычъ толкнулъ Евгенія Васильевича въ бокъ локтемъ и сдѣлалъ какой-то знакъ глазами.

— Иди къ намъ, Спиридонъ Ефимычъ,— крикнулъ онъ недавняго приказчика.—Выпьемъ...

— Все равно, гдѣ ни пить...—согласился тотъ.—Эхъ, баринъ... Ну, да что тутъ говорить. Носи, не потеряй, Марѳа Семеновна!...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу и неожиданно задумался.

— Ну, выпьемъ,—предложилъ Антонъ Иванычъ. — Теперь ужъ нечего думать...

— Нѣтъ, постой...—артачился пьяный Спирька. — Вотъ баринъ считаетъ меня за дурака... да. Дуракъ Спирька... А онъ, дуракъ-то, все и понимаетъ. Да еще, можетъ, побольше самого барина... Эхъ, Капитолина Михевна...

Спирька опустилъ голову на столъ и заплакалъ.

Евгенію Васильевичу теперь сдѣлалось все ясно, откуда могъ Антонъ Иванычъ знать аналогичную исторію, — конечно, пьяный Спирька наболтавъ. Случай навернулся отличный, и оставалось только имъ воспользоваться.

Конечно, Спирька знаетъ больше другихъ и можетъ сообщить интересные факты. Стòитъ только подстроить Антона Иваныча...

— Это и есть тотъ аналогичный случай, про который я давеча забылъ,— объяснялъ старикъ, показывая глазами на Спирьку.—Удивительное совпаденіе...

Спирька былъ настолько пьянъ, что добиться отъ него чего-нибудь сейчасъ не было возможности, хотя онъ разъ пять повторилъ разсказъ о томъ, какъ „распатронилъ самоё“.

— Я ей еще покажу!..—хрипло повторялъ Спирька, грозя кулакомъ.— Она будетъ помнить, каковъ есть человѣкъ Спиридонъ Ефимычъ... дда! Въ лучшемъ видѣ... Эхъ, жисть!.. А все изъ-за благородства чувствъ... Горячо пришлась къ самому сердцу Капитолина Михевна, ну и не стерпѣлъ.

Когда Спирька ушелъ, Антонъ Иванычъ окончательно припомнилъ, что именно отъ него слышалъ аналогичную исторію.

— Нужно его при случаѣ разспросить подробно,—посовѣтовалъ Евгеній Васильевичъ, не рѣшаясь открыть свои карты.—Интересно.

— Да чтò его разспрашивать: самъ все разскажетъ...

— Вотъ именно, чтобы самъ все разсказалъ...

Антонъ Иванычъ испытующе посмотрѣлъ на собесѣдника. Скрываться дальше было безполезно, и Евгеній Васильевичъ начистоту разсказалъ все дѣло.

— Да вамъ бы такъ сначала и сказать, отецъ,— равнодушно замѣтилъ Антонъ Иванычъ.—Чтò же, дѣло житейское... А Спирька намъ пригодится. Бредитъ онъ этой дѣвицей...

— Ну, это онъ напрасно безпокоится. Вы поведите разговоръ о духовномъ завѣщаніи, Антонъ Иванычъ...

— Да ужъ не учите рыбу плавать.

— Затѣмъ, два условія: я разсказалъ вамъ все, но подъ условіемъ полной тайны. Понимаете? Если я добьюсь своей цѣли, вы получите съ меня десять тысячъ... Довольны?

— Маловато... Ну, да это ничего. Главное, нужно задаточекъ, отецъ... Всякаго ноги кормятъ.

— Да вѣдь вы давеча соглашались даромъ? И съ Татьяной Марковной я васъ мирилъ...

— Давеча была петербургская кузина, а теперь цѣлый кусъ.

Не хотѣлось Евгенію Васильевичу платить деньги ни за что, но пришлось выдать авансъ въ триста рублей. Теперь Антонъ Иванычъ сдѣлался уже совсѣмъ нужнымъ человѣкомъ, и приходилось его покупать.

— На свадьбѣ вотъ какъ еще попируемъ!—повторилъ старикъ, запрятывая деньги въ карманъ.

„Ну, ужъ такихъ-то гостей у меня на свадьбѣ не будетъ!—думалъ Евгеній Васильевичъ, улыбаясь.—Тогда другое будетъ...“

Изъ-за Спирьки Евгеній Васильевичъ остался лишнихъ два дня въ городѣ, но изъ этого ничего особеннаго не вышло. Бывшій приказчикъ самъ ничего не зналъ о духовномъ завѣщаніи.

— Все-таки онъ намъ можетъ пригодиться,— утѣшался Антонъ Иванычъ, ероша свои сѣдые волосы.—Мы все изъ него выцѣдимъ...

Передъ отъѣздомъ Евгеній Васильевичъ едва могъ разыскать Гаврюшку, который успѣлъ подраться съ поварами и былъ посаженъ въ кутузку. Пришлось даже побывать у полицеймейстера, чтобы прекратить дѣло домашнимъ способомъ. Гаврюшка былъ освобожденъ.

— Чтò же это такое, Евгеній Васильичъ?—жаловался Гаврюшка, почесывая затылокъ.—Ну и городъ!..

— Я съ тобой, дуракомъ, не хочу разговаривать.

— Нѣтъ, баринъ, это дѣло тоже надо разсудить: меня же повара били, и меня же на высидку опредѣлили?

— Мало били...

— Ну, городъ...

Евгеній Васильевичъ тоже былъ радъ выбраться поскорѣе изъ этого захолустья. У себя въ горахъ хоть гадостей не видать... Онъ успокоился только тогда, когда дорожный возокъ выѣхалъ за заставу.

## XIII.

Вернувшись къ себѣ на пріискъ, Евгеній Васильевичъ испытывалъ нѣсколько дней какое-то особенное удовольствіе. Сказывалась привычка къ своему углу, потребность въ покоѣ, словомъ—тотъ роковой возрастъ, когда мужчина оставляетъ бродячія привычки. Для полнаго счастья недоставало только женщины... Не нужно было даже красивой женщины, а просто молодую, хорошую душу, которая согрѣла бы своимъ присутствіемъ холостое одиночество и наполнила собой домъ. По вечерамъ Евгеній Васильевичъ любилъ думать на эту тему, лежа съ трубкой на диванѣ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь, да и для чего стоило жить вообще? Въ туманѣ неясно мелькала мысль о дѣтяхъ, и старый бонвиванъ даже вздохнулъ. Прежде онъ могъ разговаривать съ Гаврюшкой, изучая этотъ пріисковый фруктъ, а теперь онъ въ немъ вызывалъ какое-то брезгливое чувство.

— Нѣтъ, нужно устроить жизнь иначе, — думалъ вслухъ Евгеній Васильевичъ.—Будетъ... Нужно остепениться.

И въ концѣ концовъ все сводилось къ мысли о Капочкѣ... Да, штучка недурна. Евгеній Васильевичъ до того сроднился съ этой мыслью, что даже не могъ бы сказать, хороша или дурна эта Капочка. Просто—Капочка, и все тутъ. Развѣ свои дѣти могутъ быть дурными или хорошими?! Есть чувства выше этихъ примитивныхъ опредѣленій.

На Трехсвятскій онъ поѣхалъ только недѣли черезъ двѣ, когда окончательно установился санный путь. Какая прелесть эти горы зимой... Лѣсъ стоитъ въ снѣгу, точно въ дорогой шубѣ. И всюду эта дѣвственная бѣлизна, слѣпившая глаза. Дорога зимой была гораздо ближе, — болотами, минуя крутой перевалъ черезъ Синюху. Трехсвятскій имѣлъ теперь особенно уютный видъ, — главнымъ образомъ, самый домъ, выстроенный именно для такой зимы. Тепломъ обдало уже въ передней и такимъ хорошимъ, застоявшимся тепломъ. Мареа Семеновна встрѣтила гостя, какъ ни въ чемъ не бывало. Она, видимо, была даже рада ему.

— Давненько не бывалъ, бѣлая кость,—шутливо пенляла она.— Гдѣ запалъ-то? Мы и то тутъ какъ-то съ Капочкой поминали... Сижу я это вечеркомъ и, грѣшнымъ дѣломъ, на картахъ раскинула, а по картамъ и вышелъ червонный король. Разъ выпалъ и въ другой... Вотъ навязался-то, думаю! Ну, тутъ про тебя и вспомнила: некому, окромя тебя, быть... Зачѣмъ въ городъ-то гонялъ?

— А вы откуда это знаете?

— Сорока на хвостѣ принесла...

— По дѣламъ ѣздилъ... Невѣсту искалъ, да холодно стало, и ничего изъ этого дѣла не вышло.

— Не заговаривай зубовъ... По картамъ у меня все вышло, о чемъ ты еще и не подумалъ. Есть у тебя и дама трефонная на примѣтѣ, и свой интересъ, и дорога. Карты-то не обманутъ.

Даже молчаливая Капочка улыбнулась. Да, она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ за столомъ и разливала чай. И все такая же, точно Евгеній Васильевичъ вчера только уѣхалъ съ Трехсвятскаго. Ему нравилось, что она вспомнила о немъ... Сколько онъ пережилъ и передумалъ за это время! Неужели она не чувствуетъ, чѣмъ она сдѣлалась для него въ этотъ короткій срокъ? Вѣдь должны же существовать какіе-нибудь неизслѣдованные еще наукой токи, которые передаютъ настроеніе одного человѣка другому. И онъ такъ хорошо думалъ вотъ объ этой хорошей дѣвушкѣ съ гладко зачесанными волосами... Его даже кольнуло, когда пьяный Спирька назвалъ ее по имени.

— А карты вамъ ничего не сказали, Марѳа Семеновна, что я пріѣду приглашать васъ къ себѣ въ гости?—заговорилъ Евгеній Васильевичъ, придвигаясь ближе къ радушной хозяйкѣ.—Да, дорога теперь отличная...

— Вотъ видишь, Капа, опять карты намъ вѣрно сказали,— обратилась къ дѣвушкѣ Марѳа Семеновна.—Вотъ и намъ съ тобой выпала дорога... Что̀ въ самомъ-то дѣлѣ сидѣть: поѣдемъ въ гости.

— У меня и наливка для васъ приготовлена, Марѳа Семеновна... Ваша любимая, вишневая съ косточкой.

— Н-но?.. Пріѣдемъ, пріѣдемъ.

Евгеній Васильевичъ чувствовалъ себя въ ударѣ и балагурилъ съ дамами самымъ беззаботнымъ образомъ. Онъ чувствовалъ себя именно тѣмъ, чего недоставало въ этомъ домѣ. Какъ хотите, а безъ мужчины домъ не домъ. Евгеній Васильевичъ весело закручивалъ усы и до самаго конца не терялъ настроенія. Капочка послѣ чая ушла къ себѣ. Она умѣла это сдѣлать какъ-то совершенно незамѣтно, точно тѣнь, и Евгеній Васильевичъ каждый разъ удивлялся, куда она могла дѣваться.

— Ахъ, ты, балагуръ, — смѣялась Марѳа Семеновна, вытаскивая изъ буфета графинчикъ съ наливкой.—На словахъ-то, какъ гусь на водѣ. Въ гости зовешь, а у самого и хозяйки-то нѣтъ...

— Пирогъ будетъ съ пельмой, отличный, Марѳа Семеновна. Вотъ увидите...

— Пирогъ-то будетъ, да пирожницы-то нѣтъ. Привезъ бы изъ городу-то хоть какую-нибудь худенькую... Скучно, поди, одному-то. Хоша ты и не молодъ, а мысли-то тоже есть...

— Есть и мысли...

Tête-à-tête прошло тоже недурно. Евгеній Васильевичъ не терялъ напрасно времени и приступилъ къ дѣлу. Онъ придвинулся совсѣмъ близко къ Марѳѣ Семеновнѣ и смотрѣлъ на нее такими блестящими глазами.

— Ну, ты, бѣлая кость, что̀ глядишь-то? — кокетливо замѣтила Марѳа Семеновна, отодвигаясь.—Боюсь я, когда на меня смотрятъ такъ...

— Какъ?

— Да вотъ такъ... Ну, будетъ баловать...

Уѣзжая съ Трехсвятскаго, онъ даже подумалъ, что не пересолилъ ли для перваго раза. Кстати, когда Евгеній Васильевичъ надѣвалъ въ передней шубу, въ дверяхъ столовой показалась старуха-нянька и съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣла на гостя своими сердитыми глазами. Онъ почувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и подумалъ, что какъ это онъ упустилъ изъ виду вотъ эту старуху, которой въ этомъ домѣ принадлежитъ какая-то таинственная роль. Вѣдь она могла знать здѣсь больше всѣхъ... Нѣтъ, нужно будетъ обработать и ее, если дѣло пошло на то! Домой возвращался Евгеній Васильевичъ все въ томъ же хорошемъ настроеніи и думалъ, что Марѳа

Семеновна тонко ведетъ свои дѣла; до сихъ поръ онъ не оставался съ Капочкой съ глазу на глазъ и пяти минутъ. Что она за человѣкъ, эта таинственная дѣвушка? О чемъ она думаетъ, сидя у себя въ мезонинѣ?.. Гаврюшка только удивлялся, когда баринъ принялся насвистывать какой-то веселый опереточный мотивъ.

„Къ ненастью разыгрался",—подумалъ Гаврюшка со злостью.

Марѳа Семеновна не заставила себя ждать и прикатила на Чаушъ дней черезъ пять. Она пріѣхала вмѣстѣ съ Капочкой, точно угадавъ тайную мысль гостепріимнаго хозяина.

— Слышала я, что ты по-господски живешь,—говорила она, осматривая съ особеннымъ вниманіемъ столовую и кабинетъ.—Мы вотъ и могли бы жить, да не умѣемъ... Въ лѣсу выросли и ничего путнаго не видали. Капа, гляди-ка, какъ постель-то у него наложена. А умывальникъ-то... Батюшки, да тутъ цѣлый галантерейный магазинъ! Чисто живешь, Евгеній Васильевичъ, недаромъ бѣлая кость...

Осмотрѣвъ все до мельчайшихъ подробностей, Марѳа Семеновна покачала въ раздумьѣ головой. Что и говорить, хорошо... Другую женщину поучитъ, какъ жить. Этакій-то до всего дойдетъ. Аккуратно живетъ, и всякая штучка на своемъ мѣстѣ.

Капочка ходила вмѣстѣ съ теткой и тоже удивлялась. Она совсѣмъ не видала ничего подобнаго и почувствовала себя мужичкой. А Евгеній Васильевичъ нѣсколько разъ такъ горячо посмотрѣлъ на нее, когда тетка отвернулась.

— Соловья баснями не кормятъ, — заявила откровенно Марѳа Семеновна.—Ну-ка, хвасталъ ты своимъ пирогомъ?..

— Все будетъ, Марѳа Семеновна...

У Агаѳьи пирогъ вышелъ удачный и весь обѣдъ тоже. Евгеній Васильевичъ самъ училъ ее, какъ разрѣзывать мясо, какъ подавать салатъ, и вообще всему. Марѳа Семеновна хвалила и кушала. Послѣ наливки лицо у ней раскраснѣлось и покрылось жирнымъ глянцемъ,—въ этотъ моментъ она была особенно противна Евгенію Васильевичу. Обѣдъ закончился шампанскимъ. Хозяинъ усердно подливалъ его дорогой гостьѣ, и Марѳа Семеновна осовѣла.

— Теперь мы будемъ пить кофе,—предлагалъ хозяинъ. — Послѣ обѣда всегда его пьютъ...

— Ну, ужъ уволь... не могу...—бормотала Марѳа Семеновна, почувствовавшая нѣкоторую слабость въ ногахъ.

— Марѳа Семеновна, вы не стѣсняйтесь: у меня въ кабинетѣ отличный диванъ...

— И то, малымъ дѣломъ, отдохнуть. Разморило меня съ дороги-то... Вонъ какъ вся разгорѣлась. Я только чуточку прикурну...

Агаѳья помогла гостьѣ добраться до кабинета.

— Ахъ, ты, прокуратъ...—бормотала Марѳа Семеновна, укладываясь на диванѣ. — Чего онъ мнѣ подсунулъ-то?.. Такъ столбы и ходятъ... Ахъ, прокуратъ, прокуратъ!..

Капочка очутилась въ самомъ критическомъ положеніи, когда осталась въ столовой съ глазу на глазъ съ хозяиномъ. Она даже посмотрѣла на него испуганными глазами.

— Вы будете, Капитолина Михеевна, у меня теперь хозяйкой,—весело говорилъ Евгеній Васильевичъ, придерживая кофейникъ на спиртовой лампочкѣ.—Вы будете разливать кофе...

— Можетъ-быть, я не сумѣю...

Она такъ мило конфузилась, когда брала кофейникъ. Ихъ руки даже встрѣтились. Евгеній Васильевичъ тоже вдругъ взволновался, чувствуя, какъ у него во рту пересохло. И кого смущаться—самая простая дѣвушка, которая боится слово сказать. Онъ смотрѣлъ на нее и мысленно говорилъ то, что нужно было сказать вслухъ. А дорогое время летѣло... Нужно было пользоваться моментомъ, который могъ не повториться. Странно, что Евгеній Васильевичъ не зналъ, о чемъ ему говорить съ гостьей, и кончилъ тѣмъ, что принялся разсказывать что-то про Исаакіевскій соборъ. Ахъ, какъ глупо... А она видѣла тутъ, въ двухъ шагахъ отъ него, вся какая-то таинственная, въ ореолѣ своего дѣвичества!

— А что бы вы отвѣтили мнѣ, Капитолина Михеевна...— тихо заговорилъ Евгеній Васильевичъ, взглянувъ на дверь кабинета, — что бы вы мнѣ сказали, если бы я предложилъ вамъ остаться здѣсь хозяйкой навсегда?

Въ первую минуту она, очевидно, его не поняла и вопросительно вскинула на него свои темные глаза, а потомъ совершенно спокойно отвѣтила:

— Я уйду въ монастырь, Евгеній Васильевичъ...

Его поразилъ не смыслъ этого отвѣта, а самый тонъ, какимъ онъ былъ сказанъ. Дѣвушка отвѣтила такъ, точно у нихъ было все уже переговорено когда-то раньше, и она раньше знала самыя тайныя его мысли.

Мароа Семеновна проснулась недовольная, съ головной болью. Она какъ-то кисло посмотрѣла на хозяина и быстро собралась въ обратный путь.

— Спасибо на угощеньи,—говорила она, надѣвая шубу.—Умѣешь принимать гостей...

## XIV.

Обсудивъ подробности визита Мароы Семеновны, Лугининъ остался недоволенъ своимъ поведеніемъ. Во-первыхъ, сама могла заподозрить, что онъ нарочно ее напоилъ, и, во-вторыхъ, Капочка тоже могла претендовать на его откровенную безцеремонность. Онъ видѣлъ эти дѣтски-простые глаза, смотрѣвшіе на него съ такимъ удивленіемъ, слышалъ этотъ простой отвѣтъ на его предложеніе. Многія дѣвушки въ извѣстномъ возрастѣ мечтаютъ о монастырѣ, это—послѣдняя дань дѣтской чистотѣ помысловъ и желаній, еще не омраченныхъ ничѣмъ. Сначала Евгеній Васильевичъ не придалъ этому никакого значенія, а потомъ серьезно задумался. Вѣдь бываютъ совершенно исключительныя натуры, и очень можетъ быть, что Капочка принадлежитъ именно къ такимъ натурамъ. Чѣмъ больше Евгеній Васильевичъ думалъ объ этой дѣвушкѣ, тѣмъ сильнѣе она ему нравилась. Да, положительно нравилась... И приходилось чего-то ждать, пропуская дорогое время.

Въ концѣ ноября онъ не выдержалъ и отправился на Трехсвятскій. Мароа Семеновна встрѣтила его особенно любезно, совсѣмъ по-родственному.

— Чѣмъ ты меня тогда напоилъ-то? — спрашивала она, ухмыляясь. — На другой-то день я вотъ какъ головой маялась...

— Это съ непривычки, Мароа Семеновна... Вино самое легкое.

— А я-то, дура, обрадовалась! Твоя-то Агаѳья что обо мнѣ подумаетъ?.. Ахъ, ты, бѣлая косточка, посмѣялся ты надъ простой пріисковой бабой...

— Не могъ же я вамъ сказать, Мароа Семеновна, что довольно. Это невѣжливо...

— Ладно, ладно, не заговаривай зубовъ... Не вчера родилась.

Конечно, явился на сцену неизбѣжный самоваръ, но Капочка не выходила. Евгеній Васильевичъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ она обыкновенно сидѣла, а потомъ быстро обернулся, когда послышались шаги. Опять была не Капочка, а какая-то новая горничная. Отъ Мароы Семеновны не ускользнуло это движеніе гостя, и она съ ядовитой простотой замѣтила:

— Капы нѣтъ дома... Она уѣхала погостить къ роднымъ.

Евгеній Васильевичъ даже покраснѣлъ, какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Я такъ привыкъ ее видѣть всегда на одномъ мѣстѣ и всегда такой молчаливой. Вообще она какая-то странная у васъ... Когда вы были у меня, я пробовалъ съ ней заговорить, и ничего не вышло.

— По-нашему, по-старинному, дѣвушки и не должны разговаривать со сторонними мужчинами... Это ваши барышни съ кавалерами лясы точатъ, а наши стыдъ свой знаютъ.

— Чего же тутъ стыдиться?

— А мало ли что̀ другой мужчина скажетъ? У дѣвушки-то золотомъ уши завѣшены, недаромъ пословица молвится. На свою Капу не могу пожаловаться: не вертоватая она. Воды не замутитъ... Вотъ сколько времени живемъ вмѣстѣ, а я и голосу ея, кажется, не слыхала. Теперь вотъ уѣхала, а мнѣ скучно безъ нея... Все-таки живой человѣкъ въ дому, хоша и голосу не подаетъ...

Кулакъ-баба очевидно перехитрила барина, предупредивъ его замыслы, и Евгеній Васильевичъ почувствовалъ себя очень глупо. Оставалось политично вывѣдать, куда уѣхала Капочка, но и тутъ вышла неудача.

— Мало ли у насъ родни по купечеству,—отвѣтила Мароа Семеновна съ дѣланно-глупымъ лицомъ.—До Москвы не перевѣшать, а пообѣдать не у кого. Капа-то уѣхала къ троюродной сестрѣ Таисьѣ, а ежели ея не застанетъ дома, такъ проѣдетъ къ теткѣ. Не знаю и сама, гдѣ она сейчасъ. Жаль было отпущать, да и то сказать: что̀ она высидитъ на Трехсвятскомъ? Дѣвичьи-то года летятъ скоро, не успѣла оглянуться, какъ въ перестарки попала... А здѣсь какіе женихи? Ну, тамъ, можетъ, Богъ и судьбу пошлетъ...

Адресъ былъ точный и объясненіе недурно. Въ послѣднемъ Евгеній Васильевичъ еще разъ получилъ одну изъ тѣхъ царапинъ, какія умѣютъ дѣлать только женщины. Пришлось притвориться непонимающимъ и проглотить пилюлю. Вопросъ о Капочкѣ былъ исчерпанъ.

— Да, такъ вотъ какъ...—нѣсколько разъ задумчиво повторилъ Евгеній Васильевичъ, въ упоръ глядя на хозяйку.

— Да, вотъ этакъ, бѣлая кость...—отвѣчала Мароа Семеновна, не двинувъ бровью.

— А какъ ваши карты, Мароа Семеновна?

— Карты-то не обманутъ, голубчикъ... Все какъ на ладони покажутъ. Все хлопоты мнѣ обѣщаютъ черезъ червоннаго короля.

Домой вернулся Евгеній Васильевичъ въ скверномъ настроеніи. Проклятая баба перехитрила и спрятала Капочку, какъ сказочную принцессу. Вообще получалось что-то сказочно-скверное. Дома Евгеній Васильевичъ долго шагалъ по своему кабинету, а потомъ позвонилъ Гаврюшку. Вѣрный рабъ явился. Онъ былъ мраченъ.

— Ты что̀ это надулся, какъ мышь на крупу?

— Чему радоваться-то? Въ прежніе разы Мароа Семеновна завсегда мнѣ высылала по агроматному стакану водки...

— А теперь не получилъ ничего?

— Ни Боже мой... Остребенилась она, Марѳа-то Семеновна, не знамо за что, а ужъ я-то, кажется, старался завсегда. Моей тутъ причины никакой нѣтъ...

— Да, плохо дѣло...

Баринъ опять заходилъ по кабинету, а Гаврюшка стоялъ у дверей и смотрѣлъ на него. Потомъ баринъ остановился, оглядѣлъ Гаврюшку съ ногъ до головы и проговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, ты положительно глупъ, Гаврюшка... Да, глупъ.

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно, баринъ...

— Ахъ, если бы ты не былъ глупъ!.. Нѣтъ, ничего не выйдетъ. Ступай...

У Евгенія Васильевича мелькнула мысль о томъ, чтобы черезъ Гаврюшку развѣдать о томъ, куда увезли Капочку. Отъ прислуги трудно скрыться, да и живой человѣкъ не иголка. Но этотъ планъ разлетѣлся въ дребезги, какъ только Евгеній Васильевичъ посмотрѣлъ на рожу Гаврюшки: продастъ за стаканъ водки. А вѣдь какъ бы удобно было черезъ него все разузнать... Нѣтъ, все равно, ничего не выйдетъ, какъ ни поверни.

Все-таки, дня черезъ два, Евгеній Васильевичъ послалъ Гаврюшку подъ какимъ-то предлогомъ и далъ рубль.

— Это, значитъ, на пропой?—недоумѣвалъ Гаврюшка.

— Какъ знаешь... Нехорошо угощаться все на счетъ штейгера, а Марѳа Семеновна водки тебѣ больше не дастъ.

— Нѣтъ, не дастъ... И что̀ ее ущемило, подумаешь?..

— Ты ей на глаза не показывайся...

Гаврюшка вернулся съ Трехсвятскаго пьяный въ лоскъ, такъ что получилъ способность выражаться членораздѣльно только на слѣдующій день.

— Ну что̀, каково съѣздилъ?

— А такъ... Ну и Марѳа Семеновна!.. Чисто, какъ Мамай сдѣлалась: звѣрь-звѣремъ ходитъ. Всѣхъ поѣдомъ съѣла... Никакого съ ней способа не стало. Сильно плачутся на нее пріисковые-то...

— И ты тоже плакалъ?

— Ну, мнѣ-то наплевать... Вѣдь увидала-таки меня, какъ я ни хоронился, увидала, этакъ усмѣхнулась, и говоритъ: „Скажи своему барину, чтобы прислалъ кого-нибудь поумнѣе“... Очень мнѣ это обидно стало, ну, мы со штегеремъ и того, рѐсчали еще полуштофчикъ...

Опять глупо вышло и еще какъ глупо-то. Евгеній Васильевичъ даже закусилъ себѣ губы, представивъ, какъ Марѳа Семеновна торжествовала, раскрывая его подходы. Словомъ—чортъ, а не баба.

Евгеній Васильевичъ рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ Антону Иванычу. Онъ написалъ ему длинное письмо, подробно изложивъ весь ходъ дѣла. Скрывать было нечего. Почта на промыслахъ пересылалась „съ оказіей“, и Евгеній Васильевичъ принялъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобы письмо дошло по адресу, а не попало въ руки той же Марѳы Семеновны. Все могло случиться, и всего нужно было ожидать.

Отвѣтъ получился только черезъ недѣлю, показавшуюся Евгенію Васильевичу цѣлой вѣчностью. Антонъ Иванычъ писалъ своимъ старчески-мелкимъ почеркомъ:

„Спѣшу немедленно отвѣтить на ваше письмо, милостивый государь мой, Евгеній Васильичъ... Во-первыхъ, никакъ не могу одобрить вашего поведенія, ибо скоростью своихъ поступковъ вы только замедлили естественный ходъ дѣла. Во-вторыхъ, мною изобрѣтенъ нѣкоторый подходъ подъ сію Марѳу

Семеновну, именно: я раздобылъ нѣкоторый документъ на покойнаго Михея Зотыча. Положимъ, сія претензія совершенно вздорная, ибо всѣ установленные сроки истекли и покрылись давностью, но это только предлогъ къ тому, чтобы я могъ пріѣхать на Трехсвятскій для личныхъ объясненій съ упомянутой выше женской особой. Поведу дѣло „на совѣсть“: хочетъ—заплатитъ, хочетъ—нѣтъ. Главный секретъ въ томъ, что при дѣловомъ разговорѣ долженъ выясниться вопросъ, на какомъ основаніи юридическомъ сія особа женскаго пола владѣетъ Трехсвятскимъ и какая юридическая роль дѣвицы К—ны М—ы. Я сначала постараюсь запугать эту Мареу, а со страху баба все и выболтаетъ. Главное условіе: васъ, государь мой, я не знаю, не видалъ и въ первый разъ буду слышать вашу фамилію. При случаѣ даже обругаю и пущу нѣкоторую клевету. Что̀ дѣлать: а ла геръ комъ а ла геръ. Затѣмъ, относительно таинственнаго исчезновенія дѣвицы К. навелъ необходимыя справки черезъ небезызвѣстнаго вамъ приказчика Спирьку, причемъ оказалось, что никакой троюродной тетки Таисьи въ роду у нихъ не существуетъ и не существовало, а также и многочисленной родни. Вся генеалогія Спирькѣ извѣстна доподлинно, хотя онъ и путаетъ съ пьяныхъ глазъ. Между прочимъ, онъ въ пьяномъ же видѣ предложилъ одну мысль, именно, что у Мареы Семеновны ведутся изстари какія-то дѣла съ раскольничьими скитами. Сіе очень важно... На Трехсвятскій пріѣду на будущей недѣлѣ, а оттуда, „тайно образующе“, проберусь и къ вамъ, милостивый государь мой. Моя Татьяна Марковна кланяется вамъ, памятуя вашу незабвенную услугу по возстановленію нашего семейнаго очага, священный огонь на коемъ пылаетъ и по-днесь. Впрочемъ, имѣю честь быть, милостивый государь мой, Евгеній Васильевичъ, вашимъ

„покорнымъ слугой.
„Многогрѣшный Антонъ Головинъ“.

„Старикъ гораздо умнѣе, чѣмъ можно было предположить, — подумалъ вслухъ Евгеній Васильевичъ, пріобщая письмо къ другой дѣловой корреспонденціи, хранившейся въ особомъ таинственномъ ящикѣ. — Очень недурно, Антонъ Иванычъ!..“

## XV.

Антонъ Иванычъ явился на Чаушъ, какъ снѣгъ на голову. Пріѣхалъ онъ въ глухую зимнюю ночь и былъ пьянъ, какъ стелька. Даже Гаврюшка позавидовалъ хорошему городскому барину, который такъ ловко нахлестался. Вотъ это такъ настоящій баринъ, не то что̀ нашъ-то „омморокъ“, какъ подъ сердитую руку Гаврюшка величалъ Евгенія Васильевича.

— А я того... швамдрюберрръ!..—бормоталъ Антонъ Ивановичъ, шатаясь на ногахъ.

— Не хотите ли, Антонъ Иванычъ, нашатырнаго спирта?—предложилъ немного смущенный хозяинъ.—Содовой воды?..

— Мнѣ? Спирту? Хе-хе... Смотрите здѣсь, глядите такъ... нра-а-вит-ся ли этто вамъ... Содовой воды?.. Рюмку водки, отецъ... Ахъ, братецъ ты мой, и вралъ же я сегодня... вотъ какъ вралъ, чуть не подавился... а она— хитрая бестія... у-у!.. Ну, да и мы не пойдемъ черезъ заборъ шапкой щи хлебать... Шалишь, Мареа!..

Евгеній Васильевичъ едва уложилъ спать веселаго гостя, который еще подъ одѣяломъ продолжалъ напѣвать: „Смотрите здѣсь“... Удивительная живучесть и бодрость духа! Передъ отходомъ ко сну старикъ не забылъ торопливо помолиться и съ угнетеннымъ вздохомъ проговорилъ:

— Что-то моя Татьяна Марковна подѣлываетъ? Со слезами меня провожала и все говорила: „Не пей ты, подлецъ, свыше мѣры“... Очень она меня любитъ. А за что? Ну, скажите, Евгеній Васильевичъ, откровенно, за что? Помните эту канашку Берту,—„жить, говоритъ, безъ тебя не могу“... Хе-хе... О, Господи, Господи, и уродится же этакій подлецъ, какъ Антошка Головинъ! Что-то моя Татьяна Марковна...

— Спите, Антонъ Иванычъ...

— А еще рюмочку?

— Завтра, завтра...

— Нѣтъ, за что меня такъ женщины любятъ... а? Скажите откровенно...

Старикъ быстро заснулъ, какъ невинный младенецъ, а Евгеній Васильевичъ долго ворочался съ боку на бокъ. Его безпокоилъ этотъ запахъ перегорѣлаго вина, который водворился у него въ кабинетѣ. Антонъ Иванычъ привезъ съ собой цѣлую кабацкую атмосферу, точно въ кабинетъ вкатили старую бочку изъ-подъ вина. Евгеній Васильевичъ опрыскалъ всю комнату одеколономъ, потомъ изъ пульверизатора попрыскалъ гостя англійскими духами, и все напрасно,—кабацкій букетъ былъ сильнѣе.

Утромъ старикъ поднялся, какъ встрепанный. Евгеній Васильевичъ нашелъ его уже въ столовой за графиномъ водки.

— А я ужъ чай пью, голубчикъ,—объяснилъ Антонъ Иванычъ.—У меня ужъ такое положеніе: какъ всталъ, сейчасъ три рюмки водки... Что дѣлать, привычка...

— Хороша привычка, нечего сказать!

— Въ моемъ почтенномъ возрастѣ, кажется, можно себѣ позволить маленькую роскошь... Всего три рюмочки, а сегодня, по дорожному положенію, пять.

Лугининъ могъ только покачать головой. Агаѳья подала самоваръ, и онъ принялся священнодѣйствовать около него. Столовая вообще являлась мѣстомъ священнодѣйствія, и Евгеній Васильевичъ именно здѣсь являлся настоящимъ кровнымъ бариномъ, который торжественно питалъ свое барское холеное тѣло.

За чаемъ Антонъ Иванычъ подробно повѣдалъ о своемъ визитѣ къ Марѳѣ Семеновнѣ. Сначала-то она даже трухнула и очень трухнула, а потомъ опомнилась и начала врать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Вретъ и прямо въ глаза смотритъ.

— Замѣтьте, это—кулакъ-баба, какъ я уже писалъ вамъ,—объяснялъ Евгеній Васильевичъ, прихлебывая чай.—И, въ случаѣ чего, ни предъ чѣмъ не остановится...

— Сіе принято было во вниманіе.

— Скажите, вы скоро напились у ней? Я забылъ предупредить васъ...

— Э, нѣтъ, дудки! Я пилъ, но въ мѣру, а напился окончательно уже дорогой. Вѣдь какъ заяцъ пряталъ слѣдъ: сначала поѣхалъ будто обратно въ городъ, отъѣхалъ верстъ десять, да на Чаушъ и махнулъ... хе-хе! Ищи вѣтра въ полѣ...

— Ну-съ, что же относительно завѣщанія?

— Должно быть оное... Меня не проведешь, матушка!.. Чуть-чуть Марѳа не проговорилась, когда я ее сразу приперъ къ стѣнѣ.

— Именно?

— Да, говоритъ, я не могу одна ничего сказать, а Капочка уѣхала гостить. Ну, а потомъ поправилась: я, говоритъ, безграмотная, такъ всегда съ Капочкой совѣтуюсь насчетъ дѣловъ. Все вретъ...

Выпивъ для разговора шестую рюмку, Антонъ Иванычъ проговорилъ:

— А вѣдь намъ съ вами, батенька, придется ѣхать въ эти скиты!

— Какъ въ скиты?

— Развѣ я вамъ вчера ничего не разсказывалъ?.. Ну, конечно, нѣтъ: пьянъ былъ, елико можаху. Дѣло въ томъ, государь мой, что Спирька провѣдалъ какъ-то объ исчезновеніи Капочки и проболтался, что ее Марѳа Семеновна законопатила куда-то въ раскольничій женскій скитъ. Значитъ, шито и крыто... А Спирька-то знаетъ все. Только, какъ ни пьянъ былъ, а всего не сказалъ... Очень ужъ я его напоилъ. Вѣдь черезъ него я документъ добылъ на Марѳу Семеновну...

— Гдѣ же эти скиты?

— А чортъ ихъ знаетъ... Въ лѣсу гдѣ-нибудь, надо полагать.

— Зачѣмъ же я туда поѣду, Антонъ Иванычъ?

— Вотъ тебѣ разъ: а выручать невинно-угнетенную дѣвицу? Позвольте нескромный вопросъ, какъ у васъ далеко дѣло зашло?..

Лугининъ долженъ былъ откровенно разсказать всю сцену съ Капочкой, происходившую въ этой самой столовой. Антонъ Иванычъ только покачалъ своей сѣдой головой.

— Немного...—бормоталъ онъ.—Впрочемъ, это дѣло ваше. Гм... Теперь сія дѣвица отвѣдала нескверного скитскаго житья и первому встрѣчному на шею бросится.

— Ну, это еще вопросъ. Не тотъ коленкоръ...

— Э, всѣ женщины одинаковы... О, я знаю ихъ, къ несчастью, слишкомъ хорошо! Да, такъ намъ придется ѣхать и ѣхать сейчасъ, чтобы не терять дорогого времени.

— Какъ же это такъ... вдругъ...

— Всѣ хорошія дѣла вдругъ дѣлаются.

Вообще получился нѣкоторый сюрпризъ и, вдобавокъ, съ романической подкладкой. Оставалось только неизвѣстнымъ настроеніе главной героини. А вдругъ она не захочетъ оставлять скита? Наконецъ, по какому праву они хотятъ освобождать ее и вмѣшиваться вообще во все это дѣло?.. Лугининъ серьезно задумался. Шагъ, во всякомъ случаѣ, рѣшительный и можетъ, если постигнетъ неудача, сдѣлать общимъ посмѣшищемъ. Провинція неумолима, и можетъ разрастись настоящій скандалъ.

— Ну, такъ какъ же?—спрашивалъ Антонъ Иванычъ, начиная хмелѣть.

— Ничего... Только нужно какой-нибудь предлогъ. Впрочемъ, такой предлогъ всегда подъ рукой: ѣздили дѣлать заявку на золото, и вся недолга. Развѣ мы не можемъ сбиться съ дороги, напримѣръ? Даже очень легко... Попадается подъ руку скитъ, и мы ѣдемъ въ него переночевать.

— Переночевать-то, пожалуй, монашины не пустятъ, хорошо—просто обогрѣться...

— Гаврюшку съ собой возьмемъ... Можемъ даже продѣлать всю церемонію заявки, я выведу поисковую партію... Словомъ, все будетъ замаскировано.

Въ концѣ концовъ этотъ планъ даже понравился Евгенію Васильевичу своей таинственностью. Все была проза, а тутъ вдругъ романъ съ превращеніями, переодѣваніемъ и, можетъ-быть, даже полнымъ проваломъ.

Гаврюшкѣ былъ отданъ приказъ готовиться къ отъѣзду на заявку. Онъ уже зналъ, что было нужно, и какъ-то сразу оживился. Сказался пріисковый человѣкъ, встрепенувшійся отъ одного слова: золото. Да и баринъ наказалъ не развязывать языка—это тоже что-нибудь значитъ.

Чтобы не терять времени, отправились въ этотъ же день, какъ только стемнѣло. Не слѣдовало вызывать ничьего вниманія, какъ всегда дѣлается на заявкахъ,—золотопромышленники суевѣрны, какъ всѣ игроки. Впереди ѣхали Антонъ Иванычъ съ Евгеніемъ Васильевичемъ, а за ними Гаврюшка съ необходимой для заявки пріисковой снастью. Для начала декорація была недурна, и Евгеній Васильевичъ начиналъ самъ увлекаться ей.

Опять городъ, опять „Эльдорадо" съ хоромъ арфистокъ и пьянымъ Спирькой. Пришлось пробыть въ городѣ лишній день, пока Антонъ Иванычъ вывѣдалъ у Спирьки подробный адресъ скита; онъ находился въ семидесяти верстахъ отъ города, въ страшной лѣсной глуши, куда едва можно было пробраться только зимой, охотничьими тропами. Главнымъ указателемъ служила какая-то Ручьева гора, подъ которой спрятался въ неприступныхъ дебряхъ искомый раскольничій скитъ.

— Ужъ мы это дѣло вотъ какъ разжуемъ,—хвастался Антонъ Иванычъ.—А что̀, въ самомъ дѣлѣ, если мы еще и золото найдемъ?..

Организовать поисковую партію было плевымъ дѣломъ. Народъ все привычный, и дѣло устроилось въ нѣсколько часовъ. Раннимъ утромъ дорожная кошевая летѣла уже изъ города по тракту, въ противоположную сторону отъ Трехсвятскаго и Чауша. Въ кошевой сидѣли Антонъ Иванычъ и Евгеній Васильевичъ, одѣтые въ тулупы и оленьи шапки съ ушами,—какихъ еще золотопромышленниковъ нужно? Гаврюшка взмостился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ. Партія, отправленная на двухъ подводахъ, должна была догнать на третьей станціи, гдѣ приходилось свернуть съ тракта въ сторону.

— Не вредно для начала,—бормоталъ Антонъ Иванычъ.—А я далъ зарокъ: водки ни-ни... Такъ и Танюшкѣ сказалъ.

Станція Развилиха служила поворотнымъ пунктомъ, и здѣсь, въ ожиданіи партіи, пришлось провести цѣлый день. Антонъ Иванычъ окончательно вошелъ въ свою роль золотопромышленника и подъ рукой наводилъ у стариковъ необходимыя справки относительно Ручьевой горы, до которой отъ Развилихи одни считали верстъ тридцать, другіе и всѣ сорокъ. Нанятъ былъ опытный вожакъ изъ мѣстныхъ охотниковъ. Стоялъ конецъ декабря, снѣгъ въ горахъ достигалъ глубины двухъ аршинъ, и проѣхать можно было только на высокихъ охотничьихъ саняхъ. Но и это не все,—могло случиться, что и на саняхъ не проѣхать, а потому были захвачены охотничьи лыжи. Словомъ, настоящая экспедиція къ сѣверному полюсу.

— Такіе люди только на картинкахъ бываютъ,—объяснилъ Антонъ Иванычъ, усаживаясь въ охотничьи сани.—Охъ, за грѣхи Господь наказываетъ... Гдѣ-нибудь медвѣдь еще съѣстъ.

Лугининъ ѣхалъ на однихъ саняхъ съ вожакомъ. Это былъ низенькій, неразговорчивый старичокъ съ узкими сѣрыми глазками, смотрѣвшими какъ-то необыкновенно пристально. Дорогою Евгеній Васильевичъ пробовалъ повести разговоръ о скитахъ, но старикъ отвѣчалъ неохотно.

— Сказываютъ, что есть будто скитокъ подъ Ручьевой, а доподлинно не знаю.

## XVI.

Провести въ глухомъ лѣсу цѣлыхъ два дня что-нибудь значило. Но необходимо было довести всю комедію до конца. Къ счастію золотопромышленниковъ, имъ благопріятствовала теплая для декабря погода. Ночью спали между разведенныхъ костровъ. На третій день пробныя ямы были кончены, заявочные столбы были поставлены, и партія выступила въ обратный путь.

Старикъ-вожакъ убѣдился, что новые золотопромышленники пріѣзжали за дѣломъ, хотя и удивлялся выбранному мѣсту.

— Ну, а теперь ты насъ въ скитъ завези погрѣться,—говорилъ Антонъ Иванычъ съ самымъ невиннымъ видомъ.

Старикъ поломался, а потомъ, купленный тремя рублями, согласился провести въ скитъ. Партію рабочихъ отправили обратно домой. До скита, оказалось, рукой подать,—только обогнуть Ручьеву гору. Это были двѣ избы, стоявшія въ густомъ лѣсу. Ничего особеннаго онѣ не представляли. Старикъ долго переговаривался съ кѣмъ-то въ окошко, пока получилъ разрѣшеніе.

— Совсѣмъ замерзли, матушка,—взмолился Антонъ Иванычъ.

Ходъ въ избу былъ прямо „съ улицы", если улицей можно было назвать лѣсъ. Евгенія Васильевича удивляло больше всего то, что около избы не было никакихъ санныхъ слѣдовъ, а только вела маленькая дорожка отъ одной избы въ другую. Было часа два дня. Первымъ поднялся по крылечку Антонъ Иванычъ. Въ темныхъ сѣняхъ ихъ встрѣтила высокая худая старуха.

— Милости просимъ...—говорила она какимъ-то плаксивымъ голосомъ, кланяясь въ поясъ.—Не обезсудьте на нашей худобѣ.

Она провела гостей въ переднюю избу, служившую келарней. На лавкѣ сидѣли еще двѣ старухи, и только.

— Вы насъ не бойтесь, матушки,—предупреждалъ Антонъ Иванычъ.—Мы только погрѣться... Много васъ сестеръ живетъ здѣсь?

— Да разно случается...—уклончиво отвѣтила принимавшая гостей старуха.—Вотъ старушки Богу молятся...

— Что̀ же, доброе дѣло. Молитесь хорошенько, чтобы намъ золото найти. Тогда и съ вами подѣлимся...

Старухи переглянулись и зашептались. Лугининъ осматривалъ избу, ничѣмъ не отличавшуюся отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ. Такая же русская печь, такія же полати, у окна кросна для тканья, прялки на лавкѣ, въ углу большой зеленый кіотъ со старинными образа̀ми. Вообще ничего такого, что̀ бы отличало скитъ отъ всякаго другого крестьянскаго жилья. Разговаривавшая высокая старуха предложила гостямъ квасу и щей,—больше ничего не было.

— Напрасно вы, милые, безпокоили себя,—проговорила старуха въ заключеніе этого скромнаго угощенія.—Никакого золота въ нашей пустынѣ нѣтъ...

— Обманули насъ, старушки,—объяснялъ Антонъ Иванычъ.—Насказалъ одинъ человѣкъ горы золота... Такъ, только время потеряли.

— Не будете работать, значитъ?

— Едва ли... Плохія у васъ мѣста: камень да болото. А можно посмотрѣть, бабушки, вашу моленную? Мы никогда не видали, такъ оно любопытно. Я самъ-то православный, а жена у меня старинки придерживается.

Старухи посовѣтовались между собой. Одна вышла въ сѣни. Гдѣ-то хлопнула тяжелая дверь. Антонъ Иванычъ и Евгеній Васильевичъ старались не смотрѣть другъ на друга, какъ настоящіе заговорщики. Выходившая старуха вернулась. Состоялся новый военный совѣтъ, и наконецъ повели гостей черезъ сѣни въ заднюю избу. Моленная представляла собой совсѣмъ пустую комнату, только одна стѣна была почти сплошь занята образами. На особыхъ поставкахъ горѣли восковыя свѣчи своей, скитской работы. Евгеній Васильевичъ обратилъ вниманіе на нѣсколько темныхъ женскихъ фигуръ, прятавшихся въ уголкѣ у печи. Ему показалось, что мелькнуло знакомое дѣвичье лицо, но вглядываться пристальнѣе было неудобно. Онъ опять испытывалъ

захватывавшее духъ волненіе. Антонъ Иванычъ выигрывалъ время, съ разсчитанной медленностью разсматривая образа. Но что тутъ можно было подѣлать, когда за вами слѣдятъ пять паръ опытныхъ старушечьихъ глазъ? Нельзя было выдавать себя и компрометировать дѣвушку.

Когда они вышли изъ скита, Антонъ Иванычъ сердито плюнулъ. Такъ они ѣхали молча съ версту. Старикъ волновался и не хотѣлъ наговорить лишняго.

— Видѣли?—спросилъ онъ наконецъ.

— Она здѣсь?

— Да...

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Совершенно... Тогда я ее возьму... Понимаете—я. Нужно было только установить самый фактъ. Alibi... да. У меня есть планъ... Я уже предупредилъ старухъ, что моя жена изъ старовѣрокъ. Вотъ я и подошлю къ нимъ мою Татьяну Марковну... Дары имъ отправлю, честнымъ матерямъ. Бабы на этотъ счетъ—мастера...

— Да, все это хорошо, Антонъ Иванычъ, но вѣдь придется разсказать все Татьянѣ Марковнѣ... Я очень ее уважаю... да... но женщины иногда бываютъ болтливы.

— Во-первыхъ, я вамъ ручаюсь за Танюшку головой, а во-вторыхъ—ей уже все, и давно, извѣстно, и, какъ видите, она умѣетъ не только молчать, но даже не показывать вида, что знаетъ что-нибудь.

— А она согласится ѣхать въ скиты?..

— Да на такія дѣла бабъ хлѣбомъ не корми... хе-хе!.. И потомъ идетъ вопросъ о свадьбѣ, а это ужъ ихъ спеціальность... Повѣрьте, что я знаю женщинъ.

— Охотно вѣрю...

— И поѣдетъ Танюшка съ Гаврюшкой—тоже ловкій малый. Только необходимо его подготовить. Понимаете?.. Это ужъ ваше дѣло. Онъ, кажется, вѣрный человѣкъ...

— Къ сожалѣнію, не могу поручиться... А впрочемъ, кто его знаетъ.

Съ этимъ рѣшеніемъ они вернулись въ городъ. Лугининъ потребовалъ цѣлый день для размышленія, чтобы обсудить дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія.

— Что тутъ думать...—ворчалъ Антонъ Иванычъ.—Только время напрасно будемъ терять... А тутъ еще можетъ налетѣть Марѳа Семеновна. Тогда вся музыка пропала...

Цѣлую ночь думалъ Евгеній Васильевичъ и ужасно волновался, хотя, собственно говоря, онъ ничего не терялъ въ новой комбинаціи. Только не разболтали бы прежде времени, а тогда разыграется настоящій скандалъ.

— Э, была не была!—рѣшилъ наконецъ онъ, вставъ утромъ.—Нужно дѣйствовать...

Онъ испытывалъ какую-то особенную полноту, то хорошее бодрое настроеніе, которое извѣстно только энергичнымъ мужчинамъ. Вопросъ шелъ о цѣлой жизни...

Татьяна Марковна, противъ ожиданія, согласилась не вдругъ. Ее нужно было уламывать, и Антонъ Иванычъ оказалъ чудеса изворотливости.

— Танюшка, вѣдь такіе случаи разъ въ жизни бываютъ,—увѣрялъ онъ.—Какое разъ... Деньги надо платить за такое удовольствіе...

— А какъ онѣ, честныя-то матери, накинутся на меня? Еще, пожалуй, задушатъ... Страшно въ лѣсу-то одной.

— Да ты не одна будешь, а съ Гаврюшкой. Въ случаѣ чего, онъ одинъ весь ихній скитъ вверхъ ногами поставитъ...

Въ сущности и самой Татьянѣ Марковнѣ до смерти хотѣлось съѣздить въ скиты и выручить таинственную затворницу, а съ другой стороны, ее брала какая-то оторопь. А вдругъ ее поймаютъ?.. Да мало ли что можетъ быть. Очень ужъ дѣло-то особенное, ни къ чему его не примѣнишь.

— А ты только кланяйся имъ ниже да говори умильныя слова, — училъ Антонъ Иванычъ.—Все какъ по маслу сойдетъ...

Самая мудреная задача была въ томъ, какъ отнесется Гаврюшка къ предпріятію. Евгеній Васильевичъ заперся съ нимъ въ номерѣ, спросивъ графинъ водки. Когда Гаврюшка выпилъ два стакана, онъ приступилъ къ дѣлу.

— Гаврюшка, сослужишь мнѣ вѣрную службу?

— Могу вполнѣ, Евгеній Васильичъ...

Баринъ тоже выпилъ водки и заходилъ по номеру, а потомъ круто повернулся и, взявъ Гаврюшку за воротъ, подробно объяснилъ, какая отъ него требуется вѣрная служба. Гаврюшка все время даже не моргнулъ глазомъ.

— Понимаешь теперь?—внушительно повторилъ Евгеній Васильевичъ.— Если все устроите благополучно, тебѣ въ награду четвертной билетъ и лошадь...

— Хорошую надо лошадь, Евгеній Васильевичъ, потому какъ безпремѣнно будетъ погоня.

— Лошадь купимъ самую отличную...

— Чтобы она единымъ духомъ взяла всѣ семьдесятъ верстъ... Есть такіе кони, изъ киргизовъ.

— Ужъ самъ выбирай. За цѣной не постоимъ... А ежели да ты да проболтаешься, каналья, задушу своими руками. Понимаешь?..

Главной приманкой для Гаврюшки была именно лошадь. Онъ питалъ страстную любовь къ хорошимъ бѣгунамъ, а тутъ лошадь сама въ руки шла. Да за такую благодать онъ самоё Марѳу Семеновну въ мѣшкѣ привезетъ... Къ самому предпріятію онъ отнесся почти равнодушно: не его дѣло. А вотъ лошадь...

Розыски настоящей лошади отняли еще сутки. Гаврюшка обѣгалъ весь городъ, разыскивая подходящую къ случаю, и нашелъ наконецъ у какого-то извозчика. Лошадь была пріобрѣтена за сто двадцать рублей. Евгеній Васильевичъ зналъ толкъ и самъ проѣхалъ на ней верстъ десять: лошадь была замѣчательная.

— Краденое золото на такихъ лошадяхъ возить, а не дѣвокъ,—заявилъ Гаврюшка, блестя глазами.

Онъ былъ счастливъ, какъ только можетъ быть человѣкъ счастливъ.

— Ты такъ сдѣлай, Танюшка,—училъ Антонъ Иванычъ на прощанье.— Поживи въ скиту денька три... То да се, а сама и сговорись съ Капочкой. Конечно, она будетъ рада-радешенька вырваться... Главное, нужно имѣть запасную шубу и валенки. Ты на себя обѣ шубы-то надѣнь... Понимаешь? А потомъ выйдетъ Капочка въ своемъ скитническомъ одѣяніи, въ шубу ее, и але маширъ нахъ хаузе.

— Боязно какъ будто, Антонъ Иванычъ...

— Вздоръ... Ну, съ Богомъ. Изъ скита-то въ ночь выѣзжайте, когда всѣ заснутъ. Съ Богомъ!.. А ты, Гаврюшка, смотри: не осрами!

— Ужъ будьте покойны, Антонъ Иванычъ: купленаго вора не учить воровать.

## XVII.

Цѣлыхъ четыре дня самаго томительнаго ожиданія... Лугинкинъ сидѣлъ у себя въ номерѣ и выходилъ только вечеромъ, чтобы подышать воздухомъ.

Маршрутъ былъ одинъ и тотъ же: къ домику Антона Иваныча. Старикъ испытывалъ приподнятое настроеніе и даже пилъ меньше обыкновеннаго.

— Вотъ мы ее здѣсь помѣстимъ,—говорилъ онъ, показывая маленькую комнатку въ одно окно.—Пока перебьется у насъ Капочка... Я, знаете, начинаю думать о ней, какъ, вѣроятно, думалъ бы о своей старшей дочери. Странное чувство... Вообще странно устроенъ господинъ человѣкъ.

— Да, есть странности...—соглашался Лугининъ.—А что̀, какъ вы полагаете относительно арфистокъ, Антонъ Иванычъ?

— А ну ихъ... Слушать даже противно. А вотъ пріѣдетъ Танюшка, и потянетъ опять. Я ужъ знаю свой проклятый характеръ. Да, такъ пусть Капочка отдохнетъ послѣ всѣхъ передрягъ, а потомъ мы и займемся возстановленіемъ ея правъ... Хе-хе!.. Вы только представьте себѣ, какая рожа будетъ у достопочтенной Марѳы Семеновны, когда мы, не говоря худого слова, прижмемъ къ стѣнѣ. Ха-ха... Будетъ игра!.. Люблю...

На Лугинина нападало какое-то малодушіе. Онъ начиналъ безотчетно бояться какой-то бѣды. Это было темное органическое чувство, не испытанное имъ никогда раньше. Достаточно было явныхъ передрягъ. Особенно обострялось это чувство по ночамъ, когда въ номерахъ водворялась полная тишина. Ухо ловило каждый звукъ, малѣйшій шорохъ...

Прошло три дня. Что-то тамъ дѣлается, въ лѣсу? И какъ медленно тянется время! Еще день ожиданія... Но этому дню, кажется, не суждено было кончиться. Евгеній Васильевичъ волновался съ самаго утра и не могъ даже читать газетъ. Ничего не хотѣлось дѣлать, и мысли въ головѣ тянулись, какъ связанныя. Евгеній Васильевичъ даже не могъ итти къ Антону Иванычу и шагалъ по своему кабинету, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Роковой, рѣшительный день!..

Наступилъ вечеръ. Евгеній Васильевичъ вспомнилъ, что не ѣлъ цѣлый день. Какой тутъ аппетитъ!.. Онъ спросилъ сельтерской воды и полбутылки краснаго вина,—это средство успокаивало нервы Lea. Да, кстати, гдѣ-то она?.. Какъ это все далеко, точно между нимъ и ей легла цѣлая вѣчность. Неужели это былъ онъ, Евгеній Васильевичъ?

— Котикъ!..—съ какимъ-то презрѣніемъ вслухъ проговорилъ онъ, возстановляя мысленно нѣкоторые пикантные эпизоды прошлаго.

Наступила ночь. Евгеній Васильевичъ ходилъ по номеру и прислушивался. Городъ спалъ. Гдѣ-то сонно постукивалъ въ чугунную доску ночной сторожъ. Вотъ хлопнула внизу дверь... тяжелые шаги по коридору... осторожный стукъ въ его номеръ... Евгеній Васильевичъ даже вздрогнулъ.

— Войдите...

Вошелъ Гаврюшка. Онъ былъ въ своемъ дорожномъ тулупѣ. Борода и усы обледянѣли.

— Ну что̀?..

— Вотъ такъ лошадь, Евгеній Васильичъ... Семьдесятъ-то верстъ мы въ пять часовъ сдѣлали.

— Я тебя не о лошади спрашиваю, идіотъ!.. Привезли барышню?

— А то какъ же... Зачѣмъ же ѣздили?... Тоже проѣдались четыре дни...

— Капитолину Михеевну?

— Ее самую... Въ лучшемъ видѣ выхватили. Я, значитъ, заложилъ лошадь подъ вечеръ и ѣду. Ну, выходитъ Татьяна Марковна, будто домой собралась, а Капитолина Михеевна, будто ее провожать, на крылечко выскочила... Въ одномъ платочкѣ, какъ полагается имъ въ скиту. Ну, сейчасъ мы ее въ шубу, въ сани и — маршъ! Выбѣжала это ейная нянька - старуха... По-

мните, на Трехсвятскомъ жила? Злющая такая... Ну, нянька караулъ кричитъ, а потомъ ударилась бѣжать за нами, да такъ и застряла въ снѣгу. Только и всего дѣла, Евгеній Васильичъ... А ужъ лошадь, такъ это точно: цѣны ей нѣтъ!.. Такъ и стелетъ, такъ и стелетъ...

— Хорошо. Спасибо... Вотъ тебѣ обѣщанный четвертной билетъ. Можешь выпить за мое здоровье, только не болтай...

Черезъ полчаса прибѣжалъ Антонъ Иванычъ.

— Какова моя-то Татьяна Марковна?—кричалъ онъ еще въ коридорѣ.

— Ради Бога, тише!..

— Нѣтъ, какъ ловко-то все устроила, а? Комаръ носу не подточитъ... Немножко носъ ознобила, ну, да это ничего. Пройдетъ... Пріѣхала и прямо ко мнѣ на шею: „Антоша"... У меня ей цѣны нѣтъ!..

— А Капочка?..

— Капочка?.. Да ничего... Пріѣхала, вошла въ комнату и заплакала. Конечно, неопытность... А она прехорошенькая, чортъ возьми! Сейчасъ Татьяна Марковна ее обряжаетъ... Всѣ эти скитскія хламиды къ чорту... А Татьяна Марковна ужъ впередъ ей все приготовила: и рубашку, и чулочки, и башмачки, и этакій капотикъ съ прошивочками. Вотъ она какая у меня... Да чего мы тутъ болтаемся, идемте къ намъ. Тутъ ужъ самоваръ на столѣ.

Въ первый моментъ Евгеній Васильевичъ хотѣлъ итти, даже взялся за шапку, а потомъ раздумалъ.

— Нѣтъ, я приду завтра. Пусть Капочка отдохнетъ съ дороги... Наконецъ, мое присутствіе можетъ ее смутить. Выспится, успокоится...

— А что же, вы правильно изволите разсуждать, государь мой... Ну, я-то побѣгу. Меня извозчикъ ждетъ... Вотъ какая у меня Татьяна Марковна: орелъ, а не баба. Я пошелъ, а она мнѣ вдогонку кричитъ: „Не отдамъ я Капочку никому... Такъ и скажи!" Хе-хе...

Странно, что, когда дверь за Антономъ Иванычемъ затворилась, Лунинъ почувствовалъ себя очень тяжело. Удача предпріятія уже не радовала его... Нервное напряженіе было слишкомъ сильно, и теперь наступила реакція. Мысль, сосредоточенная на одномъ пунктѣ, осталась теперь не у дѣлъ. Съ другой стороны, Евгеній Васильевичъ нѣсколько разъ подумалъ: уже не сонъ ли все это? Нѣтъ, и Гаврюшка съ его лошадью и Антонъ Иванычъ съ Татьяной Марковной—все это такъ реально и не допускаетъ никакихъ сомнѣній.

— Спать!.. — рѣшилъ Евгеній Васильевичъ. — Я, просто, начинаю нервничать.

Онъ легъ спать раньше обыкновеннаго и проспалъ безъ сновъ до поздняго утра, какъ давно уже не спалъ. Этимъ сномъ разрѣшилось его вчерашнее нервное настроеніе. Онъ опять чувствовалъ себя такимъ бодрымъ, сильнымъ и почти-что молодымъ. И одѣвался онъ съ особенной тщательностью. Было уже одиннадцать часовъ, когда онъ вышелъ изъ своего номера.

Дорогой онъ обдумывалъ сцену своей первой встрѣчи съ Капочкой. Нужно держать себя дѣловымъ человѣкомъ—и только. А остальное—дѣло времени. Съ этими мыслями онъ подъѣхалъ къ собственному домику Антона Иваныча и не безъ волненія позвонилъ.

— Тише!..—встрѣтилъ его Антонъ Иванычъ въ передней.—Онѣ еще изволятъ почивать... Я, собственно, изгнанъ изъ собственной спальни, и на моемъ грѣшномъ ложѣ покоится сама невинность. А какая она милая... Какъ меня вчера мило благодарила за хлопоты. И про васъ спрашивала. Тогда въ моленной-то она васъ видѣла... Хе-хе!... А тѣ, честныя-то матери, въ ка-

кихъ дурахъ остались... Мнѣ даже немножко совѣстно передъ ними. Мы имъ большую непріятность устроили... Ну, да ничего. Идемте чай пить...

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ. Полчаса, проведенные здѣсь, показались Евгенію Васильевичу длиннѣе послѣднихъ четырехъ дней. Онъ вздрогнулъ, когда въ гостиной послышались шаги. Вошла Татьяна Марковна, заспанная, съ едва прибранными волосами. Евгеній Васильевичъ поцѣловалъ у ней руку.

— Сейчасъ, сейчасъ!..—шептала она, точно въ домѣ былъ больной.

Капочка вошла въ столовую такою же блѣдною, какой была на Трехсвятскомъ. Она сильно измѣнилась—еще больше похудѣла. Подавая руку Евгенію Васильевичу, дѣвушка опустила глаза, и чуть замѣтный румянецъ окрасилъ ея блѣдныя щеки.

— Какъ изволили почивать, Капитолина Михеевна? — спрашивалъ Антонъ Иванычъ.—Удобно ли было вамъ?

— Очень хорошо....

— Не приставай, — замѣтила Татьяна Марковна, усаживая дорогую гостью къ столу.—Что-то меня позываетъ на съѣстное...

„Милая... — думалъ Евгеній Васильевичъ, разсматривая ситцевыи капотъ вчерашней скитницы.—Какъ къ ней все идетъ!..“

Для перваго раза разговоръ совсѣмъ не вязался, и говорили о разныхъ постороннихъ предметахъ. Антонъ Иванычъ сдѣлалъ - было попытку завести рѣчь о своемъ посѣщеніи скита, но былъ въ самомъ началѣ остановленъ строгимъ взглядомъ Татьяны Марковны.

— Ну, не буду, не буду!..—бормоталъ онъ виновато.—Дорогая гостьюшка, не хотите ли вы хлѣба съ масломъ? Виноватъ, вѣдь вы постничаете... Ну, сливокъ? Ахъ, чортъ меня возьми!..

Послѣ чая хозяева политично ушли, оставивъ Капочку съ Евгеніемъ Васильевичемъ. Онъ чувствовалъ, что именно съ этого момента начинается настоящее.

— Капитолина Михеевна, вы ничего не имѣете противъ нашего плана вообще?!..

Она въ первый разъ подняла на него свои темные глаза и покраснѣла.

— Дѣло въ томъ, что мы, собственно говоря, не имѣли никакого права освобождать васъ, но...

— Нѣтъ, я очень благодарна всѣмъ... очень... Тетка меня насильно отправила въ скитъ. Я очень плакала... А когда вы пріѣхали туда, я ужасно испугалась.

— Чего же испугались?

— Не знаю... Мнѣ казалось, что я никогда не уйду изъ скита. Вѣдь меня заживо похоронили тамъ..

— Когда вы отдохнете, Капитолина Михеевна, тогда мы серьезно переговоримъ съ вами о вашихъ дѣлахъ. Пока вы можете быть увѣрены въ томъ, что находитесь въ полной безопасности и что есть люди, которые въ состояніи васъ защитить.

— А Марѳа Семеновна?..

— Теперь она сама будетъ васъ бояться... Но объ этомъ послѣ.

У дѣвушки показались слезы на глазахъ. Евгеній Васильевичъ простился съ ней и вышелъ изъ столовой.

— Ну что̀, сдѣлали предложеніе?—шопотомъ спрашивалъ Антонъ Иванычъ.

— Вы съ ума сошли, голубчикъ!..

— Да, да, оно того... пожалуй...

## XVIII.

Слѣдующіе визиты носили дѣловой характеръ. Главный вопросъ о духовномъ завѣщаніи оставался попрежнему открытымъ...

— Я ничего не знаю,—говорила Капочка.—Когда папа умиралъ, при немъ была одна старуха-нянька...

— Ну, ничего, мы поведемъ дѣло и безъ духовнаго завѣщанія,—храбрился Антонъ Иванычъ.—Наше не уйдетъ...

Сначала Капочка сильно дичилась незнакомыхъ людей, а потомъ по-дѣтски быстро привыкла къ своей новой обстановкѣ. Евгеній Васильевичъ держалъ себя съ ней, какъ старшій братъ, съ полушутливой серьезностью. Ему начинало казаться, что Капочка совсѣмъ другая дѣвушка, а не та, о которой онъ составилъ себѣ представленіе. Она уже не смущалась въ его присутствіи и откровенно говорила съ нимъ о разныхъ разностяхъ. Только не любила вспоминать своего прошлаго, особенно, когда заходила рѣчь о Мароѣ Семеновнѣ. Антонъ Иванычъ былъ убѣжденъ, что если бы Мароа Семеновна явилась сейчасъ, то Капочка вполнѣ подчинилась бы ей опять. Евгеній Васильевичъ думалъ нѣсколько иначе. Заручившись довѣренностью Капочки на веденіе дѣла, онъ относился ко всему со спокойной увѣренностью.

— Предварительно я долженъ переговорить съ Мароой Семеновной,—спокойно заявлялъ онъ.—Можетъ-быть, все дѣло кончится полюбовно...

— И вы поѣдете на Трехсвятскій?—съ какимъ-то ужасомъ спрашивала Капочка.—И будете съ ней говорить?

— Поѣду и буду говорить...

На лицѣ Капочки выражался такой ужасъ, точно онъ собирался итти на медвѣдя. Это забавляло Евгенія Васильевича. Съ другой стороны, ему иногда хотѣлось просто приласкать этого ребенка, смотрѣвшаго на него такими довѣрчивыми глазами. Да, приласкать, успокоить и самому почувствовать то хорошее тепло, котораго ему недоставало.

Чтобы не терять времени, Лугининъ отправился на Трехсвятскій незадолго до Рождества. Кстати, необходимо было побывать и у себя, на Чаунѣ. На немъ все-таки лежала большая отвѣтственность по промысловымъ дѣламъ. Онъ заѣхалъ къ Мароѣ Семеновнѣ въ передній путь. Можно себѣ представить, какую сенсацію произвело его появленіе.

— Ты это что̀ придумалъ-то?—встрѣтила его Мароа Семеновна, сильно измѣнившаяся за послѣднее время.—Крестъ-то есть на тебѣ?

— Я не спрашиваю, есть или нѣтъ крестъ на васъ, Мароа Семеновна... Будемте говорить серьезно.

— Да тебѣ-то какое дѣло? Выкралъ дѣвку изъ скита, да еще разговаривать со мной пріѣхалъ...

— И даже очень разговаривать. Я не желаю вамъ зла и совѣтовалъ бы все кончить полюбовно...

— Что̀ кончить-то?

— Я имѣю полную довѣренность отъ Капитолины Михеевны, которая является единственной наслѣдницей Трехсвятскаго. Вы должны дать полный отчетъ въ своемъ хозяйствѣ на пріискѣ за цѣлыя десять лѣтъ... Если вы не согласитесь на добровольную сдѣлку, я вынужденъ буду обратиться къ прокурору, а тамъ уже дѣло суда.

— Не очень я судовъ-то вашихъ боюсь...—гордо заявила Мароа Семеновна.—Не на таковскую напали. Ежели тебѣ хотѣлось жениться на Капѣ, такъ это и безъ суда можно было устроить. Съ руками и ногами бы отдала...

— Это къ дѣлу не относится, Марѳа Семеновна. Еще вопросъ, захочетъ ли Капитолина Михеевна итти за меня...

Дальше слѣдовала вторая часть представленія. Марѳа Семеновна ударилась въ слезы, запричитала и завыла, какъ настоящая баба. Тутъ ужъ рѣшительно ничего нельзя было разобрать, и Евгеній Васильевичъ молча выжидалъ, когда все кончится. Слѣдующимъ моментомъ явился взрывъ негодованія: Капочка неблагодарная, Евгеній Васильевичъ—тоже, и всѣ, до одного человѣка.

— Все это къ дѣлу не относится,—спокойно возражалъ Евгеній Васильевичъ.—Вы лучше объясните, Марѳа Семеновна, гдѣ духовное завѣщаніе Михея Зотыча?

— Духовная? Никакой духовной я не знаю...

Послѣднимъ номеромъ представленія явился Спирька—вытрезвленный, виноватый, но съ тѣмъ же выраженіемъ нахальства. Очевидно, онъ былъ приготовленъ въ качествѣ сюрприза.

— Вотъ, говорите съ нимъ,—объяснила Марѳа Семеновна.—А я ничего не знаю. Мое дѣло женское...

— Что̀ же-съ, мы можемъ соотвѣтствовать вполнѣ,—отозвался Спирька, глядя на барина злыми глазами.—Судъ-то, какъ палка, о двухъ концахъ. И мы управу найдемъ...

— Я желаю знать вашъ окончательный отвѣтъ, Марѳа Семеновна,—твердо заявилъ Евгеній Васильевичъ, поднимаясь съ мѣста.—Желаете вы все дѣло кончить миромъ, или заставляете насъ обратиться къ суду?

— Ничего я не знаю... Хорошо отплатила мнѣ Капа за мою доброту. Да...

Евгеній Васильевичъ раскланялся и уѣхалъ. Дорогой къ себѣ на Чаушъ онъ вспомнилъ пьяную болтовню Спирьки о Капочкѣ и понялъ, почему онъ такъ озлобленно смотрѣлъ на него сегодня. Спирька былъ влюбленъ въ Капочку—это было ясно.

„Еще убьетъ гдѣ-нибудь изъ-за угла,—подумалъ Евгеній Васильевичъ.—Отъ подобныхъ людей можно всего ожидать... Очень глупо!“

На Чаушѣ все было попрежнему и все въ порядкѣ. Пьянствовалъ одинъ только Гаврюшка, не разстававшійся со своей лошадью. Евгеній Васильевичъ пробылъ на пріискѣ всего одинъ день, чтобы отдать нѣкоторыя приказанія въ конторѣ и осмотрѣть работы въ зимнихъ казармахъ, а затѣмъ полетѣлъ обратно въ городъ. Теперь уже совсѣмъ нельзя было терять дорогого времени. Жаль, что наступившіе праздники отнимали цѣлыхъ двѣ недѣли. А въ двѣ недѣли можно было многое сдѣлать... Приблизительно Евгеній Васильевичъ уже предвидѣлъ планъ дѣйствій Спирьки: деньги будутъ, конечно, скрыты, а шахту можно будетъ залить водой, всѣ пріисковыя строенія сжечь,—за одинъ разъ отвѣчать, какъ отвѣчаютъ всѣ русскіе люди. Что̀ же тогда останется у Капочки? Въ случаѣ выиграннаго процесса—заключеніе въ тюрьму Марѳы Семеновны и затопленный пріискъ. Но сейчасъ Евгеній Васильевичъ отнесся къ этому почти равнодушно. Ну что̀ же, и пусть ничего не достанется,—Капочка зато останется.

— Милая... милая!..—повторялъ про себя Евгеній Васильевичъ, стыдясь за свои сорокъ лѣтъ и начинавшуюся сѣдину.

Да, онъ былъ влюбленъ, и это новое чувство совсѣмъ не походило на то, что̀ онъ раньше называлъ этимъ именемъ. Была красива Капочка или нѣтъ—онъ этого уже не различалъ. Въ немъ теплилось такое хорошее и доброе чувство къ этой дѣвушкѣ, которая уже однимъ своимъ присутствіемъ

уничтожала самую мысль о всемъ его прошломъ. Да, нѣтъ больше этого прошлаго, а есть только будущее... Какъ онъ будетъ ее воспитывать, учить, лелѣять—нѣтъ, ничего не нужно, кромѣ одной Капочки.

Съ этими мыслями Евгеній Васильевичъ вернулся въ городъ и, передавая результаты своего визита на Трехсвятскій, прибавилъ:

— Знаете, чортъ съ ними, Антонъ Иванычъ... Я думаю, что хлопотъ будетъ масса, а толку мало.

— Да вы съ ума сошли, батенька?!—завопилъ старикъ.—Да вы что это говорите-то? Нѣтъ, шалишь, мы только теперь за дѣло настоящо примемся, государь мой...

— Дѣлайте, какъ знаете...

Антонъ Иванычъ внимательно посмотрѣлъ на Евгенія Васильевича, повертѣлъ пальцемъ около своего лба и замѣтилъ:

— Влюбленъ, милашка... Это со мной тоже случалось. А Капочка-то ждетъ васъ... Всѣ глазки проглядѣла въ окошко. Хе-хе... Ничего, дѣвчурка отличная.

Капочка, дѣйствительно, ждала Евгенія Васильевича съ нетерпѣніемъ, чтобы узнать о результатахъ поѣздки на Трехсвятскій. Она даже выскочила къ нему навстрѣчу въ переднюю.

— Какъ видите: цѣлъ и невредимъ,—шутливо отвѣтилъ онъ на ея тревожный взглядъ.

Въ этомъ же тонѣ онъ разсказалъ всю сцену своего свиданія съ Марѳой Семеновной, до появленія Спирьки включительно.

— Все-таки я ихъ боюсь... — замѣтила дѣвушка. — Они что-нибудь сдѣлаютъ...

Евгеній Васильевичъ протянулъ свою сильную руку и проговорилъ:

— Вотъ рука, Капитолина Михеевна, которая не дастъ никому пошевелить васъ пальцемъ...

Она вся вспыхнула и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

Окончательное объясненіе съ Капочкой произошло на первыхъ дняхъ праздника, въ самое непоэтическое время дня, именно—послѣ обѣда, когда Антонъ Иванычъ и Татьяна Марковна отдыхали въ своей спальнѣ. Лугининъ говорилъ о готовившемся походѣ на Марѳу Семеновну и предупреждалъ, чѣмъ все это могло кончиться.

— Отъ громаднаго состоянія, оставленнаго вамъ отцомъ, вѣроятно, сохранится одна залитая водой шахта... Я почти увѣренъ въ этомъ.

— Изъ-за чего же тогда хлопотать, Евгеній Васильичъ?

— Гм... Все-таки неизвѣстно, Капитолина Михеевна... а мы должны защищать ваши интересы.

Они сидѣли въ гостиной,—она на диванѣ, онъ въ креслѣ. Разговоръ шелъ вполголоса, чтобы не разбудить хозяевъ.

— А я такъ боялась, когда вы ѣздили на Трехсвятскій...—тихо проговорила Капочка, перебирая своими тонкими пальцами край какой-то оборочки.

— Чего же вы боялись?

Она взглянула на него и отвѣтила еще тише:

— Все могло случиться, Евгеній Васильичъ... Главное, вы-то изъ-за чего тутъ хлопочете?.. Тотъ же Спирька могъ застрѣлить... Онъ—такой отчаянный.

Онъ засмѣялся и посмотрѣлъ на нее такими блестящими глазами.

— А вы помните нашъ разговоръ тамъ, у меня въ столовой?—спросилъ онъ, набирая воздуха.

— Да...

— Тогда вы въ моихъ глазахъ были выгодной партіей—я этого не скрываю. Да, я считалъ васъ чуть не милліонершей, а теперь у васъ почти ничего нѣтъ... Что̀ бы вы отвѣтили мнѣ, если бы я повторилъ тотъ же вопросъ?

Отвѣта не послѣдовало, да его было и не нужно, потому что говорили эти опущенные глаза, этотъ тонкій румянецъ, охватившій лицо, какъ отблескъ пожара, эти дрожавшія маленькія руки... Много женщинъ прошло черезъ руки Евгенія Васильевича, но онъ никогда такъ не трусилъ, какъ сейчасъ, наклоняясь къ этой простой, чистой дѣвушкѣ, чтобы сказать ей великое и святое слово. Ему хотѣлось плакать...

— Милая!.. милая!..

## XIX.

Евгеній Васильевичъ былъ счастливъ... Съ нимъ происходило что-то необыкновенное, чему трудно даже подобрать названіе. Дни летѣли, какъ весеннія птицы. Онъ просыпался съ мыслью о ней, объ этой чудной дѣвушкѣ, и засыпалъ съ этой же мыслью. Какъ она была хороша, вся хороша, каждымъ взглядомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ.

— Вы завтра придете?—спрашивала она съ какимъ-то страхомъ каждый вечеръ, когда онъ прощался.

— О, непремѣнно, моя крошка... Развѣ вы могли сомнѣваться во мнѣ?

— Нѣтъ... но я все чего-то боюсь.

Какъ это все мило говорилось... Онъ ее понималъ, понималъ вотъ этотъ дѣтскій страхъ. Вѣдь онъ тоже боялся за свое счастье, потому что оно было слишкомъ велико. Да, то счастье, которое захватываетъ всего человѣка. Какъ при зубной боли человѣкъ превращается въ одинъ больной зубъ, такъ теперь Евгеній Васильевичъ превратился въ одно чувство, онъ былъ весь — любовь. Сравненіе немного неизящное, но вѣрное. Что̀ дѣлалось кругомъ—онъ почти не замѣчалъ, или относился со стороны, какъ чужой человѣкъ. Антонъ Иванычъ строчилъ какія-то прошенія, добывалъ справки, подавалъ заявленія—все это находилъ нужнымъ. Капочку вызывалъ прокуроръ, потомъ слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, и всѣ они были увѣрены, что дѣлаютъ какое-то серьезное и нужное дѣло. Жалкіе, слѣпые люди... Ничего не нужно, все это пустяки!.. Да и всѣ остальные тоже: хлопочутъ, суетятся, куда-то ѣдутъ, кого-то обманываютъ, что-то разсчитываютъ, чего-то домогаются. Послушайте вы, несчастные, ничего не нужно!.. Да нѣтъ, вы ничего не поймете, потому что жизнь отъ васъ закрыта паутиной ежедневныхъ хлопотъ, потому что вамъ некогда заглянуть въ себя, потому что наконецъ у васъ нѣтъ Капочки!..

Антонъ Иванычъ по десяти разъ въ день пробовалъ совѣтоваться съ Евгеніемъ Васильевичемъ, но получалъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Ахъ, оставьте меня... Какое мнѣ дѣло?

— Послушайте, нужно же мнѣ съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться? Наконецъ это просто свинство съ вашей стороны... да!..

Старикъ начиналъ ругаться, размахивалъ руками и говорилъ Лугинину самыя оскорбительныя вещи, но и изъ этого ничего не выходило. Евгеній Васильевичъ выслушивалъ, правда, очень внимательно, а потомъ отвѣчалъ чѣмъ-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— Вы обратили вниманіе, Антонъ Иванычъ...

Антонъ Иванычъ морщилъ брови, вытягивалъ шею и принималъ видъ человѣка, который приготовился превратиться въ одно ухо.

— Да, такъ вы замѣтили, добрѣйшій Антонъ Иванычъ, какъ иногда Капочка мило задумывается? У нея привычка поднимать немного лѣвую бровь... и этотъ долгій-долгій взглядъ, который смотритъ вамъ въ душу...

Руки Антона Иваныча безмолвно воздѣвались къ небесамъ, какъ у Моисея въ священной исторіи для дѣтей. Что̀ тутъ можно было сказать, когда человѣкъ на вашихъ глазахъ сходитъ съ ума?

— Стыдно, государь мой... да-съ! А я еще почиталъ васъ за умнаго человѣка... Конечно, всѣ мы платимъ тяжелую дань нашимъ слабостямъ, вѣрнѣе—нашей натурѣ, но это еще не доказательство тому, чтобы терять голову. Да-съ... И я тоже люблю Капочку-съ и даже весьма люблю-съ. Прекрасная дѣвица... Но... Да что̀ съ вами говорить!..

— Послушайте, Антонъ Иванычъ, вы замѣтили у ней привычку улыбаться одними глазами?

— О, Боже мой, Боже... Я васъ презираю, государь мой!..

Эти сцены настраивали Евгенія Васильевича самымъ веселымъ образомъ. Онъ чувствовалъ, какъ любитъ вотъ этого стараго чудака, любитъ Татьяну Марковну и всѣхъ, всѣхъ... Въ его чувствѣ не было того эгоизма, который смѣшиваютъ съ чувствомъ любви. Нѣтъ... Онъ такъ хорошо думалъ о Капочкѣ, и ни одной грѣшной мысли не промелькнуло въ его головѣ.

— Вы счастливы, Капочка?—спрашивалъ онъ иногда, оставаясь съ ней наединѣ.

— Право, я не знаю, Евгеній Васильевичъ... Мнѣ все кажется, что это какой-то сонъ. Я боюсь вѣрить и, когда остаюсь одна... Нѣтъ, я не умѣю разсказать вамъ всего...

— О, милая, милая!..

Сколько въ ней было дѣтски-наивнаго, чистаго, свѣтлаго... Нѣсколько разъ по вечерамъ дѣвушка разсказывала Евгенію Васильевичу о своемъ прошломъ. Кругъ этихъ воспоминаній замыкался Трехсвятскимъ, гдѣ было все—и горы, и лѣсъ, и горная бойкая рѣчка Каменка. Что̀ дѣлалось за этой гранью, Капочка могла знать только по разсказамъ другихъ—весь остальной міръ для нея составлялся только изъ разсказовъ. Но былъ другой міръ, который жилъ внутри, и это былъ такой чудный своей простотой міръ.

— Неужели вамъ не было скучно?—удивлялся Евгеній Васильевичъ.

Она не знала даже этого слова: скучно. О чемъ же скучать?.. Евгеній Васильевичъ приходилъ въ восторгъ, какъ онъ откроетъ передъ этой дѣтской душой настоящій міръ, цѣлый міръ, какъ она вырастетъ въ его рукахъ и сдѣлается хорошимъ большимъ человѣкомъ. Пока онъ разсказывалъ ей только о Петербургѣ и о томъ, какъ живутъ люди въ столицахъ: какіе тамъ дома, сады, общественныя зданія, удовольствія и т. д. Онъ смѣялся, что Капочка въ жизни своей еще не видала парохода, не ѣздила по желѣзной дорогѣ, не бывала ни разу въ театрѣ,—словомъ, настоящее лѣсное растеніе.

Дѣло однако шло своимъ чередомъ. Со стороны Марьи Семеновны въ городѣ орудовалъ Снирька, вооруженный надлежащей довѣренностью. Онъ хвастался въ „Эльдорадо“, что нанялъ самаго зубастаго адвоката и что утретъ носъ Капочкѣ съ ея непрошенными заступниками. Съ этой стороны тоже полетѣли въ судъ прошенія, объясненія, справки, копіи,—словомъ, машина шла полнымъ ходомъ. Антонъ Иванычъ однако не унывалъ и держалъ себя съ большимъ апломбомъ. Это было въ его практикѣ самое большое дѣло, о которомъ говорилъ цѣлый городъ, весь уѣздъ.

— Вотъ что̀, батенька, съѣздили бы вы къ себѣ на Чаушъ,—совѣто-

валъ старикъ Евгенію Васильевичу.—Знаете, оно того... Любовь хорошо, да и о дѣлахъ не слѣдуетъ забывать.

— Хорошо, я поѣду...

— А свадьбу сыграемъ подъ Красную горку... да. Мы ужъ рѣшили съ Татьяной Марковной.

— Не мѣшало бы и меня спросить... хоть для формы.

— Да что вы можете понимать, государь мой?.. Мы съ Татьяной Марковной обсудили все дѣло обстоятельно...

Какое трогательное было прощанье съ Капочкой. Она еще въ первый разъ обняла его сама, вѣрнѣе—повисла на его шеѣ. А какъ смотрѣли эти полные слезъ глаза!..

— Я боюсь...—шептала она, пряча свою головку на его груди.—Я буду ждать... буду молиться за васъ...

— Да вѣдь я же не умирать ѣду, крошка? Вы такъ со мной прощаетесь, точно я никогда не вернусь.

— Я видѣла дурной сонъ,—призналась Капочка, краснѣя.

— Ну, это ужъ вздоръ...

Она выбѣжала провожать его на подъѣздъ и все время стояла, пока дорожный экипажъ не скрылся изъ виду. Татьяна Марковна насильно должна была увести ее въ комнату. Капочка залилась горькими слезами.

— О чемъ же ты убиваешься такъ, дурочка?—спрашивала Татьяна Марковна.—Вѣдь онъ пріѣдетъ...

— Не знаю... Ахъ, какъ мнѣ тяжело!..

— Ну, это пройдетъ. Дѣвушки всѣ такъ-то думаютъ, что только и свѣту въ окнѣ, что ихніе женихи. Потомъ еще надоѣстъ... Вотъ мой-то сахаръ, Антонъ Иванычъ, не мало я слезъ изъ-за него пролила.

— Евгеній Васильевичъ не такой.

— Ну, матушка, женихи-то всѣ хороши, а гусей по осени считаютъ. Я не хулю твоего Евгенія Васильевича, а только такъ, къ слову...

Евгеній Васильевичъ оставлялъ городъ съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Его разстроили слезы Капочки. Какой-то глупый сонъ... Слѣдовало спросить, что она видѣла. Сны, конечно, глупость, но почему-то люди всегда вѣрили въ нихъ, какъ вѣрятъ въ предчувствія вообще. Должно же быть разумное основаніе для такой упорной вѣры, сопровождающей человѣка отъ первыхъ шаговъ его историческаго существованія. Самъ онъ не видалъ никакихъ сновъ, а между тѣмъ ему было такъ грустно. Каждый шагъ почтовыхъ лошадей увеличивалъ разстояніе между нимъ и Капочкой. Сегодня вечеромъ онъ не пожелаетъ ей покойной ночи, завтра не придетъ поздравить съ добрымъ утромъ. Нѣтъ, есть что-то враждебное во времени и пространствѣ, которыя отдѣляютъ насъ отъ любимаго человѣка.

— Это какая-то романтическая философія,—резюмировалъ Евгеній Васильевичъ свои дорожныя мысли и чувства.—Теперь Капочка, вѣроятно, садится обѣдать...

На Чаушъ Евгеній Васильевичъ пріѣхалъ только поздно вечеромъ. Первое, что ему бросилось въ глаза—это огонь въ его кабинетѣ. Что это могло значить? Вѣроятно, пьяный Гаврюшка... Евгеній Васильевичъ быстро прошелъ черезъ кухню, гдѣ Гаврюшка игралъ въ карты съ Агаѳьей, прошелъ столовую и остановился только въ дверяхъ кабинета, гдѣ на него съ отчаяннымъ лаемъ кинулся маленькій кингъ-чарльзъ.

Что это такое, сонъ? призракъ? На диванѣ самымъ мирнымъ сномъ покоилась Lea. Лай собачонки разбудилъ ее. Она открыла свои сѣро-зеленые

глаза, посмотрѣла на стоявшаго въ шубѣ Евгенія Васильевича и, потягиваясь, сонным голосомъ проговорила по-французски:

— Какъ ты меня испугалъ, Котикъ, а я такъ сладко заснула...

## XX.

Да, это была она, Lea... Она сдѣлала по зимнему пути цѣлыхъ три тысячи верстъ, питалась цѣлыхъ двѣ недѣли одними сардинами, чуть не была съѣдена волками „въ той губерніи, гдѣ дѣлаютъ казанское мыло", и кое-какъ добралась до промысловъ. Самымъ удивительнымъ въ этой безумной экспедиціи было то, что Lea все время ѣхала въ однихъ прюнелевыхъ ботинкахъ и что могла объясняться съ ямщиками невозможнымъ ломанымъ языкомъ. Но, прежде чѣмъ добраться на Чаушъ, она попала на Трехсвятскій.

— Какая премилая эта pauvre Martha...—разсказывала Lea съ обычной ажитаціей.—Я отдыхала у нея цѣлыхъ три дня. Да... Я въ первый разъ въ жизни пила настоящій русскій квасъ, ѣла du cachà и еще настоящія русскія „чи". Pauvre Martha—очень милая женщина, не правда ли?..

— Да, вы сдѣлали, кажется, рѣшительно все, чего не должны были дѣлать,—замѣтилъ Евгеній Васильевичъ, снимая наконецъ шубу.

— Но самое худшее, что̀ я испытала—это твой секретарь...—жаловалась Lea, дѣлая капризное лицо.

— Какой секретарь?

— Ну, все равно, твой cosak Gavruchká... Онъ меня вынудилъ, чтобы я дала ему на морда. Да, вынудилъ... Онъ не желалъ меня пускать въ комнаты, меня, Lea...

— И напрасно пустилъ... Я бы на его мѣстѣ сдѣлалъ иначе.

— Вотъ это мило... Впрочемъ, вы такой человѣкъ, отъ котораго всего можно ожидать. О, я все знаю, но объ этомъ послѣ... Вы освобождаете изъ монастырей угнетенныхъ злыми волшебницами красавицъ, вы... ну, ну—послѣ, а теперь я хочу спать. Покойной ночи, Котикъ... Котикъ... Вы устроитесь въ столовой.

Что̀ было тутъ дѣлать? Что̀ говорить? Евгеній Васильевичъ былъ совершенно ошеломленъ.

Онъ такъ и проходилъ цѣлую ночь по столовой. Появленіе Lea подняло въ немъ все то прошлое, которое, кажется, умерло и было похоронено навсегда. Lea служила живымъ памятникомъ этого прошлаго... Съ ней врывалось все, что̀ оставалось тамъ и было позабыто въ эти длинные годы одиночества. Евгеній Васильевичъ шагалъ по столовой, точно гдѣ-нибудь въ дремучемъ лѣсу,—такъ много воспоминаній разрасталось около него. Мысль о Капочкѣ замирала въ этихъ дебряхъ, какъ далекое эхо, какъ прощальный лучъ осенняго солнца. Нѣтъ, онъ сходитъ съ ума... И Lea—сумасшедшая, и всѣ остальные.

Утромъ, когда Агаѳья подала самоваръ, заявился Гаврюшка съ обиженной рожей.

— Что̀ же это такое, Евгеній Васильевичъ... Ежели, напримѣрно, по рожѣ разъ, и другой, и третій—прямо въ самую скулу. Это ужъ не порядокъ...

— Убирайся вонъ, дуракъ!..

— Ну, порядокъ... Этакъ и рыла не достанетъ, ежели каждая французская дѣвка будетъ полировать по скуламъ. Больно прытка!..

Lea проснулась поздно и позвонила. Агаѳья бросилась въ кабинетъ бѣгомъ, потому что знала, что̀ нужно барышѣ: въ это время собачонка ея пила

утреннюю порцію молока. Евгеній Васильевичъ могъ только наблюдать все происходившее, какъ посторонній зритель. Lea одѣвалась долго, по крайней мѣрѣ цѣлыхъ два часа, чтобы принять небрежно-утренній видъ. Наконецъ она вышла въ столовую—недовольная, капризная, готовая поднять бурю изъ-за перваго пустяка. О, Евгеній Васильевичъ слишкомъ хорошо зналъ это милое настроеніе и молча пожалъ гостьѣ руку.

— Вы мнѣ не нравитесь...—заявила Lea, выпивъ маленькую чашку кофе.—Да... У васъ такой видъ, точно вы потеряли носовой платокъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно, потому что, видимо, я попала въ фальшивое положеніе.

Евгеній Васильевичъ поклонился со сдержанной улыбкой. Lea сузила свои зеленые глаза и, шурша шелковой юбкой, быстро ушла въ кабинетъ. Оттуда она вернулась съ зеркаломъ.

— Вотъ...—коротко сказала она, подавая зеркало.—Посмотри на твой морда...

Евгеній Васильевичъ машинально взялъ зеркало и посмотрѣлъ,—на него глядѣло незнакомое лицо.

— Вы забыли тѣ письма, которыя мнѣ писали цѣлыхъ три года,—продолжала Lea съ возраставшей экспрессіей.—Да, забыли... Вы умоляли меня пріѣхать, спасти васъ... Я пожертвовала всѣмъ, я могла десять разъ умереть дорогой и все для того, чтобы получить ваше вчерашнее оскорбленіе.

— Никогда я васъ не приглашалъ...

Lea опять бросилась въ кабинетъ и вернулась съ пачкой писемъ. Порывшись, она подала послѣднее. Евгеній Васильевичъ взялъ смятый листикъ почтовой бумаги и прочелъ написанное собственной рукой приглашеніе пріѣхать на пріискъ, помѣченное августомъ. Когда же это могло быть?

— Но дѣло не во мнѣ: я слишкомъ себя уважаю,—продолжала Lea уже съ дрожащими нотками въ голосѣ.—Да... Посмотри еще разъ въ зеркало на твой морда. Оно тебѣ скажетъ все... Тебѣ ли соблазнять невинное молодое существо? Неопытная дѣвушка тебѣ повѣрила, она въ тебѣ полюбила призракъ собственнаго воображенія, какъ всякая невинная дѣвушка. О, я сама была невинной дѣвушкой и знаю, что̀ такое полюбить такого человѣка, какъ ты...

Lea—невинная дѣвушка! Плечи Евгенія Васильевича поднялись вопросительно, а на лицѣ мелькнула саркастическая улыбка. Но это такъ, одно движеніе...

— Я поѣду къ этой несчастной дѣвушкѣ и объясню ей все...—продолжала Lea уже съ энергіей рѣшившагося на все человѣка.—Да, все... Я обязана открыть ей глаза. Я покажу ей твои письма... Все, все... И, когда она узнаетъ, что ты жауликъ и... и воръ...

Что̀ происходило дальше, сами дѣйствующія лица не могли бы передать,—это вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно Lea. Въ столовой поднялся ужасный крикъ, брань, оскорбленія... Гаврюшка, подсматривавшій изъ кухни въ дверь, видѣлъ только, какъ баринъ схватилъ стулъ и замахнулся на француженку. Дальше послышался отчаянный визгъ, не потому, что онъ ударилъ ее, а потому, что Lea схватила скатерть и стащила со стола все. Посыпалась чайная посуда, полетѣлъ кубаремъ самоваръ, а Lea продолжала кричать. Гаврюшка былъ въ восторгѣ: вотъ это настоящая барыня. Жаль только, что ругается не по-нашему—ничего не разберешь.

Дальнѣйшія событія слѣдовали въ такомъ порядкѣ. Гаврюшка и Агаѳья увѣряли, что господа помирились, т.-е говорили о чемъ-то совершенно спо-

койно. Баринъ даже поцѣловалъ руку у барыни. А потомъ онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, заперся на ключъ и что-то долго шуршалъ бумагами. Барыня нѣсколько разъ подходила къ двери и о чемъ-то его спрашивала.

Кончилось тѣмъ, что баринъ вышелъ изъ кабинета и потребовалъ сейчасъ же лошадей.

— Такъ ты поѣдешь сейчасъ же въ городъ и объяснишься съ этой дѣвушкой?—повторила Lea.—А я буду тебя ждать, Котикъ... Ты меня очень оскорблялъ.

— Больше не буду...

— Скажи: прости меня, Lea... Я гадкій Котикъ, Lea.

— Я гадкій, Lea.

Она выскочила провожать его на крыльцо, и онъ при всѣхъ поцѣловалъ ее прямо въ губы...

Отъѣхавъ верстъ пять отъ пріиска, Лугининъ остановилъ лошадей, вышелъ изъ коневой и, на глазахъ у кучера, застрѣлился...

---

## СУДЪ ИДЕТЪ.

Смертный приговоръ былъ произнесенъ...

Прокуроръ Иванъ Павловичъ Мухинъ, въ качествѣ больного, ожидалъ рѣшенія консиліума, сидя въ своемъ кабинетѣ у письменнаго стола. Онъ настолько владѣлъ собой, что могъ заниматься, и во время консиліума „подготовлялъ“ дѣло о мѣщанинѣ Ивановѣ, котораго обвиняла жена въ развратномъ сожитіи съ дѣвицей Петровой. Дѣло по существу ничего особеннаго не представляло, и Иванъ Павловичъ въ другое время не обратилъ бы на него вниманія. Сейчасъ онъ нѣсколько разъ теръ свой лобъ длинной, исхудавшей рукой съ напружившимися жилами и, читая протоколъ слѣдствія, нѣсколько разъ поднималъ густыя брови съ какой-то хорьковой просѣдью. Ему на видъ было подъ пятьдесятъ, хотя какая-то таинственная внутренняя болѣзнь дѣлала его старше. Въ лицѣ и во всей фигурѣ чувствовалось что-то строгое и особенно внушительное, что̀ заставляло трепетать не одного подсудимаго. Особенно строго смотрѣли сѣрые большіе глаза. Прибавьте къ этому, что Иванъ Павловичъ почти никогда не улыбался, и выраженіе его застывшаго лица не смягчалось даже легкой сѣдиной, пробивавшейся въ бородѣ и въ усахъ. Одѣтъ онъ былъ тоже какъ-то строго, несмотря на то, что долженъ былъ сидѣть дома. Когда онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, казалось, что онъ видитъ передъ собой какого-нибудь подсудимаго, какъ сейчасъ видѣлъ вороватаго мѣщанина Иванова, соблазнившаго мѣщанскую дѣвицу Петрову къ незаконному сожитію. Ивану Павловичу рисовался этотъ Ивановъ во всей своей прелести,—какъ онъ лгалъ въ теченіе всей своей мѣщанской жизни,—лгалъ женѣ, лгалъ дѣвицѣ Петровой, лгалъ слѣдователю и будетъ лгать на судѣ. Законъ, въ сущности, очень милостиво относится къ подобнымъ субъектамъ.

— Подвергнуть церковному покаянію...—мысленно повторилъ Иванъ Павловичъ будущую фразу судебной резолюціи.

Эти мысли были прерваны поднявшимся въ гостиной говоромъ и шумомъ шаговъ. Значитъ, консиліумъ кончился и доктора расходятся. Иванъ Павловичъ поморщился. Лично онъ былъ противъ этой глупой церемоніи, но Ольга Сергѣевна хотѣла устроить консиліумъ и настояла на своемъ съ чисто-женскимъ упрямствомъ. Она вѣрила больше всего своему Костецкому, хотя онъ, въ данномъ случаѣ, былъ совершенно безполезенъ, какъ спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ. Врачи изъ гостиной отправились въ кабинетъ.

— Вотъ Сергѣй Матвѣичъ объяснитъ вамъ все,—говорилъ старичокъ докторъ Балясинъ, пользовавшійся въ городѣ репутаціей „нашего Захарьина“.—Да...

— Да?—какъ-то некстати проговорилъ Иванъ Павловичъ, продолжая въ умѣ казнить развратнаго мѣщанина Иванова.

Докторовъ собралось пять. Веселый толстякъ Чередовъ, желчный и худой полякъ Матусевичъ, молчаливый нѣмецъ Манштейнъ, Костецкій, немного вертлявый и кокетливый, какъ всѣ дамскіе доктора, и старикъ Баляснинъ. Иванъ Павловичъ, конечно, всѣхъ ихъ отлично зналъ, какъ знаютъ другъ друга только въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ поневолѣ выучиваютъ человѣка наизусть. Баляснина Иванъ Павловичъ недолюбливалъ, какъ стараго хитреца и порядочнаго интригана, подкупавшаго паціентовъ своими вкрадчивыми, мягкими манерами. Онъ вѣчно точно подкрадывался къ чему-то. Костецкій ушелъ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, которая ожидала его въ своемъ будуарѣ.

— Вы совсѣмъ кончили, господа?—какъ-то сухо спрашивалъ Иванъ Павловичъ, предлагая гостямъ ящикъ съ сигарами.

— Сергѣй Матвѣичъ объяснитъ все...—повторилъ Баляснинъ, потирая свои всегда холодныя руки.—До свиданія, Иванъ Павлычъ!

Манштейнъ молча протянулъ свою широкую нѣмецкую руку, походившую на тюленій ластъ, и Ивану Павловичу показалось, что и онъ и Баляснинъ стараются поскорѣе убраться и будутъ очень рады, когда очутятся на свѣжемъ воздухѣ. Чередовъ, противъ обыкновенія, молчалъ, посасывая сигару. Онъ всегда садился на одно мѣсто на диванѣ, въ самой неудобной позѣ, и потиралъ жирное колѣно лѣвой рукой. Въ гостиной послышался жиденькій тенорокъ Костецкаго, который тоже, видимо, торопился. Ольга Сергѣевна проводила его до дверей передней и вернулась.

— А у насъ устраивается любительскій спектакль...— сообщилъ Костецкій послѣднюю городскую новость, пожимая руку Ивана Павловича.—Да... Въ главной роли выступаетъ Анна Ивановна... У ней есть темпераментъ... священный огонекъ... Вы вечеромъ будете въ клубѣ? Ахъ, виновать, мы васъ подвергаемъ карантину... да...

Ивану Павловичу казалось, что консультанты держатъ себя съ нимъ какъ-то офиціально и говорятъ совсѣмъ не то, что̀ думаютъ. Это его раздражало, и онъ былъ радъ, когда горничная затворила за ними дверь. Отъ волненія у него въ послѣднее время получалось ощущеніе какой-то тупой боли въ лѣвомъ боку, и онъ дергалъ плечомъ, инстинктивно стараясь отъ нея освободиться. Потомъ ему было непріятно, что жена не вошла въ кабинетъ, хотя и понималъ, что ей было тяжело выслушивать во второй разъ докторское объясненіе,—онъ не сомнѣвался, что врачи были противъ него, т.-е. противъ его болѣзни, и впередъ приготовился выслушать какую-нибудь непріятную новость. Въ душѣ онъ не вѣрилъ врачамъ, ихъ искусству и медицинѣ вообще.

Докторъ Чередовъ продолжалъ сидѣть на диванѣ, пуская клубы синяго дыма. Это была его дурная привычка, съ которой Ольга Сергѣевна никакъ не могла помириться.

— Да, многоуважаемый...—заговорилъ онъ, когда Иванъ Павловичъ вернулся въ кабинетъ.

— Могу помочь тебѣ, — предупредилъ его Иванъ Павловичъ:—я догадываюсь, что вы не согласны съ моимъ сердцемъ... Я приготовился къ самому худшему и боюсь только одного, чтобы напрасно не потревожили Ольгу Сергѣевну. Въ свое время все будетъ...

— Да, многоуважаемый... Гм...

Иванъ Павловичъ любилъ Чередова, любилъ безъ всякаго основанія, а просто такъ, какъ любятъ друзья. Онъ чувствовалъ себя какъ-то лучше, когда Чередовъ входилъ къ нему въ кабинетъ; любилъ его добродушное рус-

ское лицо, глядѣвшее такъ просто своими близорукими, большими карими глазами, любилъ лѣнивую походку съ развальцемъ, любилъ его манеру говорить и смѣяться. Чередовъ былъ милый человѣкъ, который всѣмъ говорилъ— „многоуважаемый“; завертывалъ на минутку и просиживалъ часы; постоянно терялъ свою шапку; надѣвалъ чужія калоши; разсказывалъ одинъ и тотъ же анекдотъ, какъ новость, и томилъ хозяина въ передней, прощаясь по десяти разъ.

— Да, многоуважаемый, мои коллеги не совсѣмъ хорошо отнеслись къ твоему сердцу... Оно мнѣ уже давно не нравится. Вообще машинка испортилась... да...

Чередовъ подбиралъ слова, напрасно желая попасть въ свой шутливый тонъ, который уже совсѣмъ не подходилъ къ данному моменту.

— Видишь ли, многоуважаемый, въ чемъ дѣло...—продолжалъ онъ, исчезая въ облакѣ табачнаго дыма.—Конечно, всѣ мы смертны, и медицина не всесильна... да...

— Не тяни, пожалуйста... Говори прямо: очень плохо?

— Да, т.-е... какъ смотрѣть на дѣло...

— Знаешь, я не люблю уклончивыхъ отвѣтовъ, да и обманывать самого себя—неблагодарный трудъ. Съ годъ протяну?

— Дѣло въ томъ, что нужно опасаться катастрофы... Есть опасные признаки, и я не скрываю отъ тебя опасности... Но нашъ приговоръ не имѣетъ еще обязательнаго характера... Есть и надежды... т.-е. мы можемъ ошибиться, какъ и другіе консультанты.

— Да, это, дѣйствительно, надежда...—замѣтилъ Иванъ Павловичъ, подергивая лѣвымъ плечомъ.—Впрочемъ, все на свѣтѣ идетъ такъ, какъ слѣдуетъ итти.... У природы есть свои законы.

Больше всего огорчило Ивана Павловича то, что докторъ не могъ опредѣлить срока, когда онъ приблизительно опять можетъ заняться своей привычной работой въ судѣ. Развратному мѣщанину Иванову положительно везло какое-то слѣпое счастье, и онъ, навѣрно, какъ налимъ, выверпется изъ рукъ правосудія. Иванъ Павловичъ не довѣрялъ своему помощнику, который былъ и молодъ и неопытенъ.

— Нужно взять годовой отпускъ...—тянулъ докторъ.—Сейчасъ, зимой, конечно, дѣваться некуда, а на лѣто мы отправимъ васъ на Рейнъ, въ Наугеймъ... Будете купаться въ шпруделѣ. Вообще не слѣдуетъ терять надежды...

— Ну, годового отпуска я не возьму,—рѣшительно заявилъ Иванъ Павловичъ, начиная сердиться на доктора.—Я прослужилъ двадцать три года и пользовался отпускомъ въ двѣ недѣли только одинъ разъ, когда была больна жена.

Докторъ молча пожалъ плечами и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, неловко заминая разговоръ. Негодяй Ивановъ окончательно уходилъ изъ рукъ прокурора, и Иванъ Павловичъ опять видѣлъ этого дрянного лгунишку, который, навѣрно, опять обманетъ какую-нибудь неопытную мѣщанскую дѣвицу. Карающая рука безсильно падала, а лукавый мѣщанинъ торжествовалъ. Иванъ Павловичъ окончательно разсердился на доктора и, по пути, на всю медицину. Въ свою очередь, докторъ тоже немного разсердился. Какъ это люди не хотятъ понять, что все кончено и упрямство ни къ чему не поведетъ. Конечно, Иванъ Павловичъ—служака, но какъ онъ не пойметъ, что его положеніе безнадежно... Эти сердечные больные всѣ на одинъ ладъ: надежда до конца, пока не протянетъ человѣкъ ноги. А тутъ еще приговоренный къ смерти старый другъ... Чередовъ съ эгоизмомъ здороваго человѣка думалъ о

томъ, какъ бы хорошо было поскорѣе отдѣлаться отъ упрямаго друга и освѣжиться на воздухѣ. Собственно, жалости онъ не испытывалъ никакой. Мало ли людей умираетъ, и въ свое время каждый умретъ. Сердечные больные—самый несносный народъ, потому что они до конца могутъ держаться на ногахъ и не вѣрятъ докторамъ. Извольте имѣть дѣло съ такимъ субъектомъ.

— Корольковъ опять проигрался, многоуважаемый,—сообщалъ докторъ.— Я не понимаю, откуда онъ беретъ средства? Рѣжется отчаянно.

— А Мандрыкинъ?—машинально спрашивалъ Иванъ Павловичъ.

— Ну, этотъ не пропадетъ... Совсѣмъ погибалъ и, представь себѣ, опять отыгрался... Всѣ удивляются, многоуважаемый.

Про себя докторъ невольно подумалъ:

„Вотъ тоже интересный вопросъ... У человѣка смерть на носу, а его заботитъ, отыгрался или не отыгрался Мандрыкинъ“.

— У Братчикова жена очень больна,—сообщилъ онъ въ заключеніе ни къ селу ни къ городу.—На-дняхъ былъ консиліумъ. По моему мнѣнію, она безнадежна...

— Кажется, у нихъ трое дѣтей?—спросилъ Иванъ Павловичъ, поднимая брови.

— Да, что-то около того...—равнодушно отвѣтилъ докторъ.—Собственно говоря, былъ самый пустой случай... да... Но произошло одно непріятное осложненіе, тоже, по существу, ничтожное, а вмѣстѣ эти пустяки совершенно измѣнили картину.

— Въ вашей медицинѣ все такъ: маленькій хирургическій случай, пустяки, а смотришь—и разыграется что-нибудь серьезное.

— Не всегда, многоуважаемый.

По лицу доктора Иванъ Павловичъ замѣтилъ, что тотъ только тянетъ время, а самому давно хочется уйти. Ему это было и обидно и больно. Именно теперь ему хотѣлось, чтобы докторъ посидѣлъ подольше, что-нибудь болталъ и вообще наполнялъ ту пустоту, которую Иванъ Павловичъ начиналъ чувствовать у себя дома съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Это было совершенно особенное ощущеніе, которое испытывается при переѣздѣ на новую квартиру, когда еще не рѣшено, гдѣ и какую мебель поставить.

— Однако мнѣ, многоуважаемый, пора...—рѣшительно заявилъ докторъ, поднимаясь.

— А я думалъ, что ты останешься позавтракать?

— Нѣтъ... У меня есть одинъ трудный случай. До свиданія, многоуважаемый...

Остановившись въ дверяхъ, докторъ, точно въ оправданіе, пробормоталъ:

— Да, многоуважаемый, значитъ, того... Недурно бы отпускъ взять. А впрочемъ, я заѣду...

## II.

Когда дверь затворилась за докторомъ, Иванъ Павловичъ почувствовалъ, какъ у него кружится голова и холодѣютъ руки и ноги. Онъ долженъ былъ ухватиться за косякъ двери, чтобы не упасть. Его охватилъ ужасъ отчаянія... Вотъ всѣ ушли, а онъ остался съ глазу на глазъ со своею смертью. Да, смертный приговоръ былъ произнесенъ... Что-то такое давило въ горлѣ, а обвиненное сердце замерло окончательно.

Иванъ Павловичъ очнулся у себя на диванѣ. Около него суетились жена

и горничная. Ольга Сергѣевна давала нюхать англійскую соль, а горничная держала на головѣ мокрое полотенце.

— Ничего... такъ...—заговорилъ онъ, точно оправдываясь.—Легонькій обморокъ...

— Это тебя твой Сергѣй Матвѣичъ разстроилъ...—объяснила Ольга Сергѣевна.—Онъ такой грубый... Онъ тебѣ что-нибудь, вѣроятно, сказалъ?

— Нѣтъ, особеннаго ничего не говорилъ. Меня взволновалъ этотъ дурацкій консиліумъ, Оля...

Горничная вышла. Иванъ Павловичъ сѣлъ въ уголъ дивана и перевелъ духъ. У него чувствовалась страшная слабость въ рукахъ, и передъ глазами точно летали мухи. Ольга Сергѣевна подложила ему за спину подушку и сѣла на диванъ рядомъ. Это была немолодая женщина, брюзглая и некрасивая. Когда-то она была миловидною бойкой дѣвушкой, а сейчасъ не сохранилось и тѣни этого далекаго прошлаго. Много ее портило и то, что она совсѣмъ не обращала вниманія на свои костюмы и давно уже не носила корсета. Изъ мудрой экономіи Ольга Сергѣевна перекрашивала и перешивала старыя платья. Ивана Павловича больше всего возмущало въ женѣ то, что волосы у нея всегда были въ безпорядкѣ и висѣли некрасивыми прядями, какъ мочалки. Такъ было и сейчасъ. Онъ даже брезгливо отвернулся, когда жена наклонилась такъ близко къ его лицу, что онъ почувствовалъ, какъ одна прядь жениныхъ волосъ щекочетъ его шею. А она смотрѣла на него такими любящими глазами. По слѣдамъ пудры на лицѣ, въ морщинкамъ около глазъ и около носа онъ догадался, что Ольга Сергѣевна плакала и хотѣла скрыть слѣды слезъ.

— Скоро завтракъ?—спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да... А у тебя есть аппетитъ?—обрадовалась она.

— Почти... Докторъ совѣтуетъ „питаться“.

Онъ поднялся и отвелъ ея руку, когда она хотѣла поддерживать его. Это движеніе раздражило его, и онъ плотно сжалъ губы.

— У насъ сегодня телячья грудинка...—говорила она.—Вѣдь ты любишь телячью грудинку? Потомъ будутъ блинчики съ вареньемъ, а для тебя простокваша.

— Ахъ, ужъ эта простокваша!..—ворчалъ Иванъ Павловичъ.—До чего она мнѣ надоѣла...

— Нельзя, докторъ совѣтуетъ непремѣнно ѣсть простоквашу.

— Знаю, знаю... Вѣдь доктору нужно что-нибудь сказать, вотъ онъ и начиняетъ меня простоквашей.

Прокурорская квартира была невелика и не отличалась удобствами, но въ провинціальномъ городѣ трудно было найти другую. Собственно, было всего двѣ комнаты—зала и гостиная, а остальныя—какія-то конурки. Маленькій кабинетъ, маленькая столовая, маленькая дѣтская, маленькая спальня—и только. Въ столовой всегда пахло чѣмъ-нибудь изъ кухни, а когда бывали гости и въ кухнѣ происходила усиленная работа, то этотъ кухонный запахъ доходилъ и до залы. Однимъ словомъ—скверная квартира. Обстановка вездѣ была самая скромная, чиновничья, и единственнымъ украшеніемъ служили цвѣты, которые Ольга Сергѣевна разводила съ какою-то страстью.

Дома Иванъ Павловичъ завтракалъ только по праздникамъ, когда дѣти были дома, и ему сейчасъ казалось страннымъ, что онъ будетъ завтракать только вдвоемъ съ женой. Онъ занялъ свое мѣсто за столомъ, которое было какъ разъ противъ окна, выходившаго въ садъ. Квартира была во второмъ этажѣ, и были видны только верхушки деревьевъ, а за ними смутно обрисо-

вывался неуклюжій силуэтъ старинной колокольни. Падалъ мягкими хлопьями ноябрьскій снѣжокъ, и въ столовой не хватало свѣта.

— Гдѣ Маруся?—спросилъ Иванъ Павловичъ, когда горничная подала грудинку.—Впрочемъ, что̀ же я спрашиваю, конечно, въ гимназіи. Мнѣ кажется, что она похудѣла за послѣднее время...

— Много занятій,—объяснила Ольга Сергѣевна.—А главное—это пятичасовое сидѣнье. Дѣвочка въ переходномъ возрастѣ, ей необходимы и воздухъ и движеніе... Я, право, не знаю, что̀ съ ней и дѣлать. Придетъ изъ своей гимназіи усталая, ничего не ѣстъ...

— Однако другія дѣвочки здоровы?!—сказалъ Иванъ Павловичъ, хотя внутренно былъ согласенъ съ мнѣніемъ жены.

Ольга Сергѣевна замолчала. Въ послѣднее время Иванъ Павловичъ раздражался изъ-за всякихъ пустяковъ, и она старалась ему не противорѣчить. Онъ чувствовалъ это снисходительное отношеніе и все-таки раздражался, какъ было и сейчасъ. А тутъ еще онъ замѣтилъ, что жена наблюдаетъ его своими любящими глазами, точно больного ребенка.

— Нѣтъ, не могу...—проговорилъ онъ, отодвигая свою порцію грудинки.—Это не грудинка, а камень...

Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперъ за собой дверь. Ольга Сергѣевна не посмѣла напомнить ему о простоквашѣ, чтобы не раздражать напрасно. У нея опять показались слезы на глазахъ, и она торопливо ушла въ свою комнату и тоже заперлась.

— За что?—шептала она, не вытирая слезъ.—Вѣдь живутъ же другіе... Господи, за что?..

У нея еще стояла въ ушахъ роковая фраза доктора Костецкаго, что нужно быть готовой ко всему. Господи, кажется, уже достаточно было испытаній... Бѣдная женщина съ чисто-женскимъ героизмомъ думала не о себѣ, а о своихъ дѣтяхъ, которыя останутся сиротами именно въ томъ критическомъ возрастѣ, когда вліяніе отца особенно необходимо. И какой раздражительный сдѣлался Иванъ Павловичъ, особенно, когда оставался съ нею съ глазу на глазъ. Конечно, онъ больной человѣкъ, но все-таки обидно.

Это былъ вообще тяжелый и обидный день. Иванъ Павловичъ шагалъ у себя по кабинету и упрекалъ самого себя, что совсѣмъ напрасно обидѣлъ жену. Вѣдь она всегда была такою доброй и любящей, можетъ-быть, даже излишне доброй. По-настоящему слѣдовало бы сейчасъ же итти къ ней въ комнату и извиниться. Женщины любятъ, когда у нихъ просятъ прощенія. Но Иванъ Павловичъ чувствовалъ себя настолько разбитымъ, что не пошелъ, а прилегъ на диванъ и началъ опять думать о дѣлѣ мѣщанина Иванова. Мысли плохо вязались въ головѣ, потому что врывались совершенно посторонніе соображенія, а Ивану Павловичу начало казаться, что теперь онъ уже не одинъ человѣкъ, а два. Ощущеніе крайне странное: одинъ Иванъ Павловичъ уходилъ куда-то далеко-далеко, это—тотъ Иванъ Павловичъ, который сидѣлъ въ судѣ и вѣчно кого-нибудь обвинялъ, а другой Иванъ Павловичъ, теперешній, долженъ сидѣть дома и чего-то ждать. Именно ждать... Что̀ можетъ быть мучительнѣе?

— А вотъ я нарочно не буду думать о своей болѣзни,—рѣшилъ онъ.—Да, не буду... Доктора знаютъ только одну свою физіологію, да и то съ грѣхомъ пополамъ, а психологія—это дѣло паціента. Не нужно распускать себя и нервничать... Вѣдь въ свое время каждый человѣкъ долженъ умереть, зачѣмъ же еще мучить себя впередъ? Да и жить, если обсудить серьезно, рѣшительно не стоитъ...

Иванъ Павловичъ понималъ, что это самогипнозъ, и все-таки повторялъ его. Что же, если умирать—такъ умирать. Вѣдь умирали же люди за идею на кострахъ, въ римскихъ циркахъ, на висѣлицахъ, на войнѣ—все дѣло въ настроеніи. Закрывъ глаза, онъ старался представить себѣ бараки съ пятью тысячами тифозныхъ подъ Шипкой, гдѣ некому было подать напиться умирающему и гдѣ геройски гибли одинъ за другимъ санитарные отряды, сестры милосердія и врачи. А тутъ смерть у себя дома, въ лучшей обстановкѣ, при помощи знакомыхъ врачей... Точно въ отвѣтъ на эти мысли рѣзко прозвучалъ въ передней звоновъ.

— Конечно, это Маруся,—разсердился Иванъ Павловичъ.—Ужъ сколько разъ ей говорено было, чтобы не звонила, какъ на пожаръ... Чему только ихъ учатъ въ гимназіи?

Черезъ пять минутъ послышался осторожный стукъ въ двери кабинета.

— Папа, можно?

— Да...

Она какъ-то впорхнула въ кабинетъ, съ розовыми щеками отъ мороза, худенькая, стройная, съ пытливыми отцовскими глазами. Простенькій коричневый гимназическій костюмчикъ какъ-то особенно шелъ къ ней, оттѣняя и бѣлизну дѣвичьей кожи и мягкій шелкъ волосъ.

— Папа, папочка... ты лежишь?

— Да, такъ... Прихворнулъ немного.

Дѣвушка посмотрѣла на него невѣрившими глазами и присѣла на диванъ. Она была такая свѣженькая, какъ только-что пойманная рыбка. Отецъ нагнулъ ея голову и поцѣловалъ въ лобъ,—это было рѣдкое проявленіе родительской нѣжности, и дѣвушка покраснѣла. Иванъ Павловичъ въ своей семьѣ держалъ себя не то что строго, а просто не допускалъ нѣжностей,—послѣднее было не въ его натурѣ. Дочь походила на него, какъ двѣ капли воды—то же строгое лицо, тѣ же глаза, лобъ, улыбка и серьезность не по годамъ, и онъ ее любилъ какъ-то болѣзненно, хотя и не позволялъ себѣ проявлять этого чувства, какъ врагъ всякой аффектаціи.

— Какъ я рада, что ты сегодня не въ судѣ!—серьезнымъ тономъ [illegible] говорила Маруся, поправляя спутавшіяся на лбу пряди русыхъ волосъ. Можно и отдохнуть одинъ денекъ...

Бѣдная дѣвочка попала въ самое больное мѣсто и не могла понять, почему отецъ нахмурился.

— Обѣдъ поданъ...—доложила въ пріотворенную дверь горничная.

Въ столовой уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ гимназистъ-подростокъ, толстый увалень, напоминавшій лицомъ мать. Онъ прокрался домой черезъ кухню. Это была одна изъ его дурныхъ привычекъ. Отецъ едва поздоровался съ нимъ и нахмурилъ брови.

„Вотъ этотъ негодяй будетъ радъ отъ чистаго сердца, когда я умру“,—подумалъ Иванъ Павловичъ, расправляя салфетку.

Сынъ Аркадій былъ изъ неудачниковъ. И дома онъ всегда былъ „историческимъ человѣкомъ“, и въ гимназіи учился плохо, и вообще нигдѣ не пользовался вниманіемъ современниковъ. Отецъ невольно сравнивалъ его со своей любимицей Марусей, и нелюбимый сынъ проигрывалъ каждый разъ все больше и больше. Если у Аркадія было достоинство, то это то, что онъ походилъ на мать, и Иванъ Павловичъ въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ находилъ свое отцовское оправданіе. Иванъ Павловичъ вообще смотрѣлъ на міръ съ точки зрѣнія обвиненія и оправданія, точно весь земной шаръ вращался не по своей орбитѣ, а на скамьѣ подсудимыхъ.

Обѣдъ прошелъ вяло и скучно, несмотря на самыя трогательныя усилія Маруси оживить его послѣдними гимназическими новостями: классная дама поссорилась съ учителемъ географіи, у начальницы флюсъ, приготовишки налили воды въ калоши учителю русскаго языка и т. д. Наблюдая дочь, Иванъ Павловичъ думалъ:

„А вѣдь она совсѣмъ большая... да...

Онъ даже вздохнулъ при мысли, что, вѣроятно, не увидитъ ее совсѣмъ большой, когда она изъ личинки превратится въ настоящаго большого человѣка. Все время обѣда онъ чувствовалъ на себѣ наблюдающій взглядъ дочери и старался казаться бодрѣе. Зачѣмъ ей знать горькую истину раньше времени?..

## III.

Наступилъ вечеръ. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и занялись каждый своимъ дѣломъ. Одинъ хозяинъ шагалъ по кабинету безъ всякаго дѣла, прислушиваясь къ неровной работѣ своего сердца. Ему вѣдь былъ прописанъ безусловный отдыхъ, съ воспрещеніемъ всякихъ занятій. Но вѣдь такой отдыхъ хуже всякой, самой изнурительной работы.

— Сегодня вечеромъ распорядительное засѣданіе,—соображалъ Иванъ Павловичъ: его мысли возвращались къ суду, какъ къ центру.—Опять можетъ выйти скандалъ... Этотъ Игнатій Семенычъ—невозможный человѣкъ.

Игнатій Семеновичъ, товарищъ прокурора, отличался нѣкоторой разсѣянностью, источникъ которой заключался вне служебныхъ причинахъ. Разъ онъ явился послѣ безсонной картежной ночи изъ клуба прямо въ судъ, на распорядительное засѣданіе, и на вопросъ предсѣдателя о его мнѣніи отвѣтилъ: „пасъ“. Его такъ и звали: Игнатій Семеновичъ Пасъ. Талантливый молодой человѣкъ, но положиться на него было нельзя, какъ на неуравновѣшенную натуру. А завтра будетъ разбираться дѣло, гдѣ защитникомъ—адвокатъ Прибылевъ, личный врагъ Ивана Павловича, съ которымъ у послѣдняго были давнишніе счеты. Опять Пасъ провалитъ дѣло, потому что не сумѣетъ повліять на присяжныхъ, а пустится изъ соперничества съ Прибылевымъ расточать цвѣты судебнаго краснорѣчія. Иванъ Павловичъ настолько сжился со своимъ судомъ, что никакъ не могъ отдѣлить себя отъ него, какъ не отдѣляется улитка отъ своей раковины.

Дальше въ голову Ивана Павловича неотвязно лѣзла мысль все о томъ же мѣщанинѣ Ивановѣ, и онъ никакъ не могъ отвязаться отъ нея, что̀ начинало его раздражать. Почему именно Ивановъ, а не Петровъ, Сидоровъ и тысячи другихъ преступныхъ мѣщанъ?

Слишкомъ занятый въ судѣ, Иванъ Павловичъ за послѣдніе годы почти ничего „посторонняго“ не читалъ, хотя, по привычкѣ, и выписывалъ „Вѣстникъ Европы“ и одну „самую распространенную“ газету. Въ послѣдней онъ пробѣгалъ телеграммы и разныя извѣстія по части перемѣщеній чиновъ судебнаго вѣдомства и наградъ, какъ заслуженныхъ по истеченіи времени, такъ, особенно, наградъ экстраординарныхъ. Петровъ-то какъ шагаетъ: всего сорокъ лѣтъ, а ужъ онъ членъ судебной палаты, а вѣдь вмѣстѣ учились въ университетѣ. Тоже вотъ идетъ въ гору Ковпацкій,—однимъ словомъ, везетъ людямъ, потому что на глазахъ у начальства. Иванъ Павловичъ не былъ завистливъ и просматривалъ свои судебныя извѣстія по обязанности. Сейчасъ онъ попробовалъ взять газету въ руки и бросилъ. Но все ли равно: будь ты хоть прокуроромъ палаты, а вотъ соберется консиліумъ врачей и осудитъ твое собственное сердце.

— Кажется, у меня одна рука холоднѣе другой,—наблюдалъ за собой Иванъ Павловичъ.—А, все равно... Не нужно быть мнительнымъ, какъ нервная дама.

Онъ едва дотянулъ время до вечерняго чая, замѣнявшаго изъ экономіи и ужинъ. Ольга Сергѣевна вышла опять съ заплаканными глазами и слѣдами пудры около носа. Послѣднее обстоятельство опять разсердило Ивана Павловича, и онъ сосредоточилъ все вниманіе на Марусѣ. Ему начало казаться, что онъ обращалъ до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія на своихъ дѣтей, и они росли какъ-то сами собой. Можетъ-быть, и неудачникъ Аркадій не такъ ужъ виноватъ, какъ жертва, принесенная Молоху судебной службы. Иванъ Павловичъ слишкомъ былъ занятъ, чтобы интересоваться маленькими злобами маленькаго дѣтскаго дня. А вѣдь у нихъ были и свои запросы, и свои маленькія сомнѣнія, и свой маленькій мірокъ. Потомъ Ивану Павловичу въ первый разъ показалось, что дѣти какъ будто его боятся и въ его присутствіи перестаютъ быть самими собой. Даже Маруся и та инстинктивно, изъ женской подражательности, усваивала манеру держать себя у матери, и у нея на лицѣ появлялось какое-то скорбное и разбитое выраженіе.

Иванъ Павловичъ, чтобы поправить сдѣланный пробѣлъ, попробовалъ разговориться съ дѣтьми, но изъ этой попытки ровно ничего не вышло. Аркадій показался отцу даже идіотомъ.

— Ахъ, Боже мой,—стоналъ Иванъ Павловичъ, закрывая глаза.

— Тебѣ опять неловко?—встревожилась Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, не то, не то...

Дѣти притихли и испуганно переглядывались между собой. Маруся любила неудачника-брата и пассивно защищала его при каждомъ удобномъ случаѣ. Сейчасъ она подумала, что отецъ разсердился именно на него, и проговорила:

— Папа, у Аркаши нѣтъ ни одной двойки по латинскому языку... и по географіи тоже.

Это заступничество окончательно растрогало Ивана Павловича, и онъ взглянулъ на сына почти ласково. Ольга Сергѣевна опустила глаза, глотая слезы.

Передъ сномъ Иванъ Павловичъ зашелъ въ дѣтскую къ Аркашѣ, чего давно не дѣлалъ, и даже посмотрѣлъ его тетрадки.

— Необходимо будетъ взять репетитора,—говорилъ онъ потомъ женѣ.—Конечно, Аркадій—лѣнтяй, но я знаю случаи, когда дѣти исправлялись.

Потомъ Иванъ Павловичъ долго разговаривалъ съ Марусей, заглядывая ей въ глаза. Дѣвочка настолько пріободрилась, что даже засмѣялась, когда отецъ пошутилъ, припомнивъ какую-то школьную остроту.

— Тебѣ, папочка, не больно?—повторяла она, провожая его въ кабинетъ.—У моей подруги Шуры тоже отецъ былъ недавно боленъ, а теперь совсѣмъ, совсѣмъ поправился...

— Да?

— Лѣчилъ Костецкій... Ты его не любишь, папочка?

— Всѣ доктора одинаковы...

— Нѣтъ...

Маруся не любила Чередова, потому что онъ былъ такой толстый и постоянно говорилъ „многоуважаемый“.

— Ты очень любишь Аркашу?—спрашивалъ Иванъ Павловичъ, прощаясь.—Да?

— Очень...

— За что же ты его любишь?

— Вѣдь онъ мой родной братъ, папочка,—удивилась дѣвочка.

Безсонныя ночи случалось Ивану Павловичу переживать и раньше, особенно въ послѣднее время, но сегодняшняя ночь его измучила окончательно. Онъ ворочался на своемъ диванѣ съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть. Два раза онъ зажигалъ и тушилъ свѣчу и наконецъ бросилъ попытку обмануть самого себя и просто лежалъ, стараясь принять положеніе поудобнѣе. На лѣвомъ боку онъ не могъ спать уже года два, а сейчасъ нужно было вымащивать подъ себя подушки повыше. Сердце билось медленно, точно его давила невѣдомая тяжелая рука.

„Все это отъ консиліума“.—думалъ онъ, припоминая давешнюю глупую сцену.

Мысль о смерти среди ночной тишины представлялась ему съ особенной рельефностью. Онъ видѣлъ, какъ умирали другіе, и каждый годъ хоронилъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Еще въ прошломъ году онъ похоронилъ старика предсѣдателя суда, благодаря которому изъ членовъ гражданскаго отдѣленія попалъ прямо въ прокуроры. Хорошій былъ старикъ... Иванъ Павловичъ видѣлъ и самого себя въ гробу, видѣлъ унылыя лица хорошихъ знакомыхъ, томившихся мыслью поскорѣе убраться отъ печальной картины и заняться своими дѣлами. Въ квартирѣ наберется масса неизвѣстныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить только на похоронахъ, воздухъ будетъ пропитанъ тяжелымъ запахомъ ладана, вездѣ будетъ страшный безпорядокъ, безтолковая суета, огни свѣчъ, заплаканныя лица... Потомъ печальная процессія, дальше кто-нибудь изъ сослуживцевъ скажетъ надъ открытой могилой нѣсколько теплыхъ словъ, а потомъ... потомъ будетъ вспоминать, можетъ-быть, одинъ курьеръ Евграфъ.

Но сама по себѣ мысль о смерти не страшила Ивана Павловича. Вѣдь все равно, когда-нибудь придется умирать, и только неисправимое человѣческое легкомысліе заставляетъ насъ думать, что безъ насъ будетъ чего-то недоставать и что насъ некому будетъ замѣнить. Нѣтъ, люди найдутся, и другой прокуроръ обрушитъ кару закона на голову мѣщанина Иванова. Ивана Павловича тяготило и смущало другое обстоятельство, о которомъ онъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Семейная жизнь Ивана Павловича не сложилась, хотя ни онъ ни жена не были ни въ чемъ виноваты. Они были даже счастливы, и знакомые завидовали имъ, какъ счастливой парочкѣ. Ольга Сергѣевна была такая здоровая и жизнерадостная дѣвушка, когда онъ ее полюбилъ, а потомъ она сдѣлалась не менѣе милой женщиной. Родившаяся первенецъ-дочь удвоила это счастье. Марусѣ было уже шесть лѣтъ, когда родился Аркадій. Роды были трудные, былъ и консиліумъ, и жизнь Ольги Сергѣевны висѣла на волоскѣ.

— Лучше бы мнѣ умереть,—съ женскимъ героизмомъ заявила Ольга Сергѣевна, когда перенесла тяжелую операцію.—Зачѣмъ вы не дали мнѣ умереть?

По-своему она была права, потому что ей осталось только одно названіе замужней женщины.

— У насъ есть дѣти,—утѣшалъ ее Иванъ Павловичъ.—Будемъ жить для нихъ...

Хотя произведенная операція и составляла профессіональную тайну, но всѣ знакомые скоро узнали, въ чемъ дѣло, и особенно жалѣли Ивана Павловича, который сдѣлался соломеннымъ вдовцомъ. Дамы рѣшили, что онъ заведетъ себѣ вторую семью, и впередъ его оправдывали. Конечно, Ольгу Сер-

гѣевну жаль, но чѣмъ же Иванъ Павловичъ виноватъ? Онъ всегда былъ примѣрнымъ мужемъ и хорошимъ семьяниномъ, не въ примѣръ другимъ мужьямъ.

— Въ свое время, mesdames, все будетъ,—рѣшилъ вопросъ докторъ Костецкій, какъ спеціалистъ по женскому вопросу.

Самъ Иванъ Павловичъ никому и ничего не говорилъ, не жаловался на судьбу и продолжалъ вести прежній образъ жизни. Ольга Сергѣевна вся отдалась дѣтямъ и быстро подурнѣла—обрюзгла, осунулась, пожелтѣла и сдѣлалась неряхой.

Можетъ-быть, такъ вся жизнь и сошла бы на нѣтъ и все „дѣло прекратилось бы за смертью истцовъ", какъ говорится въ судебныхъ протоколахъ. Но вышло иначе, и вышло совершенно неожиданно даже для самого Ивана Павловича. Къ нимъ въ домъ время отъ времени приходила работать швея Настенька, дочь судейскаго курьера. Это была очень скромная дѣвушка, полненькая и застѣнчивая, почему-то боявшаяся Ивана Павловича, какъ огня. Иванъ Павловичъ видѣлъ обыкновенно только затылокъ Настеньки, когда проходилъ черезъ ту комнату, гдѣ она работала, и вообще не обращалъ на нее никакого вниманія, какъ вообще на прислугу, которая, на этомъ основаніи, тоже боялась его, какъ Настенька.

Разъ, когда Иванъ Павловичъ уходилъ на службу, горничная была чѣмъ-то занята, и ее замѣнила Настенька. Подавая шубу, она изъ излишняго усердія и страха запуталась въ калошахъ и повалилась прямо въ объятія къ Ивану Павловичу. Онъ видѣлъ въ первый разъ это дѣвичье лицо, такое красивое отъ испуга, и поцѣловалъ Настеньку прямо въ губы. Послѣ этого случая она еще больше стала бояться суроваго барина, а потомъ случилось то, что давно предсказывали проницательныя дамы и докторъ Костецкій.

Такимъ образомъ получилась вторая семья, и Настенька подарила Ивану Павловичу одного за другимъ трехъ дѣтей. Онъ устроилъ ее скромно, но прилично, и постоянно заботился. Настенька, очутившись въ положеніи полубарыни, какъ-то сразу измѣнилась и сдѣлалась неузнаваемой. Прежняго страха передъ Иваномъ Павловичемъ и тѣни не было, а потомъ явились и свои привычки. Настенька вымогала деньги, показывала необходимые расходы выше, а главное—свела знакомство съ разными очень подозрительными бабами и начала потихоньку попивать. Нашлась и компаньонка въ лицѣ какой-то спившейся съ кругу вдовы-дьяконицы. Иванъ Павловичъ подозрѣвалъ грустную истину, но ничего подѣлать не могъ, какъ не могъ обвинять Настеньку, жизнь которой все-таки была не красна—ни баба, ни дѣвка, ни солдатка.

## IV.

Эта вторая семья сначала мучила Ивана Павловича принципіально, какъ явленіе незакономѣрное. Естественныя требованія природы сталкивались и со строгою буквой закона и съ общепринятою моралью. Впрочемъ, послѣдняя была податлива, а Иванъ Павловичъ зналъ, что его даже за глаза никто не обвиняетъ. а даже наоборотъ—всѣ на его сторонѣ. Съ одной стороны, маленькое нелегальное увлеченіе, а съ другой—законныя проявленія человѣческой природы. Но это внѣшнее оправданіе не дѣлало Ивана Павловича счастливѣе, потому что былъ другой, строгій и нелицепріятный судъ, который росъ въ его собственной семьѣ. По нѣкоторымъ признакамъ онъ зналъ, что жена скоро догадалась объ его отношеніяхъ къ Настенькѣ и по женской логикѣ была, кажется, довольна, что все свелось на такую комби-

нанію. Вѣдь было бы въ тысячу разъ хуже, если бы Иванъ Павловичъ сошелся съ какой-нибудь интеллигентною женщиной, у которой явились бы отъ него дѣти и которая потребовала бы развода на законномъ основаніи. Ольга Сергѣевна цѣплялась за призракъ семьи, щадя дѣтей. Но бѣда въ томъ, что дѣти подрастали и въ одно прекрасное утро могли сдѣлать пріятное открытіе о существованіи таинственныхъ братцевъ и сестрицъ. Ивану Павловичу показалось даже раза два, что Маруся какъ будто догадывается. Вѣдь дѣвочки развиваются гораздо раньше мальчиковъ, и только одни родители остаются въ счастливой увѣренности, что дѣти ничего не понимаютъ и не могутъ понимать, кромѣ того, что̀ внушается имъ дома и въ школѣ.

Послѣдняя мысль просто убивала Ивана Павловича, и онъ никакъ не могъ примириться съ ней. Что̀ онъ скажетъ дочери? Конечно, она будетъ на сторонѣ матери, и онъ въ ея дѣтскихъ глазахъ потеряетъ все. Это послѣднее соображеніе заслоняло всѣ остальныя. Какъ хотите, а вѣдь въ извѣстномъ возрастѣ весь фокусъ всей нашей жизни сосредоточивается именно въ дѣтяхъ, которыя являются продолжателями и наслѣдниками всего нашего *я*. Дѣтскій судъ самый жестокій... Ивану Павловичу дѣлалось больно, когда его мысли направлялись по этому привычному, избитому руслу.

А тутъ еще случилось такое обстоятельство, которое окончательно убило Ивана Павловича. Раньше была и логика и оправданіе, а тутъ не оставалось уже ничего, кромѣ вопіющей несообразности. Дѣло заключалось въ переводѣ Ивана Павловича изъ гражданскаго отдѣленія въ уголовное, да еще прокуроромъ суда. Устроилъ это, помимо него, его доброжелатель, покойный предсѣдатель суда, и въ первую минуту Иванъ Павловичъ даже не сообразилъ въ полномъ размѣрѣ разверзавшуюся подъ его ногами пропасть. То, что̀ нисколько не касалось его, какъ члена гражданскаго отдѣленія, вѣдавшаго исключительно имущественными правонарушеніями,—именно *это* сейчасъ захватило его всего. Со своей прокурорской каѳедры Иванъ Павловичъ теперь долженъ былъ громить самого себя, какъ явнаго нарушителя святости семейнаго очага. А такихъ дѣлъ было немало, и каждый разъ ему было какъ-то неловко обвинять самого себя.

На выручку къ Ивану Павловичу явилась привычка. Первое жуткое чувство постепенно стушевалось, смѣнившись какими-то полумыслями, въ родѣ того, что, конечно, *это* не можетъ такъ оставаться, но пока ничего нельзя сдѣлать, и т. д. Затѣмъ, человѣкъ такъ охотно извиняетъ себѣ личные недостатки, являясь лучшимъ адвокатомъ.

Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ. Иванъ Павловичъ не обращалъ никакого вниманія на начинавшееся недомоганіе, сваливалъ его на переутомленіе. Другъ Чередовъ тоже не высказывался опредѣленно, а только мычалъ, стараясь уклониться отъ прямого отвѣта. Въ первый разъ онъ узналъ о грозившей ему опасности отъ Настеньки. Она встрѣтила его съ заплаканными глазами и долго не хотѣла объяснить, въ чемъ дѣло.

— Да что̀ такое случилось?—началъ сердиться Иванъ Павловичъ.

Настенька окончательно расплакалась, и, заливаясь слезами, наконецъ объяснила.

— Скоро вы умрете, Иванъ Павлычъ, а какъ я-то останусь?

— Фу, какія глупости... Кто это вамъ сказалъ?

— Всѣ кульеры въ судѣ давно знаютъ, что вы скоро помрете, и только скрывали отъ меня... Куда я-то дѣнусь?

Получилась самая безобразная сцена, начиная съ того, что Настенька думала только о себѣ и, по отношенію къ Ивану Павловичу, выказала са-

мый откровенный эгоизмъ. Ни тѣни жалости или участія именно къ человѣку, который, по мнѣнію курьеровъ, долженъ скоро умереть. Иванъ Павловичъ настолько растерялся, что рѣшительно не зналъ, что̀ ему отвѣчать этой безумной. Въ концѣ концовъ онъ про себя оправдалъ ее, какъ женщину-мать, которая въ своемъ лицѣ заботится о судьбѣ дѣтей. Онъ уже давно самъ думалъ объ обезпеченіи своей второй семьи и все какъ-то откладывалъ день за днемъ. Да, онъ купитъ небольшой домикъ и положитъ въ банкъ на имя дѣтей обезпечивающій ихъ воспитаніе капиталъ.

— Дьяконица-то вотъ что̀ говоритъ,—объясняла Настенька:—въ судъ, говоритъ, надо подать, пока живъ, а какъ помретъ, говоритъ, все законнымъ дѣтямъ и достанется. Ну, я-то не такая, чтобы на зло вамъ дѣлать.

Къ довершенію картины отъ Настеньки пахло уже прямо водкой, что̀ было хуже всего.

— Зачѣмъ вы пьете, Настенька?—спрашивалъ Иванъ Павловичъ, стараясь придать мягкость своему голосу.

— Съ горя выпила рюмочку... Какая моя жизнь, ежели разобрать? Не въ людяхъ человѣкъ... А помрете, такъ я и на похороны-то не посмѣю прійти... Только себя и васъ срамить.

— Отъ кого же курьеры слышали, что я умру?

— Отъ вашего доктора Чередова... Онъ былъ вызванъ въ судъ и говорилъ въ судейской комнатѣ, а курьеры слушали.

— Все это глупости, а вотъ вы водку не должны пить.

— Скучно сдѣлается—вотъ и выпьемъ съ дьяконицей. Она-то такая же горюша, какъ и я.

Удивительнѣе всего то, что Настенька относилась къ Ольгѣ Сергѣевнѣ съ какой-то особенною ненавистью, точно она была главною виновницей ея неудачно сложившейся жизни. Эта несправедливость коробила Ивана Павловича, но что̀ онъ могъ отвѣтить Настенькѣ, когда чувствовалъ виноватымъ одного себя?

— За меня хорошій иконостасный столяръ сватался,—объясняла въ сотый разъ Настенька.—А я-то оказала себя совсѣмъ дурой. Онъ женился на моей подругѣ, вотъ какъ хорошо сейчасъ живутъ... И домикъ свой, и лошадь держитъ, и все у нихъ есть.

Настенька опять была права... Конечно, ей лучше было выйти замужъ за столяра, она была бы въ своей средѣ и была бы счастлива, а сейчасъ походила на рыбу, которую вытащили изъ живой воды и посадили въ акваріумъ.

Что̀ ожидало Настеньку, если предсказаніе курьеровъ сбудется? Иванъ Павловичъ думалъ объ этомъ съ ужасомъ. Нормальныхъ исходовъ было два: или она сопьется въ конецъ, или—еще хуже—пойдетъ по торной дорожкѣ потерявшейся женщины. Положеніе, во всякомъ случаѣ, получалось безвыходное, и Ивану Павловичу дѣлалось жутко до озноба. Сколько онъ передумалъ на эту неразрѣшимую тему въ свои безсонныя ночи за послѣднее время!

Лежа сегодня съ открытыми глазами, Иванъ Павловичъ точно опускался на дно какой-то глубокой пропасти. Предъ нимъ во всей яркости выступалъ теперь вопросъ о его незаконныхъ дѣтяхъ. Что̀ ихъ ждетъ, этихъ маленькихъ человѣчковъ, которые должны будутъ расплачиваться всю жизнь за чужую вину?.. У него, Ивана Павловича, не хватало смѣлости даже на то, чтобы усыновить ихъ, потому что, съ одной стороны, связывало его служебное положеніе, а съ другой — страхъ и совѣсть предъ законною семьей. А вѣдь скоро наступитъ у нихъ тотъ возрастъ, когда самъ собой явится вопросъ объ

отцѣ. Да, они, вотъ эти дѣти, произнесутъ роковое проклятіе надъ его могилой и будутъ совершенно правы.

— Боже мой, что̀ же это такое?!—стоналъ Иванъ Павловичъ, хватаясь за голову. — Вѣдь я же никому не желалъ зла... Все вышло какъ-то само собой.

Страстная жалость охватила его именно по отношенію къ незаконной семьѣ, которая не имѣетъ права даже на офиціальное горе осиротѣвшихъ людей. Для этихъ несчастныхъ дѣтей онъ являлся только таинственнымъ дядей, который приходилъ къ нимъ періодически и старался заглушить неудержимое дѣтское любопытство игрушками или сластями. Ихъ было трое: два старшихъ мальчика и младшая дѣвочка. Это были здоровенькія дѣти, въ которыхъ Иванъ Павловичъ напрасно искалъ самого себя,—они всѣ вышли и лицомъ и здоровьемъ въ мать. Кто ихъ будетъ воспитывать, какіе люди будутъ имѣть на нихъ вліяніе, что̀ будетъ ихъ интересовать? Являлась цѣлая масса неразрѣшимыхъ вопросовъ, отзывавшихся въ душѣ мучительною болью.

— Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше?—удивлялся Иванъ Павловичъ, вызывая прошлое.—А вѣдь, кажется, было достаточно времени для обдумыванія... У Маруси и Аркадія останется мать, которая сумѣетъ ихъ повести; наконецъ они уже въ такомъ возрастѣ, что и сами найдутъ дорогу, а вѣдь эти — совсѣмъ малыши... Господи, что̀ съ ними будетъ? Отца они не узна̀ютъ, а мать—пьяница... Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя дѣтки!..

Неотступная мысль о незаконныхъ дѣтяхъ приводила къ самымъ нелѣпымъ комбинаціямъ. Напримѣръ, докторъ Чередовъ—старый холостякъ, отчего бы ему не заняться ихъ воспитаніемъ? Вѣдь въ этомъ и смыслъ жизни, и опредѣленная цѣль, и счастье. Неужели лучше кончить безнадежнымъ клубнымъ завсегдатаемъ? Самому Ивану Павловичу, какъ имѣющему законную семью, это было неудобно выполнить, а Чередову буквально ничего не стоитъ, тѣмъ болѣе, что и общественное мнѣніе, и его служебное положеніе, и семейная обстановка—ничто ему не мѣшаетъ. Но все это была одна только фантазія человѣка, измученнаго безсонницей... А если бы, конечно, послѣ его смерти, занялась воспитаніемъ этихъ несчастныхъ дѣтей Ольга Сергѣевна? Вѣдь они, до извѣстной степени, не чужія ей, а общественное мнѣніе возвело бы ее въ святыя женщины...

— Ну, здѣсь уже окончательно ничего не выйдетъ,—опровергалъ самого себя Иванъ Павловичъ.—Женщины именно этого никогда не поймутъ.

У него являлось даже скрытое озлобленіе противъ жены. Ея жизнь, все равно, давно кончена, а остается, значитъ, жить только для другихъ. Какіе же „другіе“ могутъ быть ближе, конечно, послѣ собственныхъ дѣтей? Выступало ничтожество женской души со всѣми ея характерными признаками. Вѣдь онъ будетъ покойникомъ, а къ покойникамъ не ревнуютъ... Иванъ Павловичъ отчетливо до послѣдней мелочи представлялъ себѣ объясненіе съ женой по этому щекотливому вопросу и впередъ видѣлъ куриное выраженіе ея лица и недоумѣвающій испугъ. Чѣмъ какая-нибудь Настенька хуже?

Перебирая возможныя комбинаціи, Иванъ Павловичъ въ концѣ концовъ остановился совершенно неожиданно на Марусѣ. Вѣдь она уже большая дѣвушка и пойметъ все. Затѣмъ въ ней нѣтъ еще этихъ проклятыхъ бабьихъ мыслей, окрашенныхъ безнадежнымъ эгоизмомъ. Да, именно съ ней можно переговорить... Никто лучше не пойметъ его, какъ именно Маруся.

## V.

Положеніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ. Болѣзнь быстро шла впередъ. Иванъ Павловичъ самъ понималъ, что все кончено и о службѣ

нечего думать. Единственной живой связью съ судомъ у него являлся курьеръ Евграфъ, который аккуратно каждое утро являлся за приказаніями и сообщалъ послѣднія новости.

— Безъ васъ, какъ безъ рукъ, ваше превосходительство,—объяснялъ старикъ-солдатъ.—Можно такъ сказать, что никто и ничего не понимаетъ... Адвокаты совсѣмъ свободно себя понимаютъ, потому какъ не стало на нихъ грозы.

Евграфъ по-своему любилъ строгаго прокурора и не могъ себѣ представить, что̀ будетъ въ судѣ безъ него. Какой же судъ безъ Ивана Павловича! Въ болѣзнь его старикъ тоже не вѣрилъ и разъ по секрету сообщилъ:

— Вы, ваше превосходительство, не тово... Ничего они не понимаютъ, значитъ, доктора. Одинъ—одно, другой—другое, третій—третье, а настоящаго-то и не понимаютъ.

Преданность Евграфа трогала Ивана Павловича, и ему было пріятно, когда старикъ, вытянувшись въ струнку у дверей, разговаривалъ съ нимъ. Въ сущности, раньше онъ почти не замѣчалъ его. Мало ли курьеровъ въ судѣ! Часто, глядя на Евграфа, Иванъ Павловичъ думалъ:

„Вотъ онъ будетъ больше всѣхъ хлопотать на моихъ похоронахъ... Какъ это раньше я совсѣмъ не замѣчалъ его? Положительно хорошій человѣкъ...“

Періодически, очевидно, соблюдая очередь, навѣщали больного свои судейскіе чины, причемъ всѣ старались показать, что считаютъ положеніе не опаснымъ и говорили о своихъ судейскихъ дѣлахъ. Всѣ они повторяли другъ друга и уходили съ особенной торопливостью, какъ люди, исполнившіе тяжелый христіанскій долгъ. Изъ врачей черезъ день пріѣзжалъ навѣстить больного одинъ Чередовъ.

— Ну, какъ дѣла, многоуважаемый?—спрашивалъ онъ каждый разъ, дѣлая внимательное и озабоченное лицо.

— Хорошаго немного...

Чередовъ усаживался на диванъ, закуривалъ сигару и сообщалъ послѣднія городскія новости. Въ манерѣ себя держать и въ каждомъ его движеніи чувствовалось что-то фальшивое и неестественное, что̀ раздражало Ивана Павловича. Разъ, когда Чередовъ сдѣлалъ попытку подробно выслушать больного, Иванъ Павловичъ вспылилъ.

— Сергѣй Матвѣичъ, я тебя уважаю, какъ умнаго человѣка, къ чему же еще продолжать эту глупую комедію?

— Многоуважаемый, у насъ есть свои обязанности...—бормотадъ врачъ-другъ.—Я уже говорилъ, что медицина можетъ ошибаться...

— Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ, ради Бога!..

— Все-таки, многоуважаемый...

Иванъ Павловичъ окончательно вспылилъ и даже закричалъ, такъ что прибѣжала и перепуганная Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, такъ...—успокаивалъ ее докторъ.—Мы немножко поссорились...

— Все онъ вретъ!—рѣзко оборвалъ Иванъ Павловичъ.—Ахъ, какъ они меня измучили... Не вѣрю я вашей наукѣ!.. Курьеръ Евграфъ знаетъ больше васъ всѣхъ... Да! Онъ недавно принесъ мнѣ просфору, вынутую за здравіе, и мнѣ было лучше.

Въ передней Ольга Сергѣевна извинялась предъ докторомъ, а онъ поднималъ плечи и, отыскивая свою шапку, повторялъ:

— Бываетъ, многоуважаемая... Нашъ печальный долгъ заставляетъ переносить все и не обижаться. Да, многоуважаемая... То ли еще терпятъ ваши, дамскіе врачи.

Много разъ Иванъ Павловичъ хотѣлъ переговорить съ женой серьезно о положеніи своей второй семьи. Теоретически, когда онъ обдумывалъ ходъ дѣла про себя, объясненіе было вполнѣ возможно и естественно. Вѣдь они уже давнымъ-давно не мужъ и жена, а хорошіе знакомые, и могли, слѣдовательно, разговаривать именно какъ хорошіе знакомые. Кажется, просто и ясно, но стоило Ольгѣ Сергѣевнѣ войти въ кабинетъ, какъ Иванъ Павловичъ сразу понималъ всю нелѣпость своего плана. Легче было достать луну и положить ее въ карманъ... Кромѣ раздраженія ничего не получалось, а затѣмъ слѣдовало раскаяніе и самоѣдство.

— Неужели она сама не можетъ догадаться, о чемъ намъ необходимо переговорить?—возмущался Иванъ Павловичъ.—Вѣдь бѣдныя дѣти не виноваты...

Проектъ переговорить съ Марусей тоже не приводилъ ни къ чему, и языкъ Ивана Павловича прилипалъ самъ собой, когда дѣвушка входила къ нему въ кабинетъ и начинала къ нему ласкаться, какъ домашняя кошечка.

Впрочемъ, одинъ разъ Иванъ Павловичъ спросилъ дочь:

— Маруся, ты очень любишь Аркадія?

— Очень, папа...—отвѣтила она совсѣмъ просто, какъ-то по-дѣтски.

— А если бъ у тебя были другіе братья и сестры, ты любила бы и ихъ, какъ Аркадія?

Дѣвушка замѣтно смутилась и даже покраснѣла, какъ смутился и самъ Иванъ Павловичъ. Конечно, Маруся что-то такое подозрѣвала и, конечно, впередъ была на сторонѣ матери. Если бъ ей было года три больше, тогда можно было бы и поговорить, а теперь она все равно ничего не пойметъ. Виновато и глупое домашнее воспитаніе и школа, которая даетъ какой-то соръ знанія, а не воспитываетъ главнаго—характера, воли, сознанія. Въ концѣ концовъ Маруся тоже начинала раздражать Ивана Павловича, какъ органическое продолженіе Ольги Сергѣевны. Въ свое время она будетъ такой же корректной, безупречной и такой же недоступной для настоящихъ широкихъ общечеловѣческихъ чувствъ. Ивану Павловичу казалось, что у каждой женщины въ головѣ лежитъ какой-то камень, который давитъ ея мозгъ во всю жизнь.

— Я не правъ...—тысячу разъ повторялъ Иванъ Павловичъ, взвѣшивая свои отношенія къ женѣ и къ дочери.—Да, не правъ, потому что боленъ, а болѣзнь нарушаетъ равновѣсіе физическое и духовное...

Даже покорность и желаніе ему угодить возмущали Ивана Павловича, какъ милостыня, которая подается прогорѣвшему богачу. Къ чему еще эта комедія? Нужно умѣть уважать себя во всякомъ положеніи.

Въ концѣ концовъ самымъ близкимъ человѣкомъ оставался все-таки курьеръ Евграфъ. Иванъ Павловичъ чувствовалъ себя какъ-то спокойнѣе, когда онъ былъ гдѣ-нибудь близко, и выпросилъ у предсѣдателя позволенія оставить старика на время у себя. Евграфъ былъ средняго роста человѣкъ, сгорбленный, съ несоразмѣрно длинными руками и какой-то обтрепанной бороденкой. Онъ ни за что не соглашался сѣсть въ генеральскомъ кабинетѣ, а пристроилъ себѣ кухонную табуретку за дверьми.

— Разсказывай что-нибудь...—говорилъ ему Иванъ Павловичъ, лежа съ закрытыми глазами.

— Прикажете про войну? Очень вредное это дѣло... Мы Шипку заступили у турки. Какъ же... Ухъ, тяжело было!.. Идетъ-идетъ солдатикъ, бывало, и падаетъ, ей-Богу! Отощали, обезсилѣли, оскорбѣли... Въ лазаретѣ-то близко пяти тыщъ тифозныхъ накопилось. Ну, и лежишь, а напиться подать некому... И дохтура и милосердныя сестры тоже всѣ больные.

Къ этой темѣ Евграфъ любилъ возвращаться, съ трудомъ вызывая въ памяти картины далекаго прошлаго. Иванъ Павловичъ отлично понималъ, къ чему онъ подводилъ рѣчь: вотъ вы, дескать, ваше превосходительство, лежите въ сухѣ и въ теплѣ, и всякій уходъ за вами, а тамъ напиться некому было подать. У каждаго несчастія есть еще болѣе несчастный двойникъ... Ивану Павловичу нравился самый тонъ, какимъ разсказывалъ Евграфъ,—спокойно, ровно, тягуче, совершенно равнодушнымъ тономъ, какъ разсказываютъ сказки. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, жизнь каждаго человѣка—сказка, интересная для него одного.

— Ну, а какъ турки, по-твоему?—спрашивалъ Иванъ Павловичъ, чтобы поддержать разговоръ.

— Что̀ же турки, ваше превосходительство,—ничего, хорошій народъ. Озорники, конечно, а такъ ничего. Совсѣмъ хорошій народъ... Бывалъ я и въ ихнихъ деревняхъ. Ничего, хорошія деревни. Свой порядокъ вездѣ... У себя-то всякій будетъ хорошъ. Нѣтъ, ничего.

— А зачѣмъ они по нѣскольку женъ держатъ?

— Ну, это пустое совсѣмъ, ваше превосходительство... Такой, выходитъ, у нихъ законъ.

Къ женщинамъ Евграфъ относился съ чисто-мужицкимъ презрѣніемъ и какъ-то стыдился даже говорить о нихъ.

— Конечно, жаль,—резонировалъ онъ по поводу турецкихъ бабъ.—Хоша она и турецкая, а все баба... Ребятишекъ это тащатъ, ревутъ источнымъ голосомъ, ну, и всякое прочее, что̀ полагается бабѣ.

Иванъ Павловичъ иногда чувствовалъ на себѣ особенно внимательный взглядъ Евграфа, и ему казалось, что онъ чего-то не договариваетъ. Помнется, пошевелитъ даже губами и все-таки ничего не скажетъ. „Вѣроятно, ему хочется сказать, какъ Настенькѣ,—соображалъ Иванъ Павловичъ:—помрете вы, молъ, скоро, ваше превосходительство“... Вѣдь настоящій, не испорченный русскій человѣкъ относится къ смерти, какъ къ безразличному факту, въ чисто-философскомъ смыслѣ. И самому Ивану Павловичу хотѣлось откровенно разговориться съ Евграфомъ, и это желаніе его одолѣвало все сильнѣе,—именно съ Евграфомъ и ни съ кѣмъ больше. Умъ у него такой простой, ясный, какъ хорошая дорога, по которой не заблудишься.

Разъ Евграфъ особенно выразительно мялся въ дверяхъ, такъ что Иванъ Павловичъ невольно его спросилъ:

— Ты что-то хочешь, вѣроятно, сказать мнѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство...

Помявшись еще немного, Евграфъ на цыпочкахъ подошелъ къ дивану и подалъ грязный конвертъ безъ всякаго адреса. Иванъ Павловичъ сразу догадался, отъ кого это посланіе.

— Какъ оно къ тебѣ попало, это письмо?

— А онѣ, значитъ, Настасья Гавриловна, приходили въ судъ и узнали, что я, значитъ, бываю у васъ. Ну, и того, просили передать безпремѣнно въ собственныя руки...

— Она могла послать по почтѣ...

— Опа̀сятся..

Иванъ Павловичъ нахмурился. Письмо было написано безграмотно, и въ немъ повторялись уже извѣстныя жалобы. Для большаго впечатлѣнія Настенька прибавила, что надо бы благословить дѣтей, хотя они и незаконныя, а привести ихъ она не смѣетъ, да барыня ее и не пуститъ.

Какъ ни сдерживался Иванъ Павловичъ, но это письмо его сильно раз-

строило, и онъ принялъ двойную дозу какихъ-то успокаивающихъ капель. Евграфъ почтительно стоялъ въ дверяхъ, вытянувшись по-военному и какъ-то глупо моргая глазами. Иванъ Павловичъ прошелся по кабинету, потеръ лобъ и, остановившись передъ нимъ, проговорилъ въ упоръ:

— Ты понимаешь, въ чемъ тутъ дѣло?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство...

— Ну, такъ какъ ты думаешь?

— Что же, дѣло обыкновенное, ваше превосходительство. Извѣстно, ежели, значитъ, дѣти... Тутъ ужъ баба кругомъ завязла, и нѣтъ ей никакого ходу. Только эта бѣда вырастаетъ...

— Когда еще вырастетъ...

— Очень даже просто, ежели по нашему сословію. Не всѣмъ господами быть, да оно, пожалуй, и лучше, ежели попроще.

Видимо, Евграфъ уже разрѣшалъ про себя всѣ сомнѣнія, терзавшія Ивана Павловича: вѣдь Настенька-то изъ простыхъ, „кульерская" дочь,—ну, и дѣти у Настеньки тоже должны итти по-простому. Иванъ Павловичъ медленно шагалъ по кабинету, взвѣшивая про себя эту схему Евграфа: старшій сынъ—столяръ, второй—портняжка, а дочь—горничная или швейка... Очень недурно. А главное—онъ будетъ лежать въ могилѣ, безсильный и безвольный чтобы сдѣлать что-нибудь.

## VI.

Черезъ Евграфа Иванъ Павловичъ вступилъ въ переписку съ Настенькой, дѣлая послѣднія распоряженія на случай смерти.

Евграфъ окончательно поселился у Ивана Павловича и день и ночь дежурилъ около кабинета. Барину день ото дня дѣлалось хуже. Особенно плохо бывало по ночамъ, когда баринъ начиналъ тосковать. Пробовала дежурить около него Ольга Сергѣевна, но это только раздражало больного. Она слишкомъ старалась ему угодить и не понимала съ перваго взгляда, какъ Евграфъ. Маруся окончательно ничего не умѣла, хотя Иванъ Павловичъ и не могъ на нее сердиться. Обыкновенно Ольга Сергѣевна дежурила въ гостиной, прислушиваясь ко всему, что дѣлалось въ кабинетѣ. Она была рада и тому, что хоть Евграфъ можетъ угодить.

— Дѣло совсѣмъ плохо, многоуважаемая,—сообщилъ ей докторъ Чередовъ.—Болѣзнь идетъ быстрыми шагами...

— Никакой надежды?

— Единственная надежда на ошибку въ нашемъ діагнозѣ...

Иванъ Павловичъ уже не могъ спать у себя на диванѣ, а проводилъ ночи въ креслѣ, въ полусидячемъ положеніи. Онъ не спалъ, а только забывался на нѣкоторое время, погружаясь въ галлюцинаціи. Начинали появляться припадки удушья, и онъ долженъ былъ подниматься, чтобы перевести духъ. Евграфъ и тутъ умѣлъ услужить и поднималъ барина своими длинными руками, крѣпкими, какъ дерево.

— Плохо, Евграфъ...—шепталъ Иванъ Павловичъ, когда немного приходилъ въ себя.

— Терпѣть надо, ваше превосходительство... Прежде смерти никто не помретъ.

Послѣ каждаго припадка у Ивана Павловича голова долго кружилась, руки дѣлались холодными, на лбу выступалъ холодный потъ. Ему все казалось, что онъ проваливается и летитъ въ какую-то бездну. Но вмѣстѣ съ этимъ наступали какія-то бодрыя полосы, когда Иванъ Павловичъ почти за-

бывалъ о своей болѣзни и начиналъ думать, какъ думаютъ здоровые люди. Всѣ его мысли опять сосредоточивались на судѣ и своей прокурорской дѣятельности. Вѣдь эта дурацкая болѣзнь только „перерывъ засѣданій“, не больше того, а потомъ все пойдетъ по-старому. Вотъ и курьеръ Евграфъ, который опять будетъ таскать тяжелый прокурорскій портфель, набитый „дѣлами“. Иванъ Павловичъ видѣлъ почти себя за прокурорскимъ пюпитромъ, а кругомъ знакомыя лица членовъ суда, адвокатовъ, судебнаго пристава, секретаря.

— Вотъ и хорошо, Иванъ Павлычъ, что вы поправились,—повторяли голоса.—Пора и за работу...

— Да, я много пропустилъ, господа...

— Но вѣдь вы никогда не брали отпусковъ. Понемногу догоните.

Эта галлюцинація повторялась съ такою яркостью, что Иванъ Павловичъ чувствовалъ даже тотъ особенный воздухъ, который съ испоконъ вѣковъ утвердился во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. А потомъ весь судъ, со всею своею обстановкой, точно таялъ, и курьеръ Евграфъ являлся одной изъ тѣхъ соринокъ, какія неизбѣжно остаются послѣ великаго таянія.

Особенно ярко эти галлюцинаціи происходили ночью, и Иванъ Павловичъ не могъ ихъ разогнать. Почему-то опять выплывало на поверхность дѣло мѣщанина Иванова, и Иванъ Павловичъ стоялъ за прокурорскимъ пюпитромъ, строгій, корректный, неумолимый.

— Вашескородіе, я больше не буду,—увѣрялъ со скамьи подсудимыхъ мѣщанинъ Ивановъ, воровато, не мигая глазами.

— Мѣщанинъ Ивановъ лгалъ всю жизнь,—говорилъ Иванъ Павловичъ, обращаясь къ присяжнымъ.—Да, лгалъ... и у насъ нѣтъ гарантіи, что онъ не будетъ лгать потомъ, если вы вынесете ему оправдательный вердиктъ... Законъ то же самое, какъ математическая формула, и, какъ таковая, не можетъ быть ни строгимъ ни лицепріятнымъ, а только справедливымъ.

— Именно нелицепріятнымъ...—повторяетъ жиденькимъ теноркомъ мѣщанинъ Ивановъ и начинаетъ улыбаться.

Съ этого пункта начиналось самое удивительное превращеніе. Мѣщанинъ Ивановъ какъ-то исчезалъ, а его мѣсто занималъ самъ Иванъ Павловичъ, — одинъ Иванъ Павловичъ стоялъ за прокурорскимъ пюпитромъ, а другой Иванъ Павловичъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ.

— Ваше имя и званіе, подсудимый?—спрашивалъ Иванъ Павловичъ-прокуроръ.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Павловъ Мухинъ,—не совсѣмъ твердо отвѣчалъ Иванъ Павловичъ-подсудимый.

— Вамъ извѣстно, въ чемъ вы обвиняетесь; признаёте ли вы себя виновнымъ?

Иванъ Павловичъ-подсудимый нѣсколько времени смотритъ на Ивана Павловича-прокурора и отвѣчаетъ:

— Я затрудняюсь отвѣчать категорически... Можетъ-быть, и виновенъ, а можетъ-быть, и нѣтъ.

Секретарь читаетъ обвинительный актъ, причемъ подробности дѣла излагаются съ протокольною точностью. Описывается женитьба Ивана Павловича-подсудимаго, болѣзнь жены и печальный финалъ, а потомъ является швея Настенька и всѣ послѣдствія ея появленія. Ивану Павловичу-подсудимому дѣлается жутко, когда передъ всѣми разсказываются его интимныя семейныя дѣла,—онъ вскакиваетъ и заявляетъ:

— Вы видите, господа присяжные, что я не виновенъ... Если бы моя жена была здорова, то ничего бы не было. Да, я не виновенъ...

Иванъ Павловичъ-прокуроръ останавливаетъ его и начинаетъ громовую рѣчь:

— Гг. присяжные, передъ нами не обыкновенный преступникъ, а человѣкъ интеллигентный, занимавшій такое видное общественное положеніе. Да, онъ долженъ былъ служить живымъ примѣромъ для другихъ, какъ представитель закона, а вмѣсто этого мы видимъ грустную картину поруганія священнѣйшихъ основъ общежитія. Семья—все, и все—изъ семьи... Что же мы видимъ? Полное поруганіе этой семьи. Обратите вниманіе, гг. присяжные, что главное потерпѣвшее лицо этой драмы, жена подсудимаго, остается какъ будто въ сторонѣ и молча несетъ свой женскій крестъ, щадя призракъ семейнаго счастья и будущее своихъ дѣтей. Подсудимый заводитъ нелегальную семью, подсудимый дѣлается отцомъ троихъ незаконныхъ дѣтей, то-есть въ переводѣ это значитъ то, что онъ губитъ неопытную дѣвушку и губитъ троихъ малютокъ, которыя имѣли несчастіе имѣть его своимъ отцомъ. Милостивые государи, у каждаго изъ насъ былъ отецъ, и вы припомните, сколько самаго святого соединено съ этимъ словомъ... Кому отдаются и первая улыбка ребенка и первый дѣтскій лепетъ, къ кому тянутся за лаской довѣрчивыя и беззащитныя дѣтскія ручонки? Конечно, тяжелое преступленіе—лишить человѣка жизни, а еще тяжелѣе—дать эту жизнь съ позорнымъ клеймомъ незаконнаго происхожденія...

— Г. прокуроръ, вы забываете, что я тоже человѣкъ и, какъ человѣкъ, имѣлъ право быть имъ,—защищался Иванъ Павловичъ-подсудимый.—Вы забываете, г. прокуроръ, что сами обстоятельства складываются иногда такъ, что получается такъ называемое безвыходное положеніе. Въ данномъ случаѣ я, напримѣръ, имѣлъ право развестись съ женой, но не сдѣлалъ этого изъ сожалѣнія къ ней и законнымъ дѣтямъ. Съ формальной точки зрѣнія я виноватъ, но есть судъ совѣсти, оживляющій теплотой своего дыханія мертвую букву закона.

— Мнѣ особенно нравится эта ссылка на судъ совѣсти,—перебилъ Иванъ Павловичъ-прокуроръ.—Если мы такимъ образомъ будемъ оживлять мертвую букву закона, то всякій преступникъ найдетъ свое оправданіе. Я тоже взываю къ суду совѣсти и глубоко убѣжденъ, что именно этотъ судъ скажетъ: „да, виновенъ!“. Въ сущности, все дѣло сводилось на выдержку характера, на тѣ нравственныя начала, которыхъ недоставало подсудимому...

Иванъ Павловичъ просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу и долго не могъ прійти въ себя. Даже открывши глаза, онъ не вѣрилъ, что все это была дикая галлюцинація.

— Евграфъ, ты здѣсь?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Подойди сюда... ближе... и что-нибудь говори...

— Прикажете про войну?.. Значитъ, какъ тогда турокъ насѣлъ на насъ, а его было неочерпаемо,—ну... генералъ Радецкій и говоритъ: „Братцы, не поддавайся... Все равно помирать“. Ну, идемъ... не то что идемъ, а просто царапаемся въ гору... Притомились, зачахли, а главное—нить охота до послѣдней смерти. Ну, а тутъ въ полугорѣ ключикъ... Только турокъ-то такъ ловко засѣлъ, что къ ключику приступу нѣтъ: кто изъ солдатиковъ бросится къ ключику—и сейчасъ готовъ. Человѣкъ съ восемь такъ-то перебили... А тутъ солдатики которые уже изъ силы выбились: сядетъ, а встать не можетъ. Тогда, что бы вы думали? Выискался одинъ изъ фланговыхъ и сейчасъ съ манеркой къ ключику... Вѣдь выворотился цѣлехонекъ и воды принесъ.

Только ругался, что сапогъ ему турецкой пулей распороло... Егоровымъ звали солдатика-то.

На больного дѣйствовалъ не столько самъ разсказъ, какъ эпическій тонъ голоса Евграфа. Иванъ Павловичъ по инерціи повторялъ про себя отдѣльныя выраженія и начиналъ самъ карабкаться на шипкинскія кручи и видѣлъ своими глазами тотъ источникъ живой воды, доступъ къ которому былъ „загражденъ жаломъ смерти", выражаясь высокимъ языкомъ. Все-таки это было легче суда...

Кризисъ наступилъ совершенно неожиданно, подъ раннее утро, когда Евграфъ задремалъ, сидя на своей табуреткѣ. Этой слабости вѣрный слуга никогда не могъ себѣ простить и долго считалъ себя косвенной причиной смерти барина: ну, не задремли онъ,—баринъ, можетъ-быть, остался бы и живъ.

Съ вечера Иванъ Павловичъ чувствовалъ себя какъ будто лучше и даже попросилъ чашку бульона. Потомъ Евграфъ растиралъ ему бокъ какой-то пахучей мазью, потомъ баринъ заставилъ его разсказывать про войну, потомъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Держи, Евграфъ...

Потомъ баринъ точно весь распустился и задремалъ. Евграфъ ушелъ на свой табуретъ и тоже прикурнулъ по-солдатски.

А Иванъ Павловичъ и не думалъ спать. Онъ опять видѣлъ себя въ судѣ и опять былъ подсудимымъ и прокуроромъ, но на этотъ разъ въ качествѣ потерпѣвшей стороны явились обѣ его семьи: и Ольга Сергѣевна съ заплаканными глазами, но молодая, и Настенька, и всѣ дѣти. Онъ, подсудимый, даже былъ радъ видѣть ихъ вмѣстѣ и только удерживался, чтобы не крикнуть:

— Ахъ, какъ я виноватъ, но какъ я васъ всѣхъ люблю!..

Въ залѣ царило молчаніе, а потомъ судебный приставъ заученнымъ тономъ громко проговорилъ:

— Судъ идетъ!..

Именно этотъ моментъ Евграфъ и прокараулилъ, а когда проснулся — Иванъ Павловичъ лежалъ въ креслѣ мертвый.

---

# ГОРОДСКАЯ СЕСТРА.

## I.

Сапожникъ Маркычъ страдалъ головными болями, особенно по утрамъ. Онъ вставалъ всегда мрачный и недовольный, молча пилъ чай, тяжело вздыхалъ и кого-нибудь ругалъ. Прежде онъ сильно попивалъ, а въ послѣдніе годы „ничего не принималъ", на томъ основаніи, что сколько ни пей, а всей водки не выпьешь. Благодаря трезвому поведенію, семья жила исправно, хотя заработки Маркыча, изъ-за конкуренціи другихъ сапожниковъ, и понижались съ каждымъ годомъ.

— И куда только деньги дѣвались,—удивлялся Маркычъ, почесывая въ затылкѣ. — Вотъ тоже взять рыбу: прежде сколько этой самой рыбы было въ Волгѣ, а теперь вся перевелась. А куда дѣваться рыбѣ? Кажется, ужъ что можетъ быть хуже рака, а и тотъ ушелъ... Нѣтъ рака... и конецъ дѣлу. Не согласенъ жить въ Волгѣ и весь передохъ, до послѣдняго... А гдѣ прежній покупатель? Тоже перевелся, точно всѣ перестали носить сапоги.

Особенно дѣлался Маркычъ мрачнымъ въ сѣрые осенніе дни, какъ сегодня. Прежде и солнышка было гораздо больше, и люди были добрѣе невпримѣръ, и даже сапожная кожа была лучше.

Семья Маркыча была небольшая: самъ съ женой, подростокъ-сынъ Петька да дочь Степанида, дѣвушка уже на возрастѣ. Была еще дочь, Авдотья, да только давно отбилась отъ дому и проживала въ Питерѣ у тетки Лизаветы. Петька помогалъ работать отцу, а Степанида ходила работать на льняную фабрику. Въ общемъ всѣ трое зарабатывали порядочно, и семья сводила концы съ концами. Большимъ подспорьемъ были городскіе подарки, которые время отъ времени присылала Авдотья — и одежей, и деньгами, и чаемъ съ сахаромъ. Откуда брала Авдотья деньги—Маркычъ старался не думать. Гдѣ же и деньгамъ быть, какъ не въ Питерѣ. Всѣ онѣ тамъ скопились, какъ вода въ озерѣ. У себя, въ сельцѣ Горушкахъ, давно позабыли, какія и деньги бываютъ на бѣломъ свѣтѣ. Одной рукой получилъ, другой отдалъ—вотъ и весь капиталъ.

Было уже около одиннадцати часовъ. Старуха Анисья въ это время подавала обѣдъ, а сегодня замѣшкалась, поджидая съ фабрики Степаниду. Маркычъ уже спрашивалъ раза два, скоро ли обѣдъ...

— Успѣешь,—спокойно отвѣчала Анисья.—Обѣдать—не блохъ ловить... Куда торопиться-то?..

Маркычъ хотѣлъ окончательно разсердиться: именно въ это время вошелъ въ избу Константинъ, среднихъ лѣтъ, сгорбленный и худой мужчина, одѣтый по-городскому. Онъ служилъ въ трактирѣ „съ проѣзжающими номерами", подъ названіемъ „Бережекъ".

— Маркычу сорокъ одно,—поздоровался Константинъ.

— Здравствуй, — довольно сухо отвѣтилъ Маркычъ.

Константинъ сѣлъ на лавку и началъ, не торопясь, развязывать какой-то узелокъ. Въ узелкѣ оказалась пара штиблетъ, требовавшая особаго вниманія Маркыча.

— Прихворнули у меня щиблеты малымъ дѣломъ, — проговорилъ Константинъ, подавая ихъ Маркычу.—Ежели бы, напримѣрно, подметки подкинуть, каблуки подбить—въ лучшемъ бы видѣ...

Маркычъ долго разсматривалъ принесенную работу, моргалъ глазами, чмокалъ и только потомъ отвѣтилъ.

— А у васъ въ городу, Коскентинъ, не стало сапожниковъ?

— Какъ не стало!.. А только мнѣ дѣло вышло, по пути... Тетка у меня въ Горушкахъ, засылку мнѣ сдѣлала, что нездорова, ну, оно и вышло по пути...

Стоявшая у печи съ ухватомъ Анисья отнеслась къ объясненію Константина очень подозрительно. Что-то какъ будто и неладно: отъ города до Горушекъ четыре версты, и тащить сюда починку уже совсѣмъ не рука. Да и самъ Константинъ, замотавшійся мужичонка, не пользовался въ Горушкахъ особеннымъ довѣріемъ, хотя и самъ былъ горушкинскій.

— Дѣлать вамъ нечего, услужающимъ,—ворчала Анисья. —Вотъ и придумалъ тетку...

— Ну, ужъ это вы, Анисья Петровна, „ахъ, оставьте!“—съ трактирнымъ жаргономъ отвѣтилъ Константинъ, раскуривая папиросу.—Что̀ касается тетки, такъ это завсегда съ нашимъ полнымъ уваженіемъ, потому какъ сродственница и при этомъ помираетъ третій годъ... А вотъ что намъ, услужающимъ, дѣлать нечего, такъ это вы даже совсѣмъ напрасно. По видимости, легче и нѣтъ нашей работы: взмахнулъ салфеткой, принесъ то да другое—и все тутъ. А того никто не подумаетъ, что я съ салфеткой-то съ шести часовъ утра до двѣнадцати часовъ ночи, какъ маятникъ, хожу. Дѣла не дѣлаешь въ другой разъ, а стой, какъ идолъ... А духъ какой въ трактирномъ заведеніи? Не прочихаешься... И все на ногахъ день денской, какъ журавль, стоишь. Ѣда, такъ и та на ходу, въ томъ родѣ, какъ укралъ да съѣлъ. Это вѣдь со стороны все легко кажется... Такъ ты, Маркычъ, того, выправь щиблеты, а я на недѣлѣ какъ-нибудь заверну.

Когда Константинъ вышелъ, Маркычъ долго вертѣлъ въ рукахъ его штиблеты, а потомъ съ презрѣніемъ швырнулъ ихъ въ уголъ.

— Зебра полосатая!—обругался онъ.

— Не спроста онъ навострилъ къ намъ лыжи,—поддакивала Анисья, гремя ухватами.—Не таковскій человѣкъ.

— Въ шею его надо было прогнать,—соображалъ Маркычъ послѣ времени.—А я еще съ нимъ разговариваю, съ полосатымъ чортомъ!.. Давай, Анисья, обѣдать, коли на то пошло... Степанида отдѣльно поѣстъ, коли не знаетъ своего времени. У насъ не трактиръ, чтобы каждому фиціанты услужающіе подавали...

Выйдя изъ избушки Маркыча, трактирный человѣкъ Константинъ нѣсколько времени стоялъ за воротами. Сѣялъ мелкій осенній дождь. На избитой ухабами дорогѣ, которая вела въ городъ, стояли лужи грязной воды. Пѣшеходы пробирались окольными тропами по картофельнымъ огородамъ и оголенному жнивью. Константинъ не пошелъ городской дорогой, а свернулъ налѣво, гдѣ была пробита торная тропа къ фабрикѣ. Онъ издали замѣтилъ разрозненныя группы дѣвушекъ и парней, которые шли въ Горушки къ обѣду по этой фабричной тропѣ.

— Ну и погодка!—ворчалъ Константинъ, встряхивая головой и едва вытаскивая ноги изъ липкой грязи.—Пьяному чорту на свадьбу ѣздить...

Возвращавшіеся съ фабрики парни и дѣвушки, въ свою очередь, замѣтили Константина и встрѣтили его шутками.

— Опоздалъ, Константинъ, на работу къ намъ.

— Онъ идетъ обѣдать къ управляющему нѣмцу.

Константинъ не счелъ нужнымъ отвѣчать фабричнымъ зубоскаламъ, а остановилъ Степаниду, дочь Маркыча, свѣжую и красивую дѣвушку въ красномъ платкѣ на головѣ.

— Надо мнѣ тебѣ, Степа, одно словечко сказать...

Дѣвушка немного смутилась и подошла. Ихъ окружили другіе, но Константинъ безъ церемоніи всѣхъ прогналъ.

— Идите своей дорогой, зубоскалы!.. Не до васъ...

Когда всѣ отошли, Константинъ озабоченно проговорилъ:

— А я отъ Авдотьи Ивановны, Степа...

— Отъ Дуни? Она здѣсь?!..—тихо вскрикнула дѣвушка.

— Здѣсь, у насъ... въ проѣзжающихъ номерахъ. Безпремѣнно наказывала, чтобы ты пришла завтра утромъ. Сама-то она боится показаться отцу на глаза, ну, и подослала меня, значитъ, чтобы шито и крыто... Утромъ-то ты будто на фабрику, а сама къ намъ...

— На перевозѣ увидятъ свои деревенскіе...

— А ты найми кривого солдата, чтобы онъ на лодкѣ черезъ Волгу перемахнулъ... Поняла?.. Никто и не увидитъ...

— Бати боюсь...

— А ты сестру пожалѣй, глупая. Очень, гритъ, стосковалась, а сама въ слезы. Своя кровь, однимъ словомъ, изъ роду-племени не выкинешь...

Степанида закрыла ротъ концомъ платка и горько заплакала. Она плохо помнила сестру, но почему-то всегда ее жалѣла. Константинъ только развелъ руками. Вотъ такъ фунтъ: и та сестра реветъ и эта реветъ. Ну, только и народецъ, эти бабы... Ничего не сообразишь съ ними.

— Перестань, глупая,—сердито проговорилъ Константинъ.—Не вашими бабьими слезами дѣло началось, не вашими оно и кончится.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, какъ замѣтилъ, что къ нимъ со стороны Горушекъ бредутъ по полю двѣ женщины.

— Вотъ чортъ несетъ попутчика,—обругался Константинъ.—Одна-то, видно, кума Ѳедосья.

— Она самая,—подтвердила Степанида.—Охъ, бѣдовушка... Сейчасъ пойдетъ и все батѣ разскажетъ... А другая—наша сосѣдка, кривая Фимушка... еще похуже Ѳедосьи на языкъ будетъ.

У Константина мелькнула малодушная мысль скрыться постыднымъ бѣгствомъ, но другой дороги, какъ на фабрику, не было. Притомъ неловко было оставлять Степаниду одну,—проклятыя бабы подумаютъ не знаю что.

— А чортъ съ ними, пусть идутъ...—ворчалъ Константинъ.—Пойдемъ, Степа, навстрѣчу проклятымъ вѣдьмамъ...

Степанида не спорила и покорно пошла за Константиномъ, который продолжалъ ворчать.

Встрѣчныя бабы узнали Степаниду и только покачали головами. Нечего сказать... хороша дѣвушка, которая ловитъ жениховъ на дорогѣ.

— Да вѣдь это Коскентинъ?!—ахнула Ѳедосья.—Ахъ, лукавый песъ... Ужо вотъ Маркычъ-то ему задастъ.

Поровнявшись съ Константиномъ и Степанидой, кривая Фимушка проговорила не безъ ехидства:

— Откуда Богъ несетъ?

— Гдѣ были, тамъ ничего не осталось,—храбро отвѣтилъ Константинъ.

— Такъ, такъ, миленькій!.. Ваши-то остатки, видно, Маркычу достанутся. А можетъ, ты, Коскентинъ, свататься пришелъ къ Степанидѣ?

Константинъ принялъ гордый видъ городского полированнаго человѣка и прошелъ мимо любопытныхъ бабъ, не удостоивъ ихъ отвѣтомъ.

## II.

Авдотья Ивановна страшно томилась въ своемъ маленькомъ, душномъ и грязномъ номерѣ въ гостиницѣ „Бережокъ". Она, какъ говорится, не находила себѣ мѣста. Это была немного выше средняго роста, молодая женщина съ красивымъ какой-то усталой красотой лицомъ. Одѣта она была совсѣмъ по-городски, въ зеленое съ черными полосками платье. Золотая брошь, такія же серьги, браслетъ и нѣсколько колецъ придавали ей видъ купчихи средней руки. Впечатлѣніе портили только подкрашенныя губы и подведенные глаза.

— Этотъ Константинъ, кажется, умеръ...—думала она вслухъ, стоя у окна, выходившаго на Волгу.

Въ окно открывалась съ дѣтства знакомая, безконечно родная картина. Песчаный, мокрый всегда берегъ, нѣсколько амбаровъ, склады какихъ-то товаровъ, полѣнницы пароходныхъ дровъ, нѣсколько пристаней, а тамъ—широкій разливъ Волги, нѣсколько стоявшихъ на якоряхъ барокъ, далекій дымокъ невидимаго парохода и черныя точки лодокъ. За рѣкой крутой берегъ, а по нему раскинулись Горушки. Бѣлѣлась старинная церковь, горбились длинныя крыши лѣсопильнаго завода—и только. Далеко за Горушками вѣчно дымили двѣ высокихъ фабричныхъ трубы. Сейчасъ вся эта картина точно была покрыта холоднымъ пòтомъ, какъ лицо трудно-больного человѣка. Давно Авдотья Ивановна не видѣла родной Волги, и ее начинала давить тяжелая тоска. Вонъ по тому берегу она бѣгала босоногой дѣвчонкой, ходила молиться по воскресеньямъ въ старинную церковь, знала въ лицо всѣхъ своихъ однодеревенцевъ, а теперь вернулась домой, какъ чужая, и даже не смѣетъ показать носа къ отцу. Ей хотѣлось выплакаться по-бабьи, но слезъ не было.

Черезъ Волгу ходилъ паромъ, и Авдотья Ивановна въ каждомъ мужчинѣ, который съ пристани поднимался въ городъ, напрасно старалась узнать Константина. Онъ показался, когда было уже часа три, и Авдотья Ивановна встрѣтила его довольно сердито.

— Гдѣ пропадалъ-то столько времени?

— Куда посылала, туда и ходилъ,—грубо отвѣтилъ Константинъ.— Промокъ весь, сапоги въ грязи чуть не увязилъ... Тротуары-то въ Горушкахъ для меня еще не успѣли наладить.

Онъ обстоятельно разсказалъ, какъ заходилъ къ Маркычу, а потомъ встрѣтилъ въ полѣ Степаниду. Когда дѣло дошло до встрѣчи съ кривой Фимушкой и кумой Ѳедосьей, Авдотья Ивановна пришла въ ужасъ.

— Да не дурень ли ты, Константинъ?!.. Да вѣдь теперь Степанидѣ прохода не дадутъ въ Горушкахъ, да и отцу наплетутъ не знаю что̀...

— А я что̀ же, чѣмъ я виноватъ?—грубо оправдывался Константинъ, ежа угловатыми плечами. — Моей тутъ причины никакой нѣтъ... Однимъ словомъ, старался для тебя же, а ихъ чортъ и несетъ... Конечно, разнесутъ по Горушкамъ про Степаниду, ужъ это вѣрно. У обѣихъ языки-то какъ терки...

— Помню я ихъ отлично, и Ѳедосью и Фимушку... Злющія бабы.

— Ужъ злѣе не бываетъ. Однимъ словомъ, куда поглядятъ, такъ всякое мѣсто заржавѣетъ...

Авдотья Ивановна даже расплакалась и еще разъ обругала безтолковаго Константина.

— Какъ теперь Степанида пойдетъ ко мнѣ завтра-то? Вѣдь за ней вся фабрика будетъ во всѣ глаза смотрѣть... Дескать, къ Константину на свиданье пошла.

— И даже очень просто...

— Да не дуракъ ли ты, Константинъ?!

— А мнѣ что?.. Таковъ уродился. И при этомъ старался... Прозябъ вотъ какъ... А тутъ еще Маркычъ надо мной же шутки шутилъ...

Авдотья Ивановна дала ему на чай и прогнала.

Ждать завтрашняго утра было тяжело, и она ходила по своему номеру часа два, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Выплакавшись, она успокоилась, а потомъ на нее напала рѣшимость отчаянія.

— Дачего я боюсь-то?—подбадривала она себя.—Поѣду сама къ отцу, и тому дѣлу конецъ... Никому до меня дѣла нѣтъ...

Она позвала Константина и велѣла нанять извозчика въ Горушки.

— Правильно, — равнодушно согласился Константинъ. — И дождь какъ будто пересталъ... Этакъ-то лучше будетъ.

— А извозчикъ меня не убьетъ дорогой? Темно ѣхать будетъ...

— Зачѣмъ ему убивать... Не ты одна поѣдешь. Поповны вонъ по ночамъ изъ тіятру ѣздятъ, служительскія жены съ лѣсопильнаго завода... да мало ли проѣзжающаго народу наберется...

— Ты замѣть, на всякій случай, номеръ извозчика.

Авдотья Ивановна надѣла новую осеннюю ротонду, взяла зонтикъ и, перекрестившись, вышла изъ номера. Константинъ тащилъ за ней довольно тяжелый дорожный чемоданъ черной кожи.

— Куда въ Горушки-то?—спрашивалъ извозчикъ.

— А тамъ я тебѣ скажу,—отвѣтила Авдотья Ивановна, стѣсняясь при трактирной прислугѣ назвать имя отца-сапожника.

На пристани пришлось ждать. Волга катилась мутная и непривѣтливая. Въ вечерней мглѣ гдѣ-то далеко мигали огоньки баржъ. Дождь продолжалъ итти, мелкій и надоѣдливый.

Пока переѣзжали на паромѣ, пока поднимались на крутой берегъ по вязкой, избитой дорогѣ, Авдотья Ивановна успѣла передумать тысячу своихъ непрошенныхъ бабьихъ думушекъ. Ей, вообще, было жутко. Какъ только люди могутъ жить въ такой трущобѣ?! А тамъ, въ Петербургѣ, и свѣтло, и чисто, и уютно. Она припоминала свою Разъѣзжую улицу, гдѣ выжила цѣлыхъ пять лѣтъ у тетки, потомъ Николаевскую, гдѣ жила сейчасъ „у генерала“, какъ называла своего барина, коммерціи совѣтника Ахметышева. Онъ по-генеральски уже давно шаркалъ одной ножкой, пришепетывалъ и отпустилъ на родину со строгимъ наказомъ.

— У тебя красивая сестренка подросла... Если привезешь—не обижу. Знаешь мой характеръ? Мнѣ и жить-то недолго осталось. Куплю тебѣ домикъ на Петербургской сторонѣ, и живите съ сестрой да не поминайте старика лихомъ.

„Генералъ“, дѣйствительно, былъ добрый и даже предлагалъ подарокъ „сестрѣ“, золотые часики, но Авдотья Ивановна наотрѣзъ отказалась. Куда Степанидѣ такіе часы, когда она и ступить по-настоящему не умѣетъ. Еще засмѣютъ свои же въ деревнѣ... Да и имя такое глупое: Степанида. Авдотья

Ивановна рѣшила, что въ Питерѣ она будетъ называть сестру Франциской. Это имя ей почему-то очень нравилось. Развѣ можно сравнить со Степанидой! Авдотья Ивановна не думала о томъ, что имѣла въ виду продать сестру, а только мечтала о своемъ домикѣ на Петербургской сторонѣ. Только бы вытащить ее изъ деревенской грязи, а въ Питерѣ никому дѣла нѣтъ, кто она такая и чѣмъ занимается. Будетъ домъ да хорошее приданое, такъ и замужъ выйдетъ за хорошаго человѣка. Мысль, что Степанида могла въ Горушкахъ сдѣлаться женой сапожника или фабричнаго, приводила Авдотью Ивановну въ отчаяніе.

— Ступай ты скорѣе, ради Бога,—торопила она извозчика, точно Степанида могла выйти замужъ, пока они тащились отъ лѣсопильнаго завода.

Поле кончилось. Вдали мелькнулъ первый огонекъ, и смутно проявился въ вечерней мглѣ силуэтъ церкви. Авдотья Ивановна припоминала каждый вершокъ родной земли и только удивлялась, что за десять лѣтъ, какъ она уѣхала, въ Горушкахъ не прибавилось ни одного новаго дома. Когда она объяснила, куда ей нужно ѣхать, извозчикъ проговорилъ:

— Къ Маркычу?

— Ты его знаешь?

— А какъ же не знать, когда я и самъ изъ Горушекъ. Хорошій сапожникъ Маркычъ, можно сказать, на всѣ руки сапожникъ. Прежде-то виномъ зашибался, а нынче шабашъ, трекнулся и ни капли. Вотъ онъ какой у насъ, значитъ, Маркычъ... Ни-ни!..

Странно, что родную избушку Авдотья Ивановна не узнала и даже заспорила съ извозчикомъ, что онъ не туда ее привезъ.

— Она самая,—увѣрялъ извозчикъ.

Въ избушкѣ горѣлъ огонь, хотя черезъ отпотѣвшее окно и нельзя было ничего разсмотрѣть. Появленіе извозчика въ такую, по-деревенски, позднюю пору привлекло прежде всего, конечно, горячее вниманіе деревенскихъ собакъ, которыя обступили извозчичью пролетку со всѣхъ сторонъ и неистово лаяли на Авдотью Ивановну, которая не рѣшалась сойти. На этотъ лай у сосѣднихъ воротъ показалась какая-то темная фигура. Это была сосѣдка, кривая Фимушка. Она подбѣжала къ извозчику и палкой разогнала лаявшихъ собакъ.

— Вамъ кого, барыня?—спрашивала она, напрасно стараясь разсмотрѣть лицо таинственной гостьи.

— А намъ Маркыча...—отвѣтилъ извозчикъ.

На лай выскочилъ Петька, босой, безъ шапки и въ одной рубахѣ.

— Вы меня проведите,—обратилась къ нему Авдотья Ивановна съ городской вѣжливостью.—Вотъ чемоданчикъ.

Къ освѣщенному окну прильнули носами физіономіи Анисьи и Степаниды. Когда Петька потащилъ чемоданъ въ избу, кривая Фимушка сразу сообразила, что пріѣхала питерская Дунька, и стремглавъ бросилась къ кумѣ Ѳедосьѣ.

Когда Авдотья Ивановна вошла въ родную избу, ея никто не узналъ, кромѣ Степаниды, которая догадалась по своему разговору съ Константиномъ. Маркычъ поднялся со своего сапожничьяго стула и смотрѣлъ на гостью непонимающими глазами. Степанида шепнула матери, кто такая гостья, и Анисья съ причитаніями и слезами бросилась къ дочери.

— Голубушка ты моя... Не чаяли, не гадали, а Господь радость и прислалъ... Дунюшка, милая...

Маркычъ тоже догадался, въ чемъ дѣло, сѣлъ на свой кожаный стулъ и принялся за работу, точно въ избу вошла кошка.

— Батя...—нерѣшительно проговорила Авдотья Ивановна, дѣлая шагъ впередъ.—Батя...

Маркычъ посмотрѣлъ на нее какими-то стеклянными глазами и отвѣтилъ, указывая сначала на образъ въ углу, а потомъ на дверь:

— Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ тебѣ и порогъ!..

Старуха Анисья громко завыла и бросилась къ мужу въ ноги. Авдотья Ивановна стояла посреди избы блѣдная, какъ полотно.

## III.

Маркычъ оттолкнулъ ногой валявшуюся на полу жену, вскочилъ и не своимъ голосомъ зарычалъ:

— Зачѣмъ тебя принесло-то сюда?.. А? Зачѣмъ хвостъ свой подкидываешь?.. А? Кто Коскентина даве подсылалъ? А мы вотъ, деревенскіе дураки, ничего и не понимаемъ... Напялила шляпку и думаешь, что барыня?!..

Онъ неожиданно подскочилъ и сорвалъ съ Авдотьи Ивановны шляпу. Проявленіе родительскаго гнѣва возмутило Анисью, и она вырвала изъ рукъ мужа несчастную шляпу.

— Да ты никакъ и совсѣмъ очумѣлъ?!.. Вѣдь за шляпку-то деньги плачены... Другой бы отецъ вотъ какъ радовался, а ты поднялъ драку...

— Маменька, оставьте,—вступилась Авдотья Ивановна, отстраняя мать.— Я сама лучше поговорю съ батей... Петя, открой-ка чемоданъ. Вотъ тебѣ ключикъ...

Маркычъ сѣлъ на свой стулъ и началъ смотрѣть, какъ Петька неумѣло развязывалъ ремни у чемодана.

— Ну-ка, ты, Петька, давай чемоданъ-то сюды,—проговорилъ онъ совершенно другимъ голосомъ.—Ничего ты, Петька, не понимаешь... Сколько дала за чемоданъ-то?

— Не помню хорошенько... Кажется—восемь рублей.

— Ну, кожа-то неважная, и шитье тоже... За восемь-то цѣлковыхъ можно бы вотъ какой чемоданище сварганить, чертямъ тошно...

Раскрытый чемоданъ лежалъ на столѣ, и Авдотья Ивановна торжественно принялась раздавать подарки. Отдѣльный свертокъ достался и Маркычу. Онъ улыбнулся, ощупавъ черезъ бумагу бутылку. Вотъ хитрая дѣвка, что придумала-то! Кромѣ бутылки, въ сверткѣ оказалось два фунта колбасы. Маркычъ очень „уважалъ“ колбасу и только покачалъ головой. Ну, и дѣвка, прямо, можно сказать, убила человѣка вотъ этой самой колбасой... Анисья покосилась на бутылку, но Авдотья Ивановна ее предупредила:

— Это, маменька, не простая водка, а дорогая. Всѣ господа ее пьютъ и никогда пьяными не бываютъ...

— Н-но-о?!—радостно удивлялся Маркычъ, просматривая дорогую водку на свѣтъ.—Совсѣмъ, значитъ, непьяная водка? Оказія...

Анисьѣ досталась большая шерстяная шаль, Степанидѣ шерстяная матерія на цѣлое платье, Петькѣ новый пиджакъ табачнаго цвѣта, и т. д. Конечно, былъ и чай, и кофе, и сахаръ, и леденцы, и орѣхи. Всѣ сразу оживились. Анисья накинула на плечи шаль и смотрѣлась въ осколокъ зеркала на стѣнѣ; Петька напялилъ на себя пиджакъ; Степанида прикидывала матерію,—оказалось, что Анисья всю жизнь мечтала имѣть такую шаль, Петька мечталъ о такомъ именно пиджакѣ, а Степанида даже во снѣ видѣла именно вотъ такую веселенькую матерію. Маркычъ въ это время успѣлъ раскупорить бутылку и налить рюмку дорогой питерской водки, но въ моментъ, когда онъ ее поднесъ ко рту, растворилась изба и показалась кривая Фимушка и кума

Ѳедосья. Онѣ не вошли въ избу, а какъ-то втиснулись, придавивъ въ дверяхъ одна другую.

— Здравствуйте, Иванъ Маркычъ и Анисья Петровна,—проговорила кривая Фимушка, отличавшаяся замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ. — А мы, значитъ, на огонекъ завернули... У кумы Ѳедосьи полусапожки порвались, такъ вотъ починить бы...

Кума Ѳедосья ткнула кулакомъ кривую Фимушку, потому что требовавшія починки полусапожки остались дома.

— Съ питерской гостьюшкой проздравляемъ,—закончила Фимушка свою рѣчь.

Маркычъ съ ожесточеніемъ опрокинулъ рюмку и плюнулъ, а Анисья пригласила сосѣдокъ присѣсть. Она вполнѣ понимала ненасытное бабье любопытство, а потомъ и самой хотѣлось похвастаться питерскими подарками. Что же, слава Богу, не украли, пусть посмотрятъ... Сосѣдки съ жадностью накинулись на подарки и долго ахали и качали головами. Пошлетъ же Богъ людямъ такое счастье...

— Ты теперь, Анисья Петровна, какъ надѣнешь свою шаль да выйдешь на улицу—не отличить тебя отъ попадьи.

Авдотья Ивановна была совсѣмъ не рада дорогимъ гостьямъ и смотрѣла на нихъ злыми глазами. Ее поражало это деревенское нахальство, съ какимъ эти бабы ворвались въ избу. Что имъ нужно, въ самомъ-то дѣлѣ? Впрочемъ, оставалась надежда, что онѣ посидятъ и уйдутъ когда-нибудь... Степанида тоже была возмущена и ушла за перегородку. А гостьи продолжали сидѣть и болтали, какъ ни въ чемъ не бывало.

— И не узнать бы тебя, Авдотья Ивановна, кабы на улицѣ гдѣ встрѣтились,—говорила кривая Фимушка, подперевъ щеку рукой.—Настоящая барыня... Недаромъ, видно, пословица говорится, что Богъ да городъ—чортъ да деревня.

— И въ городѣ такіе же люди живутъ,—уклончиво отвѣтила Авдотья Ивановна.

— Такіе да не такіе... Чать, въ Питерѣ-то все генералы одни живутъ?

— Есть и генералы...

— И ты у генерала живешь?

— У генерала.

— Сердитый?

— Нѣтъ, ничего...

— Все-таки, поди, страшно, когда онъ по дому съ саблей ходитъ... Разсердится и сейчасъ зарубитъ.

— Мой генералъ ходитъ безъ сабли. Онъ изъ купцовъ... коммерціи совѣтникъ.

— Съ бородой?

— Съ бородой...

— Ну, если сабли нѣтъ, такъ аналеты...

— И эполетовъ нѣтъ. Одинъ генеральскій чинъ...

Кума Ѳедосья и кривая Фимушка только переглянулись между собой, а потомъ въ одинъ голосъ проговорили;

— Смѣешься ты надъ нами, дурами, Авдотья Ивановна...

Обѣ гостьи обиженно поднялись и начали прощаться. Ихъ не удерживали. Выйдя въ сѣни, кривая Фимушка плюнула и сердито проговорила:

— И все-то вретъ эта самая Дунька-сахарница... Все вретъ.

— А ты видѣла—чемоданъ-то въ углу стоитъ? Весь полнехонько набитъ сахаромъ.

— И то, Петька даже едва доволокъ его до избы. Тяжеленный...

— Надо полагать, хорошъ Дунькинъ-то генералъ... х-ха!..

— Ну, это ей ближе знать... А только одѣта на отличку. И притомъ сережки и перстеньки...

Миѳическій Дунькинъ генералъ съ бородой, безъ сабли и эполетъ, такъ и остался для обѣихъ женщинъ загадкой. А вотъ что Дунька-сахарница увертлива—это вѣрно. Вонъ сколько всякаго добра навезла, да еще въ Питерѣ сколько осталось.

— А морду зачѣмъ она краситъ?—спрашивала кума Ѳедосья.

— Генералу хочетъ понравиться... Всѣ барыни красятся, ну, и Дунька-сахарница за ними.

По уходѣ сосѣдокъ въ избѣ воцарилось неловкое молчаніе. Маркычъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки и захмелѣлъ. Когда Анисья хотѣла взять у него бутылку, онъ разсердился.

— Это я для закуски пью, глупая! Хороша закуска...

Авдотьѣ Ивановнѣ хотѣлось поговорить съ матерью и сестрой „по душамъ", но при отцѣ было неудобно. Степанида разсматривала сестру какъ-то исподлобья и не могла признать въ ней ту Дуню, которую когда-то увезла тетка Лизавета. Совсѣмъ другая женщина, не изъ ихъ семьи. Петька думалъ то же самое и вопросительно смотрѣлъ на Степаниду. Авдотья Ивановна старалась не смотрѣть на сестру, чтобы напрасно ея не смущать, хотя и замѣтила, что руки у нея такія большія и красныя. Послѣднее ее огорчало. На такую пятерню и перчатокъ не подберешь...

Авдотья Ивановна осталась ночевать и, вспоминая старину, забралась на полати, гдѣ спала Степанида. Когда она стала раздѣваться, Степанида съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривала всѣ подробности городского дамскаго костюма и никакъ не могла удержаться отъ смѣха.

— Ахъ, ты, глупенькая,—ласково говорила Авдотья Ивановна, обнимая ее.—Совсѣмъ дурочка!..

Степанида молча цѣловала сестру, и Авдотья Ивановна прижимала ея мокрое отъ слезъ лицо къ своей груди. Ей тоже хотѣлось плакать. Въ душѣ поднималось что-то такое забытое, но хорошее, доброе и свѣтлое. Пахло сапожнымъ товаромъ; по стѣнамъ съ шуршаньемъ ползали тараканы; изъ-за перегородки, гдѣ спали старики на одной кровати, раздавался тяжелый храпъ Маркыча.

— У тебя есть женихъ?—спрашивала шепотомъ Авдотья Ивановна, когда улеглась рядомъ съ сестрой.

— Есть!..—еще тише отвѣтила Степанида.

— Ты его любишь?

— А развѣ можно жениха не любить? Подъ вѣнцомъ попъ про это читаетъ каждый разъ.

Дѣвушка, очевидно, не понимала даже самаго слова „любовь", и Авдотья Ивановна тихо разсмѣялась.

— Ну... нравится онъ тебѣ?

— Ничего... Только ростомъ малъ. У насъ всѣ парни такіе... недоростки... Смѣшной онъ, Илюшка. Вмѣстѣ на фабрику ходимъ...

— Кто же тебѣ сказалъ, что Илюшка твой женихъ?

— А мамынька. У нихъ семья небольшая: Илюшка второй братъ, только въ солдаты не попадетъ, потому что палецъ ему машиной оторвало. Старикъ попиваетъ случаемъ, а братья не пьютъ. Корову держатъ... Ничего, хорошая семья. Старшій-то братъ на выдѣлъ просится, а Илюшкѣ и дворъ

и усадьба достанется. Илюшка глупый, какъ-то мнѣ цѣлый фунтъ пряниковъ подарилъ.

Сестры долго шептались, пока Степанида какъ-то по-дѣтски заснула на полусловѣ. Авдотья Ивановна не спала почти всю ночь. Она видѣла сестру замужемъ, видѣла этого мужа-недоростка, вотъ такую же лачугу, грязныхъ ребятъ, бѣдность и въ концѣ концовъ Степаниду обозленную, исхудалую, состарившуюся прежде времени, какъ всѣ эти кумы Ѳедосьи и Фимушки.

— Нѣтъ, увезу ее въ Питеръ,—еще разъ рѣшила Авдотья Ивановна.

## IV.

На другое утро Авдотья Ивановна проснулась съ головной болью. Анисья успѣла уже затопить печь и гремѣла ухватами. Маркычъ еще спалъ. Степанида проснулась раньше всѣхъ и ушла на фабрику. Когда Маркычъ проснулся, Анисья сурово сказала ему:

— Съ какой это радости натрескался-то вчера?

Маркычъ молчалъ, сознавая свою виновность. Ему страшно хотѣлось опохмелиться, а бутылка съ водкой, конечно, была спрятана. Работать сегодня онъ не могъ и, сидя на кровати, проговорилъ суровымъ голосомъ:

— А я, Анисья, того... Значитъ, въ городъ за товаромъ... Давно надо сходить, да все не могъ собраться.

Анисья хотѣла обругать эту коварную выдумку, но Авдотья Ивановна ее предупредила:

— Батя, и то сходите въ городъ, а назадъ пріѣзжайте съ товаромъ на извозчикѣ... Мнѣ пѣшкомъ отсюда не уйти по вашей распутицѣ.

— Вѣррно!—согласился Маркычъ.—Куды тебѣ съ твоимъ хвостомъ по грязи шлепать...

— Знаемъ мы твой товаръ,—ворчала Анисья.—Прямо въ трактиръ попадешь.

— Ахъ, Боже мой!—застоналъ Маркычъ, хватаясь въ отчаяніи за голову.—Дуня! Кажется, я тебѣ родитель? Правильно... И, значитъ, ты обязана уважать родителевъ... А она что̀ говоритъ: въ трактиръ...

Когда Маркычъ съ ожесточеніемъ глоталъ горячій чай, чтобы залить внутренній жаръ, Авдотья Ивановна незамѣтно сунула ему рубль, и онъ сразу повеселѣлъ.

— Такъ я того, старуха...—заговорилъ онъ, стараясь придать голосу ласковость.—Безъ сумлѣнія... въ лучшемъ видѣ...

Анисья угрюмо молчала.

Маркычъ торопливо собрался и, весело подмигнувъ дочери, шмыгнулъ въ дверь. Петька кололъ на дворѣ дрова.

— Петь, а Петь...—пробормоталъ Маркычъ, ухмыляясь и показывая серебряный рубль.—Это намъ съ тобой любезнюющая твоя сестрица пожертвовала на пропой души. Ты-то чаишкомъ побалуешься въ трактирѣ, а я червячка заморю... такъ, самую малость... Значитъ, и товару прихватимъ, а обратно, какъ купцы, на извозчикѣ прикатимъ.

Умиленный полученнымъ рублемъ, Маркычъ хотѣлъ удружить дочери. Онъ понималъ, что ей хотѣлось разговориться съ матерью „по душамъ“ и что онъ съ Петькой только помѣшалъ бы этимъ бабьимъ разговорамъ. Пусть наговорятся досыта на свободности. А то еще ревъ подымутъ, бабьимъ дѣломъ, святыхъ вонъ уноси. Однимъ словомъ, Маркычъ проявилъ много дипломатическихъ талантовъ. У Петьки былъ свой расчетъ. Онъ былъ смирный и пенькющій парень и надѣялся сохранить отца отъ излишнихъ увлеченій.

— А старуха бутылку съ водкой спрятала...—смѣялся Маркычъ, крутя головой.—Ну, ничего, останется про запасъ.

По уходѣ Маркыча въ избѣ нѣкоторое время царило молчаніе, которое Анисья нарушила вопросомъ:

— Ну, а какъ тамъ Лизавета въ Питерѣ?

— Ничего, живетъ.... Замужемъ она, такъ что̀ ей дѣлается.

— А мужъ-то каковъ?

— Мужъ ничего... Онъ въ швейцарахъ служитъ. Двадцать пять рублей жалованья, готовая квартира, на чай получаетъ съ господъ... Ребеночекъ у нихъ былъ да померъ. Поздно она замужъ вышла, и докторъ сказалъ, что больше дѣтей не будетъ.

— Вотъ счастливая-то!—ахнула Анисья.—Совсѣмъ не будетъ? А у насъ какъ бабы-то съ ребятами бьются...

— Рано выдаете дѣвушекъ замужъ,—замѣтила Авдотья Ивановна.

Анисья ничего не отвѣтила, хотя и поняла, куда мѣтила питерская дочь. Она сдѣлала видъ, что занята своими лепешками которыми хотѣла угостить.

— Любила ты прежде ихъ, когда была маленькая,—говорила она, подавая лепешки на столъ.—Ужъ не взыщи, какъ печь испекла...

Авдотья Ивановна съ удовольствіемъ принялась за эти домашнія лепешки, о которыхъ такъ часто вспоминала въ Петербургѣ. Анисья присѣла на лавку и, подперевъ щеку рукой, смотрѣла на дочь жалостливыми глазами.

— Покушай, милая,—приговаривала она.—У насъ такая и поговорка деревенская есть: „въ Питерѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ“. Кушай на здоровье...

Онѣ опять заговорили о теткѣ Лизаветѣ. Анисья только качала головой, когда слушала перечисленіе неистощимыхъ богатствъ жены швейцара. Цѣлыхъ три сундука набито добромъ, два самовара, новая бѣличья шубка, два шелковыхъ платья и т. д. Тетка Лизавета дошла до такой роскоши, что даже въ самые сильные жары лѣтомъ ходитъ въ резиновыхъ калошахъ.

— А денегъ-то, денегъ-то, поди, сколько напрятала?

— Ну, денегъ у нея нѣтъ,—объяснила Авдотья Ивановна.—Ужъ смирный, непьющій, а деньги всѣ до копейки при себѣ держитъ. Тетка не знаетъ даже, сколько у него... Взаймы даетъ подъ большіе проценты.

По деревенской политикѣ, только послѣ этихъ предварительныхъ разговоровъ Анисья подошла къ главному, т.-е. къ тому, какъ живетъ сама Авдотья Ивановна.

— Ничего, мамынька, помаленьку,—уклончиво отвѣтила Авдотья Ивановна и вздохнула.—Не жалуюсь... Конечно, сначала-то глупа была. Попала въ Питеръ, точно въ лѣсъ... А теперь вотъ какъ даже привыкла, точно у себя дома.

— Ты какъ же, значитъ, у своего генерала... вроде...

— Я-то?.. Я въ родѣ экономки, мамынька, то-есть все хозяйство у него веду. У меня даже своя горничная есть...

— Трудно, поди!

— Нѣтъ, ничего... А вотъ сначала, дѣйствительно, охъ, какъ было трудно! Хотѣла руки даже на себя наложить... У смерти конецъ приходилъ.

Анисья подвинулась совсѣмъ близко къ дочери и, оглядѣвшись, спросила шопотомъ:

— А почему ты замужъ не выходишь, Дуня?

Авдотья Ивановна засмѣялась и отвѣтила совсѣмъ весело:

— Замужъ, мамынька? А сколько угодно жениховъ. Любого да лучшаго выбирай.

— Ну, и выходи, пока годы не ушли. Не вѣкъ вѣковать около генерала-то... Женскимъ дѣломъ мало ли что̀ можетъ случиться.

— Ахъ, мамынька, мамынька, какая вы смѣшная!—продолжая улыбаться, говорила Авдотья Ивановна.—Сказала, что жениховъ сколько угодно... Все у меня есть, слава Богу, и лицомъ не хуже другихъ...

— А я бы, Дунюшка, и умерла спокойно, кабы ты настоящій законъ приняла,—продолжала уговаривать Анисья попрежнему шопотомъ.

Авдотья Ивановна вскочила, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и совершенно неожиданно расплакалась. „Охъ, кто-нибудь у ней есть изъ женатыхъ, которому нельзя жениться!“—думала Анисья. Присѣвъ къ столу и положивъ голову на руки, Авдотья Ивановна глухо рыдала.

— Ну, перестань, голубка... Я вѣдь такъ, къ слову, Дунюшка. О тебѣ же забочусь... Мало ли худыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ. Другой прикачнется къ дѣвушкѣ и не отвяжешься отъ него... Головушку съ плечъ сниметъ.

— Ахъ, совсѣмъ не то, мамынька!.. Во второй разъ голову не снимаютъ... Глупа была, молода... А дѣло не въ томъ, мамынька. Плохого мужа мнѣ не надо, то-есть изъ черняди, а за хорошаго выходить совѣстно...

Отъ послѣднихъ словъ у Анисьи захолонуло на душѣ, и она строго поджала губы. По деревенской логикѣ въ ея глазахъ дочь являлась совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ.

— Можетъ, и дѣти были?—строго спросила Анисья.

— А развѣ я мертвая? Конечно, были,—отвѣтила Авдотья Ивановна, вытирая слезы.—Перваго-то, мальчика, въ воспитательный отдала... Умеръ... Осталась дѣвочка, четвертый годъ пошелъ, ну, эту я сама воспитываю. При себѣ мнѣ ее держать неудобно... живетъ у знакомой женщины... Десять рублей въ мѣсяцъ плачу.

— А отецъ?

Авдотья Ивановна вся вспыхнула, точно ее ударили прямо по лицу. Ее злилъ строгій тонъ матери и вообще самая форма допроса.

— Вотъ отца-то я, мамынька, и сама не знаю... Не одинъ былъ, не разберешь, который...

— И генералъ тутъ же замѣшался?

— Генералъ—совсѣмъ другое... Онъ такъ, вообще... Ничего вы не понимаете, мамынька, однимъ словомъ, въ этакихъ дѣлахъ.

— Гдѣ ужъ понять, голубушка. Извѣстно, деревенская старая дура...

Авдотья Ивановна окончательно разсердилась. Ее обижалъ главнымъ образомъ тонъ, какимъ говорила съ ней мать. Она опять поднялась и заходила по комнатѣ.

— Я не какая-нибудь, мамынька... да!.. Я состою при своемъ собственномъ мѣстѣ, а не по улицамъ шляюсь. Что̀ касаемо дѣтей, такъ это ужъ мое дѣло, и никому до него нѣтъ заботы... Да и кому въ Питерѣ нужно знать, что были у меня дѣти или нѣтъ? Это по-вашему, по-деревенскому, хуже нѣтъ человѣка, какъ дѣвушка, у которой дѣти... А ежели она и не виновата, того вы не разсуждаете? Можетъ, она повѣрила хорошему человѣку по своей душѣ, а тотъ ее обманулъ самымъ подлымъ образомъ... Говорю: молода была и глупа. Обмани вотъ меня теперь!.. Вы думаете, что дѣвушка и не человѣкъ, ежели сдѣлала ошибку... Большія тысячи насъ, такихъ-то молодыхъ дуръ. И всѣ живутъ... У васъ одно только слово и есть: законъ. А вотъ мнѣ не вышло счастье на законъ вашъ, такъ не въ Волгу же внизъ головой бросаться...

— Сама виновата, ежели не соблюла себя.

— Вы здѣсь хороши... Дѣвушка чуть подросла, еще оглядѣться не успѣла, дура-дурой, а вы ее сейчасъ подъ законъ со встрѣчнымъ-поперечнымъ.

— Это ты насчетъ Степаниды закидываешь?

— А хоть бы и насчетъ Степаниды... Дѣвушка еще глазъ не успѣла хорошенько открыть, а вы ее за какого-то вахлака хотите выдавать...

Анисья вскочила, подняла кулаки и крикнула:

— Ахъ, ты, поскуда питерская!.. Отецъ съ матерью хуже знаютъ Степаниды, за кого ей выходить замужъ?!.. Отецъ съ матерью зла ей желаютъ?!.. Вы хороши съ теткой-то Лизаветой, только вотъ хвостъ замаранъ...

— Вы, мамынька, оставьте ваше неглиже съ отвагой, — остановила ее Авдотья Ивановна. — Вонъ какъ въ васъ поднялась ваша деревенская темнота... Сами не знаете, какія слова выговариваете. Отъ чужихъ людей такихъ словъ не слыхала, такъ дома, видно, приходится учиться имъ.

Этотъ споръ, вѣроятно, зашелъ бы очень далеко, если бы не былъ прерванъ появленіемъ домовладыки. Петька привезъ его на извозчикѣ мертвецки пьянаго. Къ огорченію Авдотьи Ивановны, когда они ѣхали съ перевоза, встрѣтилась кума Ѳедосья и кривая Фимушка, причемъ послѣдняя крикнула:

— Вонъ везутъ родителя Дуньки-сахарницы!..

Авдотья Ивановна съ больной улыбкой замѣтила:

— Это называется: нашимъ же добромъ намъ же и челомъ...

— Дунюшка, вѣдь чужой ротъ не хлѣвъ, не затворишь,— виновато оправдывалась Анисья.

## V.

Авдотья Ивановна прожила на родинѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, добиваясь своей цѣли. Она нѣсколько разъ ѣздила въ Горушки для переговоровъ съ матерью, причемъ не обходилось безъ бурныхъ сценъ. Въ первое время онѣ стѣснялись говорить откровенно при Маркычѣ, но, увлекшись, совершенно забывали о его присутствіи. Правда, что Маркычъ держалъ себя крайне политично и дѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ и что до него ничего не касается. Пусть бабы между собой кудахтаютъ. Только, когда споръ разгорался до неистовства, онъ сурово прикрикивалъ:

— Ну, вы, бабы, не шкандалить, а то обѣихъ вотъ какъ распатроню! У меня разговоръ коротокъ: возьму шпандырь, да и начну шпандыремъ обихаживать обѣихъ. Носи—не потеряй...

Въ избѣ водворялось временное молчаніе. Старуха Анисья молча грозила Авдотьѣ Ивановнѣ кулакомъ и шептала:

— У, змѣя... Прокляну!..

Авдотья Ивановна знала отлично цѣну этимъ материнскимъ угрозамъ и не обращала на нихъ вниманія. Послѣ каждой такой вспышки старуха Анисья испытывала чувство раскаянія, проливала слезы и начинала ухаживать за дочерью съ какой-то суровой ласковостью.

Авдотья Ивановна задалась цѣлью уломать мать, а отецъ не шелъ въ счетъ. Прежде онъ былъ главой семьи, а теперь это главенство перешло къ матери, которая совсѣмъ забрала мужа въ руки. Лучше всего переговоры велись въ „проѣзжающемъ номерѣ“, гдѣ Авдотья Ивановна угощала мать чаемъ съ вареньемъ и французской булкой,—выше этого угощенія для Анисьи не существовало.

— И люблю же я эту самую французскую булку,—восхищалась старуха.—Настоящій пухъ...

Бывая въ гостяхъ у дочери, Анисья замѣтила, что она иногда бываетъ какая-то чудная, даже совсѣмъ чудная. Лицо въ красныхъ пятнахъ, или мертвенно-блѣдное, глаза осовѣлые, блуждающая улыбка, не совсѣмъ твердая походка,—однимъ словомъ, какъ есть, пьяная.

— Да ты, Дунюшка, не попиваешь ли, грѣшнымъ дѣломъ?—откровенно спросила Анисья.

Авдотья Ивановна только махнула рукой и засмѣялась.

— Нѣтъ, мамынька, сохрани Богъ, никогда не подвержена такому безобразію...

Она достала изъ кармана футлярчикъ со шприцемъ и при матери впрыснула себѣ въ руку зарядъ морфія.

— Это мнѣ лѣкарство докторъ прописалъ,—объясняла она.—У меня нервы...

— Это въ томъ родѣ, какъ у насъ въ одной купчихѣ черви завелись?

— Вотъ - вотъ... Это самое.

Между прочимъ, Авдотья Ивановна пробовала подпаивать мать вишневой наливкой, но результатъ получался самый неблагопріятный. Клюнувшая старуха прямо начинала буянить и лѣзла драться.

Гораздо лучше велись душевные разговоры за самоваромъ. Авдотья Ивановна, о чемъ бы ни говорила, непремѣнно сводила рѣчь на своего генерала.

— Онъ добрый, мамынька, Гаврила Евсеичъ...

— Такъ какъ же не быть добрымъ, коли у него, говоришь, пять домовъ?

— Одинъ на Гороховой улицѣ, другой на Пескахъ, третій въ Коломнѣ, четвертый на Бармалѣевой улицѣ, а пятый у Пяти Угловъ,—тутъ и самъ живетъ. Очень добрый... Въ годахъ ужъ онъ, подъ шестьдесятъ, и каждый праздникъ въ церковь.

— Много, видно, погрѣшилъ...—старалась догадаться Анисья.

— Ну, это ужъ его дѣло, мамынька. У богатаго человѣка соблазна больше, особенно въ молодости... Бѣдный и согрѣшилъ бы, а денегъ-то и нѣтъ. Въ Питерѣ за все надо платить... Человѣкъ, напримѣрно, боленъ, а ежели разобрать, такъ онъ свою болѣзнь непремѣнно гдѣ-нибудь самъ же себѣ и купилъ...

— И у насъ, дунюшка, нонче пошло такое же заведенье. Мужики такъ и неровятъ въ трактиръ, а бабы и того похуже... У бабы одинъ грѣхъ.

Наговоривъ съ три короба о добродѣтеляхъ Ахметышева, Авдотья Ивановна прибавляла:

— А только у него одна привычка, мамынька: больше всего уважаетъ свой характеръ. Какъ слово сказалъ, точно топоромъ отрубилъ... Мнѣ ужъ второй годъ говоритъ: „Куплю я тебѣ домъ, Дуня, на Петербургской сторонѣ“.

— Н-но-о? Цѣлый домъ?

— А что̀ ему сто̀итъ купить? Все равно, что намъ чашку чаю выпить. Ну, я его, обыкновенно, благодарю. А онъ смѣется. „Какъ же ты, гритъ, Дуня, одна-то въ своемъ домѣ будешь жить, когда ты на дѣвичьемъ положеніи? Всякій тебя можетъ обидѣть...“

— Вѣрно, Дунюшка... Какъ разъ обидитъ! Въ Питерѣ-то озорниковъ, поди, достаточно.

— Есть и озорники, мамынька... А Гаврила Евсеичъ такъ говоритъ, что, ежели бы со мной жилъ кто-нибудь изъ родственниковъ—тогда совсѣмъ другое дѣло. Ну, я ему объяснила, что изъ родственниковъ некому жить, кромѣ сестры Степаниды. Онъ и ухватился за мои слова... Я-то такъ, спроста сказала, а онъ сурьезно ухватился.

— Ну, это онъ обманываетъ! Для чего ему Степанида понадобилась, когда онъ ее и въ глаза не видалъ?

— И я то же самое думаю, мамынька, а только очень ужъ жаль дома на Петербургской сторонѣ. Вотъ бы даже какъ хорошо было... Я даже, мамынька, во снѣ вижу этотъ самый домъ.

— Ну, это ты напрасно, Дунюшка. И поговорка такая водится: „увидалъ во снѣ узду—не видать лошади до смерти“.

— Это ваши деревенскія глупыя пословицы, мамынька. Вотъ вы и встрѣчи съ попомъ боитесь, а у насъ, въ Питерѣ, это ни по чемъ считается. Тамъ, можетъ, тысячъ пять поповъ живетъ—всѣхъ не обойдешь...

Уходя отъ дочери, старая Анисья на свѣжемъ воздухѣ приходила въ себя и думала вслухъ:

— А вѣдь Дунька все вретъ!.. Можетъ, и генерала никакого нѣтъ, а только надо сманить сестру. И какъ ловко умѣетъ зубы заговаривать. Вретъ Дунька... Ужо вотъ скажу отцу, такъ онъ ей задастъ.

Когда Авдотья Ивановна дарила матери какіе-нибудь пустяки, въ родѣ ситца на кофту, мысли послѣдней принимали другой оборотъ.

„А можетъ, Дунька-то и правду говоритъ... Мало ли добрыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ. Ну, генералъ и пожалѣлъ сначала Дуньку, а по ней и сестру Степаниду. Богатому человѣку есть чѣмъ и пожалѣть“.

Мало-по-малу домикъ на Петербургской сторонѣ сдѣлался центромъ всѣхъ мыслей Анисьи. Въ ея головѣ складывались даже такія комбинаціи: Маркычъ помретъ, избу и все хозяйство она передастъ Петькѣ, который женатъ на богатой, а сама уѣдетъ въ Питеръ къ дочерямъ.

Съ сестрой у Авдотьи Ивановны была другая политика. Степанида какъ-то дичилась и не могла привыкнуть къ городской сестрѣ. Она даже неохотно приходила въ гости и каждый разъ сильно конфузилась, когда Авдотья Ивановна дарила ей что-нибудь.

— Не надо мнѣ, Дуня... Для чего мнѣ? У меня все есть...

— А ты возьми, на всякій случай, можетъ-быть, и пригодится.

Изъ всѣхъ подарковъ Степанидѣ понравились только маленькія золотыя сережки, хотя она и не соглашалась долго ихъ взять.

— Стыдно...—объясняла она.—Засмѣютъ на деревнѣ свои дѣвушки.

— А ты ихъ не слушай. Мало ли что̀ скажутъ... Кривая Фимушка прозвала меня Дунькой-сахарницей, такъ неужели я буду обижаться? Вѣдь я ей никакого зла не сдѣлала... Такъ болтаетъ, по глупости. И никому я зла не сдѣлала, а стараюсь, какъ бы всѣмъ угодить да какъ бы получше.

Степанида не могла не согласиться съ послѣднимъ, и ей дѣлалось обидно, что кривая Фимушка смѣется надъ сестрой, а за ней и вся фабрика. Кличка „Дунька-сахарница“ гуляла уже по всей деревнѣ и на фабрикѣ, и Степанида нѣсколько разъ плакала, защищая сестру. Потомъ ее безпокоили таинственные переговоры матери съ Авдотьей Ивановной, причемъ она подозрѣвала, что дѣло идетъ о ней. Мать сильно волновалась, плакала и за глаза ругала городскую дочь.

— Безстыдница она, вотъ что̀,—повторяла Анисья, когда Маркыча не было дома.—А я, дура, ее слушала...

Братъ Петька не принималъ въ этой исторіи никакого участія и только разъ сказалъ Степанидѣ:

— А Дунька хочетъ тебя въ Питеръ увезти.

— Врешь ты все, Петька!

— А вотъ и не вру... Ее купецъ за этимъ и подсылалъ, чтобы тебя

въ Питеръ доставила. Отецъ узнаетъ, такъ вотъ какъ ее расчешетъ... Я и твоему Илюшкѣ скажу. Онъ ей ноги переломаетъ... Маминька все скрывается, а вѣдь я-то не слѣпой, все вижу.

Этотъ разговоръ Степанида со слезами передала сестрѣ. Авдотья Ивановна нисколько не смутилась, а только засмѣялась.

— Глупости они все болтаютъ, Степа... Ты вѣдь не курица, чтобы— въ мѣшокъ да на базаръ. Силой и попъ не вѣнчаетъ... Пустяки! Конечно, мнѣ тебя жаль и очень жаль, когда раздумаюсь. Только съ тебя воли никто не снимаетъ. Какъ же я тебя потащу въ городъ, когда ты не хочешь? Не овца какая-нибудь.

Эти объясненія временно успокаивали Степаниду, хотя она какъ-то и не могла вполнѣ довѣриться сестрѣ, какъ та ее ни ласкала. Авдотья Ивановна съ большимъ терпѣніемъ старалась приручить сестру и со слезами на глазахъ говорила о своемъ отъѣздѣ.

— Сейчасъ бы уѣхала, если бы не жаль было васъ,—повторяла она.— Можетъ, въ другой разъ и увидѣться не придется.

Степанидѣ дѣлалось жаль сестру, и она тоже плакала.

— О чемъ плакать?—утѣшала ее Авдотья Ивановна.—Кому что̀ на роду написано, того не обойдешь—не объѣдешь... Значитъ, мнѣ въ Питерѣ, а тебѣ въ Горушкахъ пропадать. Конечно, скучно мнѣ бываетъ: все чужіе, а свои далеко. Посидишь, поплачешь, вытрешь слезы кулакомъ—и все тутъ.

О женихѣ Илюшкѣ Авдотья Ивановна никогда не говорила ни одного слова, и эта деликатность нравилась Степанидѣ. Полежимъ, она не любила Илюшку, а все-таки женихъ, и всѣ это знаютъ.

## VI.

Горушки, конечно, принимали самое дѣятельное участіе въ судьбѣ семьи Маркыча, что̀ выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Волненіе горушкинскихъ бабъ доходило до крайности. Кума Ѳедосья и кривая Фимушка являлись коноводами и даже похудѣли за это время отъ хлопотъ. Нужно было прослѣдить каждый шагъ и Дуньки-сахарницы, и старой Анисьи, и Степаниды. Вѣдь недаромъ же прилетѣла эта жаръ-птица изъ Питера и недаромъ проживаетъ третью недѣлю. Кривая Фимушка пробовала пытать старуху Анисью, но получила самый обидный отпоръ.

— Отстань, смола!—огрызалась Анисья.—Тебѣ-то какое дѣло до насъ?

— Да вѣдь такъ, Анисьюшка, значитъ, по сусѣдству...—тараторила Фимушка.—Тоже не слѣпые мы, видимъ, какъ ты безпокоишься и въ городъ къ дочери то и дѣло полируешь.

— Не ваша забота...

— Оно конечно... А Авдотья Ивановна какъ будто и не желаетъ въ Горушки ѣздить, сумлѣвается. Тошно ей у насъ послѣ своего-то генерала...

Между собой горушкинскія бабы рѣшили, что, конечно, питерская Дунька-сахарница хитра, а старуха Анисья, пожалуй, и похитрѣе ея оказываетъ себя. Слова отъ Анисьи не добьешься.

Общественное мнѣніе Горушекъ рѣшило съ перваго появленія въ деревнѣ Дуньки-сахарницы, что она пріѣхала не за чѣмъ инымъ, какъ сманить Степаниду.

Сама-то, видно, проторговалась, такъ хочетъ еще родной сестрой поторговать. Вотъ и смущаетъ всю семью... Кому шаль, кому ситцу на платье, а любезнюющему родителю водочки.

— А вотъ какой у ней паспортъ, у Дуньки? Такъ что... пріѣхала тоже

одна дѣвушка изъ Питера въ свою деревню, а паспортъ-то ейный у станового... Порядокъ извѣстный, ежели которая себя дѣвушка потеряетъ въ Питерѣ.

Наводили по этому поводу справки черезъ офиціанта Константина, но паспортъ у Авдотьи Ивановны оказался правильный, комаръ носу не подточитъ.

— Это ей генералъ ейный выправилъ мѣщанскій паспортъ, вотъ она и форситъ,—судачили бабы.

Въ поведеніи тоже у Авдотьи Ивановны ничего особеннаго не замѣчалось. Все больше у себя въ номерѣ отсиживается. Разъ только по Волгѣ въ лодкѣ покаталась, а потомъ, въ другой разъ, съѣздила въ женскій монастырь и отслужила молебенъ за здравіе раба Божія Гавріила со сродниками.

— Какъ будто и не похоже, чтобы генераловъ Гаврилами крестили,—сомнѣвались бабы.—Совсѣмъ даже не генеральское имя, а мужицкое.

— Изъ купцовъ, слышь, генералъ-то Дунькинъ, вотъ и вышелъ—Гаврила. И Коскентинъ то же доказываетъ...

Кумѣ Ѳедосьѣ и кривой Фимушкѣ не приходила въ голову самая простая мысль, именно—обратить свое благосклонное вниманіе на Маркыча. Когда онѣ наконецъ догадались объ этомъ, то въ отчаяніи только развели руками. Вотъ ужъ прямо сказать: двѣ деревенскія дуры, у которыхъ дыра въ головѣ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онѣ подкараулили Маркыча, когда онъ несъ какую-то работу въ городъ.

— Здравствуй, куманекъ!

— И вы здравствуйте, сороки-бѣлобоки.

— Въ городъ наклался, куманекъ? Видно, Степаниду провожать?

— Какую Степаниду?

— Дочь Степаниду...

На лицѣ Маркыча явилось недоумѣвающее выраженіе, потомъ онъ посмотрѣлъ на сосѣдокъ, плюнулъ и повернулъ назадъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился и предался раздумью. Бабы опять подошли къ нему и объяснили уже все начистоту. Голова Маркыча качалась, какъ маятникъ у старинныхъ часовъ.

— А ты-то и не зналъ ничего, куманекъ?—жалѣла кривая Фимушка.—Анисья съ Дунькой-сахарницей все за тебя оборудовали.

Маркычъ обругался сначала вообще, потомъ обругалъ бабъ-болтушекъ и побрелъ въ городъ. Оно, пожалуй, выходило все вѣрно, хотя и ни одному бабьему слову нельзя вѣрить.

Въ городѣ Маркычу нужно было снести работу въ гостиный дворъ, но онъ какъ-то, самъ собой очутился въ трактирѣ „Бережокъ". Денегъ у него не было, но онъ подозвалъ Константина и рѣшительно проговорилъ:

— Давай рупь, Коскентинъ. Авдотья Ивановна отдастъ...

У Константина нашлось всего сорокъ копеекъ, и пришлось ими довольствоваться. Явились полбутылки водки и кусокъ вяленаго судака на закуску. Маркычъ выпилъ залпомъ двѣ рюмки и разсердился. Вотъ онъ вернется домой и задастъ Анисьѣ жару и пару... Ахъ, проклятыя бабы, что онѣ только вытворяютъ!.. Удумали Степаниду въ Питеръ сманивать... Хорошо. Достанется и Авдотьѣ Ивановнѣ на орѣхи, даромъ, что въ шляпкахъ щеголяетъ. Ловко хвостъ подкинула... Третья рюмка обозлила Маркыча еще больше.

— А, такъ вы вотъ какъ со мной!—думалъ онъ уже вслухъ.

— Съѣлъ бы ты яишенку, Маркычъ,—съ необычайной вѣжливостью предлагалъ буфетчикъ.—А насчетъ денегъ не безпокойся... Авдотья Ивановна за все заплатитъ. А то парочку пивца...

Такое предложеніе соблазнитъ хоть кого, тѣмъ болѣе, что водка сегодня какъ-то плохо дѣйствовала на Маркыча, точно онъ пилъ воду. Человѣкъ Константинъ тоже проявлялъ необыкновенную услужливость и предупреждалъ малѣйшее желаніе Маркыча.

Когда была подана яичница и двѣ бутылки пива, Маркычъ налилъ послѣднюю рюмку, поднесъ ее ко рту, а потомъ поставилъ на столъ и проговорилъ, обращаясь къ Константину:

— А вотъ не надобно—и конецъ тому дѣлу. Не желаемъ... Что я, пьяница какой-нибудь? Не желаемъ...

Это былъ въ „Бережкѣ", кажется, еще первый случай, когда человѣкъ не желалъ пить уже налитую рюмку. Мало того, Маркычъ смотрѣлъ на Константина и улыбался.

— Вотъ я каковъ есть человѣкъ, Коскентинъ!.. Не знаете вы Маркыча... да. Шабашъ, кончено...

Маркычъ еще ни разу не былъ въ гостяхъ у дочери, и Авдотья Ивановна очень удивилась, когда онъ вошелъ въ ея номеръ.

— Ну, здравствуй, Авдотья... Вотъ и я того, значитъ, пришелъ въ гости къ тебѣ.

Авдотья Ивановна сначала испугалась, но отецъ не былъ пьянъ и улыбался. Она его усадила и не знала, чѣмъ угостить.

— Да я того... и закусывалъ и чай пилъ,—предупредилъ ее Маркычъ.— А чаю, впрочемъ, собери... Разговоръ имѣю къ тебѣ. И даже очень просто...

Когда Константинъ подалъ самоваръ, Маркычъ, продолжая улыбаться, замѣтилъ:

— Гуляй, Матвѣй, не жалѣй лаптей... Вотъ какъ мы нынче, Коскентинъ, расширились: на печи и проѣзду не осталось.

Попивая чай, Маркычъ болталъ о разныхъ постороннихъ предметахъ, точно пришелъ съ визитомъ.

— Тошно, поди, тебѣ у насъ-то кажется?—говорилъ онъ со вздохомъ.— Темнота у насъ, грязь... вполнѣ необразованіе... Скучаешь по Питеру-то?

— Нѣтъ, пока ничего.

— Сказываютъ, у насъ тамъ духовое освѣщеніе... Свѣтлѣе, чѣмъ днемъ, а мы тутъ, какъ въ темнотѣ, барахтаемся... какъ слѣпые щенки.

По тону этого разговора Авдотья Ивановна поняла, что отецъ заведетъ рѣчь о Степанидѣ, и разсердилась на мать, которая обѣщалась крѣпко молчать. Поболтавъ о пустякахъ и выпивъ три стакана чаю, Маркычъ заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— А я на тебя, Авдотья, вотъ какъ сердитъ... Обидѣла ты меня.

— Это вы насчетъ Степаниды, батя? Мамынька даже совсѣмъ напрасно обезпокоила васъ... Такъ, простой разговоръ былъ. Мало ли о чемъ женщины промежду собой болтаютъ...

— Мать тутъ ни при чемъ. И даже совершенно наоборотъ... Я-то ничего сномъ-дѣломъ не знаю, а у насъ, въ Горушкахъ, которыя посторонніе бабы высуня языкъ бѣгаютъ. Дѣйствительно, былъ разговоръ и касаемо Степаниды... Однимъ словомъ, дуры-бабы, и больше ничего. Отъ скуки языки чешутъ...

Въ виду такого мирнаго настроенія отца, Авдотья Ивановна потребовала бутылку рябиновой наливки и сама принялась угощать. Маркычъ не отказывался, а только замѣтилъ:

— Что же, въ гостяхъ воля хозяйская... Терпѣть ненавижу я эту самую отраву.

— Все во-время, батя.

— Ежели для разговору слово, оно, конечно...

Когда половина бутылки была выпита, Маркычъ подвинулся къ дочери совсѣмъ близко и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, заговорилъ:

— А я все-таки, Дуня, того... значитъ, обида мнѣ отъ тебя вышла... Зачѣмъ, напримѣрно, ты матери все обсказала, а съ отцомъ молчкомъ? Не чужой вѣдь я тебѣ и могу вполнѣ соотвѣтствовать... Мать она, конечно, мать, а все-таки баба, какъ ее ни поверни. Я бы тебѣ не то сказалъ: бери Степаниду съ руками и ногами. Вотъ и весь разговоръ...

— У ней есть женихъ, батя...

— Женихъ?!.. Такими-то женихами въ самый разъ заборъ подпираютъ... А я все могу понимать. Пропадетъ Степанида въ Горушкахъ, и больше ничего. Вотъ такая же сибирская язва и будетъ, какъ кума Ѳедосья или кривая Фимушка. Развѣ я не понимаю?—даже весьма превосходно. Вотъ какъ даже понимаю... Родная кровь, жаль, когда на глазахъ будетъ пропадать.

Такой неожиданный оборотъ разговора какъ-то совсѣмъ ошеломилъ Авдотью Ивановну. Она боялась встрѣтить со стороны отца самый суровый отказъ, а онъ самъ предлагалъ ей именно то, о чемъ она не смѣла заикнуться. Она незамѣтно вприсѣла себѣ морфій, раскраснѣлась и разсказала откровенно отцу всю исторію домика на Петербургской сторонѣ. Маркычъ даже вскочилъ со стула и началъ ругаться.

— А объ отцѣ-то, небось, и забыла?!.. А?.. Да я... ахъ, Боже мой! Да я бы въ дворники къ тебѣ пошелъ... Сдѣлай милость... было поработано... Вотъ какъ гнулъ коробку, поясницу въ другой разъ не разогнешь, ноги отъ сидѣнья отекаютъ. А тутъ: нацѣпилъ на себя дворницкую бляху, взялъ въ руки метелку—начальство. Старуху оставилъ бы дома, пусть живетъ съ Петькой... да-да-а!.. А генералу спасибо, что онъ и о Степанидѣ позаботился. Въ глаза не видалъ—и заботится. Ну, и отца Степанидина не забылъ бы.

Собираясь уходить, захмелѣвшій Маркычъ топнулъ ногой и заявилъ съ рѣшительнымъ видомъ:

— Да что тутъ разговаривать: завтра же увози Степаниду. А потомъ я буду ждать отъ тебя письма...

## VII.

Сначала Авдотья Ивановна очень была довольна неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Оставалось только уговорить сестру, что было совсѣмъ не трудно, какъ она думала. Никто не отказывается отъ своего счастья. Конечно, деревенской простой дѣвушкѣ страшновато будетъ рѣшиться на поѣздку въ Питеръ, будетъ плакать—ну, да дѣвичьи слезы подешевле дешевыхъ бабьихъ слезъ. Съ другой стороны, раздумавшись, Авдотья Ивановна почувствовала глухое недовольство поведеніемъ деревенскихъ родителей. Какъ они оба ухватились за будущій домъ на Петербургской сторонѣ, и каждый думалъ только о себѣ. И Степаниду готовы хоть сейчасъ продать, только самимъ бы устроиться, и другъ друга тоже не жаль. Авдотья Ивановна даже всплакнула, хотя и старалась оправдать стариковъ деревенской темнотой и бѣдностью. А тутъ еще получилось письмо отъ „генерала“.

„Милая Дунечка, зажилась ты въ деревнѣ,—писалъ старикъ,—а обо мнѣ и забыла совсѣмъ. А я все жду... Лѣвая нога болитъ попрежнему, одышка мучитъ, плохо ѣмъ, плохо сплю. Ворочаюсь-ворочаюсь ночью на постели и все думаю, чѣмъ-то ты меня, голубчикъ, обрадуешь, и какъ идутъ

твои дѣла. Поцѣлуй свою милую сестричку отъ меня и скажи, что ей комната ужъ приготовлена—крайняя угловая. Тамъ ей никто не будетъ мѣшать. Будетъ сидѣть, какъ птичка въ золотой клѣткѣ. Съ нетерпѣніемъ жду и вышлю на вокзалъ лошадей", и т. д.

Это только обозлило Авдотью Ивановну, особенно напоминаніе объ угловой дальней комнатѣ, гдѣ „никто не будетъ мѣшать". Много дѣвушекъ прошло черезъ эту комнату, а въ томъ числѣ и Авдотья Ивановна.

„Ишь, что захотѣлъ, — сердито думала она, кусая губы. — Очень ужъ разлакомился... Нѣтъ, голубчикъ, это я была дурой, а Степаниду подождешь и даже очень подождешь".

А о домикѣ на Петербургской сторонѣ ни одного слова. Очень хорошо. Нѣтъ, голубчикъ, будетъ: разъ была дура дурой, а въ другой разъ—атанде, Гаврила Евсеичъ. Ваше-то лакомство большихъ слезъ дѣвушкамъ стоитъ, которыя глупыя.

Въ Горушкахъ въ это время успѣла разыграться цѣлая драма. Маркычъ началъ попивать и подъ пьяную руку проболтался женѣ, что отправляетъ Степаниду въ Питеръ съ сестрой, а потомъ и самъ туда же переѣдетъ на житье. Анисья ужасно разсердилась и на мужа и на Авдотью Ивановну. Произошла крупная ссора, причемъ разсвирѣпѣвшій Маркычъ поучилъ жену. Побитая Анисья, конечно, полетѣла въ городъ и накинулась на Авдотью Ивановну съ попреками и укорами.

— Ловко ты обошла пьянаго дурака, Дунька!.. Наговорила съ три короба, а онъ повѣрилъ... Не видать вамъ Степаниды, какъ своихъ ушей.

Авдотья Ивановна была возмущена и, давъ время матери сорвать сердце, холодно и съ достоинствомъ отвѣтила:

— Мамынька, и все это вы даже совершенно напрасно выражаете и только безъ пути себя тревожите... да. Сами вы наболтали, а я батѣ ни словечка не говорила. Ваше дѣло...

— Не заговаривай зубовъ, змѣя подколодная! Знаю, съ чѣмъ приползла къ намъ и свой хвостъ подкинула... Тебѣ только бы сманить Степаниду да продать ее своему змѣю. Все, все знаю, скверная...

Старуха пришла въ такой ражъ, что говорить съ ней было излишне. Авдотья Ивановна молчала все время, пока мать неистовствовала и всячески ее поносила. Эта политика произвела свое дѣйствіе, вѣрнѣе—Анисья почувствовала усталость и начала причитать, какъ по покойникѣ.

— Вамъ бы, мамынька, холодной воды выпить...

— Отстань!.. Всю жисть эту самую холодную воду пьемъ... Сама пей, коли нравится.

— И очень даже напрасно себя безпокоите, мамынька. И совсѣмъ мнѣ не нужно вашей Степаниды. Пусть выходитъ замужъ за какого-нибудь вахлака да и мается съ нимъ всю жисть, а вы будете любоваться да радоваться, глядя на нее. Пьяный мужъ будетъ ее бить, ребятишки будутъ сидѣть голодные.

— Охъ, вѣрно, Дунюшка! — неожиданно согласилась сразу отмякшая Анисья. — Всѣ у насъ пьяницы, ежели разобрать. Вотъ какъ всѣ пьютъ! Илюшка тоже пьетъ, когда въ артели. Когда-то пришелъ пьянешенекъ и Степаниду прибилъ. Одно слово, озорникъ.

Авдотьѣ Ивановнѣ сдѣлалось жаль матери, которая и разсердиться по-настоящему не умѣла. Она припомнила свое горькое дѣтство, пьянство отца, тяжелыя семейныя сцены и цѣлый рядъ безобразій, какихъ дѣтскимъ глазамъ и не слѣдовало бы видѣть.

— Это тебя тетка Лизавета подослала,—повторяла Анисья, вытирая слезы.—Одну племянницу сманила, теперь подсылаетъ за другой.

— Не грѣшите, мамынька... Тетка Лизавета тутъ ни при чемъ. Да и разговаривать-то намъ съ вами, мамынька, не о чемъ, ежели сказать правду. Вотъ уѣду завтра—и всему дѣлу конецъ. Надо и о себѣ подумать... Я тутъ у васъ, какъ блудливая кошка. Будетъ, всего наслушалась. Вы по-своему будете жить, я—по-своему. Только и всего.

Эта косвенная угроза напугала Анисью. А вдругъ Дунька возьметъ да и уѣдетъ: вильнула хвостомъ и была такова. Впереди было что-то въ родѣ надежды и вдругъ — ничего не останется. Какъ есть ничего... Въ головѣ Анисьи промелькнулъ цѣлый рядъ своей горушкинской жизни, и она окончательно испугалась.

— Стара я стала, Дунюшка...—заговорила она упавшимъ голосомъ.— Совсѣмъ выжила изъ ума. Вотъ и мерещится разное... Думаешь-думаешь, какъ бы все получше да по душѣ...

— А вы, мамынька, лучше ужъ совсѣмъ не думайте, — заговорила Авдотья Ивановна, обнимая мать.—Все устроится помаленьку. Бѣдностью-то своей вѣдь мы никого не удивимъ, а слезами не разжалобимъ. Только богатымъ на свѣтѣ хорошо живется.

Маркычъ началъ заходить къ дочери каждый день подъ разными предлогами и непремѣнно сводилъ разговоръ на домъ на Петербургской сторонѣ.

— Главное, чтобы онъ былъ съ мезониномъ, Дунюшка... Очень это пріятно.

— Ужъ какой будетъ,—уклончиво отвѣчала Авдотья Ивановна.—Даровому коню въ зубы не смотрятъ.

— А ты старайся, глупая. Ежели баба что̀ захочетъ, такъ она чорта за рога приведетъ.

Авдотья Ивановна грустно улыбалась, слушая льстивыя рѣчи отца. У всѣхъ у нихъ одно на умѣ, а никто не подумаетъ, каково ей за всѣхъ поворачиваться.

Степанида попрежнему какъ будто избѣгала сестры и неохотно приходила къ ней. Сама Авдотья Ивановна даже не заговаривала съ ней о поѣздкѣ въ Питеръ, предоставляя приготовить все матери. Старуха Анисья, дѣйствительно, старалась и никакъ не могла понять, что Степанида все отмалчивается и какъ будто что-то скрываетъ.

— Совсѣмъ какъ съ березовымъ пнемъ разговариваемъ,—жаловалась Анисья.—Перечить не перечитъ и соглашаться не соглашается.

Когда почва въ достаточной мѣрѣ была подготовлена, Авдотья Ивановна назначила день отъѣзда. Что̀ же! Будетъ, погостила, пора и честь знать. Ее потянуло въ Питеръ, туда, гдѣ и тепло, и свѣтло, и весело. Тотъ запасъ добрыхъ и хорошихъ чувствъ и мыслей, которыя Авдотья Ивановна везла съ собой на родное пепелище, былъ израсходованъ.

Окончательное объясненіе съ сестрой Степанидой произошло безъ всякихъ затрудненій. Дѣвушка имѣла такой покорный и даже испуганный видъ.

— Ты меня боишься, Степа?—спрашивала Авдотья Ивановна, обнимая сестру и заглядывая ей въ глаза.

— Боюсь...—откровенно признавалась Степанида.

— Тебѣ не хочется ѣхать въ Питеръ?

— Не знаю...

Потомъ Степанида расплакалась. Авдотья Ивановна начала сердиться.

— Я вѣдь тебя не тащу силой, глупая,—говорила она.—Не хочешь—оставайся дома.

Степанида продолжала плакать. У Авдотьи Ивановны мелькнула мысль объ ея женихѣ.

— Тебѣ, Степа, можетъ-быть, твоего Илюшку жаль?

— Жаль...

— Да вѣдь ты его не любишь?..

— Не люблю, а все-таки жаль... Пропадетъ онъ безъ меня. Совсѣмъ онъ глупый.

## VIII.

Осенній дождь—мелкій, назойливый, пронизывающій. Волга потемнѣла, а береговыя дали точно потонули въ водяной пыли. На перевозѣ черезъ Волгу Константинъ встрѣтилъ нѣсколько горушкинскихъ знакомыхъ мужиковъ, а на пристани его точно дожидались кривая Фимушка и кума Ѳедосья.

— Куда поволокся, Коскентинъ?

— А дѣло есть, вотъ и поволокся.

— Дунька-сахарница послала?

— Тьфу!..

— Сахаръ тащишь Маркычу?

У Константина въ рукахъ былъ порядочный свертокъ, въ которомъ, дѣйствительно, былъ и сахаръ, и чай, и французскія булки. Какъ только эти проклятыя бабы унюхали сахаръ—удивительно! Константинъ постарался скорѣе улизнуть отъ ядовитыхъ бабъ и свернулъ къ лѣсопильному заводу. Грязь стояла непролазная, и онъ съ трудомъ вытаскивалъ ноги. Приходилось останавливаться, чтобы перевести духъ. У Константина болѣли ноги отъ вѣчной трактирной бѣготни.

— Ужъ только эти бабы,—ругался Константинъ всю дорогу, пока шелъ въ Горушки.—И Авдотья Ивановна тоже хороша... Сама бы и ѣхала къ родителямъ. А то нѣтъ: „Ты ужъ, Коскентинъ, сходи... Вотъ тебѣ рупь!“. Тьфу... Конечно, я человѣкъ подневольный и всѣмъ долженъ услужить, а только не порядокъ. Эхъ, грѣхи, грѣхи!..

Константинъ любилъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ, а сейчасъ къ этому особенно располагала осенняя погода.

Появленіе Константина въ избушкѣ Маркыча произвело настоящій переполохъ. Старуха Анисья даже перепугалась, когда онъ передалъ ей свертокъ.

— Отъ Авдотьи Ивановны...—коротко объяснилъ Константинъ, дѣлая суровое лицо.

Степанида тоже была дома. Она уже третій день какъ не ходила на фабрику и собиралась въ далекій путь. Константинъ подсѣлъ къ Маркычу, раскурилъ папироску и проговорилъ:

— А я къ тебѣ, Маркычъ, насчетъ щиблетъ...

— Ахъ, ты, братецъ ты мой,—спохватился Маркычъ.—А твои щиблеты не готовы... Все собирался, а руки не дошли.

Развернувъ свертокъ, Анисья нашла въ немъ фунтъ чаю, пять фунтовъ сахару, нѣсколько французскихъ булокъ и т. д. „Съ чего это вздумалось Дунѣ передъ самымъ отъѣздомъ безпокоить себя? Успѣла бы, а то еще Коскентина посылаетъ“. Константинъ просидѣлъ битыхъ полчаса, выкурилъ три папиросы, поговорилъ о погодѣ, обругалъ своего буфетчика, а потомъ началъ прощаться.

— Ну, такъ я, Маркычъ, въ другой разъ заверну... Ты ужъ постарайся насчетъ щиблетъ.

Подойдя къ двери, Константинъ остановился, хлопнулъ себя рукой по карману и проговорилъ:

— Экая память-то дѣвичья, подумаешь!.. Вѣдь чуть не забылъ. Отъ Авдотьи Ивановны есть письмо вамъ. Вотъ разиня-то, то-есть я разиня. А еще какъ она наказывала мнѣ, чтобы въ собственныя руки и прочее.

Константинъ подалъ смятый конвертъ Анисьѣ и еще разъ хлопнулъ себя по карману,

— Опять чуть не забылъ: Авдотья Ивановна прислала Степанидѣ золотой перстенекъ... Вотъ онъ. Рублей пять, пожалуй, стоитъ.

— Это еще что за модель?—возмутился Маркычъ.

Грамотныхъ въ семьѣ не оказалось, и письмо пришлось читать Константину. Письмо было написано безграмотно, и на бумагѣ оставались слѣды слезъ. Авдотья Ивановна писала, что спѣшно уѣзжаетъ и не имѣетъ времени даже проститься.

— Уѣхала?!..—ахнули всѣ.

— А то какъ же?—равнодушно отвѣтилъ Константинъ.—Живой рукой собрались. Я и укладываться помогалъ... Укладывается, а сама плачетъ, какъ рѣка льется. Даже жаль было смотрѣть... Нашъ братъ, услужающій, всего насмотрится.

— Уѣхала?—переспрашивала Анисья, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Точно такъ-съ. Я ихъ и на вокзалъ проводилъ. Очень просила кланяться...

— Врешь ты все!..—крикнула-было Анисья.—Идолъ ты деревянный, вотъ что... Какъ же такъ, не простившись... А мы Степаниду совсѣмъ собрали въ дорогу. Вся деревня знаетъ... Что-нибудь да не такъ... Читай дальше-то, оморокъ!..

Въ письмѣ особеннаго ничего не было, кромѣ обычныхъ поклоновъ, испрашиванія на вѣки нерушимаго родительскаго благословенія и обѣщанія прислать пятнадцать рублей, а на приданое Степанидѣ особо.

Анисья принялась по обыкновенію голосить и накинулась на Константина чуть не съ кулаками.

— Да ты не скрывайся, идолъ! Говори всю правду...

— А мнѣ что говорить—мое дѣло сторона. Всѣмъ долженъ уваженіе дѣлать—только и всего по нашей трактирной части.

— Да вѣдь она говорила тебѣ что-нибудь, когда укладывалась?

— Извѣстно, говорила, и даже очень говорила. Гритъ, не хочу сестру губить... Себя потеряла, гритъ, такъ пусть сестра человѣкомъ будетъ и чтобы, гритъ, она безпремѣнно шла замужъ за Илюшку. Вотъ даже какъ наказывала... Онъ, гритъ, хоша и корявый, то-есть Илюшка, а все же будетъ настоящій правильный мужъ. И приданое, гритъ, справлю все, какъ слѣдуетъ, только пусть выходитъ.

Это былъ ударъ грома для всей семьи. Анисья заставила Константина перечитать письмо еще два раза и переворачивала каждую фразу на всѣ лады, чтобы добиться настоящаго смысла.

— Да, можетъ, она разсердилась на что-нибудь?—допытывалась она.—Можетъ, мало ее уважали?..

— Нѣтъ, этого ничего не говорила,—старался припомнить Константинъ.—А только сказала, что „силовъ моихъ нѣтъ ѣхать прощаться съ родителями. Какъ, гритъ, Степанида пожалѣла своего жениха, такъ у меня,

гритъ, точно что̀ оборвалось на сердцѣ“. И себя бранила... „Скверная, гритъ, я,—сманить сестру хотѣла, и только напрасно, гритъ, родителей на сумлѣнье навела“.

Въ избѣ поднялся вой, какъ по покойникѣ, и Константинъ юркнулъ въ дверь. На крыльцѣ его догналъ Маркычъ и, остановивъ за рукавъ, спросилъ шопотомъ:

— А какъ же, напримѣръ, домъ на Петербургской сторонѣ? Ничего она тебѣ не наказывала?..

— Насчетъ дома какъ будто разговору не было... Нѣтъ, ничего не говорила. А ты вотъ щиблеты-то мнѣ выправь...

Маркычъ только махнулъ рукой.

---

# СУБЪЕКТЪ.

## I.

— Что же вы смотрѣли, Жоржъ? Гдѣ вы были все время?—съ раздраженіемъ въ голосѣ спрашивала Анна Павловна.—Теперь я могу говорить съ вами откровенно, потому что все кончено... Ахъ, Боже мой, Боже мой... Я говорю о моей бѣдной Эллисъ, точно она умерла... И умерла. Да... Нѣтъ Эллисъ! Понимаете вы это, несчастный вы человѣкъ?.. И знаете: если кто виноватъ во всей этой исторіи, такъ вы...

— Я?!...

— Да, вы... вы... вы!..

Жоржъ вытянулъ губы, поднялъ брови и сквозь зубы издалъ неопредѣленный звукъ. Это былъ совсѣмъ приличный молодой человѣкъ, т.-е. молодой человѣкъ относительно: подъ тридцать, а можетъ, и за тридцать лѣтъ. Петербургскіе молодые люди въ этомъ отношеніи удивительный народъ,—какъ будто и молодой, какъ будто и старикъ. Во всякомъ случаѣ, онъ находился въ томъ критическомъ возрастѣ, когда мамаши, имѣющія взрослыхъ дочерей, относятся къ такимъ молодымъ людямъ съ особенной материнской внимательностью. Ничего особеннаго Жоржъ, конечно, не представлялъ, но зато былъ приличенъ безусловно. Всегда одѣтъ прилично, какъ одѣваются солидно-богатые люди, всегда гладко выбритъ, спокоенъ и сдержанъ. Правда, что у этого типа молодыхъ людей лицо является точно дополненіемъ всѣхъ остальныхъ приличій, но вѣдь Жоржъ не готовился быть опернымъ пѣвцомъ, адвокатомъ, моднымъ дамскимъ портнымъ—слѣдовательно онъ могъ обойтись даже и совсѣмъ безъ лица. Онъ бывалъ въ домѣ около трехъ лѣтъ, сдѣлался почти своимъ человѣкомъ, а между тѣмъ Анна Павловна только сейчасъ замѣтила, что у Жоржа русые волосы, предательски начинавшіе рѣдѣть на макушкѣ, маленькія уши, неопредѣленнаго цвѣта глаза и правильный носъ, совершенно правильный, точно онъ былъ взятъ съ какого-то другого лица. Анна Павловна посмотрѣла на Жоржа прищуренными глазами, чувствуя, какъ ненавидитъ его теперь всей душой вотъ именно—за приличіе.

— Скажите, пожалуйста, Жоржъ, сколько вамъ лѣтъ?—спросила она совершенно неожиданно даже для самой себя.

— Мнѣ?.. Гм... Вопросъ довольно смѣлый, Анна Павловна, и... и, говоря между нами, запоздалый.

— Подъ сорокъ,—рѣшила Анна Павловна, довольная, что хоть этимъ можетъ кольнуть его.—Вонъ у васъ гусиныя лапки около глазъ появляются... макушка лысѣетъ... однимъ словомъ, подержаный джентльменъ.

— Если хотите, я согласенъ на все...

— Вы меня возмущаете, Жоржъ... Я нарочно послала за вами, чтобы сообщить эту ужасную вѣсть... Даже сразу не рѣшалась сказать вамъ всего прямо, чтобы не убить васъ такой неожиданностью. А вы... Я знаю, что вы любите Эллисъ. Да?..

— Да...

— У васъ было объясненіе, я знаю... Помните, когда вы ѣздили на тройкахъ? Эллисъ вернулась такая взволнованная... Бѣдная дѣвочка воображала, что я ничего не вижу, не понимаю и не чувствую, точно родилась старухой... Впрочемъ, это общая ошибка всѣхъ молодыхъ людей. Что̀ же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?..

— Виноватъ, я не понялъ хорошенько вашего вопроса...

— Ахъ, Боже мой! Да вы каменный столбъ какой-то... Было у васъ объясненіе съ Эллисъ?..

— Да...

— Ну, и что̀ же?

— Она просила подождать...

— Чего подождать?

— Она хотѣла серьезно подумать... Вообще не рѣшалась...

— Вы дѣлали ей предложеніе?

— То-есть какъ вамъ сказать... гм... Я сказалъ, что очень ее люблю...

— Ну да,—это совершенно одно и то же... Порядочный молодой человѣкъ не будетъ шутить подобными словами. Конечно, Эллисъ стѣснялась мнѣ объяснить все, потому что... Ахъ, это было такое деликатное, нѣжное созданіе...

Анна Павловна прибѣгла къ помощи своего надушеннаго кружевного платка, чувствуя, что въ ея годы даже плакать некрасиво. Вѣдь хорошо только молодое горе, и только оно вызываетъ искреннее сочувствіе, а старыя слезы никому не нужны. Вотъ сейчасъ у ней опухнутъ вѣки, по лицу пойдутъ какія-то ржаво-красныя пятна, подъ глазами выступятъ мѣшки, и вся кожа на лицѣ приметъ такой противный, дряблый видъ, какъ всякая старая кожа. Рано посѣдѣвшіе волосы придавали Аннѣ Павловнѣ эффектный видъ—это единственное, что̀ у нея оставалось, а прежней красоты не было и въ поминѣ. Да она и помирилась съ собственной старостью, помирилась во имя своей Эллисъ, въ которой начинала жить повторенной жизнью, какъ всѣ матери. О, ея Эллисъ будетъ застрахована отъ тѣхъ спеціальныхъ ошибокъ, которыя съ такой роковой послѣдовательностью повторяются всѣми женщинами и которыя непоправимы. Прежде всего молодыя дѣвушки совсѣмъ не знаютъ, что̀ такое мужчина, потому что видятъ всего двухъ-трехъ молодыхъ людей и въ этихъ предѣлахъ дѣлаютъ свой выборъ. Эллисъ вращалась въ большомъ кругу и быстро усвоила себѣ равнодушно-ироническій тонъ по отношенію къ молодымъ людямъ. Она ставила даже втупикъ своими смѣлыми отвѣтами и находчивостью. Въ этомъ получалась пикантная прелесть: молоденькая дѣвушка держала себя, какъ понимающая все женщина. И вдругъ Анна Павловна требовала сочувствія отъ Жоржа, а тотъ только вѣжливо мычалъ.

— У васъ не кровь въ жилахъ, а мутная вода!—заявила Анна Павловна, выходя изъ себя окончательно.—Упустить такую дѣвушку, какъ Эллисъ... Ну, скажите, гдѣ вы были раньше? Что̀ вы думали? Вѣдь вы ужъ прошли весь кругъ вашихъ скверныхъ удовольствій: всѣ кабаки, ces dames, легкія интрижки съ замужними женщинами,—оставался послѣдній шагъ. Я знаю, что у васъ есть небольшое состояніе, какая-то тамъ служба, ну, однимъ словомъ, вамъ нужно было жениться на Эллисъ. Понимаете, что я говорю съ вами, откинувъ всякую материнскую гордость, потому что меня это убиваетъ...

Быстро поднявшись, Анна Павловна сдѣлала туръ по комнатѣ, шурша шелковымъ платьемъ о мебель,—ея гостиная была заставлена всевозможной мебелью, какъ въ мебельномъ магазинѣ.

Жоржъ слѣдилъ за ней прищуренными глазами, и чуть замѣтная улыбка скользнула по его губамъ. Право, эта Анна Павловна была еще ничего, особенно, когда повертывалась спиной: такой высокій ростъ, стройная фигура, однимъ словомъ, женщина вполнѣ, если бы не поблекшее прежде времени лицо.

— Что же вы молчите, Жоржъ?

— Что же я скажу, Анна Павловна?

Гостиная, гдѣ происходилъ настоящій разговоръ, по наружному виду говорила о привычкахъ къ настоящей, солидной и тяжелой роскоши; но опытный глазъ замѣтилъ бы, что вся эта обстановка точно омертвѣла. Кое-что нужно было подновить, кое-что убрать, кое-что прибавить, а главное—не чувствовалось уже здѣсь живой руки, которая любовно слѣдила бы за всѣми этими мелочами обстановки. Разнохарактерная мебель толпилась здѣсь по старой привычкѣ, потому что нужно же было гдѣ-нибудь стоять. Анна Павловна уже давно не слѣдила за ней, довольствуясь настоящимъ. Если заводить, такъ заводить все новое, а Эллисъ ничего не нужно. Странная это дѣвушка, и даже это дѣвичье равнодушіе къ ней идетъ.

Въ заключеніе сцены съ Жоржемъ, Анна Павловна достала письмо Эллисъ и прочла его съ нѣкоторыми купюрами.

— „Тебя удивитъ это письмо, моя родная",—читала Анна Павловна, наслаждалась своимъ собственнымъ горемъ.—„Тебя удивитъ"... Конечно, удивитъ, хоть до кого доведись!.. „Меня тоже удивляетъ, и я до сихъ поръ не могу понять, какъ все это случилось". А вотъ я такъ понимаю: Эллисъ—ребенокъ, и будь она при мнѣ—никогда ничего подобнаго не случилось бы. Поѣхала погостить къ теткѣ въ провинцію на двѣ недѣли, и теперь... извольте радоваться... Въ послѣднюю зиму у Эллисъ сильно измѣнился цвѣтъ лица, и я сама настояла на этой поѣздкѣ. Да... „Мой мужъ—какъ мнѣ странно писать это слово!—мой мужъ, вѣроятно, тебѣ не понравится съ перваго раза, а потомъ ты сама его полюбишь. Есть люди, къ которымъ нужно привыкнуть—Сергѣй именно такой человѣкъ"... Воображаю, хорошъ гусь! „Онъ изъ старинной дворянской семьи, имѣетъ небольшія средства"... Нѣтъ, довольно, довольно! Я больше не въ состояніи... Развѣ *это* походитъ на мою Эллисъ?.. Нѣтъ, я увѣрена, что это было временное сумасшествіе, и даже наука признаетъ такіе случаи.

— Д-да...—протянулъ Жоржъ, разсматривая выхоленные ногти.—Конечно... А какъ фамилія этого... гм...

— Этого субъекта, вы хотите сказать? И фамилія вульгарная: Сергунинъ, Сергѣй Владимировичъ... Нѣтъ, я въ отчаяніи... Даже, знаете, я начинаю сомнѣваться въ подлинности этого настоящаго письма... Не мистификація ли?.. Вѣдь вы знаете руку Эллисъ, вотъ посмотрите...

Жоржъ взялъ смятое письмо, внимательно разсмотрѣлъ знакомый тонкій почеркъ и даже прочиталъ маленькую приписку, пропущенную Анной Павловной: „Скажу тебѣ, мама, по секрету, что я счастлива и очень люблю моего Сергѣя"...

— Дда...—промычалъ Жоржъ, возвращая письмо.

— Что—да?..

— Это ея рука... Писала Эллисъ. Да...

Вся эта сцена ужасно утомила Анну Павловну. Она вышла изъ своей обычной роли выдержанной свѣтской женщины и даже говорила совсѣмъ дру-

гимъ языкомъ, почти вульгарно, чего съ ней тоже не случалось раньше. Правда, дома она не любила стѣсняться выраженіями, но это было только дома, безъ постороннихъ глазъ. Жоржъ даже удивился, когда Анна Павловна заговорила съ нимъ именно этимъ домашнимъ языкомъ. Это даже немного покоробило его въ первую минуту, а потомъ онъ пожалъ плечами, какъ человѣкъ, привыкшій прощать женщинамъ все. Напримѣръ, сейчасъ— для чего Анна Павловна вызвала его, Жоржа? Чѣмъ онъ можетъ быть ей полезенъ?.. Именно женская логика только и могла придумать подобную нелѣпость. Въ повѣренные Жоржъ не годился, утѣшать не умѣлъ, а женскихъ слезъ не выносилъ. Высидѣвъ ровно столько времени, сколько требовало приличіе, Жоржъ поднялся.

— Вы уходите?—съ какимъ-то ужасомъ прошептала Анна Павловна, хватая его за руку.—Какъ же я... я останусь одна?.. А я еще считала васъ близкимъ человѣкомъ, почти роднымъ...

— Что̀ же я могу сдѣлать для васъ, Анна Павловна?..

— Вотъ именно отъ васъ я не ожидала этого... Бываютъ такія положенія, когда женщина чувствуетъ себя беззащитной и безпомощной... когда ей нужна твердая мужская рука... Да... Если бы живъ былъ покойный Nicolas... Да, этого ничего не случилось бы...

Для чего была потревожена тѣнь покойнаго Nicolas, для чего Анна Павловна театральнымъ жестомъ приложила платокъ къ глазамъ? Это ужъ было слишкомъ... Жоржъ зналъ, что „покойный Nicolas“ являлся въ этомъ домѣ только парадной тѣнью, призываемой только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ дѣйствительности это былъ очень скромный старичокъ-генералъ, женившійся въ преклонномъ возрастѣ на очень молодой особѣ. Анна Павловна хотѣла занять мѣсто въ обществѣ, быть богатой, и промѣняла на эти блага свою молодость и красоту. При такихъ условіяхъ семейная жизнь, конечно, существовала только для общества, хотя Анна Павловна и неособенно компрометировала своего генерала. Завершился этотъ союзъ рожденіемъ Эллисъ. Nicolas былъ въ восторгѣ, знакомые поздравляли его и улыбались. Впрочемъ, старикъ не долго наслаждался новымъ счастьемъ и скоро умеръ, оставивъ Аннѣ Павловнѣ солидное состояніе. Пока Эллисъ фигурировала въ роли куколки, Анна Павловна успѣла кое-что взять у жизни, и Жоржъ слыхалъ о ея подвигахъ много пикантныхъ подробностей. Но въ свое время все прошло. Анна Павловна успокоилась и посвятила себя окончательно воспитанію Эллисъ. Обращеніе къ тѣни покойнаго Nicolas вызвало на лицѣ Жоржа новую улыбку. О, милыя женщины, милыя до несправедливости!..

— Я съ вами серьезно хочу посовѣтоваться,—заговорила Анна Павловна дѣловымъ тономъ.—Будьте мужчиной и выслушайте меня... Я убѣждена, что Эллисъ сдѣлала свое замужество въ состояніи полной невмѣняемости. Женщины такъ легко поддаются гипнотизму и внушеніямъ... да. Да, я убѣждена и поэтому хочу начать хлопоты о расторженіи этого несчастнаго брака. У меня есть кой-какія связи, наконецъ я сама отправлюсь къ митрополиту...

Голова Жоржа сдѣлала отрицательное движеніе, а потомъ онъ сдѣлалъ большіе глаза.

— Поймите, ради Бога, одно, что я мать, что Эллисъ моя... и только моя. Я всѣмъ пожертвовала для нея, и если бы покойный Nicolas...

— Нѣтъ, это нужно оставить, Анна Павловна,—рѣшительно заявилъ Жоржъ.—Если не хотите показаться смѣшной... Да... Вы только скомпрометируете и себя и Эллисъ.

Послѣдняя фраза придавила Анну Павловну, какъ могильная плита. Показаться смѣшной? Да, онъ правъ, этотъ Жоржъ...

II.

„Субъектъ“ явился совершенно неожиданно,—онъ умѣлъ дѣлать все неожиданно. Анна Павловна еще лежала въ постели, когда горничная Маша подала ей на серебряномъ подносикѣ визитную карточку. Кто бы могъ ворваться въ домъ ни свѣтъ ни заря?

— Что же, ты не могла сказать, что я еще сплю?—накинулась Анна Павловна на горничную.—Не знаешь даже этого...

— Я имъ говорила, но они велѣли передать карточку, а сами прошли въ гостиную...

— Интересно, кто это можетъ распоряжаться въ моемъ домѣ! Кто—*они?*

— Незнакомый мужчина...

Пробѣжавъ карточку, Анна Павловна почувствовала, какъ у нея затряслись руки и ноги. Это онъ, субъектъ... Она, противъ обыкновенія, быстро поднялась съ постели и принялась за очень сложный утренній туалетъ. Горничная, подавая воду и полотенце, замѣтила, какъ барыня волнуется, и поэтому сдѣлала безнадежно-глупое лицо.

А „субъектъ“ расхаживалъ по гостиной и тоже волновался. Это былъ средняго роста, коренастый и плотный провинціалъ съ русой бородкой и волнистыми темными волосами. Широкое русское лицо съ мягкимъ носомъ и добрыми сѣрыми глазами было полно какой-то тяжелой рѣшимости. Онъ останавливался, пощипывалъ бородку и опять начиналъ торопливо шагать, точно хотѣлъ унять какую-то неугомонную мысль. Черная пара сидѣла на немъ почти мѣшковато,—какъ одѣвается старое московское барство. Именно такой костюмъ шелъ къ его фигурѣ и русскому лицу, не вызывая мысли о щегольствѣ или рисовкѣ,—здѣсь костюмъ являлся въ служебной роли, какъ всякая другая необходимая вещь.

„Однако эта madame любитъ заставлять себя ждать...“—думалъ онъ, морща густыя брови

Ему пришлось прождать, по меньшей мѣрѣ, часъ, несмотря на то, что Анна Павловна торопилась самымъ добросовѣстнымъ образомъ. На обстановку онъ обратилъ вниманіе какъ разъ настолько, насколько она мѣшала ему свободно двигаться. Къ чему нагорожено здѣсь столько ненужныхъ вещей? Впрочемъ, онъ нѣсколько разъ внимательно обвелъ комнату глазами, точно провѣряя томившую его безпокойную мысль. Да, вотъ здѣсь выросла его Эллисъ, а всякая обстановка до извѣстной степени отражаетъ на себѣ привычки и вкусы хозяевъ. Но что могли отвѣтить ему эти диванчики, козетки, пуфчики, столики и стеганыя кресла, кромѣ того, что время здѣсь проходило въ томительномъ петербургскомъ бездѣльѣ, въ погонѣ за удовольствіями и сытой скукѣ? Нѣтъ, это была грустная ошибка, что Эллисъ провела столько лѣтъ именно здѣсь... Онъ какъ-то враждебно оглянулъ еще разъ гостиную, быстро повернулся на каблукахъ и чуть не сшибъ съ ногъ Анну Павловну, которая величественно приближалась къ нему своими неслышными шагами.

— Виноватъ, madame...

Она смѣрила его съ ногъ до головы и опустилась на ближайшее кресло.

— Что вамъ угодно отъ меня, милостивый государь?—спросила она тихимъ голосомъ умирающей жертвы.—Вы врываетесь ко мнѣ въ домъ, позабывъ всякія приличія, даже то, что я женщина, что я наконецъ старуха...

— Я думалъ... Простите, Анна Павловна,—бормоталъ субъектъ, расте-

рявшись отъ неожиданнаго пріема.—Не ушибъ ли я васъ? Я думалъ, что мы встрѣтимся нѣсколько иначе...

— Вы думали? Кто вамъ далъ такое право? А я думала совсѣмъ другое, милостивый государь... Да-съ. Я думала, что если человѣкъ украдетъ что-нибудь, нѣтъ, хуже—ограбитъ на большой дорогѣ, то, по крайней мѣрѣ, такой человѣкъ не является въ домъ ограбленнаго съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Законъ караетъ такого грабителя, противъ него общественная совѣсть, наконецъ онъ самъ смутно сознаетъ свою вину... Внѣ закона стоитъ только случай самаго ужаснаго грабежа, именно, когда воруютъ дочерей. И вы еще разсчитывали на другую встрѣчу!.. Вѣдь я васъ совсѣмъ не знаю, да, можетъ-быть, и не пожелаю знать никогда: этого права никто у меня не отниметъ. Сейчасъ мы говоримъ на разныхъ языкахъ, но вы семейный человѣкъ, можете сдѣлаться отцомъ и тогда... Вы не проводили безсонныхъ ночей надъ колыбелью ребенка, вы не дрожали за его жизнь, вы не отдавали ему всего себя, не ждали долгихъ-долгихъ лѣтъ, пока изъ ребенка вырастетъ большой человѣкъ, наконецъ вы не трепетали за его будущность—да, ничего этого вы не испытали и поэтому являетесь съ такой смѣлостью въ тотъ самый домъ, въ которомъ не успѣла еще остыть память о любимомъ существѣ, гдѣ каждая мелочь напоминаетъ о его дѣтствѣ и юности, гдѣ сейчасъ разоренное гнѣздо... Кто вы такой?..

— Прежде всего, я имѣю смѣлость считать себя порядочнымъ человѣкомъ, Анна Павловна,—глухо отвѣтилъ „субъектъ", проведя рукой по волосамъ.—А затѣмъ, все, что вы сейчасъ высказали, только дѣлаетъ вамъ честь, если бы... если бы я могъ вѣрить вамъ.

— Вы, кажется, принимаете меня за тещу изъ юмористическаго журнала?..

— Нѣтъ... Скажу одно: фактъ существуетъ, слѣдовательно, такъ или иначе, необходимо съ нимъ примириться.

— Онъ существуетъ для васъ, а не для меня. Да... Меня никто не спрашивалъ о согласіи, никто не совѣтовался со мной...

— Въ этомъ случаѣ, вамъ остается только представить себѣ, что я пришелъ къ вамъ сейчасъ именно за такимъ совѣтомъ...

— Да? Я тоже скажу вамъ откровенно, милостивый государь, что вы сдѣлали громадную ошибку... да. Я это должна вамъ сказать... Вы не знали ни той обстановки, въ которой выросла ваша жена, ни ея привычекъ, ни того круга, къ которому она принадлежитъ по своему рожденію и воспитанію. И что же вы можете предложить взамѣнъ всего этого? Вашу любовь? Ха-ха!.. Какое счастье для Эллисъ!.. Больше: благодѣяніе... Ее любитъ какой-то неизвѣстный человѣкъ—нѣтъ, это кружитъ даже мою голову. Я васъ должна принять съ распростертыми объятіями, подавленная величіемъ совершившагося факта...

„Субъектъ" неожиданно заходилъ по гостиной, заложивъ руки за спиной, точно прогуливался по собственному кабинету. Это уже было слишкомъ... Анна Павловна смотрѣла на него большими глазами и не могла проронить ни одного звука. А у него въ головѣ вихремъ пронеслись свои мысли... О, сколько онъ желалъ сейчасъ высказать вотъ этой бонтонной дамѣ, но слова замирали на языкѣ, и только кровь стучала въ головѣ.

— Да, мы говоримъ на разныхъ языкахъ...—тихо началъ онъ, быстро останавливаясь и глядя прямо въ глаза Аннѣ Павловнѣ.—Пока могу сказать только одно: спросите Эллисъ, счастлива ли она. Она здѣсь и можетъ вамъ отвѣтить сама...

— Эллисъ здѣсь?.. Эллисъ...

Вся выдержка, весь гордый тонъ Анны Павловны смѣнились изнемогающей слабостью, именно тѣмъ, чего она такъ боялась. Эллисъ здѣсь и не пришла первой, не бросилась къ ней на грудь... О, она сумѣла бы защитить бѣдную дѣвочку, успокоить, приласкать, открыть глаза... Гдѣ же она? Гдѣ Эллисъ?..

— Отчего же она не здѣсь?—растерянно шептала Анна Павловна.—Я ей не чужая... По крайней мѣрѣ такой была раньше... Отчего она не пріѣхала прямо ко мнѣ въ домъ?

— Вы забыли одно: Эллисъ не одна...

— Ахъ, да... Я и забыла! Что же, вы нашли, что Эллисъ не могла остановиться у родной матери?.. Это очень опасно... да?.. Вотъ до чего я дожила!

— Видите ли, я разсчитывалъ переговорить съ вами кой о чемъ, но сейчасъ убѣдился, что это невозможно...

— Я высказала все, и мнѣ больше нечего говорить. Надѣюсь, что мы понимаемъ другъ друга... Что касается Эллисъ, то можете ей передать... передать...

Анна Павловна расплакалась самымъ глупымъ образомъ. Рыданія ее душили.

— Вамъ, вѣроятно, смѣшно видѣть мои слезы?..—шептала она.—Уходите... Я не нуждаюсь въ сочувствіи...

„Субъектъ“ что-то растерянно бормоталъ, но Анна Павловна не могла его слушать и даже не замѣтила, какъ онъ исчезъ. Вотъ это мило: оставить женщину въ такой моментъ... Звѣрь, и тотъ имѣлъ бы больше чувства. И это человѣкъ, которому принадлежитъ Эллисъ?.. Бѣдная, несчастная Эллисъ...

Анна Павловна серьезно слегла въ постель, разбитая, уничтоженная, жалкая. Поднялись старыя мигрени, которыя умѣла успокаивать одна Эллисъ. Да, она одна... Анну Павловну охватило подъ конецъ какое-то холодное отчаяніе и молчаливое озлобленіе. Ну что же, скверно, вся жизнь проиграна, впереди ничего,—ну и что же? А ничего... Пусть все идетъ къ чорту.

Анна Павловна забылась, а когда открыла глаза - у ея изголовья сидѣла Эллисъ. Она стала еще лучше, чѣмъ была раньше. Въ этомъ красивомъ женскомъ лицѣ проступило какое-то новое выраженіе, серьезное и глубокое. Все такая же стройная, свѣжая, красивая, а лицо другое. Анна Павловна молча прижала къ своей груди эту чудную головку съ тонкимъ профилемъ, молча цѣловала эти золотистые волосы, бѣлую точеную шейку, большіе сѣрые глаза съ такими тяжелыми длинными рѣсницами, и въ то же время не могла освободиться отъ мысли о „субъектѣ“ съ его неуклюжей фигурой, вульгарнымъ лицомъ и всѣмъ складомъ провинціала. Эллисъ чувствовала эту мысль и стыдливо прятала лицо на материнской груди.

— Мама, я такъ счастлива...—шептала она.

— Ты? Счастлива?!.. О, несчастная!

Анна Павловна однимъ жестомъ отстранила Эллисъ и молча осмотрѣла ее, отыскивая признаки сумасшествія. Она счастлива... Эллисъ счастлива... Анна Павловна истерически расхохоталась, а Эллисъ сидѣла рядомъ, опустивъ глаза.

— Есть, милая, вещи, о которыхъ не принято говорить... изъ приличія,—съ разстановкой проговорила Анна Павловна, дѣлая такой жестъ, точно отгоняла мухъ.—Понимаешь? Я не хочу знать этого субъекта.

— Ахъ, мама, мама...

— Ни слова!.. Всему есть границы, мѣра и названіе. Я прошу у тебя такъ немного... Никогда, ни одного слова!

— Но онъ меня такъ любитъ... безумно любитъ...

— Замолчи, несчастная!..

Наступила тяжелая пауза. Въ головѣ Анны Павловны бурнымъ потокомъ неслись самыя горькія мысли, и она не могла ихъ высказать. Эллисъ молчала, придавленная своимъ собственнымъ настроеніемъ. Да и что̀ она могла сказать, когда мать не желала ея понимать? Это была ужасная минута.

— Мама, я тебѣ должна сказать одну вещь...—заговорила Эллисъ въ припадкѣ необыкновенной рѣшимости: она такъ долго готовилась къ этому роковому объясненію.—Ты въ состояніи меня выслушать серьезно?

— Я все въ состояніи перенести теперь...

Эллисъ сдѣлала паузу, пощипала какую-то бахромку у своего платья, взглянула на мать сбоку и проговорила:

— Мама, мнѣ не слѣдовало выходить замужъ...

— О!..

— Не потому, почему ты думаешь, мама... *Онъ* слишкомъ меня любитъ, и въ этомъ все несчастіе. Это какое-то безумное чувство... Онъ молится на меня и плачетъ въ то же время... Однимъ словомъ, я не сказала ему многаго, о чемъ обязана была предупредить. Ты меня понимаешь?..

— Эллисъ... что̀ я слышу? Ты... ты...

— Да, мама, я нехорошая... Я была такая глупая... Вѣдь нелѣпо связывать нравственность съ...

— Молчи, молчи, ради Бога, молчи!.. Ты меня сегодня убила два раза... Гдѣ же онъ, этотъ мерзавецъ, который могъ обмануть тебя и бросить?!.. Гдѣ онъ?!.. Говори...

— Это была одна минута физическаго безумія, только одна минута... Я его даже не любила.

— Гдѣ онъ? Кто, онъ?

— Ты его знаешь...

Голова Анны Павловны безсильно упала на подушку. А, вотъ въ чемъ дѣло... Интересно, что̀ теперь будетъ дѣлать субъектъ!.. Да, милая комбинація... Анна Павловна уже назвала про себя Жоржа. Да, это онъ, онъ... Ахъ, мерзавецъ, а она еще сегодня разговаривала съ нимъ, какъ съ другомъ. Но гдѣ же у Эллисъ были глаза?.. Это такая холодная, расчетливая натура, и вдругъ... Нѣтъ, это что-то невозможное. Эллисъ нарочно клевещетъ на себя, чтобы примирить ее съ тѣмъ несчастнымъ.

— Это ты придумала?—спросила Анна Павловна какимъ-то умоляющимъ голосомъ.

Эллисъ закрыла лицо руками.

Анна Павловна нѣсколько времени оставалась неподвижной, какъ человѣкъ, упавшій съ большой высоты, а потомъ проговорила совершенно спокойно:

— Твоему субъекту ничего не остается, какъ только убить Жоржа... Да, всякій порядочный человѣкъ долженъ такъ сдѣлать.

## III.

Сергунины остановились въ одномъ изъ лучшихъ отелей. У Сергѣя Владимировича были и родные и знакомые въ Петербургѣ, но онъ никуда не

показывался, пригнетенный одной мыслью. Цѣлые дни онъ оставался дома, шагалъ по своему номеру и курилъ папиросы до одуренія. Эллисъ уѣзжала къ матери и проводила часть дня тамъ. Ея удрученный видъ нагонялъ на него тоску еще больше.

— Сережа, поѣдемъ домой,—повторяла Эллисъ каждый день.—Въ деревнѣ такъ хорошо...

— Да, поѣдемъ... Мнѣ нужно здѣсь кончить только одно дѣло.

Затѣмъ онъ подсаживался къ ней, обнималъ ее одной рукой, смотрѣлъ ей въ глаза и говорилъ:

— Эллисъ, ты меня любишь?

— Къ несчастію, да...

— Почему къ несчастію?..

— Потому что въ этомъ и мое и твое несчастіе. Ты видишь, что я съ тобой сдѣлалась совсѣмъ другая... Теперь мнѣ Петербургъ противенъ, и я удивляюсь, какъ я могла раньше здѣсь жить. Ахъ, Сережа, Сережа...

Онъ сжималъ ея руки и шепталъ:

— Эллисъ, Эллисъ...

Въ ея отсутствіи онъ каждый разъ переживалъ пытку. О, если бы она знала все, то не оставляла бы его одного! Это было ужасное состояніе... Онъ даже боялся выходить на улицу. Ему казалось, что встрѣчные останавливались и съ обиднымъ сожалѣніемъ смотрѣли на него. Онъ старался угадать тайную мысль, сквозившую на этихъ лицахъ: „Это тотъ самый Сергунинъ... мужъ Эллисъ, которая... Однимъ словомъ, счастливая парочка“.

Еще хуже было оставаться одному въ номерѣ. Когда все стихало, Сергунинъ начиналъ испытывать припадки какого-то дѣтскаго страха. Онъ слышалъ свои мысли—именно слышалъ. Больше,—онъ ихъ почти видѣлъ, съ такой яркостью онѣ проходили въ его головѣ. Въ немъ съ страшной силой боролись два противоположныхъ чувства—любовь къ женѣ и ненависть къ ней же. Счастье проходило минутами тяжелаго забытья, а затѣмъ начиналось ревнивое похмелье; за каждой улыбкой, за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ Эллисъ онъ чувствовалъ *другого* человѣка. О, какъ онъ ее любилъ и какъ ненавидѣлъ... А выходъ былъ только одинъ: бросить ее и все позабыть. Вѣдь это такъ часто дѣлается, на каждомъ шагу, и никто не обвинилъ бы его. Но на этомъ пунктѣ заканчивалась логика, и начинался тяжелый сумбуръ. Во-первыхъ, Сергунинъ рѣшительно не могъ себѣ представить, какъ онъ будетъ жить одинъ, безъ Эллисъ, безъ милой, любимой Эллисъ; во-вторыхъ, онъ давно ей простилъ все, нѣтъ—онъ даже не обвинялъ ее ни въ чемъ (развѣ Эллисъ можетъ быть въ чемъ-нибудь виновата?); наконецъ, его сердце наполнялось щемящей жалостью къ ней, и еще наконецъ—она его любила, а любовь очищаетъ все, все освящаетъ и все животворитъ.

— О, безумецъ, безумецъ...—шепталъ Сергунинъ, хватаясь въ ужасѣ за голову.—Какое я имѣю наконецъ право обвинять? Развѣ у меня не было своего прошлаго, какъ у всякаго мужчины? Наконецъ все это такъ грубо, какая-то зоологическая правда...

Но эти хорошія, любящія, нѣжныя мысли смѣнялись сейчасъ же тяжелыми сомнѣніями, недовѣріемъ и угнетеннымъ состояніемъ. Развѣ онъ зналъ что-нибудь о прошломъ Эллисъ? Ничего, кромѣ того, что оно было и что разсказала ему сама Эллисъ... Но вѣдь она не могла всего разсказать изъ естественнаго чувства самозащиты, стыда и просто изъ сожалѣнія къ нему. Вотъ проклятое слово: сожалѣніе... Все, что угодно, только не сожалѣніе. Кулаки Сергунина сжимались, онъ начиналъ задыхаться, въ ушахъ шумѣло...

Иногда такъ продолжалось цѣлый день, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума. Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ, не отдавая себѣ отчета, что̀ дѣлаетъ, онъ заявился къ Аннѣ Павловнѣ. Это было часовъ въ десять ночи, и Анна Павловна даже струсила.

— Вы меня такъ напугали, Сергѣй Владимировичъ...—проговорила она съ легкимъ упрекомъ.

— А что̀?

— У васъ такой странный видъ...

Но онъ уже не слышалъ ея словъ и погрузился въ свою сумасшедшую задумчивость. Сѣлъ въ кресло, опустилъ голову и сидитъ. Анна Павловна наблюдала его нѣсколько времени, а потомъ подошла, положила руку на плечо и проговорила:

— Мнѣ васъ отъ души жаль...

— Что-о?..

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и посмотрѣлъ на нее совсѣмъ дикими глазами.

— Т.-е. я сочувствую вамъ,—поправилась Анна Павловна, отступая.— Т.-е. я понимаю ваше положеніе... И, знаете, на вашемъ мѣстѣ я... Вы *его* знаете?..

— Да...

— И что̀ же вы думаете дѣлать?..

— Я его убью...

Анна Павловна молча и крѣпко пожала ему руку. Съ ней говорилъ сейчасъ настоящій мужчина, а не тряпка. Она теперь ненавидѣла Жоржа, какъ умѣютъ ненавидѣть только смертельно оскорбленныя женщины. Молчаливое одобреніе вырвавшагося признанія служило только продолженіемъ ея собственныхъ мыслей. Затѣмъ она подсѣла рядомъ и тѣмъ же ласковымъ полушопотомъ начала говорить, какая Эллисъ славная, какъ она страдаетъ, какъ любитъ и какою тяжелой цѣпой платитъ за свою дѣтскую довѣрчивость. Она была обманута самымъ позорнымъ образомъ, обманута, какъ ребенокъ, и кѣмъ же? Человѣкомъ, который былъ принятъ въ домѣ, въ порядочности котораго не могло быть сомнѣнья и который заслуживаетъ только одного... Да, это былъ настоящій смертный приговоръ Жоржу, и Анна Павловна, наблюдая искаженное лицо зятя, впередъ торжествовала.

— Нужно быть мужчиной...—шептала она, провожая зятя.

А онъ уходилъ отъ нея въ какомъ-то туманѣ, точно приговоренный къ смерти. Для него теперь все было ясно, и онъ во всѣхъ мелочахъ рисовалъ себѣ картину того, что̀ будетъ. Правда, въ душѣ далекимъ эхомъ проснулось прошлое—своя провинція, родная семья, довѣрчивые простые люди, воспоминанія дѣтства и юности. Господи, неужели онъ когда-нибудь думалъ, что дойдетъ до такихъ звѣриныхъ мыслей? А впереди кровь... скамья подсудимыхъ... можетъ-быть, каторга. Но главное—облегчить наболѣвшее, истерзанное сердце, снять мертвую тяжесть съ души и вздохнуть легко хоть одинъ разъ. По натурѣ онъ не былъ злымъ человѣкомъ, но теперь весь точно замеръ на одной мысли... Устранится причина страданій, обида будетъ смыта кровью, и онъ смѣло можетъ смотрѣть всѣмъ въ глаза. Онъ даже видѣлъ себя на скамьѣ подсудимыхъ, слышалъ свою короткую оправдательную рѣчь: „Я ее безумно любилъ“... Въ этой фразѣ сконцентрировалась вся его жизнь. Да, онъ всѣмъ это скажетъ, открыто скажетъ, а тамъ будетъ то, что̀ будетъ. Хуже той каторги, которую онъ сейчасъ вынашивалъ въ своей душѣ, хуже этого ничего не можетъ быть.

Адресъ Жоржа онъ получилъ отъ Анны Павловны, т.-е. она сунула ему какую-то бумажку, и онъ прочиталъ ее только на улицѣ. Нужно было итти на Вознесенскій. Сергунинъ отправился прямо туда, чтобы не терять напрасно времени. Опредѣленнаго онъ сейчасъ ничего не имѣлъ въ виду, а только желалъ встрѣтить этого таинственнаго врага и переговорить съ нимъ. Кто онъ такой, какой у него видъ, какіе глаза, какой голосъ—все, все увидѣть своими глазами. Въ глазахъ у Сергунина двоилось, такъ что онъ съ трудомъ отыскалъ номеръ дома. У Жоржа была своя очень приличная квартира. Дверь отворилъ приличный „человѣкъ"

— Дома?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Не можетъ быть: сейчасъ полночь. Ты скрываешь.

— Раньше пяти утра баринъ не приходятъ, а то и совсѣмъ не ночуютъ.

— А днемъ когда бываетъ онъ дома?

— Разное... Въ другой день и совсѣмъ не бываютъ, ежели къ знакомымъ заберутся.

Видимо, лакей лгалъ по-сказанному, какъ по-писаному, скрывая барина. Сергунинъ засмѣялся ему въ лицо, повернулся и пошелъ обратно.

— Баринъ, какъ о васъ доложить?

— Никакъ... Я зайду на-дняхъ.

Ясно было одно, что Жоржъ трусилъ и принялъ свои мѣры. О, жалкій и ничтожный человѣкъ... Именно эта подлая трусость придала Сергунину новыя силы. Да, онъ отыщетъ этого подлаго труса на днѣ морскомъ, онъ его настигнетъ, какъ карающая судьба... Скрываются только низкіе людишки, которые напоминаютъ убѣгающее скверное насѣкомое.

На другой день Сергунинъ былъ на квартирѣ Жоржа пять разъ и пять разъ не засталъ его дома. Теперь не оставалось уже тѣни сомнѣнія: Жоржъ прятался, какъ клопъ.

На третій день Жоржа тоже не оказалось дома. Лакей все приставалъ съ фамиліей.

— Да вѣдь ты знаешь меня,—сказалъ въ послѣдній разъ Сергунинъ.—И баринъ знаетъ...

— Они, точно, приказывали, что ежели, значитъ, придетъ одинъ господинъ изъ евреевъ... по вексельной части...

Сергунинъ сунулъ лукавому рабу ассигнацію и прекратилъ свои напрасные визиты, потому что этимъ путемъ, очевидно, ничего не добьешься, а даже напротивъ—Жоржъ со страху улизнетъ изъ Петербурга. Необходимо, слѣдовательно, добывать его другимъ путемъ.

— О, я тебя добуду, трусишка! — говорилъ вслухъ Сергунинъ, ощупывая лежавшій въ карманѣ револьверъ.

Дома онъ старался ничѣмъ не выдать своихъ плановъ и даже принималъ веселый видъ. Эллисъ наблюдала его такими пытливыми глазами и, кажется, еще никогда не была такъ красива, какъ въ эти моменты: бровки сдвинуты, губы складывались по-дѣтски серьезно, а въ глазахъ плавали какія-то блестки.

— Мы скоро уѣзжаемъ въ деревню,—повторялъ Сергунинъ, лаская ее.— Тебѣ вѣдь тамъ нравится?.. Мы заживемъ тихо и мирно. Будемъ трудиться...

— Да, да... Только, ради Бога, скорѣе.

— О, скоро, скоро!..

Бѣдняжка, она ничего не подозрѣвала!

Часто, когда Эллисъ засыпала, онъ прислушивался къ ея ровному дыханію, точно хотѣлъ подслушать тѣ мысли, которыя теперь незримо переливались въ этой чудно-красивой головкѣ. Гдѣ эти мысли витаютъ? Съ какой радостью онъ отдалъ бы всю свою жизнь, только раскрылась бы эта душа и сняла съ него сомнѣнія, тревогу и муки. А если она, Эллисъ, его не любитъ? А если онъ совершенно напрасно мучитъ себя?.. Не разъ онъ будилъ жену, чтобы лишній разъ спросить ее, любитъ ли она его.

— Ты меня пугаешь Сережа... — шептала она, обнимая его. — Люблю, люблю... Развѣ ты этого не чувствуешь?.. Вѣдь *этого* нельзя разсказать никакими словами, а только можно чувствовать...

— Милая, милая...

На мгновеніе онъ почти пьянѣлъ, и тѣмъ тяжелѣе было пробужденіе. Онъ зналъ эти приступы глухой мертвой тоски по горловымъ спазмамъ и старался ее парализовать разными искусственными средствами. А главное все-таки найти *его*, свой позоръ, свое несчастіе...

Убѣдившись, что на квартирѣ поймать Жоржа невозможно, Сергунинъ рѣшился разыскать его въ одномъ изъ тѣхъ кабаковъ, гдѣ живутъ изо дня въ день этого сорта люди. Но это оказалось гораздо тяжелѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, потому что всѣ эти привилегированные кабаки, модные рестораны и разные веселые уголки вызывали въ его воображеніи цѣлый рядъ самыхъ ревнивыхъ картинъ. Вѣдь это цѣлая школа, которую проходятъ даже семейные петербургскіе люди. Онъ здѣсь встрѣчалъ женщинъ и дѣвушекъ совсѣмъ приличныхъ, принадлежавшихъ къ обществу и пропитывавшихся этимъ ядомъ грубаго уличнаго и тонкаго заугольнаго веселья. Да, и его Эллисъ прошла ту же школу... Она даже сама мелькомъ разсказывала иногда объ этихъ притонахъ, съ наивной предосторожностью ссылаясь на третьихъ лицъ. Она тоже была пропитана этимъ тайнымъ кабацкимъ ядомъ и, можетъ-быть, даже вспоминала о немъ съ тайнымъ вздохомъ.

О, это была медленная пытка, ужасная и безпощадная! Вѣдь здѣсь веселилась его Эллисъ, здѣсь она впитывала въ себя міазмы столичной прожорливой улицы и здѣсь потеряла все то, чѣмъ такъ онъ полонъ, онъ, наивный провинціалъ, еще не утратившій чувства омерзѣнія, здоровой гадливости. Сколько нужно времени, чтобы вытравить изъ нея самое воспоминаніе объ этихъ зараженныхъ мѣстахъ и удовольствіяхъ, и только одна любовь можетъ ее спасти.

Разъ, когда онъ ходилъ по одному изъ такихъ загородныхъ садовъ, вглядываясь въ лица и отыскивая своего врага, его вниманіе обратилъ на себя господинъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столикомъ. Молодой человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, одѣтъ безукоризненно, какъ одѣваются этого сорта молодые люди. Сергунинъ даже вздрогнулъ: это былъ онъ, Жоржъ... Чтобы провѣрить себя, Сергунинъ досталъ его фотографію, тайно врученную ему Анной Павловной, и сравнилъ. Да, это былъ онъ... У Сергунина пошли мурашки по спинѣ. Наступила желанная минута. Чтобы не выдать своего волненія, онъ отправился въ буфетъ и залпомъ выпилъ двѣ рюмки коньяку. Потомъ онъ прошелъ мимо своего тайнаго врага, охваченный страхомъ, что тотъ убѣжитъ. Но Жоржъ сидѣлъ у своего столика въ той же скучающей позѣ и соломинкой тянулъ какое-то пойло изъ высокаго стакана.

— Вѣдь это, кажется, Жоржъ?—обратился Сергунинъ къ старому лакею.

— Они-съ...

Сергунинъ даже улыбнулся, счастливый собственной находчивостью. Вѣдь въ этихъ кабакахъ всѣ завсегдатаи извѣстны подъ своими домашними клич-

ками,—это одна семья. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сергунинъ удивлялся, что въ такую минуту его могли забавлять такіе пустяки.

Прежде чѣмъ подойти, онъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ. Мимо двигалась тысячная толпа праздныхъ людей, точно волна. Но Сергунинъ больше никого не замѣчалъ, охваченный какой-то томящей жаждой поскорѣе увидѣть, какъ вотъ этотъ самый Жоржъ испугается, поблѣднѣетъ, сдѣлаетъ жалкое лицо и даже, можетъ-быть, побѣжитъ.

— Можно занять это мѣсто?—вѣжливо сказалъ Сергунинъ, подойдя къ Жоржу.

— Пожалуйста... — лѣниво отвѣтилъ Жоржъ, не выпуская своей соломинки.

Сергунинъ непріятно былъ пораженъ своимъ собственнымъ голосомъ, точно это говорилъ не онъ, а кто-то другой — хрипло и непріятно. Затѣмъ ему пришлось перевести духъ, точно онъ взобрался на высоту. А Жоржъ продолжалъ сосать свою соломинку, ничего не замѣчая. Это равнодушіе еще больше возмутило Сергунина, придавъ ему силы.

— Вы, вѣроятно, не знаете меня...—обратился онъ къ Жоржу, стараясь произносить слова твердо и отчетливо.—Моя фамилія—Сергунинъ...

На него поднялись апатичные глаза Жоржа—и только. Впечатлѣніе выразилось неопредѣленнымъ звукомъ, выпущеннымъ сквозь зубы.

— Сергунинъ?.. Ахъ, да... Чѣмъ могу служить вамъ?..

Спокойствіе Жоржа подняло въ Сергунинѣ всю кровь. Онъ не спускалъ глазъ съ врага и, подавая свою визитную карточку, проговорилъ уже вызывающимъ тономъ:

— Предоставляю, конечно, вамъ выборъ оружія, мѣста и времени...

Жоржъ внимательно прочиталъ карточку, адресъ ея владѣльца и, лѣниво поднявъ глаза, спросилъ:

— Вы провинціалъ?..

— Да... Но, надѣюсь, это къ дѣлу не относится, тѣмъ болѣе, что мы, кажется, понимаемъ другъ друга безъ словъ...

— Это... это вызовъ на дуэль?..

— Да...

Жоржъ выпустилъ свою соломинку, откинулся на спинку садоваго стула и заговорилъ своимъ равнодушнымъ тономъ:

— Я понимаю ваше настроеніе и... даже сочувствую вамъ. Да... Но вѣдь дуэль — самая несправедливая вещь... да. Я понимаю, что вы будете стрѣлять въ меня, но не понимаю, что̀ вамъ за охота подставлять свою голову. Вѣдь вы ничего дурного не сдѣлали... да? Вы — оскорбленный человѣкъ, и несправедливо именно вамъ рисковать своей жизнью.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ нравоученій!..

— Но вѣдь я могу же высказать свое убѣжденіе, принимая вашъ вызовъ?

— Убѣжденіе? Ха-ха...

Жоржъ смутился, пожевалъ губами и тоже улыбнулся. Придвинувшись ближе, онъ внимательно оглядѣлъ своего противника и заговорилъ, не повышая тона:

— Представьте себѣ такую комбинацію: вдругъ я убиваю васъ... Помимо того, что я отниму жизнь у хорошаго человѣка, я еще сдѣлаюсь посмѣшищемъ. Всѣ будутъ указывать на меня пальцами: „Вотъ этотъ Жоржъ убилъ на дуэли оскорбленнаго мужа“. Въ моемъ положеніи показаться смѣшнымъ—это граница самаго послѣдняго. Я наконецъ чувствую, что вы дѣйствительно хорошій человѣкъ, полезный членъ общества, прекрасный семья-

нинъ, и вдругъ я, Жоржъ, убью васъ... По какому праву?.. Дуэль можетъ быть только на равныхъ основаніяхъ, и я, защищаясь, сдѣлаю величайшую несправедливость.

— Я васъ не понимаю. Можетъ-быть, вы трусите?.. Тогда я васъ заставлю принять вызовъ... Вы скрывались все время отъ меня, но я все-таки нашелъ васъ и найду, если бы вы вотъ убѣжали сейчасъ.

— Я? Скрываюсь?.. Ахъ, да, это мой лакей напуталъ... Представьте себѣ, онъ принялъ васъ за одного изъ моихъ кредиторовъ.

Сергунинъ поднялся съ видомъ человѣка, которому нечего больше говорить. Безстрастный тонъ Жоржа его обезкуражилъ. Онъ ожидалъ совсѣмъ не такого эффекта. Жоржъ тоже поднялся.

— Послушайте...—заговорилъ Жоржъ, подбирая слова.—Говоря откровенно, мнѣ драться на дуэли просто смѣшно. Да... Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если просто... да, просто возьмете и убьете меня. Я говорю совершенно серьезно... Я самъ давно подумывалъ объ этомъ, но какъ-то не хватало силенки. Ну, васъ будутъ, конечно, судить... потомъ, конечно, оправдаютъ. Всѣ симпатіи на вашей сторонѣ... Прошу васъ объ одномъ: ради Бога, не волнуйтесь и цѣльтесь вѣрнѣе, чтобы—крикъ! и—наповалъ... Серьезно вамъ говорю.

Сергунинъ неожиданно сѣлъ. Вся энергія оставила его разумъ. Гдѣ онъ? До какихъ предѣловъ можетъ дойти человѣческое ничтожество? И его Эллисъ такая же... Когда пройдетъ чадъ призрачнаго чувства, что̀ останется? Развѣ она могла любить,—она вѣдь такая же, какъ всѣ... Нѣтъ, это уже слишкомъ... А Жоржъ, не торопясь, раскурилъ свою сигару, галантно раскланялся и, не торопясь, исчезъ въ публикѣ.

Поздно ночью садовая публика была встревожена выстрѣломъ въ отдѣльномъ кабинетѣ. Тамъ лежалъ на полу съ прострѣленной головой Сергунинъ. На столѣ валялась оставленная имъ записка о томъ, чтобы въ смерти его никого не обвинять.

— Какой странный субъектъ!—спокойно замѣтила Анна Павловна, когда на другой день узнала объ этомъ происшествіи.

---

# Оглавленіе

## VIII тома.

стр.

Общій любимецъ публики. Романъ . . . . . 3

## Золотая лихорадка.

### Очерки и разсказы.

На „Шестомъ номерѣ" . . . . . 101
Золотая ночь . . . . . 128
Хищная птица . . . . . 162
Злой духъ . . . . . 178
Ната . . . . . 195

## Повѣсти и разсказы.

Золотая муха . . . . . 218
Бѣдный чортъ . . . . . 245
Другъ артистовъ . . . . . 255
Она придетъ . . . . . 262
По желанію публики . . . . . 268
Буянка . . . . . 279
Куку . . . . . 344
Человѣкъ съ прошлымъ . . . . . 392
Судъ идетъ . . . . . 444
Городская сестра . . . . . 465
Субъектъ . . . . . 480

494383
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ... [П.В.Быков]
v.8. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
[P.V.Buikov]]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED